

РУССКАЯ СТАРИЦА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Мих. Ив. СЕМЕВСКАГО.

ИЗДАНИЕ ОСНОВАНО 1-го января 1870 г.

1890 г.

ЯНВАРЬ. — ФЕВРАЛЬ. — МАРГЪ.

ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЯТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1890.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

RS

1890.

РУССКАЯ
СТАРИНА

С ПЕРВОГО
СЪЕДИНЕНІЯ
СЪ ПЕРВЫМЪ
СЪЕДИНЕНІЕМЪ
СЪЕДИНЕНІЕМЪ
СЪЕДИНЕНІЕМЪ

ШЛ
БОЛТИНЪ
ВИЗИНЪ

СПЕРАНСКІЙ
КАРАКЗИНЪ
МОРАВЪНОВЪ
РЫЛОВЪ
ЕРМОЛОВЪ
ТРИКОЛЬДЪ
ПЛУШКИНЪ

СМЕНИ ДВОРЕЦЪ И ГЛАВНОЕ АДМИРАЛЪ И ТЪ ВЪ 1753 Г.

Гр. Н. Яковлевъ
1878г.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ».

Библиотека "Руниверс"

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 г.

ВЪ ЗАПИСКАХЪ АННЫ ИЛЬМИШНЫ ЗОЛОТУХИНОЙ.

V¹⁾.

Наконецъ, настаетъ тотъ ужасный день 25 ноября (1812 г.); полку велѣно выходить въ 9 часовъ утра, а Матя хотѣлъ, чтобы, посадя меня въ сани, ѣхать самому къ баталіону; не знаю въ 10 часовъ или ранѣе мы прощаемся съ Матей; описать то, что было со мною при разставаньи, никакъ не могу. Мнѣ не было дурно, я глядѣла во всѣ глаза, но ничего не видѣла; Вивулинъ проводилъ меня до заставы и я поѣхала одна въ саняхъ, а въ другихъ дѣвка. Стужа была такъ велика, что люди всѣ переznобились, а я въ одной шубѣ и ничего не чувствовала, сидѣла и даже не плакала; человѣку нашему показалось, что я озябла, онъ надѣлъ на меня свою шинель. Проѣхавъ 50 верстъ безъ остановки, я вспомнила, что я не завела часы, вынимаю ихъ и вижу, что еще одиннадцать часовъ; они остановились; говорю: „какъ рано“, но кучеръ говоритъ, что солнце уже сѣло; тутъ я пришла немного въ себя, слезы полились изъ глазъ и сердце немного облегчилось; я вообразила, что я почти съ Матей не простилась, казалось, что я его не прижимала къ стѣсенной горестью груди своей, казалось онъ меня мало цѣловалъ и тоска опять овладѣла мною. Въ такомъ положеніи я доѣхала уже къ вечеру до сестрицы Надежды Ивановны; какъ я вошла къ ней, то Татьяна Ивановна, видя мои страданія, дала мнѣ капель; я много

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1889 г., т. LXIV, ноябрь, стр. 257—288.

плакала, она хотѣла дать мнѣ обѣдать, но могла ли я, разставшись съ Матей, ѣсть чтонибудь. Почувствовавъ, что я очень озябла, я попросила чаю; видя мою грусть, они всѣ очень разстроились сами; я у нихъ ночевала; лежа въ постелѣ я всю ночь не переставала плакать. Отобѣдавъ у нихъ, поѣхала домой, и чѣмъ ближе подъѣзжала къ дому, тѣмъ ужаснѣе было мое положеніе, тѣмъ больше тоска раздирала мое сердце, всѣ тѣ мѣста, гдѣ Матя бывалъ со мною, были оплаканы; подъѣзжая къ пикетамъ, гдѣ они кордонъ держали у Ови, я плакала, а проѣзжая ту квартиру, гдѣ я родила Митю, вспомя все его (т. е. мужа) о мнѣ попеченіе и нѣжную заботливость, рыданія мои усилились еще болѣе; пріѣхавъ домой и увидя домъ свой и дѣтей, я лишилась чувствъ и меня уже втащили въ комнаты; матушка и сестра также очень разстроились, дѣти даже и самыя маленькія, чувствовали ту тягость, которая лежала у меня на сердцѣ, большіе плакали, маленькіе боялись подойти ко мнѣ; а какъ тяжело мнѣ было войти въ спальню, быть тамъ одной безъ милаго моего Мати! всякая комната нѣсколько разъ была оплакана мною такъ, что даже маленькій мой Саша лишь только меня увидитъ, то кинется ко мнѣ на руки и, къ образамъ протянувъ ручонки, говоритъ: „дай Богъ папу“ и кланяется,—онъ ничего больше не говорилъ. Невозможно описать какъ тяжело мнѣ было видѣть дѣтей, они всѣ молились съ большимъ усердіемъ о миломъ своемъ папенькѣ. Я клала Лидиньку съ собой на постель спать, а Зинаидину кровать поставила возлѣ своей; я не могла спать; грусть моя не только не уменьшалась, но часъ отъ часу возрастала; я проводила почти всѣ ночи въ слезахъ или молилась о своемъ Матѣ и просила Царя Небеснаго о нашемъ соединеніи; всѣ наши сосѣди пріѣзжали ко мнѣ, одни, чтобы узнать о своихъ, другіе меня провѣдать, но ничто не могло меня отвлечь отъ моей тоски, она безпрестанно терзала меня; многіе бранили меня, другіе дивились моему отчаянію, но оно не уменьшалось. Цѣлую недѣлю я не имѣла извѣстія о миломъ другѣ сердца моего и выходила изъ себя; матушка съ сестрой собрались ѣхать къ Елагинымъ на нѣсколько дней, я осталась одна съ дѣтьми; мнѣ казалось, что лучше остаться одной и свободно предаваться своему горю.

Однажды по утру я только что выхожу внизъ, Яшка Фе-

доровъ говорить мнѣ, что онъ слышалъ, будто въ Тарусѣ есть у перевозчика письмо ко мнѣ отъ Мати; въ ту же минуту я поспѣшила послать въ Тарусу, но человекъ встрѣтилъ на пути перевозчика, который ѣхалъ ко мнѣ и везъ письмо, которое я оплакала и перечитывала тысячу разъ; сначала радуюсь, что имѣю извѣстіе, что мой Матя здоровъ, а послѣ, рассчитавъ сколько времени писано уже это письмо, воображаю, что по отправленіи этого письма Богъ знаетъ что съ нимъ дѣлается, можетъ стужа чрезвычайная, можетъ быть онъ простудился и боленъ, можетъ еще того хуже; Богъ знаетъ чего не придумывала и такъ терзалась ежеминутно. Матушка поѣхала, я перевела въ свою комнату Анночку и Машеньку, но грусть мою ничто не могло облегчить; я не была покойна ни минуту, думая постоянно, что мой милый Матя въ какой нибудь опасности или боленъ; мнѣ казалось, что я его никогда не увижу и эта убійственная мысль безпрестанно терзала меня. Думая облегчить эту ужасную грусть, я ѣздила къ нѣкоторымъ сосѣдямъ. но ничто не помогало; была у Викулиной, поплакала съ ней, ѣздила къ Пушкинымъ, получила отъ неогнѣннаго друга своего еще письмо; онъ писалъ мнѣ всякій день по страничкѣ и по нѣсколько вмѣстѣ присылалъ; я писала къ нему безпрестанно, но онъ не получалъ моихъ писемъ. Во время нашествія французовъ наши почты въ нѣкоторыхъ губерніяхъ еще не были установлены; не смотря на это, я просиживала надъ письмами почти цѣлыя ночи и признаюсь, писавши, все плакала; но эти слезы только и утѣшали меня; читала его письма, разбирала которыя нѣжиѣ написаны и опять укладывала въ ларчикъ; поѣхала къ старшей сестрицѣ Надеждѣ Ивановнѣ, взявъ съ собою старшихъ дѣтей; матушка была еще тамъ; я привезла ей письма своего милаго Мати, но читать ихъ никакъ не могла; Барвара Ивановна читала ихъ, а я опять плакала. Пробывъ тутъ двое сутокъ, я поѣхала домой, ѣздила къ Пушкиной и провѣдала дѣтей Авсаковыхъ; увидя ихъ однихъ, вспомнила опять всѣ обстоятельства и также поплакала. Такимъ образомъ я провела время до 20 декабря (1812 г.). Всѣ твердили, что ополченіе должно непременно возвратиться въ январь, полагали, что въ немъ нѣтъ никакой нужды, всѣ такъ говорили, а я думала иначе, и то, что всякій шагъ моего Мати удалялъ его отъ меня, не выходило у

меня изъ мысли; думали мы съ Пушкиной, что если они остановятся въ Рославль, то непременно ѣхать къ нимъ хотя повидаться.

20 декабря получаю я черезъ оказію письмо отъ милого своего Мати, онъ пишетъ мнѣ, что имъ велѣно идти въ Минскъ и что есть слухи, что и на Цесарскія границы; только тотъ, кто любилъ такъ, какъ я любила своего Матиньку, и былъ въ разлукѣ, можетъ понять, что я чувствовала, получивъ это письмо: надежда скоро увидѣть его совсѣмъ исчезла, къ тому же я знала, что съ нимъ денегъ не такъ много; какъ доставить ихъ къ нему! Боже мой, какое это было мучительное положеніе, я не знала что дѣлать; рѣшаюсь ѣхать просить Богданова нельзя ли перевести нашъ баталіонъ въ Тулу или черезъ него послать деньги, такъ какъ онъ посылалъ ордера къ нашимъ, чтобы по крайней мѣрѣ хоть деньги переслать къ Мати; ѣду въ Тулу, беру съ собою Анночку и Машеньку, чтобы не быть одной на квартирѣ; заѣзжаю къ Викулиной; по пути пишу къ Мати, заготавливаю письмо, думая съ вѣрной оказіей послать, конечно, писавши горько плачу; пріѣзжаю въ Тулу въ 10 часовъ утра, посылаю къ Александру Ивановичу Богданову, онъ пріѣзжаетъ ко мнѣ черезъ нѣсколько минутъ, говорю ему съ чѣмъ я пріѣхала въ Тулу; на это онъ сообщаетъ мнѣ, что тульское ополченіе идетъ уже не въ Минскъ, а въ Витебскъ, что Николай Ивановичъ получилъ ордеръ отъ Кутузова, чтобы ни одного человѣка изъ всего тульскаго ополченія въ Туль не оставалось, слѣдовательно нѣтъ возможности возвратить нашъ баталіонъ; я прошу, чтобы переслать къ Мати мое письмо и деньги съ ордеромъ въ нашъ полкъ. Онъ говоритъ, что письмо возможно, но деньги нельзя, потому что тульское ополченіе не состоитъ уже подъ ордерами его брата, что онъ зависитъ отъ свѣтлѣйшаго и что Богдановъ уже ни одного ордера не станетъ посылать ни въ одинъ полкъ; сказываетъ, что губернаторъ боленъ, а губернаторши нѣтъ въ городѣ; все это меня еще больше разстроило и горестъ моя усилилась; мнѣ хотѣлось видѣть губернатора и самой отъ него узнать вѣрно ли все это; Александръ Ивановичъ сказалъ мнѣ, что его дочь и дочь губернатора пріѣдутъ послѣ обѣда повидаться со мною на мою квартиру; въ 4 часа прислали онѣ ко мнѣ человѣка сказать, что онѣ не могутъ быть у меня, потому что

пріѣхала губернаторша: я обрадовалась ея пріѣзду, потому что это подало мнѣ надежду увидѣть губернатора; ко мнѣ пріѣхалъ Тихменевъ; увидя меня, уговаривалъ, чтобы я не такъ плакала, но возможно ли это въ разлукѣ съ Матей! Вечеромъ присылаетъ меня звать къ себѣ Пушкина; она также пріѣхала просить губернатора о доставленіи письма къ мужу, но получила отвѣтъ, что у него нѣтъ оказіи доставить его; я поѣхала къ ней, она мнѣ говоритъ, что Месновъ (онъ остался въ Тулѣ, не пошелъ въ походъ съ полкомъ) получилъ отъ полковника ордеръ принять изъ комитета жалованье и привезти въ полкъ, но что онъ самъ не ѣдетъ, а посылаетъ людей; я тотчасъ посылаю къ нему съ письмецомъ просить его, чтобы онъ мое письмо и деньги тутъ же доставилъ къ Мати; онъ тотчасъ же пріѣзжаетъ ко мнѣ, берется доставить, предлагаетъ мнѣ, нѣтъ ли нужды больше послать, чтобы я взяла у него сколько мнѣ нужно, но я не хотѣла этого, просила доставить то, что было со мною; на другой день я поѣхала съ обоими дѣтьми обѣдать къ губернаторшѣ; она мнѣ очень обрадовалась; Александръ Ивановичъ предложилъ, если будетъ повѣрнѣе оказія, послать своихъ денегъ къ Мати, сколько я велю ему, а послѣ увѣдомить меня и я тогда возвращу ему ихъ; но я не приняла и его предложеніе, знала, что это пустяки; мнѣ очень хотѣлось видѣть губернатора, но сколько я ни заговаривала объ этомъ разными манерами, губернаторша меня не понимала; Александръ Ивановичъ все затворяетъ дверь въ спальню и самъ бѣгаетъ отъ меня, старается, чтобы я съ нимъ не завела опять той же матеріи, потому что я ему много говорила прежде. Наконецъ, губернаторъ, узнавъ, что я у нихъ присылаетъ меня просить къ себѣ въ спальню; я тотчасъ пошла къ нему, повторила ему просьбу мужа, которую передавала уже его брату, и получила точно такой же отвѣтъ; я напомнила ему его обѣщаніе и то, что онъ покойно лежитъ на кровати, а наши въ такіе жестокіе морозы то туда, то сюда ходятъ; мнѣ было такъ грустно, что я наговорила ему много неприятностей; онъ конфузился, не зная что мнѣ отвѣчать, говорилъ, чтобы я отдала ему письмо къ Мати, что онъ его доставитъ вѣрно, однако, вѣрность эта вмѣстѣ съ письмомъ вмѣстѣ пропала; Матя не получила его; губернаторъ сказалъ мнѣ, что есть слухи, что тульское ополченіе возвратится, но я видѣла, что это пустяки; онъ

обѣщала также, что какъ скоро произойдетъ какая перемѣна, то Александръ Ивановичъ чрезъ нарочнаго увѣдомить меня; они воображали, что этой пустой надеждой можно утѣшить убитое горестью сердце; мнѣ было у нихъ такъ тяжело, что я спѣшила уѣхать; бывъ въ такой жестокой тоскѣ, больно было смотрѣть на спокойныхъ людей; тутъ же всѣ собирались на балъ и дѣлали наряды, а тому, кто такъ страдалъ душою, какъ я, все это еще болѣе усиливало тоску. Я поѣхала домой; губернаторъ сказалъ мнѣ, чтобы я привезла письмо къ своему Мати, онъ уже какъ нибудь постарается доставить, хоть чрезъ Миллера. На другой день, рано утромъ, поѣхала я къ брату Аѳанасію Ивановичу; пріѣхала къ нему; они только что отобѣдали, очень мнѣ обрадовались, поплакали со мною; переночевавъ у нихъ и отобѣдавъ, я поѣхала опять въ Тулу; пріѣхавъ, написала письмо къ своему милому другу и вечеркомъ повезла къ Богданову; просидѣла у него съ часъ; письмо отъ меня взяли и положили на бюро, я думаю, оно и теперь тамъ лежитъ; губернаторъ сказалъ мнѣ, что онъ не помнитъ отъ кого слышалъ, что будто ополченіе скоро вернется и что если онъ узнаетъ, что это правда, то съ нарочнымъ меня увѣдомить, но я совсѣмъ не надѣялась на его обѣщаніе, видѣла ясно, что оно дано мнѣ для того, чтобы я перестала напоминать ему его прежнія обѣщанія.

Пріѣхавъ на квартиру, я послала къ Месному деньги и другой пакетъ съ письмами къ своему Мати и, переночевавъ еще одну ночь въ Тулѣ, рано поутру поѣхала домой, остановилась кормить лошадей у Николы, для того, чтобы сходить въ церковь и отслужить молебенъ; священника не было дома, но дьяконъ отперъ церковь и я съ дѣтьми помолилась въ ней. Вечеромъ, дорогой, у меня такъ разболѣлась грудь, что я не въ силахъ была доѣхать домой, заѣхала къ Викулиной и, напившись горячаго, легла спать; вставъ по утру, грудь продолжала болѣть у меня и я хотѣла тутъ отдохнуть, поэтому осталась обѣдать; столъ уже накрыли, когда пріѣхала Анна Алексѣевна, я взглянула въ окошко и увидала свою лошадь и человѣка; меня это немного встревожило, я хотѣла подойти ближе, чтобы посмотрѣть, но Викулина, заглянувъ въ окно, закричала: «вонъ, нашего ополченія»; я узнала Гаврюшку, и мы обѣ побѣжали на дворъ, Басвакова удерживала насъ, но мы ничего не слушали; выбѣжавъ на дворъ, засыпали

его вопросами, но я не поняла ни одного отвѣта; наконецъ, онъ говоритъ, что есть письмо отъ Мати, но что оно у другаго человѣка, я не могу дожидаться этого письма. Баскакова, видя, что я вся трясусь и не могу выговорить слова, принесла мнѣ письмо, но я не могла распечатать его, руки у меня тряслись; она мнѣ дала капель и я немного пришла въ себя, слезы также много облегчили меня; я распечатала письмо, но начала никакъ не могла найти, прежде прочла конецъ, всякую строчку омыла слезами и нѣсколько разъ перечитала. Изъ письма я узнала, что Матя, не имѣвъ отъ меня никакого извѣстія, прислалъ нарочнаго урядника Тетюрева и война своей отдачи (т. е. сданнаго изъ его вотчины) меня провѣдать. Призываю опять Гаврюшку, не могу съ нимъ наговориться, спѣшу домой, чтобы видѣть урядника; они приѣхали наванунѣ и матушка послала ко мнѣ въ Тулу человѣка, съ которымъ до Нечаева доѣхалъ Гаврюшка; онъ привезъ Викулиной также письма: я взяла Гаврюшку съ собою въ Кошкино, а человѣка, посланнаго ко мнѣ, послала съ письмомъ къ Месному, чтобы взятой пакетъ съ письмами и деньгами, полагая вѣрнѣе и скорѣе послать ихъ съ урядникомъ. Приѣхавъ домой, я застала у себя сестрицу Надежду Ивановну, съ дочерьми, и Попову; увидя ихъ, слезы мои также не могли удержаться, но какъ Попова уѣхала и мы остались однѣ, то я стала опять читать Матино письмо. Матя писалъ мнѣ, что урядникъ и воинъ надежные люди и что если бы возможно, то, взявъ съ собою Анфорова и двухъ Явововъ, я поѣхала бы къ нему; впрочемъ, онъ писалъ далѣе, что это пустая мечта, что это невозможно, о Витебскѣ ничего не упоминаетъ, пишетъ, что всѣ идутъ въ Минскъ; мнѣ пришло на мысль, что эти строки въ его письмѣ означаютъ точно, чтобы я приѣхала къ нему, что онъ самъ этого желаетъ; ахъ, какъ это согласовалось съ моимъ желаніемъ! Перечитываю двадцать разъ эти милыя строки, часъ отъ часу убѣждаюсь, что мнѣ дѣйствительно слѣдуетъ ѣхать, по двумъ причинамъ: во-первыхъ, что уже силъ не доставало, положеніе мое было невыносимое, матушка и сестра измучились, глядя на меня; во-вторыхъ, что Матя желаетъ видѣть меня; возможно ли не ѣхать? Матушка и сестра приводятъ мнѣ многія причины, по которымъ нельзя ѣхать: первое, что если я поѣду въ Минскъ, а они пойдутъ съ полкомъ въ Витебскъ, или если я поѣду въ Витебскъ, а они въ Минскъ,

но это не казалось мнѣ препятствіемъ. Тетюрева не было дома, онъ ѣздилъ къ Анфоровымъ, также возилъ письма; не могу его дожидаться; наконецъ, онъ пріѣзжаетъ, бѣгу къ нему, спрашиваю о миломъ Матѣ, не велѣлъ ли онъ мнѣ пріѣзжать съ ними? онъ говоритъ, что ничего не слыхалъ объ этомъ; досадую, отчего Матя прямо не написалъ, тогда бы и матушка меня не остановила; чувствую, однако, что я никакъ безъ него не могу жить, дѣтьми не могу даже заниматься; казалось, чтобы сберечь себя для дѣтей, мнѣ непремѣнно нужно было видѣть Матю; вижу, что матушку и сестру огорчаетъ мое намѣреніе ѣхать къ Мати, не знаю что дѣлать, терзаюсь день и ночь, со мною начинаютъ дѣлаться обмороки; Аппочка моя и Мапа, видя мои мученія, приступаютъ къ тетенькѣ, чтобы она меня отпустила къ папенькѣ; Елагины были свидѣтелями сей ужасной горести моей, они всѣ совѣтуютъ мнѣ ѣхать, видя, что я изстрадаюсь. Въ Крещенье пріѣзжаютъ ко мнѣ Донская, Вилулина, Савинькова, Анфорова, привозятъ письма къ нимъ; Анфорова удерживаетъ меня, чтобы я подождала ѣхать, Савинькова едва сама не рѣшается со мною ѣхать, Донская, видя мои мученія, совѣтуетъ мнѣ ѣхать и, признаюсь, мнѣ казалось, что она больше всѣхъ чувствовала и понимала мое положеніе, судя по себѣ; безпрестанное волненіе мучило меня и я ни на что не рѣшалась; сидя за столомъ, я очень плакала, такъ что сестрицѣ Надеждѣ Ивановнѣ сдѣлалось дурно, глядя на меня. Тетюревъ говоритъ мнѣ: не лучше ли такъ сдѣлать, чтобы его поскорѣе отправить и чтобы я написала къ Мати, чтобы онъ опять прислалъ его за мной, а теперь можетъ я долго полезу прощю; я уже была такъ разстроена, что повѣрила этому, вообразила, что Матя непремѣнно пришлетъ за мной Тетюрева или самъ пріѣдетъ, рѣшилась отпустить его, не мѣшкая, прося его, чтобы онъ какъ можно скорѣе ѣхалъ и назадъ возвращался за мною, чтобы онъ сказалъ Мати, въ какомъ я положеніи и какъ нетерпѣливо жду присылки за собою. Пишу къ Мати; пріѣзжаетъ Пестова, мы вмѣстѣ съ ней принимаемся писать и плакать; по утру отправляю Тетюрева и остаюсь съ надеждою, что Матя пришлетъ за мною; взявъ съ Тетюрева слово, что онъ нигдѣ мѣшкать не будетъ и что навѣрно пріѣдетъ за мною, я остаюсь немного спокойнѣе.

Пестова зоветъ меня къ Андрею Тимоѣевичу (Болотову) на рож-

деніе Маріи Абрамовны; привыкнувъ почитать это семейство и находя всегда большое удовольствіе быть съ этими почтенными людьми, взявъ съ собою Анночку и Машу, я поѣхала къ вечеру къ нимъ; переночевавъ у нихъ, остаюсь еще обѣдать; Пестова спрашиваетъ меня, чтобы я къ ней проѣхала, я даю ей слово; она поѣхала домой. Послѣ обѣда я собираюсь ѣхать къ ней, но хочу заѣхать къ Екатеринѣ Алексѣевнѣ Болотовой; Александра Михайловна со мною ѣдетъ къ ней же; входимъ въ комнату, Болотова говоритъ мнѣ, что она сейчасъ получила письмо отъ Соколова, въ которомъ онъ ее увѣдомляетъ, что пріѣхалъ Аксаковъ и привезъ домой жену; она беременна и поэтому не можетъ быть съ нимъ въ походѣ и что Аксаковъ пробудетъ дома только одни сутки; услышавъ это, я написала Пестовой записку, что не могу быть у нея этотъ разъ, спѣшу домой, чтобы завтра пораньше повидаться съ Аксаковымъ и поговорить о своемъ миломъ Матѣ; ѣхавши домой, мнѣ не разъ приходила мысль ѣхать вмѣстѣ съ нимъ, но боялась затруднить его собою; пріѣхавъ домой, ночью написала Мати письмо; Аксакова увѣдомляла меня запиской, что Матя, слава Богу, здоровъ, чтобы я писала къ нему, а она отъ моего Мати везла записочку ко мнѣ, но потеряла ее, что мнѣ было очень досадно и если бы меня Матя не предупредилъ, что онъ съ Аксаковой, можетъ быть, писать не станетъ, потому что поѣхалъ въ матушкину деревню, въ Могилевскую, то я не могла бы быть спокойной, я бы Богъ знаетъ что придумала. Взявъ опять съ собою Машу и Анночку, я повезла письмо свое къ Аксакову; чувствуя себя не очень здоровою, я не хотѣла возвратиться въ тотъ же день, но на прощанье ихъ никакъ не могла остаться и поѣхала, съ тѣмъ, чтобы отъ нихъ проѣхать ночевать къ Пушкинымъ; къ Аксаковымъ пріѣхали Викулина и Савинкова съ матерью и сестрой, онѣ меня давно не видали и очень удивились какъ я похудѣла; сидя за столомъ, Аксаковъ вдругъ говоритъ мнѣ: „А вашъ Матвѣй Ивановичъ мнѣ говорилъ: если моя Анночка поѣдетъ съ тобой, то привези ее, пожалуйста“

Въ ту же минуту я говорю ему, что была бы весьма обязана ему, если бы это возможно, и онъ съ удовольствіемъ берется довести меня. Какъ объяснить то, что я почувствовала при этомъ отъ радости, какъ я была обязана Аксакову, и какъ

онъ былъ мнѣ милъ въ это время, я не знала какъ благодарить его; Марья Николаевна (Аксакова) совѣтуетъ мнѣ ѣхать для успокоенія себя и говорить, что мой Матя также очень похудѣлъ и груститъ обо мнѣ; я рѣшаюсь, да и какъ не рѣшиться на то, чего такъ страстно желаешь, о чемъ безпрестанно молишь Царя Небеснаго. Говорю Аксакову, что я ѣду спроситься у матушки, и что если она меня не остановитъ, то я завтра прѣйду къ нему очень рано, собравшись совсѣмъ, если же матушка не согласится на это, то пришло къ нему сказать. Боже мой, въ какой тревогѣ ѣду я домой, съ какимъ страхомъ, что матушкѣ будетъ также тяжело отпустить меня, и что она не рѣшится на это. Прѣзжаю къ матушкѣ, рассказываю ей все, она не останавливаетъ меня, сестра также берется по дружбѣ къ намъ имѣть попеченіе о дѣтяхъ моихъ; радость переполняетъ сердце мое, призываю Елисавету, велю ей уложить вещи; матушка отпускаетъ со мною свою женщину; я беру съ собою еще Яшку Федорова; вечеромъ отдаю нѣкоторыя приказанія Якову; ночь не могу спать; надежда, что чрезъ нѣсколько дней обниму милого своего друга, неопредѣленнаго Матиньку, грусть оставить дѣтей на неопредѣленное время, все это виѣсть не даетъ мнѣ уснуть ни минуты; въ 5 утра я встаю; матушка, сестра и старшіе мои дѣти также встаютъ проводить меня. Прощаясь съ ними, я была почти безъ чувствъ; съ одной стороны радость быть вскорѣ съ Матей, съ другой горестъ оставить матушку, сестру и дѣтей дѣйствовали на меня такъ сильно, что я не помнила себя, но разсудивъ, что я еще больше разстраиваю своею грустью матушку и сестру и что я оставляю дѣтей подъ такимъ покровительствомъ, что о нихъ нечего беспокоиться, я только и думаю о предстоящемъ радостномъ свиданіи съ Матей; въ 6 часовъ простясь съ матушкой, прося ее со слезами о милостивомъ покровительствѣ дѣтямъ, обнявъ съ искреннимъ дружескимъ чувствомъ сестру, бывъ твердо увѣрена, что она по добротѣ своей и дружбѣ къ намъ не оставитъ дѣтей, въ чемъ я не ошиблась, такъ какъ она по своимъ попеченіямъ о нихъ была имъ вторая мать; попрося ее о нихъ еще разъ, перецѣловавъ своихъ малютокъ, перекрестивъ ихъ и отеревъ слезы, я сѣла въ кибитку, посадивъ съ собою польку, и поѣхала къ Аксакову, съ тѣмъ, чтобы ѣхать съ нимъ къ милому сердцу своего, къ моему Мати.

VI.

Пріѣхала къ нему; онъ говоритъ, что у него все готово къ отъѣзду и онъ ждетъ только урядника, Бунцлера, который съ нимъ пріѣхалъ и отправился къ роднымъ. У нихъ сидѣла Силиверстова; она пріѣхала просить Аксакова, у котораго въ баталіонѣ былъ ея мужъ, чтобы его отпустили на нѣсколько дней въ отпускъ, для устройства своего состоянія, которое было весьма разстроено; онъ далъ ей слово непременно въ скоромъ времени исполнить ея желаніе, за что она была ему такъ благодарна, что безпрестанно твердила о доброй душѣ его. Мнѣ также казалось, что, взявъ меня съ собой къ моему Мати, онъ дѣлалъ такое удивительное благодѣяніе, что нельзя больше; мы обѣ съ Селиверстовой прославляли доброту его сердца, онъ очень былъ доволенъ. Пріѣхалъ Бунцлеръ, накрыли столъ для завтрака, мы стали изыскивать средство, какъ намъ ѣхать удобнѣе; Аксаковъ увѣрялъ меня, что я увижу своего Матю черезъ четыре дня и мысль эта восхищала меня. Подорожная у него была на три лошади, но онъ думалъ для себя брать по шести, потому что съ нимъ былъ урядникъ, воинъ и своихъ два человѣка, да мнѣ еще три лошади подъ мою кибитку. Николай Ивановичъ выдумалъ дать отъ себя подорожную Бунцлеру на три лошади, я его прошу, чтобы онъ взялъ къ себѣ мои деньги на прогоны, но онъ говоритъ, что въ нихъ нужды не будетъ; я очень этому удивилась, просила, чтобы разстолковалъ мнѣ это, и тутъ узнала, что мы поѣдемъ на обывательскихъ; садимся завтракать, пріѣзжаетъ Пушкина съ дочерью, удивляется моей рѣшимости, спрашиваетъ куда я ѣду, не зная гдѣ находится полкъ, но меня никакіе резоны остановить не могутъ; я ей говорю, что черезъ четыре дня буду съ Матей, прижавъ его къ своему сердцу, скажу съ чѣмъ сравнится мое блаженство!

Позавтракавъ, мы стали собираться ѣхать, и я очень боялась, что разстроюсь, увидя разставанье Аксаковыхъ; спѣшила поскорѣе сѣсть въ кибитку; недолго мѣшчалъ и онъ; мы поѣхали въ Алексинъ, я еще на своихъ лошадяхъ, а онъ

въ саняхъ на обывательскихъ и кибитка его на другой тройкѣ обывательской. Приѣхали въ Алексинъ прямо къ Соволову, у нихъ была Арсеньева, Елена Михайловна; узнавъ о моемъ путешествіи, она удивилась, но я была въ страшномъ восторгѣ, воображая, какъ скоро я увижу моего Матю; напились мы тутъ чаю, привели шесть лошадей; Николай Ивановичъ уже оставилъ свои сани, переложилъ вещи въ мою кибитку, и я съ дѣвкой въ своей кибиткѣ, а онъ съ Бунцлеромъ въ своей поѣхали изъ Алексина; я отправила своихъ лошадей домой; написавъ къ сестрѣ гисъмецо, просила ее, чтобы она извинила меня передъ всѣми родными, что я уѣхала не простясь, и передъ тѣми, у кого были близкіе въ нашемъ ополченіи; мнѣ некогда было взять писемъ отъ нихъ. Лошадей намъ далъ исправникъ прекрасныхъ, и мы скакали очень скоро; Николай Ивановичъ говорилъ, что большою дорогою ѣхать дальше и больше безпокойства, поэтому онъ выбралъ самую ближнюю и спокойную дорогу и все говорилъ, что онъ думаетъ, что мнѣ будетъ очень тяжело, а то бы онъ доѣхалъ въ три дня, или еще скорѣе; я просила его, чтобы онъ спѣшилъ какъ можно скорѣе, потому что ѣхать къ Мати мнѣ было нисколько не трудно. Проѣхавъ тридцать верстъ, приѣзжаемъ на какой-то заводъ, гдѣ было большое селенье; начинало темнѣть; требуемъ лошадей, говорятъ нѣтъ; подаемъ подорожныя, ихъ не хотятъ смотрѣть, говорятъ нѣтъ лошадей потому, что тутъ вся деревня занята фабричными, а мужиковъ совсѣмъ нѣтъ; Николай Ивановичъ грозитъ избить ихъ, бранится, брань не помогаетъ, а бить себя не даютъ, но говорятъ, что въ сторонѣ есть деревня, куда велятъ пастъ проводить, между тѣмъ поднялась сильная мятель и совсѣмъ стемнѣло; мы поѣхали въ указанную деревню, пастъ повели по мерзкой дорогѣ и на крутыя горы, однако, мы доѣхали благополучно до деревни и остановились у первой избы. Мы съ Николаемъ Ивановичемъ вошли въ избу, крошечную и премерзкую, а Бунцлера послали въ помѣщику съ подорожными просить лошадей; только что мы собрались пить чай, Бунцлеръ приходитъ, говорить, что помѣщикъ просить къ себѣ чаю напиться, пока лошадей будутъ перемѣнять, и предлагаетъ лучше ночевать у него, такъ какъ ѣхать ночью въ мятель на обывательскихъ лошадяхъ будетъ неспокойно. Николай Ивановичъ принимаетъ его предложеніе;

чтобы не причинять ему безпокойства, я также соглашаюсь ѣхать къ господину Приморскому, и если мятель не перестанетъ, то ночевать, если же погода будетъ лучше, то прошу Николая Ивановича ѣхать непременно ночью. Итакъ, сѣвъ въ свои повозки, мы поѣхали.

Подъѣзжаемъ къ господскому дому, состоявшему изъ двухъ флигелей; входимъ въ комнаты, хозяинъ человекъ лѣтъ сорока сидитъ за ломбернымъ столомъ, видъ его показался намъ какъ-то очень страненъ; онъ большой говорунъ и веселъ очень; жена его также не молодая женщина, очень ласковая, простая; свояченица старая дѣвушка, дочь лѣтъ семнадцати, замужняя, племянница дѣвушка лѣтъ тридцати, еще три дочери очень молоденькія; когда мы познакомились, то надобно было рассказать куда и зачѣмъ я ѣду; намъ подають чай и хлопчуть, чтобы скорѣе лошади были готовы, хозяинъ поминутно посылаетъ узнать почему долго лошадей не ведутъ, а хозяйка и дочь ея уговариваютъ ночевать; наконецъ, дочь рассказываетъ мнѣ, что и ея мужъ въ ополченіи; узнавъ, что его фамилія Рославскій, я сказываю ей, что онъ былъ у насъ въ домѣ; узнавъ кто я, она также говоритъ, что отъ него все слышала, благодарила за ласковый пріемъ и начали насъ уговаривать непременно ночевать, приготовили очень хорошій ужинъ, старались очень угощать, и мы по причинѣ дурной погоды вынуждены были остаться ночевать. По утру, покуда подавали кофе и чай, прошло уже почти все утро; товарищъ мой не торопился, а я теряла терпѣніе, наконецъ, въ 9 часовъ мы выѣзжаемъ; мятель не унимается; лошади мерзвѣя, дорога проселочная и тяжелая, вибитка товарища моего такъ мала, что ему не было возможности сидѣть въ ней, и такъ тяжелая, что ее насыла тащили; весь день онъ сидѣлъ у меня на облучкѣ не смотря на мятель и стужу; ночь мы также принуждены были ночевать, мятель не унималась, морозъ былъ прѣжестовій, къ тому же, избирая все ближайшія дороги, мы ѣздили проселками и путались, а на третій день я уговорила его сѣсть со мною въ вибитку, а дѣвку посадили въ его вибитку; въ эту ночь и въ слѣдующую опять была мятель, опять ночуемъ, я выхожу изъ себя, теряю терпѣніе, мы все еще странствуемъ по Калужской губерніи; какъ выѣхали изъ Алексина первую станцію, сердце мое трепетало,

воображая, что я чрезъ четыре дня буду обнимать Матю, а тутъ мы уже ѣхали трое сутокъ и все еще отъѣхали не болѣе ста верстъ; я упрашиваю своего товарища, чтобы уже не ночевать дорогой и чтобы не выбирать кратчайшихъ дорогъ, но ѣхать по одной. На четвертый день мы приѣзжаемъ въ деревню, закручены рогатки и нѣтъ проѣзда, потому что вся деревня почти вымерла; наши лошади стали совсѣмъ, мѣнять негдѣ, заѣзжаемъ погрѣться въ харчевню, насилу насъ пустили; тутъ былъ въ лѣсу приставленный офицеръ и шилъ вмѣстѣ съ харчевникомъ. Харчевникъ опять указываетъ ближайшій путь въ Казельску; Николай Ивановичъ опять записываетъ и мы ѣдемъ по его словамъ, ѣдемъ до самаго вечера; ни одной деревни по пути, лошади совсѣмъ стали, кибитка Аксѣева поминутно вязла; наконецъ, приѣзжаемъ въ деревню, кругомъ такъ все занесло, что нигуда, кромѣ господскаго двора, проѣхать нельзя; ѣдемъ туда, посылаемъ просить позволенія войти повуда лошадѣй переменяютъ; намъ говорятъ, что эта деревня Щербачева, казельскаго предводителя, что лошадей нѣтъ и его дома нѣтъ, а жена его больна и насъ принять не можетъ; товарищъ мой идетъ самъ и насильно входитъ и заставляетъ пригласить и меня; племянница ихъ насъ принимаетъ, наконецъ, просить войти въ теткѣ; та принимаетъ насъ очень гордо, опять надобно рассказывать какъ и куда мы ѣдемъ; узнавъ, что я невѣстка Афанасью Ивановичу, а она съ нимъ и съ Елагиными очень коротка была, знала Матиньку еще маленькаго, переменяла свое обращеніе со мною, сдѣлалась очень ласкова; мы пьемъ чай. Посылаютъ въ другую деревню за лошадями; между тѣмъ приѣзжаетъ хозяинъ и также ласково обходится съ нами, узнавъ, что я такая близкая родня Елагинымъ; хозяйва, услыхавъ, что мы еще не обѣдали, хотя уже было пять часовъ вечера, велитъ накрыть на столъ, мы обѣдаемъ, а лошадей приводятъ, уговариваютъ насъ ночевать, но я не соглашаюсь; уже мятель прошла; даютъ намъ двухъ человѣкъ провожатыхъ, до Казельска съ фонаремъ; мы нѣсколько разъ теряемъ дорогу, наконецъ, достигаемъ Казельска; никто насъ не пускаетъ остановиться къ себѣ; человѣкъ Щербачева именемъ своего барина грозился и уговаривалъ, но ничто не помогло; ѣдемъ на постоялыя двory, всѣ заняты постоями подъ больныхъ; наконецъ, Николай Ивановичъ говорить, что есть одна знакомая, какого-то

подъячаго жена; ѣдемъ къ ней, полагая навѣрное, что она пуститъ, но и тутъ ошиблись, она отказала, сказавъ, что больна; ѣдемъ еще въ деревню за пять верстъ отъ Казельска и тамъ уже мѣняють лошадей. Дни проходятъ, а мы все еще очень далеко отъ полка, а я теряю терпѣніе; грусть моя все усиливалась. Взявъ тутъ лошадей, ѣдемъ далѣе, приѣзжаемъ наконецъ въ первое польское мѣстечко Хотимскъ, останавливаемся, чтобы перемѣнить лошадей, но намъ не даютъ ихъ и мы отправляемся впередъ; кибитка наша поѣхала впередъ насъ, а мы оставались еще, думая не выхлопочемъ-ли лошадей, но сколько ни старались, намъ не дали и мы на тѣхъ же поѣхали; приѣзжаемъ въ другое мѣстечко, полагая, что наша кибитка вѣрно уже насъ тутъ ждетъ, но мы очень удивились и не знали что подумать, когда намъ сказали, что ее никто не видалъ; мы заѣхали къ одному русскому священнику, это уже было 10 часовъ вечера, хотѣли выпить чаю, внесли мой погребецъ, а ключей не было, они были у моей жевщины, а она еще не приѣхала; мы ждали ихъ два часа, послали отыскивать и крайне безпокоились о нихъ, но скоро ихъ отыскали; они поѣхали по другой дорогѣ, которая гораздо далѣе, и оттого промѣшкали. Напившись чаю, собирались ѣхать, священникъ пришелъ благословить насъ, прочелъ намъ на дорогу молитву и мы поѣхали; стужа была такъ жестока, что люди всѣ шли пѣшкомъ, а возницы наши идти не могли, такъ озябли; тамъ вообще всѣ мужики одѣты очень плохо, на ногахъ у нихъ лапти самыя маленькія и прозрачно сплетенныя и тоненькія онучки; проѣхавъ пять верстъ, чело-вѣкъ мой подходитъ къ кибиткѣ и говоритъ, что возницы почти совсѣмъ замерзли; увидѣвъ, что близко фольваркъ, мы велѣли остановиться, чтобы отогрѣть ихъ; входимъ въ комнату, насъ принимаетъ полька, дочь эконома, довольно ловкая дѣвушка и очень бойкая, тотчасъ намъ подала чаю, велѣла топить печь, чтобы намъ отогрѣться, мнѣ велѣла послать постель, чтобы полежать; товарищъ мой много говорилъ тутъ, хвалилъ очень обращеніе польскихъ дамъ, и эта полька была восхищена; онъ формально увѣрялъ, что не знаетъ ни одной русской женщины, которая бы во всемъ была такъ мила, какъ польки; по этому разговору я начинала понимать сужденія моего товарища и все время видѣла большую разницу въ немъ противъ того,

какимъ онъ мнѣ казался когда, я еще не знала его коротко; прежде я считала его очень умнымъ, но пробывъ съ нимъ неразлучно тринадцать сутокъ, я узнала его короче. Мы пробыли тутъ почти всю ночь; передъ свѣтомъ поѣхали; восемь дней мы были въ дорогѣ; я рассчитывала, что тотъ урядникъ Тетюревъ уже непременно долженъ возвратиться къ полку; въ письмѣ, посланномъ съ нимъ, я описала Мати всю свою мучительную тоску, просила его пріѣхать къ себѣ; тутъ пришла мнѣ ужасная мысль, что мой Матя, увидя мою невыносимую грусть, попросится и поѣдетъ въ отпускъ, чтобы сколько нибудь успокоить меня и облегчить чрезмѣрную горестъ мою, а ѣхавши такъ долго, я не найду его въ полку; что будетъ тогда со мною? я ѣду для того, чтобы быть съ Матей и видѣть его, и если разъѣдусь съ нимъ, то какъ я перенесу это, и что мнѣ будетъ дѣлать, ѣхать ли назадъ, но съ чѣмъ? со мною былъ только одинъ человѣкъ и одна женщина; какъ рѣшиться на такое дальнее путешествіе съ ними? къ тому же, что, если Матя, пріѣхавъ домой и не найдя меня и узнавъ, что я поѣхала къ нему, поспѣшитъ возвратиться въ полкъ и я могу съ нимъ разъѣхаться. Остаться при полку, какъ мнѣ мой товарищъ ни увѣрялъ, что это будетъ лучше, но мнѣ казалось совсѣмъ не такъ хорошо, хотя я и была увѣрена во всѣхъ Матиныхъ товарищахъ, что я ими буду очень успокоена, потому что они любили моего Матю, — и вѣрно для него и мнѣ всегда была бы уступлена лучшая квартира, но Мати не было бы со мною, какъ бы я могла это вынести!

Наконецъ, мы пріѣзжаемъ въ Костюковичи; тутъ оставленъ былъ маршрутъ Авсакову; покуда перемѣняли лошадей, мы обѣдали; товарищъ мой призвалъ жидовскую музыку, но когда душа въ такомъ ужасномъ безпокойствѣ, то можно ли заняться чѣмъ нибудь; онъ хотѣлъ призвать какихъ-то жидовскихъ спѣваеъ, но я уже просила не призывать ихъ, потому что все это только усиливало мою грусть. Поѣхавъ изъ Костюковичъ, мы ѣхали сутки порядочно, но воображеніе, что я не найду Матю въ полку, безпрестанно тревожило меня, и нетерпѣніе мое доѣхать скорѣе увеличивалось каждую минуту; пріѣзжаемъ въ одну деревню мѣнять лошадей, тутъ живетъ сама помѣщица полька Ганковская, которая имѣетъ 2,000 душъ; послали къ ней подорожную, она приказываетъ звать къ себѣ; товарищъ мой очень

любилъ заѣзжать по гостямъ, поэтому и тутъ мы тотчасъ поѣхали; подѣзжаемъ къ низенькому и длинному дому; насъ принимаетъ хозяйка, очень любезная вдова лѣтъ около 40; она много жила въ Петербургѣ, поэтому ея обращеніе очень похоже на манеры русскихъ; она насъ прекрасно угостила, но лошадей намъ не дала, а дала провожатаго, сказавъ, что близко живетъ одинъ панъ, который вѣрно дастъ намъ лошадей и мы, взявъ провожатаго, отправились въ дальнѣйшій путь; проѣзжали нѣсколько деревень, но онѣ всѣ принадлежали этой помѣщицѣ, и провожатый нашъ не останавливался; уже было 9 часовъ вечера, проводникъ отъ насъ ушолъ, и мы путешествовали далѣе одни, не зная куда ли ѣдемъ. Наконецъ, пріѣзжаемъ въ деревню, гдѣ былъ панскій дворъ, ѣдемъ мимо него; въ домѣ услышали колокольчикъ и, полагая навѣрно, что это ѣдетъ кто либо изъ служащихъ, такъ какъ мимо нихъ прошло много полковъ, велѣли просить ужинать; у нихъ уже столъ былъ накрытъ; товарищъ мой въ другой разъ не заставлялъ повторить просьбу, мы поѣхали къ нимъ; насъ приняли очень ласково, панъ лѣтъ 75, жена его 40 не больше, два сына уже совершеннолѣтніе; оба они находились на службѣ у французовъ въ то время, какъ тѣ были въ Польшѣ; мы тутъ ужинали, послѣ ужина подавали чай, обыкновеніе польское; въ лошадяхъ опять намъ отказали; панъ Подбереско сказалъ: „коли вы не взяли лошадей у Ганковской, у которой въ окрестности двѣ тысячи душъ, то какже взять у меня,—у меня только 60 душъ“.

Сколько ни говорилъ мой товарищъ, ничто не помогло; ни гордость, ни ласка, ничто не было забыто, но все же мы должны были ѣхать на тѣхъ же лошадяхъ, на которыхъ уже проѣхали двѣ станціи; въ часъ ночи мы выѣхали отъ Подберески, возницы отъ насъ ушли, дали намъ провожатаго верхомъ; ночь была очень темна, лошади очень измучены; ѣхали очень тихо; люди наши нѣсколько почей не спали, очень устали; у нашей кибитки сѣлъ править кучеръ Аксакова, а мой человекъ на облучкѣ; проѣхали мы версты двѣ, товарищъ мой крѣпко заснулъ, кучеръ его пошелъ легъ сзади кибитки и также послѣдовалъ примѣру своего господина; мой человекъ задремалъ сидя и потерялъ шалку, но чрезъ нѣсколько минутъ заснулъ такъ крѣпко, что упалъ и самъ; я очень испугалась, чтобы онъ не

ушибся, бужу своего товарища, онъ не просыпается, зову кучера его, тотъ не слышитъ и мы все ѣдемъ впередъ; наконецъ, человекъ мой догоняетъ насъ, проснувшись на дорогѣ, и товарищъ мой проснулся; я ему рассказала, какъ упалъ мой человекъ, и онъ уже разбудилъ своего кучера и велѣлъ ему опять сѣсть на возлы; но тотъ со сна, переѣзжая черезъ мостъ, зацѣпился за столбъ и чуть не изломалъ всю кибитку, такъ что передокъ рассыпался; мы стояли тутъ съ часъ, покуда не съѣхали съ этого моста; снѣгу тутъ было очень много, лошади совсѣмъ не везли; по счастію это было близко къ деревнѣ, то мы послали звать мужиковъ, отложили лошадей и люди уже на себѣ вытащили нашу повозку; двухъ лошадей привязали къ столбу у моста, онѣ обѣ отвязались и ушли, люди побѣжали догонять ихъ, заложивъ только одну лошадь въ мою кибитку; товарищъ мой взялъ подъ уздцы эту лошадь и повелъ ее въ деревню, гдѣ, оставя меня одну на улицѣ, пошелъ посмотрѣть квартиру, нѣтъ ли въ ней больныхъ, чтобы намъ взойти—покуда заложутъ другихъ лошадей; на сей разъ намъ въ оныхъ не отказали и мы не такъ долго ждали ихъ; поѣхали опять въ путь. Сутки ѣхали порядочно, но терпѣніе мое часъ отъ часу уменьшалось и я выходила изъ себя, полагая навѣрное, что я своего милаго Матиньку не найду въ полку; я не могла успокоиться ни на минуту, на всякой станціи просила урядника, который ѣхалъ съ нами, чтобы поскорѣе лошадей отыскивалъ, воину давали деньги, также и кучеру Аксакова. Урядникъ сталъ ѣздить по моей просьбѣ впередъ, но все это мало способствовало нашей скорой ѣздѣ; лошади у насъ были обывательскія и такъ были измучены, что насилу ходили; мы уже закладывали въ кибитки по 5 лошадей, но все плохо везли. Вездѣ, гдѣ мѣняли лошадей на станціяхъ, товарищу моему начальники деревни приносили въ гуся, кто поросенка, кто курицу и все это мы везли съ собой, дорогой не употребляли; наконецъ, приѣзжаемъ въ Рогачевъ, пишемъ письма домой, посылаемъ на почту. Человекъ мой приходитъ и говоритъ, что онъ видѣлъ у почтмейстера одного пана, который ему сказалъ, что у него въ домѣ стоялъ Миллеръ и къ нему приѣзжалъ нашъ Пушкинъ, пробылъ у него два дня; я просила Аксакова, чтобы онъ самъ сходилъ къ этому пану и узналъ бы повѣрнѣе отъ него куда пошелъ нашъ полкъ, но онъ счелъ для себя унизительнымъ идти самому и послать

урядника, съ которымъ поляеъ, также будучи очень гордъ, не сталъ говорить, но урядникъ нашель у него въ домѣ оставленную нечаянно бумагу, въ которой мы увидѣли названіе той деревни, въ которой стоялъ нашъ полкъ. Она была не на большой дорогѣ, возницы не знали ее и мы не знали куда ѣхать. Пришла какая-то женщина, объяснила дорогу, товарищъ мой записалъ и мы поѣхали далѣе.

Уже двѣнадцать сутокъ мы были въ дорогѣ и все еще не знали скоро ли найдемъ нашъ полкъ. Моя грусть часъ отъ часу усиливалась, и я потеряла всякую надежду скоро обнять и прижать къ измученному сердцу своего милаго Матю; я полагала навѣрное, что мой милый уѣхалъ домой, узнавъ о моей безмѣрной тоскѣ безъ него. Проѣхавъ еще станцію, когда мы стали смѣнять лошадей, то намъ сказали, что мы не туда заѣхали и сдѣлали много врюку, все это чрезвычайно огорчало меня; къ вечеру мы уже пріѣхали въ ту деревню, которую искали; товарищъ мой пошелъ на панскій дворъ я ждала въ кибиткѣ на улицѣ съ четверть часа; онъ прислалъ мнѣ сказать, чтобы я вошла къ пану напиться чаю, пока лошадей стануть перепрагать. Домикъ былъ небольшой, по польскому обыкновенію низкій и длинный, хозяинъ дома служилъ при Екатеринѣ въ нашей службѣ; хозяйка лѣтъ 30, очень пріятная и казалась любезная, бывала нѣсколько разъ въ Петербургѣ, поэтому въ обращеніи была точно русская. Подали намъ чай; хозяйка мнѣ сказала, что только вчера отъ нихъ поѣхалъ маіоръ Кулебякинъ, что онъ стоялъ у нея на квартирѣ и, узнавъ мою фамилію она сказала мнѣ, что маіоръ Золотухинъ былъ третьяго дня у Кулебакина. Какъ поразила меня эта пріятная вѣсть, что мой Матя въ полку! надежда, что скоро я увижу своего милаго Матю, вторично поселилась въ сердцѣ моемъ, я спѣшила скорѣе ѣхать, думая, что въ ту же ночь мы догонимъ полкъ, считая, что въ сутки они недалеко ушли. Лошади еще не были готовы, насъ уговаривали ужинать, товарищъ мой остался и я вынуждена была терпѣть. Какъ отъужинали такъ и отправились въ путь; проѣхавъ верстъ 25 остановились длъ перемѣны лошадей; тутъ намъ сказали, что въ этотъ же день вышли изъ этой деревни защитники, такъ называли тамъ наше ополченье, но не умѣли сказать который баталіонъ тутъ стоялъ. Намъ сказали, что одинъ проѣзжіи офицеръ и теперь

здѣсь дожидается лошадей и спрашиваетъ также про защитниковъ. Я просила Бунцлера, чтобы онъ сходилъ и узналъ, что это за офицеръ, не нашего ли полка? Вернувшись отъ него, онъ сказалъ, что этотъ офицеръ также изъ ополченія, Миллеръ посылалъ его въ главную квартиру съ бумагами, въ которыхъ онъ представлялъ, что въ Витебскъ идти невозможно, также и въ Борисовъ, такъ какъ эта губернія совершенно раззорена. Я уговорила своего товарища, чтобы онъ послалъ звать его чаю напиться; офицеръ тотчасъ пришелъ; Аксаковъ принялъ его такъ гордо, что на всѣ его учтивые поклоны не привсталъ съ лавки, не предложилъ ему сѣсть; я его поила чаемъ и онъ пилъ стоя. Онъ сказалъ намъ, что всему ополченію велѣно остановиться тамъ, гдѣ офицеръ найдетъ его, и ждать втораго повелѣнія. Въ это время намъ сказали, что лошади готовы и мы поѣхали искать свой полкъ. Нетерпѣніе мое часъ отъ часу становилось сильнѣе; казалось, лошади совсѣмъ не везутъ; рано по утру мы проѣзжаемъ одну деревню, въ которой увидѣли жида, спросили у него: стояли ли тутъ защитники? онъ говоритъ—стояли и вчера только вышли, что тутъ у пана стоялъ майоръ, фамилію его онъ забылъ, но по описанію я поняла, что это точно долженъ быть мой Матя; ахъ какъ трепетало мое сердце, какъ было тяжело слышать, что я такъ близко отъ своего друга, и не могу увидеть его! Разспрашивали у пана и узнали, что точно мой Матя стоялъ тутъ съ баталіономъ, сказали, что недалеко оттуда мѣстечко и что тамъ мы навѣрно догонимъ нашъ баталіонъ. Боже мой, какъ велика была моя радость, воображая, что я увижу скоро моего милаго друга!

Прѣзжаемъ къ мѣстечку, лошади наши такъ устали, что насилу шли, я уже посадила кучера Аксакова пранить лошадьми, обѣщая ему дать на водку, если мы скорѣе доѣдемъ, а со мною я уже не знаю, что было, я плакала, смѣялась, сердце мое трепетало; спрашиваемъ тутъ ли защитники, намъ говорятъ: сейчасъ ушли. Вотъ опять надо вооружиться терпѣніемъ, опять нѣсколько часовъ страдать. Проѣзжая мимо панскаго двора, я просила остановиться и посылать спросить; урядникъ нашъ, видя мое мученіе, побѣжалъ къ пану спрашивать, мы стояли противъ воротъ; взглянувъ во дворъ, я вижу Колючева, писаря моего Мати; тутъ я вышла изъ себя, закричала, что мой Матя вѣрно тутъ! Колючевъ узналъ меня кричя «сюда» и бѣжитъ къ намъ; я спросила его гдѣ Матя, онъ мнѣ сказалъ, что здѣсь; я его схватила за голову, когда онъ подошелъ къ кибиткѣ и начала цѣловать; насилу онъ оторвался отъ меня. Мы въѣхали на дворъ, но Матю я еще не видѣла; спрашиваю, мнѣ говорятъ, что онъ пошелъ въ другой флигель къ Пушкину; я вышла изъ кибитки и хотѣла бѣжать къ нему, но увидя, что онъ идетъ ко мнѣ, ноги мои подкосились и я упала на снѣгъ безъ чувствъ

А. И. Золотухина.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПОСМЕРТНЫЯ ЗАПИСКИ АЛЕКСѢЯ АЛЕКСѢЕВИЧА ОДИНЦОВА

генерала отъ пифантеріи.

Род. 1803, † 1886 г.

IV ¹⁾.

Кончина Александра I. — Отреченіе цесаревича Константина Павловича отъ престола. — Огъвы его о полякахъ и польскихъ притязаніяхъ. — Аресты по дѣлу 14-го декабря. — Театръ. — Императоръ Николай въ Варшавѣ. — Коронованіе. — Заговоръ.
1829—1830 гг.

25-го ноября 1825 г. прибылъ курьеръ въ Варшаву изъ Таганрога, съ извѣстіемъ, что императоръ Александръ I-й скончался 18-го числа въ 10 часовъ вечера. 26-го ноября, вечеромъ, великій князь Михаилъ Павловичъ, находившійся въ это время въ Варшавѣ, отправился въ Петербургъ, съ возобновеніемъ отказа великаго князя Константина Павловича отъ все-россійскаго престола, даннаго имъ въ 1823 г., послѣ женитьбы его на графинѣ Груздинской (княгинѣ Ловичъ).

3-го декабря прибылъ въ Варшаву адъютантъ великаго князя Николая Павловича, съ извѣстіемъ, что въ Петербургѣ всѣ присягнули Константину Павловичу; адъютанта этого онъ немедленно отправилъ съ вторичнымъ отреченіемъ отъ царствованія. 9-го декабря пріѣхалъ въ Варшаву Э. П. Опочининъ, другъ цесаревича, служившій ему посредникомъ въ сношеніяхъ между нимъ и покойнымъ императоромъ, чѣмъ онъ остался и при

---

¹⁾ См. «Русскую Старину» над. 1889 г., т. LXIV, ноябрь, стр. 289—322.

Николаѣ. 20-го декабря полученъ манифестъ о восшествіи на престолъ императора Николая I, а утромъ, 21-го декабря, всѣ войска ему присягнули.

Александръ Павловичъ въ послѣдніе годы своей жизни мало занимался дѣлами имперіи, передавъ всю заботу объ ея управленіи и власть свою ненавидимому всѣми временнику Аракчееву, чрезъ что утратилъ ту горячую симпатію, которую имѣла къ нему русская интеллигенція, за его прежніе либеральныя взгляды и за славу, приобрѣтенную имъ въ великой борьбѣ освобожденія Европы отъ деспотизма геніальнаго разбойника.

Я долженъ, къ сожалѣнію, сказать, что кончина его была принята довольно равнодушно войскомъ, особенно въ польской арміи и гвардейскомъ русскомъ отрядѣ, не знавшихъ о прежнемъ отреченіи отъ престола Константина Павловича и ожидавшихъ блестящей будущности отъ вступленія на русскій престолъ настоящаго ихъ начальника. Но поведеніе цесаревича становилось загадочнымъ, потому что, съ полученія извѣстія о кончинѣ Александра Павловича, онъ никуда не показывался. Когда же узнали объ отреченіи, то разочарованіе окружавшихъ великаго князя было такъ велико, что одинъ изъ его приближенныхъ, генераль Жандръ, не остановился публично на разводѣ порицать его самопожертвованіе.

Биографъ цесаревича Константина Павловича Е. П. Карновичъ («Русская Старина» 1876—1877 гг.) справедливо замѣчаетъ, что цесаревичъ, не будучи одаренъ государственнымъ умомъ, не былъ бы послѣдовательнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ, не могъ бы внимать полезнымъ и правдивымъ внушеніямъ, если они хоть сколько нибудь противорѣчили его прихотямъ, порывамъ и гнѣвнымъ вспышкамъ. Это было бы второе изданіе его отца. Жена его говорила о немъ: „Константинъ прежде сдѣлаетъ что нибудь, а потомъ подумаетъ“, потому Карновичъ находитъ отреченіе его отъ престола прямодушнымъ подвигомъ.

Вступленію на царство великаго князя Николая Павловича войско также не очень радовалось, опасаясь строгости, обнаруженной имъ при командованіи частями гвардіи.

Вслѣдствіе возмущенія 14-го декабря 1825 г. въ Петербургѣ, цесаревичъ, по волѣ императора Николая I, былъ облеченъ неограниченною властію, для раскрытія дѣятельности тайныхъ

обществѣ въ Царствѣ Польскомъ и сношеній ихъ съ русскими, по показаніямъ кн. Яблоновскаго. Изъ любопытныхъ писемъ Константина Павловича къ Ѡ. П. Опочинину, напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ» 1873 года, томъ VIII, виденъ ясно взглядъ на это дѣло великаго князя, которому, кажется, было непріятно такое назначеніе. Постараюсь резюмировать эти, довольно сбивчивыя и наполненныя оговорками, письма, сущность которыхъ должна была быть сообщена императору Николаю.

„Обратите вниманіе е. и. в., что положеніе мое въ этой странѣ становится весьма щекотливымъ и весьма труднымъ. Желая только повиноваться и, примѣняясь къ инструкціямъ, даннымъ мнѣ покойнымъ императоромъ, на счетъ возможнаго образа дѣйствій въ этой странѣ, мнѣ казалось полезнымъ назначить здѣсь, по примѣру Петербурга, слѣдственную комиссію, направленіе и наблюденіе надъ коею остается подъ моимъ личнымъ надзоромъ; а какъ между лицами, которыхъ комиссія будетъ призывать, допрашивать и даже арестовывать, могутъ быть подданные имперіи и королевства, а также и русскіе, то я назначилъ русскими членами комиссіи: гг. Новосильцева, Куруту, Кривцова, Колзакова и Маренгейма, и польскими: гр. Замойскаго, первоприсутствующаго въ сенатѣ, министровъ юстиціи Соболевскаго, духовнаго вѣдомства гр. Грабовскаго, военнаго Гауке, воеводу гр. Грабовскаго и секретаремъ гр. Раутенштрауха. Для подобнаго рода слѣдствій необходима наибольшая гласность; подпольныя слѣдствія противны направленію и духу времени, а такъ какъ мы подчиняемся здѣсь конституціонному порядку вещей, то это будетъ въ смыслѣ установленнаго правленія.

„Объ арестованныхъ по сіе время лицахъ препровожаю списокъ. До сихъ поръ, при всемъ неутомимомъ стараніи комиссіи, ничего еще не открывается между поляками, какъ чувство народности (*nationalité*). Необходимо принять въ соображеніе всѣ обстоятельства и поводы, которые возбудили въ полякахъ этотъ духъ и которые мнѣ ближе всѣхъ извѣстны.

„Въ 1818 г. въ Варшавѣ я ничего не зналъ о содержаніи рѣчи, которою императоръ Александръ откроетъ первый польскій сеймъ, но статсъ-секретарь Каподистрія на счетъ ея мнѣ сказалъ:

— „Посмотрите, что будетъ; она не только на одну Польшу, но на Россію и на всю Европу сдѣлаетъ вліяніе“.

„Возвращаясь тогда съ развода съ государемъ, я осмѣлился возражать противъ представительнаго правленія и сліянія Польши съ отошедшими къ Россіи провинціями, на что государь, даже съ нѣкоторымъ гнѣвомъ, отвѣчалъ и потомъ во всѣхъ случаяхъ мнѣ твердилъ:

— „Развѣ ты не понимаешь, что не имъ даютъ вмѣсто желтыхъ красные воротники, а вамъ, вмѣсто красныхъ желтые“.

„Во всѣхъ польскихъ губерніяхъ, присоединенныхъ къ Россіи, губернаторы и вице-губернаторы назначены изъ поляковъ, что ясно доказываетъ твердое намѣреніе Александра I возвратить ихъ создаемому имъ Царству Польскому. Во всѣхъ рѣчахъ государя на сеймѣ и дѣйствіяхъ, но даже въ разговорахъ съ частными людьми, онъ старался вкоренять въ полякахъ эти надежды, что мудренаго, что у нихъ вскружилась голова на чувствахъ національности.“

„Винить ихъ, вѣдется, за это нельзя и кто бы на ихъ мѣстѣ не желалъ того-же; въ нихъ это общая мысль; развѣ всѣхъ ихъ можно за оную истребить“.

Императоръ Николай I, при восшествіи своемъ на престолъ, обѣщалъ манифестомъ, даннымъ Царству Польскому, слѣдовать по стопамъ покойнаго государя.

На первыхъ порахъ, по распоряженію слѣдственной комисіи, арестованы были слѣдующія лица:

Графъ Салтыкъ, каштелянъ Царства Польскаго Гржимайло; рекстмейстеръ въ государственномъ совѣтѣ Царства Польскаго; Плихта, секретарь въ канцеляріи того-же совѣта; Дембекъ—каноникъ, начальникъ типографіи, употребляемой правительствомъ; Кржыжановскій, подполковникъ л.-гв. польскаго конно-егерскаго полка; Мицельскій, адъютантъ цесаревича; Малаховскій (Густавъ), сынъ каштеляна, сенаторъ Царства Польскаго; Лелевель, сеймовый посолъ Станиславскаго обвода. Не буду упоминать о другихъ, потому что всѣ они были впоследствии освобождены.

Арестованныхъ комиссіею содержали въ Кармелитскомъ монастырѣ, на Лѣсиной улицѣ; караулъ при нихъ содержался только изъ русскихъ гвардейскихъ полковъ, вступалъ и смѣнялся

поздно вечеромъ. Припоминаю живо первый мой караулъ. Войдя въ монастырь, я увидѣлъ длинный корридоръ, едва освѣщенный нѣсколькими лампами, въ стѣнахъ котораго ниши съ изваяніями святыхъ или съ распятіями. Высокіе своды злобѣщимъ эхомъ отражали бряцаніе оружія слѣдовавшихъ за мною солдатъ; иногда показывалась мрачная фигура монаха и тотчасъ же пряталась. Взобравшись на 3-й этажъ, гдѣ были устроены казематы въ прежнихъ кельяхъ, и смѣнивъ разставленныхъ по корридору часовыхъ, дѣло мое было исполнено, потому что ни одного арестанта видѣть было нельзя; ближайшій надзоръ за ними былъ препорученъ русскому инвалидному капитану Бажину, выслужившемуся изъ рядовыхъ. Вдругъ, среди гробовой ночной тишины, разнеслись по корридору упылые звуки флейты, на которой игралъ, кажется, гр. Салтыкъ, какъ говорилъ мнѣ тюремщикъ-капитанъ. Глубоко тяжелое впечатлѣніе оставилъ по себѣ этотъ караулъ, тѣмъ болѣе, что заключенные были люди уважаемые и мы въ то время имъ сочувствовали. По счастью, мнѣ пришлось только одинъ разъ исправлять эту непріятную обязанность.

Послѣ переполоха, произведеннаго кончиною Александра I-го и отреченіемъ цесаревича отъ наслѣдованія ему, жизнь наша въ Варшавѣ вошла въ свою обычную однообразную колею.

Интимное мое общество составляли: Форсманъ, Фавръ, Фопъ, Пуцинъ, Тиньковъ, остроумный Франковской, полковникъ л.-гв. уланскаго полка, неистощимый анекдотистъ и одинъ изъ лучшихъ моихъ товарищей по полку Фридрихъ Рихтеръ, преждевременная потеря котораго была для меня незамѣнима.

Такъ какъ театръ составлялъ лучшее мое удовольствіе того времени, то скажу о немъ нѣсколько словъ. На большомъ театрѣ въ Варшавѣ давали трагедіи, драмы, комедіи, оперы и балеты. Лучшіе драматическіе актеры были Веровскій и Богуславскій, г-жа Лядуховская и Жучковская, комическіе: Ждановичъ, Новаковскій. Самыя красивыя танцовщицы: Мержинская и Домбровская.

Въ послѣдніе годы пребыванія нашего въ Варшавѣ, открылся малый театръ смѣси, который сформировалъ нѣсколько хорошихъ актеровъ, въ особенности Панчивовскаго, знаменитаго комика и остряка Жульковскаго я уже не засталъ въ

живыхъ. Въ Варшавѣ же я слышалъ удивительнаго скрипача Паганини и пѣвицу Зонтагъ. Была также небольшая французская труппа, потому что цесаревичъ очень любилъ французскій театръ. Изъ комиковъ можно вспомнить о Сарте и Герве и красивой Констансъ, любовницѣ командира л.-гв. уланскаго полка Александра Ивановича Альбрехтъ, который былъ замѣчательнъ тѣмъ, что походилъ на Александра I-го и потому, когда проигрывался, считалъ возможнымъ по полгоду не давать жалованья полку. Въ Варшавѣ полковые командиры получали въ свое распоряженіе всю сумму на жалованье, обмундированіе и продовольствіе полка, чрезъ что имѣли большіе доходы.

Все время жизни моей въ Царствѣ Польскомъ я съ увлеченіемъ предавался чтенію. Изъ тетради, въ которую я записывалъ прочитанныя мною книги, видно какое огромное число сочиненій прочелъ я въ это время, по разнымъ предметамъ, на русскомъ, французскомъ и польскомъ языкахъ; но изъ этой же тетради легко усмотрѣть неимѣніе правильной системы чтенія, чтобъ прочитанное сохранялось въ памяти, чему неизбѣжно препятствовало большое разнообразіе предметовъ. Во всякомъ случаѣ запасъ свѣдѣній, почерпнутыхъ мною изъ этого чтенія, при моей тогдашней памяти, установилъ до нѣкоторой степени мои убѣжденія и взглядъ на жизнь. Сохранившаяся толстая тетрадь моихъ памятныхъ записокъ 1829 — 1830 гг. лучше всего обрисовываетъ мое нравственное состояніе тогдашняго времени. Между рецензіями прочитанныхъ книгъ и замѣтками о жизни встрѣчаются сужденія о вредѣ крѣпкихъ напитковъ, о пагубныхъ послѣдствіяхъ азартной игры, восторженное восхваленіе идеальной любви, въ сравненіи съ грубостію чувственныхъ наслажденій, но всѣ эти сентенціи не мѣшали однако мнѣ быть причастнымъ этимъ порокамъ, такъ мною громимымъ. Въ сужденіяхъ этихъ видна только борьба разсудка со страстями, въ которой послѣднія берутъ верхъ по недостатку твердой воли.

Эти записки носятъ на себѣ отпечатокъ молодости, т. е. мечтательности и резонерства; но при составленіи настоящихъ замѣтокъ о моемъ прошломъ онѣ мнѣ пригодились, доставя возможность вѣрно изобразить прежнія мои мнѣнія и тогдашніе

взгляды на происшествія, что придаетъ этимъ замѣткамъ достоинство современности.

Выписываю изъ этихъ записокъ слово въ слово прибытіе въ Варшаву 5 мая 1829 года Николая Павловича для коронаціи царемъ польскимъ. Пропуская подробности описанія по порядку программы, торжественнаго вѣзда императора въ столицу Царства Польскаго, я намѣренъ замѣтить только случаи, выходившіе изъ предначертаннаго порядка, но которые своею неожиданностію производили впечатлѣніе.

Николай Павловичъ вѣзжалъ въ Варшаву верхомъ, имѣя по лѣвую руку цесаревича Константина Павловича. Наслѣдникъ престола Александръ Николаевичъ и великій князь Михаилъ Павловичъ слѣдовали сзади рядомъ. Пріятно было видѣть вмѣстѣ двухъ братьевъ, сдѣлавшихъ обоюдное пожертвованіе, неслыханное въ лѣтописяхъ честолюбія. Государь произвелъ на всѣхъ огромное впечатлѣніе своимъ величественнымъ видомъ.

Когда государь приблизился къ 1-му конно-егерскому полку, котораго наслѣдникъ считался шефомъ и былъ въ мундирѣ полка, онъ подозвалъ это милое дитя и поставилъ его въ ряды старыхъ воиновъ, тогда восторгъ былъ неописанный и громогласное: ура Николай! ура Александръ! было искреннимъ, непривязаннымъ его изъявленіемъ.

По улицамъ, гдѣ проходило шествіе, во всѣхъ окнахъ увѣшанныхъ коврами и матеріями, тѣснились дамы, бросавшія цвѣты; народу вездѣ было бездна. Вечеромъ весь городъ былъ блистательно иллюминированъ и наполненъ гуляющими и катавшимися въ экипажахъ. Давно Варшава не видала такого торжества! Многіе богачи сдѣлали значительныя вспоможенія бѣднымъ, въ ознаменованіе этого радостнаго дня.

Съ прибытія государя до дня коронаціи были представленія императору и императрицѣ порознь. Николай очаровалъ всѣхъ любезностію, съ которою онъ находилъ сказать что либо пріятное, каждому изъ представлявшихся. При представленіи императрицѣ, генералы, офицеры гвардіи и первые классы гражданскихъ чиновъ подходили къ руцѣ. Великій князь цесаревичъ Константинъ Павловичъ присутствовалъ при представленіи. Императрица была одѣта, съ большимъ великолѣпіемъ, въ платьѣ изъ серебраго газа съ мантиею желтаго цвѣта, шитою серебромъ;

на головѣ вѣнокъ изъ васильковъ, желтый и синій народные цвѣта Польши.

При представленіи дамъ, когда оберъ-церемоніймейстеръ хотѣлъ ихъ представлять императрицѣ по первенству классовъ, супруга председателя сената, княгиня Замојская, сказала ему, что въ Польшѣ женщины всѣ равны и между ними нѣтъ различія классовъ, и тотъ былъ вынужденъ представлять ихъ не соблюдая первенства.

Не слѣдуетъ заключать изъ этой выходки княгини Замојской, что въ самомъ дѣлѣ между поляками существуетъ это демократическое равенство: многимъ изъ нихъ желательно быть княгинями и графинями, и этотъ дѣйствительный и иногда предполагаемый титулъ никогда не забывается на ихъ визитныхъ карточкахъ.

Государь ходилъ часто пѣшкомъ изъ королевскаго замка въ Брюлевскій палацъ, гдѣ помѣстился на это время цесаревичъ, и всегда былъ сопровождаемъ толпою народа, оглашавшаго воздухъ криками ура! Полиціи было приказано государемъ не удалять отъ него народа, что не мало служило къ увеличенію восторга, который производилъ августѣйшій гость Варшавы.

12 мая наступилъ желанный день коронаціи. Съ ранняго утра замковая площадь и прилежація къ ней улицы кипѣли народомъ. Отъ королевскаго замка до собора св. Яна была выстроена галлерей, полъ и перила которой были обиты малиновымъ сукномъ. Обѣ стороны галлерей были прикрыты двумя рядами пѣшихъ и конныхъ войскъ. За ними, гдѣ дозволяло мѣсто, были устроены амфитеатры, въ которыхъ могло помѣщаться болѣе трехъ тысячъ дамъ. Видъ этихъ амфитеатровъ, наполненныхъ дамами съ разноцвѣтными зонтиками, шляпками, былъ весьма эффектенъ.

Послѣ освѣщенія королевскихъ регалій въ соборѣ, онѣ были перенесены въ сопровожденіи духовенства въ тронную залу замка, которая была отдѣлана съ большимъ великолѣпіемъ и вкусомъ; только тронъ короля польскаго былъ оберегаемъ русскими гренадерами дворцовой роты, что, разумѣется, было замѣчено польскими патриотами.

Коронованіе произошло по церемоніалу, но по моему чину я не могъ его видѣть. Говорятъ, что при чтеніи молитвы госу-

даръ былъ чрезвычайно тронуть. По окончаніи церемоніи въ тронномъ залѣ, король направился въ соборъ. Непосредственно за императрицею шла княгиня Ловичъ съ наслѣдникомъ.

Въ соборѣ 300 музыкантовъ, пѣвцовъ и пѣвицъ исполнили *Te Deum* Курпинскаго, капельмейстера варшавской оперы, одно изъ лучшихъ музыкальныхъ произведеній въ этомъ родѣ, по мнѣнію знатоковъ.

Послѣ коронаціи начались празднества. Баловъ было пять: при дворѣ два, одинъ въ ратушѣ отъ города, одинъ въ биржевомъ залѣ отъ пословъ и депутатовъ и одинъ у кн. Замойскаго. Въ первый разъ въ жизни мнѣ привелось участвовать на такихъ великолѣпныхъ балахъ.

Не смотря на изъявляемый населеніемъ Варшавы восторгъ и на оказываемую поляками преданность, надъ государемъ, во все время пребыванія въ Варшавѣ, висѣлъ Дамокловъ мечъ.

Высоцкій и Гуровскій, во главѣ ярыхъ заговорщиковъ школы подпрапорщиковъ, выбирали только удобный случай, чтобы умертвить государя и всю царскую фамилію. Принадлежавшіе къ заговору послы, кн. Адамъ Чарторыжскій, Малаховскій, Зверковскій, Дзіалынскій, Бернардскій, Потцкій употребляли тщетно все усилія, чтобы отклонить Высоцкаго отъ его ужаснаго намѣренія. Можно сказать, что Провидѣніе спасло Николая.

Потомъ обнаружилось, что обширный заговоръ существовалъ уже въ 1829 году и тайная полиція, имѣвшая во главѣ своей поляковъ Рожнецкаго и Любовидзкаго и русскихъ Жандра, Фенша и Засса, ничего о немъ не вѣдала.

Самъ цесаревичъ жестоко ошибался, писавъ въ 1826 году Опочинину для сообщенія государю: „Поляки хвастаются весьма и дорожатъ тѣмъ, что у нихъ съ самыхъ древнихъ временъ, даже въ исторіи нѣтъ примѣра, чтобы были въ Польшѣ цареубійцы“.

По отъѣздѣ изъ Варшавы императора Николая I-го все вошло въ обыденный нашъ порядокъ. Какъ великому князю Константину Павловичу, такъ и никому изъ насъ русскихъ не приходило въ голову, что мы живемъ на вулканѣ и 1830 годъ, послѣдній нашей стоянки въ Варшавѣ, начался мирно.

Февраля 23-го 1830 г. я былъ назначенъ батальоннымъ адъютантомъ 2-го батальона. Верховую лошадь купилъ у польскаго

генерала Милберга. Это былъ рыжій меринъ, по названію Кракусъ, на которомъ я сдѣлалъ всю кампанію 1831 года и который служилъ мнѣ до 1850 года.

Обзаведясь верховою лошадыю, я дѣлалъ большія прогулки по окрестностямъ Варшавы, гдѣ много прекрасныхъ загородныхъ домовъ съ обширными парками; жаль, что почти всѣ они запущены, воды заглохли и заплесневѣли, какъ прошлая пышность владѣльцевъ ихъ, знаменитыхъ польскихъ магнатовъ. Изъ этой категоріи надо исключить Виляновъ, Мокотовъ, Круликарию, Натолія и другіе.

Кромѣ семействъ офицеровъ полка, Пуцина, Тянькова, Обручева, я посѣщалъ нѣкоторые русскіе дома: Колотова, Мартюшева и нѣсколько польскихъ, между прочими Банко, Дюккерта, гдѣ танцовалъ до упаду.

Мы составляли иногда особаго рода прогулки. Раздѣвшись на берегу Вислы въ Варшавѣ и положивъ наше платье въ лодку, отправлялись вплавь въ Kawu Nadwiaslawsku (кофейный домъ на Вислѣ) верстъ семь отъ Варшавы. По Вислѣ, благодаря ея быстротѣ, плыть весьма легко, при чемъ, чтобы не озябнуть можно было отдыхать на песчаныхъ отмеляхъ. Одинъ изъ моихъ знакомыхъ гр. Коссовскій, ежели не ошибаюсь, имѣлъ большую шлюпку съ парусами. Разъ, катаясь въ ней противъ теченія, при свѣжемъ попутномъ вѣтрѣ, кто то предложилъ, что хорошо бы было, взявшись за веревку, плыть за лодкою. Я въ одну минуту изъявилъ на то желаніе. Спустили паруса, веревку мертвымъ узломъ продѣли мнѣ чрезъ плечо, я прыгнулъ въ воду и закричалъ, чтобы шли. Когда подняли снова парусъ и шлюпка понеслась быстро, меня начало сильно бросать изъ стороны въ сторону, сбросить съ себя петлю я не могъ, кричать было стыдно, я захлебнулся и совершенно бы погибъ, ежели бы одинъ изъ гуляющихъ не взглянулъ на меня случайно, и замѣтя, что меня бросаетъ изъ стороны въ сторону, приказалъ спустить паруса, и меня вытащили уже безъ чувствъ. Кто-то съострилъ тогда, что я едва не доказалъ собою, что не всѣ пословицы справедливы, ибо одна говоритъ, что кому быть удушеннымъ, тотъ не утонетъ, а меня бы утопили и задавили въ одно время.

Въ маѣ 1830 г. императоръ Николай прибылъ въ Варшаву для открытія сейма королевства польскаго, который и открылъ 16—28 мая рѣчью на французскомъ языкѣ. Предсѣдатели сената

и палаты Дензенатовъ или нунціевъ (Jzba Posulska) отвѣчали на рѣчь государя по польски.

Изъ замѣчательныхъ иностранцевъ, посѣтившихъ государя въ Варшавѣ, были: наслѣдный принцъ прусскій Фридрихъ Вильгельмъ, открытое, доброе лицо, обхожденіе простое безъ малѣйшей аффектаціи, похожъ на сестру свою императрицу Александру Теодоровну; братъ его Фридрихъ Карлъ съ супругою, дочерью Маріи Павловны, герцогини Веймарской; наконецъ, знаменитый ученый Александръ Гумбольдтъ, только что возвратившійся изъ поѣздки своей на Уралъ, человекъ лѣтъ 50-ти, небольшого роста, въ мундирѣ прусскаго камергера. На балу у Соболевскаго, занимавшаго должность намѣстника Царства Польскаго, я имѣлъ счастливый случай стоять сзади государя во время его разговора по французски съ Гумбольдомъ, продолжавшагося съ полъ-часа.

Рѣчь у Гумбольда, человека столько же придворнаго, какъ и ученаго, лилась рѣкою.

Изъ всѣхъ баловъ, бывшихъ въ Варшавѣ, во время пребыванія въ ней императорской фамиліи, безъ сомнѣнія самые блистательные были два танцевальные вечера у императрицы во дворцѣ королевскихъ лазенокъ (бань). Прелестное положеніе этого дворца, между двумя большими прудами, много тому способствовало. Мостъ со статуею Яна Собѣскаго, побѣдителя турокъ, находящійся противъ дворца, и противоположная сторона пруда съ амфитеатромъ были иллюминированы, что производило большой эффектъ, смотря изъ дворца. Публика, не приглашенная на балъ, могла прекрасно видѣть съ терассы, идущей кругомъ дворца, всѣ залы, чрезъ огромныя, доходящія до земли, окна. Императрица восхищала всѣхъ зрителей блескомъ и вкусомъ своего туалета и превосходною манерою въ танцахъ, которые, какъ извѣстно, она очень любила. Николай Павловичъ кромѣ польскаго ничего не танцевалъ, за то очаровывалъ всѣхъ своею любезностію и хозяйскою попечительностію о своихъ гостяхъ. Дамы, обращавшія вниманіе своею красотою на этихъ балахъ, были Мостовская, Суминская, Красинская, Грабовская, княжна Урусова, Штрандманъ и другія. Мнѣ казалось однако, что въ польскомъ высшемъ обществѣ не такъ много красавицъ, какъ въ среднемъ, особенно изъ мехесокъ, то есть

евреекъ, принявшихъ европейскій родъ жизни. Въ этомъ легко убѣдиться на каждомъ большомъ гуляньѣ въ Саксонскомъ саду.

Какъ извѣстно, послѣдній сеймъ Царства Польскаго сталъ въ сильную оппозицію противъ правительства, отвергнувъ внесенный имъ проектъ закона о разводѣ и обвинивъ, по предложенію Густава Малаховскаго, министра юстиціи Возницкаго за неопубликованіе декрета высшаго суда по процессу о патриотическомъ обществѣ, министра финансовъ Любецкаго, подписавшаго декретъ о распушеніи Калишскаго генеральнаго совѣта, и министра народнаго просвѣщенія палатина Грабовскаго за скрѣпленіе декрета, возстановившаго цензуру. Сеймъ намѣревался также обвинить предсѣдателя сената кн. Замойскаго и военнаго министра Гауке, но не успѣлъ этого сдѣлать, такъ какъ былъ закрытъ.

Какъ въ 1829 году, такъ и въ прїѣздѣ государя въ Варшаву въ маѣ 1830 г., жизнь его находилась въ безпрестанной опасности, отъ развивающагося все болѣе и болѣе заговора.

1830 годъ замѣчателенъ для Варшавы открытіемъ 11 мая памятника знаменитому астроному Копернику, предъ домомъ общества друзей наукъ (Towarzystwo prziacol nauk). Станиславъ Сташицъ, бывшій предсѣдатель этого общества, первый подаль мысль подписки на сооруженіе этого памятника, принявъ болѣе половины издержекъ на свой счетъ. Сташицъ дѣйствительно былъ другъ человѣчества и науки, отдавшій имъ свое богатство и здоровье. Прахъ его похороненъ въ монастырѣ Камеялово (les chartreux) въ Бѣлянахъ, подъ Варшавою, а память будетъ жить вѣчно въ сердцахъ его соотечественниковъ. Модель памятника Копернику сдѣлана Торвальдсеномъ и вылита изъ мѣди въ Варшавѣ, на фабрикѣ братьевъ Грегуаръ.

Разсказываютъ, что когда упала завѣса, покрывавшая памятникъ, и предсѣдатель общества Юліанъ Урсинъ Нѣмцевичъ произносилъ слова своей рѣчи: „солнце, на которое полѣтка Коперникъ имѣлъ устремленными свои взоры, пусть сегодня бросить ласковый лучъ свой на его изображеніе“, въ это время солнце, не показывавшееся уже четверо непогодныхъ сутокъ, какъ бы чудомъ расторгло облака и явилось во всемъ блескѣ. Не будучи очевидцемъ, не могу утверждать этотъ фактъ, но я слышалъ этотъ разсказъ отъ очевидцевъ и о немъ писали во всѣхъ газетахъ. Многіе европейскіе ученые,—между прочимъ бар. Цахъ

въ „Correspondance astronomique“, возбуждаютъ сомнѣніе относительно польскаго происхожденія Коперника; но писатели польскіе, а особенно Янъ Снядецкій, кажется, совершенно доказали противное. Всѣхъ поляковъ сомнѣніе, что Коперникъ не ихъ родичъ, приводитъ въ ярость. Надо отдать справедливость тому врожденному уваженію, которое питаютъ поляки во всему, что составляетъ славу ихъ родины.

Мнѣ часто случается думать, что ежели бы прежняя Польша не была такая безобразная олигархическая республика, то могла бы сохранить свою самобытность еще на долгія времена.

По своей культурѣ она стояла несравненно выше другихъ славянскихъ національностей. Можно сомнѣваться въ пользѣ, которую принесли человечеству маккевіалическіе раздѣлы Польши. Во всякомъ случаѣ, я вынесъ убѣжденіе изъ долговременнаго пребыванія въ Польшѣ, что поляки, какъ говоритъ Н. И. Костомаровъ, „народъ сердечный“. Я имѣлъ между ними много хорошихъ пріятелей.

Іюльская революція 1830 года во Франціи произвела одуряющее дѣйствіе на поляковъ; они всегда имѣли безразсудство расчитывать на Францію для своего національнаго возрожденія, въ то время какъ Наполеонъ, для честолюбія котораго они дрались храбрѣе самихъ французовъ, на апогеѣ своего могущества ничего для нихъ не сдѣлалъ. Мнѣ часто приходилось высказывать это моимъ польскимъ пріятелямъ, но убѣдить ихъ въ этомъ было невозможно. Образованный полякъ разсуждаетъ о политическихъ событіяхъ другихъ народовъ совершенно правильно, но только рѣчь коснется его народа, онъ тотчасъ увлекается несбыточными надеждами и начинаетъ говорить вздоръ. Какъ твердо еврей уповаетъ на пришествіе Мессіи, такъ полякъ на возстановленіе польской республики, съ прежними границами.

Политическія происшествія во Франціи и Бельгіи вызвали вмѣшательство другихъ европейскихъ державъ, и въ Варшавѣ начались приготовленія къ войнѣ, что насъ военныхъ весьма радовало.

Въ октябрѣ 1830 г. ходили въ Варшавѣ слухи, что существуетъ заговоръ противъ русскихъ, и были прибываемы прокламаціи, призывавшія всѣхъ правдивыхъ поляковъ въ возвращенію себѣ независимости. Хотя мы русскіе этимъ слухамъ рѣшительно не вѣрили, однако, начальствомъ были приняты нѣкоторыя предо-

сторожности и назначены сборные пункты въ случаѣ тревоги, но все это сообщалось подъ совершеннымъ секретомъ однимъ главнымъ начальникамъ.

Въ это время я квартировалъ съ Форсманомъ на Закрочимской улицѣ, въ домѣ виноторговца, ополячившагося француза, Маренжа. Въ этомъ же домѣ жили двое Хржановскихъ. Одинъ подполковникъ генеральнаго штаба, игравшій потомъ важную роль въ войнѣ 1830—1831 года, былъ семейный, но очень бѣдный; другой майоръ, командовалъ однимъ учебнымъ баталіономъ изъ отборныхъ ротъ, по одной изъ каждаго полка, стоявшаго въ Варшавѣ. Я часто бывалъ у обоихъ братьевъ, особенно у майора, у котораго сходилось много офицеровъ разныхъ польскихъ полковъ, всѣ они, какъ оказалось впоследствии, принадлежали къ заговору, но по ихъ разговорамъ, которые были обыкновенно политическаго свойства, не возможно было заключить, что революція у насъ на носу. Разумѣется, они въ моемъ присутствіи боялись высказываться.

8 ноября 1830 г., въ день полковаго праздника л.-гв. Литовскаго полка, полку былъ назначенъ церковный парадъ, но, противъ обыкновенія, въ полной походной формѣ, что мы приписывали приготовленію къ походу за границу. По случаю дурной погоды парадъ былъ отказанъ, а обычный въ этотъ день завтракъ у великаго князя былъ попрежнему въ залахъ королевскаго дворца. Завтракъ этотъ бывалъ всегда очень характеристиченъ. Представьте себѣ огромный столъ покоемъ, покрытый всякаго рода холодными блюдами и винами и окруженный министрами, генералами, дипломатами, офицерами и солдатами, стоявшими безъ всякаго порядка, ѣвшими и пившими наскоро. Солдатъ приглашалось не менѣе ста. Представьте себѣ прусскаго консула Шмидта, тонкаго гастронома, и подлѣ него литовскаго гренадера, который, послѣ мороженаго, убираетъ сосиски съ капустой и шампанское запиваетъ водкою; присовокупите къ этому громкій говоръ по русски, по французски, по польски, по нѣмецки, и вы получите понятіе объ этомъ чисто военномъ завтракѣ. Это былъ послѣдній нашъ праздникъ въ Варшавѣ, гдѣ полкъ простоялъ пятнадцать лѣтъ.

А. А. Одинцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДНЕВНИКЪ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА НИКИТЕНКО

1844 г. ¹⁾.

Январь 2. Вчерашній вечеръ провелъ на балу въ Смольномъ монастырѣ. Дѣвицы окружили меня тѣсной толпой, отказывались отъ танцевъ, выражали свое горе и упрекали за то, что я ихъ покидаю. Но ихъ простодушныя изъявленія расположенія ко мнѣ не повравились начальству. Въ разныхъ мѣстахъ залы были разсажены классныя дамы, съ порученіемъ слѣдить за моими и ихъ взглядами, улыбками, движеніями. Чего онѣ боялись?

Возвратясь домой, я нашелъ отношеніе барона Корфа, которымъ онъ извѣщалъ меня, что государь императоръ, за службу мою въ аудиторской школѣ, пожаловалъ мнѣ орденъ Станислава 2-й степени. Это можетъ быть и очень лестно, но насколько лестіе было бы для меня, еслибъ въ заключеніе восторжествовала моя идея. Я хочу, чтобы аудиторская школа сдѣлалась рассадникомъ новыхъ началъ судопроизводства въ арміи,—я хочу истины и правосудія.

10. Вотъ люди: на дняхъ прѣзжали ко мнѣ учителя аудиторской школы благодарить за награды: при чемъ же я-то тутъ? А одновременно съ этимъ я думаю, что надзирающій за порядкомъ въ классахъ, майоръ Рейсихъ, составилъ изъ учителей комитетъ ругателей, которые преусердно обливаютъ меня грязной водой. Въ добрый часъ, ругайтесь, сколько угодно, но, предупреждаю, не касайтесь моего дѣла по аудиторской школѣ!

---

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LIX, авг., стр. 305—311; сент., стр. 483—524; т. LX, окт. стр.; 61—83; нояб.; стр. 267—310; дек., стр. 549—582; изд. 1869 г., томъ LXI, февр.; стр. 293—314; мартъ, стр. 506—523; т. LXII, апр., стр. 107—130; июнь, стр. 577—598; т. LXIII, июль, стр. 27—60; августъ, стр. 265—299; сентябрь, стр. 519—558; т. LXIV: октябрь, стр. 103—122; ноябрь, стр. 323—334; декабрь, стр. 727—753.

12. Киевскій генераль-губернаторъ Бибиковъ прислалъ къ министру внутреннихъ дѣлъ жалобу на цензуру, или, вѣрнѣе, на «Библиотеку для Чтенія», за статьи, помѣщенные тамъ въ прошломъ году объ исторіи Малороссіи Маркевича. «Библиотека для Чтенія» обвиняется въ явномъ пристрастіи къ Польшѣ, въ неблагоприятныхъ отзывахъ о Россіи и Малороссіи, въ оскорбленіи малороссійской національности словами: «что народъ ея составился изъ бѣглыхъ польскихъ холопей»,—въ ругательномъ тонѣ вообще и, наконецъ, въ самомъ пагубномъ антинаціональномъ направленіи. Эту жалобу Перовскій препроводилъ къ нашему министру; а тотъ сдѣлалъ легкій выговоръ цензорамъ Корсакову и Фрейгангу.

14. Мы читали въ цензурномъ комитетѣ объясненіе цензоровъ Корсакова и Фрейганга на жалобу Бибикова. Оно написано довольно дѣльно. Я предложилъ легкія измѣненія, которыя и были приняты. Цензоръ опирается на то, что «Библиотека для Чтенія» изъяснила только свое ученое мнѣніе относительно малороссійскаго народа — мнѣніе, въ которомъ всякій воленъ. Что же касается общаго направленія журнала, будто бы мирволящаго польскимъ идеямъ—это совершенно несправедливо: въ немъ, напротивъ, можно указать много мѣстъ, гдѣ Польша сильно порицается. Но главную свою защиту цензоръ построилъ на слѣдующей основной мысли «Библиотеки для Чтенія»: Малороссія никогда не составляла отдѣльнаго политическаго общества, дѣлала много глупостей и зла сосѣдямъ и что все это кончилось лишь съ тѣхъ поръ, какъ она соединилась съ Россіей.

Былъ у графа Клейнмихеля, который приглашаетъ меня занять каеэдру словесности въ корпусѣ путей сообщенія.

20. Жалоба Бибикова, наконецъ, дошла до государя. Онъ прекрасно рѣшилъ это дѣло:

— «Если въ статьяхъ «Библиотеки для Чтенія» заключается ложь, то ее и должно опровергнуть литературнымъ образомъ, только безъ брани».

Февраль 5. Вчера въ университетѣ происходилъ выборъ въ ординарные профессора на вакансію, которая открылась съ увольненіемъ Шульгина. Кандидатовъ было нѣсколько, въ томъ числѣ и я. На мою долю выпало всего шесть бѣлыхъ шаровъ—очень мало. Всѣ прочіе были мнѣ предпочтены. Профессоръ Фишеръ мнѣ сказалъ:

— «Вамъ оказали вопіющую несправедливость—но такъ должно быть. Кто имѣетъ несчастную репутацію человѣка съ дарованіями, тому посредственность никогда не отдастъ должнаго».

Я на это отвѣчалъ:

— Товарищи мои вправѣ выказать мнѣ свое недоброжелательство, и я имѣю право немедленно забыть это.

Развѣ я когда вибудь полагаю иначе, что могу и долженъ опираться не на одинъ только свой трудъ? Итакъ, работать, работать.

8. Празднованіе въ университетѣ двадцатипятилѣтія его существованія. Митрополитъ служилъ обѣдню и молебень. Въ залѣ невыносимый холодъ. Ректоръ три часа и восемнадцать минутъ читалъ исторію университета. Тоска и холодъ всѣхъ одолѣли. Никогда еще, кажется, университетскій актъ не былъ неудачнѣе. О дѣятельности университета за истекшія двадцать пять лѣтъ не сказано ничего существеннаго, а можетъ быть и не могло быть сказано.

10. Экзаменъ Екатерининскимъ институткамъ въ Аничковскомъ дворцѣ. Это мой послѣдній экзаменъ. Былъ весь дворъ, кромѣ Маріи Николаевны и Александры Николаевны. Государь два раза входилъ въ залу—разъ въ половинѣ экзамена, другой—въ концѣ. Въ моемъ предметѣ, какъ всегда водится, однѣ отвѣчали плохо, другія хорошо и немногія превосходно. Чуть ли не главное состояло въ произнесеніи стиховъ. Государь читалъ нѣкоторыя изъ сочиненій, писанныхъ тутъ же на доскахъ. Всѣ остались довольны. Послѣ завтрака государыня встрѣтилась со мной у двери, гдѣ я, по близорукости и вслѣдствіе недавней потери очковъ, не узналъ ея сначала. Она очень ласково сказала:

— «Вы Никитенко, не правда ли? Очень вамъ благодарна: экзаменъ былъ очень хорошъ».

Я поклонился—и дѣло кончено. Присутствовавшіе, замѣтивъ благосклонную улыбку на лицѣ государыни, когда она мнѣ говорила эти слова, поспѣшили ко мнѣ, кто съ рукопожатіемъ, кто съ комплименстами.

Мартъ 2. Государь посѣтилъ римско-католическую академію и былъ чрезвычайно ласковъ и всѣми доволенъ. Ректору онъ оказалъ лестное вниманіе, а воспитанникамъ сказалъ, что желаетъ, «чтобы они были вѣрными католиками и въ то же время вѣрными подданными Россіи. Исповѣдуя безпрепятственно свою вѣру, они должны помнить, что власть церковная не должна мѣшаться въ дѣла политическія». Въ заключеніе императоръ поблагодарилъ академію за порядокъ и за все, что онъ въ ней нашель. Уѣзжая, онъ прибавилъ, что будетъ чаще посѣщать академію, когда она переселится на Васильевскій острогъ. Вообще нынѣшнюю зиму, послѣ несчастной исторіи съ кадетами корпуса путей сообщенія и главная отвѣтственность за которую падаетъ на Клейнмихеля, все идетъ какъ-то мягче и гуманнѣе. Будемъ надѣяться!

4. Былъ у графа Клейнмихеля; принять въ высшей степени ласково. Онъ позвалъ меня въ кабинетъ и просилъ заняться приведеніемъ въ порядокъ преподаванія въ корпусѣ путей сообщенія русскаго языка, который тамъ въ большомъ упадкѣ.

— «Вообще, прибавилъ онъ, это заведеніе было вертепомъ разврата, разбоя и либерализма: я уничтожу этотъ дух!»

12. Князь Волковскій заключилъ миръ съ Уваровымъ при посредничествѣ князя Дондукова. Итакъ, онъ остается у насъ попечителемъ, чему всѣ рады, особенно я.

19. Вышелъ или выйдетъ на-дняхъ указъ объ увеличеніи пошлинъ съ отѣзжающихъ за границу. Всякій платитъ сто рублей серебромъ за шесть мѣсяцевъ пребыванія за границею. Лицамъ моложе двадцати пяти лѣтъ совсѣмъ воспрещено ѣздить туда. А если болѣзнь требуетъ поѣздки въ Карлсбадъ, Мариенбадъ или на другія воды? Въ такомъ случаѣ милостиво позволено большому умирать у себя дома. Сверхъ того, отнынѣ мѣстные генераль-губернаторы не могутъ болѣе выдавать паспортовъ на выѣздъ за границу. Однимъ словомъ, приняты всѣ мѣры, чтобы сдѣлать Россію Китаемъ. Говорятъ, поводомъ къ этому послужили послѣднія пренія въ англійскомъ парламентѣ, гдѣ сильно досталось нашему правительству. Въ обществѣ сильный ропотъ. И дѣйствительно, мѣра эта крайне неловкая, не говоря уже о ея насильственности. Вслѣдствіе положеннаго на нее запрета, Европа становится какою-то обѣтованною землей. Но вѣдь нельзя же, чтобы идеи изъ нея не проникали къ намъ? Да и гдѣ необходимость этого насилія, не позволяющаго мнѣ дышать тѣмъ воздухомъ, какимъ я хочу? Вездѣ насилія и насилія, стѣсненія и ограниченія—нигдѣ простора бѣдному русскому духу. Когда же и гдѣ этому конецъ?

28. У нашего министра. Онъ получилъ брильянтовые знаки Александра Невскаго и очень благосклонный рескриптъ. Очевидно, онъ опять укрѣпился на своемъ посту.

Хотѣтъ управлять народомъ посредствомъ одной бюрократіи, безъ содѣйствія самаго народа, значить въ одно и то же время угнетать народъ, развращать его и подавать поводъ бюкратамъ къ безчисленнымъ злоупотребленіямъ. Есть части правленія, которыя непременно должны находиться подъ влияніемъ народа или общества. Напримѣръ, часть судебная. И это можетъ быть достигнуто безъ нарушенія (чьихъ-либо) правъ. Надо только, чтобы (власть) имѣла меньше эгоизма.

23. Былъ вечеромъ у Маркуса, лейбъ-медика императрицы. Онъ пользуется отличной репутаціей, какъ врачъ и какъ человѣкъ—и не

даромъ. Это одинъ изъ рѣдкихъ людей по образованію, по гуманности, прямодушію и прекрасному сердцу. Умъ у него ясный и обогащенный разнообразными свѣдѣніями. Ему доступны всѣ умственные, нравственные и эстетическіе интересы. Всякій прогрессъ чело-вѣчества его радуетъ. Специальность, и при томъ блистательно выполняемая, не поглотила въ немъ ни чело-вѣка общественнаго, ни даже высшихъ поэтическихъ и религіозныхъ вѣрованій. Въ его характерѣ счастливое равновѣсіе силъ и сочетаніе элементовъ самыхъ разнообразныхъ и богатыхъ. Отъ этого мысль его ясна и чиста — безъ пятенъ, какія налагаетъ на чело-вѣческую мысль духъ партій, школь и пр. Медикъ, онъ вѣруетъ въ Бога, какъ христіанинъ, очищенною вѣрою; вѣруетъ въ безсмертіе души, какъ философъ, знающій, что чело-вѣчество выше философіи, а Богъ выше чело-вѣчества; вѣруетъ въ добродѣтель, какъ чело-вѣкъ добродѣтельный. Бесѣда его пріятна и поучительна. Онъ много видѣлъ, много испыталъ. У него богатый запасъ разнородныхъ свѣдѣній, потому всякій можетъ найти съ нимъ предметъ для разговора. Онъ при Дворѣ, но онъ не царедворецъ. Любовь къ общему благу внушаетъ ему разные проекты улучшеній въ области его специальности. Близость къ государю, казалось бы, должна была облегчить ему осуществленіе ихъ. На дѣлѣ не такъ: ему на каждомъ шагу вoadвигаютъ препятствія; самыя очевидныя нужды не уважаются. Онъ не уступаетъ, бьется, но дѣло медленно подвигается. Такова, впрочемъ, у насъ судьба всѣхъ общественныхъ идей и благихъ предначертаній. Предложите любую мѣру именовъ закона, именовъ пользы гражданъ—васъ осмѣютъ, какъ фантазера, какъ выскочку-идеолога, если только вамъ не явятся тутъ на помощь чьи-нибудь личные интересы. Это мечта думать, что, приближаясь къ источнику власти, можно открыть себѣ путь къ полезной дѣятельности: самая власть эта до того опутана сѣтями противоположныхъ вліяній, что рѣшительно не въ состояніи ничего дѣлать. Она можетъ гнѣваться, грозить, а дѣла все-таки пойдутъ своимъ порядкомъ. А порядокъ этотъ страшный, удивительный, но прочно укоренившійся у насъ (1844 г.). Онъ состоитъ изъ злоупотребленій, безпорядковъ, всяческихъ нарушеній закона, наконецъ, сплотившихся въ систему, которая достигла такой прочности и своего рода правильности, что можетъ держаться такъ, какъ въ другихъ мѣстахъ держатся порядокъ, законъ и правда. Говорите послѣ того о разсудкѣ, о справедливости дѣлъ чело-вѣческихъ! Нѣтъ такого зла, котораго люди не могли бы снести: все дѣло только въ томъ, чтобы привыкнуть къ нему.

Май 4. Покучилъ отъ государыни брилліантовый перстень за

службу въ Екатерининскомъ институтѣ, но, какъ оказывается, не безъ хлопотъ. Я прослужилъ въ этомъ заведеніи тринадцать лѣтъ всегда пользовался расположеніемъ моихъ ученицъ, но не успѣлъ заслужить расположенія высшаго начальства, въ лицѣ принца Ольденбургскаго. Когда я подалъ въ отставку, онъ положилъ отпустить меня, не сказавъ мнѣ даже простаго спасибо. Но Ободовскій (инспекторъ классовъ) и начальница, Екатерина Владиміровна Родзянко, вначе взглянули на дѣло. Последняя, помимо принца, лично сдѣлала обо мнѣ представленіе императрицѣ. Государыня поручила ей въ лестныхъ выраженіяхъ передать мнѣ ея благодарность и вручить брилліантовый перстень. При моемъ безденежьи это очень кстати. Я отдалъ перстень въ кабинетъ и получилъ взаменъ, за обыкновенными вычетами, 800 рублей.

9. Высочайшее повелѣніе по цензурѣ, чтобы не позволять печатать въ журналахъ извѣстій о выѣздѣ государя изъ столицы.

Въ воскресенье ѣздилъ въ Кронштадтъ, навѣстить брата моей жены, который состоитъ на морской службѣ. Оснащивая корабль, онъ недавно упалъ въ море, сильно ушибся и чуть не утонулъ. Между прочимъ, ѣздилъ въ гавань осматривать пароходъ Камчатку. Онъ выстроенъ въ Америкѣ, стоить три милліона съ половиною, но за то и представляетъ чудо искусства. Судно кажется вылитымъ изъ одного куска желѣза или дерева. Это не постройка, а живое существо, съ мускулами, костями, жилами, легкими, желудкомъ — тѣло и притомъ стройное и прекрасное тѣло.

29. Сегодня экзаменовалъ воспитанниковъ института путей сообщенія. Они очень плохи въ русскомъ языкѣ, особенно въ низшихъ классахъ, гдѣ, однако, сидятъ молодцы лѣтъ шестнадцати и семнадцати, которые не умѣютъ написать фразы безъ грубыхъ грамматическихъ ошибокъ. Все это мнѣ предстоитъ исправить, то есть, дать новую методу, которой слѣдовали бы учителя.

Іюнь 22. Недавно въ цензурѣ случилось громкое происшествіе. Кто-то, подъ вымышленнымъ именемъ, написалъ книгу, подъ заглавіемъ: «Продѣлки на Кавказѣ». Въ ней довольно рѣзко описаны беспорядки въ управленіи на Кавказѣ и разныя административныя мерзости. Книгу пропустилъ московскій цензоръ Крыловъ. Военный министръ прочелъ книгу и ужаснулся. Онъ указалъ на нее Дубельту и сказалъ:

— «Книга эта тѣмъ вреднѣе, что въ ней — что строчка, то правда».

25-го мая ее отобрали у здѣшнихъ книгопродавцевъ, но въ Москвѣ она уже успѣла разойтись въ большомъ количествѣ экземпляровъ.

Я ничего не зналъ ни объ этой мѣрѣ, ни о самой книгѣ. Между тѣмъ мнѣ прислали на разсмотрѣніе разборъ ея для Юовской книжки «Отечественныхъ Записокъ». Въ разборѣ помѣщено и нѣсколько выдержекъ изъ нея. Выдержки показались мнѣ «подозрительными и неблагонадежными», говоря цензурнымъ языкомъ. Но дѣлать было нечего: надо было пропустить то, что уже разъ было пропущено цензурою.

2-го Юня Владиславлевъ велѣлъ мнѣ передать, что статья въ «Отечественныхъ Запискахъ» производитъ шумъ и, чего добраго, надѣлаетъ бѣды. Я поспѣшилъ къ нему и тутъ только узналъ, что «Продѣлки на Кавказѣ» запрещены и что, слѣдовательно, о нихъ ничего нельзя говорить, а еще меньше можно перепечатывать изъ нея отрывки... Но дѣло уже было сдѣлано. Однако, я сказалъ Краевскому, чтобы онъ уничтожилъ статью въ еще не разосланныхъ экземплярахъ.

Неужели опять придется расплачиваться за чужія ошибки? А почему бы и нѣтъ? Наша юстиція, какъ извѣстно, зависитъ отъ расположенія духа... Я былъ у министра, объяснялся съ Комовскимъ. Министръ не находить за мной вины.

Все это случилось въ отсутствіе государя. Но вотъ онъ пріѣхалъ. Пока еще ничего нѣтъ. Можетъ быть, заботы по случаю болѣзни Александры Николаевны заставятъ забыть эту исторію.

Сегодня же состоялось освященіе зданія Римско-Католической академіи. Былъ министръ Перовскій и высшее католическое духовенство. Обѣдню служилъ епископъ. Церемонія закончилась гастрономическимъ обѣдомъ, при звукахъ кавалергардской музыки. Я все время не расставался съ Надеждинымъ, умная и живая бесѣда которая меня очень занимала.

30. Московскій цензоръ Крыловъ вызванъ сюда для объясненій. Онъ, по всему видно, вмѣстѣ съ московскимъ цензурнымъ комитетомъ далъ промаха. Впрочемъ, его отпустили обратно въ Москву. Еще не извѣстно чѣмъ это кончится.

Сентябрь 20. Они изъ всѣхъ силъ хлопочатъ о церкви, а о религіи не думаютъ, ибо у нихъ нѣтъ ея въ сердцѣ. Они не любятъ искренно ни Бога, ни людей. Они любятъ только свою славу, свою школу. «Быть первыми въ движеніи общества во чтобы то ни стало» — вотъ ихъ лозунгъ, который прячется за народностью, за патриотизмомъ и т. д. То идея, а то сила. Идеи даются намъ вѣками и положеніемъ нашимъ въ обществѣ, а сила отъ Бога. Она принадлежитъ избраннымъ. Бѣда въ томъ, что многіе считаютъ идею за силу и воображаютъ, что они могутъ дѣйствовать, когда они только могутъ думать.

Мы видѣли во времена Магницкаго, куда ведетъ церковь безъ рационализма, вѣра не по разуму.

Октябрь 1. .... По утру былъ у нашего министра. Кажется, на него порядочно подѣйствовалъ приемъ лести, поднесенный ему москвичами: онъ недавно изъ Москвы. Слабые нервы этого живаго, но не твердаго ума не выносятъ этого рода щекотанія. Онъ ужасно вооруженъ противъ «Отечественныхъ Записокъ», говоритъ, что у нихъ дурное направленіе — социализмъ, комунизмъ и т. д. Очевидно, это навѣяно москвичами-патріотами, которымъ во чтобы то ни стало хочется быть вождями времени. Министръ желаетъ не щадить «Отечественныхъ Записокъ». Между тѣмъ, давно-ли онъ, и словомъ и дѣломъ, осуждалъ доносъ Булгарина, составленный совершенно въ томъ же духѣ?

22. Объяснялся съ княземъ Волконскимъ по поводу доноса духовенства или, вѣриже, ректора здѣшней духовной академіи, епископа Аѳанасія, на цензуру, за пропускъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» статей о реформаціи, извлеченныхъ изъ сочиненія Равке. Я узналъ, что дѣло объ этомъ уже пошло въ синодъ. Аѳанасій слыветъ за фанатика, поборника того православія, которое держится не смысла, а буквы религіи и которое больше уважаетъ преданіе, чѣмъ Евангеліе. Я говорилъ съ клеветомъ его, нашимъ университетскимъ законоучителемъ Райковскимъ и спрашивалъ его, что находитъ онъ предосудительнаго въ статьяхъ о реформаціи? Въ отвѣтъ не получалъ ни слова путнаго, а въ заключеніи услышалъ слѣдующее: «въ нашемъ собственномъ духовенствѣ много лицъ, напитанныхъ протестантскими идеями—поэтому надо преслѣдовать реформацію».

— «Но вѣдь это фактъ», возразилъ я:—«развѣ можно выкинуть его изъ исторіи? Да и что въ немъ общаго съ нашею церковью? Реформація была слѣдствіемъ злоупотребленій духовной власти на Западѣ: развѣ у насъ было или можетъ быть что нибудь подобное? А если наши голы склонны къ протестантизму, какое дѣло до этого свѣтской цензурѣ? Въ этомъ виноваты духовныя власти: зачѣмъ онѣ допускаютъ до этого?»....

Князь хотѣлъ объясниться по этому поводу съ Войцеховичемъ и просилъ меня переговорить съ княземъ Одоевскимъ, который очень друженъ съ Войцеховичемъ. Но я предпочелъ бы, чтобы у меня потребовали официально объясненія: можно было бы прочесть этого монаха Аѳанасія, который не впервые уже обнаруживаетъ поползновеніе мѣшаться не въ свои дѣла. Бѣда, если монахамъ дать волю: опять наставутъ времена Магницкаго. Нынѣ и то ужъ слишкомъ много толкуютъ о православіи, бранятъ Петра, хотятъ воскресить блаженные времена до-Петровской Руси и т. д.

Обѣдалъ у Мартынова, Саввы Михайловича. Онъ дружень съ И. А. Крыловымъ и, между прочимъ, разсказалъ мнѣ о немъ слѣдующее. Крылову нынѣшнимъ лѣтомъ вздумалось купить себѣ домъ, гдѣ-то у Тучкова моста, на Петербургской сторонѣ. Но, осмотрѣвъ его хорошенько, онъ увидѣлъ, что домъ плохъ и потребуетъ большихъ передѣлокъ, а слѣдовательно и непосильныхъ затратъ. Крыловъ оставилъ свое намѣреніе. Нѣсколько дней спустя, къ нему является богатый купецъ (имени не знаю) и говоритъ: «я слышалъ, батюшка Иванъ Андреевъ, что вы хотите купить такой-то домъ?»

— «Нѣтъ», отвѣчалъ Крыловъ, — «я уже раздумалъ».

— «Отчего же?»

— «Гдѣ мнѣ возиться съ нимъ? Требуется много поправокъ, да и денегъ не хватаетъ».

— «А домъ-то чрезвычайно выгоденъ. Позвольте мнѣ, батюшка, устроить вамъ это дѣло. Въ издержкахъ сочтемся».

— «Да съ какой же радости вы станете это дѣлать для меня? Я васъ совсѣмъ не знаю».

— «Что вы меня не знаете—это не диво. А удивительно было бы, еслибъ кто изъ русскихъ не зналъ Крылова. Позвольте-жъ одному изъ нихъ оказать вамъ небольшую услугу».

Крыловъ долженъ былъ согласиться и вотъ домъ отстроивается. Купецъ усердно всѣмъ распоряжается, доставляетъ превосходный матеріалъ; работы, подъ его надзоромъ, идутъ успѣшно, а цѣны за все онъ показываетъ половинныя—однимъ словомъ, Иванъ Андреевичъ будетъ имѣть домъ, отлично отстроенный, безъ малѣйшихъ хлопотъ, за ничтожную, въ сравненіи съ выгодами, сумму.

Такая черта уваженія къ таланту въ простомъ русскомъ человѣкѣ меня пріятно поразила. Вотъ что значить народный писатель! Впрочемъ, это не единственный случай съ Крыловымъ. Однажды къ нему же явились два купца изъ Казани.—«Мы, батюшка, Иванъ Андреевъ, торгуемъ чаемъ. Мы, наравнѣ со всѣми казанцами, васъ любимъ и уважаемъ. Позвольте же намъ ежегодно снабжать васъ лучшимъ чаемъ».

И дѣйствительно, Крыловъ каждый годъ получаетъ отъ нихъ превосходнаго чая такое количество, что его вполне достаточно для наполненія пространнаго брюха гениальнаго баснописца.

Прекрасно! Дай Богъ, чтобы подвиги ума цѣнились у насъ не литературной кликой, а самимъ народомъ.

1845 г.

Январь 6. Утопаю въ дѣлахъ. На меня возложено еще новое дѣло: составленіе проекта измѣненій и дополненій къ цензурному уставу. Теперь очень что-то заторопились съ этимъ.

31. Позень уволенъ отъ должности. Безковечные толки. Дѣло между тѣмъ очень просто объясняется пословицею: «два медвѣдя въ одной берлогѣ не могутъ жить». Позень настолько уменъ и сознательнъ, что не могъ занимать важное мѣсто безъ вліянія, а графъ Воронцовъ не могъ допустить, чтобы между нимъ и государемъ состоялъ посредникомъ умный человѣкъ.

Февраль 8. Актъ въ университетѣ, кончившійся и печально и смѣшно. Куторга (Степанъ) читалъ за Устрялова рѣчь послѣдняго: «О Петрѣ Великомъ, какъ историкѣ»; самъ авторъ не могъ читать, по болѣзни. Профессоръ дочиталъ до того мѣста, гдѣ Петръ говоритъ о прусскомъ походѣ. При словахъ: «мы были окружены со всѣхъ сторонъ, намъ надо было или умереть, или пробиться—однѣмъ Богомъ»...—вдругъ въ лѣвомъ углу залы, у колоннъ раздался шумъ, и нѣсколько студентовъ опрOMETRY бросилось къ дверямъ. Въ одно мгновеніе вся зала поднялась, полетѣли стулья и публика безпорядочной толпой тоже ринулась къ выходу. Суматоха, давка, всеобщее смятеніе! Толпа у дверей сама себя затруднила выходъ. Нѣсколько человѣкъ бросились къ окнамъ, разбили стекла и собирались выпрыгнуть на улицу. Кто-то поранилъ себя руки. Никто не зналъ причины смятенія, но каждый находился подъ вліяніемъ паническаго страха. «Что это значить?» думалъ я: — «не пожаръ-ли?» Нѣтъ: нигдѣ ни дыма, ни огня. Между тѣмъ толпа все больше и больше напирала къ дверямъ, непроизвольно увлекая и сталкивая отдѣльныя личности. Меня столкнули съ адмиралами Рикордомъ и Крузенштерномъ. Послѣдняго сильно помяли. «Да въ чемъ дѣло? Что случилось?» спрашивалъ онъ у меня, а я у него. Министръ, попечитель, архіерей Анастасій, ректоръ и большинство профессоровъ находились позади и меньше всѣхъ растерялись: по крайней мѣрѣ они не метались, не толкались, и даже дѣлали попытки образумить ошалѣвшее юношество и публику. Наконецъ, нѣсколькимъ голосамъ удалось покрыть напавшій залу шумъ. «Господа, остановитесь, ничего, ничего!»

И дѣйствительно, оказалось—ничего. Нѣсколько студентовъ, расположившихся у колоннъ, услышали какой-то трескъ, вообразили себѣ, что колонны, потолокъ, хоры, все на нихъ рушится, вскочили и ринулись къ выходу. Публика, увлеченная въ примѣромъ и чувствомъ

самосохраненія, ничего не понимая, бросилась за ними. По приказанію министра, позвали архитектора. На колоннахъ, въ самомъ дѣлѣ, оказались трещины, но только по штукатуркѣ: онѣ къ акту были заново оштукатурены по верхамъ. Отъ усиленной топки для осушки штукатурки, она треснула въ моментъ торжества и произвела суматоху. Вотъ все, что могли найти послѣ тщательнаго освидѣтельствованія—по крайней мѣрѣ въ первую минуту.

Когда всѣ не много опомнились, зала представляла не бывалое зрѣлище: опрокинутые стулья, побитыя стекла въ окнахъ, на полу платки, перчатки, на лицахъ слѣды только что испытаннаго страха. Куда дѣвалась напускная важность сановниковъ.... Министръ закончилъ актъ раздачею студентамъ медалей, но уже въ другой залѣ. Затѣмъ всѣ, посмѣявшись сами надъ собой за свой испугъ, благополучно разошлись.

Мораль: сколько человѣкъ ни возвышайся умомъ, ни настраивай себя на высокій ладъ — достаточно легкаго шороха, мнимой опасности, чтобы умъ его опрокинулся вмѣстѣ со стульями и онъ сдѣлался добычею бессмысленнаго, животнаго страха. Поистинѣ: отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ.

24. Былъ у бывшаго нашего попечителя, князя Григорія Петровича Волконскаго. Говорю: бывшаго, потому что онъ въ дняхъ совершенно неожиданно переведенъ попечителемъ же въ Одессу. Онъ разсказалъ мнѣ всѣ подробности этого происшествія, очень для него непріятнаго. Князь уже два года, какъ просилъ министра дать ему помощника, въ которомъ онъ особенно сталъ нуждаться послѣднее время: у него хворала жена и ему приходилось, ради нея, по нѣсколько мѣсяцевъ отлучаться изъ Петербурга, на югъ. Но министръ, подъ разными предлогами, до сихъ поръ отказывалъ ему. Между тѣмъ государь лично предоставилъ князю самому выбрать себѣ помощника, и лично же, помимо министра, сдѣлать о томъ ему, государю, представленіе. Значитъ, Волконскій могъ дѣйствовать въ этомъ дѣлѣ совсѣмъ самостоятельно, но воздерживался только изъ деликатности. Но вотъ, болѣзнь княгини до того усилилась, что явилась уже неотложная потребность везти ее на югъ. Тогда Григорій Петровичъ сталъ подумывать о переищеніи своемъ попечителемъ въ Одессу, полагая, что климатъ этого города будетъ достаточно хорошъ для его жены. Но онъ рѣшался на это только въ послѣдней крайности. Между тѣмъ князь Воронцовъ, который любитъ Григорія Петровича и давно желаетъ его перечисленія къ себѣ, въ Одессу, намекнулъ о намѣреніи князя Волконскаго Уварову. Тотъ сталъ еще больше затруднять назначеніе помощника попечителя и, наконецъ, вынудилъ у послѣдняго

заявленіе о намѣреніи его, въ крайнемъ случаѣ, переселиться въ Одессу. Этимъ заявленіемъ онъ недобросовѣстно воспользовался, сдѣлалъ докладъ государю и назначеніе князя Волконскаго попечителемъ въ Одессу было рѣшено и подписано. Слѣдствіемъ этого было сильное неудовольствіе отца князя Волконскаго, который разсердился на сына за то, что тотъ не посоветовался предварительно съ нимъ о своемъ перемѣщеніи. Это съ одной стороны, а съ другой доктора объявили, что климатъ Одессы вовсе не годится для княгини и ее надо вести за границу, въ Германію. Григорія Петровича такимъ образомъ обошли: онъ въ большемъ затрудненіи теперь и негодуетъ на министра, который сыгралъ съ нимъ грубую шутку.

Мы много терпимъ. Князь не былъ усерднымъ администраторомъ, но онъ человекъ вполне благородный, просвѣщенный, съ европейскимъ образомъ мыслей, а положеніе его при Дворѣ таково, что онъ незамѣнимъ во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ по университету и по цензурѣ. Сколько разъ отвращалъ онъ отъ нихъ бѣду своимъ вліяніемъ! Вотъ хоть бы послѣднее происшествіе о тайныхъ сходкахъ студентовъ, которое, единственно благодаря ему, окончилось безъ шума. Теперь мы со страхомъ ожидаемъ новаго попечителя. Въ послѣднемъ засѣданіи цензурнаго комитета, Плетневъ, заступившій на время мѣсто предсѣдателя, уже поднялъ вопросъ объ усиленіи строгости и бдительности цензуры, такъ какъ она лишилась своего покровителя и защитника. Между тѣмъ эта несчастная цензура и при князѣ Волконскомъ уже висѣла на волоскѣ. Онъ самъ мнѣ сегодня сказалъ, что намѣревался сильно хлопотать о выдѣленіи ея изъ круга обязанностей своихъ, какъ попечителя. Вообще князь занимался ею очень неохотно и подѣ часъ выказывалъ презрѣніе даже ко всему тому, что называется русскою литературою. Можетъ быть, онъ и правъ въ настоящій періодъ ея развитія или, вѣрнѣе, застоя.

26. Въ цензурномъ комитетѣ получено высочайшее повелѣніе, не дозволить печатать никакихъ статей о постройкахъ по вѣдомству путей сообщенія, безъ предварительнаго сношенія съ его главнымъ начальствомъ. У насъ всякій отдѣльный начальникъ избѣгаетъ гласности и старается окружить непроницаемымъ мракомъ все свои дѣйствія. Такъ, конечно, лучше: во мракѣ все позволительно. Чудная это вещь русская администрація!

Книгопродавецъ Лисенко подалъ на Булгарина жалобу, что сей «сочинитель», какъ онъ его называетъ, шутовалъ: продалъ ему изданіе своихъ сочиненій и въ то-же время продалъ и другимъ. Дѣло производится въ гражданской палатѣ.

Мартъ 8. Плетневъ предсѣдательствуетъ въ цензурномъ коми-

тетѣ. Первое употребленіе, какое онъ сдѣлалъ изъ своей власти въ пользу литературы—это притѣсненіе журналовъ, ему непріязненныхъ, а они почти всѣ ему непріязненны, ибо не обращаютъ вниманія на его бѣдный «Современникъ». Болѣе всего онъ ожесточенъ противъ «Отечественныхъ Записокъ», которыя какъ-то разъ легонько посмѣялись надъ романомъ «Семейство», покровительствуемомъ имъ. Теперь Плетневъ вздумалъ провѣрить: издаются ли журналы точь въ точь по программѣ, которая была утверждена правительствомъ, то есть, не помѣщаютъ ли журналисты въ своихъ изданіяхъ такихъ статей, которыя не были поименованы въ первоначальной программѣ? Оказалось, что всѣ отступали отъ нея болѣе или менѣе и это въ первый же годъ своего существованія. Особенно виноваты въ этомъ смыслѣ «Отечественныя Записки», которыя сначала не обѣщались помѣщать иностранныхъ повѣстей, а теперь помѣщаютъ. Обстоятельство это никогда не считалось въ цензурѣ важнымъ: она знала, что всѣ наши журналы стремятся быть энциклопедическими — и это весьма естественно: специальные журналы еще не могутъ у насъ существовать. Всякій редакторъ спѣшитъ взять верхъ надъ своими товарищами объемомъ и разнообразіемъ своего журнала. Цензура заботилась только о томъ, чтобы журналы не нарушали правилъ ея и не касались предметовъ, предоставленныхъ другимъ цензурамъ: духовной, военной и проч. Плетневъ, поднимая этотъ вопросъ, воздвигалъ страшную бурю и повергалъ въ затрудненіе самого министра, который въ началѣ каждаго года утверждаетъ существованіе журнала въ томъ видѣ, въ какомъ онъ уже существовалъ передъ тѣмъ. Я вступилъ въ споръ съ Плетневымъ и успѣлъ заставить его отмѣнить это предложеніе. Но хороши мои товарищи: одни поддакивали Плетневу, другіе молчали, предоставляя мнѣ одному сражаться и побѣждать. Особенно поразилъ меня Куторга, который всегда такъ много толкуетъ о гуманныхъ началахъ: на этотъ разъ онъ настаивалъ, чтобы предложеніе предсѣдателя было уважено. Впрочемъ, онъ это дѣлалъ не изъ дурныхъ побужденій: онъ честный человекъ — а по легкомыслію и недостатку твердости, которыя часто повергають его въ противорѣчія съ самимъ собой. Какъ бы то ни было, бой былъ жаркій и хотя я одержалъ побѣду, однако, не увѣренъ въ прочности ея.

15. Не даромъ сомнѣвался я въ Плетневѣ. Въ комитетѣ онъ согласился не начинать дѣла о журналахъ. Въ среду, въ дружескихъ моихъ съ нимъ объясненіяхъ, онъ подтвердилъ мнѣ то же, а сегодня мы получили предписаніе министра, который, «увидѣвъ, что нѣкоторые журналы самопроизвольно отступили отъ своихъ программъ,

предписываетъ ввести ихъ въ предѣлы». На этотъ разъ, однако, весь комитетъ возсталъ. Мнѣ поручено написать отвѣтъ министру. Жаркія пренія. Плетневъ, который, кромѣ того, покушался еще на разныя другія стѣснительныя распоряженія по цензурѣ,—разбить на всѣхъ пунктахъ. Я болѣе всѣхъ поражалъ его закономъ. Была прочитана статья устава, по которой права предсѣдателя являются очень ограниченными въ томъ, что касается цензуранія. На этотъ разъ всѣ дѣйствовали единодушно и твердо, и Плетневъ былъ разбитъ въ пухъ. Пробовалъ онъ придратъяся и къ «Библиотекѣ для Чтенія»: въ программѣ ея объявлено, «что она будетъ печатать переводныя повѣсти, а она печатаетъ романы, какъ напр.: «Вѣчный Жидъ».

— «Какую же существенную разницу полагаете вы»,—спросилъ я,—«между повѣстью и романомъ? Мы оба съ вами профессоры словесности и я, по крайней мѣрѣ, не могу опредѣлить иначе повѣсть, какъ «повѣсть есть романъ», а романъ, какъ «романъ есть повѣсть».

Бѣдная, бѣдная наша литература!

Май 8. Въ воскресенье былъ у министра. Онъ много говорилъ «о дурномъ, грязномъ и торговомъ» направленіи нашей литературы. Вспоминалъ о прежнемъ времени, когда имя литератора, по его словамъ, считалось почетнымъ.

— «Напримѣръ, продолжалъ онъ,—вотъ хоть бы наше литературное общество, состоявшее изъ Дашкова, Блудова, Карамзина, Жуковскаго, Батюшкова и меня. Карамзинъ читалъ намъ свою исторію. Мы были еще молоды, но настолько образованы, что онъ слушалъ наши замѣчанія и пользовался ими. Однажды покойный государь (Александръ Павловичъ) завелъ съ Карамзинимъ рѣчь объ академіяхъ. Вотъ что сказалъ ему по этому поводу нашъ историкъ.

— «А знаете ли, ваше величество, какая у насъ самая полезная академія? Это та, которая состоитъ изъ этихъ шалуновъ и молодыхъ людей, шутя и смѣясь высказывающихъ мнѣ много полезныхъ истинъ и вѣрныхъ замѣчаній».

«Онъ разумѣлъ наше общество. Теперь не то. Имя литератора не внушаетъ никому уваженія».

Уваровъ хотѣлъ показать мнѣ письмо къ нему Гоголя, да не отыскалъ его въ бумагахъ. Онъ передалъ мнѣ его содержаніе на словахъ, ручаясь за достовѣрность ихъ. Гоголь благодарить за полученіе отъ государя денежнаго пособія и, между прочимъ, говорить:

— «Мнѣ грустно, когда я посмотрю, какъ мало я написалъ достойнаго этой милости. Все написанное мною до сихъ поръ и слабо, и ничтожно до того, что я не знаю, какъ мнѣ загладить передъ государемъ невыполненіе его ожиданій. Можетъ быть, однако, Богъ поможетъ мнѣ сдѣлать что вибудъ такое, чѣмъ онъ будетъ доволенъ.»

Печальное самоуничженіе со стороны Гоголя! Вѣдь это человекъ, взявшій на себя роль обличителя нашихъ общественныхъ язвъ и дѣйствительно разоблачающій ихъ, не только метко и вѣрно, но и съ тактомъ, съ талантомъ гениальнаго художника. Жаль, жаль! Это съ руки и Уварову и кое-кому другому.

10. Заходилъ въ канцелярію къ Комовскому, чтобы, по желанію министра, прочесть нисьмо Гоголя. Сущность его почти та же, что передавалъ мнѣ Уваровъ.

17. Кукольникъ въ каждомъ номерѣ своей «Иллюстраціи» поищиааетъ шараду, въ видѣ какойнибудь картинки, и отдавая ее въ цензуру, прилагаетъ къ ней и разгадку, которая печатается въ слѣдующемъ номерѣ. Но вотъ въ послѣднемъ выпускѣ «Иллюстраціи» разгадка дошла до меня уже по выходѣ въ свѣтъ картинки. Она заключается въ словахъ: «усердіе безъ денегъ, одно, и лачуги не построятъ». Это, очевидно, пародія на извѣстныя слова, данныя въ девизъ графу Клейнмихелю за постройку Зимняго дворца: «усердіе все преодолагаетъ». Пришлось не пропустить разгадки и я лично объяснилъ Кукольнику—почему. Не смотря на это, въ пятомъ номерѣ «Иллюстраціи» разгадка напечатана. Кукольникъ извиняется тѣмъ, что онъ положился на типографію, а послѣдняя виновата въ небрежности. Расплачиваться за то, однако, придется мнѣ. Въ городѣ уже толкуютъ объ этомъ. Очкинъ даже откуда-то слышалъ, что Клейнмихель послалъ несчастную фразу государю. Комитетъ обратился ко мнѣ съ запросомъ; я объяснилъ, какъ было дѣло.

Іюнь 19. Былъ у графа Клейнмихеля. Принять вѣжливо. Онъ много говорилъ о постороннихъ предметахъ, жаловался на тягости своего управленія.

— «Положимъ,—прибавилъ онъ въ заключеніе, — я уже вижу результаты моей дѣятельности. Но это только цвѣтки: плоды же не мнѣ достанется видѣть. Да и прочно ли все это? Придетъ другой и все испортитъ, разрушитъ!»

Сегодня также хоронили Лингвиста. Это былъ одинъ изъ благороднѣйшихъ нашихъ товарищей. Четыре года лежалъ онъ, пораженный параличемъ. Теперь его свалилъ послѣдній ударъ. Вотъ и нѣтъ его, а онъ тоже былъ.

Іюль 24. Пріѣхалъ новый попечитель Мусинъ-Пушкинъ.

Завтра пріемные экзамены въ университетъ.

Сентябрь 1. Отдалъ лично графу Клейнмихелю мою «Теорію Дѣловой Словесности», которую написалъ на дачѣ лѣтомъ, по его порученію. Принялъ хорошо, какъ будто понялъ и одобрилъ мое намѣреніе создать новую вѣтвь образованія, новую, такъ сказать,

общественную науку. Хочеть представить государю. Обѣщаль вскорѣ позвать меня для совѣщаній, а пока разрѣшилъ ввести это въ институтъ путей сообщенія.

Октябрь 18. Министръ Уваровъ страшно притѣсняетъ журналы. На-дняхъ «Литературной Газетѣ» не позволено выходить по три раза въ недѣлю (не измѣняя ни на одну юту программы) и переставлять статьи съ одного мѣста на другое, напримѣръ, печатать повѣсти подъ чертою, въ видѣ фельетона и т. д., хотя все это позволялось или, лучше сказать, не замѣчалось прежде, потому что не заслуживаетъ замѣчанія. Конечно, всему этому можно привести важныя государственныя причины. У насъ чрезвычайно богаты на государственныя причины. Еслибъ вамъ запретили согнать муху съ носа, это по государственнымъ причинамъ. Вѣдь издавъ же, года три тому назадъ, адѣйный генералъ-губернаторъ прокламацію, чтобы дѣти въ одеждѣ не отступали отъ предписанной формы, о которой, впрочемъ, никто ничего не зналъ. Вѣроятно, и на это была государственная причина...

21. Я начинаю думать, что 1812-й годъ не существовалъ дѣйствительно, что это мечта или вымыселъ. Онъ не оставилъ никакихъ слѣдовъ въ нашемъ народномъ духѣ—не заронилъ въ насъ ни капли гордости, самосознанія, уваженія къ самимъ себѣ, — не далъ намъ никакихъ общественныхъ благъ, плодовъ мира и тишины. Странный гнетъ, безмолвное раболѣпство—вотъ что Россія пожала на этой кровавой нивѣ, на которой другіе народы обрѣли богатства правъ и самосознанія. Что же это такое? Дѣйствовалъ ли, въ самомъ дѣлѣ, народъ въ 12-мъ году? Такъ ли мы знаемъ событія? Не фальшь-ли все, что говорятъ о народномъ патріотизмѣ? Не ложь ли это, столь привычная нашему холопскому духу?... Или нашъ народъ, въ самомъ дѣлѣ, никогда ничего не дѣлалъ, а за него всегда дѣлала власть и лица? Неужели онъ всемъ обязанъ только тому, что всегда повиновался... Ужась, ужась, ужась!..

24. Вотъ уже сколько лѣтъ прожито, сколько лѣтъ проработано на нивѣ человѣческихъ бѣдствій, страстей и заблужденій: какая же жатва? Только не охлажденіе къ великому и прекрасному! Благодаря Бога, ни опытъ, ни люди не могли отнять и не отнять у меня вѣры въ истину и добро. Но зато только и осталась одна вѣра: надежды исчезли. Не эту эпоху судьба избрала для дѣла: довольно и вѣры. Героевъ вѣтъ въ наше время, кромѣ тѣхъ, кои умѣли сохранить теплоту крови и ясность ума.

28. Право, мы, кажется, только путемъ разврата можетъ выйти изъ этого оцѣпенѣнія, изъ этого хаоса нашей гражданственности и образовать свою нравственную физиономію. По крайней мѣрѣ, мы

идемъ этимъ путемъ. Продажность, отсутствіе чести, отсутствіе вѣры—развѣ это не развратъ? А раболѣйство?..

30. Въ XVIII-мъ вѣкѣ идеи боролись съ вѣрованіями, предразсудками—однимъ словомъ, съ идеями же, хотя и отвергаемыми требованіями вѣка и разумомъ. Нынѣ идеи борются съ могуществомъ вещественнымъ... Кто преодолѣтъ? Вопросъ этотъ не скоро разрѣшится. И разрѣшеніе его будетъ стоить много жертвъ и крови.

1846 г.

Январь 2. Въ послѣднихъ числахъ декабря кончилъ большое дѣло, возложенное на меня министромъ народнаго просвѣщенія и которому я безъ перерыва посвятилъ два послѣдніе мѣсяца прошлаго года. Это «Проектъ измѣненій и дополненій къ цензурному уставу». Министру, кажется, хочется издать новый уставъ—въ какомъ духѣ, понятно. Я рѣшился, насколько возможно, помѣшать этому и собралъ всѣ доводы, чтобы доказать необходимость сохранить нынѣ существующій уставъ, который, по настоящимъ временамъ, все таки меньшее зло изъ массы тяготящихся надъ нами золь. Надо было и комитетъ склонить къ тому же. Въ прошедшую пятницу состоялось совѣщаніе о моемъ проектѣ: принять весь съ весьма незначительными измѣненіями. Курторга попытался было возражать, но всѣ остальные пристали ко мнѣ.

5. Что такое Мусьянъ-Пушкинъ? Не страдаетъ ли онъ по временамъ умопомѣшательствомъ? Какъ онъ обращается съ своими подчиненными! Недавно онъ позвалъ къ себѣ нѣсколькихъ учителей гимназій и разругалъ ихъ: «болванами, дураками, пустыми головами, шутами» и пр. И онъ таковъ со всѣми подчиненными, имѣющими въ немъ нужду, кромѣ, впрочемъ, профессоровъ университета. На дняхъ онъ одного изъ служащихъ у него прогналъ, грозя кулаками. Дамамъ, которыя къ нему приходятъ съ просьбами, онъ кричитъ: «пойди вонъ!» Словомъ, это звѣрь! Онъ началъ было обращаться также и со студентами: ему погрозили, что сначала освищутъ его, а наконецъ, и поколотятъ Онъ притихъ. И этого человѣка выбрали попечителемъ университета въ столицѣ! Но опять-таки приходится сказать, что всякое общество управляется какъ оно того заслуживаетъ: никто изъ оскорбленныхъ новымъ попечителемъ даже не пожаловался министру. Двое, однако, подали въ отставку.

Что-жъ онъ дѣлалъ въ Казани семнадцать лѣтъ, когда здѣсь

таковъ? Тамъ терпѣли и сносили. Должно полагать, что и у насъ стерпятъ и снесутъ.

6. Каждый день новыя анекдоты о Мусинѣ-Пушкинѣ. На-дняхъ, онъ въ присутствіи многихъ, у себя въ приемной, ругалъ своего предшественника, князя Г. П. Волконскаго.

— «У него (князя), сказалъ онъ между прочимъ, — не такая голова, чтобы управлять округомъ. Вотъ я семнадцать лѣтъ управлялъ въ Казани» и т. д.

Обыкновенно у него на все неопровержимое доказательство: «я семнадцать лѣтъ пробылъ въ Казани».

По цензурѣ онъ ничего не понимаетъ, кричитъ только, что въ русской литературѣ пропасть либерализма, особенно въ журналахъ. Больше всего громить онъ «Отечественныя Записки». Но, къ счастью, онъ здѣсь ничего не значить, такъ какъ не онъ цензуруетъ. Однако, мы узнали изъ какого источника почерпаетъ Мусинъ-Пушкинъ свои мнѣнія о русской литературѣ. Онъ заимствуетъ ихъ у Бориса Михайловича Федорова, несчастнаго автора дѣтскихъ книжонокъ, обруганнаго всѣми журналами. Жажда мести увлекла его къ доносамъ, на которыя онъ и прежде уже покушался. Теперь же онъ окончательно опредѣлился въ шпионы къ казанскому хану и руководитъ его сужденіями о всѣхъ вопросахъ современной русской образованности.

Февраль 22. Николай Алексѣевичъ Полевой умеръ. Это большая потеря. Онъ былъ необыкновенный человѣкъ. Всеобщее участіе и сожалѣніе.

Мартъ 7. Попечитель нашъ очень переѣвился. Онъ, кажется, рѣшился отстать отъ барскихъ дерзостей съ подчиненными. На него, должно быть, подѣйствовало слѣдующее обстоятельство. Я передалъ его старому знакомому, Кирѣеву, разные факты изъ его дѣятельности у насъ, а тотъ, въ свою очередь, передалъ это другу Мусина-Пушкина, (Влад. Ив.) Панаеву, съ тѣмъ, чтобы тотъ уже довелъ все до самаго Пушкина. Такъ и было сдѣлано, и онъ присмирѣлъ, хотя не извѣстно, надолго ли. Впрочемъ, о немъ говорятъ, что онъ по натурѣ своей добрый человѣкъ, но его испортило провинціальное раболѣпство и угодничество. Въ Казани онъ былъ настоящимъ ханомъ.

Октябрь 12. По цензурѣ новая исторія. Цензоръ Крыловъ пропустилъ книгу: «Словарь иностранныхъ словъ», которую издаетъ какое-то общество молодыхъ людей. Книга дѣйствительно такая, что, по уставу, ее не слѣдовало пропускать. Но всего интереснѣе, что изданіе посвящено великому князю Михаилу Павловичу. Произошла тревога. Крылову сдѣлали выговоръ, книгу велѣли отобрать у книго-

продавцевъ—но, кажется, тѣмъ дѣло и кончилось. По крайней мѣрѣ, все затихло.

Было новое гоненіе на «Отечественныя Записки». Булгаринъ съ Гречемъ и Борисомъ Федоровымъ подали на нихъ доносъ въ III-е отдѣленіе. Узнавъ объ этомъ, я тотчасъ сообщилъ Краевскому и посоветовалъ ему съѣздить къ министру, а потомъ и къ Дубельту. Послѣдній, какъ говорится, намылилъ ему голову за либерализмъ, но въ заключеніе объявилъ, что, впрочемъ, ничего изъ этого не будетъ.

Уваровъ получилъ графское достоинство, отчего пришелъ въ неописанный восторгъ.

Нѣкоторые изъ московскихъ литераторовъ, въ лицѣ И. И. Панаева, предложили мнѣ быть редакторомъ журнала, который хотятъ купить у кого-нибудь изъ нынѣшнихъ владѣльцевъ журналовъ. Покупаются «Современникъ». Я согласился. Предварительныя условія составлены. Ожидаютъ только Уварова, который въ Москвѣ.

Третьяго дня я познакомился съ Герценомъ. Онъ былъ у меня. Замѣчательный человѣкъ. Вчера обѣдали мы вмѣстѣ у Леграна. Были еще литераторы, между прочимъ, графъ Соллогубъ. Ума было много, но онъ въ заключеніе потонулъ въ шампанскомъ.

14. Министръ согласился на передачу мнѣ редакціи «Современника».

А. В. Никитенко.

Къ дѣлу объ изданіи исторіи Флетчера

1848—1849 гг.

Въ концѣ 1848 г. секретарь общества исторіи и древностей Россійскихъ. Осипъ Максимовичъ Бодянский, напечаталъ въ «Чтеніяхъ» общества «О государствѣ русскоиъ», соч. Флетчера. Это вызвало большія непріятности для профессора Бодянскаго и только благодаря заступничеству тогдашняго председателя общества исторіи и древностей, графа Сергія Григорьевича Строгонова, дѣло не приняло для Бодянскаго болѣе худаго оборота, но сопровождалось только временнымъ увольненіемъ его изъ университета. Приводимъ по этому дѣлу письмо графа Строгонова и отвѣтъ на него Бодянскаго.

Гр. Строгоновъ—Бодянскому.

«Осипъ Максимовичъ. Кажется, что есть надежда устроить дѣла такъ, что при увольненіи въ отставку вы совершенно развяжетесь съ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Вотъ все, что я могу сказать вамъ теперь. Оставаясь въ Москвѣ, вы не будете потерны для науки, а потому великъ Богъ добрыхъ людей! Надѣюсь черезъ нѣсколько дней увидѣть вамъ сообщить что нибудь болѣе похвѣтельное. Крѣпитесь и будьте благонадѣжны. Остаюсь съ истиннымъ уваженіемъ вашимъ покорнѣйшимъ слугою. Графъ Сергій Строгоновъ. 15 января 1849 г. С.-Петербургъ».

Бодянский — гр. Строгонову.

«Письмо вашего сіятельства отъ 15 текущаго мѣсяца, полученное мною вчера вечеромъ, чрезвычайно утѣшило меня. Даль бы только Богъ, чтобы усилія вашего сіятельства увѣчались успѣхомъ и мнѣ разсчитаться съ моими вѣрителями! А тамъ, дѣйствительно, великъ Богъ добрыхъ людей, какъ вы говорите. Главное—Москва и возможность дѣйствовать не съ связанными руками. Никогда не измѣнялъ и не измѣню я своей наукѣ и нравственности благороднаго человѣка; все же прочее можетъ быть или не быть къ большому или меньшему удобству моему. Не въ первый разъ встрѣчаться мнѣ лицомъ къ лицу съ нуждой; все вынесу, все стирплю, на все готовъ, кромѣ потери добраго имени и осужденія себя на застой въ наукѣ. Что же далѣе ждетъ меня въ будущемъ — кто можетъ то знать? Въ одно лишь вѣрилъ и вѣрю, что Богъ не убогъ и милость Его нескучна. На дняхъ узналъ я отъ М. Н. Каткова, который слышалъ то отъ г. Бекетова, бывшаго ассистента въ нашей университетской клиникѣ и пріѣхавшаго недавно изъ С.-Петербурга, что Шевыревъ, по словамъ Давыдова, (доставившаго Бекетову мѣсто профессора въ Казани), не только, вопреки моему желанію, писалъ обо мнѣ къ нему и министру, какъ это я сказывалъ вашему сіятельству предъ самымъ отъѣздомъ изъ Москвы, но даже осмѣлился утрудять о томъ и самую великую княгиню Ольгу Николаевну. Вотъ на какія продѣлы рѣшается измученная и исчистая совѣсть, думая, что и это, по ея сужденію, доброе дѣло, также останется тайной, какъ и прежняя кабала ея. Не знаю, можно ли найти болѣе глубокое нравственное паденіе, будучи вынужденнымъ хлопотать о человѣкѣ, котораго наканунѣ еще самъ же губилъ, хлопотать помимо вѣдома его и въ награду не получить не только отъ него спасибо, но даже сдѣлаться чрезъ то предметомъ повсемѣстной жалости, чтобъ не сказать болѣе. Грустно подобное явленіе! Съ истиннымъ почтеніемъ и проч. Осипъ Бодянский. 22 января 1849 г.»

1823 — 1888.

ЗАПИСКИ ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТА

ВЛАДИМИРА ИВАНОВИЧА ДЕНА

1823 РОД. 12-ГО ЮЛИ 1888.
УМ. 26-ГО ЯНВАРЯ

ПИСАНЫ ВЪ Г. РОЗЕНИЦЪ
1868 И 1873.

«Русская Старина» изд. 1890 г.

Составитель предлагаемых здѣсь посмертныхъ записокъ, генераль-лейтенантъ Владиміръ Ивановичъ Денъ, родился 12-го іюля 1823 г., въ селѣ Кистина, Могилевской губ., родовомъ имѣніи Доновскихъ. Мать его, Екатерина Владиміровна, была рожд. Доновская-Волкъ.

Воспитаніе В. И. Денъ получилъ домашнее, подъ руководствомъ гувернеровъ-французовъ. На службу поступилъ онъ унтеръ-офицеромъ въ л.-гв. Саперный батальонъ 13-го февраля 1840 года; въ офицеры произведенъ 28-го января 1842 года; въ январѣ 1849 года онъ былъ уже штабсъ-капитаномъ; за дѣятельное, усердное и вполнѣ успѣшное отправленіе обязанностей по военной службѣ онъ неоднократно удостоивался благоволенія императора Николая Павловича и 6-го декабря 1853 года, въ чинѣ капитана (съ 1850 г.), былъ назначенъ флигель-адъютантомъ, съ отчисленіемъ изъ сапернаго баталіона въ свиту. Во время войны 1854—1855 гг. императоръ Николай Павловичъ неоднократно возлагалъ на В. И. Дена командировки въ Кіевскую губ., въ Николаевъ, Одессу, Бендеры, Перекопъ для осмотра крѣпостей и вновь возводившихся укрѣпленій, и вообще во все время службы Владиміръ Ивановичъ пользовался особымъ расположеніемъ и довѣріемъ государя Николая Павловича. Съ апрѣля 1854 г. Денъ участвуетъ въ военныхъ дѣйствіяхъ (при бомбардированіи Одессы) и за дѣло 24-го октября 1854 г. въ Севастополѣ—получилъ золотую полусаблю съ надписью за храбрость. Въ ноябрѣ 1855 г. полковникъ Денъ получилъ командованіе 13-мъ Смоленскимъ полкомъ. Въ 1860 г. произведенъ въ генераль-майоры съ назначеніемъ въ свиту его величества и былъ назначенъ для наблюденія за правильностью призыва отпускныхъ сначала въ С.-Петербургской, а потомъ въ Курской губерніяхъ.

Приказомъ 19-го января 1861 г. В. И. Денъ назначенъ курскимъ военнымъ губернаторомъ, съ управленіемъ и гражданской частью, на каковомъ посту онъ оставался до увольненія его 10-го октября 1863 г., съ остав-

леніемъ въ свѣтъ его величества. Въ 1868 г. В. И. День произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а 22-го іюня 1869 г. назначенъ сенаторомъ. Уволенъ изъ сената, по прошенію, въ 1873 г.

Въ 1867 и 1868 гг. День исполнялъ нѣкоторые, по Высочайшему повелѣнію возложенныя на него, весьма важныя порученія.

В. И. День скончался 26-го января 1888 года въ своемъ маюратномъ имѣніи въ Царствѣ Польскомъ, въ городѣ Козеницы.

Здѣсь, въ этомъ имѣніи, гдѣ почти безвыѣздно онъ прожилъ послѣдніе 15 лѣтъ, написаны имъ въ 1868 и 1873 годахъ его записки, нынѣ представляемыя читателямъ «Русской Старины».

Долгомъ считаемъ принести нашу глубочайшую благодарность семьѣ покойнаго сенатора В. И. Дена, весьма обязательно сообщившей на стр. «Русской Старины», эти вполне интересныя посмертныя записки.

В. И. День былъ человѣкъ высокой чести, полный самой пылкой энергіи и безпредѣльной преданности монархамъ и Россіи, которымъ онъ служилъ истинно вѣрою и правдою.

Лѣтомъ 1887 г. мы впервые познакомились съ покойнымъ В. И. Деномъ—встрѣтивъ его за границей, въ Висбаденѣ. Здоровье его было уже сильно расшатано; онъ съ интересомъ говорилъ о «Русской Старинѣ», усерднымъ читателемъ которой былъ съ самаго начала ея изданія, и въ разговорахъ съ нами, Владиміръ Ивановичъ не разъ прослезился при воспоминаніи объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ, котораго обожалъ.

Императоръ Александръ II нашелъ въ В. И. Денѣ горячаго и глубоко искренняго исполнителя предначертанныхъ Его волею преобразованій всего внутренняго строя Россіи. День всегда гордился тѣмъ счастьемъ, что ему въ званіи губернатора довелось ввести Положеніе 19-го февраля 1861 года въ Курской губерніи.

Вполнѣ увѣрены, что читатели «Русской Старины» съ удовольствіемъ и интересомъ прочтутъ живыя и искреннія посмертныя воспоминанія В. И. Дена о видѣнномъ и пережитомъ имъ за время въ теченіи болѣе полустолѣтія.

Ред.

ЗАПИСКИ ВЛАДИМИРА ИВАНОВИЧА ДЕНА.

I.

Дѣтство.

Мой прадѣдъ и дѣдъ.—Дядя Александръ Ивановичъ.—Отецъ.—Первыя впечатлѣнія дѣтства.—Пребываніе нашей семьи въ Варшавѣ.—Губернеры.—Вліяніе Сандоза.—Я остаюсь протестантомъ.—Мои любимыя развлеченія.—Поступленіе въ полкъ.—Петербургскіе знакомые.—Производство въ офицеры.

1823—1840.

Козенице, ноября 1868 г.

Съ 14 числа сего мѣсяца я нахожусь въ совершенномъ одиночествѣ въ моемъ любезномъ Козеницѣ. Жена съ Ольгою въ Дрезденѣ, Мери у сестры моей въ Варшавѣ. Давно уже я задумалъ писать свои записки, для освѣженія въ своей памяти нѣкоторыхъ событій, въ которыхъ я принималъ участіе или, по крайней мѣрѣ, которыхъ я былъ свидѣтелемъ, притомъ взглянуть на время давно прошедшее, и если на старости лѣтъ еще можетъ пригодиться опытность, не безъ пользы для себя дать себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

Начну съ того, что знаю о своемъ происхожденіи. Покойный отецъ мой говорилъ, что прадѣдъ мой, Самойль Денъ, прибылъ въ Россію въ 1736 году, въ свитѣ принца Антона Ульриха Брауншвейгъ-Люнебургскаго, и поступилъ въ русскую службу. Жилъ въ Петербургѣ въ собственномъ домѣ, на углу 1-ой линіи Васильевскаго острова и Румянцевской площади, (теперь Переславцева), дослужилъ онъ до чина тайнаго совѣтника и занималъ должность вице-президента юстицъ-коллегии и члена совѣта учебныхъ заведеній, пользуясь большимъ уваженіемъ.

Дѣла Остзейскихъ губерній, поступавшія въ юстицъ-коллегію, подлежали ревизіи Самойла Дена и потому онъ имѣлъ случай заслужить особая довѣріе и уваженіе жителей этихъ губерній. Уваженіе это было доказано лифляндскимъ дворянствомъ, предложившимъ праѣду моему принять его въ среду своего Ritterschaft'a, пользовавшагося въ то время, какъ извѣстно, особыми привилегіями и преимуществами, но Самойль Денъ не считалъ себя въ правѣ воспользоваться этимъ предложеніемъ, имѣя вліяніе, по должности своей, на дворянскія дѣла Остзейскаго края. Сколько мнѣ извѣстно, онъ былъ похороненъ въ С.-Петербургѣ на Самсоніевскомъ кладбищѣ, но не смотря на мои старанія, когда я былъ юнкеромъ въ 1840 году, я не могъ отыскать его могилы. У него былъ одинъ сынъ Иванъ Самойловичъ, служившій въ 1770-хъ годахъ въ гвардейской артиллеріи поручикомъ. Но вскорѣ, женившись на дѣвицѣ Брандтъ и продавъ свой домъ, онъ купилъ имѣніе въ Финляндіи, Выборгской губерніи, — въ 25 верстахъ отъ крѣпости Фридрихсгамъ, село Сипполо, гдѣ и поселился.

Отецъ мой былъ старшимъ сыномъ Ивана Самойловича и съ особенною нѣжностью всегда вспоминалъ о своей матери, съ которой разстался рано и видѣлся въ послѣдній разъ въ 1818 г. Во время дѣтства отца моего, мѣстность, въ которой жили его родители, была пограничная. Выборгская губернія по случаю постоянныхъ войнъ со Швеціею была наводнена нашими войсками. Бабушка моя была умная и любезная женщина; она любила принимать у себя военныхъ, квартировавшихъ въ Фридрихсгамѣ и въ Кюмень-городѣ, хорошо знала Суворова, Каменскаго и другихъ, о которыхъ впоследствии часто рассказывала анекдоты и приводила разговоры.

У отца моего было пять братьевъ и пять сестеръ; имѣніе Сипполо, пространствомъ очень значительное, давало однако такъ мало дохода, что многочисленное семейство дѣда моего съ трудомъ могло прожить прилично, по понятіямъ помѣщиковъ того времени; разумѣется, сыновья поступили въ военную службу, кромѣ старшаго Александра, который, окончивъ курсъ въ Дерптскомъ университетѣ, опредѣлился въ гражданскую. Объ Александрѣ Ивановичѣ я долженъ распространиться, потому что я особенно любилъ за его любезность и остроуміе. Послѣ смерти

дѣдушки онъ рѣшился на великій подвигъ, оставилъ службу и Петербургъ и посвятилъ себя семейству, которому хотѣлъ сохранить имѣніе и сестрамъ приличное убѣжище. Онъ былъ человѣкъ всесторонне образованный, очень умный и пріятный собесѣдникъ, любилъ спорить, но спорилъ пріятно. Безвыѣдно проживши въ деревнѣ нѣсколько десятковъ лѣтъ, онъ постоянно слѣдилъ за умственнымъ движеніемъ Европы, читалъ все, составилъ себѣ большую бібліотеку и я помню какъ меня поражалъ его разговоръ или, правильнѣе, рассказы, потому что я въ то время относился весьма равнодушно къ политическимъ событіямъ, да и вообще въ то время въ 1840-хъ годахъ, въ офицерской компаніи если и говорили о политикѣ, то это заключалось болѣе въ передачѣ другъ другу газетныхъ новостей—собственно же разсужденій мнѣ рѣдко приходилось слышать. О Россіи совсѣмъ не говорили; оно считалось отчасти и не безопаснымъ: самыя невинныя, по теперешнимъ понятіямъ, выходки могли повлечь за собой—серіозныя внушенія начальства, а затѣмъ и невыгодную атестацію. Я не могу вспомнить при этомъ съ какою таинственностью говорили въ то время о государственномъ бюджетѣ, сохранявшемся въ глубокой тайнѣ, о событіяхъ, въ несчастію—такъ печально ознаменовавшихъ восшествіе на престолъ государя Николая Павловича, и т. д. Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.

Теперь пора возвратиться къ батюшкѣ Ивану Ивановичу. Сколько я могъ судить по его разсказамъ, онъ былъ любимцемъ бабушки, получилъ тщательное домашнее воспитаніе; онъ всегда съ особеннымъ уваженіемъ и благодарностью вспоминалъ своего умнаго и ученаго учителя Тиме. Въ 1837 году, во время путешествія по Германіи, онъ отыскалъ этого старика и провелъ съ нимъ нѣсколько дней. Въ 1805 году отецъ поступилъ въ военную службу колонновожатымъ, немедленно былъ отправленъ въ армію, но прибылъ, по назначенію, послѣ Аустерлицкаго сраженія. Въ офицеры онъ былъ произведенъ въ 1806 году, участвовалъ затѣмъ въ качествѣ инженернаго офицера въ кампаніи противъ шведовъ, отличился при осадѣ Выборга, а въ 1812 году—при формированіи л.-гв. сапернаго баталіона—переведенъ въ гвардію капитаномъ. Здѣсь онъ имѣлъ случай сдѣлаться извѣстнымъ государю Николаю Павловичу, который его особенно оцѣнилъ—какъ то доказываетъ все его служебное поприще,—

поприще, о которомъ я распространяться не буду, а ссылаюсь на его формулярный,—а какъ теперь правильнѣе стали называть—послужной списокъ моего отца.

Скажу только, что во все время моего дѣтства и отрочества, проведенное въ Варшавѣ, государь Николай Павловичъ столько разъ доказывалъ свое особенное уваженіе моему отцу,—что, вѣроятно, этимъ самымъ положилъ основаніе той безпредѣльной преданности и любви, которыя я и по сіе время (1868 г.) сохраняю къ блаженной памяти государю Николаю Павловичу. Въ 1822 году батюшка командовалъ 1 піонернымъ баталіономъ въ г. Рогачевѣ, Могилевской губерніи и, познакомившись съ семействомъ отставнаго кавалерійскаго маіора Лоневскаго-Вольскаго, вскорѣ женился на его третьей дочери Евкатеринѣ Владиміровнѣ. Богъ благословилъ этотъ бракъ, я никогда не видѣлъ, внѣ дома моихъ родителей, болѣе согласія, дружбы, обоюднаго довѣрія, нѣжной любви. Но имъ не было суждено дожидаться серебряной свадьбы. Матушка скончалась въ 1846 году совершенно неожиданно, почти внезапно. Я былъ въ то время въ отпуску въ Варшавѣ. 25-го ноября матушка, сестры и я,—мы отправились всѣ вмѣстѣ на балъ къ намѣстнику—фельдмаршалу кн. Паскевичу. Во время бала матушки сдѣлалось дурно,—ее отнесли въ спальню княгини Елизаветы Алексѣевны Паскевичъ, тамъ ей сдѣлалось лучше и она требовала, чтобы сестры продолжали танцовать, меня же просила сопровождать ее немедленно домой. Ночь она провела въ страданіяхъ, а на другой день, въ понедѣльникъ, 26-го ноября, не смотря на пособія лучшихъ докторовъ, въ 6 ч. вечера ея уже не стало...

Я родился въ селѣ Кистина, родовомъ имѣніи Лоневскихъ, 12-го іюля 1823 года. Помню какъ въ туманѣ переѣздъ нашъ въ Динабургъ, по случаю назначенія отца моего командиромъ бригады, потомъ въ 1829 г. въ Митаву—въ расположеніе 1-го пѣхотнаго корпуса, куда отецъ мой былъ назначенъ начальникомъ штаба. Съ тѣхъ поръ я помню почтенную фигуру П. П. фонъ-деръ Палена, бывшаго тогда корпуснымъ командиромъ и котораго я узналъ впоследствии гораздо ближе. Не говоря о его извѣстной храбрости, гр. Петра Петровича я особенно уважалъ по случаю, я думаю, мало извѣстному; когда вслѣдствіе разныхъ неприяностей, дѣлаемыхъ нашимъ правительствомъ Людовику-

Филиппу, прекратились дипломатическія сношенія между Россією и Францією и нашъ посоль при французскомъ дворѣ гр. П. П. Паленъ жилъ въ Петербургѣ: онъ оставался посломъ и потому продолжалъ получать содержаніе посла. Не смотря на свою скудость, онъ настаивалъ и, наконецъ, настоялъ на томъ, чтобы ему прекратили производство содержанія, которое онъ получалъ въ Парижѣ.

Въ Митавѣ, я хорошо помню, произвело на меня сильное и грустное впечатлѣніе выступленіе полковъ 1-го корпуса въ Польшу послѣ варшавскихъ событій 19-го ноября 1830 года.

Весъ 1831 годъ до декабря матушка съ четырьмя дѣтьми провела въ Ригѣ, а нѣсколько недѣль для морскихъ купаній въ Сумесѣ, имѣніи семейства Медемъ. Дочь этой баронессы Медемъ, замужемъ за Іосифомъ Александровичемъ Гурво, была очень дружна съ матушкой и предложила ей провести нѣсколько времени въ ихъ имѣніи.

Въ августѣ мы переѣхали въ Ригу и застали тамъ развивающуюся холеру,—холеру 1831 года, т. е. бѣдствіе, о которомъ холера послѣднихъ годовъ не можетъ дать никакого понятія. Я помню ужасъ и уныніе, которые распространились повсюду, ужасные толки и рассказы, нелѣпость которыхъ я оцѣнить не могъ, но къ которымъ прислушивался съ жадностью, любопытствомъ и страхомъ. Наконецъ, получили извѣстіе о взятіи Варшавы, и вскорѣ затѣмъ мы съ матушкой отправились въ отцу въ Варшаву.

Здѣсь отцу моему предстояло поприще новое и неожиданное, а именно строителя крѣпостей. Государь требовалъ необыкновенно скорыхъ сооруженій; сначала было предположено—срыть старинный королевскій замокъ и на его мѣстѣ воздвигнуть цитадель, потомъ думали поставить цитадель еще центральнѣе, а именно на мѣстѣ Саксонской площади и сада.

Наконецъ, когда было рѣшено принять за центръ цитадели Александровскія казармы, отецъ переѣхалъ съ Новаго свѣта въ уединенный домъ среди сада, принадлежавшаго г-жѣ Сумпской, вдовѣ воеводы, титуловавшей себя всегда пани воеводзиня. Ея домъ находился близъ вновь строящейся цитадели. Въ настоящее время домъ этотъ уже давно не существуетъ, сада этого также и слѣдовъ не осталось — одна пространныя,

голая вѣрнопостная эспланада замѣнила все это. Пани воеводзья была очень словоохотливая старушка, а въ молодости вѣроятно была красавица, потому что любила вспоминать времена давно прошедшія, въ особенности года, проведенные ею въ Венеціи, и рассказывать какую она тогда играла роль въ обществѣ, какъ „впистко у ея нугъ лежало“, т. е. какъ всѣ преклонялись предъ ея красотой и любезностью. Вурмсеръ, Мелось и другіе австрійскіе генералы постоянно при этомъ поминались ею. Сколько могу припомнить, въ это время я находился подъ игомъ гувернантокъ моихъ сестеръ и учился вмѣстѣ съ ними послѣдними подъ личнымъ и постояннымъ надзоромъ матушки. Патріархальная скромная жизнь моихъ родителей дѣлала это возможнымъ. Въ 1833 или 1834 году, навѣрное сказать не могу, для меня выписали изъ Швейцаріи особенно рекомендованнаго *préccepteur*'а, на котораго предполагалось возложить трудную обязанность сдѣлать изъ меня человѣка.

Вновь прибывшій швейцарецъ Albert de Merveilleux принадлежалъ къ обѣднѣвшей аристократической фамиліи Невшателя. Сколько я могу судить, онъ былъ скромный, образованный, но пустой молодой человѣкъ, безъ всякаго характера. Онъ не сумѣлъ со мной совладать, самъ неоднократно въ этомъ сознавался и кончилъ тѣмъ, что отказался отъ чести сдѣлать изъ меня „une petite merveille“ (маленькое чудо). Его замѣнилъ Mr. Sandoz, также изъ Невшателя, но принадлежавшій къ радикальной или, правильнѣе, демократической партіи. Онъ былъ товарищемъ Merveilleux, но старѣе его. Они были очень дружны, не смотря на ядовитыя насмѣшки Sandoz, который не переставалъ глумиться надъ Merveilleux по случаю выказанной симъ послѣднимъ храбрости во время бывшихъ смуть въ Невшателѣ; храбрость эта заключалась въ томъ, что Merveilleux въ числѣ прочихъ молодыхъ людей заявилъ о своемъ желаніи защищать вооруженной силой право своего законнаго государя противъ республиканцевъ. Беспорядки кончились миролюбиво,—но Merveilleux получилъ отъ короля прусскаго медаль, которой Sandoz не могъ ему простить. Mr. Sandoz былъ человѣкъ прямой, ученый, необыкновенно живаго, веселаго нрава, неутомимый въ занятіяхъ. Сколько я могъ замѣтить впослѣдствіи, онъ должно быть имѣлъ въ своемъ семействѣ столкновения, по случаю его

неуваженія къ церковнымъ обрядамъ, духовенству и даже религии. Онъ видѣлъ во всѣхъ лицахъ духовнаго званія—актеровъ безъ убѣжденій, играющихъ роль для извлеченія пользы отъ людей, поддающихся ихъ обману или нравственному оболъщению. Онъ любилъ читать все, что писалось о злоупотребленіяхъ, вкравшихся или систематически введенныхъ духовенствомъ въ дѣла церковныя въ католическихъ государствахъ; часто много и горячо говорилъ объ этомъ и, такимъ образомъ, вѣроятно, отчасти сдѣлался причиною моего отвращенія къ (католическому) духовенству и омерзѣнія, которое всегда впоследствии возбуждали во мнѣ приторныя, театральныя рѣчи пасторовъ.

Въ 1823 году еще существовало право, на основаніи котораго дворянамъ Великаго Княжества Финляндскаго дозволялось, женившись на православныхъ, крестить и воспитывать старшаго сына по закону отца; поэтому и я былъ окрещенъ реформатскимъ пасторомъ за неизмѣнимъ на лицо лютеранскаго. Съ тѣхъ поръ, до 15-лѣтняго возраста, я не видѣлъ ни одного пастора, постоянно ходилъ въ православную церковь съ матушкой и сестрами, молился такъ, какъ молятся дѣти по указанію наставницъ, машинально, и мнѣ никогда не приходила мысль задавать себѣ вопросъ о принадлежности моей къ тому или другому вѣроисповѣданію. Я все это говорю къ тому, что уже подходило время, когда надо было учиться закону Божию (*terme consacré*) и поэтому пригласить священника или пастора. Къ этому присоединилась еще неожиданная complicacія. Въ 1835 году отцу моему, въ числѣ прочихъ генераловъ, служившихъ въ Царствѣ Польскомъ, пожаловано было имѣніе на маіоратномъ правѣ, но съ тѣмъ, чтобы переходя къ старшему въ родѣ, этотъ старшій непременно былъ православный. Я объ этомъ ничего не зналъ и, конечно, ни о какомъ наслѣдствѣ никогда не думалъ, когда батюшка; потребовавъ меня къ себѣ, объяснилъ, что мнѣ предстоитъ самому сдѣлать выборъ— между православіемъ и протестантствомъ, прибавляя при этомъ, что онъ долженъ меня предупредить, что выборъ втораго повлечетъ за собой добровольное отреченіе отъ вышеприведенныхъ правъ наслѣдства. Если-бы не послѣдняя оговорка, я, не думая ни одной минуты, сказалъ-бы, что я уже давно принадлежу къ православной церкви и что въ выборѣ не предстоитъ ни малѣйшаго

затрудненія. Но тутъ представился вопросъ, не подумаютъ-ли, что я перехожу въ православіе по расчету изъ корыстныхъ видовъ и я рѣшительно объявилъ, что я твердо рѣшился оставаться лютераниномъ. Я въ то время даже не зналъ, въ чемъ заключается разница между вѣроисповѣданіями, представленными моему выбору. Такимъ образомъ я попалъ въ лютеране и принялся за изученіе катехизиса и всего, что требуется для конфирмаціи подъ руководствомъ варшавскаго суперинтендента Лудвига. Онъ не сумѣлъ возбудить во мнѣ не только ни малѣйшаго энтузіазма, но даже простаго религіознаго чувства и самый обрядъ конфирмаціи не произвелъ на меня никакого впечатлѣнія.

Учился я вообще плохо, лѣньность была однимъ изъ главныхъ моихъ недостатковъ, къ тому же какая-то врожденная мечтательность дѣлала меня неспособнымъ исключительно съ напряженнымъ вниманіемъ заниматься однимъ предметомъ. Исторія, географія и естественныя науки имѣли для меня особенную прелесть, зато математику я ненавиждѣлъ и, конечно, мало успѣвалъ по этой части. Мертвыми языками я почти не занимался, послѣ неудачныхъ попытокъ при Merveilleux, и этого впоследствии никогда не могъ себѣ простить. Зато я любилъ верховую ѣзду и, получивши въ 1836 году въ подарокъ отъ отца ружье, сдѣлался страстнымъ охотникомъ. Этому отчасти способствовалъ другъ моего семейства, о которомъ я не могу здѣсь не упомянуть,—Андрей Потаповичъ Кублицкій-Піотухъ.

Сынъ бѣднаго дворянина Могилевской губерніи, кажется арендатора одного изъ маленькихъ имѣній моего дѣда Лоневскаго, Піотухъ выросъ въ домѣ сего послѣдняго, а по выпускѣ изъ кадетскаго корпуса постоянно состоялъ при батюшкѣ, былъ ему чрезвычайно преданъ и любилъ меня, какъ самаго близкаго роднаго. Андрей Потаповичъ любилъ охоту и въ праздничные дни бралъ меня съ собой. Такимъ образомъ, я познакомился съ двумя любителями охоты—съ А. Д. Черевинымъ, Өирсомъ Голицынскимъ, К. Замоискимъ. Всѣ эти господа меня полюбили и нерѣдко доставляли случай пострѣлять; Замоискій возилъ меня въ свои имѣнія, въ томъ числѣ Подзамче и Моціовице; здѣсь онъ мнѣ показывалъ въ лѣсу красный крестъ, по его словамъ поставленный на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ взятъ въ

плѣвъ славный Костюшко (*finis Poloniae*). Сондаз по-своему пользовался моею страстью въ охотѣ и держалъ меня въ страхѣ приговоромъ: „vous n'irez pas à la chasse dimanche“ (вы не пойдете на охоту въ воскресенье). Впрочемъ, я долженъ отдать ему справедливость, что онъ не употреблялъ во зло этого страшнаго для меня оружія.

Я пользовался въ эти счастливые годы большою, относительно, свободой, но, не смотря на это, я рѣдко встрѣчалъ въ послѣдствіи мальчика моихъ лѣтъ болѣе нравственно чистаго и непорочнаго. Моя невинность до того была хорошо сохранена, что, поступивши юнкеромъ въ военную службу, я былъ, конечно, надолго, предметомъ удивленія и насмѣшекъ моихъ товарищей.

1839 г. былъ въ исходѣ и отецъ мнѣ объявилъ, что въ началѣ 1840 года онъ повезетъ меня въ Петербургъ для опредѣленія на службу. Я давно уже числился пажемъ и потому предполагалъ, что поступлю въ Пажескій корпусъ; оказалось, что я вышелъ изъ лѣтъ для поступления въ этотъ корпусъ, къ тому же батюшка всегда имѣлъ отвращеніе къ военно-учебнымъ заведеніямъ и потому опредѣлилъ меня юнкеромъ л.-гв. въ саперный батальонъ, гдѣ самъ служилъ до производства въ полковники, т. е. до 1818 года. Меня поручили особенному надзору и попеченію штабсъ-капитана Клеменса и стали обучать прежде всего стойкѣ... Каково было мое удивленіе, когда усачъ Дыньковъ, унтеръ-офицеръ роты его величества, объявилъ мнѣ, что я не умѣю—стоять!! Одѣли меня въ солдатскую форму, запретили ѣздить въ экипажахъ, однимъ словомъ какъ будто отлучили отъ общества. Съ тяжелымъ чувствомъ вспоминаю я это время. Но ко всему привыкають, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ я позналъ *qu'avec le ciel il y a des accommodements*. Лѣтомъ я ѣздилъ на яликахъ петербургскихъ, мало цѣнимыхъ сѣверныхъ гондолахъ, по каналамъ, перерѣзывающимъ нашу столицу по всѣмъ направленіямъ, а зимою переодѣвался въ партикулярное платье и такимъ образомъ избѣгалъ напрасной усиленной ходьбы и случайностей встрѣчъ съ начальствомъ, въ особенности же съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, въ то время наводившимъ ужасъ на всѣхъ военныхъ.

Знакомыхъ у меня было очень мало, и тѣ не представляли особеннаго интереса, но я долженъ сдѣлать исключеніе въ пользу

двоюроднаго брата батюшки—Н. М. Ореуса, который по дружбѣ къ моему отцу оказывалъ мнѣ постоянно не только вниманіе, но даже самое любезное участіе. У него и у сестры его, Авдотьи Максимовны Сернговъ, вдовы лейбъ-медика, меня ласкали и подъ конецъ и полюбили, такъ что, не смотря на скуку, которую я у нихъ испытывалъ, я не могу не отнестись къ нимъ съ особенною искреннею признательностью. Также съ благодарностью вспоминаю давно умершую Александру Ивановну Балашеву, рожденную княжну Паскевичъ, съ которою мы такъ часто танцевали въ Варшавѣ на дѣтскихъ балахъ и которая, не забывая это и дружбу ея матушки къ моей, принимала меня, не смотря на мою солдатскую одежду, со свойственной ей милой добротой и любезностью; Анну Евграфовну Шанову, которая обожала покойную матушку и старалась мнѣ доказать это своимъ доброжелательствомъ. Еще были у меня и другіе хорошіе знакомые, но о нихъ придется говорить впоследствии.

Фронтвая служба мало меня занимала, предметы, требующіеся для офицерскаго экзамена, также не могли увлекать молодого человѣка (къ механикѣ никогда не лежало мое сердце), учитель химіи, не смотря на весь интересъ вполне мною цѣнимаго предмета, усыплялъ меня своимъ преподаваніемъ, монотонностью изложенія; изученіе фортификаціи мнѣ давалось очень легко по случаю нагляднаго изученія во время прогулокъ моихъ по крѣпостямъ, воздвигаемымъ моимъ отцомъ. Изъ числа моихъ товарищей я ни съ однимъ не сблизился, не подружился и впоследствии почти всѣхъ потерялъ изъ виду. Скучно и однообразно, хотя и благополучно, прошли почти два года; въ началѣ декабря 1839 года я выдержалъ офицерскій экзаменъ съ грѣхомъ пополамъ и 28-го января 1840 года, въ день рожденія великаго князя Михаила Павловича, я былъ произведенъ въ офицеры.

II.

Служба въ л.-гв. саперномъ батальонѣ.

Первые шаги на служебномъ поприщѣ.—Гр. Ф. Ф. Бергъ.—Мое знакомство съ петербургскимъ обществомъ.—Поѣздки въ отпускъ и бесѣды моя съ отцомъ.—1848-й годъ.—Поѣздка съ отцомъ за границу.—Жизнь въ Гастейнѣ.—Парадъ войскъ въ Вѣнѣ.—Вѣсть о кончинѣ великаго князя Михаила Павловича.—Отзывъ обо мнѣ государя Николая Павловича.

1840—1849.

Первое время послѣ производства моего въ офицеры меня такъ часто наряжали въ карауль и дежурнымъ по батальону, что я неоднократно съ сожалѣніемъ вспоминалъ прошедшее время своего юнкерства. Л.-гв. сапернымъ батальономъ въ то время командовалъ Павелъ Александровичъ Витовтовъ, человекъ добрый и хорошій, но не знаю, за что нелюбимый великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, который былъ вдвойнѣ нашимъ начальникомъ, какъ главнокомандующій гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами, и какъ генераль-инспекторъ инженернаго корпуса, отъ котораго нашъ батальонъ числился откомандированнымъ.

Великій князь придирался къ офицерамъ; слава Богу, никогда лично не обращался ко мнѣ, но за то когда только могъ, приказывалъ отправлять меня на гауптвахту. Читая это, можно подумать, что я кутилъ, предавался шалостямъ и т. д.,—ничуть не бывало, я былъ скромнѣе 15-ти-лѣтней дѣвочки, и по сіе время не могу себѣ объяснить, чѣмъ я могъ навлечь на себя гоненіе великаго князя. Это продолжалось довольно долго, такъ что выведенный, наконецъ, изъ терпѣнія, я сталъ просить дозволенія отправиться служить на Кавказъ. На это, однако, разрѣшенія не воспослѣдовало, но и положеніе мое улучшилось, т. е. менѣе замѣтно стали меня преслѣдовать.

Болѣе двухъ лѣтъ прослужилъ я офицеромъ и почти не бывая въ обществѣ, но въ 1844 или въ 1845 г., не припомню навѣрное, генеральъ Фѣдоръ Фѣдоровичъ Бергъ¹⁾, называвшій себя

¹⁾ Впослѣдствіи графъ, генераль-фельдмаршалъ и намѣстникъ въ Царствѣ Польскомъ, а въ то время генераль-квартирмейстеръ главнаго штаба его величества.

въ разговорахъ со мной „le meilleur ami de votre frère“ (лучшій другъ вашего брата), увѣрилъ меня, что молодому офицеру, служащему въ Петербургѣ и желающему, какъ говорятъ, „сдѣлать карьеру“, необходимо бывать въ лучшемъ обществѣ, и съ особенною обязательностью вызвался быть моимъ путеводителемъ, т. е. представить меня разнымъ личностямъ и ввести во всѣ открытые дома. Хотя я зналъ генерала Берга за человѣка не правдиваго и никогда не пользовавшагося особеннымъ уваженіемъ, но постоянныя его напоминанія о дружбѣ его къ моему отцу и постоянно оказываемое мнѣ имъ вниманіе и доброжелательство совершенно расположили бы меня въ его пользу, если бы не одинъ несчастный, слишкомъ откровенный со стороны Берга, разговоръ не превратилъ этого расположенія въ ненависть и презрѣніе!... Меня могутъ упрекнуть въ слишкомъ сильныхъ выраженіяхъ и потому спѣшу для своего оправданія привести фактъ.

Въ одинъ прекрасный вечеръ, бесѣдуя со мной en tête-à-tête (съ глазу на глазъ), на распашку, онъ оскорбилъ меня предположеніемъ, что я такой же чухна, какъ и онъ, и потому не устыдился сказать, теперь не припомню по какому поводу:

— Die Russen! das weisst ja nicht was Ehre heisst! (Русскіе! вѣдь они не понимаютъ, что значить честь!).

Съ тѣхъ поръ я сталъ отъ него удаляться; впоследствии, когда государю угодно было, чтобы я служилъ въ Польшѣ, я впервые въ жизни долженъ былъ прибѣгнуть къ дипломатіи, чтобы не служить подъ начальствомъ гр. Фед. Фед. Берга.

Впоследствии, когда окончательно разстроенныя дѣла безсовѣстною администраціею моего единственнаго имѣнія арендаторами и пристрастныя къ полякамъ рѣшенія трибуналовъ и даже 9-го департамента сената въ тяжёбныхъ дѣлахъ заставляли меня почти безвыѣздно нѣсколько лѣтъ сряду жить въ имѣніи, я еще болѣе убѣдился, что графъ и фельдмаршалъ Бергъ нисколько не былъ достоинъ тѣхъ милостей, которыми онъ былъ осыпанъ государемъ. Зная, что я, ни мало не стѣсняясь, при всякомъ удобномъ случаѣ, выставяю его дѣятельность въ настоящемъ видѣ, часто въ жалкомъ, иногда гнусномъ, постоянно въ смѣшномъ, онъ не упускалъ ни малѣйшаго случая и даже самъ принскивалъ средства мстить мнѣ за это. Принималъ преиспод-

ненные лжи и клеветы жалобы на меня выгнанных мною за злоупотребленія экономовъ, безыменные доносы жидовъ и возмутительнаго содержанія жалобы станціоннаго смотрителя, производилъ по нимъ слѣдствія и те смотря на то, что все это оказывалось лишь результатомъ безсильной злобы и взводимыя на меня обвиненія лишенными всякаго основанія, неоднократно ссылался на эти жалобы, чтобы очернить меня.

Прежде всего гр. Бергъ повезъ меня къ гр. Нессельроде, домъ котораго считался въ то время между молодежью *le salon le plus imposant*. Мнѣ же онъ показался только скучнымъ, не смотря на то, что, по рекомендаціи Ф. Ф. Берга, я поступилъ подъ особенное покровительство баронессы Зеебахъ, младшей дочери канцлера и жены посланника саксонскаго. Потомъ ввели меня въ дома гр. Захревскаго, Воронцова-Дашкова, кн. Юсупова, гр. Левашева, Мятлева, Кушелева, Безбородко, гр. М. Ю. Віельгорскаго, Хитрово, кн. Долгоруваго, кн. Н. Л. Шаховскаго, Н. М. Толстаго, гр. Протасова и пр., и пр., всѣхъ не перечесть; въ то время жили открыто, давали обѣды, балы, о которыхъ теперь и думать перестали.

Въ 1844 г. я имѣлъ случай быть представленнымъ императрицѣ Александрѣ Федоровнѣ, вел. княгинѣ Ольгѣ Николаевнѣ и съ тѣхъ поръ съ удовольствіемъ и нѣкоторою гордостью вспоминаю, что меня всегда приглашали на всѣ придворные балы и что на этихъ балахъ императрица почти всегда оказывала мнѣ свое милостивое вниманіе. Вообще я цѣнилъ высоко любезности, оказываемыя мнѣ въ обществѣ, потому что, не будучи танцоромъ, я не считалъ себя нужнымъ или полезнымъ человекомъ на балахъ. Баронесса Зеебахъ познакомила меня со всѣми посольствами и, такимъ образомъ, въ теченіи одной зимы у меня составился огромный кругъ знакомыхъ. Но этого было недостаточно; я тогда почувствовалъ необходимость разнообразія; какое-то любопытство и любознательность заставляли меня бывать и въ обществѣ негоціантовъ и въ дурномъ обществѣ. Но, къ счастью моему, въ эти молодые годы я не зналъ увлеченія, и дурное общество занимало меня какъ нѣчто новое,—совершенно до того неизвѣстная мнѣ стихія.

Осенью, почти ежегодно, ѣздилъ я въ отпускъ, въ Варшаву,

и жилъ тамъ у отца, въ цитадели, въ томъ самомъ домѣ, въ которомъ я прожилъ счастливые дни моей первой молодости съ Merveilleux и Sandoz. Въ Варшавѣ въ то время въ обществѣ веселились, у меня было много знакомыхъ и я много выѣзжалъ, но послѣ обѣда я всегда нѣсколько часовъ проводилъ съ отцомъ, который не только всегда былъ ко мнѣ милостивъ, добръ и свисходителенъ, но и оказывалъ мнѣ полную во всемъ довѣренность и въ своихъ разговорахъ со мной постоянно былъ совершенно откровененъ. Последнее чрезвычайно льстило моему самолюбію и я помню, какъ я дорожилъ разговорами съ отцомъ; это обыкновенно бывало послѣ обѣда, когда послѣ усидчивыхъ утреннихъ занятій, отецъ любилъ курить, ходя по залѣ. Однажды, во время подобной прогулки, онъ мнѣ разсказалъ, что у него утромъ былъ какой-то нѣмецъ изъ Брауншвейга, предлагавшій доказать, что ему, т. е. отцу, по праву слѣдуетъ титуловаться графомъ Римской имперіи и что титулъ этотъ былъ пожалованъ въ началѣ прошлаго столѣтія дядѣ его дѣда. На мой вопросъ, что отецъ на это отвѣчалъ нѣмцу, отецъ сказалъ:

— Я ему объявилъ, что этотъ дядя былъ каналья и что я никакого отъ него наслѣдства не желаю.

Я оставилъ этотъ эпизодъ безъ дальнѣйшаго вниманія, отецъ никогда объ этомъ не говорилъ, но впоследствии живо представился мнѣ рѣзкій отзывъ отца при чтеніи Schlosser's Geschichte des XVIII Jahrhunderts, 1 Band, 247:

(Переводъ). Въ Брауншвейгъ-Вольфенбюттелѣ дѣла находились въ такомъ же положеніи, какъ и въ Ганноверѣ. Два брата владѣли странюю: Вольфенбюттелемъ правилъ Августъ-Вильгельмъ; въ Бланкенбургѣ былъ полновластнымъ властителемъ Лудвигъ-Рудольфъ, который долженъ былъ наслѣдовать впоследствии Вольфенбюттелемъ и поэтому относился весьма неодобрительно въ точности своего брата и любимца его фонъ-Дена, игравшаго тутъ роль Флемминга, нѣтъ сообщника въ лицѣ фонъ-Штейна. Г. фонъ-Денъ, подобно Флеммингу, былъ юнкеромъ; еще будучи пажемъ, онъ снискалъ расположеніе Антона Ульриха, а въ правленіе Августа-Вильгельма блисталъ при посольствахъ и, получивъ такимъ путемъ ордена, а въ Вѣнѣ графскій титулъ, расточалъ въ Вольфенбюттелѣ деньги этой страны и самого герцога, такъ что послѣднему пришлось даже занять у несчастной Софіи-Доротен, въ Ахленѣ, 40 тысячъ талеровъ...

и т. д., гдѣ, какъ видно по этому образчику, Шлоссеръ весьма непочтительно выражается о дядѣ дѣдушки моего отца.

Въ 1847 году въ Новогеоргіевской крѣпости на моего отца, осматривавшаго пѣшкомъ работы, наѣхали сзади испугавшіяся лошади и сшибли его съ ногъ. При этомъ онъ сильно ушибъ себѣ ногу; доктора различно опредѣляли поврежденіе кости, но положительный результатъ заключался въ томъ, что онъ долго не могъ ходить безъ помощи костылей, и всю жизнь не могъ бросить палки. Въ этомъ же году государь навѣстилъ моего больного отца и приказалъ ему непременно весною слѣдующаго года отправиться за границу. Доктора совѣтовали ему купаться въ Гастейнѣ.

Зима и весна 1848 г. ознаменовались необыкновенными происшествіями и переворотами на западѣ; послѣ провозглашенія республики во Франціи, вся Германія пришла къ неописанное броженіе; возстанія повторялись во всѣхъ столицахъ. Въ Вѣнѣ послѣ бѣгства слабоумнаго императора въ Инспрукъ, всѣ улицы покрылись баррикадами; правительство, такъ долго сосредоточенное въ кабинетѣ Меттерниха, низвергнуто и установлено временное... Въ это интересное время я совершенно неожиданно получилъ, чрезъ дежурнаго генерала главнаго штаба, высочайшее повелѣніе немедленно отправиться въ Варшаву для сопутствованія больнаго отца въ Гастейнѣ. Радость моя была неописанная: вмѣсто скучнаго лагеря мнѣ предстояло впервые побывать за границею и въ такое время, когда офицерамъ совсѣмъ не разрѣшали заграничныхъ отпусковъ. Изъ Варшавы мы отправились съ отцомъ и моими обѣими сестрами въ Вѣну на Краковъ. Къ моему величайшему удивленію, переѣхавъ границу, мы застали полное спокойствіе и до Прерау, гдѣ съ Вѣнско-Краковскою сходится Вѣнско-Пражская желѣзная дорога, рѣшительно нельзя было замѣтить ничего, что могло бы дать хотя малѣйшее понятіе о переворотѣ, совершившемся въ Вѣнѣ. Въ Прерау мы долго дожидались пражскаго поѣзда, а не доѣзжая до Вѣны, въ трехъ, вѣжется, перегонахъ, нашъ поѣздъ былъ ночью остановленъ и при свѣтѣ фавеловъ мы увидѣли по обѣ стороны дороги выстроенныя толпы вооруженной черни. Это зрѣлище и неизвѣстность, чего отъ нашего поѣзда требуютъ, ужасно перепугало моихъ сестеръ. Но мы не долго оставались въ недоумѣніи; оказалось, что временное правительство требовало задержанія казихъ-то лицъ, по невѣрнымъ свѣдѣніямъ будто бы ѣдущихъ съ нами

изъ Праги. Послѣ провѣрки паспортовъ, ихъ не оказалось и мы въ ту же ночь благополучно прибыли въ Вѣну. Большую часть баррикадъ еще не успѣли разобрать, національная гвардія занимала караулы, правительства не существовало.

Нашимъ посланникомъ въ Вѣнѣ былъ въ то время графъ Медемъ, совѣтникомъ—нашъ старый знакомый Фонтонъ, женатый на пріятельницѣ моей старшей сестры. Эти господа немедленно пріѣхали къ моему отцу и не смотря на то, что составляли одно цѣлое, т. е. нашу миссію, очень различно судили о происшествіяхъ и оцѣняли ихъ. Гр. Медемъ съ увлеченіемъ порицалъ недалекость и слабость правительства, приписывалъ ихъ старости, ослѣпленію и самонадѣянности кн. Меттерниха и утверждалъ, что силою оружія можно было спасти монархію, которую считалъ погибшею. Фонтонъ утверждалъ, что все возвратится къ прежнимъ порядкамъ, что жители Вѣны слишкомъ деморализованы деспотическимъ-инвизиціоннымъ правленіемъ, чтобы настойчиво преслѣдовать какую-либо цѣль, и что они вовсе не знаютъ и потому не могутъ желать свободы, о которой кричатъ только студенты. Послѣдствія оправдали предсказанія умнаго и ловкаго дипломата. Не смотря на недавно совершившіяся событія въ Вѣнѣ, все было спокойно, публичные сады были открыты для публики, старый неподражаемый Страусъ игралъ въ „Volksgarten“ только что сочиненный имъ Freiheitsmarsch,—но театры были закрыты и замѣтно было совершенное отсутствіе высшего общества. Аристократія поспѣшила удалиться въ свои помѣстья. Изъ Вѣны мы на пароходѣ поднялись до Линца по Дунаю, а оттуда на Нешль и благополучно доѣхали до Гастейна.

Это мѣсто, въ тѣсной лощинѣ между высокихъ горъ, на высотѣ 5 тысячъ футовъ надъ моремъ, произвело на меня весьма грустное впечатлѣніе, которое я уже испыталъ при видѣ унылой природы и бѣдныхъ жителей Финляндіи. Къ тому же оказалось, что въ Гастейнѣ съѣхались старые пессимисты и ультраконсерваторы съ разныхъ концовъ Европы и предсказывали, что всѣ столицы будутъ подражать Парижу 1793 г. и что одинъ Николай Павловичъ можетъ спасти Европу отъ всѣхъ ужасовъ всеобщей анархіи; тутъ были старый кн. Витгенштейнъ, толстый гр. Генкель фонъ-Доннерсмаркъ, семейство двухъ гра-

фовъ Аппони—братъевъ того, который былъ австрійскимъ посланникомъ въ Петербургъ; сѣдой гр. и графиня Эггеръ, которые ѣздили кататься на сѣрыхъ лошадяхъ и потому были названы мной „die vier Schimmel“. Но графъ прекрасно пѣлъ и познакомилъ меня съ новѣйшими произведеніями германской музыки, въ особенности нравилось мнѣ его энергичное исполненіе баллады на слова извѣстнаго и прекраснаго стихотворенія Уланда—„Des Dichters Fluch“. Старикъ Генкель фонъ-Доннерсмаркъ, человѣкъ, очевидно, не дальняго ума, дѣлалъ мнѣ безпрестанно вопросы о Россіи и всегда оканчивалъ свои разговоры одною фразой: „Wenn ihr Kaiser nur wollte uns ein Paar Tausend Kosaken schicken, alles wäre gerettet“. (Если бы вашъ государь только захотѣлъ прислать намъ тысячи двѣ казаковъ, все было бы спасено).

Былъ тамъ также весьма оригинальный старичекъ, съ незапамятныхъ временъ представитель шведскаго короля при французскомъ дворѣ, гр. Löwenhielm; онъ хорошо помнилъ первую французскую революцію и поражалъ меня своимъ спокойнымъ философическимъ взглядомъ на новѣйшія событія. Въ одномъ домѣ съ нами жила оригинальная старушка гр. Венкгеймъ, близкая родственница графа Радецаго; она приходила часто къ намъ и любила раскладывать пасьянсы и тѣмъ болѣе—передать отцу новые, ему неизвѣстные, пасьянсы.

Изъ русскихъ были въ Гастейнѣ семейство гр. Фёдора Петровича Палена; онъ былъ очень пріятный старикъ, въ то время еще очень веселый и большой любитель анекдотовъ; братъ его Николай Петровичъ, несчастный Глѣбовъ-Стрѣшневъ, отставной конно-піонеръ,—я говорю „несчастный“ потому, что онъ послѣ припадка паралича не владѣлъ ногами и его возили въ колясочкѣ. Сестра его, г-жа Бревернъ, съ мужемъ и малолѣтними дочерьми, изъ которыхъ одна теперь замужемъ за княземъ Шаховскимъ, которому высочайше дозволено именоваться кн. Шаховской-Глѣбовъ-Стрѣшневъ-Бревернъ, а другая недавно вышла замужъ за молодаго кн. Гедройцъ.

Монотонность жизни въ Гастейнѣ превосходила всякое понятіе. Отецъ сжалился надо мной, видя меня постоянно въ обществѣ дряхлыхъ стариковъ, и посоветовалъ мнѣ поѣздить по Германіи, съ тѣмъ, чтобы я пріѣхалъ за нимъ къ концу его

курса леченія. Тогда я поѣхалъ въ Мюнхенъ, Лейпцигъ, Дрезденъ, Прагу. Въ Мюнхенѣ въ то время только и было разговору, что о Лоллѣ-Монтесъ, сводившей съ ума стараго короля Людвига; въ Лейпцигѣ я подробно осматривалъ поле сраженія *der Völkerschlacht* и, ѣдучи въ Дрезденъ, очутился въ одномъ вагонѣ съ двумя господами, которые оказались революціонными агентами, разсылаемыми для поощренія возстаній. Вниманіе, съ которымъ я слушалъ ихъ разговоры, кажется, возбудило ихъ подозрѣніе; они стали меня разспрашивать куда я ѣду, зачѣмъ и т. д. Во всякое другое время я бы имъ отвѣчалъ очень круто и далъ бы имъ понять всю неумѣстность ихъ любознательности, но ихъ разговоръ меня настолько заинтересовалъ, что мнѣ хотѣлось услышать его продолженіе и я, выдавши себя за француза-перчаточника, ѣдущаго въ Вѣну, вполнѣ ихъ удовлетворилъ и успокоилъ. Тогда, по рассказамъ одного изъ нихъ, оказалось, что онъ былъ командированъ въ Варшаву, чтобы удостовѣриться на мѣстѣ, насколько тамъ почва приготовлена для открытаго возмущенія; но „представьте себѣ“, говорилъ онъ,— „за мной слѣдили отъ Кракова, а по приѣздѣ въ Варшаву меня схватили и немедленно отвезли въ оберъ-полиціймейстеру Абрамовичу. Этотъ господинъ“,—продолжалъ онъ,— „не позволяя садиться, 12 часовъ меня допрашивалъ, а по окончаніи допроса предложилъ мнѣ выборъ между Сибирью и возвращеніемъ въ Германію“,—къ этому онъ прибавилъ: „nein, das ist ein verfluchtes Land, in einem nu wird man nach Sibirien geschickt, und es kräht kein Hahn nach Ihnen. Stellen Sie sich vor, продолжалъ онъ, vierzig Tausend Kosaken bivouakiren auf den Strassen von Warschau—nein, das ist ein verfluchtes Land, da ist nichts anzufangen“. (Нѣтъ, это проклятая страна, мигомъ ушлють тебя въ Сибирь и о тебѣ не будетъ ни слуха, ни духа. Представьте, продолжалъ онъ, на улицахъ Варшавы стоятъ бивакомъ сорокъ тысячъ казаковъ,—нѣтъ, это проклятая страна, въ ней ничего нельзя предпринять).

Разставаясь со мной, онъ мнѣ подарилъ брошюру подъ заглавіемъ „Kurze Anleitung zum Bau der Bagrikaden“. (Краткое руководство для постройки баррикадъ).

Проѣзжая чрезъ Вѣну, на обратномъ пути изъ Гастейна, я засталъ императора, возвратившагося изъ Инспрука. Это было

за нѣсколько недѣль до втораго возстанія, подавленнаго кн. Виндишъ-Грецъ.

На другой день моего пріѣзда въ Вѣну назначенъ былъ большой парадъ;—императоръ Фердинандъ еще не видѣлъ національной гвардіи... Я былъ также любопытенъ видѣть всѣ эти столь быстро обмундированныя и вооруженныя толпы гражданъ Вѣны, и потому заблаговременно отправился на гласисъ старой Вѣнской крѣпости, куда стекались со всѣхъ концовъ войска. Меня непріятно поразило, что регулярныя войска—уступали первое мѣсто національной гвардіи, которая занимала правый флангъ и должна была первая проходить церемоніальнымъ маршемъ. Въ публикѣ выражалось громкое сочувствіе національной гвардіи и нерасположеніе къ войскамъ. Эти заявленія производили на меня весьма непріятное впечатлѣніе, а потому я и не удивлялся, слыша крѣпкія слова, поминутно вырывавшіяся изъ устъ генераловъ свиты императора. Сей послѣдній меня поражалъ своимъ тупоумнымъ равнодушіемъ, и еще болѣе своимъ, по моему мнѣнію совершенно неприличнымъ, костюмомъ. Въмѣсто ленты ордена св. Стефана, онъ былъ украшенъ широкою лентою только что изобрѣтенныхъ національныхъ германскихъ цвѣтовъ schwarz-roth-gold. Когда, возвратившись въ Варшаву, я объ этомъ рассказывалъ фельдмаршалу Ивану Ѳедоровичу Паскевичу, онъ до того разсердился, что вскочилъ и, схвативъ стулъ, на которомъ только что сидѣлъ, бросилъ его на полъ съ такою силой, что онъ разлетѣлся въ дребезги.

Въ 1849 году открылась Венгерская кампанія; предвидя, что гвардія будетъ только гулять по Литовскимъ губерніямъ, я упротилъ отца прикомандировать меня къ главнокомандующему. Князь Паскевичъ просилъ объ этомъ государя, но, къ удивленію и горести моей, Николай Павловичъ рѣшительно въ этомъ отказалъ фельдмаршалу, говоря: «пусть подождетъ, до него еще очередь не дошла».

Въ это время отецъ, какъ больной послѣ ушиба не могшій принимать участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, оставался въ Варшавѣ, исполняя должность намѣстника. Я же въ качествѣ баталіоннаго адъютанта, невольно приходилъ въ уныніе отъ бездѣйствія въ селѣ Ворняны, въ 35 верстахъ отъ Вильно. Въ Ворнянахъ получили мы извѣстіе о почти скоропостижной смерти

великаго князя Михаила Павловича. Говорятъ, что умершій великій князь дѣлалъ много добра, что у него было добрѣйшее сердце и т. п., а самъ объ этомъ судить не могу. Л.-гв. въ Саперномъ баталіонѣ онъ никогда никому своей доброты не выказывалъ, и я никогда не видѣлъ, чтобы съ бѣльшимъ равнодушіемъ было встрѣчено извѣстіе о кончинѣ главнаго начальника и въ этомъ случаѣ даже брата обожаемаго шефа. Я говорю именно шефа, потому что въ саперномъ баталіонѣ въ государѣ Николаѣ Павловичѣ, со времени назначенія его шефомъ (въ 1818 г. 3 іюля), привыкли видѣть доброжелательнаго, чарующаго своимъ милостивымъ обращеніемъ, начальника, и сколько искренно и горячо любили государя—столько-же недолюбливали великаго князя Михаила Павловича ¹⁾.

Кончина генераль-инспектора по инженерной части повлекла за собой важную и весьма пріятную для меня перемѣну назначеніемъ отца инспекторомъ по инженерной части. Это заставляло отца переѣхать въ Петербургъ и, такимъ образомъ, сблизило меня съ нимъ.

Весной 1850 года отецъ потребовалъ меня къ себѣ и поразилъ меня слѣдующими словами:

— Я тебѣ никогда объ этомъ не говорилъ, но уже давно собирался просить государя, чтобы въ твою пользу было сдѣлано исключеніе изъ правила, по которому только православные могутъ наследовать маіоратами, пожалованными въ 1835 году въ Царствѣ Польскомъ. Фельдмаршалъ сегодня докладывалъ государю о моей просьбѣ. Николай Павловичъ не только безъ малѣйшаго затрудненія согласился на мою просьбу, но еще прибавилъ: „съ удовольствіемъ, тѣмъ болѣе, что я его знаю,—онъ хорошій офицеръ и я хочу его взять въ адъютанты“.

Никогда я не забуду, какое наслажденіе мнѣ доставила въ этотъ день радость моего добрѣйшаго отца. Съ одной стороны его успокаивало, что ему удалось исправить то, что онъ считалъ

---

¹⁾ Въ этомъ отрывкѣ слышится чисто личное мнѣніе автора записокъ; всѣмъ, однако, извѣстно, что вел. кн. Михаилъ Павловичъ былъ однимъ изъ самыхъ добрыхъ людей и лишь напускалъ на себя иногда грубость и суровость, исходя изъ личнаго убѣжденія, что суровость и крайняя взыскательность начальства должны быть неизмѣнными спутниками военной службы. Между тѣмъ онъ былъ истиннымъ благодѣтелемъ для множества лицъ. Ред.

несправедливостью и небывалымъ въ Россіи примѣромъ недостатка вѣротерпимости, съ другой онъ получилъ доказательство, что я на хорошемъ счету и что во мнѣ расположенъ государь. Что касается меня, то я былъ сначала болѣе озадаченъ, чѣмъ обрадованъ, такъ эта новость была для меня неожиданна. Впоследствии я имѣлъ основаніе быть довольнымъ, что не слишкомъ обрадовался извѣстію о своемъ назначеніи флигель-адъютантомъ, потому что оно состоялось только три года спустя, когда я даже потерялъ надежду быть назначеннымъ.

III.

Ежедневное посѣщеніе двorca.—Шутка съ Веймарномъ.—Служба въ гвардіи въ Николаевское время.—Ученья и смотры.—Продѣлки нѣкоторыхъ офицеровъ—Вопросъ объ усовершенствованіи прачешныхъ госпиталя. — Петергофское общество.—Печальная судьба нѣкоторыхъ его членовъ.

1849—1855.

Съ 1850 года л.-гв. саперный баталіонъ, составляя бригаду съ гренадерскимъ и учебнымъ саперными баталіонами, былъ расположенъ лагеремъ близъ Петергофа. Пользуясь правами адъютанта части, въ которой государь былъ шефомъ, я ежедневно ѣздилъ съ рапортомъ къ государю и, признаюсь, въ этомъ находилъ счастье. Это счастье было совсѣмъ независимо отъ какихъ либо расчетовъ или надеждъ по службѣ; теперь (1868 г.), когда забыты всѣми, я живу въ уединеніи въ Козеницѣ, я могу говорить правду, мнѣ повѣрять, что для меня видѣть Николая Павловича была высшая степень счастья,—наслажденіе, котораго я описать не въ состоянн: я его любилъ отъ всей любящей души—и никогда не могъ имъ налюбоваться. Утренняя ежедневная поѣздка во дворецъ замѣняла для меня всевозможныя удовольствія. Четыре года: 1850, 1851, 1852 и 1853 я въ теченіи цѣлаго лѣта ежедневно являлся къ государю вмѣстѣ съ адъютантомъ л.-гв. Коннаго полка Воейковымъ, впоследствии еще прежде меня назначеннымъ флигель-адъютантомъ и потомъ убитымъ при взятн французами Малахова кургана.

Платонъ Александровичъ Воейковъ былъ добрый товарищъ, дѣльный офицеръ, хотя на видъ нѣсколько угрюмый, но любилъ

шутить и потому сильно смѣшил насъ часто, тѣмъ болѣе, что самъ при этомъ постоянно сохранялъ серьезный видъ.

Въ Севастополѣ А. П. В — нъ, никогда не отличавшійся остроуміемъ, что ему однако не помѣшало впоследствии обойти товарищей, сдѣлаться генераль-адъютантомъ и даже получить по какому-то наслѣдству титулъ и добавочную фамилію князя В — де-Г —, сдѣлался предметомъ назойливыхъ постоянныхъ насмѣшекъ Воейкова.

В — нъ справедливо находилъ, что отецъ семейства (онъ былъ уже въ то время отцемъ нѣсколькихъ дѣтей) не долженъ безъ особенной необходимости подвергать себя опасности; мало любоспытствовалъ узнавать лично, что дѣлалось на оборонительной линіи Севастополя и съ особеннымъ уныніемъ смотрѣлъ на огненные линіи, очерчиваемыя на темномъ небѣ полетомъ непріятельскихъ бомбъ. Подмѣтившій все это, жившій съ нимъ въ одной комнатѣ, Воейковъ — сказалъ ему разъ пресерьезно:

— Послушай, В — нъ, я, право, не понимаю твоей непростительной безпечности: можно быть храбрымъ, но всетаки отецъ семейства не долженъ забывать, что онъ необходимъ для своей семьи, и беречь себя.

Удивленный В — нъ возражалъ на это: „помилуй, я этого не забываю“, но Воейковъ продолжалъ: „нѣтъ забываешь — ты постоянно когда спишь, складываешь ноги вмѣстѣ, такъ что если бомба упадетъ на нихъ, то ты вдругъ лишишься обѣихъ, — надо непремѣнно и во время сна держать ихъ врозь, тогда, въ случаѣ несчастья, бомба можетъ оторвать тебѣ одну ногу, а не обѣ вмѣстѣ“.

Это наставленіе Воейкова, принятое В — нъ съ благодарностью, было причиною необыкновенныхъ усилій даже во время сна держать ноги въ разрозненномъ положеніи. Но Веймарнъ скоро убѣдился, просыпаясь, что во время сна ноги ему не повинуются, а потому онъ въ теченіи нѣсколькихъ ночей боролся со сномъ и, наконецъ, догадался — и на ночь перевязывалъ ноги такъ, чтобы онѣ ни въ какомъ случаѣ неполезно не могли соединиться. Если-бы Воейковъ отыскалъ такого субъекта, какъ Веймарнъ, во Франціи и дозволилъ-бы себѣ съ нимъ подобную шутку, мнѣ бы это показалось непростительнымъ, у насъ-же это позволительно: *le ridicule n'aunt jamais tué personne, même*

les plus dignes de lui succomber. (Такъ какъ насмѣшка никогда не убивала людей, даже наиболѣе заслуживавшихъ пасть подъ ея ударами).

Вспомнивъ объ оригинальной личности ген.-ад. Катенина, приходится поневолѣ распространиться о томъ, что такое была въ то время военная гвардейская служба. Не скрою, что приступаю къ этому съ нѣкоторою стыдливостью, спрашивая самого себя—такъ ли все это было, какъ я это теперь припоминаю, и считаю нужнымъ заявить, что какъ бы послѣдующій рассказъ ни показался мало вѣроятнымъ, я ничего не выдумываю, ничего не прибавляю, да впрочемъ и трудно было бы чтонибудь прибавить къ фактамъ, и безъ того неправдоподобнымъ. Теперь (1873 г.) я еще могу ссылаться на многихъ свидѣтелей, но чрезъ 20 лѣтъ, когда эти записки будутъ читать кто-нибудь изъ военныхъ, напр. въ 1893 г., то я рискую прослыть—выдумщикомъ и лгуномъ.

Сила въ томъ, что при всѣхъ строгостяхъ и требовательности того времени трудно понять, какимъ образомъ вся требовавшаяся наружная исправность могла быть основана на самомъ дерзкомъ обманѣ? Это, дѣйствительно, такъ трудно, что необходимо привести нѣсколько поражающихъ примѣровъ; я не стану говорить по наслышкѣ и опишу только то, что самъ видѣлъ, и факты, за справедливость которыхъ ручаюсь головою.

Гвардейскіе полки, за недостаткомъ казарменныхъ помѣщеній, раздѣлялись постоянно на два городскихъ и одинъ загородный батальонъ,—послѣдній отъ окончанія лагернаго сбора одного до начала лагернаго сбора другаго года всегда располагался по деревнямъ. Въ продолженіе Святой и Ѳоминой недѣли, постоянно назначались разводы, съ церемоніею, на дворцовой площадѣ. Разводы эти производились постоянно, кромѣ двухъ первыхъ дней Свѣтлаго праздника, съ ученьями.

Отъ успѣха или удачи ученій зависѣла участь частей на дѣлѣ лѣтній сезонъ, кромѣ того, ученье одного батальона на такомъ мѣстѣ, какъ дворцовая площадь, было дѣло нелегкое, потому что никакой ошибки нельзя было скрыть, и потому этихъ ученій полковые командиры боялись болѣе прочихъ смотровъ. Чтобы видѣть по очереди всѣ батальоны, государь Николай Павловичъ назначалъ разводы отъ каждаго поля по два дня сряду,—что-же дѣлали полковые командиры? Они не только по ночамъ приводили

въ городъ всю первую шеренгу и лучшихъ людей загородныхъ батальоновъ—и ставили ихъ въ ряды того батальона, который наряжался въ караулъ, но по отбытіи ученья однимъ батальономъ, смѣняли секретно съ караула, ночью, лучшихъ и болѣе видныхъ солдатъ, чтобы ихъ на другой день снова поставить въ ряды другаго батальона.

Когда великій князь Михаилъ Павловичъ назначалъ смотръ полковымъ обозамъ, расторопные полковые командиры, никогда не имѣвшіе на лицо полного числа лошадей, занимали таковыхъ у своихъ офицеровъ или по знакомству въ артиллерию, или даже нанимали таковыхъ у извозчиковъ, въ Ямской. Всегда смотръ эти оканчивались тѣмъ, что самые недобросовѣстные полковые командиры получали благодарности, и обратно, что на молодыхъ офицеровъ производило возмущающее впечатлѣніе и подрывало авторитетъ начальниковъ.

Смотры обозовъ производились рѣдко и большею частью на Измайловской площади. Какъ теперь помню, когда я въ первый разъ присутствовалъ на подобномъ смотрѣ, я не могъ не любоваться лошадьми л.-гв. Измайловскаго полка; возлѣ меня смѣялись,—я ничего не понималъ, пока кто-то сказалъ:

— „Что бы те перь великому князю вызвать по тревогѣ л.-гв. конно-піонерный дивизионъ?“ (расположенный рядомъ съ съ Измайловскимъ полкомъ).

Послѣ смотра, я отправился въ конюшни конно-піонернаго дивизиона и удостовѣрился, что, дѣйствительно, толстыя лошади этого дивизиона провезли измайловскій обозъ мимо великаго князя.

Послѣ объѣзда всѣхъ линій войскъ начальствомъ, причемъ подавались всегда строевые рапорты, съ обозначеніемъ подъ графою: столько-то рядовъ во взводѣ или столько-то съ однимъ глухимъ, что какъ дробь и копѣйки въ мошенническихъ счетахъ утѣшало своею подробностью зоркое и требовательное начальство, послѣ исполненія команды „побатальонно перемѣна дирекціи направо!“ строились дивизионы, смыкались въ дивизионныя колонны и начиналось торжественное шествіе, въ сожалѣнію (?) и по сіе время (1868 г.?) называющееся церемониальнымъ маршемъ. При этомъ всѣмъ полкамъ приходилось заходить правымъ плечомъ налѣво въ томъ углу Царицына луга, который упирается въ Инженерному мосту. При этомъ захожденіи музыканты обы-

вновенно отдѣлялись и слѣдовали отдѣльно, чтобы занять свое мѣсто во время прохожденія своей части, и барабанщики, какъ можно плотнѣе, шли за предъидущимъ батальономъ, чтобы имѣть возможность не потерять дистанцію. Вотъ почему, ѣдучи верхомъ и почти въ радахъ л.-гв. Егерскаго полка, я могъ замѣтить какое-то перестраиваніе въ дивизіонахъ л.-гв. Егерскаго полка, наконецъ, отдѣленіе изъ рядовъ какихъ-то командъ, направляемыхъ учащеннымъ и даже бѣглымъ шагомъ къ Фонтанкѣ, на Цѣпной мостъ. У меня была въ то время прыткая, сѣрая кобыла „Grisette“. Я зналъ, что я на ней опоздать не могу, и потому поскакалъ производить слѣдствіе; оказалось, что ген. М — й поставилъ въ ряды своего полка всѣхъ вновь поступившихъ рекрутъ, для увеличенія числа рядовъ, тщательно повѣраемыхъ начальствомъ въ началѣ парада, но, не надѣясь на маршировку и еще менѣе на правильное держаніе ружья, по совершенно неестественнымъ требованіямъ того времени, высылалъ этихъ рекрутъ домой до прохожденія церемоніальнымъ маршемъ. Слѣшу прибавить, что расчетъ генерала М — го оказался вѣрнымъ. Онъ получилъ благодарность за большое число рядовъ, за успѣшное и быстрое образованіе рекрутъ; рекруты эти, избавленные отъ прохожденія церемоніальнымъ маршемъ, получили наравнѣ съ прочими нижними чинами по 1 р. сер. и, кромѣ меня, никто изъ постороннихъ лицъ не замѣтилъ обмана. Однимъ словомъ, виноватымъ оставался одинъ я, потому что любознательность моя имѣла послѣдствіемъ лишь бессильную злобу противъ установленныхъ порядковъ, дѣлающихъ всякій обманъ возможнымъ, кромѣ того, приобретаемая опытность дѣлала меня равнодушнымъ къ службѣ...

Л.-гв. въ Саперномъ батальонѣ, въ которомъ я имѣлъ честь служить, дѣла велась и служба понималась гораздо честнѣе; не смотря на то, что у насъ никакой за городомъ расположенной части не было, мы не только ни въ чемъ не отставали отъ пѣхотныхъ полковъ; но еще считались передъ ними, — а именно, пища у насъ была лучше, число больныхъ всегда меньше, обмундировкою щеголяли и на майскіе и ранніе парады выводили, безъ исключенія, всѣхъ на лицо состоявшихъ нижнихъ чиновъ, по числу ружей, по штату положенныхъ, такъ что во время парада, за неимѣніемъ нижнихъ строевыхъ чиновъ, въ

батальонный караулъ и дневальными къ воротамъ наряжались нижніе чины нестроевой роты или фурштаты при сабляхъ. Государь обращалъ серьезное вниманіе на число рядовъ во взводахъ, особенно насъ всегда благодарилъ за очевидную исправность и тѣмъ возбуждалъ нескрываемую зависть другихъ полковъ. Каково же было мое удивленіе, когда однажды на зимнемъ парадѣ я удостовѣрился, что у нашихъ сосѣдей, л.-гв. въ Егерскомъ полку, оказалось однимъ рядомъ во взводѣ болѣе противъ насъ. Положительно зная, что это не могло произойти безъ плутни, я себѣ далъ слово донскаться настоящей причины и на другой же день докладывалъ своему командиру ген.-маіору Николаю Филиповичу Хомутову, на какія штуки рѣшился пускаться ген.-м. М. . . . вѣй, командиръ л.-гв. Егерскаго полка.

На весь зимній сезонъ штуцерные, т. е. люди вооруженные нарѣзнымъ оружіемъ и которыхъ полагалось только по 24 на баталіонъ, собирались (для обученія какъ обходиться съ нарѣзнымъ оружіемъ) въ казармахъ л.-гв. Преображенскаго полка, близъ Таврическаго сада, подъ спеціальнымъ руководствомъ нѣвсего чиновника Гартунга. Штуцерные л.-гв. Волинскаго полка, расквартированнаго въ г. Ораніенбаумѣ и окрестностяхъ его, помѣщались въ Петербургѣ, въ казармахъ л.-гв. Егерскаго полка. Зимніе парады назывались въ то время внезапными, и приказанія о нихъ получались обыкповенно наканунѣ, поздно вечеромъ или даже ночью, и между тѣмъ случалось всегда такъ, что не только наканунѣ, а еще за два дня полковые командиры дѣлали репетиціи. Такимъ образомъ, будучи или тайно извѣщены или получивъ намекъ о предстоящемъ парадѣ отъ высшаго начальства, ген. М. . . . вѣй послалъ одного изъ фельдфебелей своего полка въ штуцерную команду л.-гв. Волинскаго полка, съ вопросомъ не желаютъ-ли волинцы заработать по 1 руб. сер. на человѣка, и въ случаѣ положительнаго съ ихъ стороны отвѣта, объявить имъ, чтобы они становились въ ряды л.-гв. Егерскаго полка, послѣ предварительной пригонки на нихъ егерскихъ касокъ и шинелей. Вотъ посредствомъ какого дерзкаго обмана у генер. М. . . . каго сдѣлалось число рядовъ значительнѣе противъ другихъ полковъ и даже нашего баталіона. Я ожидалъ, что наглость подобнаго обмана не останется безъ послѣдствій, тѣмъ болѣе, что вышепоименованный чиновникъ Гар-

тунгъ донесъ объ этой продѣлкѣ начальнику гвардейской пѣхоты г. Сумарокову, но оказалось, что этотъ господинъ, не желая огорчить его высочество наследника цесаревича, въ то время главнокомандующаго гвардейскими и гренадерскимъ корпусами, поспѣшилъ замаять, или какъ въ то время говорили, затушевать всю эту исторію.

Во время майскаго парада, обыкновенно назначавшагося въ апрѣль, я былъ также свидѣтелемъ подобной, хотя и на другой манеръ произведенной, продѣлки.

Въ 1853 году, кажется въ октябрѣ, возвратившись изъ отпуска, являлся я многочисленному начальству, и между прочимъ дежурному генералу. Должность эту занималъ въ то время хорошій мой знакомый Александръ Андреевичъ Катенинъ, пріобрѣтшій и дѣйствительно заслужившій въ командованіе свое л.-гв. Преображенскимъ полкомъ репутацію ловкаго человѣка ¹⁾. Въ пріемной генерала-адъютанта Катенина засталъ я военнаго министра, кн. Василя Андреевича Долгорукова ²⁾, который въ немалому удивленію моему обратился ко мнѣ, говоря, что онъ очень радъ меня встрѣтить, и повелъ меня въ отдѣльный кабинетъ, гдѣ обыкновенно передавалъ къ исполненію приказанія и резолюціи государя. Тамъ кн. Долгоруковъ сказалъ мнѣ, что у него ко мнѣ просьба: „сдѣлайте одолженіе, съѣздите въ 1-ый Сухопутный госпиталь; тамъ большіе беспорядки въ прачешныхъ: когда моютъ бѣлье, отъ горячей воды навопляется такой густой паръ, что ничего не видно, и по сіе время почтеннѣйшій генер. Зассъ ³⁾ ничего не могъ выдумать, чтобы помочь горю. Онъ мнѣ предлагаетъ употребить въ дѣло противъ этихъ паровъ вентиляторъ, употребляемый саперами въ минныхъ галлерейхъ, но я сомнѣваюсь, чтобы это привело къ желанному результату“.

Я съ трудомъ удерживаясь отъ громкаго смѣха, долженъ былъ объяснять, что средство, предлагаемое ген. Зассомъ, никуда не годится, что саперный вентиляторъ употребляется въ минахъ для снабженія ихъ свѣжимъ воздухомъ и что въ пра-

¹⁾ О разныхъ боѣе или менѣе невинныхъ продѣлкахъ Александра Андреевича Катенина особое прибавленіе.

²⁾ Объ этой личности также особое прибавленіе.

³⁾ Ген.-ад. Корнелій Корнелъевичъ, инспекторъ госпиталей. Денъ.

чешныхъ притокъ свѣжаго холоднаго воздуха можетъ только, сгущая пары, еще увеличить зло, объ устраненіи котораго хлопчутъ. Это, какъ и мнѣ, показалось забавнымъ кн. Долгорукову и онъ, улыбаясь, повторилъ мнѣ свою просьбу—сѣздить, осмотрѣть и доставить ему, какъ можно скорѣе, записку и чертежъ о томъ, какимъ путемъ я полагаю—привести въ порядокъ прачешныя 1-го Военно-Сухопутнаго госпиталя.

Послѣ этого онъ меня много спрашивалъ о генералѣ К. А. Шильдерѣ, который уже въ то время страстно предавался въ Варшавѣ спиритизму, бѣгающимъ и пишущими столиками. Это видимо очень интересовало кн. Василю Андреевича, такъ что я обѣщался привезти къ нему, вмѣстѣ съ запискою объ усовершенствованіи прачешныхъ, подаренный мнѣ генераломъ Шильдеромъ сердцеобразный столикъ со вставленнымъ въ одну изъ его трехъ ножекъ карандашемъ, благодаря которому

Карлъ Андреевичъ Шильдеръ вошелъ въ интимную корреспонденцію съ покойнымъ государемъ Александромъ Павловичемъ, получилъ отъ него приказаніе перейти въ православіе, что имъ и было уже исполнено, нарѣчися Александромъ и отправиться въ Турцію для изгнанія магометанъ изъ Европы.

Черезъ два дня повезъ я къ военному министру ¹⁾ результатъ своего осмотра прачешныхъ. Я предлагалъ самыя простыя средства, а именно: мѣдныя крышки на котлахъ, въ которыхъ согрѣвается нужная для стирки вода и пространныя изъ листоваго желѣза навѣсы надъ чанами, въ которыхъ моется бѣлье, съ проведеніемъ трубъ отъ котловъ и навѣсовъ въ дымовыя трубы, устройство каминовъ, блоковъ при наружныхъ дверяхъ и т. д. Сдѣланный мной отъ руки и безъ масштаба весьма плохой чертежики (я никогда не умѣлъ порядочно чертить), какъ и записка, повидимому совершенно удовлетворили военнаго министра, потому что онъ разсыпался въ самыхъ лестныхъ благодарностяхъ. Послѣ мы перешли опять къ спиритизму; я показалъ Василю Андреевичу привезенный мною столикъ и, видя какъ серьезно принимаются мои рассказы о Шильдерѣ и о результатахъ, полученныхъ имъ посредствомъ этого незамысловатаго инструмента, я предложилъ этотъ столикъ кн. Василю

¹⁾ Кн. Долгоруковъ жилъ тогда въ Большой Морской, въ домѣ гр. Тохстаго, который принадлежитъ теперь разбогатѣвшему фабриканту лампъ Штанге.

Андреевичу, но онъ не пожелалъ его принять, говоря: „vous vous sommes déjà si énormément obligés pour le remède, que vous nous proposez et que cela serait trop“ (мы и такъ чрезвычайно обязаны вамъ за средство, предложенное вами; это было бы черезъ-чуръ много!). Онъ говорилъ — nous (мы) потому что генер. Катенинъ находился тутъ-же и вся фигура и выраженіе его лица говорили—„вы нашъ спаситель!“

Если я привожу въ подробности весь этотъ эпизодъ изъ моей службы 1853 года, то это потому, что, будучи назначенъ вслѣдъ затѣмъ флигель-адъютантомъ, я подозрѣвалъ, что это порученіе было мнѣ дано, по привязанію государя, въ видѣ маленькаго испытанія.

Еще прежде расположенія л.-гв. сапернаго баталіона лагеремъ близъ Петергофа, я былъ близко знакомъ съ этимъ лѣтнимъ мѣсто-пребываніемъ двора, кажется съ 1845 года, потому что у меня было много знакомыхъ, постоянно проводившихъ тамъ лѣто, и потому что приглашенія на придворные балы заставляли меня туда ѣздить и искать пріюта въ гостепримныхъ дачахъ. Между ними, главнѣйшую для меня роль играли дачи Трувелера, гдѣ (жила) княгиня А. С. У — ва и В... — хъ, гдѣ, среди шумнаго Петергофа лѣтомъ и унылаго и безлюднаго зимой, Е..... А..... В — ая, рожденная Ж — ва, въ относительномъ одиночествѣ искупала грѣхи своей слишкомъ расточительной жизни въ Италіи, а именно во Флоренціи, гдѣ она пребыла два или три года.

Вообще довольно снисходительное петербургское общество совершенно покинуло дачу В—хъ, гдѣ оно безпрестанно собиралось въ началѣ 1840-хъ годовъ для танцевъ и роскошныхъ ужиновъ въ великолѣпной залѣ огромной оранжереи.

Мужъ Е..... А....., —получившій отъ своего отца огромное состояніе и отъ правительства, по доброжелательному вліянію кн. Петра Михайловича Волконскаго, министра двора и удѣловъ, 3 милліона руб. сер. ссуды для устройства своихъ пермскихъ желѣзныхъ заводовъ, успѣлъ въ нѣсколько лѣтъ, съ помощью жены, не знавшей никогда цѣны денегъ, не только запутаться, но даже промотать свое колоссальное состояніе. Они жили въ кредитъ — и безпрестанно испытывали (нападенія) отъ кредиторовъ, непремѣнное послѣдствіе—расточительной жизни,

но переносили всё эти испытанія не только съ безпечностью и веселостію, но и съ философіею, которыя меня изумляли.

Тѣмъ не менѣе беззаботный Н... не унывалъ и не упустилъ случая (пошутить). Мужчины усердно посѣщали домъ В....., и въ числѣ самыхъ усердныхъ посѣтителей и поклонниковъ Е..... А..... былъ въ то время милѣйшій гр. Степанъ Ѳедоровичъ Аправсинъ, бывшій начальникъ гвардейской кирасирской дивизіи, но въ то время состоявшій при особѣ императрицы Александры Ѳедоровны и исполнявшій съ особенною граціею, достоинствомъ и усердіемъ должность постоянно дежурящаго камеръ-пажа.

У Прасковьи Арсеньевны Жеребцовой я также бывалъ и часто встрѣчалъ у нея старика князя Петра Михайловича Волконскаго, который, вспоминая службу свою при Александрѣ Павловичѣ, иногда рассказывалъ весьма интересные эпизоды своихъ путешествій съ покойнымъ государемъ и кампаніи 1813—1814 годовъ. Онъ заходилъ иногда и къ Е. А. В....., и разъ дорого пришлось ему такое посѣщеніе. Это было уже въ августѣ, въ сумерки; въ шинели и фуражкѣ гвардейскаго генеральнаго штаба, шелъ онъ вдоль забора, обсаженнаго вратегусомъ между дачами Всеволожскаго и Жеребцовой. Его издали замѣтилъ баронъ Мейендорфъ, сынъ Петра Казиміровича, впоследствии убитый въ Севастополѣ, и по воротнику и фуражкѣ принявъ за меня, спрятался въ вратегусъ и когда старикъ министръ двора и канцлеръ орденовъ съ нимъ поравнялся, съ крикомъ бросился на него. Бѣдный, перепуганный князь съ крикомъ бросился въ сторону, но остушился и упалъ, продолжая кричать:— „фу, фу, что ты, что ты, сумасшедшій, что ли?“

Мейендорфъ сейчасъ узналъ свою ошибку и опрометью бросился бѣжать и, еще запыхавшійся, рассказывалъ мнѣ это приключеніе, которое его перепугало еще болѣе самой жертвы его шалости, князя Волконскаго. Мейендорфъ этотъ былъ въ то время въ академіи генеральнаго штаба, а впоследствии былъ убитъ въ Севастополѣ.

Еще другаго Мейендорфа, а именно старшаго изъ всѣхъ братьевъ Казиміровичей, встрѣчалъ я очень часто въ разныхъ домахъ; это былъ преоригинальный старичекъ, дѣлавшій кампаніи 1812, 1813 и 1814 годовъ артиллерійскимъ офицеромъ, командо-

валь двумя орудіями подъ Касселемъ въ отрядѣ генерала Чернышева и любилъ разсказывать, что Михайловскій-Данилевскій лишь изъ желанія польстить сильному въ то время военному министру поэтизировалъ дѣйствія Чернышевскаго отряда подъ Касселемъ. Послѣ занятія Парижа нашими войсками, Казиміръ Казиміровичъ Мейендорфъ стоялъ съ своею батареею въ Мецѣ, влюбился тамъ въ дочь мясника, женился на ней и по окончаніи военныхъ дѣйствій вышелъ въ отставку. Эта французенка, прожившая пятьдесятъ лѣтъ въ Россіи, не научилась говорить порусски

Меня съ ней познакомилъ ея мужъ и, представляя, прибавилъ съ эмфазомъ: „*officier très distingué aux sapeurs de la garde*“ (весьма достойный офицеръ гвардейскаго сапернаго батальона). Послѣ непродолжительнаго разговора, когда я всталъ, чтобы уйти, неулюжная баронесса обратилась ко мнѣ: „*J'espère, Monsieur, qu'en cas d'accident dans notre maison vous aurez la bonté de nous prendre sous votre protection*“.

Elle me prenait pour un officier des sapeurs pompiers.

(„Надѣюсь, что, въ случаѣ несчастья въ нашемъ домѣ, вы будете столь любезны взять насъ подъ свое покровительство“.

Она приняла меня за служащаго въ пожарной командѣ).

У этихъ Мейендорфовъ была дочь Léonie, дѣвица уже (среднихъ) лѣтъ, которая сопутствовала своему дядѣ Александру Мейендорфу на Кавказъ, куда тотъ ѣздилъ для статистическихъ и экономическихъ развѣдокъ; дядя взялъ ее съ собой, говоря: *c'est au Caucase qu'on saura apprécier ma pièce...* (на Кавказѣ стѣмбуютъ оцѣнить мою племянницу...), и не ошибся—тамъ она вскорѣ вышла замужъ за генерала М—а. Сынъ Казиміра, Félix,—былъ сначала въ университетѣ, потомъ юнкеромъ Саксенъ-Веймарскаго гусарскаго полка, и сильно приставалъ ко мнѣ въ Крыму—для откомандированія его ординарцемъ къ кн. Меншикову. Впослѣдствіи онъ женился на третьей дочери кн. М. Д. Горчакова и сдѣлался известнымъ, когда, служа въ дипломатическомъ корпусѣ, отличился крупнымъ разговоромъ съ его святѣйшествомъ папою римскимъ, вслѣдствіе чего былъ вызванъ изъ Рима, назначенъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Веймаръ къ тому самому великому герцогу, въ полку котораго началъ службу, и нѣсколько лѣтъ спустя скончался.

Еще плачевнѣе былъ конецъ Е. А. В.; положеніе ея

дѣйствительно было невыносимо среди петербургскаго общества; она воспользовалась первою возможностью, чтобы переселиться за границу, гдѣ я узналъ, въ 1858 году, встрѣтивъ ее за рулеткою въ Висбаденѣ, что горькій опытъ и испытанныя ею бѣдствія въ Петергофѣ не послужили ей въ пользу. Она и мужъ ея продолжали жить не по средствамъ, въ кредитъ; сначала Н..... В....., а потомъ и ее кредиторы засадили въ тюрьму. Первый умеръ, а она успѣла бѣжать, переодевшись въ мужское платье, и, не смотря на преслѣдованія и телеграфы, успѣла возвратиться съ дѣтьми въ Россію черезъ Константинополь.

Изъ Одессы, гдѣ она прожила нѣсколько мѣсяцевъ и также успѣла надѣлать долговъ, она отправилась на заводы покойнаго мужа въ Пермскую губернію. Я видѣлъ эту замѣчательную во многихъ отношеніяхъ женщину на Курской почтовой станціи, кажется, въ 1862 году. Поселившись на заводахъ, она боролась съ нищетою со свойственною ей энергіею, при чемъ находила возможность дѣлать добро, и два года спустя скончалась en odeur de sainteté (съ ореоломъ святой) среди населенія, между которымъ успѣла пріобрѣсть огромную популярность.

(1868—1873 гг.)

В. И. Денъ.

Поправка. Выше, на стр. 70, въ первыхъ двухъ строкахъ сверху, читай: «le meilleur ami de votre père» (лучшій другъ нашего отца).

Надпись на могилѣ царя Василя Ивановича Шуйскаго

† 1612.

Царь Василій Ивановичъ Шуйскій, какъ извѣстно, умеръ въ плѣну—у поляковъ, въ Гостинскомъ замкѣ, близъ Варшавы, 12-го сентября 1612 года. Тамъ же умеръ и братъ его, князь Дмитрій Ивановичъ Шуйскій. Оба они были погребены въ Варшавѣ, въ предмѣстїи Краковскомъ, въ часовнѣ у церкви Креста Господня. Король Сигизмундъ III воздвигъ мраморный памятникъ надъ этой могилой съ латинскою надписью.. Предъ нами копія этой надписи, сообщенная изъ города Калиша—Эр. Фел. Турау въ архивъ «Русской Старины», 29-го октября 1878 г. Надпись эта сохранилась въ Калишскомъ архивѣ древнихъ актовъ. Латинскій текстъ въ копїи неисправенъ (по сличенїи съ текстомъ, помѣщеннымъ въ 785-мъ примѣчанїи въ XII тому «Исторїи Государства Россійскаго» Н. М. Карамзина, Спб., изд. 1829 г., стр. 224).

Вотъ буквальный переводъ копїи поманутой надписи, сохранившейся въ архивѣ города Калиша:

«Во славу Исуса Христа, сына Божїа,
царя царей, Бога войскъ.

«Сигизмундъ III, король Польши и Швециї,
когда Московское войско было разбито при
Клушинѣ, когда онъ принялъ подъ свою
власть Московскую столицу, когда Смоленскъ
былъ возвращенъ республикѣ, когда Василій
Шуйскій, Великій князь Московскій, и его
братъ Дмитрій, предводитель войска
(главный воевода), были взяты въ плѣнъ,
содержались въ замкѣ Гостинскомъ

подъ стражею, и тамъ окончили свою
жизнь:

Помня о человѣческой участи, кости
ихъ перенести сюда (повелѣлъ?),
и чтобы, въ его царствованіе,
даже враги и вопреки права
пріобрѣтшіе скипетръ не лишены
были справедливости и погребенія,
въ этомъ имъ построенномъ
для всеобщей памяти въ по-
томствѣ и для чести своего
королевства памятникѣ (собств.
трофеѣ) (положить повелѣлъ?)

«Въ годъ отъ рожденія дѣвою 1620,
королевствованія въ Польшѣ 33,
въ Швеціи 26».

Карамзинъ въ XII-мъ томѣ «Исторія Государства Россійскаго»
(см. изд. 1829 г., стр. 308) такъ переводитъ эту надпись:

«Во славу Царя царей, одержавъ побѣду въ Клушинѣ, занявъ
Москву, возвративъ Смоленскъ республикѣ, плѣнивъ великаго князя
московскаго Василя, съ братомъ его, княземъ Дмитріемъ, главнымъ
воеводою Россійскимъ, король Сигизмундъ, по ихъ смерти, велѣлъ
здѣсь честно скоронить тѣла ихъ, не забывая общей судьбы человѣ-
ческой, и въ доказательство, что во дни его царствованія не лиша-
лись погребенія и враги, вѣнценосцы незаконные».

Въ царствованіе Михаила Ѳедоровича Польша отдала Россіи въ
1635 году кости Шуйскихъ. Царь Василій тогда-же, въ 1635 году,
іюня 10-го, погребенъ въ Москвѣ, въ Архангельскомъ соборѣ.

В.

ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ КРЫЛОВЪ.

Три басни изъ изд. «Утренніе Часы», въ которомъ онъ былъ сотрудникомъ

въ 1788—1789 гг.

Въ весьма интересной монографіи академика Л. Н. Майкова: «Первые шаги И. А. Крылова на литературномъ поприщѣ» (Спб., 1889 г., отд. оттискъ, на стр. 37 и 38), мы прочли слѣдующія строки: «Рахманиновъ съ апрѣля 1788 г. издавалъ еженедѣльникъ «Утренніе часы». Здѣсь напечатана была ода И. А. Крылова «Утро», съ подписью его имени (мартъ 1789 г.); но весьма вѣроятно, что въ томъ же изданіи появились еще другія его произведенія, только безъ его имени: такъ, нѣкоторые сатирическіе очерки «Утреннихъ Часовъ» не только по темѣ, но и по манерѣ изложенія напоминаютъ Крыловскія письма гномовъ въ «Почтѣ духовъ» (журналъ, издававшійся Крыловымъ); еще болѣе заслуживаютъ вниманія въ этомъ отношеніи нѣкоторыя изъ басенъ, помѣщенныхъ въ журналѣ Рахманинова: по живости языка и непринужденности разсказа онѣ очень походятъ на типическія басни Крылова. Если бы принадлежность ему этихъ анонимныхъ произведеній могла бы быть доказана съ достаточною точностью, мы имѣли бы передъ собою ранніе опыты его въ томъ родѣ поэзій, которымъ впоследствии онъ прославилъ свое имя; а что онъ сочинялъ басни въ юности, преданіе о томъ сохранено Лобановымъ».

Въ «Утреннихъ Часахъ» 1788—1789 гг. напечатаны басни: «Олень и Заяцъ» (въ ч. III, 1788 г.), «Новопожалованный Осель» (въ 1789 г., ч. IV)—эта послѣдняя басня, по замѣчанію Л. Н. Майкова, представляетъ замѣтное сходство съ «Ослоемъ» Крылова («Когда вселенную Юпитеръ населялъ...»). Кромѣ того, въ III ч. «Утреннихъ Часовъ» (октябрь 1788 г.) есть басня «Недовольный гостями стихотворецъ», гдѣ осмѣявъ помѣшанный на прозѣ и

стихахъ Рифмохватъ—то же лицо, что Рифмокрадъ, то есть Яковъ Борисовичъ Княжнинъ, въ «Проказникахъ» И. А. Крылова.

Указанія Л. Н. Майкова настолько заинтересовали насъ, что мы обратились къ нему съ просьбою сообщить намъ копию упомянутыхъ трехъ басенъ, и Леонидъ Николаевичъ весьма обязательно исполнилъ нашу просьбу.

Замѣтимъ кстати, что «Русская Старина» имѣла нѣкогда счастье открыть басню И. А. Крылова: «Обѣдъ у Медвѣдя», которая и вошла со страницъ «Русской Старины» (изд. 1870 г., томъ II, изд. третье, стр. 617—619) во все затѣмъ изданія басенъ славнаго нашего баснописца Крылова, а равно «Русская Старина» сохранила на своихъ страницахъ въ особомъ изслѣдованіи неопровержимыя доказательства принадлежности И. А. Крылову басни «Конь» («Русская Старина», 1881 г., т. XXXI, стр. 623—632). Очень будетъ пріятно, если теперь, благодаря указанію академика Л. Н. Майкова и воспроизведя его сообщеніе, «Русская Старина» сохранить три басни, которыя окажутся наиболѣе ранними произведеніями великаго русскаго баснописца.

Ред.

I.

Новопожалованный осель.

Когда чины невѣжа ловить,
Не счастье онъ себѣ, погибель тѣмъ готовить.

Осель добился въ знатный чинъ.
Въ то время во звѣрномъ родѣ
Чинъ Царска Спальника былъ въ знати и въ модѣ:
И сталъ осель великой господинъ.
Осель мой всѣхъ пренебрегаетъ,
Вертитъ хвостомъ,
Копытами и лбомъ
Придворныхъ всѣхъ толкаетъ.
Достоинствомъ его ослиный полонъ умъ,
Осель о должности не тратитъ много думъ:
Не мыслить сколь она опасна.
Ослу достоинства даны:
На знатность мой осель съ той смотритъ стороны,
Съ какой она прекрасна;
Онъ знаетъ: ежели въ чивахъ хотя дуракъ,
Ему почтенемъ долженъ всякъ.
Знать должно: ночью Левъ любилъ ужасно сказки,

И спальникъ у него точилъ побаски.
 Настала ночь, осла ведутъ ко Льву въ берлогу; —
     Осель мой чуеть,
 Что онъ со Львомъ ночуетъ,
 И сказокъ сказывать хотя осель не могъ,
 Однако въ слабости ослу признаться стыдно.
     Ложится Левъ, осель
     Въ берлогѣ сълъ:
 Ослу и то ужъ кажется обидно;
     Однакожь терпѣть онъ.
 «Скажитко, Левъ сказалъ ослу, ты мнѣ побаску».
     Тутъ началъ проповѣдь, не сказку,
     Мой новой Аполонъ.
 «Скажи, сказалъ онъ Льву, за что Царями вы?
     За то ли только, что вы Львы?
 Мнѣ кажется ослы ни чѣмъ другихъ не хуже,
     Бричатъ я мастеръ дже;
     Чтожь до рожденія, ослы не хуже Львовъ:
     Ословъ
     Гораздо родъ не новъ;
 Отецъ мой тамъ-то былъ; мой дѣдъ былъ тамъ и тамъ...
     И родословную свою осель велъ прямо.
     Мой Левъ не спалъ,
     И родословную и брань Осла внималъ.
     Осла прилежно слушалъ,
     Потомъ
     Наскуча дуракомъ
 Онъ всталъ, и Спальника Сіательнаго скушалъ.

II.

Олень и заяцъ.

Людскіе всегда намъ видны пороки.
     Своихъ не примѣчать,
     Другихъ цѣнить и на другихъ ворчать
     Мы ужастъ какъ жестоки!

Олень со Зайцемъ дружбу свелъ,
     И съ Зайцемъ разговоръ придворной онъ имѣлъ.
 Другъ друга въ запуски они превозносили,
     Своихъ знакомыхъ поносили
     И такъ гласили:
 «Ты, Заяцъ говорилъ Оленю, всѣмъ красивъ:
     И станомъ и рогами,
     Глазами, выстункой, проворностью, ногами,
 Одно лишь только есть, я слышалъ, ты пужливъ».

— «Какой ужасной вздоръ!
 Сказалъ ему Олень;
 О мнѣ и левъ, даже весь навѣстенъ дворъ:
 Тебѣ совралъ какой-то пень.
 То правда, что всегда,
 Когда
 Услышу я собакъ, хотъ ихъ и не терплю,
 Привыкъ давать скачки съ размаху;
 Но это не отъ страху,
 А съ ними въ запуски я бѣгаться люблю:
 И въ прочемъ, ежели моей угодно волѣ,
 Я часто здѣсь на этомъ полѣ,
 Лишь только захочу,
 Ужасно какъ собакъ щечу.
 Ты знаешь, я съ тобой не стану лицемѣрить;
 А мнѣ, равно, велишь ли вѣрить?
 Сказали точно мнѣ: когда собачій лай
 Раздастся въ здѣшній край,
 Тогда возметъ тебя труслива суета.
 «Какая. Заяцъ рекъ, несносна клевета!
 Кто! . Я! . Чтобъ я собакъ боялся!
 Клеветнику бѣ тому въ глаза ты насмѣялся:
 Скажи ему, что онъ дуракъ.
 Не только я никакъ
 Не бѣгаю собакъ;
 Но съ ними часто здѣсь играю на лугу.
 Пріятель твой судилъ меня мемножко строго:
 Знакомыхъ и родни собакъ мнѣ ужась много;
 А въ нуждѣ я и самъ съ собакою смогу».
 — «Но чу! сказалъ Олень, ихъ голосъ раздается,
 А мнѣ изъ нихъ въ роднѣ никто не доведется,
 Такъ вѣрно то родня твоя,
 А не моя.
 Мое почтенье имъ, останься ты съ друзьями:
 Мнѣ быть не ловко съ вами,
 Такъ я отсель къ своимъ знакомымъ побѣгу».
 Лай близокъ, храбрцы мои чуть чуть умчались,
 Однакожъ храбростью и послѣ величались.

III.

Недовольный гостями стихотворецъ.

У Рямохвата
 Случилось гостей полна палата;
 Но онъ имѣя много думъ,
 На прозѣ и стихахъ помѣшанный свой умъ,
 И бывъ душой немного боленъ,

Гостыи не очень былъ доволенъ;
 И спрашивалъ меня: какъ горю пособить,
 Чтобъ ихъ скорѣе проводить?
 Вабъсятся надобно, коль въ домѣ ихъ оставить,
 А честно ихъ нельзя отправить
 Изъ дома вонъ.
 Но только зачалъ лишь читать свою онъ оду,
 Не стало въ мигъ народу,
 И при второмъ стихѣ одинъ остался онъ.

Сообщ. Л. Н. Майковъ.

Михаилъ Илларионовичъ Голенищевъ-Кутузовъ

(1800 г.).

Въ Правительствующій Сенатъ генерала отъ инфантеріи Голенищева-Кутузова рапортъ.

Во время проѣзда моего по высочайшему Его Императорскаго Величества повѣленію въ Голандію, удостоился я получить высочайшій указъ за собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ, въ коемъ, между прочимъ, написано: «а сами отправесь немедленно въ Россію гдѣ вы назначены во всѣ должности, и на мѣсто генерала отъ инфантеріи Лассія отъставленнаго, по его желанію, отъ службы». О чемъ правительствующему сенату симъ донести честь имѣю.

Генералъ отъ инфантеріи Голенищевъ-Кутузовъ.

№ 12. Гродно.

Декабря 20-го дня 1799 года.

Помѣта: Пол. 2-го января 1800 года.

Слушанъ въ общемъ собраніи сената 9 января 1800. Слушанъ въ 4-мъ сената департаментѣ 20 января 1800 года.

Сообщ. Г. Е. Рѣпинскій.

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II

рескриптъ ея княгинѣ Дашковой.

Апрѣля 28 числа 1774 г., изъ С.-Петербурга.

Княгиня Екатерина Романовна! Согласилась бы я с вами назвать день рожденія моего щастливымъ для Россіи: Есть либѣ в Имперіи всѣ дѣла шли по моему чистосердечному желанію, и когда бѣ во всѣхъ частяхъ внутренняго управленія Государства цвѣли правосудіе и устройства, а посреди тишины слава и страхъ гремѣли снаружи. Сколь сіи намѣренія ни святы в своемъ началѣ, но переходя для исполненія чрезъ руки многихъ взаимствуютъ отъ несовершенства рода человѣческаго свойственнаго. Я часто находясь в такихъ обстоятельствахъ имѣла случай различить чистое усердіе искренно преданныхъ мнѣ людей, тѣхъ отличныхъ душъ, коимъ извѣстны правила моей честности и безпредѣльной любви к Имперіи и дознавъ совершенно столь давнюю вашу ко мнѣ преданность, в томъ числѣ избранныхъ людей васъ поставляю, и для того письмо ваше писанное ко мнѣ по случаю дня моего рожденія, принимаю за новый опытъ вашего усердія за что весьма благодарю и остаюсь к вамъ доброжелательная Екатерина.

Примѣчаніе. Подлинное писано собственноручно е. и. в. рукою. Списано же съ копій, находящейся въ принадлежащихъ московскому главному архиву министерства иностранныхъ дѣлъ портфеляхъ историографа Миллера № 144, т. IV, св. № 1, в). Документъ этотъ, въ высшей степени характерный по отношенію къ великой государынѣ, быть можетъ и былъ когда либо напечатанъ, но, нѣтъ сомнѣнія, что и въ такомъ случаѣ—никто не поспѣетъ за его воспроизведеніе на страницахъ «Русской Старины»—въ ряду многочисленныхъ матеріаловъ, ею напечатанныхъ для исторіи и жизнеописанія Екатерины II.

Сообщ. бар. Э. А. Вюлеръ.

Княгиня Екатерина Романовна Дашкова.

Сведала я мой другъ Петръ Александровичъ, что уже приведенъ жеребецъ и тіолка кою мнѣ обещалъ, то доверши уже свою дружбу и пришли оныхъ въ тройцкое съ своимъ чѣлопекомъ, а я на своихъ людей не надежна. Приезжай самъ хотя на одинъ дѣнь въ тройцкое что будетъ очинь приятно искренной вашей свойственницѣ К. Дашковой.

На оборотѣ: «Гдрю моему Петру Александровичу Новасильцову».

Сообщ. 10 декабря 1874 г. В. Барыковъ.

БОЙ ПРИ ИДЕНСАЛЬМИ ВЪ ФИНЛЯНДІИ

15-го (27-го) октября 1808 г.

Этотъ бой, во время нашей войны со Швеціей въ 1808 г., хотя не особенно важный самъ по себѣ, имѣлъ однако довольно важныя послѣдствія и особенно замѣчательнъ по одному любопытному обстоятельству, соединенному съ нимъ. Событія, предшествовавшія ему и послужившія поводомъ къ нему, изложены: вкратцѣ — въ сочиненіи генерала Богдановича «Исторія царствованія императора Александра I», т. II, глава XXII,—а болѣе подробно—въ сочиненіи генерала Михайловскаго-Данилевскаго «Описание войны Россіи съ Швеціей въ 1808—1809 гг.».

Въ сочиненіи покойнаго генер. Мод. Ив. Богдановича сказано слѣдующее: «Главнокомандовавшій русскою арміею въ Финляндіи графъ Буксгевденъ, лѣтомъ 1808 г. неоднократно доносилъ государю о трудномъ положеніи русской арміи въ Финляндіи и о мрачныхъ видахъ въ будущемъ. Когда-же, по прибытіи главной квартиры русской арміи въ Гамлекарлеби, главнокомандовавшій шведскою арміею графъ Клингспоръ предложилъ заключить перемиріе, графъ Буксгевденъ немедленно согласился на это и, на основаніи конвенціи, заключенной 17-го (29-го) сентября, шведскія войска отступили отъ Гамлекарлеби въ Химанго (къ сѣверу), а изъ Тайвола къ Иденсальми (также къ сѣверу въ средней Финляндіи). Съ этого времени около мѣсяца до половины октября (ст. стили) русскія войска оставались въ бездѣйствіи. Но комитетъ министровъ, завѣдывавшій государственными дѣлами въ отсутствіе государя (въ Эрфуртѣ), не одобрилъ перемирія, и военный министръ Аракчеевъ предписалъ Буксгевдену немедленно возобновить военныя дѣйствія. Для поддержанія же корпусовъ: графа Каменскаго 2-го на лѣвомъ флангѣ и Тучкова 1-го на правомъ, были составлены два резерва, одинъ въ Ловизѣ (въ южной Финляндіи), а другой — въ Вильмапстрандѣ (въ юго-восточной Финляндіи). Между

тѣмъ начальствованіе шведскими войсками въ Финляндіи, вмѣсто графа Клягспора, уѣхавшаго въ Стокгольмъ, было ввѣрено генералу Клеркеру, войска котораго, усиленная тремя тысячами челоувѣкъ войскъ изъ Швеціи, составили около 10-ти тыс. чел., а въ отрядѣ генерала Сандельса въ Иденсальми было до 4-хъ тыс. чел.

«По прекращеніи перемирія, Тучковъ получилъ приказаніе атаковать Сандельса въ тѣснинахъ у Иденсальми и, опрокинувъ его, идти чрезъ Пулкилло въ тылъ Клеркеру, противъ котораго Каменскій въ то же время долженъ былъ двинуться съ фронта. 15-го (27-го) октября Тучковъ атаковалъ Сандельса, стоявшаго за киркой Иденсальми, но былъ отбитъ съ урономъ до 700 чел., однако нанесъ Сандельсу еще ббльшій уронъ, что заставило Сандельса отступить на значительное разстояніе къ сѣверу. Каменскій же, 20-го октября (1-го ноября), двинулся отъ Гамлекарлеби къ Химанго противъ Клеркера. Послѣдній занималъ тамъ очень сильную позицію, но, узнавъ объ отступленіи Сандельса, приказалъ ему отступить къ Улеаборгу, а самъ отступилъ къ Сиваіоки (оба пункта по направленію къ Торнео). Шведскіе генералы предложили заключить перемиріе, уступить Улеаборгъ и отступить отъ него на 60 верстъ къ сѣверу. Конвенція объ этомъ была заключена 3-го (15-го) ноября и шведами исполнена по условію. Этимъ завершено было въ 1808 г. завоеваніе Финляндіи русскими войсками. Каменскій получилъ за это орденъ св. Георгія 2-й степени, а Тучковъ—орденъ св. Александра-Невскаго. Буксгевденомъ же государь былъ недоволенъ и согласился на просимое имъ уже прежде увольненіе, а на его мѣсто назначилъ генерала Кнорринга».

Генералъ Михайловскій-Данилевскій сообщаетъ нѣсколько подробностей о боѣ при Иденсальми, изъ коихъ видно, что войска Тучкова и Сандельса были расположены на высотахъ, между которыми, въ глубокомъ ущельѣ, протекала рѣчка, съ мостомъ на ней и съ крутыми спусками къ нему съ обѣихъ сторонъ. У Сандельса было, какъ сказано выше, около 4-хъ тыс. войска, у Тучкова же гораздо болѣе (но сколько именно—неизвѣстно). Атака Тучкова была замедлена ожиданіемъ присоединенія къ нему небольшого отряда (около 1,500 чел.) генералъ-адъютанта князя Долгорукова 3-го, шедшаго изъ восточной Финляндіи».

Дальнѣйшія свѣдѣнія о боѣ приводятся здѣсь уже изъ частныхъ и негласныхъ, но воиствѣ достовѣрныхъ преданій: «По прибытіи князя Долгорукова, онъ сразу предъявилъ Тучкову притязанія на начальствованіе войсками послѣдняго, въ предназначенной имъ атакѣ, сослался на данное ему, Долгорукову, самимъ государемъ, полномочіе въ бланкѣ, имъ собственноручно подписанномъ. Тучковъ возразилъ

на это, что начальствуя отрядомъ по волѣ и назначенію главнокомандовавшаго, онъ не считалъ себя въ правѣ, безъ вѣдома и разрѣшенія послѣдняго, уступить начальствованіе другому лицу, притомъ младшему въ чинѣ (генераль-маіору, тогда какъ Тучковъ былъ генераль-лейтенантъ). Долгоруковъ, въ крайней запальчивости, слово за слово, наговорилъ Тучкову дерзостей — и вызвалъ его на дуэль! Тучковъ возразилъ, что на войнѣ, въ виду непріятеля и атаки противъ него, двумъ генераламъ стрѣляться на дуэли — немислимо, а предложилъ, вмѣсто того, рѣшить споръ тѣмъ, чтобы имъ обоимъ рядомъ пойти въ передовую цѣпь и предоставить рѣшеніе спора судьбѣ, т. е. пулѣ или ядру непріятельскимъ! Долгоруковъ согласился — и шведское ядро сразу же убило его на повалъ! Это были уже не судьба и не слѣпой случай, а явно судъ Божій!

«Между тѣмъ бой уже разгорѣлся и два передовые русскіе полка, въ составѣ слабыхъ баталіоновъ, спустились къ мосту, столпились на немъ, подверглись сильному огню шведовъ, понесли большой уронъ, пришли въ разстройство и беспорядокъ — и были принуждены отступить, нанеся однако и шведамъ еще большій уронъ, что принудило также и Сандельса отступить на дальнее разстояніе. Русскія же войска остались на своей прежней позиціи». Дальнѣйшія послѣдствія изложены выше.

Между тѣмъ, какъ это происходило 15-го (27-го) октября при Иденсальми въ Финляндіи, въ Петербургѣ 17-го (29-го) октября, когда въ немъ не могли еще быть извѣстны результаты боя 15-го (27-го) октября, князь Долгоруковъ 3-й былъ произведенъ въ генераль-лейтенанты и пожалованъ кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго (тогда какъ даже Тучковъ получилъ его только въ ноябрѣ). Что за причина такой необыкновенной и преждевременной милости человѣку, за два дня передъ тѣмъ уже убитому? Причиной было то, что за навѣрное предполагавшуюся побѣду его уже заранѣе желали особенно наградить и возвысить его... Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ — и необычайная милость была оказана человѣку, уже за два дня передъ тѣмъ убитому, но которому не безъ особеннаго намѣренія открыта была далекая, широкая и даже высокая будущность, а шведское ядро положило тому предѣлъ! Кто же былъ однако этотъ несчастливый счастливецъ? Вотъ краткія біографическія свѣдѣнія о немъ и кстати о двухъ братьяхъ и отцѣ его: всѣ они очень замѣчательны ¹⁾).

¹⁾ См. между прочимъ: «Сказанія о родѣ князей Долгоруковыхъ», Спб., 1840 г., и изъ «Россійской родословной книги», Спб., 1855 г., составленныхъ означеннымъ выше княземъ Петромъ Владиміровичемъ Долгоруковымъ.

Отецъ ихъ, князь Петръ Петровичъ Долгоруковъ, генераль отъ инфантеріи, родился 18-го мая 1747 г., † 25-го февраля 1815 года, человекъ большаго ума и рѣдкой учености; былъ женатъ на Анастасіи Семеновнѣ Лаптевой, род. 18-го декабря 1755 г., † 7-го апрѣля 1827 г.;—оба погребены въ монастырѣ Св. Духа, близъ г. Новосиля, Тульской губ.

Первый, старшій сынъ ихъ, князь Владиміръ Петровичъ, генераль-маіоръ, род. 19-го апрѣля 1773 г., † 24-го ноября 1817 года, служилъ подъ начальствомъ Суворова и пользовался его благосклонностью; женатъ былъ на Варварѣ Ивановнѣ Пашковой, род. 20-го февраля 1793 г., † 27-го декабря 1816 г., — оба погребены въ московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Сынъ ихъ, князь Петръ Владиміровичъ, род. 27-го декабря 1816 г., † въ 1860-мъ г., былъ женатъ на Ольгѣ Димитріевнѣ Давыдовой, род. 25-го декабря 1824 г.; князь Петръ Владиміровичъ былъ очень уменъ и ученъ, но имѣлъ дурной нравъ и злой языкъ, и былъ хромъ, почему въ обществѣ звали его «le bancal».

Второй сынъ—князь Петръ Петровичъ, генераль-маіоръ и генераль-адъютантъ императора Александра I, род. 19-го декабря 1777 г., † 9-го декабря 1806 г., ровесникъ лѣтами и любимецъ Александра I; это онъ былъ, который въ 1805 г., наканунѣ аустерлицкаго сраженія, былъ посланъ государемъ вести переговоры съ Наполеономъ I, при чемъ былъ такъ непочтителенъ и дерзокъ противъ него, что возбудилъ гнѣвъ его и рѣшимость атаковать и разбить союзную армію.

Наконецъ, третій сынъ, князь Михаилъ Петровичъ, убитый при Иденсальми, генераль-маіоръ и генераль-адъютантъ Александра I, род. 19-го ноября 1780 г., † 15-го октября 1808 г., 27-ми лѣтъ отъ роду; былъ, какъ и братъ его Петръ, очень уменъ, но еще болѣе гордъ, высокоумренъ и запальчивъ. Онъ и братъ его, Петръ, погребены рядомъ въ Благовѣщенской церкви Александро-Невской лавры, у перваго окна направо, противъ могилы Суворова, а на стѣнѣ у этого окна бронзовыя доски съ ихъ именами, званіями и проч.

Замѣчательно, что всѣ эти Долгоруковы родились большею частію въ декабрѣ или ноябрѣ, октябрѣ, сентябрѣ, и умирали въ нихъ, — и всѣ были очень умны и учены, но очень горды, высокоумры и запальчивы.

Приведенныя выше подробности о столкновеніи князя Долгорукова 3-го съ генераломъ Тучковымъ 1-мъ, Николаемъ Алексѣевичемъ, умершимъ отъ тяжелой раны, полученной въ сраженіи при Бородинѣ въ 1812 г., — были сообщены мнѣ лично покойнымъ товарищемъ и

потомъ начальникомъ моимъ по генеральному штабу, умершимъ въ 1864 г. въ званіи генераль-адъютанта и московскаго военнаго генераль-губернатора, Павломъ Алексѣвичемъ Тучковымъ. А ему эти свѣдѣнія были сообщены дядей его, также Павломъ Алексѣвичемъ Тучковымъ 2-мъ, умершимъ впоследствии въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и въ званіи члена государственнаго совѣта, которому это было извѣстно отъ старшаго брата его, Николая Алексѣвича Тучкова 1-го. Достоверность этого преданія не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, такъ какъ всѣ эти Тучковы всегда и всѣмъ извѣстны были какъ люди въ высшей степени честные, благородные и правдивые по своимъ чувствамъ и правиламъ.

Въ чемъ же заключались эти свѣдѣнія? А въ томъ, что любимая дочь императрицы Маріи Феодоровны и сестра императора Александра I, умная, пылкая и замѣчательная красавица великая княжна Екатерина Павловна увлеклась любовью къ любимцу государя, брата своего, молодому, красивому и умному князю Долгорукову 3-му, а онъ—къ ней. Государь не противился любви, ни даже браку ихъ, но вдовствующая императрица не соглашалась на это, доколѣ усиленные просьбы любимыхъ сына и дочери ея не склонили ее на согласіе. Государь немедленно увѣдомилъ объ этомъ Долгорукова собственноручнымъ письмомъ, которое тотчасъ же послалъ ему съ фельдъегеремъ. Послѣдній прискакалъ въ Иденсалми 15-го (27-го) октября въ то время—когда кн. Долгорукова уже не было въ живыхъ! И производство его, 17-го (29 го) октября, въ генераль-лейтенанты, съ пожалованіемъ ему ордена св. Александра-Невскаго, съ цѣлю большаго возвеличенія его—также предупреждено было смертію его.

Полтора мѣсяца спустя, 1-го января 1809 года, въ Петербургѣ совершена была помолвка великой княжны Екатерины Павловны съ принцемъ Георгіемъ Ольденбургскимъ, а въ апрѣлѣ того же года—и бракосочетаніе ихъ. Бракъ этотъ былъ вполне счастливъ.

Сопоставленіе всѣхъ этихъ фактовъ весьма любопытно и, конечно, должно быть сохранено,—какъ вполне историческій фактъ—на страницахъ «Русской Старины».

Кн. Н. С. Голицынъ.

4-го сентября 1889 года.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢВИЧЪ ПУШКИНЪ.

Письмо его къ лицейскому товарищу Вл. Дм. Вольховскому.

Обращаюсь къ тебѣ, почтенный мой Владиміръ Дмитріевичъ, съ дружеской и покорнѣйшей просьбою: Графъ Забѣла ѣдетъ служить въ Грузію подъ твоимъ начальствомъ. Друзья и родственники просятъ для него твоего покровительства и благоразположенія, которое и необходимо ему въ его положеніи. Знаю что мое предстательство, въ этомъ случаѣ совершенно лишнее, но я радуюсь случаю издали напомнить тебѣ о старомъ, лицейскомъ товарищѣ искренно тебѣ преданномъ.

Посылаю тебѣ послѣднее мое сочиненіе, Исторію Пугачевскаго Бунта. Я старался въ немъ изслѣдовать военныя тогдашнія дѣйствія и думалъ только о ясномъ ихъ изложеніи, что стоило мнѣ немалого труда, ибо начальники дѣйствовавшія довольно запутанно, еще запутаннѣе писали свои донесенія, хвастаясь или оправдываясь равно безтолково. Все это нужно было сличать, повѣрять etc; мнѣніе твое касательно моей книги, во всѣхъ отношеніяхъ было-бы мнѣ драгоцѣнно.

Будь здоровъ и щастливъ.

А. Пушкинъ.

22-го іюля 1833 г.

Сиб.

Примѣчаніе. Подлинное письмо получилъ я въ подарокъ отъ почтенной вдовы Владиміра Дмитріевича—Марьи Васильевны Вольховской, рожденной Малиновской, сестры другаго лицейскаго товарища Пушкина. Въ 1833 году, когда писано это письмо, Вольховскій былъ начальникомъ штаба на Кавказѣ. Здѣсь во всей точности сохранены правописаніе и пунктуадія автографа.

Я. Е. Гротъ.

МОСКВА ВЪ 1812 ГОДУ ЗАНЯТАЯ ФРАНЦУЗАМИ.

Воспоминаніе очевидца.

Въ 1840-хъ годахъ былъ я въ одной изъ среднихъ губерній; тамъ познакомился съ помѣщикомъ Г. Я. Козловскимъ. Это былъ веселый и добрый человѣкъ за 50 лѣтъ, постоянно живущій въ деревнѣ, любившій вспоминать свое прошлое, особенно нѣкоторыя событія изъ 1812 года, которыя онъ очень хорошо помнилъ, потому что въ то время былъ онъ уже на возрастѣ. Это меня заинтересовало и я спросилъ: не можетъ-ли онъ письменно изложить, въ подробности, все, что сохранилось въ его памяти. Онъ согласился охотно и, черезъ нѣсколько времени, привезъ тетрадку, которая залежалась въ числѣ прочихъ бумагъ и отыскалась уже много лѣтъ спустя. Наивность простодушнаго разсказа наводитъ на мысль, что онъ былъ написанъ Козловскимъ еще юношей, вскорѣ послѣ передаваемыхъ въ немъ событій. Во всякомъ случаѣ, такъ какъ это разсказъ очевидца, то изъ него можно составить себѣ ясное понятіе о томъ положеніи, въ которомъ находилась тогда Москва.

П. А. Степановъ.

I.

Передаю подробно все то, чему я былъ свидѣтелемъ, что я вынесъ, что врѣзалось неизгладимо въ мою память. Мнѣ было 17 лѣтъ, когда французы вторглись въ Россію. Жилъ я въ Москвѣ у моихъ родныхъ въ собственномъ ихъ домѣ, по Калужской улицѣ. Я былъ въ такихъ годахъ, когда съ любопытствомъ слушаешь что говорится кругомъ.

Когда французы вторглись въ Россію, всё надѣялись, что ихъ отразятъ; послѣ Смоленска оробѣли, а послѣ Бородина спѣшили уйти изъ Москвы. Мои родные забрали все, что могли въ торопяхъ, и уѣхали въ деревню. Я тогда былъ въ частномъ пансіонѣ, и мнѣ велѣно остаться до роспуска заведенія и поручено охранять домъ съ нѣсколькими старыми слугами. Когда наша армія съ Драгомиловской заставы перешла на Калужскую, я пошелъ навѣдаться о пансіонѣ, но онъ исчезъ и я остался въ Москвѣ одинъ, безъ всякихъ сношеній съ родными, предоставленный самому себѣ, съ единственною надеждою на Бога. Видѣлъ я сонъ, что хотѣлъ броситься на какое-то чудовище, поразить его саблею, но какая-то сила удержала мою руку, и я не въ силахъ былъ нанести удара!—такъ и сбылось въ самомъ дѣлѣ; сонъ сказалъ правду: мнѣ не удалось быть въ кампаніи, чего я такъ желалъ. Я вѣрю снамъ: они иногда посылаются свыше и изъясненіе причины ихъ также трудно, какъ и многое другое въ природѣ.

Такимъ образомъ Москва волновалась страхами отъ приближенія непріятеля; притомъ частые пожары, поимки шпионовъ и ежедневныя воззванія, въ коихъ хотя ободряли народъ, но ясно указывали, что заставы не заграждены и что всякій, кто хочетъ, можетъ выѣхать;—мало по малу, къ сентябрю мѣсяцу, всё выѣхали: и казенныя и присутственныя мѣста, и гарнизонъ, и полиція—все оставило Москву въ добычу непріятелю. Тутъ сбродъ людей, раненые солдаты, колодники, выпущенные изъ всѣхъ тюремъ, мастеровые и другіе люди, оставшіеся въ Москвѣ, какъ искатели приключеній, группами ходили по пустымъ улицамъ, разбивали кабаки, штофныя лавки и все, что попало; еще не было настоящаго непріятеля, а я уже видѣлъ собственными глазами плоды безначалія и своевольства, предтечи будущихъ золъ. Наконецъ, наступилъ роковой день,—понедѣльникъ 2-го сентября 1812 г.

Тогда арсеналь былъ открытъ и всякій имѣлъ случай брать оружіе какое и сколько угодно; часу въ 3-мъ послѣ обѣда приходитъ ко мнѣ одинъ нѣмецъ, тоже жившій въ Москвѣ и, не знаю почему, оставшійся, и зоветъ меня въ арсеналь за оружіемъ; будучи молодъ, само собою разумѣется, я съ радостію принялъ его предложеніе и отправился. Вотъ мы въ арсеналь разбираемъ ящики съ саблями, взяли по двѣ; товаришъ мой

вздумалъ достать карабинъ, просилъ меня остаться на дворѣ, а самъ пошелъ вверхъ; не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ на дворѣ арсенальномъ, гдѣ я стоялъ со множествомъ народа, вдругъ сдѣлалась великая суматоха, шумъ и крикъ:

— Французы, французы! — всѣ бросились къ воротамъ, въ которыя впрочемъ, кажется, никто не входилъ.

Тутъ вскорѣ раздался залпъ изъ нѣсколькихъ орудій: иные говорятъ, что это выстрѣлы по нашимъ молодцамъ, которые, вооружившись изъ арсенала, думали защищать Москву; другіе утверждали, что этотъ залпъ былъ сдѣланъ по случаю занятія крѣпостныхъ или Кремлевскихъ воротъ. Непріятель уже приближался. Нельзя описать нашего страха; мы сидѣли на дворѣ, какъ въ клѣткѣ, всѣ потеряли головы, обезумѣли. Одинъ казакъ спрашиваетъ съвозъ рѣшетки куда ему ѣхать и не находитъ дороги, которую ему указываютъ; какой-то гражданинъ проходитъ мимо раненый въ щеку. Стали долетать пули и до насъ. Товарищъ мой и я не знали что намъ дѣлать. Наконецъ, мое невольное движеніе было пасть на колѣна и ждать своей участи. Въ это время пуля влетѣла въ окно и указала мнѣ путь спасенія; бросаюсь въ окно, гдѣ она пролетѣла, и протискиваюсь съвозъ желѣзную рѣшетку во внутренность арсенала, тамъ пролѣзая съвозъ настановленные музыкальные купитры въ противоположное окно, спускаюсь на стѣну, гдѣ теперь Александровскій садъ, и во весь опоръ бѣгу по стѣнѣ, къ Иверскимъ воротамъ; не добѣгая до нихъ, натываюсь на подмости, поставленные, вѣроятно, для починки или бѣленія стѣны; по нимъ спускаюсь въ ровъ и пробираюсь въ Тверскую улицу. Тутъ пошелъ шагомъ. Мнѣ встрѣчались нѣкоторые французскіе кирасиры; но никто меня не остановилъ. Такъ я, благодаря Бога, благополучно выбрался изъ арсенала и достигъ дома нашего. Къ несчастію, ворота заперты; я стучу, никто не является: бѣда ужасная. Наконецъ, выходитъ дворникъ; говорю, что слышалъ залпъ изъ пушекъ, что французы уже вступили; мнѣ не вѣрятъ, утверждаютъ, что это наша войска, которыхъ гонять. Однако я долго не могъ успокоиться отъ испуга и мнѣ стыдно вспомнить, какъ малодушенъ и испуганъ я былъ. Скоро площадь наполнилась разными родами войскъ, одѣтыхъ въ городскую форму, въ киверахъ и въ полной амуниціи. Составя ружья въ козлы и уста-

новья пушки, солдаты тотчасъ-же разбрелись въ улицы и перелулки и стали шнырять по домамъ за добычей. Къ намъ въ домъ явились первыми музыканты: молодой унтеръ-офицеръ привѣтствовалъ по французски: „здравствуйте господа! Ваше отечество погибло, мы приходимъ къ вамъ побѣдителями; а вы намъ дадите поѣсть и попить“. Всѣ молчали; я какъ единственный, который говорилъ по французски, поневолѣ сдѣлался ихъ дворецкимъ и началъ носить, угощать, кормить чѣмъ случилось, нѣкоторые такъ накушались, что насилу сошли съ лѣстницы, а двое даже упали и заснули на мѣстѣ; между тѣмъ гости безпрестанно прибывали и я, истощивши провизию и водею, уже не зналъ что мнѣ дѣлать, какъ являются офицеры капитанъ Буассо, съ нимъ еще двое и молодой юнкеръ знатной фамиліи; тутъ я отдохнуль, солдаты перестали ходить и эти гости, казалось, будутъ поблагороднѣе обходиться; они спросили чаю, я велѣлъ приготовить; къ несчастію, недостало сахару, опять бѣда! Капитанъ сердится серьезно, не вѣрять, кричитъ: „Вы хотите обмануть стараго воина; но если не дадите сахару—я велю васъ разграбить“¹⁾; я чуть не плачу, взялъ у своихъ денегъ и предлагаю ему 2 рубля серебромъ, увѣряя, что мнѣ не жаль, но нѣтъ сахару и достать его теперь негдѣ. Онъ посылаетъ меня купить, прошу проводника и вмѣстѣ съ вѣстовымъ иду въ городъ; уже солнце сѣло, когда мы пришли къ Воскресенскимъ воротамъ; здѣсь часовые не пустили насъ; я просилъ моего провожатата засвидѣтельствовать предъ капитаномъ, что нельзя проникнуть въ лавки, которыя были уже зажжены и пожаръ распространялся по всему гостинному двору. Такимъ образомъ мы возвратились; капитанъ пересталъ сердиться; они разговаривали со мной, спрашивали о разныхъ предметахъ и удивлялись нашимъ деньгамъ, что одинъ рубль серебра ходилъ четыре рубля на ассигнацію и проч.; потомъ улеглись спать, и я, въ пустой комнатѣ, бросившись на софу послѣ трудовъ и тревогъ дневныхъ, такъ заснулъ крѣпко, что проснувшись по утру, на зарѣ, на силу вспомнилъ о незваныхъ гостяхъ своихъ, которые еще спали спокойно.

¹⁾ Vous voulez tromper un vieux militaire, mais si vous ne donnez pas sur le champ du sucre, je vous ferai piller.

Такъ прошелъ первый день; между тѣмъ пожаръ распространился по всѣмъ сторонамъ Москвы и туманныя облака съ дымомъ представляли мрачную картину.

На другой день гости встали, позавтракали и отправились; тутъ опять начали посѣщать солдаты; но я отыскалъ одного добраго капитана, старичка, по фамилиі Ансаръ: онъ былъ столько сострадательнъ, что приказалъ ихъ гонять вонъ и поставилъ къ намъ часовыхъ; пожаръ, распространяясь болѣе и болѣе, достигъ смежныхъ съ нами домовъ. Я, по любопытству, выскочилъ на площадь; вдругъ меня схватили два солдата и повели на гауптвахту; спрашиваю: зачѣмъ? они ничего не отвѣчаютъ; прихожу, но, право, не знаю, какъ мы пробрались сквозь этотъ огненный хаосъ; однако прошли и достигли назначеннаго намъ небольшого домика позади того, гдѣ остановился капитанъ съ ротою; намъ дали солдата для защиты, это былъ добрый итальянецъ по имени Массара; мы почевали спокойно; но на третій день не избѣгли нѣкоторыхъ покушеній отъ мародеровъ, которыхъ мы съ Массара отгоняли. Массара пошелъ къ себѣ въ роту, а у насъ остался другой на его мѣсто; я пошелъ съ нимъ въ мезонинъ, гдѣ расположено было ихъ капральство: нахожу человѣкъ 20 или 30 солдатъ, сидящихъ и лежащихъ на полу; тутъ они занимались, кто чинилъ платье, кто чистилъ ружье, кто аммуницію исправлялъ, и такіе они мнѣ показались добрые, веселые и ласковые, что я у нихъ часа два проболталъ; потомъ возвратился домой, гдѣ обо мнѣ очень безпокоились, — почевали еще ночь также спокойно; на четвертый день я ходилъ къ капитану, поблагодарилъ его за благодѣяніе и защиту, попросилъ людей проводить насъ еще на новую квартиру. Тогда Москва была пуста и всѣ дома были общіе, можно было занять любой, какой хочешь; мы нашли домъ, въ которомъ внизу жили университетскія прачки, мывшія бѣлье на дворъ Наполеона и для того въ домѣ былъ караулъ, состоявшій изъ одного капрала и 6-ти рядовыхъ; въ этомъ домѣ мы расположились. Съ самаго прихода я упросилъ капрала, чтобъ и насъ также берегли и давали къ намъ рядоваго, который можетъ быть безъ аммуниціи, но только бы защищалъ отъ нападеній мародеровъ; капралъ старой гвардіи, заслуженный, добрый человѣкъ, исполнилъ нашу просьбу и на все время, до самаго ихъ выступленія изъ Москвы,

каждый день въ 11 часовъ утра, послѣ развода въ Кремлѣ, приходила смѣна, сдавала подѣ сдачу хранить домъ и живущихъ въ немъ. Тутъ мы жили спокойно, всѣ солдаты, приходившіе въ намъ старой гвардіи, были люди добрые; ни отъ одного я и никто изъ нашихъ не слышали обиднаго слова; одно было тяжело: не было хлѣба и доставать его было очень трудно и дорого; напримѣръ, небольшой хлѣбъ у одного нѣмца-булочника, который теперь стоитъ 5 коп., продавался по 2 рубля и мы его дѣлили на маленькіе кусочки какъ антидоръ, отчего и принуждены были ѣсть пареную пшеницу, доставая изъ обгорѣлыхъ барокъ на Москвѣ рѣкѣ; но и та скоро протухла и если-бы не картофель на нѣкоторыхъ огородахъ, то просто можно было умереть съ голода. Французы сами нуждались въ хлѣбѣ, имъ раздавали его маленькими порціями. Въ это время, обезпечивши домашнихъ, я пускался гулять по Москвѣ и тутъ мнѣ удалось нѣсколько разъ видѣть самого Наполеона.

II.

Въ первый разъ я вышелъ на улицу передъ вечеромъ; стою съ нашими караульными солдатами, разговариваю, заставилъ одного дѣлать ружьемъ, показывая ему самъ наши приемы (я зналъ экзерсицію въ пансіонѣ). Вдругъ одинъ изъ нихъ кричитъ: императоръ! императоръ! Они сдѣлали фронтъ; смотрю, онъ проѣхалъ въ длинныхъ дрожкахъ старинныхъ (вѣрно въ Москвѣ найденныхъ) на подобіе лодочки, и я очень явственно рассмотрѣлъ его. Когда уже онъ скрылся изъ глазъ, то сначала я не повѣрилъ солдату, сказавшему, что это императоръ, полагая, что мы Наполеона хорошо знаемъ по портретамъ чернаго и худощаваго, а этотъ болѣе бѣлъ и полонъ, и я прибавилъ, что онъ или самъ ошибся или меня хотѣлъ обмануть; но солдатъ этимъ ужасно обидѣлся и сказалъ, что нельзя-же ему не знать своего императора и шутить этимъ онъ не намѣренъ. Такъ я и затвердилъ черты и одежду Наполеона.

Въ другой разъ я ходилъ за Калужскія ворота узнать цѣль-ли нашъ домъ; пришелъ и нашелъ его неврежденнымъ; въ немъ занималъ тогда квартиру генералъ Пажоль, командовавшій кавалеріей.

лерійскою дивизією и раненый въ руку. Бывшій при домѣ дворецкій еще прежде ему обо мнѣ говорилъ и онъ меня очень ласково принялъ, разговаривалъ со мною и оставилъ мнѣ множество французскихъ книгъ, которыя были въ кабинетѣ (гдѣ онъ сидѣлъ въ большихъ креслахъ), однако впослѣдствіи я ихъ уже не нашелъ. Вышедши отъ него и обойдя всѣ комнаты, замѣтилъ, что многія изъ нашихъ картинъ были вынуты изъ рамъ, свернуты въ трубки и приготовлены къ отправленію во Францію; мнѣ очень жаль ихъ было, а дѣлать нечего, особенно досадно было видѣть два пейзажа Сальваторъ-роза, которые также хотѣли свернуть въ трубки, но какъ они были очень налакированы и стары, то не только потрескались, даже и холстина лопнула и потому совершенно были негодны; потомъ осмотрѣлъ я все строеніе въ домѣ, лошадей генеральскихъ и экипажи въ сараѣ; нашелъ чужія кареты и нечаянно разсердилъ одного польскаго вахмистра, состоявшаго при конюшняхъ генерала: слыша, что онъ говоритъ хорошо по русски, я спросилъ его: „ты литвинъ?“ Онъ за это взбѣсился и послѣ говорилъ дворецкому, что если-бы я не былъ знакомъ съ генераломъ, то онъ бы меня убилъ до смерти, а я думалъ—за что-бы кажется! Оказалось, что поляки и литвины не одно и то же.

Возвращаясь домой по Якиманкѣ, я замѣтилъ ѣдущихъ сзади человекъ тридцать кавалерійскихъ фуражировъ съ трубачемъ; вдругъ слышу между ними шумъ и стукъ оружія; оглядываюсь, они построились во фронтъ около стѣны, вынули сабли, трубачъ приготовилъ трубу; это меня заставило остановиться; вижу на встрѣчу ѣдетъ кавалькада шагомъ; впереди Наполеонъ въ синемъ мундирѣ съ бѣлыми отворотами, въ бѣлыхъ панталонахъ въ ботфортахъ, въ петлицѣ орденъ почетнаго Легіона, шляпа на манеръ Фридриха 2-го, сзади его свиты мамлюкъ Рюстагъ, графъ Тюренъ, камергеръ его и человекъ болѣе 50-ти конноегерей гвардейскихъ въ медвѣжьихъ высокихъ шапкахъ съ лопостами на бокъ и мамлюками съ перьями. Увидя его, я раздумался: снять-ли мнѣ шляпу; но потомъ разсудилъ: а ну если онъ велитъ ее снять вмѣстѣ съ головою, это хуже будетъ; нѣтъ, лучше снять одну шляпу,—я снялъ и разсматривалъ его очень наблюдательно: онъ ѣхалъ опуствя глаза внизъ, очень мраченъ и казалось былъ въ великомъ размышленіи. Рюстагъ, увидя меня,

улыбался и кланялся мнѣ и я ему тоже; когда Наполеонъ подъѣхалъ къ французамъ, тѣ отдали ему честь, и трубачъ проигралъ походъ, а я пошелъ домой рассказывать видѣнное мною.

Въ третій разъ я опять ходилъ за Калужскія ворота и, идя по Калужской улицѣ, нечаянно попалъ на противоположающую сторону улицы отъ нашего дома; въ это время въ Калужскую заставу выходила гвардія вонъ изъ Москвы, въ походъ. Долго я соображалъ какъ перебраться на ту сторону, но смѣлымъ Богъ владѣтъ и я рѣшился проскользнуть между взводовъ; они шли колоннами, интервалы были не велики, я пустился поперекъ бѣгомъ и перебѣжалъ, слыша смѣхъ за мною: „Посмотрите на этого маленькаго бѣгущаго буржуа“,—они всѣ меня такъ величали; я продолжалъ идти далѣе. Между тѣмъ полки построились въ порядокъ, музыка заиграла, барабаны забили и по той-же сторонѣ, гдѣ я шелъ, опять увидѣлъ Наполеона галопирующаго на лошади; онъ одѣтъ былъ въ сюртукъ сѣромъ и въ обыкновенной своей треуголкѣ; тутъ я въ послѣдній разъ рассматривалъ его. Еще я видѣлъ его прежде раза два, но то вскользь и не помню теперь гдѣ.

Во все это время со мной случались удивительные анекдоты: однажды я игралъ въ шашки съ однимъ старымъ заслуженнымъ французскимъ гвардейцемъ; моя игра была очень разстроена, потеря двухъ шашекъ и невыгодное ихъ расположеніе все заставляли думать, что я проиграю; но я не терялъ надежды, сталъ съ нимъ спорить, что еще можетъ быть выиграю. Онъ, между прочимъ, сказалъ: „хорошо, если выиграете, то это значитъ, что русскіе будутъ въ Парижѣ, какъ мы здѣсь въ Москвѣ, посмотримъ, посмотримъ“, послѣ этого слова, какъ нарочно я у него беру три шашки вдругъ, потомъ еще, и наконецъ запираю его; смѣхъ и радость моя были такъ сильны, что онъ раздражился, всочилъ, схватилъ стулъ и такъ сильно ударилъ его объ полъ, что стулъ раздался по всему дому. Меня бранили за это, говоря: охота мнѣ съ ними спорить и ихъ сердить; но я отвѣчалъ, что онъ самъ напророчилъ себѣ это и напрасно сердится. Иногда приходилось употреблять нѣкоторыя уловки для безопасности: одинъ разъ ходилъ я въ аптеку на Тверской бульваръ, меня задержали тамъ до ночи; когда я вышелъ, уже было темно, на пожаращахъ встрѣчались толпы разноплеменныхъ солдатъ, — признаюсь, страшно

показалось мнѣ. Вдругъ замѣчаю шедшаго офицера, я къ нему адресуюсь; онъ спрашиваетъ, что мнѣ надо, я просто признаюсь ему, что боюсь идти одинъ, онъ очень обрадовался товарищу и мы съ нимъ превесело и преспокойно прошли до Кремля, отблагодаривъ другъ друга за компанію.

Въ это время можно было бояться русскихъ мужиковъ болѣе, нежели французовъ. Однажды я шелъ по Якиманкѣ, встрѣчались мнѣ французы, спрашивали о дорогѣ въ Смоленскъ, я имъ указывалъ и отдѣлывался такимъ образомъ; наконецъ, вижу толпу мужиковъ встрѣтившихся мнѣ, они идутъ и у каждаго на плечѣ желѣзо, которое они изъ Москвы съ пожарища и разныхъ мѣстъ таскали. Одинъ говоритъ другому, „смотри-ка, вѣдь это французъ?“ Поравнявшись съ церковью, начинаю молиться; другой ему отвѣчаетъ: „нѣтъ, это нашъ здѣшній“, и молитва меня спасла, потому что наши мужики не спускали французамъ и втихомолку ихъ прибирали; примѣръ этому былъ на Калужской улицѣ: идетъ больной французъ, на встрѣчу ему нѣсколько мужиковъ, онъ подходитъ къ нимъ и говоритъ: „господа, гдѣ госпиталь?“ Одинъ изъ мужиковъ взглянулъ на него и, проворча: „да долго-ли намъ мучиться!“ какъ хватить его желѣзной полосой по лбу — тутъ и конецъ.

Привожу на память себѣ великодушіе маршала Нея: онъ стоялъ на Маросейкѣ, въ угловомъ домѣ къ Ильинскимъ воротамъ. Одинъ изъ вашихъ учениковъ лѣтъ 16, но высокой ростомъ, вздумалъ служить во французской службѣ, явился съ этимъ къ маршалу, тотъ усмѣхнулся и сказалъ: сколь ни лестно слышать ему такое ревностное желаніе служить подъ его начальствомъ, но видя, что это не что иное, какъ увлеченіе молодости, а между тѣмъ несчастіе, которое онъ навлечетъ на себя, вступя на службу въ непріятельское войско, и притомъ воображая горестъ его родныхъ, онъ не совѣтуетъ ему совершить такую неосторожность и лучше дождаться терпѣливо, чѣмъ все кончится — и отказалъ.

Меня заманивали въ разныя службы; въ одно время явился одинъ жившій въ Москвѣ, не помню его фамиліи, иностранецъ и уговаривалъ меня принять должность комиссара, рассказывая, что я буду получать жалованье, хлѣбъ (который былъ въ рѣдкость), буду носить бѣлую повязку на рукѣ и исправлять полицейскую должность и проч.; но я ни за что не согласился служить

непріятелю. Камергеръ двора Наполеона, графъ Тюрень, уговаривалъ меня вступить въ службу къ какому нибудь знатному господину, но я отвѣчалъ ему, что надѣюсь имѣть своихъ слугъ, а не быть въ услуженіи другихъ и между тѣмъ рассказалъ мое родство съ однимъ изъ генераловъ ¹⁾.

— „Знаю, знаю, отвѣчалъ онъ, мы въ Тильзитѣ съ нимъ познакомились по заключеніи мира, онъ былъ въ свитѣ императора Александра, а я съ Наполеономъ“, — и съ тѣхъ поръ Тюрень имѣлъ ко мнѣ уваженіе и не зазывалъ въ службу.

Впрочемъ, нельзя припомнить всего и всѣхъ ужасовъ. Одно скажу, что не смотря на всѣ опасенія, страхи, голодъ, ибо у насъ по нѣсколько дней не бывало хлѣба, не смотря на безпокойство, страданія душевныя, безызвѣстность о будущемъ, отвратительное зрѣлище обгорѣлыхъ домовъ, кучи смердящихъ труповъ людей и лошадей убитыхъ и тлѣющихъ, и на всѣ ужасы тогдашніе, я нимало не сожалѣю, что былъ свидѣтелемъ ихъ. Это славный урокъ, утверждающій въ вѣрѣ и упованіи на всемогущество Божіе, безъ Коего и власъ главы нашей не погибнетъ. Съ теплою вѣрою и надеждою на святую Его милость, я юный, беззащитный, между труповъ и по развалинамъ домовъ, сквозь огонь прошелъ невредимо — и даже меня, беззащитнаго, никто ни словомъ, ни дѣломъ не оскорбилъ!

Г. Л. Козловскій.

Сообщ. П. А. Степановъ.

---

¹⁾ То былъ князь Волконскій; есть извѣстіе, что авторъ разсказа, г. Козловскій, былъ его побочный сынъ. Короткое время Козловскій служилъ офицеромъ, женился, вышелъ въ отставку и поселился въ небольшомъ помѣстьѣ Калужской губерніи.

Двѣ характеристики русскихъ генераловъ въ XVIII и XIX вв.,

сдѣланныя графомъ Минихомъ и генераломъ Киселевымъ.

I.

Записка фельдмаршала Миниха.

Въ 1737 году фельдмаршалъ графъ Минихъ лично подалъ императрицѣ Аннѣ Иоанновнѣ нижеслѣдующее описаніе характеровъ и свойствъ генераловъ, бригадировъ и полковниковъ командуемой имъ арміи. Описаніе это кажется извѣстно, но мы его сопоставляемъ съ отмѣтками генерала Киселева, далѣе помѣщенными и до сихъ поръ не бывшими въ печати.

Генераль-фельдцейхмейстеръ принцъ Гессенъ Гомбургскій. Весьма горячъ и вспыльчивъ, не содержитъ никакого порядка въ подчиненности, имѣетъ блѣдное лице, во время дѣла недостаетъ ему твердой рѣшимости, часто бываетъ нездоровъ и потому не годится въ полевой службѣ, а такъ какъ онъ хорошо знаетъ русскій языкъ и службу, то можно (его) сдѣлать или вице-президентомъ въ военной коллегіи, или президентомъ артиллерійской канцеляріи.

Генераль-аншефъ (Алексан. Ив.) Румянцовъ. Понимаетъ службу, говорливъ, слѣдуетъ приказаніямъ начальства, такъ храбръ, какъ требовать должно отъ генерала. До сихъ поръ имѣетъ всѣ силы, которыя нужны для полевой службы, и здоровъ; однакожъ склонности его болѣе устремлены къ министерству и къ статской службѣ, чѣмъ къ военной. При замиреніи можно будетъ поручить ему главную команду въ Украинѣ и начальство надъ глуховскою канцеляріею.

Генераль-лейтенантъ Леонтьевъ. Старый воинъ понимаетъ службу и особенно кавалерійскую, и могъ-бы хорошо служить полковникомъ; онъ здоровъ и крѣпкаго сложенія, но не имѣетъ честолюбія, ни охоты къ службѣ. Онъ годится быть

въ военной коллегіи, въ конюшенномъ департаментѣ, какъ охотникъ и знатокъ въ лошадахъ такой, какому во всей арміи нѣтъ подобнаго.

Генераль-лейтенантъ Кейтъ. Такой генераль, котораго поступки и поведеніе одушевлены вѣрностью къ престолу, храбростію и благородствомъ; нельзя ни въ чемъ упрекнуть его характера; желательно, чтобъ онъ скорѣе излечился отъ своей раны.

Генераль-лейтенантъ Карлъ фонъ-Биронъ. Ревностенъ и исправенъ къ службѣ, храбръ и хладнокровенъ въ дѣлѣ.

Генераль-лейтенантъ князь Трубецкой. Прилеженъ, не горячъ, весьма надеженъ и исправенъ въ исполненіи всѣхъ приказаній, но весьма часто нездоровъ и слишкомъ слабъ для полевой службы; онъ годится быть хорошимъ крѣгсъ-комисаромъ, котораго теперь нѣтъ въ арміи, или быть управляющимъ на границахъ, напр. въ Кіевѣ. Въ будущую кампанію можно поручить ему смотрѣніе за судами на Днѣпрѣ и за доставленіемъ всякаго рода транспортовъ къ арміи.

Генераль-лейтенантъ баронъ фонъ-Левендаль. Честолюбіе управляетъ всѣми дѣлами его на службѣ. Онъ исправенъ, храбръ, надеженъ. Непремѣнно нужно поручить ему въ полѣ начальство надъ артиллеріею, независимо отъ генераль-фельдцеймейстера, такъ чтобъ во время войны отвѣчалъ за всю полевую и осадную артиллерію.

Генераль-лейтенантъ фонъ-Штофель. Онъ довольно показалъ свою вѣрность, прилежаніе и храбрость въ нынѣшнюю войну. Онъ надежный генераль, хорошій инженеръ и искусный комендантъ.

Генераль-маіоръ Таракановъ. Находится подъ судомъ; онъ интересанъ, капризенъ, не понимаетъ никакихъ приказаній, не имѣетъ никакой охоты къ службѣ, и какъ онъ притомъ старъ, то всего бы лучше было, если бы онъ въ деревняхъ своихъ, гдѣ нельзя уже ему вести интригъ, рѣшился проводить остатки дней своихъ.

Генераль-маіоръ Бахметевъ. Понимаетъ службу и притомъ находится въ такихъ лѣтахъ и имѣетъ довольно силъ, чтобъ продолжать служить въ полѣ.

Генераль-маіоръ Карлъ-Магнусъ фонъ-Биронъ. Исправенъ по службѣ, храбръ и надеженъ въ дѣлѣ.

Генераль-маіоръ Шперейтеръ. Храбрый, презирающій всѣ опасности артиллеристъ и вѣрный человѣкъ, но такъ старъ, что онъ почти не видитъ, ни слышать не можетъ; онъ проситъ, чтобъ его отставили съ пенсіономъ по смерти его. Онъ этого въ полной мѣрѣ выслужилъ долговременнымъ усердіемъ къ службѣ.

Генераль-маіоръ Аракчеевъ. Храбрый, бросающійся въ опасность воинъ, служить съ охотою и надеженъ въ дѣлѣ.

Генераль-маіоръ князь Репнинъ. Служить со всевозможнымъ прилежаніемъ и ведетъ себя очень хорошо; онъ хорошей инженеръ и весьма надеженъ въ исполненіи того, что ему приказываютъ.

Генераль-маіоръ Хрущевъ. Характеръ его касательно военнаго дѣла не довольно мнѣ извѣстенъ. Однакожъ онъ понимаетъ службу и съ пользою можетъ быть употребленъ при генераль-комисарѣ или при управленіи какой-нибудь губерніи или воллегіи.

Генераль-маіоръ фонъ-Брадке. Храбръ, неутомимъ по службѣ, искусный артиллеристъ и инженеръ и равно можетъ быть съ пользою употребленъ и въ полѣ, и въ управленіи какой-нибудь крѣпости.

Генераль-маіоръ Де-Бринни (инженерный). Весьма дурно себя ведетъ, золь и ни во что не можетъ быть употребленъ; самое лучшее, если уволить его отъ службы съ награжденіемъ деревни или съ пенсіономъ 300 рублей, и столь важное мѣсто, какое онъ занимаетъ, поручить другому.

Генераль-маіоръ Де-Бринни (генераль-квартирмейстеръ). Можетъ быть употребленъ, только весьма безпокойнаго характера, интриганъ, искательный; надобно весьма его держать въ рукахъ.

Бригадиръ князь Барятинской. Часто бываетъ нездоровъ, не имѣетъ ни склонностей, ни способностей къ полевой службѣ; можно его оставить въ глуховской канцеларіи.

Бригадиръ Штокманъ. Рѣшительный и давно извѣстный мужествомъ своимъ офицеръ, давно въ службѣ и весьма исправно ведетъ себя въ полѣ.

Бригадиръ Колокольниковъ. Понимаетъ службу, молодъ и здоровъ, весьма способенъ къ продолженію службы въ полѣ.

Исправляющіе должности бригадировъ майоры гвардіи:

Гампфъ. Понимаетъ службу, но весьма часто бываетъ нездоровъ.

Фонъ-Ливенъ. Храбръ, не горячъ, ввѣренъ въ службѣ, уменъ и съ великою пользою и честію можетъ быть употребленъ какъ въ полѣ, такъ и въ военномъ совѣтѣ.

Воейковъ. Понимаетъ службу и ведетъ себя очень хорошо; впрочемъ характеръ его не совсѣмъ мнѣ извѣстенъ.

Апраксинъ. Молодъ, крѣпкаго сложенія и здоровъ, служить съ прилежаніемъ и подаетъ о себѣ надежду, что будетъ умный и храбрый генералъ.

Елизаровъ. Имѣетъ мало склонности къ полевой службѣ и мало живости.

Стрешневъ. Служить съ великимъ прилежаніемъ, весьма хорошо ведетъ себя и подаетъ о себѣ хорошую надежду.

Полковники:

Принцъ Гольштинскій. Служить со всевозможнымъ прилежаніемъ и имѣетъ прекраснѣйшій полкъ, весьма надеженъ въ исполненіи того, что ему приказано будетъ. Онъ давно уже въ военной службѣ и учился въ хорошей школѣ, въ Пруссіи и Гессенѣ.

Князь Кантакузинъ. Служить прилежно, — офицеръ съ амбиціею. Но недостаетъ ему точности, онъ молодъ и не совсѣмъ обтерся.

Генералы при ландмилици:

Девицъ. Понимаетъ службу, хорошо себя ведетъ, весьма прилеженъ, уменъ и съ точностію исполняетъ всѣ порученія начальства.

Философовъ. Понимаетъ службу, умѣетъ наблюдать при арміи экономію, весьма надеженъ въ исполненіи всего, что ему поручаютъ.

Фельдмаршалъ Минихъ.

II.

Собственноручныя отмѣтки генерала П. Д. Киселева въ спискѣ генераловъ второй арміи, относительно ихъ достоинствъ.

Ниже напечатанныя аттестаціи разныхъ чиновъ арміи писаны Павломъ Дмитріевичемъ Киселевымъ для императора Александра Павловича въ 1824 и 1825 годахъ; генераль-маіоръ Киселевъ занималъ въ то время должность начальника главнаго штаба 2-й арміи при главнокомандующемъ графѣ Витгенштейнѣ.

Н. III.

Генераль-лейтенантъ Сабанѣевъ. Командиръ 6-го корпуса. Достоинства извѣстны, для службы истинно полезный, неутомимый, гдѣ, по мнѣнію моему, можетъ употребиться съ пользою. Фронтальной службы не знаетъ и не любитъ. Здоровье и въ особенности глаза не позволяютъ ему долго командовать корпусомъ. Военныя соображенія имѣетъ точныя и въ совѣтѣ былъ бы изъ полезнѣйшихъ генераловъ. Всякое ученое военное учрежденіе можетъ съ успѣхомъ ему быть довѣрено.

Генераль-лейтенантъ Козачковскій. Командиръ 16-й пѣхотной дивизіи. Старый слуга, стараго обряда, безъ всякой образованности и исполнитель хорошій, но при надзорѣ. Во всякомъ другомъ государствѣ Козачковскій былъ бы полковникомъ и не болѣе бригаднаго командира.

Генераль-лейтенантъ Рудзевичъ. Командиръ 7-го корпуса. На счету храбрыхъ и въ дѣлѣ распорядительныхъ отрядныхъ генераловъ. Собственныхъ соображеній не имѣетъ. Человѣкъ не глупый, но самолюбія безмѣрнаго. Съ низкими гордости азіятской; съ твердыми гибкій, характера лживаго и ¹⁾. Дивизионный командиръ и ничего болѣе.

Генераль-лейтенантъ Корниловъ. Командиръ 22-й пѣхотной дивизіи. Полковникомъ служилъ хорошо. Человѣкъ усердный, но служащій нынѣ для столовыхъ денегъ. Помѣститься можетъ въ разрядъ Козачковскихъ.

Генераль-лейтенантъ баронъ Левенштернъ. Начальникъ артиллеріи 2-й арміи. Соображается съ собственными выгодами. Взыскателенъ. Во Франціи командовалъ бы парками.

¹⁾ Не разобрано.

Генераль-маіоръ Булатовъ. Командиръ 1-й бригады 16-й пѣхотной дивизіи. Храбрый офицеръ. По лѣтамъ ¹⁾ и по всему случившемуся съ нимъ для службы болѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ ²⁾.

Генераль-маіоръ князь Сибирскій. Командиръ 18-й пѣхотной дивизіи. Запутанный въ дѣлахъ домашнихъ. Долженъ всѣмъ подчиненнымъ и пагубенъ для службы.

Генераль-маіоръ Ферстеръ. Начальникъ инженеровъ 2-й арміи. Въ первой турецкой войнѣ былъ бы чиновникъ замѣчательный во время. ³⁾ Но теперь выпускаемые кадеты болѣе знаютъ ввѣренную ему часть. Онъ ѣстъ много и пьетъ еще болѣе. Доживаетъ въ службѣ и повинуется адъютантамъ своимъ.

Генераль-маіоръ Желтухинъ 1-й. Командиръ 13-й пѣхотной дивизіи. Усерднѣйшій мирный генераль. Обращеніемъ ефрейторъ, но для сформированія войскъ, т. е. части механической, весьма способный. Въ протчемъ подлѣйшихъ свойствъ и въ моемъ смыслѣ болѣе вредный, чѣмъ полезный. Полагаютъ, что не воръ и потому могъ бы быть интендантъ.

Генераль-маіоръ Удомъ 2. Командиръ 9-й пѣхотной дивизіи. Добрый и ничтожный человекъ. Морально уже не существуетъ и если-бы былъ солдатъ, то поступилъ-бы давно въ неспособные и къ выключкѣ изъ воинскаго званія.

Генераль-маіоръ Рылѣевъ 1. Командиръ 1-й бригады 13-й пѣхотной дивизіи. Фельдфебель, иногда пьяный.

Генераль-маіоръ баронъ Розень 2. Командиръ 3-й драгунской дивизіи. Нигдѣ ничѣмъ быть не можетъ.

Генераль-маіоръ Ивановъ 1. Командиръ 3-й бригады 9-й пѣхотной дивизіи. Храбрый полковникъ.

¹⁾ Офицеръ съ 1781 года.

²⁾ Въ 1811 году, во время турецкой войны, Булатовъ удостоился получить замѣчаніе отъ государя за дѣло 28-го августа.

Императоръ Александръ былъ самаго невыгоднаго о немъ мнѣнія, что видно изъ писемъ государя къ адмиралу Чичагову:

(14-го мая 1812 г.). «Tâchez de prendre des details exacts sur le général Boulatoff qu'on a aimé à employer et qui n'est qu'une bête qui a très mal servi, mais parcontre très bien volé».

(7-го июня 1812 г.). «Quant à Boulatoff je vous répète, deiez vous de cet animal. Il est brave, mais il n'a pas l'ombre de la conception, c'est une bête et voleur avec cela».

³⁾ Не разобрано.

Генералъ-маіоръ Васильчиковъ 3. Командиръ 2-й бригады 22-й пѣхотной дивизіи. Воспитаніе замѣняетъ нужныя для генерала качества. Не почитали храбрымъ въ дѣлѣ, а личной твердости не имѣетъ. Со всѣмъ тѣмъ бригадный командиръ изрядный, при совершенномъ ничтожествѣ прочихъ.

Генералъ-маіоръ Козляниновъ. Командиръ 1-й бригады 13-й пѣхотной дивизіи. Гвардейскій былъ баталіонный командиръ; ужасная толщина не позволить служить. На ряду съ Корниловымъ, Козачковскимъ и пр.; относительно образованный.

Генералъ-маіоръ Турчаниновъ. Бригадный командиръ 2-й бригады 9-й пѣхотной дивизіи. Нигдѣ ничѣмъ и никогда быть не можетъ.

Генералъ-маіоръ Моссаловъ. При дивизионномъ командирѣ 3-й драгунской дивизіи. Удивляюсь, что генералъ.

Генералъ-маіоръ Стааль 1. Генералъ-интендантъ 2-й арміи. Запутался женитьбой, но человекъ съ достоинствомъ, и могъ-бы быть весьма полезный.

Генералъ-маіоръ Игнатьевъ 2. Дежурный генералъ 2-й арміи. Московскій бригадиръ.

Генералъ-маіоръ Пантениусъ. Командиръ 3-й бригады 16-й пѣхотной дивизіи. Полковникъ и не болѣе—знаетъ хозяйство, нѣмецъ.

Генералъ маіоръ Шевандиъ. Командиръ 3-й бригады 18-й пѣхотной дивизіи. Съ Турчаниновымъ, Масаловымъ и прочими, но по гнусности фигуры ни съ кѣмъ.

Генералъ-маіоръ Мордвиновъ 3. Командиръ 1-й бригады 22-й пѣхотной дивизіи. Слабъ здоровьемъ. Слабъ умомъ. Слабъ дѣятельностью ¹⁾.

Генералъ-маіоръ Хоментовскій. Генералъ-квартирмейстеръ 2-й арміи. Отлично усердный исполнитель. Честный по душѣ. Для копировки картъ отличный.

Генералъ-маіоръ Тимротъ. Командиръ 2-й бригады 18-й пѣхотной дивизіи. Бригадный командиръ въ линіи; съ переводомъ на нѣмецкое пойметъ, что прикажутъ.

¹⁾ Убитъ генераломъ П. Д. Киселевымъ въ дуэли въ 1823 году.

Генераль-маіоръ Деконскій. Командиръ 2-й бригады 3-й драгунской дивизіи. Добрый для внутренней стражи — безъ команды.

Генераль-маіоръ Киселевъ. Начальникъ главнаго штаба 2-й арміи ¹⁾. Безъ прежнихъ заслугъ и потому безъ права на мѣсто, имъ занимаемое, съ умомъ, а болѣе еще съ самолюбіемъ, отчего полезень быть можетъ. Честенъ и собою для пользы готовъ жертвовать. Но при неудовольствіи малѣйшемъ пожертвуетъ всѣмъ для удовлетворенія честолюбія своего.

Генераль-маіоръ Байковъ. Командиръ 1-й бригады 18-й пѣхотной дивизіи. Хорошій бригадный. Исполнитель, говорятъ, отличный.

Генераль-маіоръ Шульманъ. Начальникъ артиллеріи 6-го корпуса. Отличный офицеръ.

Генераль-маіоръ Засядко. Начальникъ артиллеріи 7-го корпуса. Cagliostro—Schwedenborg и другіе шарлатаны проложили дорогу сему артиллерійскому выдумщику. Коротко знакомиться онъ не долженъ. Узнаете и бѣда.

Генераль-маіоръ Пущинъ. Командиръ 2-й бригады 16-й пѣхотной дивизіи. Бригадный командиръ въ пару съ Васильчиковымъ—Тимротомъ.

Генераль-маіоръ Готовскій. Начальникъ корпуснаго штаба 7-го пѣхотнаго корпуса. Умомъ Шевандинъ или Моссаловъ или Турчаниновъ. Но учился въ кадетскомъ корпусѣ и потому (?) глупости замѣчательной.

Генераль-маіоръ Тухлова. Командиръ 3-й бригады 22-й пѣхотной дивизіи. Г...ый и не трезвый.

Генер.-маіоръ Н. Д. Киселевъ.

(Собщ. Н. К. Шильдеръ.

¹⁾ Аттестация эта заслуживаетъ особеннаго вниманія историка, какъ личная, весьма вѣрная, характеристика, сдѣланная о себѣ Павломъ Дмитриевичемъ Киселевымъ.

О сооруженіи памятника императрицѣ Маріи Феодоровнѣ

(† 1828 г.).

Съ Высочайшаго Государя Императора соизволенія разрѣшенъ сборъ пожертвованій на сооруженіе памятника императрицѣ Маріи Феодоровнѣ, основательницѣ и устроительницѣ многихъ воспитательныхъ и благотворительныхъ учрежденій, возникшихъ по ея мысли и поніянію дѣйствующихъ почти на всемъ пространствѣ Россіи. Принявъ въ свое вѣдѣніе въ 1796 г. Воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ, С.-Петербургское и Московское училища ордена св. Еватеринны и воспитательные дома въ обѣихъ столицахъ, затѣмъ вдовья дома и больницы, государыня до конца своей жизни неутомимо и съ материнскою любовью заботилась о благосостояніи ихъ, жертвуя на устройство заведеній значительныя суммы и удѣляя большую часть своихъ личныхъ средствъ. Стоитъ только вспомнить, что изъ этого источника образовался капиталъ Воспитательнаго общества слишкомъ въ миллионъ рублей. Но не объ одномъ матеріальномъ обезпеченіи заведеній прилагала свои старанія августѣйшая ихъ покровительница. Лично управляя вѣренными ея попеченію учрежденіями, императрица вникала во всѣ условія, отъ которыхъ зависѣло ихъ преуспѣяніе. Она близко знала лицъ, которыя, по ея указаніямъ, вели дѣло воспитанія; она знала также и самихъ воспитанницъ, поощряла однихъ и исправляла другихъ и, какъ нѣжная мать, радовалась ихъ успѣхамъ и радостямъ и печалилась объ ихъ неудачахъ. Не менѣе были близки государынѣ и страждущіе, нужды и горе которыхъ всегда находили доступъ къ ея любве-обильному сердцу. Заслуги императрицы Маріи Феодоровны на поприщѣ женскаго образованія и благотворительности въ Россіи неисчислимы: онѣ ожидаютъ своей оцѣнки исторію и благодарнымъ потомствомъ.

Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица и члены Августѣйшаго дома изволили положить начало собору на сооружешии памятника императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, пожертвовавъ для сего изъ своихъ средствъ значительныя суммы. Можно быть увѣрену, что столь благой примѣръ найдетъ повсюду въ Россіи послѣдователей и что каждый русскій почтетъ священнымъ для себя долгомъ принести и свою посильную жертву для увѣковѣченія памяти Августѣйшей благотворительницы и этимъ окажетъ содѣйствіе видимому выраженію общественной признательности за нравственное и матеріальное добро, которое съ чисто-христіанскими любовью и самоотверженіемъ повсюду разливала въ Божѣ почивающая императрица Марія Ѳеодоровна и которымъ не перестаютъ пользоваться и теперь—современное юношество, нуждающееся въ образованіи, и всѣ обремененные и страждущіе!...

Пожертвованія на предложенный памятникъ принимаются въ высочайше учрежденномъ комитетѣ по сооружешию памятника императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, при собственной е. и. в. канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи, въ С.-Петербургѣ.

Кн. В. Д. Дабизжа.

ГРАФЪ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ МУРАВЬЕВЪ-АМУРСКІЙ

въ 1848—1861 гг. ¹⁾.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1848 г. прибылъ въ Иркутскъ новый генераль-губернаторъ Восточной Сибири, Николай Николаевичъ Муравьевъ (впослѣдствіи графъ Муравьевъ-Амурскій). Еще до пріѣзда его въ Иркутскъ говорили, что онъ человѣкъ высокой чести, строгій и справедливый. Люди, недовольные существовавшей тогда безурядицей, конечно, радовались, ожидая переменъ къ лучшему, а тѣ, за которыми были грѣшки, приуныли. На первомъ приемѣ чиновниковъ и гражданъ, Николай Николаевичъ весьма сухо обошелся съ бывшимъ тогда иркутскимъ губернаторомъ Пятницкимъ, который вскорѣ и былъ уволенъ отъ этой должности. Той же участи подверглись почти всѣ исправники и большая часть земскихъ засѣдателей. Вообще по Иркутской губерніи, къ которой въ то время принадлежалъ и весь Забайкальскій край, произошла перетасовка въ чиновничьемъ мірѣ. Енисейская же губернія оставлена почти безъ переменъ, вѣроятно потому, что тамъ былъ губернаторомъ Василій Кирилловичъ Падалко, о которомъ, какъ слышно было, министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій отзывался Николаю Николаевичу, что это одинъ изъ лучшихъ губернаторовъ.

Съ пріѣздомъ Н. Н. началась усиленная дѣятельность во всѣхъ учрежденіяхъ, отъ которыхъ генераль-губернаторъ требовалъ строгой ежемѣсячной отчетности о всѣхъ дѣлахъ и бумагахъ. Въ присутственныхъ мѣстахъ, кромѣ утреннихъ засѣданій, назначены были еще и

---

¹⁾ Въ ряду многихъ другихъ исполнѣ достопамятныхъ государственныхъ людей земли русской, наше изданіе «Русская Старина» неоднократно останавливалось на жизни и государственной дѣятельности графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго. Такъ о немъ см. очерки А. И. Заборинскаго и Б. В. Струве: «Русск. Стар.» изд. 1883 г., т. XXXVIII, стр. 623—653; т. XL, стр. 505—512.

Ред.

вечернія. Самъ Н. Н. принималъ прошенія ежедневно и къ нему поступало множество жалобъ то на неправильныя дѣйствія мѣстной администраціи, то на медленное рѣшеніе дѣлъ.

По обзорѣннн въ томъ-же 1848 г. Забайкальскаго края, а въ слѣдующемъ 1849 самыхъ отдаленныхъ мѣстностей Восточной Сибири, именно: Якутска, Охотска и Камчатки, Николай Николаевичъ представилъ въ Петербургѣ, куда онъ ѣздилъ въ 1850 г., свои проекты о преобразованн мѣстнаго управленія въ названныхъ краяхъ, и въ 1851 г. Забайкальскій край отдѣленъ отъ Иркутской губерніи и образована особая область, съ губернаторомъ и областнымъ правленіемъ. Якутская область, бывшая въ зависимости отъ иркутскаго губернатора, сдѣлана самостоятельной, съ назначеніемъ туда особаго губернатора. Въ Камчаткѣ также учрежденъ губернаторскій постъ, на который былъ назначенъ контръ-адмиралъ Завойко, извѣстный отраженіемъ въ 1854 г. англійскаго и французскаго десантовъ съ соединенной флотиліи. Въ то же время Н. Н. занимался устройствомъ Забайкальскаго казачьяго войска и преобразованіемъ бывшихъ городовыхъ казачьихъ полковъ: Иркутскаго, Забайкальскаго и Енисейскаго.

Вслѣдъ за этимъ Н. Н. Муравьевъ, по особому высочайшему повелѣнію, дѣятельно занялся изслѣдованіемъ и пріобрѣтеніемъ рѣки Амура, съ лежащими по лѣвую сторону ея землями. Это важное государственное дѣло, имѣющее главную цѣлю продолженіе удобнаго пути къ Восточному океану, сопряженное съ большими трудностями и оконченное Николаемъ Николаевичемъ блистательно,—принадлежитъ исторіи, которая и оцѣнитъ по достоинству могучую дѣятельность этого государственнаго человѣка. Я скажу только нѣсколько словъ о тѣхъ оваціяхъ, какія приготавлиались въ Иркутскѣ въ августѣ 1858 г., къ возвращенію Николая Николаевича съ Амура, послѣ заключенія съ китайскимъ правительствомъ Айгунскаго трактата объ уступкѣ Россіи Амура съ прилежащими къ оному землями.

У городского шлагбаума, по Амурскому тракту, выстроены были триумфальныя ворота, изуукрашенныя флагами и зеленью, гдѣ предполагали встрѣтить Н. Н. Муравьева всѣ высшіе чины и граждане Иркутска и отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ соборъ, для принесенія благодарственнаго молебна. Но Николай Николаевичъ, узнавъ объ этомъ, не пожелалъ торжественной встрѣчи и съ послѣдней станціи къ Иркутску, стоящей на берегу рѣки Ангары, отправился въ лодкѣ прямо къ дому генералъ-губернатора, находящемуся тамъ же на берегу Ангары. Между тѣмъ преосвященный Иркутскій Евсеій, по условію съ городскими властями, ожидалъ уже въ каедральномъ соборѣ, со всѣмъ причтомъ, прибытія Николая Николаевича, а на со-

борной колокольні шель благовѣсть въ большой колоколь. Дѣлать нечего, надо было отправиться уже изъ дома въ соборъ, куда собрались всѣ начальствующіе въ полной формѣ, граждане и много публики. Преосвященный Евсевій, въ полномъ облаченіи и со крестомъ въ рукахъ, встрѣтилъ Н. Н. при самомъ входѣ въ церковь, сказалъ привѣтственную рѣчь и затѣмъ отслужилъ благодарственный молебенъ за благополучное окончаніе Амурскаго дѣла. Вечеромъ городъ былъ иллюминированъ, а на площади противъ штаба выставлены военныя музыканты и пѣвчіе; на штабѣ искусно выведены были изъ горящихъ плашекъ буквы, означающія: «Амуръ нашъ».

За успѣшное окончаніе столь важнаго дѣла, веденнаго и конченнаго миролюбивымъ способомъ, безъ всякихъ непріязненныхъ столкновеній съ китайскимъ правительствомъ, Николай Николаевичъ Муравьевъ награжденъ чиномъ генерала отъ инфантеріи, титуломъ графа Амурскаго, генераль-адъютантствомъ и орденомъ св. Александра Невскаго.

Во вновь приобрѣтенномъ Амурскомъ краѣ образованы двѣ области—Амурская и Приморская. Заселеніе этихъ областей русскимъ элементомъ, на первый разъ хотя по берегу р. Амура, а также устройство укрѣпленій на устьѣ Амура, требовало большихъ хлопотъ и значительныхъ денежныхъ затратъ. Продовольственные припасы для передвинутаго въ тотъ край войска доставлялись изъ Забайкальской области и даже изъ Иркутской губерніи, что сопряжено было съ немалымъ затрудненіемъ; припасы доставлялись на р. Шилку, откуда ежегодно снаряжались сплавыя транспорты по Шилкѣ и Амуру. Вислѣдствіи признано болѣе удобнымъ приобрѣтать хлѣбъ и другіе припасы моремъ изъ Америки.

Въ теченіи тринадцатилѣтняго пребыванія на постѣ генераль-губернатора Восточной Сибири, графъ Николай Николаевичъ постоянно обращалъ вниманіе на дѣятельность подчиненныхъ ему лицъ высшихъ и низшихъ, строго преслѣдовалъ взяточничество, издавна укоренившееся въ Сибири, поощрялъ и награждалъ трудолюбіе и честность по службѣ; въ особенности старался имѣть въ канцеляріи главнаго управленія труженниковъ добросовѣстныхъ и благородныхъ. Съ чиновниками главнаго управленія графъ обращался весьма гуманно, охраняя ихъ человѣческое достоинство, и удоставалъ чести называть ихъ своими сослуживцами. Воспитанные въ его служебной школѣ, они смотрѣли на совершенное безкорыстіе, благородство и честность по службѣ не какъ на подвигъ, достойный награды, но какъ на долгъ, нарушеніе котораго заслуживаетъ презрѣнія.

При поступленіи моемъ, въ началѣ 1859 г., на службу въ горное

отдѣленіе главнаго управленія Восточной Сибири, графъ Николай Николаевичъ, не ограничиваясь рекомендаціей начальника этого отдѣленія, Аванасія Степановича Савинскаго, призвалъ меня на особую аудіенцію. Такъ какъ я поступалъ на должность столоначальника горнозаводскаго стола, гдѣ сосредоточено было дѣлопроизводство по управленію Нерчинскими заводами, принадлежащими кабинету его императорскаго величества, то графъ прежде всего спросилъ меня, есть ли у меня знакомые чиновники на Нерчинскихъ заводахъ. Я отвѣчалъ, что никого нѣтъ. Вопросъ этотъ, какъ я послѣ узналъ, сдѣланъ былъ графомъ съ тою цѣлю, чтобы имѣть на должности столоначальника горнозаводскаго стола чиновника независимаго отъ какихъ либо отношеній къ служащимъ на Нерчинскихъ заводахъ, гдѣ операціонныя дѣйствія не соответствовали желанію графа. Потомъ графъ подробно спрашивалъ меня о прежней моей службѣ и въ особенности о должности земскаго засѣдателя, которую я предъ этимъ занималъ недолго. На вопросъ графа почему я оставилъ должность засѣдателя, я отвѣчалъ, что признаю себя неспособнымъ къ земской службѣ. Тогда графъ съ весьма любезною улыбкой подаль мнѣ руку и сказалъ: «прекрасно; будемъ вмѣстѣ служить; жалѣю, что не зналъ васъ ранѣе».

Но мнѣ недолго довелось служить съ графомъ. Въ январѣ 1861 г. онъ выбылъ изъ Иркутска, по случаю назначенія его членомъ государственнаго совѣта, а на мѣсто его генераль-губернаторомъ назначенъ свиты его величества генераль-майоръ Михаилъ Семеновичъ Корсаковъ, который ранѣе служилъ Забайкальскимъ губернаторомъ и наказнымъ атаманомъ тамошняго казачьяго войска. Онъ прибылъ въ Иркутскъ еще въ 1849 г. молодымъ офицеромъ, былъ однимъ изъ близкихъ графу лицъ и сотрудиномъ по приобрѣтенію Амура.

Въ отношеніи упомянутыхъ мною Нерчинскихъ заводовъ, генераль-губернаторъ Восточной Сибири дѣйствовалъ въ качествѣ главнаго начальника заводовъ. До прибытія Н. Н. Муравьева на заводахъ этихъ было преимущественно серебро-свинцовое производство и не въ значительныхъ размѣрахъ добывалось золото. Но производство это не приносило никакой пользы кабинету его величества и было даже убыточно; посему графъ Муравьевъ распорядился обратить заводскую дѣятельность на добычу золота, къ чему представилась возможность съ открытіемъ горнымъ инженеръ-подполковникомъ Разгильдиевымъ весьма богатыхъ Карійскихъ золотыхъ россыпей, гдѣ, по настоянію графа, добыча золота доведена была до значительнаго количества (кажется, около 100 пудовъ). Но по отдаленности Нерчинскаго горнаго округа отъ Иркутска (до 1,300 верстъ) генераль-гу-

бернаторъ не имѣлъ возможности строго слѣдить за всѣми дѣйствіями мѣстнаго заводууправленія; посему графъ Муравьевъ послалъ туда въ 1859 году, для ревизіи, чиновника особыхъ порученій Крюкова, человѣка очень умнаго и дѣловаго. Хотя Крюковъ открылъ тамъ много разныхъ грѣшковъ; но онъ былъ не горный инженеръ и заводское чиновначаліе, состоявшее изъ горныхъ инженеровъ, при требованіи со стороны графа объясненій, оправдывалось, ссылаясь на некомпетентность Крюкова въ горномъ дѣлѣ и на укоренившіеся издавна порядки. Съ одной стороны нельзя было строго смотрѣть на обнаруженные Крюковымъ безпорядки на Нерчинскихъ заводахъ, гдѣ работы до 1861 года, т. е. до освобожденія горнозаводскаго населенія изъ крѣпостнаго состоянія, производились обязательнымъ трудомъ, и не говоря уже о рабочихъ, которые получали по 9 руб. въ годъ платы и хлѣбный паекъ, всѣ нижніе горные чины—специалисты горнаго дѣла, какъ то: уставщики, надсмотрщики за работами и разные мастера получали жалованья отъ 36 до 90 руб. въ годъ. Само собою разумѣется, что всѣ эти люди, при удобномъ случаѣ, старались вознаградить себя нелегальнымъ способомъ и услѣдить за ними не было никакой возможности. Кромѣ того Нерчинскіе заводы служили мѣстомъ ссылки разнаго рода преступниковъ, осужденныхъ въ каторжные работы, и ихъ находилась тамъ масса, между тѣмъ большая часть ихъ мало и даже совсѣмъ неспособна къ работамъ и расходы на содержаніе ихъ ничѣмъ не окупались. Послѣ, уже при генералъ-губернаторѣ Корсаковѣ, ссыльно-каторжные сосредоточены на Карійскихъ золотыхъ промыслахъ и содержаніе ихъ отнесено на счетъ казны, за исключеніемъ той суммы, какую они могли заработать за счетъ кабинета его величества.

В. Толстой.

На погребеніе императрицы Маріи Ѳеодоровны,

1828 г. ноября 13-го дня.

Стеknитесь, сироты, во храмъ
 И съ гимномъ смерти погребальнымъ
 Благоговѣи къ Небесамъ,
 Соедините вопль прощальный!
 О воплощенный ангелъ! Ты,
 Отъ царска нисходя чертога
 Въ обитель скорби, нищеты,
 Во образѣ благаго Бога,
 Подпорой немощнымъ была,
 Печальнымъ слезы отирала,
 Для ихъ ты счастья жила,
 Однимъ ихъ счастьемъ дышала.
 Посланица благихъ небесъ!
 Почтожь для счастья полевѣта
 Сокрылась рано отъ очесъ?
 Какъ благотворная планета
 Свое Ты поприще прешла,
 И тамъ, въ жилищѣ душъ блаженныхъ,
 Вѣнецъ нетлѣнный приняла,
 За страждущихъ, тобой приарѣнныхъ.
 Но мы льемъ слезы... Помогь,
 Подай терпѣнье въ скорби, силу,
 О Боже Строгий и Благій,
 И сиротствующихъ помилуй!

Петръ Какайдовичъ.

Денисъ Васильевичъ Давыдовъ

[съ автографа].

Я помню—далеко,
 Далекъ мой взоръ
 Какъ лучъ проникалъ вь рощи и боръ
 И степь обнималъ широко, широко.

* *

Но зоркія очи
 Потухли и вы,
 Я выглядлль васъ на дѣву любви,
 Я выплакалъ васъ въ безсонныя ночи.

Денисъ Давыдовъ.

Сообщ. 10 декабря 1874 г. В. Барызовъ.

ЕПИСКОПЪ КИРИЛЛЪ МЕЛИТОПОЛЬСКІЙ

въ его письмахъ къ митрополиту Макарію Булгакову

1857—1865 гг.

IV ¹⁾.

Причины долгаго молчанія.—По поводу новаго назначенія пресвящ. Макарія.—Увольніе Сербиновича.—Посѣщеніе Іерусалима вел. княземъ Константиномъ Николаевичемъ.—Поклоненіе св. мѣстамъ.

Съ глубокою радостію и съ искренне-благодарною молитвою ко Господу принялъ я извѣстіе о вашемъ перемѣщеніи. Слава и благодареніе Господу Богу! Не шагъ впередъ, сдѣланный вами, радуеть меня: меня бы не удивило, еслибы скачекъ былъ гораздо шире, что и будетъ, я увѣренъ; порадовали меня двѣ вещи: одна за васъ, другая за насъ, вашихъ читателей, почитателей и послѣдователей на пути, на которомъ до васъ появлялись фигуры, но передовыхъ людей не было; порадовало меня то, что ваше прежнее желаніе сбылось, что вы, наконецъ, почти въ родномъ климатѣ, который, надѣюсь, принесетъ вамъ много пользы, — что, позвольте вылить все изъ души, Тамбовъ сталъ, какъ станція, между вами и Петербургомъ: почему-то

---

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1889 г., т. LXIV, декабрь, стр. 795—804.

Въ декабрьской книгѣ «Русской Старины» изд. 1889 г., томъ LXIV, варялся двѣ ошибки ред. въ письмахъ покойнаго моего брата Кирилла, епископа мелитопольскаго, а именно: на стран. 797 и 803 поставлено послѣ слова графа въ скобкахъ «Протасова», а во второмъ случаѣ безъ скобокъ также «графа Протасова». Вставка эта не вѣрна, потому что графъ Протасовъ умеръ въ 1855 г., а письма относятся къ періоду отъ 1857 до 1864 г. Въ этихъ письмахъ имѣлся въ виду не графъ Протасовъ, а графъ Александръ Петровичъ Толстой, который былъ въ то время оберъ-прокуроромъ Св. Синода.

Елизавета Булгазова.

сдается мнѣ, что вамъ теперь не будетъ такъ грустно вспоминать о Петербургѣ, какъ могло быть въ Тамбовѣ, гдѣ вы не видѣли ничего между былою жизнію и своими настоящими положеніемъ. По крайней мѣрѣ, отъ всей души желаю, чтобы такъ было. Еще больше порадовался я за Русь православную: наконецъ, мы можемъ смѣло надѣяться, что съ обновленными силами вы снова, съ поражающимъ успѣхомъ, начнете ваши вѣковые труды, ниѣя подъ руками все необходимое. Помогите вамъ Господь!

Приношу мою глубочайшую благодарность за экземпляръ проповѣдей, привезенный мнѣ кн. Волконскимъ, доставившій мнѣ экземпляръ «Догматики» на французскомъ языкѣ, въ отношеніи къ которой мнѣ очень посчастливилось ибо въ то же время іезуитъ кн. Гагаринъ привезъ мнѣ другой экземпляръ отъ Васильева изъ Парижа. Что, теперь, чай, смѣло уже можете сказать: «полпуда написалъ»: дай Богъ до пуда и больше. Теперь будемъ ждать словъ, сказанныхъ въ харьковской епархіи. Я думаю, не замедлимъ получить.

Покорнѣйше благодарю и за поздравленіе съ увольненіемъ и сдачею въ комиссію прошеній Сербиновича. Да, вы вполне угадали, что я порадоюсь еще больше, чѣмъ другіе. Не смѣю сказать, чтобы была ошибка и въ предположеніи: не мое ли это и дѣло? не знаю, смастерю-ли что нибудь добренькаго на общую пользу; а въ этомъ добромъ дѣлѣ не негрѣшенъ. Судьба этой личности была подписана задолго ранѣе срока, когда мы получили пріятную вѣсть, — чуть ли не въ первую мою пасху въ Іерусалимѣ. Окончательно сгубило его одно письмецъшко, попавшее очень далеко... Теперь слышу, что и клеветъ его отправляется (не на свѣчные ли доходы?) за границу, съ тѣмъ, чтобы тамъ доучиться, чему не доучился съ малолѣтства, а въ случаѣ неуспѣха, такъ д..... и умереть. Туда и дорога. Этотъ господинъ на своемъ мѣстѣ повторяетъ исторію кн. Ш.-Шир—каге. Ханжество не только не мѣшаетъ дѣлать пакости въ дѣлѣ церкви, а какъ-то еще поощряетъ въ томъ и помогаетъ. Вѣрно, никто другой не сдѣлалъ бы столько глупостей, колько сей господинъ, имѣвшій уши слышати (у насъ здѣсь такихъ много; я на нихъ не ѣзжу, предпочтая лошадей) и—больше ничего.

У насъ хорошаго немного. Но боюсь, что вы будете браниться, если я не подѣлюсь съ вами и тѣмъ, что есть, и потому нѣсколько строкъ посвящу нашимъ новостямъ. Правду сказать, для нихъ бы не нѣсколько строкъ нужно, а нѣсколько дестей бумаги. Но если я не могу отказаться отъ нѣсколькихъ строкъ, то вы, будете милостивы, не потребуете нѣсколькихъ дестей. Сущность дѣла въ томъ, что въ городѣ страданій и креста я покажѣсть въ 17 мѣсяцевъ ничего не вижу, кромѣ труда, борьбы, непрерывной, упорной, адской. Только-что справишься съ одной волной, набѣгаетъ другая; теперь, кажется, дьяволъ наславъ девятый валъ. Грозно, нечего сказать: зато, если перевалятъ, а съ ногъ не сшибетъ, буду имѣть честь поздравить дьявола съ носомъ, а себя съ покоемъ хоть на нѣсколько мѣсяцевъ. Съ чужими пола-

диль; начали возню свои. Я думаю, вы слышали ужъ немножко, что мнѣ выпала необходимость попробовать силы съ нѣкимъ N. N.: помнится еще въ прошломъ году я писалъ вамъ кое-что. Теперь, извольте видѣть, какая вышла исторія. Этотъ господинъ, присланный въ прошломъ году къ намъ, чтобы съ нами поладить, хотѣлъ-было принаудить меня немножко: надудся самъ. Пришло время, когда я потерялъ уже всякое терпѣніе и въ одной изъ своихъ бумагъ вывелъ его на чистую воду. Копчено! Порятка брошена и—поднята; бумага надѣлала страшной кутерьмы; единоборецъ мой, существующій покровительствомъ, прикинулся забитымъ мальчикомъ и сталъ плакать и жаловаться..... Пошло дѣло на ладъ: пришибить бы еще разокъ и—концы въ воду. И пришибили... Потащили за тридцать земель К., причастнаго дѣлу, возбужденнаго даннымъ мною оборотомъ дѣлу, раздраженнаго и разъяреннаго противъ меня нагѣренными внушеніями. Вотъ онъ, девятый-то валь!

Изъ Ае. ужъ слышенъ гулъ, что я—то и то, я—то и другое; что конецъ мой рѣшенъ; чуть ли даже каюты не было приготовлено на одномъ изъ военныхъ судовъ... Грозенъ сонъ, милостивъ Богъ. Вблизи дѣло обошлось гораздо мягче и—нѣкоторымъ господамъ было странно и капельку стыдно, какъ ихъ морочили и какихъ марionетокъ хотѣли изъ нихъ сдѣлать. Думали здѣсь положить конецъ, нашли только начало дѣлу—первый узелъ... Дорогіе гости наши были съ нами любезны въ высшей степени; теперь ожидаемъ знаковъ благодарности. Мнѣ-таки порядочно досталось въ это время.

25-го апрѣля вечеромъ выѣхалъ я изъ св. града на встрѣчу великому князю. 26-го вечеромъ послѣ проведенной въ пути ночи и проведеннаго безъ отдыха мучительно-жаркаго дня, я прибылъ въ Яффу съ маленькой язвикою подъ носомъ, которою подарила меня моя милая лошадка: зубы крѣпки, остались цѣлы; потрясся только нѣсколько мозгъ, не благоволившій по сему случаю вкусить сна во всю слѣдующую ночь. На другой день къ вечеру прѣздаи начала и власти передовыя—все дѣйствительные статскіе, и еще важнѣй... Вечеръ и слѣдующее утро приемы, приемы и приемы. Торжествующія физиономіи смѣнялись одна другою; не измѣнялась только моя спокойная фигура, заставлявшая вытягиваться отъ бѣшенства и торжествующія физиономіи. Послѣ полдня явился военный поѣздъ великаго князя. Приемъ. Спросъ съ моей стороны и позволеніе съ той уѣхать впередъ. Сборы въ дорогу въ ночь, хотя неудачные. Поѣздка изъ Яффы до Іерусалима, подъ палящимъ солнцемъ. Встрѣча гостей, парадная, во вратахъ св. града, и сопровожденіе во храмъ: это было наканунѣ 1-го мая.

Въ день вашего Ангела я имѣлъ честь въ два часа представлять миссію и въ пять сопутствовалъ августѣйшимъ гостямъ въ Геесимаію, гдѣ мы съ патріархомъ пѣли молебенъ. 2-го числа я служилъ на Голгоѣѣ, 3-го патріархъ и я, съ другими архіереями, служили на св. Гробѣ; въ часъ имѣлъ счастье принимать у себя августѣйшихъ поклонниковъ; въ 3 часа получилъ

аудиенцію..... весьма замѣчательную. 4-го числа мы путешествовали въ Саввинскій монастырь. 5-го вечеромъ мнѣ чуть не взломали всѣхъ костей, когда мы тѣснились при входѣ въ храмъ Соломоновъ. 6-го — путешествіе въ Виелеевъ, гдѣ я служилъ вдвоемъ съ патриархомъ и гдѣ получилъ особенные знаки вниманія отъ е. и. выс—ва. 7-го общая съ патриархомъ служба въ храмѣ Воскресенія въ память государя императора Николая Павловича; вечеромъ, въ 8 часовъ, обѣдъ у великаго князя. Съ 7-го на 8-е число (ночью) — священническая литургія на св. Гробѣ, въ моемъ присутствіи, и сопровожденіе е. и. выс—ва по всѣмъ мѣстамъ поклоненія съ обычною обязанностію быть переводчикомъ между великимъ княземъ и патриархомъ; 8-го числа коротенькій визитъ великаго князя и пріемъ прощальныхъ визитовъ свиты; 9-го числа утромъ обѣдня въ Геесиманіи, которую я уже едва отслужилъ, чувствуя нестерпимую боль въ боку; потомъ визитъ великаго князя Николая Константиновича, потомъ двѣ горчницы на бокъ; потомъ молебенъ на Гробѣ, отправленный мною удивительно: ибо уже грудь отказалась давать голосъ и бокъ отвѣчалъ усиліемъ произнести слово страшную болью каждый разъ; потомъ слезное прощанье, потомъ—возвращеніе домой за невозможностію сѣсть на приготовленную лошадь, потомъ—при входѣ въ домъ стоны и крики за невозможностію дыханія, потомъ—четыре часа чуть не предсмертной агоніи и шесть часовъ неудержимаго поту—въ продолженіе безсонной ночи, потомъ—вѣрно, не угадаете!—путешествіе на другой день въ Яффу для прощанія съ гостями. Все кончилось прекрасно, полтора часа провелъ въ чудной бесѣдѣ, часъ просидѣлъ за столомъ, потомъ отпѣлъ молебенъ въ церкви и проводилъ гостей до лодки... Нервная боль въ груди осталась, но теперь я ее выгоняю морскими ваннами, ради которыхъ нарочно пріѣхалъ въ Яффу и которыя оказываютъ на меня удивительное дѣйствіе.

...Судьба моя странная: первому изъ русскихъ архіереевъ приходится мнѣ испытывать многое, другимъ не испытанное. Крѣплюсь я много. Но — и въ помощи молитвенной нуждаюсь. Помолитесь обо мнѣ. Не за себя стою. За общее дѣло. Впрочемъ, вѣрую, что вы молитесь, вѣрую, что вы еще не разлюбили меня, всей душой вамъ преданнаго.

V.

Отношеніе тамбовскихъ жителей въ преосвященному Макарію.—Трудности, встрѣчаемыя на пути служенія.—Награда.—Новые недоброжелатели.

Августа 10-го дня 1859 г. Иерусалимъ.

Сегодня служилъ въ Геесиманіи. Можете быть увѣрены, что, по обычаю, и въ «Богородичномъ домѣ» слышалось ваше имя: годовщина іорданской службы.

Мисс Козакова и Загряжская, привезшія мнѣ любовное письмо ваше, улаживаютъ меня бесѣдами о васъ, радуюсь случаю поговорить о васъ, къ чему вызованъ съ моей стороны нѣтъ конца. Въ свою очередь, и я стараюсь знакомить ихъ со всѣми подробностями моего оригинальнаго положенія, чтобы, на возвратномъ пути, онѣ могли сказать что нибудь и вамъ о нашемъ житьѣ-бытьѣ. Я уже и не хотѣлъ-было писать къ вамъ до ихъ отъѣзда, хотя полученное чрезъ нихъ письмо и вызывало на отвѣтъ. Но отправленіе о. Арсенія въ Россію и преднамѣреваемый нѣтъ проѣздъ черезъ Харьковъ представляютъ такое естественное и сильное побужденіе—написать къ вамъ, что я не могъ устоять противъ него. Слушая почтеннѣйшихъ путешественницъ, я восхищаюсь тѣми чувствами благоговѣнія и любви къ вамъ, какія онѣ высказываютъ, прибавляя, что то же чувствовалъ и чувствуетъ весь Тамбовъ. Слава и благодареніе Господу! Честь и слава вамъ, безцѣннѣйшій владыка! Помогай вамъ Господь и впередъ, и всегда!

Вотъ урокъ ханжамъ, которыя толкуютъ о благочестіи, силы его не разумѣюще. Посмотримъ, что сдѣлаетъ вашъ благочестивѣйшій преемникъ по кафедрѣ,—больше ли того, что сдѣлалъ въ преемство по академіи! Можетъ, по заказу Вурачка не выучился ли творить чудеса. А мнѣ все сдается, что племянничекъ будетъ въ дядюшку и что мы будемъ еще жить въ своемъ кругу повтореніе исторіи Іереміи: начала-то сходны!

Слышу, что теперь вы пока еще гуляете по новой епархіи вашей и только къ осени собираетесь уѣхать дома за обычнымъ трудомъ. Благослови Богъ все, и отдыхъ и трудъ. Будемъ ждать продолженія вашихъ трудовъ, содѣйствуя вамъ, насколько силъ и умѣнія хватить, и нашею грѣшною молитвою у св. Гроба.

Тѣ госпожи повѣдаютъ вамъ о насъ многое. Много видать своими глазами; много слышать такого, о чемъ писать не всегда лѣтъ есть, хоть и не всегда лѣтъ есть. Желалъ бы, чтобы онѣ умѣли повѣдать вамъ все такъ, чтобы вамъ вполне ясно было, какіе трудные приходится мнѣ переживать дни и какія дивныя чудеса милосердія Божія случается мнѣ надъ собою испытывать въ моемъ трудномъ служеніи, которое признаютъ нынѣ труднымъ и свыше. Поэтому желалъ бы этого, чтобы, войдя въ мое состояніе, вы вздохнули иной разъ ко Господу съ живѣйшимъ участіемъ и съ дѣйствительнѣйшею силою предъ Господомъ. Несчастье мое, что, оставаясь до сихъ поръ безъ секретаря, я не имѣю возможности ни у себя оставлять, ни вамъ сообщать моихъ чернычковъ или копій. Я увѣренъ, что вамъ было бы весьма любопытно узнать, за что я ратую и за что тамъ поднимается противъ меня на дыбы все, что, повидимому, должно бы стоять за меня, во многихъ-многихъ случаяхъ, и мнѣ было бы это весьма полезно.

Увы, не состоялось и мое путешествіе, на которое я весьма много рассчитывалъ въ отношеніи къ свиданію съ вами, столь для меня возжелѣнному.

Пишутъ, что черезъ три-четыре мѣсяца сами будутъ просить прїѣхать: по-корнѣйше благодарю; тогда ужъ лучше черезъ годъ. Воображаю, какой обозъ разныхъ новостей привезу я вамъ, если увижусь съ вами еще черезъ годъ; мои годы очень урожайны. И теперь бы на много дней и ночей стало предметовъ для задушевной и серьезной бесѣды. Однакожъ, неужто и слѣдующій годъ будетъ такой же, какъ два прошедшихъ? Да вѣдь ужъ, кажись, и ѣхать дальше нельзя!.. Что волны Средиземнаго—въ сравненіи съ волнами житейскаго моря, въ томъ влочки, который отведенъ для моего купанья! Спустили-было меня съ высоты перваго вала мои друзья любезнѣйшіе, т. е. думали спустить, чуть не до дна адава. Задалъ-таки мнѣ работы прошлый май.

Нечего дѣлать! Терпи казакъ! Казакъ стойко выстоялъ на часахъ, дѣлая свое дѣло, какъ будто ничего не звалъ—не вѣдалъ: поплатился только послѣ первыми болями груди...

Теперь новый валъ нанесъ на «знакъ Мон—го благорасположенія и признательности»—въ видѣ брилліантовой панагіи, которую, какъ пишутъ мнѣ по начальству, выхлопотать имѣлъ первое по возвращеніи заботою августѣйшій путешественникъ. Панагія хорошеенькая весьма. Здѣсь ее цѣнятъ въ 2,000 р. с. Полагаю, что около того. Хороша и цѣнь.

Пишутъ, что еще приложили и Анну къ болѣвшеи груди: спасибо! Но пишутъ вмѣстѣ, что, кромѣ старыхъ, обновляющихся, конечно, въ злобѣ, а нажилъ новыхъ заклятыхъ враговъ въ лицѣ, въ особѣ, —нѣтъ, все нѣтъ,—въ мнѣ, известномъ подъ именемъ слѣпнѣйшаго... Куда же теперь направится вѣтеръ? Куда еще понесутъ волны? Купанье въ Средиземномъ поправило, по милости Божіей, силы, не только возвративъ прежнее, но и подвинувъ впередъ мое здоровье: зачѣмъ? Ужели опять эта мучительная борьба и на животъ—и на смерть? О, если ужъ посылать испытанія, то посылай же, Господи, и терпѣнія, и силы!

Осенью думаю опять сдѣлать маленькій вояжъ по Египту, котораго еще не видалъ и куда уже зоветъ блаженнѣйшій Александрійскій: вояжъ непродолжительный, благодаря желѣзнымъ дорогамъ и пароходамъ. Можетъ быть, послѣ взгляну и на самостоятельную кипрскую іерархію, чтобы такимъ образомъ имѣть, по возможности, полное понятіе о восточной церкви. Если ужъ Богъ судилъ дѣятельность этого рода, надо бить до конца. Впрочемъ, оно, вѣдь, и пріятно. Какое разнообразіе впечатлѣній! Какой богатый, нестоициный матеріалъ для размышленія! Какая масса работы! Помогъ бы только Богъ!

Я говорилъ съ барынями, отчего бы вамъ, владыка мой, не сдѣлать когда нибудь путешествія по святымъ мѣстамъ? Дорога Яффская теперь исправлена. Я бы, съ своей стороны, постарался устроить все со всѣми возможными удобствами. Только, пожалуйста, не откладывайте слишкомъ далеко. Пожалуй, въ другой разъ подкопы М—а и К° будутъ успѣшнѣе майскихъ: тогда

прощай! Того и смотри, махну въ Саввинскій монастырь выдѣлывать изъ себя подвижника, только все-таки не въ родѣ Θεοφана.

VI.

Посѣщеніе г-жъ Козаковой и Загряжской.—Посылка четоковъ.—Просьба о посѣщеніи Іерусалима.—Потемкина.

26-го августа 1859 г. Іерусалимъ.

Ужъ я не знаю, говорить ли четвертое? Не будетъ ли это только напрасный звонъ? Дѣло въ томъ, что мнѣ ужасно хотѣлось бы видѣть васъ во св. градѣ, вмѣстѣ помолиться у св. Гроба и на востокѣ побесѣдовать о востокѣ и сѣверѣ. Сообщенія теперь такіа удобныя, дорога изъ Яффы такая теперь хорошая, посылки, оставленныя великой княгиней для поклонниковъ, такіа прекрасныя, а провожатый-верховой теперь такой бойкій и смѣлый.. Вамъ прогулка эта могла бы быть такъ полезна для здоровья!.. Можетъ, не положить ли Богъ по сердцу?.. Упрашиваю дамъ уговаривать васъ: онѣ же теперь узнали всѣ удобства по опыту. Прокатались бы и въ Египеть, и въ Кипръ.

Какъ-то вамъ приглянулся Харьковъ? Увѣренъ, что понравится, особенно, когда приметесь за работу. Только ради Бога, не изнуряйте себя много. Испышаніе будетъ велико.—понятно. И многимъ-многимъ желательно, чтобы работа ваша шла скорѣй. Но вѣдь впереди будетъ и еще работа, не менѣе трудная и важная. Надо и для нея сберечь силы. А теперь ужъ не то, что 18 лѣтъ назадъ: напряженіе будетъ обходиться дороже. Помогите вамъ, Господи, во всемъ и крани васъ благодать Его всегда!

Видѣлись съ Т. Б. Потемкиной? Какъ нашили ее? Я давно не писалъ къ ней. Изъ Петербурга пишутъ, что напрасно и давно писалъ—о дѣлахъ хоть я писалъ очень немного, нѣсколько только замѣтокъ. Тоже, говорятъ, подслужила-было, хотя и отъ усердія и благонамѣренно. Богъ положеніе! И съ друзьями незнаешь, какъ себя держать. Впрочемъ, это вѣдь всегда болѣе трудная задача; съ врагами легче, особенно, когда позаврутса черезъ край. да оглушатъ сами себя собственными аплодисментами и побѣдными кликами прежде времени.

VII.

Повѣдка въ Бейрутѣ.—По поводу новыхъ слуховъ.—Просьба на счетъ проповѣдей.—Воляжъ.

Яффа. Ноября 24-го 1859 г.

Мой безцѣннѣйшій владыка. Въ Бейрутѣ въ прошлую пятницу имѣлъ я радость невыразимую получить ваше давножданное, а потому почти уже нежданное, письмо отъ 14-го октября... Бейрутѣ, Яффа... пожалуй, можно подумать, что отвѣчаю уже съ полъ-пути къ Харькову. Увы, владыка мой! Пишу отвѣтъ въ Яффѣ, на обратномъ пути въ св. градъ изъ Бейрута, куда ѣздилъ дней на десять, чтобъ полюбоваться на свои затѣи. Нѣкоторые изъ вашихъ строчекъ кажутся мнѣ звучащими опасеніемъ за меня, или не совсѣмъ точнымъ понятіемъ о нашихъ обстоятельствахъ. Скажу же, уступая вашему требованію, нѣсколько словъ о томъ, какъ бы я взглянулъ, если бы.... Я бы сказалъ только: «о, дурь непроходимая!» Простите. Я нынче очень сталъ бранчивъ, и—въ правѣ. Мѣсяцевъ десять назадъ я отругалъ одного джентльмена въ формальной бумагѣ. Боже, какой градъ посыпался; да вѣдь съ самаго съ верку! Ужаси! А теперь подкатываютъ собственнымъ именемъ свои бумажонки, да ужъ и по моему хлещутъ пріятелей моихъ. Спасибо, что и меня не забываютъ, шлютъ коши, чтобы я зналъ, что я въ самъ-дѣлѣ правъ и что меня начинаютъ понимать. Теперь есть на что въ случаѣ нужды сослаться. Потому смѣло можно браниться. И сильно бы побранился. Личность—въ сторону. Эгоизмъ еще прежде Александра Петровича (Толстаго) напешывалъ мнѣ о покойномъ мѣстечкѣ. Но въ такомъ дѣлѣ....., было бы низко хлопотать о томъ, мягко ли сидѣтъ. Не спорю, можно бы найти непоспособнѣй меня,—нашли ли бы потерпѣливѣй и, простите, поустойчивѣй: право, не самохвальство. Особенно теперь нельзя. Тутъ вышелъ на сцену вѣковой вопросъ не только чужой, но и домашній. Ужели бросить на половинѣ и окончательно погубить ясу?.. Нѣтъ, теперь я бы не счелъ за лучшее самую лучшую епархію. Надо довести дѣло до конца. Господь дивно строитъ свое дѣло; будемъ дѣлать свое: претерпѣвый до конца спасенъ будетъ, особенно терпящій не за себя. Какъ повернулось колесо событій нашихъ, вы знаете. Слѣдовательно, распространяться нѣтъ нужды. Есть кой-какія частности, которыми бы можно было васъ занять и позабавить (у насъ крайности сходятся). Но—надо подождать немножко... Мы—въ дѣлѣ. А въ дѣлѣ самое лучшее—вонецъ. Скажу только, что не знаю, какъ благодарить Господа за судьбу свою, удивительную! Затѣмъ—вседушевиѣйшая просьба о молитвенной помощи.

Однакожъ пора кончить самолюбивую болтовню о себѣ, которая, правду сказать, ужъ противлеть и самому: такъ много приходится болтать о себѣ! Усерднѣйше благодарю васъ, мой возлюбленнѣйшій и присно въ сердцѣ носимый

владыка, за ваши дорогія строки. Право, я очень соскучился, не получая вашихъ писемъ долго, очень долго! Не удивляюсь ни тому, что Харьковъ вамъ понравился, ни тому, что отъ васъ въ восторгѣ Харьковъ и окрестности: особенно послѣднему не удивляюсь. Потемкина писала мнѣ изъ св. Горь. Все письмо было наполнено только вами. Полагаю, что она искренно васъ любить, хоть и знаю, что отъ этого вамъ, какъ говорятъ французы, ни тепло, ни холодно. Богъ съ ними, пусть любятъ! это для нихъ полезно. А наша почва—не тамъ, не у этихъ барынь. Когда увидимся, я поразкажу вамъ кое-что очень-очень занимательное. О, люди!.

О незаписанныхъ проповѣдяхъ вашихъ чуть не плачу. Ради Бога, записывайте. На этотъ счетъ я бы проговорилъ съ вами, при свиданіи, много долгихъ часовъ. Можетъ, и побранили бъ вы меня: не бѣда бы; я умѣю нынѣ выносить и очень щекотливыя объясненія. Но думаю, во многомъ вы согласились бы съ заграничнымъ болтуномъ. Когда запишете, напишете, а тогда потолкуемъ и о печати. Новость?.. да; но кромѣ просьбы о записываньи, будетъ еще у меня просьба и о перечитываньи предъ печатью. Будетъ время, когда проповѣди ваши пойдутъ впереди другихъ трудовъ вашихъ (по нѣкоторымъ особеннымъ причинамъ); такъ надобно, чтобы не было ни одной обмолвки. Простите ради Бога и вашей любви ко мнѣ—никуда негодному, эти строки. И онѣ надобны: почему? скажу послѣ.

Объ «Исторіи» не такъ жалѣю. Мѣсяцемъ раньше, мѣсяцемъ позже, прочтемъ же мы капитальный трудъ. Теперь пока намъ дороже всего здоровье капитальнаго труженника.. А объ здоровьѣ-то своемъ вы и не сказали ни полслова. Объ Теофанѣ я никогда не вспоминаю: злой человѣкъ, но—что же сдѣлать?! Объ академіи много думаю и не мало говорю. Господи! что дѣлается! Публичныя лекціи—теперь, когда ректоръ не могъ быть профессоромъ, а инспекторъ не умѣлъ усидѣть и бакалавромъ! Не знаю, какъ у васъ, а у насъ здѣсь горькимъ смѣхомъ отзываются нитерскія новости. О, Гр—ѣхи!

Я ужъ предчувствую, что меня опять станутъ бранить за то, что очеркъ не хорошъ. Подставляю повинную голову. Но все таки проворчу: чужія руки, чужіе глаза! Послѣ того, какъ отъ N. N. получалъ я письмо, распечатанное въ Триестѣ, поневолѣ станешь писать такъ, чтобы только родной глазъ разобралъ. Есть дипломаты, которые пишутъ еще гаже—нарочно. Правду сказать: тамъ ужъ такъ было гадко, что я побранился. И я: ужъ кто бы говорилъ. Бранится человѣкъ съ каждымъ встрѣчнымъ и поперечнымъ, да еще говоритъ: и я!

Вотъ новость: Валерга пожаловалъ меня въ еретическіе епископы. Дипломатія принялась за перья, а я пока сдѣлалъ только маленькій вояжъ, да повидался съ тѣми, кому онъ меня рекомендовалъ такъ любезно. Вотъ будетъ бѣситься. Я же умѣлъ такъ, что почти никто не зналъ и погони послать

было невозможно. Вояжъ принесъ мнѣ много-много утѣшенія. И не мнѣ одному... Нѣтъ, какъ хотите, владыка мой, какъ ни любилъ вы меня, какъ ни жалалось, чтобы я прїѣхалъ, надо еще здѣсь погостить... Вмѣсто себя, пришлю, если позволите, портретъ. Питерскіе прѣстаютъ, чтобы выслалъ. Все думаютъ, что панагія и лонта съ звѣздой перемѣнили фигуру. Вѣдь, право, нѣтъ: та же безтолковщина. Однимъ только сѣдымъ волосомъ украсилась борода: въ томъ вся и перемѣна.

VIII.

Хлопоты.—Рождественское служеніе.—Иллюминаціи.—Занятіе языками.

Ливаря 18-го дня 1860 г. Іерусалимъ.

Пять, шесть разъ собирался писать къ вамъ, чтобы поздравить васъ то съ наступившимъ, то съ наступившимъ уже новымъ годомъ. Непозлезны были всѣ усилія: такая я несчастная жертва безконечныхъ хлопотъ! День-деньской не видишь, иной разъ, одной минуты свободы; а этихъ иныхъ разовъ бываетъ, круглымъ счетомъ, семь въ недѣлю. Придетъ день почты, распорядишься, чтобы никого не принимали, — нѣтъ-таки, ктонибудь да ворвется; а дѣло нужное изъ рукъ не вырывается. Смотришь, накопилось нужныхъ бумагъ номеровъ десятка полтора, да неотложныхъ писемъ около того, — выйдитъ, что и въ почтовый день не напишешь всего, что хотѣлось бы, и, какъ нарочно, не останется времени собственно для того, о чемъ особенно заботился. Досадиѣе всего было третьяго-дня. Непремѣнно рѣшился написать къ вамъ: и безъ того такъ рѣдко пишу! Увы! Тутъ подошелъ обѣдъ у отправлявшагося на другой день стараго друга (къ дьяволу бы его на рога!): отказаться невозможно. Между тѣмъ время ушло. Пришлось-таки моему курьеру запоздать: сколько осталось еще неоконченнаго! Жаль вдвойнѣ, что не удалось написать именно тѣхъ писемъ, которыя хотѣлось написать! Теперь приходится пересылать черезъ чужія руки; слѣдовательно... Впрочемъ, главная моя цѣль была — только напомнить вамъ о странникѣ, вѣчно вѣрномъ вамъ въ чувствахъ уваженія, любви и преданности; а это можно сдѣлать и черезъ чужихъ. Пусть читаютъ, если хотятъ.

Усердно помолился я за васъ и помянулъ душевно чтимое имя ваше у св. жертвенника Влоземскаго въ день Р. Х... Къ слову: вотъ былъ денекъ! 26 часовъ сряду я былъ въ трудѣ непрерывномъ: хорошо начало для новаго года! Наканунѣ я, еще въ постели, получалъ почту, довольно большую. Въ 9 час. я сидѣлъ уже за письменнымъ столомъ, спѣша отвѣтить на необходимѣе. Въ 11 часовъ почта отправлена и я, подъ дождемъ, усѣлся на коня, какого Богъ послалъ (мой собственный умеръ, когда я въ Яффѣ лечился и выдвчивался отъ своихъ нервныхъ болей) и, по достойной примѣчанія

грязи, пустился въ путь — въ погоню за владыкою Мелетіемъ, который уѣхалъ впередъ. Съ грѣхомъ пополамъ нагналъ на полъ-пути торжественный поѣздъ и владыку въ арабской абѣ (армякъ съ турецкой повязкой на камилавкѣ). Къ часу пополудни мы были уже въ В. храмѣ. Тотчасъ начались царскіе часы, изъ которыхъ на третьемъ мнѣ нужно было прочесть евангеліе, въ царскихъ вратахъ, и окадить весь храмъ и (убранный мною вновь) вертепъ. За часами шла обѣдня, которая и кончилась въ шестомъ часу пополудни. Добрые люди завтракали въ этотъ промежутокъ времени, покупая въ западной сторонѣ церкви (за перегородкой, впрочемъ) бублики и алады, которые тутъ же на жаровнѣ пекъ какой-то болѣе человѣколюбивый, чѣмъ благочестивый, поклонникъ изъ болгаръ. Мы — пребывали въ цостѣ. Правда игуменъ послѣ и употреблялъ всѣ усилія вознаградить насъ за подвигъ — всевозможными видами капусты, рѣпы, маслинъ и чечевицы. Но — увы! Услуга была не къ добру для несчастнаго, которому предстояло въ 7-мъ часу выслушать повечеріе и молитвы, а съ 7-ми начать исповѣдь въ холодной комнатѣ: какъ будто мало еще было морозу, какой пробѣгалъ иногда по кожѣ, благодаря откровенной бесѣдѣ! Безъ четверти въ 11-ть сказали, что больше никого нѣтъ. Утѣшеніе, но на счастье прочно всякъ надежду кинь! Есть здѣсь существа, извѣстныя подъ именемъ пономарей, которые какъ-разъ въ три четверти одиннадцатаго пожалуютъ съ извѣстіемъ, что чрезъ четверть часа начнется звонъ и — затѣмъ просимъ покорно пожаловать въ церковь. Что станешь дѣлать съ пономаремъ? Одѣнешься, да и пойдешь въ церковь...

Вообразите, когда кончилась вся эта церемонія, начатая за часъ до полуночи? Угадайте? Въ 7 ч. 20 м. сидѣлъ я въ аргиндаринѣ, похожій больше на полумертваго. Но въ комнатахъ было такъ холодно и сыро, день былъ такой чудный, мой теплый кабинетъ рисовался въ воображеніи такъ заманчиво, мой арабченокъ такъ раздражалъ мой вкусъ обѣщаніемъ чудной жареной индѣйки (виѣсто разваренныхъ куръ и голубей введомскихъ), что лихой наѣздникъ, закусивъ маленько столько же хорошихъ бульономъ, сколько и худую курицею, выдавшею весь свой сокъ бульону, въ концѣ 9-го часа путешествовалъ уже (увѣрю, со звѣздой, хоть и днемъ) изъ града Давидова въ градъ Царя Великаго. Въ 10 часовъ чистый лобъ Василья Андреича лоснился уже предо мною самымъ праздничнымъ образомъ въ моемъ кабинетѣ... Я еще не спалъ въ ожиданіи индѣйки, но уже считалъ подвигъ конченнымъ, видя передъ собою постель, не видѣнную цѣлыя сутки!.. Прибавлять ли, что вечеромъ, когда я проснулся, моя зала горѣла уже сирнризомъ В. А — ча, который заблагодарасудилъ почтить день моего рожденія иллюминаціей, составляющей здѣсь такую рѣдкость, что она привлекла въ мой манежъ, какъ я зову свою сквозную залу, порядочную толпу зрителей подъ предводительствомъ двухъ американокъ, одной англичанки и двухъ-трехъ еретиковъ новѣшаго англо-американскаго изобрѣтенія?... Нѣтъ, не буду прибавлять. И безъ того

разболтался такъ, что, пожалуй, до новаго-то года, о которомъ рѣчь, и не дотянешь.

Въ самомъ дѣлѣ, для слова объ новомъ-то годѣ, мѣста осталось немного. Его довольно, впрочемъ, будетъ для того, чтобы сказать вамъ, безцѣннѣйшій владыка, что и въ новый годъ я пламенно молился за васъ, моля Господа, чтобы, храня ваши дорогіе дни, Онъ открывалъ вамъ болѣе и болѣе возможности—послужить благу церкви и спасенію душъ. Вы работаете обѣими руками; дай Богъ работы на обѣ.

Вотъ еще остается мѣстечко и для того, чтобы сказать вамъ два-три слова и объ странникѣхъ вашихъ. Новый годъ почитается у меня отъѣздомъ отъ меня любезнѣйшихъ друзей моихъ. Одинъ вчера отправился; другой—собирается. Стращаютъ, что возвратятся; я перевожу это на русскій языкъ словомъ: нѣтъ, хотя между тѣмъ отвѣчаю, что жажду видѣть ихъ здѣсь,—имъ особенно было бы пріятно еще разъ увидѣть меня здѣсь: изъ-за того и бьются цѣлый годъ!.. Пока нельзя было здѣсь дѣла дѣлать: до дѣла ли съ друзьями!—я отъ нечего дѣлать, сталъ учиться англійскому языку. Теперь читаю довольно порядочно; понимаю многое. Въстѣ, кажется, и въ нѣмецкомъ сдѣлаю кой-какіе успѣхи. Арабамъ досадно, что не учусь ихъ языку и могу сказать на немъ только нѣсколько фразъ. Нечего дѣлать! Постой, примусь и за арабскій, если начинающіися затѣи не вызовутъ меня куда нибудь на полпути въ любовное отечество... Но объ этомъ послѣ!.... Еп. Кириллъ.

Сообщ. Е. Н. Вулганова

(Продолженіе слѣдуетъ).

РОССІЯ ВЪ ЕЯ ОТНОШЕНІЯХЪ КЪ ЕВРОПѢ

въ царствованіе императора Александра I-го

1806—1815.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ ¹⁾

Министерство иностранныхъ дѣлъ ввѣрено графу Николаю Петровичу Румянцову.—Враждебное отношеніе къ нему русскаго общества.—Пріѣздъ въ Петербургъ генерала Савари.—Встрѣча со стороны двора и общества.—Его донесенія.—Миѣніе Савари о назначеніи графа П. А. Толстаго.—Личный составъ парижскаго посольства.—Графъ Нессельроде.—Высочайшая инструкція графу Толстому отъ 14-го сентабря 1807 года.—Путешествіе и пріѣздъ графа Толстаго въ Парижъ.—Пріемъ графа Толстаго въ Фонтенебло.—Первая частная аудіенція русскаго посла.—Характеръ первыхъ донесеній графа Толстаго.—Отвѣтъ графа Румянцова.—Отношенія графа Толстаго къ графу Меттерниху.—Значеніе графа Нессельроде въ русскомъ посольствѣ.—Предложеніе графа Толстаго заключить австро-русскій союзъ.—Неудовольствіе императора Александра.—Пріѣздъ въ Петербургъ французскаго посла Коленкура.—Первая бесѣда его съ императоромъ Александромъ.—Отъѣздъ генерала Савари.

I.

Тильзитскій миръ долженъ былъ неизбѣжно вызвать перемѣну въ личномъ составѣ ближайшихъ сотрудниковъ императора Александра. Всѣ они относились враждебно къ союзу съ императорскою Франціею; между тѣмъ, государь рѣшилъ предать прошедшее совершенному забвенію ²⁾ и направить русскую политику по новому пути ³⁾.

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1838 г. т. LVII, январь, стр. 269—320; изд. 1889 г., т. LXI, январь, стр. 1—52.

²⁾ «Je suis déterminé à ensevelir le passé dans un parfait oubli». (Инструкція императора Александра графу Толстому, отъ 14-го сентабря 1807 г. — Архивъ мин.—ва иностр.—хъ дѣлъ).

³⁾ Въ рукописныхъ замѣткахъ Михайловскаго-Данилевскаго читаемъ

Прежде всего, надо было ввѣрить министерство иностранныхъ дѣлъ лицу, не относившемуся враждебно къ Франціи и Тильзитскому соглашенію. Дни управленія барона Будберга министерствомъ были сочтены; оставалось пріискать ему преемника ¹⁾. „Надобно, чтобы я уважалъ тѣхъ, съ которыми я работаю, только при этомъ условіи могу я имъ довѣрять“ ²⁾, писалъ императоръ Александръ князю Чарторижскому въ исходѣ 1806 г., когда рѣчь зашла о назначеніи новаго руководителя иностранною политикою. Слѣдуя этому убѣжденію, государь избралъ своимъ новымъ помощникомъ министра коммерціи, графа Николая Петровича Румянцова ³⁾. Другаго выбора нельзя было и сдѣлать. Дѣйствительно, по случаю болѣзни барона Будберга, временное управленіе иностранными дѣлами было поручено графу Румянцову; высочайшій указъ объ этомъ назначеніи послѣдовалъ 30-го августа 1807 года ⁴⁾.

по этому поводу слѣдующее: «Послѣ бессонныхъ ночей, проведенныхъ Александромъ въ разговорахъ съ Наполеономъ въ Тильзитѣ, онъ не могъ иначе, какъ пожимая плечами и съ снисходительною—чтобы не сказать болѣе—улыбкою, слышать ребяческія сужденія людей благородныхъ, но ограниченныхъ, каковы были Кочубей, Новосильцевъ, Чарторижскій, Строгановъ».

¹⁾ Вигель въ своихъ запискахъ, подобно другимъ современникамъ этой эпохи, крайне рѣдко отзываясь о баронѣ Будбергѣ, называя его нулитетомъ человѣкомъ безъ фисіономіи, и замѣчаетъ: «Попробовалъ бы русскій быть столь ничтожнымъ, какъ Андрей Яковлевичъ Будбергъ,—ему много-много бы удалось быть членомъ московскаго англійскаго клуба». (Рукопись записокъ Вигеля въ Императорской публичной библіотекѣ).

²⁾ Mémoires du Prince Adam Czartoryski.—Paris, 1888, 2-я часть., стр. 169.

³⁾ Для того, чтобы обрисовать въ настоящемъ свѣтѣ отношенія императора Александра къ графу Румянцову, всего лучше привести позднѣйшее письмо государя къ нему, относящееся къ 1812 г., нижеслѣдующаго содержания: „Jamais vos services ne peuvent m'être que de la plus véritable utilité, car personne ne possède plus et ma confiance et mon estime... Persuadez vous que travailler avec vous et vous conserver auprès de moi le plus long-temps que cela peut-être humainement possible est tout ce que je désire le plus». (Вильно, май 1812 г. Государственный архивъ, V разрядъ, № 209).

Императоръ Александръ дѣйствительно глубоко уважалъ гр. Румянцова за его образцовое безкорыстіе. Въ 1812 г. государь сказалъ англійскому генералу Вильсону: «Я его очень уважаю, потому что онъ почти единственный человѣкъ, который никогда въ своей жизни ничего не просилъ у меня для себя, тогда какъ другія лица, находящіеся на моей службѣ, постоянно просятъ почестей, денегъ, то для себя, то для родныхъ». ((Robert Wilson: Narrative of events during the invasion of Russia 1812, London, 1860, стр. 116).

⁴⁾ «По случаю болѣзни министра иностранныхъ дѣлъ, генерала-отъ-нифана

Такимъ образомъ, вѣдшія сношенія имперіи были, наконецъ, ввѣрены истинно русскому вельможѣ и опытному Екатерининскому дипломату, чуждому новѣйшаго духа Мальтійскаго рыцарскаго великодушія. Графъ Румянцовъ вполне сочувствовалъ новому направленію, данному русской политикѣ императоромъ Александромъ; онъ не раздѣлялъ ненависти, господствовавшей тогда среди большей части русскаго общества къ Наполеону и являлся защитникомъ цѣлесообразности союза съ Франціею. Признавая для Россіи выгоднымъ пользоваться, по мѣрѣ силъ, честолюбіемъ Наполеона, для достиженія завѣтныхъ цѣлей русской политики, графъ Румянцовъ нисколько не заботился о „началахъ европейскаго порядка и законности“, не входившихъ въ его политическую программу. Онъ имѣлъ въ виду привести въ исполненіе слова, сказанныя ему на смертномъ одрѣ отцомъ его, фельдмаршаломъ Румянцовымъ Задунайскимъ, что „два глаза Россіи суть моря Черное и Балтійское“ и что „необходимо имѣть для Россіи Молдавію и Валахію“ ¹⁾.

Еще въ 1804 г., когда въ совѣтѣ обсуждался вопросъ о предстоящемъ разрывѣ съ Франціею, только одинъ графъ Румянцовъ высказалъ самостоятельный, вполне русской, взглядъ на это дѣло ²⁾. Онъ настаивалъ на томъ, чтобы не ссориться съ Франціею безъ особенно важныхъ причинъ и высказывалъ опасенія, чтобы другія державы не увлекли бы Россію въ войну съ первымъ консуломъ; къ этому графъ Румянцовъ еще присовокупилъ, что одна лишь государственная выгода должна руководить рѣшеніемъ его величества и что въ столь важномъ дѣлѣ государь отнюдь

терія барона Будберга, уволеннаго отъ должности до излеченія оной, министру коммерціи графу Румянцову повелѣваемъ управлять министерствомъ иностранныхъ дѣлъ».

Окончательное утвержденіе въ должности графа Румянцова послѣдовало только 12-го февраля 1808 года. Относительно барона Будберга въ этомъ указѣ сказано: «По прошенію м-ра иностр-хъ дѣлъ ген.-отъ-лнф. барона Будберга, всемилостивѣйше увольняя его отъ всѣхъ дѣлъ, повелѣваемъ, въ воздаяніе долговременной и ревностной его службы, прозводить ему пенсіонъ по смерти по 10,000 р. въ годъ».

¹⁾ Рукописная записка Михайловскаго-Данилевскаго.

²⁾ Графъ Румянцовъ занималъ тогда, съ 1802 года, мѣсто министра коммерціи; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ главнымъ директоромъ водяныхъ коммуникацій и экспедиціи объ устройствѣ въ Россіи дорогъ.

не долженъ руководствоваться чувствомъ ¹⁾. Случилось какъ разъ обратное. Мнѣніе графа Румянцова не было оцѣнено по достоинству: въ угоду чуждымъ намъ интересамъ, послѣдовалъ разрывъ съ Франціею, который привелъ Россію къ неслыханному поражению.

Какъ и слѣдовало ожидать, назначеніе графа Румянцова министромъ иностранныхъ дѣлъ встрѣчено было въ Россіи съ такимъ же несочувствіемъ, какъ и Тильзитская политика императора Александра ²⁾.

Для характеристики этихъ отношеній достаточно привести здѣсь нѣкоторые выписки изъ отзывовъ современниковъ.

Самое видное мѣсто въ этомъ отношеніи занимаетъ одинъ изъ почтенныхъ дипломатическихъ ветерановъ александровской эпохи графъ Семѣнъ Романовичъ Воронцовъ. Онъ относился къ графу Румянцову крайне враждебно и питалъ къ нему глубокое презрѣніе, находя, что Румянцовъ опозорилъ занимаемое имъ мѣсто и недостоемъ имени русскаго. Въ своей обширной перепискѣ графъ Воронцовъ постарался подобрать для злоплучнаго министра самыя отборныя эпитеты: «imbécile», «stupide», «tête creuse», «ignorant», «gueux», «misérable», «méprisable», «hypocrite», «vil intrigant», «vil courtisan» и т. д. Однимъ словомъ, это цѣлый потокъ самыхъ пошлыхъ ругательствъ, изъ котораго можно, пожалуй, составить любопытный лексиконъ ³⁾. Столь же враждебно отнесся къ графу Румянцову обширный кругъ друзей и почитателей графа Семена Романовича, усердно распространявшій по Россіи клевету и злословіе на счетъ достойнаго сотрудника императора Александра.

Графъ Ѳ. В. Ростопчинъ также издѣвался надъ Румянцовымъ. Еще въ 1799 году онъ отзывался о немъ въ слѣдую-

¹⁾ Czartoryski: Mémoires (Opinion énoncée au Conseil le 5 Avril 1804), 2-я часть, стр. 16.

²⁾ Въ одной изъ слѣдующихъ главъ нашего труда мы рассмотримъ, какимъ образомъ русское общественное мнѣніе отнеслось къ Тильзитскому миру и къ союзу съ Франціею, и подъ вліяніемъ какихъ обстоятельствъ сложился среди русскихъ людей враждебный взглядъ относительно политики императора Александра Павловича.

³⁾ Нерасположеніе графа Воронцова къ Румянцову началось ранѣе 1807 года, когда графъ Николай Петровичъ былъ еще министромъ коммерціи. Графъ Воронцовъ находилъ, что онъ превосходить своимъ невѣжествомъ самаго не свѣдущаго константинопольскаго таможеннаго чиновника. Н. III.

щих лестныхъ выраженійхъ: «Безхарактерный, тщеславный, неспособный и французъ въ душѣ, онъ можетъ только быть придворнымъ бревномъ (*un pilier de soug*) и болтать вздоръ съ утра до вечера“¹⁾.

Но въ запискахъ своихъ о 1812 годѣ²⁾, написанныхъ имъ значительно позже отечественной войны, когда графъ Федоръ Васильевичъ «безъ дѣла и безъ скуки сидѣлъ поджавши руки», бывший московскій главнокомандующій вступаетъ уже въ обязанности историка и умѣряетъ обычное злорѣчіе своего пера нѣкоторою долею истины.

«Румянцовъ, пишетъ графъ Ростопчинъ, былъ человекъ свѣтскій, съ манерами вельможи. Политика его въ отношеніи Наполеона сводилась къ двумъ пунктамъ: 1) выигрывать время; 2) избѣгать войны. Публика, постоянно пребывающая покорнѣйшимъ слугою клеветы и послушнымъ эхо глупости³⁾, глядѣла на него какъ на человѣка, преданнаго Наполеону и жертвовавшего ему интересами Россіи; но для опроверженія этой клеветы достаточно вспомнить имя, которое онъ носилъ, его привязанность къ государю и гордость его души».

Н. М. Лонгиновъ, секретарь императрицы Елизаветы Алексѣевны, писалъ въ Лондонъ С. Р. Воронцову, что если графъ Румянцовъ не купленъ Франціею, «то изъ единственной въ своемъ родѣ глупости и неспособности; всегда такъ дѣйствовалъ, какъ-бы на жалованьи у Бонапарте. при всемъ томъ онъ вообразилъ и заставилъ многихъ о себѣ думать, что онъ настоящій Макиавель, хотя голова его ни мало не похожа на сего умнаго софиста въ политикѣ... вѣрилъ словамъ и обѣщаніямъ Бонапарте болѣе, чѣмъ Евангелію, о которомъ и понятія не имѣетъ, какъ и о вѣрѣ и обязанностяхъ христіанина.. Онъ измѣнникъ и врагъ отечества, за каковаго и всѣ его считаютъ»⁴⁾.

¹⁾ Архивъ князя Воронцова, книга 8-я, стр. 204. — П. И. Бартевевъ справедливо замѣтилъ: «Во имя всепрощающей исторіи да простится графу Федору Васильевичу его злорѣчіе».

²⁾ Военно-ученый архивъ № 4525(а). Въ «Русской Старинѣ» 1889 года (декабрь) помѣщенъ полный переводъ И. И. Ореуса замѣчательныхъ записокъ Рост—на:

³⁾ «Le public qui est toujours le très humble serviteur de la calomnie et l'écho docile de la bêtise».

⁴⁾ Архивъ князя Воронцова, книга 23-я, стр. 145. (Письмо отъ 13-го сен-

Наконецъ въ запискахъ Бакуниной ¹⁾ встрѣчается еще болѣе возмутительная оцѣнка графа Румянцева.

По мнѣнію Бакуниной, Румянцовъ «по своимъ способностямъ могъ-бы управлять департаментомъ иностранныхъ дѣлъ въ Сентъ-Маринской республикѣ, подлый льстецъ, въ добавокъ душою преданъ былъ всегда Наполеону, ненавидимъ и презрѣнъ всѣми до такой степени, что радовались, когда ему сдѣлался ударъ, отъ котораго ротъ и глаза покривились, жалѣли всѣ, что онъ оправился» ²⁾).

Хотя послѣдніе два отзыва, исполненные рѣзкости и пошлости, относятся къ 1812 г., но, конечно, подобные взгляды были уже въ ходу задолго до вторженія Наполеона въ Россію и являлись выраженіемъ нерасположенія русскаго общества къ дружественной Франціи политикѣ. Поэтому-то эти откровенныя признанія и обрисовываютъ вполне тѣ громадныя трудности, которыя предстояло побороть императору Александру, когда онъ отказался отъ прежнихъ союзовъ и сталъ руководствоваться въ своей политикѣ давно забытымъ государственнымъ эгоизмомъ ³⁾).

Еще съ меньшимъ сочувствіемъ отнеслись нѣмецкіе писатели къ воззрѣніямъ графа Румянцева на государственную пользу Россіи ⁴⁾).

тибря 1812 года). Это одно изъ немногихъ писемъ Лонгинова, писанныхъ на русскомъ языкѣ.

По поводу Тильзитскаго мира, названнаго «un évènement fatal», сужденія Лонгинова не менѣе оригинальны: «Tout ce qu'on peut prévoir, c'est que notre perte approche à grands pas, et que la Providence nous aveugla pour nous punir plus sévèrement». (30-го октября 1807 года).

¹⁾ Слова Бакуниной относятся къ 1812 году, когда во время пребыванія канцлера Румянцева въ Вильнѣ его тронулъ впервые параличъ, отъ котораго онъ однако скоро оправился.

²⁾ «Русская Старина» 1885 года (сентябрь), стр. 398: «Двѣнадцатый годъ. Изъ записокъ В. И. Бакуниной».

Разсказъ ея имѣетъ значеніе, какъ замѣтки современницы, заносившей въ свой дневникъ всѣ слухи, ходившіе въ то время въ обществѣ.

³⁾ Савари былъ правъ, когда онъ доносилъ своему правительству: «L'Empereur et son ministre le Comte de Romanzoff sont les seuls vrais amis de la France en Russie». 24-го ноября (6-го декабря) 1807 года. (Французскій архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ).

⁴⁾ Th. Bernhardt: Geschichte Russlands und der europäischen Politik 1814—1831.—Leipzig 1875.—2-я часть, стр. 553. Н. III.

Таъ напр. Бернгарди пишетъ, что въ сущности графъ Румянцовъ былъ только довольно пустой, знатный баринъ. Онъ почти не имѣлъ вліянія на императора, который не обращалъ на него вниманія и цѣнилъ его по достоинству. Поэтому вполне нелѣпое (*absurde*) пристрастіе Румянцова къ Наполеону и къ французскому союзу не имѣло того вреднаго вліянія, которое усматривали современники въ его дѣйствіяхъ.

Генцъ признавалъ графа Румянцова послѣднимъ отъявленнымъ покровителемъ политики безпокойной, жадной къ завоеваніямъ и къ владычеству.

Но всѣхъ порицателей Румянцова превзошелъ Пертцъ въ своей біографіи Штейна ¹⁾. Онъ называетъ его мечтателемъ, человѣкомъ безнравственнымъ и утверждаетъ, что онъ возбуждалъ къ себѣ всеобщее презрѣніе и не пользовался уваженіемъ Екатерины II, предоставлявшей ему только второстепенныя мѣста; Наполеонъ признавалъ его глупцомъ (*un sot*); что же касается императора Александра, то онъ поручилъ Румянцову министерство въ то время, когда опротивѣвшая всѣмъ тильзитская система отшатнула отъ государя всѣхъ честныхъ людей и т. д.

Штейнъ питалъ личную ненависть къ графу Румянцову еще со времени переговоровъ при Екатеринѣ II о союзѣ князей (*Fürstenbund*); поэтому неудивительно, что пристрастныя сужденія и ожесточенныя клеветы Штейна всецѣло воспроизведены Пертцомъ. Обращаясь къ этой отдаленной эпохѣ союза князей, замѣтимъ, съ своей стороны, что Румянцовъ удостоился получить тогда похвальный отзывъ со стороны Фридриха Великаго, который не могъ говорить о немъ равнодушно и писалъ: «*ce comte est un diable et un homme violent*». Столь лестная оцѣнка его дѣятельности доказываетъ, что Екатерина не ошиблась въ своемъ выборѣ, назначивъ въ 1781 г. графа Румянцова посланникомъ въ Германію ²⁾. «Она видѣла теперь собственными, а не прусскими глазами всѣ мелочи германскихъ дѣлъ. Еще менѣе она ошиблась въ патріотизмъ своего агента въ Германіи.

¹⁾ Pertz: Das Leben des Ministers Freiherrn vom Stein. — 3-я часть, стр. 60 — 63.

²⁾ Онъ былъ акредитованъ при трехъ духовныхъ курфюретахъ и при пяти имперскихъ округахъ.

Румянцовъ вполнѣ отличался тѣми свойствами ея сотрудниковъ, за которыхъ ихъ отчасти ненавидѣли, отчасти боялись. Онъ «екатеринничествовалъ», какъ говорили тогда, т. е. горячо любилъ Россію, гордился ею, дорожилъ ея славой»¹⁾. Такимъ же онъ оставался и въ александровское время. Сознывая всю выгоду союза съ Франціей, Румянцовъ тѣмъ не менѣе вовсе не раболѣпствовалъ передъ Наполеономъ и далекеъ былъ отъ неразумной уступчивости; поэтому становится вполнѣ понятнымъ, что Наполеонъ, въ порывѣ неудовольствія, могъ сказать: «канцлеръ императора Александра глупецъ», подобно тому какъ Фридрихъ Великій призналъ его когда-то „дьяволомъ и бѣшеннымъ“ за его дѣятельное вліяніе на германскія дѣла.

II.

Еще задолго до новаго назначенія графа Румянцова, въ Петербургъ прибылъ 11-го (23-го) іюля генералъ Савари. Выборъ лица, сдѣланный, на первый разъ, Наполеономъ для упроченія союза съ Россіею²⁾, оставлялъ желать многого и истолковывался врагами Франціи какъ дерзкій вызовъ. Савари, какъ лицо прикосновенное казни герцога Энгіенскаго, былъ менѣе всего способенъ примирить русское общество съ Тильзитскимъ миромъ и его послѣдствіями. Появленіе его въ столицѣ не могло быть пріятнымъ русскому двору и многимъ вліятельнымъ представителямъ его, не скрывавшимъ при этомъ случаѣ своихъ чувствъ, за исключеніемъ, конечно, императора Александра, предавшаго, какъ онъ выразился, прошедшее совершенному забвенію; государь не показавъ и вида неудовольствія, а Наполеону написалъ даже, что выборъ этого генерала ему весьма пріятенъ.

Назначеніе Савари являлось, можетъ быть, дѣйствительно безтактною корсиканскою мезтью со стороны Наполеона за испытанныя имъ прошлыя обиды, за сочувствіе русскаго двора къ бурбонамъ и участіе Россіи въ коалиціяхъ; по крайней мѣрѣ, враги его усердно старались придать этому выбору такую

¹⁾ Трачевскій: Союзъ князей.—Спб. 1877 г., глава V, стр. 71.

²⁾ См. разговоръ Наполеона съ Савари въ Кёнигсбергѣ во 2-й главѣ нашего изслѣдованія. («Русская Старина», 1889 года, январь, стр. 43). Н. III.

окраску. Съ другой стороны, могло случиться, что у Наполеона, въ данную минуту, не оказалось болѣе подходящаго лица. Но какъ бы то ни было, появленіе Савари въ русской столицѣ не могло подѣйствовать умиротворяющимъ образомъ на недавнихъ враговъ Франціи, вынужденныхъ, согласно мѣтвому замѣчанію графа Румянцова, переимѣнить вѣру въ 24 часа.

Съ перваго же шага Савари въ Петербургѣ, онъ не замедлилъ убѣдиться въ нерасположеніи къ нему русскаго общества. Его встрѣчали недружелюбно или съ преднамѣренною холодною; общее неудовольствіе сдерживалось только императоромъ. Неприятности начались съ того, что, по прибытіи въ столицу, онъ не могъ найти пристанища ни въ одной гостинницѣ, до такой степени велико было еще въ Россіи возбужденіе противъ французовъ. Наконецъ, генераль пріютился въ „Hôtel de Londres“, которымъ заправлялъ его соотечественникъ.

Въ тотъ же день Савари былъ принятъ императоромъ Александромъ въ Каменноостровскомъ дворцѣ и вручилъ ему письмо Наполеона ¹⁾.

Государь встрѣтилъ представителя своего новаго друга и союзника съ откровенною благосклонностью и изысканною предупредительностью.

---

¹⁾ Кёнигсбергъ. 1-го (13-го) іюля. «Monsieur mon frère, jaloux d'avoir auprès de V. M. quelqu'un qui puisse lui exprimer de vive voix les sentimens dont elle m'a laissé pénétré, je lui envoie mon aide de camp le général de division, Savary, jusqu'à ce que j'aie nommé un ambassadeur pour résider dans sa Cour. Je prie, V. M., de le recevoir avec cette bonté qui lui est particulière, et d'ajouter une entière confiance à ce qu'il lui dira de ma part, et surtout toutes les fois qu'il sera assez heureux pour lui renouveler, de vive voix, les assurances de la haute estime et de la sincère amitié dont je suis sorti pénétré d'auprès d'elle. Sur ce, je prie Dieu» etc. (Архивъ Млн-ва Иностранн-хъ дѣлъ).

Императоръ Александръ отвѣчалъ 23-го іюля изъ Петергофа:

«Monsieur mon frère, le général Savary m'a remis la lettre dont V. M. l'avait chargé pour moi et je m'empresse de lui en exprimer toute ma reconnaissance de même que pour l'envoi de ce général dont le choix m'a été bien agréable. Je prie V. M. de croire que les sentimens et la confiance qu'elle a eue m'inspirer sont inaltérables et que Tilsit restera constamment présent à mon souvenir; j'aime à croire que l'union entre la Russie et la France se resserera de plus en plus; tel est mon vœu le plus sincère.

Mon ambassadeur va incessamment arriver auprès de V. M. J'espère que son choix lui prouvera combien j'ai à cœur de cimenter les liens qui nous unissent. Sur ce, je prie Dieu» etc. (Архивъ М. И. Д.).

На другой же день Савари былъ приглашенъ къ высочайшему столу. Послѣ обѣда, государь повелѣ генерала въ кабинетъ и приступилъ къ первому дѣловому разговору. Положеніе Савари было довольно затруднительное. Наполеонъ прислалъ его съ одними комплиментами, онъ не имѣлъ никакихъ полномочій, свѣдѣнія же его о Тильзитскихъ соглашеніяхъ были довольно смутныя. Между тѣмъ императоръ Александръ въ первомъ же разговорѣ коснулся восточнаго вопроса. Савари слушалъ не возражая ¹⁾.

Вообще Савари находился въ довольно затруднительномъ положеніи: правительство оставляло его безъ свѣдѣній и указаній и случалось, что онъ затруднялся отвѣтомъ на предлагаемые ему вопросы. По этому поводу Савари жаловался Талейрану и просилъ, чтобы въ Парижѣ поспѣшили выборомъ настоящаго посла, снабженнаго необходимыми полномочіями ²⁾.

Изрѣдка генералъ получалъ изъ Франціи успокоительныя извѣстія, какъ на примѣръ отзывъ: «ce n'est qu'avec la Russie que la France veut avoir une alliance éternelle et contre tout ennemi». Савари не замедлилъ обрадовать государя, показавъ ему это письмо, и въ отвѣтной депешѣ замѣчаетъ, что подобныя сообщенія помогаютъ ему многое сдѣлать (à faire bien des choses).

Встрѣча со стороны русскаго общества была совершенно обратная приему, оказанному Савари императоромъ Александромъ ³⁾. Первые шесть недѣль ни одна дверь не раскрылась

¹⁾ Mémoires de Duc de Rovigo (Savary). Paris, 1828. Пять главъ 3-й части (съ X по XV) посвящены пребыванію автора въ Россіи въ 1807 году.

²⁾ Савари—Талейрану 28-го августа (9-го сентября) 1807 года. (Французскій архивъ Министерства Иностр-хъ дѣлъ).

(Ч. 3-я, стр. 150). «Я вынесъ убѣжденіе, что императоръ намѣренъ соблюдать всѣ условія заключеннаго съ нами союза; но въ то же время онъ выяснилъ мнѣ свое положеніе въ отношеніи къ туркамъ въ столь опредѣленныхъ выраженіяхъ, что я не могъ ошибаться на счетъ заключенія, которое изъ сего послѣдуетъ. По всему было видно, что императоры объяснялись между собою относительно обдуманнаго уже давно проектовъ, потому что я не могъ себѣ представить, чтобы мы отказались отъ турокъ, не заручившись согласіемъ Россіи на свободу нашихъ дѣйствій въ яномъ мѣстѣ, по нашему усмотрѣнію. Я даже имѣю вѣскія причины полагать, что уже въ Тильзитѣ заходила рѣчь объ Испаніи».

Тьерь отрицаетъ самымъ положительнымъ образомъ, чтобы въ Тильзитѣ затрогивался этотъ вопросъ.

³⁾ «Sans la bonté particulière de l'Empereur je serais moins considéré

передъ генераломъ ¹⁾ и за исключеніемъ тѣхъ дней, когда онъ обѣдалъ у государя, общественное гулянье составляло единственное развлеченіе представителя императора Наполеона.

Впрочемъ, и придворные обѣды не всегда проходили благополучно. Савари нашель въ одномъ петербургскомъ книжномъ магазинѣ свою біографію, въ которой въ числѣ разнаго вздора рассказано было, что онъ сынъ швейцара (d'un suisse de porte cochère), и вдругъ за обѣдомъ императрица Елисавета Алексѣевна спрашиваетъ генерала о мѣстѣ его родины. Онъ отвѣтилъ, что родомъ изъ Шампани.—Я думала, возразила императрица, что вы иностранецъ, мнѣ сказали, что вы швейцарецъ? — Савари отвѣтилъ: «я понимаю что в. в. желаете сказать, я все это читалъ и прошу в. в. не останавливать ваше вниманіе на подобныхъ произведеніяхъ». Разговоръ прервался ²⁾.

Все это измѣнилось только благодаря личному вмѣшательству государя. Постепенно раскрывались двери тѣхъ домовъ, передъ которыми, какъ пишетъ Савари, ему пришлось бы нѣсколькими недѣлями ранѣе открыть траншеи; вскорѣ предупредительность дошла до того, что французскій посланный былъ заваленъ приглашеніями ³⁾. Позабывъ первоначальныя огорченія, Савари сравниваетъ, даже въ своихъ запискахъ, съ медовымъ мѣсяцемъ тѣ шесть мѣсяцевъ, которые онъ провелъ въ Россіи ⁴⁾.

Тѣмъ не менѣе, незадолго до своего отъѣзда, проникательный Савари пришелъ все таки къ печальному заключенію, что въ Россіи единственные истинные друзья Франціи, это императоръ

ici qu'un envoyé de Hannover. (Савари—Шампани. 24-го ноября (6-го декабря) 1807 года. Французскій Архивъ Министерства Иностр-хъ дѣлъ).

¹⁾ „Même la belle Madame Naryschkine a refusé quatre fois Savary“. (Баронъ Николай—графу С. Р. Воронцову, 21-го сентября 1807 года. Архивъ князя Воронцова. Книга 22-я, стр. 386).

²⁾ Mémoires de Duc de Rovigo—часть 3-я, стр. 163.

³⁾ «Les extrêmes se touchent dans le monde et surtout dans le monde en Russie»,—замѣчаетъ по этому поводу Савари.]

⁴⁾ «Je n'avais que de bonnes communications à faire; je n'étais à proprement parler, que l'intermédiaire confidentiel d'un échange de courtoisie accompagnée de dons de toutes les espèces. Je n'ai point perdu le souvenir de tous ces heureux temps là, où il nous était permis de nous livrer à l'espérance, de jouir d'un bonheur acheté par beaucoup de fatigues et de dangers». Записки Савари, часть 3-я, стр. 152.

Александръ и его министръ графъ Румянцовъ. Сообщая плоды своихъ наблюденій въ Парижѣ, Савари прибавилъ: «это есть истина, о которой опасно было бы умолчать. Ради войны съ нами народъ былъ бы готовъ опять взяться за оружіе и принести новыя пожертвованія» ¹⁾).

III.

Въ предъидущей главѣ было упомянуто, что императоръ Александръ избралъ своимъ представителемъ при дворѣ Наполеона—генераль-лейтенанта графа Петра Александровича Толстаго. Онъ былъ назначенъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ.

Графъ Толстой покорился высочайшей волѣ только послѣ долгихъ колебаній и скрѣпя сердце, умоляя однако государя отозвать его изъ Парижа какъ можно скорѣе.

Императоръ Александръ сказалъ Савари, что онъ не располагаетъ, подобно Наполеону, такимъ множествомъ выдающихся государственныхъ дѣятелей и отдалъ предпочтеніе графу Толстому по той причинѣ, что онъ принадлежитъ къ семейству, лично ему преданному, онъ военный, въ состояніи ѣздить верхомъ и можетъ всюду слѣдовать за императоромъ, на охотѣ, на войнѣ, гдѣ только окажется необходимымъ ²⁾!

¹⁾ Савари—Шампань 24-го ноября (6-го декабря) 1807 года. (Французскій Архивъ М. И. Д.): «L'Empereur et son ministre le comte de Romanzoff sont les seuls vrais amis de la France en Russie. C'est une vérité qu'il serait dangereux de taire. La nation serait toute prête de reprendre les armes et à faire de nouveaux sacrifices pour une guerre contre nous».

Вѣроятно по прочтеніи этой депеши Наполеонъ сказалъ 30-го декабря (11-го января) графу Толстому: Vous me parlez toujours de l'Empereur Alexandre, certainement je suis assuré de lui et de ses sentiments pour moi, mais je ne suis pas sur de l'avenir, ni garanti contre les dangers auxquels il peut être exposé. Ce n'est pas les vrais Russes que je crains, mais les Russes Anglais». (Архивъ М. И. Д.).

²⁾ Государь еще прибавилъ: «Графъ Морковъ былъ умный человекъ и тѣмъ не менѣе онъ все запуталъ».

Въ инструкціи, данной императоромъ Александромъ графу Толстому, сказано: „J'ai d'autant moins hésité de fixer mon choix sur vous, que connaissant votre loyauté, votre zèle pour le bien de la patrie et votre attachement à ma personne, je ne doute nullement que vous vous acquitterez à mon entière satisfaction de la tâche qui va vous être imposée“. (Архивъ М. И. Д.). Н. III.

Лично Савари отнесся, повидимому, къ назначенію графа Толстаго весьма сочувственно и писалъ Талейрану 11-го (23-го) августа: «Вы будете довольны новымъ посломъ, онъ отличается благороднымъ и открытымъ характеромъ. Намѣренія его честны и не онъ будетъ служить препятствіемъ для установленія самой тѣсной связи его отечества съ Франціею (??). Я познакомился съ нимъ у императора; онъ сильно опасается не понравиться въ С.-Клу и страшится посольства во Францію, хотя онъ настоящимъ назначеніемъ весьма польщенъ»¹⁾.

Послѣдующія событія доказали, что императоръ Александръ, равно какъ и Савари, ошиблись въ оцѣнѣ достоинствъ графа Толстаго; пребываніе же его въ Парижѣ послужило не къ упроченію Тильзитскаго союза, а, напротивъ того, къ возбужденію взаимныхъ недоразумѣній.

Графъ Толстой пользовался любовью и уваженіемъ среди русскаго общества. Но согласившись ѣхать въ Парижъ, онъ сдѣлался виновнымъ во мнѣніи публики. Плохая эпиграмма, на французскомъ языкѣ, ходившая по городу, служила выраженіемъ этого мнѣнія.

Nous imitons le Grand: on le savait d'avance
Caius fit son cheval consul de Rome
Et nous faisons tout comme
Envoyant un âne ambassadeur en France²⁾.

Передъ выходомъ изъ министерства баронъ Будбергъ успѣлъ еще организовать парижское посольство.

Графъ Нессельроде былъ назначенъ совѣтникомъ посольства; онъ, подобно графу Толстому, не сочувствовалъ ни Франціи, ни Наполеону и намѣревался отказаться отъ предоставленнаго ему отличія, но нѣсколько милостивыхъ словъ государя убѣдили его ѣхать въ Парижъ, «не въ законному королю», пишетъ графъ Нессельроде въ своихъ Запискахъ, «а къ самозванцу суждено мнѣ было отправиться»³⁾.

¹⁾ Французскій Архивъ М. И. Д.

²⁾ Записки Вигеля (рукопись Императорской Публичной Библиотеки).

³⁾ Notice biographique sur le comte Nesselrode écrit en partie de sa main, en partie sous sa dictée par madame Kalergi. (Государственный Архивъ, XI разрядъ, № 1151). Русскій переводъ этихъ Записокъ, но далеко не полный

Кромѣ того, въ составъ парижской миссіи вошли секретарями: князь Гагаринъ, баронъ Криднеръ и Бутягинъ. Сверхъ штата при посольствѣ находились еще: графъ Ожаровскій и Гурьевъ.

На путевыя издержки и на первоначальные расходы графу Толстому назначено 15,000 руб. Ежегодное содержаніе определено въ 30,000 руб. (avec bonification du cours de change). Кромѣ того послу данъ былъ кредитивъ въ 20,000 р. для экстраординарныхъ расходовъ ¹⁾, который предполагалось возобновить по мѣрѣ расходованія денегъ ²⁾.

15-го сентября графъ Толстой получилъ высочайше утвержденную инструкцію и 17-го числа новый посолъ выѣхалъ изъ Петербурга.

Передъ отъѣздомъ императоръ Александръ прислалъ ему собственноручное письмо Наполеону ³⁾, при слѣдующихъ милостивыхъ строкахъ:

„Посылаю вамъ, любезный другъ, письмо императору Наполеону, и я пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы пожелать вамъ

и не точный, былъ помѣщенъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1865 года. Нѣмецкій переводъ Заиссокъ, сдѣланный не съ французскаго подлинника, но съ русскаго перевода, появился въ Берлинѣ въ 1866 году. („Des russischen Reichskanzlers Grafen Nesselrode Selbstbiographie“).

¹⁾ По поводу этого кредитива въ высочайшей инструкціи графу Толстому сказано:

„Je désire que vous soyez parfaitement à votre aise et que vous puissiez déployer tout l'éclat qui convient à mon représentant près d'une cour où le luxe et la pompe sont au plus haut degré“.

Коленкуръ былъ роскошно обставленъ Наполеономъ; онъ получилъ 800,000 франковъ содержанія.

²⁾ Содержаніе чиновъ посольства было очень скромное. Графу Нессельроде назначено 2.500 руб., а секретари получили отъ 1.000 до 1.800 рублей.

³⁾ Письмо императора Александра — Наполеону.

С.-Петербургъ, 15-го сентября 1807 г.

„Monsieur mon frère, c'est mon ambassadeur le général comte de Tolstoy qui aura l'honneur de remettre cette lettre à V. M. Je le recommande à sa bienveillance; il n'est pas diplomate, mais un brave et loyal militaire. V. M. voudra bien ajouter foi à tout ce qu'il lui dira de ma part. Il est en outre expressément chargé par moi de lui réitérer l'expression du sincère attachement et de la haute estime que j'ai voué à V. M.; il ne saurait le lui répéter assez. Sur ce, je prie Dieu qu'il veuille tenir V. M. en sa sainte et digne garde.

De V. M. I. Le bon frère Alexandre“.

(Архивъ Мин—ва Иностр—хъ Дѣлъ).

Н. Ш.

отъ всего сердца счастливаго пути и всякаго успѣха въ вашемъ порученіи. Скажите себѣ, что я смотрю на него, какъ на новую услугу, которую вы мнѣ оказываете, и что невозможно быть болѣе искренно привязаннымъ къ вамъ, чѣмъ я“¹⁾).

Разсмотримъ теперь въ главныхъ чертахъ содержаніе инструкціи, данной императоромъ Александромъ графу Толстому, передъ отъѣздомъ въ Парижъ²⁾).

Инструкція состоитъ изъ двухъ частей:

Первая заключаетъ въ себѣ краткій историческій очеркъ событій, которыя привели къ Тильзитскому миру. Во второй части государь высказываетъ свои виды и намѣренія, равно какъ и намѣченныя имъ рѣшенія, въ виду новаго положенія дѣлъ, созданнаго тильзитскими соглашениями.

Историческую часть инструкціи мы оставимъ въ сторонѣ³⁾. Перейдемъ затѣмъ прямо къ заключительнымъ словамъ ея:

„Вы найдете, пишетъ императоръ Александръ, что, руководствуясь неизмѣнно одними и тѣми же началами справедливости, безкорыстія и непреложною заботливостію о сохраненіи моихъ союзниковъ, я ничѣмъ не пренебрегъ, по мѣрѣ силъ моихъ, для поддержанія и защиты ихъ. Независимо отъ дипломатическихъ сношеній, сдѣланныхъ съ этою цѣлью, по моему приказанію, я два раза вступалъ въ борьбу съ Франціею и, конечно, не

¹⁾ „Je vous envoie, mon cher ami, la lettre à l'Empereur Napoléon, et je saisis cette occasion pour vous souhaiter de tout mon coeur un bon voyage et tout succès dans votre commission. Dites vous que je l'envisage comme un nouveau service que vous me rendez et qu'il est impossible de vous être plus sincèrement attaché que je suis“.

(В. У. А. № 429).

²⁾ Инструкція подписана императоромъ Александромъ и контрастирована графомъ Румянцовымъ. Она помѣчена 14-мъ сентябремъ 1807 года, Каменный Островъ, и написана на французскомъ языкѣ.

15-го сентября графъ Румянцовъ сообщилъ послу еще дополнительную инструкцію относительно отношеній, которыя онъ долженъ установить съ представителями иностранныхъ державъ въ Парижѣ.

³⁾ Въ этомъ историческомъ обзорѣнн заслуживаетъ вниманія искусство, съ которымъ обойденъ Аустерлицкій погромъ, имѣвшій рѣшающее значеніе на печальный исходъ третьей коалиціи. Читая инструкцію, можно придти къ заключенію, что Аустерлицкое сраженіе вовсе не имѣло мѣста. („Après une série de revers qui n'était interrompu de temps à autre que par les actions héroïques de mes troupes, l'Empereur Français se vit forcé de souscrire aux conditions que l'ennemi jugea à propos de lui imposer“ и т. д.). Н. III.

будутъ меня упрекать ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ въ преслѣдованіи какихъ либо личныхъ выгодъ. Усматривая постепенное разрушеніе началъ, на которыхъ уже столько вѣковъ основывалось спокойствіе и благоденствіе Европы, я чувствовалъ, что долгъ и достоинство Россійскаго государя обязываютъ не оставаться празднымъ зрителемъ этого окончательнаго разрушенія. Я сдѣлалъ все, что было въ силахъ человѣческихъ. Но въ томъ положеніи, до котораго ошибками другихъ доведены были дѣла,—когда мнѣ одному пришлось бороться со всѣми силами Франціи, поддержанными огромными средствами, доставленными ей Германією, Италією, Голландією и даже Испанією; когда я былъ совершенно покинутъ союзниками, на которыхъ я имѣлъ поводъ всего болѣе разсчитывать; наконецъ, когда увидѣлъ, что границы моей имперіи подвергаются опасности, отъ сдѣленія ошибокъ и обстоятельствъ, которыхъ мнѣ невозможно было тотчасъ отвратить,—я разсудилъ, что имѣю полное право воспользоваться предложеніями, неоднократно сдѣланными мнѣ въ продолженіе всей войны императоромъ французовъ. Тогда и я, въ свою очередь, предложилъ перемиріе, за которымъ, въ скоромъ времени, послѣдовалъ окончательный миръ между Россією и Францією, подписанный 25-го іюня (7-го іюля) въ Тильзитѣ и ратификованный обѣими сторонами, по прошествіи трехъ дней. Вы найдете этотъ документъ, равно какъ и принадлежащія къ нему секретныя статьи, въ числѣ бумагъ, которыя я поручилъ графу Румянцову передать вамъ, совмѣстно съ этою инструкцією“.

„Какія бы то ни были причины этого долгаго разрыва между Россією и Францією и какое положеніе дѣлъ отсюда бы ни простекло, я рѣшился предать прошедшее совершенному забвенію и въ точности выполнить принятая на себя обязательства; при этомъ мнѣ пріятно думать, что императоръ французовъ пребываетъ, съ своей стороны, въ такомъ же настроеніи, въ чемъ онъ самъ меня увѣрялъ самымъ положительнымъ образомъ. Я желаю поддерживать съ непрерывнымъ вниманіемъ связи, установившіяся теперь между обѣими имперіями, даже стараться объ упроченіи ихъ при каждомъ случаѣ, гдѣ дѣло коснется нашихъ обоюдныхъ выгодъ, и по возможности избѣгать всякаго повода къ неприятымъ пререканіямъ, которыя могли бы нарушить доброе согласіе, столь счастливымъ образомъ между нами возстановленное. Вотъ,

по моему мнѣнію, самыя лучшія средства, чтобы обоюднo достигнуть цѣли и извлечь пользу изъ возстановленія сношеній Россіи съ Франціею. Вотъ также общія правила, которыми вы должны руководствоваться въ вашихъ общественныхъ сношеніяхъ. Если я не крупно ошибаюсь на счетъ того, какъ цѣнить императоръ Наполеонъ мою дружбу, я имѣю полное право думать, что вы найдете этого государя одушевленнымъ одинаковымъ со мною желаніемъ болѣе и болѣе скрѣплять дружескія отношенія, которыя насъ соединяютъ“.

Затѣмъ инструкція переходитъ къ частному разбору тѣхъ статей Тильзитскаго договора, которыя не могли еще быть приведены въ исполненіе.

Прежде всего императоръ Александръ обращается, конечно, къ статьямъ договора, относящимся до Пруссіи, и высказываетъ желаніе, чтобы французское правительство ускорило эвакуацію прусскихъ владѣній, поручая послу поддерживать, по возможности, интересы короля, причемъ сдѣлана однако весьма важная оговорка, слѣдовать которой, какъ мы увидимъ ниже, графъ Толстой вовсе не считалъ нужнымъ, а именно императоръ Александръ прибавилъ: „sans en venir à des explications qui nous ecarteraient du but principal que nous devons avoir en vue“ ¹⁾).

Но затѣмъ, послѣ столь разумной оговорки эта часть инструкція принимаетъ окончательно пруссофильскій характеръ и сообщаетъ указанія, которыя опасно было давать графу Толстому, безъ того уже склонному слишкомъ принимать въ сердце интересы безземельнаго короля, въ ущербъ прямой цѣли порученнаго ему посольства. Императоръ Александръ пишетъ: „Je ne saurais assez vous recommander tout ce qui est relatif à cet objet et je me plais à vous assurer d'avance que je reconnaitrai avec un sensible plaisir tout ce que... vous pourrez obtenir en faveur du Roi“ ²⁾).

¹⁾ Т. е. «не прибѣгая къ объясненіямъ, которыя могли бы отклонить насъ отъ главной цѣли, которую намъ слѣдуетъ имѣть въ виду». Подъ этимъ подразумѣвается упроченіе дружбы съ Франціею и отстраненіе неприятныхъ пререваній, о чемъ выше упомянуто въ инструкціи.

²⁾ Т. е. «Я не могу достаточно обратить ваше вниманіе на все то, что относится къ этому предмету, и мнѣ пріятно заранѣе увѣрить васъ, что я приму

Относительно Англии, инструкція сообщаетъ послу свѣдѣнія о ходѣ переговоровъ съ этою державою и объ отказѣ С. Джемскаго кабинета принять посредничество Россіи для примиренія Франціи съ Великобританіею, если ему не будутъ представлены секретныя статьи Тильзитскаго договора. Императоръ Александръ конечно отказался исполнить это странное требованіе. Въ случаѣ же если Англія приступила бы въ Парижѣ къ непосредственнымъ переговорамъ съ Франціею, графу Толстому предписывалось оказать съ своей стороны полное содѣйствіе къ примиренію враждующихъ сторонъ. Что же касается до бомбардированія Копенгагена, то въ инструкціи говорится слѣдующее: «Я поручилъ графу Румянцову сообщить вамъ о томъ неслыханномъ насиліи, которое позволила себѣ Англія относительно Даніи, и вы усмотрите изъ копии ноты, переданной лорду Говеру, что я не намѣренъ оставаться спозойнымъ зрителемъ происшествія столь противнаго моимъ интересамъ, равно какъ и Франціи».

Перейдемъ теперь къ самой существенной части инструкціи, имѣющей предметомъ Восточный вопросъ.

«Отъ живой проницательности (*vive pénétration*) императора Наполеона не ускользнетъ, пишетъ императоръ Александръ, что въ настоящее время какъ нельзя болѣе отвѣчало бы его собственнымъ выгодамъ, если я поскорѣе освобожденъ буду отъ войны, отвлекающей у меня противъ Турціи столь значительную часть моихъ силъ, которыми я могу располагать. Постарайтесь обратить его вниманіе на это обстоятельство; вы можете извлечь отсюда громадную выгоду для пользы моей службы; во всѣхъ разговорахъ, которые вамъ придется имѣть съ этимъ государемъ, вы можете даже сказать ему, что самымъ лучшимъ средствомъ для прекращенія этой войны было бы, если бы при его посредствѣ, въ соединеніи со страхомъ, которое вселяетъ туркамъ мое оружіе, я получилъ бы Валахію и Молдавію, чтобы, однимъ словомъ, границы моей имперіи были бы отодвинуты съ этой стороны до

съ особенною признательностію все то, что вамъ удастся выговорить въ пользу короля».

Упомянувъ о неисполненной еще конвенціи, заключенной между Бертье и Калькрейтомъ, инструкція говоритъ: «*Vous ne saurez assez répéter que j'attache à ce point la plus haute importance*».

Н. III.

Дуная. Сколько бы мелочныхъ вопросовъ и споровъ, которые неизбежно затягивали бы переговоры и могутъ привести къ возобновленію войны, пали бы сами собою, благодаря одному этому рѣшенію. Вы можете почаще напоминать ему, что если бы заключеніе мира освободило мнѣ эту часть моихъ силъ, я тотчасъ же могъ бы дать этой арміи направленіе болѣе сообразное для интересовъ императора Наполеона; я размѣстилъ бы ихъ такимъ образомъ, чтобы отвлечь силы австрійскаго дома и парализовать присущее, можетъ быть, ему желаніе примкнуть къ Англіи. Я не ожидаю встрѣтить большаго противодѣйствія своимъ видамъ, такъ какъ они клонятся къ выгодѣ самого же императора французовъ и въ достаточной мѣрѣ соотвѣтствуютъ его собственнымъ видамъ относительно Оттоманской имперіи“¹⁾).

„Вы постарайтесь также объяснить ему, что это приобрѣтеніе будетъ, конечно, способствовать осуществленію его замысловъ (*ce qu'il médite*) и что, добившись его, я буду имѣть болѣе возможности помогать ему; въ разговорахъ съ нимъ вы можете выражать также, лично отъ себя, желаніе, чтобы русскіе мои подданные получили бы немедленно наглядное доказательство той пользы, которую прибрѣла моя имперія отъ измѣненія мною прежней политической системы и предпочтенія Франціи взаимнѣ Англіи. Не упустите заявить также, что я вполнѣ считаю себя въ правѣ сохранить за собою границу отъ Кубани до Ріона, равно какъ и перечисленные ниже крѣпости».

„Если же, сверхъ всякаго ожиданія, вы встрѣтите рѣшительное противодѣйствіе, которое останется неизмѣннымъ, вы выскажете, что справедливость требуетъ, по крайней мѣрѣ, чтобы война, которую я постарался съ такимъ тщаніемъ избѣгнуть, получила бы соотвѣтствующее вознагражденіе; а для того, чтобы вы были въ состояніи возражать съ знаніемъ дѣла на всѣ доводы, которые могутъ быть вамъ противопоставлены, я долженъ сказать вамъ, что послѣдняя война съ турками была вызвана

¹⁾ Дополнимъ намеки, встрѣчающіеся здѣсь въ инструкціи, словами, сказанными императоромъ Александромъ генералу Савари: «*Je ne pensais pas aux provinces du Danube; c'est votre empereur qui, en recevant la nouvelle de la chute de Sélim, s'est écrié à Tilsit: on ne peut rien faire avec ces barbares! la Providence me dégage envers eux; arrangeons nous à leurs dépens!*»

исключительно послѣдовательнымъ нарушеніемъ Портою самыхъ торжественныхъ обязательствъ, принятыхъ ею на себя въ отношеніи къ Россіи. Я не буду разсматривать здѣсь, насколько французское правительство могло быть причастно подобному образу дѣйствій Порты; тогда мы были врагами, теперь—нѣтъ. Однимъ словомъ, быть можетъ, слишкомъ уже долгое время я считалъ своимъ долгомъ противопоставлять умѣренность и самое полное безкорыстіе—цѣлому ряду вызововъ. Но когда, наконецъ, опасность возросла до такой степени, что являлась крайняя необходимость предупредить враждебные замыслы Порты, въ то самое время, какъ главный врагъ приближался къ границамъ имперіи, мнѣ не позволено было долѣе колебаться и мои войска получили приказаніе перейти Днѣстръ“.

„Хотя эта мѣра не имѣла другой цѣли, кромѣ понужденія турокъ къ точному выполненію смысла договоровъ, Турція, тѣмъ не менѣе, взглянула на нее, какъ на первый шагъ въ враждебнымъ дѣйствіямъ, и она объявила мнѣ войну“.

На основаніи всего вышеизложеннаго, императоръ Александръ находилъ справедливымъ требовать вознагражденія за военные издержки, замѣняя ихъ нижеслѣдующими територіальными уступками:

- 1) Бессарабіи съ крѣпостями Бендеры, Аккерманъ, Кишин и Измаила.
- 2) Крѣпости Хотина.
- 3) Границы отъ устьевъ Кубани до Ріона, съ крѣпостями: Анапа, Суджукъ-Кале, Сухумъ-Кале, Анавлиа и Поті.

Эти предложенія графъ Толстой долженъ былъ высказать отъ себя, убѣдившись исподволь, что Франція согласится на нихъ безъ большихъ затрудненій.

Затѣмъ императоръ Александръ переходилъ въ инструкціи въ другимъ условіямъ, которыя онъ также желалъ включить въ будущіе переговоры между Россією и Оттоманскою Портою. Они заключались въ слѣдующихъ трехъ пунктахъ:

- 1) Возстановленіе и признаніе прежнихъ договоровъ Россіи съ Турцією.
- 2) Подтвержденіе прежнихъ преимуществъ для Молдавіи и Валахіи, въ случаѣ, если онѣ не будутъ уступлены Россіи.

3) Возведение Сербии в княжество, на подобие Молдавии и Валахии.

По поводу продолжения пребывания русских войск в Молдавии и Валахии, инструкция говорит, что хотя в 22-й статье Тильзитского договора есть точное указание относительно выступления русских войск из княжеств, но, присовокупляет императоръ Александръ: „они должны тамъ остаться впредь до приказанія. Это измѣненіе есть результатъ словеснаго соглашенія между мною и императоромъ Наполеономъ (*cette modification est le résultat d'arrangements verbaux entre moi et l'Empereur Napoléon*), который мнѣ сообщил, что онъ не только не будетъ настаивать на эвакуаціи этихъ двухъ областей, но что онъ постарается даже затянуть переговоры, о которыхъ упомянуто въ статьѣ 23-й, чтобы продлить время пребыванія моихъ войскъ въ этихъ краяхъ“.

Въ заключеніе наставленій, данныхъ графу Толстому, встрѣчается еще слѣдующее замѣчаніе:

„Когда въ разговорахъ вашихъ съ французскими министрами или съ императоромъ Наполеономъ рѣчь коснется соображеній для будущаго (*combinaisons pour l'avenir*) и системы, которой я намѣренъ слѣдовать въ извѣстномъ случаѣ, или всякаго другаго предмета, дайте чувствовать въ выраженіяхъ, которыя признаете всего болѣе приличными, что я, свято соблюдая заключенныя мною обязательства, ничего лучшаго не желаю, какъ обоюднаго соблюденія постановленій Тильзитскаго договора“.

Разсматривая инструкцію, данную графу Толстому, и вникая въ бесѣды императора Александра съ Савари и Коленкурромъ, (на которыхъ мы еще не разъ остановимъ вниманіе читателей), легко замѣтить, что словесныя соглашенія, послѣдовавшія въ Тильзитѣ, находились въ нѣкоторомъ противорѣчій съ писаннымъ здѣсь договоромъ; случалось даже, что живое слово тильзитскихъ бесѣдъ совершенно расходилось съ мертвой буквой трактата. Можно сказать, что ихъ нерѣдко раздѣляла цѣлая пропасть, которая восполнялась только воображеніемъ императора Александра. Вслѣдствіе этого, когда въ послѣдующихъ переговорахъ стали придерживаться одного писаннаго договора, въ тому-же весьма скороспѣлаго издѣлія, легко было придти

къ результатамъ, вовсе не соотвѣтствовавшимъ ожиданіямъ императора Александра.

По неопытности и склонности къ минутному увлеченію и идеализаціи, императоръ Александръ не позаботился о своевременномъ формулированіи и внесеніи въ секретныя статьи договора всѣхъ тѣхъ обѣщаній и предположеній, которыя въ 1807 г. Наполеонъ расточалъ щедрою рукою передъ своимъ удивленнымъ слушателемъ. Послѣдствія этого упущенія не замедлили обнаружиться.

Для полнаго выясненія намѣченныхъ здѣсь мыслей, было бы необходимо имѣть въ рукахъ изложеніе тильзитскихъ бесѣдъ Наполеона съ Александромъ. Но подобный документъ, кажется, не существуетъ; по крайней мѣрѣ, разслѣдованія по этому вопросу не привели къ желаемой цѣли и, вѣроятно, историческая критика никогда не проникнетъ за этотъ таинственный рубежъ. Все, что до сихъ поръ можно сдѣлать въ этомъ отношеніи, сводится къ неполной реставраціи; приходится довольствоваться, хотя и весьма цѣнными обломками, но въ полномъ объемѣ нельзя воспроизвести столь важный, по своимъ послѣдствіямъ, историческій моментъ.

Итакъ, императоръ Александръ ошибся, полагая, что можно рѣшать на словахъ столь важные вопросы, которые въ своемъ конечномъ результатѣ приводили, такъ сказать, къ міровому раздѣлу ¹⁾! Когда же Наполеонъ возвратился въ Парижъ, то онъ одумался ²⁾, и началъ въ переговорахъ съ Россіею руководствоваться статьями тильзитскаго трактата или же предлагать замѣну ихъ новыми комбинаціями, которыя не соотвѣтствовали заботливости, съ которою императоръ Александръ стоялъ на стражѣ прусскихъ интересовъ. Наполеонъ, одумавшись, дѣйстви-

---

¹⁾ Событія новѣйшей исторіи представляютъ, впрочемъ, не менѣе наглядательные примѣры вреда, приносимаго словесными соглашеніями; въ подобный грѣхъ впадали не рѣдъ и болѣе опытные дѣльцы, чѣмъ императоръ Александръ въ 1807 году. Стоитъ припомнить бесѣды Бисмарка съ Наполеономъ III въ 1866 г. и ихъ послѣдствія,—эпизодъ, который уже достаточно разработанъ новѣйшею историческою литературою. Да этотъ примѣръ не единственный ..... но не для всѣхъ настала пора исторической давности.

²⁾ «Il avait réfléchi froidement depuis Tilsit», справедливо замѣчаетъ Тьеръ.

тельно пришелъ къ заключенію, что онъ причинилъ слишкомъ много вреда Пруссіи, чтобы она могла это позабыть, и потому онъ считалъ необходимымъ обезпечить себѣ будущее спокойствіе предъявленіемъ новыхъ требованій своему не окончательно сраженному врагу. Между тѣмъ, императоръ Александръ, въ минуты разочарованія и неудовольствія, продолжалъ неоднократно ссылаться на словесныя соглашенія и напоминалъ Наполеону о тильзитскихъ бесѣдахъ. Но какъ послѣдній смотрѣлъ на эти напоминанія—доказываютъ слова, сказанныя имъ графу Толстому въ исходѣ 1807 года: „Прекрасныя фразы, заключающіяся въ послѣдней полученной вами депешѣ, суть тѣ самыя, которыя я высказалъ въ Тильзитѣ и которыя мнѣ теперь посылаютъ обратно. Теперь дѣло не въ томъ, чтобы обманывать другъ друга. Намъ слѣдуетъ установить прочный и твердый миръ и я долженъ вамъ признаться, что я продолжаю еще опасаться Пруссіи: я причинилъ ей слишкомъ много зла, чтобы я могъ надѣяться, что она забудетъ его, и мнѣ не представляется возможнымъ даровать ей средства для созданія вновь арміи“¹⁾).

Конечно, существовалъ одинъ радикальный способъ поправить дѣло. Для достиженія этой цѣли, императору Александру, ради упроченія выгодъ, притекавшихъ изъ союза съ Франціею, предстояло окончательно пожертвовать бывшимъ союзникомъ и предать вѣчному забвенію клятву, произнесенную нѣкогда на гробѣ Фридриха Великаго. Однако, для этой жертвы у Александра не доставало рѣшимости; хотя съ его стороны прошедшее и было предано совершенному забвенію, но, къ сожалѣнію, за исключеніемъ одной прусской дружбы.

Возвращаясь снова къ инструкціи, замѣтимъ здѣсь въ заключеніе, что какими бы недостатками она ни отличалась (напр. преувеличенною заботливостью о прусскихъ интересахъ и частыми недомолвками и противорѣчіями), но тѣмъ не менѣе,

¹⁾ „Toutes les belles phrases, que contient la dernière dépêche que vous avez reçue sont les mêmes, que j'ai débités à Tilsit et que l'on me renvoie à présent. Il ne s'agit pas de se tromper. Il faut que nous fassions une paix stable et solide et je dois vous avouer, que je crains encore la Prusse; je lui ai fait beaucoup trop de mal, pour espérer qu'elle puisse l'oublier, je ne saurais lui accorder les moyens de se rendre une armée“.

Графъ Толстой графу Румянцову 30-го декабря 1807 года (11-го января 1808 г. (Арх. м. н. д.)

въ рукахъ искуснаго дипломата, сочувствующаго основной мысли ея, выраженной императоромъ Александромъ съ достаточною ясностью, разумное исполненіе ея могло бы принести Россіи не малую пользу. Случилось какъ разъ обратное! Исполнитель инструкціи не пожелалъ усвоить себѣ основной духъ этого наставленія и, перетолковывая содержаніе его въ одностороннемъ смыслѣ, началъ проводить въ Парижѣ собственную политику ¹⁾, усердно подготавливая почву для будущихъ недоразумѣній съ Франціею.

Панегеристы графа Толстаго прославили его за то, что онъ не раздѣлялъ ложныхъ надеждъ, которыми тогда охотно предавались руководители русской политики, и что онъ съ замѣчательною проницательностью предвидѣлъ въ 1807 году грозу 1812 года!! Все это писалось однако безъ всякаго знакомства съ истиннымъ ходомъ дѣла, во всемъ его объемѣ. Подробности этого историческаго посольства остались у насъ до сихъ поръ совершенно неизвѣстными, а голословныя сужденія, по извѣстному шаблону, усердно повторялись однимъ историкомъ за другимъ ²⁾.

Обратимся теперь къ самымъ донесеніямъ графа Толстаго и тогда пагубное значеніе этого историческаго посольства вполнѣ выяснится читателямъ.

IV.

Выѣхавъ въ мѣсту своего новаго назначенія, графъ Толстой не упустилъ случая представиться прѣздомъ безземельному королю въ Мемелѣ; онъ пробылъ здѣсь одинъ день. Судя по позднѣйшему письму Фридриха Вильгельма графу Толстому, посоль, при прощаніи съ королевскою семьею, выказалъ отличное въ Пруссіи расположеніе (*des excellentes dispositions*), которое онъ вскорѣ подтвердилъ блистательнымъ образомъ въ Парижѣ.

¹⁾ Она заключалась въ систематическомъ недовѣрїи къ Наполеону, въ неумѣренномъ заступничествѣ за Пруссію и въ подготовленіи австро-русскаго союза.

²⁾ Укажемъ здѣсь на двухъ: М. И. Богдановича (Исторія царствованія императора Александра I-го) и С. М. Соловьева (Императоръ Александръ Первый—политика и дипломатія). Впослѣдствіи мы подробнѣе остановимся на разборѣ ихъ отзывовъ.

Загѣмъ графъ Толстой заѣхалъ еще въ Веймаръ, къ великой княгинѣ Маріи Павловнѣ, и въ Карлсруэ, къ маркграфинѣ Баденской, матери императрицы Елисаветы Алексѣевны.

Графъ Толстой, согласно донесеніямъ своимъ, путешествовалъ съ возможною скоростью, насколько это позволяло дурное состояніе дорогъ въ глухую осеннюю пору.

По приказанію Наполеона, кавалерійскіе конвои сопровождали посла при проѣздѣ черезъ прусскія области, занятія еще французскими войсками. Что же касается до французскихъ генераловъ, то они обазывали графу Толстому: «les procédés les plus honnêtes» ¹⁾.

20-го октября (1-го ноября) вечеромъ, графъ Толстой прибылъ, наконецъ, въ Парижъ и остановился въ гостинницѣ. На другой день онъ не замедлил извѣстить о своемъ приѣздѣ министра внѣшнихъ сношеній, который находился въ Фонтенебло, гдѣ пребывалъ въ это время императорскій дворъ.

Вскорѣ послѣ заключенія Тильзитскаго мира, Наполеонъ разошелся съ Талейраномъ и ко времени приѣзда графа Толстаго министромъ внѣшнихъ сношеній былъ уже Шампаньи, занимавшій до того мѣсто министра внутреннихъ дѣлъ.

О немъ графъ Нессельроде отзывается въ своихъ запискахъ слѣдующимъ образомъ ²⁾.

„Шампаньи былъ слѣпой исполнительъ велѣній своего владыки, къ тому же формъ совершенно иныхъ, чѣмъ его предшественникъ, и довольно угрюмый въ сношеніяхъ съ дипломатическимъ корпусомъ. Когда Талейрану изъявляли сожалѣніе объ удаленіи его отъ дѣлъ, онъ бывало отвѣчалъ: „вы не правы, господа: въ сущности все остается по старому; вся разница между Шампаньи и мною въ томъ, что если императоръ прикажетъ ему снять съ кого-либо голову, такъ онъ сдѣлаетъ это черезъ часъ, а я употреблялъ мѣсяць на исполненіе его приказанія“ ³⁾.

¹⁾ Графъ Толстой—графу Румянцову 14-го (26-го) октября изъ Франкфурта на Майнѣ. (Архивъ М. И. Д.).

²⁾ Notice biographique sur le Comte Nesselrode. (Государственный Архивъ, № 1151).

³⁾ «Vous avez tort, Messieurs, pour le fond c'est toujours la même chose—la seule différence qu'il y ait entre Champagny et moi est que si l'Empereur

Только по прибытіи въ Парижъ, графъ Толстой узналъ, наконецъ, на комъ окончательно остановился выборъ Наполеона для занятія мѣста посла при русскомъ дворѣ. Сначала Наполеонъ избралъ для этой цѣли Лафорэ (Laforest), о чемъ до графа Толстаго дошли еще слухи дорогою. Лафорэ уже готовился въ отъѣздъ и, въ виду своего переселенія въ Петербургъ, успѣлъ израсходовать до 180.000 франковъ, какъ 21-го октября (2-го ноября), неожиданно для него и для всѣхъ послѣдовала внезапная перемена: посломъ въ Петербургъ назначенъ Коленкуръ, герцогъ Виченцкій, оберъ-шталмейстеръ императора (*grand écuyer*) ¹⁾. Графъ Толстой очень скорбѣлъ объ этой переменѣ; причину легко отгадать: Коленкуръ, какъ лице прикосновенное къ дѣлу герцога Энгіенскаго, не могъ быть ему угоденъ ²⁾. Но теперь ничего не оставалось дѣлать какъ помириться съ совершившимся фактомъ.

Конечно, лично графъ Толстой былъ-бы готовъ принять на себя хлопоты за назначеніе Лафорэ, но онъ только признавалъ подобное вмѣшательство несвоевременнымъ. Не зная намѣреній императора Александра, графъ Толстой приписалъ отстраненіе Лафорэ исключительно вмѣшательству Савари ³⁾, который написалъ въ Парижъ, что государь выразилъ желаніе имѣть у себя посломъ военнаго, и съ своей стороны прибавилъ, что въ такомъ случаѣ ему представится возможнымъ часто видѣть императора, сопровождая его во время смотровъ, по примѣру

lui ordonne de couper la tête à quelqu'un, il le fait dans une heure et moi, dans ces cas je mettrai un mois pour exécuter son ordre».

¹⁾ Графъ Толстой по этому поводу писалъ: „Il est magnifiquement traité. On prétend que ses appointements sont de 700.000 francs“. Графъ ошлыкъ: содержаніе Коленкура простиралось до 800.000 франковъ. Эту цифру приводитъ также Т. оръ.

²⁾ „L'envoi du général Savary a produit sur le public de Pétersbourg l'impression la plus forte et le choix de M-r de Caulaincourt ne me semble pas fait pour l'effacer».

Депеша Графа Толстаго отъ 7-го (19-го) ноября 1807 г.

³⁾ При этомъ случаѣ графъ Толстой обвинялъ еще Савари въ томъ, что онъ сообщаетъ французскому правительству свѣдѣнія: «sur ce prétendu mécontentement dans la nation Russe»—относительно тильзитскаго мира. Вообще же депеша Савари онъ называетъ бюллетенями полицейскаго шпіона?? (Ce sont plutôt les bulletins d'un espion de police que les dépêches d'un agent diplomatique).

Н. III.

австрийскаго посла графа Мерфельда. Между тѣмъ императоръ Александръ дѣйствительно не желалъ видѣть у себя посломъ Лафорэ, предпочитая замѣну его военнымъ лицомъ; государь подтвердилъ это Коленкуру при первомъ разговорѣ и прибавилъ: «Il fallait ici un officier général et un homme qui rallie la société par des formes. L'Empereur Napoléon choisit toujours bien» ¹⁾).

Графа Толстаго ожидала въ Парижѣ еще другая нечаянность. Немедленно по приѣздѣ графа, русскій консулъ Лабенскій сообщилъ ему, что Наполеонъ подарилъ русскому посольству одинъ изъ лучшихъ «отелей» Парижа (Hotel du grand Duc de Berg). Графъ Толстой тотчасъ испросилъ Высочайшее разрѣшеніе на принятіе этого дара, но продолжалъ жить въ гостинницѣ ²⁾).

---

¹⁾ Коленкуръ — Наполеону 10-го (22-го) января 1808 года. (Французскій архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ).

Наполеонъ имѣлъ первоначально намѣреніе назначить въ Петербургъ, сверхъ Лафорэ, еще одного адъютанта: «pour entretenir l'empereur dans ses bonnes dispositions».

Императоръ Александръ, съ своей стороны, справедливо замѣтилъ: «Deux personnes ne font pas bien les affaires. Ce sont deux intérêts personnels qui se mettent souvent à la place de celui des choses».

²⁾ «Je crois point pouvoir l'occuper sans l'agrément de notre auguste maître». Денеша графа Толстаго отъ 24-го октября (5-го ноября).

Во время одного изъ первыхъ свиданій графа Толстаго съ Шампаньи, министръ съ трудомъ упросилъ посла занять немедленно новое помѣщеніе хотя бы временно, до полученія на это формальнаго разрѣшенія. Шампаньи передавалъ графу, что Наполеону несприятно видѣть его въ гостинницѣ. (Napoléon souffrait de me voir demeurer à l'auberge).—Денеша графа Толстаго отъ 26-го октября (7-го ноября).

По поводу этого «отеля», Наполеонъ писалъ Савари 20-го октября (1-го ноября):

«Je lui ferai remettre (т. е. графу Толстому) l'hôtel que j'ai acheté de la Princesse Caroline (жена Мюрата Великаго герцога Бергскаго) tout meublé — il m'a coûté un million. Vous savez que c'est l'hôtel le plus élégamment arrangé de Paris. J'en fait présent à l'Empereur pour loger ses ministres. Il faudra que les meubles en soient conservés avec soin, afin que cela n'occasionne pas de grandes dépenses lors du renouvellement de ses ambassadeurs. Vous priez l'Empereur d'agréer cette maison comme un hommage de ma part. Si par échange, il veut faire présent pour mes ambassadeurs d'un hôtel meublé, je ne m'y oppose pas; je vous autorise à le recevoir».

Наполеонъ не ошибся въ послѣднемъ своемъ предположеніи. 27-го ноября графъ Румянцовъ поручилъ графу Толстому передать Шампаньи, что императоръ

Болѣе 24-хъ часовъ прошло послѣ перваго извѣщенія, сдѣланнаго графомъ Толстымъ французскому министру, а между тѣмъ никакого отвѣта имъ еще получено не было. Въ городѣ уже стали ходить слухи, что будто-бы Наполеонъ пріѣдетъ въ Парижъ для предстоявшаго пріема русскаго посла; рассказывали также, что императоръ пришлетъ для переговоровъ съ нимъ Талейрана. Графъ Толстой пребывалъ уже въ тревожномъ состояніи духа, когда, наконецъ, поздно вечеромъ 22-го октября (3-го ноября), онъ получилъ письмо отъ Шампаньи съ приглашеніемъ прибыть въ Фонтенебло. На другое утро графъ Толстой выѣхалъ въ императорскую резиденцію, гдѣ посѣтилъ тотчасъ-же министра.

Принявъ копію вѣрительныхъ грамотъ, Шампаньи заговорилъ о крайнемъ нетерпѣніи, съ которымъ императоръ поджидаетъ графа, и что это милостивое расположеніе побудило Наполеона назначить пріемъ посла на другой же день, т. е. 24-го октября (5-го ноября), и пригласить его вмѣстѣ съ тѣмъ пробывать нѣкоторое время въ Фонтенебло; съ этою цѣлью ему отводилось помѣщеніе во дворцѣ: милость, по словамъ министра, до сихъ поръ еще никому не оказанная. Графъ Толстой высказалъ Шампаньи насколько онъ тронутъ столь явнымъ проявленіемъ императорскаго благоволенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ его исходатайствовать ему отсрочку аудіенціи, хотя-бы только на 24 часа, въ виду того, что, не будучи предувѣдомленъ о ней заранѣе, онъ не успѣлъ позаботиться обо всемъ, необходимомъ для такой церемоніи, которая обставлена здѣсь всегда съ такою торжественностью и пышностью.

Во время разговора, посоль сообщилъ также Шампаньи о томъ безпокойствѣ, въ которомъ онъ пребывалъ во время своего путешествія изъ опасенія, что онъ не застанетъ здѣсь болѣе императора, который, судя по слухамъ, намѣренъ былъ предпринять путешествіе. Министръ отвѣчалъ уклончиво, говоря, что

Александръ сдѣлалъ распоряженіе о покупкѣ дома: «qui sera remis à la disposition de la mission de France sur le même pied». (Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ).

«Nous gagnâmes à ce marché, пишетъ Савари въ своихъ Запискахъ, par ce que l'hôtel que nous reçûmes à S.-Pétersbourg était bien plus complet que celui que nous avions donné à Paris».

Н. III.

онъ не можетъ ни опровергнуть, ни подтвердить ихъ, такъ какъ, согласно усвоенной императоромъ привычкѣ, подобныя намѣренія становятся положительно извѣстными въ самый моментъ осуществления ихъ въ дѣйствительности. Вообще въ продолженіе всей бесѣды, Шампаньи избѣгалъ начать съ графомъ Толстымъ дѣловой разговоръ, желая повидимому предоставить это самому императору.

Проводивъ посла въ каретѣ въ его помѣщеніе, Шампаньи просилъ смотрѣть на это, какъ на отвѣтный визитъ; затѣмъ онъ повезъ графа Толстаго къ Талейрану и, оставивъ его здѣсь, отправился съ докладомъ къ императору. Бесѣда графа Толстаго съ Талейраномъ также не имѣла политическаго характера, такъ какъ и герцогъ Беневентскій тщательно избѣгалъ затронуть дѣловые вопросы и даже прямо далъ это понять послу. Все ограничилось взаимнымъ обмѣномъ любезностей.

Отъ Талейрана графъ Толстой отправился на обѣдъ къ министру внѣшнихъ сношеній, который сообщилъ ему, что императоръ изъявилъ согласіе перенести аудіенцію на послѣзавтра. Вмѣстѣ съ тѣмъ графъ Толстой получилъ приглашеніе на придворный спектакль, причѣмъ ему было сказано, что появленіе его на этомъ собраніи сдѣлаетъ императору удовольствіе. Въ одиннадцатомъ часу вечера графъ Толстой выѣхалъ, наконецъ, въ Парижъ, куда онъ прибылъ на слѣдующее утро, и затѣмъ вечеромъ снова поскакалъ въ Фонтенебло ¹⁾.

Во время торжественнаго приема посла, происходившаго на другое утро, 25-го октября (6-го ноября), все было обставлено съ возможнымъ великолѣпіемъ и пышностью, согласно недавно утвержденному новому церемониалу ²⁾.

¹⁾ Дешета графа Толстаго отъ 24-го октября (5-го ноября) изъ Парижа.

Въ этой же депешѣ графъ Толстой рассказываетъ, что Наполеонъ, принимая герцога Мекленбургъ-Стрелицкаго, разговорился съ нимъ о проходѣ два года тому назадъ, русскихъ войскъ черезъ его владѣнія. Узнавъ, что именно графъ Петръ Александровичъ заключилъ тогда, по этому поводу, съ герцогомъ конвенцію, императоръ замѣтилъ:

— „Comment, c'est le même que l'on m'envoie, il ne faut pas que j'oublie les petits tours qu'il m'a joué à cette occasion“.

(Архивъ М. И. Д.).

²⁾ Въ депешѣ графа Толстаго о приемѣ въ Фонтенебло приложенъ печатный экземпляръ: „Cérémonial de la cour de S. M. l'Empereur et Roi pour la

Графъ Толстой обратился къ императору съ краткою рѣчью, въ которой упомянулъ объ искреннемъ желаніи государя упрочить дружественныя связи, установленныя между обоими правительствами Тильзитскимъ договоромъ, и выразилъ надежду заслужить довѣріе Наполеона, необходимое ему для обезпеченія успѣха его миссіи ¹⁾.

Наполеонъ отвѣтилъ, что онъ видитъ въ тѣсномъ соединеніи (union intime) обѣихъ націй залогъ не только обоюднаго ихъ счастья, но и счастья цѣлой Европы; что онъ не можетъ достаточно оцѣнить дружбу императора Александра, что тѣ двадцать дней, которые онъ провелъ съ его величествомъ въ Тильзитѣ, онъ считаетъ лучшими въ своей жизни, что онъ питаетъ величайшее уваженіе къ русскому народу. Въ заключеніе императоръ обратился съ нѣсколькими любезными словами лично къ графу Толстому.

Послѣ торжественной аудіенціи графъ Толстой представлялся императрицѣ и всѣмъ принцамъ и принцессамъ императорскаго дома.

Затѣмъ на нашего посла посыпались самыя разнообразныя

réception des Ambassadeurs, des Ambassadrices et ministres étrangers", за подписью оберъ-церемоніймейстера Сегюра (le grand maître des cérémonies). Изданіе это заключаетъ въ себѣ цѣлую науку придворной премудрости. Каждый шагъ представляющагося лица предусмотрѣнъ, повсюду предписывается ему исполнять троекратные поклоны. Между прочимъ можно встрѣтить и такое обязательство: „Lorsque l'Empereur congédie l'Ambassadeur, celui-ci se retire sans se retourner". То же предписано исполнить при представленіи императрицѣ и т. п.

¹⁾ Discours prononcé par le comte Tolstoy en remettant à l'Empereur Napoléon ses lettres de créance.

«Sire. L'empereur, mon auguste souverain, s'empressant de m'envoyer auprès de V. M., a voulu lui fournir une nouvelle preuve de son désir sincère de cimenter et de consolider les rapports d'amitié que le traité de Tilsit a établi entre nos deux gouvernements dans un degré d'intimité, si conforme à leurs propres intérêts.

En me chargeant de cette tâche honorable et importante, il m'a donné la marque la plus flatteuse de sa haute bienveillance que je ne croirai avoir justifié qu'alors que j'aurai obtenu votre confiance qui seule peut assurer le succès de ma mission».

(Денеша графа Толстаго отъ 25-го октября (6-го ноября) 1807 года изъ Фонтенебло.—Архивъ М. И. Д.),

придворныя отличія ¹⁾, которыхъ въ то время не удостоивались даже иностранные принцы ²⁾).

Донося графу Румянцову о сдѣланномъ ему приѣмѣ, графъ Толстой просилъ министра озаботиться, чтобы и Коленкуру были оказаны въ Петербургѣ соотвѣтственные придворныя отличія, присовокупивъ нравоучительное замѣчаніе, что у насъ обыкновенно весьма щедры относительно безграничнаго и чрезмѣрнаго довѣрія, забывая о придворныхъ отличіяхъ и милостяхъ.

По окончаніи церемоніи, графъ Толстой отправился къ Шампаньи. „Согласно укоренившемуся обычаю этого правительства, пишетъ посоль, онъ не замедлил выступить съ разными претензіями. Къ счастью, заявленія были такого рода, что не могли встрѣтить съ моей стороны препятствій“.

Министръ передалъ Толстому, что въ числѣ русскихъ войскъ, высадившихся въ Венеціи, послѣ сдачи Ионическихъ острововъ и Катаро, находится много французскихъ эмигрантовъ и піемонтцевъ, и, въ виду того, что пребываніе ихъ въ предѣлахъ французской имперіи не могло быть пріятнымъ Наполеону, онъ просилъ распоряженія о немедленной отправкѣ ихъ въ Россію. Графъ Толстой на это согласился ³⁾.

Шампаньи просилъ также посла посовѣтовать отъ себя вице-адмиралу Сенявину, прибывшему съ эскадрою въ Кадиксъ, остановиться здѣсь, въ виду сомнѣнія въ безопасности дальнѣйшаго плаванія. Графъ Толстой и на это согласился ⁴⁾.

Затѣмъ графъ Толстой, въ свою очередь, просилъ министра

¹⁾ Графъ Толстой упоминаетъ о нѣкоторыхъ, какъ-то: «Logement à la cour, les grandes entrées, invitation d'assister aux chasses impériales, aux spectacles de la cour, aux concerts particuliers».

²⁾ Наполеонъ писалъ Савари: «J'ai porté toute la journée le cordon de l'ordre de Saint-André».

³⁾ Шампаньи завелъ также рѣчь объ уступкѣ французскому правительству пороховыхъ погребовъ, находившихся на Ионическихъ островахъ. Согласились принять ихъ стоимость въ расчетъ, при уплатѣ за содержаніе русскихъ плѣнныхъ.

⁴⁾ Графъ Толстой написалъ, 27-го октября, вице адмиралу Сенявину: «...Сношенія Двора нашего съ Англіею теперь таковы, что осторожность въ разсужденіи встрѣчь съ ихъ флотомъ весьма нужна, и что лучше ожидать основательныхъ извѣстій въ Кадиксъ или въ какомъ бы ни было французскомъ, итальянскомъ или испанскомъ портахъ гдѣ, вонечно, російская эскадра будетъ принята со всѣми знаками благорасположенія. Н. Ш.

ускорить отправленіе въ Россію какъ отрядовъ войскъ, высадившихся въ Италіи, такъ и военноплѣнныхъ, находившихся во Франціи.

Въ заключеніе Шампаньи сообщили своему собесѣднику, что турецкій посоль (Мугибъ-Эфенди) получилъ полномочія для начатія переговоровъ о мирѣ при посредничествѣ Франціи и спросилъ, не имѣетъ ли онъ по этому поводу сдѣлать какое-либо сообщеніе относительно будущихъ желаній императора Александра. Графъ Толстой возразилъ, что желанія государя ограничиваются исполненіемъ Тильзитскаго договора (!!??), и что, когда этимъ путемъ обоюдное довѣріе будетъ восстановлено, то тогда только можно будетъ условиться относительно другихъ плановъ; что онъ, отправляясь въ Парижъ, надѣялся видѣть прусскія владѣнія уже очищенными французами, и, если онъ не уполномоченъ сдѣлать по этому поводу формальнаго заявленія, то только потому, что въ Петербургѣ не могли предвидѣть въ этомъ дѣлѣ замедленія со стороны французскаго правительства.

Не вдаваясь въ объясненія, Шампаньи ограничился отвѣтомъ, что російскій императоръ никогда не высказывалъ по этому предмету опредѣленнаго желанія (*l'Empereur de Russie n'avait jamais témoigné de désir bien marqué à ce sujet*).

Такъ какъ во время торжественныхъ приемовъ воспрещалось передавать частныя письма государей, то поэтому графу Толстому пришлось просить для этой цѣли частной аудіенціи у императора.

V.

Первая частная аудіенція графа Толстаго состоялась 26-го октября (7-го ноября), въ полдень, въ Фонтенебло, и продолжалась около двухъ часовъ. Въ этотъ достопамятный день разыгралась первая сцена политической драмы, міровой раздѣлъ, начало которой положено было на историческомъ плоту, на Нѣманѣ.

Послѣ обоюдныхъ увѣреній въ чистосердечіи и преданности; Наполеонъ замѣтилъ, что всѣ вопросы, подлежащіе обсужденію между обоими государствами, приводятся къ тремъ главнымъ

пунктамъ: къ дѣламъ Пруссіи, Турціи и къ войнѣ съ Англіею.

Графъ Толстой возразилъ ему, что всѣ желанія русскаго государя ограничиваются точнымъ выполненіемъ Тильзитскаго договора, что, исполнивши добросовѣстно принятыя на себя обязательства, его величество съ огорченіемъ взираетъ на малую готовность Наполеона поспѣшить предоставленіемъ королю прусскому тѣхъ выгодъ, которыя обезпечивалъ ему заключенный трактатъ; поэтому онъ, посолъ, уполномоченъ просить его самымъ настоятельнымъ образомъ объ очищеніи прусскихъ областей. Такимъ образомъ, графъ Толстой сразу выступилъ рѣшительнымъ защитникомъ Пруссіи, какъ будто возвращеніе Фридриху Вильгельму Безземельному утраченныхъ имъ областей составляло главную цѣль его посольства!! Наполеонъ отвѣтилъ, что Тильзитскій договоръ не заключаетъ въ себѣ ни одного яснаго указанія по этому вопросу, да къ тому же русскія войска продолжаютъ занимать еще Молдавію и Валахію. Но Толстой снова обратился къ своимъ пруссофильскимъ толкованіямъ Тильзитскаго договора и замѣтилъ, что Россія никакъ не можетъ считать себя въ мирѣ съ Франціею, пока онъ не будетъ въ точности выполненъ, т. е. пока области, подлежащія возврату прусскому королю, не будутъ очищены французскими войсками. Затѣмъ графъ счелъ долгомъ, въ самыхъ яркихъ краскахъ обрисовать императору печальное положеніе несчастнаго прусскаго монарха и невозможность для него при такихъ обстоятельствахъ удовлетворить чрезмѣрнымъ требованіямъ Франціи.

— „Напрасно вы такъ заботитесь о немъ, возразилъ Наполеонъ, вы увидите, что онъ еще проведетъ васъ (*vous avez tort de vous intéresser tant à lui, vous verrez qu'il vous jouera encore de mauvais tours*) ¹⁾).

---

¹⁾ Нельзя не остановиться на этомъ пророческомъ изреченіи Наполеона. Справедливость его вполне подтвердилась въ 1812 г. По заключеніи Наполеономъ союза съ Пруссіею противъ Россіи, король потребовалъ отъ французскаго правительства, въ случаѣ успѣшнаго исхода кампаніи, уступки: Курляндіи, Лифляндіи и Эстляндіи. Когда герцогъ Бассано доложилъ императору о притязаніяхъ Пруссіи, Наполеонъ по этому поводу злостно замѣтилъ: «А клятва надъ гробницею Фридриха?» (*et le serment sur le tombeau de Frédéric?*) (Изъ рукописныхъ замѣтокъ А. И. Михайловскаго-Данилевскаго).

— „Но кто же посмѣетъ, государь, отвѣтилъ графъ Толстой, провести насъ, пока мы находимся въ согласіи съ вашимъ величествомъ?“

— „Впрочемъ, сказалъ Наполеонъ, я приступилъ къ эвакуаціи; я даже вывелъ уже нѣсколько войскъ; все это не дѣлается такъ быстро; передвинуть армію и понюхать табакъ—двѣ вещи разныя“ (*On ne déplace pas une armée comme on prend une prise de tabac*).

Перейдя затѣмъ къ турецкимъ дѣламъ, Наполеонъ замѣтилъ, что графъ Румянцовъ сдѣлалъ уже въ Петербургѣ нѣкоторыя предложенія генералу Савари, относительно пріобрѣтенія Молдавіи и Валахіи, и что вслѣдствіе этого онъ долженъ былъ заключить, что намѣренія русскаго двора клонятся къ пріобрѣтенію этихъ двухъ княжествъ; что въ раздѣлѣ Оттоманской Имперіи онъ не видитъ ничего выгоднаго для интересовъ Франціи, что онъ охотно гарантировалъ бы ея неприкосновенность (*intégrité*), что онъ даже предпочелъ бы такой образъ дѣйствій, не помышляя вовсе объ Албаніи и Мореѣ, гдѣ не встрѣтитъ ничего кромѣ неудачъ и затрудненій¹⁾. Однако, прибавилъ Наполеонъ, если Россія такъ упорно желаетъ обладанія Молдавіей и Валахіей, онъ охотно согласится на это и предоставитъ намъ тальвегъ Дуная, но подъ условіемъ, чтобы ему дали бы возможность вознаграждать себя въ другомъ мѣстѣ.

Тогда графъ Толстой началъ настаивать на разъясненіи что императоръ понимаетъ подъ этими словами и гдѣ именно рассчитываетъ найти себѣ вознагражденіе; послѣ нѣвотораго колебанія, Наполеонъ уклонялся отъ дальнѣйшихъ объясненій по тому щекотливому вопросу, но въ виду возростающей настойчивости посла, замѣтившаго, что было бы крайне несправедливо оставлять русское правительство въ неизвѣстности относительно предположенныхъ имъ пріобрѣтеній, тогда какъ ему извѣстно, къ какому расширенію границъ стремится императоръ Александръ, Наполеонъ, какъ бы сдѣлавъ видимое усиліе надъ собой, сказалъ:

— „Ну, такъ это въ Пруссіи“ (*Et bien, c'est en Prusse*).

О клятвѣ 1805 г. надъ гробомъ Фридриха Великаго (Потсдамская мелодрама) упоминаютъ въ первой главѣ нашего труда. См. «Русскую Старину» 1888 г. (февраль).

¹⁾ «Où il n'y a, comme il prétend, que des coups et de l'embarras à gagner».

Императоръ не вошелъ ни въ какія подробности ¹⁾, но присовокупилъ, что онъ согласился бы на несравненно бôльшій раздѣлъ Оттоманской имперіи, въ случаѣ, если бы это входило въ намѣренія Россіи. При этомъ Наполеонъ уполномочилъ графа Толстаго предложить Константинополь, утверждая, что онъ свободенъ отъ всякихъ обязательствъ къ турецкому правительству и самъ никакихъ видовъ на эту столицу не имѣетъ ²⁾. Однако, присовокупилъ императоръ, въ этомъ случаѣ онъ не могъ бы совѣмъ пренебречь интересами Франціи и заранее объяснить тѣ соображенія, которыя вызваны были бы подобнымъ оборотомъ дѣлъ.

Въ заключеніе Наполеонъ предложилъ: очистить мѣстности, возвращенныя Пруссіи Тильзитскимъ договоромъ, если Россія откажется отъ видовъ на Молдавію и Валахію. Въ противномъ случаѣ, онъ соглашался на уступку тальвега Дуная, подъ условіемъ вознагражденія на счетъ Пруссіи. Если же останутся на третьемъ предположеніи, клонящемся къ совершенному раздѣлу Европейской Турціи, то онъ согласенъ на расширеніе русскихъ предѣловъ до Константинополя, включая сюда и эту столицу, взаимно приобрѣтений, которыхъ онъ однако не опредѣлялъ.

Выслушавъ эти ясныя, категорическія объясненія Наполеона, графъ Толстой счелъ своимъ долгомъ отрицать намѣреніе, приписываемое русскому Двору, касательно присоединенія княжествъ, потому что, какъ выразился онъ въ депешѣ къ графу Румянцову, они показались мнѣ слишкомъ дороги по цѣнѣ, которую предлагаютъ за нихъ³⁾. Испуганный защитникъ неприкосновенности прусской территоріи поспѣшилъ повторить множество разъ (*jusqu'à satiété*), что единственное желаніе императора Александра—это видѣть точное выполненіе статей Тильзитскаго договора.

Затѣмъ Наполеонъ перешелъ къ условіямъ, заключеннымъ

¹⁾ Съ своей стороны, графъ Толстой въ депешѣ отъ 26-го октября графу Румянцову замѣтилъ, что онъ имѣетъ причину полагать, что Наполеонъ намѣренъ завладѣть теченіемъ Одера и, по всей вѣроятности, также Силезію, съ ея крѣпостями.

²⁾ «Il m'autorise à offrir Constantinople, car il assure n'avoir contracté aucun engagement avec le gouvernement turc et n'avoir aucunes vues sur cette capitale».

Россією съ нимъ относительно Англіи. Онъ сообщилъ послу, что наканунѣ прибылъ изъ Мадрида курьеръ съ извѣстіемъ, что Португалія изъявила согласіе закрыть свои гавани и объявить войну Англіи. Кромѣ того, договоръ, заключенный въ Фонтенебло, обезпечиваетъ за союзниками содѣйствіе Даніи; французскому же послу въ Вѣнѣ поручено потребовать того же отъ Австріи. Такимъ образомъ, заключилъ Наполеонъ, въ результатѣ оказывается, что вся Европа образуетъ коалицію противъ царицы морей, остается только принудить Швецію вступить въ этотъ обширный союзъ. Императоръ выразилъ желаніе, чтобы Россія побудила къ этому Швецію, согласно условіямъ союзнаго договора, подписаннаго въ Тильзитѣ.

„Даже если бы вы и были принуждены, замѣтилъ Наполеонъ, прибѣгнуть къ оружію, что я считаю весьма вѣроятнымъ—*сaг се Roi a la tête près du bonnet*—то это не должно пугать васъ; изъ войны съ Швеціей вы можете извлечь однѣ лишь только выгоды. Данія обязалась помогать вамъ и, если вы пожелаете, я пришлю вамъ на помощь французскія войска“.

Графъ Толстой съ своей стороны поспѣшилъ отклонить содѣйствіе, предложенное въ этомъ дѣлѣ императоромъ французовъ.

Затѣмъ Наполеонъ, исчисливъ всѣ косвенныя мѣры, принятыя противъ Англіи, высказалъ намѣреніе обратиться къ своимъ проектамъ десанта и выразилъ желаніе, чтобы Россія угрожала бы въ такомъ случаѣ британскому могуществу въ Индіи. Онъ спросилъ мнѣніе посла относительно совокупнаго дѣйствія въ этихъ странахъ русскихъ, французскихъ и персидскихъ войскъ. Графъ Толстой счелъ своимъ долгомъ доказать невозможность подобной операціи, Наполеонъ же съ своей стороны выразилъ убѣжденіе, что онъ надѣется совокупностію всѣхъ этихъ мѣръ покончить съ Англіею и довести ее до необходимости приступить къ мирнымъ переговорамъ. Онъ освѣдомился, долго ли можетъ Россія выдержать застой въ торговлѣ, явившейся слѣдствіемъ новаго порядка вещей, и сильно ли страдаетъ отъ этого имперія? „По крайней мѣрѣ столько же, какъ и Франція“, отвѣтилъ посоль. Наполеонъ признался, что его имперія много теряетъ, и прибавилъ при этомъ, что если бы онъ могъ добиться мира на пять лѣтъ, то не преминулъ бы завести въ своихъ гаваняхъ сотню кораблей—истина, въ которой Великобританія слишкомъ убѣждена и ко-

торая въ сущности и является главнымъ препятствіемъ къ восстановленію мира между обоими народами. „Разъ намъ удастся, присовокупилъ Наполеонъ, устроить все на ясныхъ и опредѣленныхъ основаніяхъ, мы можемъ подумать о разоруженіи и уменьшеніи нашихъ сухопутныхъ силъ“. Онъ признался даже графу Толстому, что испыталъ бы не малыя затрудненія въ случаѣ необходимости возвратить всѣ свои войска во Францію за немѣнѣемъ средствъ содержать ихъ внутри государства.

По окончаніи политическаго обмѣна мыслей, Наполеонъ въ той же аудіенціи коснулся и внутренняго положенія Россіи и спросилъ графа Толстаго, справедливо ли, что у насъ есть горячія головы (*des têtes chaudes*), недовольныя миромъ, и старики, болтающіе слишкомъ много. Посоль отвѣтилъ: „гдѣ же нѣтъ людей горячихъ; они встрѣчались и во времена славнаго царствованія императрицы Еватерины, и я долженъ прибавить къ этому, что, пробывъ въ продолженіе трехъ лѣтъ С.-Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, я знаю насколько имъ слѣдуетъ придавать значенія; что же касается стариковъ, то они, когда имѣютъ счастье видѣть императора, осмѣливаются высказывать ему свое мнѣніе съ полною откровенностью, но они слишкомъ благоразумны, чтобы позволить себѣ публично разсуждать о дѣлахъ своего государя. Я долженъ подтвердить, что народъ остался недовольнымъ миромъ, и что я самъ былъ однимъ изъ наиболѣе недовольныхъ, и неудовольствіе это не прекратится, „*tant que nous ne verrions point de réciprocité*“. Поэтому, заключилъ графъ, въ интересахъ самой Франціи какъ можно добросовѣстнѣе выполнить обязательства, принятія на себя въ Тильзитѣ“.

На это Наполеонъ возразилъ: «*la critique est aisée, l'art est difficile*. Что же вамъ оставалось дѣлать? Вамъ предстояло-бы понести еще болѣе громадныя потери».

Графъ Толстой на это замѣчаніе императора не замедлилъ объяснить своему собесѣднику, что средства Россіи въ начатой тогда борьбѣ находились только въ началѣ своего развитія, что народъ предоставилъ правительству такія средства, которыя избавляли его отъ необходимости прибѣгнуть къ иностраннымъ субсидіямъ, и что народъ былъ бы готовъ принести новыя жертвы,

и что добровольныя пожертвованія дворянства далеко еще не истощены.

Наполеонъ сказалъ: «между нами не должно быть больше войны: *on n'y attrape que des boulets et des coups de sabre*». Затѣмъ императоръ съ похвалою отозвался о русскихъ генералахъ, служившихъ въ послѣднихъ войнахъ. Онъ одобрилъ отказъ государя ратификовать перемиріе, заключенное съ Портою, и предупредилъ посла, что сдѣлалъ строжайшій выговоръ адъютанту Гильемино за то, что онъ допустилъ принять статью, по которой турецкіе трофеи, приобрѣтенные Россіею, подлежали возврату, что не соотвѣтствуетъ достоинству великой державы.

Въ заключеніе аудіенціи, Наполеонъ сказалъ графу Толстому: «вы были вчера очень любезны въ отношеніи меня, необходимо, чтобы я оплатилъ вамъ сегодня тѣмъ же ¹⁾; я предлагаю вамъ поднести 50,000 ружей императору, выразившему мнѣ желаніе имѣть у себя французскія ружья; онъ также намѣренъ былъ прислать мнѣ кадетовъ для изученія морской службы; я предоставляю имъ всѣ средства довершить свое образованіе». Графъ Толстой воспользовался случаемъ, чтобы сообщить Наполеону о желаніи государя присоединить къ нимъ офицеровъ инженернаго корпуса и генеральнаго штаба, и получилъ разрѣшеніе императора и на это.

Этимъ заключилась первая бесѣда русскаго посла съ Наполеономъ ²⁾.

¹⁾ Эти слова Наполеона относятся къ разговору графа Толстаго съ Шампань, имѣвшему мѣсто наканунѣ, 25-го октября, и о которомъ выше упомянуто.

²⁾ Денеша графа Толстаго—графу Румянцову изъ Фонтенебло отъ 26-го октября (7-го ноября) и 27-го октября (8-го ноября) 1807 года. (Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ).

Любопытно сравнить донесеніе графа Толстаго съ словами самого Наполеона о первой аудіенціи русскаго посла. Императоръ писалъ Савари 26 го октября (7-го ноября).

«M. de Tolstoï m'a beaucoup parlé de l'évacuation de la Prusse. Je lui ai dit que je la désirais aussi, mais que les Prussiens ne finissaient rien; que je m'attendais que des arrangements allaient enfin avoir lieu, et que cela ne tarderait pas. J'ai ajouté que d'ailleurs il entrerait sans doute dans la politique de la Russie de garder la Valachie et la Moldavie; que, si tel était le projet de la Russie, il était de compensation que je gardasse quelques provinces de la Prusse; que, si la Russie avait des idées plus étendues sur l'empire de Turquie, il fallait que M. de Komanzoff lui envoyât des instructions plus précises; que quant à moi, je voulais tout ce qui pourrait resserrer nos liens... que

VI.

Такимъ образомъ результатомъ первой бесѣды графа Толстаго съ Наполеономъ было, такъ сказать, вторичное спасеніе императоромъ Александромъ Пруссіи, которой угрожало утратить Берлинъ и Силезію, въ случаѣ, если бы русское правительство согласилось покончить съ дальнѣйшимъ существованіемъ Оттоманской имперіи въ Европѣ.

Графъ Толстой остался чрезвычайно доволенъ своею аудіенціею или, лучше сказать, тѣмъ «langage ferme», которымъ онъ встрѣчалъ соблазнительныя предложенія императора французовъ. Посоль пришелъ къ заключенію, что и впредь онъ долженъ не только упорствовать въ подобномъ образѣ дѣйствій, но даже еще рѣшительнѣе противодѣйствовать замысламъ Наполеона, или, какъ выразился онъ, увлеченіямъ его волеяческаго воображенія (*imagination volcanique*) ¹⁾.

26-го же октября Толстой успѣшилъ подѣлиться съ графомъ Румянцовымъ этимъ радостнымъ извѣстіемъ и доносилъ, что ему удалось своею бесѣдою поссорить Наполеона съ братомъ, королемъ вестфальскимъ (*au moins suis je parvenu à mettre du brouille dans le ménage*).

---

le monde était assez grand pour nos deux puissances, qu'il fallait toujours s'entendre et ne donner lieu à aucun sujet de refroidissement».

Въ заключеніе Наполеонъ замѣтилъ: «M. de Tolstol ne m'a pas paru, du reste, connaître toutes les intentions de l'Empereur».

Трудно было Наполеону придти къ другому заключенію, когда онъ, знакомый съ видами государя относительно Востока, получалъ во время бесѣды съ графомъ Толстымъ только одинъ неизвѣстный отвѣтъ на всѣ сдѣланныя имъ предложенія, что облегченіе тяжкаго положенія Пруссіи составляетъ единственное желаніе императора Александра.

¹⁾ Нельзя здѣсь обойти молчаніемъ еще одну особенность денешъ графа Толстаго. Онъ, не стѣсняясь, называетъ императора по прежнему Бонапартомъ, короля же вестфальскаго онъ титулуетъ попросту: Monsieur Jérôme. Все это, конечно, свидѣтельствуетъ о весьма маломъ уваженіи его къ союзнику своего государя, и совершенно не соотвѣтствовало новой политической системѣ русскаго двора, которую онъ призванъ былъ упрочить въ Парижѣ. Въ глазахъ графа Толстаго, Наполеонъ оставался постоянно демономъ («le démon»), какъ онъ нерѣдко называетъ его въ своей частной перепискѣ. Н. III.

Иеронимъ, основываясь на положительномъ обѣщаніи Наполеона, рассчитывалъ на распространеніе предѣловъ своего королевства до Одера, а слѣдовательно и на присоединеніе Берлина. Между тѣмъ, тотчасъ послѣ аудіенціи русскаго посла, Наполеонъ призвалъ брата и объявилъ ему положительнымъ образомъ, что объ этомъ нечего и помышлять. Король осмѣлился возражать и сослался на данное ему императорское слово; тогда между братьями разыгралась бурная сцена, кончившаяся тѣмъ, что король долженъ былъ отправиться на другой день въ Шербургъ по особому порученію императора.

Но дѣло не кончилось одними семейными препирательствами.

Послѣ обѣда у Шампаньи 26-го октября, министръ пригласилъ къ себѣ въ кабинетъ графа Толстаго и сообщилъ, что приказано написать Дарю по поводу прусскихъ крѣпостей, внушивъ ему быть менѣе требовательнымъ относительно не уплаченныхъ еще контрибуцій. Шампаньи присовокупилъ еще, что теперь идетъ уже рѣчь о выступленіи французскихъ войскъ изъ прусскихъ владѣній. Обрадованный столь утѣшительнымъ извѣстіемъ, графъ Толстой успѣшилъ высказать министру свое удовольствіе по поводу сдѣланнаго сообщенія и настаивалъ на необходимости ускорить безотлагательное выступленіе французскихъ войскъ, такъ какъ для поддержанія дружбы и согласія между Франціею и Россіею первымъ дѣломъ является эвакуація Пруссіи. Посоль счелъ однако нужнымъ присовокупить: «я не пруссакъ; у насъ ихъ любятъ еще менѣе французъ, но Россія не можетъ питать ни малѣйшаго довѣрія къ вашему правительству, пока условія Тильзитскаго договора, касающіяся Пруссіи, не будутъ выполнены» ¹⁾).

Пользуясь пребываніемъ въ Фонтенебло, графъ Толстой отправился 28-го октября (9-го ноября) на утренній выходъ императора. Затѣмъ посла пригласили въ кабинетъ.

¹⁾ «Je ne suis pas Prussien, monsieur, on les aime chez nous encore moins que les Français, mais la Russie ne saurait avoir la moindre confiance dans votre gouvernement tant que les conditions de la paix de Tilsit à l'égard de la Prusse ne seront point remplies».

Графъ Толстой—графу Румянцову 26 октября (7 ноября). (Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ).
Н. Ш.

Наполеонъ сообщилъ графу Толстому, что отправилъ вчера курьера въ Петербургъ, что отъѣздъ Коленкура послѣдуетъ черезъ четыре дня ¹⁾, и что данныя ему инструкціи касаются только тѣхъ предметовъ, о которыхъ онъ бесѣдовалъ съ посломъ. Графъ Толстой заявилъ, что онъ съ своей стороны намѣренъ просить паспорта для отправки курьера, чтобы отдать отчетъ о его безграничныхъ милостяхъ и о томъ довѣріи, котораго онъ былъ достоинъ.

Продолжая бесѣду, Наполеонъ вернулся къ вопросу о нашей торговлѣ и сожалѣлъ о потеряхъ, которыя она должна понести. Чтобы поднять ее и повысить нашъ курсъ, онъ предложилъ купить въ Россіи припасы для флота на сумму въ двадцать миліоновъ франковъ наличными деньгами, но, въ виду войны съ Англіею, препятствовавшей ему перевезти немедленно эти предметы во Францію, пожелалъ оставить ихъ въ нашихъ портахъ подъ тѣмъ условіемъ, чтобы ему было гарантировано право собственности на нихъ во всякое время и при всякихъ обстоятельствахъ. Наполеонъ выразилъ также желаніе построить нѣсколько кораблей на нашихъ верфяхъ и поручилъ послу узнать намѣренія императора Александра по всѣмъ этимъ вопросамъ.

Затѣмъ Наполеонъ перешелъ къ Англіи и признался, что трудно одержать надъ нею верхъ; онъ утверждалъ, что если бы Англія теперь и согласилась на миръ, то она вновь возобновила бы войну черезъ два года (*elle referait la guerre dans deux ans*); при этомъ императоръ выразилъ свое удовольствіе по поводу предупредительности, съ которою Австрія, согласно его желаніямъ, выступила противъ Англіи; онъ присовокупилъ, что въ отплату за это возвратитъ ей Браунау. Судя по перехваченнымъ письмамъ, онъ убѣжденъ, что среди англійскаго народа начинаетъ проявляться сильное желаніе мира, и выразилъ надежду, что для Англіи довольно трудно выдержать положеніе, въ которое она поставлена въ настоящее время.

Въ заключеніе Наполеонъ сказалъ, что отнынѣ онъ считаетъ всякую войну съ Россіей невозможной. Графъ Толстой тотчасъ же воспользовался случаемъ, чтобы снова напомнить

---

¹⁾ Отъѣздъ Коленкура послѣдовалъ позже. Онъ покинулъ Парижъ 11-го (23-го) ноября и прибылъ въ Петербургъ 5 (17) декабря.

ему о Тильзитскомъ договорѣ, и, приглашая его устранить все, что могло бы поколебать доброе согласіе между обоими правительствами, присовокупилъ, что, соединивъ уже въ своемъ лицѣ военную славу всѣхъ вѣковъ, ему недостаетъ только одной славы—сдѣлать континентъ счастливымъ и даровать всѣмъ спокойствіе ¹⁾).

Послѣ окончанія аудіенціи, къ графу Толстому, по порученію Наполеона, явился Коленкуръ, передававшій ему, что императоръ остался весьма доволенъ искренностью и прямодушіемъ, выказанными посломъ во время ихъ бесѣды. Онъ присовокупилъ, что графъ Толстой сумѣлъ пріобрѣсти полное довѣріе императора, который съ удовольствіемъ видитъ въ немъ представителя націи, пользующейся величайшимъ его уваженіемъ, и, не зная какъ выразить графу Толстому свои чувства, проситъ его принять въ даръ великолѣпную карету съ упражкою въ шесть лошадей.

Пока Наполеону еще не были извѣстны содержаніе и характеръ донесеній, отправленныхъ графомъ Толстымъ къ императору Александру, но тайна не замедлила обнаружиться вскорѣ. Савари удалось кое-что узнать объ этомъ въ Петербургѣ, и сообщенныя имъ извѣстія, вѣроятно, нѣсколько умѣрили то удовольствіе, которое первоначально ощущалъ Наполеонъ, видя у себя представителемъ Россіи не дипломата, но храбраго и честнаго солдата.

Хотя графъ Толстой горячо заступался за Пруссію, будучи убѣжденъ, что Россію слѣдуетъ защищать на Одерѣ, составляющемъ, по его выраженію, „la barrière de l'Empire de Russie“ ²⁾, но относительно нѣмецкихъ принцевъ, являвшихся ко двору Наполеона, чтобы снискивать себѣ милости императора, онъ держалъ себя довольно сдержанно. Посолъ былъ осажденъ

¹⁾ Во время этого разговора Наполеонъ сказалъ также, между прочимъ, графу Толстому, что онъ получилъ извѣстія изъ Константинополя, въ которыхъ, какъ онъ утверждалъ, жалуются на то, что русскія войска не очистили еще Молдавіи и Валахіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сообщилъ послу, по секрету, что послѣднія донесенія изъ Мадрида указываютъ на обнаруженіе заговора противъ короля, въ которомъ замѣшанъ принцъ Астурійскій, и что послѣдній арестованъ и преданъ суду.

²⁾ Графъ Толстой—графу Румянцову 30-го декабря 1807 г. (11-го января 1808 года).

(Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ).

просьбами нѣмецкихъ владыкъ, прибѣгавшихъ къ заступничеству императора Александра.

Шампаньи и Талейранъ увѣрили графа Толстаго, что если онъ только приметъ близко къ сердцу ихъ интересы, то всѣ ихъ желанія будутъ выполнены, но графъ Толстой, однако, благоразумно воздержался проявлять въ этихъ дѣлахъ слишкомъ горячее участіе ¹⁾. Онъ писалъ по этому поводу графу Румянцову, что противоположнымъ образомъ дѣйствій онъ могъ-бы повредить интересамъ его величества, такъ какъ французское правительство потребовало-бы впоследствии, за оказанныя имъ услуги, слишкомъ дорогой уплаты ²⁾.

Въ виду все болѣе и болѣе распространявшихся слуховъ о предстоявшемъ большомъ путешествіи Наполеона, графъ Толстой рѣшился покинуть Фонтенебло и, откланявшись императору, возвратился къ 1-му (13-му) ноября въ Парижъ ³⁾.

Съ отъѣздомъ Наполеона, котораго сопровождалъ также и министръ внѣшнихъ сношеній, въ политическихъ дѣлахъ наступилъ періодъ затишья. Графъ Толстой воспользовался этимъ временемъ, чтобы на досугѣ продолжать начатый имъ походъ противъ гибельнаго, по его мнѣнію, союза Россіи съ Наполеономъ.

¹⁾ Замѣтимъ здѣсь, что въ инструкціи графу Толстому сказано, что государь уполномочиваетъ его поддерживать, какъ можно больше, законныя требованія нѣмецкихъ князей, основанныя на Тильзитскомъ договорѣ, «*en faisant valoir les liens du sang qui m'unissent à ces maisons souveraines*». Но вмѣстѣ съ тѣмъ государь совѣтовалъ графу Толстому дѣйствовать съ должною осторожностью и выступать впередъ тогда только, когда онъ убѣдится, что требованія его не встрѣтятъ отказа. Интересы великаго герцога Саксенъ-Веймарскаго ввѣрились особенному попеченію графа Толстаго; по этому поводу императоръ Александръ пишетъ: «*L'une de mes soeurs étant mariée au prince héréditaire de ce pays, l'intérêt que je prends à la prospérité de cette maison s'explique de soi-même*».

²⁾ Графъ Толстой—графу Румянцову 8-го (20-го) ноября 1807 г. (Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ).

³⁾ Наполеонъ выѣхалъ изъ Фонтенебло въ Италію 4-го (16-го) ноября, въ сопровожденіи Бертье, Мюрата, Дюрока и Шампаньи. Императоръ прибылъ въ Миланъ 9-го (21-го) ноября.

VII.

Еще во время пребыванія въ Фонтенебло, графъ Толстой довершилъ свои первые дипломатическіе подвиги частнымъ и секретнымъ письмомъ (*particulière et secreta*) на имя графа Румянцева, написаннымъ въ тотъ же день, какъ и выше приведенная депеша о первой аудіенціи Наполеона, т. е 26-го октября (7-го ноября).

Письмо это настолько своеобразно, настолько ярко обрисовываетъ политическій символъ вѣры графа Толстаго, односторонній и рутинный взглядъ его, при полномъ сознаніи своей дипломатической некомпетентности, что мы считаемъ умѣстнымъ привести его полностью въ переводѣ:

„Мои опасенія относительно недостаточности моихъ способностей для занятія столь важнаго поста, которыя я имѣлъ уже честь высказать вамъ до выѣзда моего изъ Петербурга, пишетъ графъ Толстой, увеличиваются по мѣрѣ того, какъ мнѣ становятся болѣе извѣстными вся обширность лежащихъ на мнѣ обязанностей и громадная отвѣтственность за нихъ. Скоро начнутся въ Парижѣ переговоры о заключеніи мира съ Турціей, Императоръ Наполеонъ требуетъ для меня гораздо болѣе обширныхъ полномочій, чтобы избѣжать постоянныхъ проволочекъ, являющихся слѣдствіемъ громаднаго разстоянія между Парижемъ и Петербургомъ. Мнѣ не по силамъ взять на себя столь важное дѣло; я рѣшился даже не браться за него вовсе, потому что никогда не велъ переговоровъ и не чувствую въ себѣ никакого призванія къ этому. Даже теперь я часто нахожусь въ затруднительномъ положеніи, не имѣя ни талантовъ, ни знаній, чтобы бороться съ министерствомъ, составленнымъ изъ людей крайне ловкихъ и глубокихъ знатоковъ дѣла; мнѣ невозможно сдерживать себя, это превосходитъ мои силы, и, безъ сомнѣнія, въ концѣ концовъ, моя горячность можетъ только повредить дѣлу.

„Впрочемъ, взглядъ мой на вещи остался тотъ же самый, и милости императора Наполеона не могли измѣнить его. Такимъ образомъ интересы нашего двора, личное расположеніе,

которое я имѣлъ счастье внушить вамъ, наконецъ, данное мнѣ вами слово должны склонять ваше сіятельство поддерживать самымъ настойчивымъ образомъ мою просьбу, которую я осмѣливаюсь повергнуть къ стопамъ е. и. в. Я твердо рѣшился не оставаться здѣсь и лучше скажусь больнымъ; я увѣренъ, что ваша дружба отстранитъ отъ меня эту неприятность, которая неизбежно должна произвести дурное впечатлѣніе, но я тѣмъ не менѣе не останавлюсь передъ нею, если не обратятъ вниманія на мою просьбу. Я далъ понять здѣсь, что явился сюда только для поддержанія хорошихъ отношеній между обоими дворами и для содѣйствія всему тому, что можетъ сопривасаться съ этой благою цѣлью, но что я вовсе не уполномоченъ входить въ большіе переговоры, касающіеся напр. турецкихъ дѣлъ. Слѣдовательно, вамъ представляется благовидный предлогъ прислать сюда другаго полномочнаго министра, съ тѣми полномочіями, которыя здѣсь требуются, и смотрѣть на мою миссію, какъ на чрезвычайное посольство. Къ тому же, когда императоръ Наполеонъ освѣдомился, было ли замѣщено занимаемое мною мѣсто военнаго губернатора, равно какъ и другія мои должности, я отвѣчалъ ему, что военный министръ временно исполняетъ мои обязанности. Вслѣдствіе этого представляется еще второй способъ уладить дѣло о моемъ отозваніи. Я осмѣливаюсь только просить ваше пр-во устроить такъ, чтобы генераль Савари не могъ подозрѣвать о существованіи столь опредѣленно выраженаго мною желанія, потому что при этомъ дворъ могли бы подумать, что вызвали чѣмъ нибудь мое неудовольствіе, между тѣмъ какъ ничего подобнаго не случилось, ибо никто изъ членовъ дипломатическаго корпуса не пользовался такимъ вниманіемъ со стороны императора Наполеона, какое выпало на мою долю“.

«При этомъ я долженъ однако сознаться в. с., что былъ нѣсколько удивленъ, когда министръ внѣшнихъ сношеній, а затѣмъ и самъ императоръ Наполеонъ сообщили мнѣ сдѣланныя вашимъ превосходительствомъ генералу Савари предложенія относительно Молдавіи и Валахіи, которыя нисколько не соотвѣтствуютъ содержанию данныхъ мнѣ инструкцій, предписывающихъ выразить это желаніе нашего двора, какъ мысль, будто бы исходящую непосредственно отъ меня. Мои депеши излагаютъ побудительныя причины, по которымъ я отказался отъ всякой уступки

подобнаго рода. Мнѣ кажется, что для насъ несравненно выгоднѣе добиться сперва исполненія Тильзитскаго договора и покончить съ прусскими дѣлами, чтобы во-время остановить гангрену съ этой стороны. Намѣренія Бонапарта относительно насъ очевидны; онъ часто возвѣщалъ ихъ въ своей политической печати, и доселѣ ничто не доказываетъ намъ, чтобы онъ пересталъ быть послѣдовательнымъ въ своихъ планахъ. Онъ намѣревается превратить насъ въ азіатскую державу, отбросить къ старымъ границамъ и распространить свое господство даже на самое сердце нашихъ провинцій. Онъ избѣгаетъ войти въ объясненія относительно вознагражденія за предлагаемое имъ расширеніе нашихъ границъ къ Константинополю, но я имѣю основаніе полагать, что онъ подразумѣваетъ здѣсь наши польскія провинціи. Онъ старается удалить отсюда наши войска, чтобы пріобрѣсти тамъ свободу дѣйствій, предлагая намъ одну часть ихъ направить противъ Швеціи, а другую употребить на отдаленныя экспедиціи въ Персіи и Восточной Индіи. Его прощаніе съ княземъ Понятовскимъ какъ нельзя лучше указываетъ на его планы относительно Польши; оставая Варшаву, онъ сказалъ ему: «прощайте, князь; вы обладаете энергіей, у васъ 30,000 человекъ, организуйте ихъ, удвойте численность войскъ, и то, что не могло быть исполнено теперь, можетъ быть осуществимо черезъ два года» ¹⁾. Наконецъ, нельзя и предвидѣть куда его увлечетъ свойственное ему волканическое воображеніе, и я увѣренъ, что, по возвращеніи моемъ въ Петербургъ, я вовсе не буду бесполезенъ нашему двору, получивъ возможность лучше развить, чѣмъ дѣлалъ это письменно, всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя удалось собрать здѣсь относительно дальнѣйшихъ плановъ этого правительства, равно какъ и разъясненія, почерпнутыя мною изъ интересныхъ разговоровъ съ императоромъ Наполеономъ».

Не довольствуясь письмомъ къ министру, графъ Толстой присоединилъ къ нему еще нижеслѣдующее всеподданнѣйшее письмо ²⁾:

¹⁾ «Adieu, mon Prince, vous-avez de l'energie, vous avez 30,000 hommes, organisez les, doublez en le nombre et ce qui n'a pu se faire à présent pourra l'être dans deux ans».

²⁾ Графъ Толстой—императору Александру. Фонтенебло 28-го октября (9-го ноября) 1807 года. (Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ).

«Я считаю излишнимъ высказывать в. и. в. насколько тяжело мнѣ было видѣть себя вынужденнымъ принять мѣсто, которому мои способности такъ мало соотвѣтствуютъ; передъ своимъ отъѣздомъ сюда я осмѣлился умолять васъ, государь, поскорѣе отозвать меня съ поприща, столь противоположнаго тому, на которомъ я подвизался до тѣхъ поръ, и для котораго я совсѣмъ не годенъ. Съ каждымъ днемъ все болѣе убѣждаясь въ этой истинѣ, я вижу себя вынужденнымъ просить объ отозваніи меня. В. и. в. соблагволили подать мнѣ надежду, что просьба моя не останется безъ вниманія; итакъ я осмѣливаюсь напомнить объ обѣщаніи, мнѣ сдѣланномъ; исполненіе его послужитъ мнѣ единственной милостію, единственной наградою, о которой только я могу мечтать въ вознагражденіе моего усердія и моей преданности вамъ, засвидѣтельствованныхъ моею службой, и для подтвержденія коихъ самымъ сильнымъ доказательствомъ, которое только было въ моихъ силахъ, является то, что я покорился вашей волѣ, не отвѣчавшей ни моимъ желаніямъ, ни моимъ интересамъ и чувствамъ, и отправился на это мѣсто, противно моимъ убѣжденіямъ (*contre ma conviction*).

„Я почелъ бы себя, государь, виновнымъ предъ в. имп. вел., если бы оставался здѣсь дольше; я нанесъ бы лишь вредъ интересамъ вашимъ и интересамъ моего отечества и не сумѣлъ бы обманывать самого себя въ этомъ отношеніи (*j'y serai nuisible à ses intérêts, à ceux de mon pays et ne saurai me faire illusion là dessus*). Къ тому же и мое здоровье сильно пострадало и ухудшается съ каждымъ днемъ отъ испытываемыхъ мною нравственныхъ волненій; для меня было бы верхомъ счастья, если бы вы, государь, соблагволили принять мою отставку, которую я осмѣливаюсь повергнуть къ стопамъ вашимъ на основаніи столь многихъ убѣдительныхъ доводовъ“.

Высказавъ столь опредѣленнымъ образомъ свои взгляды и желанія, графъ Толстой, однако, не успокоился. Не дождавшись отвѣта на іереміады, посланныя изъ Фонтенебло, онъ въ началѣ ноября снова обращается къ графу Румянцову ¹⁾ и пишетъ:

„Сознавая съ каждымъ днемъ все болѣе недостаточность

¹⁾ На письмѣ не обозначено ни мѣсяца, ни числа. Можно полагать, что оно написано около 7-го ноября 1807 г. (Архивъ мин. ин. дѣлъ).

моихъ способностей для поприща, которое заставили меня избрать, я повторяю мою просьбу объ отозваніи меня съ него“.

Въ числѣ причинъ, вынуждавшихъ его настаивать на отозваніи изъ Парижа, графъ Толстой особенно налегаетъ на переговоры съ Турціей, перенесенные туда французскимъ министерствомъ. По его мнѣнію, для насъ было бы выгодноѣ вести переговоры гдѣ угодно, только не подъ глазами этого министерства.

Дополненіемъ ко всему вышесказанному служитъ всеподданнѣйшее собственноручное письмо графа Толстаго къ императору Александру (на русскомъ языкѣ), въ которомъ онъ предвѣщаетъ неизбежность войны съ Франціею и совѣтуетъ, въ виду этого, организовать ополченіе въ Россіи ¹⁾.

Вотъ содержаніе этого любопытнаго документа:

„Все милостивѣйшій государь. Донесенія мои изъ Фонтенебло, отправленныя и у сего прилагаемыя, достаточно представляютъ в. имп. вел. дальновидныя желанія и подвиги французскаго правительства къ новымъ приобрѣтеніямъ чужихъ земель, къ покоренію сосѣдственныхъ государствъ и къ расширенію своего владычества до конца Европы. Надежды возстановить съ симъ правительствомъ долговременной и основательной миръ есть обманъ, коимъ ослѣпляются слабые умы, не чувствующіе въ себѣ никакой силы сопротивленія, теряя тѣмъ время и самые способы приуготовить себя къ оборонѣ.

¹⁾ На письмѣ не обозначено ни мѣсяца, ни числа. Судя по письмамъ графа Толстаго къ графу Румянцову отъ 15-го ноября и 15-го декабря 1807 года, можно полагать, что всеподданнѣйшее письмо, о которомъ идетъ рѣчь, написано между этими двумя числами. Препровождая графу Румянцову копію съ этого всеподданнѣйшаго письма, графъ Толстой пишетъ министру 15-го (27-го) декабря.

«J'ai voulu dans cette lettre exprimer à notre auguste maître la seule manière dont il appartient d'envisager la situation actuelle de la Russie relativement à la France. La nécessité indispensable d'être en mesure contre ses projets ambitieux et de se préparer à une opposition formidable, doit en ce moment-ci, selon ma manière de voir les choses, être le principal objet de la sollicitude paternelle de S. M. l'Empereur. C'est en nous montrant prêt à tout que nous éviterons le danger, que nous l'écarterons ou du moins que nous en éloignerons l'époque, si, comme il n'est plus à en douter, actuellement moins que jamais, aucune considération ne pourra engager Napoléon à ralentir sa marche de géant.—V. E. ne verra en cette démarche de ma part qu'une nouvelle preuve de mon zèle pour les intérêts de S. M. et du dévouement et de la confiance sans bornes que Vous m'inspirez à tant de titres».

(Архивъ мин. ин. дѣлъ).

„Дѣйствию необузданной власти императора Наполеона,—дѣятельность и искусство людей, его окружающихъ, необыкновенны; Гишпанія и Португалія скоро падуть подъ иго Франціи, а потомъ возстановленіе Польши будетъ предметомъ его славолюбія.

„Теперь есть еще время, всемил—шій государь, усилить російскія войска и сдѣлать основаніе внутреннаго ополченія въ имперіи, соотвѣтственно силѣ и возможности онаго, и, запретивъ главнымъ начальникамъ вдаваться въ мелкія точности и подробности, отвлекающія всѣхъ отъ настоящей службы, возстановитъ твердость, духъ храбрости и должную дисциплину;—на сихъ правилахъ основана вся слава французскаго оружія.

„Ежели-жъ не примутся нужныя мѣры, то внезапно и съ удивленіемъ увидимъ мы французскія арміи въ границахъ нашихъ и тогда послѣдствія будутъ неисчислимы.

„Съ угнетеніемъ сердца повергаю къ стопамъ в. имп. вел. искренность моихъ мыслей и повтореніе всеподданнической моей просьбы о увольненіи меня отъ службы, столь мнѣ чуждой и въ коей я ничего успѣть не надѣюсь.

„Генераль-лейтенантъ графъ Толстой“.

Разсмотримъ теперь какимъ образомъ отнеслись въ Петербургѣ къ первымъ донесеніямъ графа Толстаго, посланнымъ изъ Фонтенебло.

Въ частномъ письмѣ, отъ 26-го ноября (8-го декабря) ¹⁾, графъ Румянцовъ сообщилъ съ полною откровенностью графу Толстому, что императоръ Александръ не одобряетъ высказаннаго имъ желанія возвратиться въ Россію, и присовокупляетъ отъ себя, что онъ лично находитъ столь послѣдній отъѣздъ совершенно неприличнымъ (*tout à fait inconvenant*) ²⁾.

„Я не забылъ, пишетъ графъ Румянцовъ, что я обѣщаль поддержать вашу просьбу объ отозваніи, но и вы, въ свою очередь, обѣщали мнѣ не ходатайствовать объ этомъ тотчасъ послѣ вашего пріѣзда“.

¹⁾ Архивъ мин. вн. дѣлъ.

²⁾ Припомнимъ здѣсь, что графъ Толстой прибылъ въ Парижъ 20-го октября (вечеромъ), и черезъ шесть дней, а именно 26-го октября, просилъ уже отовзвать его обратно въ Россію! Кажется, исторія не представляетъ подобнаго припіра, чтобы посоль рѣшился на такой шагъ въ столь короткое время послѣ вступленія въ должность.

Затѣмъ министръ ставитъ графу Толстому, какъ онъ выражается, слѣдующій гороскопъ: „Вы подпишете миръ (съ Турціею), получите заслуженныя награды и затѣмъ уже возвращайтесь къ намъ. Государь посылаетъ вамъ съ этимъ же курьеромъ полномочія, для заключенія мира требуемыхъ... Я убѣжденъ, что миръ возможно заключить въ теченіи этой зимы. Поймите же, какую радость подготовите вы себѣ на всѣ остальные дни вашей жизни, какой блескъ придадите вашему имени и оставите дѣтямъ, если, поборовъ въ себѣ отвращеніе къ дипломатической карьерѣ и пожертвовавши, повторяю, лишь нѣсколькими мѣсяцами, вы окажете столь существенную услугу вашему отечеству! Скажу вамъ откровенно, графъ, что рѣдко кому въ жизни выпадалъ на долю столь счастливый случай, какъ тотъ, который мы предоставляемъ вамъ. Прибавьте къ этому пріемъ, только что встрѣченный вами въ Парижѣ, и объясните мнѣ, на что же вы жалуетесь: *de se que la mariée est trop belle*, (на то, что новобрачная слишвомъ мила), какъ говорятъ французы въ подобномъ случаѣ? Я убѣжденъ, что присущая вамъ откровенность характера возбудитъ къ вамъ довѣріе со стороны императора Наполеона, и хотя сначала она и можетъ докучать ему и порою даже не нравится, но, въ концѣ концовъ, она-то и создастъ вашъ успѣхъ и обезпечитъ вамъ несравненно болѣе удобное средство говорить о дѣлахъ съ этимъ государемъ и обсуждать ихъ, чѣмъ это было бы достижимо при всемъ умѣніи и ловкости самаго совершеннаго дипломата ¹⁾).

Что же касается заступничества за Пруссію, то дѣйствія

---

¹⁾ Въ томъ же письмѣ графъ Румянцовъ пишетъ: «Если императоръ Наполеонъ высказалъ бы предположеніе двинуть свои войска совместно съ Даніею въ Сканию и овладѣть Гельсингборгомъ, господствующимъ съ этой стороны надъ входомъ въ Зундъ, то не препятствуйте ему въ этомъ, потому что подобный образъ дѣйствій былъ бы для насъ выгоденъ и доставилъ бы вѣрное и скорое средство запретить англійскому флоту входъ въ Зундъ».

Наставленіе, данное грифомъ Румянцовымъ, не послѣло во-время; какъ выше упомянуто, графъ Толстой успѣлъ уже, во время аудіенціи 26-го октября, отклонить содѣйствіе, предложенное намъ въ этомъ смыслѣ Наполеономъ.

Приведенный пріятѣль доказываетъ нагляднымъ образомъ, какимъ образомъ въ Петербургѣ и въ русскомъ посольствѣ въ Парижѣ преслѣдовали одновременно двѣ противоположныя цѣли. То же самое явленіе наблюдалось и въ болѣе важныхъ вопросахъ.

графа Толстаго въ этомъ отношеніи удостоились полнаго одобренія императора Александра. „Vous avez en effet très bien débuté“, пишетъ графъ Румянцовъ строптивому послу.

Но гороскопъ графа Румянцова относительно предстоявшей графу Толстому дѣятельности не осуществился на дѣлѣ. Наполеонъ не сошелся съ графомъ Толстымъ; обоюдныя отношенія ихъ, послѣ всякаго разговора, прибрѣтали все болѣе натянутый характеръ, и соглашенія состояться не могло. Между тѣмъ, съ прибытіемъ Коленкура въ Россію, центръ тяжести переговоровъ окончательно перешелъ въ Петербургъ. Подготавливалось новое свиданіе двухъ императоровъ, состоявшееся въ Эрфуртѣ, осенью 1808 года, и приведшее къ новому соглашенію съ Франціею, въ которомъ прозорливость графа Толстаго, конечно, усмотрѣла „le complément de nos malheurs, la perte de la Russie!“

VIII.

Когда графъ Толстой явился въ Парижъ, австрійскимъ посломъ при французскомъ дворѣ былъ столь извѣстный впоследствии графъ Меттернихъ.

Сближеніе Россіи съ Франціею, послѣдовавшее послѣ Тильзитскаго мира, возбудило въ Австріи серьезныя безпокойства за будущее благополучіе Габсбургской монархіи. Австрійскій же посолъ опасался въ особенности полнаго сближенія (*rapprochement complet*) между этими двумя могущественными сосѣдними державами своего отечества. Необыкновенныя почести, которыми сопровождалось появленіе русскаго посла, вызвали неудовольствіе австрійскаго двора; графъ Меттернихъ жаловался даже на явное предпочтеніе, оказываемое при каждомъ случаѣ графу Толстому ¹⁾. Безпокойство графа Меттерниха продолжалось однако не долго, и 31-го октября (12-го ноября) онъ уже

¹⁾ Въ письмѣ Наполеона къ Саваря отъ 26-го октября (7-го ноября) 1807 года объ этой претензіи упомянуто въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

— «La manière dont on l'a traité a déjà excité des réclamations de quelques membres du Corps diplomatique. On leur a répondu que ce n'était que la réciprocité du traitement qui était fait à mon envoyé à Saint-Petersbourg».

вполнѣ торжествовалъ и доносилъ въ Вѣну, что опасность полнаго сближенія миновала! (*Ce danger est éloigné* ¹⁾).

Послѣ этого неудивительно, что Меттернихъ въ своихъ запискахъ отзывался о графѣ Толстомъ съ сочувствіемъ и похвалою, утверждая даже, что императоръ Александръ настоятельно совѣтывалъ графу Толстому сойтись съ нимъ и слѣдовать его совѣтамъ ²⁾, и что инструкціи графа предписывали ему вполнѣ полагаться на него ³⁾.

Вотъ новый образчикъ безцеремоннаго обращенія графа Толстаго съ данною ему инструкціей!! Въ этомъ легко убѣдиться, обратившись къ подлиннымъ словамъ этого наставленія ⁴⁾.

Хотя въ инструкціи дѣйствительно сказано, что, не смотря на предосудительное поведеніе вѣнскаго двора въ послѣднюю войну, его величество желаетъ, тѣмъ не менѣе, поддержать во всей ихъ силѣ связи дружбы и добраго согласія, соединяющія его съ императоромъ австрійскимъ, и даже упрочить ихъ по мѣрѣ силъ, но тутъ же оговорено, что, придерживаясь общепринятыхъ между представителями двухъ дружественныхъ державъ отношеній; полныхъ предупредительности—отнюдь не слѣдуетъ въ сношеніяхъ съ австрійскимъ посломъ переходить предѣловъ, которыхъ требуютъ осторожность, равно какъ и личный характеръ и принципы того лица, съ которымъ придется имѣть дѣло ⁵⁾.

Кажется, ясность этого наставленія не оставляетъ желать ничего лучшаго и не могла вызвать превратнаго толкованія.

¹⁾ Mémoires de Metternich, часть 2-я, стр. 139.

²⁾ Mémoires de Metternich: «Matériaux pour servir à l'histoire de ma vie publique (1773—1815)». Часть 1-я, стр. 59:

«L'Empereur Alexandre lui avait fortement recommandé de s'attacher à moi et de suivre mes conseils».

³⁾ Mémoires. Часть 2-я стр. 136: «Ses instructions lui prescrivaient de s'en tenir entièrement à moi». Послѣднія слова графъ Толстой поручилъ передать Меттерниху черезъ графа Нессельроде, а затѣмъ, при личномъ свиданіи, снова повторилъ ихъ.

⁴⁾ Дополненіе къ инструкціи отъ 14-го сентября: депеша графа Румянцева—графу Толстому отъ 15-го сентября 1807 года (Архивъ М. И. Д.).

⁵⁾ «Sans toutefois dépasser les bornes que vous indiqueront la prudence, le caractère personnel et les principes de la personne, à laquelle vous aurez à faire».

Однако графъ Толстой нашелъ все таки возможнымъ, руководствуясь инструкціею, сказать Меттерниху, что ему предписано вполнѣ полагаться на него!!! и перейти такимъ образомъ далеко за черту, указанную ему государемъ.

Обратимся теперь къ характеристикѣ графа Толстаго, сдѣланной Меттернихомъ:

„До сихъ поръ, пишетъ Меттернихъ въ своей автобіографіи, графъ Толстой былъ чуждъ дипломатической карьерѣ, да впрочемъ направленіе его ума и свѣдѣній, исключительно военныхъ, никогда бы и не позволило ему избрать это поприще: принимая постъ посла въ Парижѣ, онъ лишь покорился волѣ царя. По моему мнѣнію, выборъ императора вполнѣ соответствовалъ обстоятельствамъ. Отъявленный консерваторъ, убѣжденный противникъ системы завоеваній, этотъ невольный посолъ (*set „ambassadeur malgré lui“*) не дѣлалъ тайны изъ своихъ воззрѣній и тѣмъ не менѣ заслужилъ уваженіе того, чьи замыслы ему было поручено выслѣживать“.

Въ депешѣ къ графу Стадіону отъ 31-го октября (12-го ноября ¹⁾) наставникъ графа Толстаго входитъ еще въ большія подробности, съ которыми необходимо ознакомиться для окончательнаго уясненія себѣ политики русскаго посла.

«Я затруднился бы, сообщаетъ Меттернихъ въ своей депешѣ, представить вамъ ту простоту и чистосердечіе, съ которыми графъ Толстой объяснялся со мною. Онъ повторилъ мнѣ то, что уже раньше, по его порученію, передавалъ Нессельроде, что его инструкціи предписываютъ ему вполнѣ полагаться на меня. При этомъ онъ прибавилъ, что считаетъ возможнымъ передать мнѣ самымъ конфиденціальнымъ образомъ, что императоръ, его повелитель, съ удовольствіемъ вспоминаетъ о томъ, что я былъ ему лично извѣстенъ еще въ то время, когда блестящія надежды связывали объ имперіи, что положеніе Россіи и Австріи ухудшилось съ тѣхъ поръ, но что мы, къ счастью, еще устояли, и онъ рассчитываетъ на дружбу, съ которою я отнесусь здѣсь къ его послу.

«На это я сказалъ графу Толстому: у всѣхъ у насъ одна цѣль, и другой цѣли мы не можемъ имѣть, какъ стремиться сохранить

¹⁾ Mémoires de Metternich. (Часть 2-я, стр. 136).

нашу непривосновенность среди общаго крушенія. Европа, или, вѣрнѣе, нѣкоторыя частицы прежней Европы, стоятъ на одной сторонѣ, императоръ Наполеонъ на другой—противоположной. Сегодня онъ будетъ ласкать васъ для того, чтобы напасть на васъ завтра; то же самое онъ сдѣлаетъ и съ нами; намъ обоимъ предстоитъ постоянно бороться противъ его плановъ захвата и покоренія. Борьба была продолжительна, но велась, къ несчастію, слишкомъ плохо; наше взаимное положеніе требуетъ теперь, чтобы она ограничилась защитой принциповъ, которые должны составлять постоянно основаніе и вашего существованія и нашего. Намъ одинаково приходится избѣгать двухъ опасныхъ пороговъ—и ссоры съ нимъ, и его лживыхъ заигрываній,—и если мы будемъ дружны и разумны, мы съумѣемъ лавировать между обоими порогами.

«Я вполне раздѣляю ваше мнѣніе, возразилъ мнѣ графъ Толстой: будьте увѣрены, что и мой дворъ, несмотря на крайне обманчивые внѣшніе признаки, безусловно раздѣляетъ тѣ же взгляды ¹⁾. Я не знаю, чего эти господа хотятъ отъ меня, но они просто сумашедшіе, если надѣются, что я поддамся ихъ обману.—Кажитесь обманутымъ, но не будьте имъ, прервалъ я его, станемте друзьями и будемъ дѣлиться всѣми нашими наблюденіями, которыя, взятыя въ отдѣльности, могутъ вести часто лишь къ ложнымъ предположеніямъ, но сопоставленныя между собою приведутъ насъ прямо къ истинѣ, которую, весьма естественно, захотятъ скрыть отъ насъ.

«Онъ сообщилъ мнѣ, что императоръ наканунѣ сказалъ ему, что всѣ его разногласія съ Австріею устранены, что онъ подписалъ конвенцію, которою положенъ конецъ всѣмъ спорамъ, и что немедленно онъ велитъ очистить Браунау. Какъ передавалъ мнѣ графъ Толстой, онъ прибавилъ при этомъ: австрійскій импе-

---

¹⁾ Съ этимъ мнѣніемъ графа Толстаго нельзя согласиться, по крайней мѣрѣ на сколько это можетъ относиться къ императору Александру. Въ то время государь намѣренъ былъ твердо держаться союза съ Франціею. Недоброжелатели Наполеона не успѣли еще разсорить тлѣзыхъ друзей. Оба императора и не помышляли воевать одинъ съ другимъ и хотѣли, напротивъ того, путемъ взаимнаго соглашенія установить новое политическое бытіе Европы. Къ этому заключенію приводитъ тщательное сопоставленіе всѣхъ документовъ, относящихся до этой достопамятной эпохи.

раторъ съ такою любезностью отозвался на предложенныя мною справедливыя мѣры относительно Англіи, что я приказалъ оказывать содѣйствіе къ отправкѣ курьера, котораго графъ Меттернихъ намѣренъ послать въ Лондонъ.

«Ну, а что же вы предпримете противъ Англіи? спросилъ я его.—Необходимо, возразилъ онъ, чтобы и мы также прошли черезъ это, и вы прекрасно сдѣлали, что избрали тотъ путь, по которому слѣдуете теперь.

«Желая узнать о той степени довѣрія, которую онъ выкажетъ мнѣ въ турецкихъ дѣлахъ, я сказалъ ему, что узналъ здѣсь изъ вѣрнаго источника, что участь этой страны должна рѣшиться вскорѣ. Вы, слѣдовательно, здѣсь заключите миръ съ Турціею? спросилъ я его.—Да, отвѣчалъ онъ; но изъ всѣхъ переговоровъ это самые легкіе, потому что мы ничего не добиваемся. Я хотѣлъ бы, чтобы вы взглянули на удивленныя лица этихъ господъ, когда я сказалъ имъ самымъ опредѣленнымъ и простымъ образомъ, что мы не требуемъ никакихъ уступокъ отъ Порты. Я знаю, что у васъ думаютъ, что мы желаемъ приобрѣсти Молдавію и Валахію, но я клянусь вамъ, что это вздоръ, и что бы мы стали дѣлать съ ними?—Я далъ ему замѣтить, что въ настоящее время должно по преимуществу требовать мѣръ охранительныхъ, и что никакой раздѣлъ вообще не представляется мнѣ возможнымъ безъ новаго расширенія Франціи; онъ вполне присоединился къ моему мнѣнію и просилъ меня положительно завѣрить мой дворъ, что Россія не стремится ни въ какихъ приобрѣтеніяхъ на счетъ Турціи (??) и опровергнуть ложныя свѣдѣнія, которыя могли бы укорениться у насъ.

«На основаніи этихъ данныхъ, я не могу позволить себѣ судить о сущности русской политики, но я доволенъ, что давно уже высказалъ свое мнѣніе о крайней преувеличенности слуховъ о тѣсной дружбѣ между с.-петербургскимъ и тюльерійскимъ кабинетами, распространять которые повсюду входило въ систему французской политики. Мои донесенія служатъ подтвержденіемъ этой истины, и я не сомнѣваюсь теперь, что съ каждымъ днемъ она будетъ все болѣе и болѣе очевидной;

мы могли опасаться сильнѣе всѣхъ прочихъ предположеній полнаго сближенія между обѣими нашими сосѣдними державами. Эта опасность устранена».

Эта откровенная исповѣдь графа Меттерниха доказываетъ, какъ вѣрно оцѣнилъ онъ политическую обстановку 1807 года; для него тотчасъ стало яснымъ, что Россія не воспользуется выгодами, проистекающими для нея изъ французскаго союза и наполеоновской дружбы. А этого было для него достаточнымъ, чтобы съ полною надеждою взирать на будущее, а пока жить изо дня въ день, въ ожиданіи великаго момента, который положить предѣлъ порядку вещей, въ сущности своей чисто временному, такъ какъ онъ, по мнѣнію Меттерниха, неестественъ и противенъ цивилизаціи!! Въ этомъ отношеніи убѣжденія Меттерниха вполне сходились съ политической программой, преслѣдуемой русскимъ посломъ при французскомъ дворѣ, и дружба ихъ крѣпла съ каждымъ новымъ рѣшительнымъ шагомъ Наполеона.

Здѣсь встаетъ будетъ упомянуть о ближайшемъ помощникѣ графа Толстаго, совѣтникѣ посольства, графѣ К. В. Нессельроде. Самая существенная часть дипломатической переписки посла редактировалась имъ, и многія секретныя депеши и письма всецѣло переписывались начисто рукою трудолюбиваго графа Нессельроде. Онъ раздѣлялъ враждебныя чувства графа Толстаго въ Наполеону, всячески поддерживалъ это нерасположеніе и склонялъ посла въ пользу сближенія съ Австріею и даже союза съ нею.

Въ своихъ запискахъ графъ Нессельроде сознается, что депеши, которыя приходилось ему сочинять, не всегда говорили въ пользу союза съ Франціею и потому должны были не нравиться графу Румянцову, этому залятому приверженцу Наполеона (*l'âme damnée de Napoléon*). Въ этомъ отношеніи Нессельроде нисколько не ошибался, но парижскія депеши вызывали также неудовольствіе императора Александра: «il m'en voulait pour les dépêches du comte Tolstoy», отмѣтилъ графъ Нессельроде въ своей автобіографіи ¹⁾.

О пребываніи своемъ въ Парижѣ въ 1807 и 1808 годахъ графъ Нессельроде рассказываетъ слѣдующее:

¹⁾ Notice biographique sur le comte Nesselrode. (Государственный архивъ).

На эрфуртскомъ свиданіи графъ Нессельроде имѣлъ случай убѣдиться въ неудовольствіи государя, который обошелся съ нимъ довольно холодно. (L'Empereur m'avait traité assez froidement).

• Назначеніе въ Парижъ, хотя и лестное для меня, было мнѣ не по сердцу. Я не сочувствовалъ ни Франціи, ни человѣку, управлявшему ею, и уже намѣревался отказаться. Но милостивыя слова императора Александра положили конецъ моей нерѣшимости, и это послужило мнѣ къ счастью, составивъ исходную точку прекрасной и обширной карьеры, предназначенной мнѣ Богомъ. (Ce fut là l'origine de la belle et grande carrière que Dieu m'a accordée de parcourir). Графъ Толстой также съ отвращеніемъ (*réugnance*) отправился къ мѣсту своего назначенія: здѣсь все было для него ново. Онъ имѣлъ много здраваго смысла (*bon sens*), характеръ благородный, твердый, но не привыкъ жить въ большомъ свѣтѣ; свѣтскія обязанности стѣснили его, и по приѣздѣ въ Парижъ онъ гораздо болѣе занятъ былъ мыслью удалиться какъ можно скорѣе отъ непривычнаго для него положенія, не соотвѣтствовавшаго ни его привычкамъ, ни его склонностямъ, чѣмъ желаніемъ упрочить его. Тѣмъ не менѣе онъ пользовался успѣхомъ у Наполеона; его откровенныя приемы (*ses allures franches*) не возбуждали неудовольствія, и въ частыхъ и довольно оживленныхъ между ними бесѣдахъ графъ Толстой всегда умѣлъ сохранять свое достоинство».

Понятно, что, принявъ свое парижское назначеніе съ отвращеніемъ, графъ Нессельроде долженъ былъ сочувствовать идеямъ графа Меттерниха; при обоюдномъ враждебномъ отношеніи ихъ къ Наполеону, между ними легко установилась здѣсь прочная дружественная связь, которая, по словамъ графа Меттерниха, «ни разу не измѣнялась даже при различныхъ фазисахъ нашей политической жизни»¹⁾.

При такихъ дѣятеляхъ, каковыми являлись Толстой и Нессельроде, слѣдовало ожидать результатовъ, прямо противоположныхъ намѣреніямъ императора Александра. Враждебное къ Франціи содержаніе донесеній, отправляемыхъ въ Петербургъ, быстро принимало все болѣе и болѣе рѣзкій оттѣнокъ. Наконецъ, въ посольствѣ додумались до того, что 27-го ноября (9-го декабря)

¹⁾ Mémoires de Metternich. Часть 1-я, стр. 59.

Въ запискахъ Нессельроде упомянуто, что начало знакомству положено было еще ранѣе, а именно въ 1802 году въ Дрезденѣ; графъ Меттернихъ занималъ тогда мѣсто австрійскаго посланника при саксонскомъ дворѣ. Н. III.

сочинили частное и секретное письмо на имя графа Румянцева, въ которомъ составитель его, безъ всякаго стѣсненія, предлагалъ приступить къ заключенію австро-русскаго союза, направленного противъ Франціи ¹⁾.

«Въ моихъ предыдущихъ депешахъ, пишетъ графъ Толстой, или, вѣрнѣе сказать, графъ Нессельроде,—я пытался представить вамъ образъ дѣйствій французскаго правительства по отношенію къ намъ. Такимъ же оно было постоянно и по отношенію ко всѣмъ прочимъ державамъ. Система эта слишкомъ хорошо удавалась императору Наполеону, чтобы онъ могъ-бы желать отказаться отъ нея. Наоборотъ, мнѣ кажется, что все лишь служить доказательствомъ того, что онъ съ тою-же настойчивостью придерживается этой системы и относительно Россіи, и я почелъ своимъ долгомъ передъ государемъ, передъ отечествомъ и передъ самимъ собою предупредить васъ объ опасности, какъ только я замѣтилъ ее и было еще время предотвратить ее. Я указалъ на средства, предоставляемая нашею страной для созданія плотины, долженствующей когда-либо остановить у нашей границы разбушевавшійся потокъ. Иностранныя державы, къ несчастію, представляютъ намъ лишь крайне слабое подспорье. Тѣмъ не менѣе, мнѣ кажется, что не слѣдуетъ совершенно пренебрегать ими. Изъ всѣхъ континентальныхъ державъ одна только Австрія сохранила еще подобіе политическаго существованія. Она сумѣла воспользоваться спокойствіемъ, выпавшимъ на ея долю въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, и создала себѣ вооруженную силу, которую можно опредѣлить въ 150,000 человѣкъ подъ ружьемъ. И вотъ, чтобы обезпечить за собою эту поддержку, могущую въ тому же составить прекрасный авангардъ, и которая, при томъ жалкомъ положеніи, въ какомъ находится теперь Европа, неминуемо обратится противъ насъ же, если мы не найдемъ средствъ склонить ее на нашу сторону—для этого необходимо поработать теперь же. До сихъ поръ принимались за обсужденіе дѣла лишь въ ту минуту, когда врагъ находился уже у воротъ, и вотъ что въ большинствѣ случаевъ причиняло несчастіе Европы. Наша система въ отношеніи къ Франціи должна быть оборонительная—и исключительно ее слѣдуетъ

¹⁾ Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

организовать съ настоящаго времени. Сближеніе съ вѣнскимъ дворомъ кажется мнѣ необходимымъ, и ничто не могло-бы такъ хорошо способствовать осуществленію этой цѣли, какъ стремленіе съ нашей стороны сгладить тѣ безповойства, которыя ложно возбудилъ въ немъ Тильзитскій договоръ, и которыя Франція не преминетъ поддерживать, какъ средство къ окончательному разьединенію насъ. Связь эту, возобновленную съ величайшею осторожностью, всего легче было-бы поддерживать въ Парижѣ, и для болѣе полнаго обезпеченія тайны не слѣдовало-бы даже посвящать въ нее нашу миссію въ Вѣнѣ и австрійскую въ Петербургѣ; можетъ быть было-бы хорошо, если-бъ графъ Мерфельдъ продолжалъ жаловаться на нашъ дворъ, и если-бы дали поводъ генералу Савари написать сюда, что къ австрійскому посольству относятся крайне холодно, а съ другой стороны князь Куракинъ ¹⁾ продолжалъ-бы ухаживать за графомъ Андреоси, чтобы послѣдній отзывался о немъ съ величайшей похвалою. Наконецъ Парижъ, какъ средоточіе этихъ переговоровъ, представляетъ еще то громадное преимущество, что именно отсюда долженъ разразиться ударъ, и здѣсь готовится опасность, а слѣдовательно нигдѣ нельзя лучше предугадать и приготовить тѣ средства, которыми слѣдуетъ предотвратить ее.

„Графъ Меттернихъ, австрійскій посолъ въ Парижѣ, какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ той степени довѣрія, которой требуетъ дѣло подобной важности. Съ самаго моего пріѣзда въ Парижъ, я относился къ нему, какъ предписывали данныя мнѣ инструкціи, и даже призналъ возможнымъ выполнить ихъ во всемъ ихъ объемѣ (*dans toute leur étendue*) ²⁾, такъ какъ знаю графа Меттерниха уже въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ и здѣсь снова нашелъ въ немъ тѣ же принципы прямоты и искрен-

¹⁾ Посолъ въ Вѣнѣ: Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ.

Графъ Толстой не долюбивалъ его за участіе, принятое имъ въ составленіи Тильзитскаго договора и за сочувствіе къ Франціи и къ новой политикѣ русскаго двора.

²⁾ Выше приведено нами содержаніе инструкціи, данной графу Толстому относительно сношеній его съ австрійскимъ посломъ. Сравнивая ее съ содержаніемъ письма отъ 27-го ноября, нельзя не замѣтить, что графъ Толстой понималъ довольно своеобразно исполненіе инструкціи во всемъ ея объемѣ! При такихъ исполнителяхъ императору Александру было дѣйствительно довольно трудно вести дѣло въ желаемомъ имъ направленіи. **Н. III**

ности, которыми онъ когда-то уже снискалъ довѣріе съ моей стороны ¹⁾. Онъ одушевленъ любовью къ добру и видитъ спасеніе своего отечества единственно въ близкихъ отношеніяхъ съ Россіей; онъ преисполненъ преданности къ его величеству императору, нашему августѣйшему повелителю, которому онъ имѣетъ счастье быть лично извѣстнымъ, и потому мнѣ кажется, что связь (liaison) между нимъ и нашимъ посольствомъ во Франціи можетъ привести лишь къ результатамъ полезнымъ для благосостоянія обоихъ дворовъ. Во всѣхъ случайностяхъ, къ которымъ могутъ привести событія, подобная связь будетъ вполне отвѣчать взаимнымъ выгодамъ обѣихъ державъ, настоятельно требующимъ, чтобы та и другая изъ нихъ во-время подготовили себѣ средства, способныя обезпечить ихъ цѣлость. Вотъ единственная цѣль, которую можно намѣтить этому союзу (alliance); мѣры, которыя я осмѣливаюсь предлагать, исключительно предохранительныя (préservatrices). Въ настоящее время не можетъ быть и рѣчи о нападеніи на Францію и возможности заставить ее вернуться къ своимъ естественнымъ границамъ; теперь все дѣло заключается единственно въ томъ, чтобы не позволить захватить себя врасплохъ и дорогою цѣною продать ей наше политическое бытіе, если бы она возымѣла намѣреніе посягнуть на него. Можетъ быть, было бы лучше не закрѣплять этихъ отношеній формальнымъ договоромъ, такъ какъ заключеніе его потребовало бы исполненія различныхъ формальностей, которыя, не представляя достаточно вѣрной гарантіи намѣреній кабинетовъ, могутъ, однако, нарушить требуемую ими тайну. Достаточно было бы прямого и честнаго соглашенія (entente franche et loyale) относительно дѣйствій обоихъ дворовъ, въ случаѣ одинъ изъ нихъ подвергся бы нападенію со стороны Франціи; взаимныя выгоды, на которыхъ покоялось бы подобное соглашеніе, лучше обезпечивали бы искренность и его выполненіе, чѣмъ всевозможные договоры.

„Вотъ, графъ, мое мнѣніе о нынѣшнемъ положеніи дѣлъ и о томъ единственно возможномъ рѣшеніи, которое, по моему убѣжденію, Россія должна принять при настоящихъ обстоятельствахъ. Оно, можетъ быть, ошибочно, но внушено мнѣ любовью къ оте-

¹⁾ Кажется, графу Толстому принадлежитъ честь открытія этихъ почтенныхъ качествъ въ будущемъ князѣ Меттернихѣ!

честву и безграничною преданностью моему государю, и потому я не боюсь представить его вашему вниманію. Если вы найдете его неосуществимымъ и рѣшите, что, вѣряя себя вполне императору Наполеону (*un abandon complet*), можно лучше обезпечить благо Россіи, чѣмъ при содѣйствіи предложенной мною системы, я попрошу васъ смотрѣть на это сообщеніе, какъ на чисто конфиденціальное. Выраженныя вами передъ моимъ отвѣдомъ сюда чувства довѣрія и прямоты побуждаютъ меня вполне положиться на васъ. Я нахожу возможнымъ довѣриться исключительно только вамъ, графъ, а вашъ образъ мыслей служить лучшимъ ручательствомъ для разсвѣнія во мнѣ опасеній быть скомпрометированнымъ самому, и еще болѣе боязни какъ нибудь замѣшать въ это дѣло графа Меттерниха“.

По полученіи въ Петербургѣ этого письма, терпѣніе графа Румянцова, наконецъ, истощилось; онъ представилъ его императору Александру, который прочелъ его съ величайшимъ вниманіемъ и привазалъ сообщить о своемъ неудовольствіи графу Толстому въ слѣдующихъ выраженіяхъ¹⁾:

«Его величество желаетъ чистосердечнаго сближенія и близкихъ отношеній съ вѣнскимъ дворомъ. Объ этомъ свидѣтельствуется инструкція, данная нашему послу князю Куракину; въ томъ же духѣ были составлены и указанія, полученныя вашимъ превосходительствомъ, для поддержанія въ Парижѣ съ графомъ Меттернихомъ отношеній дружественныхъ и полныхъ довѣрія. Е. и. в. съ удовольствіемъ усмотрѣлъ изъ нѣсколькихъ депешъ вашихъ, съ какимъ успѣхомъ удалось вамъ установить это согласіе, столь полезное для его службы. Е. в. будетъ признателенъ вамъ за продолженіе такового образа дѣйствій.

«Но государь предписалъ мнѣ увѣдомить васъ, что онъ желаетъ установить подобное согласіе и сближеніе лишь для поддержанія и упроченія союза, существующаго между его величествомъ и императоромъ французомъ, но отнюдь не для того, чтобы замѣнить его.

«Рѣшительная воля е. и. в. имѣть въ настоящее время главнымъ союзникомъ императора Наполеона²⁾); поэтому

¹⁾ Частное и секретное письмо графа Румянцова графу Толстому отъ 15-го января 1808 года. (Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ). Н. III.

²⁾ «S. M. I. veut absolument à cette époque avoir pour principal allié l'empereur Napoléon».

государю благоугодно, чтобы никакой ошибочный приемъ, никакая, если смѣю такъ выразиться, параллельная дружба (*amitié collatérale*) не могли бы повредить дружбѣ его съ Франціею, и ему было бы крайне непріятно, если-бъ императоръ французовъ нашелъ поводъ къ безпокойству относительно его дружбы.

«Императоръ убѣдился долгимъ и печальнымъ опытомъ, какъ мало выгодъ (*peu de profit*) извлекъ онъ изъ предшествовавшихъ союзовъ, и призналъ теперь, что благо его имперіи требуетъ уничтоженія ихъ и замѣны союзомъ, заключеннымъ съ императоромъ французовъ. Государь желаетъ и повелѣваетъ наблюдать мнѣ, чтобы всѣ наши дипломатическія сношенія шли въ этомъ новомъ направленіи, признанномъ е. в. полезнымъ для блага его имперіи.

«Вслѣдствіе сего, соблаговолите, г. посоль, сообразоваться съ этимъ принципомъ (*conformer à ce principe*) и поддерживать дружественныя и полныя довѣрія отношенія съ графомъ Меттернихомъ, съ величайшею осторожностью избѣгая всего, что могло бы возбудить подозрѣніе (*donner ombrage*) императора Наполеона и навести его на мысль, что мы не считаемъ союзъ съ нимъ прочнымъ и для насъ полезнымъ».

Но графъ Толстой былъ неисправимъ; упорство же его въ преслѣдованіи цѣлей, совершенно противоположныхъ съ непремѣнною и ясно выраженною волею государя, не могло быть поколеблено никакими увѣщаніями. Поэтому и эта энергическая отвѣдь министра, сдѣланная по непосредственному приказанію императора Александра, конечно, не привела къ разсѣянію укоренившихся у посла предубѣжденій противъ Наполеона, къ которому онъ питалъ ничѣмъ непобѣдимое недовѣріе; къ довершенію всѣхъ бѣдъ, графъ Толстой продолжалъ также проповѣдывать о необходимости войти въ тѣсное соглашеніе съ Австріею и настойчиво предлагалъ замѣнить имъ франко-русскій союзъ.

Подобнаго образа дѣйствій графъ Толстой придерживался и въ 1808 году, не смотря на полную увѣренность, что его не послушаютъ, и желаемаго имъ результата не будетъ достигнуто²⁾!

²⁾ «En dépit de la certitude où je suis de ne pas être écouté et de n'obtenir aucun résultat».

Письмо графа Толстаго—графу Румянцову отъ 16-го (28-го) февраля 1808 г. (Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ).

Въ перепискѣ своей графъ Толстой сѣтуеъ на то, что въ отвѣтахъ графа Румянцова онъ не встрѣчаетъ никакихъ разсужденій по поводу мнѣній, сообщенныхъ имъ министру относительно общаго положенія дѣлъ ¹⁾! Въ этомъ отношеніи графъ Толстой вполне правъ. Министръ дѣйствительно не удостоивалъ опроверженія получившихся имъ изъ Парижа политическихъ фантазій своего непримиримаго антагониста. Вѣроятно, графъ Румянцовъ признавалъ безцѣльнымъ поддерживать полемику съ посломъ, политическія убѣжденія котораго столь рѣзко расходились съ цѣлями, предназначенными державною волею, русской дипломатіи послѣ тильзитскаго мира. Поэтому онъ тщательно обходилъ, насколько это оказывалось возможнымъ, всякія препирательства, ограничиваясь только сообщеніемъ необходимыхъ свѣдѣній и прямыхъ указаній. вмѣстѣ съ тѣмъ, убѣдившись окончательно въ невозможности вести дѣло въ желаемомъ направленіи черезъ посредство русскаго посольства въ Парижъ, графъ Румянцовъ перенесъ самые существенные дипломатическіе переговоры въ Петербургъ, такъ что, незадолго до эрфуртскаго свиданія, графъ Толстой уже не безъ горечи писалъ императору Александру: «Je ne fais rien ici, rien absolument je ne puis me cacher que je deviens ridicule et au gouvernement auprès duquel je suis accrédité et au public au milieu duquel je dois figurer».

Положеніе русскаго посла при дворѣ Наполеона стало поистинѣ трагическимъ, если не смѣшнымъ, и дни пребывания его въ Парижъ были сочтены. Но кто же виноватъ въ столь плачевномъ исходѣ посольства, на которое, при отправленіи его, возлагались столь блестящія надежды? Конечно, никто иной какъ самъ-же графъ Толстой съ его предубѣжденіями и недовѣріемъ къ Франціи и къ главѣ ея. Поэтому неудивительно, что дѣло, къ исполненію котораго онъ былъ призванъ высочайшимъ довѣріемъ, ускользнуло изъ его рукъ.

Генералъ Савари прибылъ въ Петербургъ еще задолго до отъѣзда графа Толстого въ Парижъ; важнѣйшіе переговоры съ Франціей

---

¹⁾ «Dans aucune des dépêches que V. E. m'a fait l'honneur de m'adresser successivement, je n'ai jusqu'à présent trouvé le moindre raisonnement qui combatte ou approuve mon opinion sur les affaires générales».

уже были въ полномъ ходу, когда графъ Толстой впервые явился императору Наполеону въ Фонтенебло. А затѣмъ, когда Наполеонъ пришелъ къ заключенію, что съ Толстымъ невозможно говорить о дѣлахъ ¹⁾, дальнѣйшіе переговоры происходили путемъ личной переписки между обоими императорами и при содѣйствіи Коленкура, сьумѣвшаго приобрести полное довѣріе государя.

IX.

Коленкуръ, герцогъ Виченцскій, прибылъ въ Петербургъ 5-го (17-го) декабря вечеромъ ²⁾. Онъ тотчасъ же увѣдомилъ графа Румянцова о своемъ пріѣздѣ и препроводилъ къ нему копію своихъ вѣрительныхъ грамотъ. Послѣ этого министръ немедленно принялъ французскаго посла.

Первое свиданіе двухъ государственныхъ людей заключалось во взаимномъ обмѣнѣ любезностей. Затѣмъ начались переговоры по поводу торжественнаго приема посла и передачи вѣрительныхъ грамотъ государю.

Обсужденіе статей предстоявшаго церемоніала оказалось болѣе сложнымъ вопросомъ, чѣмъ этого можно было бы ожидать.

Графъ Румянцовъ, зная стремленіе французскаго двора къ пышности и блеску, принялъ къ руководству церемоніаль, установленный въ царствованіе императрицы Екатерины для приема австрійскаго чрезвычайнаго посла графа Кобенцеля. Но Коленкуръ не удовольствовался предположенными въ церемоніаль поче-

¹⁾ «Il est impossible de parler de ces choses à Tolstoï». (Письмо Наполеона—Коленкуру. Февраль 1808 г. Архивъ м. и. д.).

Около того же времени, 21-го января (2-го февраля), Наполеонъ писалъ въ такомъ же смыслѣ императору Александру:

— «M-r de Tolstoï est un brave homme, mais il est rempli de préjugés et de méfiances contre la France, et est bien loin de la hauteur des événements de Tilsit et de la nouvelle position où l'étroite amitié qui règne entre V. M. et moi ont placé l'univers».

²⁾ Такъ пишетъ Коленкуръ — Шампаньи, 10-го (22-го) декабря 1807 года изъ Петербурга. (Французскій архивъ м. и. д.). Между тѣмъ графъ Румянцовъ сообщаетъ графу Толстому 11-го (23-го) января 1808 г.: «M-r de Caulaincourt est arrivé ici le 6 Décembre». (Архивъ м. и. д.). Последнее извѣстіе, вѣроятно, ошибочно, и, кажется, слѣдуетъ отдать предпочтеніе первому, какъ свидѣтельству болѣе близкому къ самому факту.

стями и нашелъ необходимымъ ввести въ него нѣкоторыя поправки и дополненія.

Онъ потребовалъ, чтобы вмѣсто одной кареты для переезда въ Зимній дворецъ ему дали бы три, и чтобы при входѣ въ первые апартаменты его встрѣтилъ „un grand officier de la couronne“. „Точно также мнѣ казалось нужнымъ“, доносилъ Коленкуръ своему министру, — „чтобы одинъ изъ первыхъ чиновъ двора ея величества императрицы-матери вышелъ бы на встрѣчу послу императора, и чтобы она назначила, кому изъ ея придворныхъ чиновъ и дамъ слѣдуетъ принимать и занимать его въ ожиданіи аудіенціи. Я также потребовалъ объясненій относительно положенія, занимаемаго товарищемъ министра (иностранныхъ дѣлъ), которому, по установленному этикету, дѣлается первый визитъ ¹⁾. Все это послужило предметомъ различныхъ словесныхъ объясненій съ министромъ иностранныхъ дѣлъ и съ церемоніймейстеромъ. Послѣ нѣкоторыхъ незначущихъ затрудненій на всѣ мои требованія послѣдовало согласіе“ ²⁾.

При рѣшеніи всѣхъ этихъ важныхъ вопросовъ посредникомъ между графомъ Румянцовымъ и Коленкуромъ служилъ Мезонневъ (Maisonneuve), считавшійся тогда въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ специалистомъ по подобнаго рода дѣламъ.

Суда по письму Мезоннева къ графу Румянцову (отъ 7-го

¹⁾ Коленкуръ согласился сдѣлать этотъ визитъ, руководствуясь объясненіемъ, что товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ занимаетъ какъ бы мѣсто вице-канцлера. Товарищемъ министра былъ тогда графъ Александръ Николаевичъ Салтыковъ, сынъ фельдмаршала Н. И. Салтыкова, бывшаго воспитателя императора Александра.

²⁾ Коленкуръ — Шампанья 10-го (22-го) декабря 1807 года. (Французскій архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ.) Russie. 144. Fol. 150.

„J'ai également pensé qu'il était convenable qu'un des premiers officiers de S. M. l'Impératrice Mère vint au devant de l'Ambassadeur de l'Empereur et qu'elle designat des officiers et des dames de sa maison pour le recevoir et lui tenir compagnie en attendant son audience.“

Перечитывая эту серьезную переписку о столь незначущихъ вопросахъ, получаешь наглядное доказательство того крутаго переворота, который вызвалъ Наполеонъ въ обычаяхъ и понятіяхъ еще недавнихъ дѣятелей первой республики. Тогда уже прошло то время, когда генералъ Бернадотъ, будущій шведскій король, въ качествѣ республиканскаго дипломата доносилъ въ 1798 году своему правительству изъ Вѣны, что при представленіи одной изъ герцогинь «il tint le langage analogue à son sexe».

декабря). видно, что Коленкуръ основывалъ свои домогательства на 29-й статьѣ Тильзитскаго договора, по которой церемоніалы дворовъ с.-петербургскаго и тюльерійскаго устанавливались на правилахъ совершеннаго равенства; между тѣмъ, по его словамъ, графъ Толстой былъ встрѣченъ въ Фонтенебло „dès la première porte par le capitaine des gardes et un autre grand officier de la couronne“. Мезонневъ тщетно убѣждалъ Коленкура, что каждый дворъ руководствуется своимъ этикетомъ, но посоль упорно отстаивалъ свою точку зрѣнія и далъ понять, что, по окончаніи аудіенціи, онъ потребуетъ объясненій. Оставалось представить спорное дѣло на благоусмотрѣніе императора Александра, посланнаго по этому случаю графу Румянцову записочку слѣдующаго содержанія:

— „Il est bien facile et très simple de lever ces petites et bien minces difficultés, en ordonnant qu'une seconde grande charge de la cour se trouve là. Tout à Vous“.

Послѣ благополучнаго разрѣшенія всѣхъ этихъ сложныхъ вопросовъ, возникли другія уже болѣе существенныя недоразумѣнія.

Императоръ Александръ усмотрѣлъ изъ копій вѣрительныхъ грамотъ Коленкура, что въ нихъ встрѣчаются наименованія: „allié“ и „confédéré“, и остался недоволенъ послѣднимъ выраженіемъ. Государь поручилъ графу Румянцову передать Коленкуру, что онъ съ удовольствіемъ встрѣтилъ наименование союзника (allié), какъ свидѣтельство дружбы, дѣйствительно существующей между обоими государями и которой онъ придаетъ большую цѣну (хотя союзъ ихъ и составляетъ еще тайну), но что касается выраженія „confédéré“, то оно никогда не употреблялось въ подобныхъ случаяхъ и потому не можетъ быть допущено. Тѣ же замѣчанія императоръ Александръ лично передалъ и самому Савари.

По мнѣнію Коленкура и Савари, включеніе въ грамоты этого злополучнаго выраженія слѣдовало приписать недоразумѣнію; Коленкуръ объяснилъ при этомъ, что, насколько ему извѣстно, этой редакціи не придавали особеннаго значенія и желали только выразить его величеству болѣе нагляднымъ образомъ, какую цѣну придаютъ союзу обѣихъ имперій ¹⁾.

¹⁾ Коленкуръ—Шампанья 10-го (22-го) декабря 1807 года (Французскій Архивъ мин. ин. дѣлъ).

Въ виду невозможности получить въ скоромъ времени изъ Франціи новыя вѣрительныя грамоты, рѣшено было, что на предстоящемъ торжественномъ приемѣ посла императоръ Александръ приметъ привезенныя и, не вскрывая, вручить ихъ для хранения графу Румянцову ¹⁾. Затѣмъ, по полученіи изъ Парижа новыхъ грамотъ, послѣдуетъ обмѣнъ, и документъ этотъ, уже не заключающій въ себѣ неумѣстнаго выраженія „confédéré“, поступитъ въ архивъ министерства ²⁾.

8-го (20-го) 1807 г. декабря состоялся торжественный приемъ французскаго посла.

Въ донесеніи Коленкура Наполеону разговоръ его съ императоромъ Александромъ изложенъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ ³⁾:

Императоръ. „Я очень радъ снова видѣть васъ и т. д. Какъ здоровье императора? Я всегда съ нетерпѣніемъ жду извѣстій о немъ (взаимный обмѣнъ любезностей и т. д.). Императоръ долженъ быть доволенъ. Я предупредилъ всё его желанія. Онъ ничего не получалъ изъ Англіи?“

Посолъ. „Нѣтъ, государь“.

Императоръ. „Теперь всё мѣры противъ Швеціи приняты. Я ожидаю отвѣта, а тогда уже можно будетъ и переправляться свободно (въ настоящее время переходъ черезъ Неву невозможенъ), и мы приступимъ къ дѣйствіямъ, если она не исполнитъ того, что ей слѣдуетъ сдѣлать; но есть надежда, что она склонится къ должному рѣшенію. Въ этомъ можно было бы быть

¹⁾ «Sa Majesté Impériale ne pouvant consentir qu'elle fut ainsi dans les archives du dépôt des affaires étrangères». Графъ Румянцовъ—графу Толстому 11-го (23-го) января 1808 г. (Архивъ мнн. ин. дѣлъ).

²⁾ 2-го (14-го) января 1808 г., Шампанья писалъ Коленкуру по этому поводу: «Les rois d'Espagne, de la Prusse et de la Suède étant dénommés dans toutes les lettres de la cour de France, frères, alliés et confédérés, l'Empereur Napoléon avait par le même motif consacré dans ses lettres de créance à son Ambassadeur près la cour de Russie l'épithète de confédéré que d'ailleurs ne s'y trouvait que comme un pur accessoire et complément. Il suffisait cependant, que la cour de S.-Petersbourg préférât une autre forme pour que cette forme fut adoptée».

³⁾ Письмо Коленкура—императору Наполеону изъ С.-Петербурга, отъ 10-го (22-го) декабря 1807 года, съ приложеніемъ, «audience de cérémonie» и «seconde audience de l'Empereur».

(Французскій Архивъ мнн. ин. дѣлъ. Russie. 144. Fol. 149, 151 et 152).

увѣреннымъ, если бы король походилъ на всѣхъ прочихъ людей¹⁾. Нѣкоторыя частныя извѣстія какъ-будто свидѣлствуютъ, что его намѣренія дѣйствительно измѣнились. Императоръ Наполеонъ казался мнѣ не расположеннымъ слишкомъ притѣснять эту державу, которая была стариннымъ союзникомъ Франціи“.

Посолъ. „Король—монархъ, на котораго трудно разсчитывать. Намѣренія императора Наполеона, безъ сомнѣнія, не измѣнились, но у меня нѣтъ никакихъ приказаній на этотъ счетъ“.

Императоръ. „Сообщите непременно императору, что онъ не могъ сдѣлать выбора, который былъ бы мнѣ болѣе приятенъ; что я вспоминаю время, проведенное мною съ нимъ вмѣстѣ въ Тильзитѣ. Франція и Россія даруютъ спокойствіе міру, и императоръ Наполеонъ не можетъ найти себѣ болѣе вѣрнаго союзника, чѣмъ я“²⁾.

Посолъ. „Я уже имѣлъ честь выразить в. в. подобныя же чувства, и мой августѣйшій повелитель смотритъ на интересы в. в., какъ на свои собственные“.

Императоръ. «Я съ удовольствіемъ принимаю посла, и точно также встрѣчу генерала и у себя дома. Довольны-ли вы вашимъ путешествіемъ, вашимъ домомъ?»³⁾.

Посолъ. «Съ самаго моего вѣзда въ Россію я могу лишь быть признателенъ за все».

Императоръ. «Пріѣзжайте завтра отобѣдать со мною. Я надѣюсь, что вы останетесь здѣсь довольны всѣмъ. Таково мое желаніе».

На этомъ кончилась первая бесѣда императора Александра съ Коленкуромъ.

Вслѣдъ затѣмъ посолъ представлялся обѣимъ императрицамъ

¹⁾ Наполеонъ выразился о шведскомъ королѣ Густавѣ IV Адольфѣ болѣе рѣзкимъ образомъ. Незадолго до Эрфуртскаго свиданія 1808 г., Наполеонъ сказалъ графу Толстому: «cet imbécile ne mérite pas qu'on le ménage».

Графъ Толстой—графу Румянцову 28-го августа (9-го сентября) 1808 года. (Архивъ мин. ин. дѣлъ).

²⁾ «La France et la Russie donneront la paix au monde et l'Empereur Napoléon ne peut avoir un allié plus fidèle, que moi».

³⁾ Императоръ Александръ купилъ для французскаго посольства на Дворцовой набережной домъ князя Волконскаго (бывшаго генераль-интенданта). Онъ былъ вновь роскошно меблированъ и снабженъ всѣмъ необходимымъ. Но на этомъ милости государи не остановились; вскорѣ послѣ пріѣзда посла, ему еще подарена карета съ упряжными лошадьми и двѣ цѣнныя шубы.

и былъ встрѣченъ, какъ видно изъ его донесенія, съ замѣтною предупредительностью, въ особенности со стороны императрицы-матери.

Въ тотъ-же день вечеромъ Коленкуръ былъ приглашенъ въ эрмитажный театръ; его посадили въ первомъ ряду, занимаемомъ императорскою фамиліею, возлѣ великихъ князей ¹⁾. Посоль остался чрезвычайно доволенъ этимъ знакомъ отличія, которому, какъ онъ пишетъ своему министру, «не было еще примѣра, который поразилъ весь дворъ и произвелъ самое лучшее впечатлѣніе» ²⁾! Тщеславіе и нестерпимая спѣсь французскаго посла были, какъ кажется, на этотъ разъ вполне удовлетворены оказаннымъ ему приѣмомъ.

9-го (21-го) декабря, какъ выше упомянуто, Коленкуръ былъ приглашенъ въ императорскому столу ³⁾. Государь пригласилъ къ обѣду также графа Румянцова, князя Лобанова-Ростовскаго и нѣсколькихъ министровъ и генераловъ. Изъ числа присутствовавшихъ, графъ Кочубей и Остерманъ-Толстой обратили на себя вниманіе Коленкура, который отозвался о нихъ слѣдующимъ оригинальнымъ образомъ: «deux chefs de l'opposition, l'un du civil, l'autre du militaire»!!

Передъ обѣдомъ императоръ Александръ сказалъ Коленкуру:

— «Я съ удовольствіемъ вижу васъ здѣсь, генераль, и спѣшу ввести васъ въ обладаніе всѣми вашими правами. Мы побесѣдуемъ послѣ обѣда» ⁴⁾. Императрица съ своей стороны сказала послу нѣсколько любезностей относительно его перваго пребыванія въ Россіи, и затѣмъ пошли садиться за столъ.

Во время обѣда государь говорилъ о быстротѣ, съ которою путешествуетъ Наполеонъ, и о скорости верховой ѣзды императора, вспоминая, что только онъ, да Коленкуръ, могли поспѣвать за нимъ въ Тильзитъ. Затѣмъ рѣчь зашла о Бертѣ, и государь высказалъ, что онъ принадлежитъ къ тѣмъ людямъ, которые

¹⁾ Въ донесеніи своемъ Коленкуръ прибавляетъ: «sur une chaise comme Elles» (т. е. какъ у нихъ величествъ).

²⁾ «Distinction dont il n'y avait pas encore eu d'exemple qui a frappé toute la cour et produit le meilleur effet».

³⁾ Французскій архивъ мин. иностранныхъ дѣлъ. (Russie 144. Fol. 152).

⁴⁾ «Général, je vous vois ici avec plaisir et je m'empresse de vous mettre en possession de tous vos droits. Nous causerons après le diner».

внушали ему самое глубокое уваженіе. Государь спрашивалъ также Коленкура, не было-ли во французской арміи большаго производства и т. п. Онъ прибавилъ при этомъ, что ему передавали, что Наполеонъ отказался отъ блага цвѣта для пѣхоты, но что онъ лично сторонникъ блага цвѣта, и что французскія войска совершили такое множество славныхъ подвиговъ подъ этимъ цвѣтомъ, что онъ отдастъ ему предпочтеніе.

Послѣ обѣда разговоръ продолжался нѣкоторое время о Петербургѣ и различныхъ мелочахъ. Затѣмъ императоръ удалился въ свой кабинетъ и потребовалъ туда Коленкура. Вотъ происшедшій между нами разговоръ:

— «До полученія отвѣта на депеши, отправленныя съ Фодоасомъ (Faudoise) ¹⁾», сказалъ государь: «намъ не придется вести переговоры ни о чемъ особенно важномъ; но мнѣ хочется поскорѣе ввести васъ въ обладаніе всѣми вашими правами».

Императоръ взялъ Коленкура за руки и, усадивъ его съ правой стороны, продолжалъ:

— «Вы пользуетесь полнымъ моимъ довѣріемъ. Императоръ не могъ сдѣлать выбора, который болѣе отвѣчалъ бы моимъ личнымъ желаніямъ и въ то же время, въ виду вашего положенія при немъ, такъ подходилъ бы къ моему государству. Сообщите ему, что этимъ онъ далъ мнѣ новое доказательство своей дружбы. Я никогда довольно не наговорюсь съ вами. Въ торжественные дни будьте посломъ, сколько вамъ угодно, но въ остальное время вамъ извѣстна дорога къ моему кабинету, и я всегда съ удовольствіемъ увижу васъ здѣсь».

Посолъ. «Эту честь я болѣе всего цѣню, государь, и она одна только въ состояніи вознаграждать меня за то, что я нахожусь такъ далеко отъ моего повелителя».

Императоръ. «Я знаю, что, разставаясь съ императоромъ, вы

¹⁾ Фодоасъ принадлежалъ къ свитѣ генерала Савари и невѣднѣиѣмъ свѣтскаго обращенія, своимъ разговорами и манерами смѣшилъ петербургскія гостинныя. Вигель приводитъ о немъ въ своихъ запискахъ слѣдующій характерный анекдотъ:

«Любезничая разъ съ какою-то дамой, игралъ лежащимъ на ея столыкѣ аметистовымъ сердцемъ, бралъ его въ ротъ и нечаянно проглотилъ его. На другой день, изверженное и вымытое сердце сіе, при учтивой запискѣ, было возвращено той, которой оно принадлежало».

(Вспоминанія Вигеля. Часть 3-я).

тѣмъ самымъ приносили жертву; но Лафорэ совсѣмъ не подходилъ сюда. Я не могъ бы встрѣчаться съ нимъ подобнымъ образомъ. Здѣсь нуженъ военный (un officier général) и притомъ человекъ, умѣющій привлечь къ себѣ общество чисто вѣшними приемами ¹⁾. Выборъ императора Наполеона всегда бываетъ крайне удаченъ».

Посолъ. «Если бы сюда явился Лафорэ, съ нимъ остался бы генераль Савари или кто либо другой изъ адъютантовъ императора».

Императоръ. «Два человекъ не могутъ съ успѣхомъ вести дѣло. Въ такомъ случаѣ интересы двухъ отдѣльныхъ личностей заступаютъ часто мѣсто интересовъ самаго дѣла. Мои намѣренія вполне открыты, въ привязанности моей къ императору Наполеону не заключается никакой задней мысли, и я доказалъ это всѣми моими дѣйствіями. Генераль Савари могъ передать вамъ, что все, что было поручено ему потребовать, было исполнено уже заранѣе. Мы сдѣлали въ октябрѣ то, что должно было совершиться только въ декабрѣ, и генераль Савари долженъ былъ довести до свѣдѣнія императора, что я и Румянцовъ постоянно шли на встрѣчу его желаніямъ войны съ Англіей. Я, быть можетъ, объявилъ бы ее раньше, если бы онъ не думалъ, точно также какъ и я, что слѣдуетъ ожидать сигнала со стороны императора Наполеона. Что касается шведовъ, то какъ я уже говорилъ вамъ вчера, мы вполне подготовлены. Отвѣта можно ожидать съ минуты на минуту. Письма консуловъ свидѣтельствуютъ, что англичане передъ своимъ уходомъ отправили двухъ курьеровъ въ Швецію для извѣщенія о моихъ приготовленіяхъ, и тамъ очень напуганы ими. Они не сильны. Если король не поступитъ, какъ должно,—я перейду къ дѣйствіямъ. Въ скоромъ времени наступленіе станетъ возможнымъ. Императоръ говорилъ съ Толстымъ о Пруссіи. Это огорчило меня (cela m'a peiné).

¹⁾ Въ этомъ отношеніи Коленкуръ не оправдалъ надеждъ императора Александра. По замѣчанію одного современника, подготовленный Коленкуръ, быть можетъ, разказами Савари къ холодному приему отъ общества, намѣревался съ перваго же шага предупредить его своею надменностью. Почти всѣ были убѣждены, что нестерпимая спѣсь Коленкура являлась слѣдствіемъ данныхъ ему Наполеономъ наставленій. Это обстоятельство свидѣтельствуетъ, до чего была распространена среди общества наклонность всякое зло, всякую несправедливость приписывать тильзитскому союзнику.

Савари передавалъ вамъ объ этомъ. Никогда не было и рѣчи о предназначеніи ея въ вознагражденіе за турецкія дѣла. Императоръ Наполеонъ первый заговорилъ о Валахіи и Молдавіи, точно также какъ и о другой части Турціи. Онъ самъ назначилъ себѣ свою долю (*lui-même a désigné son lot*) и считалъ себя совершенно освобожденнымъ отъ всякихъ обязательствъ низложеніемъ султана Селима. Навѣрное не было сказано ни одного слова, которое могло бы заставить предположить, что бѣдная Пруссія должна явиться эквивалентомъ въ сдѣлкѣ, вызываемой скорѣе анархіей и революціей въ провинціяхъ, о которыхъ идетъ рѣчь, чѣмъ выгодами Россіи. Генераль Савари могъ передать вамъ, какъ не хотѣлось мнѣ подобнаго соглашенія; я не могу согласиться быть фактическимъ участникомъ въ раздѣлѣ жалкихъ остатковъ владѣній несчастнаго государя, возстановленнаго на своемъ престолѣ, какъ засвидѣтельствовалъ объ этомъ самъ императоръ передъ лицомъ всей Европы и Франціи, единственно изъ ураженія ко мнѣ. И, по закону чести, онъ не можетъ перестать быть моимъ союзникомъ, пока не будетъ введенъ во владѣніе всѣмъ тѣмъ, что возвращаетъ ему миръ».

Посолъ. „Императоръ Наполеонъ, государь, отвѣчаетъ В. В. чувствомъ подобной же привязанности. Всѣ мысли его направлены къ соблюденію интересовъ и славы В. В. Вы могли усмотрѣть новыя доказательства этого въ томъ, что онъ говорилъ графу Толстому, если тотъ только сообщилъ вамъ точный отчетъ о его словахъ. Вы не можете имѣть сомнѣній на счетъ истинныхъ намѣреній императора, такъ какъ онъ именно болѣе всего желаетъ строгаго выполненія Тильзитскаго договора, и это впервые, что онъ отдѣляетъ свои интересы отъ интересовъ своихъ давнишнихъ союзниковъ. Онъ поступилъ такъ исключительно для В. В., такъ какъ всѣ доводы, приводимые вами для поддержанія Пруссіи, могли бы послужить основаніемъ моему государю для поддержанія Турціи. И, съ точки зрѣнія законовъ чести, которымъ, какъ кажется, В. В. придаете такое значеніе, положеніе обѣихъ державъ вполне тождественно. Я повторяю В. В., что въ данномъ случаѣ императоръ Наполеонъ преслѣдовалъ скорѣе интересы В. В., чѣмъ свои собственные. Я прошу В. В. взвѣсить это замѣчаніе“.

Императоръ. „Я понимаю васъ; то, что вы говорите, справедливо. При подобномъ обсужденіи дѣлъ всегда должно придти

къ соглашенію. Письмо Толстаго огорчило меня. Я не могу одобрить соглашенія, не соотвѣтствующаго намѣреніямъ императора, выраженнымъ имъ мнѣ лично“.

Посоль. „Когда Толстой пробудеть при императорѣ дольше, онъ будетъ сообщать вамъ о сдѣланныхъ ему предложеніяхъ съ болѣе вѣрнымъ представленіемъ истиннаго значенія“.

Императоръ. „Вотъ почему и мнѣ нравится, что выборъ императора остановился на васъ. Вы лучше другаго поймете то, чего желаетъ онъ, и мы постоянно будемъ приходить къ соглашенію“.

Посоль. „Пусть только В. В. сообщитъ о своихъ намѣреніяхъ своему послу, а императоръ, мой повелитель, ничего другаго и не желаетъ, какъ сообразовать свой образъ дѣйствій съ намѣреніями В. В. Императоръ готовъ на все, и самая близкая ему мысль—поддержать интересы и славу В. В. (*l'Empereur est prêt à tout et sa pensée la plus chère est pour les intérêts et la gloire de V. M.*), и я ниѣю честь снова повторить вамъ это.— В. В. позволить ли мнѣ вернуться къ одной части нашего разговора?“

Императоръ. „Съ удовольствіемъ“.

Посоль. „Мнѣ хотѣлось, государь, засвидѣтельствовать передъ В. В. объ истинныхъ намѣреніяхъ моего повелителя, и этимъ-то я и началъ. А теперь я долженъ также поговорить и объ его интересахъ. Вознагражденіе въ Турціи, о которомъ В. В. изволите говорить, является еще завоеваніемъ будущаго, между тѣмъ, какъ благодаря невыполненію Тильзитскаго договора и условій вытекающаго изъ него перемирія, завоеванія В. В. уже обезпечены. Нужно было бы сражаться, чтобы поверить, и снова сражаться, чтобы сохранить за собою. А между тѣмъ области эти ни въ торговомъ, ни въ другихъ отношеніяхъ не представляютъ тѣхъ выгодъ, которыя извлекаетъ В. В. „Если В. В. соблаговолите взвѣсить съ полнымъ безпристрастіемъ настоящее положеніе и той, и другой державы, то вы не будете сомнѣваться дольше, что положеніе Франціи относительно Турціи было бы тождественнымъ съ положеніемъ Россіи относительно Пруссіи, если бы привязанность императора Наполеона къ императору Александру не склоняла бы вѣсовъ на его сторону“.

Императоръ. „Это возможно. Вы прекрасно обрисовываете

положеніе дѣла. (Vous présentez bien la chose). Но я всетаки возвращаюсь къ тому, что было сказано мнѣ самимъ императоромъ Наполеономъ. Я всегда шелъ на встрѣчу всему, чего онъ только могъ пожелать. Его интересы служили основаніемъ моего образа дѣйствій. На свои выгоды я не обращалъ никакого вниманія, такъ какъ я не имѣю никакихъ извѣстій о своемъ флотѣ. И вотъ я теперь ожидаю проявленія его доброй дружбы, которую онъ выказывалъ мнѣ; доказательства моей—уже у него въ рукахъ. Я не могу войти въ соглашеніе, о которомъ никогда не было между нами и рѣчи, и которое окончательно оставило бы не причемъ государя, и безъ того уже потерявшаго все. Пусть онъ будетъ вновь введенъ во владѣніе всѣмъ тѣмъ, что предоставлено ему договоромъ и что было возвращено императоромъ, по его же собственнымъ словамъ, исключительно ради меня, а затѣмъ уже пусть будетъ то, что угодно Господу Богу. Я нисколько не сомнѣваюсь въ намѣреніяхъ императора, но въ данномъ случаѣ требуется что либо такое, что показало бы народу и арміи, что нашъ союзъ не заключенъ исключительно въ вашу пользу. Въ вашихъ же интересахъ сдѣлать его народнымъ (il est de votre intérêt de la nationaliser). Я говорю съ вами откровенно, что это будетъ даже услугою, оказанною мнѣ лично. Императоръ, судя по тому, что онъ говорилъ мнѣ въ Тильзитѣ, вовсе не такого мнѣнія о туркахъ, чтобы оно побуждало его поддерживать ихъ ¹⁾. Онъ же самъ назначилъ нашу долю и свою собственную; вмѣстѣ съ тѣмъ предположено дать что нибудь Австріи, скорѣе для удовлетворенія ея самолюбія, чѣмъ честолюбія,—вотъ каковы были его намѣренія. Они не могли измѣниться, такъ какъ съ тѣхъ поръ я предупреждалъ постоянно всѣ могущія появиться у него желанія. Что же касается до предстоящаго ему завоеванія, то мои войска на гостѣ, если только онъ вернется къ своимъ первоначальнымъ намѣреніямъ. Турки первые нарушили перемиріе. Если бы я не былъ чистосердеченъ въ отношеніи къ императору, могъ бы воспользоваться этимъ предлогомъ для разрыва съ ними, нисколько не посягая тѣмъ на Тильзитскій договоръ“.

¹⁾ Припоминаю здѣсь то, что Наполеонъ сказалъ императору Александру по поводу турокъ: «On ne peut rien faire avec ces barbares! La Providence me dégage envers eux; arrangeons nous à leurs dépens». Н. III.

Посолъ. «Соглашенія, о которыхъ угодно говорить В. В., какъ мнѣ кажется, принадлежатъ въ числу тѣхъ, обсудить которыя императоры оставили за собою право при личномъ свиданіи. Если турки обидѣли нѣсколькихъ валаховъ, то тѣ все-таки ихъ подданные. Пруссія же, въ свою очередь, не всегда соблюдала мѣру и приличіе, предписываемыя ей мирнымъ положеніемъ; но все это относится скорѣе къ области полиціи, нежели политики, и не можетъ вліять на тѣ важные интересы, которые связываютъ насъ».

Императоръ. «Я послалъ инструкціи Толстому, какъ это вы могли узнать изъ моего разговора съ генераломъ Савари. Императоръ навѣрно тоже пришлетъ вамъ инструкціи по полученіи депешъ, отправленныхъ съ Фодоасомъ. Мы часто будемъ бесѣдовать съ вами и такимъ образомъ придемъ къ соглашенію. Необходимо, чтобы мы условились относительно нашихъ дѣйствій весною, въ случаѣ англичане стали-бы угрожать нашимъ берегамъ. Моя армія вполне реорганизована и одинаково подготовлена дѣйствовать и противъ англичанъ, и противъ шведовъ».

Посолъ. „Императоръ, конечно, всѣми средствами будетъ содѣйствовать В. В.; а что касается настоящаго момента, то французская и датская арміи готовы, въ случаѣ надобности, проникнуть въ Сканию, чтобы поддержать всѣ дѣйствія В. В.“.

Императоръ. „До свиданія. Я очень радъ, что поговорилъ съ вами“ и, пожавши послу руку императоръ заключилъ: „объясняясь подобнымъ образомъ, всегда приходишь къ соглашенію“.

Познакомившись здѣсь въ полномъ объемѣ съ любопытной бесѣдой императора Александра съ Коленкуромъ, не трудно усмотрѣть, что содержаніе ея вполне подтверждаетъ собою справедливость выше намѣченныхъ нами выводовъ относительно причинъ неуспѣха франко-русскаго союза. Дѣйствительно, полному соглашенію съ Наполеономъ, а слѣдовательно и задуманному въ Тильзитѣ міровому раздѣлу, препятствовали главнымъ образомъ: во-1-хъ, противорѣчіе, существовавшее между письменными и словесными тильзитскими соглашениями, во-2-хъ, прусскія симпатіи русскаго двора и непремѣнное желаніе императора Александра отстоять неприкосновенность остатковъ монархіи Фридриха Великаго и въ 3-хъ, своеобразная дѣятельность графа Толстаго въ Парижѣ.

Чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, создавшагося подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, оставалось испробовать послѣднее средство — личное свиданіе императоровъ, чтобы при помощи его установить новое соглашеніе. Къ подобному заключенію пришелъ, повидимому, и Коленкуръ, затронувъ этотъ вопросъ въ первой же бесѣдѣ съ государемъ ¹⁾).

Х.

Въ день обѣда, 9-го декабря, Коленкуръ принималъ у себя вечеромъ графа Румянцова, товарища министра и чиновъ двора.

Во время этого приема произошелъ слѣдующій случай:

Австрійскій посоль, графъ Мерфельдъ, пріѣхалъ въ Коленкуру въ то время, когда у него находился графъ Румянцовъ. Вслѣдствіе этого ему приходилось обождать нѣсколько минутъ въ гостиной, гдѣ находился генераль Савари со всѣми членами посольства. Графъ Мерфельдъ потребовалъ, чтобы прервали визитъ графа Румянцова и немедленно ввели его въ кабинетъ. Когда же, во время этихъ пререканій графъ Румянцовъ вышелъ изъ кабинета, посоль обратился къ Коленкуру съ жалобой, утверждая, что послы должны имѣть преимущества предъ всѣми министрами. Коленкуръ старался его успокоить и, смѣясь, прибавилъ, что между дружественными державами не слѣдуетъ начинать съ объявленія войны ²⁾). Такимъ образомъ столкновеніе двухъ спѣсивыхъ пословъ и блюстителей этикета закончилось шуткой.

¹⁾ При отправленіи Коленкура въ Петербургъ онъ не былъ снабженъ частнымъ письмомъ Наполеона къ императору Александру; но 25-го ноября (7-го декабря) 1807 г., Наполеонъ писалъ о немъ государю изъ Венеціи:

«J'ai envoyé pour résider auprès de V. M. M. de Caulaincourt. L'avantage qu'il a d'être connu d'elle et les bontés dont elle l'a honoré dans sa première mission et pendant les moments heureux que j'ai passés à Tilsit, m'ont fait penser que ce choix pourrait lui être agréable».

Императоръ Александръ отвѣчалъ Наполеону 16-го января 1808 г. и по поводу пріѣзда Коленкура написалъ слѣдующее:

— «Le choix qu'elle a fait du général Caulaincourt m'a été bien agréable. Je trouve du plaisir à m'acquiter envers lui de tout ce que V. M. veut bien faire pour le comte de Tolstoy».

²⁾ „Qu'il ne fallait pas débiter entre Puissances amies par une déclaration de guerre“.

Съ прїѣздомъ Коленкура окончивалось порученіе, возложенное Наполеономъ на Савари. Ознакомивъ своего преемника съ положеніемъ дѣлъ, онъ собрался въ обратный путь. День рожденія императора Александра (12-е декабря) Савари отпраздновалъ еще въ Петербургѣ, на слѣдующій день обѣдалъ въ послѣдній разъ у государя, и затѣмъ его величество простился съ нимъ самымъ милостивымъ образомъ въ кабинетѣ ¹⁾. вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ Александръ вручилъ Савари для передачи Наполеону письмо слѣдующаго содержанія:

„Я не могу позволить уѣхать генералу Савари, не поручивши ему этихъ строкъ для В. В., чтобы поблагодарить васъ, что вы прислали его, такъ какъ за все проведенное имъ у меня время, уваженіе, которое я уже питалъ къ нему, еще болѣе усилилось. Я надѣюсь, что онъ передастъ В. В. объ одушевляющихъ меня вамъ чувствахъ, и насколько я желаю еще сильнѣе скрѣпить связующія насъ узы“ ²⁾.

Савари направилъ свой путь черезъ герцогство Варшавское. Прибывъ въ Варшаву, онъ отправилъ графу Румянцову дружеское письмо, изъ котораго видно, подъ какими впечатлѣніями возвращался онъ къ своему повелителю, покидая гостеприимную Россію ³⁾.

„Уже два дня какъ я нахожусь въ Варшавѣ, пишетъ Савари. Покидая Россію, мнѣ остается выполнить послѣдній долгъ, настолько же близкій мнѣ, какъ и святой, и я спѣшу воспользоваться, быть можетъ, единственно возможнымъ для меня въ теченіе нѣкотораго времени случаемъ, чтобы открыто высказаться передъ в. пр.—мъ о проникающихъ меня чувствахъ. Я покидаю Петербургъ осыпанный милостями императора Александра и

¹⁾ Передъ отъѣздомъ государь пожаловалъ Савари драгоценную табакерку, аметистовое кольцо и двѣ шубы.

²⁾ St.-Petersbourg, 13 décembre 1807.

Monsieur mon frère, je ne puis laisser partir le général Savary sans le charger de ces lignes pour V. M. et la remercier de me l'avoir envoyé; le temps qu'il a passé auprès de moi n'ayant fait qu'augmenter l'estime que je lui portais déjà.—J'espère qu'il entretiendra V. M. de tous les sentiments que je porte à sa personne et combien je suis désireux de resserrer de plus en plus les liens, qui nous unissent. Sur ce, je prie Dieu etc.

³⁾ Генералъ Савари—графу Румянцову. Варшава, 27-го декабря 1807 года (8-го января 1808 г.) Архивъ мин. вн. дѣлъ. Н. III.

счастливымъ надеждою, что я могъ снискать и его уваженіе. Какъ новое доказательство вашей дружбы ко мнѣ, графъ, я прошу васъ не отказать повергнуть къ стопамъ е. вел. императора почтительное выраженіе моей живой признательности. Я сохранию на всю жизнь воспоминаніе о томъ благоволеніи, которымъ императоръ удостоивалъ меня за все время, когда я имѣлъ счастье находиться при немъ, и всю свою жизнь я буду считать себя счастливымъ, если мнѣ представится случай быть ему полезнымъ. Я возвращаюсь въ Парижъ съ твердо опредѣлившимся взглядомъ на великія политическія задачи, съ которыми мнѣ пришлось познакомиться за послѣдніе мѣсяцы, и все, что я имѣлъ честь высказывать императору Александру и вамъ самимъ, графъ, въ нашихъ душевныхъ бесѣдахъ (*nos entretiens d'abandon*), наконецъ, все то, о чемъ я писалъ императору, моему повелителю, я теперь повторю ему лично. Я почту большимъ счастьемъ для себя, если мое возвращеніе къ его особѣ можетъ принести хоть нѣкоторую пользу интересамъ Россіи.

„Позвольте, графъ, чтобы я присоединилъ къ этимъ чувствамъ увѣреніе въ искренней привязанности, которую прошу васъ позволить мнѣ сохранить къ вамъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, я считаю долгомъ засвидѣтельствовать о проявлявшемся даже въ мелочахъ благородствѣ рыцарскихъ чувствъ монарха, прослѣдить за которыми въ его сердцѣ у меня была теперь такая близкая возможность. Такимъ я вышелъ изъ дверей кабинета Зимняго дворца и такимъ же явлюсь и въ Тюльери, потому что твердо убѣжденъ, что одинъ изъ нихъ является лишь отзвукомъ другаго и обратно“¹⁾.

Въ крайне любопытной припискѣ къ своему письму Савари упоминаетъ о нелѣпныхъ слухахъ, распространявшихся въ то время въ Варшавѣ, и осторожно намекаетъ на двусмысленное значеніе пулавскаго дворца (замокъ Чарторижскихъ), являвшагося, по его выраженію, для всей страны храмомъ Сивиллы.

Савари пишетъ: „Я прибылъ сюда, чтобы возвратить жизнь, здоровье и власть императору Александру и подавить возмущеніе въ Петербургѣ; отсюда смотрять въ микроскопъ, и вы, судя по этимъ недоброжелательнымъ отзывамъ, ничто иное, какъ бунтовщики, мятежники. Вы будто бы желали войны и т. д.

¹⁾ „Je suis convaincu que l'un n'est que l'écho de l'autre et réciproquement“.

Однимъ словомъ, невѣроятный вздоръ. Такъ какъ я ничего не скрываю отъ васъ, то, по довѣрiю къ вамъ, сообщу, что Пулавскiй дворецъ не располагаетъ вѣрными свѣдѣнiями, а между тѣмъ если бы тамъ желали быть добрымъ слугою и быть чистосердечными, то имъ слѣдовало бы знать тѣ прекрасныя истины, съ которыми можно его познакомить; дворецъ этотъ является для всей страны храмомъ Сивиллы, и потому необходимо, чтобы божество его было миролюбиво. Такъ какъ дѣло это чисто личное, то я воздержусь отъ дальнѣйшихъ разсужденiй; ограничусь только тѣмъ, что скажу вамъ, что это съ моей стороны вовсе не простое предубѣжденiе¹⁾.

Въ заключенiе остается сказать, что въ интересахъ упроченiя франко-русскаго союза отъѣздъ Савари и замѣна его посломъ едва ли оказались полезною мѣрою. Савари соединялъ въ себѣ отвращенность военнаго съ тонкостью искуснаго дипломата. Въ своихъ сношенiяхъ съ дворомъ и вельможами онъ обнаружилъ величайшее терпѣнiе, старался быть любезнымъ и если не поборолъ, то, по крайней мѣрѣ, смягчилъ своею предупредительностью господствовавшее противъ него предубѣжденiе. Преемникъ его, напротивъ того, боясь какъ либо уронить свое званiе, отталкивалъ отъ себя всѣхъ нестерпимою спесью и лишь усиливалъ нерасположенiе, которое среди общества и безъ того ужъ питали къ нему, какъ къ представителю ненавистнаго «Бонапарта».

Н. К. Шильдеръ.

---

¹⁾ «Le palais de Poulawi est mal servi en relations, tandis que si l'on voulait être bon serviteur et franc, il devrait savoir toutes les belles vérités qu'on peut lui apprendre; ce palais est pour le pays ci un temple de la Sibylle, il faut donc que la divinité en soit pacifique. Comme ceci est personnel, je m'abstiendrai d'en dire davantage; je me bornerai à vous dire que ce n'est point une simple prévention que j'ai».

Очевидно, что Савари намекаетъ здѣсь на князя Адама Чарторижскаго, истинную подкладку дѣйствию котораго и семьи его онъ оцѣнилъ должнымъ образомъ.

НИКОЛАЙ ПЛАТОНОВИЧЪ ОГАРЕВЪ.

LII ¹⁾.

Тотъ жалокъ, кто подь молотомъ судьбы
 Поинкъ—испуганный—безъ боя:
 Достойный мужъ выходитъ изъ борьбы
 Въ сіяньи гордаго покоя,
 И вновь живеть—главы не преклоня—
 Исполненъ вдохновенной пищей;
 Такъ золото выходитъ изъ огня
 И полнояснѣе и чище.

LIII.

Ночь туманная темна,
 Снѣгъ на стогахъ таетъ,
 Вкругъ нѣмая тишина
 Робость навѣваетъ.
 Не пугай зловѣщій мракъ!
 Безъ того—смущенья
 Не сгоню съ души никакъ.

* *

Ты, что волею своей
 Жизнь даешь въ отраду,
 Дай же миръ душѣ моей,
 Если жить ужъ надо.

LIV

Chorus mysticus.

Все проходящее
 Только сравненіе;
 Недостижимому
 Здѣсь выполненіе;
 Невыразимое
 Здѣсь совершается;
 А вѣчно—женственнымъ
 Душа плѣняется.

1830 - 1840.

---

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1888 и 1889 гг.

ГУМВОЛЬДТЪ НА УРАЛѢ

въ 1829 г.

Весною 1829-го года получено было официальное извѣстіе о приѣздѣ на Уралъ Гумбольдта, пользовавшагося въ то время всемірною извѣстностію. По высочайшему повелѣнію, объявленному чрезъ министра финансовъ, графа Канкрина, начальникамъ горнаго управленія заводовъ какъ казенныхъ, такъ и частныхъ, предписывалось оказывать Гумбольдту особенное вниманіе и почетъ. Его сопровождала довольно большая свита ученыхъ специалистовъ, въ средѣ которой въ особенности былъ замѣтенъ химикъ и геологъ Густавъ Розе.

Для сопровожденія Гумбольдта по Уралу, былъ изъ Екатеринбургѣ командированъ горный инженеръ Николай Степановичъ Меньшининъ. Горный исправникъ Макаръ Петровичъ Ботышевъ и казачій конвой съ офицеромъ всюду ему сопутствовали. Казаки гарцевали впереди и сзади длиннаго ряда экипажей. Отецъ мой Алексѣй Ивановичъ Шмаковъ въ то время былъ однимъ изъ членовъ администраціи, управлявшей Сысертскими заводами, наслѣдниковъ Турчанинова.

Заводы эти: Сысертскій, гдѣ находилась главная контора управленія, Полевской, съ Гумешевскимъ рудникомъ, знаменитымъ въ то время своими малахитами, и Сѣверскій. Во всѣхъ дачахъ этихъ заводовъ находились золотоносныя россыпи, гдѣ добывалось золото; изрѣдка при промывкѣ песковъ получалась и платина, которая въ то время была металломъ мало извѣстнымъ. О богатствѣ золотоносныхъ россыпей можно судить по тому, что на одномъ изъ пріисковъ, находящемся близъ Сысертскаго завода, въ одинъ лѣтній день было вымыто чистаго золота 50 фунтовъ; я самъ видѣлъ эту массу золота въ пріисковой конторѣ.

Заводы Сысертскій и Сѣверскій обрабатывали желѣзныя руды. Заводъ Полевской былъ мѣдноплавильный. Всѣ эти заводы лежатъ на восточномъ склонѣ Уральскаго хребта, верстахъ 30 до 50 отъ Ека-

теринбурга. Вблизи этихъ заводовъ находятся заводы: Яковлева, Расторгуева и другихъ.

Въ Сысертскій заводъ изъ Екатеринбургa Гумбольдтъ прѣхалъ рано утромъ; заводское, весьма большое, народонаселеніе встрѣтило его съ громкими криками ура! бѣжало за экипажами и тотчасъ же назвало его принцемъ Гумболтовымъ. Никого изъ числа владѣльцевъ не было въ то время въ Сысерти и потому его встрѣтили члены администраціи и нѣсколько горныхъ инженеровъ, служившихъ на заводѣ.

Гумбольдтъ прямо проѣхалъ на желѣзодѣлательный и чугунно-литейный заводъ, который и осмотрѣлъ съ чрезвычайнымъ вниманіемъ.

По окончаніи осмотра Гумбольдтъ принялъ приглашеніе моего отца и осмотрѣлъ у насъ въ квартирѣ минералогическій кабинетъ; впоследствии этотъ кабинетъ отецъ мой продалъ министру удѣловъ графу Перовскому. Затѣмъ Гумбольдтъ со всей свитой отправился на обѣдъ, устроенный для него въ старинномъ роскошномъ домѣ заводовладѣльцевъ.

Хотя это было уже очень давно и мнѣ въ то время было девять лѣтъ, но я хорошо помню величественную и прекрасную фигуру Гумбольдта: онъ имѣлъ тогда около 60-ти лѣтъ, но свѣжесть, сила и здоровье его были замѣчательны; сѣдые, но густые волосы его были коротко острижены, на немъ былъ фракъ голубаго сукна съ золотыми рѣзными пуговицами и какая-то орденская звѣзда. Панталоны были опущены въ короткія лакированные ботфорты, въ рукахъ была черная съ широкими полями шляпа. Говорилъ Гумбольдтъ постоянно пофранцузски, съ большимъ оживленіемъ. Фигура его ученаго спутника Густава Розе была не менѣе замѣчательна по своей комичности: средняго роста, худой, рыжеватый, онъ былъ во фракѣ и панталонахъ рыжеватаго цвѣта.

Обѣдъ былъ парадный, но я, не смотря на мои лѣта, также былъ въ числѣ обѣдающихъ; большинство составляли горные инженеры въ въ парадныхъ блестящихъ мундирахъ того времени. Мундиры были синіе съ черными бархатными воротниками и золотымъ красивымъ шитьемъ.

На приборѣ Гумбольдта подъ салфетку былъ положенъ, незадолго предъ тѣмъ найденный, самородокъ золота. Кусокъ золота, съ вращеннымъ въ него кварцемъ, былъ очень красивъ и имѣлъ форму плоской тарелки или, лучше сказать, блина. Такой дорогой подарокъ (около 9 фунтовъ вѣса) былъ сдѣланъ знаменитому путешественнику съ разрѣшенія горнаго начальства, отъ имени владѣльцевъ завода.

За очень продолжительнымъ обѣдомъ шелъ оживленный разговоръ, на французскомъ языкѣ, котораго я не понималъ. Гумбольдтъ

говорилъ громко и много, съ большимъ оживленіемъ; пилъ онъ одну воду, слегка только подкрашивая ее виномъ.

Послѣ обѣда пили чай, до котораго Гумбольдтъ оказался большимъ охотникомъ. Послѣ обѣда отправились въ Полевской заводъ, куда и прибыли ночью. Утромъ Гумбольдтъ съ спутниками отправился осматривать живописныя окрестности завода, мѣдноплавильныя печи и шахты, изъ которыхъ добывается мѣдная руда. Въ шахты эти, имѣвшія, какъ говорили, до 90 саж. глубины, Гумбольдтъ спускался по лѣстницамъ, не боясь страшнаго утомленія, но часть его свиты, и въ томъ числѣ и Густавъ Розе, спускались въ бадьяхъ, приводимыхъ въ движеніе коннымъ воротомъ. Конный, съ большимъ количествомъ лошадей, приводъ для приведенія въ движеніе водоотливныхъ машинъ, стариннаго, можно сказать, варварскаго устройства, очень заинтересовалъ Гумбольдта: онъ дивился наивному устройству снаряда и совѣтовалъ заводууправленію замѣнить его паровой машиной, что, какъ вѣдается, скоро и было сдѣлано.

На Полевскомъ заводѣ Гумбольдту былъ сдѣланъ подарокъ, состоящій изъ коллекціи малахитовъ. Гумбольдтъ оказался неутомимымъ ходакомъ: всѣ провожающіе его по рудникамъ выбились изъ силъ.

Въ тотъ-же день онъ отправился въ дальній путь, чрезъ Златоустъ, на востокъ, къ Алтайскимъ горамъ.

Вотъ все, что у меня сохранилось въ памяти объ этомъ знаменитомъ путешественникѣ.

О Гумбольдтѣ долго и много рассказывали жители посѣщенныхъ имъ заводовъ; имъ казалось непонятнымъ то вниманіе и почести, съ которыми встрѣчали и провожали его уральскія власти; всѣ хотѣли видѣть въ немъ не только ученаго путешественника, но непремѣнно и высокую особу принца Гумболтова.

Въ это путешествіе Гумбольдтъ, между прочимъ, указалъ на западномъ склонѣ Урала, въ имѣніи графини Полье, впослѣдствіи Бутера, мѣстороженіе алмазовъ, которые очень скоро и были найдены въ этой мѣстности ¹⁾.

Сообщ. октября 28 дня 1884 г. И. А. Шмаковъ.

г. Яранскъ.

¹⁾ О томъ, что это была за находка, см. въ слѣдующихъ книгахъ въ «Воспоминаніяхъ академика Н. И. Кокшарова», «Русская Старина», изд. 1890 г.

«РУССКАЯ СТАРИНА» 1890 г., ТОМЪ LXX, ЯНВАРЬ.

Н. О. СУХОЗАНЕТЪ.—ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАРВЛОВИЧЪ

I.

Прочитавъ въ февральской и майской книгахъ «Русской Старины» изд. 1889 года эпизоды изъ административной дѣятельности Николая Онуфриевича Сухозанета, я разскажу случай, характеризующій этого генерала, какъ военнаго министра.

Въ 1857 году, флигель-адъютантъ Дубельтъ занималъ должность начальника штаба отдѣльнаго своднаго кавалерійскаго корпуса, командиромъ коего былъ баронъ Офенбергъ, рѣдко честная личность. Сухозанетъ, бывшій тогда военнымъ министромъ, находился подъ неограниченнымъ вліяніемъ дежурнаго генерала Герштенцвейга, возненавидѣвшаго Дубельта за то, что у сего послѣдняго въ штабѣ высочайше утвержденная коммиссія князя Васильчикова добыла осязательныя доказательства злоупотребленій, творившихся его, Герштенцвейга, близкимъ родственникомъ, во время только что окончившейся крымской кампаніи. По наущенію Герштенцвейга, Сухозанетъ докладываетъ государю о назначеніи генерала К*** начальникомъ штаба на мѣсто Дубельта. На вопросъ же государя, что развѣ баронъ Офенбергъ недоволенъ Дубельтомъ? министръ отвѣчаетъ, что, напротивъ того, дѣла корпуса идутъ превосходно, но что Дубельтъ, какъ адъютантъ его величества, всегда окажется въ хорошемъ по службѣ положеніи, между тѣмъ какъ К***, также отличный генералъ, находится безъ мѣста.

— «Все это прекрасно, возражаетъ государь, но если Офенбергъ доволенъ Дубельтомъ, съ какой стати его смѣнять?»

Тогда Сухозанетъ пишетъ Офенбергу официальное письмо, что по докладѣ его величеству о замѣнѣ Дубельта К—мъ, высочайше повелѣно обстоятельство это предоставить усмотрѣнію его, Офенберга, и слѣдовательно, если онъ на эту перемѣну согласенъ, пусть онъ войдетъ о ней съ представленіемъ, и она состоится. Офенбергъ счелъ себя оскорбленнымъ желаніемъ министра смѣнить безъ его вѣдома столь близкое ему лицо, какъ начальникъ его штаба, и видѣлъ въ этомъ нарушеніе его правъ, такъ какъ сводъ военныхъ

постановленій именно предоставляет командиру отдѣльнаго корпуса выборъ своего начальника штаба, и отвѣчалъ Сухозанету, что на предложеніе его онъ согласиться не можетъ, такъ какъ онъ Дубельтомъ отмѣнно доволенъ, и искренно желаетъ, чтобы онъ продолжалъ при немъ службу начальникомъ штаба (подлинныя слова отвѣта). Но получивъ это письмо, Сухозанетъ доложилъ государю Александру Николаевичу, что, вслѣдствіе первоначальнаго доклада, онъ писалъ Офенбергу и получилъ отъ него отвѣтъ, что онъ Дубельтомъ недоволенъ и желаетъ К—ва. Государь, довѣряя министру и конечно не подозрѣвая столь смѣлаго и дерзкаго поступка, изъявилъ свое согласіе, и Дубельтъ своего мѣста лишился. Когда же онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и представлялся военному министру, то между ними произошла довольно оригинальная сцена, еще разъ доказывающая или забывчивость Сухозанета, или сколь мало онъ дорожилъ своимъ собственнымъ словомъ.

Сухозанетъ встрѣтилъ Дубельта слѣдующими словами:

— Вы не думайте, что замѣнены К*** вслѣдствіе какого-либо неудовольствія. У васъ дѣла шли отлично, но перемѣна эта была необходима, по разнымъ соображеніямъ. Какъ доказательство-же, что мы были вами довольны, первый вакантный армейскій кавалерійскій полкъ будетъ вашимъ полкомъ.

«Помилуйте, ваше высокопревосходительство, за что это?»

— Какъ за что, развѣ вы не понимаете чести командовать кавалерійскимъ полкомъ?

«Доказательство, что я понимаю эту честь, это, что если бы три года тому назадъ, когда я совершенно неожиданно былъ назначенъ покойнымъ государемъ Николаемъ Павловичемъ начальникомъ корпуснаго штаба, въ военное время, я былъ бы назначенъ командиромъ полка, я принялъ бы это назначеніе съ благодарностію. Но теперь, что я три года служилъ на правахъ начальника дивизіи, и имѣя въ своемъ подчиненіи 30 полковыхъ командировъ, мнѣ кажется лучше не служить вовсе, чѣмъ идти назадъ».

Сухозанетъ беретъ Дубельта за руку, прижимаетъ ее къ своему сердцу, и кричитъ во все горло: «вы правы, вы правы, я объ этомъ не подумалъ. Будьте покойны, пока я министръ, вы не будете командовать армейскимъ полкомъ».

Дубельтъ, дѣйствительно, успокоился, но недѣли черезъ двѣ къ нему прибѣгаетъ писарь изъ тогдашняго инспекторскаго департамента съ поздравленіемъ, что онъ вносится въ приказъ, какъ командиръ Ингерманландскаго гусарскаго полка, состоящаго въ составѣ того же корпуса, гдѣ Дубельтъ былъ незадолго передъ тѣмъ началь-

никомъ корпуснаго штаба. Тогда Дубельтъ, черезъ посредство графа Александра Владиміровича Адлерберга, довелъ всё обстоятельства эти до свѣдѣнія его величества, и былъ тотчасъ же назначенъ состоять по министерству внутреннихъ дѣлъ, черезъ что и вышелъ изъ подъ власти Сухозанета. Впослѣдствіи, государь Александръ Николаевичъ, разобравъ это дѣло и убѣдившись въ невинности Дубельта, возвратилъ ему его прежнюю должность, предварительно произведя его въ генералы, съ назначеніемъ въ свиту, при чемъ удостоилъ Дубельта слѣдующими многими словесами:

— «Ты былъ правъ, и я не могу лучше доказать это, какъ назначая тебя на твою прежнюю должность». Такъ что Дубельтъ, сдавъ свой штабъ К***, отъ него же его принялъ, и оставался въ этой должности до конца 1862 года, т. е. до ураздненія корпусныхъ штабовъ, за учрежденіемъ военныхъ округовъ. К—въ же, возвративъ штабъ Дубельту, былъ назначенъ командующимъ 5-ю кавалерійскою дивизіею.

II.

Въ весьма интересномъ дневникѣ акад. проф. А. В. Никитенко упоминается о генералѣ Б., правившемъ въ началѣ 1840-хъ годовъ должность плацъ-маіора въ Петербургѣ. По инструкціи, на обязанности плацъ-маіора лежало наблюденіе за поведеніемъ военныхъ вообще, а также и за тѣмъ, чтобы они не увлекались азартными играми. До свѣдѣнія императора Николая Павловича дошло, что плацъ-маіоръ Б., играя въ банкъ съ извѣстнымъ богачемъ Саввой Яковлевымъ, служившимъ офицеромъ въ кавалергардскомъ полку, выигралъ у него сто тысячъ рублей. Во время церемоніи развода въ Михайловскомъ манежѣ, императоръ Николай, объѣхавъ войска и остановившись верхомъ, по срединѣ манежа, вызвалъ къ себѣ генерала Б. своимъ звучнымъ голосомъ.—Б. подскочилъ.

«Поздравляю тебя», сказалъ ему императоръ. Б. низко кланяется, вѣроятно въ предположеніи, что онъ, по крайней мѣрѣ, получилъ Анненскую ленту.

— «Ты очень счастливо играешь въ банкъ», продолжалъ государь, «и у Яковлева выигралъ сто тысячъ рублей». Б. сконфузился, и на другой день прочелъ въ приказѣ, что назначается комендантомъ въ Иркутскъ. Б. туда не поѣхалъ, и скорѣй вышелъ въ отставку.

24 ноября 1889.

Д. М.

КЪ ЗАПИСКАМЪ Т. П. ПАССЕКЪ: «ИЗЪ ДАЛЬНИХЪ ЛѢТЪ».

Зимѣтки Н. А. Тучковой-Огаревой.

Третій томъ Записокъ Татьяны Петровны Пассекъ «Изъ дальнихъ лѣтъ» явился въ печать только тогда, когда начертавшая его рука, утомленная, склонилась: Татьяна Петровна опочила отъ своихъ трудовъ, отъ многострадальной жизни и ей не дано было порадоваться на свой законченный послѣдній трудъ, который современемъ будетъ оцѣненъ за многое. Но одно только неприятно поражаетъ въ этихъ воспоминаніяхъ... это сопоставленіе рядомъ такой личности, какъ А. И. Герценъ, съ литературною личностью, во всемъ противоположною. Но Татьяна Петровна жила воспоминаніями и относилась одинаково ко всѣмъ русскимъ дѣятелямъ и ко всѣмъ взглядамъ и направленіямъ, поэтому ошибка эта для нея возможна. Но я берусь за перо, потому что считаю обязанностью возстановить истину тамъ, гдѣ покойная Татьяна Петровна, не зная сама сущности дѣлъ, писала подъ вліяніемъ слуховъ и чужихъ толковъ.

Вообще третій томъ «Изъ дальнихъ лѣтъ» требовалъ бы исправленнаго изданія, — кромѣ многочисленныхъ типографскихъ ошибокъ въ немъ встрѣчаются ошибки, даже бессмыслицы, происходящія отъ неумѣнья разбирать почеркъ А. И. Герцена или же просто отъ незнанія французскаго языка и нѣкоторыхъ научныхъ терминовъ; — вѣроятно, Татьяна Петровна въ послѣднюю зиму не была въ состояніи лично слѣдить за изданіемъ.. .

Скажу только нѣсколько словъ о томъ, что бросаетъ яркій свѣтъ на взгляды и дѣятельность А. И. Герцена.

Кажется, въ 1860 году, когда говорили уже много о скоромъ освобожденіи крестьянъ, помню, что разъ утромъ въ нашей квартирѣ раздался сильный звонокъ. Нашъ поваръ Jules доложилъ Александру

Ивановичу, что его спрашиваютъ три незнакомыя личности, пріѣхавшія издалека для свиданія съ нимъ. Герценъ же, для того, чтобы правильно заниматься, имѣлъ обыкновеніе никого не принимать по утрамъ, но такъ какъ Jules уже ввелъ посѣтителей въ салонъ, то онъ сдѣлалъ на этотъ день исключеніе и пошелъ къ пріѣзжимъ, но скорѣй вернулся за Огаревымъ и они долго бесѣдовали всѣ вмѣстѣ. На другой день я видѣла этихъ господъ, они провели дня три или четыре въ Лондонѣ; это были члены варшавскаго жонда, посланные подпольнымъ правительствомъ для переговоровъ съ Герценомъ и для отысканія его поддержки. Послѣ Герценъ передавалъ мнѣ разговоръ съ ними. На ихъ просьбы помочь Польшѣ вооруженной силой Александръ Ивановичъ отвѣчалъ, съ свойственною ему откровенностью, что онъ не располагаетъ никакой матеріальной силой въ Россіи, но что еслибы это и было—онъ не сталъ бы звать своихъ на междоусобную войну.

— «Вся моя сила», сказалъ онъ имъ, «въ словѣ, въ истинѣ, въ моемъ чувствѣ, въ одинаковомъ біеніи моего сердца съ сердцемъ народа; мы оба съ Огаревымъ жалѣемъ о Польшѣ, но между нами и вами мало общаго,—мы посвятили свою жизнь служенію русскому народу, а у васъ на первомъ планѣ далеко не народныя интересы. Если я ошибаюсь—докажите мнѣ противное: отпустите крестьянъ на волю, отпустите ихъ съ землею! тогда между нами будетъ общее. Оставьте мысль о возстаніи—много крови прольется даромъ! Россія сильнѣе Польши, лучше пользуйтесь тѣмъ, что она сдѣлаетъ для себя; возмущеніемъ вы не выиграете ничего, но вы затормозите ходъ развитія Россіи».

Посланные жонда возвратились въ Варшаву ничего не достигнувши и давши только неопредѣленныя обѣщанія относительно крестьянъ.

Совѣты Герцена не были приняты жондомъ. Разговоръ Герцена съ членами подпольнаго правленія не есть ли лучшее доказательство того, что онъ не смотрѣлъ на польское возстаніе, какъ на имѣющее міровое значеніе для славянъ (Пасекъ, стр. 138), а какъ на послѣдній отблескъ шляхетской вспышки.

На 134 страницѣ покойная Татьяна Петровна говоритъ: «по случаю событій въ Польшѣ, Герценъ написалъ горячую статью съ эпиграфомъ: «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ». Это совершенная ошибка: статья эта была написана до происшествій въ Варшавѣ; эпиграфъ, какъ видно по смыслу, относится къ освободителю крестьянъ. Глубоко, искренно тронутый освобожденіемъ крестьянъ, Герценъ набросалъ эту статью и собирался прочесть ее русскимъ, а за русскимъ обѣдомъ хотѣлъ предложить тостъ за Царя-Освободителя.

Кто могъ бы угадать тогда послѣдствія восторженныхъ рѣчей и настроенія духа? Но судьба сулила другое: передъ обѣдомъ Тхор-

жевскій принесъ только что полученные имъ фотографическіе снимки съ лицъ, — въ свалкѣ на улицахъ Варшавы во время демонстрацій убитыхъ. Съ этой минуты духъ нашего праздника измѣнился: къ радости за освобожденіе крестьянъ примѣшивалось какое-то тяжелое чувство, отъ котораго нельзя было освободиться.

По этому случаю на слѣдующій день Герценъ написалъ горячую статью, озаглавленную: «*Mater dolorosa*», и едвали когда нибудь слогъ его достигалъ такой горячности, какъ въ этой статьѣ.

На страницѣ 144-й Записокъ Пассекъ сказано: «Руководители этой партіи, узнавъ объ этомъ намѣреніи дѣтей А. И. Герцена, отправили къ его сыну письмо съ бланкомъ «народная расправа» съ угрозами. Письмо было безъ подписи».

Посмертное изданіе полнаго собранія сочиненій А. И. Герцена печаталось въ Женевѣ, подъ моимъ наблюденіемъ; Н. П. Огаревъ просматривалъ корректуру. Александръ же Александровичъ Герценъ продолжалъ жить во Флоренціи, поэтому письмо съ угрозами и было прислано ко мнѣ. Сообщаю его въ ред. «Русской Старины» въ оригиналѣ.

Тогда я написала А. А. Герцену и пошла посоветоваться съ пріятелемъ покойнаго Александра Ивановича — натуралистомъ Карломъ Фогтомъ. Послѣдній лежалъ въ страшной мигрени, но, услышавъ отъ жены, что я пришла потолковать о дѣлѣ, принялъ меня тотчасъ. Мы рѣшили, что оригиналъ посмертнаго изданія будетъ пока храниться у него, а наборъ будетъ продолжаться съ копій.

А. А. Герценъ напечаталъ отвѣтъ, о которомъ говоритъ Пассекъ.

Перепечатаніе всѣхъ сочиненій Герцена началось по моей инициативѣ. Переживая трудно описываемое время послѣ кончины А. И. Герцена, я искала работы и горячо схватилась за мысль новаго изданія его произведеній, собрала все, что Герценъ когда-либо писалъ въ Россіи и за границей, сдѣлала списокъ его сочиненій въ хронологическомъ порядкѣ и передала весь этотъ матеріалъ г-ну В***, который брался за это дѣло охотно, такъ какъ цѣнилъ Герцена и всѣ его сочиненія, хотя и расходился съ нимъ во взглядахъ и направленіи.

На первыя издержки я передала Г. Н. В*** русскій билетъ внутренняго займа, полученный мною отъ неизвѣстнаго лица для употребленія на полезное — и я думала, что не могла сдѣлать лучшаго употребленія изъ этихъ денегъ; конечно, ихъ было недостаточно для перепечатанія всѣхъ сочиненій Герцена и «Колокола», но тогда же предполагалось получить по тысячѣ франковъ съ cadaго изъ дѣтей покойнаго Александра Ивановича, на что они, казалось, были согласны.

Послѣ моего возвращенія въ Россію, хлопоты по этому изданію перешли отъ г. В*** къ дѣтямъ покойнаго Герцена.

Татьяна Петровна говоритъ, что Огаревъ сломалъ ногу на охотѣ, но онъ отъ роду не бывалъ на охотѣ. Дѣло было такъ: Огаревъ жилъ тогда въ Женевѣ; однажды, онъ шелъ домой середь дня; вдругъ съ нимъ сдѣлался обычный нервный припадокъ и онъ упалъ. Это случилось въ концѣ города, противъ дома умалишенныхъ. Послѣ обморока, Огаревъ всталъ и пошелъ было невѣрными шагами, но, не замѣтивъ канавы, оступился, упалъ вновъ и сломалъ себѣ ногу, — боль была такъ сильна, что онъ лишился чувствъ. Уже начинало смеркаться, когда онъ пришелъ въ себя. Онъ сталъ звать на помощь прохожихъ, но всѣ, взглянувъ на него издали, спѣшили пройти мимо; очевидно, близость дома умалишенныхъ была виной того, что его приняли за сумасшедшаго. Огаревъ пересталъ звать, вынулъ складной ножъ изъ кармана и разрѣзалъ сапогъ, — нога начинала уже пухнуть; затѣмъ онъ досталъ сигару, спички и закурилъ — такъ онъ провелъ всю ночь! Къ счастью, рано утромъ какой-то знакомый проходилъ мимо его, который подошелъ къ Огареву и, узнавъ въ чемъ дѣло, поспѣшилъ взять карету и отвезъ его домой.

Теперь мнѣ остается отвѣчать на личности, помѣщенные противъ меня въ 3-мъ томѣ «Изъ дальнихъ лѣтъ». Если нужно знать всю семейную обстановку Герцена для его біографіи—во первыхъ, необходимо, чтобъ V томъ его собственныхъ воспоминаній «Былое и Думы» былъ напечатанъ безъ сокращеній, тѣмъ болѣе, что Герценъ самъ этого желалъ, и я недоумѣваю, чтó затормозило выходъ въ свѣтъ лучшей части «Былаго и Думы»,—этого вполне художественнаго произведенія. Но не столько обидно то, чтó обо мнѣ говорится, сколько обидно, что умалчивается объ остальныхъ,—даже мѣстами выходить вовсе непонятно, чтó это за личности «Гуцъ, Юла» и проч. Если нужно говорить, то все и про всѣхъ, говорить, не скрывая ничего.

Дѣло вовсе не въ насъ, а въ истинѣ, относящейся до такой крупнои въ исторіи русскаго общества личности, каковою былъ (независимо отъ направленія) вполне даровитый русскій писатель и публицистъ покойный А. И. Герценъ.

Н. А. Огарева-Тучкова.

ВАСИЛІЙ АЛЕКСѢВИЧЪ СЛѢПЦОВЪ

въ воспоминаніяхъ его матери,

1836 $\frac{\text{р. 17-го июля}}{\text{† 23-го марта}}$ 1878.

I.

Такъ какъ біографія покойнаго нашего писателя и беллетриста Василя Алексѣевича Слѣпцова еще не была написана, да можетъ была бы еще и преждевременна, то я, какъ престарѣлая мать его, желаю при жизни моей написать все то, что сохранилось въ памяти о покойномъ моемъ сынѣ.

Прошу читателей уважаемой «Русской Старины» извинить меня за мой безыскусственный и нѣсколько беспорядочный рассказъ.

Да позволено мнѣ будетъ начать повѣствованіе съ ранняго дѣтства моего сына, а равно и упомянуть о его происхожденіи.

Василій Алексѣевичъ Слѣпцовъ принадлежалъ къ древнему дворянскому роду Слѣпцовыхъ. Отецъ его, Алексѣй Васильевичъ Слѣпцовъ, былъ помѣщикъ и владѣлъ 1,500 десят. земли и 250 душъ Саратовской губерніи, Сердобскаго уѣзда; близкіе его родные Чихачевы, Бутурлины, Прокоповичи-Антояскіе, Костневскіе, Рембелинскіе и прочіе. Мужъ мой, Алексѣй Васильевичъ Слѣпцовъ, служилъ въ Харьковскомъ уланскомъ полку, дѣлалъ турецкую и польскую кампаніи; въ бытность свою въ Гродненской губерніи онъ познакомился и женился на дочери тоже изъ древней польской фамилии, Жозефинѣ Адамовнѣ Вельбутовичъ-Папленской, коей же мать была урожденная баронесса Игесльстромъ, изъ древнихъ лифляндскихъ бароновъ.

Впослѣдствіи Алексѣй Васильевичъ перешолъ въ Новороссійскій драгунскій полкъ въ Воронежѣ, гдѣ и родился первенецъ ихъ, Василій Алексѣевичъ Слѣпцовъ, въ 1836 году, 17-го июля. Спустя годъ

по его рожденіи, отецъ его вышелъ въ отставку и уѣхалъ къ родителямъ съ своимъ семействомъ, въ Москву, гдѣ сей послѣдній, по протекціи дяди Николая Александровича Бутурлина, былъ зачисленъ въ Московскую комиссаріатскую комиссію.

Василій Алексѣевичъ былъ всегда любимцемъ всей семьи, особенно своей матери, для которой до самой смерти оставался кумиромъ, — Василій Алексѣевичъ съ ранняго дѣтства выказывалъ большія умственныя способности; нрава всегда былъ кроткаго и тихаго, сердца мягкаго, такъ что не могъ выносить когда его сверстники мучили животныхъ или мухъ; всегда съ дѣтства былъ красивъ, постоянно занятъ былъ разнаго рода издѣліями и вполнѣдствіи, бывъ уже писателемъ, изучалъ столярное и слесарное ремесла; самъ выучился пяти лѣтъ читать и былъ набоженъ въ дѣтствѣ и семи лѣтъ собирался въ монастырь, надъ чѣмъ вполнѣдствіи смѣялся. Когда ему было 8 лѣтъ, мы въ Москвѣ взяли гимназиста изъ 5-го класса готовить его въ гимназію; но гимназистъ былъ большой педантъ и не умѣлъ пріохотить мальчика къ наукамъ, особенно къ латыни, такъ что Вася плакалъ, заучивая латинскую грамматику. Мы переѣхали учителя и взяли студента Анурина, который такъ хорошо преподавалъ, что Василю Алексѣевичу латынь стала любимымъ занятіемъ; французскимъ языкомъ занималась съ нимъ я — его мать, а нѣмецкимъ — бабка его по матери. Десяти лѣтъ Василій Алексѣевичъ поступилъ во 2-й классъ 1-й московской гимназіи, что на Пречистенкѣ.

Спустя 1¹/₂ года родители мужа моего его выдѣлили; намъ досталось имѣніе въ Варшавской губерніи, въ Сердобскомъ уѣздѣ, — деревня Александровка, Дубовка тожъ, куда мы переѣхали и взяли съ собою и сына нашего Василя Алексѣевича. Въ деревнѣ мы узнали, что ближайшій отъ насъ городъ Пенза въ 90 верстахъ, гдѣ есть дворянскій институтъ — въ то время единственное тамъ учебное заведеніе; туда мы и помѣстили Василя Алексѣевича, котораго, какъ и всегда, любимое было занятіе книги; онъ пробовалъ писать стихи и мнѣ ихъ посвящалъ, но кто-то ихъ взялъ у меня и они затерялись. Впрочемъ, Василій Алексѣевичъ вполнѣдствіи не любилъ вспоминать о своей поэзіи. Я запомнила нѣсколько строкъ стиховъ, посвященныхъ мнѣ:

«Не за себя молитва льется
Предъ престоломъ Всевышняго Творца,
Не за себя молю—за мать мою родную».....

больше не припомню.

Послѣ окончанія курса въ дворянскомъ институтѣ мы отвезли Василя Алексѣевича въ Москву. Въ это время была венгерская

кампанія и родные посовѣтали помѣстить сына нашего въ одинъ изъ полковъ дѣйствующей арміи. Василій Алексѣевичъ было согласился и даже купилъ программу и сталъ готовиться въ полкъ, но попалъ въ общество студентовъ, перемѣнилъ свое намѣреніе и сталъ готовиться въ московскій университетъ, гдѣ и выдержалъ экзаменъ на медицинскій факультетъ.

Студенты въ то время носили красивыя шаги и учились маршировать; какъ теперь помню команды имъ: «глаза на пра-а-во!» и т. д.

Бывши студентомъ, Вася познакомился съ профессорами Китрой и Далемъ, которые его полюбили и приглашали у нихъ бывать...

Впослѣдствіи, въ 1850-хъ годахъ, предложили Василю Алексѣевичу отъ «Этнографическаго отдѣленія И. Г. Об.» пойдти путешествовать съ котомкой—въ то время на это была мода. П. И. Якушкинъ и другіе такъ путешествовали—во Владимірѣ на Клязмѣ для описанія тамошнихъ фабрикъ и строившейся въ то время французами желѣзной дороги. Слѣпцовъ съ удовольствіемъ принялъ предложеніе профессоровъ и отправился. Изъ своихъ путешествій онъ написалъ весьма любопытныя наблюденія о фабрикахъ и особенно о бытѣ французскихъ рабочихъ, на жел. дорогѣ, которая тогда проводилась и этихъ рабочихъ превосходно содержали и нашихъ несчастныхъ русскихъ, жившихъ въ холодныхъ баракахъ при убійственномъ содержаніи. Свои путешествія Вася изложилъ въ особой тетради, но это сочиненіе гдѣ-то затерялось.

Послѣ Слѣпцовъ писалъ фельетонъ у графини Е. В. Салгасъ (Евгенія Туръ), въ газетѣ «Русская Рѣчь», потомъ въ «Сѣверной Пчелѣ» и «Атенеѣ». Тутъ Слѣпцовъ женился въ Москвѣ на дѣвицѣ Языковой, имѣлъ отъ нея сына, который умеръ, и дочь Валентину, которая послѣ его смерти вышла замужъ за І. А. Гурко.

Слѣпцовъ не сошелся характеромъ съ женою и разстался съ нею. Въ то время онъ получилъ наслѣдство послѣ отца, но такъ какъ никогда не любилъ деревенскаго хозяйства, то и продалъ имѣніе своему брату, а самъ уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ познакомился съ Н. Г. Чернышевскимъ и другими литераторами: Г. З. Елисеѣвымъ, В. И. Водовозовымъ и Н. А. Некрасовымъ, который пригласилъ моего сына писать въ «Современникъ», а потомъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» (когда Некрасовъ приобрѣлъ это изданіе) и просилъ Слѣпцова нигдѣ не помѣщать своихъ сочиненій, какъ только въ его журналѣ. Слѣпцовъ ѣздилъ изъ Петербурга въ Осташковъ и написалъ весьма любопытныя письма объ Осташковѣ и издалъ ихъ, послѣ напечатанія въ «Современникѣ», особымъ выпускомъ.

Петербургская жизнь Слѣпцова стала совсѣмъ другой, чѣмъ была до перѣѣзда туда. У него явился обширный кругъ знакомыхъ. Онъ первый, если не ошибаюсь, поднялъ женскій вопросъ. Постоянно не богатая женщины въ черныхъ бурнусахъ и черныхъ башлыкахъ ходили къ нему за совѣтами, какъ устроить мастерскія и женскія переплетныя, являлись студенты и завѣдывающіе бесплатными школами, прося устроить литературные вечера съ его участіемъ; нѣкоторые изъ этихъ

вечеровъ, дѣйствительно, имѣли большой успѣхъ, такъ какъ Слѣпцовъ превосходно читалъ; при его чтеніи зала всегда была полна и вечера давали много сбора. Онъ являлся съ своей всегдашней милой улыбкой, зала гремѣла аплодисментами и онъ, раскланявшись, садился за столъ, на которомъ заранѣе ставили графинъ съ водою и стаканъ, такъ какъ безъ глотка воды чтеніе утомляло его горло.

Всякій нуждающійся хорошо зналъ Василия Алексѣевича, хотя онъ самъ не располагалъ большими средствами, жилъ одной литературой, а здоровье его подтачивали разныя неудачи въ жизни; разстаться съ Петербургомъ онъ не могъ,—его тянуло то общество и тѣ интересы, съ которыми онъ сроднился и которыми жилъ.

Характеръ у него былъ тихій, я никогда не видала его сердитымъ; онъ умѣлъ себя воздерживать и выработалъ самъ свой характеръ, всегда отрывалъ себя отъ всякой привычки, даже долго нигдѣ не жилъ, и замѣтя, что привыкаетъ къ мѣсту, онъ вдругъ себя отрывалъ. Даже прѣзжая къ намъ въ деревню, Вася вдругъ станетъ бывало собираться, говоря: «пора, засидѣлся!» Онъ ѣздилъ въ Одессу и собирался въ Америку.

II.

Василій Алексѣевичъ въ концѣ 1860-хъ и въ началѣ 1870-хъ гг. написалъ сцены и очерки изъ народнаго быта, повѣсть «Трудное время», «Письма изъ Осташкова», «Метафизикъ о насущномъ хлѣбѣ», «Кто виноватъ», «Опыты судебной защиты», одну главу изъ романа «Хорошій человекъ» и одну недоконченную имъ драму. А. М. Скабическій въ «Современникѣ» прекрасно отозвался о его сочиненіяхъ, указывая, что герой повѣсти «Трудное Время», Рязанцевъ — это типъ послѣдователей Овѣгина, Печерина и другихъ, тѣ имѣли еще надежду на лучшее, а Рязанцевъ уже совсѣмъ на улучшеніе потерялъ всю надежду.

Давно затаенная болѣзнь помѣшала Василию Алексѣевичу писать больше, но все онъ боролся съ жизнію. Въ Петербургѣ двѣ зимы онъ занимался устройствомъ любительскихъ спектаклей въ художественномъ клубѣ (онъ любилъ сцену); онъ такъ ретиво хлопоталъ, самъ всѣмъ театромъ завѣдуя, что сталъ рѣдко писать къ матери, говоря: «я такъ заять, что некогда ни ѣсть, ни пить, ни спать; хотя я утомленъ, но все-же это своего рода жизнь!»

Но нервы все надрывались; незамѣтно силы упали, и онъ уѣхалъ на Кавказъ. Новая жизнь, природа скоро его оживили; онъ, спустя три недѣли по прибытіи на Кавказъ, ѣздилъ уже верхомъ, лазилъ по горамъ и совсѣмъ ожилъ, но привычка неусидчивости погнала его съ Кавказа къ намъ въ деревню, гдѣ онъ пробылъ до февраля и опять собрался въ Москву: ему хотѣлось увидать мѣста своего дѣтства; а надо было лучше лѣто пробыть въ деревнѣ или на Кавказѣ, но судьба устроила по своему: въ концѣ лѣта Слѣпцовъ почувствовалъ себя нехорошо и говорилъ, что онъ ждетъ болѣзни. Тутъ ему предложили мѣсто бібліотекаря въ Кіевѣ, куда онъ и уѣхалъ; но на его бѣду бібліотеку закрыли

и онъ, больной, обратился къ знакомому доктору Бекову; тотъ посоветовалъ ѣхать къ Н. И. Пирогову и что тотъ уважаетъ, то и дѣлать. Пироговъ нашолъ, что силы у моего Васи плохи, надо дѣлать на Кавказъ, что Василій Алексѣевичъ и исполнилъ, но оттуда писалъ мнѣ такъ: «тѣ же цѣлительныя воды, тотъ же докторъ Смирновъ, но мое больное тѣло не ощущаетъ ихъ цѣлительнаго свойства» и въ осени ему вадумалось прѣхать по желѣзной дорогѣ въ село Беково, Сердобскаго уѣзда, и далъ мнѣ телеграмму о своемъ прѣздѣ. Я, приглася хорошаго земскаго доктора Недзвѣцкаго, отправилась къ моему сыну въ Беково и нашла Васю ужасно измѣнившимся. Лѣченіе было довольно успѣшно и какъ будто силы понемногу возстановились, но Василю Алексѣевичу не сидѣлось; онъ сталъ подумывать куда-то ѣхать и собрался въ Саратовъ; устроился, кажется, хорошо, но тамошній докторъ не понялъ его болѣзни, хотя надѣялся въ двѣ недѣли поставить его на ноги, а вышло, что Василій Алексѣевичъ окончательно ослабъ и слегъ въ постель. Тогда онъ уже рѣшилъ ѣхать въ Петербургъ, — что скажутъ тамошнія свѣтлыя въ медицинѣ.

Всѣ лучшіе хирурги, лучшіе доктора ничего утѣшительнаго не сказали, всѣ консилиумы ничего не рѣшили, советовали лишь ему пить кумысъ. Итакъ, Василій Алексѣевичъ съ разными предписаніями медиковъ прѣхалъ на кумысъ опять въ Беково, но все же слабѣлъ, хотя еще гулялъ.

Беково ему не понравилось и, по совѣту доктора Недзвѣцкаго, онъ уѣхалъ въ село Куракино, Надеждино тожъ, гдѣ хорошій паркъ, хорошее помѣщеніе въ домѣ управляющаго и, главное, близость г. Сердобска, доктора и аптери, газетъ и библиотекъ—составляли для него большое удобство. Такъ и рѣшили мы водвориться въ Куракинѣ, — кажется, всѣ удобства были, — но черезъ шесть недѣль Василій Алексѣевичъ не поправлялся, силы были плохи, еще попробовалъ въ іюнѣ ѣхать на Кавказъ, но и тамъ здоровье его не поправлялось, и докторъ Смирновъ сталъ его отправлять домой и на мой вопросъ «не отвезти-ли Васю въ южную Францію?» отвѣтилъ, что болѣзнь сдѣлала большіе успѣхи и что вылечить его радикально нельзя. Итакъ Василій Алексѣевичъ въ сентябрѣ еще попробовалъ съ Кавказа перебраться въ Таганрогъ, а въ сентябрѣ 1877 г. прѣхалъ опять въ Куракино; силы его все становились хуже, ужасная худоба, плохой сонъ и язва его не улучшалась, никакая сила не могла ему возвратитъ здоровье. У него образовался нарывъ на легкихъ. Докторъ Недзвѣцкій его навѣщалъ очень часто, и его можно было лечить только палліативно; открылась изнурительная лихорадка, всякій день ознобъ

и испарива, по 6-ти рубашекъ надо было перемѣнять. Василій Алексѣевичъ не всегда сознавалъ свое безвыходное положеніе, иногда говорилъ о смерти, а то собирался весною въ Липецкъ на воды, наконецъ, рѣшилъ въ мартѣ 1878 г. ѣхать изъ Куракина въ Сердобскъ, говоря, что «въ Куракинѣ много воды, а онъ избѣгаетъ сырости, боясь лихорадки». Нечего было дѣлать, надо было, хотя съ трудомъ, его везти. Перемѣна мѣста ему понравилась, онъ ожилъ на время, — все подъ руками: и докторъ, и аптека, и новая квартира; но все это лишь на время его ободрило; политика его занимала, самъ читалъ газеты или просилъ ему ихъ читать, часто говорилъ про Н. А. Добролюбова, но говорить Васѣ было уже трудно.

22-го марта 1878 г. онъ просилъ меня его перевести съ дивана на постель и, подойдя къ ней, сказалъ мнѣ:

— «Какъ вы хорошо меня привели, я готовъ васъ благодарить на колѣняхъ».—И это послѣдній разъ онъ перешелъ на свою кровать.

Ночью я услышала его кашель; пришла къ нему; свѣча еще горѣла, онъ просилъ дать ему порошокъ, потому чтобы его не много прикрыть и сказалъ: «теперь все». Я ушла.

Въ 4 часа утра опять вошла и спросила: «ты что-то знаешь?» — Онъ отвѣтилъ: «Да, я оралъ».

Понемногу стало свѣтать, и мнѣ показалось его лицо мертвецки блѣднымъ, я выбѣжала изъ комнаты и сказала моей дочери, что дѣло плохо. Мы обѣ опять пришли, и у него открылась рвота—желтою жидкостью, голову его мы по очереди держали, давали ему воды съ коньякомъ. Онъ часто не сознавалъ что съ нимъ происходитъ, попросилъ его поправить; рвота утихла, онъ лежалъ спокойно, потребовалъ доктора и когда тотъ пришелъ, то посоветовалъ что-то дать больному. При выходѣ докторъ намъ сказалъ, что пульсъ остановился и параличъ легкихъ, нарывъ разрѣшился и что Васѣ остается лишь нѣсколько часовъ жизни.

Для насъ минута была ужасна,—все было кончено!

Мы сидѣли неподалеку отъ умирающаго; онъ, увидя это, спросилъ:

— «Что вы думаете, я умираю?»

Я отвѣтила, что «нѣтъ».

Докторъ опять пришелъ и нашелъ, что цвѣтъ лица сталъ темнымъ. Василій Алексѣевичъ чуть внятнымъ голосомъ позвалъ меня и сестру свою, но мы боялись подойти къ нему, ожидая раддирующей сцены его прощанія, ибо онъ все намъ говорилъ:

— «Когда я буду умирать—всѣ уйдите, а то станете плакать и прибавите мнѣ нѣсколько часовъ страданія».

Когда настала агонія, мы сѣли къ нему. И такъ тихо его душа улетѣла, какъ будто ангелы ее на рукахъ отъ насъ унесли.

Свершилось все и безцѣннаго сына моего не стало!

Другой мой сынъ съ женою прѣхали на похороны. Отнесли мы дорогой нашъ гробъ на наше городское кладбище и похоронили около церкви; огородили черной рѣшеткой; обсадили деревьями и цвѣтами, куда стопа матери проторила дорожку. Кладбище наше не уступитъ столичному; трудами нашего ктитора И. И. Попова воздвигнута прекрасная ограда, прелестныя часовни, клумба ароматическихъ цвѣтовъ, такая масса цвѣтовъ, душистыхъ, прелестныхъ, дорожки уtramбованы, скамейки, балясины и уютная церковь,—такъ все манитъ къ кладбищу и какъ будто и покойникамъ веселѣе тамъ лежать....

Предполагается Василю Алексѣвичу Слѣпцову поставить памятникъ, вполне достойный его таланта, какъ русскаго писателя.

Добавлю, что единственная дочь Василя Алексѣвича Слѣпцова, а моя внучка,—въ замужествѣ за Юсифомъ Александровичемъ Гурко.

Жозефина Слѣпцова.

Городъ Сердобскъ.
1889 г.

Къ очерку „Графъ Г. Тотлебенъ“.

Прочитавъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1888 г. весьма интересную монографію Г. К. Рѣпинскаго: «Графъ Г. К. Тотлебенъ», считаю не бесполезнымъ сообщить, что «Шульценбургъ» (въ переводѣ: постоянный дворъ Шульца) находился на самой границѣ между Лифляндіею и Курляндіею на большой дорогѣ (теперь упраздненной) изъ Риги въ Митаву, не далеко отъ почтовой станціи «Олай». Такъ какъ въ то время Курляндія еще не принадлежала Россіи, то повятно, почему, выводя Тотлебена изъ Россіи, отпустили его въ «Шульценбургъ».—На картѣ Рижскаго уѣзда въ большомъ атласѣ Лифляндіи графа Меллина изд. 1798 г. этотъ пунктъ назначенъ противъ «Zolkburg» на Курляндской территоріи.

Эмануэль Мёллеръ.

Архангельскъ.
11 ноября 1889.

Карль Андреевичъ Шильдеръ

† 11-го іюня 1854 г.

Разсказъ В. Н. Дена на 82 стр. явл. книги «Русск. Ст.» 1890 г. объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ переходъ въ православіе знаменитаго инженера К. А. Шильдера, (умершаго въ 1854 г. отъ ранъ, полученныхъ подъ вр. Силистрію), вполне ошибоченъ. Точныя свѣдѣнія по сему предмету переданы уже въ «Русской Старинѣ», въ статьѣ: «Карль Андреевичъ Шильдеръ, 1785—1854 гг. Историко-біографическій очеркъ». См. «Р. С.» изд. 1875 г., томъ XIV, стр. 517—540, 715—736.

Ред.

Антонъ Рубинштейнъ

къ литературѣ о немъ и его дѣятельности.

Обращаю вниманіе читателей уважаемой «Русской Старины» на біографію А. Г. Рубинштейна на голландскомъ языкѣ, написанную г. Антономъ Фавъ-Гальтенемъ. Это сочиненіе, мало извѣстное у насъ и неупомянутое въ хорошо составленной «Лѣтописи» Н. М. Лисовскаго («Русская Старина», изд. 1889 г., т. LXIV, ноябрь стр. 600—641), безспорно самый серьезный біографическій трудъ о нашемъ знаменитомъ соотечественникѣ. Особенно хорошо сдѣланъ обзоръ его сочиненій, основывающійся на отзывахъ первыхъ европейскихкихъ авторитетовъ (Hanslick, Ambros, Nauman и др.).

Вотъ заглавіе этой интересной монографіи: «Anton Rubinstein, door Anton van Haltein—Utrecht, J. U. Leeflaug. 1886 г., въ 8 д., стр. 80. Брошюра эта препровождается мною при семъ въ бібліотеку ред. «Русской Старины».

Платонъ Васель.

26 ноября 1889.

РУССКІЕ ВЪ ПАРИЖСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ ¹⁾

въ 1881—1888 гг.

По старому преданію, участіе въ трудахъ парижской академіи наукъ все еще считается чѣмъ-то особенно лестнымъ для трудящагося, а напечатаніе одного-двухъ мемуаровъ въ «Отчетахъ о засѣданіяхъ» этой академіи—чѣмъ-то въ родѣ диплома на названіе почетнаго гражданина въ ученой республикѣ. Насколько въ этомъ предразсудкѣ есть серьезной правды, я не стану разбирать, хотя не могу не припомнить, что два-три года тому назадъ одинъ америкавецъ, коротко знакомый съ европейской научной средой, смѣло заявилъ, что «въ парижской академіи наукъ есть только два первоклассныхъ ученыхъ, Пастёръ и Дюма», остальные же члены ея суть дѣятели второстепенные, которые не могутъ идти въ сравненіе со свѣтилами науки въ Англии, Германіи, Швейцаріи, Соединенныхъ Штатахъ. И парижскіе журналы (научные) не возражали серьезно на этотъ, не совсѣмъ лестный для французовъ, отзывъ. «Теперь, въ 1889 г., нѣтъ уже и Дюма», замѣтилъ какъ-то на дняхъ одинъ иностранецъ, а остался одинъ Пастёръ, знаете, тотъ, что лечитъ отъ бѣшенства, прививая людямъ кроличьи мозги»...—Я, повторяю, не хочу брать на себя роли пѣнителя парижской академіи наукъ en masse и ея отдѣльныхъ членовъ въ частности; «Comptes rendus» академіи все еще стоятъ въ первомъ ряду ученыхъ журналовъ, и не только начинающіе французскіе ученые, а даже иностранцы охотно пишутъ для

---

¹⁾ Нѣсколько лѣтъ тому назадъ русское посольство въ Парижѣ запрашивало парижскую академію о русскихъ ученыхъ, принимающихъ участіе въ ея трудахъ; не знаю, какой былъ отвѣтъ, но слышалъ стороною, что дать его было не легко, ибо какъ академіи отличать русскихъ корреспондентовъ отъ не русскихъ? По именамъ? Но вотъ уважаемый русскій ученый г. Тилло носитъ не славянское имя... Не ругаюсь я за полноту в моей росписи.

М. В.

нихъ мемуары, конечно въ видѣ рекламы для себя, потому что изда-
ніе въ ученomъ мѣрѣ очень распространено.

Изъ иностранцевъ русскіе едва ли не самые усердные вкладчики
въ этотъ французскій журналъ. Оно и понятно: многіе изъ нихъ жи-
вуть и работаютъ въ Парижѣ, какъ городѣ, представляющемъ всѣ
удобства для ученыхъ трудовъ; другіе, и большинство, хоть и жи-
вуть дома въ Россіи, но не имѣютъ средствъ рекламироваться въ
домашнихъ изданіяхъ, которыхъ, начиная съ публикаціей с.-петер-
бургской академіи наукъ, никто за границею не читаетъ. Большин-
ство современныхъ русскихъ ученыхъ помѣщаетъ свои труды или
въ изданіяхъ мѣстныхъ ученыхъ обществъ, на русскомъ языкѣ,
или въ двухъ-трехъ ученыхъ журналахъ, издаваемыхъ въ Германіи
и, опять-таки, въ Парижѣ. Извѣстно, что въ послѣднемъ городѣ
была даже сдѣлана попытка печатать пофранцузски особый журналъ,
составленный изъ трудовъ исключительно русскихъ или, точнѣе, слав-
янскихъ ученыхъ: это былъ «Славянскій архивъ біологіи». Нѣсколько
книжекъ его вышло и было сочувственно встрѣчено; но гдѣ онъ
теперь? И какъ онъ могъ прочно стоять, имѣя редакторомъ г. Мен-
дельсона, т. е. вовсе не славянина?

Я рѣшаюсь здѣсь дать небольшой матеріалъ для будущей исто-
ріи русскихъ ученыхъ трудовъ нашего времени за границей, а въ
частности въ Парижѣ и даже именно въ одной академіи наукъ.
Вмѣстѣ со статьею «о русскихъ ученыхъ въ Парижѣ», обнародован-
ною мною въ № 45 «Новостей» 1884 года, и отчетами профес-
сора Воейкова о заграничныхъ русскихъ ученыхъ трудахъ вообще
(въ Ж. М. Н. Пр.) это будетъ «справка» для будущей исторіи рус-
ской науки. Такъ какъ въ Парижѣ я живу и засѣданія парижской
академіи посѣщаю лишь съ 1881 года, то и «справка» моя будетъ
относиться лишь къ 1881—88 годамъ. Вотъ имена русскихъ служи-
телей науки, которыя можно найти въ «Comptes rendus de l'Academie
des sciences de Paris» за эти годы, а также число ихъ мемуаровъ:

1881	12	9 Шведовъ, астрономія .	1
Боравскій, медицина .	1	1882	15
Валицкій, химія	1	Буныковскій, математика.	1
Гагаринъ, князь, механика	1	Валицкій, химія	1
Граевъ, механика.	1	Венюковъ, географія .	1
Егоровъ, физика	1	Егоровъ, физика	1
Лучининъ, термохимія	3	Ковалевскій, зоологія .	1
Мережковскій, зоологія	2	Коноваловъ, химія.	1
Савицкій, астрономія.	1	Мекарскій, механика.	1

Мечниковъ, географія	1	Венюковъ, геологія	1
Меньшуткинъ, химія .	2	» » метеорологія .	1
Мережковский, зоологія .	1	Егоровъ, физика .	1
Тилло, земная физика	2	Иностранцевъ, геологія	1
Хрущевъ, термохимія.	1	Кубасовъ, физиологія .	3
13 Чахачевъ, географія .	1	Лучининъ, термохимія	3
1883	14	Тимирязевъ, раст. фізіол.	1
Валицкій, математика	1	Чельцовъ, термохимія.	1
Венюковъ, географія.	1	9 Яблочковъ, физика	1
Егоровъ, физика	1	1886	6
Иностранцевъ, геологія	1	Венюковъ, земная физика	2
Ковваловъ, химія.	1	Ковалевскій, зоологія .	1
Коркинъ, математика.	1	Лучининъ, термохимія	1
Максимовичъ, математ.	1	Станосевичъ, астрономія	1
Меньшуткинъ, химія .	1	5 Тимирязевъ, ботаника	1
Мережковский, зоологія	1	1887	8
Павловъ, химія .	1	Венюковъ, земная физика	2
Пржевальскій (редакція		Коротневъ, физиологія	1
Венюкова), географія .	1	Мартыновъ, химія .	1
Симоновъ, физика .	1	Меньшуткинъ, химія .	1
Татариновъ, химія.	1	Тилло, астрономія.	1
14 Шведовъ, астрономія .	1	» » метеорологія .	1
1884	15	6 Хрущовъ, химія	1
Афанасьевъ, медицина	1	1888	19
Бабинскій, физиологія	2	Данилевскій, физиологія .	
Вознесенскій, земледѣліе.	1	Долбня, математика .	1
Иностранцевъ, геологія	1	Ерофеевъ, минералогія	1
Ковалевская (г-жа), матем.	1	Ковалевскій, зоологія.	1
Лучининъ, термохимія	2	Котляревскій, физика.	1
Менделѣевъ, физика .	1	Краевичъ, физика .	1
Максимовичъ, математ.	1	Лачиновъ, минералогія	1
Рататовъ, медицина	1	Лучининъ, термохимія	6
Тилло, земн. физика .	1	Максимовичъ, химія	2
Холодковскій, анатомія	2	Стодѣтовъ, физика	3
12 Цѣпановскій, технологія .	1	11 Фроловъ, математика.	1
1885	14		
Бугаевъ, математика	1		

Итакъ, въ восемь лѣтъ парижская академія наукъ помѣстила въ своихъ Comptes rendus 103 мемуара русскихъ ученыхъ, принадлежащихъ 50 авторамъ. Наиболѣе дѣятельнымъ участникомъ въ ака-

девическихъ трудахъ былъ г. Лучининъ, извѣстный химикъ, имѣющій свою лабораторію въ Парижѣ: ему принадлежатъ 15 записокъ, всё по термохиміи, затѣмъ слѣдуютъ: Венюковъ—8, Тилло—5, Егоровъ, Мережковский, Максимовичъ и Меньшуткинъ—по 4, Иностранцевъ, Ковалевскій, Кубасовъ и Столѣтовъ—по 3, Коноваловъ, Валицкій, Тимирязевъ, Хрущовъ и Шведовъ—по 2 и остальные по одной. Самою любимую у русскихъ наукою оказывается химія и въ частности термохимія; за ней слѣдуетъ географія и въ частности физическая, т. е. земная физика.

Замѣчу, что здѣсь мною перечислены только авторы мемуаровъ; но многіе русскіе ученые представляли свои труды парижской академіи наукъ въ видѣ книгъ (Соколовъ, П. Венюковъ, Докучаевъ, Левинсонъ, Лессингъ и др.) или картъ (Стебницкій и др.), либо входили въ ученую переписку съ ея членами, которые заявляли о томъ, академіи: число ихъ довольно значительно; но я, по необходимости, ихъ опускаю.

М. И. Венюковъ.

Парижъ $\frac{1}{13}$ ноября 1889.

Профессоръ Т. Н. Грановскій къ А. Шапѣву.

Понедѣльникъ, 21 октября.

Любезнѣйшій Шапѣвъ! Жду и вѣрно не дождусь васъ къ себѣ. Вы знаете мою квартиру и, безъ сомнѣнія, часто ходите мимо—чтобы стоило завернуть на минуту? Въ ожиданіи этой минуты, покорнѣйше прошу васъ отдать брату моему находящіяся у васъ два тома Полеваго, мнѣ они необходимы сегодня къ четырремъ часамъ. Если записка эта не найдетъ васъ дома, потрудитесь прислать ихъ ко мнѣ, но только сегодня, потому что если я не получу ихъ къ вечеру, то придется купить новый экземпляръ. Послѣ завтра я могу сообщить вамъ слѣдующіе томы, если они вамъ нужны. Душевно преданный Грановскій.

Адресъ мой: близъ Казанскаго моста, рядомъ съ домомъ Энгельгарта, въ домѣ Копосова.

Сообщ. Е. А. Шапѣвъ.

Къ Указателю личныхъ именъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1889 г., книга декабрь.

Въ этомъ обширномъ трудѣ В. В. Тимошукъ на стр. 812, томъ LXIV, вкралась маленькая ошибка: мнѣ ошибочно приписано отчество на букву П, тогда какъ надо было бы поставить И. Вслѣдствіе сего и получилось какъ-бы два лица, между тѣмъ какъ я именно и пожертвовалъ столбцы въ Рязанскую комиссію.

А. Станкевичъ,

библіотекарь императорскаго російскаго историческаго музея въ Москвѣ.

1804 — 1878.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ

ВИЛУАНЪ

И

первое концертное путешествіе по Европѣ А. Г. Рубинштейна

1840 — 1842 гг.

Очеркъ А. А. Неустроева.

1890.

«Русская Старина» изд. 1890 г., т. LXV, кн. Январь.

Нельзя требовать, чтобы въ музыкально-исторической литературѣ, которая и о лучшихъ представителяхъ музыкальнаго творчества имѣетъ лишь неполныя, во многихъ случаяхъ даже отрывочныя, свѣдѣнія, затрогивались и освѣщались наши musicі minores, не столь крупныя и блестящія, чтобы въ силу своего таланта заставить о себѣ говорить и продлить свой малый блескъ за предѣлы своей жизни. Тѣмъ не менѣе, эти скромныя труженники имѣютъ полное право на признаніе и память потомства, особенно у насъ, гдѣ число трудящихся на развитіе музыкальнаго искусства все еще не велико.

Въ моей небольшой монографіи я поставилъ себѣ цѣлью бросить свѣтъ на одну забытую и публичкой, и печатью личность, забытую и по недостатку бросающихся въ глаза фактическихъ данныхъ, напоминающихъ, кричащихъ, и по причинѣ характера самой дѣятельности,—я говорю объ Александрѣ Ивановичѣ Вилуанѣ. Удѣлъ учителя, педагога въ какой бы то ни было отрасли науки или искусства—самый неблагодарный по отношенію къ славѣ и къ памяти. При видѣ прекраснаго намъ сейчасъ же приходитъ на умъ спросить о его творцѣ, и имя и образъ художника неразрывно живетъ въ нашемъ представленіи на ряду съ самимъ прекраснымъ. Но далеко не всякій и не всегда заинтересуется разузнать о ходѣ развитія творца поразившаго его произведенія—не все-ли равно прошелъ-ли онъ академіи или сразу началъ творить, точно исполнившись какого-то божественнаго духа. А между тѣмъ роль учителя, особенно въ искусствѣ, далеко не маловажна. Онъ кладетъ на первыхъ порахъ неизгладимый отпечатокъ на все производимое ученикомъ, онъ даетъ ему во всемъ фундаментъ и отъ прочности этого фундамента зависитъ часто все его будущее развитіе, успѣхъ всей его послѣдующей дѣятельности.

Считаю долгомъ принести мою искреннюю благодарность А. К. Богданову, близко знавшему покойнаго, а также В. Ю. Виллуану, доставившимъ мнѣ много фактическихъ свѣдѣній, которыми я и воспользовался для разработки моего біографическаго очерка.

А. А. Неустровъ.

I.

О жизни Александра Ивановича Виллуана до сихъ поръ писалось не много. О немъ упоминалось въ біографіяхъ Рубинштейновъ, какъ объ ихъ первомъ учителѣ, какъ объ „извѣстномъ въ то время въ Москвѣ піанистѣ“, и даже послѣ его смерти ни одна газета не вспоминала о немъ ни однимъ словомъ. Перепелицынъ въ своемъ музыкальномъ словарѣ и въ своей „Исторіи русской музыки“ называетъ его въ одномъ мѣстѣ А. Н. Виллуаномъ, перечисляя музыкально-педагогическія пособія пишетъ его В. Виллуаномъ, а тамъ, гдѣ говоритъ объ исполнявшихся съ 1837 года въ музыкальныхъ собраніяхъ филармоническаго общества сочиненіяхъ, придаетъ ему инициалъ Х. Бернгардтъ, Фогель и Баскинъ, писавшіе объ Антонѣ Григорьевичѣ Рубинштейнѣ, лишь упоминаютъ вскользь о Виллуанѣ; послѣдній, какъ и Перепелицынъ, неправильно пишетъ его фамилію по-французски черезъ W.

О первомъ концертномъ путешествіи Виллуана съ своимъ малолѣтнимъ ученикомъ также существуетъ пробѣлъ въ музыкальной литературѣ. Въ біографіяхъ А. Г. Рубинштейна упоминаются лишь страны, которыя они проѣзжали, и то въ невѣрномъ порядкѣ. Наиболѣе фактическаго матеріала, относящагося къ этому періоду, даетъ голландскій біографъ Антона Григорьевича А. van Halten, котораго брошюра содержитъ весьма много интересныхъ біографическихъ подробностей о нашемъ отечественномъ великомъ піанистѣ и композиторѣ.

Отецъ Александра Ивановича Виллуана, Jean Villoing, эмигрировалъ съ женою изъ Франціи во время первой французской революціи. Въ это время у него былъ одинъ сынъ François, въ Россіи же родилось еще четверо дѣтей: Jean, Elise, Alexandre

и Jules. Онъ долгое время скитался по Германіи и, проживъ все захваченное съ собою, поневолѣ долженъ былъ отыскивать себѣ какой-нибудь способъ добыванія средствъ къ жизни. Не имѣя возможности, а можетъ быть и не желая возвращаться во Францію, онъ попадаетъ въ Россію въ началѣ этого столѣтія и поступаетъ на баснословное жалованье (въ 30—40 тысячъ ассигнаціями) поваромъ къ графу Чернышеву. Не смотря на такой громадный доходъ, онъ почти ничего не оставляетъ своимъ дѣтямъ, благодаря своей страсти къ игрѣ, которая губить все его состояніе. Въ 1812 году, когда онъ уже оставилъ службу у Чернышева и жилъ въ Москвѣ въ прекрасномъ домѣ въ только что распланированномъ Петровскомъ паркѣ, его, какъ французскаго подданнаго, отправляютъ въ Нижній-Новгородъ, откуда онъ, однако, возвращается въ слѣдующемъ же году снова въ Москву.

Александръ Ивановичъ Виллуанъ родился 29-го февраля 1804 года въ Москвѣ. О первыхъ годахъ его дѣтской и юношеской жизни ничего не извѣстно, кромѣ того, что 12-ти лѣтъ отъ роду его отдали въ Голицынскую больницу для изученія фармацевтики, гдѣ онъ и пробылъ до 1821 года. Кончилъ ли онъ тамъ курсъ или нѣтъ, о томъ нѣтъ свѣдѣній; извѣстно, что онъ вскорѣ послѣ того бросаетъ фармацевтику и ревностно начинаетъ изучать музыку подъ руководствомъ Франца Гебеля. Въ 1823 году мы изъ даннаго ему о томъ свидѣтельства узнаемъ, что онъ обучалъ на фортепіано воспитанницъ полтавскаго института благородныхъ дѣвицъ, въ 1826 году жилъ у помѣщика Вилерянскаго, гдѣ занимался обученіемъ музыкѣ дочери его. Въ второмъ году онъ переѣхалъ на жительство въ Москву—неизвѣстно, во всякомъ случаѣ послѣ 1830 года, такъ какъ 1828—1830 гг. онъ провелъ въ помѣстьи нѣкоего Паншина, занимаясь музыкою съ его дѣтьми.

Знакомство съ семействомъ Рубинштейновъ относится ко времени, близкому къ ихъ переѣзду въ Москву, т. е. 1831—1835 годамъ, хотя его заботы по музыкальному образованію Антона Григорьевича начались нѣсколько позже, съ 1837 г. Какъ мы узнаемъ изъ автобіографіи Рубинштейна ¹⁾, первымъ музыкальнымъ образованіемъ Антона Григорьевича руководила его мать,

¹⁾ «Русская Старина» 1889 г., т. LXV, ноябрь, стр. 519.

но быстрые шаги впередъ одареннаго необычайными способностями сына заставили ее взглянуть серьезнѣе на его обученіе и искать человѣка, которому бы она могла довѣрить дальнѣйшее развитіе его таланта. По совѣту г-жи Грюнбергъ она обратилась къ Виллуану, который въ то время пользовался въ Москвѣ репутаціей лучшаго музыкальнаго педагога. „Виллуанъ пріѣхалъ“, пишетъ Антонъ Григорьевичъ, „и весьма внимательно прослушалъ мою игру. Матушка тогда же сказала ему, что весьма желала бы видѣть въ немъ преподавателя музыки для меня, но, при недостаточности своихъ средствъ, не можетъ дорого платить за уроки. Виллуанъ поспѣшилъ отвѣчать, что онъ не нуждается въ деньгахъ и весьма охотно возьмется руководить моимъ образованіемъ совершенно бесплатно. И вотъ онъ сталъ пріѣзжать къ намъ и давать мнѣ уроки. Онъ былъ затѣмъ моимъ единственнымъ учителемъ, болѣе его—во всю мою жизнь учителей музыки (за исключеніемъ, впрочемъ, какъ скажу далѣе, теоріи музыки) нивого не было...

„Прежде всего Виллуанъ употребилъ много труда и заботъ, выполнѣ, впрочемъ, успѣшныхъ, къ правильной постановкѣ моихъ руей; объ этомъ, да о хорошемъ звукѣ, онъ весьма заботился... Ему и нивому другому я обязанъ тѣмъ прочнымъ фундаментомъ въ музыкальномъ искусствѣ, съ каковаго фундамента мнѣ уже невозможно было упасть“. Отношенія Виллуана къ своему геніальному ученику были скорѣе отеческія, дружескія, что не мѣшало ему, при его живомъ вспылчивомъ темпераментѣ, нѣсколько тиранизировать своего ученика. Профессоръ А. Т. Марковъ, встрѣтившійся гдѣ-то за границей съ Александромъ Ивановичемъ и его малолѣтнимъ воспитанникомъ, рассказываетъ какъ однажды, разсерженный за какую-то дѣтскую шалость, строгій менторъ по отечески навазалъ розгами своего юнаго ученика ¹⁾. И, вѣроятно, не легко было усмотрѣть за „шалуномъ“, „сорви-головой“, какъ себя самъ называетъ Антонъ Григорьевичъ въ своихъ воспоминаніяхъ, рассказывая про себя, что онъ былъ „самый шаловливый и задорный мальчикъ“.

Въ первомъ отзывѣ о „monstre musical“, появившемся въ 1839

¹⁾ «Русская Старина» 1889 г., ноябрь. «А. Г. Рубинштейнъ въ воспоминаніяхъ доктора М. Б. Розенберга», стр. 582.

году въ журналѣ „Галатея“, высказывается сѣтованіе, что „милый крошечный артистъ“, извѣстный въ немногихъ только домахъ, не покажетъ публично своего дарованія. Вскорѣ это общее желаніе было удовлетворено первымъ концертомъ 11-го іюля 1839 года въ залѣ театра въ Петровскомъ паркѣ ¹⁾.

Озабоченная созданіемъ изъ ребенка-чуда возможно лучшаго пианиста, г-жа Рубинштейнъ выразила Виллуану желаніе опредѣлить своего сына для дальнѣйшаго серьезнаго и всесторонняго музыкальнаго образованія въ парижскую консерваторію. Съ его стороны она не встрѣтила не только никакого противорѣчія этому плану, но, напротивъ, полную готовность привести его въ исполненіе и, по словамъ Антона Григорьевича („кажется“),

---

¹⁾ Вотъ, что пишетъ объ этомъ музыкальномъ событіи московскій журналъ „Галатея“:

„Мы уже упоминали въ листкахъ «Галатея» о замѣчательномъ музыкальномъ талантѣ осмилѣтняго сына московскаго фабриканта Г. Рубинштейна; теперь скажемъ нѣсколько словъ о публичномъ концертѣ этого ребенка-артиста, данномъ въ пользу бѣдныхъ. Благотворительная цѣль и, говоряиъ, просьбы нѣкоторыхъ любителей музыки склонили скромныхъ родителей молодого артиста на то, чтобы познакомить московскую публику съ талантомъ ихъ сына. 11-го іюля молодой Рубинштейнъ, ученикъ извѣстнаго артиста г-на Виллуана (Villoing) далъ въ Петровскомъ паркѣ первый свой концертъ на фортепіано. Рубинштейнъ игралъ *allegro* изъ концерта Гуммеля, *andante* Тальберга и четыре маленькія пьесы: Фильда, Листа, Гензельта; громкія рукоплесканія и общее выраженіе удивленія наполняли почти все антракты между пьесами; дѣйствительно, все игранное молодымъ Рубинштейномъ было выполнено съ удивительнымъ, можно сказать, искусствомъ, удивительнымъ потому, что миниатюрный артистъ побѣждалъ своимъ искусствомъ физическія затрудненія, налагаемыя его дѣтскими крошечными пальчиками, перебѣгая съ чрезвычайной ловкостью по клавишамъ, — вызываютъ звуки чистые, прекрасные, слабая маленькая ручка старается придавать этимъ звукамъ надлежащую силу и, что всего замѣчательнѣе, онъ выкапаетъ въ идею композитора, постигаетъ и передаетъ ее ясно, выразительно и съ возможной точностію, однимъ словомъ въ этомъ ребенкѣ вполне обнаруживается душа артиста, чувство изящнаго; въ немъ таится столько музыкальныхъ дарованій, что усовершенствованіе и полное развитіе этого таланта можетъ современемъ доставить молодому артисту почетное мѣсто въ ряду европейскихъ музыкальныхъ знаменитостей“.

По словамъ самого Рубинштейна вышеупомянутыя пьесы были: *allegro* изъ концерта въ *la-mineur* Гуммеля, фантазія на Моисея Тальберга и хроматическій галопъ Листа. Афиши этого концерта найти мнѣ не удалось. Обыкновенно онѣ печатались на приложенныхъ къ «Московскимъ Вѣдомостямъ» листкахъ и объявленія о концертахъ пережѣбывались тамъ съ анонсами объ аукціонахъ мебели, объ употребленіи огуречной помады, о показываніи ученыхъ блохъ и проч.

А. Н.

въ декабрѣ 1840 года ¹⁾ они выѣзжаютъ въ дилижансѣ изъ Москвы черезъ Петербургъ за границу.

Потому ли, однако, что находили юнаго виртуоза слишкомъ малымъ по возрасту или слишкомъ упедшимъ впередъ въ музыкальномъ искусствѣ, или просто Виллуану не хотѣлось отдать его музыкальное воспитаніе въ чужія руки—опредѣленіе его въ Парижскую консерваторію не состоялось.

Удивляясь тому количеству „*enfants prodiges*“ ²⁾, которые наводняютъ Европу, со времени дебюта десятилѣтняго Листа, рецензентъ парижскаго журнала „*La Quotidienne*“ упоминаетъ и о малолѣтнемъ Антонѣ Рубинштейнѣ, который служитъ предметомъ восхищенія парижскихъ салоновъ въ этомъ году. Этотъ ребенокъ исполняетъ съ одинаковымъ успѣхомъ и серьезныя симфоніи и наполненные трудностями концерты. Три парижскія знаменитости, оцѣнивъ его необычайныя способности, слѣдующими словами охарактеризовали его музыкальную личность: „Въ игрѣ этого ребенка много ума и души“ ³⁾, сказалъ про него Оберъ; Циммерманъ ⁴⁾ отозвался объ его игрѣ, какъ о какомъ-то музыкальномъ откровеніи, а Шопень, говоря о природѣ его таланта, выразился: „Его торжество—музыка Гензельта, которая полна чувства“ ⁵⁾. Вскорѣ игру маленькаго виртуоза услышалъ и Листъ, который горячо поздравлялъ его и предсказывалъ массу отличій. „Г. Виллуанъ долженъ быть польщеннымъ оживленными знаками одобренія, выпавшими на доли его молодого, блестящаго ученика“, пишетъ „*Le Ménestrel*“ ⁶⁾. Первый концертъ состоялся въ залѣ Шлейеля, вѣроятно, между 25—28 марта

¹⁾ А. van Halten въ своей биографіи Рубинштейна относитъ выѣздъ за границу Антона Григорьевича къ августу 1839 года и говоритъ, что въ сентябрѣ того же года состоялся его первый концертъ въ залѣ Герца. Я бы болѣе положился въ этомъ случаѣ на воспоминанія А. Г., ибо трудно предположить, чтобы изъ его памяти могло ускользнуть, что отъѣздъ за границу состоялся тотчасъ вслѣдъ за первымъ его концертомъ. Между тѣмъ van Halten опирается на «*Revue et Gazette musicale de Paris*» за 1840 годъ, которой у меня нѣтъ подъ руками въ настоящее время, чтобы провѣрить этотъ фактъ.

²⁾ «*La Quotidienne*» 5 марта 1841 года.

³⁾ Cet enfant joue de tête et d'âme.

⁴⁾ Пьеръ Жозефъ Гильомъ Циммерманъ († 1853), профессоръ парижской консерваторіи, авторъ «*Encyclopédie du Pianiste*».

⁵⁾ Son triomphe est la musique de Henzelt, qui est toute de sentiment.

⁶⁾ «*Le Ménestrel*» 28 марта 1841 г.

1841 г., при участіи Grard, Arnaud ¹⁾, Godefroy ²⁾, Willès и скрипача Naumann ³⁾. Рубинштейнъ исполнилъ въ немъ фантазію Тальберга на русскія темы, съ такою увѣренностью и легкостью, что исполненіе всѣхъ техническихъ трудностей ему, казалось, было ни по чемъ. Аккорды, объемомъ въ двѣ октавы, были имъ арпеджированы съ такою точностью и скоростью, что производили впечатлѣніе одного удара. Съ одинаковымъ успѣхомъ онъ преодолѣлъ еще болѣе трудный хроматическій галопъ Листа. Но что особенно поражало слушателей въ игрѣ молодаго піаниста и что, конечно, всецѣло должно быть отнесено къ заслугѣ Александра Ивановича Виллуана, это не легкость преодоленія техническихъ трудностей, не сила и бравурность, это—исполненіе простыхъ, требующихъ пониманія и вкуса, мѣстъ, это—пѣніе на фортепіано ⁴⁾. Де Лонэ ⁵⁾ говоритъ, что маленький Рубинштейнъ не похожъ на другихъ „Wunderkinder“, которые кажутся за своими инструментами какими-то жертвами. Напротивъ, этотъ ребенокъ имѣетъ очень умный и развитой видъ. Когда ему апплодируютъ, онъ начинаетъ смѣяться; преодолевая какую нибудь техническую трудность, онъ дѣлаетъ забавную, маленькую насмѣшливую гримасу: онъ исполняетъ galop infernal Листа съ видомъ плутоватаго швальника, для котораго преодолевать разныя техническія неудобства не составляетъ больше труда, чѣмъ перескакивать рвы, взлѣзать на верхъ шеста или карабкаться по деревьямъ.

Въ Парижѣ Виллуанъ съ своимъ ученикомъ пробылъ не годъ, какъ пишетъ Антонъ Григорьевичъ въ своихъ воспоминаніяхъ, а только полгода; лѣтомъ того-же года они отправляются въ Голландію. Вотъ что пишетъ van Halten о его пребываніи тамъ: „Лѣтомъ 1841 года Антонъ (Григорьевичъ) посѣтилъ наше отечество. Изъ находящихся въ живыхъ кой-кто еще можетъ рассказать о томъ экстазѣ (orgewondenheit)—это выраженіе еще недостаточно сильно—въ которое пришли присутствовавшіе при

¹⁾ Композиторъ романсовъ (род. 1807 г.).

²⁾ Virtuozъ на арфѣ (род. 1820 г.) и композиторъ салонныхъ пьесъ для этого инструмента и фортепіано.

³⁾ Родился въ 1808 г. въ Гентѣ.

⁴⁾ «La Phalange» 7 апрѣля 1841 г.

⁵⁾ Vicomte Charles de Launay. «La Presse» 10 апрѣля 1841 г.

слушаніи его игры, а этимъ весьма много сказано въ то время, когда Листъ предпринималъ правильныя концертныя путешествія и посѣщалъ и наши города". *Het Nederl. muzikaal tijdschrift* ¹⁾ пишетъ: „Къ достопримѣчательностямъ нашего времени принадлежитъ молодой Рубинштейнъ изъ Москвы, десятилѣтній ребенокъ, который побѣдилъ всѣ трудности фортепіанной техники и играетъ труднѣйшія вещи Тальберга, Гензельта, Калибреннера и Себастіана Баха. Онъ путешествуетъ съ извѣстнымъ Виллуаномъ, его достойнѣйшимъ учителемъ“ 18-го іюня былъ данъ первый концертъ въ Гагѣ, въ залѣ *Diligentia* ²⁾. Первою вещью была сыграна и здѣсь та же фантазія Тальберга, среди благоговѣйнаго молчанія публики, уже приготовленной восторженными отзывами парижской прессы къ художественному наслажденію игрой гениальнаго малютки, въ чемъ она и не ошиблась. Успѣхъ былъ громадный и превзошелъ всѣ ожиданія полной аудиторіи. Особенно наэлектризовали публику прекрасно интерпретированныя этюды Гензельта и хроматическій галопъ Листа. „Прибавьте къ этому, пишетъ хроникеръ *„Journal de la Haye“* ³⁾ манеры, полныя обворожительной граціи и простоты. Чудный ребенокъ, послѣ того, какъ привелъ въ неописуемый словомъ восторгъ громадную толпу слушателей, награждающую его немолкаемыми аплодисментами, оставляетъ рояль, какъ бы онъ оставилъ свои дѣтскія игры, съ улыбкой удовольствія и счастья на устахъ и съ блескомъ неузртимой дѣятельности, энергіи и ума во взорѣ. Августѣйшія особы обратили свое вниманіе на нашего артиста и на другой же день его повезли въ замокъ Раауw играть въ присутствіи принца Фридриха Нидерландскаго и его супруги, а также онъ получилъ приглашеніе отъ королевы въ замокъ *Soestdyk*. Изъ Гаги его везутъ въ Амстердамъ, гдѣ онъ концертируетъ съ большимъ успѣхомъ, 30-го іюня, въ музыкальномъ обществѣ „*Harmonia*“ ⁴⁾. По возвращеніи въ Гагу,

¹⁾ 1841, blz. 56.

²⁾ Въ этомъ концертѣ принимали участіе скрипачъ *Lubeck*, артисты королевскаго опернаго театра *Déwilliers* и *m-lle Fleury*.

³⁾ 20 іюня 1841 г.

⁴⁾ *Van Halten* приводитъ высказанную похвалу роялю, выдержавшему игру его сильныхъ (*machtige*) пальцевъ.

5-го іюля 1841 г., онъ даетъ концертъ въ „Duitsche Schouwburg“. Каждая пьеса сопровождалась выраженіемъ общаго энтузіазма (toejuiching), а въ концѣ, на bis, сыгралъ еще фугу Баха ¹⁾. 17-го іюля онъ играетъ въ присутствіи короля, королевы и принцессы Софіи Нидерландскихъ и великаго князя Константина Николаевича ²⁾.

По совѣту Листу, Виллуанъ повезъ своего маленькаго, но уже увѣяннаго славой, питомца въ Германію, но не черезъ Англію (которую они посѣщаютъ лишь въ 1842 г.), Норвегію и Швецію ³⁾, а прямо въ Германію, и 19-го іюля онъ выступаетъ въ концертѣ въ Кельнѣ ⁴⁾. Послѣ того, за неимѣніемъ источниковъ, мы теряемъ изъ виду его путешествіе до 22-го октября 1841 г., тогда какъ мы читаемъ въ программѣ 10¹/₂-лѣтній русскій піанистъ Антонъ Рубинштейнъ, ученикъ Г. А. Виллуана изъ Москвы, даетъ „большой вокальный и инструментальный концертъ“ въ Карлсруэ. Въ этомъ концертѣ принимали участіе г-жа Zerr, пѣвица великогерцогскаго театра, первый флейтистъ того-же театра Wolfram, скрипачъ Seegisser и придворный пѣвецъ Haizinger. Рубинштейномъ были исполнены большой концертъ для фортепіано съ аккомпанементомъ оркестра Виллуана, „Lob der Thränen“ и „Erkönig“ Шуберта-Листа и въ концѣ „Standchen“ и хроматическій галопъ Листа ⁵⁾.

Не имѣя подъ рукою источниковъ о дальнѣйшемъ направленіи концертнаго путешествія за ноябрь и декабрь, мы не мо-

¹⁾ Algemeen Handelsblad, 3 en 7 Juli 1841.

²⁾ Journal de la Hauc, № 104, 1841.

³⁾ Въ Швеціи Виллуанъ и Рубинштейнъ были во второй половинѣ 1842 года, что доказываютъ находящіеся у меня дорожные паспорта, выданные отъ Стокгольмскаго градоначальника на безпрепятственный проѣздъ въ Любець, черезъ Истадъ.

⁴⁾ Kölnische Zeitung 20 Juli 1841.

⁵⁾ Афиша содержитъ также интересныя цѣны мѣстамъ. Самыя дорогія мѣста въ «Fremdenloge erster Gallerie» стоили 1 fl. 21 kr. (около 97 коп. по теперешнему курсу), «Parquet»—48 kr. (около 38 коп.), мѣста на третьей галлерей—12 kr. (около 10 коп.). Начало концерта въ 6 час., конецъ въ 8 час.! Замѣчу еще маленькую странность: афиша даетъ нашему молодому виртуозу въ октябрѣ 1841 года 10¹/₂ лѣтъ. Если считать «несомнѣннымъ», что Антонъ Григорьевичъ родился 16 ноября 1829 года, то въ октябрѣ 1841 г. ему было безъ одного мѣсяца 12-ть лѣтъ. Была-ли это ошибка Виллуана или желаніе придать еще болѣе чудесности и безъ той уже невѣроятнаго раннему развитію своего воспитанника?

жемъ опредѣлить по какимъ городамъ двигалось оно, имѣя однако свою цѣлью Вѣну. Здѣсь онъ далъ три концерта ¹⁾ 9-го и 23-го января и 2-го февраля 1842 года. Въ первомъ концертѣ, какъ сообщилъ мнѣ А. Г. Рубинштейнъ, онъ игралъ на фортепiano фабрики Штейна съ вѣнской механикой. Только что онъ началъ играть тему въ хроматической фантази Баха, какъ молоточки соскочили съ своихъ мѣстъ и нужно было звать механика для починки.

Въ среду 2 февраля 1842 г. ²⁾ состоялся третій прощальный концертъ Антона Григорьевича въ залѣ „der Gesellschaft der Musikfreunde des oesterreichischen Kaiserstaates“ „Чѣмъ больше мы слушаемъ молодаго артиста“, пишетъ музыкальный репортеръ вѣнской газеты „Adler“, чѣмъ разнообразнѣ произведенія, которыя онъ исполняетъ, тѣмъ болѣе мы должны убѣдиться въ томъ огромномъ талантѣ, которымъ онъ надѣленъ отъ природы, и который достигъ въ такіе юные годы такого громаднаго развитія“. Послѣ игранныхъ имъ въ предшествовавшихъ концертахъ произведеній Моцарта, Тальберга, Листа, въ этотъ разъ онъ выступилъ въ с-moll'номъ большомъ концертѣ съ оркестромъ Виллуана. По словамъ А. Г. Рубинштейна, онъ исполнялъ этотъ концертъ уже въ Парижѣ, но не съ оркестромъ, а съ сопровожденіемъ 2-го роаяля, на которомъ ему аккомпанировалъ Шиманъ. Исполненіе вещи отличалось, на ряду съ блестящею техникою, и обычнымъ вкусомъ, которымъ въ такой степени одаренъ геніальный интерпретъ, и заслужило по справедливости бурное одобреніе весьма многочисленной публики. Плохо переписанныя партіи заставляли сопровождающій оркестръ не разъ сбиваться, но присутствіе духа молодаго виртуоза и его знаніе партитуры возстановляло порядокъ въ разошедшемся оркестрѣ. Fis-moll'ное scherzo Мендельсона, баллада Герца и Gigue Моцарта (последняя повторена по желанію публики) доставили нашему артисту выказать свой талантъ съ лучшихъ сторонъ. По нѣжности и глубинѣ экспрессіи исполненіе баллады затмило все слышанное до сихъ поръ, говорить хроникеръ „Adler'a“. Исполненіе одной

¹⁾ E. Hanslick, Geschichte des Concertwesens in Wien W. 1869. S. 341.

²⁾ „Adler“ 1842 г., № 30. Въ концертѣ принимали участіе: пѣвица Schwarz, скрипачъ Wilkoszewsky и виолончелистъ Schütz.

этой вещи, если-бы мы не слышали отъ него ничего другаго, сдѣлало-бы его имя знаменитымъ. „Каждая нота произведенія была глубоко прочувствована, исполненіе было до того точно, туше прекрасно (trefflich), что ясно выступали самые слабые, вѣжвые звуки этой музыки сферъ. Rubinstein hauchte so zu sagen die Töne nur an, aber sie gehorchten willig dem belebenden Hauche des Meisters“. По окончаніи программы концерта по желанію публики имъ былъ сыгранъ *preghiera* изъ большой фантазій Тальберга на Моисея. Болѣе легкій юмористическій журналъ „Der Humorist“ ¹⁾ пишетъ объ этомъ успѣхѣ Рубинштейна: „Das talentvolle Klaviermännchen wurde vielfach und glänzend ausgezeichnet“.

Простившись съ вѣнской публикой, такъ восторженно его принимавшей, нашъ молодой концертантъ перебирается въ Будапестъ, гдѣ 16-го марта 1842 г. участвуетъ въ концертѣ ²⁾ скрипача Антона Арнштейна и исполняетъ *C-moll*'ный концертъ своего учителя, „*Erlkönig*“ Листа и мазурку Шопена ³⁾. Изъ Венгріи онъ направляется черезъ Лейпцигъ, Берлинъ и Гамбургъ въ Лондонъ. *Olliviers concert journal and weekly register of musical entertainments* 18 апрѣля 1842 г. сообщаетъ въ отдѣлѣ „arrivals“, что только что прибылъ въ сопровожденіи своего учителя, „M. Alexandre Billoing“, „le jeune Antoine Rubinstein“, пианистъ изъ Москвы, таланту котораго пресса расточаетъ величайшія

¹⁾ «Der Humorist», № 25, 1842 г., хвалить исполненіе, но относится менѣе восторженно къ балладѣ Герца: «die Ballade ist eine niedliche», говорить онъ, «die Gigue eine herrliche Komposition; Herz hat übrigens dem Schubert ein bisschen in die Noten geguckt».

²⁾ «Der Spiegel für Kunst, Eleganz und Mode» 23 марта 1842 г.

³⁾ Кромѣ этого указанія на участіе Антона Григорьевича въ концертѣ Арнштейна у меня находится афиша о большомъ концертѣ гг. Рубинштейна и Арнштейна, состоявшемся въ королевскомъ «Redoutensaal» 19 марта 1842 г. Программа этого послѣдняго вполнѣ совпадаетъ съ перечисленными въ журналѣ «Der Spiegel» пьесами, исполненными въ концертѣ Арнштейна 16 марта. Поэтому вопросъ остается открытымъ, былъ-ли этотъ концертъ 19 марта повтореніемъ концерта 16 марта или музыкальный репортеръ газеты «Der Spiegel» ошибся въ числѣ. Въ этомъ концертѣ участвуютъ, кромѣ оркестра, подъ управленіемъ S. Schindelmeisser'a, двѣ дамы-декламаторы Kalis и Seidner.

Изъ программы мы узнаемъ, что концертанты останавливались въ гостиницѣ «König von Ungarn», въ комнатѣ № 70-й, куда, между прочимъ, можно было обращаться за полученіемъ билетовъ. Начало концерта назначено было ровно $\frac{1}{2}$ 5-го.

похвалы. Онъ совершилъ музыкальное путешествіе черезъ Вѣну, Парижъ по Германіи, гдѣ повсюду пользовался замѣчательнымъ успѣхомъ.

Только черезъ мѣсяцъ послѣ своего прибытія въ Лондонъ, 20-го мая 1842 г., онъ выступаетъ первый разъ въ концертѣ въ „Napover-square-rooms“, гдѣ исполняетъ „арранжированный (arranged) Листомъ концертъ“—вѣроятно его фантазію на „Лючю“—на семи октавномъ большомъ фортепiano Collard'a¹⁾. Самъ Мендельсонъ велъ его въ ролю. Успѣхъ его исполненія превзошелъ самыя большія ожиданія публики, требовательно настроенной восторженными отзывами континентальной прессы²⁾. Мошелесъ, пораженный его игрою, говорилъ про него: у этого русскаго мальчика руки легки какъ пухъ, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обладаетъ силою взрослого³⁾.

Ему одинаково доступны и строгія фуги Баха и требующіе граціознаго исполненія нѣжныя, очаровательныя этюды Гензельта и полныя техническихъ трудностей произведенія Листа. Часть этого необыкновеннаго успѣха, пишетъ репортеръ „The Athenaeum“⁴⁾, конечно нужно приписать тому физическому строенію его широкой, длинной, масистой руки, не подходящей къ обыкновеннымъ пропорціямъ, но его продуманная интерпретація старыхъ и новыхъ музыкальныхъ произведеній доказываетъ намъ, что его умъ не остается бездѣтельнымъ при исполненіи.

„The Morning Chronicle“⁵⁾, называетъ его Тальбергомъ „in embryo“ и предсказываетъ ему великую будущность. Самый сдержанный отзывъ даетъ о немъ „Sunday Times“⁶⁾, называя его „a promising pianist, à la Liszt“.

21-го іюля 1842 г., онъ участвуетъ въ концертѣ (на дошедшей до меня программѣ не обозначено мѣста, гдѣ былъ этотъ концертъ) исполненіемъ фантазіи на „Don Juan“ Тальберга и фантазіи на Лучію Листа. Кромѣ того, въ другомъ концертѣ

¹⁾ Кромѣ Рубинштейна въ этомъ концертѣ участвовали, между прочими, пѣвица Caradori Allaga и скрипачъ Molique.

²⁾ „The Morning Post“ 24 мая 1842 г.

³⁾ Moscheles Leben, von seiner Frau. Lpzg. 1873, II, S. 90.

⁴⁾ 21 мая 1842 г.

⁵⁾ 21 мая 1842 г.

⁶⁾ 22 мая 1842 г.

(программа ¹⁾), имѣющаяся у меня не обозначаетъ ни времени, ни мѣста) исполняетъ этюдъ Гензельта, *gigue* Моцарта, „Lied ohne Worte Mendelssohn'a и этюдъ Тальберга.

На возвратномъ пути на континентъ Рубинштейнъ игралъ на музыкальномъ утрѣ въ Boulogne 5-го августа 1842 г. ²⁾, съ большимъ успѣхомъ—значитъ направленіе его концертнаго путешествія опять таки было на Францію или можно сдѣлать предположеніе, что это была только кратковременная отлучка изъ Англіи, прогулка по морю? Это тѣмъ возможнѣе предположить, что ровно черезъ мѣсяцъ онъ выѣзжаетъ изъ Стокгольма черезъ Истадъ въ Любекъ, а 9-го октября участвуетъ (исполненіемъ Allegro C-moll'наго концерта, „Ständchen“ Шуберта и фантазій на Лузію Листа) во второмъ абонементномъ концертѣ въ Лейпцигскомъ Gewandhaus'ѣ ³⁾. Послѣднія мои свѣдѣнія относятся къ его пребыванію въ Бреславлѣ, гдѣ онъ въ первый разъ выступаетъ передъ публикою въ концертѣ 7-го января 1843 г. ⁴⁾.

„Молодой Рубинштейнъ, пишетъ репортеръ „Breslauer Zeitung“ ⁵⁾, открылъ концертъ 4-мя этюдами Гензельта, изъ которыхъ

¹⁾ Программа эта курьезна по безграмотности. Приведу для примѣра вещи, исполненныя Рубинштейномъ, съ соблюденіемъ оригинальной орфографіи:

Piano. A. Etude de Henzelt.

B. Gigue de Mozart.

C. 1-er Lied Ohne Worte, Bartholdy.

D. Nonvalle Etude de Thalberg.

Herr Rubinstein élève de Herr Villoing.

Въ концѣ программы не менѣе оригинальное сообщеніе:

Don F. Huerta, will play during the Soirée.

²⁾ «L'Annotateur» 1842 г., № 978.

³⁾ Въ первомъ отдѣленіи, начинающемся увертюрою къ «Zauberflöte» Моцарта, участвуетъ крохѣ него еще пѣвецъ Montrésor изъ Вероны, второе посвящено с-dur'ной симфоніи Шуберта.

⁴⁾ Программа состоитъ изъ слѣдующихъ вещей:

1. Orage. 2. Fontaine. 3. Liebeslied. 4. Vöglein, vier Etuden von A. Henselt.
5. Sonate pathétique, von L. von Bethoven.
6. Lucia, Fantaisie von F. Liszt.
7. Ondine, Etude von A. Rubinstein.
8. Lied ohne Worte, von Mendelssohn-Bartholdy.
9. A-moll, Etude von S. Thalberg.
10. Adagio und Fugue von Händel.
11. Lob der Thränen, von Liszt.
12. Chromatischer Galopp, von Liszt.

⁵⁾ 1843 г., № 7.

намъ наиболѣе понравилось исполненіе „Fontaine“, отличавшееся рельефно выступавшею мелодіею и равномернымъ аккомпанементомъ; не менѣе достойно похвалы было исполненіе и другихъ трехъ этюдовъ. Sonate pathétique Бетговена была сыграна мальчикомъ съ разумной умѣренностью, хотя темпы первой и послѣдней частей были взяты немного скорыми; не смотря на то, что для полнаго пониманія глубокаго Adagio требуется болѣе зрѣлый возрастъ, чѣмъ 13-ти лѣтній, тѣмъ не менѣе и въ этомъ adagio были прекрасныя мѣста“ Фантазія Листа произвела сенсацию, также какъ и бравурный галопъ Листа, покрытый аплодисментами.

Концертъ этотъ замѣчателенъ еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ немъ Рубинштейнъ выступаетъ какъ авторъ исполненіемъ своего этюда „Ondine“.

Въ Бреславлѣ Рубинштейнъ далъ 5 концертовъ. Второй былъ 14-го января, о третьемъ я не имѣю свѣдѣній, четвертый („последній“, какъ гласитъ афиша) 17-го января и, кромѣ этого послѣдняго, 21-го января состоялся еще 5-й ¹⁾, въ которомъ онъ

¹⁾ «Breslauer Figaro» 1843 г., № 19.—Привожу программы 2-го и «последняго» концертовъ, такъ какъ изъ сопоставленія ихъ выясняется обширный уже тогда репертуаръ нашего молодого артиста.

Программа концерта 14 января 1843 г.:

1. Impromptu, von Kitt.
2. Mazurka, von Chopin.
3. Etude, von Goldschmidt.
4. Gigue, von Mozart.
5. Scherzo, von Mendelssohn-Bartholdy.
6. Fantaisie über «Don-Juan», von Thalberg.
7. Ständchen, von Liszt
8. Erlkönig, von Liszt.
9. Chromatische Fantaisie, von Bach.
10. Fugue, von Bach.
11. Ballade, von Herz.
12. Ungarischer Marsch, von Liszt.

Программа концерта 17 января 1843 г.:

1. Pensée fugitive, von Henselt.
2. Romance, von Henselt.
3. Rapsodie, von Henselt.
4. Gigue, von Händel.
5. Andante, von Thalberg.
6. Russische Lieder, Fantaisie von Thalberg.
7. Etude, von Kalkbrenner.

исполнилъ концертъ C-moll Виллуана, „Ständchen“ и „Erlkönig“ Шуберта-Листа, фантазію на Моисея Тальберга, балладу Герца, венгерскій маршъ Листа и по требованію публики на bis хроматическій галопъ Листа. Насколько его успѣхъ и любовь публики были за нимъ упрочены, доказываетъ то обстоятельство, что этотъ его концертъ совпадаетъ во времени съ концертомъ Листа въ Бреславлѣ-же и даже программа имѣетъ то сходство, что тотъ и другой завершаютъ ее хроматическимъ галопомъ ¹⁾).

Возвращаясь на родину, Антонъ Григорьевичъ 22-го февраля 1843 г. концерттировалъ въ Варшавѣ, гдѣ исполнилъ между прочимъ с-moll'ный концертъ Виллуана, а затѣмъ по приѣздѣ въ Петербургъ выступилъ въ той же вещи передъ петербургской публикой въ концертѣ филармоническаго общества 19-го марта 1843 года.

Заграницей Рубинштейнъ пробылъ съ небольшимъ 2 года, если принять за время отъѣзда декабрь 1840 г. Считать эту поѣздку безрезультатною далеко несправедливо, ибо во всякомъ случаѣ благодаря непрерывному упражненію (безъ котораго онъ бы не могъ появляться на концертной эстрадѣ), его фортепианное образованіе должно было подвинуться впередъ, и въ дѣйствительности оно было такъ. Мы можемъ доказать его успѣхи, если сопоставимъ критику его концертовъ за 1841 — 1843 гг., т. е. начало и конецъ его заграничныхъ концертовъ. Въ Парижѣ, Лондонѣ и Вѣнѣ пресса высказывается о немъ съ величайшею похвалою, но онъ еще не встрѣчаетъ съ ея стороны серьезной, настоящей критики, это больше восторгъ передъ „богато надѣленнымъ отъ природы малюткой-виртуозомъ“, восхищеніе его „маленькими пальчиками, преодолевающими всевозможныя техническія трудности“ или его миньятюрной фигуркой, „la plus intéressante qu'on puisse voir“, удивленіе его музыкальной памяти и пониманію, но все это не идетъ дальше восторговъ

8. Campanella, von Taubert.

9. Poème d'amour, von Henselt.

10. Mi manca la voce, von Thalberg.

11. Ave Maria, von Liszt.

12. Moses, Fantaisie von Thalberg.

¹⁾ Во всякомъ случаѣ нашъ артистъ дѣлаетъ себѣ болѣе скромную оцѣнку, назначая цѣну мѣстамъ въ 1 Rth. и въ 20 Sgs., Листъ-же въ 2 Rth. и 1 Rth.

и изумленій. Послѣднія - же критики Бреславльскихъ газетъ звучать уже болѣе серьезно. Онѣ начинаютъ примѣнять къ нему ту мѣрку, какая годна для начинающаго артиста, и ихъ похвалы его вкусу и музыкальному пониманію, ихъ порицаніе его недостатковъ гораздо цѣннѣе, чѣмъ сангвиническіе хвалебные гимны парижскихъ журналовъ.

Его первое произведеніе доказываетъ пробуждающуюся въ немъ способность творчества; послѣ того, конечно, надо было уже заботиться о правильномъ направленіи, о регулированіи этой новой душевной силы, до того-же рано было думать о какомъ-нибудь „серьезномъ“ занятіи музыкой съ мальчикомъ, которому даванье концертовъ представлялось такою-же забавной игрой, какою другимъ дѣтямъ кажутся игры въ солдатики или въ лошадки.

Въ слѣдующемъ-же году Антонъ Григорьевичъ съ матушкой, братомъ и сестрой отправляются снова за границу и педагогическое вліяніе Виллуана на томъ кончается.

II.

Возвратившись въ Москву съ такимъ блистательнымъ подтвержденіемъ успѣшности своего преподаванія, Виллуанъ конечно привлекаетъ къ себѣ массу учениковъ, наперерывъ старающихся заручиться его уроками. Между ними много такихъ, родители которыхъ во чтобы-то ни стало желаютъ, чтобы ихъ дѣти учились у моднаго профессора, попадались и дѣйствительно одаренныя дѣти, и вотъ къ этимъ-то послѣднимъ съ самаго начала своей преподавательской дѣятельности и до конца жизни покойный относился съ какою-то особою нѣжностью, какимъ-то благоволеніемъ, доходившими не только до матерьяльныхъ жертвъ, но граничившими съ самоотверженіемъ. Примѣръ такой безпредѣльной любви, такой сильной привязанности не только къ искусству, котораго онъ былъ толкователемъ, а и къ тѣмъ личностямъ, которыми онъ руководилъ, лишь-бы они подавали надежды выработаться со временемъ въ хорошихъ артистовъ, мы видимъ на Антонѣ Григорьевичѣ Рубинштейнѣ, для котораго онъ дѣлаетъ все, становясь для него на мѣсто отца, не только заботясь о его музыкальной выработкѣ, но принявъ на себя всѣ не малые хлоп-

поты присмотра за бойкимъ мальчикомъ въ чужихъ краяхъ, гдѣ ему вѣроятно приходилось ни на минуту не выпускать изъ глазъ маленькаго шалуна-артиста. Еще ббльшій примѣръ этого безкорыстія, не имѣющаго въ виду своего личнаго счастья, а только ищущаго оказать пользу и добро въ области дорогаго ему искусства, мы видимъ въ его женитьбѣ на Екатеринѣ Ивановнѣ Гардеръ. Причиною этого брака на вдовѣ съ пятью или шестью дѣтьми, не обладавшей состояніемъ, не отличавшейся, по словамъ близкихъ лицъ, никакими особенно выдающимися качествами, служило лишь одно желаніе упрочить за собой музыкальное образованіе дочерей этой г-жи Гардеръ, Маріи и Надежды, отличавшихся рѣдкими способностями.

Не знаю, въ какому времени отнести бракъ Александра Ивановича Виллуана и начало музыкальныхъ занятій съ его падчерицами; по дошедшей до меня программѣ оказывается, что Марія Гардеръ выступила публично въ Москвѣ 11-ти лѣтъ, въ концертѣ 21-го марта 1860 г., гдѣ исполнила 2-й а—moll'ный концертъ съ оркестромъ и „Motifs de danse“ Виллуана, „2 Lieder ohne Worte“ Мендельсона, „Etudes de trilles“ Шульгофа¹⁾.

Не довольствуясь успѣхомъ въ Россіи, Виллуанъ повезъ своихъ падчерицъ за границу, въ Парижъ, гдѣ онѣ и выступили первый разъ передъ публикою 17-го февраля 1862 г.²⁾ Эта soirée d'audition имѣла настолько большой успѣхъ, что черезъ мѣсяць послѣ нея, юныя виртуозки, съ неменьшимъ одобреніемъ прессы, дають уже большой концертъ въ залѣ Герца.

¹⁾ Программа этого концерта интересна тѣмъ, что за исключеніемъ «2 Lieder» Мендельсона и «Этюда» Шульгофа она вся состоитъ изъ слѣдующихъ произведеній Виллуана:

а) Увертюра, б) 2-й концертъ для фортепiano съ оркестромъ, в) Adélaïde Бетховена, передѣланная для сопрано съ хоромъ и квартетомъ, д) Увертюра, е) Баллада для тенора съ оркестромъ, ф) Романсъ «Идиллія», г) Motifs de danse для фортепiano.

²⁾ Текстъ разосланнаго Виллуаномъ литографированнаго приглашенія на этотъ музыкальный вечеръ гласить:

M. A. Villoing, arrivant de Moscou (professeur de piano de M-rs Antoine et Nicolas Rubinstein), vous prie de vouloir bien lui faire l'honneur d'assister à une Soirée d'audition qu'il donnera Lundi 17 Février, dans les Salons de M-me Erard, soirée dans laquelle il fera entendre ses Elèves et Belles Filles, M-lles Marie, âgée de 14 ans, et Nadine Harder, âgée de 11 ans.

A. Villoing, membre de l'Académie Royale de musique à Stockholm.

Въ томъ же году Александръ Ивановичъ возвращается въ Москву, а въ сентябрѣ уже переѣзжаетъ на постоянное жительство въ Петербургъ.

Такъ какъ званіе члена шведской королевской музыкальной академіи въ Стокгольмѣ, полученное имъ 31-го октября 1859 г., не давало ему въ Россіи никакихъ правъ, то онъ рѣшилъ просить дирекцію русскаго музыкальнаго общества о предоставленіи ему званія свободнаго художника. При прошеніи приложена была, кромѣ документовъ, его школа для фортепіано на русскомъ языкѣ и слѣдующія музыкальныя произведенія:

1) Партитура 2-го концерта для фортепіано, 2) Партитура скрипичнаго концерта, 3) Варіаціи для віолончели, 4) Хоръ къ Аделаидѣ Бетховена, 5) Партитура 3-хъ пьесъ для пѣнія: „Идиллія“, „Кинжалъ“, „Голова-ль моя головушка“.

4-го октября 1862 г. онъ принялъ присягу на подданство Россіи, а 20-го февраля слѣдующаго года онъ держалъ экзаменъ при особой для того учрежденной комиссіи, на званіе свободнаго художника, въ которомъ вскорѣ и былъ утвержденъ. (Свидѣтельство на полученіе диплома, за подписью директора общества В. Кологризова, выдано ему 31-го мая 1863 года). Такъ какъ для полученія диплома на званіе свободнаго художника требовалось и исполненіе на фортепіано, каковому требованію не могъ удовлетворить Виллуанъ, не игравшій почти совсѣмъ, то Антонъ Григорьевичъ, какъ онъ рассказываетъ, держалъ вмѣстѣ съ нимъ экзаменъ на званіе свободнаго художника и, конечно, блистательно выполнилъ требованія фортепіаннаго исполненія, Виллуанъ же былъ пропущенъ, какъ его учитель, безъ этого испытанія.

Во второй половинѣ 1863 г. покойному удалось, наконецъ, оформить и издать на всеобщее пользованіе тѣ приемы технической фортепіанной педагогики, при помощи которыхъ онъ въ своей дѣятельности достигалъ неоднократно такихъ блестящихъ результатовъ. Вышла первымъ изданіемъ его школа для фортепіано, принятая консерваторією, состоящею при Высочайше утвержденномъ Русскомъ Музыкальномъ Обществѣ¹⁾ и посвя-

¹⁾ Школа для фортепіано, принятая консерваторією, состоящею при Высочайше утвержденномъ Русскомъ Музыкальномъ Обществѣ, въ С.-Петербургѣ. «Faites l'impossible pour arriver au possible». Авторъ. Сочиненіе А. И. Виллуана.

щенная „высокой покровительницѣ общества“, великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ.

При обсужденіи достоинствъ этой школы, которой единственное въ Россіи серьезное музыкальное учрежденіе дало такую санкцію, не лишне разъяснить себѣ вопросъ, насколько заслуженно въ Москвѣ, еще до знакомства съ Рубинштейномъ, онъ имѣлъ репутацію хорошаго піаниста и отличнаго преподавателя фортепіанной игры, насколько эта общественная молва имѣетъ свое подтвержденіе въ глазахъ опытныхъ, знающихъ людей. Многіе, съ кѣмъ мнѣ приходилось говорить объ „учителѣ“ Рубинштейновѣ, встрѣчали это мое выраженіе какою-то насмѣшливо-недовѣрчивою улыбкой, недовѣрчивой потому, что при полной неизвѣстности имени Виллуана, имъ не вѣрилось, что какой-то Виллуанъ былъ учителемъ Рубинштейновѣ,—насмѣшливой, потому, что имъ казалось для нашего музыкальнаго полубога не нужно было никогда никакихъ учителей; такъ что выраженіе „учитель“ Рубинштейновѣ скорѣе умаляло, нежели выдвигало скромную, не навязчивую личность Виллуана. И дѣйствительно, мнѣ подъ часъ даже самому казалось, что эти люди правы и я готовъ былъ отказать Александру Ивановичу не только въ ореолѣ нѣкоторой славы, а даже въ способностяхъ хорошаго фортепіаннаго учителя.

Послушаемъ, что говорить о немъ въ своей автобіографіи самъ его знаменитый ученикъ: „Его (Виллуана) музыкальная школа хорошо извѣстна,—это былъ въ то время, безспорно, одинъ изъ лучшихъ, если не самый лучший профессоръ музыки... Ему

лаунъ. Цѣна 3 руб. Собственность издателя. Сиб. Печатано въ типографіи К. Ратъе 1863.

Тоже, второе изданіе.

Тоже, третье изданіе 1871 г.

Тоже, четвертое изданіе 1888 г., у Юргенсона (10-я тысяча).

Theoretisch-technische Lehre des Klavierspiels von A. Villoing. Nach der dritten Auflage des russischen Originaltextes übersetzt. Preis 12 Mk. N. Simrock in Berlin. 1875.

Reproduction française des Editions Russe et Allemande. Ecole pratique du Piano, basée sur la théorie de la musique; d'après une méthode nouvelle s'appuyant sur l'Etude approfondie des intervalles appliqués au piano par A. Villoing.

Ouvrage adopté par les conservatoires de St. Pétersbourg et de Moscou. Paris, chez Heugel. А. Н.

и никому другому я обязанъ тѣмъ прочнымъ фундаментомъ въ музыкальномъ искусствѣ, съ каковаго фундамента мнѣ уже было невозможно упасть. И надо сказать, что во всю мою послѣдующую жизнь я не встрѣчалъ лучшаго руководителя при обученіи музыки,—впрочемъ, въ послѣдніе годы жизни Виллуанъ дошелъ въ своихъ педагогическихъ требованіяхъ при обученіи музыки до крайности, впалъ въ карикатуру, но въ то время, когда я у него учился, это былъ, повторяю, замѣчательный, положительно лучший въ своемъ родѣ учитель. Онъ установилъ извѣстныя требованія и примѣнялъ ихъ ко мнѣ и они оказались самыми лучшими изъ тѣхъ, какія могли быть при преподаваніи игры на фортепіано...“

Нужно надѣяться, что этой авторитетной рекомендаціи было бы слишкомъ достаточно, чтобы закрѣпить на вѣки должную оцѣнку скромнаго „учителя Рубинштейновъ“, не мнѣ могутъ возразить, что оцѣнка Антона Григорьевича, изъ естественнаго чувства благодарности къ своему первому руководителю, можетъ быть, надѣляетъ его всѣми качествами, которыми, дѣйствительно, отличался покойный, въ немного большей степени, чѣмъ бы то сдѣлалъ посторонній, не заинтересованный критикъ. И такіе критики есть, и что еще цѣннѣе критики—спеціалисты того времени, когда онъ возилъ своего ученика и ученицъ за границу, выставляя публично не только ихъ способности и успѣхи, а и свое умѣнье создавать эти успѣхи. „Если задача учителя, говоритъ парижская газета „La Phalange“ ¹⁾, облегчилась способностями ученика, то результатъ, полученный во всемъ, что касается музыкальной виртуозности, служить доказательствомъ выдающихся заслугъ учителя“.

Необычайный, выходящій изъ ряда, талантъ Антона Григорьевича и въ такіе малые годы поражалъ до того, что на долю Виллуана доставалась отъ критики лишь обычная комплиментация по адресу „счастливаго учителя талантливаго ученика“.

Другое отношеніе критики мы видимъ къ нему въ 1862 г., когда онъ представляетъ публикѣ своихъ падчерицъ и ученицъ сестеръ Гардеръ. Ихъ талантъ не былъ настолько всепоглощающъ, чтобы изъ-за него не выступала достойная личность ихъ профессора. Sylvain Saint-Étienne пишетъ въ газетѣ „L'union“ ²⁾ послѣ

¹⁾ 1841 г., № 42.

²⁾ 1862 г., № 86.

того, какъ слышалъ его ученицъ: не менѣе интересный сеансъ былъ данъ г. Виллуаномъ, отличнымъ профессоромъ, оправдывающимъ поговорку: дѣло мастера боится (à l'oeuvre on connaît l'ouvrier). Онъ показаль публикѣ своихъ двухъ молодыхъ ученицъ: г-жъ Марію и Надежду Гардеръ (старшей 14, младшей около 12-ти лѣтъ). Всѣ были удивлены, сколько силы и подвижности заключалось въ этихъ маленькихъ пальчикахъ. Въ томъ-то и заключается заслуга этого профессора, что его методъ ведетъ въ приобрѣтенію въ рукѣ силы и гибкости посредствомъ разумныхъ и постепенныхъ упражненій. Большинство піанистовъ для того, чтобы достигнуть какого-нибудь успѣха, работаютъ съ утра до вечера. Г. Виллуанъ при его системѣ (которую онъ обрабатываетъ и приготовляетъ къ печати) не требуетъ болѣе 2-хъ часовъ упражненія въ сутки. Этимъ упражненіемъ онъ вызываетъ въ ученикѣ большую силу и выносливость; впрочемъ, присутствовавшіе на данномъ имъ вечерѣ воочию въ томъ убѣдились. Всѣ были внѣ себя отъ удивленія передъ результатами, которые были достигнуты въ этихъ начинающихъ піанистахъ.

„Г. Виллуанъ былъ профессоромъ Рубинштейна, этого выдающагося піаниста, появленіе котораго въ Парижѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ произвело буквально сенсацію. И только благодаря методѣ Виллуана онъ могъ приобрѣсти эту грацію и силу въ исполненіи, которыми мы такъ восхищались въ то время. Успѣхъ ученика служить лучшимъ мѣриломъ для надлежащей оцѣнки его учителя.

„Всѣ газеты въ одинъ голосъ признаютъ его замѣчательнымъ профессоромъ и смотрятъ на возможность его постоянного пребыванія въ Парижѣ, какъ на крупное приобрѣтеніе для музыкально-педагогическаго міра этого города“.

„Оба концерта ученицъ г-на Виллуана, пишеть журналъ „L'union chorale“ ¹⁾, представляли истинный интересъ; онѣ намъ несомнѣнно внушили желаніе видѣть этого умѣющаго профессора навсегда прихвѣреннымъ въ Парижу, гдѣ онъ могъ бы распространять свою методу, богатую столькими счастливыми результатами“. „Было бы весьма желательно“, пишеть „La Presse

¹⁾ 1862 г. № 2.

théâtrale ¹⁾), чтобы этот выдающийся профессор остался у насъ въ Парижѣ, гдѣ много пианистовъ, но мало опытныхъ профессоровъ, способныхъ вести все болѣе и болѣе сложное дѣло преподаванія на фортепiano“.

Приведенныхъ примѣровъ, я надѣюсь, достаточно, чтобы упрочить за покойнымъ его часто оспариваемую при жизни славу, — оспариваемую, что очень характерно, отдѣльными личностями и признаваемую (за подписью и печатью) коллегіально всѣмъ учрежденіемъ!

Не буду входить въ слишкомъ спеціальное изслѣдованіе значенія его методы — это повело бы слишкомъ далеко, — скажу только, что изъ его школы, не смотря на выросшее на нее въ послѣдніе годы, гдѣ онъ началъ слишкомъ уже измышлять и выдумывать, можно почерпнуть весьма много цѣнныхъ указаній. Онъ заботился о правильномъ положеніи не только пальцевъ и кистей, но рукъ, и всего туловища. Его основная идея развитія фортепiанной техники, его, можно сказать, реформа этой техники состоитъ въ томъ, чтобы, какъ онъ самъ говоритъ въ введеніи, „удостовериться самимъ и убѣдить другихъ, что успѣхи, которые получались прежде посредствомъ лишняго труда и времени, должны быть въ нашъ вѣкъ замѣнены обдуманнѣмъ анализомъ движенія членовъ, основанномъ на положительныхъ правилахъ“.

Чуждый всякаго самомиѣнія и готовый уступить всякому, кто докажетъ ему что либо болѣе цѣлесообразное, чѣмъ принятая имъ метода, онъ слѣдующими словами заключаетъ свое введеніе: „убѣжденный въ томъ, что еще много должно сказать и сдѣлать въ методическомъ и механическомъ отношеніи, чтобы достигнуть возможнаго совершенства, я, ревностный почитатель музыки во всемъ, что въ ней есть высокаго и благороднаго, отъ души желаю, чтобы мои наблюденія и изслѣдованія, приносимыя здѣсь, какъ камень въ сооруженію зданія, могли бы служить хотя намекомъ тѣмъ, которые пожелаютъ составить школы для фортепiано съ болѣею вѣрностью и съ болѣе достаточною ясностью въ описаніи“.

---

¹⁾ 1862 г., 6 августа.

Какъ композитору ¹⁾, Александру Ивановичу Виллуану, конечно, нельзя отвести мѣсто въ ряду знаменитостей; онъ не обладалъ настолько сильнымъ талантомъ, чтобы слава его произведеній пережила его самого, тѣмъ не менѣе при жизни эти

¹⁾ Перечень сочиненій А. Н. Виллуана:

1. Grand concerto en ut majeur pour le piano avec accompagnement de grand orchestre, d'un quintuor ou d'un second piano, composé et dédié à l'Académie Royale de Stockholm par Alexandre Villoing. Nouvelle Edition. St. Pétersbourg chez Bernard.

Allegro. Energico e passionato.

Adagio. Maestoso.

Rondo. Moderato espressivo.

Этотъ концертъ исполненъ былъ въ 1-й разъ въ 1836 г. самимъ авторомъ.

А. Рубинштейномъ онъ исполнялся 6 разъ:

22 октября 1841 г. въ Карлсруэ

2 февраля 1842 г. въ Вѣнѣ.

19 марта 1842 г. въ Будапестѣ.

9 октября 1842 г. въ Лейпцигѣ.

22 февраля 1843 г. въ Варшавѣ.

19 марта 1843 г. въ С.-Петербургѣ.

2. 2-me concerto (en la mineur) pour le piano avec accompagnement de Grand Orchestre (въ рукописи).

Allegro grandioso.

Adagio. Maestoso.

Finale. Allegro grazioso.

3. Grand Concerto Symphonique (en la mineur) pour le violon avec accompagnement de grand orchestre par A. Villoing.

Allegro.

Scherzo.

Adagio (мотивъ В. А. С. Н.).

Finale. Allegro.

Исполнялось Adagio этого концерта въ 1862 г. г. Аккурси въ Парижѣ. Кромѣ того, отъ покойнаго Виллуана я слышалъ, что концертъ этотъ былъ исполненъ Пушкиловымъ. Написать онъ очень трудно и не совсемъ удобно для скрипки.

4. Увертюра для оркестра, исполненная въ Москвѣ 21 марта 1860 г., въ концертѣ М. Гардереъ.

5. Другая увертюра для оркестра, исполненная тамъ-же.

6. Восточный гимнь. Слова и музыку всеподданнѣйше посвящаетъ Бѣлому Всероссийскому Царю Александру II свободный художникъ А. Виллуанъ. Сиб. у Бернарда.

7. Trio für Pianoforte, Violine u. Violoncell von A. Villoing (въ рукописи).

Allegro.

Menuetto (risoluto ma non troppo presto).

Finale. Allegro moderato.

8. Motifs de danse для фортепiano исполнила М. Гардереъ 21 марта 1860 г.

произведенія пользовались значительнымъ успѣхомъ. Послушасмъ, что объ нихъ говорятъ рецензи иностранныхъ журналовъ, писанныя во время его пребыванія за границей. „На его музыкѣ лежитъ характерный отпечатокъ глубокой, поражающей оригинальности“, пишетъ „Le Théâtre“ ¹⁾. „Она стоитъ неизмѣримо выше той обыкновенной, банальной музыки, которую слышишь, въ сожалѣнію, слишкомъ часто. Его самыя разнообразныя произведенія (онъ обсуждаетъ концертъ въ la-mineur для фортепiano съ оркестромъ, концертъ для скрипки и 2 романса) вездѣ одинаково полны силы, энергіи, жизни и въ то же время простой задумчивой пѣжности.

Критикъ Будапестской газеты, „Der Spiegel“ ²⁾ замѣчаетъ, что въ его концертѣ c-moll авторъ намѣренно выходитъ изъ

9. Grande Valse et Mazurque pour le Pianoforte composées et dédiées à Mlle Aimée de Jelaghine par A. Villoing. Op. 6. Москва. К. Венцель.

10. Polka pour le piano.

Introduction vivace. Polka. Tempo giusto.

11. Кадриль для фортепiano.

12. Second Quadrille de contredances françaises, composé et dédié à sa niece Mlle Louise Josman par Alexandre Villoing. Op. 4. Moscou. C. Wenzel.

13. Варьяціи для виолончели.

Упомянуты въ представленномъ на соисканіе званія свободнаго художника прошеніи.

14. Аделаида Бетговена, переделанная для сопрано съ хоромъ и квартетомъ.

15. Баллада для тенора съ оркестромъ.

Исполнена въ Москвѣ 21 марта 1860 г.

въ Парижѣ 21 марта 1862 г.

16. La folle de Moscou. Ballade. Couplets de Mr Amédée Artaud, musique d'Alexandre Villoing.

A Moscou gravé et imprimé chez. C. Wenzel.

17. Призваніе. Слова А. Полежаева, музыка А. Виллуана. Въ литографіи А. Ястребилова (печ. новъ., Москва, 29 сентября 1833 г.).

18) Романсы: № 1. Пѣсня изъ Панара: Какъ смѣшенъ, не уменъ.

№ 2. Нѣтъ! нѣтъ! Я не люблю тебя. Ей!

№ 3. Голова-лъ моя головушка. Русская пѣсня.

19. О, А, И, Е, О, А, русскій ямской припѣвъ, новая русская пѣсня слова князя А. Хилкова. Музыку посвящаетъ всѣмъ любителямъ Руси Александръ Виллуанъ. Продается у сочинителя въ магазинѣ брата его Ивана Виллуана, на Кузнечномъ мосту и въ музыкальной лавкѣ Г-на Ленгольда. Москва. Грав. и печ. у К. Венцеля. Рукою Виллуана приписано op. 5 и 1 p. 25 в.

20. Двѣ пьесы для пѣнія: 1) Идиллія. 2) Кинжалъ.

¹⁾ 1862 г. № 1618.

²⁾ 1842 г. 23 марта.

А. Н.

предписанной формы, обращая гораздо больше вниманія на оркестровое сопровожденіе, нежели на фортепیانное соло и влагая главный эффектъ въ инструментровку. Самой эффектной онъ считаетъ первую часть и хвалить въ прекрасномъ адажіо имитацию вступительной темы рондо.

Извѣстный французскій критикъ Marie Escudier ¹⁾ пишетъ слѣдующее въ журналѣ „La France Musicale“: „Капитальнымъ произведеніемъ вечера былъ концертъ въ la-tinèur самого Виллуана. Нужно отдать справедливость, что композиторъ умѣетъ одинаково хорошо обращаться съ оркестромъ какъ съ фортепیانомъ и развитыя имъ темы дышать истиннымъ вдохновеніемъ. Больше всего понравилось адажіо—эта дѣйствительно мастерская страница..... Adagio изъ концерта для скрипки принадлежитъ къ самымъ выработаннымъ и интереснымъ вещамъ Виллуана“.

Обиліе музыкальной мысли и умѣнье давать ей всевозможныя формы говорятъ за тонкое пониманіе прекраснаго; своимъ творчествомъ онъ доказываетъ, что обладаетъ чѣмъ-то большимъ, нежели простою способностью музыкальнаго анализа и для фортепیانнаго учителя, а въ особенности въ его время, гдѣ музыкальное общее образованіе еще далеко не сыпалось изъ рога изобилія на русскую землю, эти данныя превосходятъ всякія требованія.

Трудно сказать въ какое время написаны имъ оставшіяся послѣ него большею частью въ рукописяхъ произведенія—большинство изъ нихъ слѣдуетъ отнести къ самому раннему періоду его дѣятельности, до знакомства съ Рубинштейнами. Порядка или нумераціи въ нихъ нѣтъ. Первыми по времени появленія въ печати слѣдуетъ считать его танцы для фортепیانомъ и романсы, изданные въ Москвѣ у Венцеля. Романсъ „Призваніе“ имѣетъ помѣтку о разрѣшеніи цензурой въ 1833 году. У меня хранятся нѣкоторые экземпляры его произведеній, собственноручно имъ переписанные. Писалъ онъ ноты замѣчательно

¹⁾ Братья Marie (род. 1819 † 1880) и Леонъ (род. 1821) основали въ 1838 году журналъ «La France Musicale». Въ 1855 г. М. Escudier основанъ журналъ «L'art Musicale». Ими написано много ученыхъ и критическихъ статей по музыкѣ въ разныхъ журналахъ, а также отдѣльныхъ сочиненій, напр., Dictionnaire de musique (1844), Rossini, sa vie et ses oeuvres (1854), Vie et aventures des cantatrices célèbres (1856).

ровно и красиво, такъ что экземпляръ скрипичнаго концерта, который онъ готовилъ для поднесенія шведской королевской академіи, видѣнный мной у него, нельзя было отличить отъ печатнаго. Въ послѣдніе годы жизни покойный любилъ въ свободные отъ занятій часы сидѣть съ карандашемъ и резинкой въ рукахъ за роялемъ, пересматривая свои старыя рукописи и постоянно передѣлывая и переправляя ихъ — большинство изъ нихъ вѣдь было еще не напечатано и онъ готовилъ ихъ къ печати. Профессоръ Зике рассказывалъ мнѣ какъ онъ заставлялъ старика за этимъ занятіемъ и „вылавливалъ“ въ его новой версіи какихъ-нибудь пару квинтъ и какъ покойный, не писавшій цѣлые десятки лѣтъ, спѣшилъ вытирать резинкой предательское мѣсто.

Рубинштейнъ въ своихъ воспоминаніяхъ пишетъ, что Виллуанъ „игралъ мало“ и дѣйствительно всѣ, кто помнятъ его, утверждаютъ, что онъ указывалъ своимъ ученикамъ манеру исполненія, но самъ никогда не игралъ. Сколько я его помню, онъ обладалъ такими неспособными для игры пальцами, что мнѣ казалось, онъ никогда не могъ имѣть сколько нибудь развитой техники, ибо эта послѣдняя хотя и утрачивается со временемъ, но никогда не настолько, чтобы исчезали всякіе слѣды, у него-же, несмотря на его ежедневныя упражненія (онъ всегда подыгрывалъ съ учениками свои экзерсисы), руки и пальцы казались такими неповоротливыми, точно онъ началъ эти упражненія лишь недѣлю тому назадъ. Между тѣмъ эти предположенія совершенно невѣрны. Виллуанъ игралъ и несомнѣнно долженъ былъ обладать порядочной техникой, что доказываетъ его публичное исполненіе C-moll'наго своего концерта 29 февраля 1836 ¹⁾.

---

¹⁾ Привожу дословно интересную афишу:

Въ субботу 29 февраля
Г. Александръ Виллуанъ
будетъ имѣть честь дать въ маленькой залѣ
Благороднаго Собранія
вокальный и инструментальный
концертъ
часть первая.

1. Увертюра.

2. Г. Виллуанъ будетъ играть на фортепіано въ первый разъ при публикѣ

Кромѣ фортепіано Александръ Ивановичъ игралъ на всѣхъ струнныхъ смычковыхъ инструментахъ, конечно не виртуозно, и былъ страстный любитель и хорошій знатокъ итальянскихъ скрипокъ и виолончелей. При входѣ въ его залъ (тутъ-же онъ занимался съ учениками) поражало обиліе ящиковъ для инструментовъ всякихъ размѣровъ. Они лежали и на полу подъ роялями (у него всегда ихъ было два), одинъ на другомъ, и на рояляхъ; въ углу были сложены въ „кѣткѣ“, какъ владутъ дрова, а большіе виолончельные и контрабасные стояли прислонившись въ стѣнѣ. Въ нихъ хранилось множество хорошихъ скрипокъ, альтовъ, виолончелей, былъ даже контрабасъ Gasparo da Salo. Была у него хрустальная флейта съ серебряными клапанами, на которой онъ тоже иногда игралъ.

Уже въ занятіяхъ съ Рубинштейномъ, какъ онъ самъ о томъ рассказываетъ, Виллуанъ былъ хотя „терпѣливъ“, но „строгъ въ своихъ требованіяхъ“, и „учебное дѣло“ не обходилось безъ суровыхъ педагогическихъ приемовъ, бывшихъ въ почетъ въ доброе старое время—этой суровости обращенія онъ не утратилъ до конца. „Я помню его суровое, серьезное, нахмуренное лицо

С-мольный концертъ своего сочиненія, посвященный Шведской Королевской музыкальной Академіи.

3. Г-жа Дѣвица Аделаида Дабасъ, прїѣхавшая недавно въ Москву, будетъ пѣть Итальянскую Арію.

4. Г. Шмитъ будетъ играть на виолончели Соло своего сочиненія.

часть вторая.

5. Увертюра.

6. Г-жа Дѣвица А. Дабасъ будетъ пѣть арію di piacer изъ оперы Сорока воровка.

7. Г. Виллуанъ будетъ играть на фортепіано адажію и рондо изъ своего С-мольнаго концерта.

8. Финаль.

Начало въ 7 часовъ.

Билеты ежедневно получать можно въ музыкальныхъ Магазилахъ Г-на Ленгольда, Гг. Грессера и Миллера, въ магазинѣ Ив. Виллуана, на Кузнецкомъ мосту, и при входѣ въ залу. Цѣна билету 10 р. асс.

С-moll'ный Концертъ А. Виллуана поступилъ въ продажу во всѣ вышеозначенные магазины.

(Слѣдуетъ французскій переводъ.)

за урокомъ“, говорить о немъ его племянникъ ¹⁾ (занимавшійся съ нимъ, вѣроятно, въ 1859—1860 гг.). Объясненія его всегда были кратки, но вполне достаточны и понимать ихъ и запоминать было не трудно. Труднѣе же было удовлетворить его исполненіемъ упражненій изъ его „школы“. Тутъ онъ былъ требователенъ до грубости и не позволялъ ни малѣйшихъ уклоненій отъ выработанныхъ имъ правилъ. Какъ часто случалось, что слезы навертывались мнѣ на глаза отъ его строгихъ словъ, и какъ часто, увидѣвъ эти слезы, онъ отправлялъ меня въ комнату Екатерины Ивановны (его жены), гдѣ тоже стоялъ рояль, и заставлялъ ее проходить со мною какое нибудь не давшееся мнѣ упражненіе. Когда же урокъ кончался, онъ становился другимъ человѣкомъ, любилъ сказать какую-нибудь остроту, насмѣшечку или шутку“. Въ началѣ моихъ съ нимъ занятій (въ 1874 г.) мнѣ тоже было весьма не легко и только слѣзная вѣра въ его непогрѣшимость и надежда успѣха давали мнѣ силу переносить его подъ часъ очень жестокіе приемы. Для того, напримѣръ, чтобы уставшая кисть не падала и держалась на одной высотѣ съ локтемъ и пальцами, онъ подъ нею во время самыхъ трудно исполнимыхъ фокусовъ его музыкальной гимнастики, держалъ остро очиненный карандашъ, и лишь замѣчалось малѣйшее движеніе кисти внизъ, карандашъ давалъ о томъ знать: „Нѣтъ ничего хуже“, говаривалъ онъ, въ случаяхъ, когда къ нему поступали ученики съ неправильной постановкой рукъ, „какъ перестирывать чужое грязное бѣлье!“ А этого грязнаго бѣлья къ нему поступало весьма много и перестирывалъ онъ его хотя и не всегда терпѣливо, но съ удовольствіемъ, желая доказать преимущество своей методы, и чѣмъ больше труда ему приходилось къ тому прилагать, тѣмъ больше доставалось отъ него его предшественникамъ.

Насколько мало интересовался Виллуанъ всякими матеріальными расчетами и насколько онъ готовъ былъ всегда и всѣмъ жертвовать для своихъ учениковъ и ученицъ, доказываетъ также его поступокъ съ ученицами его, сестрами Л. Замѣтивъ

---

¹⁾ Василій Юльевичъ Виллуанъ, извѣстный скрипачъ и директоръ Нижегородскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества.

въ нихъ крупное музыкальное дарованіе, онъ не только не жалѣлъ ни времени, ни труда для занятій съ ними, но, когда для усовершенствованія музыкальнаго образованія (у одной изъ нихъ открылся прелестный голосъ) имъ нужно было ѣхать за границу, то онъ снабдилъ ихъ и добрыми совѣтами и матеріальными средствами, достаточными для нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія тамъ. Между тѣмъ, получая большія деньги за уроки, онъ жилъ очень, очень скромно и съ виду всякій, кто не зналъ его широкаго, готоваго на помощь своимъ любимцамъ сердца, могъ бы считать его за скупаго. У него были двѣ страсти въ жизни: одна, пожалуй эгоистическая,—это любовь къ своимъ музыкальнымъ инструментамъ, другая безкорыстная и высокая—это желаніе достиженія возможнаго совершенства своими учениками и готовность на всякія жертвы для тѣхъ изъ нихъ, которые подавали надежды.

Несмотря на преклонныя лѣта (онъ умеръ 74-хъ лѣтъ), до послѣдняго года жизни онъ неутомимо трудился съ такою живою энергіею и бодрымъ духомъ предаваясь своему дѣлу, точно времени не удалось охладить его юношескаго пыла. Весь этотъ трудъ онъ несъ на себѣ единственно изъ любви къ дѣлу, ибо былъ настолько матеріально обезпеченъ, что не нуждался въ добываніи себѣ средствъ къ жизни. Уроки онъ давалъ съ удовольствіемъ и никогда не жаловался на утомленіе отъ нихъ, между тѣмъ отъ одного онъ переходилъ безостановочно къ другому. Чтобы не терять даромъ времени и успѣвать больше сдѣлать, онъ всѣ уроки давалъ у себя на дому и я помню, когда онъ вынималъ недѣльное ихъ распisanіе, то на немъ не бывало пустаго мѣста—даже по воскресеньямъ утромъ онъ бывалъ занятъ. Приходя къ нему на урокъ, мнѣ приходилось иногда заставить его за „подстройкой“ рояля—это случалось если между уроками выдалась минутка свободнаго времени. Вообще онъ рояль строилъ всегда самъ, очень вѣрно, но страшно медленно—цѣлыя часы на то уходили. Также любилъ онъ въ свободную минутку, между дѣломъ, пересматривать свои инструментальныя сокровища. То онъ откроетъ ящикъ, чтобы вытереть пыль съ инструмента, то нужно положить поровнѣ атласную покрывку на какой-нибудь Montagnana, то переменить истертую квинту,

попробовать звукъ какой-нибудь Guarneri, просто подержать въ рукахъ, полюбоваться инструментомъ.

Когда къ нему прїѣзжалъ его племянникъ, онъ былъ доволенъ воспользоваться его умѣньемъ и сдѣлать „парадъ“ своимъ инструментамъ. Разговоръ, происходившій между ними, до того характерно выставляетъ личность покойнаго, что я позволю себѣ привести его какъ онъ мнѣ сообщенъ В. Ю. Виллуаномъ: „Сыграй на баскѣ вотъ этой скрипки“, обращая ко мнѣ дядя. Я игралъ.

— „Теперь тоже самое—на баскѣ вотъ этой“, опять слѣдовало приказаніе.

— Я старался играть ту же мою фантазію, но иногда забывалъ и измѣнялъ что-нибудь.

— „Ну вотъ и врешь, и врешь... Тотчасъ (онъ особенно любилъ это выраженіе: тотчасъ) игралъ и ужъ забылъ! Какъ же тутъ сравнить?“ горячился онъ. „Ты играй одно и тоже и штриха не мѣняй, а то все разное выходитъ“. Я напрягалъ вниманіе и исполнялъ приказаніе со всѣмъ усердіемъ. Онъ опять горячился: „Зачѣмъ трогаетъ струну гѣ! Играй на одной sol. Да впрочемъ у Сторіони sol слаба и стара, надо ее перемѣнить и тотчасъ тонъ будетъ другой... Достань вонъ тотъ ящикъ со средней полки. Нѣтъ, не первый, а сзади, тамъ еще есть“....

Доставали ящики, натягивали струны, мѣняли подставки... Комната вся заставлялась ящиками, рояли заваливались скрипками, віолончелями, смычками... Вечеръ проходилъ въ такомъ занятіи и мы ложились спать усталые отъ постоянной возни съ ящиками на полу, на пѣнахъ, подъ роялями. Все это надо было опять убрать, предварительно вытереть начисто и водворить на прежнее мѣсто. Уже изъ-за гардинъ своей спальни раздавался его голосъ съ новымъ обѣщаніемъ заняться тѣмъ-же завтра.

„Je ne t'ai pas encore montré mon Guidanti: tu verras c'est une vraie cloche, настоящій колоколъ“, пояснялъ онъ.

— Mais, дядя, vous me l'avez déjà fait voir il y a deux jours...

„Развѣ“? сомнѣвался дядя, „ну, все равно, мы еще его пробуемъ съ Tononi. Bonne nuit“.

Однообразіе своей трудовой жизни Александръ Ивановичъ нарушалъ посѣщеніемъ концертовъ, изрѣдка оперы, а также дружескимъ преферансомъ по маленькой въ семействѣ Богдано-

выхъ ¹⁾, къ которому онъ былъ очень привязанъ. Когда еще онъ жилъ въ Москвѣ, то у него устраивались музыкальные вечера, на которыхъ присутствовали разные московскія знаменитости, и въ которыхъ принимали участіе его падчерицы. Въ Петербургѣ камерные вечера у него также бывали, но игралъ тѣсный кружокъ близкихъ знакомыхъ (А. К. Богдановъ, К. К. Богдановъ, Н. К. Богдановъ, А. Ц. Пуни); Александръ Ивановичъ на нихъ исполнителемъ не выступалъ.

Права покойный былъ горячаго, вспыльчиваго, тѣмъ не менѣе его отнюдь нельзя было назвать разговорчивымъ. Подчасъ онъ отпускалъ очень ловкія остроумныя насмѣшки болѣе всего надъ своими музыкально-педагогическими противниками. Какъ извѣстно, покойный состоялъ нѣкоторое время въ консерваторіи, но вслѣдствіе какихъ-то недоразумѣній скоро оттуда вышелъ, сохранивъ о ней непріятныя воспоминанія, о которыхъ впрочемъ онъ никогда не говорилъ, спрашивать-же его о томъ казалось неловкимъ.

Подчасъ онъ любилъ пошутить надъ окружающими. Приведу его юмористическую выходку, рассказанную мнѣ его племянникомъ. Однажды Александръ Ивановичъ, занятый чѣмъ-то у себя (дѣло происходило въ Москвѣ), посылаетъ за женою и проситъ ее къ нему немедленно придти. Посланная приходитъ съ отвѣтомъ, что Екатерина Ивановна не можетъ отлучиться отъ плиты, гдѣ варится варенье (на то она была большая охотница)... изъ моркови. Александръ Ивановичъ молча идетъ къ гардеробному шкафу, вынимаетъ оттуда какую-то одежду, пришедшую въ сильную ветхость, и отсылаетъ посланную съ этою вещью къ Екатеринѣ Ивановнѣ на кухню съ запросомъ, не можетъ-ли она изъ нея сварить варенье?...

Послѣднее время жизни Виллуана протекло мирно за обычными занятіями. Весь преданный одному своему педагогическому

¹⁾ Даровитое артистическое семейство. Покойный К. Ф. Богдановъ—главный режиссеръ московской балетной труппы въ ея лучшее время. Над. Конст. Богданова—извѣстная балерина, сошедшая въ 1867 году со сцены въ полномъ блескѣ своего таланта. А. К. Богдановъ—талантливый скрипачъ и бывший дирижеръ московскаго балета. А. Н.

дѣлу, онъ отъ него ни для чего другаго не отрывался, ничего не желалъ кромѣ успѣха на этомъ одномъ поприщѣ. Безвыѣздно живя въ Петербургѣ, даже лѣтомъ не покидая его, онъ всегда пользовался хорошимъ здоровьемъ, лишь послѣдній годъ передъ смертью силы его начали покидать, онъ сдѣлался слабѣе, раздражительнѣе и вялый организмъ не въ состоянiи былъ побороть послѣдней болѣзни, которая унесла въ могилу этого скромнаго, замѣчательнаго труженника. Александръ Ивановичъ Виллуанъ скончался 21-го августа 1878 г., на 74-мъ году жизни; пархъ его похороненъ въ Александро-Невской лаврѣ.

А. А. Неустроевъ.

ГРАФЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ ИГНАТЬЕВЪ

одинъ изъ сподвижниковъ Царя-Освободителя.

Въ «Русской Старинѣ», изд. 1888-го года, т. LVII, книга февраль, стр. 519—554, мы остановили вниманіе читателей нашего журнала на Санъ - Стефанскомъ договорѣ, 19-го февраля 1878 года заключенномъ. Мы указали то громадное значеніе и то почетное мѣсто, которое занимаетъ этотъ договоръ въ ряду наиболѣе важныхъ актовъ въ новѣйшей исторіи нашего отечества.

Всѣмъ, разумѣется, извѣстно, что главнымъ, если не единственнымъ, виновникомъ столь широко обдуманнаго и съ такой поразительной энергіей вытребованнаго отъ Отоманской порты договора былъ нашъ знаменитый русскій дипломатъ — графъ Николай Павловичъ Игнатъевъ. Конечно, въ общихъ чертахъ біографія этого государственнаго дѣятеля извѣстна, и не мудрено, такъ какъ графъ Игнатъевъ былъ, въ особенности въ 1870-хъ годахъ, предметомъ тысячи брошюръ и памфлетовъ на языкахъ всего міра. Тѣмъ не менѣе, на страницахъ «Русской Старины», столь часто останавливающейся на событіяхъ минувшаго царствованія и представившей рядъ характеристикъ, а также и гравированныхъ портретовъ, нѣсколькихъ изъ сподвижниковъ Государя-Освободителя—таковы гр. Д. А. Милютинъ, статсъ-секретари Н. А. Милютинъ, А. В. Головинъ, М. Х. Рейтернъ, А. П. Заблоцкій-Десятовскій, генер.-адъют. графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ, сенаторы К. И. Домонтовичъ, С. И. Зарудный и многіе другіе—вполнѣ умѣстно представить, въ видѣ исторической справки, хотя краткій очеркъ и главнѣйшія данныя

къ біографіи нашего истинно русскаго дипломата. При этой же книгѣ «Русской Старины» мы помѣстили портретъ гр. Н. П. Игнатъева, въ гравюрѣ на мѣди, исполненной художникомъ Ѳ. А. Мѣркинымъ.

I.

Графъ Николай Павловичъ Игнатъевъ родился 17-го января 1832 г.; онъ сынъ преданнаго и усерднаго служаки трехъ императоровъ: Александра Павловича, Николая Павловича и Александра Николаевича, вполнѣ русскаго человѣка, и какъ подобало въ то суровое время, довольно строгаго, весьма ревностнаго къ службѣ, съ большимъ здравымъ умомъ и съ сознаниемъ достоинства и силы Россіи.

Въ традиціяхъ глубокой преданности дорогому отечеству и его державнымъ представителямъ взросъ въ своей семьѣ Николай Павловичъ Игнатъевъ. Воспитаніе онъ получилъ превосходное дома у своихъ родителей и два года пробылъ въ старшихъ классахъ Пажескаго Е. И. В. корпуса, гдѣ, при отличной подготовкѣ и при замѣчательныхъ способностяхъ, Николаю Павловичу Игнатъеву было легко стать по успѣхамъ въ наукахъ во главѣ своихъ сверстниковъ и товарищей; имя его внесено было на почетную мраморную доску, какъ перваго воспитанника выпуска. Изъ фельдфебелей Пажескаго корпуса Николай Павловичъ поступилъ на службу въ лейбъ-гвардіи Гусарскій Его Величества полкъ корнетомъ, 26-го мая 1849 года, имѣя всего лишь 17 лѣтъ отъ роду.

Такъ рано началась служба и самостоятельная жизнь Николая Павловича Игнатъева.

Стремясь къ довершенію своего образованія и къ вѣщему расширенію онаго, Игнатъевъ поспѣшилъ поступить въ военную академію, гдѣ въ 1851 г. онъ окончилъ курсъ съ серебряной большою медалью и имя его вновь занесено на почетную мраморную доску; при этомъ за отличные успѣхи въ наукахъ Игнатъевъ получилъ чинъ штабъ-ротмистра и причисленъ къ генеральному штабу.

Любопытно, что великій князь Михаилъ Павловичъ былъ

недоволенъ желаніемъ молодого офицера, Н. П. Игнатъева, оставить гвардейскую фронттовую службу и поступить сначала ординарцемъ къ графу Ридигеру, въ дѣйствующую армію, а потомъ въ академію генеральнаго штаба; а потому обусловилъ свое разрѣшеніе обязательствомъ, по окончаніи курса, пробыть нѣкоторое время какъ въ конномъ, такъ и въ пѣшемъ образцовыхъ полкахъ, въ пѣшей и конной образцовыхъ батареяхъ и быть прикомандированнымъ къ санитарному баталіону на время полевыхъ работъ. Подчиняясь тогдашнимъ требованіямъ, Игнатъевъ прошелъ — успѣшнымъ образомъ — чрезъ это испытаніе фронттоваго служенія, выдержалъ вполне удовлетворительно начальническіе смотры въ каждой изъ этихъ частей, въ теченіи года, и затѣмъ, 20-го ноября 1852 года, переведенъ въ гвардейскій генеральный штабъ штабсъ-капитаномъ.

Передъ отправленіемъ князя Меншикова въ Константинополь, государь Николай Павловичъ повелѣлъ штабсъ-капитану Игнатъеву заняться изученіемъ турецкаго языка и отправиться затѣмъ въ Царьградъ, въ распоряженіе нашего чрезвычайнаго посла. Но вскорѣ распоряженіе это было отмѣнено и штабсъ-капитану Игнатъеву было дано нѣсколько порученій по оборонѣ Балтійскихъ береговъ отъ ожидавшихся нападений англо-французскаго флота. Въ концѣ февраля 1854 года Игнатъевъ командированъ въ распоряженіе командовавшаго войсками въ Эстляндіи, генераль-адъютанта Ѳ. Ѳ. Берга. Въ Ревелѣ, молодой офицеръ генеральнаго штаба Игнатъевъ исправлялъ должность оберъ-квартирмейстера отряда, завѣдуя въ штабѣ частью инженерною и артиллерійскою. Въ теченіе зимы былъ назначенъ дивизионнымъ квартирмейстеромъ 2-й легкой гвардейской кавалерійской дивизіи, двинутой въ Лифляндію, и исполнялъ нѣкоторыя порученія въ виду подготовленія возможнаго театра военныхъ дѣйствій на Балтійскомъ побережьѣ, а въ мартѣ 1855 г. (18-го) назначенъ исправляющимъ должность оберъ-квартирмейстера Балтійскаго корпуса.

По прибытіи въ Петербургъ съ командовавшимъ войсками въ Лифляндіи и Курляндіи престарѣлымъ генераломъ Сиверсомъ, для представленія отчета за истекшее время и предположеній для будущихъ дѣйствій войскъ, назначенныхъ для обороны края, въ виду ожидавшейся въ слѣдующемъ году высадки союзниковъ

въ Курляндіи, назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству (мартъ 1855 г.).

Получивъ послѣдовательно три раза изъясненія Монаршаго благоволенія за усердную и ревностную службу, флигель-адъютантъ Игнатъевъ, при расформированіи Балтійскаго корпуса, отчисленъ отъ прежней своей должности и, по производствѣ въ полковники, назначенъ, по Высочайшему повелѣнію, военнымъ агентомъ въ Лондонъ. Такъ какъ Англія была нашимъ главнымъ противникомъ во время Крымской войны, то полковнику Игнатъеву было поручено изслѣдовать на мѣстѣ всѣ послѣднія усовершенствованія по артиллерійской и инженерной частямъ, могущія быть примѣненными въ Россіи, а равно и привести въ ясность всѣ военно-политическіе замыслы враговъ нашихъ, какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи. Ему же поручено было слѣдить за военно-техническою частью въ Бельгіи и, въ случаѣ надобности, быть въ распоряженіи посла нашего въ Парижѣ, графа П. Д. Киселева.

Въ сентябрѣ флигель-адъютантъ Игнатъевъ отправился въ Лондонъ, а уже въ ноябрѣ и въ декабрѣ (1856 г.) неоднократно вызывался въ Парижъ. Тутъ онъ былъ введенъ, впервые, въ дипломатическіе переговоры. Проявившееся въ немъ съ тѣхъ поръ рвеніе въ огражденіи русскихъ интересовъ побудило его подать уполномоченнымъ нашимъ на 2-й парижской конференціи, собравшейся по поводу картографическихъ недоразумѣній, возникшихъ при проведеніи новой Бессарабской границы, барону Бруннову и графу Киселеву, записку, въ которой выяснена была неосновательность притязаній нашихъ противниковъ и необходимость положить предѣлъ нашимъ территоріальнымъ уступкамъ. Дѣло заключалось въ томъ, что австрійцы, поддерживаемые англичанами, желали воспользоваться недосмотромъ нашихъ дипломатовъ, чтобы отрѣзать у насъ какъ можно болѣе земли, отдавая насъ отъ рѣкъ Дуная и Прута, и включить въ отходящее къ Молдавіи пространство Болградъ, Комрадъ и какъ можно болѣе болгарскихъ колоній. Полковникъ Игнатъевъ доказывалъ, что мы отдавали напрасно до 400 квадратныхъ верстъ, что граница должна быть проведена по р. Ялпужелю, а не по р. Ялпуху, и что мы можемъ отстоять если не Болградъ, то—Комрадъ и большую часть болгарскихъ колоній, не отдавая этихъ переселенцевъ Турціи, откуда они разновременно бѣжали подъ защиту

двуглаваго орла. Графъ Киселевъ и баронъ Брунновъ оцѣнили доводы флигель-адъютанта Игнатъева и представили его министру иностранныхъ дѣлъ Франціи, графу Валевскому, и генеральному секретарю министерства иностранныхъ дѣлъ Бенедетти (впослѣдствіи послу въ Берлинѣ), и поручили Игнатъеву непосредственное участіе въ переговорахъ по начертанію новой границы нашей, послѣдствіемъ которыхъ было удовлетвореніе справедливыхъ требованій нашихъ, вопреки домогательствъ Австріи и Англии.

Первое участіе Игнатъева въ дипломатическихъ переговорахъ вызвало весьма лестные для него отзывы графа Киселева и наиболѣе опытнаго дипломата-ветерана барона Бруннова. Патриотическая заслуга его была оцѣнена Государемъ Александромъ Николаевичемъ пожалованіемъ, 12-го января 1857 г., своему флигель-адъютанту, не имѣвшему до той поры никакого знака отличія, кромѣ академическаго, ордена св. Станислава 2-й степени.

Слѣдя изъ Лондона за дѣйствіями Великобританіи въ Азіи, флигель-адъютантъ Игнатъевъ предсказалъ, въ донесеніяхъ своихъ военному министру, генераль-адъютанту Ник. Онуф. Сухозанету, какъ столкновеніе съ Китаемъ, такъ въ особенности возстаніе сипаевъ въ Индіи, указывая на необходимость поддержать Персію въ эту затруднительную для Англии минуту (1857 г.). Государь вполне оцѣнилъ прозорливость и усердіе нашего военного агента въ Лондонѣ, а равно и вѣрность доставляемыхъ имъ свѣдѣній. Вызвавъ его въ Варшаву, собственноручно пожаловалъ ему, 30-го августа, орденъ св. Владиміра 4-й степени и предназначилъ его въ Персію повѣреннымъ въ дѣлахъ. Но обстоятельства вскорѣ измѣнились и командировка Игнатъева въ Персію не состоялась. Для доставленія ему нѣкотораго отдохновенія и возможности ближе ознакомиться съ Европейскимъ Востокомъ, флигель-адъютантъ Игнатъевъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, отправился путешествовать.

Въ Вѣнѣ гр. Игнатъевъ впервые встрѣтился съ австрійскими славянами, познакомившись съ Палацкимъ, Ригеромъ, Браунеромъ, Добринскимъ и т. д. Проѣхавъ черезъ Сербію, въ Константинополь, Грецію, Сирію, Палестину, Іерусалимъ, въ Египетъ, Игнатъевъ, на берегахъ р. Нила, получилъ Высочайшее повелѣніе вернуться въ Россію для принятія начальства надъ военно-дипломатическою миссіею въ Хиву и Бухару.

Вернувшись, чрезъ Италію, Парижъ и Лондонъ въ Петербургъ, флигель-адъютантъ Игнатьевъ отправился въ г. Оренбургъ, 12-го апрѣля. За отличное и отчетливое исполненіе возложенныхъ на него осенью 1857 г. порученій ему объявлено, 17-го апрѣля, особое монаршее благоволеніе.

Съ конвоемъ изъ 50-ти человекъ пѣхотныхъ стрѣлковъ, посаженныхъ на лошадей, Уральскихъ и Оренбургскихъ казаковъ флигель-адъютантъ Игнатьевъ выступилъ изъ Оренбурга въ степь 15-го мая 1858 г. Главнѣйшими цѣлями его экспедиціи было подробное составленіе маршрутовъ и картъ пройденнаго пути и попытка провести мирнымъ образомъ суда нашей Аральской флотиліи въ Аму-Дарью, а также побужденіе хановъ установить болѣе правильныя торговыя сношенія съ Россією, допустивъ нашихъ купцовъ въ свои предѣлы и ввести болѣе умѣренные таможенные сборы.

Дипломатическая экспедиція эта была сопряжена не только съ обычными, для того времени, трудностями и опасностями степнаго похода, по мало изслѣдованнымъ путямъ и даже вовсе неизвѣстной мѣстности (рѣки Аму и путь изъ Хивы въ Бухару), но и съ особыми затрудненіями, происходившими отъ не прекратившихся еще вполне волненій между киргизами, прислушивавшимися къ возбужденіямъ возставшаго противъ Оренбургской администраціи вождя Исеть-Кутебарова, распрями между киргизами и туркменами, а также враждою между сими послѣдними, и тогдашнимъ хивинскимъ ханомъ, котораго туркмены хотѣли свергнуть, посадивши въ г. Хиву своего ставленника. Флигель-адъютанту Игнатьеву удалось встрѣтиться съ Исеть-Кутебаровымъ, принять заявленіе его покорности и раскаянія и препроводить къ генералъ-губернатору, слѣдовавшему по степи, съ особымъ отрядомъ. Затѣмъ, флигель-адъютантъ Игнатьевъ прошелъ чрезъ Айбугирскій заливъ въ г. Кунградъ. Войдя передъ тѣмъ, на западномъ берегу Аральскаго моря, въ сообщеніе съ пароходомъ «Перовскимъ», на которомъ находился командовавшій аральскою флотилією Бутаковъ и на который Игнатьевъ передалъ часть подарочныхъ вещей, бывшихъ въ его караванѣ, — начальникъ нашей миссіи доставилъ морякамъ нашимъ возможность войти въ р. Аму-Дарью, подъ предлогомъ доставки хану болѣе удобнымъ, водянымъ путемъ, въ г. Хиву, подарочныхъ вещей государя императора.

18 іюля 1858 г. ¹⁾ прибылъ въ Хиву флигель-адъютантъ Игнатъевъ, на хивинскихъ баркахъ, послѣ утомительнаго и крайне опаснаго, — въ виду непріязненной встрѣчи хивинцевъ и происшедшихъ недоразумѣній по поводу несвоевременныхъ сношеній мѣстныхъ оренбургскихъ властей съ враждебнымъ хану туркменскимъ претендентомъ, — двухъ недѣльнаго плаванія по р. Аму-Дарьѣ и ея разливамъ. Берега рѣки были свята и промѣры глубины сдѣланы. Но въ Хивѣ миссіи нашей пришлось вытерпѣть много непріятностей и препятствій отъ коварства, подозрительности, невѣжества и лживости хивинскаго правителя. Тѣмъ не менѣе переговоры по заключенію торговаго трактата пришли къ концу, когда, при обнаруженномъ вѣроломствѣ хана и желаніи задержать нашу миссію до возвращенія его каравановъ изъ Оренбурга, Игнатъевъ рѣшился отказаться отъ заключеннаго, но безполезнаго, по его мнѣнію, при тогдашнемъ варварскомъ характерѣ правленія Хивы, договора и выдти самовольно не по тому пути, какъ требовалъ ханъ, т. е. обратно на Усть-Юртъ, но по предначертанному заранѣе. Рѣшился онъ не отступать отъ первоначальной программы, не смотря на полученное Высочайшее разрѣшеніе измѣнить оную въ случаѣ личной опасности, угрожающей миссіи. Выступивъ изъ Хивы, съ военными предосторожностями, послѣ бурнаго объясненія съ ханомъ, 27 августа, Игнатъевъ переправился чрезъ Аму-Дарью, при самыхъ трудныхъ и опасныхъ обстоятельствахъ, и, отдѣлавшись на пути отъ туркменъ, бродившихъ по правому берегу для грабежа, прибылъ благополучно чрезъ Каракуль въ Бухару. Здѣсь ему удалось довести переговоры съ престарѣлымъ и умнымъ ханомъ Насръ-Уллою до желаемаго конца, заключить требовавшійся торговый договоръ, освободить всѣхъ русскихъ подданныхъ, томившихся въ Бухаріи въ неволѣ, и взять ихъ съ собою и, въ сопровожденіи бухарскихъ посланцевъ и слона, предназначеннаго въ подарокъ Его Величеству, выдти благополучно изъ Бухары, 1-го ноября 1858 г. Неожиданнымъ образомъ для генералъ-губернатора (Г. А. Катенина), считавшаго Игнатъева, на основаніи степныхъ слуховъ, погибшимъ и донесшаго даже о томъ въ Петербургъ, начальникъ нашей миссіи явился въ Оренбургъ 6-го декабря,

¹⁾ Такъ значится въ формулярномъ спискѣ гр. Н. П. Игнатъева.

не смотря на затруднительность зимняго, сопряженнаго съ лишеніями и свѣжными буранами. перехода по степи, и 17-го декабря уже былъ въ Петербургѣ.

Орденъ св. Анны 2 ст. съ короною и генераль-маіорскій чинъ по манифесту 1762 г. — были наградами за эту командировку, вполне государственнаго значенія.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1859 года Н. П. Игнатьевъ назначенъ былъ уполномоченнымъ въ Китай (см. объ этомъ интересную статью г. Максимова въ «Русскомъ Вѣстникѣ»).

4-го апрѣля прибылъ Игнатьевъ въ Иркутскъ, проѣхавъ все пространство Сибири въ самое неудобное время года, при всеобщей распутицѣ и ледоходѣ на рѣкахъ. Въ Иркутскѣ свидѣлся онъ съ графомъ Н. Н. Муравьевымъ-Амурскимъ и было положено начало дружбы между этими государственными дѣятелями.

Въ Кяхтѣ пришлось Игнатьеву ожидать согласія китайскаго правительства на его пропускъ по Монголіи ¹⁾. Уже тогда возникли недоразумѣнія по поводу нежеланія пекинскаго правительства не только ратификовать, но и признать существующимъ Айгунскій договоръ, заключенный за годъ предъ тѣмъ графомъ Н. Н. Муравьевымъ.

По прибытіи въ Пекинъ, начались ежедневные утомительные переговоры съ китайскими уполномоченными княземъ Су-Шунемъ, родственникомъ императора, и министромъ Жуй-Чэномъ, продолжавшіеся 11 мѣсяцевъ, первоначально о признаніи и ратификаціи Айгунскаго договора, а потомъ о заключеніи новаго болѣе обширнаго договора, съ уступкою намъ Приморской области и рѣки Усури со всѣми портами до границъ Кореи и дарованіемъ нашему отечеству правъ сухопутной торговли въ китайскихъ владѣніяхъ. Удостоверившись, что переговоры эти, безъ употребленія военной силы для понужденія къ уступчивости манджурскаго правительства, не могутъ привести ни къ какому благопріятному результату, Н. П. Игнатьевъ подалъ ультиматумъ въ государственный совѣтъ и затѣмъ, вопреки повелѣнію Богдыхана, потребовавшаго выѣзда его чрезъ Монголію въ Кяхту, пробрался чрезъ расположеніе всей китайской арміи,

¹⁾ Въ формулярѣ сказано, что графъ Н. П. отправился въ Китай т. е. переѣхалъ границу 17-го мая 1859 г., въ качествѣ уполномоченнаго.

сосредоточенной близъ Тянь-Цзина и по р. Пей-хо для встрѣчи англо-французскаго десанта, и вошелъ въ сношеніе съ русскою эскадрою, собиравшеюся въ Тихомъ океанѣ, чтобы поступить въ распоряженіе нашего уполномоченнаго. Сѣвъ на фрегатъ «Свѣтлана» и вступивъ въ сношеніе съ англійскимъ, французскимъ и американскимъ послами, Игнатъевъ воспользовался ходомъ событій и съ большимъ искусствомъ и энергіей вмѣшался въ переговоры между китайцами и англо-французами. Оказавъ тѣмъ и другимъ услуги. Н. П. Игнатъевъ удостоился получить въ знакъ благодарности французскихъ и англійскихъ правительствъ—орденъ Почетнаго Легіона 2-й степени. Признательность манджурскаго правительства за спасеніе столицы отъ разграбленія союзниками и за ускореніе удаленія союзныхъ войскъ выразилось согласіемъ принца Гуна, регента имперіи, заключить новый договоръ, прикрытый названіемъ «дополнительнаго» и утвердившій за Россіей какъ лѣвый берегъ рѣки Амуръ, такъ и рѣки Уссури, со всѣми приморскими гаванями до бухты Посьета и манджурскимъ берегомъ до Кореи; вмѣстѣ съ тѣмъ на западѣ значительно исправлена граница наша по озеру Норъ-Зайсангъ и Небеснымъ горамъ, обезпечено за Россіей право сухопутной торговли и устройство консульствъ въ Ургѣ, Монголіи и Кашгарѣ. Трактатъ этотъ былъ единственный, котораго ратификація не подверглась затрудненіямъ, потому что воспользовавшись своимъ весьма умно прибрѣтеннымъ выгоднымъ положеніемъ относительно китайскаго правительства, нашъ искусный дипломатъ, до своего отъѣзда изъ Пекина 10-го ноября, добылъ какъ ратификацію договора Богдыханомъ, такъ и обнародованіе богдыханскаго указа и текста договора.

За отличное исполненіе всего этого въ высокой степени важнаго дѣла — графъ Николай Павловичъ Игнатъевъ награжденъ званіемъ генералъ-адъютанта (8-го декабря 1860 г.) и орденомъ св. Станислава 1-й степени.

II.

Въ іюлѣ 1861 г. графъ Игнатьевъ впервые отправился въ Стамбулъ, долженствовавшій въ близкомъ будущемъ сдѣлаться мѣстомъ его славы, побѣдъ и удачъ. Съ того времени имя нашего дипломата наполняетъ сферу политической жизни Европы, т. е. о немъ и его дѣйствіяхъ много наполнено столбцовъ европейскихъ газетъ на всевозможныхъ языкахъ и портреты его появляются въ массѣ иллюстрированныхъ изданій.

Въ іюлѣ 1861 г. Н. П. Игнатьевъ является въ Константинополь для поздравленія турецкаго султана Абдуль-Азиса. Въ августѣ того же года онъ назначается директоромъ азиатскаго департамента и черезъ три года является чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при портѣ оттоманской (14-го іюля 1864 г.). Въ 1867 г. онъ переименованъ въ чрезвычайнаго и полномочнаго посла при его величествѣ султанѣ и лишь въ январѣ 1877 г., по распоряженію министерства иностранныхъ дѣлъ, вызванъ по дѣламъ службы въ Россію.

Двѣнадцать лѣтъ сряду графъ Игнатьевъ находился, не смотря на измѣнявшіяся и неоднократно затруднительныя обстоятельства, а равно и на постоянную борьбу съ враждебными Россіи происками другихъ державъ и иновѣрныхъ пропагандъ, въ наилучшихъ отношеніяхъ съ Портою и личныхъ съ султаномъ Абдуль-Азисомъ. Вліяніе Россіи на Балканскомъ полуостровѣ было восстановлено, по единогласному сознанію всѣхъ друзей, враговъ и завистниковъ Россіи. Оно пошатнулось лишь вслѣдствіе вступленія нашего въ тройственный союзъ и соглашенія съ Австріею по поводу герцеговинскаго возстанія и международнаго дипломатическаго давленія на Турцію, предпринятаго по принятіи державами ноты графа Андраши о введеніи реформы Босніи и Герцеговины.

Графъ Игнатьевъ противился всѣми зависѣвшими отъ него средствами этому соглашенію, предсказывая бесплодность реформаторскихъ требованій державъ, послѣдствія оставленія нами самобытною независимой политики на Востокѣ и заднія мысли Австро-Венгрии. Русскій образъ мыслей нашего посла навлекъ на него неудовольствіе вѣнскаго и даже берлинскаго дворовъ.

21-го октября 1876 г. ультиматумъ сербскій.—Въ декабрѣ того же года конференція въ Константинополѣ. («Рус. Старина», 1888 г. т. LVII, стр. 536 и слѣд.).

Съ 18-го февраля по 20-е марта 1877 года графъ Игнатьевъ

провелъ въ командировкѣ съ особымъ дипломатическимъ порученіемъ за границей, причемъ посѣтилъ Берлинъ, Парижъ, Лондонъ и Вѣну. Возвратившись въ Спб., онъ настойчиво предупреждалъ князя Александра Михайловича Горчакова о томъ, что князь Бисмаркъ въ значительной степени враждебно настроенъ къ нему, князю Горчакову, лично; графъ Игнатъевъ указывалъ нашему канцлеру на необходимость установить самыя добрыя отношенія къ могучему сосѣду, уладить и устранить всѣ между ними недоразумѣнія, ссылаясь на то, что невозможно начинать нависшую уже надъ Россіей грозную войну, имѣя бокъ о бокъ такого сильнаго сосѣда, какъ князь Бисмаркъ, недружелюбно настроеннаго къ главному руководителю внѣшней политики нашего отечества. Теперь, когда многіе годы уже прошли послѣ описанныхъ событій, сказать должно съ полною откровенностью, что покойный канцлеръ, князь Горчаковъ, съ необыкновеннымъ для его лѣтъ легкомысліемъ, не внялъ предупрежденіямъ гр. Н. П. Игнатъева; онъ отзывался съ чрезвычайно странною надменностью, что Бисмаркъ его воспитанникъ и что онъ, т. е. Бисмаркъ, преисполненъ къ нему, князю Горчакову, необыкновеннымъ почтеніемъ..., а потому и нѣтъ надобности являть какую-либо осторожность по отношенію къ германскому канцлеру, онъ-де не выступитъ ни съ чѣмъ враждебнымъ противъ него, своего учителя (!), князя А. М. Горчакова.

12-го апрѣля 1877 г. графъ Н. П. Игнатъевъ, по высочайшему повелѣнію, сопровождалъ Его Величество при отъѣздѣ въ дѣйствующую армію, при объявленіи войны туркамъ и находился во все время похода въ Румынію, за Дунай и Болгарію въ свитѣ государя.

Въ концѣ іюля 1877 г. графъ Игнатъевъ сильно заболѣлъ, но, перемогаясь, оставался при главной квартирѣ до первыхъ чиселъ сентября, когда былъ отпущенъ изъ Горнаго Студня въ Россію, для излеченія упорной лихорадки, безпрестанно возвращавшейся. Пробывъ нѣкоторое время съ семействомъ своимъ, онъ снова вызванъ государемъ императоромъ въ концѣ ноября и прибылъ въ главную квартиру 23-го числа мѣсяца.

Послѣ взятія Плевны и выѣзда императора Александра Николаевича изъ арміи, Игнатъевъ вернулся въ Россію 12 декабря, оставась, съ Высочайшаго разрѣшенія, въ Кіевской губерніи впредь до того времени, когда присутствіе его могло потребоваться въ Константинополѣ. Но вслѣдъ затѣмъ былъ снова вызванъ въ Петербургъ.

3-го декабря 1877 г. гр. Н. П. Игнатьевъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта съ оставленіемъ въ званіи генералъ-адъютанта и въ генеральномъ штабѣ.

14-го января 1878 г. Игнатьевъ, по высочайшему повелѣнію, отправился вновь въ дѣйствующую армію, въ качествѣ перваго уполномоченнаго, для веденія переговоровъ съ турками. Прибылъ въ Бухарестъ 18-го, гдѣ и вручилъ принцу румынскому Карлу собственноручное письмо государя императора. 20-го числа продолжалъ путь дальше черезъ Брестовацъ—главную квартиру его императорскаго высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, Тырново, Габрово, Шибку, Казавлыкъ, Херманлы, въ Адрианополь, куда и прибылъ 26-го января.

Къ сожалѣнію, за семь дней предъ тѣмъ перемиріе было уже подписано между турецкимъ уполномоченнымъ и начальникомъ штаба дѣйствующей арміи; демаркаціонная линия между воюющими арміями опредѣлена и военныя дѣйствія приостановлены. Вслѣдъ за симъ англійская эскадра вступила въ Дарданеллы и подошла къ Стамбулу, бросивъ якорь у Принцевыхъ острововъ.

Выждавъ въ Адрианополѣ прибытія турецкаго уполномоченнаго, генералъ Игнатьевъ, 2-го февраля, началъ съ нимъ переговоры, прерванные 8-го и возобновленные въ Санъ-Стефано.

19-го февраля, въ 5 часовъ пополудни дня, гр. Н. П. Игнатьевъ подписалъ Санъ-Стефанскій мирный договоръ, послѣ чего переговоры съ Портою, для полученія окончательной ратификаціи султана, продолжались до 25-го февраля и окончились успѣшно въ тотъ день отправленіемъ военнаго министра Реуфъ-паша, въ качествѣ чрезвычайнаго посла, для сопровожденія генералъ-адъютанта графа Игнатьева въ С.-Петербургъ и поднесенія государю императору султанской ратификаціи. Вмѣстѣ съ Реуфъ-пашей, черезъ Константинополь и Одессу, гр. Игнатьевъ прибылъ въ Петербургъ 2-го марта 1878 г.

Ратификація императоромъ Александромъ II Санъ-Стефанскаго договора послѣдовала и договоръ былъ опубликованъ сенатскимъ указомъ.

Два мѣсяца спустя графъ Н. П. Игнатьевъ уволенъ въ деревню. Началось берлинское потемнѣніе. Санъ-Стефанскій договоръ смятъ, затертъ, уничтоженъ и вмѣстѣ съ тѣмъ замазана берлинскими чернилами одна изъ славнѣйшихъ страницъ въ повѣйшей исторіи Россіи, страница, начертанная въ ея лѣтописяхъ мечомъ доблестнаго російскаго воинства, а также умомъ, знаніемъ дѣла и энергіей вполне русскаго человѣка и истинно русскаго дипломата, графомъ Николаемъ Павловичемъ Игнатьевымъ.

Ред.

ЕЛИСАВЕТА АНДРЕЕВНА АРАКЧЕЕВА,

РОЖДЕННАЯ ВЕТЛИЦКАЯ,

род. 1750 † 17 Июля 1820 г.,

графы А. А. Аракчеева.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛУ «РУССКАЯ СТАРИЦА» ИЗД. 1890 г.

ПОСМЕРТНЫЯ ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА БЕРГА.

Род. 24-го марта 1823 г., † 16-го июня 1884 г.

Высокодаровитый русский писатель, поэт и переводчик—Николай Васильевич Бергъ, онъ же преподаватель отечественной русской словесности въ Варшавскомъ университетѣ, не задолго до своей преждевременной кончины, по нашему приглашенію, написалъ записки о своей жизни.

Записки эти оказались предсмертнымъ трудомъ талантливаго писателя.

Вдова покойнаго, послѣ его кончины, успѣшила доставить намъ эти мемуары. Эта рукопись писана карандашемъ, на 108 страницахъ, въ половину листа, съ помарками и зачеркнутыми авторомъ нѣкоторыми дѣльными страницами. Недостатокъ мѣста въ «Русской Старинѣ» не позволилъ намъ, въ теченіи пяти лѣтъ, воспользоваться этими записками; приступаемъ къ ихъ изданію въ настоящей книгѣ. Некрологическія и автобіографическія свѣдѣнія о Н. В. Бергѣ см. въ «Русской Старинѣ» изд. 1884 г., т. LIV, стр. 72.

I.

Мой дѣдъ и отецъ.—День смерти императрицы Екатерины.—Служба отца въ Сибири.—Постройка Оленска.—Ромадинъ, стронтель Оленска.—Нравы города.—Женитьба отца.—Перевѣздъ въ Москву.—Женатьба Майкова.

Наша фамилія происходитъ изъ Лифляндіи, гдѣ имѣла помѣстья и замокъ. Дѣдъ мой по отцу, Валтеръ, въ послѣдствіи Владиміръ, Бергъ, былъ человѣкъ военный, артиллеристъ, и совершилъ съ Суворовымъ нѣсколько кампаній. Въ одну изъ нихъ, подъ крѣпостью Силистріей, онъ былъ раненъ и умеръ, въ чинѣ штыкъ-юнкера. На память о немъ ничего не осталось, кромѣ краткаго послужнаго списка на одномъ листѣ синей бумаги и граматы на чинѣ штыкъ-юнкера, подписанный государыней Екатериной. Никакого письма, ни клочка бумаги, ничего ровно.

Даже неизвѣстно, что́ это былъ за человѣкъ. Бабушка моя по отцѣ, Марья Петровна, рожденная Астафьева, рассказывала сыну, т. е. отцу моему, что мужъ ея былъ человѣкъ страстный и картежникъ.

Вотъ и всѣ воспоминанія о немъ!

Когда его не стало, отцу моему, Василю Владиміровичу, было только два года. Онъ росъ въ Москвѣ при матери, въ Нѣмецкой слободѣ, въ весьма стѣсненномъ состояніи. Ливонскія помѣстья его и замокъ были захвачены разной отдаленной родней и вырывать ихъ оттуда, тягаться съ ними бабушкѣ моей, за неимѣніемъ средствъ, было очень трудно. О поѣздкѣ въ Лифляндію съ ребенкомъ нечего было и мечтать. У нея была тогда одна забота: это—ребенокъ; ей хотѣлось воспитать его въ строгихъ правилахъ церкви и отправить, какъ только подростетъ, въ Петербургъ, въ какое-нибудь ученье. Первое было достигнуто: мальчикъ выросъ, что называется, въ страхѣ Божіемъ. Самъ рассказывалъ мнѣ, что разъ, глотнувъ нечаянно молока въ постъ, когда ему было ужъ 12 лѣтъ, онъ цѣлый день не зналъ что дѣлать со страха. Не пойти къ обѣднѣ въ праздникъ или воскресенье было для него дѣломъ немислимымъ. Такъ какъ около него не было никого, кромѣ русскихъ, никакой нѣмецкой родни, и мать его не умѣла иначе говорить, какъ только по русски, онъ выросъ, естественно, русскимъ ребенкомъ и ему никогда и въ голову не приходило, что въ немъ есть что-нибудь нѣмецкое.

И вотъ, когда первая половина плана была достигнута, ребенокъ выросъ тихимъ, богобоязненнымъ мальчикомъ, Марья Петровна начала помышлять объ исполненіи второй половины своихъ предначертаній: объ отправленіи его въ Петербургъ въ какую-нибудь школу. Почему именно въ Петербургъ? Почему нельзя было отдать его учиться въ какое либо изъ московскихъ учебныхъ заведеній? На эти вопросы отвѣчать не умѣю. Не были ли тогда московскія учебныя заведенія черезъ-чуръ плохія?... Поѣздка въ Петербургъ тоже не устраивалась долго, вслѣдствіе недостатка средствъ. Отецъ мой сдѣлался уже довольно большимъ мальчикомъ, такимъ, какихъ рѣдко отдають въ ученье — и все не могъ уѣхать. Наконецъ, мать его собрала кое-какія деньжонки и отправила сына самымъ дешевымъ способомъ, при

какой-то оказіи въ Петербургъ, съ письмомъ къ одному отданному родственнику, который отдалъ его въ юнкерское училище, гдѣ онъ былъ положительно больше всѣхъ, такъ что мелочь, его окружавшая, надъ нимъ смѣялась. Во что именно обошлась ему переправа изъ Москвы въ Петербургъ—я не помню (кажется, рублей въ десять); но помню хорошо, что по приѣздѣ онъ тратилъ на первыхъ порахъ не болѣе пятака въ день и былъ сытъ, и никогда не ропталъ.

По окончаніи курса въ юнкерскомъ училищѣ отецъ мой попалъ какимъ-то образомъ въ чиновники для переписыванія бумагъ къ кабинетъ-секретарю государыни Екатерины, Василью Степановичу Попову,—человѣку, въ то время очень сильному. Онъ чрезвычайно полюбилъ моего отца, приказалъ ему переѣхать къ себѣ въ домъ, и, конечно, сдѣлалъ бы ему впоследствии много добра, но времена вдругъ измѣнились: государыня умерла, а новый государь разослалъ по разнымъ концамъ Россіи ея любимцевъ. Поповъ уѣхалъ въ свою малороссійскую деревню, присовѣтовавъ моему отцу воспользоваться приглашеніемъ правительства, только что объявленнымъ тогда въ газетахъ: ѣхать на службу въ Сибирь, въ открывавшіеся новые города, на выгодныхъ условіяхъ.

Отецъ мой рассказывалъ много любопытнаго о временахъ Екатерины, много такого, чего я не слышалъ отъ другихъ и не читалъ нигдѣ, но все это, къ сожалѣнію, рассказывалось тогда, когда я былъ очень молодъ, не умѣлъ надлежащимъ образомъ слушать, а куда ужъ тамъ записывать! Изъ всего этого уцѣлѣлъ въ моей памяти только одинъ рассказъ о днѣ смерти государыни Екатерины.

Поповъ, какъ только узналъ объ этомъ, сейчасъ же поѣхалъ съ отцомъ моимъ по всѣмъ дворцамъ, гдѣ могъ предположить какія-либо компрометирующія государыню бумаги и письма, начиная, кажется, съ Таврическаго, а также и Аничковскаго дворца; приказывалъ затапливать печь, садился за столъ, читалъ, рассматривалъ и подавалъ отцу моему пачки и свертки для бросанія въ растопленную печь. Однажды отецъ мой не выдержалъ, выхватилъ изъ огня обгорѣвшую пачку бумагъ и спряталъ въ карманъ, чтобы сохранить что нибудь на память о великой государынѣ, которую обожалъ не менѣе того, кто такъ заботился о

ея добромъ имени. Кромѣ этого, отецъ мой взялъ въ одномъ изъ ея дворцовъ со стола нѣсколько перьевъ, починенныхъ самою государынею, немного иначе, чѣмъ перья чинятся обыкновенно: срѣзь ихъ былъ больше, вѣроятно, для того, чтобы рука была дальше отъ чернилъ. Всѣ эти перья отецъ мой растерялъ въ странствіяхъ, которыхъ было много, а пачка обгорѣлыхъ бумагъ, свидѣтельница любопытнаго историческаго момента, уцѣлѣла и дошла до моихъ рукъ. Многіе пакеты слиплись одинъ съ другимъ отъ растопившагося сургуча. Всѣ надписаны разнымъ лицамъ (болѣе всего Потемкину-Таврическому), рукою самой государыни. Есть листокъ съ распредѣленіемъ разныхъ праздниковъ во дворцѣ, писанный весь рукою государыни, и полу-обгорѣвшее письмо Потемкина, гдѣ подпись его сохранилась вполнѣ.

Кромѣ этихъ воспоминаній изъ того времени, отецъ мой сохранилъ нѣсколько писемъ В. С. Попова, одно письмо Суворова и игральныя карты, пятерки, восьмерки, девятки, изрисованныя Костюшкой, который содержался тогда въ Петропавловской крѣпости ¹⁾. Отъ скуки, онъ безпрестанно рисовалъ на картахъ разныя фигуры, пригоняя искусно масть къ лицу, къ рукамъ, къ ногамъ, къ колѣнямъ. Отецъ мой рассказывалъ, что въ особенности искусно былъ нарисованъ на бубновой пятеркѣ бандуристъ. Ни одной изъ этихъ картъ мнѣ не досталось, ихъ растаскали при жизни моего отца; равно пропало письмо Суворова. Я имѣю только письма Попова.

Отецъ мой послушался совѣта, поѣхалъ въ Сибирь, именно въ городъ Томскъ; ему, какъ человѣку солидному и крайне воздержному (которому придавало много значенія и то обстоятельство, что онъ былъ у Попова, какъ его домашній секретарь), была поручена доставка въ Томскъ цѣлаго десятка мелкихъ чиновниковъ, людей добродушныхъ, но страшныхъ кутиль, которые всю дорогу сочиняли разнаго рода спектакли, какъ, напр. въ какой-то деревнѣ посадили въ полуботы одного изъ своихъ товарищей и возили на дрогахъ, крича: «не хотите ли тюленюшку посмотрѣть?»—подобно тому, какъ матросы возили тогда, временами, по Петербургу настоящихъ тюленюшекъ и собирали

¹⁾ Въ Литовскомъ замкѣ, нынѣ Тюремный замокъ въ Спб. Ред.

съ любопытныхъ дань. Прибѣжали они, съ большимъ шумомъ и крикомъ, и къ моему отцу:

— Василій Владиміровичъ, Василій Владиміровичъ! не хотите ли тюленюшку посмотреть?

Почти на каждой станціи какая нибудь новая исторія, новое изобрѣтеніе или отчаянная попойка. Отецъ мой не зналъ, когда настанетъ всей этой муки конецъ и онъ привезетъ праведныхъ судій, тогдашнихъ «Ташкентцевъ», въ новую дѣвственную страну. Онъ велъ записки всѣхъ этихъ странствованій отъ Петербурга до Томска; я имѣлъ когда-то въ рукахъ эту тетрадку, но гдѣ она теперь—рѣшительно не знаю.

Въ Сибири прослужилъ отецъ мой довольно долго, около 20 лѣтъ, преимущественно въ Томскѣ, въ Иркутскѣ, въ Нерчинскѣ, Тобольскѣ, Березовѣ. Изъ разказовъ его отъ этого времени у меня осталось въ памяти пребываніе въ Березовѣ: великолѣпное сѣверное сіяніе, ѣзда и охота въ зимнее время на собакахъ, при чемъ отецъ мнѣ разказывалъ, что собаки, содержаемыя на почтовомъ дворѣ въ большомъ количествѣ, всегда предчувствовали прибытіе почты и начинали выть. «Почта не далеко: собаки начинаютъ выть», говорили чиновники, и это неизбѣжно оправдывалось.

Еще помню разказъ моего отца о плаваніи съ генералъ-губернаторомъ по Енисею, на разстояніи двухъ-трехъ тысячъ верстъ, когда ему удалось, между прочимъ, освободить изъ острога нѣсколькихъ тунгусовъ, которыхъ упекли туда казаки, собиравшіе съ нихъ пеню соболиными шкурами. И объ этомъ плаваніи отецъ мой составилъ записку; лѣтъ 30 тому назадъ, я ее видѣлъ.

Еще уцѣлѣлъ у меня въ памяти разказъ моего отца о томъ, какъ чиновники города Тобольска хотѣли, во время нашихъ войнъ съ Наполеономъ I-мъ въ 1812 году, арестовать губернатора Трескина, заподозрѣвъ его въ какихъ-то сношеніяхъ съ императоромъ французовъ, но, по счастью, не хватило духу. Помню еще нѣсколько страшныхъ его разказовъ о генералъ-губернаторѣ Сибири Пестелѣ...

Немного раньше того времени, когда отецъ мой отправился изъ Петербурга въ Томскъ съ чиновниками, отправился точно также одинъ чиновникъ изъ Малороссіи, Ефремъ Ѳедоровичъ

Ромадинъ, въ Якутскую область. Ему, какъ имѣвшему понятие о стройкѣ избъ, дѣланіи телѣгъ и т. п., и даже лично владѣвшему топоромъ и рубанкомъ, было поручено, по повелѣнію государяни, выстроить въ тысячи верстахъ отъ Якутска на сѣверѣ, среди дремучихъ лѣсовъ, кедровыхъ и другихъ хвойныхъ (по сибирски: въ тайгѣ), гдѣ жили одни только якуты, — городъ Оленскъ, руками сосланныхъ въ тѣ страны уральскихъ казаковъ и башкиръ Пугачева. Подъ ихъ топорами, и отчасти подъ топоромъ самого начальника Ромадина, очень скоро выросъ небольшой городокъ въ 15 богатыхъ избъ, названный Оленскомъ. Ефремъ Ѳедоровичъ принадлежалъ къ такимъ личностямъ, которыхъ нельзя было не слушать: богатырь тѣлосложеніемъ, съ голосомъ, какъ труба, онъ былъ деспотомъ въ домѣ, гдѣ всѣ передъ нимъ дрожали, и деспотомъ въ завоеванномъ имъ, въ глухой сибирской тайгѣ, пространствѣ. Ефремъ Ѳедоровичъ ходилъ по немъ, пока онъ строился и послѣ, не иначе какъ въ халатѣ (сюртукъ надѣвался только въ праздничные дни), въ шапкѣ и безъ шапки, какъ случится, съ топоромъ въ одной и съ нагайкой въ другой рукѣ—и поролъ ею безпощадно всякаго, кто былъ съ какой либо стороны неисправенъ.

По окончаніи стройки жилыхъ и нежилыхъ строеній, часть ихъ назначена подъ присутственныя мѣста: уѣздный судъ, полицію, врачебную управу и т. д., часть на житье чиновникамъ. Въ окна вставили слюду, а гдѣ ея не хватало, тамъ окна залѣпили бумагой, а зимой вставлялись въ такія окошки льдины, которыхъ заготавливалось у каждаго дома достаточное количество на всю зиму. Какъ растаетъ льдина (что происходитъ не такъ скоро, какъ, можетъ быть, думаетъ читатель,—не чаще, какъ въ недѣлю разъ), вставляли другую. Разумѣется, въ этихъ домахъ, да и во всѣхъ домахъ города Оленска, было зимою очень холодно. Сидѣли и спали въ шубахъ. Зимы были суровыя, но лѣто почти тропическое. Все росло быстро: хлѣбъ, травы чрезвычайныя... Лѣса и луга, тянувшіеся на необъятное пространство и принадлежавшіе жителямъ города настолько, насколько кто могъ захватить, дышали дѣвственною, дикою поэзією и были полны звѣрей и птицъ, никогда еще не пуганныхъ челоувѣкомъ. Они смотрѣли на смѣлую горсть русскихъ, между явни неожиданно появившихся, почти также, какъ звѣри и птицы

временъ Адама и Евы смотрѣли на этихъ первыхъ обитателей земли: никто никого не трогалъ. Охотниковъ въ городѣ не было. Дикіе гуси и утки прибѣтали на городской прудъ, вырытый строителемъ. Чернобурыя лисицы грѣлись на солнцѣ, растянувшись по соломеннымъ крышамъ домовъ. Медвѣдь ходилъ въ одинъ дворъ изъ лѣсу пить молоко, опрокидывалъ всякій разъ нѣсколько горшковъ и опять уходилъ въ лѣсъ, никогда никого не трогая, даже не рыча, какъ будто не былъ настоящимъ медвѣдемъ. Его не боялись и не беспокоили. При необыкновенномъ изобиліи молока (такъ какъ каждый чиновникъ имѣлъ у себя большое количество коровъ, которыхъ содержаніе стоило немного), никто не смущался шалостями Мишки, ихъ даже поощряли, подставляя горшокъ—другой на опрокидываніе лѣсному гостю. Это былъ какой-то общій другъ и знакомецъ,—исчезни онъ, стали бы скучать. А убить его не поднялась бы ни одна рука въ Оленскѣ. Проказы этого гостя составляли даже развлеченіе для жителей. Нужно было чѣмъ-нибудь развлечься. Лѣто представляло еще для этого средства: ѣздили всею гурьбою, всѣмъ населеніемъ города, въ лѣсъ, верхами, на дикихъ коняхъ, при чемъ женщины садились въ сѣдло по мужски, имѣя для этого особую, приспособленную къ верховой ѣздѣ, якутскую одежду. Въ лѣсахъ—сбораніе ягодъ, грибовъ, игры, пѣсни, волокитство. Ефремъ Федоровичъ, создатель города, отецъ-командиръ, судья, все что хотите, никогда не отставалъ въ такихъ экскурсіяхъ отъ прочихъ и также мчался на дикомъ конѣ, то въ степи, то въ лѣса, вмѣстѣ съ своими подчиненными. Онъ былъ тогда человѣкъ еще довольно молодой, необычайно крѣпкій и сильный. Въ немъ играли еще всѣ молодыя страсти. Онъ не отставалъ отъ молодыхъ и по разнымъ лѣскамъ, трупобамъ, кустамъ, густой, высокой травѣ... Все было просто, какъ природа, какъ вся невѣроятная жизнь Оленска. Въ одну изъ этихъ поѣздокъ въ тайгу Ефрему Федоровичу приглянулась дочь Сынбоярскаго, Ирина Родіоновна. Послѣ краткаго ухаживанія онъ сдѣлалъ ей предложеніе и обвѣнчался въ ближайшемъ городкѣ, гдѣ была церковь. Судьба подшутила надъ нимъ что до имени супруги: онъ говаривалъ обыкновенно, что ни за что не женится на Аринѣ, Феклѣ, Федорѣ, Акулиѣ и тому подобныхъ глупыхъ и неблагозвучныхъ именахъ—и вдругъ повелъ къ вѣнцу Арину!

Но, какъ деспотъ и самодуръ, рѣшился немедля поправить эту ошибку, эту иронію фатума: приказалъ строго на строго всѣмъ въ домѣ и въ городѣ звать его жену не иначе, какъ Катерина Ивановна, и она стала Катерина Ивановна, забывъ свое настоящее, при святомъ крещеніи данное, имя.

Какое имѣлъ официальное положеніе въ Оленскѣ Ефремъ Ѳедоровичъ—это мнѣ въ точности неизвѣстно. Знаю только то, что его всѣ боялись и всѣ слушались. Высшее начальство губернскаго города Якутска знало о жесткихъ, своеобразныхъ и рѣзкихъ свойствахъ строителя Оленска и потому рѣшилось поручить ему въ окрестностяхъ новаго города на довольно большое пространство, въ районѣ нѣсколькихъ сотъ верстъ, что по-сибирски вовсе не много,—вводить въ употребленіе картофель, тогда еще очень мало извѣстный въ Сибиря. Ефремъ Ѳедоровичъ, названный засѣдателемъ (по якутски «отъ»), сѣлъ въ телѣгу, въ другую посадилъ двухъ казаковъ съ хорошими нагайками и началъ скакать по разнымъ окрестнымъ селамъ, деревнямъ и городкамъ, заглядывая въ печи простыхъ обывателей, мѣщанъ и крестьянъ, русскчхъ и якутовъ. «Отъ скачетъ!» говорили, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Что, картофель есть въ печи?—спрашивалъ онъ гдѣ по якутски, гдѣ по-русски, переступая черезъ порогъ избы, либо юрты.

— «Есть, батюшка!» говорила перепуганная баба.

— «Показывай!»

Горшокъ вытаскивался, горячій картофель высыпали на столъ.

— «Ѣшь сейчасъ при мнѣ!» кричалъ неистово отъ.

Баба ѣла. Если-же горшка не находили или, найдя, замѣчали въ бабѣ и въ другихъ обитателяхъ захваченнаго врасплохъ жилища отвращеніе къ этой пищѣ, сейчасъ-же происходила расправа: клали и пороли; одинъ казакъ держалъ, сидя на головѣ жертвы, а другой поролъ «сколько влѣзетъ». Такъ былъ введеень, или, точнѣе сказать, вбитъ въ жителей тѣхъ странъ нагайками картофель!

Вѣроятно, по другимъ направленіямъ скакали другіе засѣдатели. Нѣсколько позже, точно такимъ-же образомъ, тотъ-же самый отъ вводилъ въ Оленскѣ и окрестностяхъ употребленіе телѣгъ; лично показывалъ какъ ихъ дѣлать, иногда оставлялъ во дворѣ пугачевского башкира, знавшаго телѣжное ремесло, чтобъ онъ училъ жителей дѣлать телѣги, а потомъ въ извѣстные

сроки отъ объѣзжалъ селенія и производилъ ревизіи. Лѣтъ черезъ 15 у Ефрема Ѳедоровича явилась довольно большая семья: нѣсколько сыновей и дочерей, крѣпкихъ, рослыхъ, красивыхъ. Все это, еще малыми дѣтьми, любило лѣтомъ уноситься на дикихъ коняхъ въ тайги, дѣлать съ другими отважное, патриархальное развлеченіе. Дѣвочки нисколько не отставали отъ мальчиковъ. Лошади иногда били ихъ. Иногда являлись домой всѣ въ сизякахъ, ранахъ и царапинахъ—полутрупъ вмѣсто человѣка. Все это было въ правахъ города Оленска. Большихъ несчастій не случалось. Трупъ оправлялся, молодость и крѣпость все выносила. И опять скакали въ тайгу, и опять падали и разбивались, и опять—ничего!...

Само собою разумѣется, что, при такихъ условіяхъ существованія баснословнаго городка, было невозможно никакое ученіе мальчиковъ и дѣвочекъ, дѣтей чиновниковъ. Они умѣли только ухарски скакать на коняхъ по тайгѣ, пѣть нѣсни, цѣловаться. А что такое русская или другая какая грамота, это было имъ неизвѣстно, по крайней мѣрѣ большинству. Дѣти ота, главнаго начальника, патриарха, не умѣли ни читать, ни писать. Ему самому учить ихъ было некогда: онъ былъ съ утра до ночи въ занятіяхъ, въ разъѣздахъ. А жена его, рожденная и воспитанная въ такихъ же условіяхъ, какъ и ихъ дѣти, тоже не знала грамоты. Кому было учить цѣлый десятокъ ухарей, только и смотрѣвшихъ, чтобы удрать въ тайгу, была-ли то зима, было-ли лѣто....

Вскорѣ затѣмъ правительство нашло невыгоднымъ имѣть городъ въ такихъ лѣсныхъ трущобахъ; чиновникамъ предписано, по выдачѣ известной суммы на подъемъ каждому, оставить Оленскъ и отправиться на службу или на житье кому куда-угодно. Всѣ двинулись, распродавъ въ ближайшіе города и деревни всѣ черезъ-чуръ громоздкія вещи и скотъ. Корова шла по полтиннику за штуку. Лошадь немного болѣе.

Такъ мудреный городокъ, какая-то прихотливая фата-моргана,—явившаяся по маговенію волшебнаго жезла среди непроходимой тайги и тундръ, пересталъ вдругъ существовать, имѣвъ въ 15 лѣтъ жизни, всего на всего, только 8 дѣлъ ¹⁾.

¹⁾ Свѣдѣніе отъ моего отца, которому сказывалъ объ этомъ самъ Ефремъ Ѳедоровичъ. Прочее—большою частью составлено по рассказамъ моей матери, которая родилась въ Оленскѣ и прожила тамъ всѣ годы его существованія.

Что теперь на его мѣстѣ? Поселились-ли якуты или опять зашли прежнія тайги, поросли травы—и ревуть тамъ только медвѣди, волки да лисицы—сказать трудно.

Создатель городка, человѣкъ съ большими душевными силами,—перенесся съ семьею въ Иркутскъ и сталъ искать себѣ новой службы. Но дѣло какъ-то не улаживалось.

Въ это время съ нимъ познакомился мой отецъ, тогда совѣтникъ иркутскаго губернскаго правленія. Кажется, это случилось потому, что одна изъ дочерей Ефрема Федоровича, Анна, чрезвычайно красивая дѣвушка, встрѣчаемая отцомъ моимъ у разныхъ знакомыхъ на дружескихъ вечеринкахъ, стала съ нѣкоторыхъ поръ ему нравится больше и больше. Чтобы побѣдить ея сердце, отецъ мой явился на одномъ общественномъ маскарадѣ, гдѣ рассчитывалъ ее увидѣть, наряженный казакомъ. Подѣйствовалъ или не подѣйствовалъ маскарадъ на сердце дѣвушки, ужъ этого я не знаю, только она стала вскорѣ послѣ этого госпожею Бергъ.

Послѣ рожденія первыхъ трехъ дѣтей (дѣвочекъ, которыя умерли въ Сибири), отецъ мой отправился въ Москву съ женою и съ матерью ея, Катериной Ивановной. Отца ея, Ефрема Федоровича, уже не было тогда на свѣтѣ: еще нестарый дубъ, надломленный какими-то налетѣвшими бурями, рухнулъ... Дѣти его, мужскаго пола, опредѣлились въ военную службу: двое въ мѣстный иркутскій гарнизонъ; третій въ какой-то изъ полковъ, стоявшихъ въ Москвѣ. Всѣ въ непродолжительномъ времени дослужились до офицеровъ. Старшій, Василій, досталъ себѣ мѣсто городничаго въ Якутскѣ. Второй, Павелъ, велъ однажды партію ссыльныхъ въ страшный морозъ, велѣлъ ихъ расковать, вслѣдствіе чего они разбѣжались и былъ отданъ въ солдаты.

Отецъ мой, по прибытіи въ Москву, также поступилъ на службу въ только-что образованную комиссію по сооруженію храма Христа-Спасителя на Воробьевыхъ горахъ, согласно грандіозному и мистическому плану Витберга, гениальнаго юноши, едва успѣвашаго окончить курсъ наукъ въ академіи художествъ. Исторія этого плана и самого Витберга черезъ-чуръ извѣстна, чтобъ ее здѣсь рассказывать. Другой великій художникъ, Герценъ, (встрѣтившійся съ Витбергомъ въ Вяткѣ), лучше и ярче всѣхъ обрисовалъ это высоко-поэтическое лицо... Мистикъ-

императоръ не чаялъ, что называется, души въ мистикъ-архитекторѣ. Невозможное казалось возможнымъ. Никакіе наветы безчисленныхъ враговъ нѣсколько зазнавашагося артиста не могли поколебать восторженнаго довѣрія монарха къ его любимцу. Но по смерти его все измѣнилось: Витбергъ и многіе изъ чиновниковъ комиссіи попали подъ судъ. Отецъ мой, казначей, черезъ руки котораго прошли многіе милліоны, какимъ-то чудомъ уцѣлѣлъ и получилъ, по протекціи своего пріятеля, барона Штейнгеля, правителя дѣлъ генераль-губернатора Торماسова, какое-то мѣсто въ городѣ Бронницахъ, а потомъ переведенъ въ Москву. Въ это тревожное для нашей семьи время—я произошелъ на свѣтъ въ домѣ Насонова, на Варваркѣ. Крестнымъ отцомъ моимъ былъ Витбергъ, матерью одна богатая купчиха Гусятникова—бабушка поэта А. Н. Майкова, близъ этого времени родившагося, кажется, въ томъ-же самомъ домѣ.

О женитьбѣ отца Аполлона Николаевича, Николая Аполлоновича Майкова, самоучки-академика, въ нашихъ семейныхъ преданіяхъ сохранилось слѣдующее: Николай Аполлоновичъ, сынъ директора московскихъ театровъ, Аполлона Николаевича, жившаго открыто, весело, былъ въ самомъ началѣ столѣтія очень красивый, но... бѣдный гусарикъ. Онъ часто ходилъ къ намъ и чуть-ли не черезъ насъ познакомился съ домомъ Гусятниковыхъ; одна изъ дочерей послѣднихъ, весьма богатая невѣста, правилась ему, но онъ не смѣлъ питать никакихъ надеждъ... Однажды (какъ кажется, весною 1819 года) пришелъ онъ къ намъ грустный и задумчивый. Отца моего не было дома. Матушка спросила у него: «что вы все такой грустный, Николай Аполлоновичъ?»—и тутъ же взялась угадать причину. Онъ сознался, что такъ и такъ.

«Хотите, я вамъ погадаю на картахъ», сказала матушка, «мнѣ извѣстно одно особенное гаданіе «по мѣсяцамъ»; если чему случится, я назову вамъ прямо мѣсяцъ, когда это будетъ, только вотъ какое условіе: если я угадаю и мое предсказаніе сбудется, вы должны написать мой портретъ».

— «Извольте, съ большимъ удовольствіемъ! я и такъ давно собираюсь написать вашъ портретъ».

Матушка разложила карты и сказала гостю, что свадьба будетъ въ сентябрѣ. Карты иногда играютъ съ людьми странныя

шутки: сыграли онъ шутку и съ Николаемъ Аполлоновичемъ. Онъ, дѣйствительно, женился въ сентябрѣ мѣсяцѣ на Марьѣ Петровнѣ Гусятниковой и сдержалъ слово: нарисовалъ портретъ моей матери на слоновой кости, который хранится въ нашемъ семействѣ до сихъ поръ, принадлежа моей сестрѣ, Елизаветѣ Васильевнѣ Михиной.

Старый Майковъ, директоръ московскихъ театровъ, вышелъ въ скоромъ времени послѣ этого въ отставку и перебрался на жизнь въ Петербургъ, гдѣ продолжалъ ту-же веселую жизнь. Вечеромъ, всякое воскресенье, сходилась у него куча добрыхъ знакомыхъ, играли въ карты, вкусно ужинали. Знаменитое 14-е декабря (1825 г.) приходилось, какъ извѣстно, въ понедѣльникъ; это былъ день именинъ Аполлона Николаевича. Собравшіеся накануне въ воскресенье гости рѣшили досидѣть до утра, чтобы встрѣтить именины добраго пріятеля съ бокалами въ рукахъ, разѣхаться на короткое время и опять съѣхаться и кутить. Въ числѣ гостей былъ закадычный другъ Майкова, графъ Милорадовичъ, тогдашній генералъ-губернаторъ Петербурга. Онъ заигрался съ нѣсколькими ближайшими къ Аполлону Николаевичу лицами до девятиго часа 14 декабря. Вдругъ прибѣжали къ нему и доложили, что на сенатской площади неблагополучно. Онъ велѣлъ дать сани и уѣхалъ. Извѣстно, что его ранили смертельно.

Государь спросилъ: «чего ты хочешь? выскажи свое послѣднее желаніе, оно будетъ непременно исполнено!»

— Ничего не прошу для себя, я и безъ того получилъ много... не оставьте только моего друга, изъ дома котораго я выѣхалъ на площадь, чтобы служить вашему величеству: это честный, но весьма небогатый человекъ.

А. Н. Майковъ получилъ 3,000 добавочныхъ къ пенсіону. Государь никогда не забывалъ этой фамиліи. Николай Аполлоновичъ, художникъ, писалъ мѣстные образа для свадьбы любимой дочери государя, Маріи Николаевны, съ герцогомъ Лейхтенбергскимъ. Сыну его Аполлону было предложено въ послѣдствіи мѣсто преподавателя русскаго языка и словесности государю наслѣднику Николаю Александровичу.

II.

Назначеніе отца въ Томскъ. — Новыя лица. — Геденштроми. — Поѣздки на острова. — Томское уѣздное училище. — Свообразные экзамены. — Увеселительныя поѣздки. — Ефремовъ. — Взяточникъ Васька. — Быть сибирскихъ крестьянъ. — Занки. — Городской садъ.

1830—1834.

Близъ 1830 г. отецъ мой получилъ мѣсто предсѣдателя томскаго губернскаго правленія. Въ Россіи предсѣдатель губернскаго правленія—губернаторъ. Въ Сибири по множеству занятій губернатора, а главное—разъѣздовъ по губерніи, которая величиною въ полторы Франціи, предсѣдатель губернскаго правленія—особое лицо. Онъ выше вице-губернатора (который также есть) и въ отсутствіе губернатора править его должность, а не вице-губернаторъ. Объ этомъ назначеніи сохранилась въ нашемъ семействѣ такая легенда: матушка моя, женщина чрезвычайно религіозная, пошла иѣшкомъ къ Троицѣ въ то время, когда мой отецъ, (весьма нуждавшійся тогда въ службѣ), поѣхалъ искать мѣста въ Петербургъ. Онъ получилъ сказанное мѣсто тогда-же; министръ внутреннихъ дѣлъ Закревскій, встрѣтись съ нимъ на крыльцѣ, гдѣ «какъ живые, стоятъ два льва сторожевые», объявилъ ему объ этомъ въ ту самую минуту, когда матушка моя, достигшая до монастыря, пала передъ ракой Сергія въ слезныхъ молитвахъ; такъ послѣ оказалось по расчету времени. Отецъ мой былъ также человѣкъ вѣрующій и составилъ о своей поѣздкѣ въ Петербургъ, ухаживаніяхъ тамъ за разными министрами и другими высокими лицами и о пиллигримствѣ матушки къ Сергію-Троицѣ подробную записку.

Мы двинулись въ Сибирь, столько знакомую и желанную для обоихъ моихъ родителей, особенно для матушки, которая никогда не могла достаточно объ ней наговориться и считала время, проведенное ею въ Омскѣ и въ Иркутскѣ, за лучшее въ жизни.

Поѣхали мы въ большой англійской каретѣ, которую отцу моему случилось выгодно приобрѣсть на какомъ-то аукціонѣ. Карета была снабжена множествомъ бауловъ, чемодановъ, наверху, спереди, сзади и представляла сущій домъ. Сидѣть намъ въ ней

всего пятерымъ (отцу моему, матушкѣ, мнѣ, горничной дѣвушкѣ Татьянѣ, которая правила тогда временную должность няньки при маленькой сестрѣ моей), было удобно.

Жившая въ нашемъ семействѣ моя бабушка по матери, Катерина Ивановна, не вынесла російскаго климата, хотя онъ былъ гораздо умѣреннѣе Сибирскаго, и умерла очень скоро по приѣздѣ изъ Сибири. Матушка съ отцемъ моимъ, хороня ее на лаваревскомъ кладбищѣ подлѣ нѣсколькихъ звучать ея, моихъ братьевъ, должна была сказать священнику, что настоящее ее имя Ирина, а не Катерина,—такъ ее и поминали и такъ написали на каменномъ крестѣ. Мнѣ было при выѣздѣ изъ Москвы семь лѣтъ; я нѣсколько помню наше длинное путешествіе: переправу на паромѣ черезъ Волгу, подъ Нижнимъ-Новгородомъ; Нижній-Новгородъ и ярмарку, гдѣ мы остановились въ домѣ стараго друга моего отца, откупщика Смолина; паяцовъ на площади; зрительную трубу на окнѣ хозяина, наведенную на ярмарку. Я то-и-дѣло въ нее смотрѣлъ и дивовался разнымъ чудесамъ. Когда мы стали подъѣзжать къ Сибири, миновавъ знаменитую своими легіонами мошекъ Барабинскую степь, попросту Барabu, отецъ показалъ мнѣ валяющіеся подъ ногами красные и разные сердолики, и тутъ я, вслѣдствіе дѣтской впечатлительности, сталъ отличать эту породу камней отъ обыкновенныхъ горныхъ и очень скоро, на одной почтовой станціи, спускаясь пѣшкомъ подъ гору къ перевозу черезъ рѣку, нашель первый сердоликъ.

Живо также представляется моему воображенію прибытіе въ Томскъ: большая рѣка Томь, (имѣющая подъ городомъ версту въ ширину), переѣздъ черезъ нее на паромѣ и другой городской берегъ, темнѣющій у пристани народомъ: чиновниками въ мундирахъ и простыми жителями разнаго званія; затѣмъ высокій правильный холмъ, въ видѣ огромнаго конуса, покрытаго кедрами отъ подошвы до вершины, и наверху его бесѣдка. Это начало городского сада. Потомъ пошли немудрыя строенія города, тогда еще немощенаго: деревянные домики, въ родѣ сельскихъ помѣщичьихъ обиталищъ, въ одинъ, два и три этажа. Кое-гдѣ мелькали и каменные, тоже не очень большія строенія.

Отцу моему была отведена казенная квартира при домѣ приказа общественнаго призрѣнія, гдѣ мы прожили недѣлю или

двѣ, а потомъ переѣхали за рѣку Ушайку (особый неширокій рукавъ Томи), въ домъ купца Борковскаго, деревянный, въ два этажа. Мы занимали вверху одну его половину палѣво, а другую, правую, занимали хозяева; внизу помѣщалась прислуга, состоявшая на первыхъ порахъ изъ двороваго нашего чело-вѣка Василья и изъ горничной дѣвушки Татьяны, нанятой въ Москвѣ. Въ кухнѣ, стоявшей у воротъ на дворѣ, поселились поварь—полякъ изъ сосланныхъ, кучерь—калмыкъ, по имени Осипъ, тоже изъ сосланныхъ, и два казака. Въ числѣ первыхъ лицъ, которыя стали мелькать у насъ въ домѣ, были двѣ дамы въ черномъ, мать съ дочерью, по фамилии госпожи Берхъ, навязавшіяся намъ въ родню. Дочь преподнесла мнѣ, при первомъ же свиданіи, нѣсколько книгъ, съ изображеніемъ цвѣтовъ. Въ концѣ было объясненіе на двухъ языкахъ: русскомъ и французскомъ. Это были книги изъ остатковъ библіотеки покойнаго отца подносящей, француза Берха, который попалъ какимъ-то образомъ въ Сибирь довольно давно, ходилъ постоянно въ башмакахъ, отчего жители Томска (гдѣ этотъ Берхъ встрѣтился съ моимъ отцомъ, еще холостымъ) стали говорить, что у нихъ два Берга: «Бергъ въ сапогахъ и Бергъ въ башмакахъ».

Тогда отецъ мой занималъ немудрое мѣсто въ губернскомъ правленіи и былъ «Берху въ башмакахъ» не нуженъ; оттого никто изъ его фамиліи къ намъ никогда не заглядывалъ. А когда отецъ мой получилъ чинъ повыше, вдова «Берга въ башмакахъ» оказалась намъ вдругъ родней...

Вслѣдъ затѣмъ явилась и настоящая наша родня: братъ матушки, Павелъ Ефремовичъ, разжалованный, какъ выше было сказано, въ солдаты. Отецъ мой скоро уладилъ, что онъ былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры и записанъ въ томскій гарнизонъ.

Четвертымъ памятнымъ для меня лицомъ, вскорѣ показавшимся въ нашемъ домѣ, былъ человѣкъ довольно замѣчательный, нѣкто Матвѣй Матвѣевичъ Геденштромъ. Прошедшее его мнѣ неизвѣстно. Въ молодости онъ, живя въ Петербургѣ, въ чемъ-то провинился и былъ сосланъ въ глубокую Сибирь, въ каторжную работу. Въ видахъ облегченія ему тяжелой участи, мѣстныя власти (а можетъ и изъ Петербурга) предложили ему совершить поѣздку на сѣверъ отъ Новой Земли, въ страны, еще никѣмъ

непосѣщенныя. Онъ промахалъ на собакахъ верстъ 300—400, пока хватало пищи и дровъ, и потомъ описалъ это путешествіе. Конечно, это довольно рѣдкая, отважная и трудная поѣздка Геденштрома поставлена ему въ заслугу: его подвинули поближе къ Россіи, въ Иркутскъ (уже какъ обыкновеннаго поселщика) и тутъ отецъ мой встрѣтился съ нимъ въ первую службу свою въ Сибири, въ 1820-хъ годахъ, и далъ ему въ займы, въ очень трудныхъ обстоятельствахъ, 1,000 рублей, безъ всякой надежды получить ихъ когда-либо обратно. При встрѣчѣ съ отцомъ моимъ въ Томскѣ, въ 1830 году, Геденштромъ принесъ взятые у отца моего, Богъ вѣсть когда, 1,000 рублей и отдалъ. Отецъ мой указывалъ на этотъ фактъ, какъ знаменательный, свидѣтельствующій «о массѣ особыхъ честныхъ крѣпышей, которыхъ поглотила сѣвѣга Сибири и помогли изъѣсть мошки да букашки».

Довольно скоро (можетъ къ осени того-же 1830 г.) отецъ мой завелъ почти ежедневныя поѣздки на острова рѣки Томи «камушки собирать»: сердолики, халцедоны, топазы, которыхъ было тамъ необычайное множество. Такъ какъ я этому дѣлу былъ обученъ еще дорогой, то собраніе камушковъ пошло сейчасъ же у меня очень усиленно. Черезъ недѣлю съ небольшимъ изъ меня образовался опытный собиратель. Выше наслажденія, какъ ѣхать съ отцомъ на острова въ большой лодкѣ, при чемъ гребли всегда казаки, а на рулѣ сидѣлъ мой отецъ, для меня тогда не существовало. Это были первыя мои путешествія куда-то въ неопредѣленный край, далеко отъ дому. Что ни день, была какая нибудь новость: иной островъ, иной на немъ лѣсокъ, а порой можетъ и старыи, казавшіяся новымъ... Въ отдаленія, по ту сторону рѣки, синѣли безконечныя кедровыя и сосновые лѣса, какъ темная рама у большой картины, лѣса, никому не принадлежащія, куда могъ тогда ходить всякій, рубить дрова, валить деревья и увозить домой, сколько душѣ угодно. Эти же самыя безконечныя лѣса я видѣлъ и съ балкона нашего дома. Однажды хозяинъ Борковскій сказалъ моему отцу:

— Для чего это вы покупаете дрова, послали бы въ лѣсъ моего батрака—и конецъ.

— Но, вѣдь, батраку надо дать что-нибудь за труды, отвѣчалъ мой отецъ,—а тутъ, безъ всякихъ хлопотъ, я плачу по 25 коп. ассигнаціями за трехполѣнную сажень лучшихъ березовыхъ дровъ.

Хозяинъ все-таки упорствовалъ и увѣрялъ, что съ батракомъ это можно уладить гораздо дешевле. Рябчики были тогда въ Томскѣ на базарѣ 10 коп. ассигн. десятокъ!.. Можетъ быть, посредствомъ батрака можно было уладить это еще дешевле.

Поѣздки наши на острова не имѣли, конечно, никакой практической цѣли. Это была прогулка—и больше ничего. Камни, которыхъ мы привозили ежедневно цѣлые мѣшки, были невысокаго достоинства: всѣ они бѣлаго или мѣдно-желтаго цвѣта, изрѣдка съ красноватымъ отѣнкомъ, небольшіе, а если и попадетса большой, то непременно въ трещинахъ. Сердоликъ кровавикъ, темный сердоликъ, голубой халцедонъ—дѣти другихъ странъ, другихъ мѣстностей Сибири или даже Индіи (какъ напр. зеленый сердоликъ). Мнѣ случалось находить сердолики пріятнаго краснаго цвѣта, но всегда очень маленькіе и обыкновенно не крупнѣе, какъ горохъ. Только однажды найденъ былъ мною малиновый, полосатый халцедонъ, величиною съ кулакъ. Голубыхъ халцедоновъ ни я, ни отецъ мой не находили рѣшительно никогда. Гопазы, находимые нами, были постоянно не велики, въ голубиное яйцо и меньше. Случалось иногда подымать и небольшіе азорлиты.

Дома отецъ мой (любившій меня безъ памяти, такъ какъ изъ девяти сыновей я, послѣдній по рожденію, одинъ остался въ живыхъ) не спускалъ съ меня глазъ. Я, можно сказать, жилъ въ его кабинетѣ, находясь, большею частью, подлѣ его библіотеки, привезенной изъ Россіи и состоявшей изъ рѣдкихъ книгъ. Тамъ были всѣ наши тогдашніе классики, все знаменитое русское. Иностранныхъ книгъ отецъ мой не имѣлъ, такъ какъ не зналъ ни одного иностраннаго языка. Предметомъ его восторженнаго поклоненія былъ Державинъ, котораго лучшія оды онъ зналъ наизусть и поминутно читалъ изъ нихъ отрывки. Затѣмъ любилъ Крылова, Дмитріева, Ломоносова. Пушкинъ и Жуковский были, по его мнѣнію, писатели неважные, мода на которыхъ должна была пройти, тогда какъ Державинъ вѣченъ. У Пушкина и Жуковского онъ замѣчалъ каждую небольшую ошибку: не то удареніе, отступленіе отъ внаго синтаксическаго правила. У Державина не видѣлъ никакихъ ошибокъ: ему все прощалось, какъ лицу исключительному, какъ генію; это было солнце безъ

иятенъ... Такихъ восторженныхъ поклонниковъ Державина между тогдашними стариками можно было встрѣтить довольно.

Позднѣе такихъ же поклонниковъ имѣлъ Жуковскій. Очень естественно, я сталъ, какъ понугай, повторять за отцемъ: «О, ты, въ пространствѣ безконечный», «Съ бѣлыми Борей власами», «Лицо скрываетъ день» и т. п., и до сихъ поръ знаю всѣ эти пьесы наизусть. А черезъ годъ сталъ сочинять стихи и самъ, подражая то Крылову, то Державину, а иногда писалъ и оригинальныя стихотворенія, гдѣ ямбъ верѣдко мѣшался съ хореемъ. Никакихъ другихъ размѣровъ я не зналъ. Когда мнѣ пошелъ десятый годъ, я пересталъ мѣшать хорей и ямбы — и рассказалъ однажды исторію Войнаровскаго, своими словами, въ такихъ-же четырехстопныхъ ямбахъ, какъ она рассказана у Рылѣева. Кромѣ того, сдѣлалъ подобныя же переложенія нѣкоторыхъ его «Думъ».

Въ это время я уже былъ ученикомъ томскаго уѣзднаго училища, единственнаго тогда казеннаго учебнаго заведенія въ городѣ, гдѣ соединялись всѣ классы и сословія: дворяне, купцы, мѣщане, солдатскія дѣти и дѣти крестьянъ. Дворянское сословіе представлялось дѣтьми чиновниковъ, которыя ходили въ училище для проформы, чтобы только не повѣсничать и не баловаться дома; но учиться, какъ учились мѣщане, солдатскія дѣти и крестьяне, никто изъ чиновничьихъ дѣтей и не думалъ; учителя ихъ никогда ни о чемъ не спрашивали, смотрѣли на нихъ, какъ на сословіе привилегированное, имѣвшее право ничего не дѣлать. Сидѣли они всѣ на первой и второй лавкѣ во всѣхъ трехъ классахъ училища, а плебеи держались на заднихъ скамейкахъ.

Учителей во всѣхъ трехъ классахъ (приготовительномъ, первомъ и второмъ) было только трое: въ первомъ подготовительномъ классѣ училъ всѣмъ предметамъ Виноградовъ (имени его не помню). Въ первомъ классѣ училъ тоже всѣмъ предметамъ Александръ Алексѣевичъ П'лаголевъ. Въ послѣднемъ, второмъ, классѣ былъ учителемъ всего Павлинъ Алексѣевичъ Поповъ. Директоръ училища, Новотроицкій, находясь постоянно во время ученія во второмъ классѣ, сидѣлъ за особымъ столомъ, въ углу, со своимъ секретаремъ.

Надзирателей никакихъ не существовало; наблюденіе за приходящими въ училище съ разныхъ концовъ города учениками

предоставлялось до прихода учителей двумъ сторожамъ, добродушнѣйшаго свойства отставнымъ солдатамъ, которые жили въ особой каморкѣ при училищѣ и ни о какомъ наблюденіи за учениками не думали. Оба они занимались въ свободные часы, т. е. все послѣобѣденное время (когда училище было заперто), ловлей соловьевъ и другихъ пѣвчихъ птицъ, которыхъ потомъ продавали охотникамъ и любителямъ. Вся сторожка была увѣшана поэтому множествомъ нитяныхъ и деревянныхъ клѣтокъ, съ пѣвчими птицами, и страшно прокурена махоркой. Не смотря, однако-же, на крѣпкій и ѣдкій запахъ этой сторожки, гдѣ, сверхъ махорки, носились въ спертomъ воздухѣ и другія спиртуозныя вещества, распредѣлить которыя по сортамъ не взялась бы никакая химія,—ученики училища любили тамъ толочься въ дурную погоду. Въ хорошую погоду, преимущественно зимой, устраивались на дворѣ училища кулачные бои, стѣна на стѣну, гдѣ участвовали одни плебеи безъ дѣтей чиновниковъ; только сынъ одного изъ совѣтниковъ губернскаго правленія, Кротова, родомъ сибиряка и самъ сибирякъ, крѣпкій и здоровый парень, рѣшился биться съ плебеями на кулаки. Когда происходили бои, кто нибудь изъ учениковъ становился за калиткой и давалъ знать товарищамъ, что учитель подходитъ, тогда бой прекращался; раскраснѣвшіеся, съ разбитыми носами и украшенные сняжками, бойцы усаживались на лавки. Учитель всегда зналъ что происходило передъ его приходомъ, зналъ это и директоръ, но ни тотъ, ни другой не мѣшались въ это дѣло. Довольно было того, что ученики аккуратно ходили на лекціи и учились сносно.

Когда приближалась пора экзамену, который производился публично на актѣ училища, въ присутствіи его властей и высшихъ городскихъ сановниковъ: губернатора, вице-губернатора предсѣдателя губернскаго правленія, казенной палаты и т. п.,—дѣтей солдатъ, мѣщанъ, купцовъ и прочихъ низшихъ сословій экзаменовали какъ слѣдуетъ, правильно и выдавали каждому, по степени его знанія, свидѣтельство: похвальный листъ, а внынхъ награждали и книгами. Съ дѣтьми чиновниковъ дѣло было иначе: каждыго изъ нихъ учитель того класса, въ которомъ онъ находился, приглашалъ къ себѣ въ домъ и тамъ проходилъ съ нимъ ту часть предмета, которую намѣренъ былъ спросить,—ученикъ вызубривалъ отвѣтъ и очень исправно отвѣчалъ на экзаменѣ.

Я попалъ прямо въ первый классъ, минуя приготовительный (1831 г.), и сталъ ходить въ училище аккуратно, сопровождаемый сначала казакомъ, либо кучеромъ. А когда явился въ нашемъ домѣ дядя мой, Павелъ Ефремовичъ, проводы меня въ училище поручались обыкновенно ему. Назадъ, домой, возвращался я одинъ, не то съ двумя товарищами, Кротовымъ и Дѣвымъ, которые жили отъ насъ недалеко. Съ казакомъ и кучеромъ ходилъ я обыкновенно длинной улицей, налѣво изъ воротъ, потомъ базарной площадью и затѣмъ черезъ мостъ на рѣчку Ушайкѣ, мимо всѣмъ извѣстнаго дома золотопромышленника и богача Шумилова. Дядя мой изобрѣлъ путешествіе покороче: черезъ базарную площадь, прямо къ Ушайкѣ, минуя мостъ, такъ что онъ едва-едва видѣлся влѣво. На берегу Ушайки мой провожатый вырывалъ изъ земли одинъ изъ столбовъ, на которомъ прикрѣплялись пѣльями и забирались на замокъ рыбацьи лодки, сажалъ меня въ лодку я, раскачавшись, пихалъ ее такъ сильно, что она съ шумомъ бороздила воду и врѣзывалась въ другой берегъ; я выходилъ, подымался въ гору и шелъ къ училищу, которое было оттуда уже недалеко, а дядя мой, постоявъ немного на берегу, возвращался домой. Лодку, конечно, уносило потомъ волнами по теченію Богъ знаетъ куда. Что думали рыбаки объ этихъ регулярныхъ выворачиваніяхъ столбовъ и объ исчезновеніи ихъ лодокъ—ужъ я не знаю, только никогда не караулили похитителя и никакихъ исторій не происходило. Сколько было всего выворочено столбовъ и спущено по теченію Ушайки лодокъ во время нахождения моего въ училищѣ—сказать трудно... Дядюшка мой считалъ такое поведеніе правильнымъ, а я не понималъ, хорошо-ли это или дурно, всегда съ удовольствіемъ соглашался на сокращеніе путешествія и въ выворачиваніи столбовъ видѣлъ только силу и находчивость дядюшки, а во всемъ—забавную и оригинальную переправу... Иногда, проходя базарною площадью, видѣли мы сплошную темную массу народа, собравшагося поглядѣть на наказаніе кнутомъ. Кнутъ взлеталъ на воздухъ, какъ черная палка, и падалъ. Изрѣдка слышались изъ середины крики. Наказываемые мушны кричали не всегда, но женщины постоянно. Мы подходили иной разъ близко. Я смотрѣлъ на жестокую казнь, какъ на самый обыкновенный спектакль. безъ всякаго смущенія и жалости. Объ этомъ такъ часто

говорили... Но еслибы мой отецъ зналъ на какихъ зрѣлищахъ бываетъ почти ежедневно его десятилѣтній сынъ, еслибы зналъ, что онъ почти крадетъ у бѣдныхъ рыбаковъ по лодкѣ въ день, ради не очень нужнаго сокращенія пути въ училище,—дядюшкѣ моему сильно-бы досталось... Но узнать моему отцу о подробностяхъ нашихъ путешествій съ дядюшкой было не отъ кого. Отношенія учителей училища ко мнѣ и къ дѣтямъ другихъ чиновниковъ были для отца моего тоже тайной. Онъ думалъ постоянно, что насъ хоть немного, но всетаки чему-нибудь да учатъ, что мы отвѣчали публично на актѣ естественно, безъ приготовленій въ домахъ учителей. Ему и въ голову не приходило, что я исключительный баловень и шелопай училища, которому извинялись всякіе безпорядки. Какъ-то разъ зимою я забылъ надѣть сюртукъ и накинулъ шубу прямо на рубашку. Недостатокъ необходимаго для училища костюма оказался на мѣстѣ, когда я пришелъ и сбросилъ съ себя шубу. Ученики всѣ захотали, а начальство (учитель Павлинъ Алексѣевичъ и директоръ), тоже засмѣявшись, сказали: «ну оставайтесь такъ, чтожъ дѣлать!»—и я просидѣлъ весь классъ въ рубашкѣ.

Другой разъ, во время урока, влетѣлъ въ нашъ классъ воробей и сталъ биться о стекла въ одномъ окнѣ. Позабывъ все на свѣтѣ, я бросился ловить этого воробья, но онъ никакъ не давался въ руки и, перелетѣвъ на другое окошко, бился въ стекла и тамъ. Я туда, точно та же исторія. Весь классъ, учитель, директоръ и его секретарь гомерически хохотали; лекція прекратилась. Наконецъ, Павлинъ Алексѣевичъ воскликнулъ: «да поймите ему этого воробья!» Нѣсколько учениковъ бросились къ окошкамъ и воробей былъ пойманъ—и выпущенъ на волю. Порядокъ возстановился. Всѣ успѣлись по мѣстамъ. Преподаваніе пошло своимъ чередомъ.

Подошли послѣдніе экзамены,—выпускъ учениковъ въ свѣтъ. Павлинъ Алексѣевичъ сказалъ мнѣ, чтобы я побывалъ у него и, когда я пришелъ, объявилъ мнѣ, что «необходимо приготовить нѣсколько отвѣтовъ; что изъ географіи онъ спроситъ у меня главные города въ Европѣ и рѣки, чтобы я это хорошенько выучилъ. Изъ русскаго языка вопроса особаго не будетъ, но я долженъ выучить басню «Метафизикъ» Хемницера и сказать ее паизусть. Кромѣ того представить какой-нибудь рисунокъ горнымъ каран-

дашомъ. Причемъ далъ мнѣ голову какого-то римлянина и просилъ ее нарисовать на большомъ веленевомъ листѣ, наклеивъ его лично на свою доску. Я нарисовалъ дня въ три, въ четыре; выучилъ наизусть басню Хемницера «Метафизикъ», главные города и рѣки въ Европѣ и опять отправился къ Павлину Алексѣевичу. Онъ спросилъ у меня весь этотъ урокъ. Въ «Метафизикѣ» поправилъ чтеніе нѣкоторыхъ мѣстъ; голову римлянина, нарисованную мною весьма немудро, оставилъ у себя и превратилъ ее во что-то такое, чего я и никто изъ учениковъ ни за что бы не сдѣлали. Такихъ подготовокъ было произведено нѣсколько. Всѣмъ дѣтямъ чиновниковъ были заданы уроки. Только Павлинъ Алексѣевичъ не рисовалъ имъ никакихъ головъ.

Первымъ лицомъ на актѣ, когда я выходилъ изъ училища, былъ мой отецъ, правившій должность губернатора, что случилось черѣдко, потому что губернаторъ, горный инженеръ, Евграфъ Петровичъ Ковалевскій, впоследствии министръ народнаго просвѣщенія, любилъ жить въ Барнаулѣ, центрѣ золотыхъ промысловъ Томской губерніи. Передъ отцемъ моимъ и нѣсколькими другими чиновниками высшихъ ранговъ, я пробормоталъ очень бойко билетъ изъ географіи; прочелъ «Метафизика», представилъ рисунокъ головы римлянина — и удостоился получить изъ рукъ моего отца похвальный листъ, послѣ чего важно раскланялся и сѣлъ на мѣсто. (Этотъ похвальный листъ цѣлъ у меня до сихъ поръ).

Разставаясь теперь съ училищемъ, о которомъ больше говорить не буду, я считаю нелишнимъ замѣтить, къ чести учениковъ дворянскаго происхожденія, что они держали себя относительно всѣхъ другихъ сословій очень правильно, по дружески и просто, и всѣ вмѣстѣ, куча ребятъ отъ восьмилѣтняго возраста, представляли одно цѣлое — веселый и живой кружокъ, гдѣ никакихъ крупныхъ безпорядковъ и безчинствъ не происходило рѣшительно никогда. Я не помню даже ни одной ссоры, формально ни одной, во всѣ два года пребыванія моего въ училищѣ.

Поѣздки на острова «собрать камушки» продолжались для меня точно также послѣ поступленія въ училище, какъ и до поступленія. Однажды мы поѣхали на острова большимъ обществомъ, въ нѣсколькихъ лодкахъ, гдѣ участвовали и дамы, жены и дочери чиновниковъ, наиболѣе знакомыхъ и

близкихъ нашему семейству. Мы проѣздили цѣлый день съ утра до поздней ночи, были гдѣ-то далеко и посѣтили острова, вовсе мнѣ неизвѣстные; это было для меня сущимъ праздникомъ; я бѣгалъ, какъ шальной, рассматривая незнакомые заливы и кусты. Отыскиваніе камушковъ было уже дѣломъ второстепеннымъ, лучше сказать—его не было вовсе. Я поднялъ около десятка сердоликовъ и положилъ ихъ въ карманъ—и снова бѣгалъ. Дамы ловили удочками рыбу. Мы съ отцемъ присоединились потомъ къ нимъ-же. Я поймалъ не менѣе десятка отличныхъ, большихъ карасей и еще какой-то рыбы. Ловъ былъ, вообще, какъ бываетъ въ тѣхъ мѣстахъ, удачный, сибирскій. Наловленныхъ нами и нашими людьми самыхъ разнообразныхъ рыбъ некуда было дѣвать. Среди дня былъ устроенъ на берегу подъ кустами импровизированный обѣдъ, который всѣмъ показался очень вкуснымъ. Вечеромъ чай и опять что-то ѣли. Конечно, рыба являлась на каждомъ блюдѣ. Долго мнѣ снилась эта поэтическая прогулка. Такихъ веселыхъ, полныхъ пріятными впечатлѣніями, дней я помню въ жизни моей немного.

Другія мои развлеченія состояли изъ посѣщеній вмѣстѣ съ родителями домовъ разныхъ знакомыхъ чиновниковъ и купцовъ, по большей части золотопромышленниковъ, имѣвшихъ въ Томскѣ богатые каменные дома и при нихъ сады, гдѣ они всячески силились развести фруктовыя деревья на воздухѣ, но всѣ ихъ усилія не приводили ни къ чему. Помню, какъ одинъ рассказывалъ намъ, что добился на одной яблони яблока, но и то сорока склевала. Разводить тепличныя растенія не было у жителей въ обычаѣ. Ни одинъ изъ богачей не имѣлъ даже крохотнаго зимняго сада. О персикахъ, сливахъ и другихъ плодахъ, воспитанныхъ оранжереями, не было и помина. Единственный плодъ, какой намъ случилось съѣсть во всю нашу жизнь въ Томскѣ, была четвертая доля яблока, привезеннаго изъ Россіи однимъ уштеръ-офицеромъ приказа общественнаго призрѣнія, Ефремовымъ, который командировался въ Петербургъ ежегодно при различныхъ казенныхъ транспортахъ; что именно онъ возилъ—не знаю. Это меня нисколько не занимало. Помню только, что Ефремовъ захватывалъ съ собою всякій разъ довольно значительное количество рѣдкой и цѣнной рыбы, большею частію стерлядей, пудовыхъ и тяжелѣе, и преподносилъ ихъ въ Петер-

бурѣ разнымъ высокимъ лицамъ, за что получалъ хорошіе подарки. Онъ былъ очень видный собою и примѣрнаго поведенія солдатъ, оттого и назначался всякій разъ въ начальники казачьихъ, что зависѣло отъ моего отца. Вслѣдствіе этого онъ временами показывался въ нашемъ домѣ и имѣлъ счастье или несчастье влюбиться въ горничную моей матери, Татьяну, просилъ ея руки и получилъ согласіе, только съ условіемъ ѣхать въ Россію, когда отправится туда господа. Тяжело было этому, не очень уже молодому сибиряку, оставить свою родину, конечно навсегда, но онъ рѣшился для своей Татьяны Ивановны и впоследствии дѣйствительно уѣхалъ. Крѣпостной лакей нашъ Василій, изъ тамбовской деревни, о которомъ упомянулъ я выше, побѣдилъ сердце молодой и красивой служанки нашихъ хозяевъ. Стала тоже устраиваться свадьба..., какъ вдругъ отецъ мой узнаетъ, что Васька (какъ его обыкновенно звали) пропускаетъ къ нему просителей, получая отъ нихъ всякій разъ солидное вознагражденіе. Явились какіе-то крестьяне, которые нашли возможность обратиться къ моему отцу безъ доклада и спросили: «доходитъ-ли до васъ батюшка, ваше превосходительство, наша благодарность, которую мы препровождаемъ черезъ вашего лакея? Взяло насъ сумѣніе: говорить, вы не берете, — куда-же идутъ наши денежки? Вотъ мы и осмѣлились утрудить вашу милость; простите насъ за простоту и смѣлость!»

Отецъ мой, въ высшей степени строго относившійся ко взяткамъ, остолбенѣлъ, услышавъ, что эта язва подобралась къ нему такъ близко. Спрошенный имъ, въ присутствіи челобитчиковъ, Васька ту-же минуту признался, что бралъ взятки съ просителей, явившихся въ нашъ домъ, и не считалъ это за большой грѣхъ, такъ какъ всѣ лакеи берутъ. Отецъ мой объявилъ ему, что онъ пойдетъ въ солдаты. Сколько ни просили его чужіе и домашніе, между прочимъ и матушка, уменьшить мѣру наказанія, (говоря, что если отдавать за такіе пустяки въ солдаты, то надо всѣхъ тамбовскихъ лакеевъ отдать) — ничего не помогло, и мы скоро увидѣли Ваську въ солдатской шинели, которая была ему очень къ лицу. Какъ то сразу онъ сталъ настоящимъ бравымъ солдатомъ. Дѣтина онъ былъ рослый, стройный и красивый, съ небольшими черными усами. Въ особенности было поразительно для меня то, что онъ ни на волосъ не измѣнилъ

своего характера и чувства къ нашему дому: былъ постоянно веселъ, ходилъ къ намъ (живя уже въ казармахъ) какъ добрый знакомый; относился къ отцу моему и къ матери такъ, какъ будто-бы они продолжали быть его господами. Его суженой было сейчасъ-же объявлено объ участи, его ожидавшей. Предполагали, что она не рѣшится идти замужъ за солдата. Куда тамъ! она сказала, что «ничто на свѣтѣ не измѣнитъ ея чувствъ къ Василю Ерооевичу, что она пойдетъ всюду, куда-бы ни пошла его судьба, хоть-бы на каторгу. А солдатское званіе еще не великое несчастье». И свадьба была сыграна. Служаика, о которой я говорю, была женщина самаго простаго званія, дочь крестьянина одной изъ окрестныхъ деревень. Здѣсь кстати скажу я нѣсколько словъ о сибирскихъ крестьянахъ: они гораздо выше и развитѣе нашихъ русскихъ крестьянъ и живутъ несравненно чище и богаче, въ богатыхъ бѣлыхъ избахъ, мѣстами двухъ-этажныхъ и трехъ-этажныхъ, всѣ до одного пьютъ чай и одѣваются, какъ горожане. Города сибирскіе хуже російскихъ, но деревни лучше нашихъ деревень несравненно. Это какъ-бы маленькіе города, мѣстечки, а не деревни. По крайпей мѣрѣ, есть такія, и не мало. Жить богаче, чище, просторнѣе нашихъ крестьянъ помогаетъ имъ, сверхъ свободы, еще и то обстоятельство, что они имѣли постоянно подъ рукою, сколько угодно, прекраснѣйшаго хвойнаго лѣсу, никому не принадлежавшаго, и точно-также сколько угодно земли. Лѣсъ они брали въ дремучихъ тайгахъ; но какъ они брали землю—это мнѣ неизвѣстно. Соблюдались или не соблюдались при этомъ какія либо формальности, дѣлались или не дѣлались заявленія правительству?.. Что касается полученія во владѣніе земли чиновниками и купцами въ окрестностяхъ какого-либо города или села, гдѣ получающій жилъ, это дѣлалось такъ: надо было подать заявленіе, какъ кажется въ губернское правленіе, что вотъ де такой-то желаетъ занять для своихъ надобностей такое-то количество земли, тѣмъ-то, причемъ описывается подробно мѣстность съ приложеніемъ плана. Правительство всегда разрѣшало. Составлялся актъ и просимая земля становилась собственностью того или другаго лица, называлась его «заимкой». У рѣдкаго жителя Томска, мало-мальски зажиточнаго, не было подъ городомъ своей земли, съ домикомъ и службами. Иные домики были

довольно древняго происхожденія, смотрѣли деревенскими, куда совершались временаи поѣздки знакомыхъ хозяина, давались тамъ вечера съ музыкой и танцами; на инья заимки совершались изъ города, въ извѣстные годовые праздники, процессіи съ образами вслѣдствіе какого-нибудь предапія по старому обычаю. Часто цѣлый городъ подымался и шелъ за такой процессіей. На заимкѣ закусывали, отдыхали, къ вечеру вся гурьба отправлялась въ городъ обратно. Я по любви ко всякимъ путешествіямъ всегда напрашивался на подобныя странствія. Помню какъ на одной богатой заимкѣ у золотопромышленника Попова занималъ меня бьющій кверху фонтанъ, видѣнный мною впервые.

Случалось еще мнѣ ѣздить съ отцомъ, по воскресеньямъ, лѣтомъ, въ публичный садъ, на краю города, у рѣки. Я упомянулъ о бесѣдкѣ этого сада, видной издалека на горѣ, когда выѣзжаешь въ Томскъ изъ Россіи. Къ этой бесѣдкѣ тянулася широкая дорожка отъ воротъ, близь которыхъ, слѣва на лугу, стоялъ домикъ, что-то въ родѣ клуба, гдѣ играли въ карты. Подлѣ была устроена игра въ кегли. Тутъ же находилось мѣсто для музыкантовъ, которые изрѣдка дудили тамъ на мѣдныхъ трубахъ. Больше ничего не помню. Этотъ городской или публичный садъ былъ въ сущности не что иное, какъ часть огороженнаго частоколомъ кедроваго лѣса, гдѣ были и другія хвойныя деревья. Далѣе, когда смотришь изъ бесѣдки, что на краю сада, тянулись такіе же лѣса, которымъ конца не было. Одно дерево, кажется, кедръ, какъ-то особенно выдавалось изъ всѣхъ другихъ, какъ своимъ необычайнымъ ростомъ, такъ и широкими развѣсистыми вѣтвями. Преданіе говорило, что если подойти къ этому дереву, то уже не отойдешь. Я видалъ это дерево не только изъ бесѣдки городского сада, но и при многихъ путешествіяхъ съ образами на заимки. Первый, кто мнѣ разсказалъ объ его таинственныхъ свойствахъ, былъ нашъ кучеръ Осипъ, великій мой пріятель, который помогалъ моимъ шалостямъ, затѣямъ и играмъ; ловилъ для меня зимою и лѣтомъ разныхъ птицъ, клеилъ бумажныхъ змѣй и вмѣстѣ со мною запускалъ ихъ къ облакамъ. Однажды склеилъ мнѣ огромный змѣй изъ двадцати листовъ бумаги, но мы никакъ не могли его спустить, разрубили на четыре части и эти части полетѣли, какъ слѣдуетъ.

Зимою всегда у меня была гора, по тамошнему — катушка,

которую дѣлалъ тотъ-же Осипъ, съ казакомъ. Я выучился кататься не только на салазкахъ, правя толстыми, кожаными рукавицами, но и на ногахъ, и до сихъ поръ владѣю этимъ искусствомъ.

Въ послѣднюю зиму нашего пребыванія въ Томскѣ (необыкновенно холодную: однажды было 42 градуса морозу, по спиртовому термометру въ аптекѣ, а ртутные термометры замерзли), городъ былъ особенно оживленъ, балы за балами, вечера за вечерами, а у губернатора былъ даже маскарадъ. Меня нарядили матросомъ. Дѣти другихъ чиновниковъ обоого пола тоже были одѣты въ разные костюмы. Мы танцевали и играли въ разные игры въ особой залѣ. На меня сдѣлала тогда впечатлѣніе дочь одного чиновника, Сашенька. Это была первая моя страсть. Я сталъ напрашиваться на поѣздки въ ихъ домъ, забирался къ Сашенькѣ на антресоли, болталъ съ нею всякій вздоръ и страстно цѣловалъ ея маленькія пухленькія ручки. Насъ оставляли однихъ иногда на нѣсколько часовъ сряду; никто не думалъ, чтобъ могла произойти какая-нибудь романтическая исторія между такими дѣтьми: мнѣ былъ девятый годъ, ей—шесть—семь...

Позже, лѣтъ черезъ 40, мы встрѣтились въ Петербургѣ. Она была уже сѣдая, неинтересная вдова. Мнѣ пришли, однако, на память старые сны и я написалъ стихотвореніе, напечатанное въ книгѣ Любви (стр. 54).

Весною слѣдующаго затѣмъ 1833 года, рѣка Томъ разлилась такъ, какъ разливается одинъ разъ въ десятилѣтіе. Весь Томскъ потонулъ въ водѣ. Нижніе этажи всѣхъ домовъ залило. Такъ какъ кухня въ домѣ, гдѣ мы жили, стояла отдѣльно на дворѣ, то кушанье возили на лодкахъ. По улицамъ не могло быть, разумѣется, никакого другаго движенія, какъ только на лодкахъ.

Н. В. Бергъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Мнѣніе маіора о клубахъ и дворянскихъ собраніяхъ

(1840-хъ гг.).

Начальнику штаба отдѣльнаго оренбургскаго корпуса, г. генераль-маіору и кавалеру Рокасовскому.

Командующаго линейнымъ Оренбургскимъ баталіономъ № 5 маіора Егунова. Рапортъ.

На благоразсмотрѣніе в. п.—на представляю у сего доставленныхъ ко мнѣ письмоводителемъ Войсковаго Уральскаго городническаго правленія въ копіяхъ двѣ подписки и правила самопроизвольно составленныхъ для городского дворянскаго собранія на сей годъ, имѣю честь донести, что нововведеніе сіе предпринято и разрѣшено Войсков. Уральскимъ городничимъ въ противность 142 и 144 статей раздѣла II, гл. VI и примѣчанія къ 182 статьѣ раздѣла III, гл. I, XIV тома Св. Зак. безъ разрѣшенія правительства и что имена подвѣдомственныхъ мнѣ офицеровъ, какъ собственное мое, и многихъ другихъ внесено насильно въ ту подписку, помимо согласія и вѣдома каждаго. А какъ въ числѣ того, такъ называемаго дворянскаго собранія помѣщены членами семейства приказныхъ служителей, не имѣющихъ чина, мужики, помѣщичьи крестьяне, городскіе торгующіе обще съ безыменною городовою акумеркою изъ воспитательнаго дома и сплященилка, то участвовать въ таковомъ обществѣ считая для себя предосудительнымъ, я беру смѣлость ваше прев. покорнѣйше просить о запрещеніи Войсков. Уральскому городничему оскорблять меня подписками, самоуправными его дѣйствіями и не оставить сей поступокъ его безъ взыскапія, внушивъ ему, черезъ кого слѣдуетъ, дабы, безъ согласія моего, онъ не дозволялъ себѣ распорядиться моимъ именемъ. Принимая въ уваженіе, что въ таковыхъ случаяхъ и съ разрѣшенія даже правительства, какъ сказано въ законѣ, безъ разрѣшенія моего начальства ни я, ни подвѣдомственные мнѣ офицеры ни въ какое общество вступить не можемъ.

А съ тѣмъ вмѣстѣ на благоусмотрѣніе в. п. имѣю честь представить и то, что какъ подвѣдомственные мнѣ офицеры безъ исключенія всѣ вообще не имѣютъ никакого другаго состоянія кромѣ жалованій по чину, а потому и всякія прихотливыя издержки будутъ для нихъ обременительны и что участвуя въ таковомъ обществѣ они по родству и связямъ съ тугошными жителями могутъ легко быть по необходимости вовлечены въ избытки (sic!) и даже въ картежную игру всегда съ неопредѣленными послѣдствіями сопряженную, а при томъ просиживаніи въ собраніи до глубокой ночи, они могутъ опаздывать къ занятіямъ своимъ по службѣ или будутъ отираваться съ развлеченіемъ въ разстроенномъ духѣ. Впрочемъ покорнѣйше спрашивая лишь о защитѣ для себя, предусмотрительность мою о подвѣдомственныхъ мнѣ офицерахъ я предаю высокому вниманію в. п. и на все это имѣю честь ожидать начальническаго распоряженія. Маіоръ Егуновъ.

(Изъ дѣлъ архива канцеляріи упраздненнаго оренбургскаго генераль-губернаторства).

Сообщ. П. Распоповъ.

РОССІЯ И РУССКІЙ ДВОРЪ ВЪ 1839 г.

Записки Гагерна ¹⁾.

16-го августа 1839 г. Эрцгерцогъ Альбрехтъ отправился сегодня въ Петербургъ, чтобы посѣтить институтъ благородныхъ дѣвицъ и кунсткамеру; онъ сдѣлалъ предложеніе принцу Александру сопровождать его туда, но тотъ отказался:

— Je n'y entends rien, je ne veux voir que les institutions militaires; je n'aime que les grenadiers.

Je répons: Vous allez voir une fonderie de canons; allez donc voir l'institut des demoiselles — c'est une fonderie de soldats; et puis au musée d'histoire naturelle il y a un grenadier antédiluvien pétrifié qui est très remarquable.

Шутки онъ переноситъ терпѣливо, но всегда упорствуетъ въ своемъ рѣшеніи.

17-го (5-го) августа Рано утромъ, вмѣстѣ съ эрцгерцогомъ и его обществомъ, мы отправились въ Царское село—русскій Версаль. Тамъ мы осмотрѣли:

1) Старый дворецъ, богатый свѣжими воспоминаніями объ императорѣ Александрѣ (нынѣшній государь, т. е. императоръ Николай, въ немъ никогда не живетъ). Въ немъ мы видѣли комнату Александра въ томъ же видѣ, какъ онъ жилъ въ ней, его платье, шляпу, сапоги съ заплатками, его кровать, состоящую изъ одного только соломенника, его туалетъ со множествомъ подушекъ, рабочую комнату со всѣми иконами и souvenirs de dames, которыя когда-нибудь ему нравились, его ручную бібліотечку — съѣсъ благочестиваго, легкомысленнаго, политическаго и мистическаго, такъ какъ тамъ находятся молитвенники, сборники церковныхъ пѣсень, nouvelles écrites par une de ses maîtresses, histoire des Jacobins, des illuminés, des sociétés en

---

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1886 г., т. LI, стр. 21—54. Полковникъ Гагернъ былъ назначенъ нидерландскимъ королемъ состоять при принцѣ Александрѣ, сынѣ королевы и вел. кн. Анны Павловны, во время путешествія принца въ Россію. Принцъ Александръ Оранскій род. 1817, ум. 1849 г.

Allemagne etc. Хотя все осталось тамъ такъ же, какъ было при немъ, однако память о немъ совсѣмъ изгладилась. О многихъ изъ женскихъ портретовъ, стоявшихъ на его столѣ, я совсѣмъ почти забылъ упомянуть. Въ его комнатѣ находится также нѣсколько вазъ, на которыхъ изображены главныя воспоминанія изъ его жизни, напр. вѣздъ въ Парижъ. Неизвѣстно, изъ скрѣпности или же изъ христіанскаго смиренія, онъ велѣлъ поставить эти вазы такимъ образомъ, что изображенія обращены къ стѣнѣ.

Видѣли комнату императрицы (супруги Александра) и императрицы-матери.

Въ этомъ дворцѣ находится парадная зала, въ которой можетъ обѣдать 1,000 лицъ; есть комната, сплошь выложенная янтаремъ; одна же зала заключаетъ въ себѣ картины изъ русской исторіи, напр. нѣсколько изображеній Полтавской битвы и другихъ сценъ изъ войнъ Петра Великаго;—трудно описать все это.

2) Потомъ мы осмотрѣли новый дворецъ императора Николая. Въ его апартаментахъ я опять былъ пораженъ массой солдатъ, мундировъ и всадниковъ нюрнбергской работы подъ стекломъ; это слишкомъ... Потомъ мы видѣли тамъ комнату съ небольшимъ собраніемъ артиллерійскихъ моделей, которыя представляютъ артиллерию всѣхъ націй. Много сраженій и дѣлъ новѣйшаго времени.

3) Башню, въ которой обыкновенно живетъ наследникъ.

4) Арсеналь или оружейную палату императора, для которой нарочно онъ приказалъ выстроить готическую башню. Этотъ арсеналь заключаетъ въ себѣ прекрасное и интересное собраніе средневѣковаго оружія, какъ европейскаго, такъ и восточнаго. Но вооруженіе конныхъ статуй иногда нѣсколько смѣшанно. Арсеналь изобилуетъ массой историческихъ воспоминаній, невольно заставляющихъ волноваться кровь.

Видѣли шлемъ Баярда, маски Петра Великаго и Карла XII, снятыя послѣ изъ смерти. Здѣсь же хранится много похищенныхъ польскихъ достопримѣчательностей: сабли Стефана Баторія, Собѣскаго, Костюшко. Оружіе и сѣдельная сбруя, подаренныя императору Александру шведскимъ наследнымъ принцемъ и императору Николаю султаномъ Махмудомъ. Подарки послѣдняго очень красивы и изобилуютъ брильянтами. Затѣмъ мы нашли туалетный ящичекъ среднихъ вѣковъ; онъ содержитъ въ себѣ почти тѣ же вещи, какъ наши теперешніе, но только старинныхъ формъ.

По новой желѣзной дорогѣ (изъ Петербурга черезъ Царское село) мы отправились въ Павловскъ.

Графъ Бобринскій, главный акціонеръ и директоръ этой дороги, принималъ насъ. Этотъ графъ, внукъ Григорія Орлова, человекъ учтивый. У того былъ одинъ сынъ—Бобринскій. Императрица Екатерина хотѣла выдвинуть его, такъ какъ очень его любила, но онъ былъ до того неспособенъ, что оставалось только сдѣлать его богатымъ. Такимъ образомъ, при-

нижавшій насъ сегодня графъ Бобринскій—внукъ Орлова; онъ очень образованъ и богатъ, но значительнѣйшую часть своего состоянiя положилъ на желѣзную дорогу. Устройство (Герстнера), какъ говорятъ, дорого и ошибочно, такъ что сомнѣваются, принесутъ ли капиталы доходъ.

Въ Павловскѣ мы видѣли дворецъ великаго князя Михаила, очень большой и окруженный прелестнымъ паркомъ. Павловскiй паркъ ближе къ природѣ и живописнѣе, чѣмъ царскосельскiй, гдѣ все создано и должно еще созидать искусство; (съ этомъ съострилъ одинъ художникъ: «въ Павловскѣ я воскликнулъ: о, природа! какъ ты прекрасна!—Въ Царскомъ-же селѣ сказалъ: Милостивая сударыня, природа, какъ вы прекрасны!»)

Въ Павловскомъ дворцѣ еще много воспоминанiй объ императорѣ Павлѣ; всюду—фамильные портреты. Тамъ можно видѣть скульптурныя произведенiя императрицы Марiи; есть также хорошая библiотека.

Мы видѣли сегодня въ Царскомъ селѣ также Эрмитажъ, гдѣ происходили *parties fines* Екатерины. Во время обѣда не появлялся ни одинъ слуга; то, что требовалось, писалось на тарелкѣ, давался сигналъ, и, посредствомъ особаго механизма, тарелка спускалась внизъ, въ кухню или въ буфетъ, все нужное дѣлалось, и она съ требуемымъ блюдомъ поднималась навверхъ къ столу. Механизмъ этотъ еще существуетъ, и мы забывались опусканiемъ и подниманiемъ тарелокъ, но онѣ возвращались пустыя.

Вечеромъ мы отправились въ Красное село, гдѣ на слѣдующiй день должны были быть парадъ.

Въ Александровскомъ я имѣлъ длинный разговоръ объ императорѣ Александрѣ и его отношенiяхъ къ Нарышкиной. *Relata refero* — я могу ошибаться въ именнахъ или неправильно писать ихъ.

Отъ Сухтелена я узналъ сегодня, какъ взятъ былъ Свеаборгъ. Свеаборгъ былъ сильно укрѣпленъ и имѣлъ хорошiй гарнизонъ. Русскiе же не имѣли никакихъ осадныхъ орудiй, но воздвигли 14 батарей, при чемъ изъ нихъ вооружена была только одна. Шведы вступили въ переговоры и сдались; «*Femme qui écoute et ville qui parlamente bientôt se rendent*»—такъ писалъ ведшiй осаду генералъ, отецъ Сухтелена, императору, недовольному тѣмъ, что осада затянулась, и ничего не знавшему о крайне недостаточныхъ средствахъ.

Мы осмотрѣли съ величайшими подробностями снаряженiе одного коннаго гренадера и устройство кавалерiйскаго лагеря. Когда мы были заняты этиимъ осмотромъ, случайно прибылъ туда генералъ Игнатъевъ, назначенный къ принцу Лейхтенбергскому *ad latus*, и, казалось, былъ удивленъ, найдя насъ тамъ:—«*Aha, messieurs, vous voilà occupés à espionner notre camp*», сказалъ онъ, улыбаясь. . . . .

19-го (7-го) августа. Большой смотръ и парадъ въ Красномъ селѣ.

Пѣхота полковыми колоннами прошла церемоніальнымъ маршемъ; кавалерія проходила всѣми аллюрами.

Принцъ Александръ получилъ черезъ нидерландскаго повѣреннаго грамоту на генеральскій чинъ; я былъ обрадованъ письмомъ отъ отца, а Геверстъ привнесъ нѣсколько газетъ, что въ Россіи составляетъ рѣдкость; въ этой странѣ все узнается при дворѣ, но вовсе не изъ газетъ. Цензура очень строга, такъ что даже изъ прусскаго «Государственнаго Указателя» статьи вырѣзываются или вымарываются черной краской. Впослѣдствіи въ Берлинѣ при дворѣ я слышалъ, какъ смѣялись надъ этимъ; для меня «Journal de la Naue» являлся теперь лакомымъ кусочкомъ.

20-го (8-го) августа. Утромъ я сдѣлалъ прогулку съ принцемъ Александромъ. Обѣдъ за гофмаршальскимъ столомъ, гдѣ были и вновь прибывшіе князя Васильчиковъ и Вредзъ, адъютанты императора; они только что вернулись изъ своихъ миссій. Адъютанты императора всегда употребляются для командировокъ; они постоянно должны быть готовы къ отъѣзду, и кто сегодня вернулся изъ Польши, завтра же можетъ быть посланъ на Кавказъ, и это вовсе не рѣдкость. Особенно часто они употребляются для ревизіи рекрутскихъ наборовъ въ губерніяхъ, для преслѣдованія обмановъ и подкуповъ, такъ часто случающихся при этомъ. Говорятъ, они много принесли пользы въ этомъ дѣлѣ.

Послѣ обѣда маневрировали кадеты, оставляющіе сегодня лагерь. Кадеты отбили нѣсколько кавалерійскихъ атакъ и штурмовали деревню Стрѣльну. Младшіе великіе князья шли въ рядахъ кадетъ, съ ружьями и патронными сумками. Императрица и великая княжна Ольга присутствовали при этомъ верхами.

Вечеромъ былъ ужинъ въ крестьянской избѣ, называемой Kreith. Здѣсь увидѣлъ я въ первый разъ графа Нессельроде, еще бодрого, но пожилаго, маленькаго и невзрачнаго человѣка. Мы разсѣлись за небольшими столами; за мной сидѣлъ военный министръ, графъ Чернышевъ, соблаговолившій разсказать сегодня о походѣ и о своихъ отношеніяхъ къ Наполеону. Говорилъ довольно откровенно о Вредзѣ, котораго онъ, въ присутствіи одного баварскаго офицера, критиковалъ съ нѣкоторыми *circonlocutions diplomatiques*, особенно же за сраженіе при Ганау. Онъ утверждаетъ, что совѣтовалъ ему занять ущелье Гельнгаузенъ.

Затѣмъ разсказывалъ объ императорѣ Александрѣ. Онъ присутствовалъ, когда императоръ Александръ представлялъ въ Компіенѣ королю Людовику XVIII французскихъ маршаловъ, уступая имъ настоятельнымъ просьбамъ. Затѣмъ о маршалѣ Неѣ. Чернышевъ—меня удивило, что я слышу это отъ него и въ подобномъ мѣстѣ—порицалъ, что приговоръ относительно маршала Нея былъ приведенъ въ исполненіе.

Чернышевъ не видалъ Наполеона послѣ его паденія; сначала онъ былъ

назначенъ сопровождать его на островъ Елену, но императоръ Александръ изъ деликатности не пожелалъ этого и назначилъ другого генерала, котораго Наполеонъ никогда не видалъ прежде въ дни своего блеска.

Чернышевъ разгорячился, рассказалъ о своемъ знакомствѣ съ Наполеономъ, и какъ въ сраженіи при Аспернѣ онъ находился представителемъ Россіи въ главной квартирѣ Наполеона. Это, быть можетъ, было единственнымъ случаемъ, когда Наполеонъ потерялъ голову и утратилъ всѣ надежды. Только что Чернышевъ хотѣлъ это рассказать подробно, какъ онъ былъ прерванъ: императоръ поднялся съ своего мѣста; я очень сожалѣю объ этомъ. Впрочемъ, самодовольное тщеславіе этого Чернышева ни съ чѣмъ несравнимо.

Вечеромъ я опять имѣлъ разнообразныя разговоры и слышалъ, какъ повторяли, что императору было очень непріятно, что иностранные принцы не прибыли на свадьбу великой княгини Маріи Николаевны...

Сухтеленъ, не задолго передъ тѣмъ возвратившійся изъ Италіи, заѣзжалъ въ Вѣну и былъ у князя Меттерниха.

Великая княгиня Марія a beaucoup d'énergie; elle a du toupet; «c'est le père en cotillon». Это здѣсь обычныя выраженія.

Слѣдующій примѣръ доказываетъ, какъ смотритъ императоръ на этикетъ вообще, и въ особенности тамъ, гдѣ дѣло касается его дочери. На одномъ балу онъ разговаривалъ съ австрійскимъ посланникомъ Финкельмонъ, какъ его прервалъ новый камергеръ великой княгини Маріи и сказалъ графу Финкельмонъ: «Madame la duchesse de Leuchtenberg vous prie, Monsieur l'ambassadeur, de lui faire l'honneur de danser la polonaise avec elle». Императоръ, выйдя изъ себя, запальчиво сказалъ ему: «dourak! — apprenez que je n'entends pas qu'on parle de M-me la duchesse de Leuchtenberg, mais bien de S. A. Imperiale Madame la Grande-duchesse Marie Nicolaïewna; et quand Madame la Grande-duchesse Marie engage quelqu'un à danser avec elle, c'est une politesse qu'elle fait, et non un honneur qu'elle demande». Камергеръ былъ отставленъ и удаленъ, а оберъ-камергеръ Головкинъ получилъ выговоръ, что такого дурака представилъ въ камергеры.

Дѣти герцога Лейхтенбергскаго должны быть крещены православными.

Опять начинаютъ разглаговольствовать объ этой свадьбѣ. Отеческія любовь и снисхожденіе и желаніе удержать дочь при себѣ въ Россіи. Съ Пруссіей по поводу этого брака была небольшая размолвка, и потому только майоръ Браунхичъ былъ посланъ сюда для принесенія поздравленій. Только Швеція отправила посла для пожеланія счастья, именно графа Браге, одного изъ первыхъ лицъ двора; императоръ очень хорошо взглянулъ на это и не можетъ скрыть своего раздраженія противъ другихъ дворовъ. Le petit grand duc Constantin plein de moyens... Императоръ радъ этому и предоставляетъ ему свободу.

Кронштадтъ.--Стрѣльна.

21-го (9-го) августа. Утромъ императоръ, принцъ Александръ, эрцгерцогъ Альбрехтъ и ихъ свита отправились на пароходѣ изъ Петергофа въ Кронштадтъ. Завтракали на борту. Императоръ удалился съ палубы и въ каютѣ занимался дѣлами съ Туркулемъ, помощникомъ статсъ-секретаря по дѣламъ Царства Польскаго. Императоръ показывалъ намъ Кронштадтъ, старые и новые форты, и все съ большимъ самодовольствомъ, какъ собственное твореніе. Новые форты всѣ выстроены изъ гранита; арестанты, по большей части политическіе (?) преступники, должны отесывать гранитъ. Арсеналъ, казармы, замѣчательная верфь или гранитный drydock для 120-ти пушечнаго линейнаго, слѣдовательно, трехдечнаго корабля. Императоръ вспоминалъ о своемъ разговорѣ съ Кодрингтономъ, которому онъ показывалъ верки. Кодрингтонъ сказалъ государю: «я бы не желалъ имѣть порученія атаковать ихъ; этотъ проходъ защищенъ очень хорошо огнемъ перекрестныхъ батарей, вооруженныхъ негзянами; прибавьте къ этому еще batteries flottantes». Флотъ, стоявшій въ гавани, былъ раснащенъ, мы проѣхали между судами на шлюпкахъ. Императоръ долгое время стоялъ во главѣ инженернаго корпуса, знакомъ со строительнымъ искусствомъ и охотно занимается имъ, но онъ слишкомъ пристрастенъ къ измѣненной пруссаками системѣ Монталамбера.

Возвращеніе и обѣдъ на палубѣ парохода; мы высадились въ Ораніенбаумѣ и получили тамъ приглашеніе на второй обѣдъ къ великому князю Михаилу Павловичу. Обѣдъ былъ очень оживленный; великая княгиня Елена Павловна не давала покою князю Козловскому, раззорившемуся сибариту, полному ума и герартіе; онъ былъ или долженъ былъ быть большимъ, и его мучили, какъ Санхо Пансо на островѣ Бараторіа.

Мы слышали отъ Апраксіяной Grande Mattresse de la Grande duchesse, что очень интересуется современной культурой.

Вечеромъ былъ балъ у графа Орлова въ Стрѣльнѣ. Онъ великолѣпно освѣтилъ свой волшебный готическій дворецъ. Дворецъ этотъ твореніе графини стоитъ 450,000 рублей и самое большое выдержитъ отъ 30 до 40 лѣтъ. На всѣхъ стѣнахъ находится гербъ Орловыхъ съ девизомъ: Fortitudine et constantia. Въ гербу находится мечъ.

Во время ужина моимъ сосѣдомъ былъ молодой русскій, который, какъ мнѣ кажется, служить въ департаментѣ иностранныхъ дѣлъ; онъ былъ очень остроуменъ и разговорчивъ; говорилъ со мною о русскомъ языкѣ, отъ котораго, кажется, онъ въ восторгѣ, и который равно способенъ подражать изящности и легкости французскаго и передавать въ то же время отвлеченныя идеи нѣмецкой философіи.

На балу былъ графъ Нессельроде. Великій князь наслѣдникъ перели-

стывалъ *book of beauties* и, казалось, былъ въ восхищеніи отъ англійскихъ дамъ. Я слышалъ сегодня, что положеніе дѣлъ въ Польшѣ все еще угрожающаго характера. Потомъ зашла рѣчь объ ужасной бурѣ, побросавшей въ Бронштадтѣ почти всѣ линейные корабли одинъ на другой, причинившей огромный вредъ и стоившей жизни многимъ людямъ.

Въ Петербургѣ пьютъ невскую воду; она немного солоня и вызываетъ сначала у иностранцевъ расстройство желудка.

Петергофъ.

22-го (10-го) августа. Утромъ я посѣтилъ царскія конюшни. Я нашелъ тамъ настоящихъ нѣмецкихъ штальмейстеровъ изъ Берлина, Dessau etc., которые были очень любезны; императоръ ѣздитъ преимущественно на англійскихъ лошадяхъ или на яновскихъ, происходящихъ отъ польскихъ кобылицъ и англійскихъ жеребцовъ, или же на лошадяхъ завода графини Орловой.

Когда я спрашивалъ Сухтелена какимъ образомъ очутилось здѣсь столько нѣмцевъ, онъ отвѣчалъ мнѣ: «гдѣ водворится только одинъ нѣмецъ, туда же скоро явятся его братья, кузены и друзья».

Много разсказывали о молодыхъ полькахъ, числомъ до 500, доставленныхъ въ лагерь при Вознесенскѣ *pour les menus plaisirs des états-majors de l'armée*. Суть дѣла сводится къ тому, что графъ Виттъ, которому поручено было устройство лагеря, приказалъ выстроить нѣсколько большихъ купаленъ, при которыхъ находились служанки; въ томъ числѣ было много полекъ, *parce qu'elles sont belles, et plus belles que les russes*.

Обѣдалъ я за гофмаршалскимъ столомъ; моими сосѣдами были князь Николай Долгорукій и Глазенапъ, флотскій флигель-адъютантъ. Вечеромъ была рыбная ловля и чай въ Марии; тамъ было нѣсколько очень милыхъ дамъ; *Madame X* казалась какъ-бы смущенной и уединенной. Затѣмъ послѣдовала прогулка въ экипажахъ; *M-me X* ѣхала въ каретѣ съ *N. N.*; мужъ ея хотѣлъ было сѣсть туда же, но князь Долгорукій закричалъ ему: «*Mon cher baron, restez donc avec nous!*» *Cher baron* былъ еще болѣе отчужденъ отъ всѣхъ, чѣмъ его жена: почти никто не заговаривалъ съ нимъ.

Я ѣхалъ со Всеволожской, Кавелиной, княжной Трубецкой и Бороzdиной. *M-me V****, супруга толстаго, противнаго уroda, однакожь необыкновенно богатаго; у него превосходныя нѣвныя въ Архангельской (!!) губерніи и богатѣйшія рудники въ Сибири и въ Пермской губ.

Вечеромъ было два отдѣльныхъ ужина, одинъ у императрицы, другой за гофмаршалскимъ столомъ, гдѣ также было множество дамъ. Я сыгралъ партію въ шахматы съ однимъ *vieux pécqueur* (какъ называли его сегодня при рыбной ловлѣ), гофмаршаломъ княземъ Николаемъ Долгорукимъ. Съ этимъ все

болѣе сближаюсь; въслѣдствіи онъ часто дразнилъ меня въ политическихъ спорахъ.

Петербургъ.

23-го (11-го) августа. Отправились въ Петербургъ, въ Зимній дворецъ, вечеромъ вернулись въ Петергофъ. Въ Петербургѣ осматривали, между прочимъ, Инженерное училище, помѣщающееся въ томъ самомъ дворцѣ, въ которомъ умеръ императоръ Павелъ. Здѣсь показываютъ множество моделей, какъ-то бородинскаго сраженія, Свеаборга, Алландскихъ острововъ, Риги, Ревеля, Вильны, Кіева, Дарданеллы.

Больше всего заинтересовали меня Дарданеллы, въ которыхъ русскіе изобразили свой флотъ, затѣмъ Кіевъ, большая крѣпость, въ настоящее время только еще воздвигаемая противъ Австріи. Австрія-же, съ своей стороны, ровно ничего не предпринимаетъ.

Австрійскій врачъ, находящійся въ свитѣ эрцгерцога, замѣтилъ, что русскіе госпитали очень хороши и устроены по лучшимъ нѣмецкимъ образцамъ; только въ госпиталѣ, по его словамъ, и обращаются съ русскимъ солдатомъ, какъ съ человѣкомъ. Этотъ взглядъ не раздѣляется всѣми; изъ хорошихъ источниковъ я слышалъ совсѣмъ противоположные отзывы объ устройствѣ госпиталей.

Въ инженерную и артиллерійскую академіи молодые люди должны поступать очень рано, потому что подготовительныхъ заведеній въ Россіи нѣтъ, или они неудовлетворительны.

Въ Таврическомъ дворцѣ замѣчательна огромная зала съ прилежащимъ къ ней зимнимъ садомъ; точно также прекрасенъ и окружающій его паркъ. Картинную галерею, какъ говорятъ, имѣющую цѣнность, мы пробѣжали мелькомъ.

Еще одно лишь слово о характерѣ встрѣчъ въ общественныхъ учрежденіяхъ. Они не любятъ неожиданныхъ посѣщеній, но должно заранѣе извѣстить о себѣ, чтобы все было приготовлено for the show (напоказъ). Въ госпиталяхъ даютъ повсюду чистое бѣлье; меня увѣряли даже, что въ воспитательныхъ домахъ даютъ дѣтямъ опиумъ, чтобы они не обезпокоили своимъ крикомъ принцевъ-посѣтителей. При приѣзѣ присутствуютъ всегда in pontificalibus всѣ власти и чиновники отъ высшаго до низшаго..

24 (12) августа. Академія художествъ, громадное зданіе, но бѣдное истинными произведеніями искусства почти до смѣшнаго. Изъ произведеній русскихъ художниковъ замѣчательны «Успеніе Пресвятыя Дѣвы Маріи» и «Послѣдній день Помпеи». Одинъ скульпторъ (Клодтъ) имѣетъ тамъ свою мастерскую; онъ очень искусенъ въ изображеніи лошадей; въ настоящее время онъ работаетъ надъ двумя колоссальными, вставшими на дыбы, конями, удерживаемыми людьми. Мастерская художника Ледурнера — полна солдатскихъ манекеновъ

и мундировъ. Очень оригинальны заказы императора этому талантливому, по рассказамъ, художнику. Теперь онъ пишетъ громадный парадъ при открытіи Александровской колонны; 100,000 человекъ въ неподвижныхъ, представленныхъ въ перспективѣ, баталіонныхъ массахъ, все au port d'armes; нельзя пропустить ни одного человека, но нѣтъ за то ни группъ, ни движенія — отсутствуетъ фантазія; Ледурнеръ самъ сидѣлъ надъ этимъ.

Въ академіи же увидѣли мы портретъ императрицы Екатерины въ мужскомъ платьѣ, — въ зеленомъ мундирѣ, на бѣлой лошади, точно въ томъ видѣ, какъ она произвела переворотъ. Видѣли потомъ еще нѣсколько интересныхъ вещей, но имѣющихъ никакого художественнаго значенія.

Во всѣхъ общественныхъ учрежденіяхъ находишь портретъ императора Николая Павловича, почти всегда въ одной и той-же позѣ, $\frac{2}{3}$ face, въ которой говорятъ, онъ нравится самому себѣ.

Почти всюду, во главѣ ученыхъ учреждений, находишь иностранцевъ; точно также во главѣ виститута путей сообщеній герцога Вюртембергскаго, французскихъ генераловъ Базена и Дестрема.

Обѣдъ въ Зимнемъ дворцѣ; разговоръ о слѣдствіи надъ генераломъ Розеномъ, командовавшимъ на Кавказѣ и отставленнымъ отъ должности. Солдаты, которые показывались находящимися на лицо, должны были однако работать для хозяйственныхъ цѣлей нѣ полковника, зятя генерала Розена Адъютантъ государя, князь Васильчиковъ, былъ посланъ для разслѣдованія дѣла. Императоръ строго взглянулъ на это и хотѣлъ наказать, для примѣра прочимъ, хотя подобныя злоупотребленія здѣсь въ порядкѣ вещей. Теперь приказано произвести второе подобное слѣдствіе, которое еще не кончено. Высчитываютъ, что каждый полкъ долженъ приносить своему командиру *mintuit* 8,000 рублей. Полковые командиры выгадываютъ на фуражѣ и ремонтѣ, которые предоставлены имъ совершенно. Въ процентахъ и барышахъ имѣютъ свою часть сильные и очень сильные лица, *les divisionnaires etc.* — «*c'est geci*». Мы возвратились въ Петергофъ, но было ужъ слишкомъ поздно, чтобы воспользоваться приглашеніемъ императрицы.

Царское Село.

25 (18) августа. Утромъ обѣдня въ небольшой готической церкви Петергофскаго парка. Въ два часа *déjeuner d'etat* за гофмаршалскимъ столомъ, причѣмъ были также и придворныя дамы. Жонни сосѣдками были графиня Гаукъ и М-ше Мари Бартечева, москвитянка, вѣжливая и сообразительная.

Послѣ завтрака мы окончательно оставили Петергофъ, чтобы поселиться въ Царскомъ селѣ.

Наша квартира въ лѣвомъ флигелѣ большого дворца. Вечеромъ soirée у императрицы въ новомъ Александровскомъ дворцѣ. Montagnes russes и другія упражненія въ большомъ ходу. Великія княжны выказываютъ свою ловкость и грацію, скатываясь съ горъ.

Ужинъ; за небольшимъ столомъ, за который помѣстился и я, находились М-ле Карамзина, дочь извѣстнаго русскаго исторіографа, вѣжливая и умная; затѣмъ княжна Ольга Трубецкая и М-ле Фредериксъ.

Александровскій дворецъ очень хорошо приспособленъ для cercles; особенное изобиліе, какъ и повсюду, въ прекрасныхъ цвѣтахъ и растеніяхъ.

Разговоръ съ ротмистромъ Краль о новѣйшихъ измѣненіяхъ и устройствѣ австрійской кавалеріи.

26 (14) августа. Утромъ осматривали дворецъ съ Сухтеленемъ; мы осматривали его вторично, причѣмъ Сухтеленъ разсказалъ намъ много интересныхъ подробностей и воспоминаній объ Екатеринѣ, которую онъ, Сухтеленъ, обоготворяетъ, такъ какъ она была благодѣтельница его отца, и при ней имѣлъ силу фаворитизмъ — время, о которомъ онъ сожалѣетъ, хотя и не высказываетъ этого прямо.

На подъемѣ, который Екатерина приказала устроить, когда она стала старой и слабой, стоитъ ея chaise roulante. Галерея съ бюстами философовъ древнихъ и новыхъ временъ, между прочимъ, съ бюстами Руссо и Фокса.

Прогулка въ паркѣ; colonne rostrale; триумфальная арка, обediaкъ — все это въ честь братьевъ Орловыхъ.

Масса лебедей на прудахъ.

Орловы не оставили послѣ себя ни одного законнаго сына; теперешній Орловъ признанъ лишь нынѣшнимъ государемъ; онъ сдѣланъ графомъ и наследуетъ законной богатой не замужней дочери графа Орлова-Чесменскаго. Орловы-Денисовы совершенно иная старинная русская фамилія.

Въ арсеналѣ императора Николая мы видѣли рисунки на стеклѣ. Одно изъ оконъ представляетъ троихъ швейцарцевъ въ Грютли; надпись е. в. приказалъ уничтожить.

Въ каждой комнатѣ царско-сельскаго дворца находится, по старинному русскому обычаю, икона.

Обѣдъ за гофмаршалскимъ столомъ; послѣ обѣда визиты австрійцамъ; Верхардтъ дѣлаетъ мой портретъ. Генералъ Пирэ, съ которымъ я имѣлъ болѣе всего сношеній, открыто говорилъ объ австрійской политикѣ. «Мы создаемъ, что тѣсный союзъ съ Пруссіей — самое разумное; но ничего не подѣлаешь, такъ какъ Пруссія стѣснена родственными отношеніями, связывающими ее съ Россіей». Потомъ: «наши новыя крѣпости построены все противъ Франціи, по еще ни одна не воздвигнута противъ Россіи. Мы хотѣли бы защититься отъ идей, которыхъ не удержишь крѣпостями... Противъ Россіи предназначены Олькиецъ, Эперіешъ и Кожорнъ, но Эперіешъ еще не укрѣпленъ».

А вотъ то, что можно было извлечь изъ другихъ разговоровъ.

Императрица имѣетъ нѣсколько сотъ *demoiselles d'honneur*; это отличіе для барышень знатныхъ фамилій; но черезъ это онѣ вовсе не обязаны находиться при дворѣ, и лишь изрѣдка, при случаѣ, исполняютъ свои обязанности. Настоящія *demoiselles d'honneur*, живущія при дворѣ, большею частью сироты или дочери заслуженныхъ, но не имѣющихъ средствъ родителей, которымъ хотятъ оказать благодареніе. Онѣ получаютъ около 2,500 руб. въ годъ на свой туалетъ и отдѣльные подарки отъ императрицы. Когда онѣ выходятъ замужъ, то имъ даютъ отъ 12 до 15,000 рублей—*pour tout porte*, разъ навсегда.

Императоръ Александръ Павловичъ былъ извѣщенъ о заговорѣ, разразившемся позднѣе, послѣ его смерти. Но онъ приказалъ полиціи лишь наблюдать и принять мѣры предосторожности, но не приказалъ произвести никакого форменнаго разслѣдованія, и потому подозрѣніе долго падало на многихъ невинныхъ. Такъ были заподозрѣны братья Сухтеленъ и должны были выйти въ отставку, когда замѣтили, что ими пренебрегаютъ и относятся къ нимъ съ недоверіемъ. Сухтеленъ вступилъ на службу лишь въ началѣ турецкаго похода, съ потерей своего старшинства.

Императоръ Николай, по восшествіи на престолъ, приказалъ привлечь заговорщиковъ въ военному суду; въ этомъ дѣлѣ было замѣшано до 230 лицъ; четверо (пять) были повѣшены, въ томъ числѣ Пестель; 16 отправлены въ Сибирь, между прочимъ одинъ изъ Трубецкихъ; 80 наказаны инымъ способомъ; остальные были разосланы въ качествѣ солдатъ по полкамъ, особенно много было послано въ Харьковскій полкъ, стоявшій на Кавказѣ. Большею частью это были молодые люди, наэкальтрированные или помѣшавшіеся на исполнѣ непримиримыхъ идеяхъ; они мечтали о славянской республикѣ и независимости Польши. Я передаю здѣсь только то, что было мною слышано.

Д. говорилъ о просвѣщеніи, о правосудіи и положеніи русскихъ крестьянъ и говорилъ при томъ совершенно такъ, какъ сталъ бы говорить объ этомъ русскій. «Въ Россіи нѣтъ ни правосудія, ни законовъ, ни какой-либо защиты для крѣпостныхъ; все основано на преданіи и обычаѣ, но помѣщики имѣютъ свою выгоду быть справедливыми; но крайней мѣрѣ, въ тяжбахъ крестьянъ между собою дѣла рѣшаются скоро и патріархально *ex aequo et bono*».

Жалоба на финансовую систему, на тягости, которыя должны нести помѣщики, и на упадокъ имѣній. Помѣщики должны содержать семейства крѣпостныхъ, когда послѣдніе не могутъ дѣлать этого сами. Въ томъ, что главной причиной раззоренія служитъ расточительность, не хотятъ сознаться.

27-го (15-го) августа. Утрожь отправлялись съ австрійцами въ Павловскъ, гдѣ великій князь Михаилъ подробно показывалъ намъ кавалерію; тамъ квартируетъ учебный полкъ; въ немъ находятся кавалеристы отъ 63 полковъ, раздѣленныхъ на 16 дивизіоновъ.

Во дворцѣ великій князь Михаилъ показалъ намъ портретъ Фридриха Великаго, передъ которымъ за круглымъ столикомъ имѣлъ обыкновеніе сидѣть отецъ вел. князя—Павель Петровичъ.

Прекрасныя картины Верне и Роберта.

Обѣдали мы у великаго князя Михаила; его любезность и живость. Такъ какъ за столомъ были австрійцы, то разговоръ вращался, большею частью, около австрійской арміи, съ которою Михаилъ Павловичъ хорошо знакомъ.

Мы вернулись въ Царское село; императоръ отправился сегодня въ Бородино. Вечеромъ у императрицы *soirée* и ужинъ. Я сыгралъ партію въ шахматы съ княземъ Долгорукинымъ (Николаемъ).

Петербургъ и Пулково.

28-го (16-го августа). Я нѣсколько разъ ходилъ по Петербургу пѣшкомъ, одинъ, на примѣръ, въ книжныя лавки, и имѣлъ случай убѣдиться въ ихъ жалкомъ состояніи. Ни разу не нашлось сносной почтовой карты Россіи.

Мы вернулись въ Царское село; обѣдъ *en petit comité* за гофмаршалскими столомъ. Послѣ обѣда я отправился одинъ на новую обсерваторію, гдѣ встрѣтилъ очень любезный пріемъ со стороны перваго астронома, статскаго совѣтника Струве, показывавшаго мнѣ все устройство съ величайшими подробностями. Прочность фундамента, при чемъ принять во вниманіе климатъ. Всѣ инструменты отъ Репсолда изъ Гамбурга; телескопы и рефракторъ фабрики Фрауенгофера и Утцшнейдера въ Мюнхенѣ.

Къ сожалѣнію, я торопился, въ виду приглашенія на вечеръ къ императрицѣ. Струве сказалъ: «Я не отпущу васъ; вы, по крайней мѣрѣ, должны видѣть мой рефракторъ».

Царское село; снова Пулково.

29-го (17-го) августа. Утромъ осмотрѣли Сиротскій институтъ (т. е. Александровскій для малолѣтнихъ кадетскій корпусъ); онъ вполнѣ находится подъ покровительствомъ императрицы; она даже пожалада лично показать его иностранному принцу. Въ немъ находится около 120 мальчиковъ, отъ 3-хъ до 10-ти лѣтъ, четырехъ вѣроисповѣданій — православнаго, католическаго, лютеранскаго и магометанскаго. Дѣти смотрятъ довольными и счастливыми, но должны слишкомъ много учиться, на что мнѣ жаловался одинъ изъ инспекторовъ. Воспитаніе дѣтей предоставлено дамамъ, а обученіе мужчинамъ. Много гимнастическихъ упражненій. Тамъ все дѣти дворянъ; они обмундированы и уже въ этомъ возрастѣ воспитываются по военному и приучаются къ

командованію. Дѣти учатся четыремъ языкамъ. Инспекторъ говорилъ мнѣ, что русскіе нѣмецкому языку выучиваются значительно легче и быстрее, чѣмъ французскому. Дѣти были очень ласковы съ императрицею, которая обращалась съ ними совершенно какъ мать.

Обѣдъ за гофмаршалскимъ столомъ; затѣмъ вторичная поѣздка на пулковскую обсерваторію, куда я взялъ съ собою Риго и австрійцевъ. Та же любезность Струве, который снова показывалъ намъ все и былъ радъ меня видѣть. Онъ рассказывалъ мнѣ съ большимъ удовольствіемъ, что недавно посчастливилось найти портретъ Кеплера.

Положеніе обсерваторіи очень благопріятное: она расположена отдѣльно на холмѣ и обладаетъ дальнимъ кругозоромъ. Струве рассказываетъ, что самъ императоръ избралъ это мѣсто, принявши заранѣе всевозможныя предосторожности, чтобы не согласились съ его выбора изъ чистой *déférence* къ нему.

Струве—матодоръ своей науки; мнѣ кажется, что главная его заслуга—открытіе движенія двойныхъ звѣздъ, одна вокругъ другой¹⁾.

30-го (18-го) августа... Вмѣстѣ съ Геверсомъ я отправился посмотрѣть на старыхъ лошадей; между ними есть лошадь императора Николая, на которой онъ ѣздилъ при восшествіи на престолъ, въ день возмущенія. По близости конюшенъ находится много памятниковъ околѣвшимъ лошадямъ, между прочимъ и той, на которой совершилъ въѣздъ въ Парижъ Александръ.

Обѣдъ за гофмаршалскимъ столомъ; сегодня узналъ я о смерти герцога Нассаускаго; за обѣдомъ большой споръ по поводу вопроса о нассаускихъ государственныхъ имуществахъ. Николай Долгорукій (*le vieux pêcheur*) радовался, что можетъ помучить меня. Генералъ Будбергъ сказалъ:—*Le duc de Nassau était très aristocratique*. Я отвѣчалъ: *«Pardon, il était très autocratique»*. Долгорукій возразилъ на это: *«Convencez, monsieur de Gagern, que l'Allemagne est très heureuse; elle prospère sous ces petits gouvernements. Ces petits princes, qui n'ont qu'à s'occuper de l'intérieur de leur pays, gouvernent le mieux»*. Онъ сказалъ это не подумавши, для того только, чтобы задѣть меня. Я: *«Avouez, prince, que je suis généreux; car si je voulais retourner votre argument contre vous?»* Онъ засмѣялся, и мы остались хорошими друзьями, такъ какъ онъ уже давно подмѣтилъ мою политическую вѣру. Русскіе во многихъ отношеніяхъ обладаютъ прямоушіемъ, являющимся отъ сознанія превосходства своихъ силъ и надменности.

¹⁾ Честь открытія движенія такъ называемыхъ двойныхъ звѣздъ одна вокругъ другой принадлежитъ англійскому астроному В. Гершелю, а заслуга В. Струве заключается, главнымъ образомъ, въ производствѣ громаднаго числа наблюденій надъ движеніемъ двойныхъ звѣздъ и въ составленіи каталога ихъ.

Прощальные визиты; вечером *soirée* у императрицы; опять партія шахматъ съ княземъ Долгорукииъ, говорившииъ о всякой всячинѣ. Прощаніе съ императрицей; великая княжна Ольга особенно любезна.

Пашкова была сегодня очень мила и элегантна, хотя императоръ и отсутствовалъ.

— «*Pourquoi êtes-vous si extraordinairement belle aujourd'hui?*» сказалъ я.

— «*Ah, monsieur le colonel, vous faites des compliments au moment de partir, c'est du moins un souvenir agréable, qui me restera de vous.*»

31-го (19-го) августа. Утромъ писалъ письма, потомъ гулялъ съ Г. Длинный разговоръ съ X.; онъ очень добродушенъ, но нѣсколько скученъ и ограниченъ и о всѣхъ вѣщахъ разсуждаетъ съ дипломатическою назидательностью. Такъ какъ онъ знаетъ много интереснаго о Россіи, то я слушалъ и спрашивалъ его. Мой способъ разговора съ нимъ я долженъ сравнить съ промывкой золота, модела чего я видѣлъ нѣсколько дней тому назадъ. Громадную массу песку должно перетереть, мыть и перемыть, чтобы остались двѣ маленькія песчинки золота.

Онъ разсказывалъ о русскихъ обычаяхъ. У князя *** прелестная жена, которую приглашали нѣсколько разъ ко двору безъ мужа. Первый разъ онъ явился съ нею; поморщились, но ничего не сказали. На второй разъ ему объяснили, что онъ не приглашенъ. Отвѣтъ былъ тотъ, что онъ не можетъ повѣрить этому, такъ какъ пригласить жену безъ мужа совершенно противорѣчитъ русскимъ обычаямъ. Онъ подалъ въ отставку, и сильное впечатлѣніе ея ослабилось лишь тѣмъ, что князь *** очень богатый человѣкъ и далъ большой балъ для императорской фамиліи. *Les mauvaises langues disent, que cela n'empêche pas, que Madame...*

Русскіе обычая представляютъ все еще смѣсь грубости, роскоши и варварства. Въ домахъ, гдѣ господствуетъ расточительность, не достаетъ часто самаго необходимаго. Рѣдко вы найдете отхожее мѣсто, но только лишь судна, часто стоящія въ залахъ или переднихъ. Мелочная щекотливость русскихъ дамъ; передъ своими же крѣпостными мужскаго пола онѣ раздѣваются и дѣлаютъ еще большее совершенно спокойно.

Галантныхъ кавалеровъ въ салонахъ встрѣчаешь мало; всѣ предпочитаютъ обратиться прямо къ дѣлу, и здѣсь считается обычнымъ явленіемъ, что мужчина и дѣвица находятся въ очень близкихъ отношеніяхъ, между тѣмъ какъ въ обществѣ они почти не разговариваютъ или кажутся совсѣмъ незнакомыми.

Русскія женщины среднихъ и низшихъ классовъ такъ безобразны, что нѣкоторые публичные дома должны пополняться иностранками.

Русскіе сначала очень предупредительны къ иностранцамъ и стараются сблизиться съ ними изъ любопытства или тщеславія. Рѣдко дружественныя отноше-

нія завязываются надолго. Коль скоро иностранец потерялъ для них прелесть новизны, онъ наскучиваетъ имъ и къ нему относятся съ пренебреженіемъ.

Русскіе мастеровые много берутъ на себя и обманываютъ насколько только могутъ; необходимо поэтому всегда заранѣе условиться съ ними.

Даже въ лучшемъ обществѣ рискуешь быть обманутымъ въ игрѣ.

Русскіе, обладающіе вообще большою ловкостью и способностью къ легкому усвоенію извѣстнаго лоска, не очень затрудняются объявить дуракомъ иностранца, не особенно подвижнаго и говорящаго испорченнымъ языкомъ.

Роскошь и расточительность такъ велики, что большинство раззоряется. Это особенно часто случается съ тѣми, кто по своему положенію или по своимъ обязанностямъ при дворѣ поставленъ въ необходимость соперничать съ богатыми.

Почти всѣ чиновники въ Россіи воруютъ; *cetera est* геси, и министры во главѣ всѣхъ (1839 г.).

Число слугъ въ русскомъ домѣ громадно; они плохо оплачиваются, но зато и мало работаютъ; каждый имѣетъ свой крайне ограниченный кругъ занятій и не дѣлаетъ ничего другаго; одинъ носитъ воду, другой топить, третій убираетъ комнаты, тотъ ѣздитъ на запяткахъ; одна служитъ прачкой, другая судимойкой, третья вычищаетъ судна etc. Небольшое, но приличное хозяйство требуетъ человѣкъ 25 прислуги, немого большее—отъ 40 до 50. Старшіе слуги, въ свою очередь, имѣютъ своихъ помощниковъ.

Въ Петергофѣ у насъ постоянно было человѣкъ 6 или 8 прислуги, которыхъ другого ничего и не оставалось дѣлать, какъ прислуживать Ригу, мнѣ и нашимъ, такъ называемымъ, камердинерамъ; въ этомъ числѣ я не считаю конюховъ и кучеровъ.

Но настало время покинуть Царское село; послѣ обѣда за гофмаршалскіи столomъ мы уѣхали въ 6 часовъ вечера.

Поѣздка въ Бородино.

Сухтеленъ поѣхалъ съ принцемъ, а я съ Риго; фельдъегерь впередъ. Мнѣ кажется, что Сухтеленъ получилъ изъ царскихъ суммъ 10,000 рублей на путевыя издержки.

Мы пили чай въ Померани, въ прелестномъ почтовомъ домѣ; онъ, какъ и большая часть гостинницъ по дорогѣ въ Москву, построенъ былъ для остановки императрицы Екатерины, обыкновенно совершавшей эти путешествія маленькими переѣздами. Мы *more consueto* ѣхали и ночью.

Новгородъ. Валдай. Едрово. Вышній-Волочекъ.

1-го сентября (20-го августа). Воскресенье. Утромъ мы позавтракали въ старинномъ городѣ Новгородѣ, который выглядитъ, однако, очень новымъ и веселымъ. Старинныя зубчатыя стѣны Кремля еще существуютъ; въ кремлѣ Софійскій соборъ; въ немъ есть бронзовая дверь, украшенная барельефами и надписями на латинскомъ и древне-славянскомъ языкахъ. Какъ говорятъ, этой двери болѣе 1,000 лѣтъ; соборъ въ византійскомъ стилѣ.

Русскіе часто штукатуруютъ свои дома, такъ что они всегда выглядятъ новыми, кромѣ того, большая часть домовъ деревянные, такъ что они и не могутъ быть очень старыми.

Въ Новгородѣ 18,000 человекъ населенія. Гражданскій губернаторъ Снявинъ, молодой еще человекъ, уваживалъ за принципъ *in pontificalibus*.

Цвѣтъ домовъ преимущественно желтый, съ бѣлыми выступами, ниластами и оконными украшениями. На всемъ пространствѣ пути особенно поражаетъ однообразіе постройки русскихъ крестьянскихъ избъ; одна деревня какъ другая, одна изба какъ другая—очень печальный видъ. Дома, точно блок-гаузы, выстроены изъ кое-какъ скрѣпленныхъ, грубо отесанныхъ, сосновыхъ бревенъ. Фронтонъ съ тремя окошками выстроенъ на уступу (*ignon sur rue*) Ни двора, ни деревьевъ, ни садовъ, никакой ограды, ничего другого, кромѣ жалкаго картофельнаго или капустнаго поля небольшихъ раздѣловъ за домомъ. На всемъ пути ни одного фруктоваго дерева, однѣ лишь березы да сосны.

Церкви, по большей части, красивы и въ хорошемъ состояніи; всѣ онѣ съ колокольнею и съ куполомъ; куполь часто окруженъ четырьмя колоколенками.

Невысокія горы, единственныя по этой дорогѣ и вообще въ Европейской Россіи, не болѣе 500 футовъ высоты надъ уровнемъ моря. Городъ Валдай и ближній монастырь очень красиво расположены среди холмовъ и озеръ: это единственная красивая мѣстность. Здѣсь же находится много кургановъ, но къ какой эпохѣ они относятся—опредѣлить нельзя по добытымъ отсюда незначущимъ остаткамъ. Валдай на половинѣ пути изъ Петербурга въ Москву; проезжающіе русскіе любятъ побывать здѣсь въ банѣ, куда красивѣйшія крестьяны молодыя дѣвушки приносятъ имъ крендели и баранки. И намъ, при перезакладѣ лошадей, предлагалось это печеніе ласковыми, веселыми и довольно красивыми дѣвушками. Я говорю—красивыми, потому что это были единственныя сносныя личики, встрѣченныя нами въ нашемъ путешествіи. Обѣдали мы въ Едровѣ.

Черезъ Вышній-Волочекъ мы прошли среди наступившей уже ночи; въ темнотѣ онъ выглядѣлъ очень величественно. Здѣсь начало канала, соеди-

нающаго Каспійское море и Волгу съ Балтійскимъ посредствомъ Ладожскаго канала и Невы. Однако, большую часть года уровень воды въ немъ очень низокъ, да, кромя того, и пороги представляютъ значительныя затрудненія, такъ что по немъ проходитъ много судовъ изъ Каспійскаго моря въ Петербургъ, но обратно они не возвращаются, а продаются тамъ.

Торжокъ. Тверь.—Клинъ.—Воскресенскъ.

2-го сентября. Выѣхали рано утромъ, въ 6 часовъ. Позавтракали въ городѣ Торжокѣ, производящемъ пріятное впечатлѣніе, у одной хозяйки, славящейся своими котлетами; репутація ея вполне заслуженная. Въ Торжокѣ готовится и обрабатывается узорчатый сафьянъ, идущій на сапоги, шапки, туфли, кушаки, бумажники и т. п. и продаваемый во всей Европѣ. Мы сдѣлали нѣсколько покупокъ, не очень дешевыхъ.

У принца были съ визитомъ одинъ генералъ и полковникъ квартирующаго тамъ кавалерійскаго полка,—затѣмъ депутація отъ купечества, поднесшая хлѣбъ и соль и предложившая фруктовъ. Это — русскій обычай, и то же самое было съ нами уже въ Новгородѣ. Хлѣбъ и соль означаютъ счастье, и, слѣдовательно, это есть способъ пожеланія счастья при встрѣчѣ; обычай этотъ соблюдается всегда при проѣздѣ черезъ городъ члена императорской фамиліи. Предложить одну только соль, по вкоренившемуся у русскихъ предразсудку, значитъ обидѣть; когда во время обѣда просишь у своего сосѣда соли, онъ подаетъ солонку на кусочкѣ хлѣба.

Черезъ Волгу и значительный городъ Тверь мы проѣхали не останавливаясь; обѣдали въ Городнѣ и вечеромъ около городка Клина свернули съ большаго московскаго шоссе, чтобы по проселочной дорогѣ добраться до Бородинна. Мы ѣхали и ночью; въ Воскресенскѣ, городишкѣ съ порядочнымъ монастыремъ, пили чай въ крестьянской избѣ. Сухотеленъ заболѣлъ и съѣлъ съ Рого, а я съ принцемъ. Между Воскресенскомъ и Завидовымъ карета, въ которой я сидѣлъ съ принцемъ, опрокинулась, и мы вывалились, но безъ малѣйшаго вреда для себя. Въ 8 часовъ утра 3 сентября мы счастливо прибыли въ Бородино.

Сообщ. и пер. Н. К. Шилдбергъ.

* * *

Еще одна тяжелая утрата
 На жизненномъ пути твоёмъ:
 Еще одна страдалица объята
 Невозмутимымъ, вѣчнымъ сномъ.
 Еще прибавилось воспоминанье
 Тебѣ о лучшихъ временахъ,
 Когда чужда печали и страданья,
 Въ весеннихъ радостныхъ лучахъ,
 Увѣнчана душистыми цвѣтами,
 Дыша весельемъ молодымъ,
 Жизнь улыбалась ясными очами
 Такъ ласково мечтамъ твоимъ.
 Но не кляни судьбы! Бѣги роптанья
 На тягость горькой череды:
 По многомъ лишь и долгомъ испытаньи
 Покой и миръ заслужишь ты.
 — Вотъ видишь-ли: утраты неизбѣжны,—
 Но дни разлуки коротки.
 Смотри: цвѣтокъ подъ бурю мятежной
 Свои роиаетъ лепестки,
 Чтобъ распусться съ новою весною
 Еще прекраснѣй и пышнѣй.
 Такъ надежить безтрепетной душою
 И намъ средь горя и скорбей
 Воспоминанье за воспоминаемъ,
 Бѣду за тяжкою бѣдой
 Ронять въ прошедшее, чтобы страданьемъ
 Купить блаженство и покой.

1885.

Е. Р.

Изъ книги «Стихотворенія К. Р.» Спб. 1886 г.]

ЛѢТОПИСЬ ЗАБАВЪ И ШАЛОСТЕЙ ДЕРПТСКИХЪ СТУДЕНТОВЪ

1803—1862.

Благодаря балтійской солидарности, вліятельному положенію прибалтійцевъ въ высшихъ служебныхъ сферахъ и ихъ покровителей изъ русскихъ сановниковъ, дерптскій университетъ долгое время считался образцовымъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ, и русскому университетскому юношеству указывали на поведеніе дерптскихъ студентовъ, какъ во многихъ отношеніяхъ примѣрное. Предлагаемое описаніе студенческихъ шалостей въ Дерптѣ, составленное по официальнымъ документамъ, опубликованнымъ въ сочиненіи: *Deutsch-protestantische Kämpfe in den Baltischen Provinzen Russlands, Leipzig, 1888 г.*, покажетъ, что слава о безукорыненномъ поведеніи дерптскихъ студентовъ могла разнестись лишь благодаря поборкѣ и системѣ замалчиванія, которыя постоянно практиковались его непосредственнымъ въ старину начальствомъ и покровителями на всѣхъ ступеняхъ государственной службы. Какъ мы убѣдимся изъ приводимыхъ ниже фактовъ неповиновенія студентовъ распоряженіямъ начальства и всякаго рода безчинствъ, дерптское студентство въ этомъ отношеніи едва ли не превзошло студентовъ всѣхъ прочихъ русскихъ университетовъ, но всѣ его непохвальные подвиги хоронились въ архивѣ «независимаго университетскаго суда» или извинялись политикой начала царствованія Александра I, а также снисходительностью не русскихъ попечителей округа. Такъ, съ самаго основанія университетскаго суда было ему предписано: «при обсужденіи проступковъ студентовъ всегда имѣть въ виду смягчающія обстоятельства и оцѣнивать ихъ соотвѣтственно ихъ истинной природѣ». Въ правилахъ для студентовъ дерптскаго университета, изданныхъ въ 1803 г., читаемъ: «Такъ какъ обязанности молодыхъ людей, готовящихся поступить въ число гражданъ, не могутъ равняться обязанностямъ дѣйствительныхъ членовъ гражданскаго общества, то и поступки ихъ не могутъ быть одинаковымъ образомъ наказываемы». Въ виду такихъ гуманныхъ взгля-

довъ и инструкцій, конечно, не трудно было всѣмъ безчинствамъ совершаемымъ дерптскими студентами придавать характеръ невинныхъ шалостей, свойственныхъ неопытному юношеству и лишенныхъ всякой политической окраски.

Сравнивая бытъ и нравы студентовъ русскихъ университетовъ съ тѣми, которые господствовали въ средѣ обучающихся въ онѣмеченномъ дерптскомъ университетѣ, обыкновенно упускаютъ изъ виду слѣдующіе важные факторы, значительнo вліяющіе на своеобразный характеръ поведенія тѣхъ и другихъ.

Обсуждая большую или меньшую степень виновности студентовъ названныхъ университетовъ, обыкновенно не принимаютъ въ надлежащее вниманіе національныя черты ихъ характера и ихъ обоюдное социальное положеніе. Флегматическій темпераментъ балтійца — помѣсь нѣнца съ латышемъ или эстонъ, — воспитаніе въ дисциплинѣ, выработанной многовѣковой культурой, приучаютъ его съ малыхъ лѣтъ дѣйствовать съ оглядкой, систематически и въ надлежащемъ времени и мѣстѣ, затѣмъ, скрывать отъ непосвященныхъ, свое политическое сredo и замыслы а не разглашать ихъ на площадяхъ и «ходить въ народъ», подобно русскому студенту-сангвинику, — образъ дѣйствія немисланный для балтійца уже по той простой причинѣ, что въ нашихъ Прибалтійскихъ губерніяхъ никакого балтійско-нѣмецкаго народа не существуетъ. Вотъ при какихъ условіяхъ вырабатывается изъ дерптскаго бурша: пасторъ, относящійся съ пренебреженіемъ къ основнымъ государственнымъ законамъ, чиновникъ, который кладетъ подъ сукино высочайшія повелѣнія, наставникъ юношества, который съ кафедры и въ своихъ ученыхъ трудахъ проповѣдуетъ презрѣніе ко всему русскому, неуваженіе къ правительственнымъ распоряженіямъ, короче — готовятъ будущихъ фанатиковъ балтизма въ родѣ Вальтеровъ, Шпреновъ, Экартовъ, Шниановицъ, Бянемановъ, Бухольцевъ и tutti quanti ¹⁾.

Здѣсь кстати замѣтить, что къ усвоенію примѣрной дисциплины, которая лежитъ въ основаніи всѣхъ балтійскихъ интригъ и обезпечиваетъ ихъ успѣхъ,

---

¹⁾ О пресловутой лояльности балтовъ и какъ они понимаютъ обязанности вѣрноподданнаго къ престолу и отечеству свидѣлствуютъ слѣдующія выдержки изъ новѣйшаго памфлета «Знаменіе времени» одного изъ послѣдователей названныхъ лицъ: «Упорная, непримиримая оппозиція правительственнымъ реформамъ, ибо наше балтійское чувство не позволяетъ намъ повинаться правительству и содѣйствовать русификаціи... Всегда внимательно слѣдить за тѣмъ, чего отъ насъ ожидаетъ нашъ врагъ (правительство?) и дѣйствовать наперекоръ этому ожиданію». «При подобной тактикѣ, увѣряетъ авторъ, не подъ силу будетъ бороться съ нами даже такому государству, которое, не смотря на свое всѣмъ извѣстное жалкое состояніе (Jämmerlichkeit), любитъ хвастаться своей сотней милліоновъ. Нашему врагу не можетъ не импортировать такая непоборимая, твердая оппозиція». (Ein Zeichen der Zeit. Ein Wort für baltische Leser).

А. Чуминовъ.

не мало содѣйствуетъ самая организація дерптскихъ студенческихъ корпорацій. Въ главѣ послѣднихъ, какъ извѣстно, стоитъ избранный старшими студентами «конвентъ уполномоченныхъ» (Chargirten-Convent), который во всёхъ студенческихъ исторіяхъ дѣйствуетъ не иначе, какъ по mot d'ordre, полученному отъ бывшихъ корпорантовъ — профессоровъ, учителей, адвокатовъ и т. п.

Если даже повѣрить словамъ дерптскаго «казеннаго устава» (значить существуетъ и другой, невѣдомый правительству), что корпорація студенческія не преслѣдуютъ никакихъ политическихъ цѣлей, то спрашивается — противъ кого и чего будетъ возмущаться дерптскій студентъ, выросшій въ край, который, если не ошибаемся, историкомъ его Меркелемъ былъ прозванъ «раемъ для нѣмцевъ и адомъ для латышей и эстовъ», — такой субъектъ, котораго политическій кругозоръ не простирается далѣе трехъ губерній, его родины (Heimath) ¹⁾, котораго всё идеалы и помыслы, послѣ беззаботной и веселой жизни бурша, сосредоточиваются на полученіи университетскаго диплома и тепленькаго мѣстечка, преимущественно на этой же возлюбленной родинѣ. То и другое, благодаря нѣмецкой политикѣ профессоровъ, покровительству бывшихъ товарищей и дерптской солидарности, дается имъ довольно легко. Огромный процентъ выпущенныхъ изъ дерптскаго университета съ дипломами доктора медицины и кандидата прочіихъ факультетовъ и недавно приведенный въ газетѣхъ нѣмецкій списокъ служащихъ въ медицинскомъ департаментѣ свидѣтельствуютъ какъ о снисходительности профессоровъ, такъ и о беззастѣнливой протекціи, оказываемой другъ другу балтами. Нисколько не преувеличивая, можно утвердительно сказать, что нигдѣ nepотизмъ и круговая порука не процвѣтаютъ такъ роскошно, какъ въ Балтійскомъ край; почти неслышанно, чтобы питомецъ Дерптскаго университета не усидѣвалъ, какъ это случается со множествомъ русскихъ студентовъ, тотчасъ послѣ своего выпуска, пріютиться на коронной или, что еще желаннѣе для него, на общественно-сословной службѣ.

Другой факторъ, играющій столь важную роль въ студенческихъ волненіяхъ нашихъ университетовъ — наполняющая послѣдніе масса бѣдняковъ, людей бездомныхъ, находящихся въ постоянной борьбѣ съ нуждой. Студенческій пролетаріатъ, — мы говоримъ о студентахъ уроженцахъ балтійскаго края — вещь въ Дерптѣ совершенно неизвѣстная. Обучаются почти исключительно сыновья достаточныхъ классовъ, или стипендіаты различныхъ учрежденій и частныхъ

¹⁾ Относительно уваго патріотизма балтовъ, не признающихъ русскаго отечества, одинъ изъ выдающихся русскихъ дѣятелей въ край очень мѣтко выразился, уподобивъ его патріотизму собаки, у которой также есть родина, но нѣтъ отечества.

лицъ ¹⁾). Дерптскому студенту, проводящему первые семестры въ постоянныхъ кутежахъ, на фехтбоденѣ или въ занятіяхъ по дѣламъ своей корпораціи, вообще мало слѣдящему за современной политической и соціальной литературой, никогда и на умъ не приходитъ разсуждать объ измѣненіи того соціального строя, при порядкахъ котораго ему такъ прекрасно живется.

Русскіе студенты часто оказывались виновными въ томъ, что дѣйствовали скопомъ, печатали прокламаціи въ тайныхъ типографіяхъ и т. д.: дерптскому студенту не предстоитъ надобности прибѣгать къ уличнымъ демонстраціямъ, такъ какъ каждая корпорація пользуется правомъ черезъ своихъ уполномоченныхъ сноситься съ университетскимъ начальствомъ и предъявлять свои требованія. Зачѣмъ также ему заводить свои типографіи, когда иностранныя газеты и издательскія фирмы всегда весьма охотно печатаютъ ихъ выходы противъ русскаго правительства. Вышеприведенный памфлетъ «Знаменіе времени», очевидно сочиненный бывшимъ дерптскимъ студентомъ, развѣ не такая-же прокламація?!

Итакъ, на одной сторонѣ—обезпеченное, такъ сказать, привилегированное положеніе дерптскихъ студентовъ, ихъ добровольное подчиненіе собственнымъ строгимъ уставамъ корпорацій, наконецъ ихъ мѣстопробываніе въ небольшомъ городѣ, гдѣ каждый шагъ молодыхъ людей на виду и можетъ быть контролированъ какъ начальствомъ, такъ и обществомъ, члены котораго связаны солидарностью своихъ балтійскихъ интересовъ; на другой—видимъ мы разношерстное собраніе людей, сбѣжавшихся изъ разнохарактерныхъ краевъ имперіи, живущихъ въ обширномъ многолюдномъ городѣ безъ нравственной связи и солидарности убѣжденій и дѣйствій и надзору начальства надъ которой существуетъ въ дѣйствительности лишь въ стѣнахъ университетскаго зданія. Понятно, что подобное скопище молодыхъ людей въ возрастѣ броженія—такъ сказать неусиѣвшихъ перебѣситься (нѣмцы говорятъ: die Jugend muss austoben), въ переходныя времена шатавія даже зрѣлыхъ умовъ, можетъ выступить въ видѣ стихійной силы, «панурговымъ стадомъ», которое слѣпо подчиняется врагамъ общества и Русскаго государства. Показанія такихъ компетентныхъ изслѣдователей студенческихъ волненій и беспорядковъ въ Петербургѣ, Москвѣ и Казани, какъ профессоровъ Григорьева, Аристова, Фирсова и бывшего казанскаго попечителя Шестакова, свидѣлствуютъ, что совратители и вожаки русскихъ студентовъ были преимущественно люди не русскаго происхожденія и лица постороннія ²⁾).

А. Чумиковъ.

¹⁾ Студенту въ Дерптѣ повсюду открыты кредиты, при предъявленіи лишь визитной карточки. Но и внѣ Дерпта, когда корпорантъ нуждается въ помощи, онъ смѣло является къ бывшему корпоранту, хотя лицу совершенно ему незнакомому, и отказъ считается почти невозможнымъ. Сверхъ того, въ каждой корпораціи существуетъ своя сеудная касса.

А. Ч.

²⁾ Въ университетскихъ беспорядкахъ 1861 года либералы были изъ

Cela n'est pas de la satire,
C'est de l'histoire.

Jean Müller.

Дерптскій университетъ ведетъ начало своего существованія съ 12-го декабря 1802 года. Черезъ годъ, не смотря на малочисленность студентовъ, — ихъ было въ 1804 г. не болѣе 150 чел., — начали доходить до лифляндскаго генераль-губернатора графа Буксгевдена слухи, что дерптскіе студенты дозволяютъ себѣ безчинства, нарушающія спокойствіе жителей. Въ 1804 г. онъ узналъ, что студенческія шалости стали выходить изъ границъ терринаго: студенты начали, по ночамъ, бить окна въ домахъ горожанъ, и однажды, во время драки съ послѣдними, кричали караулъ и нанесли оскорбленіе дежурному по карауламъ офицеру. Графъ Буксгевденъ не могъ уже оставить безъ вниманія оскорбленія, нанесеннаго дежурному офицеру, и потому 15-го ноября 1804 г. предписалъ шефу Ревельскаго мушкетерскаго полка, расположеннаго въ Дерптѣ, генералу Хатунцову, донести, насколько справедливы слухъ о томъ, что дерптскіе студенты дозволили себѣ непозволительные поступки, кричали караулъ и обидѣли офицера. Въ такомъ-же смыслѣ было дано предписаніе завѣдывавшему полицейскими дѣлами въ Дерптѣ бургомистру.

Генераль Хатунцовъ, еще до полученія предписанія генераль-губернатора, рапортовалъ ему отъ 9-го ноября 1804 г.

«Вчерашняго числа ввечеру, здѣсь въ городѣ, на улицѣ, произошла драка собравшимися въ немаломъ количествѣ дерптскаго университета студентами,

вольныхъ слушателей и студентовъ первыхъ курсовъ, особенно поляки, а красные, по наблюденію моему и помощниковъ инспектора, болѣею частію, постороннія лица. Эти постороннія лица, вѣроятно, и были агентами той незримой силы, которая управляла студенческими волненіями». «По моему мнѣнію студенческія волненія 1861 г. были польскимъ дѣломъ. Такого же мнѣнія держится и покойный проф. русской исторіи Н. Я. Аристовъ, относительно казанскихъ студенческихъ безпорядковъ того времени и проф. В. В. Григорьевъ относительно студенческаго движенія въ петерб. университетѣ». («Русск. Старина» 1888 г., кн. 10, стр. 222; кн. 11, стр. 369. Статья П. Д. Шестакова)... Не подлежитъ сомнѣнію то, что они (приведенные факты) находились въ связи съ открытой протягивательственной пропагандой, главными дѣятелями которой были агенты польскаго революціоннаго комитета и, подъ ихъ влияніемъ, нарождавшіеся русскіе нигилисты изъ русскихъ людей, — пропагандой, которая тогда стремилась сдѣлать своими орудіями молодыхъ людей изъ университета». («Русская Старина» 1889 г., кн. 8, стр. 433, 434 Ст. Н. А. Фирсова).

А. М.

кои били двухъ здѣшнихъ подмастерьевъ ¹⁾, и тотчасъ на оный крикъ посланъ былъ отъ караула для унятія патруль, а затѣмъ подошелъ и бывшій за дежурнаго капитанъ Тонышевъ, который сталъ говорить этимъ студентамъ, что таковыя безчинства непристойно дѣлать благороднымъ. Тогда нѣкоторые студенты даже и на него озлобились и порывались взять капитана за грудь, но будучи не допущены до того, осмѣливались поносить его ругательными, постыдными чести, словами, причеиъ находился онаго университета профессоръ Эльснеръ, который, во время безчинства студентовъ, нимало не приступалъ къ унятію ихъ. А какъ среди не малаго количества студентовъ, и при томъ въ ночное время, нельзя было узнать виновныхъ, то я сего числа сообщилъ университету, дабы сіе дѣло было изслѣдовано и съ виновными поступлено по всѣмъ правиламъ закона, къ чему уже университетъ и приступилъ*.

Пронсшествіе это показалось гр. Буксгевдену столь важнымъ, что онъ счелъ необходимымъ донести о томъ государю императору. Въ рапортѣ его отъ 19-го ноября 1804 г., между прочимъ, упоминается, что о профессорѣ Эльснерѣ указомъ прав. сената знать дано, что за своевольное наказаніе двороваго г.-л. Кноринга человека батожьями Эльснеру учиненъ выговоръ ²⁾. «Хотя поступки студентовъ, особенно дерзкіе противъ воинскаго караула и дежурнаго офицера, суть преступленія, но поскольку они подлежатъ исключительно вѣдомству университета, то и не могу всеподданнѣйше в. и. в.—ву представить, кто именно виновные, ибо сіе открыто быть должно слѣдствіемъ въ университетѣ».

Генералъ-губернаторъ замѣтилъ г.-м. Хатунцову, что дежурный по карауламъ и караулъ не исполнили своего долга: имъ слѣдовало взять студентовъ за драку и дерзости, также взять профессора за нестараніе унять студентовъ отъ наглости и всѣхъ ихъ подъ стражею отослать въ университетъ съ описаніемъ ихъ поступковъ.

Около того-же времени дерптскій магистратъ донесъ графу Буксгевдену, что 30-го октября 1804 г., ночью, въ квартирѣ ратсгера Вернера, были выбиты окна, и затѣмъ 3-го ноября окна были вторично выбиты въ этой квартирѣ, и битые оконъ произведено и въ другихъ домахъ. Виновные не отысканы. Вернеръ, будучи старшиной въ клубѣ «Мусса», поссорился со студентами на балу: надобно полагать, писалъ магистратъ, что студенты же поывивали окна ³⁾.

¹⁾ Драка произошла отъ того, что студентъ Клугенъ запрещалъ подмастерьямъ пѣть студенческія пѣсни.

²⁾ Профессора Эльснеръ и Краузе, въ 1803 г., замѣтивъ, что дворовые люди Кноринга ходятъ по университетской землѣ, засаженой деревьями, захватили одного изъ нихъ и наказали палками. «Рус. Архивъ» 1887, № 10. Статья покойнаго Е. Чешихяна.

³⁾ Изъ донесенія бургомистра полиціи видно, что ссора студентовъ со старшиной клуба произошла изъ-за нарушенія первыми правилъ о порядкѣ танцевъ.

Университетскій судъ, изслѣдовавъ это дѣло, присудилъ студентовъ къ двухдневному содержанию въ запертой комнатѣ, а относительно «дерзкихъ противъ воинскаго караула и дежурнаго офицера поступковъ» ограничился «обвѣщеніемъ на черной доскѣ, чтобы шли къ воинскому караулу почтеніе».

Въ своемъ донесеніи министру внутреннихъ дѣлъ графу Кочубею генералъ-губернаторъ справедливо замѣтилъ, что находить очень страннымъ, «что университетскій судъ публикуетъ, чтобы студенты были почтительны къ воинскому караулу; ибо не о будущемъ дѣло идетъ, а о томъ, что они уже виновны въ дерзости противъ воинскаго караула; наказаніе не въ томъ состоитъ, чтобы повторять публикаціи закона о наказаніи, но поступить въ наказаніе по законамъ. Въ 46 воинскомъ артикулѣ-же сказано: «буде кто противъ караула и часоваго, также противъ патрулира и рунду шпагу обнажить, или на оныя нападетъ, или учинитъ оныя какой вредъ и препятствія, онаго надлежитъ безъ всякой милости арестовать». Въ уставѣ Дерптскаго университета въ § 6-мъ, читаемъ: по уголовнымъ дѣламъ университетъ, учинивъ первоначальное изслѣдованіе, препровождаетъ оное съ мнѣніемъ своимъ въ то присутственное мѣсто, до коего суда принадлежитъ преступленіе; почему студентовъ, учинившихъ драку и оказавшихся дерзкими противу воинскаго караула и дежурнаго офицера, кои не только не воспротивились, но и окружили ихъ съ дерзкими приступами, обязанъ былъ университетъ отослать съ мнѣніемъ своимъ для сужденія въ надлежащее судебное мѣсто. По содержанию 36-го § правилъ университетскихъ, который приведенъ въ рѣшеніи университета, «не должны студенты противиться караулу, если и невинны, подъ опасеніемъ строгаго наказанія»; но двухсуточный карцеръ не есть строгое наказаніе и которому подвержены только двое, а прочіе сообщники въ дракѣ и въ дерзкихъ противъ воинскаго караула поступкахъ оставлены вовсе безъ наказанія»... «Предложивъ все сіе, заключаетъ графъ Буксгевденъ, покорнѣйше прошу в. с.—во доложить государю императору о существѣ дѣла сего и качествѣ рѣшенія университетскаго, вмѣстѣ съ тѣмъ употребить ваше вліяніе, чтобъ виновныхъ, если и оставить изъятими отъ сужденія въ надлежащемъ судебномъ мѣстѣ, по крайности наказать въ страхъ другимъ ощутительнѣе, а не ограничиваться единственно публикаціей, чтобы не производили они тѣхъ дерзостей, въ кои уже виновны».

Представитель центральной администраціи, увлеченный либеральнымъ космополитизмомъ, отличавшемъ начало царствованія императора Александра Павловича, отнесся къ жалобамъ генералъ-губернатора не только довольно равнодушно, но и съ нѣкоторымъ упрекомъ за преувеличеніе. «Государь императоръ, отвѣчалъ гр. Кочубей 13-го января 1805 г., негодую на безпорядки, въ Дерптѣ возобновляющіяся, отъ кого-бы они ни происходили, и указать, чтобъ строго объ оныхъ со стороны университета изслѣдовано было, замѣчаетъ однакожь при-

томъ, что «нѣтъ почти возможности въ мѣстѣ, гдѣ такое большое ¹⁾ стеченіе людей на свободѣ живущихъ находятся, чтобъ какіе либо безпорядковъ, отъ юности происходящихъ, не случалось,.... что за правило жителямъ германскихъ городовъ, гдѣ университеты существуютъ, приеѣмается оказывать снисхожденіе во всѣхъ случаяхъ, когда сіе не сопрягается съ явными огорченіями ²⁾... что города сіи отъ существованія университетовъ получаютъ выгоды,.... что Дерптскій университетъ, такъ какъ и всѣ другіе въ Россіи и въ иностранныхъ земляхъ, имѣютъ свои уставы, по которымъ они дѣйствуютъ; что такимъ образомъ безпорядки, производимые студентами, должны быть разсматриваемы въ трибуналѣ университета соотвѣтственно правиламъ, на разные случаи по положенію университета опредѣленнымъ, а не на основаніи томъ, какъ въ нарушеніи порядка обыкновенными полицейскими мѣстами дѣла разбираются...» его величеству, заканчиваетъ министръ, весьма было-бы угодно, чтобъ в. с—во, удостовѣрися, собственно для себя, въ сихъ истинахъ, обратилъ ваше вниманіе къ тому, чтобы постепенно (?) уничтожить всѣ распри между университетомъ и жителями города Дерпта. Правительству не можетъ не быть прискорбно видѣть, что старанія и пожертвованія его, главнѣйшія къ пользѣ лифляндскаго и эстляндскаго дворянства относящіяся, остаются безуспѣшны. Управление университета, какъ извѣстно, многимъ въ Лифляндіи лично не нравится... Впрочемъ, я полагаю, что безпорядки, въ Дерптѣ случающіеся, существенно могутъ быть прекращены, когда полиція тамошняя другое образованіе получить... Назначеніе полицеймейстера изъ исправныхъ военныхъ чиновниковъ и нужнаго числа изъ казаковъ... конечно нарочи то послужитъ къ отвращенію безпорядковъ, нынѣ возобновляющихся».

Намекъ графа Кочубея на то, что нѣкоторымъ лицамъ самостоятельность университетскаго управленія не нравится, генераль-губернаторъ, очевидно, принялъ на свой счетъ и въ нѣсколько раздраженномъ тонѣ возразилъ (4-го февраля 1805 г.): «Я не знаю такихъ въ Лифляндіи, кому-бы лично управленіе университета не нравилось; но по справедливости не можетъ никому нравиться то единственно, что университетское мѣстное начальство слабымъ за молодыми людьми смотрѣніемъ допускаетъ безпорядки ихъ, отъ коихъ удерживать ихъ при самомъ началѣ тѣмъ болѣе полагаю надобнымъ, дабы не могло усугубиться и утронуться своеволюсье съ обидою жителей Дерпта. Его граж-

¹⁾ Если считалось невозможнымъ предупредить или прекратить безчинства, происходившія отъ стеченія какихъ нибудь 200 «на свободѣ живущихъ людей» въ маленькомъ городкѣ, то что сказалибы защитники дерптской молодежи, еслибы дѣло касалось 2,000-й массы студентовъ, пребывающей въ столичныхъ городахъ?!

²⁾ Избіеніе подмастерья и хватаніе за грудь караульнаго офицера, повидному, не считалось тогда за «явное огорченіе»!

дане не могут переносить равнодушно случаевъ, грозящихъ иному погибелю, какъ-то разбитіе оконъ брошенными каменьями можетъ причинить убивственныя удары». «Если въ Германіи и другихъ мѣстахъ, продолжаетъ гр. Буксгевденъ, университеты поддерживаются платой студентовъ, а городамъ доставляется пребываніемъ въ нихъ иностранцевъ хорошій доходъ, то это не примѣнно къ Дерптскому университету, гдѣ обучаются россійскіе подданные, ихъ избытки и въ Дерптѣ суть избытки россійскіе, университетъ Дерптскій снабженъ во всемъ щедротами е. и. в—ва, студенты и граждане вѣрноподанные одного монарха... Въ С.-Петербургѣ большее стеченіе учащихся, но граждане безопасны отъ обидъ ихъ... Устройство полиціи въ такомъ случаѣ послужитъ прекращеніемъ безпорядковъ, когда виновные, полиціей взяты, по мѣрѣ вины наказываются, и когда права полиціи уважаются; но, судя по дерзости студентовъ противу воинскаго караула и потому что университетское начальство вмѣсто зысканія за преступленіе рѣшило тѣмъ только, что не должно дѣлать преступленія: тогда и устройство (новое) полиціи будетъ безуспѣшно, а въ такомъ случаѣ я, какъ и вы, м. г. мой, со мною безъ сомнѣнія согласны, молчать не должны».

Дерптскій попечитель г.-м. Клингеръ представилъ съ своей стороны все дѣло министру въ такомъ видѣ, какъ будто-бы вся ссора между караульнымъ офицеромъ и студентами произошла отъ незнанія съ одной стороны нѣмецкаго, а съ другой русскаго языка. Г.-м. Клингеръ находилъ, что «университетъ въ разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ вышепомянутаго дѣла поступилъ на точномъ основаніи своихъ узаконеній, «не сдѣлавъ въ должности своей упущенія».

Не менѣе своеобразенъ былъ отзывъ университетскаго совѣта по этому дѣлу. Заявивъ что «шалости, буйства и даже самыя преступленія вездѣ случаются и отвратить оныя и сдѣлать невозможными значило-бы требовать невозможнаго», онъ въ то же время считаетъ себя обиженнымъ тѣмъ, что «доносителя (т. е. губернская администрація), права къ тому неимѣющіе, о всякомъ происшествіи доносятъ вышнему начальству».

Въ виду этой двойной защиты студенческихъ безобразій генералъ-губернаторъ послалъ министру возраженіе (1-го апрѣля 1805 г.); однакожь требующее имъ строгое наказаніе было оставлено безъ послѣдствій.

Неудивительно, что студенты, ободряемые безнаказанностью, въ мартѣ того же года произвели буйство и драку въ домѣ мастера Цейдлера. Буксгевденъ опять о томъ доноситъ государю, и опять высочайше повелѣно сообщить о буйствѣ дерптскихъ студентовъ министру гр. Н. П. Завадовскому, съ тѣмъ, чтобы начальство Дерптскаго университета приняло дѣятельнѣйшія мѣры къ обузданію студентовъ... Изъ официальныхъ документовъ не усматривается къ чему повело это высочайшее повелѣніе.

Вслѣдствіе распоряженія прибалтійскаго ген.-губернатора маркиза Паулуча, вообще не покровительствовавшему своевольству студентовъ, былъ составленъ подробный списокъ всѣхъ подвиговъ университетской молодежи съ 1811 по 1825 г. Подвиги эти состояли преимущественно въ выбитіи оконъ у полицеймейстера и фискала. Какъ почти всегда, виновными оказывались пострадавшіе отъ буйства яко-бы «мало симпатизирующіе академическому юношеству и даже иногда преднамѣренно раздражавшіе студентовъ».

II.

Такъ какъ поводы къ жалобамъ губернскаго начальства на безчинства студентовъ не прекращались, то правительство, наконецъ, рѣшилось лишить университетъ важнѣйшей его прерогативы: въ 1808 году былъ упраздненъ университетскій судъ, — на весьма непродолжительный срокъ, такъ какъ въ октябрѣ мѣсяцѣ того-же года было высочайше объявлено, что Государь Императоръ, изволивъ убѣдиться въ исправленіи дерптскихъ студентовъ, повелѣлъ отмѣнить временную строгую мѣру и возстановить прежнюю подсудность студентовъ, съ тѣмъ однакожъ условіемъ, что при появленіи новыхъ безпорядковъ эта временная мѣра имѣетъ быть обращена въ постоянную. Какъ мало продолжительно было впечатлѣніе, произведенное на дерптскихъ «сыновъ музы» царскою милостью и угрозою, усматриваемъ изъ правительственнаго распоряженія отъ 17 февраля 1816 г. «Государь императоръ, гласитъ оно, съ сожалѣніемъ изволивъ усмотрѣть, что своевольство дерптскихъ студентовъ не прекращается, что вновь происходили драки съ купцами, а потому повелѣлъ прибѣгнуть къ мѣрѣ 1808 года и не возстановлять университетскій судъ до тѣхъ поръ, пока поведеніе студентовъ не исправится»¹⁾).

Спустя 2 мѣсяца, ректоръ университета Рамбахъ сообщалъ полицеймейстеру: «Между студентами возникли раздоры. Руководимое извѣстнымъ *esprit de corps*, значительное число ихъ намѣревается учинить насиліе надъ своими товарищами. Уже нѣсколько дней сряду происходятъ на улицѣ сборища студентовъ. Имѣя основаніе опасаться нарушенія общественнаго спокойствія, принужденъ я, во избѣжаніе несчастныхъ случаевъ, покорнѣйше просить ваше в—діе: 1) предложить командиру здѣсь квартирующаго 25-го егерскаго полка, начавъ съ полудня настоящаго числа, днемъ и ночью, наряжать усиленные

¹⁾ Что университетскій судъ въ Дерптѣ былъ впоследствии возстановленъ и существовалъ до нашихъ дней, видно изъ упраздненія его указомъ прав. сената отъ 25 августа 1880 г. А. Ч.

патрули по всѣмъ частямъ города, снабдивъ надлежащею для подобныхъ случаевъ инструкцію. 2) Принять мѣры для охраненія домовъ, въ которыхъ живутъ члены университетскаго суда, оберегая ихъ соответствующимъ распредѣленіемъ патрулей ¹⁾).

Причиной тревоги ректора было открытіе существованія тайнаго общества и составленнаго студентами устава (Compend), въ которомъ установлены были правила отношеній студентовъ другъ къ другу и въ не студентамъ. «Совѣтъ университета, писалъ ректоръ, этотъ уставъ кассировалъ и взялъ подписку со студентовъ въ томъ, что они не будутъ руководствоваться ни этимъ, ни какимъ либо другимъ уставомъ и донесутъ о всякой попыткѣ составить новый уставъ». Довѣрчивое университетское начальство надѣялось такою кроткою мѣрою прекратить своеволіе дерптскихъ студентовъ.

Буйство студентовъ въ «бюргерскомъ клубѣ» 5 апрѣля 1817 года имѣло слѣдствіемъ высочайшее повелѣніе лишить дерптскихъ студентовъ права носить шпаги. У нихъ было отобрано какъ это, такъ и всякое другое орудіе ²⁾). Вслѣдъ засимъ, для сохраненія порядка и спокойствія жителей, были введены въ городъ баталіонъ Морскаго полка и команда гвардейскихъ казаковъ.

Вслѣдствіе ходатайства ректора Эверса, предложеніемъ министра народнаго просвѣщенія кн. Голицына попечителю графу Ливену 17 мая 1819 г., разрѣшено было ношеніе шпаги, но подъ условіемъ, чтобы она была не военнаго, а гражданскаго образца и вообще форменная одежда студентовъ не имѣла бы военнаго покроя ³⁾).

Послѣдствіемъ убійства Августа Коцебу іенскимъ студентомъ Сандомъ было запрещеніе обучаться уроженцамъ Прибалтійскихъ губерній въ нѣкоторыхъ германскихъ университетахъ. Такихъ студентовъ было въ то время 84. Государь Александръ I намѣренъ былъ распространить эту мѣру на всѣ Германскіе университеты, но ограничился лишь университетами въ Гейдельбергѣ, Іенѣ и Гизенѣ, въ коихъ-де преподавалось вредное ученіе и не принималось никакихъ мѣръ противъ безпорядковъ. «Мѣра, вызванная единственно мудрою предосторожностію, писалъ графъ Кочубей, при безусловномъ отозваніи всѣхъ

¹⁾ По заботѣ ректора о личной безопасности членовъ суда можно судить насколько могли быть безпристрастны приговоры лицъ, бывшихъ постоянно подъ страхомъ возмездія со стороны наказанныхъ и ихъ товарищей.

²⁾ Дерптскіе студенты, какъ извѣстно, очень мало дорожили честью носить шпаги, да и рѣдко у кого изъ нихъ онѣ имѣлись. За то у рѣдкаго изъ корпорантовъ не висѣлъ на стѣнѣ излюбленный эспадронъ, — орудіе, съ которымъ она всегда являлась на комершахъ и на улицѣ, при крикѣ товарища: «выходите на помощь! (Vurschen heraus!)».

³⁾ Сколько можемъ припомнить, форменная одежда дерптскихъ студентовъ того времени состояла изъ мундира синяго цвѣта съ чернымъ бархатнымъ воротникомъ съ золотымъ лавровымъ вѣнкомъ.

студентовъ безъ исключенія, можетъ легко подать поводъ къ злонамѣренному ея истолкованію». Въмѣстѣ съ этимъ рекомендовали ген.-губернатору маркизу Паулучи стараться дѣйствовать на родителей, выставляя имъ на видъ ихъ обязанность предохранить отъ нравственной порчи своихъ сыновей, самъ же отъ себя чтобы онъ, генералъ-губернаторъ, никакихъ начальственныхъ мѣръ не употреблялъ, тѣмъ менѣе разглашалъ ихъ.

Маркизь Паулучи не разъ выражалъ свое неудовольствіе по поводу посѣщенія балтійскими юношествомъ германскихъ университетовъ, откуда, по его словамъ, выходятъ только политическіе мечтатели. «Не понимаю, писалъ онъ графу Меду 8 іюня 1821 г., какъ возможно посылать остзейское юношество обучаться въ университеты, отличающихся грубостью нравовъ и демагогическими фантазіями своихъ студентовъ. Вѣдь не могутъ же родители желать, чтобы ихъ сыновья сдѣлались политическими фантазѣрами (Vernünftler) и буянами, незнакомыми съ обыкновенными приличіями». Въ списокъ запрещенныхъ университетовъ онъ внесъ отъ себя также Вюрцбургскій.

Запрещеніе посѣщать извѣстные германскіе университеты соблюдалось балтійцами очень не долго. Они стали обходить законъ тѣмъ, что не инатрикулировались въ университетъ, а лишь испрашивали у его начальства дозволеніе слушать лекціи.

Инцидентъ Коцебу обратилъ вниманіе губернскаго начальства также на странный костюмъ, усвоенный дерптскими студентами, изъ подражанія германскимъ «буршеншафтерамъ»¹⁾. Онъ состоялъ изъ стариннаго германскаго барета, шапочки съ безобразно большимъ доннышкомъ, сапогъ съ короткими до икръ голенищами, узенькихъ брюкъ и фрака темнозеленаго цвѣта. Студенты щеголяли въ длинныхъ до плечъ волосахъ. Въ виду сего маркизь Паулучи предписалъ (22 октября 1819 г.) не допускать ношенія подобныхъ наружныхъ отличій, «заимствованныхъ отъ людей, принадлежащихъ къ союзу, члены котораго за противозаконныя дѣла въ Германіи преслѣдуются». Нѣсколько ранѣе ректоръ Эверсъ, во исполненіе предписанія попечителя графа Ливена, объявлялъ студентамъ, что тѣ изъ нихъ, которые сдѣлаютъ попытку вводить въ Дерптъ нравы и обычаи иностранныхъ университетовъ и будутъ по образцу оныхъ учреждать корпораціи, немедленно будутъ полиціей удалены изъ города. Если они будутъ «заклейменованы какъ нарушители отечественныхъ законовъ», усовѣщевалъ ихъ благодушный ректоръ, то вся ихъ будущая карьера будетъ испорчена.

¹⁾ Burschenschaft'омъ назывался общій союзъ студентовъ всѣхъ германскихъ университетовъ.

III.

Убийство Коцебу отозвалось также на судьбѣ одного изъ профессоровъ юридическаго факультета Дерптскаго университета. Правительство, извѣстившись, что проф. Снелль былъ германскою полиціею преслѣдуемъ въ качествѣ агента «Черныхъ братьевъ» или «Безусловныхъ», попросило его, снабдивъ деньгами на дорогу, оставить русскіе предѣлы.

Маркизь Паулучи, находя, что его авторитетъ, какъ главнаго начальника края, весьма страдаетъ отъ неподчиненія ему Дерптскаго университета, не могъ терпѣть попечителя графа Палена, постоянно отставившаго какъ неподсудность университета, такъ и личность ректора Эверса, — «ректора, которому, по его словамъ, подобнаго не найдется на всемъ свѣтѣ».

Хорошей иллюстраціей натаянутыхъ отношеній между ген.-губернаторомъ и попечителемъ Дерптскаго учебнаго округа можетъ служить слѣдующій случай. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1820 г. у бургомистра Акермана были выбиты окна. Полицеймейстеръ донесъ ген.-губернатору, что это было дѣло студентовъ. На предложеніе маркиза ректору Эверсу сдѣлать студентамъ выговоръ за этотъ поступокъ, единственный изъ ректоровъ возразилъ, что «подобная мѣре лишь можетъ чувствительно затронуть честь студентовъ». Ген.-губернаторъ, жалуюсь министру народнаго просвѣщенія кн. Голицыну на эту безнаказанность, писалъ, между прочимъ: «Если бы наставники студентовъ чаще обращали вниманіе на его совѣты и предостерегали студентовъ, то публика имѣла бы менѣе поводовъ жаловаться на нихъ. Но гг. профессора рѣшительно не заботятся о томъ, какой духъ царствуетъ между студентами, вовсе не надзираютъ за ихъ поведеніемъ. Гг. университетскіе ученые, какъ показываетъ опытъ, нерѣдко страдаютъ отсутствіемъ здравого смысла; эти быстро возвысившіеся до значительныхъ чиновъ шульмейстеры обыкновенно склонны придавать себѣ важность и неподобающій имъ авторитетъ».

Въ отвѣтъ на эту жалобу послѣдовало со стороны министра оправданіе ректора, что конечно, не могло не оскорбить ген.-губернатора. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя (25 декабря 1820 г.), подалъ онъ Александру Павловичу записку слѣдующаго содержанія: «При всѣхъ попыткахъ измѣнить образъ правленія въ Германіи были всегда замѣшаны университеты. Неправильный на нихъ взглядъ былъ причиною, что всѣ принимаемыя противъ университетовъ мѣры не достигали цѣли, оттого ли, что полагали «что попытки обывателей чердаковъ (т. е. студентовъ) не найдутъ дальнѣйшаго распространенія, или воображали, что ихъ возможно парализовать различнаго рода стѣсненіями... Но то и другое сопровождалось дурными послѣдствіями: съ одной стороны, политическихъ мечтателей какъ-бы поощряли, а съ другой—неумѣстная строгость возбуждала озлобленіе, порождающее вредныя идеи». «Главную ошибку дол-

жно искать въ томъ, увѣрялъ ген.-губернаторъ, что мѣстное начальство, которому поручено наблюдать за добрымъ порядкомъ въ провинціи, не пользуется ни малѣйшею властью въ ея учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ степеней. Нельзя не назвать ошибочной мысль подчинить высшія учебныя заведенія особому руководству лицъ, независимыхъ отъ мѣстнаго начальства ¹⁾. До 1787 года позволено было смотрѣть на университеты какъ на общину соединившихся для мирныхъ цѣлей учителей и учениковъ, живущихъ вдали отъ свѣта и политическихъ событій. Но сколь отлично то время отъ нашего по отношенію къ учебнымъ руководствамъ, способу преподаванія и особенно къ духу и тенденціямъ какъ учащихся, такъ и учащихся! Государство и правительство подвергаются критическому разбору съ кафедръ и въ частныхъ собраніяхъ профессоровъ и студентовъ. Въ настоящее время даже преданіе огню библиотекъ всего свѣта не въ состояніи бы отмѣнить этого зла. Возрастное поколѣніе уже успѣло воспытать подъ вліяніемъ лжеученія другое поколѣніе, мнящее себя способнымъ управлять судьбами всемірной исторіи, убѣжденное, что хитро организованныя тайныя общества окажутъ ему помощь при ниспроверженіи прежняго порядка... Нельзя не удивляться, что, при измѣнившихся обстоятельствахъ, надворъ за ученыхъ міромъ отнять изъ рукъ власти, обязанной блюсти общее спокойствіе и порядокъ, и передать отдѣльному вѣдомству, составляющему какъ-бы государство въ государствѣ. Начальство, назначенное руководить волей (!) и дѣятельностью подданныхъ, лишено права слѣдить, какъ за юношами, такъ и за тѣми, кому поручено ихъ образованіе, и, что еще болѣе странно, — вмѣсто того, чтобы приучать молодые умы къ уваженію начальства, къ главному долгу въ большомъ общественномъ союзѣ, ихъ совращаютъ къ непризнанію авторитета по мѣрѣ того, какъ вліяніе мѣстнаго начальства всесторонне парализуется вліяніемъ отдѣльнаго вѣдомства. Никто не будетъ утверждать, чтобы цѣли стремиться, къ которымъ составляетъ обязанность администраціи, могли быть достигаемы отдѣльнымъ университетскимъ начальствомъ. При такихъ условіяхъ не можетъ существовать единства во взглядахъ и принципахъ и отдѣльное вѣдомство лишено возможности имѣть вѣрное понятіе о духѣ, господствующемъ въ этомъ литературномъ государствѣ, уже потому, что всѣ его донесенія и показанія будутъ исходить изъ среды лицъ, интересы коніи требуютъ, чтобы фактъ рассматривался въ желаемомъ ими освѣщеніи; тѣмъ болѣе, что отдаленность и отчужденіе отъ тѣхъ, кому могла быть ближе извѣстна настоящая суть вещей, даютъ возможность скрывать всѣ случаи отступленія отъ законнаго порядка»...

¹⁾ Мысль маркиза Паулучи, по крайней мѣрѣ въ примѣненіи ея къ Прибалтійскому краю, нельзя считать абсолютно ошибочною. Вредное дѣйствіе двойнаго начальствованія наглядно обнаружилось въ наши дни по поводу трехъ дворянскихъ гимназій.

Эта горничая діатриба маркиза Паулучи, не лишенная значенія также для настоящаго времени, постоянно хлопотавшаго о централизаціи провинціальной власти, какъ и всѣ предъидущіе и послѣдующіе (въ 1823 и 1824 гг.) намеки о необходимости передать начальство надъ учебнымъ округомъ въ руки генералъ-губернатора, не смотря на довѣріе, которымъ пользовался маркизь у императора Александра I, не ниѣли желанныхъ послѣдствій.

Въ томъ же году возникло новое несогласіе между ректоромъ университета и ген.-губернаторомъ по поводу позволенія участвовать въ спектакляхъ, даннаго послѣднимъ студентамъ. Когда объ этомъ разногласіи было доведено до свѣдѣнія государя, то немедленно воспослѣдовало запрещеніе всякаго рода студенческихъ спектаклей, «такъ какъ театръ можетъ оказывать вредное вліяніе на прилежаніе и нравы студентовъ и отвлекать ихъ отъ занятій». Подобное же запрещеніе театральныхъ представленій было издаваемо въ 1804 и 1812 гг., но, повиднмому, впоследствии пришло въ забвеніе, такъ какъ въ настоящее время въ Дерптѣ никто не заботится о его соблюденіи ¹⁾.

Въ 1825 г. 9 іюня обсуждался въ комитетѣ министровъ конфликтъ, происшедшій между ген.-губернаторомъ и ректоромъ по поводу неуважительнаго отношенія въ официальной бумагѣ послѣдняго къ первому. Было рѣшено это дѣло оставить безъ вниманія.

Еще въ 1818 г. издано было распоряженіе, которымъ запрещалось опредѣлять въ присутственныя мѣста лицъ, не обучавшихся въ одномъ изъ русскихъ университетовъ. Между тѣмъ поочетель учебнаго округа доносилъ, что нѣкоторые студенты, пробывъ въ Дерптѣ лишь нѣсколько мѣсяцевъ или не болѣе полтора года, отправляются въ заграничныя университеты, откуда возвращаются, усвоивъ себѣ дурныя нравы и безбожіе. Доказывая, что вредныя политическія убѣжденія не трудно прикрывать наружнымъ безупречнымъ поведеніемъ, спрашивалъ графъ Паленъ: слѣдуетъ ли допускать вообще въ Дерптъ студентовъ, получившихъ свое образованіе въ иностранныхъ университетахъ? Александръ Павловичъ первоначально (24 декабря 1821 г.) рѣшилъ этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ, но черезъ полгода (18 іюля 1821 г.) одобрилъ мнѣніе комитета министровъ, коиимъ рѣшительно воспрещался пріемъ въ Дерптскій университетъ студентовъ, обучавшихся въ иностранныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Неизвѣстно намъ соблюдается ли въ настоящее время это постановленіе комитета министровъ, или пришло въ забвеніе, подобно многимъ другимъ правительственнымъ распоряженіямъ, относившимся къ дерптскому разсаднику

¹⁾ Отдѣльнаго театральнаго зданія въ Дерптѣ не существуетъ, но въ клубѣ «Gewerbverein» даются спектакли почти круглый годъ наѣзжей труппой или любителями, причемъ студенты нерѣдко позволяютъ себѣ различнаго рода неприличныя выходки противъ исполнителей.

германизма въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Укажемъ для примѣра на слѣдующія два интересныя высочайшія повелѣнія, послѣдовавшія въ правленіе императора Николая Павловича, которыя покровителями прибалтійскаго сепаратизма постоянно нарушались

Высочайшее повелѣніе отъ 14 августа 1851 г.: «Государь императоръ изволить имѣть слишкомъ высокое имѣніе о Дерптскомъ университетѣ, дабы сомнѣваться въ возможности обходиться ему безъ чужой помощи. Безъ сомнѣнія, между питомцами его найдется достаточно ученыхъ лицъ, которыя были бы въ состояніи занять съ честью для университета мѣста преподавателей. А потому на будущее время слѣдуетъ избѣгать призыва иностранныхъ профессоровъ».

Высочайшее повелѣніе отъ 15 мая 1853 г.: «Профессоръ Крузе, преподающій въ настоящее время, кромѣ всеобщей исторіи, также исторію Россіи, — человекъ благонадежный и ученый, но ему незнакомъ нашъ языкъ. Въ странѣ, гдѣ русскій элементъ столь значительно превосходить другіе ¹⁾, подобное, неоснованное на источникахъ, преподаваніе нашей исторіи съ точки зрѣнія нѣмецкой науки не должно оставаться въ такомъ неудовлетворительномъ состояніи. Необходимо учредить отдѣльную катедру русской исторіи, которую должно поручить настоящему русскому, исполненному живою привязанностью къ отечеству. вмѣстѣ съ симъ государь императоръ изволить находить неумѣстнымъ, что росписаніе университетскихъ лекцій печатается лишь на одномъ нѣмецкомъ языкѣ, «какъ будто бы Дерптскій университетъ—германскій, и изволить повелѣть впредь печатать оное на русскомъ языкѣ, съ приложеніемъ нѣмецкаго перевода».

IV.

Одинъ курляндецъ, обучавшійся въ Берлинскомъ университетѣ, представилъ для поступленія въ Дерптскій—свой членскій дипломъ ордена «Геліотропъ». Вслѣдствіе препирательства, возникшаго по этому оригинальному случаю между ректоромъ и ген.-губернаторомъ, послѣдній доносилъ министру внутреннихъ дѣлъ: «При настоящихъ натянутыхъ политическихъ обстоятельствахъ и повсюду замѣтномъ духѣ противодѣйствія законному порядку, тайныя собранія всякихъ обществъ не могутъ не быть вредными для безопасности государства, тѣмъ болѣе, что всѣ подобныя общества, сверхъ заявленныхъ ими цѣлей, преслѣдуютъ еще другія, скрытныя, установленныя, подъ вліяніемъ отдѣльныхъ членовъ, при самомъ учрежденіи или впоследствии. Имѣя сіе въ виду и на основаніи высочайше недозволенныхъ въ Россіи всякаго рода тай-

¹⁾ Въ то время, повидимому, опасались выговорить настоящее слово—объединеніе Прибалтійскихъ губерній съ имперіей.

ныхъ обществъ, я, въ недавнее время, нашелъ необходимымъ запретить образовавшееся въ Дерптѣ общество съ благочестивыми цѣлями, прикнувшее къ известному миссіонерскому обществу въ Базелѣ, съ намѣреніемъ оказывать послѣдному матеріальное пособіе,—зная на опытъ, что изъ среды такъ называемыхъ благочестивыхъ обществъ выходили не одни ревнители вѣры, но и политическіе мечтатели»¹⁾. Не смотря на свой отзывъ, маркизъ Паулучи заключаетъ донесеніе совѣтомъ, по дѣлу студента члена «Гелиотропа», ограничиться тѣмъ, чтобы черезъ нашего посланника въ Берлинѣ, предостеречь русскихъ подданныхъ, обучающихся въ этомъ городѣ, вступать въ названный орденъ.

Форма корпоративной организаціи студенческихъ союзовъ въ Дерптѣ, какъ известно, не однократно измѣнялась. Одно время эти союзы дробились по факультетамъ, затѣмъ преобразовались они въ землячества (Landmannschaften) и буршеншафтъ. Въ началѣ 1820-хъ годовъ одна часть студентовъ принадлежала къ землячествамъ, другая — къ «свободному союзу Дерптскаго буршеншафта». О запрещеніи послѣдняго правительствомъ скажемъ ниже. (Въ настоящее время существуютъ въ Дерптѣ признанныя начальствомъ семь корпораций: Лифляндская, Рижская, Эстляндская, Курляндская, Балтійская (Neo-Baltica), Академическая и Латышская²⁾).

До 1827 г. поведеніе студентовъ не давало поводовъ къ жалобамъ, но по веснѣ этого года донесено было ген.-губернатору о возобновившихся безчинствахъ университетской молодежи. Для слѣдствія были маркизомъ Паулучи негласно откомандированы въ Дерптъ три чиновника. Изъ донесеній ихъ осматривается:

1) «Что въ г. Дерптѣ не существуетъ надлежащаго полицейскаго надзора. Настоящій полицеймейстеръ—человѣкъ благонамѣренный и добродушный, но, при всѣхъ его добрыхъ намѣреніяхъ, не обладаетъ достаточными тѣлесными (ему 80 лѣтъ) и душевными силами, дабы сдерживать въ надлежащихъ границахъ только наружнаго и нравственнаго порядка 300 молодыхъ людей, полныхъ отваги и вкусившихъ студенческой вольности; тѣмъ болѣе, что въ распоряженіи полиціи нѣтъ рѣшительно никакихъ средствъ къ тому. Такъ, наприм., обязанный оберегать общественное спокойствіе и безопасность, полицеймейстеръ лишентъ права принимать рѣшительныя мѣры противъ ихъ нарушителей, принадлежащихъ къ университетскому персоналу. Затѣмъ, въ его распоряженіи находится не болѣе 30 казиковъ, которыхъ онъ можетъ противопоставить 300 молодымъ людямъ, нерѣдко крайне своевольнымъ. Наконецъ,

¹⁾ Какъ известно, не ранѣе какъ въ 1887-мъ году положенъ предѣлъ проповѣдямъ и денежнымъ сборамъ лютеранскихъ миссіонеровъ въ Россіи.

²⁾ Основанная въ 1884 г. Tarbatonia (Дерптская) закрыта въ 1887 г.

казакамъ этия не только не дозволено арестовать буйствующихъ, но имъ приказано равнодушно переносить даже оскорбленія, наносимыя ими студентами ¹⁾).

2) Второе зло заключается въ принципѣ ректора: по возможности скрывать, или заминать всѣ случаи безпорядковъ и законопротивныхъ дѣйствій студентовъ. Скрывая отъ высшаго начальства неприличное поведение и озорничество студенчества, ректоръ, конечно, удоставляется благоволенія онаго, однакожъ подобная тактика, утверждая студентовъ въ превратныхъ и сумасбродныхъ идеяхъ, должна вредно вліять на ихъ умы и поступки.

3) Причину многихъ бѣдъ и несчастій не только молодыхъ людей, студентовъ, но и цѣлыхъ семействъ нельзя не видѣть въ слабости существующихъ наказаній, которыя, не заключаая въ себѣ предостереженія, вовсе не достигаютъ цѣли относительно настоящаго поколѣнія студентовъ. Все наказаніе ограничивается карцеромъ или исключеніемъ изъ университета. Но быть заключенному въ карцерѣ считается у студентовъ за честь; заключенный вырѣзываетъ свое имя на окнахъ и дверяхъ, — карцеръ называется студенческимъ альбомомъ, — и съ посѣщающими его товарищами проводитъ время въ карточной игрѣ, попойкахъ и пѣсняхъ. За болѣе важныя проступки наказываютъ исключеніемъ, но тяжесть этого наказанія чувствуется не столько самими студентами, сколько ихъ родителями... Кромя того, это наказаніе не заключаетъ въ себѣ прищипа, который могъ бы служить предостереженіемъ, ибо въ юношескомъ возрастѣ всякія неприятности скоро забываются и товарищи смотрять на пострадавшаго какъ на жертву, принесенную въ честь и славу студенчества, такъ что по прошествіи какихъ нибудь 24 часовъ уже объ исключеніи перестаютъ говорить: забывается какъ исключенный, такъ и самая причина исключенія.

Прошрое полугодіе (1827 г.) было особенно богато сценами буйства и даже очевидными проступками. Изъ нихъ слѣдующіе сдѣлались предметомъ разговоровъ:

а. Трое пьяныхъ студентовъ вторгнулись вечеромъ въ квартиру ландрата фонъ Э. и, не смотря на всѣ представленія обывателей дома, въ шинеляхъ, не снимая шапокъ, съ дымящимися трубками проникли во внутреннія покои. Когда хозяинъ квартиры обратился къ нимъ съ вопросомъ: что имъ угодно, то ему грубыми тономъ отвѣчали, что «желаютъ въ этомъ домѣ нанять квартиру». Когда ландратъ фонъ Э., назвавъ себя, замѣтилъ имъ, что онъ занимаетъ весь домъ и никакіхъ наемныхъ квартиръ въ этомъ домѣ не имѣется,

---

¹⁾ Какъ все это напоминаетъ военные порядки во время послѣдняго польскаго мятежа, когда извѣстный генералъ Н. О. Сухозанетъ строго приказывалъ солдатамъ «избѣгать всякихъ столкновеній съ бунтовщиками и даже не отвѣчать на ихъ брань и насмѣлки». А. Ч.

тогда буяны стали съ угрожающими жестами кричать на него, пока, наконецъ, съ большимъ трудомъ не удалось ихъ выпроводить на улицу ¹⁾).

б) Когда послѣ одного учиненнаго студентами скандала нѣкоторые изъ нихъ были призваны въ полицейское управленіе, то они явились туда, по обыкновенію, не снимая верхней одежды и шапокъ, съ трубками во рту, и такъ безобразно вели себя передъ зеркаломъ, что полиціймейстеръ, усмотрѣвшій въ этомъ поступкѣ уголовное преступленіе, официально потребовалъ произвести слѣдствіе. Но дѣло было улажено, благодаря благодушному посредничеству ректора, у котораго однакожъ, какъ-бы въ знакъ благодарности за ходатайство, въ тотъ же день были выбиты окна. Снисходительный начальникъ, не говоря ни слова, распорядился вставить новыя стекла.

в) Нѣсколько студентовъ вторглись вечеромъ въ квартиру университетскаго шталмейстера ²⁾ Д., въ то время, когда у него были гости, и, раскрывъ дверь въ гостиную, произвели шумъ и наполнили ее табачнымъ дымомъ.

г) Когда въ какомъ либо частномъ домѣ, на вечеръ, съѣзжаются гости, то обыкновенно до 30 студентовъ становятся у подъѣзда и встрѣчаютъ каждую входящую даму злыми и глупыми насмѣшками, что происходило еще очень недавно при съѣздѣ на балъ князя Барклая-де-Толли ³⁾.

д) Студенты имѣютъ обыкновеніе, запасшись веревочными ручными стремянками, по вечерамъ, раслаживая по улицамъ и, замѣтивъ гдѣ либо освѣщенное окно, взбираются иногда даже до 2-го этажа, чтобы удовлетворить своему любопытству или напугать находящихся въ домѣ. Нельзя поручиться, заключаетъ слѣдователь, чтобы эти стремянки не могли послужить также для иныхъ цѣлей».

¹⁾ О томъ, что съ большимъ трудомъ удалось сдѣлать такой вліятельной особѣ, какъ лифляндскій ландратъ, обыкновенный смертный не смѣетъ и помышлять: такъ великъ въ Дерптѣ страхъ студенческой мести. Если случается, что подвыпившій «сынъ музъ», заблудившись или не будучи въ состояніи дойти до своей квартиры, задумаетъ искать ночлега въ чужой, то не всякій осмѣлится отказать ему.

²⁾ Такой титулъ присвоенъ университетскому учителю верховой фѣды.

³⁾ Одинъ изъ бывшихъ дерптскихъ студентовъ рассказывалъ намъ про такую возмутительную продѣлку ихъ съ дочерью известнаго писателя Булгарина, который, какъ известно, жила въ временахъ близъ Дерпта, на своей мизѣ. Когда ш-ле Булгарина несогласилась однажды на балъ вальсировать со студентомъ, бывшемъ въ нетрезвомъ видѣ, то его товарищи, принявъ этотъ отказъ за оскорбленіе нанесенное всей корпораціи, подстергли экипажъ Булгарина, заставили дочь его выйти и провальсировать на грязной улицѣ вокругъ кареты. Не вслѣдствіе ли такого неслыханнаго нахальства прочли мы однажды въ «Сѣв. Пчелѣ» рѣзкую статью, направленную противъ дерптскихъ студентовъ, за которую однакожъ, какъ мы слышали, издателю пришлось извиниться передъ толпою студентовъ, вторгнувшихся въ его квартиру? А. Ч.

V.

Другой изъ слѣдователей, откомандированныхъ въ Дерптъ рижскимъ ген.-губернаторомъ, рижскій квартальный надзиратель Шмидъ, въ своемъ донесеніи отъ 6 апрѣля 1827 г., такъ сообщаетъ о своихъ наблюденіяхъ надъ жизнью и нравами дерптскихъ студентовъ. «На станціи Гульбергъ разговаривалъ я съ двумя студентами, которые по справкѣ оказались исключенными изъ университета за безчинство, произведенное ими на балѣ въ г. Феллинѣ. Такъ какъ ихъ мѣстопробываніе падало не болѣе какъ на 85 верстномъ разстояніи отъ Дерпта, то ихъ посѣщали постоянно товарищи». При семъ слѣдователь замѣчаетъ, что «вообще удаленіе изъ университета и города университетскимъ начальствомъ не всегда достаточно строго контролируется. Такъ и понинѣ жительствуетъ въ Дерптѣ студентъ Б., который университетскимъ судомъ за безпутный образъ жизни былъ присужденъ къ изгнанію изъ города»¹⁾).

«Въ городѣ Валиѣ, продолжаетъ Шмидъ, наткнулись мы на шестерыхъ студентовъ, катающихся въ огромныхъ саняхъ, запряженныхъ шестерней. Каждый проѣзжающій долженъ былъ счесть этихъ господъ—днемъ за сумасшедшихъ, ночью за разбойниковъ. Въ безобразныхъ костюмахъ, съ лицомъ разрисованнымъ углемъ и т. д., они съ шумными пѣснями выходили на каждой станціи, у каждаго кабака. Никто не подумалъ бы, что это люди образованные, отъ которыхъ преимущественно требуется соблюденіе приличій и нравственное поведеніе. Прибывъ въ Дерптъ вечеромъ, замѣтили мы во многихъ домахъ выбитыя стекла, а въ домѣ отсутствующаго помѣщика Вильбоа по всему фасаду разрушены оконные переплеты. Разспросивъ, узнали, что это было дѣло рукъ студенческихъ. Свѣжаго человѣка, при самомъ поверхностномъ знакомствѣ съ бытомъ студентовъ, поражаютъ ихъ полнѣйшая разнузданность и испорченность. Никакому лицу, какого бы званія, возраста и пола оно ни было, не оказываютъ они ни малѣйшаго знака уваженія, еще менѣе удостоиваютъ поклона, какъ они это засвидѣтельствовали относительно августѣйшей особы монарха, когда его величество, будучи великимъ княземъ, изволилъ проѣзжать черезъ Дерптъ: окруживъ большой толпой экипажъ, никто изъ студентовъ не подумалъ снять шапки.

«Въ различныхъ крайне неприличныхъ и странныхъ костюмахъ, съ отпущенной бородой, въ ботфортахъ со шпорами, пестрыхъ шапочкахъ, длинныхъ

¹⁾ Универс. наказанія суть: 1) выговоръ ректора, 2) заключеніе въ карцеръ до 3-хъ дней, 3) выговоръ унив. суда, 4) заключеніе въ карцеръ свыше 3-хъ дней, 5) исключеніе изъ списка студентовъ, 6) удаленіе изъ университета (*consilium abeundi*), 7) изгнаніе (*relegatio*). § 79 Правилья для учаш. въ Дерпт. университетѣ.

пляскахъ, растегнутыхъ сюртукахъ и мундирахъ, безъ жилета и галстука (часто видна голая грудь), сомкнутыми рядами прогуливаются студенты на улицахъ и толкаютъ, ругаютъ и нерѣдко колотятъ тѣхъ, кто не уступить имъ дороги, не сойдетъ съ тротуара. Точно также студенты постоянно толпятся на базарной площади, противъ гауптвахты, и завяты только тѣмъ какъ-бы посягаться надъ прохожими, которые, для избѣжанія ссоры, бываютъ вынуждены обходить эту мѣстность.

«Такое многолюдное собраніе студентовъ на площади происходило именно 27-го марта 1827 г., когда возвращались изъ своей церкви лица лютеранскаго вѣроисповѣданія. При этомъ произошелъ такой большой беспорядокъ, что караульный на гауптвахтѣ офицеръ счелъ необходимымъ вызвать къ ружью и послалъ унтеръ-офицера пригласить студентовъ разойтись. Но какъ водится, подобная мѣра вызываетъ лишь насмѣшки между ними при отговориѣ, что они—де кромѣ своего ректора никого знать не хотятъ. Должно полагать, что эта базарная площадь служить имъ всегдашней сценой для шумныхъ демонстрацій. Когда ректоръ Эверсъ въ прошлое лѣто издалъ распоряженіе, касающееся ночныхъ беспорядковъ, въ которомъ запрещалось студентамъ пребывать на улицѣ позже 11 часовъ, то они двѣ ночи кряду массами собирались на этой площади, а когда мѣстная полиція, съ помощью казаковъ, приглашала ихъ разойтись, то послѣднимъ было нанесено оскорбленіе дѣйствіемъ. Несмотря на это, никто изъ виновныхъ не былъ привлеченъ къ отвѣтственности. Со студентовъ не взыскиваютъ даже за оскорбленія, нанесенныя своимъ профессорамъ. Профессоръ русской словесности Перовщиковъ ¹⁾, вошедши, однажды, въ аудиторію, увидѣлъ студента, прислонившагося къ кафедрѣ и стоявшаго къ нему спиной. Надѣясь, что молодой человекъ приметъ болѣе приличное положеніе хотя изъ уваженія къ своему наставнику, профессоръ началъ свою лекцію, но студентъ вовсе не располагалъ измѣнить своей неприличной позы. Когда же г. Перовщиковъ, указавъ ему его невѣжество, назвалъ его «грубіаномъ», то студентъ, накрывшись шапкой, сопровождаемый своими товарищами, немедленно вышелъ изъ аудиторіи. На слѣдующій день на лекцію проф. Перовщикова явилось не болѣе 3—4 слушателей, а самъ онъ былъ вызванъ къ ректору, которому студентами была принесена на него жалоба. Для рассмотрѣнія этой жалобы была наряжена комиссія, которая, по выслушаніи объясненія, объявила такой приговоръ: студентъ, виновный въ несоблюденіи приличія, будетъ наказанъ, но не прежде какъ по испрошеніи профессоромъ у него извиненія за выраженіе «грубіанъ» (Grobian).

«Профессора статистики Блюма студенты забросали шапками въ лицо, но онъ, не подавшій къ тому ни малѣйшаго повода, долженъ былъ терпѣливо перенести такую обиду.

¹⁾ Братъ извѣстнаго академика.

«Слѣдующая выходка учениковъ губернской гимназіи¹⁾ свидѣтельствуеетъ о томъ, какъ дурные примѣры заразительно дѣйствуютъ на все учащееся юношество. Обижавъ пенькой каскедру, гимназисты зажгли ее, когда на нее взомель старшій учитель Карльбломъ, восклицая: «озаримъ блескомъ лучей нашего ангела!»

«Рубцы и пластыри на лицахъ студентовъ доказываютъ, что дуэли студентовъ не прекращаются. Онѣ затѣваются обыкновенно изъ-за ссоръ, происходящихъ на попойкахъ и комершахъ. Слово «дуракъ» (dummer Junge), сказанное другому, влечетъ за собой вызовъ на эспадронахъ; выраженіе «собачья...» (Hundsfoth)—на пистолетахъ. Дуэли чрезвычайно облегчаются тѣмъ обстоятельствомъ, что во всѣхъ студенческихъ квартирахъ можно найти рапиры, палаши, эспадроны, пистолеты и прочее оружіе, употребляемое не только противъ товарищей, но и другихъ лицъ, хотя бы они не подавали къ тому поводу. Недѣль пять тому назадъ, студенты изъ своей квартиры всадили пять пуль въ стѣну сосѣдняго дома, а 24 марта 1827 г. угрожали заколоть шпагой явившагося къ нимъ еврея, и затѣмъ, цѣлясь въ него, выстрѣлили въ окно: пуля найдена была въ находящемся насупротивъ столбѣ.

«Ни домохозяева, ни жильцы не осмѣливаются доносить о безобразіяхъ совершаемыхъ студентами, такъ какъ опасаются ихъ ищенія и лишиться заработка. Бѣднѣйшій классъ въ Дерптѣ живетъ лишь студентами. Доносчикъ наказывается опалой (Verschiss)²⁾, въ силу которой никто изъ студентовъ не осмѣлится поселиться у него въ домѣ или вообще вступить съ нимъ въ какія либо дѣловыя сношенія (заказывать, покупать что либо)».

Подобное же описаніе студенческаго быта и нравовъ въ Дерптѣ было отправлено полковникомъ Шаминимъ къ шефу жандармовъ, ген.-адъют. графу Бенкендорфу. Ему приказано было (3-го апр.) явиться въ Петербургъ, гдѣ по высочайшему повелѣнію назначена была коммиссія для слѣдствія о совершенныхъ дерптскими студентами безчинствахъ.

Въ донесеніи другаго слѣдователя, полковника гвардіи Гамалѣя, служившаго при ген.-губернаторѣ, замѣчательнъ отзывъ о дерптскихъ профессорахъ. «Въ научномъ отношеніи, пишетъ онъ, профессорскія лекціи удовлетворительны, но нравственная ихъ польза весьма сомнительнаго качества». Здѣсь кстати сравнить съ этимъ отзывомъ о дерптскихъ профессорахъ аттестацію, выданную имъ болѣе компетентнымъ судьей—кіевскимъ митрополитомъ Евгеніемъ Болговитиновымъ, посѣтившимъ Дерптъ незадолго передъ тѣмъ. «О профессорахъ нечего сказать, писалъ онъ. Два только могли говорить со мною

¹⁾ Дерптскія казенная гимназія носитъ названіе губернской, хотя находится въ уѣздномъ городѣ.

²⁾ Въ настоящее время наказаніе такой опалой называется «Rucken», предѣланное русскими студентами въ «руковать».

кое-как по латыни, прочіе отдѣлывались французскимъ языкомъ, а есть нѣкоторые кромѣ нѣмецкаго не знающіе никакого. О русскомъ они и не думаютъ: ибо, получая по 5,500 р. жалованья, надѣются возвратиться въ Германію съ капиталцемъ, а живутъ съ нѣмецкою экономіей¹⁾.

Генералъ-губернаторъ, на основаніи приведенныхъ донесеній, подалъ государю пространную докладную записку, гдѣ онъ жалуется какъ на дурные нравы университетскаго юношества, такъ и на то, что попечитель и профессора почитаютъ его отношенія къ университету «непріязненными». Чтобы хотя нѣсколько пресѣчь зло, рекомендуетъ онъ слѣдующія мѣропріятія.

1) Увеличеніе полицейскаго штата, и не инымъ способомъ какъ на средства правительства, такъ какъ такая мѣра необходима не столько для обывателей города, сколько для университета.

2) Повелѣть, чтобы университетскій судъ приговаривалъ виновныхъ къ болѣе цѣлесообразнымъ наказаніямъ.

3) Обязать профессоровъ, чтобы они старались, болѣе чѣмъ это было до настоящаго времени, вліять на нравственную сторону студентовъ».

Въ заключеніе маркизъ Пауллучи снова касается вопроса о соединеніи въ одномъ лицѣ должностей ген.-губернатора и попечителя округа. Мысль его осуществилась, хотя и не на продолжительное время, въ 1828 г., когда попечитель графъ Ливенъ былъ сдѣланъ министромъ народнаго просвѣщенія, а на его мѣсто былъ назначенъ баронъ Паленъ²⁾, соединившій съ своей должностью, два года спустя, прибалтійское генералъ-губернаторство.

Любопытнѣе отзывъ о дерптскихъ студентахъ, представленный Николаю Павловичу въ 1833 г. министромъ народнаго просвѣщенія С. С. Уваровымъ³⁾.

«Въ средѣ университетской молодежи замѣтны еще остатки врожденныхъ предрасудковъ въ связи со старинными обычаями германскихъ университетовъ — пристрастіе къ поединкамъ и шумнымъ увеселеніямъ на открыгомъ воздухѣ. Все это — продуктъ мѣстныхъ нравовъ и какъ бы унаслѣдовано отъ прежнихъ поколѣній, и конечно можетъ подавать поводъ къ непріятнымъ и непохвальнымъ явленіямъ. Но съ другой стороны, всѣ эти явленія не заключаютъ въ себѣ ничего предосудительнаго. По внимательномъ обсужденіи, на основаніи достовѣрныхъ свидѣтельствъ, убѣдился я, что характеръ студенческихъ

¹⁾ Псковскія письма митрополита Евгенія Болховитнинова къ Анастасевичу 1820 г. «Русскій Архивъ» 1889 г., апр., стр. 353.

²⁾ Нѣмецкому характеру дерптскаго университета гр. Паленъ горячо покровительствовалъ. Будучи министромъ и отставная обособленность этого университета, онъ писалъ въ 1830 г.: «дерптскій округъ, и въ особенности университетъ, это моя слабая сторона, и я испытываю относительно его нѣкоторую негнѣватную болѣзненную раздражительность» (wunde Reizbarkeit). Балтійская сторона. К. К. Случевского.

проступковъ не только чуждъ полетикѣ, но что дерптскіе студенты вообще незнакомы съ современнымъ ея направлѣніемъ и даже не заглядываютъ въ газеты. Кромѣ того, они вообще проникнуты чувствомъ глубокой и живой привязанности къ престолу и особѣ вашего императорскаго величества. Такое мое убѣжденіе раздѣляется также лицами, которыя наиболѣе осуждаютъ безпокойный образъ жизни студентовъ и нарушеніе послѣднихъ правилъ приличія. Наконецъ, справедливость требуетъ замѣтить, что послѣдній упрекъ относится лишь къ небольшому числу студентовъ, между тѣмъ какъ многіе изъ нихъ отличаются привѣрнымъ поведеніемъ и прекрасною нравственностью... Страсть къ дуэлямъ, убѣждалъ министръ, очевидно ослабѣваетъ, потому что студенты дали честное слово не стрѣляться ¹⁾, драться же на шпагахъ (эспадронахъ) принято у нихъ лишь до появленія первой крови, а потому эти дуэли нельзя считать опасными. Такимъ образомъ, уговоръ студентовъ между собой гораздо болѣе способствовалъ къ обузданію вредной страсти, чѣмъ самыя строгія мѣры начальства».

Не смотря на явное желаніе министра обѣлить дерптскихъ студентовъ,— желаніе, внушенное, по всей вѣроятности, господствовавшей въ то время системой, относительно прибалтійской окраины, умалчиванія — онъ въ концѣ своей аттестаціи все-таки настаиваетъ на усиленіи жандармской команды въ Дерптѣ, «какъ средствѣ, дающемъ возможность поддержать общественный порядокъ съ болышими противъ прежняго успѣхами».

Повѣстно, что графъ Уваровъ, чрезвычайно дорожившій благосклоннымъ мнѣніемъ заграничныхъ ученыхъ о своихъ ученыхъ трудахъ ²⁾, не могъ являться порицателемъ учебнаго заведенія, въ которомъ первенствующую роль занимали иностранцы. Таковымъ ходатаемъ за дерптскій университетъ представляется онъ намъ въ интересныхъ мемуарахъ одного курляндца, возвращавшагося, въ началѣ 1840-хъ годовъ, въ петербургскихъ аристократическихъ сферахъ. «Министръ Уваровъ, читаемъ мы въ одномъ изъ писемъ автора мемуаровъ, сказалъ пастору М. (Муральтъ?), по побѣду известной дерптской исторіи (поднесеніе кубка студентами проф. Ульману), и уполномочилъ слова его распространять далѣе: «я величайшій другъ нѣмцевъ и единственная опора дерптскаго университета, закрытіе котораго не послѣдовало лишь благодаря

¹⁾ Гр. Уваровъ не зналъ, а м. б. и не желалъ знать, какъ дерптскіе студенты относились къ своему честному слову: чтобы не нарушать его, они въ которое время выступаютъ изъ университета (*lassen sich streichen*) съ тѣмъ, чтобы, по окончаніи дуэли, снова явиться въ его спискахъ. Нельзя также утверждать, чтобы дуэли на эспадронахъ, не смотря на всѣ предосторожности, не имѣли гибельныхъ послѣдствій для здоровья, а нерѣдко и жизни дуэлянтовъ.

²⁾ Ср. съ статьей нашей въ «Русскомъ Архивѣ». 1888 г. № 9, стр. 196: «Петербург. университетъ полѣвка назадъ». А. Ч.

моему ходатайству. Намѣревались уже назначить надъ студентами уголовное слѣдствіе, могшее повести къ ссылкѣ въ Сибирь сотни студентовъ; но съ помощью Бенкендорфа мнѣ удалось убѣдить въ невинности или оболъщеніи студентовъ, и что единственнымъ виновнымъ былъ не кто иной, какъ самъ Ульманъ. Дабы спасти студентовъ необходимо было выслать его ¹⁾».

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, въ ноябрѣ 1833 г., сообщено было начальникомъ III отдѣленія графомъ Бенкендорфомъ попечителю барону Палеву, что въ Дерптѣ существуетъ тайное общество буршеншафтъ (Burschenschaft), основанное въ 1827 г. по образцу однородныхъ съ нимъ обществъ въ Германіи и что къ этому обществу принадлежатъ до 150 студентовъ. Вслѣдствіе этого официального извѣщенія попечитель поручилъ ректору Парроту «принять безотлагательно всѣ соотвѣтствующія мѣры, особенно же, заарестовавъ двухъ главныхъ заправителей общества, строжайше разыскать въ ихъ квартирахъ бумаги, касающіяся существованія общества. Ректоръ приказалъ подвергнуть аресту трехъ вожаковъ общества, но вскорѣ одумался и освободилъ ихъ, замѣтивъ въ студентахъ, какъ онъ увѣрялъ, раскаяніе, «полагая, что выпущенные на свободу вожаки будутъ стараться изгладить въ нихъ мнѣе благоразумныхъ товарищамъ то непріятное впечатаніе, которое могло произойти отъ разглашенія случившагося». Парротъ доносилъ попечителю: «Тщательное разсмотрѣніе писанныхъ правилъ Общества убѣдило меня, что замышленное дѣло свидѣтельствуеетъ лишь о полнѣйшемъ заблужденіи юношескаго тщеславія и въ немъ не замѣтно ни малѣйшей политической тенденціи. Надѣюсь, что предпочта судебному слѣдствію, медленному и возбуждающему лишніе етолки, способъ, ведущій безъ оглядки прямо къ цѣли, я дѣйствовалъ въ духѣ вашего превосходительства ²⁾. Если мнѣ позволено выразить свое личное убѣжденіе, то мнѣ кажется, что всего приличнѣе было бы обсудить и порѣшить это дѣло подъ вашимъ предсѣдательствомъ, въ университетскомъ судѣ, буде вѣренъ слухъ о проѣздѣ в. и—ва черезъ Дерптъ; если вы только не предпочтете во время вашего здѣсь пребыванія, руководствуясь побужденіями, обсуждать которыя я не компетентенъ, покончить все поднятое дѣло строгимъ выговоромъ, обращеннымъ къ главнымъ виновникамъ. Ваше и—во можете быть увѣрены, что подобная кроткая мѣра скорѣе побудитъ членовъ общества какъ сознать свою огромную вину и тяжкое наказаніе, которое ихъ ожидало, такъ и постараться на будущее время приобрести довѣріе высшаго начальства».

Отобранныя у буршеншафтеровъ бумаги, въ трехъ тетрадяхъ (въ двухъ находился уставъ общества, а въ третьей — протоколы засѣданія конвента,

¹⁾ St.-Petersburger Briefe eines kurländischen Candidaten. Baltische Monatschrift. 1886. Heft 1.

²⁾ Т. е. въ духѣ извѣстной постоянной тактики балтовъ. А. Ч.

начиная съ 1827 г.), были отосланы въ Ригу. Ознакомившись съ ихъ содержаніемъ, баронъ Паленъ пришелъ къ убѣжденію, что затѣя буршеншафта была не что иное, какъ глупое подражаніе (обезьянчавье, Nachäffung) подобнымъ обществамъ въ германскихъ университетахъ и что общество не только не имѣло въ виду угрожать безопасности государства, но что истинная цѣль его заключается въ облагороженіи студенчества» и т. д. Но вслѣдъ за симъ попечитель разсуждаетъ: «хотя тенденціи сего общества, по образцу подобныхъ въ Германіи, и не направлены къ низверженію существующихъ въ государствѣ порядковъ, тѣмъ не менѣе нельзя не считать незаконнымъ учрежденіе всякаго рода обществъ и братствъ безъ разрѣшенія начальства. Наконецъ, общество буршеншафтъ вредно отзывалось на его членахъ, такъ какъ множествомъ возложенныхъ уставомъ на нихъ обязанностей и бесполезныхъ занятій отвлекаетъ юношество отъ истинной цѣли пребыванія въ университетѣ — научнаго образованія — и питаетъ въ немъ ложную мысль о своемъ высокомъ значеніи и достоинствѣ. Подобное вырожденіе академической жизни повело въ Германіи къ самымъ печальнымъ заблужденіямъ... Наконецъ, такъ какъ всякое подобнаго рода общество легко можетъ повести къ злоупотребленіямъ и беспорядкамъ, то нѣтъ сомнѣнія, что начальству слѣдуетъ принять строгія мѣры и, прекративъ существованіе незаконнаго общества, подвергнуть наказанію, соотвѣтственно винѣ, его учредителей и главныхъ покровителей».

Въ силу этихъ соображеній, баронъ Паленъ пріѣхалъ въ Дерптъ (27-го ноября 1833 г.) и вслѣдъ за симъ приступлено было къ производству слѣдствія въ университетскомъ судѣ. Представлялся особенно важнымъ вопросъ — находится ли дерптскій буршеншафтъ въ сношеніяхъ съ всеобщимъ германскимъ буршеншафтомъ. Обвиняемые рѣшительно отрицали всякое сношеніе съ заграницей. Университетскій судъ разсудилъ: хотя на основаніи § 17 правилъ для студентовъ («Принадлежность къ союзамъ орденовскимъ (?) и землячествамъ, какъ ведущая къ поединкамъ, наказывается настрожайше, даже исключеніемъ») буршеншафтъ принадлежитъ къ недозволеннымъ обществамъ, но такъ какъ онъ не преслѣдовалъ противогосударственныхъ цѣлей¹⁾, то и не представляется никакихъ основаній предавать членовъ онаго уголовному суду, но слѣдуетъ ихъ подвергнуть лишь взысканію за нарушеніе упомянутыхъ правилъ. Принявъ во вниманіе эти обстоятельства, университетскій судъ постановилъ: «закрѣпить общество буршеншафтъ и помѣщеніе его собраній

¹⁾ Полный уставъ буршеншафта изданъ въ Дерптѣ въ 1877 г.

Воспрещается строго заводить всякаго рода тайныя университетскія общества, какъ бы они не назывались. Основатели таковыхъ обществъ подвергаются изгнанію и преданію уголовному суду. Высоч. утвержд. правила для учащихся въ И. Дерптскомъ университетѣ. Пол. Собраніе Зак., 1834, № 6839.

(Fechboden) и со всѣхъ его членовъ взять клятвенное обѣщаніе не учреждать, безъ дозволенія начальства, какое либо другое общество и не вступать въ члены оного; исключить изъ университета одного студента, уже дважды передъ тѣмъ судившагося, а прочихъ членовъ общества наказать лишеніемъ зимнихъ ваканцій и продержать ихъ въ карцерѣ на глѣбѣ и водѣ черезъ сутки; знавшимъ же о существованіи феитбодена (собственно фехтовальный залъ) и не донесшимъ начальству сдѣлать строгій выговоръ. Наконецъ, такъ называемыхъ старшинъ буршеншафта, впредь до утвержденія сего постановленія, продержать въ карцерѣ».

Этотъ довольно снисходительный приговоръ не могъ быть одобренъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ, которому самое слово «буршеншафтъ» было противно ¹⁾. Притомъ же въ девизѣ общества, въ числѣ другихъ словъ, находилось также слово «свобода». Вслѣдствіе сего приговоръ университетскаго суда былъ кассированъ и повелѣно было (12 февр. 1834 г.): «исключивъ изъ университета 17 членовъ дерптскаго буршеншафта, отдать ихъ подъ строгій полицейскій надзоръ, а трехъ изъ нихъ не принимать на государственную службу».

Ходатайство ген.-губернатора, отъ января 1835 г.,—освободить отъ полицейскаго надзора бывшихъ членовъ общества буршеншафтъ было оставлено безъ послѣдствій, но возобновленное въ іюнѣ того же года принесло прощеніе и дозволеніе окончить курсъ въ одномъ изъ русскихъ университетовъ, кромѣ Дерптскаго.

Исторія съ буршеншафтомъ возбудила большую панику среди прочихъ студенческихъ корпорацій (землячествъ, Landsmannschaften): опасаясь подвергнуться участи буршаншафтеровъ, постановили онѣ о своемъ закрытіи. Но затѣмъ, устроивъ съ дозволенія ректора, отдѣльные кружки литературные и для «пріятнаго времяпрепровожденія», студенты втихомолку снова соединились въ корпораціи ²⁾.

Все чаще и чаще происходившіе между студентами поединки вызвали противъ нихъ новыя мѣры строгости. Министръ Уваровъ, жалуясь во всеподданнѣйшемъ отчетѣ (28-го іюня 1837 г.) на волокиту лифляндскаго уголовного суда, изъ-за которой благотворное дѣйствіе неотложнаго наказанія про-

¹⁾ Профессору Ульману, отрѣшенному отъ должности, главнымъ обвиненіемъ послужило произнесенное въ его рѣчи къ студентамъ слово буршеншафтъ. Такъ какъ по-нѣмецки всякаго студента принято звать буршемъ, то подъ словомъ буршеншафтъ можно также понимать бурсачество, общество буршей, студентовъ.

²⁾ Дозволяется студентамъ, съ одобренія ректора, соединяться въ частныя отдѣльныя общества, имѣющія цѣлю умственные занятія и пріятное времяпрепровожденіе времени. § 65 Правилъ для учащихся въ И. Д. университетѣ.

винившихся теряетъ свою силу по отношенію къ прочимъ студентамъ, — предлагалъ всѣ дѣла о поединкахъ судить военнымъ судомъ въ Петербургѣ. Николай Павловичъ, одобривъ въ принципѣ это предложеніе, повелѣлъ: «судить студентовъ дерптскаго университета за поединки военнымъ судомъ, при ражскомъ ордонансъ-гаузѣ». Затѣмъ, 4-го октября 1838 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе: «университетскому суду производить слѣдствія по дѣламъ о поединкахъ на основаніи общихъ россійскихъ, а не мѣстныхъ лифляндскихъ законовъ» ¹⁾.

Въ царствованіе того-же государя и во время попечительства генерала Крафтстрёма ²⁾, случались не однократно студенческія исторіи изъ-за форменной одежды ³⁾.

Во время попечительства Брадке существовавшія скрытымъ образомъ студенческія корпораціи пользовались нѣкоторымъ покровительствомъ и даже предположено было попечителемъ испросить ихъ официальное утвержденіе.

Немного дней спустя по кончинѣ Николая Павловича, 11-го марта 1855 г., дерптскій полиціймейстеръ Н. Львовъ счелъ своимъ долгомъ отнести ген.-губернатору князю Суворову бумагой такого содержанія. «Въ Дерптѣ 50 лѣтъ существуютъ студенческія общества подъ названіемъ корпорацій. Ни высшее, ни мѣстное университетское начальство по сіе время не обратило на нихъ вниманія, вѣроятно по той причинѣ, что никто не предполагалъ, чтобы эти общества могли преслѣдовать политическія цѣли. Въ настоящее же время въ городѣ носится слухъ, что попечитель фонъ-Брадке вознамѣрился официально признать ихъ существованіе, утвердить ихъ уставъ, словомъ, придать имъ законную форму».

¹⁾ Правило о преданіи студентовъ дерптскаго университета за поединки военному суду было высочайше отмѣнено 9-го янв. 1865 г. и постановлено: «студентовъ дерптск. универс., виновныхъ въ какомъ либо дѣйствіи, относящемся до поединковъ, подвергать, по изслѣдованію дѣла установленнымъ порядкомъ, уголовному суду на основаніи общаго порядка уголовной подсудности. (П. С. З. 42,258).

²⁾ Генералъ Крафтстрѣмъ происходилъ изъ эстонскихъ крестьянъ и суди по множеству рассказываемыхъ о немъ смѣшныхъ анекдотовъ, не отличался своимъ образованіемъ и умомъ.

³⁾ Неясно влѣдствіе какихъ соображеній по примѣру прочихъ университетовъ нашихъ, не постановлена форменная одежда дерптскихъ студентовъ, хотя бы въ видахъ постепеннаго уравнианія уставовъ. Ссылаются обыкновенно на дерптскій унив. уставъ 1820 г., но почему же въ 1830 и 1840 годахъ, не стѣняясь этимъ уставомъ, было приказано студентамъ дерптскаго университета носить общую тѣмъ студентамъ предписанную форму? Это замѣчаніе касается и прибалтійскихъ гимназій: ученики ихъ въ 1840 и 1850 годахъ носили форменную одежду, нынѣ же они отличаются лишь какими-то золотыми шнурками на шапкахъ студенческой формы.

Въ однихъ современныхъ запискахъ разсказывается, что попечителю Брадке съ самаго вступленія его въ должность не нравилась такая игра въ прятки всѣмъ извѣстныхъ корпорацій и принятая ими на себя несогласная съ закономъ роль—служить непривзваннымъ посредникомъ между начальствомъ и студенчествомъ. Но овнакомившись случайно съ однимъ корпораціоннымъ уставомъ (Comment), фонъ-Брадке убѣдился въ пользѣ существованія студенческой организаціи и только выразилъ желаніе, чтобы изъ уставовъ были удалены статьи о дуэляхъ и тому подобное. По его приглашенію былъ составленъ и ему предъявленъ такъ наз. офиціальный уставъ (казенный, Krons-Comment), содержащій основныя положенія студенческой корпораціи.

Въ то самое время, когда центральнымъ вѣдомствомъ недопускаема была самая мысль о корпораціонномъ устройствѣ студенчества въ другихъ русскихъ университетахъ, возникавшая не однократно въ университетскихъ совѣтахъ, попечитель фонъ-Брадке сообщилъ ректору дерптскаго университета 27-го апр. 1855 г., что министръ народнаго просвѣщенія изволилъ утвердить студенческія корпораціи съ слѣдующими перемѣнами въ ихъ уставахъ:

1) «Корпораціонныя цвѣта дозволяется носить лишь на студенческихъ празднествахъ. 2) Доводить до свѣдѣнія ректора, кто изъ студентовъ избранъ въ уполномоченные (Chargirter) и въ «судьи чести». 3) На уполномоченныхъ лежить полная отвѣтственность за всякое противозаконное постановленіе конвента, если они противъ него не протестовали».

Вѣроятно въ виду этихъ исключительныхъ привилегій, данныхъ Дерптскому университету предпочтительно передъ другими русскими университетами, преемникъ фонъ-Брадке, графъ Кейзерлинъ гъ, рѣшился сказать въ своей привѣтственной рѣчи (въ маѣ 1862 г.), обращенной къ студентамъ: «Дерптскіе студенты въ глазахъ высшихъ властей государства (der Höchsten des Reiches) занимаютъ почетное мѣсто. Этихъ (привилегированныхъ) положеніемъ обязаны вы не попечителю и не университетскому начальству, а себѣ самимъ, своему поведенію, основанному на правилахъ чести (ehrenwerthes). Вы можете надѣяться заслужить еще большія милости его императорскаго величества и г. министра».

Въ августѣ того же 1862-го года вышло разрѣшеніе носить цвѣта ихъ корпорацій дерптскимъ студентамъ. Въ силу такъ называемаго «казеннаго колаша» дозволялось носить цвѣта лишь внѣ Дерпта и при студенческихъ празднествахъ, но такъ какъ графъ Кейзерлинъ находилъ въ этомъ распоряженіи нѣкоторое противорѣчіе (?), то и дозволилъ ходить въ цвѣтныхъ шапочкахъ также въ городѣ.

Закончивъ лѣтоніе забавъ и шалостей дерптскихъ студентовъ, необходимо замѣтить, что рѣшеніе вопроса о правѣ носить цвѣтныя шапочки и

другіе наружные знаки корпоративныхъ отличій не переставалъ колебать начальственныя сферы до самаго послѣдняго времени. Не далѣе какъ въ 1887 г., по инициативѣ эстлявскаго губернатора, вышло отъ начальства учебнаго округа распоряженіе, которымъ запрещалось студентамъ щеголять въ своихъ цвѣтныхъ шапочкахъ внѣ Дерпта. Студенты подчинились этому распоряженію такимъ образомъ, что прикрыли шапочки клеенчатымъ чепломъ, изъ подъ котораго нерѣдко выглядываетъ цвѣтной кантикъ, но затѣмъ стали еще болѣе выставлять на показъ носимую ими черезъ плечо, сверхъ жилета, цвѣтную ленту въ видѣ перевязи. Такъ какъ запрещеніе цвѣтныхъ шапочекъ, по недомолвкѣ, не коснулось студентовъ рижскаго политехникума, щеголяющихъ также въ цвѣтныхъ шапочкахъ и точно такой же формы, какъ у дерптскихъ студентовъ, то полиція, которой поручено преслѣдованіе дерптскихъ шапочекъ, не можетъ не затрудняться при исполненіи своей неприятной обязанности. Намъ думается, что всю эту игру въ цвѣтныя шапочки и ленточки легко было бы прекратить введеніемъ въ дерптскомъ университетѣ общей студенческой форменной одежды. Должно надѣяться, что предназначенное съ введеніемъ новыхъ судовъ упраздненіе суда въ дерптскомъ университетѣ во многомъ ослабитъ корпоративную силу студентовъ и послужитъ къ смягченію ихъ средневѣковыхъ нравовъ и обычаевъ.

А. А. Чуминовъ.

Ноябрь 1889 г.

ДНЕВНИКЪ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА ВИКИТЕНКО

1847 г. ¹⁾.

Январь 4. Вышелъ перваго числа первый № „Современника“ подь новой редакціей. Онъ произвелъ хорошее впечатлѣніе. Отовсюду слышу благопріятныя отзывы его тону и направленію.

5. Суматоха и толки въ цѣломъ городѣ. Въ № 284-мъ за 17-е декабря „Сѣверной Пчелы“ напечатано нѣсколько стихотвореній графини Ростопчиной и, между прочимъ, баллада: „Насильный бракъ“ ²⁾. Рыцарь баронъ сѣтуеетъ на жену, что она его не любитъ и измѣняетъ ему, а она возражаетъ, что и не можетъ любить его, такъ какъ онъ насильственно овладѣлъ ею. Кажется, чего невиннѣе въ цензурномъ отношеніи? И цензора и публика сначала поняли такъ, что графиня Ростопчина говоритъ о своихъ собственныхъ отношеніяхъ къ мужу, которыя, какъ всѣмъ извѣстно, неприязненны. Удивлялись только смѣлости, съ какою она отдавала на судъ публикѣ свои семейныя дѣла и тому, что она связалась съ „Сѣвѣрною Пчелою“.

---

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LIX, авг., стр. 305—341; сент., стр. 483—524; т. LX, окт., стр. 61—83; нояб., стр. 267—310; дек., стр. 549—582; изд. 1889 г., томъ LXI, февр., стр. 293—314; мартъ, стр. 506—523; т. LXII, апр., стр. 107—130; июнь, стр. 577—598; т. LXIII, июль, стр. 27—60; августъ, стр. 265—299; сентябрь, стр. 519—558; т. LXIV, октябрь, стр. 103—122; ноябрь, стр. 323 — 334; декабрь, стр. 727 — 758; изд. 1890 г., т. LXV, январь, стр. 35—53.

²⁾ Перепечатано въ «Русской Старинѣ» изд. 1872, томъ V, стр. 296—299, по подлинному автографу графини Е. П. Ростопчиной, сохранившемуся въ бумагахъ Ѳ. В. Булгарина.

Ред.

Но теперь оказывается, что баронъ—Россія, а насильно вятая жена—Польша. Стихи, дѣйствительно, удивительно подходят къ отношеніямъ той и другой и, какъ они очень хороши, то ихъ всё твердятъ наизусть. Баронъ, напрімѣръ, говоритъ:

Ее я призрѣлъ сиротою,
И разоренной взялъ ее,
И далъ съ державною рукою
Ей покровительство мое;
Одѣлъ ее парчей и златомъ,
Несмѣтной стражей окружилъ;
И врагъ ее чтобъ не сманилъ,
Я самъ надъ ней стою съ булатомъ...
Но недовольна и грустна
Неблагодарная жена.
Я знаю—жалобой, навѣтомъ,
Она вездѣ меня клеймитъ,
Я знаю—передъ цѣлымъ свѣтомъ
Она клянетъ мой кровъ и щитъ.
И косо смотреть изъ подлобья,
И повторяя клятвы ложъ,
Готовитъ козни... точитъ ножъ...
Вздуваетъ огнь междоусобья;
Съ монахомъ шепчется она,
Моя коварная жена.

Жена на это отвѣчаетъ:

Раба ли я, или подруга —
То знаетъ Богъ!... Я-ль избрала
Себѣ жестокаго супруга?
Сама ли клятву я дала?...
Жила я вольно и счастливо,
Свою любила волю я...
Но побѣдилъ, плѣнилъ меня
Сосѣдей алыхъ набѣгъ хищливый...
Я предана я продана...
Я узница, а не жена.
Онъ говорить мнѣ запрещаетъ
На языкѣ моемъ родномъ,
Знаменоваться мнѣ мѣшаетъ
Моиѣмъ наследственнымъ гербомъ...
Не смѣю передъ нимъ гордиться
Стариннымъ именемъ моиѣмъ,
И предковъ храмамъ вѣковымъ,
Какъ предки славные, молиться...
Иной уставъ принуждена
Принять несчастная жена!

Послалъ онъ въ ссылку, въ заточенье
 Всѣхъ вѣрныхъ, лучшихъ слугъ моихъ;
 Меня же предалъ притѣсненью
 Рабовъ, лазутчиковъ своихъ...

Кажется, нельзя сомнѣваться въ истинномъ значеніи и смыслѣ этихъ стиховъ. Булгарина призывали уже къ графу Орлову. Цензура ждетъ грозы.

11. Толки о стихотвореніи графини Ростопчиной не умолкаютъ. Петербургъ радъ въ своей апатичной жизни, что поймалъ какую нибудь новость, живую мысль, которая можетъ занять его на нѣсколько дней. Государь былъ очень недоволенъ и велѣлъ было запретить Булгарину издавать „Пчелу“. Но его защитилъ графъ Орловъ, объяснявъ, что Булгаринъ не понялъ смысла стиховъ. Говорятъ, что на это замѣчаніе графа послѣдовалъ отвѣтъ:

— Если онъ (Булгаринъ) не виноватъ какъ полякъ, то виноватъ какъ д. !

Однако, этимъ и кончилось. Но Ростопчину велѣно вызвать въ Петербургъ. Цензора успокоились.

31. У меня ужъ со втораго номера „Современника“ возникли несогласія съ издателями. Пришлось исключить нѣкоторыя статьи, по причинамъ литературнымъ и цензурнымъ. Напримѣръ, предполагали помѣстить грязный пасквиль на Кукольника: я воспротивился. Была на очереди еще статья какого-то мальчика-писуна о наукахъ—пренелѣзная, безъ толку и смысла, но съ большими претензіями и самоувѣреннымъ тономъ: я отвергъ ее. Они, то есть издатели, въ свою очередь, возстали противъ очень умѣренной и учтиво написанной критики на книгу Корсини—книги плохой, хотя авторъ ея очень милая и умная женщина, моя бывшая ученица и большая пріятельница. Но вѣдь и умный человѣкъ можетъ написать неудачную книгу. Мои издатели вознегодовали на меня, забывая, что, по первоначальнымъ условіямъ моего редакторства, они сами предоставили мнѣ полную свободу въ выборѣ статей и въ сообщеніи журналу направленія. Я только на этихъ условіяхъ и могъ согласиться подписывать подъ нимъ мое имя.

Февраль 5. Я начинаю подумывать о томъ, чтобы отказаться отъ редакціи „Современника“. Скоро, но что-же дѣлать.

Мнѣ слишкомъ тяжело находиться въ постоянной борьбѣ съ издателями, которыхъ, въ свою очередь, можетъ тяготить мое вліяніе. Они, вѣроятно, рассчитывали найти во мнѣ слѣпое орудіе и хотѣли самостоятельно дѣйствовать подъ прикрытіемъ моего имени. Я не могу на это согласиться.

7. Намѣреніе мое на счетъ „Современника“ сообщилъ я Гебгарту и Ребиндеру. Панаевъ и Некрасовъ встревожились и рѣшились вступить со мной въ переговоры. Назначено у меня совѣщаніе въ присутствіи Гебгарта и Ребиндера. Я думалъ пригласить еще Даля, но не сдѣлалъ этого, не желая стѣснять моихъ противниковъ. Вечеромъ всѣ сошлись у меня. Я высказалъ мои идеи относительно духа и направленія журнала, а также и взглядъ мой на мои редакторскія права. Потомъ объяснилъ причины моихъ дѣйствій, которыя вызвали неудовольствіе противъ меня издателей. Въ заключеніе они выразили претензію только на счетъ статьи о Корсини. Но это была уже дѣтская уловка и они не замедлили вскорѣ сами отъ нея отказаться. Исключеніе статьи Штрайдмана, за которое они сначала такъ сильно взволновались, теперь они признали вполне основательнымъ, ибо она своею научною несостоятельностью могла бы повредить репутаціи журнала. Такъ мы постепенно пришли къ соглашенію, но сильно сомнѣваюсь, чтобы это былъ прочный миръ, а не временное только перемиріе.

Апрѣль 2. Напрасно мы жалуемся на безсодержательность нашей общественной жизни. У насъ есть свои общественныя событія и вопросы; у насъ умы тоже напрягаются въ сужденіяхъ и важныхъ задачахъ. Вотъ, напримѣръ, теперь весь городъ занятъ толками о казенныхъ воровствахъ. Наши администраторы подняли страшное воровство по Россіи. Высшая власть стала ихъ унимать, а они, движимые духомъ оппозиціи, заворачивали еще сильнѣе. Комедія, да и только! Сначала предсѣдатель здѣшней управы благочинія, Клевецкій, укралъ полтораста тысячъ рублей серебромъ: онъ вынулъ ихъ безъ церемоній изъ портфеля, который везъ, чтобы положить на храненіе въ узаконенное мѣсто, а на мѣсто ассигнацій, говорятъ, положилъ пачку „Сѣверной Пчелы“, предоставляя ей лестную честь прикрыть мошенничество. Затѣмъ огромную сумму своровали начальники (генералы и полковники) резервнаго корпуса. Они должны были

препроводить къ князю Воронцову семнадцать тысячъ рекрутъ и препроводили ихъ безъ одежды и хлѣба, нагихъ и голодныхъ, такъ что только меньшая часть ихъ пришла на мѣсто назначенія, остальные же перемерли. Генераль Тришатный, главный начальникъ корпуса и этихъ дѣлъ, былъ посланъ изслѣдовать ихъ и донесъ, что все обстоитъ благополучно, что рекруты благоденствуютъ, вѣроятно, на небесахъ, куда они отправились по его милости. Послали другаго слѣдователя. Оказалось, что Тришатный своровалъ. Своровали и подчиненные ему генералы и полковники—и всѣ они воровали съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ получили, по своему положенію, возможность воровать ¹⁾. Еще: гвардейскій генераль, любимецъ, красивый, бравый молодець, ***— деръ, растратилъ деньги, которыя покойный государь Александръ I дарилъ Семеновскому полку на праздники, и тѣ, которыя оставались въ экономіи полка, и т. д. Ну, не комедія-ли въ самомъ дѣлѣ?!

13. Допускать въ образованіи одинъ историческій и прикладной методъ, безъ духа философскаго и теоретическаго, значить отдавать человѣка на жертву случайностямъ и потоку времени; значить уничтожать въ немъ всякій порывъ въ лучшему, всякое довѣріе къ высшимъ, непреложнымъ истинамъ. Погасите въ людяхъ стремленіе къ идеальному, выраженіемъ которому служить разумъ, съ его общими понятіями—и вы увидите ихъ погрязшими въ матеріальныхъ и своекорыстныхъ побужденіяхъ

---

¹⁾ Тришатный былъ арестованъ въ церкви, во время брачнаго своего вѣнчанія съ одною весьма достойной дѣвицей В. А. М—хъ, внучкой достойнаго инженера, загнѣвъ губернатора пермскаго, сенатора и почетнаго опекуна въ царствованіе Александра Павловича, Карла Ѳедоровича М—ха († 1819 г.). Бракъ былъ противъ воли и желанія молодой дѣвушки, дѣлавшей этотъ шагъ лишь въ угожденіе своей матери. Ни мать, ни дочь, конечно, и не подозревали чгд за соколъ Тришатный. Когда шелъ обрядъ вѣнчанія, невѣста, не любившая жениха, стояла ни жива, ни мертва, и вдругъ, слышавъ говоръ и волненіе въ церкви: «за женихомъ пріѣхали жандармы, его арестуютъ!», обернулась, увидѣла жандармовъ, упала въ обморокъ и обрядъ не былъ оконченъ. Тришатнаго увезли. Варвара Александровна М—хъ поселилась впоследствии въ одномъ изъ монастырей, гдѣ выстроила домикъ и доживаетъ свою жизнь, потрясенную этимъ злополучнымъ эпизодомъ. «Русская Старина» имѣетъ въ своемъ архивѣ матеріалы къ очерку жизни и трудовъ К. Ѳ. М—ха и представитъ ихъ въ особомъ очеркѣ. Матеріалы весьма обязательно сообщены В. А. М—хъ.

настоящаго. Какъ животныя, они будутъ довольствоваться гнѣздами и логовищами, не помышляя о будущемъ и о возможности усовершенствованія. Теоріи—это не иное что, какъ постулаты разума. Неужели же разумъ не имѣетъ права и голоса въ дѣлахъ человѣческихъ и нами должно руководить одно житейское благоразуміе, одно побужденіе немедленной пользы? Теоріи могутъ быть обманчивы, вести къ предразсудкамъ и схоластикѣ. Но нашъ вѣкъ далъ уже намъ противъ нихъ оружіе: онъ требуетъ для теорій опоры анализа и свидѣтельства исторіи. При томъ развѣ не лучше обмануться, вѣря въ истинное и прекрасное, чѣмъ придти къ горькому убѣжденію, что истиннымъ можетъ быть одно только то, что кладется въ карманъ или въ ротъ, а прекраснымъ то, что можетъ мишурнымъ блескомъ польстить глазамъ или чувствамъ?

15. Похороны Губера, молодаго литератора, которому было тридцать два года. Это былъ благородный, образованный человекъ, талантъ не блистательный и не могучій, однакожъ, замѣчательный. Онъ въ своихъ стихахъ все воспѣвалъ смерть и вотъ самъ умеръ, скорѣе, чѣмъ ожидалъ и чѣмъ должно. Докторъ Спасскій, присутствовавшій при его послѣднихъ минутахъ, говорить, что въ теченіи своей тридцатилѣтней практики онъ не видѣлъ умирающаго—а онъ видѣлъ ихъ довольно, благодаря своему искусству,—который бы умиралъ съ такою твердостью и съ такимъ присутствіемъ духа. Послѣднія слова его были:

— Я не зналъ, что такъ пріятно умирать.

29. Еще растратилъ деньги одинъ генералъ. Онъ сдѣлалъ это очень оригинально. Это *** харьковскій и попечитель тамошняго университета. Онъ бралъ деньги изъ приказа общественнаго призрѣнія и набралъ ихъ 140 тысячъ. Наконецъ, усталъ брать и жить. Умеръ. Послѣ него нашли письмо на высочайшее имя, въ которомъ онъ откровенно признается въ своихъ захватахъ. Между ними оказались и университетскія деньги.

Май 2. Въ нѣсколькихъ номерахъ дѣтскаго журнала: „Звѣздочка“, издаваемаго Ишимовою, была въ прошломъ году напечатана краткая исторія Малороссіи. Авторъ ея Кулишъ ¹⁾. Те-

¹⁾ Кулишъ, Пантелеймонъ Александровичъ, внослѣдствіи изд. сочиненій Н. В. Гоголя (1856—1858 гг.) и весьма извѣстный писатель. Ред.

перь изъ-за нея поднялась страшная исторія. Кулишъ былъ лекторомъ русскаго языка у насъ въ университетѣ: его выписали сюда и пристроили Плетневъ. По ходатайству послѣдняго, онъ былъ признанъ академіей наукъ достойнымъ отправленія за границу на казенный счетъ. Его послали изучать славянскія нарѣчія.

Онъ поѣхалъ и взялъ съ собою пачку отдѣльно отпечатанныхъ экземпляровъ своей „Исторіи Малороссіи“, и по дорогѣ раздавалъ ихъ, гдѣ могъ. Теперь эту исторію и самого Кулиша схватили. Онъ былъ уже въ Варшавѣ, съ молодою женою, на которой всего два мѣсяца женатъ. У цензора Ивановскаго спрашиваютъ: „Какъ онъ пропустилъ сочиненіе Кулиша?“ Онъ отвѣчалъ прямо, что „это ошибка и что онъ виноватъ“. На отдѣльныхъ книжкахъ стоитъ имя Куторги, и онъ тоже призванъ въ допросу.

Я, наконецъ, досталъ „Звѣздочку“ и прочелъ исторію Кулиша: теперь мнѣ понятно, почему Ивановскій не могъ отвѣчать ничего вромѣ: „виноватъ“. Государь, увидѣвъ подъ отдѣльными книжками имя цензора Куторги, велѣлъ посадить его въ крѣпость. Но графъ Орловъ представилъ, что надо прежде узнать, какъ дѣло было. Что еще изъ этого произойдетъ—трудно предвидѣть.

Съ этой маленькой книжкой, впрочемъ, соединены, говорятъ, гораздо болѣе важныя обстоятельства. На югѣ, въ Кіевѣ, открыто общество, имѣющее цѣлью конфедеративный союзъ всѣхъ славянъ въ Европѣ на демократическихъ началахъ, на подобіе Сѣвероамериканскихъ Штатовъ. Къ этому обществу принадлежатъ профессора кіевскаго университета: Костомаровъ, Кулишъ, Шевченко, Гулакъ и проч. Имѣютъ-ли эти южные славяне какую нибудь связь съ московскими славянофилами—не извѣстно, но правительство, кажется, намѣрено за нихъ взяться. Говорятъ, что все это вывели наружу представленія австрійскаго правительства.

Было назначено нѣсколько молодыхъ людей изъ Педагогическаго института къ отправленію за границу: ихъ отъѣздъ остановленъ.

7. Сегодня я получилъ отъ министра (черезъ попечителя) секретное предписаніе слѣдующаго содержанія: „Разсматривая появляющіяся въ повременныхъ изданіяхъ сочиненія объ

отечественной исторіи, я замѣтилъ, что въ нихъ нерѣдко вѣра-
дываются разсужденія о вопросахъ государственныхъ и полити-
ческихъ, которыхъ изложеніе должно быть допускаемо съ осо-
бенною осторожностью и только въ предѣлахъ самой строгой
умѣренности. Особеннаго вниманія требуетъ тутъ стремленіе
нѣкоторыхъ авторовъ къ возбужденію въ читающей публикѣ
необдуманыхъ порывовъ патріотизма, общаго или провинціаль-
наго, становящагося иногда, если не опаснымъ, то по крайней
мѣрѣ неблагоприятнымъ по тѣмъ послѣдствіямъ, какія онъ мо-
жетъ имѣть“. Въ заключеніе предписывается имѣть строгое
наблюденіе и проч.

Іюнь 1. Въ эти для меня роковыя дни ¹⁾ я выпустилъ изъ
виду разныя общественныя событія. Глаза мои, полныя слезъ,
тускло смотрѣли на внѣшніе предметы: они блуждали только въ
страшной безднѣ моего собственнаго злополучія, тщетно ста-
раясь уловить хоть одинъ лучъ отрады. Между тѣмъ случилось
много любопытнаго. Чижевъ ²⁾ былъ схваченъ, по повелѣнію
правительства, на границѣ, у таможенной заставы, и, въ качествѣ
опаснаго славянофила, съ своей бородой привезенъ въ III отдѣ-
леніе. Послѣ девятидневнаго заключенія и нѣсколькихъ допро-
совъ, онъ третьяго дня выпущенъ на волю.

Онъ былъ у меня и разсказалъ мнѣ много любопытнаго о
вопросахъ, которые ему предлагались, и о своихъ отвѣтахъ на
нихъ. Отвѣты эти онъ давалъ сначала устно, а потомъ самъ же
излагалъ, на бумагу, для доклада государю. Если вѣрить ему,
онъ не говорилъ ничего, компрометирующаго убѣжденія, про-
тивныя его школѣ. Но я считаю Чижева хитрѣйшимъ изъ всѣхъ
настоящихъ и будущихъ славянофиловъ. Я думаю, что онъ —
конечно, тонко, ловко и не вдаваясь въ личности—въ массѣ не
пощадилъ тѣхъ, которые думаютъ не за одно съ нимъ. Не выдаю
за непреложное свое мнѣніе, но вотъ какое сложилось оно у
меня изъ его словъ. Онъ раздѣлилъ свою исповѣдь на двѣ части.
Въ первой онъ какъ бы признавался въ нѣкоторыхъ заблужде-
ніяхъ, а именно относительно соединенія всѣхъ славянъ въ одну

¹⁾ Дни эти ознаменовались потерей любимаго сына автора. С. Н.

²⁾ Фёдоръ Васильевичъ Чижевъ — извѣстный впоследствии экономистъ и
публицистъ. Ред.

монархію, подъ свѣпетромъ Россіи. Само собой разумѣется, что это заблужденіе, какъ проистекающее изъ избытка любви, было ему охотно прощено. Во второй части своей исповѣди онъ явился горячимъ патриотомъ, совсѣмъ въ духѣ самодержавія, православія и народности, чуждой всего европейскаго, и даже враждебной Европѣ. Онъ, въ припадкѣ (увлеченія), даже воскликнулъ, что „Петръ I былъ величайшимъ и опаснѣйшимъ революціонеромъ“. Это уже не мое предположеніе, а Чижевъ дѣйствительно сказалъ это, какъ самъ мнѣ признался. Въ заключеніе его почтенные духовники, Леонтій Васильевичъ (Дубельтъ) и графъ Орловъ остались имъ вполне довольны. Конечно, онъ въ своей исповѣди не коснулся демократическихъ началъ славянофильской проповѣди и вышелъ изъ допроса совершенно бѣлымъ и чистымъ. Его даже поблагодарили, но замѣтили ему на прощанье, что онъ слишкомъ пылокъ и потому ему еще пока нельзя разрѣшить изданіе журнала въ Москвѣ. Какъ онъ впереди соединить свои славянофильскія идеи съ тѣмъ, что теперь долженъ будетъ писать и дѣлать—не знаю. Это тѣмъ труднѣе, что онъ отнынѣ обязанъ всѣ свои сочиненія представлять на цензуру въ третье отдѣленіе.

Вчера, то есть 31-го мая, состоялось чрезвычайное собраніе совѣта въ университетѣ, подъ предсѣдательствомъ попечителя (Мусинъ-Пушкина). Въ совѣтъ былъ приглашенъ и директоръ педагогическаго института, Ив. Ив. Давыдовъ. Читали предписаніе министра, составленное по высочайшей волѣ и гдѣ объясняется, какъ надо понимать намъ нашу народность и что такое славянство по отношенію къ Россіи. Народность наша состоитъ въ безпредѣльной преданности и повиновеніи самодержавію, а славянство западное не должно возбуждать въ насъ никакого сочувствія. Оно само по себѣ, а мы сами по себѣ. Мы симъ самымъ торжественно отъ него отрекаемся. Оно и не заслуживаетъ нашего участія, потому что мы безъ него устроили свое государство, безъ него страдали и возвеличились, а оно всегда пребывало въ зависимости отъ другихъ, не умѣло ничего создать и теперь окончило свое историческое существованіе.

На основаніи всего этого, министръ желаетъ, чтобы профессора съ кафедръ развивали нашу народность не иначе, какъ по этой программѣ и по повелѣнію правительства. Это особенно

касается профессоровъ: славянскихъ нарѣчій, русской исторіи и исторіи русскаго законодательства.

По прочтеніи этой бумаги, попечитель объявилъ, что онъ не сомнѣвается въ благонамѣренности нашей и въ готовности слѣдовать этому призыву; что онъ видитъ, какъ мы тронуты и непремѣнно доведетъ это до свѣдѣнія министра. Ректоръ счелъ нужнымъ поблагодарить попечителя отъ имени совѣта за довѣріе правительства и увѣрилъ его во всеобщемъ усердіи и т. д.

По выходѣ изъ совѣта попечителя, наличные цензора тутъ-же образовали чрезвычайное собраніе комитета, который, не долго думая, поспѣшилъ запретить остроумную и совѣтмъ невинную статью противъ славянофиловъ, написанную Сенковскимъ совершенно въ духѣ тѣхъ идей, какія за полчаса мы слышали въ совѣтѣ. А три дня тому назадъ, за такую же точно статью, напечатанную въ „Огочественныхъ Запискахъ“, Краевскій получилъ въ III-мъ отдѣленіи благодарность отъ имени государя.

Боже мой, что за хаосъ, что за смѣшеніе понятій!

17. Ивановскій получилъ легкій высочайшій выговоръ за пропускъ „Исторіи Малороссіи“ Кулиша. Сказано, что такъ какъ это случилось единственно по неосмотрительности цензора и по довѣрію его къ журналу, для котораго назначалось сочиненіе, и какъ цензоръ этотъ отличный человѣкъ, то сдѣлать ему только выговоръ, безъ занесенія послѣдняго въ послужной списокъ.

20. Распоряженіе министра: хотя французскіе романы и повѣсти, печатаемые въ иныхъ журналахъ, до такой степени передѣлываются въ русскихъ переводахъ, что въ нихъ не остается ничего вреднаго, однако, лучше не допускать ихъ вовсе — за чѣмъ предписывается цензорамъ строго смотрѣть. Да и вообще не должно разрѣшать печатанія никакихъ переводовъ иначе, какъ представляя предварительно каждый переводъ попечителю, отъ усмотрѣнія коего будетъ зависѣть пропустить его или нѣтъ. Другими словами: цензора уже не разсматриваютъ этихъ произведеній, цензурный комитетъ отмѣняется и высочайшій законъ больше не существуетъ. Я ѣздилъ объясняться къ Комовскому и намѣревался поѣхать отъ него въ министру, но увидѣлъ изъ бесѣды съ первымъ бесполезность этого. Былъ, однако, у попечителя, говорилъ ему о нарушеніи устава и о невозможности исполнить предписаніе министра. Онъ согласился

съ этимъ. Тогда я просилъ его объявить о томъ въ комитетѣ, — что онъ и сдѣлалъ. Итакъ, положено не исполнять предписанія министра и все оставить по прежнему.

Августъ 5. Возвратился изъ цензурнаго засѣданія. Спорилъ съ попечителемъ, который объявилъ, что „надо совсѣмъ вывести романы въ Россіи, чтобы никто не читалъ романовъ“. Я еще не встрѣчался на моемъ служебномъ поприщѣ съ такимъ ¹⁾. У него обыкновенно ни на что нѣтъ причинъ. Онъ шумить, кричитъ, размахиваетъ руками и въ своихъ мнѣніяхъ скачетъ черезъ всѣ логическія преграды, пока, наконецъ, не стукнется лбомъ о какую нибудь до того отчаянную нелѣпость, что уже самъ остановится.

Сентябрь 11. Нынѣшній годъ лѣто особенно долго не разставалось съ Петербургомъ: всего дня два, какъ въ воздухѣ почувалась осень. Природа черезъ чуръ милостива: не хочетъ-ли она дать намъ немного больше въ одномъ отношеніи, чтобы покрѣпче прижать въ другомъ? Ходятъ слухи о время отъ времени повторяющихся случаяхъ холеры. Врачи, для утѣшенія умирающихъ, называютъ ее спорадическою — и успокоиваются сами, полагая, что ученымъ словомъ все изъяснили и поправили, но люди умираютъ.

Ноябрь 2. Петербургъ оживился: у него появился предметъ для размышленія, бесѣды и толковъ. Въ самомъ дѣлѣ, есть о чемъ подумать и поговорить. Холера, раскинувшая свои широкія объятія на всю Россію, медленнымъ, но вѣрнымъ шагомъ приближается къ Петербургу. Но въ публикѣ пока замѣтно больше любопытства, чѣмъ страха. Можетъ быть, это отъ того, что она грозитъ еще издалека, а можетъ быть отъ того, что жизненность нашего общества вообще хило проявляется: мы нравственно ближе къ смерти, чѣмъ слѣдовало бы, потому смерть физическая возбуждаетъ въ насъ меньше естественнаго ужаса.

Въ литературѣ все по старому. Булгаринъ продолжаетъ дѣлать доносы на журналы. Къ концу года похотливая страсть въ немъ у него обыкновенно еще усиливается. Въ это время начинается подписка. Всякій новый подписчикъ на журналъ, не имъ издаваемый, вызываетъ въ немъ желчь. Что за гнусное сердце

¹⁾ Известный Мусинъ-Пушкинъ. О немъ смотри въ «Русской Старинѣ» изд. 1886 г., томъ LXII, стр. 495—498.

у этого человѣка! Онъ говорить печатно о своихъ противникахъ такъ, что если бы ему повѣрили, ихъ всѣхъ слѣдовало бы засадить въ крѣпость, а изданія ихъ запретить. Тогда во всей Россіи осталась бы одна „Сѣверная Пчела“, которую, разумѣется, уже одну и выписывали бы. Общественное презрѣніе заклеяло Булгарина, но это не трогаетъ его. У него своего рода величіе: онъ никого и ничего не боится, кромѣ кнута, а какъ кнутъ теперь не въ употребленіи, то онъ и считаетъ себя въ полной безопасности.

Въ цензурѣ бѣда съ Крыловымъ (цензоромъ). Онъ вообще не умѣетъ разобраться въ своемъ дѣлѣ: то запрещаетъ самыя невинныя вещи, то пропускаетъ такия, которыя, при существующемъ порядкѣ вещей, считаются вредными. И поэтому онъ чаще другихъ попадается въ бѣду. Теперь на него поступили разомъ двѣ жалобы отъ Клейнмихеля, за пропускъ статей, неудобныхъ для путей сообщенія (въ „Инвалидѣ“ и въ „Посредникѣ“), и третья отъ министерства государственныхъ имуществъ за не-пропускъ въ его журналъ статьи о торговлѣ, которую онъ, Крыловъ, отправилъ на разсмотрѣніе Клейнмихелю за то только, что въ ней сказано, что хлѣбъ у насъ перевозится по воднымъ сообщеніямъ. Невѣроятно — однако правда. Крыловъ, тѣмъ не менѣе, въ милости у предсѣдателя цензурнаго комитета (Мусина-Пушкина).

1848 г.

Январь 17. Суббота. Гроза виситъ надъ „Отечественными Записками“ Мѣсяца три тому назадъ у какихъ-то мальчиковъ, учениковъ Горнаго корпуса, найдены либеральныя идеи. Одинъ изъ нихъ признался, что эти идеи онъ почерпнулъ изъ „Отечественныхъ Записокъ“.

22. Краевскій служитъ въ одномъ изъ корпусовъ наставникомъ-наблюдателемъ и потому въ немъ приняло участіе начальство военно-учебныхъ заведеній, т. е. Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ. Краевскаго призывалъ къ себѣ великій князь Михаилъ Павловичъ. Онъ сдѣлалъ ему нѣсколько суровыхъ замѣчаній на счетъ духа и направленія издаваемого имъ журнала, а въ за-

ключеніе объявилъ, что питаетъ глубокое (нерасположеніе) во всѣмъ журналамъ и журналистамъ. Краевскій однако былъ отпущенъ безъ дальнѣйшихъ послѣдствій ¹⁾.

Говорятъ, что и о „Современникѣ“ были неблагопріятные отзывы. Между тѣмъ Булгаринъ, Калашниковъ и Борисъ Федоровъ не устаютъ распространять самыя черныя клеветы на „Современникъ“. Булгаринъ каждую недѣлю разными намеками даетъ знать въ „Сѣверной Пчелѣ“, что „Современникъ“ зловредный журналъ, также какъ и „Отечественныя Записки“. Пора заклеить, наконецъ, этихъ ш....въ! Я пишу статью и хочу напечатать ее въ академической газетѣ, чтобъ не вводить въ полемику „Современника“. Калашниковъ принимаетъ дѣятельное участіе въ возняхъ противъ обоихъ журналовъ. Это былъ когда-то плохой авторъ и плохой учитель и пошелъ, наконецъ, въ чиновники. Теперь онъ состоитъ директоромъ канцеляріи коннозаводскаго управленія. Стремясь къ наживѣ, онъ написалъ, между прочимъ, книжку для чтенія поселянъ Коннозаводскаго вѣдомства, какъ будто эти поселяне не такіе, какъ всѣ, и для нихъ не годится прекрасное сельское чтеніе, издаваемое Заблоцкимъ ²⁾ — если только поселяне умѣютъ читать. Онъ выпросилъ у начальства двѣ тысячи рублей серебромъ пособія для напечатанія своей книги. Книга издана, но оказалась очень плохую. „Современникъ“, со всей своей умѣренностью, не могъ не отозваться о ней дурно. „Отечественныя Записки“ раскритиковали ее строже, а академическая газета еще строже. Калашниковъ взбѣсился и, въ совѣтъ съ Булгаринимъ (который числится на службѣ въ его канцеляріи), замыслилъ увѣрить начальство, что журналы, его покритиковавшіе, черезъ-чуръ либеральны и потому опасны: развѣ они не осмѣлились найти не-

¹⁾ Покойный А. А. Краевскій жилъ въ то время на углу Невскаго и Садовой улицъ. «Каждый вечеръ, возвращаясь домой, въ злополучные 1848—1849-й годы, и съ тревогой взглядывать,—разсказывалъ намъ А. А.,—на окна моей квартиры, верхняго этажа, не свѣтится ли въ нихъ огонь, не явилась-ли жандармы отъ Л. В. Дубельта съ обыскомъ у меня и за мною».

²⁾ Андрей Пареновичъ Заблоцкій-Десятовскій, вполнѣдствіи статей-секретарь, членъ государственнаго совѣта, человекъ замѣчательнаго ума, патриотъ въ лучшемъ значеніи этого слова и участникъ въ великихъ реформахъ Александра II. См. о Заблоцкомъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1882 г., томъ XXXII, стр. 531—560.

достатки въ его книгѣ, изданной съ одобренія начальства и т. д. Начальство дѣйствительно убѣдилось, что журналы опасны и начало дѣйствовать соотвѣтственно.

Апрѣль 25. Болѣе трехъ мѣсяцевъ не принимался я за мой дневникъ, а между тѣмъ въ исторіи міра совершились важныя событія.... Франція, по обыкновенію, подала примѣръ. За ней послѣдовали Германія и Италія. Авторитетъ лицъ уничтоженъ и на мѣсто его водворенъ авторитетъ человѣчности. Они не осуществляютъ всѣхъ идеаловъ человѣческаго разума. У нихъ будутъ и свои тревоги, и свои страданія, и свои жертвы. Но у человѣка и бѣдствія да будутъ человѣческія и конечно въ нихъ больше отраднато, чѣмъ въ благѣ, какое человѣкъ похищаетъ у животнаго. На землѣ мало непреложныхъ истинъ, но одна изъ самыхъ несомнѣнныхъ та, что все живущее должно жить по законамъ своей природы и вому суждено ходить среди тварей съ головою поднятою вверхъ и съ мыслью въ головѣ, тотъ не совершитъ ничего хорошаго, спустясь на низшую степень существъ.

Но, по мѣрѣ того, какъ въ Европѣ рѣшаются вопросы всемірной важности, у насъ тоже разыгрывается драма... невыразимо печальная для лицъ, съ нею соприкосновенныхъ. Нѣсколько убогихъ литераторовъ, съ Булгариннымъ, Калашниковымъ и Борисомъ Федоровымъ во главѣ, еще до европейскихъ событій пытались очернить въ глазахъ правительства многіе изъ нашихъ журналовъ, особенно „Отечественныя Записки“ и „Современникъ“. Но едва раздался громъ европейскихъ переворотовъ, какъ въ качествѣ доносчиковъ выступили и лица гораздо болѣе сильныя и опасныя. Графъ (С. Г.) Строгоновъ, бывшій попечитель московскаго университета, движимый злобой на министра народнаго просвѣщенія, Уварова, который былъ причиною увольненія его отъ должности попечителя, представилъ государю записку объ ужасныхъ идеяхъ, будто бы господствующихъ въ нашей литературѣ—особенно въ журналахъ—благодаря слабости министра и его цензуры. Баронъ М. А. Корфъ, желая свергнуть графа Уварова, чтобы занять его постъ, представилъ другую такую же записку. И вотъ въ городѣ вдругъ узнають, что вслѣдствіе этихъ доносовъ, учрежденъ комитетъ, подъ предсѣдательствомъ морскаго министра князя Меншикова, и съ уча-

стиемъ слѣдующихъ лицъ: Бутурлина, Корфа, графа Строгонова (брата бывшаго попечителя), Дегаея и Дубельта. Цѣль и значеніе этого комитета были облечены таинственностью и отъ того онъ казался еще страшнѣе. Наконецъ, постепенно выяснилось, что комитетъ учрежденъ для изслѣдованія нынѣшняго направленія русской литературы, преимущественно журналовъ, и для выработки мѣръ обузданія ея на будущее время. Панический страхъ овладѣлъ умами. Распространились слухи, что комитетъ особенно занятъ отысканіемъ вредныхъ идей коммунизма, социализма, всякаго либерализма, истолкованіемъ ихъ и измышленіемъ жестокихъ наказаній лицамъ, которыя излагали ихъ печатно, или съ вѣдома которыхъ онѣ проникали въ публику. „Отечественныя Записки“ и „Современникъ“, какъ водится, поставлены были во главѣ виновниковъ распространенія этихъ идей. Министръ народнаго просвѣщенія не былъ приглашенъ въ засѣданія комитета; ни отъ кого не требовали объясненій; никому не дали знать, въ чемъ его обвиняютъ, а между тѣмъ обвиненія были тяжкія. Ужасъ овладѣлъ всѣми мыслящими и пишущими. Тайные доносы и шпионство еще болѣе усложняли дѣло. Стали опасаться за каждый день свой, думая, что онъ можетъ оказаться послѣднимъ въ кругу родныхъ и друзей...

Августъ 22. Четыре мѣсяца ничего не вносилъ въ свой дневникъ, но за это время легко могло бы случиться, что и дни перестали бы для меня существовать. Съ первыхъ чиселъ іюня въ Петербургѣ начала свирѣпствовать холера и до половины іюля погубила до пятнадцати тысячъ человѣкъ. Каждый въ этотъ промежутокъ времени, такъ сказать, стоялъ лицомъ къ лицу со смертію. Она никого не щадила, но особенно много жертвъ выхватила изъ среды простаго народа. Малѣйшей неосторожности въ пищѣ, малѣйшей простуды достаточно было, чтобы человѣка не стало въ 4—5 часовъ.

Ужасъ повсюду царствовалъ въ теченіи цѣлаго лѣта. Умирающихъ на дачахъ около Лѣснаго корпуса почти не было, но тѣмъ не менѣе всѣ чувствовали себя въ тяжеломъ, напряженномъ состояніи. Вѣсти изъ города ежедневно приходили печальныя, особенно съ половины іюня и до послѣднихъ чиселъ іюля.

Октябрь 27. Холера продолжаетъ подбирать жертвы, забывая ея во дни великой жатвы. Послѣднее время холерные

случаи стали чаще встрѣчаться въ средѣ людей высшаго и средняго класса. Въ домахъ соблюдаютъ тѣ-же предосторожности, что и лѣтомъ. Плодовъ, копченій и солений не ѣдятъ, квасу не пьютъ.

Декабрь 1. Чудная эта земля Россія! Полтораэта лѣтъ прикидывались мы стремящимися къ образованію. Оказывается, что это было притворство и фальшь: мы улепетываемъ назадъ быстрѣе, чѣмъ когда либо шли впередъ. Дивная, чудная земля! Когда Бутурлинъ предлагалъ закрыть университеты, многіе считали это несбыточнымъ. Простяки! Они забыли, что того только нельзя закрыть, что никогда не было открыто. Вотъ теперь тотъ же самый Бутурлинъ дѣйствуетъ въ качествѣ предсѣдателя какаго-то высшаго, негласнаго комитета по цензурѣ и дѣйствуетъ такъ, что становится невозможнымъ что бы то ни было писать и печатать. Вотъ недавній случай. Далю запрещено писать. Какъ? Далю, этому умному, доброму, благородному Далю! Неужели и онъ попалъ въ комунисты и социалисты? Въ „Москвитянинѣ“ напечатаны его два разсказа. Въ одномъ изъ нихъ изображена цыганка-воровка. Она скрывается; ее ищутъ и не находятъ, обращаются къ мѣстному начальству и все-таки не могутъ отыскать. Бутурлинъ отнесся къ министру внутреннихъ дѣлъ съ запросомъ, не тотъ ли это самый Даль, который служить у него въ министерствѣ? Перовскій призвалъ къ себѣ Дала, выговорилъ ему за то, что, дескать, охота тебѣ писать что-нибудь вромѣ бумагъ по службѣ и въ заключеніе предложилъ ему на выборъ любое: „писать — такъ не служить; служить — такъ не писать“.

Но этимъ еще не кончилось. Бутурлинъ представилъ дѣло государю въ слѣдующемъ видѣ: что хотя Даль своимъ разсказомъ и вселяетъ въ публику недовѣріе къ начальству, но, повидимому, дѣлаетъ это безъ злаго умысла, и такъ какъ сочиненіе его вообще не представляетъ въ себѣ ничего вреднаго, то онъ, Бутурлинъ, полагалъ бы сдѣлать автору замѣчаніе, а цензору выговоръ. Послѣдовала резолюція: „сдѣлать и автору выговоръ, тѣмъ болѣе, что и онъ служить“.

Графъ Уваровъ сбросилъ графа Строгонова съ мѣста попечителя въ московскомъ университетѣ. Строгоновъ отомстилъ ему въ мартѣ, представивъ государю записку о либерализмѣ, коммунизмѣ и социализмѣ, господствующемъ въ цензурѣ и во всемъ

министерствѣ народнаго просвѣщенія, такъ что графъ Уваровъ самъ едва удержался на мѣстѣ. Въ сентябрѣ онъ ѣздилъ въ Москву. Тамошнее „Общество исторіи и древностей“, состоящее подъ предсѣдательствомъ Строгонова, занималось въ это время печатаніемъ въ русскомъ переводѣ записокъ Флетчера. Изданіе это предпринято на основаніи статьи цензурнаго устава, разрѣшающей печатать безъ извлеченія предосудительныхъ для Россіи мѣстъ все, что пишется и писалось о ней до водворенія дома Романовыхъ. Графъ Строгоновъ лично разрѣшилъ записки Флетчера, въ которыхъ невыгодно говорится объ Іоаннѣ IV, Θεодорѣ и о разныхъ обрядахъ нашей церкви, что, впрочемъ, давно уже напечатано въ запискахъ Бера. Шевыревъ, нѣкогда ухаживавшій за Строгоновымъ, теперь представилъ министру, какъ неблаговидно въ данную минуту печатать Флетчера и какъ дурно дѣлаетъ Строгоновъ, допуская это. И какъ то всегда бываетъ на Святой Руси, онъ подкрѣплялъ свое представленіе завѣреніями въ собственной преданности и усердіи.

Уваровъ приказалъ остановить печатаніе и довелъ это до свѣдѣнія государя. Послѣдовало повелѣніе: объявить графу Строгонову строжайшій выговоръ черезъ московскаго генераль-губернатора. Это неслыханный случай съ генераль-адъютантомъ. Говорятъ, что Закревскій не поцеремонился и послалъ къ графу Строгонову квартальнаго надзирателя, съ приглашеніемъ явиться къ нему для полученія выговора.

Но дѣло не въ этомъ: иже мѣрою мѣрите, возмѣрится и вамъ. Строгоновъ, по выраженію Гоголя, „нагадилъ“ Уварову, Уваровъ — Строгонову. Это въ порядкѣ вещей на Святой Руси, гдѣ такія явленія только доказываютъ обычную и глубокую безнравственность, къ которой всѣ привыкли. Но за что погибла книга Флетчера — книга полезная для нашей исторіи? За что пострадалъ секретарь общества Бодянский, котораго велѣли удалить въ Казань? За что парализовано „общество“, оказавшее не мало услугъ наукѣ?

А въ нашемъ кругу, то-есть, въ ученое и учебное, вотъ какъ люди (въ 1848 г.) поставлены: если ты человѣкъ безъ дарованія и дѣлаешь худо свое дѣло—тебя выгонять за неспособность; если ты человѣкъ съ дарованіемъ и дѣлаешь свое дѣло хорошо, тебя

выгонять за то, что ты человекъ способный, слѣдовательно опасный. Какъ-же тутъ быть? Быть немножко глупымъ и немножко не глупымъ? Въ средніе вѣка жгли за идеи и мнѣнія, но по крайней мѣрѣ каждый зналъ, что можно и чего нельзя

Министръ приказалъ деканамъ наблюдать за преподаваніемъ профессоровъ въ университетѣ, особенно наукъ политическихъ и юридическихъ. Послѣднимъ велѣно представить программы своихъ предметовъ, составивъ ихъ такъ, чтобы „все ненужное или лишнее“ было изъ нихъ выпущено, но „не вреда достоинству и полнотѣ науки“.

Въ университетѣ страхъ и упадокъ духа. Я присутствовалъ въ засѣданіи совѣта, въ которомъ между прочимъ было читано предписаніе министра, чтобы ничто не печаталось отъ имени университета, что не самъ университетъ издаетъ. Да это-же и не дѣлалось! Очевидно, министръ вербуетъ факты для годоваго отчета: теперь конецъ года. Нужны пышныя фразы, что приняты такія-то распоряженія, запрещено то-то, и т. д.

Между тѣмъ нѣкоторые члены предложили вопросъ: имѣеть ли право университетъ разрѣшать диссертациі на ученую степень, что до сихъ поръ онъ дѣлалъ, придерживаясь смысла устава и что принадлежитъ ему по праву. Ибо кто-же будетъ цензуровать спеціальныя сочиненія, какъ не университетъ? Да при томъ развѣ университетъ не официальное мѣсто и если ему не вѣрить въ этомъ, то какъ же вѣрить въ лекціяхъ, гдѣ гораздо легче внушать мысли „опасныя“? Нѣкоторые члены однако порѣшили обратить это въ вопросъ и представить на разрѣшеніе министра. Я возсталъ противъ этого: самое сомнѣніе въ правѣ университета печатать самостоятельно диссертациі обнаруживало преувеличенный страхъ или, вѣрнѣе, трусость, и совершенно ненужное уничиженіе, которое могло вредно на немъ отразиться. Завязался споръ. Приступили къ собиранію голосовъ. За меня оказалось шесть, противъ меня одиннадцать! Любопытный фактъ, доказывающій, какъ настроены умы въ университетѣ.

2. Событія на Западѣ вызвали страшный переполохъ

образование и мысль, искавшая (въ умѣ человѣческомъ) опоры, оказались еще столь шаткими, что не вынесли перваго же дуновения на нихъ

И тѣ, которые уже склонялись къ тому, чтобы считать мысль въ числѣ человѣческихъ достоинствъ и потребностей, теперь опять обратились къ безмыслию

Произволь—въ апогеѣ: никогда еще не почитали его столь законнымъ, какъ нынѣ.

Западныя происшествія, западныя идеи о лучшемъ порядкѣ вещей признаются за поводъ не думать ни о какомъ улучшеніи.

Поворотъ назадъ такимъ образомъ сдѣлался гораздо легче, чѣмъ ожидали и надѣялись нѣкоторые мечтатели. Это даже не ходъ назадъ, а быстрый бѣгъ обратно по плоской возвышенности.

Возникъ было вопросъ объ освобожденіи крестьянъ. Господа испугались и воспользовались теперь случаемъ, чтобы объявить всякое движеніе въ этомъ направленіи пагубнымъ для государства.

Наука блѣднѣетъ и прячется. Невѣжество возводится въ систему. Еще не много и все, въ теченіи полутора ста лѣтъ созданное Петромъ и Екатериной, будетъ въ конецъ низвергнуто, затоптано... И теперь уже простодушные люди со вздохомъ твердятъ: „видно наука и впрямь дѣло нѣмецкое, а не наше“.

5. Дѣло нѣмецкое и на западѣ идетъ назадъ. Возстаніе пока ни въ чему не привело. На помощь потрясеннымъ авторитетамъ явилась физическая сила и одержала верхъ въ Парижѣ, въ Вѣнѣ, во Франкфуртѣ и въ Берлинѣ. Значить, или хотѣли дурнаго, или хорошее проиграно...

6. Вчера одинъ изъ молодыхъ магистровъ, Варнекъ, защищалъ въ университетѣ диссертацию: „О зародышѣ вообще и о зародышѣ брюхоногихъ слизняковъ“. Вещь очень любопытная и прекрасно изложенная молодымъ ученымъ. Но на диспутѣ произошла непристойность. Диспутантъ, по обыкновенію, сопровож-

ждалъ свою рѣчь въ иныхъ мѣстахъ латинскими терминами иногда нѣмецкими и французскими, которые ставилъ въ скобкахъ при названіи техническихъ предметовъ. Изъ этого профессоръ Шиховской вывелъ заключеніе, что Варнекъ не любитъ своего отечества и презираетъ свой языкъ, о чемъ велерѣчиво и объявилъ автору диссертациі. Послѣдній былъ до того озадаченъ этимъ новымъ способомъ научнаго опроверженія, что растерялся и не нашелъ что отвѣчать. Тогда профессоръ началъ намекать на то, что диспутантъ яко-бы склоненъ къ материализму, а въ заключеніе объявилъ, что диссертациа такъ нелѣпа и темна, что онъ не понялъ ея вовсе. Между тѣмъ Курторга, къ каедрѣ котораго и относится настоящее разсужденіе, тутъ же вполне одобрилъ трудъ молодаго ученаго и мы всѣ, даже люди не спеціальные, съ удовольствіемъ слушали его любопытное и ясное изложеніе. Итакъ, вотъ одинъ изъ профессоровъ, вмѣсто ученаго диспута, направился прямо къ полицейскому доносу. Такова судьба науки

Мудрено ли, что (многіе у насъ) презираютъ и науку и ученыхъ?

15. Новопожалованный католическій епископъ Боровскій разсказывалъ мнѣ о своемъ представленіи государю. Съ нимъ вмѣстѣ представлялся и Головинскій и прочіе епископы. Государь сказалъ Головинскому:

— Не правду ли я вамъ говорилъ года полтора тому назадъ, что въ Европѣ будетъ смятеніе?

Головинскій отвѣчалъ:

„Только что услышалъ я объ этихъ безпорядкахъ, какъ вспомнилъ эти высокія слова вашего величества и изумился ихъ пророческому значенію“.

— Но будетъ еще хуже, замѣтилъ государь. Все это отъ безвѣрія и потому я желаю, чтобы вы, господа, какъ пастыри, старались всѣми силами объ утвержденіи въ сердцахъ вѣры. Что же меня касается, прибавилъ онъ, сдѣлавъ широкое движеніе рукой,—то я не позволю безвѣрію распространяться въ Россіи, ибо оно и сюда проникаетъ.

Аудиенція продолжалась полчаса.

20. Главное—быть достойнымъ собственнаго уваженія, все прочее не стоитъ вниманія. Ты иначе воспитался, инымъ путемъ шелъ, чѣмъ другіе, иною судьбою былъ руководимъ и иску-

шаемъ, а потому имѣешь право не уважать ихъ правилъ и обычаевъ. Ограниченіе внѣшней дѣятельности умѣй замѣнить внутреннею дѣятельностью духа и воздѣлываніемъ идей. Арена исторіи не отъ тебя зависитъ, но поприще внутренняго міра твое. Кто хотѣлъ быть полезенъ людямъ и не успѣлъ, потому что люди того не захотѣли, тотъ имѣетъ право уединиться въ себѣ самомъ.

Я хотѣлъ содѣйствовать утвержденію между ними владычества разума, законности и уваженія къ нравственному достоинству человѣка, полагая, что отъ этого можетъ произойти добро для общества. Но общество — еще не выработалось для этихъ началъ: они слишкомъ для него отвлеченны; оно не имѣетъ вкуса къ нравственнымъ началамъ; вкусъ его направленъ къ грубымъ и пошлымъ интересамъ. Въ немъ нѣтъ никакой внутренней самостоятельности: оно движется единственно внѣшнею побудительною силою: гдѣ же тутъ мѣсто разуму, законности?..

Сколько разъ бывалъ я обманутъ притворнымъ и лицемернымъ изъявленіемъ уваженія къ добру и истинѣ! У всѣхъ, на самомъ дѣлѣ, одна цѣль—исключительность положенія, безъ всякаго вниманія къ нуждамъ, правамъ и достоинству другихъ. А сколько еще, въ пылу своей эгоистической дѣятельности, переходятъ отъ этого отрицательнаго равнодушія къ дѣйствительному притѣсненію всѣхъ, кого могутъ тѣснить безнаказанно. Иные подъ чашъ принимаютъ на себя личину образованія, выказываютъ стремленіе къ умственнымъ или нравственнымъ интересамъ. Не вѣрьте, это чистая фальшь. Они похожи на дикарей, которые, вмѣсто куска грубой туземной ткани, драпируются въ европейскій плащъ, но ни сшить его сами, ни носить, какъ должно, не умѣютъ.

Теперь въ модѣ патріотизмъ, отвергающій все европейское, не исключая науки и искусства, и увѣряющій, что Россія столь благословенна Богомъ, что прожить — безъ науки и искусства. Патріоты этого рода не имѣютъ понятія объ исторіи и полагаютъ, что Франція объявила себя республикой, а Германія бунтуетъ отъ того, что есть на свѣтѣ физика, химія, астрономія, поэзія, живопись и т. д. Они точно не знаютъ, (что такое была) Византія. . . . въ ней наука и искусства были въ страшномъ упадкѣ.

Видно по всему, что

дѣло Петра Великаго имѣеть и теперь враговъ не менѣе, чѣмъ во времена раскольничьихъ и стрѣлецкихъ бунтовъ. Только прежде они не смѣли выползати изъ своихъ темныхъ норъ, куда загнало ихъ правительство, поощрявшее просвѣщеніе. Теперь же всѣ подпольные, подземные, болотные гады выползли, услышавъ, что просвѣщеніе застываетъ, цѣпенѣеть, разлагается...

24. Если наука не можетъ существовать безъ нѣкоторой доли независимости ума и самоуваженія, такъ убьемъ науку — вотъ основная мысль комплота обскурантовъ, которые теперь такъ усилились, что думаютъ навсегда уничтожить дѣло Петра. Но вскуе шаташася языцы и людіе научашася тщетнымъ? Успѣютъ ли они въ этомъ? Успѣютъ, во всякомъ случаѣ, усилить безнравственность, осудивъ на бездѣйствіе нравственныя силы, которыя все-таки начали пробуждаться. Они хотятъ всю дѣятельность сосредоточить въ предѣлахъ (самыхъ тѣсныхъ): но развѣ это дѣятельность? Впрочемъ, на обществѣ можно выводить какіе угодно узоры: оно всему подчинится....

25. Вчера, съ 12-ти до пяти часовъ, занимался въ „Обществѣ посѣщенія бѣдныхъ“ раздачею пособій. На меня возложена также инспекція заведеній, гдѣ воспитываются дѣти, находящіяся подъ покровительствомъ общества.

27. Какой-то негодай Ар—въ, рязанскій помѣщикъ, промотавшій свое состояніе, пріѣхалъ въ Петербургъ доматывать остатки его. Исполнивъ это съ точностью, онъ придумалъ удивительный способъ пополнить свою опустѣвшую казну. Онъ явился въ III-е отдѣленіе и объявилъ, что ему извѣстно существованіе заговора противъ правительства, участниковъ котораго онъ всѣхъ откроетъ и предастъ, если только ему даны будутъ на то средства, т. е. деньги. Дубельтъ, говорятъ, этому не повѣрилъ, но другіе не только повѣрили, но и испугались. Доносчику дали денегъ. Онъ началъ задавать пиры въ трактирахъ и, накуривъ и напоивъ своихъ гостей, тутъ же передавалъ ихъ переодѣтымъ жандармамъ, какъ участниковъ вышеупомянутаго заговора. Такимъ образомъ было перехвачено человѣкъ семьдесятъ. Въ числѣ ихъ попался какой-то Лавровъ, племянникъ одного директора департамента, который хорошо знакомъ съ Дубельтомъ. Онъ явился къ послѣднему и объяснилъ, что племянникъ его самое невинное созданіе, никогда не читавшее

ничего либеральнаго и не мыслящее, вовсе неспособное не только къ заговорамъ, но даже и къ простымъ разговорамъ. Но это еще не распутывало дѣла, которое могло бы продлиться, а можетъ быть и кончиться для многихъ дурно. Къ счастью, этотъ же самый директоръ получилъ отъ какого-то пріятеля изъ Рязани письмо, въ которомъ тотъ его просилъ похлопотать о высылкѣ изъ Петербурга нѣкоего Ар—ва, извѣстнаго у нихъ плута, ворюшку, картежника, который наполнилъ всю губернію своими похождениями и долгами. Письмо это было представлено въ III отдѣленіе и такимъ образомъ, наконецъ, открылась комедія, которую игралъ этотъ негодяй, чтобы на выманенныя деньги гулять. Въ заключеніе онъ самъ во всемъ признался. Разумѣется, всѣхъ невинно забранныхъ отпустили, а молодца, говорятъ, отправили въ арестантскія роты.

31. Холера опять усиливается. Недавно заболѣвшихъ оставалось менѣе сорока, умершихъ было по двое, по трое въ сутки и вновь заболѣвавшихъ не больше. Теперь больныхъ сто, умершихъ вчера было уже двадцать два, вновь заболѣвшихъ тридцать. Въ числѣ умершихъ нѣсколько молодыхъ людей изъ такъ называемаго порядочнаго общества. Приписываютъ это чрезвычайнымъ холодамъ, которые доходятъ до 27°.

1849 г.

Январь 4. Существенная ошибка людей въ понятіяхъ о жизни есть та, что цѣлью ея они считаютъ счастье, тогда какъ разумъ долженъ ставить на мѣсто счастья долгъ. Счастье или наслажденія даны намъ какъ пріятности, какъ приправа жизни, безъ которыхъ она была бы ужъ черезъ чуръ водяниста и невкусна. Но главное дѣло въ томъ, чтобы мы исполнили законъ развитія, сообразно съ основными требованіями или началами нашей природы. Тутъ не спрашивается, хорошо-ли, или дурно будетъ это для насъ: иди, дѣлай, терпи и умирай, если этого требуетъ законъ жизни; лови также и наслажденіе, гдѣ оно мелькнетъ передъ тобою, но употребляй его умно, то есть, не забывая, что его всегда или можно, или должно лишиться.

Быть довольнымъ собою не то, что быть счастливымъ, хотя въ довольствѣ собой есть своя доля счастья. Но оно, главнымъ образомъ, все-таки выражаетъ то, что мы исполнили свой долгъ.

Наука столько же виновата въ приписываемыхъ ей волненіяхъ и злѣ, сколько виновато солнце, при свѣтѣ коего, какъ извѣстно, совершаются многія и разныя дѣла, хорошія и дурныя. Но извѣстно также, что всѣ дѣла низкаго рода, воровства, разбои и проч. дѣлаются предпочтительно ночью.

7. Въ городѣ невѣроятные слухи о закрытіи университета. Проектъ этого приписываютъ Ростовцеву, который, будто бы, подалъ государю записку о преобразованіи всего воспитанія, образованія и самой науки въ Россіи, и гдѣ онъ предлагаетъ, на мѣсто университета, учредить въ Петербургѣ и Москвѣ два большіе высшіе корпуса, гдѣ науки преподавались бы спеціально только людямъ высшаго сословія, готовящимся къ службѣ. Правда, обскуранты полагаютъ, что спасеніе Россіи, то есть ихъ самихъ, въ крѣпостномъ состояніи и въ невѣжествѣ и они находятъ себѣ сочувствіе въ (разныхъ лицахъ)... Лица эти давно уже ненавидятъ университеты, а современныя событія въ Германіи ненавидятъ до ярости. Слѣдовательно, невозможнаго въ городскихъ слухахъ ничего нѣтъ. Но вѣдь закрыть университеты значить уничтожить науку, а уничтожить науку—это безуміе въ чело-вѣческомъ, гражданскомъ и государственномъ смыслѣ. Во всякомъ случаѣ, ненависть къ наукѣ очень сильна. Недавно князь К... говорилъ мнѣ вещи, отъ которыхъ страшно и стыдно становилось мнѣ. Они забываютъ, что наукѣ единственно Россія обязана, что она еще есть, и нельзя же въ самомъ дѣлѣ выбросить изъ ея исторіи цѣлыхъ полтора ста лѣтъ!... Увидимъ, какъ произойдетъ это любопытное событіе! Въ Россіи много происходило и происходитъ такого, чего нѣтъ, не было и не будетъ нигдѣ на свѣтѣ. Почему же не быть и этому?

15. Долженъ подать и уже подалъ въ отставку изъ института путей сообщенія. Тамъ произошли удивительныя преобразованія, по плану и вліянію Ростовцева. Уничтожены офицерскіе классы, учрежденъ учебный комитетъ, завѣдывающій, вмѣсто инспектора, исполнительною частью въ заведеніи, велѣно процѣдить всѣ программы такъ, чтобы мысль вся осталась на днѣ и затѣмъ была выброшена,—словомъ институтъ, одно изъ полез-

нѣйшихъ и лучшихъ заведеній въ имперіи, какимъ онъ былъ до послѣднихъ Клейнмихелевскихъ преобразованій, — институтъ, подарившій Россіи отличныхъ инженеровъ, низведенъ до кадетскаго корпуса. Забавно, что Ростовцевъ одновременно говорилъ нѣкоторымъ, что заведеніе это гибнетъ именно отъ того, что его хотятъ поставить на корпусную ногу, и дѣйствовалъ такъ, чтобы изъ него дѣйствительно вышелъ корпусъ, да еще дрянной. Между прочими новостями, заведены наставники-наблюдатели изъ постороннихъ лицъ (любимая идея Якова Ивановича). Хотя я самъ уже былъ инспекторомъ по преподаванію русской словесности и въ институтѣ и въ строительномъ училищѣ, мнѣ тоже дали такого наставника-наблюдателя, преподавателя тактики, извѣстнаго жуира и бонвивана, да къ тому же еще и нѣмца, генерала Ортенберга. Само собой разумѣется, я немедленно подалъ въ отставку.

Любопытно, что на этой недѣлѣ нѣсколько запрещеній. Недавно вышло запрещеніе относительно спичекъ; потомъ запрещено лото въ клубахъ, затѣмъ маскарады съ аллегри. Любопытна фраза въ актѣ послѣдняго запрещенія: не осмѣливаться даже входить съ просьбами о маскарадахъ-аллегри въ пользу благотворительныхъ заведеній: это дозволяется только театру.

25. Видѣлся съ товарищемъ графа Клейнмихеля, генераломъ Рокасовскимъ, который принялъ меня очень любезно. Онъ думаетъ, что графъ меня не выпуститъ изъ института и скорѣе отмѣнитъ свое распоряженіе. Мнѣ сказали также, что меня представили къ наградѣ, и что я могу потерять ее, если теперь выйду. Я объявилъ, что все таки выйду.

— „Получите, по крайней мѣрѣ, награду, а потомъ выйдите“, посовѣтывалъ мнѣ добродушный инспекторъ Языковъ:— „зачѣмъ лишаться того, что даютъ?“

Долженъ былъ объяснять, что это противно моимъ правиламъ, что это было бы похищеніемъ награды и т. д. О, Господи, о Господи!

30. Мнѣ предлагаютъ новое дѣло. По министерству финансовъ, гдѣ, кажется, особенно по департаменту внѣшней торговли, нужно лицо для редакціи важнѣйшихъ записокъ государю и т. п. Указали на меня, какъ на человѣка съ перомъ, и я получилъ приглашеніе занять эту должность, въ качествѣ чиновника

особыхъ порученій, разумѣется, съ сохраненіемъ настоящихъ моихъ должностей. Небольсинъ взялъ у меня записку о моей службѣ и отдалъ директору. Уже было доложено министру финансовъ, который хотѣлъ только предварительно заручиться согласіемъ на то министра народнаго просвѣщенія. Послѣднему доложилъ о томъ попечитель и затѣмъ объявилъ мнѣ, что графъ согласенъ на это. Итакъ, теперь остается только министерству финансовъ сдѣлать представленіе о мнѣ государю. Разумѣется, я охотно принимаю это предложеніе, тѣмъ охотнѣе, что я за послѣднее время понесъ большія денежные потери, отказавшись отъ цензуры и отъ редакціи „Современника“, который общалъ мнѣ тысячь до восьми въ годъ. А теперь теряю еще 2,000 въ годъ отъ института путей сообщенія. Необходимо это чѣмъ нибудь вознаграждать: иначе придется опять попасть въ вогти нуждъ, съ которой я уже былъ такъ долго и коротко знакомъ. Впрочемъ, она никогда не перестаетъ вполнѣ грозить мнѣ.

Февраль 3. Слухи о закрытіи университетовъ умолкаютъ. Теперь говорятъ, что никто никогда объ этомъ и не помышлялъ.

6. Недавно былъ у меня князь (М. А.) Оболенскій, начальникъ московскаго архива, и разсказывалъ мнѣ о подвигахъ Шенурева и Погодина, чтобы выслужиться передъ графомъ Уваровымъ: какъ они подвизались противъ графа Строгонова, какъ подали доносъ о печатаніи Флетчера, какъ пострадало отъ того „Общество исторіи и древностей“ и секретарь послѣдняго Бодянский, и пр.

8. Университетскій актъ. Плетневъ читалъ отчетъ за прошедшій академическій годъ, Срезневскій—диссертацию по части русскаго языка и славянскихъ нарѣчій. Плетневъ въ своемъ отчетѣ старался, сколь возможно, выставить пользу и безопасность университетскаго образованія. Онъ искусно воспользовался нѣкоторыми мѣстами прекрасной статьи Порошина, на дняхъ напечатанной въ „Академической газетѣ“: „Объ ученыхъ торжествахъ“. Статья эта написана съ цѣлью защитить университетъ отъ посягательства татаръ, которые только теперь и думаютъ о томъ, какъ бы остановить въ Россіи науку и искусство, подъ предлогомъ, что она-то, наука, и виновата во всемъ, что творится на западѣ. Статья Порошина произвела сильное

впечатлѣніе на людей просвѣщенныхъ. Подѣйствовала-ли она на невѣжды? Это было бы всего важнѣе, ибо въ наши печальные дни невѣжды располагають ходомъ событій. Но они ничего не читають.

На актѣ было довольно посѣтителей, много высшаго духовенства, въ томъ числѣ новый митрополитъ Никаноръ и знаменитый Иннокентій. Министръ пріѣхалъ почти къ самому концу.

Послѣ акта Ростовцевъ отозвалъ меня въ сторону и объяснилъ, что вовсе не зналъ о моемъ пребываніи въ институтѣ путей сообщенія. Иначе онъ не рекомендовалъ бы въ наставники-наблюдатели по русской словесности Ортенберга. Это вина Клейнмихеля, который о томъ не вспомнилъ. Я возразилъ, что вовсе не приписывалъ ему того, что лично меня касается въ этомъ дѣлѣ, и что вообще потеря моя въ настоящемъ случаѣ не велика, такъ какъ я надѣюсь вознаградить ее другимъ трудомъ. Такимъ образомъ, мы разстались друзьями.

Актомъ, кажется, всѣ остались довольны.

10. Заглянулъ въ записки Флетчера, экземпляръ которыхъ какъ-то ускользнулъ въ Москвѣ изъ рукъ полиціи и бѣжалъ сюда. „Общество исторіи и древностей“ поступило съ молодецкою отвагою, переведа и напечатавъ ихъ въ своихъ актахъ. Замѣчательно слѣдующее: князь Оболенскій, доставившій обществу книгу Флетчера въ оригиналѣ, расхваливаетъ ее въ своемъ предисловіи „за вѣрность сказаній и за безпристрастіе“. А за его предисловіемъ немедленно слѣдуетъ посвященіе Флетчера своего труда королевѣ Елисаветѣ. Въ этомъ посвященіи онъ представляетъ ей картину удивительнаго правленія, гдѣ тиранія является какъ начало и система. А въ самой книгѣ, на примѣръ, говорятся такія вещи: описывая всеобщее повальное рабство въ Россіи, авторъ отчаявается въ возможности когда-либо другаго порядка вещей въ ней: дворянство, говоритъ онъ, не имѣетъ никакого корпоративнаго духа и думаетъ только о чинахъ и грабежахъ; народъ до такой степени угнетенъ, что и думать не можетъ о какомъ-либо противодѣйствіи; войско довольно тѣмъ, что можетъ жить на счетъ другихъ и грабить—все разъединено. Да, эту книгу дѣйствительно нельзя было теперь печатать!

11. Читалъ любопытную вещь: подлинное дѣло главнаго прав-

ленія училищъ о Магницкомъ въ 1826 году. Былъ, по высочайшему повелѣнію, отправленъ генералъ-маіоръ Желтухинъ въ Казань, для изслѣдованія дѣйствій Магницкаго и вообще состоянія тамошняго университета. Когда онъ возвратился, донесеніе его велѣно было рассмотреть главному управляющему училищъ. Это и повело къ раскрытію многихъ поступковъ Магницкаго. Такъ, на примѣръ, онъ ввелъ въ университетѣ слѣдующую дисциплину: во время обѣда (кстати, очень плохаго) читались молитвы; студентъ, въ чемъ нибудь провинившійся, назывался грѣшникомъ; его отводили въ комнату уединенія, гдѣ не было ничего, кромѣ распятія и картины страшнаго суда. Къ нему посылали священника, передъ которымъ онъ долженъ былъ принести покаяніе; затѣмъ его приобщали. Студенты, во время общихъ молитвъ, молились за грѣшника.

Двухъ молодыхъ людей Магницкій отдалъ въ солдаты, не смотря на отличный о нихъ отзывъ университета: одного за то, что отъ него пахло виномъ, другаго за то, что онъ дѣйствительно разъ напился. Директора университета произвелъ въ IV классъ. Назначенныя для учебныхъ пособій пять тысячъ рублей укралъ. Отчетовъ никакихъ не могъ представить. Вообще дѣйствовалъ совсѣмъ произвольно, ни на что не спрашивая даже разрѣшенія министра, а когда тотъ однажды далъ ему предписаніе, по дѣлу Жобара, онъ не послушалъ его и отвѣчалъ дерзко. Профессоровъ смѣнялъ и опредѣлялъ помимо совѣта, по своему личному усмотрѣнію. Опредѣленный имъ профессоръ изъ учителей семинаріи, преподаватель латинскаго языка, Кориблиновъ, такъ понравился Магницкому, что онъ поручилъ ему каедры: политической экономіи, дипломатики, исторія философіи, логики, а латинскаго языка само по себѣ. Далъ инструкцію ректору университета, которою во многомъ противорѣчилъ уставу.

Въ своемъ отношеніи о профессорѣ Куницынѣ, Магницкій, между прочимъ, писалъ, что видитъ въ немъ „орудіе врага Божія, потрясающее Неаполь, Мадритъ, Туринъ, Лиссабонъ, внушающее Каннингу политическую исповѣдь его и вооружающее до 200,000 штыковъ и 200 линейныхъ кораблей“.

Въ проектѣ объ уничтоженіи въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ философіи, Магницкій говоритъ, что преподаваніе этой

науки невозможно безъ пагубы религіи и престола. Годъ спустя, однако, онъ уже считалъ преподаваніе ея возможнымъ, только съ нѣкоторыми ограниченіями. Это мнѣніе Магницкаго было передано на обсужденіе главнаго управленія училищъ. Всѣ члены подали голосъ за философію и противъ Магницкаго. Наиболѣе умные письменные отзывы по этому дѣлу дали: Муравьевъ-Апостоль, Крузенштернъ и Мартыновъ; самые нелѣпые: Карнѣевъ, бывшій харьковскій попечитель, и Ширинскій-Шихматовъ, братъ нынѣшняго (1849 г.) товарища министра. Карнѣевъ, напримѣръ, осуждаетъ философію за то, что она ни во что ставитъ чорта и волшебниковъ, какъ бы отрицая ихъ существованіе, тогда какъ, по мнѣнію его, Карнѣева, чортъ и колдуны много бѣдъ производятъ на свѣтѣ. Однако-же, и онъ допускаетъ логику и психологію, только не жалуется метафизики. Князь Ливень, бывшій послѣ министромъ народнаго просвѣщенія, объявилъ себя также на сторонѣ философіи. Всѣ защитники ея, между прочимъ, опирались на то, что злоупотребленія философіи не должно смѣшивать съ самой философіей: ибо чего нельзя употребить во зло? Самая религія развѣ не подвергалась ужаснѣйшимъ злоупотребленіямъ. Еще въ высшей степени ни съ чѣмъ несообразно мнѣніе Штера.

Магницкій напалъ также на логику И. И. Давыдова, которою тотъ руководился при преподаваніи ея въ московскомъ благородномъ пансіонѣ. Нѣкоторые члены главнаго правленія училищъ видѣли въ ней даже безбожныя мысли, другіе нашли ее только темною и неудобною для преподаванія и потому рѣшено было исключить ее изъ числа учебныхъ книгъ и не печатать вновь, а цензурѣ сдѣлать выговоръ за пропускъ ея.

12. Въ „Современникѣ“ печатается чрезвычайно любопытная статья профессора московскаго (С. М.) Соловьева. Никто еще изъ нашихъ историковъ не обнаруживалъ такого основательнаго и глубокаго анализа, какъ этотъ ученый. Отъ него многого слѣдовало ожидать для нашей исторіи, которой до сихъ поръ не доставало именно такого рода критическихъ изслѣдованій. Но вотъ что случилось. Безгласный комитетъ или, лучше сказать, Бутурлинъ нашелъ, что статьи Соловьева хотя благонамѣренны и безвредны, однако, ему не слѣдовало говорить въ нихъ о Болотниковѣ!!—особенно въ журналѣ. Цензору велѣно сдѣлать замѣчаніе.

Я заходилъ въ цензурный комитетъ. Чудныя дѣла дѣлаются тамъ. Напримѣръ, цензоръ Мехелинъ вымарываетъ изъ древней исторіи имена всѣхъ великихъ людей, которые сражались за свободу отечества или были республиканскаго образа мыслей — въ республикахъ Греціи и Рима. Вымарываются не разсужденія, а просто имена и факты. Таковой ужасъ навелъ на цензоровъ Бутурлинъ съ братіей, т. е. съ Корфомъ и Дегаемъ.

Что-жъ это такое въ самомъ дѣлѣ? Крестовый походъ противъ науки? Слѣдцы, они не видятъ, что отнимая у идей, т. е. у идей науки, способъ идти впередъ путемъ печати, они наталкиваютъ ихъ на путь изустныхъ сообщеній. А этотъ путь гораздо опаснѣе, ибо тутъ невольно примѣшивается желчь раздраженія и негодованія, которую въ печати сдерживаютъ и цензура и приличія. Пора бы, кажется, переимѣнить пошлую политику угрозы и угнетенія на политику направляющую. Но для этого потребовался бы умъ не Бутурлинскій. Вѣдь въ настоящемъ случаѣ вызывается недовольство не въ мальчикахъ-писунахъ, не въ журнальныхъ борзописцахъ, а въ людяхъ солидныхъ, съ дарованіями и съ прошлымъ, людямъ съ серьезнымъ образомъ мыслей, которые уже дѣйствовали на общество и оказали важныя услуги и образованію нашему и языку. Слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, хоть отличать тѣхъ отъ этихъ и ужъ если укрощать однихъ, когда они врутъ, то поощрять другихъ. Но здѣсь всѣ подъ одну шапку: вы всѣ люди вредные, потому что мыслите и печатаете свои мысли.

Не мудрено, если въ понятіяхъ водворяется хаосъ. Молодое поколѣніе, не находя благородной цѣли своимъ стремленіямъ, удаляется отъ науки, отъ искусствъ, сплутываетъ всѣ основныя понятія о жизни, о назначеніи человѣка и общества. Въ обществѣ нѣтъ точки опоры; всѣ бродятъ, какъ шалые или пьяные. Одни воры и мошенники бодры и трезвы. Одни они сохраняютъ присутствіе духа и видятъ ясно цѣль своей жизни — въ стажаніи. Злоупотребленія повсюду выступаютъ открыто и нагло, даже не боясь навазанія, которое случайно падаетъ изъ сильной руки, а не изъ нѣдръ закона. Безнравственность быстро распространяется и какъ холера поражаетъ даже души простые и не лишеныя чувства чести, но не находящія безопасности въ честныхъ убѣжденіяхъ и поступкахъ. Нашъ попечитель Мусинъ-Пушкинъ сдѣланъ сенаторомъ. На-дняхъ онъ мнѣ говорилъ,

что, читая сенатскія записки, онъ приходитъ въ ужасъ отъ безпорядковъ и злоупотребленій, свирѣпствующихъ въ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ. Онъ еще новичекъ въ этой сферѣ и потому его поражаетъ эта гнилая атмосфера.

16. Куторга посаженъ на гауптвахту на десять дней, за пропускъ какихъ-то нѣмецкихъ стиховъ, относящихся въ 1847 г. Онъ съ іюля мѣсяца уже не цензоръ.

25. Нѣсколько школьниковъ изъ училища Правовѣднія гуляли въ какомъ-то трактирѣ, пѣли либеральныя пѣсни и что-то ввали о республикѣ. Двое изъ нихъ теперь сидятъ въ канцеляріи графа Орлова. Тутъ попался, между прочимъ, какой-то князь Гагаринъ.

Какъ и за что посаженъ на гауптвахту Куторга? Я читалъ бумагу, гдѣ изложено донесеніе великаго инквизитора Бутурлина, что „пропущенные Куторгою нѣмецкіе стихи содержатъ въ себѣ мистическія изображенія и неблаговидные намеки, не согласныя съ нашею народностью“. Но развѣ можно вого либо обвинять такимъ мистическимъ образомъ? Это не все еще. Книга состоитъ изъ двухъ частей: первая пропущена въ Дерптѣ профессоромъ Неемъ, имя котораго и выставлено на книгѣ, а имя Куторги умолчено. Изъ этого Бутурлинъ, съ Корфомъ и Дегаемъ, заключили, что Куторга учинилъ подлогъ, съ намѣреніемъ не выставилъ своего имени на печатномъ экземплярѣ, чтобъ всю отвѣтственность свалить на Неея. Вотъ почему и рѣшено было посадить Куторгу на десять дней на гауптвахту, внести это въ его послужной списокъ и спросить у министра народнаго просвѣщенія, считаетъ ли тотъ возможнымъ послѣ этого терпѣть Куторгу на службѣ? Все это было сдѣлано безъ всякаго разслѣдованія, безъ сношенія съ министромъ, безъ запроса Куторгѣ. А послѣдній уже лѣтъ пятнадцать какъ извѣстенъ и въ публикѣ и на службѣ за полезнаго, талантливаго ученаго и благороднаго человѣка. Между тѣмъ оказалось, что имя Куторги напечатано на всѣхъ экземплярахъ, находящихся въ продажѣ, но по типографской опечаткѣ или недосмотру, не выставлено на двухъ или трехъ экземплярахъ. О подлогѣ, значить, и помину нѣтъ, а о цензурномъ проступкѣ даже самъ государь отозвался, что считаетъ его неважнымъ. Куторгу освободили на пятый день. Вотъ какъ дѣйствуетъ Бутурлинъ съ братіей!

Мартъ 6. Былъ у министра, чтобы лично испросить его согласія на опредѣленіе меня чиновникомъ особыхъ порученій при министерствѣ финансовъ, по департаменту вѣшной торговли. Онъ принялъ меня привѣтливо и сказалъ, что согласенъ, лишь бы университетъ отъ того не потерялъ. — „Но вѣдь университетъ для меня не служба, а цѣль моей жизни“, отвѣчалъ я. — „Да, я самъ такъ думаю, отвѣчалъ министръ, — и съ моей стороны нѣтъ никакихъ препятствій для вашего новаго назначенія“.

8. Послалъ просьбу Языкову, директору департамента вѣшной торговли, объ опредѣленіи меня въ министерство финансовъ.

Есть нѣкто (Юрій Фед.) Самаринъ, молодой и богатый аристократъ, человѣкъ весьма образованный и съ замѣчательными способностями. Этотъ Самаринъ теперь въ крѣпости. Онъ служилъ въ Ригѣ, при тамошнемъ генералъ-губернаторѣ Суворовѣ. Самаринъ вздумалъ, въ видѣ писемъ къ друзьямъ, описать состояніе остзейскихъ нѣмцевъ и управленія ими. Тутъ сильно достается и нѣмцамъ и Суворову. Авторъ смотритъ на вещи съ славянофильской точки зрѣнія. Письма эти, собранныя въ тетрадь, заходили по рукамъ здѣсь и въ Москвѣ. Суворовъ пожаловался сначала Перовскому, а когда тотъ принялъ жалобу равнодушно, то самому государю, слѣдствіемъ чего и было заключеніе автора въ крѣпость.

21. Самаринъ выпущенъ изъ крѣпости и еще даже при лестныхъ для него условіяхъ. Прямо изъ крѣпости его позвалъ въ себѣ государь. Такимъ образомъ онъ явился во дворецъ, какъ былъ, не бритый, въ платьѣ очень не парадномъ. Государь встрѣтилъ его слѣдующими словами:

— Обдумалъ ли ты, молодой человѣкъ, свое положеніе и свой поступокъ? Ты вмѣлъ на то время.

— Если я моимъ поступкомъ имѣлъ несчастіе неумышленно оскорбить ваше величество, отвѣчалъ Самаринъ, — то прошу милостиво меня простить.

— Ну, счеты наши кончены, сказалъ государь, обнялъ его, поцѣловалъ, потомъ прибавилъ: — объ отцѣ твоёмъ не тревожься: онъ успокоенъ. Садись.

По вторичному приглашенію Самаринъ сѣлъ.

— Теперь поговоримъ. Знаешь ли ты, чтд могла произвести V-я глава твоего сочиненія? Новое четырнадцатое декабря.

Самаринъ сдѣлалъ движеніе ужаса.

— Молчи! Я знаю, что у тебя не было этого намѣренія. Но ты пускалъ въ народъ опасную идею, толкуя, что русскіе цари, со времени Петра Великаго, дѣйствовали только по внушенію и подъ вліяніемъ нѣмцевъ. Если эта мысль пройдетъ въ народъ, она произведетъ ужасныя бѣдствія.

Что за тѣмъ говорено было—мнѣ не передано. Самаринъ однако пробылъ больше часа въ кабинетѣ государя, который въ заключеніе милостиво простился съ нимъ, сказавъ: — „Поѣзжай немедленно въ Москву и лично успокой отца. Мы скоро увидимся тамъ. Ты до сихъ поръ служилъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, я дамъ тебѣ другое назначеніе“.

Все это Самаринъ пересказывалъ Надеждину при нашемъ профессорѣ Неволинѣ, который мнѣ передалъ.

Государь и весь дворъ дѣйствительно ѣдутъ въ Москву, гдѣ, говорить, готовится какое-то большое народное торжество.

Въ Москвѣ много толковали объ арестѣ Самарина: онъ принадлежитъ къ одной изъ извѣстнѣйшихъ русскихъ фамилій и состоитъ въ родствѣ со многими знатными домами. Теперь, вмѣсто (Ю. О.) Самарина, посаженъ въ крѣпость (И. С.) Аксаковъ, братъ знаменитаго славянофила, который расхаживаетъ по Москвѣ въ старинномъ русскомъ охабнѣ, въ мурмулкѣ и съ бородою.

26. И Аксаковъ выпущенъ. Впрочемъ онъ не былъ въ крѣпости. Его только три дня продержали въ III отдѣленіи. Хотѣли узнать его образъ мыслей и въ этомъ духѣ дѣлали ему вопросы, на которые онъ отвѣчалъ письменно. Государь, говорить, благосклонно принялъ эти отвѣты. Аксаковъ принадлежитъ къ партіи тѣхъ славянофиловъ, которые возбуждаютъ духъ народный съ самаго dna его и придерживаются старины въ этомъ смыслѣ. Ненависть къ нѣмцамъ тутъ не иное что, какъ выраженіе мысли: пора дѣлать чтонибудь самимъ и изъ себя. Мысль эта гораздо глубже, чѣмъ кажется инымъ и многимъ. Партія такихъ славянофиловъ должна быть сильна, ибо опирается дѣйствительно на народъ. Съ ней въ наружной оппозиціи партія европейскихъ людей, послѣ Петровскихъ, которые опираются на общечеловѣческія идеи, на идеи науки и искусства. Но и у тѣхъ и у другихъ есть отгѣвны, выражающіе крайности. Главное въ томъ, что обѣ эти партіи начинаютъ обозначаться явственно и опредѣленно. Но такъ какъ у насъ гласно ничего не высказывается, то онѣ работаютъ въ кружкахъ, безъ всякаго впрочемъ

соглашенія, сближаясь по внутреннему влеченію своихъ характеровъ или по идеямъ, прежде кѣмъ нибудь высказаннымъ печатно или словесно.

27. На дняхъ вышло въ свѣтъ „Наставленіе для образованія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній“, составленное Ростовцевымъ. Люди недалекіе въ восторгѣ отъ него. Другіе недоумѣваютъ надъ этимъ притязаніемъ скомбать всякую науку такъ, чтобы она была и наука и то, что намъ угодно. Основная мысль «наставленія» та, что мы должны изобрѣсти такую науку, которая уживалась бы съ официальной властью, желающею располагать убѣжденіями и понятіями людей по своему. Это уже не отрицательное намѣреніе помѣшать наукѣ посягать на существующій порядокъ вещей, но положительное усиліе сдѣлать изъ науки именно то, что намъ угодно, то есть — это чистое отрицаніе науки, которая потому именно и наука, что не знаетъ другихъ видовъ, кромѣ видовъ и законовъ человѣческаго разума. Ограниченіе науки въ ея мнимыхъ покушеніяхъ на что-то недоброе — это все-таки понятно. Но приводить ее въ другія нормы, кромѣ тѣхъ, на какія указываетъ разумъ въ своемъ постепенномъ развитіи—это ужъ что-то неисповѣдимое. Вотъ что называется служить двумъ господамъ. Всѣ мы до гадости малодушны. Не многіе, лучшіе, для успокоенія совѣсти, иногда рѣшаются, обманомъ, воровски пустить въ ходъ ту или другую идею, провести ту или другую полезную мѣру, которая тутъ же, на ихъ глазахъ, разлетается въ прахъ отъ недостатка простора и содѣйствія со стороны исполнителей. Наша эпоха—эпоха мелкихъ душеновъ: нѣтъ ни сильныхъ характеровъ, ни твердыхъ умовъ....

29. Былъ на экзаменѣ въ Маринскомъ институтѣ. На немъ присутствовала великая княгиня Елена Павловна. Она была очень привѣтлива и любезна со всѣми. Меня она спрашивала, доволенъ-ли я отвѣтами дѣвицъ, выражала желаніе, чтобы онѣ говорили не заученное только по учебникамъ, но и думали о томъ, что отвѣчаютъ.— „А я сама, замѣтила она потомъ,—видите какъ дурно говорю по русски. Но въ этомъ виноватъ вотъ онъ“. И она съ улыбкой показала на Плетнева.

Вотъ, между прочимъ, замѣчательныя слова, сказанныя ею въ теченіи экзамена. Одной дѣвицѣ досталось говорить о состояніи Россіи до Петра и разумѣется приходилось говорить о ея

невѣжествѣ, дикихъ нравахъ и т. д. Ученица, по знаку учителя, немножко, какъ говорится, замѣлась и начала подбирать утивныя выраженія. Великая княгиня замѣтила это и сказала: — „Говорите, говорите прямо и свободно. Надо, съ русскимъ чувствомъ, но говорить о Россіи правду“.

Вопросы, которые она задавала сама, и замѣчанія, какія дѣлала на отвѣты дѣвицъ, были очень умны. Она, очевидно, женщина образованная. На прощанье она подошла ко мнѣ и съ ласковой улыбкой проговорила: — „Благодарю васъ за терпѣніе, съ какимъ вы такъ долго оставались съ нами“.

Въ самомъ дѣлѣ, экзаменъ продолжался съ часу до шести. Но, благодаря простотѣ обращенія и любезности великой княгини, никто не ощущалъ особеннаго утомленія.

Апрѣль 1. Холера опять усиливается. Заболѣваетъ чело-вѣкъ по пятидесяти въ день и умираетъ до тридцати. Почти весь мартъ стояли холода, но дни были ясные. Вдругъ наступила оттепель; улицы запружены грязью и кучами колотаго льду. Люди дышатъ отвратительными испареніями и смертность отъ заразы относительно усилилась.

3. Праздники. Грязно, скучно, уныло. Ъздилъ къ заутрени въ театральную церковь, по дорогѣ, до того изрытой выбоинами и ледяными кочками, что до сихъ поръ не понимаю, какъ добрался до дому цѣль.

Въ прошедшемъ номерѣ „Современника“ была напечатана статья въ защиту университетовъ. Она произвела сильное впечатлѣніе на людей со здравымъ смысломъ и на тѣхъ, кому дорога наука. Писалъ эту статью Давыдовъ, а министръ (Уваровъ) исправлялъ ее, дополнялъ и въ заключеніе далъ позволеніе напечатать. За статью изъявлено неудовольствіе и велѣно отнынѣ ничего не печатать объ учебныхъ заведеніяхъ, безъ особеннаго разрѣшенія высшаго начальства.

4. Представлялся министру, видѣлся со многими, между прочимъ съ княземъ Дондуковымъ и съ Давыдовымъ. Бутурлинскій комитетъ обращался къ министру съ запросомъ: „на какомъ основаніи позволилъ онъ напечатать статью объ университетахъ?“ Министръ отвѣчалъ, что статья написана по его распоряженію, въ его кабинетѣ, и напечатана тоже по его распоряженію. Онъ считалъ и считаетъ ее необходимою для успо-

коенія учащихъ и учащихся въ университетахъ и гимназіяхъ и всѣхъ сильно встревожившихся слухами о закрытіи университетовъ. Слухи эти приводили въ сматеніе всѣхъ соприкосновенныхъ съ наукою. Статья достигла своей цѣли, ибо съ появленіемъ ея въ печати всѣ успокоились.

Запрещено печатать что либо не объ однихъ учебныхъ заведеніяхъ, но и о какихъ бы то ни было учрежденіяхъ, мѣрахъ и распоряженіяхъ правительства. Значить, отечественная статистика отнынѣ становится невозможною.

16. Ростовцевъ, въ своей программѣ изображая Іоанна III, ясно говоритъ о другомъ лицѣ, тоже централизаторѣ. Странное заблужденіе! Что нынѣ дѣйствуютъ по той же системѣ, это, можетъ быть, и правда. Но въ томъ-то и состоитъ ошибка. Іоаннъ III соединялъ механически то, что было только механически разъединено. Тверскія, Рязанскія, Новгородскія области были населены русскими, связанными между собой внутреннимъ единствомъ духа, нравовъ, религіи. Тутъ только стоило спихнуть съ дороги князей и части сами собою срослись. То-ли теперь? Можно-ли механически, насильственно спаять съ Россіей нѣмецъ, поляковъ, мусульманъ и проч.? Ихъ можно удержать другъ возлѣ друга, но слить въ одно нераздѣльное, нравственное цѣлое — невозможно. Надо, чтобы они чувствовали себя довольными въ сожительствѣ съ Россіей: вотъ одно доступное при такихъ условіяхъ единство — единство интересовъ.

Впрочемъ, все это однѣ мечты, ни на чемъ не основанныя, какъ развѣ на минутныхъ вспыскахъ внутренней душевной тревоги. Посмотрѣвъ на вещи ближе, нельзя не замѣтить, что Провидѣніе въ концѣ концовъ лучше управляетъ вещами, чѣмъ намъ часто кажется. Главное, надо, съ чистою совѣстью, вѣрить въ лучшее, которое не нами строится. Вотъ на чемъ останавливаюсь я среди тревожныхъ мнѣній и сомнѣній, и что дѣлаетъ меня спокойнымъ и вѣрнымъ исполнителемъ моихъ общественныхъ обязанностей.

А. В. Никитенко.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ

въ неиаданныхъ его письмахъ, а также въ письмахъ его друзей

1841—1844 ¹⁾).

I.

Н. В. Гоголь—К. С. Ансанову ²⁾).

(1841).

Въ этотъ разъ ваше письмо было для меня особенно радостно, милый Константинъ Сергѣевичъ. Изъ него и уже отчасти изъ письма Сергѣя Тимошеевича къ Погодину я слышу душою, что вы вступили на прямо-русскую дорогу. Стало быть, встрѣча между нами неизбежна, еще тѣснѣйшая, ближайшая встрѣча. Вы напрасно извиняетесь въ письмѣ, что занкнулись про нѣмецкую философію. Опасаясь только того, чтобы вы не вдались односторонне въ нее, какъ въ науку,—для нея же самой я радовался, между прочимъ, внутренно при мысли, если вы сами собою проберетесь на русскую дорогу, ее употребите, какъ лѣсъ, для поднятія себя на извѣстную вышину, съ которой можно начать зданіе, полетающее (sic) къ небесамъ, или просто на утесистую гору, съ которой шире и далѣ откроются вамъ виды. О, какъ есть много у насъ того, что нужно глубоко оцѣнить и на что взглянуть озаренными глазами! Вамъ не нужно теперь ѣхать въ Италію, ни даже въ Берлинъ; вамъ нуженъ теперь трудъ,

---

¹⁾ См. также «Русскую Старину», изд. 1886 г., томъ LIX, стр. 47—48; изд. 1889 г., томъ LXI, стр. 141—158; томъ LXIII, стр. 164—176, 363—385.

²⁾ Письма Гоголя къ Аксаповымъ и Погодину, помѣщаемыя здѣсь цѣликомъ, являются впервые въ печати; ни одной строки изъ нихъ не было прежде напечатано.

В. И. Шенрогъ.

27*

вамъ просто нужно заставить теперь руку побѣгать по бумагѣ. Нѣтъ нужды, что еще не вырѣла, развилась и освѣтилась мысль; кладите ее смѣло на бумагу, но держите только въ портфель и не выдавайте до временно въ свѣтъ. Ибо велико дѣло, если есть рукопись въ портфель. Вы еще не можете этого постигнуть. Сверхъ труда вамъ еще нуженъ теперь я, и я это чувствую въ душѣ. Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы вы за мною пріѣхали въ Германію, чтобы мы дружно совершили возвращеніе на родину, рука въ руку.

Покаместъ вотъ вамъ слова, которыя вѣчно должны звучать въ ушахъ вашихъ. Есть у русскаго человѣка врагъ, непримиримый, опасный врагъ, не будь котораго, онъ былъ бы исполнимъ. Врагъ этотъ—лѣнь, или, лучше сказать, болѣзненное усыпленіе, одолавающее русскаго. Много мыслей, не сопровождаемыхъ воплощеніемъ, уже у насъ погибло бесплодно. Помните вѣчно, что всякая втуче потраченная минута здѣсь неумолимо спросится тамъ, и лучше не родиться, чѣмъ поблѣдѣть передъ этимъ страшнымъ упрекомъ.

Обнимая и цѣлуя васъ такъ же жарко, какъ вы меня, жду вашего письма.

Примѣчаніе. Письмо не имѣетъ числа. Для опредѣленія времени, когда оно было написано, слѣдуетъ принять въ соображеніе, что оно не служило отвѣтомъ на то «пылкое» посланіе К. С. Аксакова, о которомъ С. Т. Аксаковъ рассказываетъ въ «Исторіи моего знакомства съ Гоголемъ» («Русь» 1880, № 4, стр. 18), слѣд. не можетъ быть отнесено къ 1838—1839 годамъ, т. е. ко времени, предшествовавшему первому возвращенію Гоголя изъ заграницы. С. Т. Аксаковъ прямо говоритъ: «хотя Гоголь не отвѣчалъ на это пылкое письмо, но по возвращеніи въ Россію, черезъ годъ, говорилъ о немъ съ искреннимъ чувствомъ». Такимъ образомъ, въ виду предположенія Гоголя возвратиться на родину съ К. С. Аксаковымъ изъ Германіи, нельзя сомнѣваться что эти строки были писаны въ 1841 году, когда Гоголь высказывалъ это же желаніе и въ письмѣ къ С. Т. Аксакову, (см. Соч. Гоголя, изд. Кул., V томъ, стр. 437). Въ третій разъ Гоголь прибылъ изъ-заграницы уже изъ Іерусалима, пройдя черезъ Одессу и Константинополь.

Это письмо списано съ копій, хранящейся въ бумагахъ Аксаковыхъ подлинникъ же письма, какъ видно изъ помѣтки (на копіи) покойнаго И. С. Аксакова, былъ подаренъ въ 1880 г. Ф. М. Достоевскому для его собранія автографовъ.

В. III.

II.

Н. В. Гоголь—Н. С. Аксамову.

(1842).

Благодарю васъ, Константинъ Сергѣевичъ, за ваше письмо и за вѣсти о «Мертвыхъ душахъ», а за статью вашу или критику не благодарю, потому что не получилъ ея. Я бы хотѣлъ тоже прислужиться вамъ кое-какими услугами, но услуги мои будутъ черствы, и къ тому-жъ я знаю, что вы, любя меня, не любите, однако жъ, слушать словъ моихъ, если они касаются лично васъ. И такъ, оставя услуги и просьбы, я вамъ посылаю просто упрекъ! Я не прошу вамъ того, что вы охладили во мнѣ любовь къ Москвѣ. Да, до нынѣшняго моего прѣзда въ Москву я только любилъ ее, но вы умѣли сдѣлать смѣшнымъ самый святой предметъ. Толкуя безпрестанно одно и то же, пристегивая сбоку-припеку при всякомъ случаѣ Москву, вы не чувствовали, какъ охлаждали самое святое чувство, вмѣсто того, чтобы живить его. Мнѣ было горько, когда лилось черезъ край ваше излишество я когда смѣялся этому излишеству. Всякую мысль, повторяя ее двадцать разъ, можно сдѣлать пошлюю. Чувствуете ли вы страшную истину этихъ словъ? «Не прѣмли имени Господа Бога твоего всуе!»... Но вы горды, вы не хотите сознаться въ своихъ проступкахъ, или, лучше, вы не видите ихъ. Вы двадцать разъ готовы увѣрить, что вы безпристрастны, что вы ничѣмъ не увлекаетесь, что все то чистая правда, что вы говорите. Вы твердо увѣрены, что уже стали на высшую точку разума, что не можете уже быть умнѣе. Не изумляйтесь, что разразилась надъ вами вдругъ гроза такнхъ упрековъ, а спросите лучше въ глубинѣ души вашей, имѣю ли я право сдѣлать упрекъ вамъ. Обдумайте дѣло это, сообразите силу отношеній и силу права этого. Войдите глубже въ себя и выслушайте сію послѣднюю мою душевную просьбу. Я теперь далеко отъ васъ; слова мои теперь должны быть для васъ священны. Страхните пустоту и праздность вашей жизни! Передъ вами поприще великое, а вы дремлете за бабьей прялкой. Предъ вами громада—русскій языкъ! Наслажденіе глубокое зоветь васъ, наслажденіе погрузиться во всю неизмѣримость его и наловить чудные законы его, въ которомъ, какъ въ великолѣпномъ созданіи міра, отразился предвѣчный Отецъ и на которомъ должна загремѣть вселенная хвалою Ему. Какъ христіанинъ первыхъ временъ, примитесь за работу вашу. Не мыслью работайте, работайте чисто фактически. Начните съ первоначальныхъ основаній. Перечитайте всѣ грамматки, которыя у насъ вышли, перечитайте для

того, чтобы увидеть, какія страшныя, невыработанныя поля и пространства вокруг васъ! Не читайте ничего, не дѣлая тутъ же замѣчаній на всякое правило и на всякое слово, записывая тутъ же эти замѣчанія ваши. Испышите дести и стопы бумаги, и ничего не дѣлайте, не записывая.

Не думайте о томъ, какъ записывать лучше, и не обдѣлывайте ни фразы, ни мысли; бросайте все, какъ матеріаль. Прочтите внимательно, слишкомъ внимательно, академическій словарь. На всякое слово сдѣлайте замѣчаніе тутъ же на бумагѣ. Въ душѣ вашей заключены законы общаго; но горе вамъ проповѣдовать ихъ теперь: они будутъ только доступны тѣмъ, которые сами заключаютъ ихъ въ душѣ своей, и то не вполне. Вы должны ихъ хранить до времени въ душѣ, и только тогда, когда изслѣдуете всѣ уклоненія, исключенія, малѣйшія подробности и частности,—тогда только можете явить общее во всей его колоссальности, можете явить его яснымъ и доступнымъ всѣмъ, а безъ того всѣ ваши мысли будутъ имѣть влияние только тогда, когда будутъ произнесены вами изустно, сопровождаемы жаромъ и пыломъ вашей юности, и будутъ вялы, тощи и затеряются вовсе, если вы ихъ изложите на бумагѣ. Займитесь теперь совершенно стороною внутренней русскаго языка, въ отношеніи къ нему самому, мимо отношеній его къ судьбѣ Россіи и Москвы, какъ бы это ни заманчиво было и какъ бы ни хотѣлось разгуляться на этомъ полѣ. Исполните эту мою просьбу; это моя послѣдняя просьба душевнаго серьезнаго содержанія. Больше я не буду васъ просить ни о чемъ, что относится лично къ вамъ, и никогда не потребую, чтобы вы давали важность словамъ моимъ. Прощайте! отъ души помолитесь Богу!

Примѣчаніе. По первымъ строкамъ письма очевидно, что оно было написано векорѣ по выходѣ брошюры К. С. Аксакова: «Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя», т. е. въ 1842 г. Мы не знаемъ, какое впечатлѣніе произвело оно на пламеннаго почитателя творца «Мертвыхъ душъ», но любопытно, что Константинъ Сергѣевичъ долго оставалъ его безъ отвѣта, что, отчасти, удивило и заботило Гоголя. Последній въ письмѣ къ С. Т. Аксакову отъ 18 марта 1843 г. говорить: «Константину Сергѣевичу грѣхъ. Тѣмъ болѣе, что ко мнѣ мо не писать, не дожидаясь никакого расположенія, или удобнаго времени» и проч., а въ запискѣ Константину Сергѣевичу отъ 24 мая снова напоминаетъ: «Чтожь вы, Константинъ Сергѣевичъ, ни слова?» Слова въ той же запискѣ: «Простите, что я васъ не благодарилъ за присылку вашихъ статей о «М. Д.»—даютъ основаніе предполагать, что въ промежутокъ между печатаемымъ письмомъ и запиской не могло быть никакого неизвѣстнаго до сихъ поръ письма. Впослѣдствіи Гоголь продолжалъ совѣты Константину Сергѣевичу уже въ письмѣ къ С. Т. Аксакову отъ 22 декабря 1844 г. (Соч. Гоголя, изд. Кул., VI т., 136—138), но и въ запискѣ онъ не стѣсняется высказывать ему откровенно свои мысли о

его трудъ: «въ печатной (статьѣ) не погнѣвайтесь—видно много непростительной юности». (Изд. Кул., т. VI, стр. 14). Писанная же статья о «М. Д.» принадлежала перу Ю. О. Самарина и была потомъ напечатана въ «Русскомъ Архивѣ, 1880, II, 298—302.

В. III.

III.

Н. В. Гоголь—М. П. Погодину.

(1843 г.)

Между нами произошло непостижимое событіе: ту же тяжесть, которую ты чувствовалъ отъ моего присутствія, я чувствовалъ отъ твоего. Какъ изъ многолѣтняго мрачнаго заключенія, вырвался я изъ домика на Дѣвичьемъ полѣ. Ты былъ мнѣ страшень. Мнѣ казалось, что въ тебя поселился духъ тьмы, отрицанія, смущенія, сомнѣнія, боязни. Самый видъ твой, озабоченный и мрачный, наводилъ уныніе на мою душу; я избѣгалъ по цѣлымъ недѣлямъ встрѣчи съ тобой. Когда я видѣлъ, какъ съ помощью какой-то непостижимой силы закружился между нами какой-то посторонній вихрь, въ какомъ грубомъ буквальномъ смыслѣ принимался всякій мой поступокъ, какое топорное значеніе давалось всякому моему слову,—почти ужасъ овладевалъ моей душой. Я увѣренъ, что я тебѣ казался тоже одержимымъ нечистой силою, ибо то, что ты приписывалъ мнѣ въ уединенныя минуты размышленій (чего, можетъ быть, не сказывалъ никому), то можно приписать только одному п...шему лицемеру, если не самому дьяволу. Надобно тебѣ сказать, что все, что слышала душа моя, нѣсколько разъ хотѣлъ я повѣрить съ тобой, чувствуя, что все дѣло можно объяснить такими простыми словами, что будетъ понятно ребенку. Но едва я начиналъ говорить, какъ эти объясненія вдругъ удерживались цѣлой кучей другихъ объясненій, объясненій душевныхъ, но и вмѣстѣ мѣшало излиться находившее вдругъ негодованіе при одной мысли, противъ какихъ п...ъ подозрѣній я долженъ оправдываться, и передъ кѣмъ долженъ оправдываться! Передъ тѣмъ человѣкомъ, который долженъ повѣрить одному моему слову!... Но и негодованіе смѣнялось въ ту же минуту презрѣніемъ къ твоему характеру, который называлъ я внутренно бабьимъ, куринымъ, и, сказавши нѣсколько безсвязныхъ словъ, которыя ты все относилъ къ моей необыкновенной гордости, я бѣжалъ отъ тебя, и, убѣжавши, утѣшалъ себя злобнымъ выраженіемъ: «пусть его путается! душевному слову не повѣрилъ, пусть же повѣряетъ умомъ своимъ!» Все это быстро смѣнялось одно за другимъ въ душѣ моей, и когда я

подходилъ къ дверямъ своей комнаты, все это исчезало, и на мѣсто него оставался одинъ вопросъ: что же такое? что значить все это? Наконецъ, мало-по-малу я начиналъ прозрѣвать въ этомъ событіи справедливое себѣ наказаніе. Надобно сказать тебѣ, что, воспитываясь внутренно въ душѣ моей, я уже начиналъ приобрѣтать самыя гордыя мысли; мнѣ уже казалось, что я ничѣмъ не могу быть разсерженъ или выведенъ изъ себя. Я старался мысленно сжиться со всѣми возможными оскорбленіями, несчастіями, старался ихъ всѣхъ (sic), такъ сказать, перечувствовать на своемъ тѣлѣ, и уже чувствовалъ, что душа моя приобрѣтаетъ крѣпость, что я могу снести то, чего не снесетъ иной человѣкъ. Словомъ, я ужъ чуть не почиталъ себя преуспѣвшимъ въ мудрости человѣкомъ. И вдругъ событіе это дало почувствовать мнѣ, что я еще ребенокъ, и стою до сихъ поръ на низшей ступени пути своего. Противу дальнѣйшихъ случаевъ я приготовилъ въ душѣ отпоръ, а противъ близкихъ—не приготовилъ. Всѣ несчастія я бы, можетъ быть, перенесъ, а не перенесъ сомнѣнія обо мнѣ одного изъ близкихъ. И въ душѣ моей проснулись тѣ враги, которыхъ я давно считалъ отступившими отъ меня: мерзкій, подлый и гадкій гнѣвъ, котораго ничего нѣтъ подлѣе, который подлѣ даже и тогда, когда вспыхнетъ отъ справедливыхъ причинъ; у меня онъ былъ и несправедливъ: я разсердился на то, что ты схватилъ сгоряча топоръ тамъ, гдѣ слѣдовало употреблять инструментъ помельче; наконецъ, я разсердился на себя и за то, что не въ силахъ былъ перенести этого хладнокровно. Все это естественно я долженъ былъ таить въ душѣ и могу сказать только то, что отъ меня никто не узналъ о томъ, что между нами происходило какое-нибудь неудовольствіе. Но когда вырвался я отъ тебя, у меня была одна и та же мысль—написать тебѣ подробно всю мою исповѣдь. Но тутъ увидѣлъ, что наши жизни такъ различны; такъ много слѣдовало выводовъ тебѣ объяснить для того, чтобы познать тебя и ввести въ этотъ міръ! Всякое слово требовало объясненій на цѣлыхъ страницахъ, чтобы не быть принятымъ въ другомъ смыслѣ. Почти отчаяніе овладѣло мною; я видѣлъ, что и конца не будетъ моей исповѣди, а между тѣмъ оставить ея я не могъ, потому что мысль о немъ мѣшала всякому занятію. Наконецъ, я попробовалъ написать только маленькое письмо, въ которомъ просилъ просто прощенья за всѣ оскорбленія, которыя нанесъ тебѣ, складывалъ все на мой неровный характеръ, припомя, что ты иногда многое, чего я не могъ понять во мнѣ, объяснялъ имъ. На это письмецо не было отвѣта—и подѣломъ! Оно не было удовлетворительно. Если бы оно было удовлетворительно, то по отправленіи его въ душѣ моей настало бы

спокойствіе, но мысль объ этомъ мучила меня еще цѣлый годъ. Наконецъ, послѣ нѣкоторыхъ переѣздовъ изъ земли въ другую, я сталъ покойнѣе и почувствовалъ, что могу объяснить хладнокровно все дѣло на нѣсколькихъ страницахъ. Но получа твое нынѣшнее письмо, я отложилъ и эту мысль: изъясненіе будетъ походить уже на оправданіе, а оправданіе есть уже что-то подлое. Оправдывая себя, уже обвиняешь другаго. Теперь уже ты, какъ видно изъ письма твоего, хладнокровенъ и готовъ простить все. Итакъ, разберемъ сами все это дѣло. Не безпокойся, раны твои не оживутъ при этой работѣ, если ты точно рѣшился простить. Тутъ-то и нужно представить живѣе всѣ нанесенныя намъ оскорбленія, а безъ того прощеніе ничего не значить: оно будетъ слабосильное забвеніе. Чтобы сдѣлать это благороднѣе, начни обвиненіемъ самого себя, хотя бы ты и былъ правъ. Я тебѣ помогу и скажу двѣ твои первоначальныя вины, отъ которыхъ произошли всѣ тѣ поступки, на которые ты глядѣлъ, какъ на самое обширное начало и выводилъ изъ него отдѣльныя исторіи, тогда какъ они всѣ были звена одной и той же цѣпи. Вотъ эти вины: первая—ты сказалъ вѣрю и усомнился на другой же день, вторая—ты далъ клятву ничего не просить отъ меня и не требовать, но клятвы не сдержалъ: не только просилъ и потребовалъ, но даже отрекся и отъ того, что далъ клятву. Отсюда произошло почти все. Не пугайся: я болѣе твоего виноватъ, и ты увидишь, что я себя не пощажу, если начну объяснять. Но если ты начнешь обвиненіемъ себя, а не меня, и ты увидишь и свои и мои проступки. Припомни все. Я знаю, что ты способенъ забывать, но, къ счастью, я памятливъ, и увѣренъ сильно въ томъ, что добро и зло слѣдуетъ помнить вѣчно. Добро нужно помнить для того, что уже и одно воспоминаніе о немъ дѣлаетъ насъ лучшими. Зло нужно помнить для того, что съ самаго того дня, какъ оно намъ причинено, на насъ вложено неотразимый долгъ заплатить за него добромъ. Большіе мои проступки ты не позабылъ, но всѣ малѣйшія мои мерзости и оскорбленія, которыя я нанесъ тебѣ, совѣтую записать, чтобы я не напалъ на тебя врасплохъ и чтобы тебѣ не отречься отъ многихъ твоихъ же словъ. Я вновь тебѣ повторяю, что помню все, даже уголь и мѣсто комнаты, гдѣ было произнесено какое-нибудь слово твое или мое. Когда я въ силахъ буду глядѣть на тебя, какъ на совершенно посторонняго, чужаго человѣка, у котораго не было со мной никакихъ связей и сношеній, и когда тѣмъ же самымъ образомъ взгляну на себя, какъ на совершенно чужаго мнѣ человѣка, тогда я дамъ тебѣ все изъясненіе, а между тѣмъ позволю себѣ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе: ты никогда не всматриваешься во внутренній смыслъ и значеніе происходящихъ

событій. Всѣ событія, особенно неожиданныя и чрезвычайныя, суть Божьи слова, и ихъ нужно вопрошать до тѣхъ поръ, пока не допросишься, чтѣ они значать, чего ими требуется отъ насъ. Безъ этого никогда не сдѣлаешься лучше и совершеннѣе. Самое это затмѣніе, которое произошло между нами, такъ странно, что его нужно помнить во всю жизнь нашу. Я уже извлекъ изъ него много для себя; совѣтую и тебѣ сдѣлать то же. Я знаю, что у тебя за тысячами разныхъ хлопотъ и заботъ, дергающихъ тебя со всѣхъ сторонъ, нѣтъ времени переворачивать на всѣ стороны всякое событіе и оглядѣть его со всѣхъ угловъ. Но нужно это дѣлать непремѣнно, хотя въ тѣ немногія минуты, когда душа слышитъ досугъ и способна хоть нѣсколько часовъ прожить жизнью, углубленною въ себя. Иначе умъ нашъ невольно привыкаетъ къ односторонности, схватываетъ только то, что поворотилось къ нему, и потому и безпрестанно ошибается. Не дурно также, хотя по поводу этого событія, руководствоваться какими-нибудь данными положительными относительно познанія людей. Для этого есть, по моему мнѣнію, два способа. Тѣ, которые не получили отъ природы внутренняго чутья слышать людей, должны руководствоваться собственнымъ разумомъ, который данъ намъ именно на то, чтобы отличать добро отъ зла. Разумъ велитъ намъ судить о человѣкѣ прежде по его человѣческимъ качествамъ, а не по частнымъ, начинать съ головы, а не съ ногъ. Прежде слѣдуетъ взять самое лучшее въ человѣкѣ, потомъ сообразить съ нимъ все замѣченное въ немъ дурное, и сдѣлать такую посылку: возможны ли при такихъ-то хорошихъ качествахъ такія-то и такія мерзости? которыя возможны — допустить, которыя же сколько-нибудь противорѣчатъ возможности и спутываютъ насъ — тѣ нужно гнать, какъ наносящія одно смущеніе въ душу, а смущеніе извѣстно откуда исходить къ намъ: оно исходитъ къ намъ прямо снизу. Отъ Бога свѣтъ, а не смущеніе. Да притомъ можно иногда и про себя сказать: точно ли я увидѣлъ такъ, какъ слѣдуетъ, вещь? зачѣмъ такая гордая увѣренность въ непреложности и безошибочности взгляда? Все же человѣкъ, а не Богъ. Выгода этого способа та, что будешь, по крайней мѣрѣ, спокойнѣе, если даже и не узнаешь совершенно человѣка, а, сдѣлавшись покойнѣе, уже проложишь шагъ къ совершенному его узнанію. Если же къ беспокойству нашему да подоспѣтъ на помощь гнѣвъ, тогда и всякіе зрячіе глаза ослѣпнуть. Есть другой способъ узнавать людей, гораздо дѣйствительнѣйшій перваго, но для тебя, по множеству твоихъ заботъ и безпрестанному разсѣянію твоихъ мыслей среди тысячи предметовъ, невозможный. Нужно прожить долгою, погруженною глубоко въ себя жизнью, тамъ обрѣтешь всему разрѣшеніе. Свѣта

никогда не узнаешь, толкаясь между людьми. На свѣтъ нужно всмотрѣться только вначалѣ, чтобы пріобрѣсть заглавіе той матеріи, которую слѣдуетъ узнавать внутри души своей. Это подтверждать тебѣ многіе святые молчальники, которые говорятъ согласно, что, проживши такой жизнью, читаешь на лицѣ всякаго человѣка сокровенныя его мысли, хотя бы онъ и скрывалъ ихъ всячески. Нѣсколько я испытывалъ даже это на себѣ. Христіанскую жизнь мою можно назвать развѣ карикатурой на такую жизнь. Но вкусивши одну крупницу такой жизни, я уже вижу яснѣй, и глазъ, и умъ мой прояснился болѣе (доказательство тому то, что вижу въ себѣ больше, чѣмъ когда-либо прежде, мои недостатки и нахожу ихъ скорѣе, чѣмъ прежде) и нѣсколько разъ мнѣ случалось читать на твоемъ лицѣ то, что ты обо мнѣ думаешь. Еще есть способъ, которымъ я руководствуюсь, если оба предыдущіе не все объяснили мнѣ: если человѣкъ, хотя бы онъ былъ послѣдній разбойникъ, но если этотъ человѣкъ, не плакавшій ни передъ кѣмъ, никому не показавшій никогда слезъ своихъ, заплакалъ передо мною и во имя этихъ душевныхъ слезъ потребовалъ вѣры къ себѣ,—тогда все кончено: я ни глазамъ своимъ, ни уму своему, ни чувствамъ своимъ не повѣрю, а повѣрю всѣмъ словамъ его, произнесеннымъ во имя этихъ слезъ. Но почему я такъ поступлю, этого я не обязанъ говорить, да и никого не склоняю слѣдовать этому примѣру, зная, что трудно отличить душевныя слезы отъ иныхъ слезъ. Но оставимъ всѣ способы; а пока, если ты захочешь получше повѣрить и себя и меня, я тебѣ совѣтую сдѣлать вотъ что: у тебя будетъ одно такое время, въ которое ты будешь имѣть возможность прожить созерцательною и погруженною въ самого себя жизнью. Именно во время говѣнья. Продли это время, если можно, подолѣе обыкновеннаго, и займись въ это время чтеніемъ однѣхъ такихъ книгъ, которыя относятся къ душѣ и обнаруживаютъ ея глубокія тайны. Къ счастью человѣчества, такія книги существуютъ, и было много передовыхъ людей, прожившихъ такую жизнь, которая донынѣ еще загадка. Книги эти настраиваютъ тебя къ углубленію въ себя. Да и что говорить объ этомъ! въ такое время самъ Богъ помогаетъ человѣку много и просвѣщаетъ его мысленные взоры.

Скажу еще о послѣднемъ словѣ твоего письма. Ты говоришь, что готовъ снова ругать и любить меня. За первое благодарю тебя душевно, потому что въ этомъ теперь больше, нежели когда-либо, слышу надобность, а на второе скажу вотъ что: «любить мы должны всегда», и чѣмъ больше въ человѣкѣ дурныхъ сторонъ и всякихъ мерзостей, тѣмъ, можетъ быть, еще больше того мы должны любить, потому что, если среди множества дурныхъ его качествъ находится одно

хорошее, тогда за это одно хорошее и нужно ухватиться, какъ за доску, и спасти отъ потопленія. Но это можно сдѣлать только одною любовію, любовію, очищенною ото всего пристрастнаго. Ибо если подлое чувство гнѣва хотя на время вознесется надъ этой любовію, то такая любовь уже безсильна и ничего не сдѣлаетъ. И такъ, не будемъ обѣщать другъ другу, а постараемся безмолвно исполнить все, что слѣдуетъ намъ исполнить относительно другъ друга, руководствуясь одной любовію къ Богу, принимая ее, какъ наложенную на насъ закономъ отвѣтственность, и награду будемъ ожидать отъ Бога, а не отъ себя. Такъ что если бы кто-нибудь изъ насъ былъ неблагодаренъ, мы не должны и замѣчать этого: Богъ не бываетъ неблагодаренъ! На такихъ основаніяхъ заключенная дружба или любовь неизмѣнна, вѣчна и не подвержена колебаніямъ, а если заключимъ дружбу вслѣдствіе какихъ-либо побужденій собственныхъ, хотя бы и очень чистыхъ, да вздумаемъ начертывать другъ для друга законы ея дѣйствій относительно насъ, или же требовать какое-нибудь возмездіе за нашу дружбу, то узы такія будутъ глиняныя нитки; чортъ завтра же посмѣется надъ такой дружбой и напуститъ такого тумана въ глаза, что не только другіе, но и самъ себя не разберешь. Все это разсуди и взвѣсь хорошенько!

Письмо мое написано въ минуту непричастную волненію,—стало быть, и прочесть ты его долженъ въ минуту разсудительную и покойную. Въ чемъ я ошибаюсь, то укажи.

Затѣмъ обнимаю тебя душевно. Твой Гоголь.

Примѣчаніе. Это письмо, найденное въ бумагахъ, принадлежащихъ семейству Аксаковыхъ, очевидно, никогда не было передано Погодину и осталось ему неизвестнымъ. Въ 1843 году, къ которому оно относится, Гоголь нерѣдко писалъ письма, адресованныя вмѣстѣ къ Погодину, Аксакову и Шевыреву, или касающіяся всѣхъ трехъ московскихъ друзей. Письмо къ Погодину было, вѣроятно, отправлено въ руки Аксакова и осталось у послѣдняго. Это именно то письмо, о которомъ Гоголь отъ 2 февраля 1844 г. писалъ Шевыреву: «Вы оба», (т. е. Шевыревъ и Аксаковъ). «поступили хорошо, что не отдавали моего письма Погодину». (См. «Русскую Старину», 1875, X, стр. 307). Это несомнѣнно изъ дальнѣйшаго его содержанія, но особенно изъ письма къ Шевыреву же отъ 12 марта 1844 г. (тамъ-же, стр. 309), гдѣ между прочимъ сказано: «Думая напасть во мнѣ на одно, онъ (Погодинъ) нечаянно попалъ на другое. Невинно и не зная самъ того, онъ попалъ на дѣлое сцѣпленіе такихъ чувствительныхъ струнъ, отъ которыхъ дѣлане полтора года болѣла душа моя. (О томъ же говорится и въ печатаемомъ письмѣ). Въ письмѣ къ С. Т. Аксакову отъ февраля 10 (января 30) Гоголь также говоритъ: «Все, что ни разсудили вы, на счетъ моего письма къ Погодину, я нахожу совершенно разумнымъ, такъ же какъ и ваши собственныя мысли обо всемъ, къ тому относяся». (Соч. Гог., изд. Кул., VI, 46).

П. А. Кулишъ сообщилъ намъ однажды слѣдующее:

«Авторъ «Мертвыхъ Душъ» писалъ къ Погодину: «Когда я вѣхалъ изъ твоего дома, гора свалилась у меня сплечь»: до такой степени Погодинъ эксплуатировалъ поэта, и выжилъ таки у него для своего журнала «Рицъ», которымъ Гоголь не могъ быть доволенъ по тогдашней степени самокритицизма». (См. «Ученнческіе годы Гоголя», стр. 129). Безъ сомнѣнія, г. Кулишъ разумѣлъ здѣсь именно это имнѣ печатаемое письмо, въ которомъ, неточно но весьма близко, воспроизвелъ по памяти начальныя слова. Этимъ указаніемъ, вѣроятно основаннымъ на сообщеніи С. Т. Аксакова, разъясняется въ значительной степени какъ смыслъ всего письма и одна изъ существеннѣйшихъ причинъ возникшихъ между Гоголемъ и Погодинымъ недоразумѣній, такъ особенно намекъ, заключающійся въ самыхъ важныхъ словахъ письма: «Ты далъ клятву ничего не просить отъ меня и не требовать, но клятвы не сдержалъ; не только просилъ и потребовалъ, но даже отрекся и отъ того, что далъ клятву». Послѣ этого Гоголь прибавляетъ: «Отсюда произошло почти все».

Размовка съ Погодинымъ была чрезвычайно тяжела для Гоголя; она стоила ему тяжелыхъ нравственныхъ мученій и лежала камнемъ на его душѣ. Что въ ней вина падаетъ всецѣло на Погодина, несомнѣнно изъ сопоставленія приведенныхъ строкъ съ недавно напечатанными выдержками изъ писемъ его къ Языкову, гдѣ рѣчь касается Погодина: «Каковъ между прочимъ Погодинъ и какую штуку онъ со мною сыгралъ вновь! Я узнаю, что Погодинъ изволилъ еще въ прошломъ году приложить мой портретъ въ «Москвитиннѣ», самоуправно, безъ всякихъ оговорокъ, точно какъ будто свой собственный, между тѣмъ какъ изъ-за подобныхъ исторій у насъ уже были съ нимъ серьезныя схватки. И вѣдь между прочимъ припилился, какъ бы ничего не было... И далѣе: «Такой степени отсутствія чутя всякаго приличія и до такой степени невѣднія деликатности, я думаю, не было еще ни въ одномъ человѣкѣ испоконъ вѣку. Написалъ ли ты въ молодости своей дрянъ, которую и не мыслилъ печатать онъ, чуть только увидѣлъ ее, хватилъ въ журналъ свой, безъ начала, безъ конца, ни къ селу ни къ городу, безъ спроса, безъ позволенія». («Русская Старина», 1889, I, 156).

Какъ безцеремонно поступилъ Погодинъ, приложивъ въ «Москвитиннѣ» за 1843 г. (№ 4-й), противъ воли Гоголя, его портретъ, такъ еще раньше, въ 1842 г., въ III № «Москвитинна», «самоуправно» напечаталъ отрывокъ «Рицъ», (стр. 22 — 67). Чтобы въ полной мѣрѣ оцѣнить невозможную не деликатность Погодина, необходимо припомнить, что Гоголь былъ у него въ долгу и обязывался ему во время продолжительной своей остановки у него въ Москвѣ въ 1842 г., слѣд. чувствовалъ себя въ самомъ непріятномъ положеніи, когда былъ вынужденъ отстранять его настоятельныя притязанія на свой литературный трудъ. Послѣ непріятности изъ-за напечатанія «Рица» Гоголь настолько охладѣлъ къ Погодину, что пересталъ съ нимъ переписываться, и прежнее задушевно-дружеское расположеніе къ нему потерялъ навсегда. Онъ сталъ строже судить его недостатки и безпощадно относиться къ темнымъ сторонамъ его характера. Между тѣмъ было бы ошибочно и преувеличенно заключеніе о томъ, что между ними была положительная ссора. Въ томъ-же 1843 г. Гоголь довѣрялъ заботу о своихъ практическихъ дѣлахъ Аксакову, Шевыреву и Погодину, какъ самымъ близкимъ ему людямъ въ Москвѣ. По смерти первой жены Погодина онъ пишетъ ему утѣшеніе и Погодинъ отвѣчаетъ вполне дружески («Русская Старина», 1889, VIII, стр. 384). Но послѣ Гоголь опять раскаивается

въ возобновеніи переписки съ Погодинымъ, (см. соч. Гоголя, изд. Кул., т. VI, стр. 104) и прекращаетъ ее уже навсегда. Тѣмъ не менѣе еще въ 1847 году, узнавъ о сборахъ Погодина въ Иерусалимъ, онъ готовъ былъ, если слухъ подтвердился бы, ѣхать съ нимъ вмѣстѣ въ давно желанный путь.

Укажу еще сравнительно неважный примѣръ не деликатности Погодина въ отношеніи Гоголя: желая скрыть свою вину, онъ не выслалъ, по условію, Гоголю «Москвитянинъ» за 1843 г., чтобы ему не попался на глаза приложенный тамъ портретъ. (См. соч. Гоголя, изд. Кул., т. VI, стр. 111).

В. И. Шенрокъ.

IV.

Въ письмѣ отъ 22-го декабря 1844 г. (въ изд. Кулиша ошибочно стоитъ: 21-го декабря), на стр. 136-й VI тома большой пропускъ послѣ словъ: «но этого онъ (Константинъ Сергѣевичъ), пока не смекаетъ», слѣдуетъ читать: «Еще также не смекаетъ онъ до сихъ поръ, что у него слишкомъ великія замашки и слишкомъ горячій приемъ къ дѣлу. Черезъ это дѣло у него само собой выходитъ не въ ясномъ, а въ пристрастномъ видѣ, хотя онъ хотѣлъ быть яснымъ, а не пристрастнымъ. Черезъ это у него одежда, въ которую онъ облакаетъ мысль, не только не прозрачна, но даже не по ней. Это ошутительнѣе оказывается у него въ письмѣ и на бумагѣ; тутъ иногда мысли то-же, что короткія ноги въ большихъ сапогахъ, такъ что формы самой ноги-то и не видимъ, а становится только смѣшно, что на ней большой сапогъ».

Спустя нѣсколько строкъ, послѣ словъ: «для этого нужно быть или вовсе старику, или вовсе нѣмцу, у котораго бы въ жилахъ текла картофельная кровь, а не та горячая и живая, какъ у русскаго человѣка» опять пропускъ: «Поэтому-то у него оказываются въ статьяхъ однѣ претензіи на логическую послѣдовательность, а самой ея нѣтъ; живая душа, русское сердце и неразсчетливая молодость пробиваются на всякомъ шагу и черезъ это еще сильнѣе становятся противоположности двухъ несоединимыхъ вещей. Черезъ это самый тонъ невѣренъ, фальшивъ, не имѣетъ никакой собственной личности и не служитъ къ выраженію того, что хотѣлъ писатель имъ выразить. Черты ребячества и черты собачьей старости будутъ въ нихъ попадаться безпрестанно однѣ подлѣ другихъ и будутъ служить вѣчнымъ предметомъ насмѣшекъ журналистовъ, насмѣшекъ глупыхъ, но въ основаніи справедливыхъ».

Особенно значительный пропускъ послѣ словъ: «Константинъ Сергѣевичъ покажетъ наконецъ себя и скажетъ мнѣ за это спасибо; ибо, какъ ни смотрю, приходилось мнѣ, а не кому-либо другому,

натолкнуть его на дѣло»; далѣе слѣдуетъ читать: «Чѣмъ ушибся, тѣмъ и лѣчись»,—говорится; а такъ какъ онъ опозорился въ глазахъ свѣта на мнѣ (написавши статью о «Мертвыхъ Душахъ»), то мною же долженъ быть подтолкнуть на прославленіе въ глазахъ того же свѣта.

«Но вотъ бѣда: у Константина Сергѣевича нѣтъ вовсе слога. Все, о чемъ ни выражается онъ ясно на словахъ, выходитъ у него темно, когда напишется на бумагѣ. Если бы онъ былъ въ силахъ схватить тотъ складъ рѣчи, который выражается у него въ разговорѣ, онъ былъ бы живъ и силенъ въ письмѣ, стало бы, имѣлъ бы непремѣнно читателей и почитателей. Но это ему менѣе возможно, чѣмъ кому-либо другому. Искусство слѣдить за собой, ловить и поймать самого себя рѣдкому удается. А слогъ все-таки ему нужно приобрѣсть; ему нужно непремѣнно спуститься хотя двумя ступенями ниже съ той педантской книжности, которая у насъ образовалась и безпрестанно мѣшается съ живыми и непедантскими словами. Есть одинъ только для него способъ, и если Константинъ Сергѣевичъ точно такъ уменъ, какъ я думаю, то онъ его не броситъ; (зачеркнуто: главная причина всему, что онъ не знаетъ тѣхъ, кому говорить). Чтѣ бы онъ ни написалъ, ему слѣдуетъ, передъ тѣмъ, какъ онъ принимается за перо, вообразить себѣ живо личность тѣхъ, кому и для кого онъ пишетъ. Онъ пишетъ къ публикѣ, — личность публики трудно себѣ представить, — пусть же онъ на мѣсто публики посадитъ кого-нибудь изъ своихъ знакомыхъ, живо представитъ себѣ его умъ, способности, степень понятливости и развитія и говорить, соображаясь со всѣмъ этимъ и снисходя къ нему, — слово его будетъ непремѣнно яснѣе. Чѣмъ онъ возьметъ менѣе понятливаго человѣка, чѣмъ этотъ человѣкъ будетъ менѣе свѣдущъ, тѣмъ онъ болѣе выиграетъ. Лучше всего, если онъ посадитъ вмѣсто публики маленькую свою сестрицу и станетъ ей рассказывать (это особенно будетъ полезно въ филологическихъ статьяхъ и производствахъ словъ, которыя требуютъ необыкновенной ясности слога), и если онъ сдумаетъ такъ рассказать или написать, что во время чтенія маленькой его сестрицѣ не будетъ скучно и все понятно, тогда смѣло можно печатать статью; она понравится всѣмъ: старикамъ, гегелистамъ, шелкоперамъ, дамамъ, профессорамъ, учителямъ, и всякій подумаетъ, что писано для него. Притомъ, зная, что пишетъ маленькой сестрицѣ, Константинъ Сергѣевичъ никакъ не зарাপортуется, и если бы случилось ему написать производство словъ: мужъ и жена (что онъ производитъ очень умно, — я бы прямо списалъ съ его словъ), онъ бы удержался въ однѣхъ филологическихъ границахъ, тогда какъ, если бы сѣла на мѣсто маленькой сестрицы хоть

положимъ Ховрина ¹⁾ или кто другой, брошенъ былъ бы вдругъ религіозный взглядъ на бракъ и на высшее значеніе его,—дѣло, конечно, тоже въ своемъ родѣ умное, но годное для другой статьи. Словомъ, этотъ способъ Константину Сергѣевичу самый дѣйствительный, какъ бы онъ ни показался ему съ виду ничтожнымъ и незначущимъ. Я бранилъ себя за свою недогадливость и глупость, что не хватился за него пораньше; я бы гораздо больше сказалъ дѣла и даже больше бы написалъ. Этотъ пустякъ слишкомъ важная вещь: только отъ нея приобретається слогъ и получается фізіономія слога. Это уже давно было сказано на свѣтѣ, что слогъ у писателя образуется тогда, когда онъ знаетъ хорошо того, кому писать. Но если Константинъ Сергѣевичъ будетъ смѣтливъ, то принесетъ много добра, въ чемъ помоги ему Богъ. Прочіе ваши сновья, если будутъ смѣтливы, то принесутъ тоже много добра. Жаль, что вы мнѣ не описали, какимъ образомъ подвизался на ревизиі Иванъ Сергѣевичъ, хотя я увѣренъ, что весьма умно, и внутренно обрадовался вашему прибавленію: «съ достоинствомъ мужа». Но все-таки скажите и Ивану Сергѣевичу, что если онъ будетъ смѣтливъ и поступитъ такимъ образомъ (на какое бы ни послали слѣдствіе), что всѣ до одинаго—и невинные, и даже виноватые, и честные, и взяточники—будутъ имъ довольны, то этотъ подвигъ еще будетъ выше того, если бы только одни оправданные были довольны. Въ теперешнее время нужно слишкомъ много разбирать и разсматривать взяточниковъ; иногда они бываютъ несовсѣмъ дурные люди, даже такіе, которыхъ можетъ подвигнуть доброе увѣщаніе, особенно если сколько-нибудь его узнаемъ во всѣхъ его обстоятельствахъ, какъ семейныхъ, такъ и всякихъ другихъ, если къ тому, въ прибавленіе, узнаемъ природу человѣка вообще и потомъ въ особенности природу русскаго человѣка, и если вслѣдствіе всего этого узнаемъ, какъ его попрекнуть, пожурить или даже ругнуть такимъ образомъ, что онъ еще самъ скажетъ спасибо, и онъ сдѣлаетъ много добра. Если Иванъ Сергѣевичъ смекнетъ (а, можетъ быть, отчасти уже и смекнулъ), что дѣйствовать умирительно еще дѣйствительнѣе, чѣмъ распекательно, и что внушить отвалу на добрыхъ

---

¹⁾ Ховрина, Марья Дмитріевна, и Каролина Карловна Павлова пользовались репутаціей прекрасно образованныхъ женщинъ и имѣли притязаніе быть передовыми. Обѣ были хорошо знакомы съ К. С. Аксаковымъ. О нихъ упоминаетъ покойная Т. П. Пассекъ въ своихъ интересныхъ воспоминаніяхъ «Изъ дальнихъ лѣтъ», напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ». Онѣ же названы какъ личности, которыя интересовали Константина Сергѣевича и принадлежали къ одному кругу съ нимъ и Самарянинымъ, въ небольшой запискѣ Гоголя Константину Сергѣевичу (Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 14). В. III.

дѣла впредь еще лучше, чѣмъ картинное дѣло свое собственное, и что заставить человѣка даже плутоватаго сдѣлать доброе дѣло... — словомъ, если онъ все это смекнетъ, то надѣлаетъ много добра. Если узнаетъ не только самую палату, но и весь Владиміръ, и не только весь Владиміръ, но даже источники всѣхъ рѣкъ, текущихъ со всѣхъ сторонъ губерніи въ палату; если не пропуститъ никого изъ умныхъ и старыхъ чиновниковъ и разспроситъ ихъ обо всемъ и будетъ умѣть разспросить ихъ обо всемъ, да не пренебрежетъ тоже и глупыхъ чиновниковъ, узнаетъ и объ нихъ, что слѣдуетъ, даже и купцовъ, и мѣщанъ; узнаетъ такимъ образомъ и то, кто кого водитъ за носъ, или имѣетъ, или можетъ имѣть вліяніе, — то онъ надѣлаетъ много добра не только во Владимірѣ, но даже и потомъ, гдѣ ему ни случится, на какомъ мѣстѣ ему ни случится быть. Да и Ивану Сергѣевичу тоже не мѣшаетъ вамъ съ своей стороны обратить вниманіе на эти самые пункты».

Въ концѣ письма, послѣ словъ: «поздравьте отъ всей моей души съ новымъ годомъ», пропущено: «Затѣмъ прощайте до вашего отвѣта на это письмо. Вашъ Гоголь».

V.

Ю. Ѳ. Самаринъ—К. С. Аксакову о «Мертвыхъ Душахъ».

(1843).

Любезный Аксаковъ. Въ наше послѣднее свиданіе мы говорили о поэмѣ Гоголя и о томъ, какъ ее судятъ и понимаютъ.

Много было высказано объ ней самыхъ разнообразныхъ отзывовъ, обвиненій, возраженій и похвалъ. Въ числѣ ихъ попадалось нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній и очень много пустыхъ.

Я самъ, послѣ втораго чтенія, началъ было писать объ ней статью; но прочтя твою брошюрку, я вполне ею удовлетворился и отложилъ это дѣло. Мнѣ кажется, ты сказалъ о «Мертвыхъ Душахъ» все, что можно и что должно было сказать, представивъ характеръ созерцанія Гоголя; акта творчества, и устранивъ вопросъ о содержаніи. Въ самомъ дѣлѣ, о содержаніи поэмы пока еще говорить нельзя, оттого что мы имѣемъ передъ собою только начало. Шевыревъ, въ своихъ первыхъ статьяхъ, дѣльно и умно опровергнулъ нѣсколько пошлыхъ обвиненій, но почти все сказанное имъ отъ себя не только не уясняетъ того впечатлѣнія, которое не могли не произвести «Мертвыя Души» на всякаго непредубѣжденнаго и не

мудревающего читателя, но, напротивъ, мутитъ его, заслоняетъ значеніе великаго созданія Гоголя и портитъ наслажденіе. Это произошло, мнѣ кажется, отъ излишняго мудрованія. Въ Шевыревѣ нѣтъ той простоты и того смиренія, безъ которыхъ не можетъ быть доступна тайна художественнаго произведенія, не можетъ быть полного наслажденія. Я считаю его неспособнымъ забыть себя въ присутствіи высокаго созданія, забыть, что онъ критикъ, что онъ изучалъ искусство, что онъ былъ въ Итали, и потому долженъ понимать и видѣть больше, лучше и прежде другихъ, которые не были въ Итали и не изучали искусства. Зато, никогда не откроется ему то, что утаено отъ премудрыхъ и открыто младенцамъ. Ему будетъ совѣстно передъ собой, если онъ увидитъ въ художественномъ произведеніи только то, что можетъ видѣть всякій. Нѣтъ! онъ придумаетъ что-нибудь помудревѣе, позамысловатѣе и поставитъ свою выдумку между читателемъ и поэмою. Не имѣя подъ рукою «Москвитяинна», я приведу въ примѣръ, что помню. Только Шевыревъ могъ открыть хитрую мысль, спрятанную поэтомъ за Петрушкою и Селифаномъ. «Петрушка, который ближе къ своему барину, провозилъ отъ него, а Селифанъ—нѣтъ, оттого что отъ него подальше». Видите-ли, какая тутъ штука! Такъ точно въ изображеніи помѣщиковъ и всей ихъ обстановки, прислуги, крестьянъ, деревни, сада и т. д. Гоголь, по мнѣнію Шевырева, хочетъ доказать, какъ характеръ и свойства помѣщиковъ отпечатываются на всемъ ихъ окружающемъ, и дать имъ полезный урокъ.

Мнѣ приходитъ на мысль еще одно замѣчаніе Шевырева, выраженное имъ въ формѣ упрека, и въ которомъ, напротивъ того, заключается самая справедливая и тонкая похвала поэту и самое ясное обличеніе критику. Я разумю то мѣсто, въ которомъ онъ обвиняетъ Гоголя въ одностороннемъ изображеніи нѣкоторыхъ лицъ и дополняетъ ихъ отъ себя чертами, пропущенными авторомъ, напримѣръ: «Коробочка, вѣрно, очень набожна, а Гоголь скрылъ это доброе качество и выставилъ только смѣшную сторону». Спрашивается, отъ кого же, если не отъ самого Гоголя, Шевыревъ могъ узнать, что Коробочка набожна. Не онъ ли, представивъ ее въ одномъ положеніи, въ одномъ случаѣ изъ ея жизни, умѣлъ сдѣлать это такъ, что всѣ другія свойства старушки-помѣщицы, не высказанныя поэтомъ, вамъ открываются, и вы понимаете, какъ бы она поступила при другихъ обстоятельствахъ, что бы подумала и что бы сказала. Если могъ Шевыревъ дополнить отъ себя образъ, намѣченный Гоголемъ, продолжить его явленія, провести его дальше, то не значитъ ли это, что то небольшое, показанное Гоголемъ, было живо, полно, чуждо всякой односторонности? Въ этой способности изображать все въ немногомъ

заключается тайна творчества и выше ея нѣтъ ничего въ искусствѣ. Гоголь изображаетъ и каждое его лицо ¹⁾ истинно, живо и полно, какъ образъ; а Шевыревъ требуетъ отъ него другой полноты—исчисления свойствъ лица. Прибавлю еще одно замѣчаніе. Если критика Шевырева и вообще этотъ родъ критики, отыскивающая, чего не высказано, заднихъ мыслей, скрытыхъ отношеній къ чему-нибудь, если такого рода критика, совершенно противоположная существу искусства, убивающая его созданіе, оскорбляющая эстетическое чувство человѣка прямого, такъ рѣзко обличаетъ свое безсиліе, такъ становится глупа и смѣшна, когда прилагается къ произведенію Гоголя (тогда какъ въ другихъ случаяхъ этого не видать); то не значить ли это, что оно исключительно и высоко художественно, что въ немъ-то и нѣтъ ничего надуманнаго, сдѣланнаго, ничего намекающаго на внѣшнюю цѣль, однимъ словомъ, ничего такого, чѣмъ бы могла поживиться критика Шевырева и многихъ ему подобныхъ. Все, что она замѣчаетъ, что хвалитъ и что порицаетъ, не лежитъ въ произведеніи, а ею въ него вложено; она сама произвольно создаетъ себѣ содержаніе.

Но довольно о Шевыревѣ. Мнѣ хотѣлось поговорить съ тобой о другомъ сужденіи, недавно нами услышанномъ отъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ знакомыхъ. Ты знаешь, кого я разумѣю. Ихъ отзывъ не былъ высказанъ печатно и потому не было на него печатныхъ опроверженій. Признаюсь, я искренно, отъ всей души, жалѣю объ этихъ людяхъ. Все, что нужно для того, чтобы наслаждаться художественнымъ произведеніемъ, въ нихъ есть; но они сами отказываютъ себѣ въ этомъ наслажденіи. Имъ хотѣлось бы предаться поэту просто, всею душою; но они совѣстятся сдѣлать это и насильно подавляютъ въ себѣ смѣхъ и радость, вытѣсняя ее умышленнымъ чувствомъ сожалѣнія и скорби. «Какъ можно радоваться и наслаждаться, когда художникъ выводитъ на сцену цѣлый рядъ жалкихъ, смѣшныхъ, отвратительныхъ явленій, взятыхъ изъ той дѣйствительности, въ которой мы живемъ, которая есть наша дѣйствительность, наша родина! Плакать и скорбѣть должно, а не смѣяться». Такъ они говорятъ, и въ ихъ словахъ выражается искренняя, пламенная любовь къ своему, родному, но любовь слишкомъ тѣсная и потому легко переходящая въ отчаяніе. Маловѣры! вы любите не Россію, а то, что въ ея жизни нравится вамъ лично; себя вы любите въ ней, а не ее. Ваше сочувствіе ограничивается одною стороною, однимъ или двумя столѣтіями и не болѣе, а потому, не находя въ настоящемъ того, что нравилось вамъ въ прошедшемъ, не узнавая его въ новомъ

¹⁾ Рядомъ стоятъ зачеркнутыя слова: «каждый его образъ».

его превращеніи, вы отчаяваетесь и не видите, сколько утѣшительнаго для насъ всѣхъ заключаетъ въ себѣ явленіе такого художественнаго произведенія, каковы «Мертвыя Души».

Но такъ какъ вы не отъ природы неспособны понимать его, а вслѣдствіе ложнаго убѣжденія разсудка, то я постараюсь опровергнуть это убѣжденіе и сдѣлать для васъ доступнымъ то, къ чему вы призваны. Не касаясь вопроса о Россіи вообще и о современномъ ея состояніи, я думаю, что изъ возможности явленія въ наше время чисто художественнаго произведенія, изъ новаго факта въ мірѣ искусства, котораго отрицать нельзя, можно вывести заключеніе о самой жизни.

Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли такой моментъ въ исторіи, такой народъ дать предметъ для художественнаго произведенія (принимая это слово въ самомъ строгомъ значеніи, какое даетъ ему наука), въ которомъ нѣтъ ничего высокаго, идеальнаго, дѣйствительнаго, а только одна грязная случайность, одна темная сторона? Очевидно, жизнь, представляющая собою чистое отрицаніе, отсутствіе всего дѣйствительнаго, не можетъ быть предметомъ художественнаго произведенія. Одна тѣнь не составитъ картины. Поэтому художникъ, родясь въ эпоху разрушенія, въ народѣ, подгнившемъ въ корнѣ своемъ, беретъ предметъ изъ его жизни, но понимаетъ и изображаетъ его только какъ отрицаніе того, что было, или какъ отсутствіе того, что будетъ. Отсюда рождается сатира. Поэзія становится облаченіемъ настоящаго. Поэтъ, не способный принимать съ любовью предметы, его окружающіе, и возводитъ ихъ въ «перлъ созданія» (говоря словами самого Гоголя), не находя въ настоящемъ ничего такого, что бы удостоилось удержать на себѣ его взоръ, уходитъ отъ него въ прошедшее, или весь погружается въ упованіе на будущее. Въ его созданіяхъ вы вѣчно будете находить двѣ стороны, вѣчный антитезъ, вѣчное противоположеніе, исключаящее гармонию, оттого что въ самой жизни нѣтъ этой гармоніи. Такъ, наприимѣръ, Горацій, изображая темную сторону своей эпохи и своего народа, вмѣстѣ съ тѣмъ привѣтствуетъ зарю обновленія, зачинающуюся на сѣверѣ, въ лѣсахъ Германіи. Но не ищите въ его произведеніяхъ той нераздѣльности художника съ жизнью, того въ себѣ самомъ сосредоточеннаго спокойствія, какимъ запечатлѣны всѣ произведенія Гоголя; мысль поэта римскаго и его сочувствіе вѣчно уносятъ его за предѣлы той жизни, изъ которой онъ беретъ содержаніе. И не можетъ быть иначе. Только та жизнь можетъ быть предметомъ чисто художественнаго произведенія, и особенно эпоса, которая сама собою удовлетворяется, сама въ себѣ имѣетъ право на бытіе, а не та, которая существуетъ, какъ отрицаніе идеи, внѣ ея зараждающейся.

Но не всякому доступно пониманіе жизни во всемъ ея объемѣ, во всей ея глубинѣ. Человѣку сродно видѣть и останавливаться преимущественно на томъ, что его оскорбляетъ, и въ томъ виноватъ самъ человѣкъ, а не жизнь. И если среди этой жизни возникаетъ поэтъ съ высокою, чисто художническою организаціею, и если онъ отразитъ въ себѣ всѣ явленія этой жизни, самыя смѣшныя, мелкія и темныя, и создастъ изъ нихъ не сатиру, а поэму, такую ¹⁾, какъ «Мертвыя Души», то мы должны принять ее какъ сильнѣйшее, какъ самое неопровержимое ручательство за жизнь, и всѣ наши опасенія, нашъ страхъ, наши жалобы должны умолкнуть.... Скажите, найдете-ли вы въ поэзіи народовъ отживающихъ что-нибудь похожее на «Мертвыя Души!» И есть-ли въ «Мертвыхъ Душахъ» хоть призракъ сатиры? Ужели не всякому ясно, что нѣтъ поэта, который бы былъ такъ далекъ отъ сатиры, какъ Гоголь? Что во всякомъ другомъ поэтѣ, напримѣръ, въ Жуковскомъ, гораздо болѣе сатирическаго начала, нежели въ Гоголѣ.

Нѣтъ, та жизнь, которую поэтъ могъ полюбить и возвести въ ясное, свѣтлое созданіе искусства, та жизнь, повѣрьте, далека отъ разрушенія.

Конечно, въ первомъ томѣ «Мертвыхъ Душъ», мы видимъ ея темную сторону; но, не говоря о тѣхъ прекрасныхъ, лирическихъ мѣстахъ, въ которыхъ самъ поэтъ разоблачаетъ закрытую для насъ и всю облитую свѣтомъ ея другую сторону, предположивши даже, чего не дай Богъ, что мы никогда ея не увидимъ, и тогда вы не имѣете права убивать въ себѣ наслажденіе и сокрушаться. Одинъ огромный, неопровержимый фактъ—возможность возведенія этой жизни въ міръ искусства, становится противъ темной ея стороны и наполняетъ душу упованіемъ и укрѣпляетъ насъ на трудный подвигъ, на трудное странствованіе сквозь эту жизнь.

Скажу искренно, не горячася, безъ преувеличенія. Послѣ прочтенія поэмы Гоголя, я чувствую, что, встрѣтись ²⁾ съ Собакевичемъ, Ноздревымъ, Маниловымъ, со всѣми смѣшными и отвратительными лицами и явленіями, которыми угашиваетъ (sic) насъ наша настоящая дѣйствительность, я не впаду въ уныніе, не приду въ отчаяніе. Воскреснетъ въ моей памяти образъ любезнаго намъ всѣмъ поэта, его свѣтлый, провицательный и спокойный взоръ, его ясное чело, услышу его звонкій голось, и снова миръ и упованіе сойдутъ въ мою душу.

Самаринъ.

¹⁾ Слово это, пропущенное по слябкѣ въ копіяхъ, ясно написано въ подлинникѣ.

²⁾ Въ подлинникѣ описка, «встрѣча».

Примѣчаніе. Это чрезвычайно любопытное письмо Ю. Ф. Самарина къ К. С. Аксакову было въ копіи переслано послѣднимъ Гоголю. О немъ Гоголь отзывался очень сочувственно въ запискѣ къ Константину Сергѣевичу (Соч. Гоголя, изд. Кул., т. VI, стр. 14): «Простите, что я васъ не благодарилъ до сихъ поръ за присылку вашихъ статей о «Мертвыхъ Душахъ». И та, и другая имѣютъ свои достоинства. Писанная, какъ мнѣ кажется, должна принадлежать Самарину. Но въ печатной, не погибайте, — видно много непростительной юности, и написанная кажется передъ нею написанною старикомъ». Критика Шевырева, о которой здѣсь говорится, была напечатана въ «Москвитинѣ» 1842 г., № 7, стр. 205—228, и № 8, стр. 346—376. Отмѣтимъ кетати, что въ той же упомянутой запискѣ Константину Сергѣевичу рѣчь касается публичныхъ чтеній Щепкинымъ сочиненій Гоголя. Это были тѣ самыя чтенія, о которыхъ Гоголь говоритъ въ «Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями» въ статьѣ: «Чтеніе русскихъ поэтовъ передъ публикой» (Соч. Гоголя, изд. X, стр. 22—23).

Письмо Ю. Ф. Самарина, выше приведенное, было напечатано съ копій въ «Русскомъ Архивѣ», 1880, 2; нами оно исправлено по подлиннику, принадлежащему наследникамъ Гоголя. Сверхъ того, считаемъ нелишнимъ напомнить его особенно теперь, послѣ появленія въ январской книгѣ «Русскаго Архива» писемъ К. С. Аксакова къ Гоголю о «Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями». Всякій непредубѣжденный читатель, безъ сомнѣнія, оцѣнитъ, вмѣстѣ съ Гоголемъ, свѣтлый умъ и вѣрный критическій взглядъ Ю. Ф. Самарина. Какая разница съ увлекающимся и одностороннимъ К. С. Аксаковымъ! При всемъ уваженіи къ послѣднему нельзя не сказать, что высказанныя имъ идеи не находились ровно ни въ какомъ отношеніи съ убѣжденіями Гоголя и не могли имѣть на него никакого дѣйствія, какъ и теперь они кажутся обязательными только послѣдователямъ славянофильства, тогда какъ свободное отъ доктринерства вѣское слово Ю. Ф. Самарина, напротивъ, не могло быть не выслушано Гоголемъ.

VI.

И. С. Аксаковъ—Н. В. Гоголю.

Изъ деревни Симбирскаго уѣзда. Іюня 5-го (1844 г.).

Я поздно получилъ ваше письмо и уже распорядился, чтобы изъ Петербурга высланы были въ Берлинъ требуемые вами реестры. Въ концѣ лѣта буду я самъ въ Питерѣ и тогда исполню другія порученія, а между тѣмъ за письмо васъ благодарю, не смотря на весь возъ упрековъ, какъ вы говорите, да за нихъ-то собственно и спасибо, ибо они имѣли силу отъ совершенно вѣшной жизни, какую я веду здѣсь, обратить меня къ самому себѣ. Это ихъ заслуга. Многие въ нихъ и несправедливо, такъ особенно горько было упрекъ подозрѣніе ¹⁾ въ самолюбіи и гордости—меня, изъ глубины души считаю—

¹⁾ Зачеркнуто: упрекъ.

щаго себя изъ всѣхъ дѣтей ничтожныхъ міра наимичтожнѣйшимъ безъ всякаго реванша. Впрочемъ, все это глупости и никому знать ихъ нѣтъ надобности. Скажу только, что я могу по вашему совѣту устоять противъ всего, исключая хладнокровія, съ какимъ принимается хорошее и дурное, подлое и благородное, трудъ и шарлатанство. Довольно однакожъ. Прощайте, Николай Васильевичъ. Вы знаете, какъ я васъ уважаю и съ какимъ удовольствіемъ принимаю всякое ваше порученіе. Адресъ старый. И. Аксаковъ.

Примѣчаніе. Письмо И. С. Аксакова должно быть отнесено къ 1845 г.: только въ этомъ году Гоголь былъ въ концѣ іюня и въ іюлѣ въ Берлинѣ (о 1842 или другихъ болѣе раннихъ годахъ не можетъ быть и рѣчи въ данномъ случаѣ при опредѣленіи даты, потому что, судя по требованію отъ Аксакова Гоголемъ реестровъ, письмо относится уже къ служебному періоду жизни перваго, который начался съ 1842 г. Притомъ, какъ видно изъ датъ его писемъ, напечатанныхъ въ книгѣ: «И. С. Аксаковъ въ его письмахъ», только въ 1845 г. можно предположить возможность пребыванія его въ Симбирскомъ уѣздѣ въ іюнь мѣсяцѣ. Впрочемъ, эти соображенія нуждаются въ окончательномъ подтвержденіи на основаніи бумагъ И. С. Аксакова. На конвертѣ довольно ясно виденъ 1844 г., но эту дату никакъ нельзя согласить съ датами писемъ, напечатанныхъ въ названной книгѣ.

Сообщ. В. И. Шенроуъ.

Въ дѣлу объ изданіи исторіи Флетчера

1848—1849 гг.

(См. «Русскую Старину» изд. 1890 г., т. LXV, стр. 54).

Напечатанная въ 1848 г. въ «Чтеніяхъ общества ист. и древн. Россіи» исторія Флетчера хотя и составляетъ библиографическую рѣдкость ¹⁾, но вовсе не недоступна въ продажѣ.

Въ бумагахъ покойнаго профессора О. М. Бодянскаго, бывшаго потомъ управляющимъ университетскою типографіею, найденъ слѣдующій документъ

Исторія Флетчера, вынута экземпляровъ:

1) въ 1853 году, по приказанію г. начальника типографіи, вынута 8 экз.

2) въ томъ же году, по приказанію г. начальника, еще 4 экз.

3) въ 1854 г., по приказанію г. начальника, 3 экз.

4) въ томъ же году, по приказанію г. помощника начальника типографіи 2 экз.—Итого 17 экз. Письмоводитель Борозковъ.

По вскрытіи мною оказалось: 34 экзмп. собственно Флетчера на русскомъ языкѣ и 16 экз. статеинаго списка приѣзда Флетчера въ Россію съ первымъ ¹/₂ листомъ въ началѣ при каждомъ экземплярѣ отъ предисловія настоящаго Флетчера. Начальникъ типографіи Н. Жемчужниковъ.

При семъ находятся еще два экземпляра англійскаго подлинника сочин. Флетчера, вынутые мною при повѣркѣ тѣловъ. Н. Жемчужниковъ.

По приказанію г. исправляющаго должность попечителя московскаго учебнаго округа Н. В. Исакова, взять отсюда одинъ экземпляръ Флетчера изъ числа 34-хъ и отправленъ мною въ канцелярію его для доставленія къ нему подъ печатью. 20 мая 1859 года. Управляющій типографіею О. Бодянский.

20 ноября 1862 г., по приказанію тоже г. попечителя, взято—два экземпляра для доставленія управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія. О. Бодянский.

22 ноября 1862 г., еще одиннадцать (11) экземпляровъ Флетчера въ русскомъ переводѣ взято по приказанію его же, г. попечителя, и отправлено къ г. управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія, А. В. Головнину, въ Николаевскій дворецъ въ кремль. О. Бодянский.

Р. С. Подлинные документы въ моемъ собраніи въ рукописяхъ г. Ростова (Ярославской губ.) подъ №№ 1557 и 2149.

Сообщ. Андрей Ал. Титовъ.

30-го января 1884 г.

Ростовъ.

¹⁾ Вся напечатанные экземпляры тогда же, по Высочайшему повелѣнію, были заарестованы.

ТАТЬЯНА ПЕТРОВНА ПАССЕКЪ

въ 1879—1889 гг.

I.

Въ концѣ 1879 года вышло объявленіе о новомъ дѣтскомъ журналѣ „Игрушечка“, издательницей и редакторомъ котораго явилась Татьяна Петровна Пассекъ, извѣстная мнѣ по своимъ интереснымъ запискамъ „Изъ дальнихъ лѣтъ“, помѣщавшимся въ журналѣ „Русская Старина“.

Заинтересованная этою личностью, такъ свѣтло обрисовавшейся въ своихъ запискахъ, я, уже нѣсколько лѣтъ работавшая въ дѣтскихъ журналахъ, немедля поѣхала къ ней, чтобы предложить ей свое сотрудничество. Это было именно 14-го декабря 1879 года.

Меня встрѣтила маленькая, немного сутуловатая старушка, съ сѣдоватыми волосами, зачесанными въ одну небольшую косичку, зашпиленную на затылкѣ черепаховой гребенкой; въ широкой ситцевой блузѣ на кокеткѣ, обшитой по шеѣ вышитой фрезвой, съ широкими рукавами, застегнутыми у кистей рукъ на узкихъ обшлагахъ; съ добрымъ, младенчески-кроткимъ лицомъ, съ чрезвычайно пріятными мелкими чертами и такими невинными, свѣтлыми глазами, съ какими дѣти читають «Отче нашъ».

Черезъ нѣсколько минутъ мы были уже будто давно знакомые люди. Татьяна Петровна, на мое предложеніе, объявила мнѣ, что уже знакома съ моими произведеніями и даже назвала содержаніе одного изъ рассказовъ, незадолго передъ тѣмъ помѣщенного въ журналѣ „Дѣтское Чтеніе“ и имѣвшаго большой

успѣхъ у маленькихъ читателей. Съ полной охотой принявъ мое сотрудничанье, она изложила мнѣ программу своего журнала, свои планы и намѣренія и предложила мнѣ немедля написать рядъ статей, соотвѣтственно той системѣ, которой она хотѣла держаться и которую позже ей пришлось нѣсколько измѣнить. Такимъ образомъ мы проговорили съ нею часа два и разошлись почти друзьями. Тогда же она познакомила меня со своимъ сыномъ, Владиміромъ Вадимовичемъ, по инициативѣ котораго старушка и рѣшилась, не смотря на свои 70 лѣтъ, начать издавать журналъ, и съ его молодой женой. Владиміръ Вадимовичъ очень горячо къ сердцу принялъ трудъ матери и, не смотря на свои служебныя обязанности, началъ ревностно помогать ей. Къ сожалѣнію, здоровье его было уже разстроено.

3-го февраля 1880 года вышелъ первый номеръ „Игрушечки“¹⁾, когда Владиміръ Вадимовичъ, по совѣту докторовъ, уже былъ въ Италиі, куда уѣхалъ въ концѣ января.

Старушка осталась совершенно одна, съ двумя внуками на рукахъ, изъ которыхъ старшему, ея любимцу Сережѣ, было пять лѣтъ, а Олѣ — три года. Вся тяжесть какъ издательской, такъ и редакторской части навалилась на ея семидесяти-лѣтнія плечи, на плечи этой, уже столько вынесшей въ жизни горя, женщины, безнадежно смотрѣвшей вдаль, на еще новую, готовую раскрыться, могилу и унести ея послѣднее дитя!.. Надо было удивляться энергіи и силѣ воли этой маленькой старушки, болевшей сердцемъ и работавшей по ночамъ! Какъ первые ея сотрудники, я и Соловьевъ-Несмѣловъ, сколько могли, помогали старушкѣ, жившей въ тревожномъ ожиданіи извѣстій отъ своихъ, изъ Италиі. Но отрадныхъ вѣстей не приходило, и она дѣлилась своимъ горемъ со мной, высказывая свои волненія и опасенія. 21-го февраля 1880 г. утромъ получаю я отъ нея торопливую записку, въ которой она проситъ меня тотчасъ же къ ней пріѣхать, такъ какъ ей очень нужно меня повидать; но не пишетъ о причинѣ. Когда я пріѣхала къ ней, то уже ея не застала, такъ какъ она два часа передъ тѣмъ уѣхала за границу, вызванная отчаянной телеграммой невѣсты. Телеграмма при-

¹⁾ Первыми сотрудниками журнала были: сама Т. П., профессоръ Вагнеръ, А. Г. Сахарова, Соловьевъ-Несмѣловъ и я. Трое послѣднихъ оставались все время сотрудниками журнала.

шла наканунѣ вечеромъ, когда она сидѣла за корректурой нумера „Игрушечки“, готоваго къ выпуску. Не взирая на горе, старушка имѣла силы въ ночь докончить просмотръ нумера, уложиться и утромъ выѣхать, захвативъ съ собой Сережу и со-всѣмъ молодую горничную, зимой, въ сильные морозы, имѣя въ виду конецъ отъ Петербурга до Сорренто, гдѣ умиралъ ея послѣдній сынъ!..

Они съѣхались во Флоренціи.

— „Старый дружище, я зналъ, что ты пріѣдешь!“ воскликнулъ ея сынъ, протягивая къ ней исхудалую руку, и она имѣла силы закрыть его глаза и пережить свое послѣднее дитя; имѣла силы поддерживать и утѣшать его молодую жену и развлекать внука,водя его на прогулки по улицамъ Флоренціи...

Живо помню наше первое свиданіе по возвращеніи ея изъ заграницы, откуда она пріѣхала 16-го марта. Я вошла къ ней въ спальню и нашла ее лежащею на кровати. На ней была ея обычная красная ситцевая блуза, а подлѣ на столѣ стояла миска съ крошечкомъ изъ варенаго картофеля, грудей и лука. Татьяна Петровна любила всѣ самыя простыя русскія кушанья.

— Ну, вотъ и другъ любезный пришелъ, заговорила она оживленно, обнимая меня и лихорадочно блестя своими добрыми глазами. — Вотъ будемъ завтракать, продолжала она, усаживая меня подлѣ кровати, въ кресло.

Стали мы завтракать. Объ ужасномъ фактѣ ни слова. Казалось, она боялась, чтобы я не заговорила о немъ, и я не сказала ни слова и, со слезами въ горлѣ, рассказывала ей о журналѣ и о всякихъ городскихъ новостяхъ, удивляясь твердости и силѣ воли этой разбитой горемъ семидесяти-лѣтней старухи! Такъ на этотъ разъ мы и не говорили съ нею объ умершемъ. Она заговорила о немъ въ слѣдующій разъ, когда я пріѣхала къ ней на цѣлый день и она, послѣ обѣда, увела меня въ себѣ въ спальню и, посадивъ рядомъ съ собою на кровати, сама начала рассказывать мнѣ про всю свою скорбную поѣзду, про смерть сына и про то, какъ привезутъ сюда, моремъ, его тѣло. Она говорила тихо, какъ-бы о святыхъ, и слезы нѣсколько разъ наворачивались на глаза и голосъ слегка дрожалъ, а все лицо свѣтилось такою безпредѣльною покорностью волѣ Божіей. И ни ропота, ни озлобленія не звучало въ этихъ надорванныхъ струнахъ!

Много мы съ тѣхъ поръ бесѣдовали съ ней въ спальнѣ стариннаго дома на Малой Подъяческой.

— Она и домъ-то умѣла подыскать какой-то особенный, московскій! говорила одна наша общая знакомая.

И точно: домъ стоялъ за рѣшеткой, во дворѣ, съ отдѣльнымъ въ ея квартиру подъѣздомъ и невысокой, деревянной лѣстницей. Затѣмъ вся ея обстановка соответствовала дому. Спальня, въ которой она и принимала близкихъ людей, была небольшая, всегда сильно натопленная, комната въ два окна, съ какими-то, однимъ Богомъ хранимыми, растеніями ¹⁾, и съ влѣткой какой-то невѣдомой птицы. Между окнами возвышался столѣтній швафъ-бюро, съ мѣдной выкладкой по красному дереву, потемнѣвшему отъ старости; у другой стѣны такихъ же лѣтъ и характера—буфетъ, подлѣ котораго старое, сильно опустившееся кресло. Эти вещи были ей дороже всѣхъ рѣдкостей лучшаго мебельнаго магазина: они принадлежали ея мужу и дѣтямъ; съ ними связаны воспоминанія о нихъ! Между кресломъ и кроватью старушки простой некрашенный столъ, всегда заваленный рукописями и книгами, поверхъ которыхъ непременно лежитъ бывало большое круглое увеличительное стекло съ ручкой, съ которымъ старушка и читаетъ, и пишетъ. Въ ногахъ кровати, занимавшей третью стѣну, большая изразцовая печь, а у слѣдующей стѣны—кровать Сережи, ея отрады и утѣшенія, этого всего, что ей осталось отъ прошлаго, отъ жизни.

Не менѣе типична была и прислуга Татьяны Петровны. Первая была ея дуэнья, Марья Дмитріевна ²⁾, высокая красивая старуха, жившая въ домѣ болѣе тридцати-пяти лѣтъ, бывшая съ барыней и заграницей, сохранивъ особенное воспоминаніе о Дрезденѣ. Она всегда ходила въ длинной темной кацавейкѣ, съ темнымъ ситцевымъ платкомъ на головѣ, подвязаннымъ подъ подбородкомъ. Въ комнату она входила тихо, степенно и садилась на своемъ мѣстѣ въ ногахъ кровати, на бѣломъ, некрашенномъ табуретѣ, спиной къ печкѣ. Она нерѣдко вступала въ наши разговоры и если принималась рассказывать, то старалась употреблять нѣсколько высокопарныя слова, думая тѣмъ при-

¹⁾ Любимымъ растеніемъ Т. П. была «*Gordenia florida*».

²⁾ Впослѣдствіи она отпросилась въ богадѣльню, въ Москву. С. Д.

дать болѣе цѣны своимъ повѣствованіямъ. О заграничной жизни она отзывалась немного небрежно. Другой близкой прислугой была кормилица, выкормившая старшаго сына Татьяны Петровны и жившая въ домѣ болѣе, чѣмъ 45 лѣтъ. Она была проще Марьи Дмитріевны; въ разговоры сама не вступала, а если Татьяна Петровна, въ своихъ разказахъ изъ прошлаго, ссылалась на нее, ожидая подтвержденія своихъ воспоминаній, она отвѣчала отрывисто, постоянно будто сердясь на что, или чѣмъ недовольная. Это была грузная старуха, съ тальей подъ мышками и головнымъ платкомъ подъ-косу; часто ворчащая на барыню, какъ на дѣвочку, нерѣдко даже ее распекавшая и жившая заботами о собственномъ самоварѣ, который за ненужностью стоялъ на полкѣ, закутанный въ полотенце, и только по временамъ осматривался его владѣтельницей.

Какъ я любила наши бесѣды съ Татьяной Петровной въ этой душею спаленкѣ, съ этой столѣтней мебелью и некрашеннымъ столомъ! Старушка, бывало, уставъ послѣ дневной работы, взберется на кровать.

— А, другъ сердечный, вотъ тутъ, на креслѣ садемъ! скажетъ она мнѣ.

Сажусь я на большое кресло, а она полу-лежитъ на кровати и закипаетъ у насъ бесѣда. Стенитъ. Кормилица вноситъ свѣчу (лампы Татьяна Петровна не любила), въ низкомъ подсвѣчникѣ, съ покривившейся ширмочкой. Горничная Даша принесетъ чайный сервизъ и ставитъ его по-просту, безъ скатерти, на некрашенный столъ у кровати. Съ боку приставляется некрашенный-же табуретъ, на которомъ появляется пузатый желтый самоваръ. Иногда подлѣ насъ вертится Сережа, слушая или наши рассказы или мои дѣтскія статейки, что я читаю вслухъ бабушкѣ. Кончается-же постоянно тѣмъ, что онъ залезетъ на кровать, за бабушкину спину, и заснетъ. Кругомъ тихо; только замирая, вытягиваетъ самоваръ однообразныя ноты, подъ которыя, не замолвая, кипитъ наша бесѣда, да изъ столовой, по временамъ, покрививаетъ часовая кукушка...

II.

Не смотря на тотъ кружокъ высоко-образованныхъ „западниковъ“, среди которыхъ вращалась при жизни мужа, и на долгое пребываніе, въ различные періоды, за-границей, послѣ его смерти, — Татьяна Петровна была вполнѣ русская натура, со всѣми симпатіями и привычками русскаго человѣка тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ и, при этомъ, она была одною изъ тѣхъ свѣтлыхъ личностей, которыхъ мы обобщаемъ именемъ „идеалистовъ сороковыхъ годовъ“.

Въ ней все было коренное русское: складъ рѣчи, манера говорить; русскій юморъ, русская безшабашная довѣрчивость, широкое гостепрѣимство, съ девизомъ: „все, что есть въ печи, то на столъ мечи“, широкое сердце и беззабѣтная любовь къ родинѣ. Она, своимъ глубокимъ, выдающимся умомъ, вполнѣ цѣнившая европейскую цивилизацію, сочувственно воспринимавшая все свѣтлое, чѣмъ дарилъ насъ западъ, въ то же время чутко слѣдила за всякимъ успѣхомъ въ русскомъ обществѣ, готовая чѣмъ можетъ поддержать молодой русскій талантъ, восхищаясь по-дѣтски всякому, иногда даже сомнительному, проявленію такого таланта. Воздавая должное хорошему западному, она обожала все русское, начиная съ лежанки, щей съ головизной и гусиныхъ полатковъ, до русской пѣсни, что звучать заунывной струной надъ необозримыми полями родной страны. Она хранила въ кладенцѣ своей необыкновенно живой памяти всѣ обычаи, преданія, всѣ мелочи, относящіяся до обстановки жизни баръ своего времени, и въ то же время это была одна изъ гуманнѣйшихъ женщинъ, на которую барство не наложило печати, и она къ самому простому человѣку относилась съ тѣмъ же привѣтомъ, какъ ко всѣмъ.

Впрочемъ, она, казалось, вся состояла изъ любви, всепрощенія и безграничнаго снисхожденія къ людямъ.

— Знаешь, говорила она мнѣ часто, особенно въ послѣдніе годы, — я всѣхъ люблю, весь міръ Божій люблю. Мнѣ вѣжется, я такъ вотъ и обняла-бы весь міръ!

И она именно обнимала весь маленькій міръ, соприкасавшійся съ ней. Она всѣмъ, кому могла, дѣлала только добро,

иногда неразсчитливо, непрактично, безслѣдно, основываясь только на движеніи своего любвеобильнаго сердца, порывы котораго остановить не могла. На моихъ глазахъ прошло множество примѣровъ обмана и разочарованій, которые должны были горько отозваться въ этомъ довѣрчивомъ и несправимомъ сердцѣ.

— Ну, что-же дѣлать, я и не жалѣю; вѣрно ей—или ему— нужно было, говорила она, снова претерпѣвъ за свою отзывчивость.

А въ то же время она обрѣзывала себя во всемъ, жалѣя на себя всякую копѣйку, по нѣсколько лѣтъ сряду таская одни, совсѣмъ уже стоптанные, теплые плисовые сапожки, которые не снимала ни зимой, ни лѣтомъ. Въ одеждѣ она была скромна до крайности. Два—три ситцевыхъ капота, преимущественно красныхъ: — Люблю красенъкое! говорила она, младенчески улыбаясь, — да, парадная коричневая шерстяная блуза, съ тальей сзади, составляли весь ея гардеробъ. Въ этой коричневой блузѣ она не стѣсняясь являлась въ большія собранія, прикрывая голову простенькой черной кружевной косыночкой. Чепцовъ она не любила. Дома же она надѣвала на голову бѣлый полотняный платочекъ, туго повязанный подъ подбородокъ.

— „Люблю такіе старенькіе, мявинькіе; хоть вотъ и дырявенькій ужъ, а мявинькой, пріятный!—скажетъ, затягивая потуже узелокъ, чтобы платокъ не сползалъ.

Философіи у нея было тоже много, совсѣмъ не женской, также какъ энергіи и замѣчательной силы воли, которыя и поддерживали это маленькое старческое тѣло. Гдѣ-бы ей одной, подъ гнетомъ страшнаго горя, выдержать принятый на себя трудъ по изданію журнала, если-бы не рѣшимость этими трудами поддержать семью сына!

Тормошать, бывало, ее такъ, что даже досадно становится! Я безпрестанно бывала у нея, желая хоть чѣмъ-нибудь помочь ей. Статей накопится уже множество, примемся ихъ разбирать; а тутъ безпрестанно, то по конторѣ, то по хозяйству, то по типографіи,—все къ ней да къ ней. Притомъ безпрестанныя посѣщенія, отъ которыхъ ей не было силъ отдѣлаться. Только что, усталая, взберется на постель съ ногами, спустивъ теплые бархатные сапожки, какъ снова звонокъ: новый визитъ.

— Да вы бы, Татьяна Петровна, отказали!

— Ахъ, нѣтъ, другъ сердечный, какъ можно! Можетъ изда- лека прѣехали, видѣть меня хотятъ, а я откажу! Эдакъ нельзя! ¹⁾.

И опять натягиваются теплые сапожки, подтягивается по- туже узелокъ головнаго платочка и тяжело шаркая старыми но- гами, плетется наша старушка въ пріемную. Позже, она стала принимать уже у себя въ спальнѣ, не вставая съ постели, на которой полу-лежала, одѣтая.

Прѣзжали къ ней, кромѣ знакомыхъ и дѣловыхъ людей, всѣ, кто только слышалъ о ней и интересовался, или посмотрѣть на нее, или услышать отъ нея слово совѣта или утѣшенія, и ни- кому не было отказа и всѣ находили привѣтъ и ласку. Натура у нея была тоже чисто русская, выносливая. Въ 70 лѣтъ она еще, проработавъ часто ночью, на утро имѣла силы разѣз- жать по дѣламъ, съ тѣмъ, чтобы, вернувшись, снова приняться за редактированіе, отъ котораго дома еще отвлекали ее разными мелочами, отрывая иногда даже отъ обѣда. И только изрѣдка, призывая запиской къ себѣ, чтобы помочь ей въ разборѣ ста- тей, напишетъ: „Должна была въ пяти мѣстахъ быть и все по- дѣлать,—утомилась до крайности, рада буду сердечно отдохнуть съ вами въ тихой бесѣдѣ“...

Ропота, раздраженія я отъ нея никогда не слышала; все та же тихая покорность судьбѣ, та же философія и ясность.

Не могу, чтобы не привести здѣсь, почти цѣликомъ, два ея ко мнѣ письма, одно въ лѣто 1880 года, значить въ первое лѣто изданія „Игрушечки“, вслѣдъ за постигшимъ ее горемъ, а другое въ лѣто 1882, оба написанныя мнѣ на южный берегъ Крыма,—письма, въ которыхъ такъ ясно проглядываютъ какъ эти чувства покорности судьбѣ и принятаго на себя долга, такъ и вся теплота ея чуткой, на все прекрасное и теплое отзы- вавшейся, души:

1) „Вчера получила ваше прекрасное письмо, милая, доро- гая Софья Ивановна! Спасибо вамъ за описаніе вашего, истинно поэтичнаго жилища, и вашего путешествія. Такія картины, какъ вы видите, вдохновляютъ — пишите-ка въ „Игрушечку“ о Кры- мѣ, — да хотя вашу поѣздку, вашу дачу, имѣнье Воронцова,

¹⁾ Многіе съ самаго начала принимались называть ее «бабушкой», такъ что она, сама смѣясь, называла себя «общей бабушкой». С. Д.

Царское, виноградники, и мало что еще найдется. Съ августа начинается второе полугодіе нашей „Игрушечки“—да благословить ее Господь Богъ! — вся моя надежда на Него и на ниспосланныхъ Имъ мнѣ добрыхъ друзей помощниковъ, въ небольшомъ числѣ которыхъ вы занимаете первое мѣсто, и я не разъ вспоминала наши тихія, мирныя бесѣды съ вами, и чувствую, что васъ мнѣ не достааетъ. Напишите, когда думаете возвратиться“...

2) „Милый, добрый другъ Софья Ивановна, получила вчера ваше письмо, какъ всегда сердечное, прекрасное, какъ всегда полное вами. Вѣрю и чувствую во всѣхъ васъ родныхъ душой,— вы, другъ мой, за меня крѣпко обнимите вашего дорогаго брата (точно я десятки лѣтъ знаю его и Мальвину Егоровну) и нашу добрую Мальвину Егоровну ¹⁾).

„Поѣздка ваша описана вами такъ мило, что хотъ печатать,— читала и перечитывала съ истиннымъ наслажденіемъ. Мы живемъ потихоньку, какъ вы видѣли, дѣти цѣлый день въ паркѣ ²⁾), погода стоитъ прелестная, тишина въ воздухѣ не пробудная дни и ночи, все какъ въ дремотѣ, листь не шелохнетъ, цвѣтеть, дышетъ ароматомъ волшебное лѣто. Да не въ волшебномъ-ли мірѣ и живемъ-то мы? Я больше работаю — вѣдь вся дача со всѣми расходами и заботами на мнѣ. Вообще же я благодарю Бога, что далъ мнѣ силъ духа и тѣла, почти три года,— доставлять удобную, хорошую жизнь — дорогимъ сердцу моего Володи, и чѣмъ болѣе труда и лишениій лично мнѣ это стоило, тѣмъ они дороже мнѣ становились, — быть имъ полезной мнѣ блаженство было и будетъ, а что доставляетъ намъ такое высокое душевное счастье, то, конечно, вполне овладѣваетъ и душой нашей. Такъ дѣйствуетъ это всегда на меня. Великое счастье, кто можетъ доставить такое душевное состояніе,—или кого обстоятельства къ этому приведуть“...

Это письмо было писано въ то время, какъ совершился вторичный бракъ ея невѣстки. Дочь она взяла къ себѣ, Сережа остался при бабушкѣ: разстаться съ нимъ для нея было все равно, что разстаться съ жизнью. Бабушка любила его безъ

¹⁾ Жена моего брата.

²⁾ Она жила тогда на дачѣ въ Лѣсномъ.

памяти и баловала до слѣпоты. Онъ тоже любилъ бабушку и мучилъ ее своими выходками. Онъ до того боялся потерять ее, что, маленькимъ мальчикомъ, видя, что она долго лежала съ закрытыми глазами, бросался подвигать ей вѣки, чтобы убѣдиться не умерла ли она, и приставалъ къ ней безпрестанно. Вообще онъ былъ странный мальчикъ. Ходили цѣлыя легенды объ его шалостяхъ, а между тѣмъ онъ могъ по часамъ, не трогаясь съ мѣста, прослушивать заинтересовавшіе его рассказы или чтеніе.

Въ послѣдній свой пріѣздъ въ Петербургъ, въ 1881 году, весною, И. С. Тургеневъ, узнавъ отъ меня адресъ Татьяны Петровны, которую ему хотѣлось видѣть, но у которой онъ по нездоровью быть не могъ, просилъ ее пріѣхать къ нему. Она повезла къ нему и Сережу.

— Такъ вотъ этотъ знаменитый Сережа „Дальнихъ лѣтъ“, проговорилъ Иванъ Сергѣевичъ, намекая на то, что бабушка ему посвятила свои записки.

Сережа, какъ бы проникнувшись мыслию, что находится въ обществѣ такой замѣчательной личности,—вель себя безукоризненно, такъ что Иванъ Сергѣевичъ не могъ имъ нахвалиться; а на мой потомъ вопросъ самому Сережѣ, какъ ему понравился Тургеневъ, мальчикъ съ свойственнымъ ему серьезнымъ лицомъ, съ которымъ продѣлывалъ всѣ шалости,—отвѣчалъ:

— Очень хорошій старичекъ, этотъ Иванъ Сергѣевичъ; очень онъ мнѣ понравился. Вареньемъ меня угощаль; а потомъ говорить: ты мнѣ, Сережа, послужи, передай съ того стола бумагу и перо, а я ему говорю: извольте, Иванъ Сергѣевичъ, я вамъ послужу, только вы мнѣ хорошенько расскажите, гдѣ что лежитъ. Очень хорошій старичекъ!

III.

Когда привезли изъ заграницы тѣло ея сына, Татьяна Петровна говорила мнѣ:

— Знаю я, что меня нѣкоторые въ этомъ обвиняютъ, что много издержекъ мнѣ это стоило. Но я не столько для себя это сдѣлала, какъ для дѣтей. Это связь наша съ милыми, отъ насъ упедшими, эти могилки; эту связь разрывать нельзя! Они вотъ—нѣтъ, нѣтъ, да и придутъ на могилку отца. Это важно!

Это время я ее часто заставляла грустной, но она тщательно скрывала эту грусть и не давала воли слезамъ.

— Я не люблю, чтобы люди видѣли мои слезы... Если хочется плавать, такъ я ночью поплачу, когда никто не видитъ.

Ливующее лѣто еще больше дѣйствовало на ее скорбь.

— Когда хороша погода, еще живѣй чувствуется утрата и еще грустнѣй... говорила она, вперивъ мягкій взглядъ своихъ грустныхъ, карихъ глазъ въ ярко-голубое небо, въ которомъ весело рѣяли ласточки. Природу она страстно любила. Нужно было видѣть, какъ она восхищалась, когда бывало начнешь ей рассказывать о своихъ путешествіяхъ въ Крыму или за-границей, набрасывая яркія картины природы.

— Ахъ! восторгъ! произносила она, вся сіяя такъ, какъ будто сама наслаждалась тѣми картинами, что я ей описывала, охватывая ихъ своей поэтической, чуткой душой и живымъ, юнымъ воображеніемъ.— Вотъ люди умѣютъ жить! говорила она часто про насъ и послѣ нашихъ путешествій, и про наши домашнія занятія и устраиваемые для знакомой молодежи спектакли и пр. А другіе и съ огромными средствами—сидятъ да киснутъ! А этакъ, какъ вы, это я люблю!

И она заставляла меня подробно рассказывать ей обо всемъ, сама молодѣя и блестя своими добрыми карими глазами, также какъ я должна была подробно описывать наши путешествія и въ письмахъ. Тутъ, встать, могу привести еще ея отрывки изъ двухъ ко мнѣ писемъ за-границу, въ лѣто 1884 года, когда она сама жила на дачѣ въ Петергофѣ:

Вы ¹⁾ не можете себѣ представить, милая, дорогая Софья Ивановна, какъ я люблю ваши письма, и какъ бываю всегда рада получать ихъ. Какъ это вы, моя родная, вспомнили не только что меня, но и день моего рожденья ²⁾! Благодарю и крѣпко обнимаю. А я было все поджидала васъ къ намъ въ Петергофъ; съ вами-то, не будь дива, и до Монплезира добралась бы, а то, представьте себѣ, что я и садъ-то нашъ только раза два обошла. Сижу себѣ въ своемъ угольѣ, на широкомъ креслѣ, то съ книгой,

¹⁾ Въ письмахъ она почти всегда говорила мнѣ «вы», въ разговорѣ же первые годы знакомства мѣшала «ты» съ «вы» — а затѣмъ уже окончательно перешла на «ты».

²⁾ 25-го іюля.

то съ карандашемъ — и будетъ съ меня; а кругомъ парки зеленѣютъ пышныя, фонтаны бьютъ, иллюминаціи, балы во дворцѣ, и все это я только слышу, какъ будто за тысячу верстъ отъ дѣйствительнаго Петергофа. Сбираюсь хотя бы домикъ Петра Великаго навѣстить и на море взглянуть—собраться не могу. Зато дѣти Сережа и Оля, которые поручили вамъ передать ихъ поклонны, привѣты и поцѣлуи, такъ и живутъ въ паркѣ; просятъ сказать вамъ, что помнятъ васъ, а Сережа вспомнилъ, что ему общали звѣзды показать ¹⁾, а кстати о звѣздахъ—у насъ такъ мало ясныхъ дней, что мы позабыли какой и видъ-то у звѣзд! Дождей — гибель — льютъ, правда, что не продолжительны, но сильны, и тотчасъ солнце; вечеромъ опять небо задернуто. Тепла большаго тоже не много видишь — вотъ и пишу вамъ чуть не въ темнотѣ, сумерки наступаютъ, — разберете ли вы мое писанье ²⁾? А а ваши письма точно статьи милыя, кроткія читаю и наслаждаюсь самымъ хорошимъ впечатлѣніемъ. Вотъ просьба къ вамъ, моя родная: вы теперь странствуете и много хорошаго видите, потому что умѣете все хорошее увидѣть, оцѣнить и воспроизвести перомъ; такъ вотъ опишите ваше путешествіе, ну хотя письмами ко мнѣ, а я ихъ сейчасъ и напечатаю. Пожалуйста, пишите и посылайте. Вы скажете, что объ этихъ мѣстахъ много уже писано, ну такъ чтожъ, что писано? а вы съ вашей точки зрѣнія посмотрите на нихъ и свое о нихъ скажите, а мнѣ ваше-то и надобно. Буду ждать исполненія моей просьбы“.

Второе письмо было послѣ того, какъ я, желая исполнить просьбу Татьяны Петровны, стала высылать ей для „Игрушечки“ статейки, въ видѣ писемъ дѣвочки къ ея подругамъ:

„Милыя письма ваши, моя дорогая, родная Софья Ивановна, получила—одно уже напечатано, другое печатается, третье жду. Судя по письмамъ, вамъ живется прекрасно и дай вамъ Богъ. Мы же собираемся уже на зимнія квартиры“.

„Когда же вы, другъ сердечный, на родину? — если осень будетъ тепла, то мы съ Сережей надѣмся еще на телескопъ. А какъ я смѣялась читая въ вашемъ письмѣ, какъ наши русскіе

¹⁾ У насъ въ телескопѣ.

²⁾ Всѣ письма писаны карандашемъ.

Левушки и Сережи ревомъ ревуть ¹⁾, истинно такъ нашъ Сережа и теперъ, порой, взрываетъ; смѣялся отъ души и онъ, когда я ему дочитала ваше письмо до этого мѣста, и крайне доволенъ остался. Премилыя ваши письма, жду очень продолженія,—пишите, печатаю прямо, какъ говорится съ пыла... А когда ваша милость прибудетъ въ родныя палестины? истинно жажду васъ обнять“...

Такъ какъ Т. П. уѣзжала на дачу довольно рано, а мы покидали Петербургъ не раньше первой половины юля, то, когда она жила въ Лѣсномъ, я очень часто навѣщала ее и тамъ. На дачѣ она вела почти ту же жизнь, что и въ городѣ. Такъ же, полу-лежа на своей кровати, писала или читала, съ увеличительнымъ стекломъ въ рукахъ; вуталась поверхъ бѣлыхъ головныхъ платочковъ сѣрымъ вязаннымъ платкомъ, съ головы переkreцивавшимся на груди и повязаннымъ по тальѣ, концами назадъ, не спуская тѣхъ же теплыхъ бархатныхъ сапожковъ. Рѣдко выходила она посидѣть и на балконѣ. Пройдемся мы съ ней, бывало, подъ ручку, по садику, или недалеко по аллеяѣ передъ домою. Тутъ она, не смотря на то, что на своемъ вѣку видѣла многое лучшее, — восхищается всѣмъ, всякой стройной березкой, безыскусственно раскидавшей въ воздухъ свои душистыя вѣтки, всякимъ скромнымъ цвѣткомъ, выглядывавшимъ изъ густой травы. Все наводило ее на размышленіе о „гармоніи въ природѣ“.

— Какая во всемъ гармонія, стройность, — говорила она, и глаза ея блестя восторгомъ—и въ то же время величіе и простота! Возьми ты съ самаго малаго цвѣтка; а вотъ тебѣ дерево вышло изъ маленькаго сѣмени, и все выше, стройнѣе... Такъ вотъ и во всемъ созданіи, всѣ животныя, все это развивается, крѣпнеть; вотъ тоже какъ дерево раскидывается вѣтвями, растетъ, такъ и духъ человѣка все расширяется, расширяется и, наконецъ, охватываетъ весь горизонтъ. Блескъ какой-то, какъ лучи отъ центра расходятся и все шире и шире становится!

Въ гнѣздѣ подъ крышей прощепечетъ ласточка, изъ лѣсу заунывное «ку-ку» раздастся и старушка моя умиляется и мла-

¹⁾ Въ этомъ письмѣ—изъ Австріи—я касаюсь, между прочимъ, той дисциплины воспитанія, выразившейся въ вниманіи къ приказаніямъ старшихъ, которыя поражаютъ въ тѣхъ дѣтяхъ, сравнительно съ распушенностью въ нашихъ.

денческая улыбка заиграетъ на ея губахъ и въ кроткихъ карихъ глазахъ...

Прогуляемся и опять въ комнату.

— Ну, теперь, отдохнемъ! скажетъ она, взбираясь на постельку. Довольно того, что я изъ окошка зеленъ вижу; слышу, какъ птицы щебечуть...

Но бывали случаи, что мы обѣдывали или пили чай не только на балконѣ, но даже въ самомъ саду. Это приводило Сержу въ восторгъ, извѣстный подъ именемъ «телячьяго», который рѣдко кончался тѣмъ, чтобы что либо не было пролито или разбито.

Разставанія наши передъ моимъ отъѣздомъ изъ Петербурга были всегда грустно-трогательныя, зато встрѣчи самыя радостныя.

— Кто это такой проявился? говорила она ласково-шутливо, раскрывая мнѣ на встрѣчу широкія объятія, это другъ сердечный проявился! Ну, садись и рассказывай!

И закипали снова наши нескончаемыя бесѣды.

IV.

Въ 1882 году изданіе „Игрушечки“ взялъ на себя племянникъ Татьяны Петровны, И. А. Пашковъ ¹⁾. Татьяна Петровна осталась только ея редакторомъ, получая за то отъ издателя ежемѣсячное жалованье. Это, конечно, чрезвычайно уменьшило ея хлопоты и избавило отъ разныхъ затрудненій.

Личныхъ прихотей у Татьяны Петровны совсѣмъ не было. Простота въ одеждѣ у ней доходила до крайности.

— Ты знаешь, что у меня всего три рубашки, да три ситцевыхъ капота, и довольно съ меня, куда мнѣ! говорила она, спокойно.

Покушать она, пока была здорова, любила; но и въ этомъ была до чрезвычайности проста. При томъ у нея былъ замѣчательно здоровый желудокъ, легко переносившій самыя тяжелыя русскія блюда. Любила она завести со мной иногда разговоръ о прежней русской кухни, которая въ домѣ моихъ родителей была одного съ нею времени.

¹⁾ Скопчался въ августъ мѣсяцѣ 1889 г.

— А дѣлали у васъ подѣвые пирожки, и растягаи? спросить она.

— Какъ-же! а знаете вы, Татьяна Петровна, курникъ?

— Ну! еще бы не знать! Прелесть! изъ молодыхъ-то куръ!

— Ну-съ, а щи съ головизной, да тѣльнѣе?

Татьяна Петровна только томно „хныкала“, слегка откинувъ голову назадъ. Иногда, случалось, я ее озадачивала незнакомымъ блюдомъ, и тогда надо было приступить къ точному его описанію.

Эти разговоры воскресали въ ея памяти картины прошлаго съ ихъ хозяйственными распорядками. При этомъ, какъ подтвердительно, вытаскивалась „кормилица“, всегда, гдѣ-то, по близости копошившаяся.

— У васъ, бывало, какіе запасы дѣлались, начинала она, такъ въ отдѣльной комнатѣ и висять окорока, гусиные полотки копченые... Помнишь, кормилица?

— Какъ не помнить! отзывалась кормилица, такимъ тономъ, какъ будто сердилась или, что называется: „съ зуба рветъ“. Всего было много!

— А помнишь, кормилица, домъ въ деревнѣ? спросить, бывало, Татьяна Петровна, при другомъ какомъ нибудь воспоминаніи.

— Ну, еще бы не помнить! опять „съ зуба рветъ“ кормилица—какой домъ былъ, комнатъ сколько! гостиная красная бархатная, гостиная желтая атласная...

Въ одномъ, въ чемъ только не поддакивала ей кормилица, это когда дѣло касалось разныхъ шалостей и своеволія Сережи, съ которымъ кормилица постоянно воевала.

— Я сыновей своихъ, Сашу и Володю, такъ же воспитывала, да какіе люди вышли! скажетъ бывало Татьяна Петровна, въ отвѣтъ на замѣчаніе, что она очень балуетъ внука;—вотъ кормилица помнить.

— Ну ужъ нѣтъ, буркнетъ кормилица, уже совсѣмъ въ „сердцахъ“—никогда они не были такими баловниками, какъ этотъ!

И точно: скорѣе бы, кажется, Татьяна Петровна отказала себѣ въ обѣдѣ, чѣмъ Сережѣ въ гривенничкѣ на шоколадъ, и такіе гривеннички у нея для него всегда находились.

Но если Татьяна Петровна и не была окружена излише-

ствомъ, то все же нужды и крайнихъ недостатковъ она не терпѣла. Жила она постоянно въ просторной, иногда даже слишкомъ большой, но ея крошечному семейству, квартирѣ, всегда, какъ она любила, жарко натопленной; имѣла троихъ людей для прислуги и столъ, хотя не избранный, но таковой, что не только сама съ Сережей, но если придетъ и лишній человѣкъ, то могъ быть съ нею сѣсть. Я уже раньше говорила, что она была чрезвычайно гостеприимна и что пузатый самоваръ игралъ свою роль чуть не цѣлый день.

— Вареница намъ, кормилица; какое тамъ есть, всякое давай. Кофею не хочешь ли? У насъ и сливки есть, чудесныя! Сейчасъ за мягкимъ хлѣбомъ пошлю!—И она звонила въ электрической звонокъ, стоявшій на столѣ.

Мною она всегда была недовольна, если я не оставалась у нея обѣдать, и первымъ вопросомъ, послѣ „здравствуй“, было:

— Ты со мной пообѣдуешь?—Если отвѣтъ былъ отрицательный, то я награждалась эпитетомъ:—ну, и выходить, что ты тетеря!—или:—Ахъ, ты, Митрофанъ! Затѣмъ слѣдовало:—ну, а теперь садись ко мнѣ поближе, вотъ такъ, отъ свѣта, чтобы я тебя лучше видѣла.

При прощаньи тоже непременно прибавлялось: — прїѣзжай, голубчикъ, ко мнѣ на цѣлый день, пообѣдать. Хочешь, щи кислые закажу съ кашей? А то и пирогъ загнемъ; бабушка и это можетъ!

Иногда она сама принималась дѣлать пирожки, для чего ей въ спальню приносилось тѣсто, которое она тщательно раскатывала. Разъ же на дачѣ, на кухнѣ, готовила при мнѣ кўрникъ.

Даже въ запискахъ, приглашавшихъ къ себѣ, постоянно стояло:—прїѣхать пообѣдать.—Вотъ, напр., въ одномъ письмѣ, въ отвѣтъ на мое, что я была не совсѣмъ здорова: „Что это съ вами, голубчикъ,—ужъ намъ-то въ 70 лѣтъ и слѣдъ киснуть, а вамъ-то ранымъ-рано. Берегите себя, а все-таки въ субботу прїѣзжайте уху со мною кушать—я вѣдь постъ держу“.

Обѣды эти были, большею частію, очень безпорядочныя какъ по сервировкѣ, такъ и по составу,—но всегда сытныя. Последніе года обѣдала она всегда въ своей комнатѣ. Прїѣду я къ ней пораньше иногда, чтобы заняться и до обѣда, но это вслѣдствіе

разныхъ визитовъ какъ дѣловыхъ, такъ и бездѣльныхъ, не всегда удавалось. Прочтемъ что нибудь изъ принесенныхъ статей, потолкуемъ. Затѣмъ столъ подлѣ кровати пообчистятъ и тутъ же мы садимся за обѣдъ; иногда втроемъ, иногда вдвоемъ, если Сережа обѣдаетъ у матери. Обѣды бывали иной разъ такіе, что подавался сначала супъ, а потомъ уха; а то помню и такой обѣдъ: послѣ супа рябчики, потомъ печеная брюква, а потомъ венегредъ. Но только могу констатировать фактъ, что старушка не голодала, и могла всегда накормить гостя, а порой и гостей.

Не забыть мнѣ одного такого приглашеннаго обѣда, особенно приготовленій къ нему. Это было еще на ея первой квартирѣ, въ Малой Подъяческой. Не задолго передъ тѣмъ она познакомилась съ извѣстной художницей прелестныхъ силуэтовъ Елизаветой Меркурьевной Бемъ и ея сестрами Е. М. и Л. М. Эндауровыми ¹⁾, и очень ихъ полюбила, что было понятно при чрезвычайной симпатичности всѣхъ троихъ. Въ тотъ день, когда Татьяна Петровна пригласила ихъ къ себѣ на обѣдъ, она чувствовала себя не совсѣмъ здоровой и побоялась выйти въ столовую. Рѣшено было обѣдать у нея въ спальнѣ, для чего однако обычный столъ оказался малъ. Столъ изъ столовой былъ слишкомъ массивенъ для переноски, другаго подходящаго не оказалось; остановились на большомъ столѣ изъ кухни. Притащили его въ спальню; всѣмъ бы хорошъ, только ножки высоки—неудобно будетъ около него сидѣть. Что дѣлать? „Укоротить ножки!“ рѣшила Татьяна Петровна съ разсылнымъ Дмитриемъ. Сережа ликуетъ! Явилась пила; столъ повалили бокомъ на полъ, Дмитрій вооружился пилой, кормилица навалилась на столъ, чтобъ онъ не качался, Сережа сѣлъ верхомъ на ту ножку, на которой работали, чтобы ее придерживать. Свистить пила, кряхтитъ кормилица, искрами летятъ стружки, а время летитъ и не успѣла окоротиться послѣдняя ножка, какъ въ передней раздался звонокъ. Гостей позадержали въ гостиной, межъ тѣмъ, какъ въ спальнѣ водворяли порядокъ и накрывали на столъ, и все это не помѣшало обѣду пройти очень весело.

---

¹⁾ Любовь Меркурьевна Эндаурова, художница тѣхъ прелестныхъ акварельныхъ цвѣтовъ и насѣкомыхъ, что невольно привлекаютъ вниманіе каждаго на акварельныхъ выставкахъ.
С. Д.

Да, любила старушка угостить, а притомъ, своимъ любвеобильнымъ сердцемъ готовая каждому оказать посильную помощь, она часто говаривала:

— Нѣтъ у меня лишнихъ денегъ: не могу помочь рублемъ, а приютить и накормить всегда могу!

И точно: какого у нея, бывало, не увидишь народу, приютившагося на время или въ ея комнатахъ, или на кухнѣ! Мужикъ-ли изъ деревни, почему-либо знакомый Татьянѣ Петровнѣ; сестра-ли горничной, потерявшая мѣсто; дочь-ли кухарки, приѣхавшая съ фабрики на побывку; сельскій-ли священникъ со сборомъ,—все это временами находило приютъ у Татьяны Петровны, все это кормилось отъ ея крохъ и принимало ласку ея широкаго сердца. Даже временами гащивали у нея какія-то грязныя собаки, съ какими-то странными именами, которыя потомъ куда-то исчезали и замѣнялись другими, такими же уродливыми и грязными; всѣ эти Михайлы Константиновны—Амишка тожь,—Моца и другія. На постели у нея всегда покоилась какая нибудь тоже грязная или покалѣченная кошка, одна изъ тѣхъ, которыхъ Сережа притаскивалъ ей со двора. Эта симпатія къ животнымъ распространялась и на чужихъ собакъ и кошекъ, о которыхъ она съ интересомъ спрашивала.

Оригинальная тоже была у нея прислуга: какихъ-то особенныхъ подбирала она, полу-деревенскихъ, дурковатыхъ горничныхъ.

— „Люблю я такихъ простыхъ! Вотъ смотри, какая ходитъ: довольна собой, предовольна; улыбается во весь ротъ. Ахъ, какъ хороша!“—И Т. П. добродушно смѣялась почти въ лицо новой горничной.

Самое лучшее время для нашихъ совмѣстныхъ занятій было уже послѣ обѣда, когда мы оставались съ ней вдвоемъ. Статей у нея накоплялось много, цѣлыя портфели. Станемъ ихъ перебирать; я ей кое-что читаю вслухъ.

— Мило! Это мы возьмемъ, говорила она по временамъ, слушая мое чтеніе; или:—нѣтъ, это прочь, не надо!

Подбираемъ номеръ, держимъ принесенныя корректуры. Иногда при чтеніи она вдругъ засыпала, такъ полу-сидя. Я переставала читать. Но проходило минуты три, пять и снова открывала глаза.

— Я, кажется, вздремнула минутку? Мало нынче ночью спала.

И снова, освѣженная, принималась слушать. Поработаемъ, а тамъ и примемся бесѣдовать. О чемъ только, бывало, не переговоримъ, отъ гусиныхъ полотвовъ до философскихъ вопросовъ включительно! Много она тоже рассказывала изъ своего прошлаго: о тѣхъ интересныхъ личностяхъ, въ кругу которыхъ вращалась; о разныхъ эпохахъ изъ своей и чужой жизни. Рассказывала она прелестно; рѣчь лилась у ней свободно, проста и красива, и люди выходили совсѣмъ живыми. За ней можно было стенографировать и прямо печатать. Много было тоже юмора въ ея рассказахъ, такъ что мы обѣ, нерѣдко, принимались хохотать. И какъ она при этихъ рассказахъ оживлялась, глаза блестятъ! Представить она и посадку и тонъ изображаемаго лица и такъ вамъ и видится, какъ этотъ, довольный собою, франтъ „скользить... скользить...“ или какъ распустилъ губыя, „кислятина“. Разъ какъ-то разговорились мы о русскихъ народныхъ пѣсняхъ, которыми она и стала восхищаться. Подъ конецъ:

— Давай-ка пѣть! говорить.

И затянули мы втроемъ—Сереза былъ тутъ же—„Вниз по матушкѣ по Волгѣ“.

Обстановка ея спальни почти не измѣнялась, съ перемѣной квартиры. Изъ Малой Подъяческой—откуда она, съ большимъ огорченіемъ, должна была переѣхать по причинѣ фундаментальной перестройки всего дома—перебралась она въ Саперный переулокъ, а затѣмъ, недолгое время проживъ въ квартирѣ племянника своего И. А. Пашова, въ домѣ министерства иностранныхъ дѣлъ,—переселилась на Глазовую улицу. Переселеніе это привело въ ужасъ всѣхъ ея знакомыхъ, которымъ предстояло удовольствіе забираться въ эту глушь, наполненную кабаками и трактирами. Но Татьяну Петровну всего болѣе прелестила встрѣченная ею въ квартирѣ лежанка, ради которой она не замѣчала ничего другаго.

— Захотятъ бабушку видѣть—и тутъ ее найдутъ, говорила она.—Я вѣдь не знаю чтó на улицѣ дѣлается, а здѣсь мнѣ прекрасно: тихо, тепло!

Въ это время она выѣзжала уже только два раза въ годъ:

на дачу и съ дачи, хотя постоянно говорила о томъ, что какъ немного поокрѣпнетъ, прїѣдетъ къ намъ на цѣлый день и ночевать останется, что дѣлывала прежде, когда проводила у насъ цѣлые вечера нашихъ „jours fixes“, очаровывая все общество своей милой бесѣдой и сердечной простотой.

Когда Татьяна Петровна была болѣе въ силахъ, она нѣсколько разъ пыталась завести и у себя jours fixes, на которыхъ собирались бы сотрудники журнала „Игрушечка“. Два или три такихъ „понедѣльника“ удалось ей устроить во время ея прожитія въ Саперномъ переулкѣ, къ немалому удовольствію Сережи, ликовавшаго принимая гостей. Каждый новый звонокъ приводилъ его въ восторгъ и заставлялъ немедленно высказывать въ прихожую. Въ такіе вечера все носило на себѣ торжественный видъ. Гости принимали въ салонѣ, на столѣ котораго ярко горѣла лампа, съ треснутымъ колпакомъ. Чай подавали по всѣмъ правиламъ свѣтскости. Старушка разсыпалась въ любезностяхъ, сидя на голубомъ штофномъ диванѣ; Сережа былъ самымъ предупредительнымъ кавалеромъ. Собиралось не много, но было очень пріятно. Понедѣльники эти скоро, однако, прекратились. Татьяна Петровна уставала, иногда прихварывала. Она начала прихварывать именно съ этой зимы, 1884 года. Помню, прихожу я разъ къ ней; лежитъ она въ своей кровати грустная такая, одинокая, а подлѣ нея, на столѣ, миниатюрныя фарфоровыя игрушки: собачки, зайчики, которыя она перебираетъ и расставляетъ.

— Вотъ смотри, другъ сердечный, совсѣмъ бабушка въ дѣтство перешла; въ игрушки играетъ. И это, ей Богу, меня забавляетъ; говорила она, меланхолически-кротко улыбаясь.

Я обѣщалась прислать ей фарфоровую кошечку и послала въ тотъ же вечеръ, съ прибавкой фарфороваго же кузовка съ грибами. Она отвѣчала мнѣ такими словами, въ отвѣтномъ письмѣ:

„Мурка и кузовокъ съ грибами меня въ восторгъ привели. Спасибо сердечное, другъ мой, спасибо, — я уже въ игрушки играю, такъ стара становлюсь“...

Лечиться ни отъ какихъ болѣзней она не любила, и докторовъ не призывала. Развѣ гофманскихъ капель приметь, или травку какую-то, — которую ей, много лѣтъ тому назадъ, деревенская баба рекомендовала, — пьеть.

— Это, другъ мой, уже старость; тутъ лекарства не помогутъ! скажетъ, бывало, со спокойнымъ, свѣтлымъ взглядомъ.

Разъ, еще во время ея горячей дѣятельности, застала я ее пишущей бойко, съ двумя лепешками изъ чернаго хлѣба на вискахъ.

— Угорѣла! Эта тетеря кормилица напихала дровъ въ печку, да и закрыла съ угаромъ! — И она прижимала поплотнѣй къ вискамъ свои лепешки, продолжая толковать о дѣлѣ, или писать съ увеличительнымъ стекломъ въ рукахъ, съ которымъ и читала и писала.

И натура была у нея желѣзная, и воля необыкновенная!

V.

Въ 1886 году „Игрушечка“ стала выходить только для младшаго возраста ¹⁾, что для Татьяны Петровны было легче, избавляя ее отъ лихорадочно-поспѣшной, постоянной работы надъ еженедѣльнымъ журналомъ старшаго возраста. Но энергичная старушка, не довольствуясь одной этой работой, задумала писать опять для „Русской Старины“ нѣкоторыя изъ своихъ воспоминаній, въ которыхъ особенно касалась Герцена и Огарева.

Какъ образецъ удивительно сохранившейся у нея памяти служить ея ко мнѣ записка, относящаяся именно къ этому времени, написанная въ томъ бодромъ, слегка юмористическомъ духѣ, который проявлялся и среди ея трудовъ:

„Другъ сердечный Софи! я къ вамъ съ покорнѣйшей просьбой — сдѣлай величайшее одолженіе, отыщи въ „Игрушечкѣ“ для взрослыхъ“ — статью мою о Гарибальди — когда я съ Огаревымъ о немъ говорю (эта статья еще такъ понравилась всѣмъ вашимъ) и пришли мнѣ съ подательницей этой записки. У тебя, вѣроятно, всѣ номера „Игрушечки“ цѣлы: вы люди порядка, не то, что мы. У меня нѣтъ ни одного экземпляра «Игрушечки». Эта статья была писана, когда мы жили на дачѣ Сальяса ²⁾, въ годъ замужества Елены Ефимовны ³⁾, такъ

¹⁾ Съ 1884 г. «Игрушечка», кромѣ старшаго, стала, разъ въ мѣсяць, выпускать №№ для младшаго возраста.

²⁾ Въ Лѣсноѣ.

³⁾ Невѣстка Татьяна Петровна.

помнится. Ты, другъ, сдѣлаешь мнѣ этимъ великое одолженіе, а мы за это за васъ Бога будемъ молить и не забудемъ по гробъ нашей жизни. Отыскать, думаю, можно — вѣроятно всѣ №№ въ цѣлости и порядкѣ, а у меня нѣтъ ни одного. Въ увѣренности вашей дружбы и милости обнимаю сердечно преданная бабушка Т. Пасекъ“.

„Вашимъ дружескій привѣтъ—Бобкѣ ¹⁾ лапку жму“.

Пропажей всѣхъ какъ нумеровъ „Игрушечки“, такъ и многихъ другихъ книгъ, составлявшихъ когда-то довольно полную бібліотеку Татьяны Петровны, она была обязана служившему у нея, въ качествѣ разсылнаго, первые годы изданія журнала, человѣку, понемногу продававшему ихъ, какъ потомъ оказалось, по лавочкамъ. Я уже говорила въ началѣ моихъ воспоминаній, что чистая и безхитростная сама, наша дорогая старушка не рѣдко попадала на людей, злоупотреблявшихъ ея довѣрчивостью и обиравшихъ ее насколько было возможно. Такъ было при началѣ изданія журнала, когда нѣкоторые изъ „случайныхъ“ сотрудниковъ забирали у нея деньги впередъ за статьи, рисунки или клише, не представляя никогда обѣщаннаго и не возвращая, конечно, денегъ; такимъ же образомъ, подъ конецъ своей жизни, она осталась съ самымъ ничтожнымъ количествомъ посуды, благодаря одной „благородной и воспитанной дамѣ“, которую старушка знала еще чуть не дѣвочкой. Приѣхавъ въ Петербургъ уже съ семействомъ, эта дама снова вкралась къ Татьянѣ Петровнѣ, чуть не жила у нея, а когда та мѣняла квартиру, уѣзжая въ деревню, предложила одну изъ ея корзины съ прекрасной посудой и другими вещами поставить на свою квартиру. Этихъ вещей Татьяна Петровна больше не видала, не смотря на многократное о нихъ напоминаніе „благородной дамѣ“, тщательно отъ нея увертывавшейся...

Этотъ недостатокъ посуды особенно ощутился въ первый послѣ того „Татьянинъ день“ ²⁾, когда на три прекрасныхъ пирога, — изъ которыхъ одинъ былъ испеченъ имянинницей, а другіе принесены ей въ даръ, — оказалось по одной тарелкѣ на нѣсколько персонъ, и постолько же ножей и вилокъ. Татьянинъ день былъ вообще днемъ памятнымъ для всѣхъ любившихъ

¹⁾ Нашъ мопсикъ, котораго Т. П. очень любила.

²⁾ 12-го января, день ангела Татьяны Петровны.

и уважавшихъ „общую бабушку“. Этотъ день,—что продолжалось до ея смерти,—былъ днемъ встрѣчи многихъ, видѣвшихся, послѣдніе годы, именно только въ этотъ день. Визиты начинались съ раннаго утра и продолжались до поздняго вечера. Одни пили только шоколадъ, — варившійся всегда, вслѣдствіе неумѣлости простоватыхъ слугъ, неизмовѣрно долго,—и ѣли привезенные пироги; другіе оставались или пріѣзжали къ обѣду; третіе—вечеромъ. Привозились разнородные подарочки ¹⁾, которыми старушка восхищалась, какъ ребенокъ игрушками: сладкіе пироги, торты, коробки конфетъ, фрукты и проч. Впослѣдствіи, когда Татьяна Петровна почти не покидала своей спальни, визиты тамъ и сосредоточивались, одни смѣняя другіхъ у кровати, на которой полулежала, встрѣчавшая всѣхъ съ пріѣтомъ, именинница. Подлѣ, на столѣ, возвышалась цѣлая груда писемъ и телеграммъ, съ поздравленіями. Угощенье не прекращалось; гости безъ умолку болтали съ именинницей и другъ съ другомъ, довольные своей ежегодной встрѣчей. Старушка подъ конецъ совсѣмъ утомлялась и слабѣла.

Осенью 1885 года Сережа поступилъ въ гимназію. Татьяна Петровна стала сама съ нимъ переживать жизнь гимназиста. Просыпалась въ шесть часовъ, чтобы его разбудить и снарядить, приготовить ему завтракъ. По возвращеніи его изъ гимназіи, она выслушивала всѣ подробности школьной жизни, отъ отвѣченныхъ уроковъ до кулачныхъ боевъ вклучительно; просматривала его тетради и даже, пока не взяла ему репетитора, заучивала вмѣстѣ съ нимъ латинскія слова.

Слѣдующее затѣмъ лѣто, 1886 г., проведя въ деревнѣ Пельгоры, за Любанью, возвратясь оттуда, Татьяна Петровна съ восторгомъ рассказывала о томъ, что ей удалось познакомить Сережу съ настоящей деревенской жизнью, съ крестьянскимъ трудомъ; что онъ справлялъ съ крестьянами всѣ полевыя работы, а съ сельскимъ дьячкомъ всѣ службы по уборкѣ церкви.

— Я хочу, чтобы онъ зналъ народъ и любилъ его! говорила она.

---

¹⁾ Между ними былъ всегда «красный» ситчекъ на блузу, привозимый нынѣшней издательницей «Игрушечки»—А. Н. Тюфяевой. С. Л.

Сама она восхищалась тишиной своей деревенской жизни, въ огромномъ домѣ, съ огромнымъ тѣнистымъ садомъ, на который она больше любовалась изъ окошечка, передъ которымъ „тихо качали своими вѣтвистыми вершинами старыя деревья“...

Вернувшись изъ деревни уже на Глазовую улицу, въ квартиру съ лежанкой, на которую она иногда забиралась съ ногами, — Татьяна Петровна стала жаловаться на боль въ боку, приписывая ее тому, что посуетилась при переѣздѣ. Однако боль эта держалась довольно упорно, и вообще старушка начала опять чаще прихварывать, ссылаясь все на свою прежнюю застарѣлую болѣзнь, причемъ спокойно прибавляла: „Жестокая эта моя болѣзнь, отъ нея уже одна могила вылечить! вотъ чтѣ, другъ сердечный“!

Съ весны 1887 года Татьяна Петровна стала еще чаще прихварывать и слабѣть, такъ что, не докончивъ года, передала журналъ „Игрушечку“ новой издательницѣ и редактору А. Н. Тюфяевой, писавшей подъ псевдонимомъ „Толивѣревой“.

Сдавъ „Игрушечку“, Татьяна Петровна, однако, не почила на лаврахъ. Ея дѣятельная натура не могла оставаться въ бездѣйствіи. Она приступила къ разборкѣ своихъ бумагъ, своихъ давно начатыхъ произведеній, мечтая кое-что изъ нихъ окончить и издать. Читала мнѣ нѣкоторыя изъ этихъ, очень живыхъ, небольшихъ рассказчиковъ, и законченныхъ и только набросанныхъ, остановившись болѣе серьезно на давно задуманной ею статьѣ „о судьбѣ женщины съ древнѣйшихъ временъ“ — нѣкоторыя страницы которой были такъ хороши, что не требовали редакціи. Надъ ней мы и начали было прилежно работать, такъ какъ она непремѣнно хотѣла проредактировать ее вмѣстѣ со мной. Душа ея была еще такъ молода и свѣжа, что, не смотря на слабость физическихъ силъ, старушка постоянно жила иллюзіями, заглядывая далеко впередъ, мечтая и о продолженіи своихъ записокъ, что, по счастью, довела до конца, — а затѣмъ поговаривая о томъ, чтобы приняться за изданіе того энциклопедическаго журнала для юношества, который когда-то задумывалъ еще ея покойный мужъ, Вадимъ Васильевичъ. Она все еще чувствовала въ себѣ довольно силы, чтобы держать свою „свѣчку“.

— Всякій долженъ держать свою свѣчку, какая по рукамъ придется — говаривала она; — да такъ ты ее и держи, чтобы

отъ нея и другіе, если захотятъ, могли бы свѣтъ зажечь. Чѣмъ больше отъ твоей свѣчки зажглось, тѣмъ лучше. Рука опустится, а другія, что отъ нея зажглись, горятъ и отъ нихъ еще зажгутся свѣчки, такъ свѣтъ въ людяхъ и не гаснетъ. Таеъ-то, другъ сердечный! Вотъ и наша „Игрушечка“—маленькая свѣчечка, которая тоже свѣтъ, какой ни есть, а разливаетъ. Отъ нея дурному никто не научится! Вотъ и ты держишь въ ней свою свѣчечку и держи крѣпко!

Иногда находили на нее минуты тоски; тогда она начинала говорить о смерти.

— Устала я, другъ сердечный, отъ всей жизни устала; хочется и на покой; къ своимъ милымъ пора!

Весной 1888 года она опять прихворнула и очень ослабла. Лѣтомъ хотѣлось ей,—какъ и въ два предыдущіе года,—ѣхать въ таеъ полюбившуюся ей деревню Цель-горы; но для Серези нужны были болѣе серьезныя занятія, которыми онъ, въ продолженіе каникулъ, долженъ былъ пользоваться въ домѣ своей матери, переѣхавшей на дачу въ Павловскъ, и Татьяна Петровна, не долго думая, тоже изъявила желаніе нанять дачу въ Павловскѣ, что и было исполнено. Я нѣсколько разъ посѣтила ее тамъ, до своего отъѣзда въ Крымъ. Лѣто стояло холодное и дождливое; старушка переѣхала рано и сразу простудилась въ сырой дачѣ, съ старыми оконными рамами, широкія щели которыхъ надо было законопачивать чѣмъ ни попало. Когда я въ первый разъ пріѣхала къ ней тогда, то нашла ее на постелѣ окутанною платками и одѣялами и такую слабою, что въ первую минуту она даже меня не узнала; но, узнавъ, такъ обрадовалась, что прослезилась и начала описывать мнѣ всѣ свои болѣзни и бѣды. Дача была помѣстительная, но съ погребнымъ воздухомъ, который еще сохранялся оттого, что старушка, напуганная своей простудой, боялась отворять окна и въ теплые, ясные дни. Являясь къ ней въ хорошую погоду, я тотчасъ же отворяла настежь балконныя двери и окна. Старушка слегка поваркивала, но слушалась.

Пробывъ у нея первый разъ не долго, я дала ей слово пріѣхать къ ней съ утра, на цѣлый день, что вскорѣ и исполнила. Старушка тутъ была довольна одинока, такъ какъ Сереза цѣлый день былъ у матери. Очень мнѣ обрадовавшись, она объявила,

что худо себя чувствуетъ, такъ какъ ночью много работала, торопясь отправить въ типографію листы третьей части своихъ записокъ, которыя она начала печатать, отдѣльной внягой. Притомъ жаловалась и на желудокъ.

— Да вы не скупали-ли чего тяжелого? спросила я.

— И это правда; вчера на ночь большой кусокъ ветчины съѣла, отвѣчала она, совершенно спокойно. Леля ¹⁾ спрашиваетъ: мама, что тебѣ прислать?—А я узнала, что у нея ветчина хорошая, и попросила ветчины. Славная такая ветчина, она мнѣ большой кусокъ прислала, а я все и съѣла. Вѣдь большой кусокъ былъ, Маша? спросила она горничную.

— Какъ же, Татьяна Петровна, очень большой! замѣтила. съ укоромъ, Маша.

Но ея нездоровье не помѣшало намъ приняться за новыя, только что присланныя изъ типографіи, корректуры, въ которыхъ нужно было сдѣлать довольно сложныя измѣненія. Разъ, среди работы, съ ней былъ довольно продолжительный приступъ внутреннихъ болей, которыя она приписывала не столь серьезной болѣзни, какъ та, которая и была смертельной. Однако, она со мной пообѣдала; но только, вслѣдствіе ли болѣзни или одиночества, она была настроена грустно, и часто возвращалась въ мысли о смерти.

— Пора, другъ сердечный, устала я! Знаю, что ты поплачешь обо мнѣ и не забудешь, придешь на бабушкину могилку... Да, не скоро вамъ нажить другой такой бабушки... Я васъ любила всѣхъ, и знаю, что вы бабушку любили... Тебѣ я вѣрю, что ты меня любишь... Ты мой истинный другъ!.. И вотъ Софи,—продолжала она,—я и тебѣ это подтверждаю, и Лелѣ объ этомъ говорила; ты ей напомни объ этомъ, потому... чтобы меня положили въ простомъ, крашеномъ гробѣ и надѣли на меня капотикъ, бѣлый тифтиковый, съ голубенькими цвѣточками; это послѣдній подарокъ Володи; я его только разъ, къ причастію, надѣвала....

Къ сожалѣнію, эта послѣдняя воля Татьяны Петровны не могла быть исполнена. потому что невѣстка ея, Елена Ефимовна, помнившая это желаніе старушки и желавшая его исполнить,—не нашла капотика въ вещахъ ея скуднаго туалета, растаскан-

¹⁾ Ея невѣстка.

наго, безъ зазрѣнія совѣсти, „простенькой“ прислугой, за которой не могла слѣдить старая, почти выжившая изъ ума, вор-милица....

VI.

Въ сентябрѣ 1888 г., вернувшись изъ Крыма и тотчасъ же навѣстивъ Татьяну Петровну, я была поражена происшедшей съ ней переменой: она сильно исхудала и ослабѣла. Она жила уже на другой квартирѣ, въ той же Глазовой улицѣ, сама ее себѣ и выбравъ изъ пяти, осмотровѣнныхъ ею, квартиръ.

Квартира была во 2-мъ этажѣ, очень,—даже слишкомъ,—большая, съ огромной залой и цѣлымъ рядомъ комнатъ, одна изъ которыхъ даже, за неимѣніемъ другаго назначенія, получила наименованіе „чайной“. Сама Татьяна Петровна, для перемѣны воздуха, переселялась изъ одной комнаты въ другую, работая то въ „кабинетѣ“ Сережи, то въ его спальнѣ, то въ своей. Но работать она все же не переставала; напротивъ, работала усердно, спѣша докончить издаваемую книгу, послѣдніе листы которой она еще дописывала. Сама она писать уже не могла, а диктовала, постоянно въ такихъ случаяхъ работавшей у нея, А. П. Зассергагенъ, особѣ очень дѣльной, много лѣтъ бывшей помощницей извѣстной дѣтской писательницы, Самойловичъ.

Татьяна Петровна любила всегда прочитывать мнѣ свои рукописи и, имѣя довѣріе къ моимъ взглядамъ, кое въ чемъ со мной посовѣтывалась. Я и тутъ восхищалась ея слогомъ, не потерявшимъ ни своей свѣжести, ни ясности и простоты. Когда мы дошли съ ней до той главы, гдѣ она описываетъ дѣтство Каткова—такъ живо набрасывая картину обстановки и образа жизни его родныхъ,—она стала совѣтываться со мною: слѣдуетъ ли ей распространяться о его дѣятельности, говоря, что она совсѣмъ не хочетъ писать его біографіи, или критики, какъ публициста. Я совершенно съ нею согласилась, прибавивъ, что послѣ его смерти писались о немъ цѣлые тома, такъ что новаго ничего не скажешь, а читателямъ интереснѣе будетъ прочесть тѣ картины его дѣтства, о которыхъ въ этихъ томахъ не было говорено, посовѣтывавъ еще распространить описаніе обстановки и обычаевъ того времени, имѣющихъ интересъ бытовыхъ картинокъ.

Съ этой осени, Сережа прямо изъ гимназіи сталъ отправляться къ матери, гдѣ оставался цѣлый день, репетируя свои уроки, и возвращался къ бабушкѣ только вечеромъ. Такимъ образомъ старушка оставалась бы совсѣмъ одна, если бы ей не пришла мысль отдать одну изъ своихъ многочисленныхъ комнатъ въ наймы молодому человѣку,—сыну ея старинныхъ московскихъ друзей,—служившему въ Петербургѣ, который относился къ ней съ чрезвычайной заботливостью и вниманіемъ. Но все же ей много приходилось оставаться одной, уже совсѣмъ не покидая постели, по временамъ только переходя съ кровати на диванъ, стоявшій у другой стѣны. Взгляды ея стали теперь еще болѣе глубокими и философскими.

— Лежу я вотъ такъ одна,—говорила она мнѣ,—и все думаю, все думаю .. и такъ я до многаго теперь додумалась, такъ мнѣ многое стало понятно, чего я прежде не понимала! Точно будто горизонтъ передо мною расширяется, расширяется... Помню, когда я еще молода была, также я послѣ болѣзни лежала и вижу я, какъ бы не во снѣ, что около меня свѣтъ какой-то появился, и стали отъ него отдѣляться лучи, все шире, шире, все стремясь вверхъ, къ какому-то центру, и мнѣ самой такъ легко стало, будто и я отъ земли отдѣляюсь и тоже стремлюсь туда, вверхъ... Вотъ я и теперь тоже ощущаю... И знаешь,—добавила она, таинственно,—говорятъ, что къ старости глупѣютъ, а я, напротивъ, поумнѣла, право поумнѣла!...

О своихъ болѣзненныхъ ощущеніяхъ и схватывавшихъ ее, по временамъ, сильныхъ внутреннихъ боляхъ она рассказывала совершенно спокойно, будто говоря о чемъ-то постороннемъ, иногда даже въ юмористическомъ духѣ, и все чаще говорила о смерти, повторяя, что устала, что ей хочется спокойствія и тишины... Матерьяльнымъ своимъ положеніемъ она была вполне довольна. Восхищалась своей квартирой, которую могла натапливать вволю, такъ какъ она была съ дровами, да еще хозяинъ имѣлъ дровяной дворъ и дрова жильцамъ отпускались широко.

— «Много-ли мнѣ нужно-то? говорила она, — вѣдь ты знаешь, мнѣ теперь Юрій ¹⁾ дастъ 100 рублей въ мѣсяцъ: «Вы, говорить, бабушка, этимъ не стѣсняйтесь: мы всѣ ваши долж-

¹⁾ Нечасъ-Мальцевъ. Онъ былъ товарищемъ старшаго сына Т. П., Александра, и въ молодости постоянно бывалъ въ ихъ кругу. Помни ласки Т. П., онъ относился къ ней всегда съ вниманіемъ и уваженіемъ. С. Л.

ниги; что въ насъ есть хорошаго, этимъ мы всѣ вамъ же обязаны!» Спасибо, что помнить добро; значить, хорошій человекъ!»

Къ тому же она знала, что ея племянникъ и крестный сынъ И. А. Пашковъ, всегда заботившійся о ней, какъ родной сынъ, и ея невѣстка, не перестававшая относиться къ ней съ любовью и уваженіемъ,—никогда не допустили бы ее до нужды.

Въ „Татьянинъ день“ 1889 г., какъ всегда, собралась къ именинницѣ толпа гостей, смѣнявшихъ одни другихъ. Именинница принимала ихъ всѣхъ этотъ разъ въ полномъ дезабилье, на постелѣ, подъ одѣяломъ, изъ-подъ котораго выставлялись плечи, поверхъ рубашки крытыя легкимъ вязаннымъ платкомъ.

— Мнѣ все тяжело, говаривала она послѣднее время,—жарко. Мнѣ кажется, что меня самое мое тѣло тяготитъ; такъ бы я его и сбросила!

Даже обычныхъ своихъ старенькихъ платочковъ не носила она болѣе на головѣ, распуская свои жиденькія сѣдыя косички.

Обычный шоколадъ „Татьянина дня“ на этотъ разъ былъ еще курьезнѣе, такъ какъ „простенькая“ прислуга оказалась вся неумѣлая въ этомъ дѣлѣ, и имѣя въ своемъ распоряженіи, на разныя приправы, пять бутылокъ молока, бухнула все въ кастрюлю, на одну палку шоколада. Общими силами, съ прибавкой всего отыскавагося и у Сережи и между принесенными подарками шоколада, удалось устроить, черезъ долгое время, приличный напитокъ, въ приправахъ къ которому, въ видѣ сладкихъ пироговъ, пирожныхъ и проч., недостатка не было.

Послѣдніе мѣсяцы жизни Татьяна Петровна не переставала работать, за двѣ недѣли до смерти продиктовавъ послѣднія страницы своихъ записокъ. Состояніе ея здоровья было переменное: она то совсѣмъ ослабѣвала, чувствуя сильныя боли, то снова оживлялась, но все продолжала худѣть и мало кушала. Я, каждый разъ, покидая ее, уѣзжала съ мыслию, что, быть можетъ, не увижу больше ее живой, и она больше чѣмъ когда либо задерживала меня при прощаньи. Какъ встрѣчи, такъ и прощанья были всегда чрезвычайно вѣжныя. Я всегда и прежде, здороваясь и прощаясь, цѣловала у нея руку; но этотъ послѣдній годъ, прощаясь со мной, она непремѣнно требовала, чтобы при этомъ и я давала ей поцѣловать свою руку и очень была довольна, если я исполняла ея желаніе:

— Такъ я больше люблю! говорила она, и всегда меня крестила на прощаньи.

Заѣхавъ къ ней не надолго передъ Великимъ постомъ, я нашла ее очень слабой. Остаться у нея, какъ она просила, обѣдать не могла, сказавъ, что лучше прїѣду на цѣлый день на первой недѣлѣ поста.

— Ну, хорошо, прїѣзжай на грибы да капусту.

Однако, на первой недѣлѣ мнѣ прїѣхать не удалось; а между тѣмъ я написала къ Е. М. Бемъ, прося ее назначить свободное утро, когда бы мы могли сойтись у Татьяны Петровны, съ тѣмъ, чтобы она ее срисовала, прибавивъ: „Торопитесь, наша старушка очень слабѣетъ“. Дѣло въ томъ, что еще годъ передъ тѣмъ Татьяна Петровна, прежде рѣшительно всѣмъ намъ отказывавшая въ просьбѣ снять съ себя фотографію, отговариваясь тѣмъ, что она не соглашалась на то и для своихъ повоинныхъ сыновей,—наконецъ, согласилась на то, чтобы Е. М. Бемъ сдѣлала съ нея силуэтъ. Какъ нарочно, это было уже предъ лѣтомъ; пошли разные помѣхи то съ той, то съ другой стороны. Этотъ разъ, къ счастью, дѣло устроилось. Елизавета Меркурьевна назначила мнѣ утро на второй недѣлѣ поста, именно, 3-го марта 1889 г. Меня она просила быть въ это время тамъ для того, чтобы я занимала Татьяну Петровну разговорами, пока она будетъ рисовать.

Прїѣхавъ, я нашла уже Е. М. тамъ ожидавшею въ залѣ пробужденія Татьяны Петровны, которая, проведя дурно ночь, теперь крѣпко спала. Вскорѣ, однако, она проснулась. Когда я вошла къ ней, то ужаснулась: такъ она перемѣнилась за тѣ двѣ недѣли, что я ее не видала!

— „Другъ сердечный, вѣдь я умираю! Право, умираю!“ проговорила она, увидѣвъ меня.

Оказалось, что на первой недѣлѣ поста съ ней былъ сильный припадокъ болѣзни, очень ее ослабившій. Комната, въ которой она теперь лежала, была такъ жарко натоплена, и еще печь ярво топилась,—что мы едва могли дышать. Стали устроиваться поудобнѣе, заставивъ печку ширмами; затѣмъ уложили поуютнѣе нашу дорогую старушку между подушекъ, и Е. М. принялась ее рисовать, а я сѣла поближе къ Татьянѣ Петровнѣ, занимая ее разговорами. Передъ тѣмъ она попросила, чтобы я дала ей гребешокъ, причесаться.

— Хочу пококетничать, говорила она, улыбаясь и приглаживая волосы,—а то я вонъ какая растрепана!

Е. М. рисовала сепией ¹⁾, акварелью; она должна была очень торопиться, боясь утомить Татьяну Петровну, хотя та лежала спокойно, только безпрестанно просила пить, при чемъ я подавала ей стоявшій подлѣ стаканъ воды, съ малиновымъ вареньемъ.

— Лиза меня не мучаетъ, говорила она про Е. М.,—а вотъ тѣ-же ужъ какъ мучали; все нужно было передъ ними позировать; бывало, какъ устанешь! рассказывала она про два предыдущихъ портрета масляными красками, изъ которыхъ одного, оставшагося въ эскизѣ, я не видала, а другой, видѣнный мною тоже не вполнѣ оконченнымъ, совсѣмъ не удовлетворилъ меня. Портретъ Е. М. Бемъ вышелъ поразительнымъ по сходству и выраженію! Татьяна Петровна пожелала его видѣть и очень осталась имъ довольна, только сдѣлала замѣчаніе на счетъ округлости головы, что художница тотчасъ же, въ угоду ей, и исправила. Не имѣя возможности остаться дольше, я обѣщала Татьянѣ Петровнѣ скоро навѣстить ее опять, а между тѣмъ спросила, не пожелаетъ-ли она какого нибудь гостинца. Она особенно любила мармеладъ и медъ къ чаю. Этотъ разъ она пожелала меду.

Обезпокоенная на счетъ ея здоровья, я черезъ три дня явилась снова утромъ къ ней. Перемена противъ того раза была замѣчательная! Тогда на лицѣ ея лежала положительно печать смерти и я бы нисколько не удивилась, еслибъ въ тотъ вечеръ получила извѣстіе объ ея кончинѣ. Тутъ меня встрѣтила прежняя живенькая, хотя и сильно исхудавшая старушка, бодро сидѣвшая на кровати и ясно мнѣ улыбающаяся. Привезенный мною медъ былъ встрѣченъ съ радостью и желаніемъ тотчасъ же его отвѣдать, что было сопровождаемо словами:

— Да это не медъ—это восторгъ! Откуда это ты такой приволокла? И вотъ, что я тебя попрошу, голубчикъ,—только я тебѣ деньги дамъ, не иначе,—купи ты мнѣ такого меду еще фунта два или три, я его про запасъ спрячу, на дачу повезу.

Я сказала, что привезу его ей прямо на дачу или передъ дачей.

— Да его, пожалуй, распродадутъ, усомнилась она, въ чемъ я ее разубѣдила.

На тѣто хотѣлось ей ѣхать въ Удѣльную, гдѣ была дача у

¹⁾ Краска пріятнаго коричневаго цвѣта.

хозяина дома; особенно заманивало ее то, что она тамъ можетъ жечь сколько хочетъ дровъ. Заговаривала даже о Крымѣ, считая возможнымъ ѣхать туда съ Сережей. Вообще она этотъ разъ была преисполнена прежнихъ иллюзій; о смерти и не упоминалось. Я очень долго просидѣла у нея этотъ разъ и должна была подробно рассказать ей о художественныхъ выставкахъ, о которыхъ она разспрашивала съ большимъ интересомъ. Говорила, что чувствуетъ себя хорошо, что ей такъ хорошо лежать на ея кровати и смотрѣть въ окно на голубое небо, въ которомъ летаютъ птицы. Даже при мнѣ покупала, кромѣ меду, немного жареной наваги, остальное поручивъ отдать кошкѣ.

На мой вопросъ при прощаньи, что ей привезти, она стала просить, чтобы я привезла ей отцвѣтшихъ, погибшихъ цвѣтовъ, что она воскресить ихъ.

— Совсѣмъ погибшихъ, которыхъ отставили, чтобы выбросить; я уже знаю, какъ ихъ оживить и опять заставить цвѣсть! замѣтила она таинственно.

Я общала и уѣхала, въ этотъ разъ болѣе чѣмъ когда-либо успокоенная.

Это было наше послѣднее свиданіе! Вслѣдъ затѣмъ, простудившись, я на время засѣла дома, а 24 марта 1889 г. Татьяна Петровна скончалась, тихо, даже не страдая послѣднее время, а только мечтая о покоѣ и тишинѣ.

Она лежала въ своей большой залѣ, среди цвѣтовъ, съ такимъ спокойнымъ лицомъ, будто думала: „Ахъ, какъ хорошо такъ отдохнуть послѣ всѣхъ трудовъ и земнаго гора!“

— „Бабушка точно спить!“ замѣтила ее впучка Оля.

На похороны „общей бабушки“ явилось, однако, кромѣ родныхъ и близкихъ друзей, совсѣмъ не такъ много, какъ можно было ожидать! Нѣкоторые изъ „литературныхъ силъ“, встрѣчавшія мною у ней при жизни, не сочли нужнымъ ни почтить своимъ присутствіемъ ея погребеніе, ни написать сочувственнаго о ней некролога, что взяла на себя, глубоко любившая ее, нынѣшняя издательница „Игрушечки“—А. Н. Тюфяева, и одинъ только М. И. Семейскій сказалъ теплое слово надъ разверстой могилой, въ которой улеглась на покой труженица, до послѣдней минуты не выдускавшая изъ рукъ ту „свѣчку“, что разливала столько свѣта и теплоты!...

С. И. Давренъева.

ГРАФЪ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ЕВДОКИМОВЪ

1804—1873.

IX ¹⁾.

Съ покореніемъ грозной Даховской котловины и, вслѣдъ за тѣмъ, хамышевскаго общества, собственно боевыя дѣйствія, въ серьезномъ смыслѣ этого слова, могли считаться на Западномъ Кавказѣ поконченными. Хотя и послѣ этого непріятель предпринималъ иногда нападенія на наши отряды и станицы, но то были уже какъ бы судорожныя движенія смертельно раненаго звѣря. Горцы дѣйствительно должны были сознать, что близится послѣдній часъ ихъ дикой вольности и что скоро придется имъ уступить русской силѣ. Неотразимою волною надвигалась на нихъ сила эта съ трехъ сторонъ: отъ Бѣлой, отъ Адагума, отъ Кубани. Къ началу 1863 года, значительная часть шапсуговъ уже перевалила на южный склонъ главнаго Кавказскаго хребта; абадзехское же племя все болѣе и болѣе стѣснялось нашими отрядами въ верховья рѣкъ: Пшехи и Шиша. На очищенныхъ противникомъ пространствахъ, одна за другою возникали новыя станицы, связанныя между собою цѣпью укрѣпленныхъ постовъ и, — по мѣрѣ одерживаемыхъ нами успѣховъ, — выносимыя все далѣе и далѣе впередъ.

---

¹⁾ См. «Русскую Старину» над. 1888 г., томъ LVIII, апрѣль, стр. 143—162; т. LX, октябрь, стр. 169—202; над. 1899 г., т. LXI, мартъ, стр. 479—506; т. LXII, май, стр. 357—387; июнь, стр. 641—660; томъ LXIII, июль стр. 81—100; августъ, стр. 387—420; т. LXIV, ноябрь, стр. 379—411.

Въ такомъ положеніи засталъ цѣла Кубанской области его императорское высочество великій князь Михаилъ Николаевичъ которому, въ началѣ 1863 года, высочайше ввѣрено было управление Кавказскимъ краемъ и главное начальство надъ всѣми находившимися тамъ войсками.

22-го февраля, августѣйшій намѣстникъ прибылъ въ станицу Варениковскую, а оттуда, въ сопровожденіи гр. Евдокимова, отправился обозрѣвать Закубанскій край. Во время этого объѣзда, нерѣдко приходилось слѣдовать по районамъ, еще далеко не умиротвореннымъ и требовавшимъ соблюденія особыхъ военныхъ предосторожностей. Здѣсь болѣе или менѣе крупныя шайки горцевъ рыскали по всѣмъ направленіямъ, и, пользуясь удобствами пересѣченной и лѣсистой мѣстности, высматривали подходящий случай для хищничества, или для нападенія на наши отряды.

О прибытіи великаго князя горцы несомнѣнно узнали и, вѣроятно, рѣшились при этомъ случаѣ выказать ему себя еще грозною боевою силою. Уже 26-го числа, при слѣдованіи его высочества въ укрѣпленіе Григорьевское, противъ правой цѣпи конвойнаго отряда стали появляться конныя партіи шаусуговъ и завязывать съ нашими войсками перестрѣлку. На слѣдующій день, при движеніи лѣвымъ берегомъ Кубани, къ станицѣ Бжедуховской, значительное скопище абадзеховъ показалось было противъ нашей цѣпи; но пущенные въ атаку драгуны заставили непріятеля послѣшно скрыться.

28-го февраля, при дальнѣйшемъ слѣдованіи великаго князя къ р. Псекупсъ, на которую, для встрѣчи его, долженъ былъ прибыть Пшихскій отрядъ, абадзехи снова рѣшились предпринять нападеніе, уже болѣе серьезнымъ образомъ. Во время перехода конвойнаго отряда черезъ балку, густо заросшую дубовымъ лѣсомъ, главная колонна и обозъ сильно растянулись на трудной, еще не разработанной нами дорогѣ. Пользуясь этимъ, подстергавшіе насъ абадзехи, давъ залпъ изъ-за предварительно устроенной ими засады, съ гикомъ бросились въ шайки на правую цѣпь. Дерзость эта, однако, дорого обошлась имъ. Резервъ цѣпи встрѣтилъ нападавшихъ бѣглымъ огнемъ, и въ то же время гр. Евдокимовъ, находившійся при главной колоннѣ, направилъ бывшую тамъ сотню кубанскихъ казаковъ во флангъ противниковъ, а полковникъ графъ Левашовъ, командовавшій авангардомъ, уда-

рилъ имъ въ тылъ съ дивизиономъ Сѣверскихъ драгунъ. Горцы, окруженные со всѣхъ сторонъ, большею частію погибли подъ штыками и саблями.

Жестокій урокъ этотъ, повидимому, недостаточно вразумилъ враговъ, такъ какъ 2-го марта они снова и въ значительныхъ силахъ атаковали сопровождавшій великаго князя отрядъ, во время слѣдованія его неподалеку отъ р. Пшиша. Нападеніе это— послѣднее—произведено было съ такою отчаянною отвагою, что только мѣткій огонь выдвинутыхъ впередъ трехъ стрѣлковыхъ баталіоновъ заставилъ противника окончательно очистить проходимую отрядомъ мѣстность. Въ означенномъ бою гр. Евдокимовъ лично распоряжался дѣйствіями авангарда ¹⁾).

Обозрѣніе вновь занимаемаго нами края произвело на великаго князя самое благопріятное впечатлѣніе,—что и выразилось въ слѣдующемъ, отданномъ имъ по кавказской арміи, приказѣ:

„Употребивъ три недѣли на объѣздъ Кубанской области, я въ теченіи этого времени имѣлъ случай видѣть почти всѣ войска, въ ней дѣйствующія, большую часть новыхъ поселеній и работъ, произведенныхъ въ прошломъ году“.

„Войска найдены мною въ превосходномъ состояніи: ихъ бодрый видъ, неутомимость въ походѣ, ихъ мужество, котораго я былъ личнымъ свидѣтелемъ, не оставляютъ желать ничего лучшаго. Военные госпитали и лазареты найдены мною въ полномъ порядкѣ; медики обратили особенное вниманіе мое своею попечительностію о больныхъ и самоотверженіемъ, съ которымъ подавали помощь раненымъ во время боя“.

„Новыя станицы большею частію хорошо обстроены (исключая станицы Даховской, которая, по причинѣ поздняго прибытія переселенцевъ, еще не выстроена); дороги между ними проложены весьма хорошо“.

„Все это валагаетъ на меня пріятный долгъ объявить искреннюю признательность командующему войсками Кубанской области генералъ-адъютанту графу Евдокимову и благодарить ближайшихъ помощниковъ его, и особенно начальниковъ отрядовъ и всѣ войска этой области, за ихъ неутомимые труды, которыми достигнуты въ теченіи года результаты едва вѣроятные“ ²⁾).

¹⁾ Военно-ученый архивъ, отдѣл. II, № 6623.

²⁾ Приказъ по Кавказской арміи, отъ 11-го марта 1863 г., за № 92. Въ ст. Баталпашинской.

Выдающіяся заслуги, оказанныя Николаемъ Ивановичемъ за послѣднее время, не могли остаться безъ надлежащаго возмездія. По ходатайству августѣйшаго главнокомандующаго, онъ былъ удостоенъ новой важной награды. Въ высочайшемъ на его имя рескриптѣ, отъ 17-го апрѣля 1863 г., значится слѣдующее:

„Обширностію и важностію результатовъ, достигнутыхъ вами въ послѣднее время въ дѣлѣ покоренія Западнаго Кавказа и заселенія покоренныхъ войсками нашими частей этого края вы приобрѣли право на особое Наше къ вамъ благоволеніе, во изъявленіе коего всемилостивѣйше пожаловали Мы вамъ знаки императорскаго ордена Нашего св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго съ мечами, алмазами украшенные, которые, при семъ препровождая, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію. Пребываемъ къ вамъ императорскою милостію Нашею благосклонны“.

По отбытіи его высочества, Николай Ивановичъ возвратился въ Ставрополь, но уже въ концѣ апрѣля опять выѣхалъ оттуда, для новаго осмотра ввѣренной ему области и для организаціи весеннихъ и лѣтнихъ занятій дѣйствовавшихъ тамъ отрядовъ. Надлежало торопиться завершеніемъ кавказской войны, такъ какъ въ это самое время намъ снова стало грозить столкновеніе съ западными державами. Не даромъ императоръ Александръ II, еще за два года передъ тѣмъ, выражалъ гр. Евдокимову опасеніе, что предпринятому нами дѣлу, — завоеванію западнаго Кавказа, легко могутъ помѣшать, если оно затянется на долго. Дѣйствительно, въ описываемую эпоху, отношенія наши къ Англіи и Франціи, по поводу польскаго мятежа, такъ обострились, что угрожали окончательнымъ разрывомъ, — а въ такомъ случаѣ можно было навѣрное ожидать новаго появленія союзныхъ флотовъ въ Черномъ морѣ, гдѣ мы тогда были совершенно беззащитными.

Въ правительственныхъ сферахъ готовились къ подобному обороту дѣлъ и стали заботиться о мѣрахъ къ возможному огражденію, если не Черноморскаго, то хотя Азовскаго побережья. Такъ, между прочимъ, приязано было, изъ войскъ Кубанской области направить два баталіона въ Керчь, для усиленія обороны тамошнихъ укрѣпленій. Приказаніе это, полученное гр. Евдокимовымъ во время предпринятаго имъ объѣзда

своей области, было немедленно приведено въ исполненіе, и самъ онъ, лично направившись къ Керчи, употребилъ два дня (27-е и 28-е апрѣля) для осмотра пролива и производившихся на его берегахъ фортификаціонныхъ работъ. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, графъ, пользуясь отданнымъ въ его распоряженіе парохомомъ, произвелъ (30-го числа), съ моря, рекогносцировку западно-кавказскаго прибрежья, начиная отъ Цемесской бухты до устья рѣки Шапсухо, составлявшей границу между племенами убыхскимъ и шапсугскимъ. Вслѣдъ за тѣмъ, прибывъ 3-го мая въ Адагумскому отряду, расположенному на рѣкѣ Хабль, онъ занялся рекогносцировками главнаго хребта, значительно въ этихъ мѣстахъ понижающагося, и переваловъ, ведущихъ на южный склонъ. Рекогносцировки эти обнаружили, что крупная часть туземнаго населенія, сидѣвшаго въ верховьяхъ рр. Пшады (впадающей въ Черное море) и Абина или Убина (впадающей въ Кубань), уже перебралась за главный хребетъ, очистивъ такимъ образомъ мѣсто для нашихъ переселенцевъ. 8-го мая Николай Ивановичъ возвратился въ Хабльскую станицу, распорядился дальнѣйшимъ порядкомъ занятій Адагумскаго отряда, и, 11-го числа, отправился къ отряду Пшехскому, расположенному на рѣкѣ Пшехѣ, у Анацкой переправы. Здѣсь, обрекогносцировавъ правый берегъ названной рѣки, онъ приказалъ отъкрыть наступательныя дѣйствія вверхъ по бассейну рѣчки Туха, по направленію на урочище Ходыжи (въ верховьяхъ Пшиша), гдѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, рубить лѣсъ и разрабатывать дорогу. Дѣйствія эти имѣли цѣлью отгнать туземное населеніе, сгруппировавшееся между верховьями Пшехи и Пшиша, и облегчить устройство новой линіи.

Только 13-го мая гр. Евдокимовъ возвратился въ Ставрополь. За все время пребыванія его въ отрядахъ происходили лишь незначительныя перестрѣлки ¹⁾.

Пребываніе Николая Ивановича въ Ставрополѣ ограничилось нѣсколькими днями. 1-го іюня онъ снова пріѣхалъ въ Даховскую станицу, осмотрѣлъ съ горы Гукъ окрестную мѣстность, а на другой день отправился къ Хамышейскому отряду, разрабатывавшему дорогу изъ Дахо въ Хамыши. Давъ тутъ указанія

¹⁾ Воен. Уч. архивъ, отд. II, № 6623.

относительно продолженія работъ, онъ, 4-го іюня, переѣхалъ въ Мало-Лабинскій отрядъ, произвелъ рекогносцировку пути по водораздѣлу М. Лабы и Ходза, осмотрѣлъ съ горы Бамбекъ открывающіеся оттуда бассейны рр. Ходзь, Дахо, верховья М. Лабы и Бѣлой; 6-го числа посѣтилъ укрѣпленіе Псебай и 7-го числа опять уже былъ въ Ставрополѣ.

Изъ послѣднихъ, сдѣланныхъ графомъ, рекогносцировокъ ущелій М. Лабы и Бѣлой, онъ пришелъ къ слѣдующимъ общимъ выводамъ:

„Съ занятіемъ сихъ ущелій нашими передовыми укрѣпленіями: Хамышейскимъ и Агерекютинскимъ, мы достигаемъ цѣли надежнаго обезпеченія тыла и фланга всего заселеннаго нами пространства отъ р. Кубани къ Бѣлой. Непрiятелю съ южнаго склона, если не невозможно, то весьма опасно будетъ производить какія-либо вторженія въ занятый нами сей районъ, вполнѣ нами осмотрѣнный, и гдѣ всѣ ущелья дорогъ находятся въ нашихъ рукахъ. Кромѣ этой оборонительной цѣли, выдвинутое положеніе гарнизоновъ сказанныхъ укрѣпленій даетъ возможность, въ случаѣ особой надобности, производить набѣги и на южный склонъ, налегѣвъ, по выючнымъ тропамъ, и держать въ тревожномъ положеніи ближайшіе аулы обществъ псху, ахчипсху и убухъ“.

„Устройство же капитальныхъ дорогъ черезъ горные перевалы рѣкъ: Бѣлой и М. Лабы потребовало-бы развитія громаднхъ средствъ и отвлекло-бы наши силы отъ прямого назначенія ихъ: связать удобными дорогами ту часть южнаго склона и сѣвернаго, которая предназначается для развитія нашей колонизаціи и которая должна войти непосредственно въ составъ казачьей территоріи Кубанскаго войска. Въ виду такихъ соображеній, послѣ обезпеченія тыла и фланга нашихъ поселеній между Бѣлою и Кубанью, должно обратить всѣ усилія войскъ Кубанской области для разработки дорогъ черезъ горные перевалы, лежащіе къ западу отъ Пшехи, гдѣ, по образованію кавказскаго хребта, можно надѣяться встрѣтить менѣе препятствій къ проложенію капитальныхъ дорогъ“ .¹⁾

Усиленная дѣятельность гр. Евдокимова въ теченіи мая и

¹⁾ Военно-ученый архивъ, отд. II № 6623.

іюня 1863 г., виражавшаяся преимущественно рекогносцировками вдоль главнаго хребта, указывали на то, что онъ въ это время считалъ дѣло завоеванія сѣвернаго склона уже почти оконченнымъ и, не теряя времени, сталъ искать удобнѣйшихъ путей для перенесенія дѣйствій на южный склонъ. Ни преклонная лѣта, ни болѣзни не ослабили его желѣзной энергіи. При рѣдкой опытности и развитомъ дѣлгою практикою военномъ взглядѣ, какими обладалъ Николай Ивановичъ, никто, конечно, лучше его не могъ опредѣлить тѣхъ пунктовъ, черезъ которые всего удобнѣе и цѣлесообразнѣе слѣдовало направиться въ недоступныя для насъ дотолѣ части Черноморскаго побережья. Поэтому мы и видамъ его то на той, то на другой возвышенной точкѣ горной гряды, откуда орлиному оку его открывалась на далекое разстояніе вся окрестная мѣстность и гдѣ, руководствуясь личными наблюденіями и соображеніями, онъ могъ съ точностію опредѣлить выгоды и невыгоды того или другаго пути.

Всѣ эти наблюденія, производимыя на различныхъ пунктахъ, потомъ сопоставлялись между собою, подвергались сравнительной оцѣнкѣ, и на этомъ прочномъ фундаментѣ вырабатывались стройный планъ общихъ дѣйствій и детальныя указанія отдѣльнымъ отрядамъ.

Поведенныя на такомъ основаніи военныя предпріятія войскъ Кубанской области, въ теченіи лѣтнаго періода 1863 г., поставили остававшихся еще на сѣверномъ склонѣ горцевъ въ безвыходное положеніе и окончательно лишили ихъ не только возможности, но и надежды на возможность продолжать борьбу.

Съ одной стороны, Адагумскій отрядъ, занявъ ставицами всю Шапсугскую плоскость, до р. Иль, перенесъ свои дѣйствія на южный склонъ, въ долины рр. Адерби и Мезиба, устроивъ тамъ повозочную дорогу и обезпечивъ, въ будущемъ, занятіе долины р. Пшады; съ другой стороны, Даховскій и Шехскій отряды завладѣли всѣмъ нагорнымъ участкомъ до р. Пшехи и верхнимъ теченіемъ р. Пшишъ. Еще незанятая нами полоса земли, отъ Пшиша до Шебша, обойденная съ двухъ сторонъ и подверженная двойнымъ ударамъ, уже не представляла сколько нибудь серьезнаго препятствія для включенія ея въ общую систему нашей закубанской колонизаціи.

На флангахъ нагорнаго округа, Мало-Лабинскій отрядъ за-

владѣль теченіемъ М. Лабы и подробно обрекогноспировалъ гористую полосу, лежащую между этою рѣкою и Урупомъ. Хамышейскій отрядъ, разработавъ дорогу вверхъ по ущелью Бѣлой, занялъ земли хамышейскаго общества и завладѣль такимъ образомъ послѣдними доступами съ южнаго склона на Бѣлорѣченскую линію, принудивъ горцевъ очистить фланги и тылъ оной. Независимо отъ сего, войска Урупской кордонной линіи, неоднократными рекогноспировками упрочили за нами полное владѣніе горною мѣстностію между Кубанью и Б. Лабою. Туземцы были частію стѣснены на пространствахъ между Пшишемъ и Шебшемъ, частію уходили въ Турцію, частію же переходили къ намъ, или на южный склонъ, и, наконецъ, небольшое число ихъ еще гнѣздилося по хуторамъ въ ущельяхъ Пшехи и Пшиша и у верхнихъ притоковъ Иля, Афиписа и Шебша.

Достигнувъ такого положенія дѣль, гр. Евдокимовъ призналъ возможнымъ обратить главныя усилія своихъ войскъ на операціи по занятію южнаго склона, а очищеніе не занятой еще нами части сѣверной покатости отнести къ второстепеннымъ предпріятіямъ.

Съ этою цѣлью, въ концѣ августа 1863 г., войскамъ Кубанской области даны были слѣдующія назначенія:

1) Адагумскій отрядъ раздѣлялся на два: Адагумскій и Джубгскій. Первому указано: прочно утвердиться на р. Пшадѣ и очистить отъ непріятеля ближайшія къ ней части южнаго склона. Джубгскій же отрядъ долженъ былъ оперировать вверхъ по р. Шебшѣ, съ цѣлью проложенія удобной дороги на южный склонъ, въ долину Джубга, и утвержденія на этой рѣкѣ. При дальнѣйшемъ развитіи нашихъ операцій, оба названные отряда должны были связать свои дѣйствія и окончателно очистить отъ туземцевъ весь край между Джубгою и Чернымъ моремъ.

2) Даховскому отряду предписано: по переходѣ черезъ Пшеху обратить свои дѣйствія на очищеніе всего нагорнаго пространства между этою рѣкою и Пшишемъ, въ которое уже направились наша колонизація.

3) Ппехскій отрядъ, занявъ верхнюю часть Пшиша, долженъ былъ вытѣснить остатки горцевъ изъ территоріи, лежащей между Пшишемъ и Пшехою, и содѣйствовать операціямъ Даховскаго отряда.

4) Хамышейскому отряду предписано: по утверженіи въ земляхъ хамышеевскаго общества, приступить къ работамъ по возведенію тамъ укрѣпленной штабъ-квартиры для кавказскаго линейнаго № 3-го баталіона.

5) М. Лабинскій отрядъ долженъ былъ довершать начатое уже имъ предпріятіе по проложенію дороги вдоль ущелья М. Лабы и по завладѣнію перевалами въ земли обществъ Псху и Ахчихпсху.

Всѣ указанія эти были исполнены молодецкими кавказскими войсками съ обычною энергіею и быстротою. Уже въ началѣ сентября гр. Евдокимовъ получилъ донесеніе объ окончаніи Даховскимъ и Пшихскимъ отрядами предписанныхъ имъ занятій, а 5-го числа самъ выѣхалъ къ передовымъ войскамъ, чтобы осмотрѣть вновь занятія ими мѣста и, взглядывшись ближе въ положеніе дѣлъ, указать отрядамъ цѣль и способы дальнѣйшихъ дѣйствій. Прибывъ вечеромъ, 7-го сентября, въ Даховскую станцію, онъ посвятилъ четыре дня на рекогносцировку какъ окрестныхъ горъ и переваловъ, такъ и мѣстности, лежащей къ западу оттуда, до урочища Ходыжи, гдѣ расположился лагеремъ Пшихскій отрядъ. Во время этихъ рекогносцировокъ было нѣсколько незначительныхъ стычекъ съ появившимися тутъ убыхскими партіями, но остававшіеся еще кое гдѣ абадзехи держались совершенно пассивно.

11-го сентября, графъ переѣхалъ въ Ходыжи и, произведя тамъ рекогносцировку, убѣдился, что урочище это, по близкому разстоянію отъ наиболѣе удобнаго перевала Гойтхъ, можетъ служить главнымъ опорнымъ пунктомъ для дѣйствій на южномъ склонѣ, а также и для движеній по сѣверному склону, къ р. Псекупсъ. Въ виду сего, онъ приказалъ устроить тутъ провіантскій магазинъ и сосредоточить склады артиллерійскихъ припасовъ и сѣна.

Согласно распоряженіямъ графа, къ возведенному здѣсь временному укрѣпленію собрались, въ концѣ сентября, отряды: Даховскій и Пшихскій. 1-го октября, Николай Ивановичъ самъ прибылъ къ нимъ и на другой же день сталъ готовиться къ движенію отъ Ходыжей къ крайнимъ верховьямъ Пшиша, гдѣ сучились остатки абадзехскаго населенія. Оповѣщая горцевъ о своемъ прибытіи, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, предлагалъ имъ поторопиться окончательнымъ рѣшеніемъ дѣла по принятію требуемыхъ нами условій покорности.

Имѣя свѣдѣнія о спорахъ, происходившихъ между абадзехами по поводу подписанія означенныхъ условій, и зная, что подстрекателями смуты были убыхи и шапсуги, обольщавшіе абадзеховъ надеждою на скорую помощь отъ Турціи, гр. Евдокимовъ рѣшился занять, насколько то позволятъ обстоятельства, ущелье р. Пшишъ, рассчитывая, что движеніе туда, отдѣляя абадзеховъ отъ племенъ южнаго склона, рѣшительнымъ образомъ повліяетъ на скорѣйшее окончаніе дѣла. Расчетъ этотъ оказался вполнѣ вѣрнымъ: появленіе весьма сильнаго русскаго отряда въ послѣднемъ ихъ убѣжищѣ, такъ устршило горцевъ, что уже къ 6-му октября нижне и верхне-абадзехскія общества подписали предложенныя имъ условія покорности.

Между тѣмъ, извѣстившись отъ лазутчиковъ о сборахъ шапсуговъ и убыховъ, намѣревавшихся противодѣйствовать намъ при дальнѣйшемъ движеніи по Пшишскому ущелью, и зная, что непріятель можетъ воспользоваться многими сильными оборонительными позиціями, графъ, не давая ему времени приготовиться, уже 8-го числа направилъ сильный отрядъ вверхъ по Пшишу, на переваль въ долину р. Туапсе (впадающей въ Черное море). Войска наши, разогнавъ встрѣченныя ими незначительныя партіи горцевъ, расположились на ночлегъ подъ самымъ переваломъ, а 9-го числа уже приступили къ разработкѣ колесной дороги назадъ, внизъ по Пшишу. Самъ графъ прибылъ къ нимъ на слѣдующій день, осмотрѣлъ водораздѣлъ бассейновъ Пшиша и Туапсе, избралъ мѣсто для временнаго укрѣпленія и, 12-го октября, возвратился на Пшишскую кордонную линію.

Остаткамъ абадзеховъ, заявившихъ покорность, разрѣшено было, подъ разными ограниченіями и обязательствами, оставаться на занимаемомъ ими участѣ только до 1-го февраля 1864 года. Участокъ этотъ (между Пшишемъ и Псекупсомъ, южною границею Бжедуховскаго округа и гребнемъ главнаго хребта) далеко уже не представлялъ тѣхъ мѣстныхъ трудностей, какія войскамъ пришлось, до этого времени, преодолевать; оставляемые на немъ туземцы, съ трехъ сторонъ окруженные нашими отрядами и отрѣзанные отъ горъ, не могли и думать о сопротивленіи.

Дальнѣйшія осеннія занятія передовыхъ войскъ сводились, главнымъ образомъ, къ проложенію удобныхъ дорогъ на перевалахъ, а частію (въ Адагумскомъ отрядѣ) и на южномъ склонѣ.

Съ наступленіемъ же зимы, когда всякія подобныя работы на вершинахъ горъ стали невозможными, графъ распорядился сформированіемъ летучихъ колоннъ, назначеніе коихъ состояло въ томъ, чтобы искрестить сѣверный склонъ по всѣмъ направленіямъ, — преимущественно, въ верховьяхъ Пшиша и Псекупса, — розыскивать и истреблять враждебные аулы, которые могли еще гнѣздиться по разнымъ горнымъ трущобамъ, и подготовить пространство это для будущей колонизаціи.

Такимъ образомъ, благодаря неуклонной и неумолимой послѣдовательности гр. Евдокимова, благодаря его личной инициативѣ и неослабной настойчивости, мы, въ началу 1864 года, были уже вполне готовыми къ перенесенію военныхъ дѣйствій на южный склонъ, дотолъ вполне для насъ неизвѣстный и недоступный. Въ какіе нибудь три года, обширная и богатая территорія, населенная воинственными и искони намъ враждебными племенами, представлявшая на каждомъ шагу неимоверныя мѣстныя препятствія, была не только покорена, но и окончательно очищена отъ опасныхъ для насъ элементовъ и открыта для мирной культуры. Успѣхъ невѣроятный и врядъ ли, въ то время, кѣмъ либо предвидѣнный! Смѣемъ думать, что только съ такими закаленными, преисполненными безграничной отваги и самоотверженія, войсками, каковыми были кавказскія, представлялась возможность совершить подобный подвигъ. Заслуга ихъ маститаго вождя — помимо всего прочаго, — конечно, состояла и въ томъ, что онъ сумѣлъ вполне воспользоваться этими драгоценными качествами, для завершенія великаго государственнаго дѣла.

Излишнимъ будетъ распространяться о томъ, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили въ Тифлисѣ за дѣйствіями нашихъ закубанскихъ героевъ и какъ радовались ихъ успѣхамъ. 1-го декабря 1863 г., августѣйшей главнокомандующій почтилъ гр. Евдокимова слѣдующимъ рескриптомъ:

«Графъ Николай Ивановичъ!

-Донесенія ваши объ изъявленіи абадзехами покорности, о занятіи Пшады и Джубы, о пораженіи въ верховьяхъ Туапсе убухскихъ скопищъ, до глубины души меня обрадовали.

«Все это — плоды вашихъ соображеній, вашей дѣятельности и твердости, плоды неутомимыхъ, могу сказать — безпримѣрныхъ трудовъ храбрыхъ войскъ, дѣйствующихъ подъ начальствомъ

вашимъ. Четыре года трудятся они непрерывно, перенося и лѣтній зной и зимнюю стужу, побѣждая не только непріятеля, но и самую природу.

«Сѣверный склонъ Кавказа покоренъ ими. Близко время, когда и юго-западный сватъ будетъ очищенъ отъ дикаго, враждебнаго намъ народа, и недоступный доселѣ восточный берегъ Чернаго моря, принявъ русское населеніе, станетъ на самомъ дѣлѣ берегомъ русскимъ. Надѣюсь, что минута эта скоро наступитъ, и мы повергнемъ къ стопамъ государя императора весь западный Кавказъ, умиротворенный и покорный.

«Въ ожиданіи этой счастливой минуты, прошу васъ, графъ, принять искреннюю признательность мою за все вами совершенное, передать душевную мою благодарность вашимъ достойнымъ помощникамъ и мое спасибо всѣмъ войскамъ, вамъ вѣреннымиъ.

«Пребываю къ вамъ искренно доброжелательнымъ

Михаилъ» ¹⁾.

Зима съ 1863-го на 1864-й годъ, проведенная Николаемъ Ивановичемъ въ Ставрополѣ, посвящена имъ была окончательной выработкѣ плана дѣйствій на южномъ склонѣ, начать которыхъ предполагалось раннею весною. Какъ при князѣ Барятинскомъ, такъ и теперь, проекты его, отсылаемые въ Тифлисъ, встрѣчали у тамошняго высшаго начальства полное одобреніе и довѣріе. Уже 6-го января 1864 г. начальникъ штаба кавказской арміи писалъ ему, между прочимъ, слѣдующее:

«Всѣ предположенія ваши о весеннихъ дѣйствіяхъ его высокочество вполне утвердилъ и одобрилъ, и не только разрѣшилъ вамъ, а даже проситъ васъ, при первой возможности, идти впередъ, какъ можно далѣе, не ожидая никакихъ десантовъ» ²⁾.

Въ другомъ письмѣ, отъ 15-го января, генералъ-лейтенантъ Карцевъ говоритъ:

Всѣ ваши предположенія, какъ о движеніи колоннъ, такъ и о цѣли дѣйствій, великій князь вполне одобряетъ. О томъ, чтобы

¹⁾ Арх. гр. Евдокимова, № 36.

²⁾ При составленіи разныхъ плановъ покоренія южнаго склона, предполагалось, между прочимъ, чтобы движенію нашихъ войскъ съ сѣвера содѣйствовать производствомъ десанта на черноморское побережье. И. О.

довести русскія поселенія до рѣки Бзыби уже писано государю, и онъ по телеграфу увѣдомляетъ, что одобряетъ этотъ планъ. Я вполне сознаю, что, занимая нижнюю долину Бзыби, намъ будетъ крайне невыгодно оставлять въ верховьяхъ ея горское населеніе, которое будетъ постоянно угрожать флангу и тылу нашихъ станицъ. Убыхи подѣзжаютъ черезъ владѣтеля и къ вк. Мирскому. Ему приказано не входить съ ними ни въ какія условія. Вообще, его высочество до сего времени твердо держится принятаго имъ предположенія, очистить край, и очень радъ, что вы съ своей стороны рѣшаетесь гнать всѣхъ, кто попадетъ подъ руку¹⁾.

Поощряемый столь полнымъ довѣріемъ, графъ Евдокимовъ, конечно, употреблялъ всѣ усилія, чтобы оправдать оное. Въ началѣ февраля, какъ только открылась первая возможность движенія въ горахъ, онъ снова отправился въ передовымъ войскамъ, и 5-го числа уже прибылъ въ станицу Шшипскую, чтобы отсюда лично руководить дѣломъ выселенія остальныхъ абадзеховъ, которымъ—какъ выше было сказано—онъ разрѣшилъ оставаться на прежнихъ мѣстахъ до первыхъ чиселъ названнаго мѣсяца. Для наблюденія за неотложнымъ исполненіемъ его приказаній употреблены были войска Шпехскаго, Джубгскаго и Даховскаго отрядовъ, которыя и обошли назначенные имъ районы, не встрѣтивъ нигдѣ ни малѣйшаго сопротивленія. Къ 20-му февраля 1864 года, послѣдніе туземцы сѣверной поватости были сдвинуты со своихъ мѣстъ; изъ нихъ нѣкоторые, согласно ихъ желанію, отправлены на Кубань и Лабу; большая же часть—къ разнымъ пунктамъ морскаго берега, для переселенія въ Турцію.

Убѣдившись, что тутъ дѣло покончено, графъ Евдокимовъ рѣшилъ открыть дѣйствія на южномъ склонѣ. Еще около 15-го февраля, начальнику Даховскаго отряда, Гейману (уже произведенному за боевыя отличія въ генераль-маіоры), послано было предписаніе готовиться къ занятію долины рѣки Туапсе; а начальнику Джубгскаго отряда, свиты его величества генераль-маіору графу Сумарокову-Эльстону, приказано: раздѣливъ свои войска на двѣ части, послать одну изъ нихъ для содѣйствія

¹⁾ Арх. гр. Евдокимова, № 54. Изъ писемъ г.-л. Карцова, отъ 6-го и 15-го января 1864 года.

Пшехскому отряду со стороны Псевупса, а съ другою перевалиться въ бассейнъ рѣки Шапсухо и двигаться оттуда, прибрежною дорогою вдоль моря, къ устью Туапсе, на соединеніе съ направленнымъ туда Даховскимъ отрядомъ.

Торопясь осуществленіемъ своихъ плановъ, Николай Ивановичъ, уже послѣ полудня 19-го числа, прибылъ самъ къ Даховскому отряду, думая на другой же день перейти съ нимъ черезъ Пшишскій перевалъ. Предпріятіе это, однако, оказалось неисполнимымъ, вслѣдствіе необыкновенной глубины снѣга, лежавшаго на пути и задержавшаго движеніе на цѣлыя сутки. Высланныя, 20-го числа, команды успѣли, тѣмъ не менѣе, расчистить въ снѣгу тропу, достаточно широкую для прохода вьюка, и на другой же день Даховскій отрядъ направился къ перевалу. По минованіи проложенной тропы, войскамъ пришлось подвигаться впередъ крайне медленно, такъ какъ глубина снѣга мѣстами доходила до сажени. Только позднимъ вечеромъ отрядъ успѣлъ сосредоточиться при устьѣ впадающей въ Туапсе рѣчки Чилипси, успѣвъ пройти всего 8 верстъ отъ мѣста своего лагернаго расположенія.

22-го числа, гр. Евдокимовъ спустился съ Даховскимъ отрядомъ внизъ по Туапсе, еще на 12 верстъ; а 23-го, во второмъ часу пополудни, вышелъ, наконецъ, на морской берегъ, къ бывшему укрѣпленію Вельяминовскому, къ возобновленію котораго, равно какъ къ проложенію дороги вдоль праваго берега рѣки, войска приступили на другой же день.

Наступленіе нашихъ войскъ съ Пшишскаго перевала было для шапсуговъ совершенною неожиданностію, такъ что сколько нибудь значительныхъ сборищъ нигдѣ не было встрѣчено; только мелкія партіи, да выбѣгавшіе изъ сосѣднихъ ауловъ одиночные люди стрѣляли по проходившимъ войскамъ, при чемъ человѣкъ 5 у насъ вышло изъ строя. Результатомъ же этого движенія была безусловная покорность, заявленная (23-го числа) какъ населеніемъ долины Туапсе, такъ и другими горскими обществами, до самой р. Пезуапе.

Всѣмъ этимъ обществамъ гр. Евдокимовъ назначилъ самый краткій срокъ для выселенія на морское побережье. Уже въ ближайшіе затѣмъ дни, онѣ сдвинулись со своихъ мѣстъ и расположились таборами на берегу моря, преимущественно близъ

устья Туапсе. Отсюда стали онѣ отправляться въ Турцію, по мѣрѣ прибытія судовъ, а желающіе получали билеты для поселенія на Лабѣ ¹⁾.

„Такимъ образомъ, — писалъ гр. Евдокимовъ въ донесеніи своемъ, 14 марта, — программа военныхъ дѣйствій въ Кубанской области, въ тѣхъ предѣлахъ, какъ указано въ высочайше утвержденномъ, 10-го мая 1862 г., положеніи о заселеніи предгорій западной части Кавказскаго хребта, приведена въ исполненіе во всей подробности. Во всѣхъ предгоріяхъ, какъ сѣвернаго склона, такъ и южнаго, до долины Туапсе, не осталось никакого, сколько-нибудь сгруппированнаго, туземнаго населенія, и часть сего края, еще не занятая нашими станицами, готовится къ колонизаціи 1864-го года, которая должна окончательно связать поселенія, идущія отъ восточнаго берега Чернаго моря, со станицами, возводимыми по Бѣлой и Пшишу“.

Ставъ твердою ногою на Туапсе, отрядъ Геймана двинулся къ р. Псезуапѣ и 5-го марта занялъ бывшій фортъ Лазаревъ. Вслѣдъ за симъ къ нему явились, съ изъявленіемъ безусловной покорности, представители послѣднихъ шапсугскихъ обществъ, поселившихся между рр. Псезуапѣ и Шахе.

Такіе быстрые успѣхи не могли вновь не порадовать государя, столь горячо желавшаго скорѣйшаго прекращенія безконечной Кавказской войны. На военномъ журналѣ о послѣднихъ событіяхъ, онъ собственноручно начерталъ: „Честь и слава графу Евдокимову и славнымъ его войскамъ“ ²⁾. Въ самый же день празднованія восшествія своего на престолъ, 19-го февраля 1864 г., подписалъ приказъ о производствѣ графа въ генералы отъ инфантеріи.

Теперь, дѣйствительно, пробилъ послѣдній часъ дикой независимости западнаго Кавказа, и вся масса тамошнихъ горцевъ окончательно убѣдилась въ этомъ. При дальнѣйшемъ движеніи отряда ген.-маіора Геймана въ земли убуховъ, только однажды (18-го марта) произошло съ ними нѣсколько серьезное

¹⁾ Подробности объ этомъ окончательномъ эпизодѣ кавказской войны находятся въ интересной статьѣ А. П. Борже: «Выселеніе горцевъ съ Кавказа». («Русская Старина», изд. 1882 г., томы XXXIII и XXXVI).

²⁾ Военно-ученый архивъ, отд. П, № 6624.

столкновеніе, на рѣчкѣ Гадлиѣ, кончившееся полнымъ пораженіемъ собравшагося тамъ скопища. Послѣ этой послѣдней попытки къ сопротивленію, убухи, по примѣру прочихъ племенъ, изъявили покорность и стали выходить къ морю, для перѣзда въ Турцію.

Между тѣмъ, Гейманъ, пославъ донесенія о послѣднихъ событіяхъ великому князю и графу Евдокимову, продолжалъ идти впередъ и, 25-го марта, остановился на р. Сочи, занявъ бывшее укрѣпленіе Навагинское; далѣе идти ему уже не приходилось, такъ какъ со стороны Абхазіи направлены были, для содѣйствія закубанскимъ войскамъ, части кавказской гренадерской дивизіи.

Августѣйшей главнокомандующей, извѣстясь о послѣднихъ быстрыхъ успѣхахъ, пожелалъ лично попривѣтствовать войска, ихъ одержавшія. 24-го марта, гр. Евдокимовъ, находившійся въ это время въ Ставрополѣ, получилъ отъ ген.-лейт. Карцова слѣдующую телеграмму:

„Великій князь, прочитавъ депешу Геймана на ваше имя, рѣшилъ ѣхать 27-го числа въ Сухумъ, а оттуда въ отрядъ Геймана. Просить васъ прибыть туда-же“¹⁾.

Согласно этой телеграммѣ, графъ выѣхалъ изъ Ставрополя и направился къ отряду Геймана морскимъ путемъ, на одномъ изъ судовъ, состоявшихъ въ его распоряженіи. Чрезвычайно бурная погода, господствовавшая въ это время на Черномъ морѣ, задержала его прибытіе къ устью Сочи до 30-го числа. Прибой былъ на столько силенъ, что Николаю Ивановичу и его свитѣ лишь съ большимъ трудомъ удалось выйти на берегъ, гдѣ ожидали своего начальника доблестныя войска — истощенныя непомерными трудами, обносившіяся, но бодрья духомъ и готовыя по первому слову идти опять куда прикажутъ. Приводимъ тутъ рассказъ очевидца о встрѣчѣ ихъ со своимъ маститымъ предводителемъ:

„Когда шлюпка доставила насъ со шхуны къ пристани, мы не безъ труда и опасности выскочили на берегъ. Графу подвели его бѣлаго горнаго карачаевского коня; онъ сѣлъ на него и карьеромъ помчался передъ серединою Даховскаго отряда, взявшаго на караулъ и ожидавшаго перваго слова своего вожда въ

¹⁾ Архивъ гр. Евдокимова, № 51.

гробовомъ молчаніи. Осадивъ лихаго коня передъ самою серединою отряда, графъ снялъ шапку и громкимъ симпатичнымъ теноромъ воскликнулъ, обращаясь къ стоявшимъ передъ нимъ баталіоннымъ колоннамъ: „Кланяется вамъ, братцы, моя съдадая голова за вашу молодецкую службу!“ Не берусь изобразить того ура! и того восторга, которые были вызваны этими задушевными словами. Офицерамъ съ трудомъ удавалось удерживать людей на своихъ мѣстахъ, въ строю: всѣ рвались къ своему маститому начальнику. Сказавъ эти достопамятныя слова, графъ надѣлъ шапку и поѣхалъ вдоль фронта. Дальнѣйшій восторгъ войскъ не поддается описанію; онъ можетъ только благоговѣнно чувствоваться. И дѣйствительно, какъ только графъ поѣхалъ къ правофланговому баталіону, русское ура! еще съ большею силою стало разлетаться по горнымъ ущельямъ и по волнамъ своеобразно ликовавшаго моря; солдаты, держа въ лѣвой рукѣ ружья, правую выдали вверхъ шапки; артиллеристы, стояшіе у пушекъ, въ исправленномъ укрѣпленіи и бывшіе при орудіяхъ на шхунѣ, безъ всякаго приказанія, увлеченные общимъ порывомъ, открыли такой салютъ, какой можно слышать только въ подобныя минуты“ ¹⁾.

На другой день по прибытіи графа Евдокимова, показался со стороны Сухума пароходъ „Тигръ“, на которомъ находился великій князь со своимъ штабомъ. Онъ былъ тоже задержанъ бурей, которая и теперь продолжала свирѣпствовать и лишала почти всякой возможности сообщаться съ берегомъ. Не смотря на явную опасность, графъ приказалъ изготовить себѣ барказъ, намѣреваясь плыть къ пароходу (стоявшему около версты отъ берега) и явиться главнокомандующему; только когда оказалась полная невозможность отплыть отъ берега безъ страшнаго риска для себя и для гребцовъ, онъ сдался на увѣщанія окружавшихъ его и отказался отъ своего намѣренія. По прошествіи нѣсколькихъ часовъ, съ парохода была спущена шлюпка, съ величайшимъ трудомъ достигшая берега. Прибывшій на ней подполковникъ Батьяновъ доставилъ графу отъ генераль-лейтенанта Карцова записку слѣдующаго содержанія: „Его высочество благо-

¹⁾ Изъ воспоминаній офицера генеральнаго штаба, служившаго при гр. Евдокимовѣ.—О томъ же см. Кавказскій Сборникъ, т. V, стр. 457.

дарить ваше сіятельство за желаніе прибыть на пароходъ. Приказываетъ вамъ отнюдь не рисковать. Если погода не утихнетъ, онъ останется до завтра. Войскъ, до полученія приказанія, не выводить. Подполковникъ Батяновъ передастъ вамъ словесно, чего не пишу. Желаю здоровья и тихой погоды“¹⁾.

Только черезъ день, 2-го апрѣля, пароходъ „Тигръ“ могъ подойти поближе къ берегу. Великій князь, прибывъ къ войскамъ, горячо поблагодарилъ ихъ за молодецкую службу и передъ фронтомъ обнялъ героевъ послѣднихъ событій: графа Евдокимова и генераль-маіора Геймана; затѣмъ принималъ депутатовъ отъ только что заявившихъ покорность горскихъ племенъ, и на другой день отбылъ въ укрѣпленіе Гагры, а потомъ въ Тифлисъ. Вслѣдъ за симъ и графъ Евдокимовъ уѣхалъ въ Ставрополь.

Извѣщеніе о послѣднемъ ходѣ событій, быстро приближавшемъ дѣла наши на Черноморскомъ побережьѣ къ вождѣльному окончанію, доставило новое и великое удовольствіе государю. 18-го апрѣля, графъ Евдокимовъ удостоился получить отъ августѣйшаго главнокомандующаго слѣдующую телеграмму:

„Спѣшу сообщить вамъ милостивую депешу отъ его величества, только что мною полученную: -Искренно благодарю за поздравленіе и за письмо съ Трубецкимъ; лучшаго подарка получить не могъ. Спасибо отъ души тебѣ, графу Евдокимову и славнымъ нашимъ войскамъ».

„Эти слова для насъ составляютъ лучшее красное яичко“.

Между тѣмъ, войска наши, вступившія въ землю убуховъ, немедленно по отъѣздѣ высшаго начальства приступили къ устройству дорогъ по разнымъ, болѣе важнымъ, направленіямъ. Для окончательнаго же очищенія края отъ туземцевъ, кое-гдѣ еще гнѣздившихся по горнымъ ущельямъ—преимущественно въ земляхъ обществъ Ахчипсху и Псху—сформировано было, около середины апрѣля, три особые отряда. Дѣйствія этихъ отрядовъ повелись столь быстро и успѣшно, что уже къ началу мая цѣль, имъ поставленная, могла считаться достигнутою. Послѣднему акту долголѣтней войны надлежало завершиться какимъ-либо торжествомъ, естественными участниками коего должны

были явиться: великій князь—главнокомандующій и начальникъ войскъ Кубанской области, столь блистательно разыгравшіе этотъ послѣдній актъ. 28-го апрѣля 1864 г., начальникъ штаба кавказской арміи писалъ графу Евдокимову:

„Великій князь отправляется изъ Поти 5-го мая; 6-го будетъ въ Сухумъ, а 7-го на Адлеръ. Онъ полагаетъ пробить въ Гренадерскомъ отрядѣ самое короткое время (три или четыре дня); проситъ васъ къ 8-му прибыть въ Сочу, съ тѣмъ, чтобы условиться съ вами насчетъ объѣзда вашихъ отрядовъ. Его высочеству хотѣлось бы, съ вашими войсками, въ верхней части Мзымты (или гдѣ придется) встрѣтить гренадеръ и, вообще, быть свидѣтелемъ соединенія вашихъ колоннъ, съ тѣмъ, чтобы тамъ, гдѣ онъ соединится, отпраздновать окончаніе кавказской войны. Такова общая мысль; подробности опредѣлите вы сами, на мѣстѣ. Во всякомъ случаѣ, позвольте увѣрить васъ, что никакая интрига не отниметъ у васъ и вашихъ войскъ того, что вамъ принадлежитъ... И государь и Россія считаютъ войну конченною. Въ частномъ письмѣ государя въ великому князю сказано: „Честь и слава графу Евдокимову; онъ здѣсь, какъ и на лѣвомъ флангѣ, оправдалъ выборъ князя Барятинскаго и превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія“.—Вотъ, что пишетъ мнѣ военный министръ: „Извѣстія, полученныя отъ васъ, такъ отрадны, что едва вѣришь бумагѣ и телеграфу. Великая вѣковая борьба кончена“...

...„Великій князь очень желаетъ быть свидѣтелемъ не послѣдняго слова кавказской войны — ибо оно уже написано вами, — а послѣдней точки“... 1).

Получивъ это приглашеніе, Николай Ивановичъ, 3-го мая, выѣхалъ изъ Ставрополя и, вѣроятно, желая ознакомиться съ неизвѣстными еще ему частями своей области, направилъ путь свой черезъ Бѣлорѣченскій переваль, въ ущелью рѣки Шахе. Черезъ названный переваль, въ это время года, не оказалось никакихъ сколько-нибудь удобныхъ сообщеній; графу и конвою его пришлось двигаться по узкой тропѣ, проложенной среди глубокаго снѣга. Дальнѣйшее движеніе по ущелью р. Шахе пред-

1) Арх. гр. Евдокимова, № 54. Изъ письма ген.-лейт. Карцова, отъ 28-го апрѣля 1864 г.

ставляло тоже большія трудности и даже опасности, такъ какъ дороги тамъ никакой не было; въ иныхъ мѣстахъ приходилось вести лошадей по самому руслу рѣки, гдѣ вбродъ, гдѣ вплавь, а вьюки переносили на рукахъ; самому престарѣлому графу пришлось пройти 4 версты пѣшкомъ. Только 10-го мая успѣлъ онъ прибыть на прибрежный Кубанскій постъ, въ виду котораго стоялъ на морѣ пароходъ, присланный отъ великаго князя съ приказаніемъ графу Евдокимову явиться въ главную квартиру Ахчипсхускаго отряда, на урочищѣ Ахтырхъ.

Соединеніе всѣхъ отрядовъ, теперь окончательно завершившихъ свое дѣло на южномъ склонѣ, воспослѣдовало къ 20-му мая, на урочищѣ Гбаада, въ землѣ Ахчипсху. На другой же день, 21-го числа, передъ строемъ доблестныхъ войскъ отслужено было благодарственное Господу Богу молебствіе по случаю окончанія вѣковой кровавой борьбы, и въ тотъ же день великій князь привѣтствовалъ своихъ героевъ слѣдующими словами:

„Съ чувствомъ искренней радости и уваженія къ доблести вашей, поздравляю васъ, войска кавказской арміи, съ покореніемъ западнаго Кавказа и съ окончаніемъ кавказской войны.

„Своимъ мужествомъ въ бояхъ, своею безпримѣрною твердостью въ перенесеніи тяжелыхъ трудовъ и лишеній, сослужили вы государю и отечеству великую службу. Ни ужасы дивныхъ недоступныхъ горныхъ убѣжищъ, ни отчаянное сопротивление обитателей ихъ, ни суровая стужа, ни палящій зной—ничто не остановило васъ; все преодолевали вы въ теченіи многихъ лѣтъ, не слабѣя духомъ, запечатлѣвая потомъ и кровью каждый шагъ—и достигли цѣли.

„Слава Всевышнему, увѣнчавшему ваши усилія! Слава и признательность отечества вамъ, покорители Кавказа! Вѣчная память павшимъ товарищамъ вашимъ, не дождавшимся радостной и великой минуты!“¹⁾

Черезъ мѣсяцъ послѣ сего, главный виновникъ описаннаго торжества почтенъ былъ слѣдующимъ высочайшимъ рескриптомъ:

„Нашему генералъ-адъютанту, генералу отъ инфантеріи, начальнику Кубанской области и командующему войсками въ оной, графу Николаю Евдокимову.

¹⁾ Воен. Уч. архивъ, отд. II, № 6625. Приказъ по кавказской арміи, май 21-го дня 1864 года.

«Представленное вами въ 1860 году и одобренное Нами предположеніе о способѣ дѣйствій на западномъ Кавказѣ увѣнчалось нынѣ блистательнымъ успѣхомъ, превзошедшимъ даже ожиданія Наши, быстрымъ достиженіемъ цѣли, доказывающимъ основательность принятыхъ по соображеніямъ вашимъ мѣръ. Въ три года времени умиротворенный и совершенно очищенный отъ враждебнаго намъ турецкаго населенія, западный Кавказъ уже въ бѣльшей части своей занятъ прочно водворенными русскими населеніями, и долговременная кровопролитная война окончена, избавляя государство отъ огромныхъ жертвъ, въ теченіи полутора ста лѣтъ его обременявшихъ, и доставляя ему обширный и богатый край, который современемъ несомнѣнно съ избыткомъ вознаградитъ эти пожертвованія.

«Высокія заслуги, вами оказанныя, какъ составленіемъ предположеній къ достиженію сей цѣли, такъ и отличнымъ исполненіемъ онаго, увѣнчавшимъ распорядительность вашу полнымъ успѣхомъ, а командуемая вами храбрая войска новою славою, приобрѣли вамъ право на особенную и искреннѣйшую Нашу признательность. Во изъявленіе оной и въ воздаяніе вышеозначенныхъ заслугъ вашихъ, жалуемъ васъ кавалеромъ императорскаго ордена Нашего святаго великомученика и побѣдоносца Георгія второй степени, знаки коего при семъ препровождая, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію.

«Пребываемъ къ вамъ Императорскою Нашею милостію навсегда благосклонны».

«Александръ».

16го іюня 1864 г.

Въ Киссингенѣ ¹⁾).

Трудно было бы въ болѣе полномъ и вмѣстѣ сжатомъ видѣ изобразить оцѣнку послѣднихъ боевыхъ и административныхъ трудовъ графа Евдокимова. Съ такимъ же искреннимъ уваженіемъ смотрѣли на нихъ и истинно-государственные люди, горячо относившіеся къ интересамъ Россіи. Бывшій сослуживецъ Николая Ивановича, и военный министръ, генераль-адъютантъ (впослѣдствіи графъ) Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ писалъ ему:

„Получивъ изъ Киссингена извѣстіе, что государь императоръ пожаловалъ вашему сіятельству орденъ св. Георгія 2-й степ.,

¹⁾ Арх. гр. Евдокимова, № 36.

поспѣшаю принести вамъ душевное поздравленіе съ этою достойною наградою. Ваше сіятельство приобрѣли себѣ имя въ исторіи, и вся Россія должна оцѣнить оказанную вами великую заслугу. Смѣю увѣрить васъ, что никто болѣе меня не принималъ сердечнаго участія во всемъ, что совершалось въ послѣднее время на Кавказѣ, и никто не радовался болѣе меня блестящимъ результатамъ вашихъ искусныхъ распоряженій.—Искренно желая вамъ еще на многіе годы здоровья и силъ для приведенія завоеваннаго края въ желаемое благоустройство и благосостояніе, прошу ваше сіятельство вѣрить неизмѣннымъ чувствамъ глубокаго моего почтенія и преданности“¹⁾).

Къ сожалѣнію, въ желаемыхъ силахъ сталъ уже оказываться недочетъ у Николая Ивановича. Непрерывные и тяжкіе труды, понесенные имъ въ преклонныхъ лѣтахъ, надломили и его желѣзную натуру. Немедленно по окончаніи войны, онъ принужденъ былъ отправиться на Ессентукскія минеральныя воды, откуда, 29-го іюня, и отвѣчалъ военному министру слѣдующее:

„Письмо ваше доставило мнѣ столько радости и удовольствія, что слабое перо мое не можетъ этого выразить. Далеко еще до полученія этого письма, я видѣлъ доказательства сочувствія вашего къ моимъ трудамъ, по тѣмъ фактическимъ явленіямъ, которыя доходили въ нашъ отдаленный край изъ столицы, и долженъ откровенно сознаться, что это ободряло и поддерживало мои слабѣющія силы, а слѣдовательно и помогло довести къ концу, при вашемъ же участіи, возложенное на меня дѣло. Изъ этого вы сами заключите, какъ велика должна быть моя къ вамъ признательность, и я смѣю васъ увѣрить въ дѣйствительности и искренности этихъ чувствъ. Велики милости во мнѣ государя императора, и я не остановлюсь ни передъ чѣмъ, чтобы оправдать ихъ; но что дѣлать простому смертному, когда онъ потерялъ здоровье—единственнаго путеводителя для выраженія чувствъ дѣломъ? Помогите мнѣ поправить здоровье, какъ помогли кончить войну на Кавказѣ, и я не пощажу себя для службы государю и недостатка усердія его величество не увидитъ. Я лѣчусь теперь на водахъ и чувствую себя лучше. Послѣ лѣчебнаго курса буду просить великаго князя объ увольненіи меня

¹⁾ Арх. гр. Евдокимова, № 50. Письмо ген. Милюткина, отъ 19 іюня 1864 г.

въ Петербургъ, гдѣ, представивъ себя вашему превосходительству, душевно буду радъ увидѣть искренне уважаемаго мною Дмитрія Алексѣевича“¹⁾).

Блестящая эпопея кавказской войны кончилась, и старому служакаѣ, прошедшему черезъ всѣ фазисы ея, носившему въ душѣ высокое сознание исполненнаго долга, представлялось теперь полное право наслаждаться заслуженнымъ отдыхомъ. Первою мыслию его было, послѣ окончанія лѣченія отправиться въ Петербургъ, для представленія царю и принесенія ему благодарности за оказанныя высокія милости и отличія. Въ отвѣтъ на ходатайство свое о разрѣшеніи туда ѣхать, онъ получилъ слѣдующую телеграмму:

„Военный министръ извѣстилъ его высочество, что государь будетъ радъ васъ видѣть въ Петербургѣ, возвратясь въ половинѣ октября“²⁾).

Къ назначенному сроку, гр. Евдокимовъ прибылъ въ сѣверную столицу, гдѣ пріемъ, оказанный ему царемъ, не оставлялъ желать ничего лучшаго. Носились, однако, слухи, что нѣкоторые изъ высокопоставленныхъ лицъ петербургской аристократіи и тутъ не могли скрыть зависти, возбуждаемой въ нихъ его успѣхами, не могли воздержаться отъ нанесенія ему булавочныхъ уколовъ,—частію упрекая его за варварскій, яко бы, способ веденія имъ войны, частію намекая на низость его происхожденія. Графъ—какъ рассказывали—встрѣчалъ эти оскорбительныя выходки съ полнымъ достоинствомъ и самообладаніемъ. Осуждавшимъ его за беспощадную систему послѣднихъ дѣйствій и за изгнаніе черкесовъ изъ ихъ родины, онъ отвѣчалъ, что во всемъ исполнилъ преподанныя ему указанія, а когда долженъ былъ дѣйствовать по собственному усмотрѣнію, то прежде всего имѣлъ въ виду интересы Россіи и русскихъ, такъ какъ, проѣзжая по кавказскимъ станицамъ и селамъ, достаточно заслушался воплей матерей по дѣтамъ, женъ по мужьямъ, сестеръ по братьямъ, уведеннымъ въ горькую неволю или убитымъ звѣрскими хищниками. — На вопросы о его петербургскихъ родныхъ

¹⁾ Арх. гр. Евдокимова, № 50. Изъ письма гр. Евдокимова воен. министру, отъ 29-го іюня 1864 г.

²⁾ Арх. гр. Евдокимова, № 36.—Государь въ это время находился въ Ливадіи.

и знакомыхъ, онъ безъ обиняковъ отвѣчалъ, что таковыхъ въ столицѣ не имѣеть, такъ какъ родомъ изъ даточныхъ крестьянъ Пермской губерніи ¹⁾.

Впрочемъ, всѣ подобныя проявленія зависти и недоброжелательства вполнѣ и съ избыткомъ окупались тѣмъ радушнымъ приемомъ, который былъ оказанъ графу со стороны лицъ въ душѣ благородныхъ и искренне цѣнившихъ заслуги, оказанныя имъ Россіи. Во главѣ такихъ лицъ стоялъ самъ царь, почтившій старика новыми и лестными для него отличіями: приказомъ 1-го ноября, онъ назначенъ былъ шефомъ Дагестанскаго пѣхотнаго полка, имъ сформированнаго и подъ его же начальствомъ покрывшаго себя славою во время осады аула Салты, въ 1847 г.

Отъ сдѣланнаго ему предложенія, принять въ командованіе военной округъ, графъ, утомленный трудовою жизнію, отказался и просилъ уволить его на покой. Согласно этому желанію, его уволили (приказомъ 6-го января 1865 г.) отъ занимаемой имъ должности, съ назначеніемъ состоять при главнокомандовавшемъ кавказскою арміею, съ оставленіемъ въ званіи генераль-адъютанта, съ содержаніемъ въ 17 тыс. руб. и съ пожалованіемъ, сверхъ того, еще 7800 десятинъ въ Кубанской области.

Общественная дѣятельность Николая Ивановича была закончена. Съ этого времени, онъ дѣлается частнымъ человѣкомъ, не обладающимъ никакимъ служебнымъ вліяніемъ или властью. Тѣмъ отрадиѣ должно было показаться ему проявленіе выдающихся знаковъ любви и уваженія, которыми онъ, вслѣдъ за симъ, почтенъ былъ со стороны своихъ бывшихъ сподвижниковъ.

Вѣсть объ удаленіи графа на покой быстро облетѣла весь сѣверный Кавказъ и вызвала всеобщее, самое неподдѣльное, желаніе устроить торжественный прощальный обѣдъ славному предводителю. Недѣли за двѣ до прибытія его изъ столицы, собрались въ Ставрополь всѣ сослуживцы его, въ лицѣ дивизионныхъ начальниковъ, командировъ бригадъ, полковъ, баталіоновъ, батарей, а съ ними, отъ каждой части, по 1 штабъ- и по 2 оберъ-офицера и по нѣсколько человѣвъ унтеръ-офицеровъ, урядниковъ и рядовыхъ, — все украшенныхъ георгіевскими крестами; такъ

¹⁾ Изъ воспоминаній офицера генер. штаба, служившаго при гр. Евдокимовѣ.

что всѣхъ собравшихся было не менѣе 400 генераловъ и офицеровъ и до 1000 чел. нижнихъ чиновъ.

30-го декабря 1864 года графъ Евдокимовъ пріѣхалъ въ Ставрополь, а 2-го января 1865 года состоялся торжественный обѣдъ въ залахъ городской думы, при чемъ за столъ сѣло, считаясь приглашенными городскими гостями, около 600 чел.; нижнихъ чиновъ угощали на площади, въ палаточныхъ наметахъ. Первую, прекрасную и прочувствованную рѣчь, предварительно разсмотрѣнную и одобренную всѣми частными начальниками, произнесъ, отъ имени всѣхъ войскъ, командиръ 1-й бригады Кубанскаго казачьяго войска, полковникъ Зиссерманъ. Когда онъ завершилъ ее провозглашеніемъ тоста за здравіе гр. Евдокимова, — восторженнымъ кликамъ „ура“ не было конца. Таковой же энтузіазмъ вызванъ былъ отвѣтною рѣчью Николая Ивановича, въ которой онъ выражалъ искреннюю признательность всѣмъ своимъ храбрымъ товарищамъ за оказанную ему высокую честь, благодарилъ ихъ отъ имени государя за доблестную службу и, наконецъ, провозгласилъ тостъ за бывшія подъ его начальствомъ молодецкія войска. На другой день, графъ отблагодарилъ всѣхъ присутствовавшихъ на обѣдѣ лицъ баломъ и роскошнымъ ужинкомъ ¹⁾).

Мѣсяца черезъ три послѣ этого Николай Ивановичъ снова былъ порадованъ выраженіемъ доброй о немъ памяти со стороны августѣйшаго своего начальника. 10-го апрѣля 1865 г. великій князь Михаилъ Николаевичъ писалъ ему:

„Графъ Николай Ивановичъ. Передъ отъѣздомъ за-границу, мнѣ хотѣлось бы оставить старому кавказскому ветерану что нибудь на память о самомъ молодомъ его сослуживцѣ. — Получивъ нынѣ изъ Вѣны бронзовый письменный приборъ, я не нахожу лучшаго назначенія, какъ препроводить его къ вамъ, почтеннѣйшій графъ, съ просьбою принять этотъ „пешкешъ“ въ знакъ искренней пріязни и душевнаго къ вамъ уваженія. Пребываю къ вамъ искренно доброжелательный Михаилъ“.

На письмо это Николай Ивановичъ успѣшилъ отвѣтить:

---

¹⁾ Кравцовъ. «Кавказъ и его военачальники». См. «Русскую Старину», изд. 1886 года, июль.

„Ваше императорское высочество. Вы удостоили стараго кавказскаго солдата высочимъ вашимъ вниманіемъ. Съ чувствомъ глубокой благодарности къ особѣ вашего императорскаго высочества, я до послѣдней минуты моего существованія не забуду молить Бога о дарованіи вамъ и августѣйшему вашему семейству отрадной, долгой жизни, а подарокъ вашъ передамъ послѣ себя моему потомству, какъ доказательство величія высокой души вашей. Благоволите, государь, принять выраженіе этихъ чувствъ моихъ столь же благосклонно, сколько искренне приносятся они отъ человѣка, рожденнаго въ избѣ, гдѣ чтутъ вашъ родъ тотчасъ послѣ Бога“¹⁾).

Распростившись со служебнымъ поприщемъ, Николай Ивановичъ поселился въ устроенномъ имъ хуторѣ „Новый Веды“, не вдалекѣ отъ Желѣзноводска. Чтобы наполнить чѣмъ нибудь свое время и не страдать отъ скуки, угрожавшей ему послѣ прежней выпучей дѣятельности, графъ занялся разными хозяйственными затѣями; но тутъ, увы! оказался столь же непрактичнымъ, сколько на служебномъ поприщѣ являлся смѣтливымъ и прозорливымъ. Разныя пройдохи ловко эксплуатировали неопытность его въ совершенно новыхъ для него занятіяхъ; всѣ хозяйственныя затѣи повели лишь къ большимъ расходамъ, а мнимыя богатства, нажитыя—по словамъ благопріятелей графа—на службѣ, выразились послѣ смерти его лишь нѣсколькими десятками тысячъ долга частнымъ лицамъ и кредитнымъ учрежденіямъ²⁾).

Жизнь въ „Новомъ Веды“ Николай Ивановичъ велъ довольно уединенную и рѣдко куда нибудь выѣзжалъ, особенно, на далекое разстояніе. Однимъ изъ исключеній изъ этого образа жизни представляетъ поѣздка въ бывшему своему начальнику фельдмаршалу кн. Барятинскому, который, послѣ тщетныхъ надеждъ возстановить вполнѣ свое здоровье, возвратился изъ-за границы и поселился въ своемъ Курскомъ имѣніи. Здѣсь, въ деревенской тиши, онъ не переставалъ интересоваться и заниматься текущими военными вопросами, и при этомъ, конечно, долженъ

¹⁾ Архивъ гр. Евдокимова, № 36.

²⁾ Интересныя подробности объ этомъ можно найти въ статьѣ Кравцова: «Кавказъ и его военачальники», «Русская Старина» изд. 1886 г., июль.

былъ ему представляться весьма желательнымъ обмѣнъ мыслей съ человѣкомъ такого высокаго ума и такой рѣдкой воинской опытности, каковымъ былъ гр. Евдокимовъ.

13-го августа 1868 года послѣдній получилъ отъ бывшаго своего сослуживца по Кавказу, генерала Р. А. Фадѣева, слѣдующее письмо:

„М. г., гр. Николай Ивановичъ. Князь Александръ Ивановичъ живетъ въ селѣ своемъ Деревенькахъ, въ одной верстѣ отъ гор. Льгова и въ 80 в. отъ Курска, и я, покуда, нахожусь съ нимъ. Слыша очень часто, насколько князю желательно было бы видѣться съ вашимъ сіятельствомъ, и зная, что вы также давно имѣете это желаніе, я беру на себя извѣстить васъ, что князь проживетъ тутъ всю зиму, по крайней мѣрѣ до будущей весны, когда собирается къ нему въ гости государь. Можетъ быть, вы захотите воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы увидѣться съ нимъ. Князь непременно пригласилъ-бы васъ своимъ письмомъ, если-бы не опасался потревожить васъ несвоевременно; но онъ слишкомъ высоко ставитъ васъ въ своемъ уваженіи, чтобы тревожить васъ приглашеніемъ, которое оказалось-бы, можетъ быть, несподручнымъ для васъ или обременительнымъ для вашего здоровья. Если же вы были-бы расположены видѣться съ нимъ и извѣстили его о томъ телеграммою, то онъ немедленно писалъ-бы къ вамъ. Позволяю себѣ написать объ этомъ вашему сіятельству, такъ какъ разговоръ объ этомъ предметѣ часто повторяется, хотя объ этомъ я не упомяну передъ княземъ“ ¹⁾.

Понятно, что гр. Евдокимовъ, такъ высоко цѣнившій фельд-маршала и чувствовавшій себя столь много ему обязаннымъ, счелъ за свой долгъ воспользоваться этимъ косвеннымъ приглашеніемъ. Много было о чемъ поговорить и о чемъ вспомнить обоимъ кавказскимъ орламъ. Теперь уже отношенія ихъ сложились въ болѣе душевный, пріятельскій тонъ. Долгая, совмѣстная боевая служба и общія заслуги сблизили достойнаго представителя одного изъ древнѣйшихъ боярскихъ родовъ съ внукомъ никому неизвѣстнаго, сѣраго мужика. Возвратясь въ свой уединенный уголокъ, Николай Ивановичъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ оказаннаго ему пріема, писалъ отсюда:

¹⁾ Архивъ гр. Евдокимова, № 43.

„26-го ноября я благополучно возвратился въ Пятигорскъ и почелъ обязанностію принести вашему сіятельству и княгинѣ Елизаветѣ Дмитріевнѣ мою почтительнѣйшую благодарность за то высокое ко мнѣ вниманіе, которымъ я удостоенъ былъ во все время пребыванія моего въ вашемъ домѣ. Жена моя, раздѣляя со мною то же чувство, считаетъ себя особенно обязанною вамъ за память о ней и подарокъ, а княгиня за выраженное ей вниманіе. Но она бранитъ меня каждый день, называя обиднымъ именемъ безтолковаго, за неумѣнье воспользоваться вашими милостями, чтобы выпросить фотографическіе портреты или карточки—вашъ, въ дополненіе къ имѣющемуся у насъ прежнему, и княгини,—котораго мы вовсе не имѣемъ. Убѣдительно прошу ваше сіятельство избавить меня отъ таковой правдивой укорины жены, удостойвъ насъ этимъ одолженіемъ“¹⁾.

Письмо это разошлось съ отправленнымъ изъ села Ивановскаго письмомъ кн. Барятинскаго, въ которомъ тотъ, между прочимъ, писалъ:

„Почтенный и многоуважаемый графъ Николай Ивановичъ. Княгиня и мнѣ очень желательно знать, какъ вы достигли свояси, нашли-ли графиню въ хорошемъ здоровьи и все-ли, вамъ дорогое, благополучно? Жалѣемъ, что не могли вы оставаться долѣе въ Ивановскомъ; черезъ день послѣ вашего отъѣзда пріѣхалъ Ростиславъ Андреевичъ (Фадѣевъ) съ новостями, а съ недѣлю спустя и Шамиль со всѣмъ своимъ семействомъ, состоявшимъ изъ 26 душъ. Имамъ жалѣлъ сердечно, что не засталъ Учъ-гѣза... Княгиня поручаетъ передать вашему сіятельству усердный свой поклонъ.

„Свидѣтельствую искреннее почтеніе мое графинѣ, прошу васъ, почтенный графъ Николай Ивановичъ, вѣрить неизмѣннымъ дружескимъ чувствамъ моего уваженія и преданности“²⁾.

Въ слѣдующемъ, 1869-мъ, году исполнялось столѣтіе со времени учрежденія въ Россіи военнаго ордена св. Георгія Побѣдоносца. Гр. Евдокимовъ, какъ одинъ изъ старѣйшихъ кавалеровъ, получилъ предложеніе прибыть къ означенному дню въ

¹⁾ Архивъ гр. Евдокимова, № 41. Изъ письма графа, отъ 2-го декабря 1868 г., князю А. И. Барятинскому.

²⁾ Архивъ гр. Евдокимова, № 43. Изъ письма кн. Барятинскаго, отъ 9-го декабря 1868 г.

Петербургъ. На торжествѣ, происходившемъ по случаю помянутаго праздника, онъ почтенъ былъ новымъ, въ высшей степени для него лестнымъ, знакомъ высочайшаго вниманія. Императоръ Александръ II, обратясь къ собравшимся въ Зимнемъ дворцѣ георгіевскимъ кавалерамъ и поблагодаривъ ихъ всѣхъ, вообще, за службу, вслѣдъ затѣмъ сказалъ слѣдующія слова:

„Сожалѣю, что не всѣ кавалеры могли явиться къ сегодняшнему нашему, военному, семейному празднику, — начиная съ фельдмаршала кн. Барятинскаго; но я не забываю, что ему я обязанъ покореніемъ Кавказа. Я радъ, что могу передъ вами всѣми благодарить брата моего, великаго князя Михаила Николаевича, за окончательное умиротвореніе всего кавказскаго края, и главнаго помощника и того и другаго—графа Евдокимова“¹⁾.

Послѣднимъ выраженіемъ общественнаго довѣрія къ Ниволаку Ивановичу было избраніе его въ почетные мировые судьи по Пятигорскому уѣзду, въ январѣ 1870 г.²⁾; послѣднею высочайшею наградою—орденъ св. Владиміра 1-й степени, пожалованный ему 8-го сентября 1871-го года. Еще около двухъ лѣтъ послѣ этого жилъ онъ почти безвыѣздно въ своемъ хуторѣ, но въ апрѣлѣ 1873 г. опасно заболѣлъ воспаленіемъ печени. Послѣ шести-недѣльныхъ страданій, переносимыхъ имъ съ обычною твердостію и покорностію волѣ Божіей, 22-го мая 1873 г. графъ Николай Ивановичъ упокоился отъ земныхъ тревогъ. Надъ тѣломъ его, похороненнымъ въ Пятигорскѣ, воздвигнута овдовѣвшею графинею Александрою Александровною замѣчательно изящный памятникъ, украшенный мраморнымъ бюстомъ покойнаго.

Нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ двукратно соизволилъ выразить уваженіе къ памяти гр. Евдокимова. Въ 1884 г., вдова покойнаго, вслѣдствіе принесенія ею всеподданнѣйшаго поздравленія по случаю 25-ти-лѣтней годовщины взятія Вѣдена, удостоена была слѣдующею депешкою отъ военнаго министра:

¹⁾ С. Татищевъ. «Императоръ Николай и иностранные дворы». Сиб. 1889 г.

²⁾ Архивъ гр. Евдокимова, № 83.

„Письмо ваше я имѣлъ счастье представить Государю Императору. Его Величество поручилъ мнѣ благодарить васъ за поздравленіе по случаю двадцатипятилѣтней годовщины взятія Ведыа, и изволилъ при этомъ съ благодарностію вспомнить о герояхъ кавказской арміи, которые, подъ предводительствомъ покойнаго вашего мужа, прославили въ этотъ день русское оружіе однимъ изъ достославнѣйшихъ подвиговъ“.

Въ другой разъ Его Императорское Величество изволилъ вспомнить о покойномъ въ бытность свою, въ 1888 г., во Владикавказѣ. Въ этотъ день память его почтена была приглашеніемъ графини Александры Александровны Евдокимовой къ столу ихъ величествъ.

Предоставляя безпристрастнымъ читателямъ подвести итоги и сдѣлать оцѣнку общественной и боевой дѣятельности графа Н. И. Евдокимова, которую мы старались съ возможною полнотою изобразить въ предшествовавшихъ главахъ, — скажемъ, въ заключеніе, нѣсколько словъ о характерѣ его, какъ человѣка. Свѣдѣнія для его характеристики почерпнуты нами частію изъ словесныхъ, частію изъ письменныхъ воспоминаній людей, близко знавшихъ Николая Ивановича, имѣвшихъ случай наблюдать за всѣмъ складомъ его служебнаго и домашняго быта, изучать его не какъ начальника, а какъ обыкновеннаго смертнаго.

Суровая обстановка дѣтскихъ лѣтъ и не менѣе суровыя условія послѣдующей жизни выработали въ графѣ желѣзный характеръ, отлично уживавшійся въ немъ съ тѣмъ благодушіемъ, которое свойственно простому русскому человѣку. При врожденной трезвости и практичности своего міровоззрѣнія, онъ всегда обращалъ вниманіе на самую суть дѣла; къ обстоятельствамъ же второстепеннымъ, хотя иногда и не согласнымъ съ требованіями тогдашней службы, относился весьма снисходительно.

О молодыхъ лѣтахъ графа намъ почти ничего неизвѣстно. Должно полагать, что, при тогдашней обстановкѣ кавказскаго офицера, и онъ заплатилъ нѣкоторую дань увлеченіямъ молодости, насколько то позволяли его скудныя средства и захламленныя условія полудикой жизни. Но это нисколько не помѣшало ему, какъ въ молодости, такъ и въ зрѣлыхъ лѣтахъ тру-

даться надъ пополненіемъ крупныхъ пробѣловъ въ своемъ воспитаніи и обученіи, которыхъ онъ, какъ человѣкъ высокаго ума, не могъ не сознать. При той силѣ воли, при той настойчивости, которыя были его выдающимися чертами, онъ, если брался за какое дѣло, то уже не оставлялъ его, пока не доведетъ до конца, — какихъ-бы трудовъ ему оно ни стоило.

Въ домашней, семейной жизни графъ придерживался строгихъ правилъ. Будучи человѣкомъ глубоко - религиознымъ, онъ день начиналъ не иначе какъ указаннымъ чтеніемъ изъ Евангелія, которое было его настольною книгою. Постороннихъ, соблазнительныхъ связей у него не бывало и, вообще, женщины не играли у него никакой роли. Вино употреблялъ въ весьма умѣренномъ количествѣ, а въ послѣдніе годы совершенно отъ него отказался, замѣнивъ оное чаемъ, который былъ любимымъ и постояннымъ напиткомъ графа. Вся домашняя обстановка его — соотвѣтственно вкусамъ хозяина — отличалась полнѣйшею простотою.

Отношенія графа къ войскамъ были тоже самаго искренняго свойства. Какъ вполне русскій человѣкъ, да къ тому же и самъ потершій солдатскую, подчасъ крайне тяжелую, лямку, онъ лучше чѣмъ кто-либо умѣлъ обращаться съ солдатомъ, зналъ что можно отъ него требовать, гдѣ нужно примѣнить высвятельность и строгость, и гдѣ можно поглядѣть на проступокъ севозъ пальцы. Такого же рода были и отношенія его въ офицерамъ: при неисполненіи вѣмъ либо изъ нихъ его приказаній (конечно, по какой либо случайности, или недоразумѣнію), графъ съ полнымъ вниманіемъ выслушивалъ объясненія провинившагося и, если находилъ ихъ мало уважительными, то дѣлалъ выговоръ, но въ деликатной формѣ. Сослуживецъ графа, П. Г. Бѣликъ, говорить въ своихъ воспоминаніяхъ, что ему памятенъ лишь одинъ случай весьма рѣзкой выходки Николая Ивановича, при подобномъ случаѣ. Случилось это во время послѣднихъ дѣйствій въ Большой Чечнѣ. Графъ, имѣя въ виду двинуть войска въ ущелье р. Басса, приказалъ нѣкому штабсъ-капитану Ш. доставить въ укрѣпленіе Шали, къ опредѣленному сроку, известное количество овса и сѣна. По прибытіи отряда въ Шали, оказалось, что фуражъ заготовленъ былъ не въ предписанномъ количествѣ, и графъ, потребовавъ къ себѣ штабсъ-капитана Ш., сталъ дѣлать

ему выговоръ. Тотъ, желая оправдаться, началъ было фразу: „я думалъ, что....“; но графъ, не давъ ему договорить, быстро повернулся и сказалъ: „думаютъ люди умные, да въ Петербургѣ, а вы, почтеннѣйшій, дуракъ, да еще на Кавказѣ“.

Отъявленныхъ пьяницъ Николай Ивановичъ терпѣть не могъ, но на обыкновенныхъ бутиль смотрѣлъ снисходительно, понимая, что при трудной кавказской службѣ и при отсутствіи другихъ развлеченій, кутежи являлись необходимымъ дивертиссементомъ. По этому же поводу, тотъ же П. Г. Бѣлинь припоминаетъ одинъ случай, характеризующій вмѣстѣ съ тѣмъ и великодушіе графа. Отъ одного изъ стоявшихъ въ Чечнѣ полковъ (названіе его рассказчикъ забылъ) назначенъ былъ штабъ-офицеръ, для сопровожденія изъ дѣйствующаго отряда въ кр. Воздвиженскую транспорта съ больными и ранеными. Подъ утро, когда графъ, стоя у костра, курилъ трубку, подходитъ къ нему помянутый шт.-офицеръ, въ пьяномъ видѣ, и говоритъ: „я назначенъ сопровождать транспортъ; пришелъ получить приказанія отъ начальника штаба, да его въ палатѣ нѣтъ; такъ какъ прикажете поступить?“ Графъ, посмотрѣвъ на него, отвѣчалъ: „Ступайте къ своему полковому командиру, явитесь ему и вмѣстѣ съ нимъ приходите ко мнѣ“.—Злополучный шт.-офицеръ ушелъ, а вслѣдъ затѣмъ явился полковой командиръ, извиняясь и заявляя, что прикажетъ провинившемуся сейчасъ же подать въ отставку. „А каковъ былъ онъ прежде по службѣ и поведенію?“ спросилъ графъ. „Отличный офицеръ во всѣхъ отношеніяхъ, и въ пьянствѣ никогда не замѣченъ“.—„Значитъ подкутилъ?“ продолжалъ допрашивать Николай Ивановичъ. — „Такъ точно: кутиль всю ночь съ свѣтлѣйшимъ княземъ С.“, — отвѣчалъ полковой командиръ, и сталъ просить графа о снисхожденіи въ виновному. „Я не прочь оказать ему снисхожденіе, — отвѣчалъ графъ, — но только прошу васъ сдѣлать ему отъ себя строгій выговоръ и не допускать себя до подобныхъ неприятныхъ случайностей. Я оказываю ему снисхожденіе потому, что онъ только кутила, а не пьяница“.

Вообще, сколько извѣстно, графъ за все время своей службы никого не сдѣлалъ несчастнымъ, и многимъ помогалъ.

Горцы, хотя и враждебные намъ, весьма уважали графа, обладавшаго замѣчательнымъ умѣньемъ обходиться съ ними и никогда

не измѣнявшаго данному слову. Увоенныя графомъ правила обхожденія много помогали ему и въ военныхъ дѣлахъ. Лазутчики не пытались его обманывать, зная, что это бесполезно. Однажды лазутчикъ сталъ увѣрять графа, что Вѣдень такъ сильно укрѣпленъ, что его или вовсе нельзя взять или, если можно, то не скоро и съ великими жертвами. Графъ на это отвѣтилъ: „вѣрю вамъ, что Вѣдень крѣпко Шамилемъ укрѣпленъ, но и вы вѣрьте мнѣ, что черезъ 30 или 40 дней вы увидите меня въ Вѣденѣ“. Такой разговоръ онъ имѣлъ съ лазутчиками въ Таузенѣ 21-го февраля, а 1-го апрѣля Вѣдень палъ.

Проведя всю жизнь на Кавказѣ, графъ до того освоился съ характеромъ и свойствами территоріи, что, при рекогносцировкахъ, могъ съ дальняго разстоянія почти безошибочно опредѣлять степень проходимости той или другой мѣстности. Изъ числа многихъ тому примѣровъ, одинъ бывший сослуживецъ Николая Ивановича приводитъ слѣдующій:

Для ознакомленія съ мѣстностію, лежащею на пути отъ верховьевъ р. Пшиша къ Гойтхскому перевалу, онъ прибылъ къ Абадзехскому отряду, стоявшему въ то время на урочищѣ Ходжи, и такъ какъ никакихъ картъ окрестнаго края еще не было, то пришлось прибѣгнуть къ разпросамъ. Взявъ съ собою одного изъ туземцевъ, графъ поднялся на ближайшую гору и сталъ спрашивать его о направленіи дороги на Гойтхъ. Во время разсказовъ горца, графъ нѣсколько разъ его останавливалъ, доказывая, что указываемое имъ направленіе невозможно, по причинѣ того или иного строенія горъ. Горецъ останавливался, соображалъ и затѣмъ признавался, что предположенія графа о направленіи пути совершенно вѣрны.

Въ послѣдніе годы службы, при управленіи обширнымъ краемъ, Николаю Ивановичу приходилось значительнѣйшую часть своего времени посвящать кабинетнымъ занятіямъ. Занятія эти особенно усиливались въ началѣ каждой осени, такъ какъ въ это время обыкновенно составлялись предположенія о предпріятіяхъ будущаго операціоннаго года. Передъ наступленіемъ осени онъ обыкновенно заканчивалъ объѣздъ отрядовъ, лично давалъ указанія начальникамъ ихъ относительно наступающаго періода зимнихъ дѣйствій и работъ, такъ что возвращался въ Ставрополь, такъ сказать, уже намѣтивъ, что надо дѣлать въ предстоящее

зимнее полугодіе. Обѣзды отрядовъ и обмѣнъ мыслей съ ихъ начальниками составляли подготовительный трудъ къ выработкѣ годовыхъ предположеній; затѣмъ слѣдовали бесѣды съ разными, пріѣзжавшими изъ горъ, лицами, которыя могли давать свѣдѣнія не только объ участкахъ края, охваченныхъ войною но и о мѣстностяхъ еще не тронутыхъ, отдаленныхъ. По сообщеніямъ этихъ пріѣзжихъ лицъ, графъ дѣлалъ соображенія о характеристическихъ особенностяхъ разныхъ частей западнаго Кавказа, узнавалъ о настроеніи того или другаго горскаго общества, повѣрялъ одни показанія другими и, такимъ образомъ, составлялъ себѣ возможно вѣрное понятіе о современномъ положеніи дѣлъ въ интересовавшемъ его районѣ. Послѣ этого уже приступалъ онъ къ изложенію своихъ соображеній на бумагѣ. Въ рабочемъ кабинетѣ его раскрывалось нѣсколько столовъ, на которыхъ, въ опредѣленномъ порядкѣ, раскладывались всѣ нужныя для дѣла записки, дѣла, карты и т. п. Въ эти часы усиленной работы, графъ ходилъ взадъ и впередъ по кабинету, съ карандашемъ въ рукѣ, останавливаясь то передъ тѣмъ, то передъ другимъ столомъ и записывая назрѣвавшія въ его головѣ мысли. Такая работа занимала иногда не одну недѣлю времени. Вслѣдъ затѣмъ призывался начальникъ штаба, которому графъ передавалъ всѣ свѣдѣнія и общія предположенія свои, поручая ему, въ свою очередь, разработать подробности исполненія. Личная работа начальника штаба прочитывалась графомъ съ особымъ вниманіемъ, и затѣмъ во всѣ мѣста рассылались соответствующія ей приказанія. Неудивительно, что при такой основательности и систематичности въ веденіи работы, предположенное не только всегда выполнялось, но оставалась еще экономія времени и труда для побочныхъ и дополнительныхъ предпріятій.

Особымъ вниманіемъ графа пользовались офицеры генеральнаго штаба,—въ смыслѣ подготовки ихъ къ практическому выполненію лежащихъ на нихъ обязанностей. Такъ, по прибытіи въ Кубанскую область, онъ заявилъ своему начальнику штаба, генералу Забудскому, что желаетъ имѣть этихъ офицеровъ своими ближайшими сотрудниками и считать ихъ наблюденія за наблюденія своихъ собственныхъ глазъ. Черта эта, для того времени, была не очень-то обыкновенная, особенно въ генералахъ стараго закала. Но Николай Ивановичъ, какъ человекъ высо-

каго ума, хотя самъ и получилъ весьма скудное образование — умѣлъ цѣнить его въ другихъ. Не даромъ кн. А. И. Барятинскій называлъ его „золотымъ самородкомъ“.

Вообще, когда оглянешься на всю жизнь графа Н. И. Евдокимова, на все совершенное имъ, и когда подумаешь о томъ гнѣздѣ, изъ котораго вылетѣлъ такой соколъ, невольно вспоминаются отрадные для каждаго русскаго стихи Некрасова:

Не бездарна та природа,
 Не погибъ еще тотъ край,
 Что выводитъ изъ народа
 Столько славныхъ, то-и-знай!..

Въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, на восточномъ Кавказѣ, красуется статуя дагестанскаго героя, князя Аргутинскаго-Долгорукова. Не уменьшая ни на іоту заслугъ, имъ оказанныхъ въ свое время, нельзя, однако, не сознаться, что далеки онѣ, по своей важности, отъ тѣхъ заслугъ, которыми прославилъ себя передъ Россією графъ Н. И. Евдокимовъ. Послѣдній имѣетъ полное право на памятники и въ Чечнѣ, и въ Закубанѣ. Мы не сомнѣваемся, что со временемъ они и воздвигнутся тамъ благодарнымъ потомствомъ.

И. И. Ореуць

Гербъ графа Н. И. Евдокимова.

Въ описаніи герба, пожалованнаго Николаю Ивановичу Евдокимову, при возведеніи его въ графское достоинство (см. „Русскую Старину“ изд. 1889 г., июль, стр. 109), вералась неточность. Согласно доставленнымъ намъ впоследствии безусловно-достовернымъ свѣдѣніямъ, приводимъ здѣсь точнѣйшее описаніе этого герба:

Щитъ увѣнчанъ графскою короною. На правой сторонѣ его, въ красномъ полѣ, полуразрушенная батарея; а на лѣвой, въ голубомъ полѣ, золотая земледѣльческая борона. Щитъ съ лѣвой стороны поддерживаютъ филинъ, а съ правой—черкезь въ полномъ вооруженіи, имѣя въ рукѣ значекъ, на красномъ полѣ котораго изображено лѣвое орлиное крыло; внизу же щита, на красной лентѣ, императоръ Александръ Николаевичъ начерталъ собственноручно девизъ: „собою“.

Надъ щитомъ—три рыцарскіе шлема съ опущенными забралами; надъ среднимъ изъ нихъ паритъ двуглавый орелъ.

И. О.

Къ посмертнымъ запискамъ В. И. Дена.

[«Русская Старина» изд. 1890 г., томъ LXV, январь].

Исправляемъ здѣсь замѣченныя описки и опечатки въ Запискахъ Владимира Ивановича Дена: на стр 68—не Н. М., а И. М. (Иванъ Максимовичъ) Ореусъ, не Сериговъ, а Сутгофъ (мать бывшего начальника школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ); на стр. 70, не frèге, а rèге; на стр. 71 напечатано: Кушелова, Безбородко, слѣдуетъ: Кушелева-Безбородко.

И. О.

Въ статьѣ о В. А. Слѣпцовѣ, «Русская Старина», изд. 1880 г., томъ LXV, январь, стр. 284, напечатано: Варшавской губерніи, читай: Саратовской.

• П. А.

ГРАФЪ АЛЕКСАНДРЪ ВЛАДИМИРОВИЧЪ АДЛЕРБЕРГЪ.

Замѣтки къ его біографіи.

Род. 1-го мая 1818 г., † 22-го сент. 1888 г.

I.

Графъ А. В. Адлербергъ родился 1-го мая 1818 г., въ одинъ годъ и только нѣсколькими днями позже императора Александра Николаевича, и росъ, можно сказать, вмѣстѣ съ нимъ. По производствѣ въ прапорщики въ л.-гвардіи Преображенскій полкъ, А. В. Адлербергъ былъ назначенъ состоять при своемъ августѣйшемъ сотоварищѣ и съ тѣхъ поръ неотлучно при немъ находился, до дня его мученической кончины. Въ 1841 и 1850 годахъ гр. Александръ Владиміровичъ принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ и за отличіе былъ награжденъ золотою саблею, съ надписью: „за храбрость“. Въ 1855 г., въ день восшествія на престолъ Александра II, гр. А. В. былъ назначенъ флигель-адъютантомъ, въ томъ же году произведенъ въ генераль-маіоры и назначенъ управляющимъ императорскою главною квартирою и командующимъ собственнымъ его величества конвоемъ и вслѣдъ затѣмъ генераль-адъютантомъ. Въ 1861 г. А. В. произведенъ въ генераль-лейтенанты, а въ 1869 г. въ генераль-отъ-инфантеріи. 17-го апрѣля 1870 г. графъ назначенъ былъ министромъ императорскихъ двора и удѣловъ; въ 1877 г. назначенъ шефомъ 44-го пѣхотнаго Камчатскаго полка; въ августѣ 1881 г. графъ оставилъ министерскій портфель, но сохранилъ званіе члена государственнаго совѣта. 2-го августа

1886 г., въ день полувѣкового юбилея службы графа, государь императоръ пожаловалъ ему брилліантами украшенный портретъ свой и своего державнаго родителя, для ношенія на груди, при чрезвычайно лестномъ высочайшемъ рескриптѣ 22-го сентабря 1888 г.

22-го сентября 1888 года, послѣ тяжелой и продолжительной болѣзни, графъ скончался въ Мюнхенѣ и 1-го октября былъ похороненъ въ Сергіевской пустынѣ.

Покойный графъ Александръ Владиміровичъ, какъ всѣмъ извѣстно, былъ не столько министръ, сколько совѣтникъ и самый близкій другъ императора Александра II; дружба отъ самыхъ юныхъ лѣтъ и до самой смерти государя, дружба болѣе, чѣмъ полувѣковая, соединяла этихъ людей. Графъ бывалъ каждый день у государя, велъ всѣ его личныя дѣла и переписку, читалъ ему газеты, книги, письма отъ иностранныхъ государей и правительствъ, и отвѣчалъ на нихъ. Государь не имѣлъ особаго секретаря, всѣ письма, всѣ телеграммы кабинетамъ и правителямъ всего міра отъ лица государя писалъ графъ. Я, напримѣръ, слышалъ, что одно письмо къ императору германскому, въ Бозѣ почившему Вильгельму I, было написано такъ, что Вильгельмъ, читая, плакалъ отъ умиленія. Многіе высочайшіе рескрипты, даже манифесты, выходили изъ-подъ пера графа Адлерберга. Напримѣръ, былъ такой случай: князю Горчакову предназначался орденъ Андрея Первозваннаго и готовился рескриптъ. Государю написанный рескриптъ не понравился и онъ приказалъ отнести для передѣлки графу А. В. Адлербергу. Графъ взялъ перо, написалъ прямо на-бѣло рескриптъ и черезъ нѣсколько минутъ рескриптъ былъ возвращенъ подписаннымъ государемъ, безъ всякой поправки и измѣненія. То же самое было съ однимъ нѣмецкимъ письмомъ къ одному изъ владѣтельныхъ нѣмецкихъ государей. Письмо переписывалось не одинъ разъ, наконецъ, государь послалъ письмо къ графу Адлербергу. Графъ написалъ и съ тѣмъ же посланнымъ представилъ: государь подписалъ и письмо было отправлено. Такъ бывало почти всегда. Значить, графъ отлично понималъ, какъ должно писать и чего желаетъ его царственный другъ. Графъ А. В. владѣлъ европейскими языками и зналъ ихъ основательно. Обладая рѣдкою памятью, графъ отлично помнилъ многія узаконенія и вообще высочайшія повелѣнія, даже подроб-

ности, при которыхъ таковыя повелѣнія состоялись, преимущественно, конечно, въ области его вѣдомства. Графъ Александръ Владиміровичъ писалъ мастерски. Резолюціи гр. А. В. на докладахъ его вѣдомства бывали иногда весьма длинны и всегда въ нихъ былъ виденъ умъ и полное знаніе дѣла; бывало, хотъ отдавай прямо въ печать; самый почеркъ его былъ очень красивъ, ни одинъ канцелярскій чиновникъ нашъ не могъ написать такъ красиво самый докладъ, какъ писалась на немъ А. В. резолюція. Когда графъ садился за дѣло, то занимался прилежно и усидчиво; онъ писалъ легко по нѣсколько листовъ въ сутки. Напримѣръ, въ 1865 г., въ Ницѣ, въ день смерти цесаревича Николая Александровича, графъ въ своемъ лицѣ составлялъ, такъ сказать, цѣлое министерство: изъ-подъ его пера шли телеграммы по всей Европѣ, отвѣтныя письма отъ лица государя ко всѣмъ государямъ міра, приславшимъ сочувственныя письма и телеграммы, изъ-подъ его же пера шли манифесты и церемоніаль, словомъ, онъ такъ много писалъ, что нѣсколько чиновниковъ его почти не успѣвали запечатывать и разсылать написанное имъ однимъ. Такъ было всегда въ экстренныхъ и чрезвычайныхъ случаяхъ. Говорилъ графъ А. В. увлекательно, иной разъ съ оттѣнкомъ юмора. Простой какой-нибудь случай, но онъ его такъ расскажетъ, что заслушаешься. Предметовъ для разговора у него бывалъ неизсякаемый источникъ. Проведя всю жизнь съ государемъ, графъ А. В. почти всѣхъ правителей міра зналъ, говорилъ съ ними, и ужъ что дѣлалось въ этомъ мірѣ земныхъ владыкъ—ему положительно было извѣстно. Умѣніемъ говорить и присущимъ ему тактомъ графъ А. В. спасался иногда отъ докучливыхъ просителей. Знаетъ онъ, напримѣръ, что пріѣхалъ къ нему сановникъ съ извѣстной просьбой. Не желая отказать и не имѣя возможности исполнить, онъ приметъ изысканно, какъ всегда, любезно и начнетъ рассказывать одно за другимъ, но такъ увлекательно, интересно, что проситель или совсѣмъ забудетъ зачѣмъ пріѣхалъ, или не найдетъ перерыва, во время котораго могъ бы начать свою просьбу. Въ это время входитъ другой, третій сановникъ, такъ ни съ чѣмъ первый и уѣдетъ. Точно то же дѣлалъ графъ и съ тѣми, кто пріѣзжалъ для объясненій, графу не желаемыхъ. Что государь Александръ Николаевичъ любилъ графа Александра Владиміровича, это всѣмъ извѣстно; довелось

намъ видѣть двѣ резолюціи государя по дѣламъ министерства двора, когда еще А. В. Адлербергъ не былъ министромъ, но уже отецъ его, В. Ѳ., былъ слабъ и, въ особенности, глазами. Принесеть, бывало, старинъ Владиміръ Ѳеодоровичъ доклады, государь, щадя его, скажетъ: „Мнѣ теперь некогда, оставь ихъ; я прочту послѣ“. Вотъ на двухъ изъ таковыхъ докладовъ я видѣлъ резолюціи: „пусть доложитъ мнѣ Саша“; простое это „Саша“ доказываетъ, какъ покойный государь любилъ Александра Владиміровича.

Графъ мало ходилъ, между тѣмъ докторъ настаивалъ, чтобы онъ дѣлалъ моціонъ; графъ ихъ не слушалъ, государь это зналъ и, гдѣ могъ, всегда помогалъ имъ. Однажды, въ Ливадіи, государь взялъ графа съ собой кататься; доѣхали до какого-то павильона. Подѣхавъ къ нему, государь приказалъ кучеру уѣхать, общаясь вернуться пѣшкомъ; графъ этого приказанія не слышалъ. Послѣ долгой бесѣды, выходятъ изъ павильона—экипажа нѣтъ; графъ осматривается, нигдѣ не видно, начинаетъ звать лейбъ-кучера, отвѣта не слышно. Государь молчитъ и дѣлаетъ видъ, что ждетъ экипажъ и выражаетъ неудовольствіе. Послѣ безуспѣшныхъ поисковъ, государь сказалъ: „Пойдемъ пѣшкомъ, онъ насъ догонитъ“. Графъ соглашается, идетъ, но все оглядывается. Такъ и дошли. Графъ А. В. очень усталъ отъ непривычки ходить. Было тепло, да и павильонъ отъ дворца былъ не близко. Вернувшись въ квартиру, разсерженный графъ позвалъ завѣдующаго конюшней и, сдѣлавъ ему приличный выговоръ, приказалъ немедленно и строго взыскать съ лейбъ-кучера, который и былъ позванъ для расправы, но послѣ перваго же вопроса дѣло разъяснилось. Доложили графу, тотъ, разумѣется, понялъ и, улыбнувшись, сказалъ: „Ну, хорошо, ужъ въ слѣдующій разъ я буду остороженъ и велю своему кучеру издали слѣдовать за мной“. То же было и въ Висбаденѣ. Государь взялъ графа въ театръ и лошади были отпущены, графъ долженъ былъ поневолѣ идти пѣшкомъ. Факты эти очень мелкіе, но они говорятъ о томъ, какъ императоръ Александръ II любилъ графа и какъ заботился о его здоровьѣ.

Если графъ не явится, бывало, иной день къ государю, то государь сейчасъ же посылаетъ узнать причину и если ему доложить, что А. В. не совсѣмъ здоровъ, то государь идетъ къ нему.

Изъ исторіи нашего отечества и по преданіямъ извѣстно, что всѣ бывшіе любимцы (хотя такого ужъ близкаго, какъ Адлербергъ, любимца не было) болѣе или менѣе злоупотребляли своимъ положеніемъ, много дѣлали зла, и ужъ положительно всѣ заботились о себѣ, о своихъ матеріальныхъ средствахъ, но у графа А. В. Адлерберга, если онъ не отказывалъ себѣ въ жизни и иногда входилъ въ значительные долги, то послѣ его смерти ровно ничего не осталось и никто не можетъ сказать или указать того, кому бы графъ сдѣлалъ зло: кромѣ добра, онъ ничего не дѣлалъ; съ замѣчательнымъ тактомъ, онъ не вмѣшивался въ дѣла другихъ министерствъ, зналъ свое министерство, зналъ своего государя, былъ ему всею душою преданъ и дальше не шелъ, а если высказывался когда по важнымъ государственнымъ, вопросамъ, то только тогда, когда требовалъ этого государь. Не вмѣшиваясь самъ въ сферу другихъ государственныхъ дѣателей, онъ ужъ за то никому не позволялъ вмѣшиваться и въ сферу своихъ дѣйствій. Приведу здѣсь два примѣра.

Въ императорскихъ театрахъ, кромѣ министра двора, директора и другихъ чиновъ дирекціи, имѣли казенныя бесплатныя кресла шефъ жандармовъ, плацъ-адъютантъ, мѣстный полицейскій приставъ и другіе. Вотъ кто-то и посовѣтовалъ министру внутреннихъ дѣлъ доложить государю, что ему, министру, какъ высшему начальнику всей цензуры, слѣдуетъ имѣть также кресло. Государь согласился. Какъ докладывалъ министръ государю лично, я, разумѣется, не знаю, но въ письменномъ-то его докладѣ, слово „бесплатно“ было пропущено. Когда это высочайшее повелѣніе пришло въ Адлербергу для исполненія, то оно не могло ему понравиться, такъ какъ министръ внутреннихъ дѣлъ почему-то не счелъ нужнымъ предварительно поговорить съ нимъ, и вотъ я получаю отъ графа резолюцію: „согласно высочайшему повелѣнію назначить немедленно во всѣхъ театрахъ и во всѣхъ спектакляхъ кресла: въ 1-мъ ряду для министра, а во 2-мъ ряду для цензора печати, но при этомъ вычислить, чего стоятъ эти кресла и цифру сообщить министру внутреннихъ дѣлъ, прося представить деньги въ кассу министерства двора“. Я вычислилъ, оказалось что-то около четырехъ тысячъ въ годъ, и сообщилъ. Что было дѣлать министру внутреннихъ дѣлъ? Не ѣхать же передокладывать государю? Подумали, погадали, а деньги

заплатили; кажется, одинъ только годъ и пользовались этимъ, нашли затѣю дорогимъ и прислали отказъ, прося считать ихъ кресла свободными.

Бывшій с.-петербургскій градоначальникъ, покойный **Ө. Ө. Треповъ**, проѣзжалъ однажды мимо зданія академіи художествъ и, замѣтивъ на заднемъ дворѣ ветхое зданіе, выходящее на какой-то переулочъ или улицу, нашель, что оно угрожаетъ опасности проходящимъ, и приказаль сломать. Мѣстный приставъ, зная, что градоначальникъ Треповъ любитъ немедленное исполненіе своихъ приказаній, началъ надождать мѣстной администраціи академіи, прося сломать этотъ сарай. Сарай сломанъ, а такъ какъ въ этомъ сараѣ или зданіи помѣщены были какія-то необходимыя вещи, которымъ другаго помѣщенія не было, то академіею составлена была смѣта на постройку новаго и представлена министру, не рассказывая въ докладѣ исторіи слома. Министру, при прочтеніи этого доклада, пришло въ голову спросить: зачѣмъ дѣлать новое помѣщеніе, вѣдь гдѣ-же нибудь эти вещи помѣщались прежде? Тогда ему объяснили какъ было дѣло. Получается резолюція: „Смѣту утверждаю, а у градоначальника потребовать объясненіе, зачѣмъ онъ руководился, уничтожая зданіе, принадлежащее министерству двора?“

Долго медлилъ отвѣтомъ градоначальникъ и, наконецъ, написалъ:

„Такъ какъ ваше сіятельство были въ отсутствіи (онъ былъ съ государемъ въ Ливадіи), то я, видя зданіе угрожающимъ прохожимъ, распоряженіемъ своимъ предупредилъ, такъ сказать, распоряженіе вашего сіятельства“.

На что получили изъ Ливадіи резолюцію: „Объявить г. градоначальнику, чтобъ онъ впредь не вмѣшивался въ хозяйственныя дѣла министерства двора, гдѣ хозяиномъ я“.

Графъ **А. В. Адлербергъ** отъ министерства получаль квартиру и жалованье въ 3,000 руб. въ мѣсяць. Жалованье не Богъ вѣсть какое громадное (36,000 р. въ годъ); нѣкоторые управляющіе банками и правленіями получаютъ далеко больше; баловъ и вечеровъ **А. В. Адлербергъ** не давалъ и жалованья его едва хватало на уплату процентовъ по частнымъ его займамъ. Онъ принялъ отъ отца министерство съ 40 милліонами капи-

тала, а сдалъ министерство съ 63 милліонами, себя же оставилъ съ большими долгами.

Графъ не имѣлъ ни чванства, ни чиновничьяго мелеаго самолюбія. Между тѣмъ, извѣстно, что въ другихъ вѣдомствахъ, въ описываемые мною годы, бывали начальники, при которыхъ и думать было нечего смѣть свое сужденіе имѣть. Былъ такой, напримѣръ, начальникъ, который, если разъ скажетъ, что это нельзя, то ужъ никакой силой не заставитъ его отказаться отъ своего рѣшенія. Если же кому удастся, наконецъ, убѣдить его, что рѣшеніе его неправильно, въ прямое нарушеніе закона, то онъ заставитъ бывало кого-либо изъ своихъ подчиненныхъ написать на него жалобу въ высшую инстанцію, иногда даже самъ напишетъ на себя и самъ укажетъ слабыя стороны своего рѣшенія, дастъ денегъ на расходы по этому дѣлу, но ужъ никогда не откажется отъ своего рѣшенія. Высшая инстанція, истребовавъ отъ него объясненія, рѣшеніе отмѣнить, иногда сдѣлаетъ и замѣчаніе. Онъ прочтетъ бывало разборъ своего рѣшенія и скажетъ: „да, вотъ это правильно“. Человѣкъ былъ умный, но не могъ отрѣшиться отъ этого мелкаго чиновничьяго самолюбія; но этого-то въ графѣ А. В. Адлербергѣ и не было. У него всегда хватало гражданскаго мужества сказать, что онъ ошибся. Было разъ такъ: государь Александръ Николаевичъ жилъ въ Царскомъ; въ одну изъ своихъ обычныхъ прогулокъ шелъ онъ мимо своей фермы; не доходя нѣсколькихъ шаговъ до нея, государь замѣтилъ, что съ коровой дѣлаются какія-то конвульсіи, а пока онъ дошелъ, корова упала и умерла. Государь тотчасъ послалъ за смотрителемъ фермы и спросилъ, что съ коровой и отъ чего она пала? Смотритель отвѣчалъ, что онъ не знаетъ и не можетъ объяснить причину и при этомъ прибавилъ, что это уже другая корова, что вчера при такихъ же условіяхъ пала уже корова и что ветеринаръ не далъ еще отзыва. Вернувшись домой, государь поручилъ графу А. В. разслѣдовать дѣло и доложить. Графъ немедленно вызвалъ одного изъ придворныхъ докторовъ, который, однако, узнавъ, что дѣло идетъ о коровѣ, не отнесся къ нему серьезно, трупа не вскрылъ, а пошелъ, поглядѣвъ, поговорилъ съ смотрителемъ, но сказать вѣдь что-нибудь надо-же было, онъ и сказалъ графу, что, вѣроятно, сѣно дурное. За обѣдомъ въ тотъ же день государь

вспомнилъ о коровѣ и спросилъ графа, посылалъ-ли онъ за докторомъ? Графъ отвѣтилъ, что посылалъ и докторъ сказалъ, что сѣно дурное. Разумѣется, если-бы государь не видѣлъ самъ какъ корова пала, то и разговора бы не было, купили-бы новую, если нужно, тѣмъ болѣе, что только двѣ коровы и пали. Государю показалось очень страннымъ, что у него на фермѣ хорошаго сѣна нѣтъ; приказалъ убѣдиться въ дѣйствительности этой причины. Тогда графъ А. В. назначилъ изъ врачей комиссію, но подъ предсѣдательствомъ того-же большаго доктора. Члены комиссіи, сослуживцы и подчиненные большому доктору, а главное, вѣроятно, тоже ставившіе свое значеніе выше того, чтобы разсуждать о какой-то коровѣ, узнавъ, что большой докторъ докладывалъ уже графу, что корова пала отъ дурнаго сѣна, такъ и постановили діагнозъ свой и представили о томъ графу А. В. Графъ доложилъ государю, которому очень не понравилась небрежность лицъ, принявшихъ дурное сѣно, и приказалъ виновныхъ въ томъ уволить. Увольненіе отъ службы по высочайшему повелѣнію есть очень большое наказаніе — уволенные нигдѣ служить не могутъ. Виновными оказались: смотритель и ревизоръ министерства, принимавшіе сѣно. Ревизоръ былъ энергичный человѣкъ, а главное—самъ землевладѣлецъ въ степной губерніи, слѣдовательно зналъ толкъ въ сѣнѣ, это опороченное-то сѣно видѣлъ и при приемѣ еще хвалилъ подрядчика. Ясно, что незаслуженная кара глубоко его огорчила и взволновала. Онъ, не говоря никому ни слова, началъ зорко слѣдить, куда подрядчикъ возьметъ свое сѣно и что съ нимъ будетъ дѣлать. Разумѣется, подрядчикъ долженъ былъ немедленно взять свое дурное сѣно. Подрядчикъ обѣгалъ всѣхъ кучеровъ Царскаго села, гдѣ были лошади, и домовладѣльцевъ, кто имѣлъ коровъ, и съ уступкою началъ продавать, кому сколько нужно, а остальное перевезъ въ Петербургъ и тоже сталъ продавать по частямъ. Ревизоръ молча слѣдилъ и записывалъ всѣхъ купившихъ сѣно и извѣдка навѣдывался въ тѣ дома за справкою, не пала-ли корова или лошадь. Прошло болѣе полугода, всѣ и забыли эту исторію, какъ вдругъ уволенный ревизоръ подаетъ графу А. В. Адлербергу просьбу, въ которой съ малѣйшими подробностями описалъ исторію забракованнаго сѣна и просилъ разслѣдовать это дѣло и если онъ окажется виноватымъ, то отдать его въ солдаты (онъ былъ по-

ручикъ въ отставкѣ и Георгіевскій кавалеръ) за дерзость, съ каковой онъ позволялъ себѣ оправдываться, если-же не виновать, то возстановить его честь.

Дѣло разслѣдовано, ревизоръ оказался невиннымъ и графъ не задумался ни на одну минуту доложить государю. Ревизоръ съ смотрителемъ съ честью продолжали занимать свои мѣста.

Покойный государь Александръ Николаевичъ всегда внимательно выслушивалъ всѣ доклады, а многіе, не имѣя секретаря, самъ прочитывалъ съ начала до конца. Годовые отчеты министерства двора полны его замѣтокъ, а поэтому и самъ графъ А. В.,—а ужъ управлявшій при графѣ контролемъ баронъ Кистеръ и подавно,—такъ строго, такъ тщательно относились къ составленію годоваго отчета, боясь, что государь не одобритъ той или другой финансовой мѣры, того или другаго расхода, а ужъ, вѣдь, вѣжется, расходы были такъ урѣзаны, что барону Кистеру дальше въ бережливости идти было некуда; вѣдь если, бывало, (хоть по дирекціи театровъ, напримѣръ), окажется 200 или 300 тысячъ дефицита, то баронъ Кистеръ такой бенефисъ задастъ всѣмъ своимъ помощникамъ, что страшно слушать, точно они произвольно, не по его приказанію и на свои нужды израсходовали деньги. Словомъ, время составленія отчета было для насъ, подчиненныхъ барона Кистера, тяжелое, а самый день доклада тяжелъ для графа А. В. Адлерберга и барона Кистера. Графъ, взявъ отчетъ, идетъ въ кабинетъ государя, а баронъ беретъ цѣлую связку бумагъ, идетъ въ сосѣдную комнату и ждетъ, не потребуется-ли какая-нибудь подлинная бумага въ оправданіе того или другаго расхода, той или другой финансовой операціи. Такая заботливость со стороны графа А. В. опять ясно доказываетъ, что, любя государя, онъ боялся замѣчанія его и дорожилъ одобреніемъ. А что государь прекрасно зналъ финансовую часть—это доказывается хотя бы отчетами министерства двора, гдѣ замѣчанія его величества были всегда серьезны и вѣрны.

Здѣсь я скажу нѣсколько словъ о ближайшемъ помощникѣ графа А. В. Адлерберга по министерству двора—баронѣ Кистерѣ. Баронъ Кистеръ былъ человекъ умный, отлично знающій дѣло, хорошій администраторъ. Наружною любезностью не отличался, подчиненнымъ своимъ руки не подавалъ, но зато ему можно было высказать свою нужду и онъ всегда готовъ былъ

исполнить просьбу ¹⁾, а это, право, лучше и дороже, чѣмъ рядомъ съ нимъ былъ другой дѣятель, А. Н. Кирилинъ (нынѣ покойный): придешь, бывало, къ нему, онъ не знаетъ какъ обласкать; руку подастъ, стулъ подвинетъ, предложить свою папиросу, пообщаетъ исполнить всякую просьбу, но никогда не исполнялъ ни одной. Была въ баронѣ Кистерѣ еще одна хорошая черта: онъ никогда не давалъ въ обиду своихъ подчиненныхъ, хотя самъ былъ очень строгъ къ нимъ, взыскивалъ строго, но зато зла не дѣлалъ и плачущихся на него не было (?). Помню разъ случай его вспышки серьезной и вполне справедливой.

Государь Александръ Николаевичъ повелѣлъ, по государственнымъ соображеніямъ, послать одному генераль-губернатору на извѣстное употребленіе, не гласно, 20 тысячъ руб. Бумага была написана отъ лица министра двора и наверху его рукою было прибавлено: „не гласно“. Деньги были вложены въ пакетъ и экзекуторъ самъ отвезъ ихъ на почту, но по оплошности или по старости забылъ на пакетѣ прибавить самое-то главное: „не гласно и въ собственныя руки“. Мѣстный почтамтъ послалъ повѣстку въ канцелярію генераль-губернатора. Правитель дѣлъ получилъ пакетъ, распечаталъ и вмѣстѣ съ другими бумагами доложилъ своему генераль-губернатору. Изъ этого вышло то, что прежде, чѣмъ были израсходованы деньги, городъ зналъ уже о нихъ. Генераль-губернаторъ вскорѣ по дѣламъ пріѣхалъ въ Петербургъ, отправился къ графу Адлербергу, высказалъ свою жалобу, и случилось такъ, что когда онъ жаловался, доложили о пріѣздѣ барона Кистера. Графъ, обращаясь къ генераль-губернатору, сказалъ: „а вотъ и самъ виновникъ этого“. Генераль-губернаторъ, человѣкъ не придворный, не умѣлъ смягчать своего порицанія, а прямо, по военному, выразилъ свое неудовольствіе, такъ что графу самому ужъ пришлось остановить ихъ разговоръ. Баронъ Кистеръ, взбѣшенный, прямо отъ министра пріѣхалъ въ кассу и экзекуторъ предсталъ предъ его

---

¹⁾ Намъ, впрочемъ, съ величайшимъ трудомъ удалось добиться пріема у барона Кистера въ 1881 г., дабы лично поддержать предъ нимъ ходатайство о пособіи вдовѣ знаменитаго гравера его величества, академика Л. А. Сѣрякова (состоявшаго при Эрмитажѣ), и это тогда, когда баронъ Кистеръ былъ уже наканунѣ своего увольненія.

грозные очи. Не требуя объясненій, да тутъ, разумѣется, и оправдываться было не чѣмъ,—эзекуторъ самъ сознавалъ свою виновность,—баронъ приказалъ ему сейчасъ же подать въ отставку. „Я не выйду изъ кассы, пока не получу вашей просьбы, сію минуту пишите“. Эзекуторъ молча вышелъ въ другую комнату и потихоньку скрылся. Баронъ занялся дѣломъ, пылъ прошелъ, онъ и забылъ о своемъ приказаніи, но, выходя, вспомнилъ и потребовалъ эзекутора, но его и слѣдъ простылъ. Тѣмъ дѣло и кончилось; эзекуторъ оставался на службѣ пока баронъ служилъ. Баронъ зла не дѣлалъ, но позволялъ себѣ сердиться и шумѣть на служащихъ, графъ же Адлербергъ—никогда. Во все время его службы никто никогда не слышалъ, чтобъ онъ измѣнилъ себѣ, чтобъ онъ возвысилъ голосъ. Чему же тутъ, впрочемъ, удивляться? Онъ болѣе полувѣка видѣлъ передъ собой примѣръ великодушія, весьма благосклоннаго, ласковаго обращенія въ лицѣ обожаемаго монарха.

II.

Люди, стоявшіе близко къ государю Александру Николаевичу, какъ къ человѣку, на примѣръ, камердинеры, рассказывали намъ много трогательныхъ случаевъ изъ жизни Царя-Освободителя.

Государь всѣмъ вообще говорилъ „ты“, а „вы“—лишь, бывало, тѣмъ только говорилъ, на кого гнѣвался. Только потому и могъ министръ, генералъ-ли какой знать, что государь имъ недоволенъ и это, разумѣется, въ серьезныхъ случаяхъ, а въ обыденныхъ, когда онъ видѣлъ ошибку или глупость, то говорилъ обыкновенно: „какъ это умно“. Только разъ какъ-то государь выразилъ свое неудовольствіе въ другой формѣ. Ъхалъ онъ по шоссе одной изъ губерній средней Россіи. Шоссе было дурное и государя очень укачало, такъ что онъ дорогою уже выразилъ неудовольствіе. На одной изъ станцій государь завтракалъ. На крыльцѣ станціи вертѣлся небольшой путейскій офицеръ, желая обратить на себя вниманіе государя. Одинъ изъ генераловъ свиты, замѣтивъ его и узнавъ, что это начальникъ этой дистанціи шоссе, посовѣтовалъ ему улетучиться лучше, но

молодой путеецъ непремѣнно желалъ, чтобъ государь его увидѣлъ, надѣясь, что ему и орденоекъ, можетъ быть, перепадетъ. Ждетъ, экипажъ поданъ, государь выходитъ, видитъ путейца и, обернувшись къ графу А. В. Адлербергу, спрашиваетъ: „это такой?“ Услышавъ это и не дождавшись отвѣта графа, офицеръ сказалъ: „начальникъ шоссе, такой-то“. — „Такъ это ваша дорога такая дурная; отчего это?“ спросилъ государь. Путеецъ обомлѣлъ, началъ бормотать, что онъ писалъ, писалъ... Государь, не дослушавъ, кому онъ писалъ, сухо произнесъ:

— Вотъ это-то и несчастье, что все только пишутъ, пишутъ, а дѣла не дѣлаютъ.

Путеецъ хотѣлъ еще что-то прибавить, но такъ и остался съ открытымъ ртомъ. Государь сѣлъ въ экипажъ и уѣхалъ.

Когда же глупость выходила изъ всякихъ предѣловъ, то самымъ рѣзкимъ словомъ у государя было: „болванъ“. Нѣкоторые изъ этихъ болвановъ, я думаю, еще живы, но я пройду ихъ молчаніемъ, а расскажу только объ одномъ: это именно объ одномъ городовомъ петербургскомъ: умеръ одинъ старый генералъ, государь его любилъ и въ квартирѣ его бывалъ. Узнавъ о его смерти и о часѣ панихидъ, государь, не предупредивъ никого, сѣлъ въ сани и поѣхалъ. Было это зимой въ 8 ч. вечера. Домъ большой, подъѣздовъ нѣсколько, государь ошибся подъѣздомъ, швейцаръ былъ куда-то усланъ. Не найдя квартиры, государь сошелъ внизъ и какъ разъ на дорогѣ противъ подъѣзда стоялъ дежурный городской. Государь позвалъ его и спросилъ: „гдѣ квартира генерала М.?“ (назвавъ фамилію умершаго). Городовой, взявъ подъ козырекъ, съ достоинствомъ отвѣчаетъ: „не могу знать, ваше высокоблагородіе“. — „Болванъ!“ сказалъ ему съ сердцемъ государь. Прикащикъ изъ мелочной лавки этого дома сейчасъ же подбѣжалъ и сказалъ: „здѣсь, ваше императорское величество“, побѣжалъ впередъ, указывая путь государю, и позвонилъ въ квартиру умершаго. Болвана этого въ ту же ночь строгій градоначальникъ выгналъ со службы.

Мягкое, ласковое, чисто-отеческое, какое-то сердечное обращеніе государя императора Александра II всегда западало глубоко въ сердце каждаго, кто только былъ осчастливленъ разговоромъ съ нимъ.

Былъ я какъ-то по дѣламъ въ Москвѣ, у одной старушки-

княгини, когда-то блиставшей при дворѣ, и встрѣтилъ тамъ одного молодаго флигель-адъютанта. Разговоръ былъ о какихъ-то общихъ знакомыхъ, подобно ей сошедшихъ со сцены, разговоръ обыкновенный, вялый и, наконецъ, она спросила: „А что нашъ молодой государь, здоровъ ли и что теперь подѣлываетъ? Отдыхаетъ ли послѣ такого труда (разумѣя крестьянскій вопросъ) или еще что придумываетъ?“ Надобно было видѣть этого офицера: при одномъ имени государя онъ какъ-то выпрямился, оживился, повеселѣлъ и рѣчь его полилась рѣкою: отвѣтили сначала, что государь, слава Богу, совершенно здоровъ, что трудится больше всѣхъ министровъ, что государь такой безъ дѣла быть не можетъ, что въ головѣ его созрѣло много вопросовъ и онъ ни передъ однимъ не остановится, что теперь на очереди вопросъ о судебной реформѣ и пошелъ, и пошелъ, часа два проговорилъ; потомъ, когда онъ сталъ рассказывать о страшномъ пожарѣ какаго-то рынка, на которомъ онъ въ качествѣ дежурнаго флигель-адъютанта былъ съ государемъ и какъ государь милостиво разговаривалъ съ погорѣльцами, какъ ласкалъ и ободрялъ плачущихъ, то я съ удивленіемъ замѣтилъ, что при разсказѣ этомъ у самого разсказчика выкатилась слеза.

Этотъ флигель-адъютантъ, нынѣ генераль-адъютантъ, живъ, и несмотря ни на какую погоду: морозъ, слякоть, проливной дождь, ежедневно, вотъ уже девятый годъ, отправляется на могилу обожаемаго государя молиться за упокой души его. И это не единичный примѣръ: тысячи молитвъ ежедневно возносятся ко Всевышнему объ упокоеніи души его.

Да! славное это было время и богатое какъ событиями, такъ и людьми. Встрѣтилъ я, напримѣръ, приблизительно въ тѣ же годы, другаго флигель-адъютанта, богача, вельможу-графа, который просиживалъ ночи надъ изученіемъ и чтеніемъ древнихъ латинскихъ классиковъ. Блестящій флигель-адъютантъ и латынь, что, казалось бы, тутъ общаго? Онъ съ дѣтства получилъ серьезное образованіе и не смотря на то, что былъ единственный сынъ военнаго боеваго генерала и чуть не съ рожденія зачисленъ въ Пажескій корпусъ, но готовился въ университетъ. Великій князь Михаилъ Павловичъ, узнавъ объ этомъ, послалъ за нимъ и приказалъ безъ разсужденій отвести его въ Пажескій корпусъ. Окончивъ блестяще курсъ, графъ поступилъ въ одинъ

изъ кавалерійскихъ гвардейскихъ полковъ, но любовь къ наукамъ не ослабѣвала въ немъ; онъ поступилъ въ академію генеральнаго штаба, по окончаніи коей оставался въ томъ же полку и государь императоръ Александръ II, замѣтивъ выдающіяся его способности, назначилъ флигель-адъютантомъ и взялъ его въ свиту. Разъ какъ-то пришлось ему сопровождать свою большую бабушку, или тетушку за границу, онъ взялъ долговременный отпускъ и вмѣсто того, чтобъ наслаждаться, по примѣру молодежи того времени, за границей жизнью и проживать деньги, поступилъ въ одинъ изъ лучшихъ нѣмецкихъ университетовъ, выслушалъ полный курсъ философіи, политической экономіи и другихъ предметовъ у самыхъ знаменитыхъ въ то время профессоровъ. Вернувшись, продолжалъ служить въ томъ же полку. Зная въ совершенствѣ европейскіе новѣйшіе языки, онъ принялся за усовершенствованіе себя въ латинскомъ и теперь составилъ себѣ почетное имя въ области науки своими трудами. Когда онъ былъ впослѣдствіи губернаторомъ, ему пришлось присутствовать на экзаменѣ въ мѣстной гимназіи. Предлагалъ нѣсколько вопросовъ по всѣмъ предметамъ, участвовалъ въ рѣшеніи этихъ вопросовъ, что не мало удивляло училищное начальство, которому не приходилось встрѣчать губернаторовъ съ такими обширными научными знаніями, но когда дошла очередь до латинскаго языка, то онъ, обращаясь къ учителю этого языка, заговорилъ съ нимъ латынью, — тогда ужъ совсѣмъ произошелъ переполохъ, потому что никто изъ начальства и самъ учитель — не могли свободно объясняться на этомъ языкѣ. Всякаго знанія училищное начальство могло еще ожидать отъ губернатора, но ужъ латыни — никакъ.

Обожаемый государь Александръ II, какъ мы знаемъ, былъ доступенъ всѣмъ и каждому, никогда и нигдѣ не запрещалъ подходить къ нему съ просьбами. Проживая лѣтомъ въ Царскомъ селѣ, государь каждый день катался по парку. Однажды, въ тотъ моментъ, какъ онъ сѣлся въ коляску, подходитъ простая старушка и подаетъ ему просьбу. Государь, принявъ ее, передалъ дежурному флигель-адъютанту. „Ну, вотъ опять ничего не будетъ“, молвила старуха, махнувъ рукой. — „Какъ ничего не будетъ?“ улыбаясь спросилъ государь. — „Я ужъ разъ такъ подавала. а онъ (указывая на флигель-адъютанта) тебѣ не доло-

жилъ послѣ“. Тогда государь взялъ назадъ отъ флигель-адъютанта просьбу, перегнулъ уголь на просьбѣ и, отдавая флигель-адъютанту, сказалъ довольно громко, чтобы старуха слышала: „положи просьбу во мнѣ на столъ, я самъ ее разсмотрю“. — „Вотъ теперь будетъ толкъ“, вкрестясь со слезами на глазахъ сказала старуха. Другой случай въ Петербургѣ былъ такой.

Графъ А. В. Адлербергъ былъ несовсѣмъ здоровъ, государь пріѣхалъ къ нему и, снимая шинель, въ швейцарской замѣтилъ простую старуху съ бумагой въ рукѣ. Думая, что это просьба къ нему, сказалъ: „Что тебѣ нужно?“ — „Принесла вотъ просьбу къ министру и жду, когда примутъ ее отъ меня“, отвѣтила старуха. — „Въ чемъ дѣло“, спросилъ государь, и, выслушавъ ее, сказалъ: „Хорошо, я иду къ нему и попрошу за тебя“. Старуха осталась ждать, когда возьмутъ отъ нея просьбу. Государь, возвращаясь назадъ съ лѣстницы, увидѣлъ старуху и сказалъ: „а я и забылъ, дай сюда просьбу“ и, взявъ, вернулся назадъ и отдалъ графу. Старуха отъ радости плакала; государь, надѣвая шинель, сказалъ ей: „Успокойся, графъ обѣщалъ мнѣ исполнить твою просьбу“. Старуха упала на колѣни и поцѣловала край его шинели. Нѣтъ надобности прибавлять, что просьба ея на другой же день была исполнена.

Дѣйствительно, гдѣ бы государь ни былъ, гдѣ бы ни ѣхалъ, все дышало вокругъ милостью, ласкою. Былъ, напримѣръ, такой случай: государь императоръ послѣ красносельскихъ маневровъ уѣхалъ на отдыхъ въ Ливадію и по пути всегда дѣлалъ смотръ войскъ; такъ и въ 1875 году былъ назначенъ смотръ войскамъ харьковскаго военнаго округа, каковыя и были расположены лагеремъ въ мѣстечкѣ Батурино. Проѣздъ черезъ Харьковъ до Копотона по желѣзной дорогѣ, а далѣе въ Батурино 366 верстъ на лошадахъ. Въ этотъ пріездъ погода стояла холодная и дождливая, такъ что всѣ боялись, что государь, жалѣя всегда солдатъ, отмѣнитъ смотръ, но Богъ вѣрно услышалъ теплую молитву войска, которое боялось не увидѣть царя. Къ 9-ти часамъ утра на другой день погода прояснилась, появилось солнце и начало подсыхать; въ 11-ть часовъ государь сдѣлалъ смотръ, маленькіе маневры и остался доволенъ. Послѣ завтрака государю подали коляску, запряженную четверкой прекрасныхъ лошадей. На козлахъ сидѣлъ молодой, красивый ямщикъ. Сопровождавшій

государя капитанъ фельдъегерскаго корпуса Ильинъ вышелъ осмотрѣть экипажъ и лошадей и, замѣтивъ, что лошади молоды и горячія, спросилъ ямщика: умѣеть ли онъ ѣздить? Ямщикъ отвѣтилъ, чтобы онъ не безпокоился. Отвѣтъ, осанка и фізіономія ямщика показались капитану подозрительными, слишкомъ т. е. приличными для простаго ямщика. Капитанъ послѣшилъ отыскать мѣстнаго исправника, которому и высказалъ свое подврѣніе. Исправникъ подошелъ къ ямщику, подаль ему руку и затѣмъ объяснилъ уже, что ямщикъ этотъ мѣстный, богатый помѣщикъ, большой любитель лошадей и четверка эта самимъ имъ вывѣжана и что онъ за счастье считаетъ провезти его величество. Капитанъ не счелъ нужнымъ докладывать объ этомъ государю. Ямщикъ-помѣщикъ ѣхалъ отлично, несмотря на грязную и тяжелую дорогу, умѣлъ объѣхать всякій толчекъ, всякую лужу, словомъ выказалъ все свое умѣніе управлять лошадьми и свое знаніе почтовой ѣзды. Пріѣхали на станцію и когда перемѣняли лошадей, рейтнехтъ государя, по положенію, даетъ ямщику, такъ называемыхъ, чаевыхъ 6-ть рублей, тотъ не взялъ. Государь это замѣтилъ и, подзывая капитана, спросилъ: „Почему ямщикъ отказался отъ денегъ“? Капитанъ объяснилъ. Тогда государь, обратившись къ ямщику-помѣщику, милостиво сказалъ: „Спасибо, отлично везъ, видно, что любишь лошадей и умѣешь управлять ими“.

По пріѣздѣ въ Ливадію, государь вспомнилъ объ этомъ помѣщикѣ и велѣлъ послать ему на память перстень, который черезъ мѣстнаго губернатора и былъ ему доставленъ.

Одинъ изъ камердинеровъ, рассказывая мнѣ объ утрѣ государя Александра Николаевича, какъ онъ вставалъ, что затѣмъ дѣлалъ, передалъ, на примѣръ, повидимому неважный фактъ, но показывающій, какъ государь былъ милостивъ въ обращеніи съ овружавшими его. Какъ-то ложась спать послѣ бала, который былъ въ Зимнемъ дворцѣ, государь приказалъ камердинеру утромъ разбудить его на полчаса раньше обыкновеннаго. Камердинеръ во-время вошелъ, государь спрашиваетъ: „Что тебѣ нужно“? — „Вы приказали разбудить“. — „А, да! дай еще четверть часа уснуть, спать хочется“. — „Много ли ужъ тутъ времени четверть часа, только разоспитесь, а вставать надобно, лучше вставайте сейчасъ, я вотъ и сапоги ужъ принесъ“, гово-

рять ему камердинеръ. — „Да, это правда“! соглашается государь, „вставать надобно, у меня дѣло есть“. Простой, безыскусственный рассказъ этотъ камердинеръ передавая мнѣ прибавилъ:

„А бывало-то, идучи къ императору Николаю Павловичу, хоть бы съ сапогами, такъ раза три прочтешь «Отче нашъ», прежде чѣмъ отворишь дверь, потому Господь вѣдаетъ въ какомъ сердцѣ найдешь бывало покойнаго“!

Въ доказательство того, что государь Александръ Николаевичъ былъ въ высшей степени добръ и ласковъ въ обращеніи съ своими приближенными, я расскажу еще случай, чему былъ самъ свидѣтелемъ.

Была назначена охота на медвѣда, довольно далеко отъ Петербурга, по Николаевской желѣзной дорогѣ. На станціи, гдѣ долженъ былъ выйти государь, я дожидался прибытія его. Поѣздъ плавно подѣхалъ; оберъ-кондукторъ подбѣжалъ къ двери вагона, ухватился за ручку, но дверь не отворяется, проходятъ двѣ, три минуты ожиданія. Оказалось, что его величество игралъ въ карты и дѣлали расчетъ. Дверь открылась и я вижу столъ съ зеленымъ сукномъ и около стола оберъ-егермейстера барона Ливена съ мелкомъ въ рукахъ, повѣряющаго счетъ. Государь, проходя мимо стола къ выходной двери, обернулся къ барону и сказалъ: „Что же ты еще считаешь?“—„Да что, государь, кажется меня обсчитали“. Государь улыбнулся и, сказавъ: „не можетъ быть“, вышелъ на платформу. Подобные разговоры были и съ свѣтлѣйшимъ княземъ А. А. Суворовымъ, съ котораго, впрочемъ, никто и не выскивалъ.....

Александръ Николаевичъ былъ вполнѣ религіозный монархъ; надо было видѣть его въ церкви, когда онъ говѣлъ на первой и послѣдней недѣли великаго поста,—съ какимъ благоговѣніемъ онъ приготовлялся и подходилъ къ принятію св. таинъ; онъ весь уходилъ, такъ сказать, въ самого себя, въ созерцаніе Бога, лицо его выражало всю чистоту его души....

А. Михайловъ.

* * *

Ужъ скоро стаетъ снѣгъ и понесутся льдины ¹⁾
 Вдоль по теченію освобожденныхъ струй—
 И вновь слетитъ весна въ расцвѣтшія долины
 И подаритъ землѣ свой первый поцѣлуй.
 А перелетныхъ птицъ ликующая стая
 Вернется поглядѣть на вешніе цвѣты,
 И солнце загоритъ, восторженно блестя,
 Надъ этимъ праздникомъ чудесной красоты.

Какъ много свѣжести, тепла, благоуханья,
 Какъ много свѣта намъ несетъ съ собою весна!
 Какъ много счастья въ ней, любви, очарованья!
 Какъ упоительна, какъ хороша она!

Но вѣзмъ-ли принесть она одиѣ улады,
 Одно веселіе, надежды и цвѣты?
 Но вѣ-ли будемъ мы такъ искренно ей рады,
 И сбудутся-ли вѣ завѣтныя мечты?
 — Когда дары своей кошницы благовонной
 Рукою щедрою посыплетъ намъ весна,
 Быть можетъ, кто нибудь найдетъ обдѣленный
 И незамѣченный? Бездольнаго она
 Своими теплыми не озаритъ лучами,
 Ему плѣнительной улыбки не пошлетъ
 И, осыпая вѣхъ душистыми цвѣтами,
 Вдаль отъ забытаго направитъ свой полетъ.
 Быть можетъ, какъ мечта, какъ звукъ неуловимый,
 Какъ лучезарный сонъ, безпечна, молода,
 Въ избыткѣ юности она промчится мимо,
 Не вѣдая его!

О, пусть же и тогда
 Не молвать онъ восхвѣдъ ей злобнаго укора
 И, горькую печаль глубоко затаивъ,
 Пусть не кидаетъ онъ завистливаго взора
 Ея избранникамъ и баловнямъ ея.
 О, пусть не выдаетъ души своей страданья
 Онъ ни единою напрасною слезой,
 Чтобъ не смутить ничѣмъ все это ликованье,—
 И радость, и восторгъ, навѣянный весной.

Спб. 30 апрѣля 1886 г.

К. Р.

(«Новыя стихотворенія К. Р.». Спб. 1889 г., стр. 5—7).

¹⁾ Написано къ составленію „Измайловскихъ Досуговъ“ на тему стихотворенія
 Майкова:

«Надъ необъятною пустыней океана».

ВАРНАКИ.

Замѣтки.

I.

Осенью 1888 года мнѣ случилось побывать въ Успенскомъ заводѣ (Тобольской губ.), и тамъ между прочимъ я случайно наткнулся на очень интересный матеріалъ изъ недавняго прошлаго, о которомъ стоитъ сказать нѣсколько словъ. Дѣло въ томъ, что этотъ Успенскій заводъ—мѣсто упраздненной каторги, и все населеніе сложилось изъ бывшихъ каторжанъ. На Уралѣ такихъ каторгъ существовало нѣсколько: въ Богословскомъ заводѣ, въ Березовскомъ заводѣ, а затѣмъ въ Камышловскомъ уѣздѣ—Ертарскій заводъ. Успенскій заводъ служилъ преддверіемъ уже настоящей сибирской каторгѣ. Въ Богословскомъ и Березовскомъ заводахъ каторжане работали разную «горную работу», а въ Ертарскомъ и Успенскомъ существовали казенные винокуренные заводы, сдававшіеся въ аренду партикулярнымъ лицамъ. Каторжная казенная водка—это уже одно достаточно говорить за себя.

Успенскій заводъ былъ основанъ въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, знаменитымъ уральскимъ заводчикомъ Максимомъ Походяшинымъ. Въ 1792 году наследники Походяшина передали заводъ «въ казенное содержаніе», а казна устроила здѣсь каторгу: два острога — мужской и женскій и казармы на 200 человекъ солдатъ. Этотъ винокуренный заводъ, обеспеченный даровымъ каторжнымъ трудомъ, сдавался казной частнымъ предпринимателямъ. Въ 1830-хъ годахъ его арендовали Медовиковъ и Юдинъ, въ 1840-хъ—Орловъ, Алексѣевъ и Шнеуръ, въ 1850-хъ—Поклевскій и въ 1860-хъ—Поповъ. Въ 1864 г. каторга упразднена, и заводъ закрылся. Въ «цвѣтущее время» существованія этого оригинальнаго промышленнаго предпріятія выкуривалось водки до 700,000 ведеръ, а послѣ откупа производительность сразу упала на половину. Домовъ въ заводѣ было до 500.

Коренное жительство было въ деревнѣ Земляной, а около нея уже разросся каторжный заводъ. Отбывавшіе каторгу устраивались здѣсь въ качествѣ поселенцевъ—заводили дома, женились и, вообще, окончательно входили въ составъ мирныхъ гражданъ. Такимъ образомъ сложилось оригинальное населеніе больше двухъ тысячъ,—были тутъ и поляки, и турки, и черкесы, и нѣмцы, а главнымъ образомъ свои расейскіе — москвичи, рязанцы, вологжане, донцы. Послѣдній каторжный съ рваными ноздрями умеръ въ 1877 году, а сейчасъ еще остается человѣкъ 30 стариковъ и старухъ, бывшихъ каторжныхъ. Я видѣлъ двоихъ стариковъ «съ знаками»: на щекахъ глубоко вытравлена и затерта порохомъ каторжная азбука. Такихъ знаковъ существовало нѣсколько: Б—бродяга, К—каторжный, С.П.—ссылно-поселенецъ, Б.С.К.—бродяга ссылно-каторжный. Замѣчательно то, что это каторжное населеніе, сложившееся изъ отбросовъ и отребья крѣпостной Россіи, ничѣмъ не выдѣляется въ средѣ другихъ деревень и селъ, и даже составъ преступленій самый ничтожный — это знаменательный фактъ, потому что Уралъ и Сибирь по части всякихъ нарушеній закона, татьбы, грабежей и вообще душегубства стоятъ очень высоко. Убійства въ Успенскомъ заводѣ случаются крайне рѣдко, тогда какъ на другихъ уральскихъ заводахъ они, къ сожалѣнію, составляютъ почти заурядное явленіе. Конечно, такой малый процентъ преступленій въ Успенскомъ заводѣ объясняется не воспитательнымъ вліяніемъ каторги, а нѣкоторыми исключительными условіями, о которыхъ будетъ рѣчь ниже.

— Чѣмъ же теперь живутъ въ заводѣ? спрашивалъ я одного старика.

— А какъ водку прекратили, ну, народъ и побрелъ... Бабы коври ткутъ, мужики деревянную посуду дѣлаютъ, а которы въ Сибирь зачали уѣзжать. На Олекму, на золотые промысла, ѣздить... Поживетъ тамъ годъ-два артель — и домой. Большія деньги вывозятъ... Извозомъ тоже займутся, пашню пашутъ. У кого на что снаровка...

Каторга уничтожена въ 1864 году, и 2¹/₂ тысячи заводскаго населенія остались безъ куска хлѣба. Кажется, ужъ тутъ всѣ поводы для «шалостей» — и трактъ изъ Тюмени подъ рукой, но часть населенія избрѣла свое домашнее «рукодело», а другая часть разбрелась. Года два тому назадъ Успенскій заводъ опять ожилъ, благодаря выстроившейся здѣсь громадной бумажной фабрикѣ товарищества Щербакова и Комп.

— Вотъ, когда Поклевскій былъ—всѣ хлѣбъ ѣли, — единогласно утверждаютъ всѣ старожилы. — Умственный былъ человѣкъ... И себя не обижалъ, и намъ около ево тепло было. Конечно, Поповъ, кото-

рый его заступилъ, тоже хорошій былъ человѣкъ, да только денегъ у него не было... Свѣтло ужъ очень жилось.

Арендаторъ Поповъ, при которомъ закрылся заводъ, оставилъ по себѣ легендарную память. Ѣздилъ въ каретахъ, шампанское лилось рѣкой, и въ господскомъ домѣ постоянно веселился толпа гостей, наѣзжавшихъ къ тароватому хозяину со всѣхъ сторонъ. Однихъ служащихъ въ конторѣ было больше ста человѣкъ.

— Главная причина: добрый былъ человѣкъ, — объяснялъ ямщикъ, который везъ меня въ заводъ. — Этихъ гостей нетолченая труба и лѣтомъ каждый день на островъ Ѣздили съ музыкой. И что за жизнь только была! Напримѣръ, у Попова кучеръ, подъ кучеромъ другой, подъ другимъ третій — человѣкъ пятнадцать кучеровъ. Тоже вот прачка — кажется послѣднее дѣло, а подъ первой прачкой другая, подъ другой третья, подъ третьей четвертая... Каждый вечеръ рабочимъ на фабрикѣ порца водки. Добрыющій былъ человѣкъ...

Въ шестидесятыхъ годахъ въ Успенскомъ заводѣ образовалась цѣлая колонія изъ ссыльныхъ поляковъ, и, какъ рассказываютъ старожилы, Достоевскій, возвращаясь изъ Сибири, заѣзжалъ сюда и гостилъ недѣли двѣ.

Наружный видъ завода ничего особеннаго не представляетъ: большое селеніе точно заросло въ лѣсу. Есть заводскій прудъ, есть развалины солдатской кордегардіи съ высокой деревянной каланчей; отъ остроговъ остались только фундаменты. На мѣстѣ «винной фабрики» теперь валяются кучки щебня, старья бревна и разная другая ломя. На берегу пруда выросла новая фабрика, скрасившая своими новенькими корпусами весь заводъ. На площади, въ двухъ шагахъ отъ фабрики, стоитъ каменная церковь, построенная каторжными; въ ней старинный иконостасъ, пожертвованный Екатериной II. Улицы широкія, выстроенныя по плану, дома на заводскій ладъ — вообще внѣшній видъ хоть куда. Кое-гдѣ у домовъ садики — это ужъ не по сибирски, а по расейски. Сибирякъ вырубаетъ все около дома до тла, и садики занесены сюда съ Волги, а можетъ быть даже изъ Малороссіи.

II.

Въ Успенскомъ заводѣ я прожилъ нѣсколько дней и внимательно наблюдалъ каторжное населеніе, по сибирски—варнаковъ. Ничего особеннаго—люди какъ люди, хотя большинство попадавшихся фізіономій не мѣстнаго происхожденія—такія лица попадаются только въ коренной Россіи, подъ Москвой или на Волгѣ. «Желторотые» сибиряки красотой не блещутъ.

— У насъ тутъ всякаго жита по лопатѣ, — говорилъ мастеровой съ фабрики. — Со всей Расеи народъ согнать... Всѣ мы варначата, потому либо отецъ варнакъ, либо мать варначва, а у другихъ дѣдушко или баушка.

Мнѣ очень хотѣлось познакомиться съ архивомъ, оставшимся послѣ каторги, но онъ перевезенъ въ Тюмень. Въ мои руки случайно попался списокъ каторжанъ, сдѣланный по архивнымъ документамъ однимъ любителемъ. Этотъ скорбный листъ занималъ десятки страницъ, и я съ особеннымъ вниманіемъ просматривалъ его—подъ этими фамиліями, датами и цифрами похоронено было столько ужасовъ... Но изъ разрозненныхъ явленій и случаевъ постепенно выступали нѣкоторые общіе мотивы, для которыхъ я и сдѣлалъ выписки. Прежде всего, выдѣлились такія преступленія, которыя болѣе не существуютъ: преступленія противъ помѣщицкѣй власти, нарушеніе солянаго акциза, неисполненіе разнаго воинскаго артикула и т. д. Остальныя преступленія хотя и носили общій характеръ—воровство, поджогъ, грабежъ, разбой, всевозможныя формы душегубства, но все это имѣло своей подкладкой жестокой крѣпостной режимъ. Именно здѣсь, въ этой архивной пыли, во-очію можно было видѣть то вопіющее зло, которое наполняло до краевъ тогдашнюю жизнь, и каторга являлась только продолженіемъ нормальнаго существованія. Мы слышали такой отзывъ отъ одного варнака, что они только здѣсь, на каторгѣ, «первые увидѣли свѣтъ» и возблагодарили Бога за избавленіе отъ крѣпостнаго житья.

Въ списокъ было помѣщено 956 каторжанъ, изъ нихъ 20 женщинъ.

Разсматривая составъ бабьихъ каторжныхъ грѣховъ, мы нашли, что половину ихъ составлялъ поджогъ—это легкое средство мести безсильнаго и безправнаго человѣка. Большинство поджигательницъ—крѣпостныя: Евдокія Опечуркова, 35-ти лѣтъ—за поджогъ 5 лѣтъ каторги и 50 розогъ; Ксенія Борисова, 17-ти лѣтъ—за подстрекательство къ поджогу дома своего помѣщика 5 лѣтъ каторги и 100

розогъ; Анисья Грабинская, 25-ти л.—4 года каторги и 30 плетей; Василиса Исидорова, 30 л.—4 года каторги и 30 плетей; Василиса Лаптева, 18 л.—3 года каторги и 35 плетей; Василиса Сидорова, 30 л.—4 года каторги и 30 плетей; Вѣра Ильина, дворовая дѣвка, 22 лѣтъ —3 года каторги и 35 плетей. Цѣлыхъ три вѣрнопостныхъ Василисы.. Сюда же попала крѣпостная крестьянка Анна Пладде, она же Циммерманъ, 18 лѣтъ—за поджогъ 2 года каторги и 40 розогъ. Изъ некрѣпостныхъ поджигательницъ занесены въ списокъ всего двѣ: крестьянка Пелагея Кручинина, 27 лѣтъ, и крестьянка Евдокія Ильина, 30 лѣтъ. Дальше слѣдуютъ убійцы: Екатерина Нестерова, 23 лѣтъ, солдатка — за дѣтоубійство 4 года каторги и 15 плетей; Ксенія Шестакова, кр. 44 лѣтъ — за убійство 19 лѣтъ каторги и 10 кнутовъ; Аполинарія Иванова, кр. 30 лѣтъ—за отравленіе мужа 18 лѣтъ каторги и 5 кнутовъ; Марианна Гриничъ, крестьянка, католичка, 35 лѣтъ — за убійство дочери 4 года каторги. За кражу со взломомъ всего двѣ женщины: Марианна Маевская, мѣщанка, 40 лѣтъ—4 года каторги, и Наталья Васильева, кр. 50-ти лѣтъ—2 года каторги и 20 розогъ. Отдѣльно стоятъ въ этомъ спискѣ двѣ преступницы: Анжелика Чувашева, вдова подполковника, 60-ти лѣтъ, католичка — 5 лѣтъ каторги «неизвѣстно за что», и Марія Рубленова, кр. 25 лѣтъ — «за ограбленіе у помѣщика своего денегъ съ насиліемъ и укушеніемъ пальцевъ его» 6 лѣтъ каторги и 40 плетей. Этотъ скорбный листъ заключается двумя женщинами бродягами: Ольга Васильева (она же Рыбицкая), 41 года, православная— «за кражу младенца и названіе себя еврейкой, а младенца сыномъ и принятіе втораго крещенія» 5 лѣтъ каторги, и просто «Матрона»— бродяга, 30-ти лѣтъ, православная,— «за бродяжничество и сокрытіе своего званія» 4 года каторги и 40 розогъ. Замѣтьте, какъ тепло звучитъ у этихъ несчастныхъ бродягъ: православная—все потеряно, даже имя, но осталось это одно.

Списокъ относится къ 1850-мъ годамъ и къ началу 1860-хъ. Преступленія, особенно поджогъ, даютъ основаніе предположить самозащиту или месть, а такъ какъ большинство преступницъ все молодыя, то можно подозрѣвать здѣсь самыя обыкновенныя жертвы помѣщичьяго темперамента... Это такъ же просто и естественно, какъ то, что молодая солдатка Нестерова прижила безъ мужа ребенка и со страху убила его. По части наказаній мы видимъ, что съ бабами не церемонились: розги—самое легкое, а дальше слѣдовали плети и даже кнутъ. Единственнымъ преимуществомъ было то, что бабъ не наказывали шицрутенами.

Переходимъ къ списку мужчинъ, подавляющее превосходство которыхъ въ численномъ отношеніи бросается въ глаза и сейчасъ.

Просматривая имена татей, грабителей и убивцевъ, прежде всего удивляешься большому проценту «святотатствъ» — тогда святотатствомъ считалась каждая кража изъ церкви. Такихъ святотатцевъ изъ 936 человекъ я насчиталъ 54 души, а вѣроятно въ дѣйствительности ихъ было гораздо больше, потому что не у каждого каторжнаго имени значится составъ преступленій. Вотъ нѣсколько примѣровъ такихъ святотатствъ: пономарь Наумовъ, 22 лѣтъ, «за присвоеніе себѣ 65 коп. дохода, общаго всѣмъ членамъ причта и кражу изъ церковнаго ящика 30 коп.» наказанъ 10 розгами и приговоренъ къ 4 годамъ каторги; другой пономарь, Пахаловичъ, 23-хъ лѣтъ — «за кражу изъ церкви» 30 плетей и 4 года каторги. Но больше всего преступниковъ противъ власти помѣщиковъ. Однихъ «убійцъ своихъ помѣщиковъ» въ списокѣ 26 человекъ, а кромѣ того масса другихъ случаевъ — неповиновеніе, сопротивленіе, побои, истязанія. Вотъ характерные образцы: Аггѣй Фоминъ, крѣпостной крестьянинъ, 33 лѣтъ — «за неповиновеніе помѣщицѣ» 5 лѣтъ каторги и 1,500 шпицрутеневъ; Вас. Михайловъ, 39 лѣтъ, крѣпостной крестьянинъ — «за истязаніе помѣщика» 18 лѣтъ каторги и 20 кнотовъ, Иванъ Андреевъ, крѣпостной крестьянинъ, 35-ти лѣтъ — «за неповиновеніе помѣщицѣ» 5 лѣтъ каторги и 1,500 шпицрутеневъ, и тутъ же Иветъ Евлампіевъ, крѣпостной крестьянинъ, 30 лѣтъ — «за кражу сахара у своей помѣщицы» 6 лѣтъ каторги и 40 плетей, а крѣпостной крестьянинъ Александровъ, 25 лѣтъ, «за кражу изъ ульевъ меду» — 5 лѣтъ каторги и 40 плетей. Этихъ крѣпостныхъ преступленій масса, и съ ними въ рядъ могутъ быть поставлены только нарушенія воинскаго устава, субординаціи и вообще воинской чести. Такихъ поавшихъ въ каторгу солдатъ особенно много: Алексѣй Змѣевъ, ратникъ, 30-ти лѣтъ, «за оскорбленіе поручика» — 4 года каторги; рядовой Власъ Косминъ, 55 лѣтъ, «за грубость офицеру и намѣреніе убить себя» — тоже каторга; рядовой Лаврентьевъ «за безпорядки 60-го года» — каторга; Антоній Некипѣловъ «военный» — «за желаніе сорвать эполеты съ маюра» — тоже, но Некипѣловъ бѣжалъ; «военный офицеръ» Игнатій Рябинскій, 52 лѣтъ, «какъ вредный для службы», получилъ 3,000 шпицрутеневъ, да еще «за разные поступки» уже въ каторгѣ 25 кнотовъ. Предъ глазами проходитъ безвѣчный рядъ жертвъ арапчевской муштры и николаевской военной выправки — въ результатѣ каторга, плети, кнутъ, шпицрутенны. И все это происходило не далѣе, какъ въ 1850-хъ и 1840-хъ годахъ... Въ списокѣ есть рядовой Максимъ Паскевичъ, православный, 62 лѣтъ, который «какъ

вредный для службы» получилъ 4,000 шпицрутеновъ, а потомъ рядовой Кулишенко, 52-хъ лѣтъ, «за побой офицера» получилъ 3,000 шпицрутеновъ.

За выдѣленіемъ этихъ двухъ самыхъ большихъ группъ, остальные преступники разбиваются на небольшія кучки. Совершенно изолированно стоятъ «политическіе», противъ фамилій которыхъ, въ виду канцелярской тайны, стоитъ въ большинствѣ случаевъ отмѣтка — «неизвѣстно за что»; это жертвы завоеванія Кавказа и польскихъ смуть. Такъ, «магометане» Абдуль-Манавъ-Аллахъ-Верды-Оглы и Азысъ-Ага-Гаджи-Измаиль-Оглы, оба 20-ти лѣтъ, оба судились «за бунтъ и грабежъ» и оба приговорены къ 8 годамъ каторги и 1,600 шпицрутеновъ; затѣмъ польскій дворянинъ Францъ Кохановскій, 38-ми лѣтъ, «за принятіе участія въ тайномъ обществѣ, обнаруженномъ въ Варшавѣ въ 1848 г., имѣвшемъ цѣлю возстановить демократическій образъ правленія въ Польшѣ посредствомъ бунта 1852 г.», приговоренъ къ 4 годамъ каторги. Главный контингентъ политическихъ образовался уже въ 1860-хъ годахъ, но въ находившемся у меня подъ руками спискѣ фигурировали преступники только 1840-хъ и 1850-хъ годовъ.

За контрабанду соли пострадали двое крестьянъ: Иванъ Исаковъ, 61 года, и Прокопій Игнатьевъ, 35 лѣтъ; число лѣтъ каторги первому не отмѣчено, а второй присужденъ на 18 лѣтъ.

Вышеприведенныя группы преступниковъ являются результатомъ исключительныхъ обстоятельствъ своего времени, теперь уже не существующихъ или значительно смягченныхъ. Въ Успенскомъ заводѣ именно такіе преступники составляли большинство, а за ними уже слѣдовали заурядные тати, грабители, душегубы и вообще насильники. Изъ этой послѣдней группы необходимо выдѣлить отдѣльные случаи, которые существуютъ сами по себѣ. Такъ, преступниковъ противъ вѣры всего двое: раскольникъ Степановъ, 35-ти лѣтъ, за распространеніе раскола и сорваніе иконы св. Митрофанія съ произношеніемъ словъ: «кому вы молитесь?» 4 года каторги, и государственный крестьянинъ Толоконниковъ, 38 лѣтъ, «за совращеніе въ молоканство православныхъ» 40 плетей и 7 лѣтъ каторги. За ними слѣдуютъ жертвы темнаго суевѣрія: крѣпостной крестьянинъ Пшлавъ 47 лѣтъ, «за кражу и достачу сала человѣческаго для колдовства» и крѣпостной крестьянинъ Павловъ, 44 лѣтъ, «за кражи и вырытіе могилы для достачи человѣческаго сала для колдовства»—оба присуждены къ одному году каторги. Въ заключеніе остается сказать о смѣшанныхъ преступленіяхъ: Андріанъ Сагалаиновъ, изъ дворянъ, 26 лѣтъ, «за похищеніе изъ банка общественнаго призрѣнія 1,750 р.»

5 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ каторги; барабанщикъ Рысковъ, 34 лѣтъ, «за оскорбленіе монахини»—4 года каторги; Викентій Габріолатисъ, католикъ, 38-ми лѣтъ, «за нанесеніе побоевъ дворянину и самоуправство»—3 года каторги; купеческій сынъ Клавдій Рудневъ, 29 лѣтъ, «за дѣланіе фальшивыхъ ассигнацій» — 4 года каторги; дворянинъ Михаилъ Дурасовъ, 35 лѣтъ, «за подложное дѣйствіе при доставкѣ рекрутъ»—18 лѣтъ каторги; Яковъ Ожаровскій, уроженецъ Варшавы «за злостное банкротство» — 1 годъ каторги; мѣщанинъ Порфирій Полюновъ, 32 лѣтъ, «за фальшивыя ассигнаціи, бродяжничество, ношеніе ордена Станислава 3-й степ., побѣгъ и убійство» — 3,000 шпицрутеневъ; и т. д.

Намъ остается еще сказать о наказаніяхъ, которымъ подвергались въ то доброе старое время. Если ужъ женщины наказывали плетью и кнутомъ (замѣтимъ въ скобкахъ, что русская женщина, если не имѣетъ многихъ гражданскихъ правъ, то по части наказаній достигла почти полной равноправности), то о мужчинахъ и говорить нечего. На первомъ планѣ стояли здѣсь шпицрутены, перещеголявшіе даже національные батоги—нѣмецкая обезьяна кусалась больно... Отсыпали ихъ нещадно, и счетъ шелъ прямо на тысячи. Высшая мѣра—4,000 шпицрутеневъ. Въ списокѣ только трое получили такое возмездіе: уже упомянутый выше рядовой Паскевичъ (замѣтьте рядовой 62-хъ лѣтъ), потомъ Алексѣй Копьевъ, «изъ мѣщанъ», 25-ти лѣтъ, «за грабежъ почты и пьянство» и крестьянинъ Шелковскій, 38 лѣтъ, «неизвѣстно за что», какъ помѣчено въ списокѣ. Эти трое прошли «зеленую улицу» насвовозь... Получившихъ по 3,000 шпицрутеневъ значительно больше, и мы насчитали ихъ до десяти: крѣпостной крестьянинъ Ант. Степановъ, 43 лѣтъ, «за убійство солдатки»; рядовой Павловъ, 46 лѣтъ, «за грабежъ и истязаніе»; рядовой Григорьевъ—«причина неизвѣстна»; Василій Рыжикъ, военнаго званія—«за убійство»; Иванъ Михайловъ, «изъ арестантовъ» — «за убійство и побѣгъ»; рядовой Евдокимовъ, 41 года, «за неприличныя наименованія высочайшихъ особъ», рядовой Кулишенко — «за побой офицеру», унтеръ-офицеръ Илларионовъ, 62 лѣтъ — «за убійство», крѣпостной крестьянинъ Морозовъ, 35 лѣтъ—«за поджогъ»; крѣпостной крестьянинъ Харитонъ Ивановъ—«за сопротивленіе власти» по высочайшему повелѣнію былъ наказанъ 3,500 шпицрутеневъ.

III.

Изъ Успенскаго завода везъ меня ямщикъ «изъ варначать».

— Всѣ мы тутъ варнаки, улыбувшись замѣтилъ онъ. — Теплое мѣсто было прежде-то...

— А нынче какъ?..

— Какъ въ протчихъ мѣстахъ, все единственно... Одно званье осталось, што варнаки или варначата. У меня дѣдушко пришелъ суды каторгой-то, а мы все еще въ варначатахъ числимся...

— А бабушка здѣшная?

— Нѣтъ, и баушка тоже изъ острогу была.

Назвать бабушку варначкой у ямщика не пошевелился языкъ. Повернувшись ко мнѣ лицомъ, онъ какъ-то быстро, точно оправдываясь, заговорилъ:

— Строгая у насъ баушка-то была, баринъ... И домъ какой, и хозяйство—все она, и насъ всѣхъ на ноги подняла. Да этакую женщину съ огнемъ искать надо по всей имперіи, а она изъ острога замужъ-то выходила... Конечно, отъ сумы да отъ тюрьмы не отказывайся, а баушка по обязательному времени попала... Помѣщикъ у нихъ былъ змѣй, ну, она дѣвка красивая, онъ ее въ дѣвичью, а она домъ и подпаладила.. Послѣ-то сказывала, што каторга-то у нихъ тамъ осталась въ Расеѣ, а здѣсь свѣтъ увидала.

— А много еще старухъ осталось у васъ, которыя были въ каторгѣ?

— Какже, есть... Человѣкъ двадцать поди наберется. Всѣ справно живутъ... Тоже изъ обязательныхъ больше. Какъ кончила каторгу, сейчасъ и замужъ.. Ни одной не осталось зря, а всѣ по семьямъ разошлись...

— А ты помнишь каторгу-то?..

— Какъ не помнить, баринъ... На моихъ памятахъ сколько народичку прошло. И то мнѣ удивительно было, што сколько въ острогѣ женщинъ не было — всѣ молодыя и всѣ красивыя. Куды супротивъ нихъ сибирскимъ дѣвкамъ или бабамъ... Одно слово, наши: расейскія. Конечно, обижали ихъ и конвойные, и пристава разные. Женское, слабое дѣло—вся чужая... Былъ тутъ одинъ смотритель, старикъ ужъ и женатъ на другой женѣ, а какой былъ погонный до каторжныхъ бабъ. То есть ни одной не пропустить, и ночевалъ у нихъ въ острогѣ..

— Какъ же онъ выходили послѣ замужъ?

— Да, вѣдь, за невольный грѣхъ и Богъ не взыскиваетъ, баринъ... Одно слово: обязательное было время.

Мы цѣлую дорогу проговорили на эту тему, — ямщикъ попался словоохотливый и рассказывалъ про свое житье-бытье. Лицо у него было худое, съ большими темными глазами и острымъ носомъ. Въ общемъ вся фигура самая обыкновенная, безъ всякихъ особенныхъ примѣтъ.

— Кромѣ русскихъ и другіе были на каторгѣ?

— Всякіе были: вѣмцы, черкесы, поляки, турки... Ничего, хороший народъ. Турокъ одинъ на русской былъ женатъ и черкесы тоже. Они сами-то ужъ всѣ перемерли, а дѣти остались... Ничего, хороший народъ. У меня отецъ когда былъ въ солдатахъ, такъ доходилъ до Петербурга. Дѣдушка-то изъ купечества былъ, такъ значить тетка въ Петербургѣ оставалась. Богатая купчиха, а домъ залони-голова. Ну, она больно звала отца-то переѣзжать въ Петербургъ и мѣсто обѣщала, а моя-то баушка не захотѣла, да и отецъ тоже. Привыкли къ здѣшнимъ мѣстамъ, обзаведенье всякое, родня кругомъ, а тамъ еще что будетъ. Другіе тоже живутъ не хуже насъ... Такъ и остались. Ничего, живемъ по маленьку.

— А ты помнишь, какъ наказывали каторжныхъ?

— Какъ не помнить... Палачъ Митрій Ивановичъ изъ Тюмени каждую субботу наѣзжалъ. Двѣнадцати вершковъ росту, рожа у него страшная и постоянно пьяный ходилъ. Онъ изъ хохловъ самъ-то. Ну, ежели ему послышки не сдѣлаетъ арестантъ, онъ его и отполируетъ. Такъ съ плетью и ходилъ по всему заводу... Ну, а что касемо палокъ, такъ это опять отъ солдатъ происходило.

Въ Успенскомъ заводѣ сохраняется до сихъ поръ цѣлый цыкъ каторжныхъ пѣсенъ, но собрать мнѣ ихъ не удалось.

Д. Н. Маминъ (Д. Сибирякъ).

ЗАПИСКИ ВЛАДИМИРА ИВАНОВИЧА ДЕНА.

IV ¹⁾.

Командировки.

Флигель-адъютанство.—Командировка въ Николаевъ, Одессу и Бендеры. — Въ имѣніи Бровицкихъ.—Новое порученіе.—Генералъ Федоровъ и полковникъ Чуда.—Бендерская крѣпость.—Вопросъ о хлѣбныхъ складахъ. — Пѣздка въ Одессу.—Первые выстрѣлы съ неприятельской эскадры. — Безуспѣшность нашихъ первыхъ дѣйствій.—Репаціи.—Положеніе одесскихъ жителей.

1853—1855.

Въ 1853 году, 6-го декабря, я былъ назначенъ флигель-адъютантомъ и немедленно отчисленъ въ свиту.

На другой день я представлялся государю Николаю Павловичу. Какъ вспомню теперь, въ 1869 г., какъ государь подошелъ ко мнѣ, какъ обнялъ, поцѣловалъ и какъ сказалъ:

— „Я знаю, я увѣренъ, что ты будешь отличнымъ и безотважнымъ адъютантомъ“, — такъ и теперь сердце бьется сильнѣе, что же дѣлалось со мной тогда? Къ счастью, слова государя не требовали отвѣта, а то врядъ-ли я былъ бы въ состояніи говорить отъ сильнаго чувства и волненія.

Едва успѣлъ я сдѣлать 127 визитовъ, всѣмъ лицамъ, составившимъ въ то время *la maison militaire*, какъ государь приказалъ мнѣ отправиться въ Бѣлую церковь, осмотрѣть тамъ 6-й саперный батальонъ и ускорить выступленіе его въ Севастополь.

¹⁾ См. «Русскую Старину», изд. 1890 г., т. LXV, стр. 55—90.

Во время этой поѣздки, впервые познакомился я съ ухабами. Зима была снѣжная, мнѣ приходилось ѣхать по пути, по которому тянулись безконечные обозы, и потому по дорогѣ, представлявшей одинъ рядъ сплошныхъ ухабовъ громаднхъ размѣровъ, меня бросало въ кибиткѣ до того, что не только заснуть не было никакой возможности, но, во избѣжаніе ушибовъ, надо было постоянно крѣпко держаться обѣими руками за подушки и сильно упираться въ стѣны кибитки спиной и ногами. Этимъ только, ужасно утомительнымъ, средствомъ я могъ избавиться отъ ушибовъ, уже оставившихъ на мнѣ слѣды, когда я былъ менѣе опытенъ въ началѣ поѣздки.

Въ Кіевѣ я познакомился съ бывшимъ тогда генераль-губернаторомъ, кн. Иллариономъ Илларионовичемъ Васильчиковымъ. Но мое порученіе не требовало никакихъ объясненій съ мѣстной властью и потому мое знакомство заключалось только въ томъ, что я всегда называлъ *sinagrees pondaines* (свѣтскія кривлянья).

Въ Бѣлой церкви мнѣ приготовили квартиру у помѣщика гр. Владислава Браницкаго, и какъ онъ жилъ въ одномъ домѣ съ женатымъ братомъ, то меня пригласили обѣдать къ графинѣ, рожденной Голынской, мужъ которой, Александръ, былъ въ отсутствіи. Это былъ прощальный обѣдъ, даваемый Браницкимъ офицерамъ 6-го сапернаго баталіона, уже 20 лѣтъ расположеннаго въ имѣніи Браницкихъ.

Враждебное польское чувство къ русскимъ я, жившій такъ долго съ поляками въ Царствѣ, испыталъ впервые здѣсь, въ Кіевской губерніи. Оно проглядывало и чувствовалось всюду и потому пребываніе мое въ Бѣлой церкви, не смотря на свѣтскую любезность хозяйки и предупредительную учтивость графа Владислава, оставило во мнѣ грустное, тяжелое чувство. Къ счастью, пробывъ сутки въ Бѣлой церкви, я успѣлъ осмотрѣть батальонъ, за немѣніемъ хорошаго писаря, — собственноручно написать донесеніе государю и присутствовать при выступленіи батальона. Потомъ я еще нагонялъ его на дневкѣ въ Бараньемъ полѣ и, благословивъ окончательно въ дальнѣйшій путь, усказалъ въ Петербургъ. Государь благодарилъ меня такъ милостиво за мое „собственноручное подробное донесеніе“, какъ онъ самъ выразился, что я былъ не только обрадованъ, но и озадаченъ такою неожиданною и незаслуженною похвалою.

Недолго мнѣ пришлось отдыхать отъ ухабовъ въ Петербургѣ. Ровно недѣлю послѣ возвращенія моего изъ Бѣлой церкви, государь потребовалъ меня къ себѣ въ маленькій кабинетъ (въ которомъ онъ впослѣдствіи скончался) и приказалъ мнѣ ѣхать въ Николаевъ, а оттуда въ Одессу и, наконецъ, въ Бендеры. Въ Николаевѣ надлежало мнѣ осмотрѣть строящіяся тамъ батареи, по берегу рѣки Буга, и исправить все, что мнѣ покажется неправильнымъ или не достигающимъ цѣли. Государь приказалъ мнѣ сказать барону Сакену, что я получилъ приказаніе озаботиться прискавіемъ хорошаго соответствующаго назначенію помѣщенія въ Тирасполь и Бендерахъ для склада провіанта, по требованію фельдмаршала перевозимаго съ большимъ трудомъ и расходомъ изъ Одессы, чтобы не дать возможности неприятелю сжечь и овладѣть огромнымъ количествомъ хлѣба,—до 200,000 четвертей.

При этомъ государь сказалъ:

— Если, однако, ты не прищешь нужныхъ строеній, которыхъ можно было бы занять подъ магазинъ, то надо устроить бунты.

Я не зналъ значенія сего послѣдняго слова, въ чемъ сознался государю, который тотчасъ же въ подробности рассказалъ что требуется для сооруженія бунта. Государь затѣмъ приказалъ условиться съ генераломъ Федоровымъ насчетъ наряда рабочихъ на крѣпостныя работы въ Бендерахъ. Впослѣдствіи оказалось, что государь имѣлъ свѣдѣнія о значеніи и состояніи Бендерской крѣпости, когда онъ сказалъ мнѣ въ заключеніе всѣхъ своихъ приказаній:

— Однимъ словомъ, сдѣлай такъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, уланы не могли ея взять приступомъ.

Отъ военнаго министра мнѣ было дано предписаніе, содержащее вкратцѣ все, что государь говорилъ подробно, и 5,000 р. на расходъ въ Бендерахъ. Деньги эти я, разумѣется, въ день пріѣзда своего въ Бендеры, передалъ подъ росписку начальнику инженерной команды, подполковнику Казанцову.

Для обезпеченія постоянно затруднительной переправы чрезъ Днѣстръ, государь приказалъ построить два моста на плотяхъ или галерахъ, съ тѣмъ, чтобы одинъ изъ нихъ, въ случаѣ надобности, могъ быть спущенъ къ низовьямъ Днѣстра. Средства

для постройки этихъ мостовъ должны были быть доставлены по распоряженію мѣстнаго гражданскаго начальства.

Генералъ Θ*** немедленно командировалъ въ мое распоряженіе состоявшаго при немъ полковника фонъ-Чуди, для наряда рабочихъ, и своего адъютанта, поручика Б***, для распоряженій по закупкѣ и доставленію матеріала для мостовъ.

Баронъ Дмитрій Ероѣевичъ Савенъ, о которомъ я много слышалъ анекдотовъ какъ о неспособнѣйшемъ педантѣ и ханжѣ, показался мнѣ очень кроткимъ, хорошимъ человѣкомъ, но не поразилъ меня ни предприимчивостью, ни рѣшительностью. Впослѣдствіи я его узналъ гораздо ближе и хотя къ человѣку я получилъ искреннее уваженіе, но къ нему, какъ начальнику, не получилъ того довѣрія, которое умѣютъ внушать подчиненнымъ люди съ твердыми убѣжденіями, съ сильною волею, умѣющие, вѣруя въ себя, возбуждать и распространять между своими подчиненными увѣренность, иногда, можетъ быть, и неосновательную, но всегда необходимую для всякаго военнаго предпріятія.

Генералъ Θ—въ произвелъ на меня своею наружностью самое непріятное впечатлѣніе. Хотя я часто обвинялъ себя въ томъ, что я слишкомъ довѣряю впечатлѣнію, произведенному на меня наружностью людей, я былъ убѣжденъ послѣ перваго свиданія съ Θ—мъ, что онъ хитрый и на все готовый человѣкъ. Три дня спустя мои инстинктивныя предположенія вполнѣ оправдались. Не смотря на особенное высочайшее повелѣніе, вслѣдствіе тайной сдѣлки съ купцами дозволено было тремъ судамъ, нагруженнымъ хлѣбомъ, выйти въ море. Это происшествіе надѣлало много шума. По высочайшему повелѣнію было наряжено слѣдствіе, но мнѣ неизвѣстно кто его производилъ и чѣмъ оно окончилось. Θ—въ до окончанія его умеръ. Во время весьма продолжительнаго служенія своего въ Новороссійскомъ краѣ, онъ составилъ себѣ значительное состояніе. Онъ купилъ очень дешево прекрасное, но пустынное имѣніе въ Бессарабіи, и, употребляя... свою власть, насильственно заселилъ это имѣніе безпаспортными бѣглецами изъ Россіи. Къ несчастію Θ—ва, это имѣніе носило громкое и извѣстное въ Россіи имя Кагуль. Это дало поводъ князю Александру Сергѣевичу Меншикову—спрашивать говорившихъ съ нимъ про Θ—ва—„вы думаете,

что Румянцевъ, — нѣтъ Ѳ — въ — вагульскій герой — затѣмъ слѣдовало повѣствованіе...

Полковникъ фонъ-Чуди, прослуживши весь свой вѣкъ въ полиціи, былъ, что называется, тертый калачъ. Онъ не признавалъ никакихъ затрудненій, когда надо было исполнить волю начальства, но и всякое состраданіе было чуждо его сердцу. Онъ наряжалъ на работу въ Бендеры болгаръ и молдаванъ, составлявшихъ населеніе окрестностей Бендеръ, бесплатно, не заботясь о томъ, имѣютъ ли они средства прокормить себя. Убѣдившись, что люди, наряжаемые на работу, въ бѣдственномъ положеніи, я просилъ барона Сакена и генерала Ѳ*** — назначить имъ заработную плату или, по крайней мѣрѣ, устроить кухни и продовольствовать ихъ изъ котла, — но всѣ мои просьбы остались безъ послѣдствій. Выведенный изъ терпѣнія, я доложилъ государю по возвращеніи въ Петербургъ, что справедливость требуетъ вознагражденія рабочихъ, но что по сіе время несчастные бессарабскіе поселане работаютъ даромъ. Государь удивился, что мои просьбы на этотъ счетъ не были уважены, и предписалъ немедленно расчитать всѣхъ рабочихъ по 15 коп. сер. въ сутки. Были ли получены эти деньги тѣми, кому онѣ слѣдовали — that is the question (вотъ вопросъ). Вѣроятно же всего — не получены; впоследствии я имѣлъ неоднократно случай удостовѣряться, что желаніе правительства справедливаго расчета имѣло послѣдствіемъ лишь бесплодную потрату огромныхъ суммъ; такъ я приведу впоследствии ужасающій примѣръ мнимой выдачи крестьянскимъ семьямъ денегъ за зачетныя рекрутскія квитанціи на невозвратившихся изъ Крыма ратниковъ курскаго ополченія.

Если бы я имѣлъ тогда хотя маленькую часть своей настоящей опытности, я бы не предоставилъ этихъ распоряженій и выдачъ земской полиціи, хотя бы подъ руководствомъ г. фонъ-Чуди.

Поручикъ Б*** поражалъ меня своею неспособностью, фанфаронствомъ и неграмотностью. У меня сохранились доказательства послѣдняго, а именно нѣсколько его собственноручныхъ рапортовъ ко мнѣ. Въ настоящее время мнѣ страшно объ этомъ вспомнить, потому что этотъ самый Б. ¹⁾ достигъ чина

¹⁾ Послѣ удаленія генералъ Ѳ*** отъ должности генералъ-губернатора, этотъ Б. перешелъ къ барону Сакену, а потомъ къ генералу Анненкову. При первомъ онъ прикидывался святошю, при второмъ весельчакомъ, и кромѣ того

полковника, хочеть быть генераломъ.

Въ Одессѣ мнѣ, къ счастью, не было дѣла до постройки и вооруженія приморскихъ батарей. Онѣ были построены во всѣхъ отношеніяхъ непростительно дурно, а городскіе жители непременно прибавляли: „и дорого“. Предпринимая эту постройку, порученную, не знаю по какой причинѣ, кавалерійскому или артиллерійскому полковнику Гонгардту, что нынѣ (1869 г.) атаманъ Новороссійскаго казачьяго войска, никто не озаботился провѣрить точность гидрографическихъ картъ Чернаго моря, составленныхъ въ 1820-хъ годахъ, а потому оказалось, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ наши карты показывали глубину въ 4 и 6 футъ, непріятельскія суда нашли глубину въ 12 и 16 футъ и потому безпрепятственно становились на якорь въ такихъ мѣстахъ, которыя не были обстрѣливаемы нашими батареями, вооруженными весьма неудовлетворительно, только частью старыми чугунными 24 ф. пушками. Прочія орудія были еще меньшаго калибра. На мортирной батарее, построенной близъ дачи Ланжерона, я засталъ мортирныя платформы, поставленныя задомъ напередъ.

Въ Бендеры я пріѣхалъ въ двадцатыхъ числахъ марта 1854 г. и согласно данной мнѣ инструкціи немедленно во всей подробности осмотрѣлъ эту крѣпость. При этомъ былъ моимъ сісегопе подполковникъ Казанцевъ, въ которомъ я не замѣтилъ ни свѣдѣній, ни практическаго ума, а просто . гарнизоннаго офицера, а не инженера. Онъ мнѣ не умѣлъ ничего объяснить, а говорилъ: „слушаюсь, какъ прикажете“ и т. п. Къ счастью моему, скоро послѣ того были присланы отличные офицеры, въ числѣ которыхъ Струве, занимающійся теперь сооруженіемъ мостовъ на желѣзныхъ дорогахъ и пріобрѣтшій большую извѣстность какъ инженеръ-механикъ. Бендеры, послѣ взятія этой крѣпости гр. Панинымъ въ 1770 г., послѣ двухъ мѣсячной осады, и кн. Потемкинымъ, безъ выстрѣла, въ 1789 г., оставались въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ ее оставили турки—за исключеніемъ того, что при туркахъ были устроены отличные водопроводы, и что въ 1854 г. недостатокъ воды былъ

пріобрѣгалъ къ разныи—пріемамъ, чтобы сдѣлаться не только пріятнымъ своему начальству, но и необходимымъ.

В. Д.

весьма ощутителенъ и что надо было возить съ большими затрудненіями мутную и вредную воду изъ Днѣстра. Кромѣ невыгоднаго положенія Бендеръ, ибо окружающая мѣстность съ юга и запада командуетъ крѣпостью, она отличается совершеннымъ отсутствіемъ сводчатыхъ помѣщеній для гарнизона; единственный старый турецкій пороховой погребець оказался сводчатымъ, но, по удостовѣренію коменданта, не безопасенъ, по случаю трещинъ, замѣченныхъ въ сводахъ. Начальникъ херсонскаго инженернаго округа, ген.-лейт. Лехнеръ, съ заносчивостью, опровергалъ это мнѣніе коменданта, генерала Ольшевскаго, но ничего не доказывалъ и, наконецъ, когда я его спросилъ, какъ же считать пороховой погребець—годнымъ или опаснымъ, потому что я обязанъ донести объ этомъ государю, старый Лехнеръ сказалъ:

— Донесите государю, что я его считаю прочнымъ и что когда непріятель будетъ бомбардировать Бендеры, я лягу на пороховъ подъ самыми трещинами свода.

Я объ этомъ не доносилъ, но впоследствии рассказалъ объ этомъ государю.

Большая часть исходящихъ угловъ и всѣ рвы не были обстрѣливаемы; но не входя здѣсь во всѣ подробности всего, что я нашель или, правильнѣе, чего не нашель, скажу только, что Бендеры ни въ какомъ случаѣ не заслуживали названія крѣпости, и я себя утѣшалъ только тѣмъ, что какъ бы то ни было, а государя привязаніе будетъ исполнено и, конечно, уланы не будутъ въ состояніи взять штурмомъ эту крѣпость лишь по названію.

Любопытно мнѣ было отыскать какіе-нибудь слѣды преданія или легенды продолжительнаго пребыванія близъ Бендеръ Карла XII. Къ удивленію моему, всѣ старожилы отзывались полнымъ невѣдѣніемъ, указывая только на селеніе Варницы, въ трехъ верстахъ отъ крѣпости, гдѣ, по ихъ словамъ, былъ разбитъ лагерь Карла. Дѣйствительно, въ указываемомъ ими мѣстѣ правильныя неровности почвы даютъ право полагать, что на томъ мѣстѣ что-нибудь было, но болѣе ничего.

Желая исполнить какъ можно лучше словесное приказаніе государя насчетъ устройства склада для хлѣба, перевозку котораго настоятельно требовалъ главнокомандующій, я обратилъ на

этотъ предметъ особенное вниманіе, но скоро убѣдился, что въ крѣпости, приводимой въ оборонительное состояніе, весьма чувствителенъ недостатокъ помѣщенія, и что объ устройствѣ бунтовъ въ крѣпости и о загроможденіи внутренняго пространства легко воспламеняющимися постройками—и думать нельзя; я объ этомъ сдѣлалъ представленіе, причѣмъ препровождалъ и расчетъ громаднымъ издержкамъ, безъ которыхъ не можетъ обойтись исполненіе требованія генераль-фельдмаршала, доказывалъ, что уничтоженіе всего находившагося, въ то время, въ Одессѣ хлѣба не повлечетъ за собою тѣхъ убытковъ, которые окажутся отъ спасенія этого хлѣба перевозкою за 100 верстъ. Послѣдствія вполнѣ оправдали мое мнѣніе. Съ неслыханными усиліями перевезено было изъ Одессы въ Тирасполь 17,000 четвертей хлѣба, и эта операція, несмотря на то, что нѣмецкіе колонисты взялись, движимые чувствомъ патріотизма, перевозить этотъ хлѣбъ бесплатно, обошлась въ 96,000 р. сер. Тогда только убѣдились, что выгоднѣе остальной хлѣбъ оставить въ Одессѣ.

9-го апрѣля 1854 г. у меня набралось нѣсколько вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ зависѣло отъ барона Сакена, и потому я поѣхалъ въ Одессу, признаюсь, не безъ радости, хотя на время покидая умнѣе наводящіе Бендеры. Въ Одессу я пріѣхалъ въ тотъ же день, въ 11 часовъ вечера, и остановился въ Европейской гостинницѣ. Взбираясь по лѣстницѣ въ указанное мнѣ помѣщеніе, встрѣтилъ я А. П. Озерова, бывшаго нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при Оттоманской портѣ и послѣ разрыва нашего съ Турціею переѣхавшаго на временное жительство въ Одессу.

А. П. Озеровъ, съ нѣкоторымъ волненіемъ, тутъ же сообщилъ мнѣ подробности переговоровъ, происходившихъ, въ тотъ день, между непріятельскими адмиралами и барономъ Сакеномъ, что дерзкія требованія адмираловъ оставлены безъ отвѣта и что уже нѣтъ сомнѣнія, что, съ разсвѣтомъ, Одесса подвергнется бомбардированію, что всѣ жители оставили городъ, что онъ семейство свое перевезъ въ отдаленное предмѣстье—Молдаванку, и, наконецъ, что, только-что передъ тѣмъ, пріѣхалъ вновь назначенный генераль-губернаторъ, ген.-ад. Анненковъ. Однимъ словомъ, любезнѣйшій Александръ Петровичъ спѣшилъ мнѣ сообщить всѣ городскія новости; я его отъ всей души благода-

рилъ, думая про себя: никогда я никуда болѣе встати не приѣзжалъ. и вспомнилъ любимое изреченіе Sandoz'a: «vous vous voigr».

На другой день въ 6 ч. утра—поспѣшно взомель ко мнѣ А. П. Озеровъ и разбудилъ, говоря, что непріятель уже открылъ огонь по городу. Я вскочилъ, въ одну секунду одѣлся и отправился отыскивать барона Сакена. Когда я пришелъ черезъ безлюдныя улицы на набережную къ Ришельевскому монументу, моимъ глазамъ представилась великолѣпная картина, — непріятельская эскадра вытянулась почти вся въ одну линію, полукругомъ, загнувъ свой правый флангъ къ Пересыпи ¹⁾ и занимая, къ моему удивленію, тремя большими пароходами ту часть залива, которая, по нашимъ свѣдѣніямъ, недоступна, по мелководію, большимъ судамъ. По временамъ слышны выстрѣлы и на ясномъ голубомъ небѣ въ разныхъ мѣстахъ показываются маленькія бѣлыя облачки отъ разрыва въ воздухѣ бомбъ и гранатъ. Съ восхищеніемъ взглянувъ на все это и полагая, что я застаю бар. Сакена на одной изъ прибрежныхъ батарей, я началъ спускаться по Ришельевской лѣстницѣ. При этомъ я испыталъ къ своему горю *et avec une profonde humiliation* (и съ глубокой обидой) чтó значитъ кланяться непріятельскимъ снарядамъ. Въ то самое время какъ въ воздухѣ разрывало гранаты, надъ моей головой пролетѣлъ испуганный голубь, и отъ его полета по свѣтлой каменной лѣстницѣ, ярко освѣщенной солнцемъ, промелькнула тѣнь, — все это вмѣстѣ произвело на меня впечатлѣніе какъ будто надъ самой головой у меня разорвало бомбу—и я поклонился..... Никогда не забуду этого мгновенія; оно сейчасъ же смѣнилось другимъ, въ которое я успѣлъ отдать себѣ отчетъ впечатлѣнія и почувствовалъ, не смотря на мое совершенное одиночество, что я покраснѣлъ, что мнѣ стыдно!..... Но спрашивается—стыдно чего? Самаго естественнаго чувства самосохраненія. Но оттого и дѣвнится храбрость—что она составляетъ торжество надъ самымъ натуральнымъ инстинктивнымъ чувствомъ; такъ разсуждая, я далъ себѣ слово наблюдать за собой, впрочемъ, не допуская и мысли, чтобы я могъ обзаваться трусомъ.

Я отправился на батарею № 6, получившую впоследствии

---

¹⁾ Низкая и отдаленная часть города — близъ моря, восточнѣе самаго города. В. Д.

название Щеголевской. Она одна по своему расположению и по занятой позиции неприятелем могла успешно действовать, но за то и сама больше других подвергалась опасности.

Прапорщик Щеголев довольно удачно посылал снаряды в бока неприятельских пароходов, выстрѣлами опредѣливъ разстояніе судовъ отъ берега.

Бар. Сакена уже не было на батарее. На полѣ я встрѣтилъ какого-то жандарма, спѣшилъ его, прельстивъ золотымъ, и, вскочивъ на лошадь, поскакалъ отыскивать бар. Сакена по направленію, указанному мнѣ на батарею однимъ изъ артиллеристовъ. Взобравшись на гору, я засталъ Дмитрія Ерооевича со всѣмъ его штабомъ у дома кн. Воронцова. Я объяснилъ ему, что пріѣхалъ по дѣламъ службы и что какъ ему теперь недосугъ принимать доклады, то я прошу позволенія — состоять при немъ. Въ свитѣ, къ которой я такимъ образомъ присоединился, находились, между прочими, и вновь прибывшій генералъ-губернаторъ, положеніе котораго было видимо неловкое. Будучи начальникомъ, онъ былъ въ неизвѣстномъ мѣрѣ и потому, не смотря на явное желаніе, онъ не могъ разыгрывать никакой роли. Начальникъ штаба генерала Сакена, генералъ Т—ковъ, и безъ того некрасивой наружности,—не могъ не занимать любовнаго наблюдателя особеннымъ выраженіемъ своего лица—(l'air effaré) (растерянный видъ), на которомъ слишкомъ откровенно обнаруживались впечатлѣнія, подъ которыми онъ находился. Когда къ нему обращались, видно было, что онъ не слышитъ и не понимаетъ,—все вниманіе его было поглощено результатами выстрѣловъ неприятеля. Еще больше плачевную роль разыгрывалъ штабс-ротмистръ М—мъ, адъютантъ бар. Сакена. Но сей послѣдній не обращалъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія. Мы переѣзжали съ мѣста на мѣсто, но всегда возвращались на набережную. Неприятельскіе снаряды не дѣйствовали разрушительно, какъ можно было ожидать, по случаю особенности матеріала, изъ котораго построены всѣ одесскіе дома. Мягкій камень поглощалъ въ себѣ снаряды, а разрушительнаго сотрясенія не оказывалось. Большую часть бомбъ не разрывало. Неприятель дѣйствовалъ также изъ бомбическихъ орудій 120 ф. ядрами; такое ядро попало на моихъ глазахъ—въ монументъ герцога Ришелье и, отколовъ уголъ пьедестала, осыпало насъ пескомъ, поднятымъ

осколками гранита. Замѣтивъ толпу всадниковъ близъ Воронцовскаго дома—непріятель сталь стрѣлять по намъ шрапнелевыми гранатами. Но дѣйствительно хорошо, т. е. сильно обстрѣлянною оказалась только Щеголевская батарея. Эта батарея защищалась сколько могла, но ея непростительная постройка была причиною того, что она могла наносить вредъ непріятелю только двумя орудіями, а на послѣдокъ лишь однимъ. Кромѣ того, на полѣ, близъ самой батареи, оставался не сломаннымъ какой-то балаганъ, онъ загорѣлся отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, а отъ этого пожара, котораго не успѣли потушить, произошелъ взрывъ и пожегъ конецъ дѣйствіямъ Щеголева. Стрѣльба непріятеля оказалась ниже всякой критики; если бы только десятый процентъ выпущенныхъ имъ снарядовъ попадалъ въ батарею, то конечно и слѣдовъ ея не осталось бы; къ счастью, всѣ почти снаряды чрезъ нея пролетали и этимъ объясняется, что оказалось на этой батарее лишь два подбитыхъ орудія и одинъ испорченный мерланъ. Изъ артиллерійской прислуги только одинъ убитый и трое раненыхъ и контуженныхъ нижнихъ чиновъ.

Во второмъ часу пополудни, замѣтивъ, что нѣсколько лодочекъ отдѣляется отъ ближайшихъ къ Пересыпи париходовъ и что онѣ направляются къ берегу, я поѣхалъ съ капитаномъ Глинкой (не могу припомнить у кого онъ былъ адъютантомъ) на Пересыпь и засталъ тамъ слѣдующее: два баталіона Томскаго и Колыванскаго полковъ стояли въ сомнутыхъ баталіонныхъ колоннахъ подъ выстрѣлами маленькой непріятельской флотиліи, подъ предлогомъ, что они составляютъ прикрытіе, выдвинутому впередъ къ морскому берегу, дивизиону легкой № 3 батареи 14-й артиллерійской бригады.

Непріятельскіе катера были вооружены небольшими орудіями и ракетными станками. Этихъ катеровъ я насчиталъ до 18. Наши легкія орудія дѣйствовали совершенно безуспѣшно и видно было, какъ наши ядра падали въ воду; картечью же не стрѣляли, не смотря на то, что связано въ реляціи, потому что непріятель не подходилъ на картечный выстрѣлъ.

Когда я пріѣхалъ къ этимъ батальонамъ, я засталъ полное безначаліе: съ нашей стороны уже было нѣсколько убитыхъ и раненыхъ, при мнѣ взорвало одинъ зарядный ящикъ и подбило два орудія. Нелѣпость всего, что я тутъ увидѣлъ, меня взбѣсила,

но отсутствіе начальства и моя пассивная по неволѣ роль не позволяли мнѣ и думать о какой-либо инициативѣ. Наконецъ, я рѣшился сказать двумъ штабъ-офицерамъ, что имъ слѣдуетъ, по моему мнѣнію, прикрыть свои батальоны за домами и что я немедленно поѣду доложить бар. Сакену—что эти войска совершенно бесполезно теряютъ людей. Видимо было, что цѣль непріятеля заключалась въ томъ, чтобы ракетами поджигать городъ, потому что вромѣ гребцовъ и артиллерійской прислуги на катерахъ никого не было.

Не смотря на это, въ реляціи было сказано, что непріятель покушался сдѣлать высадку на Пересыпь.

Реляція, между прочимъ, повѣствовала:

«Непріятельскіе желѣзные пароходы, не требующіе большой глубины, для оруженія практическаго мола ¹⁾, сверхъ чаянія, подходила близко къ берегу и одна изъ нихъ отдѣлился къ предмѣстью Пересыпи съ гребными судами, которыя конгресными ракетами зажигали суда на практической гавани и строенія въ предмѣстьѣ Пересыпи и пытались сдѣлать высадку. Но встрѣченныя картечью изъ 4-хъ ²⁾ полевыхъ орудій легкой № 3 батарен 14 артиллерійской бригады, подъ прикрытіемъ 6-ти ротъ резервнаго и запаснаго батальоновъ Томскаго и резервнаго батальона Колыванскаго и Егерскихъ полковъ, поставленныхъ въ засадѣ, обращены въ бѣгство къ судамъ и, преслѣдуемыя, ядрами, имѣли значительную потерю. У насъ же убито и ранено нѣсколько человекъ и подбито два лафета».

Возвращаясь отъ этой повѣсти къ дѣйствительности, я поѣхалъ отыскивать бар. Сакена и встрѣтилъ его ѣдущаго на дрожжахъ съ ген. Анненковымъ у артиллерійскаго дома. Я доложилъ Дмитрію Ерошеевичу о положеніи на Пересыпи несчастныхъ батальоновъ, безъ всякой пользы теряющихъ людей, и просилъ позволенія поставить ихъ внѣ дѣйствія непріятельской артиллеріи. Генераль Сакенъ не успѣлъ еще отвѣчать, какъ ген. Анненковъ сказалъ мнѣ при Сакенѣ:

— Эти батальоны поставлены по распоряженію начальства, слѣдовательно должны стоять.

Сакенъ, вѣроятно, былъ озадаченъ этимъ непрошеннымъ вмѣшательствомъ только что прибывшаго генераль-губернатора, но ничего не сказалъ и поѣхалъ къ преосвященному Иннокентію, а я, по глупости, тогда только догадался, что сохраненіе людей

¹⁾ На оконечности этого мола находилась № 6 Щеголевская батарея.

²⁾ Ихъ оставалось уже только два.

В. Д.

иногда совсѣмъ не входить въ расчетъ попечительнаго начальства, и что если бы не было поставленныхъ на убой томцевъ и колыванцевъ, то и не было бы блистательной реляціи слѣдующаго содержанія:

«Богъ видимо оцѣнилъ защитниковъ вѣры, царя и чести Россіи: при смертоносномъ огнѣ непріятельскихъ орудій большаго калибра, дѣйствовавшихъ ядрами, бомбами и картечными гранатами, потеря наша состоитъ изъ убитыхъ 4-хъ нижнихъ чиновъ, раненыхъ: полковника Мещерскаго ¹⁾, нижнихъ чиновъ 45 и контуженныхъ нижнихъ чиновъ 12».

11-го апрѣля, по случаю Свѣтлаго Христова Воскресенія, я отправился христосоваться къ начальству, при этомъ, разговорившись наединѣ съ бар. Сакеномъ, сообщилъ ему, что много толкуютъ о какомъ-то покушеніи непріятеля сдѣлать высадку, но что я положительно удостовѣряю, какъ очевидецъ (ни Сакена, ни Анненкова не было на Пересыпи), что этого не было. Не смотря на это, донесеніе было отправлено въ тотъ же день къ государю, съ вышеприведеннымъ украшеніемъ мнимой высадки.

Впоследствии, когда я поздравилъ бар. Сакена, по случаю полученія имъ ордена св. Андрея за отличное отраженіе непріятеля, онъ мнѣ говорилъ, вѣроятно, вспоминая то, что ему говорилъ послѣ христосованія, „что ему досадно и больно, что въ донесеніи къ государю было упомянуто о небываломъ намѣреніи непріятеля сдѣлать высадку“.

Въ день 10-го апрѣля 1854 г., въ Одессѣ, среди города, можно было умереть голодною смертью тому, кто не довольствовался изъ котла въ какой нибудь ротѣ или не имѣлъ своего хозяйства; гостинницы и лавки были закрыты, единственная баба, продававшая крашенныя яйца, была убита бомбою, вмѣстѣ съ мужикомъ, торговавшимъ у ней яйца. Жители также, безъ исключенія, выѣхали за городъ, но, къ моему счастью, оставалось въ городѣ хлѣбосольное семейство А. М. Абаза. Въ 7-мъ часу, когда уже давно не было слышно ни одного выстрѣла, я отправился къ нимъ и засталъ у нихъ много военныхъ, давно предупредившихъ меня, и оказалось, что въ цѣломъ домѣ не осталось ничего съѣстнаго, кромѣ хлѣба и соленыхъ огурцовъ, но за то шампанскаго сколько угодно. Три дня спустя, 14-го числа,

¹⁾ Онъ былъ только контуженъ.

непріятельская эскадра снялась съ явора и ушла по направле- нію частью въ Константинополь, частью въ Севастополь, а я немедленно отправился въ Бендеры наблюдать попрежнему за ходомъ работъ.

Не говоря о невыносимой скукѣ, на которую я былъ осуж- денъ въ Бендерахъ, мое тамъ положеніе представляло много затрудненій.

Въ дѣлѣ инженерномъ, строительномъ я вовсе не былъ компетентенъ, а на мѣстѣ не было ни одного человѣка, совѣтами котораго я могъ бы воспользоваться. Кромѣ того, я имѣлъ случай ежедневно убѣждаться въ своей неопытности, а это не могло не останавливать моей врожденной, въ то время еще не осла- бѣвшей, энергичной дѣятельности. По пріѣздѣ моемъ въ Бен- деры, послѣ бомбардированія Одессы, я засталъ тамъ отзывъ военнаго министра, которымъ онъ меня увѣдомлялъ, что госу- дарь вполнѣ одобрилъ сдѣланныя мной распоряженія въ Нико- лаевѣ. Это меня чрезвычайно обрадовало и утѣшило, и вотъ почему: расположеніе и постройка Николаевскихъ батарей зави- сѣли отъ морскаго вѣдомства, и предоставленною мнѣ властью я отмѣнилъ предположеніе кн. Меншикова и хотя и доносилъ ему въ Севастополь о причинахъ, побудившихъ меня измѣнить устройство Николаевскихъ батарей и увеличить ихъ число по- стройкой большой батареи, въ видѣ сомкнутаго укрѣпленія, близъ села Богоявленскаго, но не получилъ отъ него отвѣта. Впослѣд- ствіи артиллерійскій офицеръ, капитанъ Пестичъ, увѣдомилъ меня письмомъ, что кн. Меншиковъ изъявилъ полное согласіе на сдѣланныя мною распоряженія и подтвердилъ адмиралу М. Б. Берху усилить средства для скорѣйшаго окончанія нача- тыхъ работъ. Въ концѣ апрѣля у меня опять накопилось много дѣлъ, которыя требовали словесныхъ объясненій съ бар. Саке- номъ и ген. Лехнеромъ, начальникомъ дунайскаго инженер- наго округа, и потому 28-го апрѣля я опять отправился въ Одессу. Баронъ Сакенъ принялъ меня какъ стараго знакомаго, и общался немедленно исполнить все, о чемъ я его просилъ; ген. Лехнеръ оказался также очень податливымъ.

Такимъ образомъ, приведенный въ пріятное расположеніе духа, я рѣшилъ, что могу себѣ позволить пробыть денька два въ Одессѣ, повидаться съ своими знакомыми и насладиться го-

родскою жизнью, отъ которой я начиналъ отвыкать въ Бендерахъ.

А. П. Озеровъ съ семействомъ, М. Д. Непокойчицкая, сестра А. Д. Герстенцвейга, моего товарища и пріятеля, Николай Ивановичъ Крузенштернъ и нѣсколько молодыхъ людей изъ штаба главнокомандующаго давали мнѣ возможность весьма пріятно провести нѣсколько дней въ Одессѣ, которая, послѣ удаленія непріятельской эскадры, совершенно успокоилась. Большая часть жителей возвратилась, общественная жизнь оживилась и даже показались объявленія, общавшія, въ непродолжительномъ времени, представленія итальянской оперы.

30-го числа, въ 8 ч. утра, я сидѣлъ у раствореннаго окна своей квартиры Европейской гостиницы и наслаждался великолѣпнымъ весеннимъ утромъ, въ ожиданіи чая; вдругъ подскакалъ къ моему окну гр. Медемъ, штабсъ-ротмистръ Бѣлорусскаго гусарскаго полка, состоявшій ординарцемъ при бар. Савенѣ, и прежде всего выразилъ свое удивленіе, видя мое спокойствіе, а потомъ и рассказалъ, что море покрыто такимъ густымъ туманомъ, что ничего нельзя различить на самое близкое разстояніе, но что, судя по шуму на берегу моря, близъ дачи Картаци, надо полагать, что близъ самаго берега сталъ на мель непріятельскій пароходъ. Къ этому онъ добавилъ, что войска уже направлены къ этому мѣсту и что баронъ также туда поѣхалъ.

Я немедленно собрался, а въ это же время пріѣхавшій А. П. Озеровъ предложилъ мнѣ свою коляску и мы вмѣстѣ отправились удовлетворять свое любопытство. Проѣхавъ дачу, принадлежавшую одесскому городскому головѣ Картаци, мы застали уже снявшуюся съ передковъ батарею и, какъ мнѣ сперва показалось, стрѣляющую въ воду. По повѣрѣію оказалось, что англійскій пароходъ Tiger сѣлъ на мель такъ близко отъ берега, возвышающагося отвѣсно надъ моремъ на 16 сажень, что его можно было видѣть только съ самаго края обрыва. На столь близкое разстояніе наши снаряды производили страшно разрушительное дѣйствіе. Англичане хотя не стрѣляли, но, по близости къ высокому берегу, не могли наносить намъ ни малѣйшаго вреда. Непритель скоро самъ въ этомъ убѣдился и весь экипажъ Тигра сдался военнопленнымъ, немедленно перевезенъ

на берегъ, положилъ оружіе ¹⁾ и былъ отправленъ подъ конвоемъ въ карантинныя помѣщенія.

Густой туманъ, покрывавшій море и бывший, вѣроятно, причиною гибели Тигра, разсѣялся къ 11 часамъ утра, и тогда мы замѣтили вдаль два приближающихся парохода. Предполагая, что это спутники Тигра, и что они попытаются подать помощь погибающему пароходу, участь экипажа котораго не могла быть имъ извѣстна, бар. Сакенъ приказалъ гранатами зажечь и взорвать Тигръ. Онъ былъ ужъ объятъ пламенемъ и мы ожидали взрыва, когда прочіе пароходы подошли на дальній выстрѣлъ и открыли по насъ огонь. Къ удивленію моему—за нашими 12-ю орудіями были построены войска и между прочими два полка уланъ!

Къ счастью, непріятельскіе выстрѣлы не могли наносить намъ большаго вреда, такъ что послѣ двухъ часоваго обстрѣливанія берега у насъ овазалась весьма незначительная потеря, а именно убитыхъ два артиллериста и 3 артиллерійскія лошади и контуженныхъ 2 артиллерійскихъ офицера.

Когда непріятельскіе пароходы удалились, а отъ взорваннаго Тигра остались видными надъ водой лишь однѣ трубы, я отправился обратно въ городъ, гдѣ далъ слово обѣдать у А. М. А база. Въ одно время со мной вошла въ домъ и хозяйка, т. е. старушка, мать хозяина, и съ жаромъ рассказала намъ, что и она ѣздила съ какою-то компаніонкою посмотрѣть на англичанъ по любопытству. „Пришли мы, говорила она, къ самой батарее, какъ вдругъ стали стрѣлять, мы испугались, бросились бѣжать, но не зная дороги, натывались на солдатъ, которыхъ умоляли вывести насъ къ экипажу. Во время этихъ переговоровъ раздался крикъ: „ложись“, —мы, батюшка мой, и легли—да вставать-то ужъ и не посмѣли, повѣрите ли—по сіе время пролежали..... какъ насъ не затоптали, право, я и понять не могу, Богъ спасъ“.

Вечеромъ я былъ на оперномъ представленіи, давали „La figlia del regimento“.

— Конечно, думалъ я, возвращаясь домой измученный и сонный, мнѣ ужъ никогда не придется такъ оригинально и разнообразно

¹⁾ Изъ этого оружія я сохранилъ на память одинъ штуцеръ огромнаго калибра.

разно провести день. Утромъ подь непріятельскими выстрѣлами, потомъ въ большомъ городѣ, въ которомъ все совершенно спокойно, какъ во время мира, на отличномъ обѣдѣ, а вечеромъ—на представленіи италіанской оперы.

Когда по городу разнесся слухъ, что взято въ плѣнъ множество англичанъ, толпы жителей бросились на встрѣчу плѣннымъ, въ томъ числѣ, на дрожкахъ прежней конструкціи, бѣловласый дюжій купчина; этотъ старикъ, подѣхавъ къ англичанамъ, оставилъ дрожки, перекрестившись три раза—кривнулъ: «здорово, бусурмане!» и немедленно затѣмъ—закупилъ всѣ лотки спующихъ разнощиковъ и кормилъ съ большимъ усердіемъ матросовъ, которые, проработавъ цѣлую ночь въ надеждѣ сойти съ мели, дѣйствительно были очень голодны.

Послѣ всѣхъ этихъ событій, которымъ мѣстнымъ начальствомъ придавалось болѣе по возможности значеніе, приступили къ работамъ, чтобы воспользоваться остатками погибшаго англійскаго парохода. Оказалось, что машина, за исключеніемъ нѣкоторыхъ поврежденій, еще годится для употребленія, такъ равно и нѣсколько чугунныхъ орудій, но какъ орудія эти были подь водой, предполагалось ихъ подвергнуть испытанію, прежде чѣмъ сдѣлать изъ нихъ какое либо употребленіе. Новый генераль-губернаторъ, описывая всѣ послѣднія событія въ донесеніи государю, просилъ дозволенія, въ память гибели „Тигра“, поставить два изъ орудій, съ него взятыхъ, по обѣ стороны Рижельскаго монумента на приморскомъ бульварѣ Одессы. Я ничего объ этомъ не зналъ; гуляя разъ вечеромъ по бульвару, встрѣтилъ я Н. Н. А.—а очень озабоченнаго; послѣ обычныхъ привѣтствій онъ мнѣ сказалъ: „Знаете, какое несчастье? сегодня стрѣляли изъ англійскихъ орудій“!

— Что же, перебилъ я его, когонибудь при этомъ ранили или убили?

— Нѣтъ, слава Богу, были приняты мѣры предосторожности.

— Такъ что же, какое несчастье?

— Два изъ этихъ орудій разорвало, а послѣ этого не найдется двухъ одинаковыхъ.

Я въ недоумѣніи смотрѣлъ на генераль-губернатора.

— Да помилуйте, я сдѣлалъ представленіе, чтобы поставить два орудія на бульварѣ.

Я весь превратился въ вопросительный знакъ, рѣшительно ничего не понимая; тогда онъ отвѣтилъ протяжно, съ горькою печалью въ голосѣ: „а симетрія?“

Послѣ всѣхъ одесскихъ занимательныхъ событій, Бендеры показались бы мнѣ невыносимымъ мѣстопробываніемъ, если бы не весна, поздняя, давножданная, со всѣми своими прелестями.

Весна украсила Бендеры цвѣтущими акаціями и огромными жасминными деревьями, которыми было обсажено крыльце дома турецкаго коменданта. Эти деревья, которыхъ я нигдѣ не видалъ кромѣ Бендеръ, были въ то время покрыты мелкими, но весьма душистыми цвѣтами. Необозримыя степи Херсонской губерніи были покрыты дикими тюльпанами и гіацинтами, но кромѣ того меня въ особенности поддерживала надежда скорого возвращенія въ Петербургъ. Всѣ работы были въ ходу, а предположенное инженернымъ департаментомъ усиленіе бендерской крѣпости передовыми люнетами требовало радикальнаго измѣненія, потому что было сдѣлано безъ соображенія съ условіями мѣстности. Приготовивъ необходимые планы и составивъ критическій разборъ проектовъ департамента, въ половинѣ мая я рѣшился отправиться въ Петербургъ и обо всемъ, до моего порученія относящемся, доложить лично государю.

23-го мая (1854 г.) возвратился я въ Петербургъ, а 24-го, въ 8 час. утра, я уже ожидалъ прохода государя въ галереѣ нижняго этажа петергофскаго дворца ¹⁾, по которой онъ обыкновенно проходилъ послѣ своей ежедневной утренней прогулки, идя заниматься и принимать министровъ въ свой оффиціальный кабинетъ. Мнѣ и теперь становится весело на душѣ, когда я вспоминаю взглядъ Николая Павловича, завидѣвшаго меня; не знаю, дѣйствительно ли онъ любилъ меня или было имъ принято за правило принимать радостный видъ при представленіи возвращающихся адъютантовъ, но его лицо, вся фигура подтвердили его слова: — „Очень радъ тебя видѣть“.

Послѣ обмѣна нѣсколькихъ словъ, онъ мнѣ назначилъ въ

---

¹⁾ Въ то время особыя представленія назначались очень рѣдко; обязательные же являлись адъютанты становились тамъ, гдѣ государь проходилъ, и въ случаѣ надобности въ объясненіяхъ, онъ самъ для этого пазначалъ время и тогда принималъ въ своемъ кабинетѣ.

тотъ же день часть для доклада. При этомъ докладѣ онъ неоднократно хвалилъ и, наконецъ, одобрилъ все уже сдѣланное и новыя предположенія, но съ тѣмъ, что я долженъ предварительно какого либо исполненія получить согласіе инспектора по инженерной части, присовокупляя: „Ты его еще не видалъ, а тебѣ разрѣшаю къ нему съѣздить въ Кронштадтъ ¹⁾“.

Затѣмъ онъ протянулъ мнѣ руку, говоря: „еще разъ спасибо“, но съ такимъ выраженіемъ и чувствомъ, что невозможно было не считать себя награжденнымъ не по заслугамъ. Незабвенный Николай Павловичъ имѣлъ особенный даръ благодарить,—его благодарность имѣла особенное свойство воодушевлять людей и подготовить ихъ на всевозможные труды и самопожертвованія.

Пребываніе мое въ Петергофѣ до августа я могу считать самымъ пріятнымъ временемъ моей жизни; государь былъ постоянно особенно ко мнѣ милостивъ; это выражалось очень часто и весьма разнообразно. Когда онъ ѣздилъ въ Кронштадтъ, онъ всегда бралъ меня съ собой, а разъ даже прислалъ за мной великаго князя Константина Николаевича, заставшаго меня въ халатѣ, въ разговорѣ съ Альбединскимъ. 3-го іюля утромъ государь, встрѣтивъ меня въ саду, сказалъ мнѣ, что онъ съ императрицею поѣдетъ въ Саперный лагерь въ 11 часовъ и прибавилъ: „совѣтую и тебѣ туда проватиться“.

Оказалось, что государь, вспоминая въ этотъ день свое назначеніе генераль-инспекторомъ по инженерной части, два дня послѣ своей свадьбы, хотѣлъ побывать съ государыней въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ 36 лѣтъ тому назадъ впервые былъ пріѣтствованъ саперами—какъ главный ихъ начальникъ и шефъ. Онъ туда пріѣхалъ съ Александрю Федоровною и былъ очень милостивъ съ окружившими его саперами. Въ этотъ день я въ первый разъ обѣдалъ у государя въ Александріи—въ *cottedge*'ѣ. Кромѣ меня были приглашены: начальникъ инженеровъ Андрей Андреевичъ фонъ Цуръ-Мюленъ, котораго солдаты называли

---

¹⁾ Весною 1854 г., во время моего отсутствія, отецъ мой, не смотря на болѣзненное состояніе—долженъ былъ, по настоятельному требованію государя, принять должность военнаго генераль-губернатора Кронштадта и командовать расположенными тамъ войсками на правахъ командира отдѣльнаго корпуса въ военное время. В. Д.

Цырмулень, и мой старый и добрый командиръ Николай Филиповичъ Хомутовъ. Кто не видалъ Николая Павловича въ Александрии, тотъ, конечно, не имѣетъ понятія о простотѣ и очаровательности его обращенія въ семейномъ кругу; тутъ можно было забыть, что онъ Бѣлый царь и самодержецъ всея Руси, но грандіозность и прелесть его личности всегда сохранялась и привлекала къ нему сердца даже людей, не раздѣлявшихъ его понятій, даже осуждавшихъ его систему, его дѣйствія. На тѣхъ, которые его видѣли въ первый разъ, онъ производилъ поражающее, даже смущающее, впечатлѣніе.

Мнѣ говорила нягиня Елизавета Алексѣевна Паскевичъ, что во время пребыванія государя въ Варшавѣ, совпавшаго съ проѣздомъ генерала Ламорисьера, ѣхавшаго въ Петербургъ представителемъ французской республики, она повезла М-ше Lamoriciere смотрѣть городъ. Послѣ прохожденія войскъ государь подъѣхалъ къ ихъ воляскѣ и привѣтствовалъ ихъ очень любезно, сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ г-жѣ Lamoriciere, которая совсѣмъ растерялась, и какъ только государь отѣхалъ, республиканка очень наввио и скоро проговорила: „Comme il est beau, votre empereur! mais comme il impose! que lui ai-je dit? Je suis sûre que je lui ai répondu à tort et à travers“. („Какъ хорошъ собою вашъ государь! но какая у него внушающая наружность! что я сказала ему? я увѣрена, что я отвѣчала ему не впопадъ“).

Въ теченіи іюня и іюля мѣсяцевъ, я чувствовалъ себя необыкновенно спокойнымъ и счастливымъ, но какъ ничего совершеннаго въ сей жизни не бываетъ, то и у меня была печаль.

Отецъ мой видимо слабѣлъ. Въ концѣ іюля у него былъ легкій нервный ударъ, послѣ котораго языкъ не то чтобы отнялся, но говорить онъ сталъ плохо. Это продолжалось не долго и, благодаря особенной преданности и попечительности о больномъ Бориса Антоновича Шванебаха, его адъютанта, почти не отлучно находившагося при немъ, кромѣ его и меня никто не зналъ въ Кронштадтѣ о случившемся.

Въ половинѣ августа государь приказалъ мнѣ опять ѣхать въ Бендеры, а оттуда въ главную квартиру кн. М. Д. Горчакова.

Въ Бендерахъ мнѣ предстояло осмотрѣть произведенныя и еще производившіяся работы, обезпечить хорошія и надежныя помѣщенія для пороха, кромѣ того получить приказанія.

Пробывъ вѣсколько дней въ Бендерахъ, я отправился на Кишиневъ и Скуляны въ Яссы. Приближаясь къ первой станціи отъ Кишинева, поздно вечеромъ, камердинеръ мой Иванъ занемогъ холерою, и при этомъ выказалъ необыкновенное малодушіе, громко молился и прерывалъ свои молитвы жалостными просьбами не покидать его, не дать ему умереть и т. п.

Пріѣхавши на станцію, единственную комнату для пріѣзжающихъ я нашелъ занятою и путешественники, укрывавшіеся въ ней отъ сильной грозы, отказались впустить въ нее моего больного. Меня это взорвало; я силою въ нее взшелъ, выломавъ замокъ, и засталъ въ ней испуганнаго старика съ пистолетами въ рукахъ.

Этотъ старикъ оказался бывший сербскій господарь Милошъ Обреновичъ; при видѣ флигель-адъютанта, онъ успокоился, положилъ свои пистолеты, а я ему объяснилъ исключительность своего положенія и извинялся за причиненное ему безпокойство. Впослѣдствіи я встрѣчался съ Милошемъ въ Одессѣ, какъ старый знакомый, и съ удовольствіемъ убѣдился, что онъ не сердится на меня за страхъ, испытанный имъ по моей шалости при безцеремонномъ вторженіи моемъ въ занимаемую имъ комнату, ночью, во время грозы, среди Сергіевскихъ лѣсовъ, пользовавшихся весьма дурною репутаціею, по случаю довольно часто повторявшихся разбоевъ.

Этотъ страхъ Милоша объяснялся еще тѣмъ, что успѣвъ вывезти значительные капиталы изъ Сербіи, онъ всегда возилъ съ собою много денегъ и большія богатства въ драгоценныхъ камняхъ.

Убѣдившись, что въ станціонномъ, совершенно одинокомъ, домѣ среди лѣса я рѣшительно не имѣю возможности доставить ни малѣйшаго пособія моему Ивану, я рѣшился ѣхать во что бы то ни стало до Сергіева. Въ этомъ гнусномъ городишкѣ я пробылъ двое сутокъ, по истеченіи которыхъ уѣздный врачъ, усердно ходившій за моимъ больнымъ, объявилъ мнѣ, что я могу ѣхать. Я немедленно поскакалъ въ Скуляны, куда прибылъ вечеромъ и сейчасъ же распросилъ, кто изъ женъ военныхъ, находящихся въ Молдавіи, временно пребываютъ въ Скулянахъ, а это потому, что мнѣ было извѣстно общее запрещеніе семействамъ военныхъ чиновъ слѣдовать при мужьяхъ за границу. Оказалось, что гра-

финя Канкрина (Valerien), Екатерина Александровна Тимашева, графиня Сакенъ и т. д. уже давно живутъ въ Скулянахъ. Я немедленно отправился къ нимъ, очень пріятно провелъ у нихъ вечеръ и, возвращаясь домой, совершенно забылъ, что я не въ Петербургѣ.

Зная акуратность и форменность барона Сакена, выѣзжая на другой день изъ Скулянъ въ Яссы и полагая возможною встрѣчу съ Дмитриемъ Ерошеевичемъ, я положилъ возлѣ себя въ коляску каску и шарфъ, чтобы имѣть возможность съ особеннымъ военнымъ приличіемъ явиться, хотя бы въ полѣ.

Предусмотрительность моя оказалась весьма полезною. Подъѣзжая къ Яссамъ, я встрѣтилъ бар. Сакена, объѣзжавшаго верхомъ войска, расположенна бивуакомъ; я представился ему въ шарфѣ на большой дорогѣ. Онъ мнѣ очень обрадовался и требовалъ, чтобы я ѣхалъ прямо къ нему обѣдать. Въѣзжая въ Яссы, я встрѣтилъ запыленного и измученнаго товарища, гр. Крейца, ѣдущаго въ невыносимой каруцѣ въ Петербургъ съ донесеніемъ отъ кн. Горчакова, главная квартира котораго еще не прибыла въ Яссы. Въ этомъ городѣ меня ожидало ужасное разочарованіе. Я считалъ Яссы, правда, неизвѣстно на какомъ основаніи, европейскимъ городомъ и потому, не безъ непріятнаго чувства, долженъ былъ убѣдиться въ противномъ. Узенькія невымощенные улицы, дрянные дома, отсутствіе садовъ и гуляній, вотъ въ главныхъ чертахъ вѣрное описаніе города Яссъ. На базарныхъ площадяхъ постоянно двигается и шумитъ толпа грязнаго и празднаго народа; вечеромъ огромное собраніе порядочныхъ и роскошныхъ экипажей, въ голой степи, называемой *cono, rendez-vous* яссыаго *beau-mond'a*.

На другой день моего пріѣзда городъ сталъ оживляться появленіемъ многихъ лицъ главной квартиры нашей отступающей отъ Дуная, къ сожалѣнію далеко не побѣдоносной, армін.

26 августа я присутствовалъ при молебствіи и парадѣ. Бар. Сакенъ—игралъ роль главнаго начальствующаго лица, а бар. А. Н. Б. исправлялъ должность генераль-губернатора или даже какого-то жалкаго, но сильно раздражительнаго господара. Этотъ баронъ привелъ меня въ ужасъ (странностью) своего поведенія въ обращеніи съ публикой. На этомъ парадѣ онъ разсердился на какого-то молдаванскаго офицера, не видѣвшаго его и по-

тому не успѣвшаго посторониться. Онъ схватилъ его за эполеть и дернулъ такъ, что этотъ офицеръ чуть-чуть не упалъ. Потомъ когда при прохожденіи войскъ церемоніальнымъ маршемъ публика выдвигалась впередъ, чтобы лучше видѣть войска, онъ ее осыпалъ бранными словами. Я былъ пораженъ и огорченъ, думая о впечатлѣніи, которое подобное поведеніе должно было оставить въ жителяхъ Яссъ.

Наконецъ, прибылъ въ Яссы главнокомандующій, кн. Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ. Въ разговорѣ съ нимъ о моемъ порученіи онъ мнѣ сказалъ, что ему очень досадно, что недостатокъ надежной переправы при устьяхъ Днѣстра заставляетъ его направлять войска не по прямому пути въ Херсонскую губернію, а на Бендеры. На это я ему предложилъ спустить одинъ изъ мостовъ, построенныхъ подъ моимъ наблюденіемъ, до селенія Маяки, оговаривая, впрочемъ, что мосты, построенные въ Бендерахъ, окажутся, вѣроятно, недостаточными для Днѣстра—при селеніи Маяки¹⁾, но онъ, не обращая на эти послѣднія слова вниманія, во все горло закричалъ: „Kotzeboue, Kotzeboue, voilà notre sauveur: il nous donne un pont!“ (Коцебу, Коцебу, вотъ нашъ спаситель, онъ даетъ намъ мостъ). Затѣмъ, не получая никакихъ приказаній, я хотѣлъ откланяться, но князь меня остановилъ: „non, non, je vous garde, vous resterez auprès de moi, j'ai besoin de vous“ (нѣтъ, нѣтъ, я не отпускаю васъ, вы останетесь при мнѣ, вы мнѣ нужны) и т. д. Все это съ тою скороговоркою, которая была свойственна благородному Михаилу Дмитріевичу. Мнѣ, однако, этого очень не хотѣлось, военные дѣйствія были окончены, или, по крайней мѣрѣ, таковыхъ не предвидѣлось для арміи, находившейся подъ командою кн. Горчакова, въ близкомъ будущемъ, а я надѣялся въ нѣсколько дней окончить все, что мнѣ оставалось сдѣлать въ Бендерахъ, и съѣзжать въ Петербургъ на Волырово, гдѣ должна была оконча-

---

¹⁾ Впослѣдствіи оказалось, что не только мой мостъ былъ слишкомъ коротокъ—для ширины Днѣстра при селеніи Маяки, но что по случаю топкихъ, на значительное разстояніе, береговъ рѣки нельзя было достигнуть моста, не устроивъ предварительно плотинъ, т. е. гатей, на что не было ни времени, ни средствъ, ни распоряженія, такъ что войска, направленные на Маяки, должны были переимѣнить маршрутъ и, сдѣлавъ огромный крюкъ, подняться вверхъ по Днѣстру, чтобы переправиться подъ Бендерами.

тельно рѣшиться моя участь, такъ какъ я имѣлъ основаніе считать себя помолвленнымъ съ Анною Александровною Вонлярскойю. По этимъ причинамъ, я сталъ увѣрять кн. Горчакова, что мнѣ оставаться при немъ невозможно, что я еще не окончилъ своего порученія, и что когда оно будетъ окончено, то мнѣ предстоитъ лично отдать отчетъ государю. Послѣ нѣкоторыхъ возраженій со стороны князя, мнѣ удалось настоять на своемъ и я на другой день съ радостью простился съ Яссами и Молдавіею.

В. И. День.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОМѢЩИКЪ XVII-го в.—СТОЛЬНИКЪ А. И. БЕЗОБРАЗОВЪ.

Челобитныя ему отъ священника, крестьянъ и прикащика Нижегородской вотчины села Маликова.

1684 г.

Нѣтъ сомнѣнiя, что частная переписка служитъ весьма важнымъ матеріаломъ для исторiи быта той эпохи, къ которой она относится: ни одинъ офиціальныи актъ, какъ бы онъ близко ни касался бытовой стороны общества, не можетъ заключить въ себѣ тѣхъ мелочныхъ подробностей быта, изъ которыхъ составляется будничная жизнь людей. Къ сожалѣнiю, отъ прошедшихъ вѣковъ сохранилось слишкомъ мало такой переписки, и, еще къ большому сожалѣнiю, и то немногое, что сохранилось, доселѣ еще не опубликовано.

Много частной переписки сохранилось въ дѣлахъ московскаго архиваниста—ва юстиціи, а главное мѣсто принадлежитъ перепискѣ стольника А. И. Безобразова; есть переписка князя В. В. Голицына, гетмана Мазеи и др. Переписка Безобразова, хранящаяся въ м—мъ архивѣ м—ва юстиціи представляетъ изъ себя два огромныхъ столбца, изъ коихъ одинъ находится среди столбцовъ Сибирскаго приказа (№ 7,639), а другой — Малороссійскаго. Въ этихъ столбцахъ содержатся письма разныхъ лицъ къ Безобразову: жены, дворецкаго, человѣка, «который ва дѣлы ходить», прикащиковъ и старость разныхъ его вотчинъ и помѣстій и приказныхъ людей¹⁾. Но среди этихъ писемъ встрѣтилось нѣсколько челобитенъ изъ Нижегородской вотчины Безобразова, села Маликова, въ которыхъ ярко отражается бытъ крестьянъ того времени, отношенiя крестьянъ къ помѣщику и къ прикащику и помѣщика къ крестьянамъ. Вотъ нѣкоторые изъ этихъ челобитенъ.

---

¹⁾ Нѣсколько такихъ писемъ мною напечатано въ «Чтенiяхъ Императорскаго Общества Исторiи и Древностей Россійскихъ при московскомъ университетѣ», 1883 г., кн. 1-я, дл. 1—59. А. В.

I.

Челобитѣе священника села Маликова на прикащика.

Государю Андрею Ильичу бѣеть челомъ богомолецъ твой, села Маликова Николаевской пошъ Михаилъ. Здравствуй, государь Андрей Ильичъ, на многа лѣта со вѣмъ своимъ благодатнымъ домошъ на предыдущіе вѣки и съ любящими тобою. Да негораздо дѣлаеть твой приказной человекъ Василій Марковъ и съ старостой съ Васькой Осиповымъ: пьютъ безпрестани и дѣлъ своихъ не знаютъ, и въ томъ они пьянствѣ потеряли твою барскую землю и мою церковную. Да я имъ пытался говорить съ крестьянншошъ твоимъ Гаврилошъ Захаровымъ и со многими крестьяны, да они не слушаютъ. Да что были, государь, писцовы грани старинныя Дмитрія Ивановича Лодыгина и тѣ грани опахали Лазеевскіе мужики; и мы на грани стороннихъ людей наводили и запись имъ учинили. И посылалъ я его, Василья, въ городъ поднять дозорщика на тѣ опаханныя грани, и онъ меня не слушаетъ и въ городъ не ѣздилъ. А послѣ того съ недѣлю — и ту грань выкопали тѣмъ Лазеевскіе крестьяне. И я со крестьяны твоими тожъ многихъ людей наводилъ стороннихъ и записку учинили и его я посылалъ въ городъ, чтобы билъ челомъ о досмотрщикѣ, а онъ и на поле не вышелъ посмотритъ, только что пьетъ. Да какъ пріѣхалъ писецъ въ деревню Лазей, и я поѣхалъ къ нему поклониться и выслушалъ у него такія рѣчи, — говорилъ онъ Федорошъ Михайловичемъ Есиновымъ: «лише бы де Безобразова человекъ руку приложилъ къ межеванью, что радъ межеваться, и какъ надобе, такъ....., а не приложить руки, нельзя межевать безъ московскія отписки». И я ему такія рѣчи сказывалъ, чтобы руки не прикладывалъ и ѣхалъ бы къ тебѣ, государю, къ Москвѣ, коли мочи нѣтъ, и онъ лише напьется и себя не помнитъ да поидеть, и они лише надъ нимъ трубятъ. Да и меня неволили, чтобы руку приложилъ, и я руки не приложилъ, много и похвальныхъ словъ принялъ, и церковному дьячку руки не велѣлъ приложить къ межеванью; и онъ, Василій Марковъ, стороннему дьячку билъ челомъ вмѣсто его руку приложить, и онъ поѣхалъ, писецъ, какъ надобе. И мы (от..халъ) десятинъ до ста на глазъ.

Да они же, государь, староста и прикащикъ, высѣдили четыре (бочки) боярской твоей браги въ твоємъ боярскомъ солоду, а изъ нихъ высѣдили вина двѣнадцать ведръ аршинныхъ твоихъ, и то все выпили. Да приходя на него же твои боярскіе крестьяне являютъ мнѣ, что третью недѣлю Великаго поста, а къ Москвѣ не ѣдетъ и пьетъ безобразно и съ старостой, а ихъ доржить, и въ которую было пору крестьянамъ дровъ повозить, и онъ ихъ на мѣстѣ продоржить, да тебѣ, государю, проѣдутъ недѣли съ три. Тожъ на Сибирской тоже у него сборъ былъ.... ино ихъ мочи нѣтъ, что прикащикъ

неправедно дѣлаеть, не противъ твоего боярскаго указу. Да что у него, государь Андрей Ильичъ, въ твоёмъ боярскомъ дому, странно тебѣ, государю, повѣдать и не мочно. Изволь ты, государь, его взять къ себѣ, ... прикащика прислать, кого тебѣ, государю, по сердцу Богъ положить. Да истинно тебѣ, государю, все явится: ей-же, ей, по священству пишу и духовной, да за тебя государя, Андрея Ильича, долженъ Бога молить и за Агафью Васильевну у Престола стоя великаго чудотворца Николая и заздравныя части вынимать за васъ, государей. Писавый попь Михаилъ своею рукою ¹⁾).

На оборотѣ челобитной помѣта: «Противъ сего челобитья смыскать всеми крестьяны накрѣпко».

II.

Челобитье крестьянина Игошки Юрьева на прикащика.

Государю Андрею Ильичу бьетъ челомъ сирота твоей, государь, Нижегородской вотчины села Маликова крестьянинишко Игошка Юрьевъ. Тягла, государь, было подо мною, сиротою твоимъ, поль-осмухи; и въ прошломъ, государь, въ 191 году, приказный Василій Марковъ наложилъ тягла поль-осмухи, а мнѣ, сиротѣ твоему, та накладная поль-осмуха не въ мочь, человѣчейцо я одинокой и безсемейной, работать не съ кѣмъ. А для того онъ, приказной, на меня наложилъ: какъ я былъ сирота твой на Москвѣ, изволилъ ты, государь, спрашивать меня про его прикащикову скотину. И нынѣ онъ, приказной, съ Федькою Андреевымъ, меня, сироту твоего, въ конецъ гонять и отъ Федьки Андреева мнѣ жвтыя нѣтъ, и противъ себя онъ, Федька, и слова не велеть выговорить; и сказываетъ онъ, Федька, «тебѣ, государю, не крѣпокъ-де», а за нимъ, Федькою, твоя боярская крестьянка. Да онъ же, Федька, съ приказнымъ за одно, съ прѣзжими гостями выпили твое боярское вино, а вина было сижеко твоего боярскаго четыре брати, а изъ брати высижено было вино по четыре ведра большнхъ аршинныхъ ведръ; и я мнѣ стану говорить, что «нехорошо де такъ дѣлать, нигдѣ такъ не ведется!» и онъ, приказной, за то меня съ нимъ, Федькою, не любятъ и въ конецъ гонять. А прошлого государь, 191-го года, была кладь обмолочена, и тотъ хлѣбъ невѣдомо куды дѣлся; а молочено было изъ тое клади ржи пятьдесятъ четвертей. Умиловствися государь Андрей Ильичъ, пожалуй меня сироту своего, вели, государь, ту накладную осмуху съ меня сбавить. Государь, смилуйся, пожалуй!

¹⁾ Писано крайне неразборчиво; выдѣлѣнія чернилами. Мѣста истлѣвшія означены точками (....). В.

На оборотѣ челобитной помѣта: «Сыскать всеми крестьяны: будетъ оны, Федька, на него, Игошку, находить не дѣломъ и говорить, что оны мнѣ не крѣ покъ, и его Федьку за то бить кнутомъ нещадно, только лишь чуть душу въ немъ оставить. Сыскать всеми крестьяны про рожь: будетъ прикащикъ со старостою украли, и тое рожь на старостѣ доправить тотчасъ, да его-жь старосту бить кнутомъ».

III.

Челобитые крестьянъ села Маликова объ отпускѣ ихъ на оброкъ.

Государю Андрею Ильячу бьютъ челомъ сироты твоея Нижегородской вотчины, села Маликова, крестьянишка: Гаврилко Захаровъ, Федька Артемьевъ, Савка Тихоновъ, Максикко Тихоновъ, Федька Васильевъ, Тимошка Федотовъ и всѣ сироты твои. Въ нынѣшнемъ, государь, въ 192 году, Федоръ Михайловъ сынъ Есяиновъ мочью своею оттягалъ нашу землю въ дву поляхъ и съ сѣнными покосы близко до полуноль, и разорилъ оны насъ, Федоръ, безъ остатку и заставилъ насъ съ ребятишки въ мирѣ шататься. Да мы же сироты твои озабаемъ безъ дровъ студеною смертью, покупаемъ мы, сироты твои, дрова дорогою цѣною великихъ государей дворцовныя Терюшевскія волости, въ деревнѣ Романихѣ у Мордвы, и ѣздимъ мы съ дровами мимо вотчины стольника Степала Савича Нарбекова села Поляны, и полянскіе крестьяне тѣ купленные дрова у насъ и сѣкеры отымають, невѣдомо за что; да Божиимъ изволеніемъ всегда у насъ хлѣбная недорода, годилися поля наши всегда морозомъ побиваетъ, и нынѣ у насъ ни хлѣба, ни дровъ, ни скотины яѣтъ, погибаемъ голодною и озабаемъ студеною смертью. Изволь, государь, нашихъ домишекъ и животышекъ досмотрять, кому ты, государь, вѣрши! Умилиостивися, государь Андрей Ильичъ, пожалуй насъ, сиротъ своихъ, бѣдныхъ и безпомощныхъ, своею государскою милостію, возври нашу скудость и бѣдность, ради Всемилоствиваго Спаса, вели, государь, намъ быть на оброкѣ, противъ нашей мочи, а пахать намъ стало печего, вели, государь, отставить винное свидѣнье, московскія и симбирскія подводы отставить же, и подужныя деньги, и мяса свинныя и столовой запасъ, и вели, государь, съ насъ должной оброкъ имати, противу нашей мочи, и вели, государь, у насъ приказнаго Василья Маркова съ приказу переимѣнить, потому что ни съ какое дѣло его не стало, ни съ городовое, ни съ домашнее. Государь, слылуся!

На оборотѣ челобитной: «Къ сей челобитной села Маликова Николаевской попъ Михаилъ, вмѣсто прихожанъ и дѣтей своихъ духовныхъ, кон въ сей челобитной имены писавы, по ихъ велѣнію, руку приложилъ». На оборотѣ же челобитной помѣта: «Сыскать, все ли крестьяне ту челобитную писали, а будетъ скажутъ, что они про эту челобитную не вѣдаютъ и не писывали, бить кнутомъ того крестьянина, который челобитную писалъ, нещадно, только лишь чуть душу оставить».

IV.

Челобитье прикащика В. Маркова на священника и крестьянъ села Маликова.

Государю Андрею Ильичу бьетъ челомъ и плачется холопъ твой Васька Марковъ. Жалоба, государь, мнѣ на нижегородскаго твоего крестьянина на Гаврилу Гаврилова. Вѣдомо мнѣ, холопу твоему, нынѣ учинилось отъ стороннихъ и отъ своихъ крестьянъ Маликовскихъ: какъ не стало Григорія Михайловича Овничкова, и онъ, Гаврило, въ тѣ поры ходилъ въ старостахъ и выпродалъ въ тѣ поры житницу овса, а взялъ де за тотъ овесъ рублей съ тридцать и тѣхъ денегъ Григорью Михайловичу онъ, Гаврило, не отсылалъ и тѣми деньгами самъ завладѣлъ, и про то вѣдомо всѣмъ твоимъ, государь, маликовскимъ крестьянамъ. И я, холопъ твой, сталъ ему, Гаврилу, про тѣ деньги говорить, гдѣ ихъ дѣвалъ, и онъ меня, холопа твоего, сталъ бранить всякими скаредными, неподобными словами при твоихъ государевыхъ крестьянѣхъ и при многихъ стороннихъ людѣхъ. И рьясь на меня, холопа твоего, онъ, Гаврилка, научилъ кума своего, Маликовского попа Михаила Азнасеева, дочеришекъ моихъ позвать къ себѣ; и тотъ попъ Михаилъ, по его наученю, дочеришекъ моихъ у себя въ гостяхъ перебилъ и попадья дочеришкамъ моимъ глаза выжгла, и то видѣли въ тѣ поры твои государевы крестьяне Федоръ Агдреевъ, да Иванъ Артемьевъ. И впредь онъ, Гаврилка, мнѣ, холопу твоему, грозитъ и похваляется всякимъ дурномъ, «не собою, и я де тебя людьми добуду стороною!» И я, холопъ твой, отъ его Гавриловыхъ похвальныхъ словъ за твоимъ боярскимъ дѣломъ никуда выѣхать не смѣю, потому что у него, Гаврилы, вездѣ свойственные люди и друзья, чтобъ мнѣ, холопу твоему, отъ него, Гаврилы, и отъ похвальныхъ его словъ не погнать и напрасну до смерти убиту не быть. А какъ я, холопъ твой, напряжался въ Симбирскъ ѣхать по рыбу, и друзья его и свойственные люди безпрестанно спрашивали какъ поѣду въ Симбирскъ; а еслибы, государь, не для дурна, и спрашивать бы не для чего. Да милости у тебя, государя, прошу на крестьянина жъ твоего на Игошку Юрьева. Въ прошломъ году, по наученю его, Игошкину, украли у меня, холопа твоего, изъ клѣти ведра съ два вина дворовая жена Акулька Васильева дочь, и то вино принесла къ нему, Игошки, и онъ то вино Игошка у ней, Акульки, принялъ; а сказывала про то вино она, Акулька, крестьянину твоему Федору Васильеву, что то вино отнесла къ нему, Игошки, а тотъ, государь, крестьянинъ Федоръ на Москвѣ: изволь его распросить. Да онъ же, Игошка, у Комынина крестьянина принималъ краденую пшеницу и я, холопъ твой и староста, сталъ ему говорить: «Что такъ дѣлаешь и краденое принимаешь? авосе вымутъ!» И онъ, государь, меня, холопа твоего и старосты, ни въ чемъ не слушаетъ. Да онъ же, Игошка, укралъ

съ гумна твоего боярскаго мѣшокъ овса, и какъ тотъ онъ, Игошка, съ гумна несь, и то видѣли снода его, Игошки, да старостина дочь. Да ему жъ, Игошкѣ, насыпали возъ твоей боярскаго муки ржаной три четверти съ тремя четвертиками, и онъ тое муку ссыпалъ къ себѣ въ житницу, и меня, холопа твоего, и старосты не послушалъ, тое муку къ себѣ въ житницу ссыпалъ; я нанялся у своего брата къ Москвѣ съ возомъ, взялъ рубль, а муку, государь, здѣсь на Москвѣ купать въ четыре гривны, а не въ десять алтынъ, а онъ тебѣ, государь, заплатитъ за четверть по десяти алтынъ. И впредь мнѣ, холопу твоему, и старостѣ нарядитъ и за твое боярское дѣло говорить нельзя, насъ бранять и не слушаютъ, въ томъ ты, государь, воленъ. Андрей Ильичъ, смилуйся, государь, пожалуй!

На оборотѣ челобитной помѣта: «Сыскать противъ сего челобитья: будетъ онъ хлѣбъ продавалъ, и на немъ тѣ деньги доправить тотчасъ и привезть ко мнѣ къ Москвѣ, и его битъ кнутомъ нещадно: не воруй! А будетъ онъ прикащикъ бравилъ и про то крестьяне скажутъ, и его за то битъ батоги нещадно; а будетъ онъ похвалялся на прикащика всякимъ дурномъ и попа научалъ, и про то сыскать, а будетъ крестьяне скажутъ, и его за то битъ батоги нещадножъ. Сыскать всѣми крестьяни: будетъ онъ, Ганка, научалъ друзей своихъ и свойственниковъ людей прикащика убить до смерти, и крестьяне про то скажутъ, и его за то битъ кнутомъ нещадно, только лишь душу оставить. Сыскать всѣми крестьяни: будетъ дворовая жонка Акулька у него вино украла и принесла къ Игошкѣ и крестьяне про то скажутъ, и дворовую жонку за то битъ батоги, снемъ рубашку: не воруй! Игошку битъ батоги, снемъ рубашку-жъ: не принимай краденаго! и то вино на Игошкѣ доправить. Сыскать: будетъ онъ, Игошка, укралъ съ гумна мѣшокъ овса, и его за то битъ батоги снемъ рубашку, и тотъ овесъ на немъ доправить. Сыскать всѣми крестьяни: Игошка три ли четверти съ тремя четвертиками муки взялъ, или ровно три четверти».

Помѣта другою рукою (писано полууставомъ): «Сыскать про священника и про понадью (sic), какъ прикащиковъ дочерей били».

Сообщ. А. А. Востоковъ.

ПУГАЧЕВЪ И ПУГАЧЕВЦЫ

1774.

Сообщаю на стр. «Русской Старины» интересный документъ объ истязаніи и убіеніи Пугачевымъ праѣда моего, Федора Андреевича Макарова.

Очень сожалѣю, что изъ многихъ старинныхъ документовъ, послѣ смерти отца моего, нашелся лишь представляемый при семь, изъ коихъ видно, что истерзанный Пугачевымъ предокъ мой легко могъ сохранить свою жизнь, лицемѣрно поддавшись разбойнику,—но онъ предпочелъ смерть съ непоколебимою преданностію своей царицѣ Екатерины Алексѣевны по присягѣ и совѣсти.

Молю Бога, чтобы то же непоколебимое убѣжденіе твердо сохранялось въ дѣтахъ моихъ и передавалось въ потомство, долженствующее быть достойнымъ праха примѣрнаго нашего предка Федора Андреевича Макарова.

Правнукъ его, отставной генер.-лейтен. Павелъ Павловъ Макаровъ.

10 декабря 1889 г., гор. Псковъ.

«Милостивый государь мой, братецъ Степанъ Федоровичъ! Съ любовью вашею супругою, а нашею невѣстучкою Анною Яковлевною и съ дѣтми вашими, а нашими племянничками, желаю лѣтъ много здравствовать.

«Общимъ нашимъ несчастіемъ, а паче за наши прежде тому въ прогнѣваніи Бога грѣхи, увѣдомляю васъ сею печальною вѣдомостію, что во время здѣсь будущей въ городѣ Саранскѣ злодѣйской изуверга человѣческаго рода Пугачева партіи родитель нашъ отъ тѣхъ злодѣевъ изрѣзанъ весь, о Боже! милостивъ буди намъ грѣшнымъ! что уже не могу и помянуть такаго ругательнаго поступка, не только что былъ исколотъ, ножовіемъ тѣмъ груди были всѣ осадняты и нутрь раскиданъ весь, и около груди и прочихъ членовъ сало обрѣзано и, такъ, ругаясь, тѣло лежало три сутки раскидано по полю, да и хоронить было не велѣно. А домъ нашъ весь безъ остатку разграбленъ, да не только-жъ что разграбленъ, но и достальныя крохи люди наши хотѣли все раздѣлить по себѣ, насъ же

въ домъ ни одного не было: находились въ городѣ Арзамасѣ у своей команды и на послѣдокъ пріѣхали въ домъ пустой, а только что застали двесь людей ¹⁾, болѣе-жъ за нашими печалами не знаю что написать. Не можно-ли вамъ сюда побывать и такъ бы обо всемъ съ нами персонами ²⁾ посовѣтовали; какъ можно, братецъ, не оставь, побывай къ намъ, а о батюшкѣ-же объявляю, что онъ истребленъ іюля 27 числа; такъ сдѣлали злодѣи, что ни одной лошадки не покинули въ домъ; все побрано и не оставили помянуть его упокоеніемъ (?), однако и сорокоусть по немъ служить подрядилъ, а хотя бы и продалъ, что достальное,—дляшу за сумятежу ³⁾, никто ничего не купилъ бы, болѣе-жъ, за печалами нашими, писать не умѣю и остаюсь съ моимъ почтеніемъ вамъ государя моего ко услугамъ покорный братъ вашъ Николай Макаровъ.

Августа 21 дня 1774 года.

Городъ Саранскъ.

«Всепокорно прошу засвидѣтельствовать мое всенижайшее почтеніе милостивому государю моему Петру Родіоновичу, Алексѣю Алексѣевичу съ ихъ супругами, Иванъ Дмитріевичу съ кумушкою моею, и прошу ихъ увѣдомить (?) о вышеписанномъ печальномъ нашемъ приключеніи; тако жъ объявляю и Акулина Васильевна истреблена и многіе, какъ воевода и прочее дворянство и разныхъ чиновъ всего погублено около 100 человекъ, въ томъ числѣ и Иванъ Васильевичъ Смирновъ и Поляковъ, Петръ Пичугинъ, Степчушковъ ⁴⁾ и Иванъ [Васильевичъ] ⁵⁾ Тихоновичъ Гурьевъ, Тарасъ Чупряковъ и Яковъ Переплетчиковъ.

«При семъ вамъ милостивому государю братцу и государынѣ невѣстунѣ съ общими любезными вашими дѣтки свое низжайшее почтеніе приписую покорный братъ вашъ Андрей Макаровъ и прошу всѣмъ вышеписаннымъ милостивымъ государямъ засвидѣтельствовать мое всенижайшее почтеніе, а здѣсь и до днесь отъ возмутившейся злодѣемъ черни находится страхъ, однако военными командами смиряется».

Сообщ. П. П. Макаровъ.

¹⁾ Авторъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать: «а только достали сегодня людей».

²⁾ Т. е. лично.

³⁾ Т. е. за продолженіемъ или вслѣдствіе продолженія мятежа.

⁴⁾ Вѣрнѣе: съ Степчушкою (Петръ Пичугинъ съ Степчушкою).

⁵⁾ Скобка въ подлинникѣ. Авторъ ошибочно обозначилъ отчество и потому поставилъ его въ скобкѣ.

АНТОНЪ ИВАНОВИЧЪ ЛАКОЪ.

[Изъ воспоминаній А. Таборовскаго].

Въ 1888 году, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, скончался въ г. Томскѣ томскій губернаторъ, генераль-маіоръ Антонъ Ивановичъ Лаксъ, съ которымъ я встрѣтился, 43 года тому назадъ, въ Брестскомъ кадетскомъ корпусѣ, (находившемся тогда въ г. Брестѣ-Литовскомъ). Въ то время Антонъ Ивановичъ былъ артиллерійскимъ поручикомъ и преподавателемъ въ кадетскомъ корпусѣ исторіи, а я назначенъ учителемъ естественной исторіи и физики. Антонъ Ивановичъ, молодой человекъ ¹⁾, когда ему было, какъ и мнѣ, 24 года, скоро приковалъ къ себѣ мое вниманіе и серьезностію мысли и добросовѣстнѣйшимъ исполненіемъ своей обязанности, какъ учителя. По многимъ причинамъ, о коихъ теперь я не считаю умѣстнымъ распространяться, я никакъ не ожидалъ встрѣтить въ провинціи подобную изъ ряда выходящую личность. Мы скоро подружились крѣпко и зажили на одной квартиркѣ вмѣстѣ, до 1849 года, т. е. до того времени, когда я оставилъ службу въ корпусѣ. Дальнѣйшія мои частыя встрѣчи съ Антономъ Ивановичемъ, за годъ до его смерти, конечно вполнѣ дорисовали его внутренній обликъ человека, богато надѣленнаго отъ самой природы высокими качествами ума и сердца, къ коимъ онъ присоединилъ величайшій тактъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ, которыя иногда бывали весьма деликатнаго свойства.

Я считаю своимъ нравственнымъ долгомъ докончить его портретъ. Антонъ Ивановичъ Лаксъ представлялъ собою первѣе всего

---

¹⁾ Росту онъ былъ небольшого, бѣлокуръ, но брови, надъ сѣрыми глазами, были у него темныя; черты лица были правильныя, пріятныя и серьезные; онъ довольно рѣдко смѣялся. Отца его я засталъ на пенсіи, въ чинѣ полковника.

Т.

олицетвореніе благонамѣренности, въ лучшемъ значеніи этого слова, безкорыстный и почтенный во всѣхъ отношеніяхъ, онъ оставилъ по себѣ и въ Сибири, какъ и во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ доводилось ему только служить и сталкиваться съ людьми, самыя хорошія, теплыя воспоминанія у всѣхъ мало мальски порядочныхъ людей. Это тѣмъ болѣе знаменательно и въ своемъ родѣ не лишено даже поучительности, что служба покойнаго Антона Ивановича послѣ 6, 7-ми лѣтней его учительской дѣятельности, до губернаторства, была одною изъ тѣхъ службъ, представители которой, по обстоятельствамъ, быть можетъ и не воплиѣ отъ нихъ зависящимъ, иногда оставляютъ по себѣ воспоминанія далеко не того качества, какія выпали на долю покойнаго.

Онъ болѣшую часть своей службы пробылъ жандармскимъ офицеромъ, былъ въ Tobольскѣ при ссыльныхъ полякахъ, служилъ въ Ревелѣ и Ригѣ начальникомъ жандармскаго управленія; вездѣ и всегда, гдѣ онъ ни былъ, умѣлъ заслужить уваженіе со стороны даже и тѣхъ лицъ, которыя, въ качествѣ невольнo-озлобленныхъ и недовольныхъ, по самому своему исключительному положенію, болѣе чѣмъ кто нибудь, должны были подозрительно и субъективно критически относиться къ человѣку, отъ котораго, въ извѣстной степени, зависла ихъ участь. Неподкупно честный и справедливый, онъ умѣлъ вносить гуманныя начала въ сношенія съ людьми, которые несли кару за свои преступленія, а иногда и увлеченія неопытной юности, воплиѣ понимая своимъ чуткимъ сердцемъ, что именно такіе неудачники и несчастные заслуживаютъ наиболѣе спокойнаго и справедливо-человѣческаго отношенія къ нимъ.

Подобными качествами покойный Антонъ Ивановичъ какъ бы являлъ собою, къ сожалѣнію, не особенно частый примѣръ того, что честное исполненіе долга, необходимая строгость и святость присяги, — служить своему отечеству, — воплиѣ могутъ и должны быть совмѣстимы съ сердечной теплотой и участіемъ, хотя бы и къ лицамъ, совершившимъ преступленія. Антонъ Ивановичъ никогда не раздвигалъ какой-либо исторіи, отводя каждому факту лишь подобающее ему мѣсто. Такимъ-то образомъ онъ служилъ царю и отечеству.

Вотъ объ этомъ почтенномъ служацѣ я позволяю себѣ разсказать одинъ эпизодъ изъ его жизни, характеризующій его личность и не лишенный трагическаго положенія и забавности.

Это дѣло было въ 1862 г.; является ко мнѣ изъ Москвы Антонъ Ивановичъ Лаксъ ¹⁾, ужъ артиллерійскій капитанъ и надатель жур-

¹⁾ Онъ у меня всегда и останавливался по старой доброй памяти. Т.

нала «Московское Обозрѣніе» (журналъ былъ философскаго направленія) и помощникъ инспектора одного изъ московскихъ кадетскихъ корпусовъ. Оказывается, что онъ прѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ не для развлеченій, а искать мѣста, такъ какъ журналъ его закрытъ и Лаксъ, по неблагонадежности, отставленъ отъ службы. Это увольненіе отъ службы было распоряженіемъ начальства военно-учебныхъ заведеній въ послѣдствіе закрытія его журнала. Онъ потерялъ на этомъ изданіи до 30 т. рублей, — все приданое его жены. Не имѣя засимъ никакого состоянія, ни протекціи, обогащенный лишь порядочной семьей, онъ рѣшилъ поступить именно въ жандармское вѣдомство, по распоряженію котораго съ нимъ и случилась вся бѣда, рассчитывая, что на этомъ поприщѣ, его дамокловомъ мечѣ, онъ сумѣетъ также усердно и честно служить, какъ и на всякомъ другомъ.

Является капитанъ Лаксъ къ кн. Вас. Андр. Долгорукову, тогдашнему шефу жандармовъ, и заявляетъ свою просьбу. Князь отвѣчалъ Лаксу, что, такъ какъ ему, князю, не представляется при семъ никакихъ рекомендательныхъ писемъ, то онъ обязанности своею считаетъ всегда собирать самія точныя свѣдѣнія о личности и, сообразно имъ, рѣшить вопросъ о принятіи на службу, которая требуетъ, по своей особенной серьезности, наиболѣе тщательнаго выбора лицъ.

— Но ваше сіятельство должны знать меня, возразилъ капитанъ Лаксъ.

— Какъ такъ? удивился князь Долгорукій.

— Я имѣю честь находиться подъ надзоромъ 3-го отдѣленія: я принужденъ былъ закрыть свой журналъ по обвиненію меня въ распространеніи неблагонамѣренныхъ, вредныхъ идей, короче говоря, я, ваше сіятельство, по мнѣнію 3-го отдѣленія, — вредный человѣкъ, хотя такимъ себя я не считаю.

Нужно-ли прибавить, что кн. В. А. Долгорукій смотрѣлъ во всѣ глаза на смѣлаго офицера и не вѣрилъ своимъ ушамъ.

— И вы... приходите проситься въ ваше вѣдомство? разсмѣялся князь.

— Именно, ваше сіятельство, такъ какъ по опыту ужъ знаю, какъ иногда несправедливо пишется исторія. При этомъ капитанъ Лаксъ подробно разсказалъ князю свою эпопею.

На другой же день послѣ этого любопытнаго разговора, А. И. Лаксъ былъ опредѣленъ въ корпусъ жандармовъ и, какъ читатель знаетъ, съ честью прошелъ черезъ искусь этой отвѣтственной и трудной службы.

Миръ праху твоему, рѣдкій и истинный слуга царю и отечеству, и дай намъ Богъ побольше подобныхъ людей.

А. Таборовскій.

Примѣчаніе. Антонъ Ивановичъ Лаксъ оставилъ весьма обширныя записки, въ которыхъ обозрѣваетъ всю свою жизнь съ ранняго дѣтства, повѣствуетъ о своихъ предкахъ, своемъ воспитаніи и проч. и проч. Г. Лаксу петербургское общество, между прочимъ, обязано сохраненіемъ, а затѣмъ и возвращеніемъ изъ ссылки одного изъ даровитыхъ и высоко образованныхъ публицистовъ-писателей: мы говоримъ о Николаѣ Викентьевичѣ А—ни. По какому-то вздорному недоразумѣнію, но въ одну изъ смуть Н. В. былъ высланъ М. Н. Муравьевымъ, изъ С.-Петербурга, въ 1866 году,—«въ мѣста не столь отдаленныя», именно въ Архангельскую губернію. Здѣсь Н. В. нашелъ въ жандармскомъ штабъ-офицерѣ Лаксѣ просвѣщеннаго, добраго человѣка, который прекрасно понялъ какъ много потеряетъ русское общество въ томъ случаѣ, если благородный и высоко образованный Н. В. останется лишеннымъ возможности трудиться на пользу своего отечества, и вотъ Лаксъ оказалъ все отъ него зависящее, дабы устроить Н. В. на государственной службѣ, на которой онъ чрезъ Ревель вернулся въ Петербургъ и занялъ видное мѣсто... А сколько въ старину, способныхъ, весьма образованныхъ русскихъ людей, не встрѣтивъ на тернистомъ пути своей жизни человѣка въ родѣ Лакса и не будучи своевременно поддержаны,—погибли безъ пользы для отечества!

Р е д.

СЕРГѢЙ ИВАНОВИЧЪ ЗАРУДНЫЙ.

Ко второй годовщинѣ дня его кончины.

Въ февральской книгѣ «Русской Старины» изд. 1888 г. было помѣщено интересное воспоминаніе о С. И. Зарудномъ Д. П. Шубина-Поздѣева. Почтенный авторъ остановился, главнымъ образомъ, на служебной дѣятельности С. И. и только въ концѣ своего воспоминанія сказалъ нѣсколько словъ о немъ, какъ о человѣкѣ. Какъ человѣкъ, Сергѣй Ивановичъ былъ замѣчательный и потому всякое воспоминаніе о немъ драгоцѣнно. Посѣтивъ с. Колодезное, Купянскаго уѣзда, гдѣ онъ обыкновенно проводилъ лѣто, намъ удалось собрать нѣкоторыя свѣдѣнія о немъ, которыя, какъ намъ кажется, могутъ быть интересны для будущей біографіи этого замѣчательнаго государственнаго дѣятеля и человѣка.

С. И. Зарудный принадлежалъ къ дворянамъ Харьковской губерніи и очень любилъ свою родину. Харьковский университетъ, гдѣ онъ получилъ свое воспитаніе, былъ для него дорогимъ и онъ много поработалъ для «Общества вспоможенія студентамъ харьковскаго университета» въ С.-Петербургѣ. Уважаемый предсѣдатель этого общества, академикъ М. И. Сухомятинъ, въ своей рѣчи въ первомъ годовомъ собраніи общества, бывшемъ послѣ смерти С. И. Заруднаго, прекрасно охарактеризовалъ заслуги покойнаго для общества. С. И. любилъ Харьковъ, но болѣе всего его тянуло къ себѣ с. Колодезное, гдѣ у него было имѣніе. Тамъ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, онъ отдыхалъ послѣ усиленныхъ служебныхъ и ученыхъ трудовъ. Въ с. Колодезнѣ С. И. жилъ какъ помѣщикъ добраго стараго времени. Его старинный домъ, съ тѣнистымъ садомъ, напоминалъ намъ тѣ дома помѣщиковъ, которые такъ прекрасно описаны безсмертнымъ Гоголемъ. Особенно Сергѣй Ивановичъ любилъ садоводство и по цѣлымъ днямъ возился въ своемъ саду. Онъ подрѣзывалъ деревья, копалъ грядки, поливалъ цвѣты и т. д. За каждымъ деревцомъ онъ ухаживалъ съ любовью. Появленіе цвѣтовъ его радовало. Онъ былъ истинный любитель природы. Онъ понималъ ее и жилъ съ нею. Нѣкоторые изъ сосѣднихъ помѣщиковъ никакъ не могли понять такой любви и смѣялись надъ Сергѣемъ Ивановичемъ. Они находили, что достоинство помѣщика терялось отъ того, «что онъ цѣлый день работаетъ въ саду». «Все равно какъ мужикъ, а не сенаторъ», говорили они намъ со злобою. Въ особенности ихъ возмущало,

что Сергѣй Ивановичъ былъ простъ съ крестьянами и чѣмъ могъ помогать имъ. Онъ былъ съ ними какъ отецъ съ своими дѣтьми. Приѣзжая въ деревню, С. И. жилъ деревенскою жизнью и совершенно входилъ въ ея интересы. Онъ интересовался мѣстною школою, принималъ участіе въ разныхъ общественныхъ дѣлахъ и гдѣ могъ приносить пользу. Мѣстная полиція говорила намъ, что когда С. И. въ Колодезнѣ, то она спокойна. Онъ не позволитъ волостному и сельскому начальству никого обидѣть, добавляла она. Онъ не выносилъ несправедливостей и горячо ратовалъ за истину. Его ходатайства надобѣдали начальству и оно говорило съ сердцемъ:—«Какое дѣло С. И. вмѣшиваться?», но все-таки удовлетворяло его просьбу. Высокій постъ, какой онъ занималъ, глубокое уваженіе, каковымъ онъ пользовался среди населенія—все это заставляло мѣстное начальство удовлетворять его просьбы. Рѣдко можно было найти такого добраго человѣка, какъ С. И. Въ особенности его отношенія къ крестьянамъ были удивительны въ этомъ краѣ, гдѣ многіе помѣщики вели себя въ отношеніи ихъ гордо и неприступно. Конечно, помѣщики не жаловали Сергѣя Ивановича, но боялись показать ему это. Они чувствовали къ нему инстинктивное уваженіе. Онъ жилъ въ деревнѣ просто и рѣдко ѣздилъ къ сосѣдямъ. Нужно было одѣваться въ парадный костюмъ и нѣсколько часовъ вести разговоры, которымъ С. И. не сочувствовалъ. Посѣтивъ нѣсколькихъ его сосѣдей, мы только и слышали жалобы на крестьянъ, рабочихъ, неурожай и т. д. У Сергѣя Ивановича никакихъ неудовольствій съ крестьянами не было. Крестьяне его любили. Смерть его привела въ уныніе все село и, какъ вѣрно выразился одинъ крестьянинъ, «они потеряли въ лицѣ Сергѣя Ивановича отца. Къ нему со всякимъ дѣломъ ходили, говорили они намъ, и онъ всегда растолкуетъ». Въ особенности много обращались къ Сергѣю Ивановичу съ юридическими вопросами. У крестьянъ судебныхъ дѣлъ много, а адвокатовъ нѣтъ. Вотъ они шли къ Сергѣю Ивановичу и онъ добродушно выслушивалъ всѣ просьбы и давалъ совѣты. Бывали примѣры, что Сергѣй Ивановичъ, по своему добродушію, хлопочетъ за человѣка недостаточнаго, который кажется ему хорошимъ. Впослѣдствіи онъ узнаетъ, что его протеже плохъ, но это на него не вліяетъ и онъ опять хлопочетъ за другаго. Онъ вѣрилъ въ людей. Любовью и уваженіемъ платило мѣстное населеніе Сергѣю Ивановичу за все, что онъ дѣлалъ для него. Его знали во всемъ Купянскомъ уѣздѣ и не было тамъ помѣщика, котораго бы такъ любили и уважали. Мѣстное земство избрало его въ почетные мирные судьи.

А. Ф. Селивановъ.

ЛЕРМОНТОВСКИЙ МУЗЕЙ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

основанъ 18-го декабря 1883 г. ¹⁾.

1887—1889.

Въ февральской книгѣ «Русской Старины», изд. 1887 г., въ статьѣ о «Лермонтовскомъ музеѣ» въ Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ, я привелъ подробный перечень всѣхъ вновь поступившихъ въ музей съ 1884 г. пожертвованій, не вошедшихъ въ иллюстрированную опись, изданную мною ко дню открытія музея, т. е. къ 18 декабря 1883 г.

По этой описи, музей, открытый въ декабрѣ 1883 г., имѣлъ первоначально 705 номеровъ. Въ теченіи первыхъ трехъ лѣтъ музей обогатился 459-ю новыми пріобрѣтеніями и къ концу 1886 г. насчитывалъ 1,164 номера.

На этомъ дѣлѣ не остановилось. Съ удовольствіемъ можно сказать, что «Лермонтовскій музей» постоянно, изъ года въ годъ, обогащается новыми пожертвованіями и пополняется пріобрѣтеніями, исподволь дѣлаемыми самимъ училищемъ. Въ теченіи послѣднихъ трехъ лѣтъ, въ 1887—1890 гг., въ музей поступило еще 245 номеровъ и, къ концу прошлаго, 1889 г., имѣлось 1,409 номеровъ.

Такимъ образомъ, уже довольно полный ко дню открытія, музей, въ теченіи шести лѣтъ, почти удвоился, дойдя отъ 705 до 1,409 номеровъ и, въ настоящее время, можно положительно сказать, что «Лермонтовскій музей» Николаевскаго кавалерійскаго училища имѣетъ одну изъ самыхъ богатыхъ въ этомъ родѣ коллекцій.

Редакція «Русской Старины», съ самаго начала принимавшая

---

¹⁾ См. «Русскую Старину», изд. 1881 г., томъ XXX, стр. 709—713; изд. 1883 г., томъ XI, стр. 731—738; изд. 1884 г., томъ XLI, стр. 240; т. XLII, стр. 425—432; изд. 1887 г., т. LIII, стр. 507—511.

столь живое участіе въ устройствѣ музея и въ дальнѣйшемъ его развитіи, уже нѣсколько разъ печатала подробный отчетъ о состояніи музея. Такимъ образомъ, благодаря любезному содѣйствію М. И. Семевского, я всегда имѣлъ возможность ознакомить читателей съ вновь поступавшими въ музей пожертвованіями. Принюся искреннюю признательность редакціи, привожу ниже подробный перечень предметовъ, поступившихъ въ «Лермонтовскій музей» въ теченіи послѣднихъ трехъ лѣтъ.

Въ числѣ ихъ особенно интересны и цѣнны для музея: принесенная въ даръ Софією Александровною Эллисъ, рожденною Кирѣевою, рукопись поэта, носящая названіе «Исповѣдь», и школьная тетрадь Лермонтова, съ 210-ю его рисунками, перомъ и карандашемъ, принесенная въ даръ княземъ Николаемъ Николаевичемъ Манвеловымъ, генераль-лейтенантомъ въ отставкѣ, товарищемъ поэта по школѣ.

«Исповѣдь», неизданное юношеское стихотвореніе Лермонтова, написанное чернѣй на полъ-листѣ бумаги, содержитъ 124 стиха и начинается такъ:

«День гасъ; въ нарядѣ голубомъ,
Крутась, бѣжалъ Гвадалквивиръ,
И не заботясь о томъ,
Что есть надъ нимъ какой-то міръ;
Для счастья чуждъ, полный зломъ;

По мнѣнію профессора П. А. Висковатова, стихотвореніе это написано въ 1829 или 1830 г., когда Михаилу Юрьевичу было всего 14—15 лѣтъ; оно послужило началомъ поэмы «Бояринъ Орша», писанной въ 1835 г., уже по выходѣ Лермонтова изъ школы.

«Исповѣдь» подробно разобрана и цѣликомъ напечатана въ октябрьской книгѣ «Русской Старины» за 1887 годъ въ статьѣ П. А. Висковатова: «Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ. Незданное юношеское его стихотвореніе «Исповѣдь» 1829—1830 гг.».

Школьная тетрадь Лермонтова, присланная въ музей княземъ Н. Н. Манвеловымъ, представляетъ собою переплетенную книжку изъ 134-хъ страницъ, въ $\frac{1}{4}$ листа, кругомъ покрытую рисунками перомъ и карандашемъ. Тетрадь эта, несомнѣнно принадлежащая Лермонтову, очень интересное и цѣнное для музея приобрѣтеніе.

По поводу этой тетради князь Н. Н. Манвеловъ сообщаетъ слѣдующее:

Въ 1833 г. онъ поступилъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ и въ теченіи года былъ товарищемъ

Лермонтова. Юнкерскій эскадронъ состоялъ изъ 4-хъ взводовъ: два кирасирскіихъ, одинъ гусарскій и одинъ уланскій. Въ 4-мъ уланскомъ взводѣ, самомъ шумномъ и шаловливомъ, старшимъ отдѣленнымъ унтеръ-офицеромъ былъ другъ и товарищъ Лермонтова — Леонидъ Николаевичъ Хомутовъ. По производствѣ ихъ, въ 1834 г., въ офицеры, князь Николай Николаевичъ Манвеловъ былъ назначенъ вмѣсто Л. Н. Хомутова старшимъ отдѣленнымъ унтеръ-офицеромъ 4-го уланскаго взвода. Занявъ его койку и шапчикъ при ней и приводя послѣдній въ порядокъ, онъ нашелъ между стѣнками выдвижнаго ящика завалившуюся тетрадь. Эту тетрадь онъ прежде не разъ видѣлъ у Лермонтова и тогда же всѣ товарищи признали, что она дѣйствительно принадлежала Лермонтову и имъ самимъ разрисована. Такъ какъ въ то время никто права на эту находку не заявилъ, то кн. Манвеловъ бережно сохранилъ тетрадь и теперь, черезъ 55 лѣтъ, принесъ ее въ даръ музею.

Лермонтовъ, будучи въ школѣ, имѣлъ обыкновеніе всегда рисовать во время лекцій. Смѣло и бойко владѣя карандашемъ, онъ не только зарисовывалъ портреты и киркатуры товарищей и начальниковъ, отдѣльные эпизоды изъ школьной жизни, но также набрасывалъ цѣлыя сцены, представлявшіяся его пылкому воображенію.

Въ нѣкоторыхъ эскизахъ мы находимъ намеки на позднѣйшія произведенія поэта и потому-то карандашные наброски эти такъ интересны; въ нихъ выразились мысли и стремленія гениальнаго юноши.

Мечтая о будущемъ, Лермонтовъ, находясь въ школѣ, любилъ представлять себя ѣдущимъ въ отпускъ или на Кавказъ, послѣ производства въ офицеры. Дикая тройка несетъ его по дорогѣ, то въ саняхъ, то на перекладной или въ коляскѣ. Остановки на почтовыхъ станціяхъ, на постоялыхъ дворахъ, въ усадьбахъ и деревняхъ, также служатъ темами для набросковъ. Но чаще всего попадаютъ рисунки изъ боевой кавказской жизни. Любя еще съ дѣтства Кавказъ, куда онъ ѣздилъ съ бабушкой десятилѣтнимъ мальчикомъ, Лермонтовъ уносился мысленно на Кавказъ, вдохновлялся дикою, очаровательной природой, красивымъ воинственнымъ населеніемъ, и его воображенію рисовались поэтическія сцены изъ боевой жизни. Прочитавъ въ школѣ «Амалать-Бека» Марлинскаго, Лермонтовъ рисуетъ въ своей школьной тетрадкѣ двухъ русскихъ офицеровъ, сидящихъ на валу укрѣпленія и разсматривающихъ клинокъ кинжала съ девизомъ: «будь медленъ на обиду, къ отмщенію будь скоръ!» По этой надписи они узнаютъ въ лежащемъ тутъ раненомъ, съ перевязанной рукой, Амалать-Бека. На другомъ рисункѣ Амалать-Бекъ, въ папахѣ и въ

буркѣ, гарцуетъ на конѣ передъ русскимъ укрѣпленіемъ, на которое нападаютъ горцы. Кромѣ этого еще много сценъ изъ боевой кавказской жизни. Какъ бы предчувствуя свой трагическій конецъ, Лермонтовъ еще въ школѣ рисуеъ въ своей тетради нѣсколько соединковъ на пистолетахъ.

Въ тетради много портретовъ товарищей по школѣ. Въ числѣ ихъ укажу на гусарскаго юнкера Вонлярлярскаго, соеѣда Лермонтова по койкѣ, впоследствии извѣстнаго беллетриста; уланскаго юнкера Поливанова, лучшаго въ то время ѣздока въ школѣ; князя Шаховскаго, съ длиннымъ носомъ, прозваннаго товарищами «курокъ»; Сиверса, умершаго въ школѣ въ 1833 г.; отдѣленнаго унтеръ-офицера Хомутова, друга Лермонтова, и другихъ. Также нѣсколько портретовъ эскадроннаго командира школы, полковника Стунеева; онъ изображенъ въ манежѣ съ бичемъ въ рукахъ. Особый рисунокъ посвященъ характеристикѣ дежурнаго офицера и преподавателя устава, штабсъ-ротмистра Кноринга, извѣстнаго въ средѣ юнкеровъ своимъ романтическимъ характеромъ. Нѣсколько сценъ изъ юнкерской жизни въ дортуарахъ, въ манежѣ и въ лагеряхъ.

Всѣ эти наброски живо рисуютъ внутреннюю жизнь школы и ту среду, въ которой вращался Лермонтовъ.

Шумная, веселая, кутящая молодежь школы имѣла и возвышенные идеалы. Она увлекалась военными доблестями, которыя олицетворялись въ извѣстномъ Слѣпцовѣ, воспитанникѣ школы того времени, впоследствии легендарномъ героѣ Кавказа. Увлекалась также художественными произведеніями литературы, которыя часто громко читались въ средѣ товарищей. Вообще черезъ школу прошло въ то время много даровитыхъ, свѣтлыхъ личностей. Въ этой средѣ талантъ Лермонтова могъ свободно развиваться. Будучи въ школѣ, онъ много и усердно работалъ. Здѣсь онъ писалъ «Демона». Въ школѣ же, подъ впечатлѣніемъ живыхъ воспоминаній о Кавказѣ, написалъ онъ небольшую прекрасную поэму изъ Черкаскаго быта «Хаджи-Абрекъ». Многие изъ товарищей Лермонтова понимали, цѣнили и увлекались его талантомъ какъ бы предчувствуя въ немъ великаго поэта. Родственникъ и товарищ Лермонтова по школѣ—Юрьевъ, отличавшійся умѣніемъ мастерски читать, потихоньку отъ Лермонтова отвезъ его поэму «Хаджи-Абрекъ» къ Сенковскому, которому самъ прочиталъ ее. Сенковскій поспѣшилъ напечатать ее въ ближайшемъ номерѣ «Библіотеки для Чтенія. Про эту же поэму товарищи рассказываютъ, что когда Лермонтовъ представилъ «Хаджи Абрека» преподавателю русской словесности въ школѣ — Василю Тимосевичу Плаксину, то, прочитавъ ее, Плаксинъ поднялся на каедрѣ и, въ

присутствіи всего класса, торжественно произнесъ: «Привѣтствую будущаго поэта Россіи» ¹⁾).

Привожу ниже, по отдѣламъ, перечень вновь поступившихъ въ «Лермонтовскій музей» приобретений:

Въ отд. 1-й—подлинныя рукописи—поступило:

1) Стихотвореніе «Исповѣдь», написанное рукою Лермонтова, на полулистѣ сѣрой бумаги большаго формата. Принесена въ даръ музею Софіею Александровною Элянсъ, рожд. Кирѣевой.

Въ отдѣлѣ II—копія съ рукописей—поступили:

1) Копія съ 3-й и 11-й юношескихъ тетрадей Лермонтова отъ П. А. Ефремова.

2) Копія «Демона» ред. 1838 г. со списка, находящагося у В. Р. Зотова.

3) Копія съ письма Лермонтова къ А. А. Краевскому.

Въ отдѣлѣ III—картины и рисунки, работы Лермонтова—поступили:

1) Тетрадь, состоящая изъ 134 стр. съ $\frac{1}{4}$ листа съ 210 рисунками Лермонтова, перомъ и карандашемъ, принесенная въ даръ музею княземъ Николаемъ Николаевичемъ Манвеловымъ.

2) Копія съ 14 рисунковъ Лермонтова изъ альбома Ал. Верещагиной.

3) Три гравюры съ оригинальныхъ рисунковъ Лермонтова.

Въ отдѣлѣ IV—офіціальныя документы — поступило:

1) Копія журнала военныхъ дѣйствій 1840 года.

Въ отдѣлѣ V—отдѣльныя изданія сочиненій Лермонтова—приобрѣтено 4 экземпляра.

Въ томъ числѣ принесено въ даръ музею его императорскимъ высочествомъ великимъ княземъ Сергіемъ Александровичемъ «Изда дня въ день», извлеченія изъ сочиненій Лермонтова на каждый день.

Въ отдѣлѣ VI — журналы и сборники, въ которыхъ помѣщены произведенія Лермонтова — приобретено 12 экземпляровъ.

Въ отдѣлѣ VII переводы сочиненій Лермонтова — поступило 5 экземпляровъ.

Кромѣ того, чрезъ посредство М. И. Семева, принесена въ даръ музею отъ профессора Фридриха Боденштедта (изъ Висбадена) собственноручная рукопись его переводовъ «Измаила-Бел» и «Хаджи-

¹⁾ Покойный В. Т. Плаксинъ, весьма долго потомъ бывшій преподавателемъ русской словесности въ I-мъ кадетскомъ корпусѣ, часто вспоминалъ и рассказывалъ намъ, въ 1858—1860 гг., о своемъ гениальномъ ученикѣ Лермонтовѣ и утверждалъ, что онъ, В. Т., рано провидѣлъ въ немъ необыкновенное поэтическое дарованіе.

Абрека», состоящая изъ 38 полулистовъ съ надписью о пожертвованіи въ музей самого переводчика.

Въ отдѣлѣ VIII—сочиненія, журналы, газеты, въ которыхъ помѣщены отзывы о Лермонтовѣ и его произведеніяхъ—приобрѣтено 190 экземпляровъ.

Въ отдѣлѣ XI—портреты современниковъ Лермонтова—поступили въ даръ:

1) Альбомъ, принадлежавшій А. Гельмерсену, командиру роты юнкеровъ, съ 12 поясными портретами служившихъ въ школѣ лицъ во время Лермонтова. Принесъ въ даръ Д. А. Гельмерсенъ.

2) Фотографическая карточка эскадроннаго офицера школы, ротмистра Клерона.

Портретъ профессора Ф. Ф. Боденштедта съ автографомъ.

Въ отдѣлѣ XII—рисунки къ біографіямъ Лермонтова:

1) Восемнадцать сценъ, представляющихъ жизнь юнкеровъ школы въ 1834 г. Карандашные наброски Н. Поливанова (Лафы) отъ В. П. Охотникова.

2) Двѣ фотографіи съ акварелей Н. Поливанова (Лафы) — «Ижорка» и «Лагерь школы юнкеровъ 6-го іюля 1834 г.».

3) Приобрѣтены четыре гравюры.

Въ отдѣлѣ XIII—рисунки къ сочиненіямъ Лермонтова — приобрѣтены 11 гравюръ и литографій разныхъ изданій.

Заканчиваю этотъ перечень выраженіемъ глубокой признательности всѣмъ лицамъ, принесшимъ въ даръ музею хранившіеся у нихъ выше перечисленные предметы, напоминающіе жизнь и литературные труды поэта Лермонтова.

А. А. Вильдерлингъ.

1-го января 1890 г.

С.-Петербургъ.

В. А. Бильбасовъ. Исторія Екатерины Второй. Томъ первый. Спб. 1890 г., въ 8 долю, стр. VII+643. Цѣна 5 руб. [Напечатано 1,200 экз.].

Въ послѣднія двадцать лѣтъ явилось въ печати множество матеріаловъ для жизнеописанія Екатерины II; особенно богатый матеріалъ данъ «Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ» въ его извѣстныхъ «Сборникахъ». Критически изслѣдовать этотъ матеріалъ, провѣрить его по архивнымъ подлинникамъ русскихъ и иностранныхъ архивовъ, обставить всѣ почерпнутыя изъ него свѣдѣнія данными изъ всей литературы современныхъ Екатеринѣ II записокъ и другихъ матеріаловъ, въ особенности внимательно воспользоваться ея собственными мемуарами—вотъ задача, которую взялъ на себя бывший профессоръ Кіевского св. Владиміра университета, докторъ историческихъ наукъ В. А. Бильбасовъ. И вотъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ труда усидчиваго, упорнаго, съ видимою любовью къ дѣлу, во всеоружіи обширныхъ знаній, исполненнаго, далъ онъ русскому обществу первый томъ своего громаднаго изслѣдованія ¹⁾.

---

¹⁾ Кстати приведемъ выдержку изъ нашего альбома «Знакомые», нѣсколько свѣдѣній изъ автобіографической замѣтки составителя «Исторіи Екатерины II-й»: «Василій Алексѣевичъ Бильбасовъ родился 7-го іюня 1837 года въ Полтавѣ. Въ 1840 году покинулъ родину — Полтаву и перѣѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ провѣлъ семь лѣтъ во Второй гимназій, въ то время реальной, и четыре года въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Въ результатѣ оказалось: въ 1861 году — кандидатъ историко-филологическаго факультета; въ 1863 году — магистръ историческихъ наукъ («Врестовый походъ императора Фридриха II»); въ 1867 году—докторъ тѣхъ же наукъ («Поповскій король Генрихъ», Кіевъ, 1867 г.). Съ 1863 по 1866 гг. пробилъ заграницей, гдѣ работалъ, между прочимъ, въ семинаріяхъ: богословской у профессора Пипера въ Берлинѣ («Die monumentale Theologie»,—гдѣ глава о греко-восточной церкви составлена Бильбасовымъ) и исторической—у профессора Зябеля въ Боннѣ, гдѣ впервые познакомился съ законами исторической кри-

Мы прочли эту книгу съ величайшимъ вниманіемъ и, скажемъ прямо, съ давно неиспытываемымъ удовольствіемъ. Прежде всего, читая эту книгу, мы восхищены были тѣмъ, что она, очевидно, явилась въ такомъ видѣ въ печати, какъ вышла изъ-подъ пера трудолюбиваго и даровитаго автора. Читая ее, мы порадовались, что, наконецъ, и въ нашемъ отечествѣ серьезный трудъ, посвященный Екаторинѣ II, является безъ урѣзокъ, безъ недомолвокъ, и авторъ, выставляя факты такъ, какъ они были, получаетъ возможность и ею прекрасно пользуется, для опроверженія многихъ сплетенъ болтливыхъ иностранцевъ относительно Екатерины II и ея времени.

Въ вышедшемъ томѣ историкъ излагаетъ, изъ году въ годъ, мѣстами изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, всю жизнь принцессы Софіи Ангальт-Цербстской, впоследствии Екатерины Алексѣевны. Вотъ содержавіе XXXIV главъ, составившихъ первый томъ лежащей предъ нами книги:

Рожденіе и дѣтство. — Отношенія къ Россіи. — Выборъ Софіи въ невѣсты великому князю. — Отъѣздъ изъ Цербста. — Изъ Берлина въ Петербургъ. — Изъ Петербурга въ Москву. — Русскій дворъ. — Великій князь Петръ Ѳеодоровичъ. — Болѣзнь принцессы Софіи. — Политическая интрига. — Помазаніе и обрученіе. — Поѣздка въ Кіевъ. — Болѣзнь великаго князя. — Голштинскій вопросъ. — Бракосочетаніе. — Отъѣздъ княгини (матери) въ Цербстъ. — Брауншвейгцы въ Россіи (принцесса Анна Леопольдовна и ея семья). — Великокняжеская инструкция. — Супружескія отношенія молодыхъ. — Смѣна близкихъ лицъ. — Обстановка домашней

тнии, полюбилъ ихъ и любить до сихъ дней. Профессоромъ былъ не долго: въ петербургскомъ университетѣ всего годъ — въ 1866 году, въ кіевскомъ св. Владимира съ 1867 по 1871 гг.; читалъ среднюю и новѣйшую всеобщую исторію. Въ это время напечаталъ нѣсколько книгъ и статей въ журналахъ.... Съ 1871 по 1883 гг. редактировалъ «Голосъ».... Съ 1883 года все свое время Вильбасовъ посвящаетъ разработкѣ эпохи Екатерины II и пишетъ исторію великой императрицы по плану въ 12-ти томахъ, изъ которыхъ (къ апрѣлю 1888 года) написалъ три, и надѣется все окончить въ 1896 году — столѣтію смерти Екатерины II».

Вотъ перечень отдѣльныхъ книгъ — труды В. А. Вильбасова: Крестовый походъ Фридриха II, Спб. 1863 г.; — Petrus de Vinea, Спб. 1865 г.; — Документы Матвѣя Парижскаго, Кіевъ 1867 г.; — Поновскій король, Кіевъ 1867 г.; — Иоанна Безумная, Спб. 1868 г.; — Польское безкорольеве, Спб. 1869 г.; — Кирилль и Меодій, томъ I (по документамъ), Спб. 1869 г.; — Чехъ Лыъ Гусъ изъ Гуссина, Спб. 1870 г.; — Женищина-папа, Кіевъ 1871 г.; — Кирилль и Меодій, томъ II (по легендамъ), Спб. 1872 г.; — Монахиня Росвита, Спб. 1872 г.; — Дидро въ Петербургѣ, Спб. 1884 г.; — Первые политическія письма Екатерины II, Спб. 1887 г.; — Jeanne Elisabeth, mère de Catherine II, St. Pétersbourg 1889.

Ред.

жизни. — Самообразование. — Атмосфера любви. — Датско-голландская распря. — Образование ума и характера. — Отношения къ Пруссіи. — Англійскія симпатіи. — Вопросъ о престолонаслѣдіи. — Допросъ великой княгини. — Цербстская миссія маркиза де-Фрэна. — Родственныя связи. — Появленіе новыхъ лицъ. — Смерть Елизаветы Петровны. — Петръ III Ѳедоровичъ.

Первая книга «Исторія Екатерины Второй» объемлетъ время съ 1729 г. по 27-ое іюня 1762 г., т. е. съ рожденія Екатерины II въ Штетинѣ до кануна дня государственнаго переворота, ею совершеннаго въ С.-Петербургѣ.

При замѣчательномъ обиліи печатнаго и рукописнаго матеріала, въ высшей степени внимательно и добросовѣстно, вполне критически изученнаго и рассмотрѣннаго В. А. Вильбасовымъ, рассказъ его вездѣ весьма строго основанъ на показаніяхъ достовѣрныхъ, повторяемъ, строго-критически провѣренныхъ и сопоставленныхъ данныхъ; нѣтъ бесплодныхъ полемическихъ выходовъ противъ массы лицъ, писавшихъ о томъ же до него и, за недостаткомъ въ печати матеріаловъ достовѣрныхъ, нерѣдко впадавшихъ въ ошибки; г. Вильбасовъ лишь краткими подстрочными замѣтками исправляетъ наиболѣе значительныя погрѣшности нѣкоторыхъ біографовъ Екатерины II, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. Текстъ записокъ Екатерины II, доведенныхъ, какъ извѣстно, до 1758 г., цѣликомъ вошелъ въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ изслѣдованія г. Вильбасова, но вошелъ оставленный надлежащими данными, почти всюду его подтверждающими, дополвляющими и освѣщающими. Екатерина II, и какъ автобіографъ, является высоко даровитою женщиною и почти во всемъ своемъ сказаніи — писательницею вполне правдивою.

Рассказъ г. Вильбасова перемежается характеристиками отдѣльныхъ, наиболѣе выдающихся личностей, и что за мастерскія эти характеристики! Онѣ являются результатомъ не только всесторонняго изученія всего, что освѣщаетъ историческую личность, но и прямо блещутъ большимъ талантомъ ихъ составителя. Прочтите, напримѣръ, характеристики княгини Цербстской Юанны - Елизаветы, матери Екатерины II-ой, ея отца, также канцлера графа Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина, академика Штеллина — злополучнаго ментора великаго князя Петра Ѳедоровича, посла маркиза Шетарди, архимандрита, впоследствии архіепископа, Симона Тодорскаго, и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, — всѣ эти очерки являются прямо образцовыми. Мы не указываемъ на характеристику великаго князя Петра Ѳедоровича, она была уже прекрасно сдѣлана Екатериною II въ ея запискахъ, но ея историкъ-біографъ прекрасно

подтвердилъ справедливость этой характеристики, обставя ее массою показаній другихъ современниковъ и очевидцевъ или такими неопровержимыми документами, какова инструкція 1746 г., составленная графомъ А. П. Бестужевымъ-Рюминымъ, по повелѣнію самой императрицы Елизаветы Петровны... Развитие характера, ума и вообще всей личности Екатерины Алексѣевны изложено мастерски, шагъ за шагомъ, за все время 1729—1762-хъ годовъ, при чемъ изслѣдованы все и вся, что только имѣло вліяніе на ростъ этой личности въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, на взгляды ея и убѣжденія, на отношенія къ людямъ и ко всему новому ея отечеству—Россіи, съ которымъ она такъ сроднилась и интересы котораго стали ей такъ дороги!

Превосходны характеристики лицъ; не менѣе удачны очерки общества и вообще всѣхъ условій быта домашняго и общественнаго, среди котораго прошло дѣтство, молодость и затѣмъ брачная жизнь великой княгини Екатерины Алексѣевны. Вы видите передъ собой цѣлыя картины, съ самыми яркими, наиболѣе типичными подробностями, и все это, какъ мы сказали выше, не растянута, напротивъ, сжато, живо, рельефно.

Въ нашей исторической литературѣ, до XVIII вѣка относящейся, появленіе перваго тома труда, предпринятаго и вотъ уже лѣтъ семь (если только не болѣе) усидчиво составляемаго В. А. Бильбасовымъ, положительно составляетъ цѣлое событіе. Во-первыхъ, оно показываетъ, что не вотьще трудились наши какъ историческія общества (въ особенности Императорское Русское—въ Петербургѣ), такъ и отдѣльныя лица, посвящая свои труды собранію, группировкѣ и изданію матеріаловъ къ исторіи прошлаго столѣтія: въ лицѣ В. А. Бильбасова явился даровитый ученый, сумѣвшій разобраться въ этомъ матеріалѣ по отношенію къ Екатеринѣ II и, критически его разслѣдовавъ, обработать въ обширное изслѣдованіе, которое, всеконечно, сдѣлается, въ переводахъ на различные языки, достояніемъ всей просвѣщенной Европы. Во-вторыхъ, и это не менѣе важно, появленіе этого труда въ русской печати, не гдѣ-либо за-границей, но въ Петербургѣ, несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что пора зрѣлости признана и для русскихъ читателей... И что-же? Повѣрьте, кромѣ добра, отъ этого ничего не произойдетъ! Въ правдивыхъ сказаніяхъ историка, не избѣгающаго самыхъ мрачныхъ, выражаясь прежнимъ языкомъ, нецензурныхъ подробностей,—какими симпатичными штрихами вырисовывается весь обликъ величайшей русской государыни! Какъ высоко подѣмляется она, какъ много слабостей и недостатковъ въ ней либо вовсе опровергается, либо смягчается, а то и вовсе

оправдывается тою правдою, которая вытекает прямо из изложения того, что действительно было... И выше, и выше подымается исторический образ Екатерины Великой, последовательницы Великого Петра!

Съ нетерпѣніемъ, этого мало, — съ величайшимъ нетерпѣніемъ, будемъ ждать появленія послѣдующихъ томовъ «Исторіи Екатерины Второй», превосходнаго, судя по первому тому, изслѣдованія бывшаго профессора В. А. Вильбасова.

Михаилъ Семеновскій.

ПОРТРЕТЪ ЕЛИСАВЕТЫ АНДРЕЕВНЫ АРАКЧЕЕВОЙ,

матери графа Аракчеева.

При настоящей книгѣ „Русской Старины“ приложенъ весьма точно воспроизведенный, въ гравюрѣ художника И. И. Матюшина, портретъ матери знаменитаго временщика графа А. А. Аракчеева—Елисаветы Андреевны Аракчеевой.

До сихъ поръ портретъ этой женщины не появлялся ни въ литографіяхъ, ни въ гравюрахъ и вообще не былъ извѣстенъ. Подлинникъ писанъ масляными красками, на холстѣ, поясной, голова почти въ натуральную величину. Мы получили этотъ весьма интересный портретъ въ мартѣ 1886 года отъ Семена Васильевича Городецкаго (изъ г. Твери);—г. Городецкій, въ свою очередь, получилъ портретъ въ Бѣжецкомъ уѣздѣ, Тверской губерніи, въ дер. Морозовой, отъ крестьянина Никифора Филипова. Родной братъ Никифора—Тихонъ Филиповъ былъ главнымъ управляющимъ (вотчиннымъ старостою) въ имѣніи Аракчеевой матери, въ селѣ Курганахъ, Бѣжецкаго уѣзда, гдѣ находится и ея могила. Крестьянинъ Никифоръ Филиповъ—восьмидесятилѣтній старикъ, а братъ его, по рассказамъ его же, былъ десятью годами старше.

Въ „Русской Родословной книгѣ“, составленной вв. А. Б. Лобановымъ-Ростовскимъ и изданной ред. „Русской Старины“,—(Спб., 1873 г., томъ I, стр. 85) показано, что мать графа Аракчеева была Елисавета Андреевна, рожденная Ветлицкая; родилась она въ 1750-мъ году и умерла 17 іюля 1820 г.; т. е. когда сынъ ея,—графъ Алексѣй Андреевичъ, находился въ апогее своего могущества. Отецъ графа Аракчеева, Андрей Андреевичъ, мужъ Елисаветы Андреевны Ветлицкой, былъ сынъ поручика арміи, убитаго въ одномъ изъ Крымскихъ походовъ Миниха; Андрей Андреевичъ служилъ въ Преображенскомъ полку, вышелъ въ отставку поручикомъ и поселился въ Бѣжецкомъ уѣздѣ, гдѣ ему досталась по наслѣдству деревня съ 20 душами крестьянъ; скончался онъ въ 1797-мъ году, вскорѣ послѣ коронаціи Павла I. Отъ брака съ Ветлицкою—онъ оставилъ трехъ сыновей, изъ которыхъ старшимъ былъ знаменитый впоследствии временщикъ—графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ (родился 1769 г., † 1834 г.).

Ред.

ЕЛИСАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА ПАЛЬМЕНБАХЪ,

РОЖД. БАРОНЕССА ЧЕРКАСОВА,

НАЧАЛЬНИЦА СМОЛЬНАГО МОНАСТЫРА (1797 — 1802 г.)

Р. 1761 † 1832 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛУ «РУССКАЯ СТАРИНА» ИЛД. 1890 г.

ВОСПОМИНАНІЯ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА КОКШАРОВА

1818—1859 гг.

Представляемые здѣсь «Воспоминанія» академика Н. И. Кокшарова, по убѣдительной и настоятельной просьбѣ ред. «Русской Старины», собственноручно написаны нашимъ кристаллографомъ, который, во время своей болѣе чѣмъ полувѣковой научной дѣятельности, заслужилъ обширную извѣстность во всемъ ученomъ мѣрѣ своими многочисленными и точными изслѣдованіями по минералогіи и кристаллографіи.

«Воспоминанія Н. И. Кокшарова» обнимаютъ около сорока лѣтъ его жизни, начиная съ описанія дѣтства на Уральскомъ Березовскомъ заводѣ и воспитанія въ Горномъ корпусѣ, который въ это время, именно въ 1833 г., былъ преобразованъ въ Горный институтъ, а въ слѣдующемъ, 1834 г., переименованъ въ «Институтъ корпуса горныхъ инженеровъ» и подведенъ подъ общія правила устава для военно-учебныхъ заведеній. При этомъ въ «Воспоминаніяхъ» рельефно выступаетъ личность Императора Николая I, а затѣмъ К. В. Чевкина, тогдашняго начальника штаба корпуса горныхъ инженеровъ, оказавшаго непосредственное вліяніе на дальнѣйшую судьбу Н. И. При содѣйствіи Чевкина, Н. И. былъ командированъ въ 1840 и 1841 гг. для сопровожденія извѣстныхъ ученыхъ геологовъ: англійскаго—Мурчисона, французскаго—де-Вернея и гр. Кейзерлинга въ ихъ путешествіяхъ по Россіи; Чевкину обязанъ онъ своей первой трехлѣтней посылкой за границу на казенный счетъ, за которой слѣдовали другія путешествія Н. И. Кокшарова по Европѣ.

Жизнь, начатая при такихъ счастливыхъ условіяхъ, при неутомимомъ трудѣ и дарованіяхъ Н. И., не замедлила принести результаты. Въ непродолжительномъ времени имъ былъ представленъ рядъ работъ, которыя тогда же обратили на него вниманіе европейскихъ

ученыхъ и доставили ему мѣсто адъюнкта, а затѣмъ и ординарнаго академика с.-петербургской академіи наукъ. Но извѣстность и связанннй съ нею почетъ явились прежде, чѣмъ устроилось матеріальное положеніе Н. И. Въ теченіи долгихъ лѣтъ, онъ оставался скромнымъ, нуждающимся труженикомъ и долженъ былъ зарабатывать себѣ существованіе переводами, лекціями и частными уроками, посвящая ученымъ занятіямъ немногіе часы досуга. Тѣмъ сильнѣе былъ контрастъ этой будничной, сѣрой жизни, исполненной лишеній у себя дома, съ путешествіями за границу, гдѣ при обеспеченныхъ средствахъ онъ могъ всецѣло посвятить себя наукѣ и, въ качествѣ признаннаго ученаго, а подѣ часть и представителя русскихъ ученыхъ корпорацій, встрѣчалъ радушный пріемъ со стороны европейскихъ свѣтилъ науки и высшаго столичнаго общества. Естественно, что при этихъ условіяхъ заграничныя путешествія занимаютъ довольно значительное мѣсто въ «Воспоминаніяхъ» Н. И. и представляютъ рядъ не менѣе любопытныхъ описаній, характеристикъ и подробностей.

Но такъ какъ при всемъ разнообразіи и богатствѣ содержанія «Воспоминаній» Н. И., онъ сравнительно всего менѣе и только урывками касается своихъ ученыхъ заслугъ и трудовъ, прославившихъ его имя, то мы считаемъ своимъ долгомъ представить здѣсь краткій обзоръ его ученой дѣятельности, тѣмъ болѣе, что по своему специальному характеру она мало извѣстна большинству публики.

Склонность къ минералогіи рано проявилась у Н. И., усиленная впечатлѣніями дѣтства, которыя, мало по малу, слагаются въ одно общее и оказываютъ вліяніе на дальнѣйшую жизнь. Такимъ образомъ, Н. И., видя съ раннихъ лѣтъ камни и руды и слыша разговоры въ одномъ направленіи, скоро научился различать нѣкоторые минералы и пристрастился къ нимъ; въ этомъ отношеніи онъ могъ только встрѣчать поощреніе со стороны отца, который любилъ горное дѣло и хотѣлъ, чтобы сынъ шелъ по той же части. Но собственно знакомство съ минералогіей началось для Н. И. только въ Горномъ корпусѣ, гдѣ онъ съ увлеченіемъ занялся изученіемъ и собираніемъ минераловъ, что отчасти вызывалось необходимостью. Коллекціи, по требованію Чевкина, составлялись тогда, между прочимъ, воспитанниками Горнаго корпуса при ихъ лѣтнихъ экскурсіяхъ въ Финляндію, окрестности Петербурга и Боровичей, куда они отправлялись подѣ руководствомъ геолога Гельмерсена и извѣстнаго профессора металлургіи и горнаго искусства Г. А. Юсса, который обладалъ особеннымъ умѣніемъ пріохотить своихъ слушателей къ серьезнымъ занятіямъ. Въ Финляндіи, во время одной изъ этихъ экскурсій, Н. И. сошелся съ знаменитымъ минералогомъ Н. Нор-

деншильдомъ (отцомъ нынѣшняго знаменитаго путешественника, барона А. Норденшильда), и, пользуясь его указаніями и объясненіями, просиживалъ съ нимъ цѣлыя часы въ каменоломняхъ Паргаса и въ другихъ мѣстахъ за выламываніемъ кристалловъ изъ окружающей ихъ горной породы.

Такимъ образомъ, Н. И. пользовался всякимъ случаемъ для основательнаго изученія минералогіи и старался дополнить приобретаемые свѣдѣнія чтеніемъ специальныхъ минералогическихъ сочиненій. Изъ нихъ особенно сильное впечатлѣніе произвела на Н. И. книга Гаюи (Haüy, *Traité de Minéralogie*), съ принадлежащимъ къ нему атласомъ кристаллизаціи минераловъ и таблицами угловъ кристалловъ, по измѣреніямъ, сдѣланнымъ авторомъ. Тогда же у Н. И. явилась мысль создать вѣчто подобное для минераловъ Россіи; но это было не легкимъ дѣломъ. Наши минералогіи и геологи придерживались тогда больше теоретическихъ воззрѣній, нежели фактическихъ наблюденій, и въ то время, когда западные ученые слѣдовали обратному направленію, мы оставались неподвижными. Съ другой стороны, у самого Н. И. не было еще ни достаточной опытности, ни подготовки для выполненія задуманной имъ задачи. То и другое явилось само собою, вслѣдствіе ряда крайне благоприятныхъ условий.

По окончаніи курса въ «Институтѣ корпуса горныхъ инженеровъ», Н. И., какъ мы упомянули выше, является спутникомъ Мурчисона, де-Вернеля и гр. Кейзерлинга и близкимъ соучастникомъ этого капитальнаго геологическаго путешествія по Россіи, даващаго основу нашей геологической картографіи. При этомъ Н. И. внесъ и свою долю наблюденій; правильность ихъ была вполне признана Мурчисономъ, который вслѣдствіе этого нашелъ необходимымъ, (какъ онъ самъ заявляетъ въ письмѣ къ Н. И.), означить имя начинающаго русскаго ученаго на геологической картѣ, изданной имъ въ 1845 г., совместно съ де-Вернелемъ и гр. Кейзерлингомъ¹⁾. Въ этомъ путешествіи Н. И. освоился съ приемами и методами изслѣдованія европейской науки, что уже было значительнымъ шагомъ впередъ для его будущей научной дѣятельности.

Хотя Чевкинъ почему-то хотѣлъ непременно сдѣлать Н. И. палеонтологомъ и даже отправилъ его въ Парижъ, съ специальною

¹⁾ На этой извѣстной геологической картѣ слѣдуетъ слѣдующая надпись: «Russia in Europe and the Ural Mountains chiefly coloured from Geological Researches, conducted under the auspices of the Emperor of All the Russias. By his Imperial Majesty's most devoted servants: R. Murchison, F. de Verneuil, count A. v. Keyserling, assisted in the field (соучастіе на полѣ на; блуденій) by Lieut. Kokscharoff. Н. В.

цѣлью изученія этой науки, но Н. И., подѣ страхомъ навлечь на себя неудовольствіе строгаго начальника, по прежнему увлекался минералогіей, и при первой возможности поѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ кристаллографія читалась тогда извѣстнымъ С. Вейсомъ, а минералогія Густавомъ Розе. Слушая лекціи этихъ профессоровъ, Н. И. въ то же время знакомился со школами другихъ германскихъ ученыхъ; но особенно усердно изучалъ кристаллографическое ученіе Наумана (въ то время профессора Фрейбергской горной академіи).

Такимъ образомъ, Н. И., вооружась необходимымъ запасомъ свѣдѣній, выступилъ на путь, которому неизмѣнно слѣдовалъ съ тѣхъ поръ. Въ теченіи долгихъ лѣтъ, онъ производилъ непрерывно длинный рядъ тонкихъ гониометрическихъ измѣреній и кристаллографическихъ опредѣленій, съ твердой увѣренностью, что только работы подобнаго рода могутъ дать наукѣ тѣ точнѣйшія величины, на основаніи которыхъ возможно будетъ вывести впоследствии наиболѣе существенные законы кристаллографіи. Этотъ путь наблюдательнаго и практическаго изслѣдованія не замедлил привести Н. И. къ предположенной имъ цѣли. Онъ первый установилъ и далъ развиваться кристаллографіи въ Россіи; его работы до сихъ поръ считаются образцовыми. При этомъ Н. И. были открыты и описаны нѣкоторые, еще не встрѣчавшіеся въ Россіи, минералы: эвклазъ, фенакитъ, брукитъ, желтый канкринитъ, мѣдная слюдка и волластонитъ, и описаны новые, подѣ именами: багратіонитъ, ильменорутилъ, кочубентъ, валуевитъ и мурзинскитъ, а равно и множество кристаллическихъ формъ впервые опредѣлено имъ.

Работы Н. И. отчасти напечатаны въ мемуарахъ с.-петербургской академіи наукъ, въ разныхъ ученыхъ журналахъ (русскихъ и иностранныхъ) и въ изданіяхъ с.-петербургскаго минералогическаго общества; имъ же составленъ учебникъ минералогіи на новыхъ началахъ («Лекціи минералогіи»), который держался до сихъ поръ. Но самый капитальный трудъ Н. И. составляютъ его «Матеріалы для минералогіи Россіи», первый томъ которыхъ былъ изданъ въ 1853 году, послѣ чего появилось еще пять томовъ на русскомъ и девять на нѣмецкомъ языкѣ, подѣ заглавіемъ: «Materialen zur Mineralogie Russlands», съ 93 таблицами атласа, изображающими кристаллизацию русскихъ минераловъ. Въ этомъ многотомномъ трудѣ Н. И. представилъ математически точныя характеристики русскихъ минераловъ, въ сравненіи съ иностранными, а также подробныя указанія ихъ мѣстонахожденія и другія свѣдѣнія, весьма важныя для минералогіи (напр. имъ первымъ была разъяснена кристаллизація хлорито-образныхъ минераловъ и проч.), такъ что его имя будетъ навсегда связано съ исторіей минералогіи въ Россіи.

Не мало услугъ оказалъ Н. И. и с.-петербургскому минералогическому обществу, (директоромъ котораго онъ избранъ съ 1865 года), какъ въ дѣлѣ составленія второй серіи ученыхъ «Записокъ общества», издаваемыхъ по его плану и редакціи, такъ и своимъ участіемъ въ осуществленіи программы геологическихъ изысканій въ Россіи, задуманной августѣйшимъ президентомъ общества, е. и. в. герцогомъ Лейхтенбергскимъ ¹⁾. Въ заключеніе, считаемъ необходимымъ упомянуть о педагогической дѣятельности Н. И., такъ какъ въ теченіе многихъ лѣтъ онъ читалъ лекціи въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ по минералогіи, геологіи и физической географіи. И здѣсь та-же любовь къ наукѣ, которой онъ служилъ всю жизнь, воодушевляла его лекціи, придавала живость и интересъ специальнымъ, сообщаемымъ имъ, свѣдѣніямъ, такъ что его бывшіе слушатели до сихъ поръ съ благодарностью вспоминаютъ о немъ.

Къ сожалѣнію, «Воспоминанія» Н. И. пока доведены имъ только до 1859 года, такъ какъ, по многимъ причинамъ, онъ не считаетъ удобнымъ касаться, по его словамъ, «Новой исторіи», говорить о живущихъ людяхъ. Н. И. до сихъ поръ остается такимъ же скромнымъ труженикомъ науки, требовательнымъ къ себѣ и снисходительнымъ къ другимъ, какимъ былъ и тридцать лѣтъ тому назадъ, но едва-ли на долю кого-либо изъ русскихъ ученыхъ выпало столько почестей. Длинный рядъ русскихъ и заграничныхъ университетовъ, академій, обществъ избрали его своимъ сочленомъ и почтили дипломами, какъ это показало пятидесятилѣтній юбилей его научной дѣятельности, столь торжественно и, въ то же время, столь задушевно отпразднованный 6-го іюня 1887 года.

Въ этотъ день Н. И. Кокшарову оказано было столько почестей и лестнаго вниманія, а въ поднесенныхъ адресахъ, присланныхъ телеграмахъ, письмахъ и сказанныхъ рѣчахъ выражено такое единодушное признаніе его ученыхъ и общественныхъ заслугъ, что едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что эта дань общаго уваженія и сочувствія въ такой же мѣрѣ относилась и къ его личности.

Въ какой степени Н. И., въ продолженіе своей долгой жизни, умѣлъ приобрѣтать искреннихъ друзей и оставаться съ ними въ наилучшихъ отношеніяхъ десятки лѣтъ, доказываетъ его обширная переписка съ друзьями и знакомыми, которая была тщательна просмотрѣна нами.

---

¹⁾ Результаты этихъ геологическихъ изысканій, совершаемыхъ на суммы, исходатайствованныя Е. И. Высочествомъ, публикуются съ 1869 г. въ такъ называемыхъ «Матеріалахъ для геологіи Россіи», издаваемыхъ подъ редакціей уважаемаго секретаря общества П. В. Еремѣева. Н. В.

Здѣсь, на ряду съ письмами частныхъ лицъ, встрѣчаются письма такихъ видныхъ представителей науки, какъ Мурчисонъ, де-Вернѣль и другихъ извѣстныхъ ученыхъ: Девиля, Дана, Гайдингера, А. Гумбольдта, Велера, Митчерлиха, Деклуазо, минералоговъ: фонъ-Кобелля, Миллера, Густава Розе, Наумана и др. ¹⁾).

Но эта переписка, имѣющая значеніе сама по себѣ, за немногими исключеніями, представляетъ мало общаго интереса, такъ какъ преимущественно, касается вопросовъ и новостей ученаго міра, посланныхъ или полученныхъ минераловъ, окаменѣлостей, книгъ и брошюръ, или же заключаетъ свѣдѣнія о бывшихъ засѣданіяхъ, объ избраніи Н. И. въ члены той или другой ученой корпораціи и проч.

Н. А. В.

I.

Воспоминанія дѣтства.—Переѣздъ на Березовскій заводъ.—Описаніе Березовскаго завода.—Китайскія гѣны.—Сильно-ваторжний Жуковъ.—Первые уроки.—Княгиня М. Г. Эристова.—Ея домашняя обстановка.

Отецъ мой, Иванъ Константиновичъ Кокшаровъ, окончивъ курсъ наукъ въ Горномъ кадетскомъ корпусѣ (нынѣшнемъ Горномъ институтѣ), командированъ былъ на службу на алтайскіе заводы и рудники, гдѣ и женился, въ 1817 году, на дочери генераль-лейтенанта князя Степана Давыдовича Эристова, — Глафирѣ Степановнѣ. Дѣдъ мой, князь С. Д. Эристовъ, былъ комендантомъ крѣпости Усть-Каменогорской и имѣлъ по близости небольшой хуторъ, въ которомъ я родился 23 ноября 1818 г. и оставался въ немъ до лѣта 1822 года.

О мѣстѣ моей родины сохранилъ я весьма немногія смутныя воспоминанія; помню домъ со службами, окруженный кустарникомъ и лѣсомъ, въ которомъ мы жили, и передъ нимъ прудъ; припоминаю, что меня окружали: старушка-бабушка (вдова князя С. Д. Эристова), матушка и ея незамужнія сестры, Елена и Варвара Степановны. Отца, въ это время, еи помню, — вѣроятно потому, что онъ, какъ смотритель Николаевского рудника, находился болѣею частью на мѣстѣ службы и

¹⁾ Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ, драгоценныя, какъ автографы, отданы Н. И. въ отдѣленіе рукописей с.-петербургской публичной бібліотеки.

Н. В.

рѣдко приѣзжалъ въ хуторъ. Въ первый разъ познакомился я съ отцомъ въ 1822 году, послѣ переѣзда съ Алтая на Уралъ, въ Березовскій заводъ (въ 15 верстахъ отъ Екатеринбургa), куда мы отправились въ одинъ прекрасный лѣтній день всей семьей, въ нѣсколькихъ экипажахъ.

Объ этомъ путешествіи мало что осталось у меня въ памяти; знаю только, что въ то время умъ мой былъ коротокъ: слыша безпрестанно о цѣли нашего путешествія—Березовскомъ заводѣ, я вообразилъ, что мы приѣдемъ въ мѣсто, состоящее изъ загородекъ, сдѣланныхъ изъ коры березовыхъ деревьевъ, и что въ этихъ загородахъ, снабженныхъ мебелью, мы будемъ проживать, не заботясь о потолкахъ. Велико было мое удивленіе, когда, по приѣздѣ въ Березовскій заводъ, я увидѣлъ такіе же дома, какъ бывший нашъ домъ на хуторѣ бабушки. Отецъ мой выѣхалъ къ намъ на встрѣчу за нѣсколько верстъ и привезъ въ лучшій изъ имѣющихся на заводѣ домовъ, такъ называемый «управительскій домъ», расположенный передъ заводскимъ прудомъ, за которымъ находилась бѣлая каменная церковь (во имя св. пр. Ильи), незавидной архитектуры, но довольно большая. Рядомъ съ управительскимъ домомъ помѣщалась заводская контора съ присутственнымъ мѣстомъ и казначействомъ, и такъ какъ здѣсь хранилось золото, вымытое на окрестныхъ рудникахъ, и казенныя суммы денегъ, то передъ входомъ въ контору устроена была гауптвахта. На крышѣ конторы возвышалась башенка, въ родѣ колокольни, съ небольшимъ колоколомъ. Посредствомъ веревки, протянутой отъ колокола, находящійся на гауптвахтѣ солдатъ аккуратно билъ часы каждый часъ, а во время пожара—въ набать. Пробитые на конторѣ часы тотчасъ-же повторялись на колокольнѣ заводской церкви. Ежедневно, въ девять часовъ вечера, барабанщикъ на гауптвахтѣ билъ зорю, что намъ, дѣтямъ, очень нравилось.

Вокругъ пруда помѣщались домики, въ которыхъ проживали старшіе изъ служащихъ на заводѣ инженеровъ и чиновниковъ. Это было самое парадное мѣсто завода, которое отецъ мой въ шутку называлъ «Дворцовою набережною», такъ какъ здѣсь рядъ домовъ начинался домомъ, гдѣ останавливался Императоръ Александръ I, во время своего путешествія по Уралу. Въ болѣе или менѣе удаленныхъ, отъ этой набережной, мѣстахъ

проживали горные чиновники, менѣ важные, и другіе служащіе на заводѣ.

Первые годы на Березовскомъ заводѣ (1822 — 1824 гг.) провелъ я, какъ обыкновенно проводятъ дѣти, играя въ игрушки, которыми щедро снабжалъ насъ отецъ (меня, двухъ братьевъ и сестру), когда возвращался изъ Екатеринбургa, куда ѣздилъ разъ въ недѣлю, чтобы представить свой рапортъ горному начальнику и явиться къ главному начальнику уральскихъ заводовъ. Поэтому каждый пріѣздъ отца изъ Екатеринбургa былъ для насъ, дѣтей, настоящимъ праздникомъ, и мы ожидали этого дня съ большимъ нетерпѣніемъ. Иногда по вечерамъ забавляли насъ особаго рода китайскими тѣнями. Для этого въ дверяхъ дѣтской устававливалась рама съ пропитанною масломъ бумагой, остальная часть двери завѣшивалась коврами, свѣчи гасились, такъ что мы сидѣли въ темнотѣ, имѣя передъ собою только освѣщенную раму. Тѣни эти показывалъ намъ одинъ изъ мастеровыхъ (ссылно-каторжный съ клеймами на лицѣ), нѣкто Жуковъ, помѣщавшійся въ другой, освѣщенной комнатѣ. У него фигуры были вырѣзаны изъ картона и приводились въ движеніе; солдаты маршировали, дровосѣки рубили дрова, прочія фигуры кланялись и т. д. Если никого изъ взрослыхъ не было въ комнатѣ, то на сцену неизмѣнно выступалъ дровосѣкъ я, поздоровавшись съ баринкомъ, оставался одинъ, а Жуковъ приговаривалъ за него:

Ахти, ахти крестьяне,
 Зачѣмъ мы не дворяне,
 Мы сахаръ жевали бы, какъ ледъ,
 И пиво пили бы какъ медъ,
 Лежали-бъ на печи,
 Да ѣли-бъ калачи.
 Боярская работа:
 Пить, ѣсть, гулять,
 Одна лишь въ томъ забота,
 Чтобъ деньги обирать;
 Мужьякъ сушишь, крушишь,
 Потѣй и работай,
 А послѣ хотъ вѣдься,
 Да денежки давай.

Обыкновенно, представленія китайскихъ тѣней оканчивались пальбой изъ картонныхъ пушекъ, что приводило насъ въ восторгъ. На подобныя затѣи Жуковъ былъ большой искусникъ;

на Пасхѣ и во время масляницы, онъ являлся на качеляхъ съ раскрашеннымъ лицомъ, въ родѣ клоуновъ столичныхъ. Вообще это былъ странный, загадочный челоуѣкъ: зимой онъ исправно работалъ, на ряду съ другими мастеровыми, каждое лѣто находился въ бѣгахъ, а осенью возвращался на заводъ, терпѣливо выносилъ положенное число ударовъ лозами, послѣ чего являлся къ моему отцу, который встрѣчалъ его вопросомъ:

— Получилъ порцію?

— Получилъ, отвѣчалъ Жуковъ.

— Иди на работу!..

Та же исторія повторялась и на слѣдующій годъ.

Изъ этого времени моего дѣтства помню нѣкоторыя сцены между отцомъ и рабочими. Такъ, напримѣръ, одинъ разъ мой отецъ послалъ двухъ мастеровыхъ пострѣлять дичи, снабдивъ ихъ ружьями и дробью, и строго наказалъ, чтобы они не смѣли ходить на медвѣдя. Вечеромъ пришли посланные къ отцу съ повинной головой; у одного оказалась на головѣ повязка, такъ какъ несчастный попался подъ медвѣдя, который обработалъ его по своему. Отецъ сердился, матушка была очень огорчена и поила пострадавшихъ виномъ, а мы, дѣти, плакали.

— Какъ же вы могли, говорилъ отецъ, идти на медвѣдя, имѣя при себѣ только ружья, заряженные дробью, топоры и ножи?

— Не утерпѣли, батюшка, Иванъ Константиновичъ, отвѣчали они, простите, не въ первый разъ. Медвѣдя-то прикажите убрать, мы его порѣшили...

Когда мнѣ минуло шесть лѣтъ, тогда отецъ сказалъ мнѣ, что настало время учиться. Первые уроки русской грамоты даны мнѣ были заводскимъ дякономъ, Закона Божія—заводскимъ священникомъ, ариѳметики—какимъ-то чиновникомъ изъ конторы, нѣмецкаго языка—лѣсничимъ А. П. Вейденбахомъ, рисованія—заводскимъ художникомъ Ширшевымъ ¹⁾. Время

¹⁾ Ширшевъ искусно приготовлялъ изъ уральскихъ минераловъ образа и картины. Это особенный родъ художественныхъ произведеній, бывший тогда въ большой модѣ на Уралѣ. Небо и вода этихъ образовъ и картинъ рисовались красками, а земля выдѣлывалась изъ «цвѣтныхъ камней», на которые наклеивались фигуры, нарисованныя на картонѣ масляными красками. Въ церкви Горнаго института до сихъ поръ находятся два изъ такихъ образовъ и горка съ крестомъ, за престоломъ въ алтарѣ.

настало серьезное, казавшееся мнѣ довольно скучнымъ. Каждый день учителя аккуратно ходили къ намъ, а къ Вейденбаху, несмотря на то, что онъ жилъ отъ насъ въ нѣсколькихъ шагахъ, меня отвозили въ дрожкахъ или саняхъ на старой, бѣлой, смирной лошади, которую звали «Сѣрко», вѣроятно, потому, что она когда-то была сѣраго цвѣта. А. П. Вейденбахъ былъ человѣкъ замѣчательный по своей честности, строгой, регулярной жизни и тому согласію, въ которомъ онъ жилъ съ своей женой, Шарлоттой Ивановной. Это были два существа неразлучныя, созданныя одинъ для другаго ¹⁾.

Въ довольно короткое время я научился читать и писать по-русски и по-нѣмецки, зналъ четыре правила ариѳметики и краткую священную исторію. Начальные уроки французскаго языка даны мнѣ были дядей Ф. И. Зеленцовымъ, временно пріѣхавшимъ на Березовскій заводъ (изъ фамиліи заводчиковъ Зеленцовыхъ, которымъ принадлежалъ Ревдинскій заводъ, впоследствии перешедшій къ Демидовымъ и, наконецъ, къ Перемыкину). Дальнѣйшіе уроки французскаго языка преподаваемы были мнѣ горшымъ офицеромъ Качкою. Но такъ какъ отецъ былъ очень строгъ и, вообще, дома не давали намъ много шалить, то великое было для меня счастье, когда, по требованію бабушки (княгини М. Г. Эристовой), отпускали меня одного или вмѣстѣ съ братомъ Дмитріемъ, гостить къ ней на нѣсколько дней, чтобы веселѣе было ей милому Сашенькѣ ²⁾. Она жила побли-

¹⁾ А. П. Вейденбахъ и его жена, благодаря умѣренной и строго регулярной жизни, достигли глубокой старости. Когда, по выходѣ моемъ изъ Горнаго института, я пріѣхалъ въ Екатеринбургъ, куда переселился мой отецъ съ семьей, а также и Вейденбахъ, то послѣдній жилъ съ женой въ маленькомъ домикѣ, точно также, какъ въ Березовскомъ заводѣ; онъ встрѣтилъ меня съ открытыми объятіями и слезами на глазахъ. Когда я спросилъ его: такую-ли онъ ведетъ аккуратную и строго умѣренную жизнь, какъ прежде? онъ отвѣтилъ, что не измѣнилъ своего образа жизни ни на волосъ: «Посмотрите, добавилъ онъ, вотъ уже мнѣ болѣе 70-ти лѣтъ, а я не потерялъ еще ни одного зуба — всё на лицѣ».

²⁾ Братъ мой Александръ и сестра Марія родились близнецами. Въ день ихъ рожденія бабушка взяла брата Александра на руки, перекрестила и сказала, что онъ будетъ ея дитя и что она позаботится объ его воспитаніи и судьбѣ. Съ тѣхъ поръ старушка не разставалась съ своимъ Сашей до конца жизни.

зости заводской церкви, за оврагомъ, по которому протекала вода изъ пруда, спускаемая плотиною.

Бабушка была очень богомольна; утромъ она молилась дома, потомъ шла къ обѣднѣ, куда и насъ брала съ собой, а вечеромъ играла въ карты (въ бостонъ), съ священникомъ и нѣкоторыми лицами, проживавшими на заводѣ. Играла она по самой маленькой, но весьма серьезно, какъ будто дѣло шло о предметѣ большой важности. У меня еще и до сихъ поръ звучитъ въ ушахъ ея важный голосъ: бостонъ, вистъ, въ сюрсахъ и т. д. Между тѣмъ, мы, съ братомъ Сашей, предавались всякаго рода играмъ, бѣгали, шумѣли; никто насъ не бранилъ, объ ученія не было и помину, а старушка баловала насъ какъ нельзя болѣе, и мы боготворили ее. Братъ Саша, часто ходившій въ церковь, мастерски выучился служить обѣдню и, при всякомъ удобномъ случаѣ, игралъ, какъ онъ выражался, «въ поны», причемъ я изображалъ дьякона, а братъ Дмитрій дьячка. За эту игру часто доставалось намъ отъ Вѣрушки, преданнѣйшей бабушкиной слуги изъ крѣпостныхъ. По вечерамъ, для нашей забавы, бабушка призывала Жукова съ его китайскими тѣнями, а иногда, когда мы ложились спать,—сказочника, который рассказывалъ намъ о Бовѣ-королевичѣ, Соловьѣ-разбойникѣ, прекрасной царевнѣ Мелитрисѣ Кирбитьевнѣ и проч.

Однажды бабушка узнала, что я умѣю читать по-славянски, и очень этому обрадовалась: съ тѣхъ поръ она сдѣлала меня постояннымъ участникомъ своей утренней молитвы. Бывало призоветъ меня въ свою комнату, накуренную ладаномъ, въ углу которой на полкахъ стояло множество образовъ въ серебряныхъ и позолоченныхъ ризахъ, съ зажженными передъ каждымъ изъ нихъ свѣчами и лампадкой передъ среднимъ образомъ Спасителя—и заставитъ читать молитвы. Между тѣмъ, бабушка становилась на колѣни посреди комнаты и съ распростертыми руками молилась съ величайшимъ благоговѣнiемъ. Такой чистой, искренней молитвы мнѣ рѣдко случалось видѣть. Долго исполнялъ я мою обязанность очень усердно; но, въ одинъ день, отъ сильно накуреннаго ладона или отъ продолжительности бабушкиной молитвы, со мной сдѣлалось дурно, въ глазахъ потемнѣло, и я упалъ безъ чувствъ къ ногамъ молящейся. Столько же велико было отчаянiе бабушки въ этомъ случаѣ, сколько велика

радость, когда я очнулся на ея кровати, весь облитый о-де-ко-лономъ и холодной водой.

Грустное наступало время, когда являлись посланные за нами изъ дому дрожки или сани съ запряженнымъ въ нихъ Сѣркой; приходилось разставаться со всѣми прелестями свободной жизни у бабушки. Опять мы попадали подъ строгій надзоръ и принимались за ученье. Дома самое пріятное для насъ время было Рождество и Святая недѣля. Наканунѣ Рождества Христова насъ учили славить Христа, а въ самый день праздника приводили къ отцу въ залу, гдѣ передъ образомъ мы распѣвали наканунѣ заученное. По окончаніи молитвы, мы здоровались съ отцомъ и матушкою и получали нѣсколько серебряныхъ пятак-ковъ. Заручившись такимъ капиталомъ, мы считали себя Кре-зами и берегли наше богатство до лѣтней ярмарки, которая открывалась ко дню св. пр. Іліи (храмовой праздникъ завод-ской церкви), на которой и покупали всякихъ рѣдкостей.

II.

Посѣщеніе Березовскаго завода Императоромъ Александромъ I.—Екатеринбургъ въ 1820-хъ годахъ.—Первое знакомство съ минералами.—Прошеніе о приѣмѣ въ Горный корпусъ.—Разлука съ родителями.—Путешествіе съ золотымъ караваномъ.—Москва и Петербургъ.

Изъ происшествій этой эпохи произвелъ на меня глубокое впечатлѣніе приѣздъ Императора Александра I въ 1825 году. Отецъ мой вернулся однажды изъ города весьма озабоченный и сообщилъ матери, что Государь проѣздомъ черезъ Екатерин-бургъ посѣтитъ Березовскіе золотые промыслы; затѣмъ онъ призвалъ къ себѣ многихъ изъ своихъ подчиненныхъ и сдѣлалъ нѣкоторыя предварительныя распоряженія. Я помню, какъ все въ домѣ у насъ зашевелилось, заговорило... Мы, дѣти, также толковали по своему о Государѣ и очеь радовались, что увидимъ Русскаго Царя, о которомъ, впрочемъ, имѣли самое неопредѣленное понятіе.—«Вѣдь это, батюшка, земной Богъ!» говорила мнѣ няня.

Всѣ дни, до приѣзда государя, на заводѣ и окрестныхъ руд-никахъ происходила лихорадочная дѣятельность: вездѣ починали,

чистили, красили, словомъ, дѣлали все возможное, чтобы передъ владыкою Руси не ударить лицомъ въ грязь. Не мало было разговоровъ о томъ, гдѣ принять его величество, и, наконецъ, рѣшили одинъ изъ заводскихъ домовъ превратить во дворецъ. Отецъ очень хлопоталъ объ его устройствѣ, мебелировкѣ и проч., а бабушка по этому случаю вытащила изъ своихъ сундуковъ старинный саксонскій фарфоръ и серебро. Предполагалось, что Государь спустится въ рудники, и поэтому отецъ на одномъ изъ нихъ, вмѣсто обыкновенныхъ рудничныхъ «стремянокъ», устроилъ удобную лѣстницу.

Наконецъ, желанный день насталъ; отецъ и всѣ его подчиненные были въ полной парадной формѣ на своихъ мѣстахъ. Насъ, дѣтей, поставили въ шеренгу передъ домомъ бабушки, гдѣ Государь долженъ былъ проѣхать въ Пышминскій заводъ, расположенный въ семи верстахъ отъ Березовска. — «Государь ѣдетъ! Государь ѣдетъ!» раздавалось со всѣхъ сторонъ, и дружное «ура!» пронеслось по всему пути. Мы стояли съ замираніемъ сердца и при видѣ приближающихся экипажей сняли фуражки и низко поклонились. Велико было тогда мое удивленіе, когда я увидѣлъ Государя, сидящаго рядомъ въ коляскѣ съ какимъ-то генераломъ, не въ золотѣ и серебрѣ, какъ мы предполагали, а просто въ сѣрой военной шинели и фуражкѣ. Государь позавтракалъ въ приготовленномъ для него домѣ и, напившись чаю, уѣхалъ обратно въ Екатеринбургъ. Рассказамъ не было конца. Инструменты, которыми работалъ государь въ рудникѣ, были поставлены въ раму и сданы на храненіе въ заводскую контору. Всѣ находили Александра I очень красивымъ, и восхищались его благодушнымъ милостивымъ обращеніемъ, такъ что и мы, дѣти, по-своему, полюбили его, а когда получено было извѣстіе о смерти Государя въ Таганрогѣ и отецъ объявилъ объ этомъ несчастіи моей матери, то я залился горькими слезами.

Между тѣмъ, время шло и мнѣ минуло девять лѣтъ. А. П. Вейденбахъ часто бралъ меня съ собою на ближайшіе рудники; равно, какъ и другіе горные офицеры, подчиненные отцу, знакомили меня съ фабриками, заводами и рудниками. Минералы, приносимые отцу съ рудниковъ, начали обращать мое вниманіе; я скоро научился различать ихъ, и, видя какъ отецъ раскладываетъ у себя минералы на полкахъ, сталъ подражать

ему. Помню, какъ нѣкоторые изъ страстныхъ любителей минераловъ дѣлали набѣги на коллекціи отца. Въ особенности опустошались полки его кабинета одинъ изъ его друзей, Кованько, веселый старикъ, имѣвшій привычку называть «Эзопомъ» всякаго, съ кѣмъ онъ не женировался. Бывало пріѣдетъ Кованько къ отцу и тотчасъ идетъ въ кабинетъ, къ полкамъ съ камнями, говоря: «Ну, что у тебя есть, Эзопъ, хорошаго? подѣлись-ка со мною».

Въ это время я также нерѣдко бывалъ въ Екатеринбургѣ, гдѣ каменные зданія послѣ деревянныхъ домиковъ Березовскаго завода казались мнѣ дворцами. Тогда Екатеринбургъ былъ настоящимъ горнымъ городомъ; все лучшее общество состояло преимущественно изъ горныхъ офицеровъ и ихъ семействъ. Обыкновенно въ лѣтніе мѣсяцы городъ приходилъ въ особенное движеніе; это было именно въ то время, когда, выпущенные изъ Горнаго института молодые офицеры пріѣзжали изъ Петербурга для занятія должностей на заводахъ и рудникахъ Урала, Алтая и Нерчинскаго края. Вся эта молодежь обыкновенно останавливалась въ Екатеринбургѣ на нѣсколько дней и проводила время очень весело. Въ Екатеринбургѣ и на окрестныхъ заводахъ давались для нихъ балы, обѣды, вечера, домашніе спектакли, устраивались катанья и пр.

Въ концѣ 1828 или 1829 года, хорошенько не помню, отецъ заставилъ меня написать прошеніе на имя Государя Николая Павловича о принятіи меня въ Горный кадетскій корпусъ, такъ какъ всѣ горные офицеры, служившіе на Уралѣ и Алтаѣ, имѣли право опредѣлять на казенный счетъ своихъ дѣтей. Тутъ я увидѣлъ, что мнѣ придется скоро разстаться съ родными и свободою, и не на шутку повѣсилъ носъ, въ особенности, когда Александръ (лакей отца, изъ калмыковъ), бывавшій въ Петербургѣ, рассказывалъ мнѣ о строгихъ порядкахъ столичныхъ учебныхъ заведеній, прибавляя: «Вотъ, подождите, васъ тамъ вымуштруютъ!» Со страхомъ ожидалъ я дня, въ который отправятъ меня въ Петербургъ.

Въ началѣ февраля 1830 года, отецъ, возвратившись изъ города, сообщилъ матушкѣ и всѣмъ нашимъ, что пришла изъ Петербурга бумага съ требованіемъ доставить меня немедленно въ Горный кадетскій корпусъ, и приказалъ мнѣ готовиться въ

дальній путь. Я горько заплакалъ. Мать и бабушка начали хлопотать о снаряженіи меня въ дорогу.

Наконецъ, день отъѣзда насталъ. 11-го февраля 1830 года отецъ приготовился отвезти меня въ Екатеринбургъ, чтобы оттуда препроводить съ золотымъ караваномъ въ Петербургъ. Всѣ родные были въ сборѣ, матушка плакала. Прощаясь со мною, она благословила меня образомъ и дала короткое наставленіе, которое глубоко запало въ мое сердце, и я всю жизнь помнилъ его. Она сказала мнѣ: «Ну вотъ, Николинъка, мы съ тобой расстаемся и Богъ знаетъ, когда опять увидимся. Пиши къ намъ, старикамъ. Теперь ты будешь жить съ чужими людьми. Если кто-нибудь тебѣ сдѣлаетъ добро, будь благодаренъ и не забывай его. Помни, что только люди подлые остаются неблагодарными!» Бабушка тоже благословила меня образомъ и со слезами на глазахъ простилась со мною. Между тѣмъ, повозка стояла у подъѣзда, и колокольчикъ при каждомъ движеніи лошадей издавалъ звуки, казавшіеся мнѣ унылыми. «Ну, Николай, пора намъ ѣхать!» сказалъ отецъ. Всѣ помолились Богу, и тройка бодрыхъ коней понесла насъ по зимнему пути въ Екатеринбургъ. Черезъ часъ мы были уже въ городѣ.

Начальникомъ каравана былъ горный офицеръ, П. И. Порозовъ, которому отецъ и поручилъ меня. Кромѣ того, на его попеченіи были и другіе юноши, мои сверстники, также посылаемые въ Горный кадетскій корпусъ. Между ними, сколько я помню, были: А. Г. Бояршиновъ, Риттеръ, Ивановъ, Казанцевъ, Мондидье ¹⁾. Къ 11-ти часамъ вечера, на мѣсто,

---

¹⁾ Всѣ они пошли обычной дорогой, кромѣ Риттера, который еще въ корпусѣ отличался разными причудами. По окончаніи курса, онъ сталъ служить по лѣсной части. выхлопоталъ себѣ послыку за границу на казенный счетъ съ цѣлью изученія лѣснаго хозяйства, и вскорѣ пропалъ безъ вѣсти. Наконецъ, черезъ 25 лѣтъ, во время осады Севастополя, онъ явился къ К. В. Чевкину, съ заявленіемъ, что его ваяла тоска по родинѣ, что онъ пришелъ съ повинной головой, а русскій языкъ не забылъ. Оказалось, что онъ отправился въ Америку матросомъ безъ копѣйки денегъ, одно время торговалъ золотомъ въ Калифорніи и пр. Доложили объ его возвращеніи Государю Николаю Павловичу, но, какъ видно, не въ добрый часъ, потому что вышелъ приказъ опредѣлить Риттера, уже пожилато человѣка, рядовымъ въ Свеаборгъ. Во время осады Свеаборга было убито всего три человѣка и въ томъ числѣ Риттеръ.

откуда отправился караванъ, собралось много горныхъ офицеровъ, чтобы проводить товарища, высказано было много добрыхъ пожеланій и выпито не мало шампанскаго. Караванъ состоялъ изъ довольно значительнаго числа повозокъ, нагруженныхъ ящиками съ золотомъ, при которыхъ находились вооруженные солдаты съ военнымъ офицеромъ. П. И. Порозовъ принялъ меня подъ свое особенное покровительство, посадилъ съ собою въ повозку и всю дорогу заботился обо мнѣ, какъ о родномъ сытѣ.

На каждой станціи Порозовъ обходилъ всѣ повозки и тщательно осматривалъ ихъ. Въ то время о желѣзныхъ дорогахъ не было и помину; даже между Москвой и Петербургомъ не существовало шоссе. Поэтому мы ѣхали чуть-ли не болѣе мѣсяца. Когда мы добрались до Москвы; сытѣ уже значительно стоялъ; но мы продолжали ѣхать на полозьяхъ. День былъ теплый и солнце во всей красѣ. Когда я увидѣлъ множество скученныхъ церквей, Кремль, колокольню Ивана Великаго, я ахнулъ отъ удивленія. Въ Москвѣ мы оставались недолго, кажется, только сутки, такъ какъ Порозовъ боялся лишиться саннаго пути. Однако мы проѣхали нѣсколько разъ по московскимъ улицамъ, любовались видомъ съ колокольни Ивана Великаго, были въ соборахъ и приложились къ св. мощамъ. Намъ, дѣтямъ, особенно понравились кондитерскія Москвы, такъ какъ мы ничего подобнаго не видали въ Березовскомъ заводѣ и Екатеринбургѣ.

Но вотъ мы, наконецъ, подѣхали къ Петербургу. Въѣздъ черезъ заставу произвелъ на меня менѣе пріятное впечатлѣніе, чѣмъ Москва, и мнѣ сдѣлалось грустно. Мы остановились на Ямской, въ очень плохой гостинницѣ, которая показалась мнѣ тюрьмой, когда Порозовъ уѣхалъ по дѣламъ и мы остались одни. На другой или на третій день Порозовъ отвезъ меня къ дядѣ Д. К. Кокшарову (брату моего отца), который жилъ тогда съ женой и дочерью въ 8-й ротѣ Измайловскаго полка, въ собственномъ деревянномъ домѣ съ прекраснымъ садомъ. Дядя и семья его приняли меня ласково, и ихъ нероскошная, но изящно меблированная квартира, послѣ комнаты гостинницы на Ямской, показалась мнѣ раемъ. Недолго блаженствовалъ я въ этомъ раю; нѣсколько дней спустя меня потребовали въ корпусъ. Не могу сказать въ точности, кто отвезъ меня въ заве-

деніе; припоминаю только, что на саяхъ, по стаявшему свѣгу, и подъ сѣренькимъ небомъ, приблизился я со страхомъ и трепетомъ къ зданію, съ величественнымъ фасадомъ, напоминающимъ фасады древнихъ греческихъ храмовъ, съ двуглавымъ орломъ на фронтоѣ и роскошною лѣстницею, по бокамъ которой возвышались огромныя статуи ¹⁾.

III.

Поступленіе въ Горный корпусъ.—Порядки Горнаго корпуса.—Вліаніе директора Е. В. Карізева на общій характеръ Горнаго корпуса.—Преподаватели.—Театральныя представленія и другія увеселенія.

Въ Горномъ корпусѣ засталъ я моихъ товарищѣй по путешествію: Бояршинова, Риттера и др. Насъ представили сперва Г. Б. Остермейеру (маркшейдеру корпуса), а затѣмъ командиру корпуса Е. П. Ковалевскому, должность котораго равнялась помощнику директора ²⁾, и подвергли вступительному экзамену. Но такъ какъ я оказался очень слабымъ въ иностранныхъ языкахъ и въ русской грамматикѣ. а въ ариметикѣ не

¹⁾ Горный кадетскій корпусъ (нынѣшній Горный институтъ) имѣлъ въ тѣ времена ту же наружность, что и теперь, и получилъ ее, какъ извѣстно, въ началѣ нынѣшняго столѣтія. 19-го января 1804 года, Императору Александру I угодно было переименовать бывшее Горное училище въ Горный кадетскій корпусъ и дать ему новый уставъ; въ то же время, по ходатайству тогдашняго министра финансовъ, графа Васильева, высочайше разрѣшено было приступить къ капитальной перестройкѣ зданія. Первоначальное Горное училище представляло некрасивый видъ, такъ какъ состояло изъ нѣсколькихъ домовъ, приобрѣтенихъ въ разное время и не соединенныхъ въ одно стройное цѣлое. Означенная перестройка (стоившая 293,800 р.) произведена была знаменитымъ архитекторомъ Воронихинимъ (построившимъ Казанскій соборъ), и всѣ работы, начатыя въ 1806 г., были окончены въ 1810 г. Тогда же была выстроена и церковь корпуса во имя Александра Невскаго и св. Макарія египетскаго, память котораго празднуется 19 февраля, т. е. въ день утвержденія устава заведенія.

²⁾ Я почти не былъ очевидцемъ службы Е. П. Ковалевскаго въ корпусѣ, потому что въ 1830 г. (т. е. въ томъ самомъ году, когда я поступилъ въ корпусъ), онъ оставилъ заведеніе, получивъ мѣсто томскаго гражданскаго губернатора и главнаго начальника алтайскихъ заводовъ. Затѣмъ Е. П. Ковалевскій былъ директоромъ горнаго департамента, сенаторомъ, президентомъ Вольнаго экономическаго общества и, наконецъ, министромъ народнаго просвѣщенія.

Н. И. К.

шелъ далѣе дробей, то положено было помѣстить меня въ приготовительный классъ. Въ корпусѣ, кромѣ приготовительнаго, было еще восемь классовъ: три нижнихъ, три среднихъ и два верхнихъ, изъ которыхъ второй верхній классъ назывался «унтеръ-офицерскимъ» или «выпускнымъ», и находившіеся въ немъ кадеты носили мундиръ и куртки съ галунами на воротникахъ.

Порядокъ въ корпусѣ былъ въ то время примѣрный, дисциплина самая строгая. Въ шестомъ часу утра дневальный солдатъ проходилъ по комнатамъ съ колокольчикомъ и звонилъ; по этому звонку всѣ немедленно вставали и спѣшили въ умывальню и, возвратясь оттуда, выстраивались въ дортуарахъ на смотръ, причѣмъ одинъ изъ кадетъ читалъ молитву. Дежурный офицеръ осматривалъ у насъ руки, одежду и прическу, такъ какъ строго наблюдалось, чтобы при умываніи головы были смочены водою. Потомъ, всѣ три отдѣленія корпуса ¹⁾, вели строемъ, подъ командой дежурныхъ офицеровъ, въ столовую залу, гдѣ, послѣ молитвы, давали намъ по стакану сбитня и по половинѣ большой булки (въ родѣ сайки).

Изъ столовой проходили мы также строемъ въ классный корридоръ, гдѣ и размѣщались по классамъ. Ученье продолжалось съ 7-ми до 11-ти часовъ утра и съ 2-хъ до 6-ти час. вечера, кромѣ среды и субботы, такъ какъ въ эти дни вечерніе часы заняты были танцклассомъ и уроками музыки. Утромъ и вечеромъ полагалось по двѣ лекціи и каждая изъ нихъ продолжалась по два часа. Обыкновенно учителя посвящали только одинъ часъ на преподаваніе науки; а другой—они употребляли на спрашиваніе заданнаго урока. Высшимъ балломъ считалось 4, и только въ рѣдкихъ случаяхъ, когда отвѣтъ учащагося выходилъ изъ ряда обычныхъ отвѣтовъ, учитель ставилъ 4². Въ двѣнадцать часовъ намъ подавали хорошій сытный обѣдъ, состоявшій изъ трехъ блюдъ. Дежурные офицеры и гувернеры обѣдали въ той же залѣ за особымъ столомъ.

Каждый день, по окончаніи классовъ, въ инспекторской кан-

---

¹⁾ Горный корпусъ былъ раздѣленъ тогда, по возрастамъ, на три отдѣленія: малолѣтнее, или такъ называемое «маленькое» отдѣленіе, среднее и старшее или «большое». Два младшихъ отдѣленія помѣщались въ нижнемъ этажѣ, а старшее—въ верхнемъ этажѣ, рядомъ съ конференцъ-залой, музеемъ и квартирой директора.

целярія, классные списки просматривались; изъ нихъ дѣлалась выписка всѣхъ кадетъ, получившихъ 0 или 1, для наложенія на нихъ соотвѣтствующаго наказанія. По числу неудовлетворительныхъ балловъ соразмѣрялось и самое наказаніе: оставляли безъ пирога, безъ обѣда, безъ отпуска домой въ субботу, сажали въ карцеръ, наряжали въ дурацкій колпакъ и выставляли въ этомъ видѣ посреди столовой залы, во время обѣда. Въ крайнихъ случаяхъ сѣкли розгами, что, къ счастью, случалось рѣдко; я, напримѣръ, избѣжалъ этого наказанія. Оставленные безъ обѣда ставились обыкновенно въ углу столовой, у окна, гдѣ они стояли, закрывъ себѣ лицо одною рукою. Не знаю, почему-то наказаніе это называлось «ставить къ столбу» (вѣроятно на этомъ мѣстѣ когда-нибудь стоялъ столбъ); кадеты говорили: «сегодня такой-то у столба»,—это значило остался безъ обѣда.

Промежуточное время, между обѣдомъ и классами, назначено было для прогулокъ, ученія маршировки, фехтованія и пр. По выходѣ изъ вечернихъ классовъ, давалось около часа отдыха; тѣ счастливыя, которые имѣли деньги, спѣшили въ умывальню, гдѣ ихъ ожидалъ сбитеньщикъ Силавтычъ, который обыкновенно бралъ съ кадетъ деньги впередъ за недѣлю и, отпуская имъ свой товаръ, записывалъ въ особую книжку. Достаточно было 20 коп., чтобы получать отъ него ежедневно въ теченіе недѣли стаканъ сбитню и булку. Въ семь часовъ всѣ садились за приготовленіе уроковъ къ слѣдующему дню; въ девять звонокъ созывалъ къ ужину, а въ десять мы ложились спать. Каждый, раздѣваясь, долженъ былъ тщательно сложить свое платье на табуретъ передъ своей кроватью и тутъ же поставить сапоги. Если какая нибудь часть одежды или сапоги требовали починки, то ихъ клали на большой табуретъ, стоявшій посреди комнаты, и на слѣдующее утро вещи являлись въ исправленномъ видѣ. Вообще хозяйство корпуса было прекрасно организовано: имѣлся свой портной, свой сапожникъ, столяры, слесаря, квасники и проч.

Директора и командира мы видѣли рѣдко, но находились въ самомъ тѣсномъ соприкосновеніи съ макшейдеромъ корпуса (завѣдующимъ воспитательной частью), Г. Б. Остермейеромъ, который былъ грозою корпуса и имѣлъ огромное вліяніе на все управленіе. Онъ былъ высокаго роста, съ лысиной на головѣ,

которую прикрывалъ длинными волосами, съ серьезнымъ, нѣсколько рябоватымъ, лицомъ и умными провицательными глазами. Кадеты его глубоко уважали, но и страшно боялись; большою бѣдою считалось, по выраженію кадетъ: «попасть на замѣчаніе Остермейеру». Квартира его помѣщалась рядомъ съ рекреационною залою, и когда мы проходили по ней строемъ въ столовую, въ классы или въ дортуаръ, то разговаривали довольно громко, но едва отворялась дверь и показывалась изъ нея фигура Остермейера, — все смолкало и слышались только шаги марширующаго юношества. Между тѣмъ, Остермейеръ не пропускалъ безъ вниманія ни одного изъ проходившихъ мимо кадетъ. Глядя на нѣкоторыхъ, онъ покачивалъ головою; это служило дурнымъ знакомъ и предвѣщало худой исходъ въ субботу, когда приходилось получать отъ Остермейера отпускной билетъ къ родственникамъ.

Отпускъ производился въ рекреационной залѣ въ субботу, послѣ танцевальнаго класса. У каждаго изъ насъ въ эти минуты сильно билось сердце отъ неизвѣстности: какъ-то посмотреть на тебя Остермейеръ! Но вотъ дверь отворялась, Остермейеръ въ мундирѣ, при орденахъ, являлся въ залу, склонивъ немного на бокъ голову, и, сѣвъ въ кресло, передъ столомъ, на которомъ лежали бланки отпускныхъ билетовъ и марки для врученія швейцару при выходѣ, онъ давалъ знакъ рукой и вся шеренга направлялась къ столу за рѣшеніемъ своей участи. Нѣкоторыхъ Остермейеръ хвалилъ за успѣхи и хорошее поведеніе, инымъ дѣлалъ замѣчанія, а другимъ, не говоря ни слова, показывалъ перомъ, чтобы они отошли отъ стола; — это значило, что они лишаются отпуска. Бывало ктонибудь осмѣлится сказать: «да за что же это, Григорій Богдановичъ»? Послѣ долгаго провицательнаго взгляда обыкновенно слѣдовалъ отвѣтъ: «Сами знаете, за что»!.. Вообще Остермейеръ хорошо зналъ каждаго кадета и ничто не ускользало отъ его вниманія. Выговоры его бывали, какъ вѣрно пишетъ А. В. Ивановъ, весьма чувствительны; начнетъ бывало дѣлать распекацію своимъ спокойнымъ, ровнымъ тономъ, стоишь, переминаешься съ ноги на ногу, слушаешь, слушаешь и конца не видишь головомайкѣ. Кажется, никакихъ бранныхъ словъ тутъ нѣтъ и гнѣва не замѣтно, а за душу такъ и тянетъ. Внезапное появленіе Остермейера въ дор-

туарахъ наводило на насъ какой-то безотчетный страхъ. Довольно было кому нибудь изъ кадетъ вскрикнуть: «Остермейеръ идетъ!» и точно морозъ по кожѣ подираетъ, хотя и чувствуешь себя во всемъ исправнымъ. Не меньше кадетъ боялись Остермейера начальники трехъ отдѣленій корпуса и совершенно ступевывались передъ нимъ ¹⁾).

Хотя директора нашего, Е. В. Каряѣва, мы видѣли довольно рѣдко, но при своемъ широкомъ образованіи, онъ имѣлъ громадное вліяніе на все устройство заведенія. Ревнуя объ усовершенствованіи горной части въ Россіи, онъ учредилъ Горно-ученый комитетъ и положилъ начало изданію «Горнаго журнала», а въ управляемый имъ Горный корпусъ старался привлечь преподавателей, считавшихся тогда первыми авторитетами въ наукахъ. Но кромѣ попеченія объ учебной части, онъ старался вселить въ питомцахъ своихъ вкусъ къ изящнымъ искусствамъ и дать имъ воспитаніе хорошаго тона. При немъ процвѣтали не однѣ науки, но и музыка, пѣніе, рисованье, театръ, фехтованье, танцы и проч. Неудивительно, что при этихъ условіяхъ Горный корпусъ, въ разныя времена, далъ Россіи людей, отличившихся на разныхъ поприщахъ общественной дѣятельности ²⁾).

¹⁾ Рассказываютъ слѣдующій случай, который показываетъ въ какой степени Остермейеръ имѣлъ нравственное вліяніе на воспитанниковъ Горнаго корпуса. Въ одинъ прекрасный вечеръ въ Барнаулѣ (Томской губ.) собралось нѣсколько горныхъ офицеровъ къ своему товарищу-однокашнику. Поговорили, потолковали, потомъ сѣли за ломберные столы и принялись играть въ вистъ. Игра уже нѣсколько часовъ продолжалась въ совершенной тишинѣ, при глубокомысленномъ обдумываніи и соображеніи ходовъ, какъ вдругъ одинъ офицеръ вбѣжалъ въ комнату и закричалъ: «Остермейеръ идетъ!» И вмѣстѣ всѣ игроки спрятали карты. Итакъ, одно имя его поразило паническимъ страхомъ офицеровъ, давно вышедшихъ изъ корпуса и находившихся слишкомъ за 4,000 верстъ отъ Петербурга. (См. «Воспоминанія бывшихъ питомцевъ Горнаго института, изданныя ко дню 100-лѣтняго юбилея института». Сиб., 1878, IV. «Воспоминанія о Горномъ корпусѣ 1815—1822 гг.» А. Иванова, стр. 117).

²⁾ Къ воспитанникамъ Горнаго корпуса принадлежатъ, напримѣръ: енископъ Дмитровский Леонидъ, (въ корпусѣ—Краснопѣвковъ), бывшій министръ народнаго просвѣщенія Е. П. Ковалевскій, храбрые воины Слѣпцовъ и Слатянскій, такіе артисты, какъ: В. А. Каратыгинъ, В. В. Самойловъ, И. П. Борецкій (Пустошкинъ), И. В. Орловъ (Капшловъ), поэты: Бальдауфъ и А. Н. Таскинъ, живописецъ Дороговъ, многіе ученые и пр. Известный баснописецъ И. И. Хемницеръ принадлежитъ Горному корпусу не по воспитанію, но по своей дѣятельности: онъ былъ членомъ Ученаго

Наружность Карнѣева была очень симпатичная, несмотря на то, что онъ уже былъ въ преклонныхъ лѣтахъ и голова его немного покачивалась; во взглядѣ его было много пріятнаго и добродушнаго, а въ разговорѣ привѣтливаго и кроткаго. По воскресеньямъ и другимъ праздникамъ онъ бралъ къ себѣ двухъ лучшихъ воспитанниковъ на цѣлый день, что считалось между кадетами большой честью. Когда Императоръ Николай Павловичъ узналъ объ этомъ, то поручилъ гр. Е. Ф. Канкрину благодарить Карнѣева и назначилъ ему 2,000 руб. асс. особыхъ столовыхъ денегъ.

Будничная жизнь наша въ корпусѣ была однообразная и весьма правильная; одинъ день проходилъ какъ другой. Дежурнымъ по корпусу былъ обыкновенно одинъ изъ начальниковъ отдѣленій; въ старшемъ и среднемъ отдѣленіяхъ дежурили офицеры, а въ малолѣтнемъ гувернеры: одинъ день французы, а другой день нѣмцы;—они говорили съ нами на своихъ родныхъ языкахъ, которыхъ большая часть кадетъ едва понимала. Почти всѣ преподаватели Горнаго корпуса были люди хорошо воспитанные и основательно знавшіе свой предметъ; они занимались съ нами весьма серьезно и многому научили. До сихъ поръ, я съ благодарностью вспоминаю о нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напримѣръ: Анкудовичѣ, Шелейховскомъ, Аристовѣ, преподававшихъ математику, а также объ учителѣ русскаго языка, К. Д. Сальморанѣ (тогда помощникѣ инспектора) и, въ особенности объ Я. Г. Зембницкомъ, проф. спб—скаго университета, который читалъ у насъ зоологію и ботанику. Это былъ одинъ изъ любимѣйшихъ нашихъ преподавателей; мы не иначе называли его, какъ «папенька»; онъ былъ большой добрякъ и никогда не ставилъ намъ неудовлетворительныхъ балловъ.

Во время праздниковъ Рождества Христова, а иногда и на масляницѣ, у насъ бывалъ театръ, (на которомъ играли кадеты, и весьма недурно), и, кромѣ того, балъ-маскарадъ, на который съѣзжалось очень много публики. Костюмы отпущались изъ гардероба Императорскихъ театровъ, а представленія давались

комитета Горнаго корпуса, какъ знатокъ горнаго дѣла и переводчикъ сочиненій по металлургіи и минералогіи; онъ служилъ при Горномъ корпусѣ дежурнымъ офицеромъ и нѣмѣл горный чинъ сперва маркшейдера, а потомъ оберъ-берг-мейстера.

Н. И. К.

въ особо устроенномъ театрѣ (надъ конференцъ-залой), со всѣми необходимыми къ нему принадлежностями.

Театръ мы очень любили, и эта страсть господствовала въ Горномъ корпусѣ издавна; но такого рода увеселенія нисколько не отвлекали кадетъ отъ научныхъ занятій, потому что все происходило безъ ихъ участія и во время праздниковъ. Обо всемъ заботилось и все устраивало наше начальство, такъ что, по окончаніи праздниковъ, объ этихъ увеселеніяхъ не было и помину; все приходило въ нормальное состояніе и учебная машина снова начинала дѣйствовать спокойно и правильно. Вообще эти увеселенія нисколько не походили на нынѣшніе балы и концерты студентовъ различныхъ учебныхъ заведеній, которые устраиваются самими учащимися «въ пользу недостаточныхъ товарищей». Поэтому, неудивительно, что теперь у нашей молодежи на устройство такихъ вечеровъ, разъѣзды для продажи билетовъ, приглашенія артистовъ и пр., тратится много драгоценнаго времени, въ ущербъ научнымъ занятіямъ.

IV

Годичные и публичные экзамены.—Каникулы.—Слухи о преобразованіи Горнаго корпуса.—Пріѣздъ императора Николая Павловича.—Преобразование Горнаго корпуса.

Годичные экзамены начинались у насъ 1-го мая и кончались 1-го іюня. Не безъ страха приближались мы къ этому грозному для насъ времени и съ наступленіемъ великаго поста, — когда, по случаю говѣнія, на первой и послѣдней недѣлѣ не было классовъ,—мы прилежно повторяли пройденную во время курса математику. Экзаменъ изъ математики считался труднѣйшимъ изъ всѣхъ экзаменовъ, а поэтому мы употребляли на него много времени.

Самые экзамены производились проще, нежели теперь: для cadaго предмета назначался одинъ или два экзаменатора изъ учителей высшихъ классовъ, такъ что приходилось экзаменовать воспитанниковъ тому преподавателю, который принималъ ихъ къ себѣ изъ низшаго класса. Результаты экзаменовъ объявлялись на публичномъ актѣ, происходившемъ въ первыхъ числахъ іюня.

Актъ совершался особенно торжественнымъ образомъ и обыкновенно начинался маршемъ. Двери, смежнаго съ конференцъ-залой, старшаго отдѣленія отворялись и Остермейеръ, выходя изъ нихъ, командовалъ громкимъ голосомъ: «Тихимъ шагомъ, маршъ!» Кадеты, въ полной парадной формѣ, съ киверами на головахъ, подъ звуки оркестра входили по этой командѣ въ конференцъ-залу попарно и, дойдя до перваго ряда кресель, занятыхъ министромъ финансовъ, директоромъ и другими знатными особами, расходились направо и налево и выстраивались въ двѣ колонны, между которыми оставался промежутокъ для прохода награждаемыхъ кадетъ. Актъ начинался чтеніемъ отчета о состояніи учебной части корпуса; потомъ слѣдовала раздача наградъ: золотыхъ и серебряныхъ медалей для двухъ высшихъ классовъ, а для прочихъ—книгъ (за успѣхи въ наукахъ), эстамповъ и красокъ (за рисованіе), прописей (за каллиграфію), нотъ (за музыку и пѣніе), рапиръ и эскадроновъ съ вызолоченными эфесами (за фехтованіе). Медали, рапиры и эскадроны раздавались министромъ финансовъ, а книги и другія награды — директоромъ. Каждый вызванный для полученія награды, по выходѣ изъ строя, снималъ киверъ и, подойдя къ первому ряду кресель, почтительно кланялся министру, а потомъ присутствующимъ. При врученіи награды оркестръ игралъ тушь, гремѣли трубы и литавры, такъ что вся эта церемонія оставляла на нѣкоторыхъ глубокое впечатлѣніе.

Затѣмъ начинался такъ называемый публичный экзамень: изъ закона Божія, горнаго искусства, металлургіи, минералогіи, физики и химіи. Это, собственно говоря, былъ не настоящій экзамень, а только отраженіе лучшей его стороны, чтобы показать публикѣ методъ преподаванія наукъ въ заведеніи и способности учащихся. При отвѣтахъ изъ химіи и физики производились наиболѣе эффектные опыты и выбирались лучшіе по успѣхамъ кадеты. По окончаніи экзамена слѣдовали благодарственные рѣчи нѣкоторыхъ изъ выпускаемыхъ воспитанниковъ на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, иногда даже на латинскомъ языкахъ, потомъ пѣніе съ аккомпаниментомъ оркестра, фехтованіе и, наконецъ, танцы. Кадеты, выставленные для танцевъ, были одѣты въ мундиръ, съ бѣлыми короткими панталонами, въ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ. Танцевали минуэтъ,

нѣкоторые изъ характерныхъ танцевъ и французскую кадрили; въ одной изъ паръ кадрили принималъ и я участіе.

Этотъ публичный экзаменъ или, вѣрнѣе, актъ заканчивался обозрѣніемъ картинъ, чертежей и каллиграфій кадетъ, музея и примѣрнаго рудника, который въ этотъ день освѣщался лампами и восковыми свѣчами и въ которомъ кадеты высшихъ классовъ, въ костюмахъ саксонскихъ рудокоповъ, съ горными орудіями въ рукахъ и фонаремъ за поясомъ, ожидали гостей.

Съ окончаніемъ публичнаго экзамена прекращались всѣ занятія. Каникулярное время въ низшихъ классахъ я проводилъ у моего дяди, Д. К. Кокшарова, въ его домѣ на 8-й ротѣ Измайловскаго полка, гдѣ меня ожидалъ всегда самый ласковый пріемъ. По воскресеньямъ, тетушка Наталья Андреевна съ дочерью брали меня съ собою въ церковь, которая находилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома дяди. Церковь была маленькая, деревянная, въ недалекомъ разстояніи отъ того мѣста, гдѣ теперь стоитъ великолѣпный храмъ св. Троицы, только что начатый въ то время, по плану знаменитаго тогдашняго архитектора В. П. Стасова. Въ хорошую погоду дядя бралъ коляску для прогулокъ по островамъ и другимъ окрестностямъ Петербурга, а 1-го іюля (день тезоименитства Императрицы Александры Ѳеодоровны), онъ нанималъ карету въ Петергофъ, гдѣ въ этотъ день была блистательнѣйшая иллюминація, и платилъ за такую поѣздку 100 р. ассигн.

Изъ знакомыхъ семействъ, я всего охотнѣе бывалъ въ трехъ домахъ: Д. Д. Пономарева, съ семьей котораго я еще познакомился въ Екатеринбургѣ, затѣмъ Н. А. Шахова (оберъ-секретаря Сената) и архитектора В. П. Стасова, въ то время уже овдовѣвшаго, который жилъ съ двумя дочерьми Софьей и Надеждой Васильевной и четырьмя сыновьями ¹⁾. Не мало отрадныхъ дней провелъ я въ кругу этихъ трехъ семействъ, о которыхъ сохранится въ душѣ благодарное воспоминаніе до конца моей жизни. Въ послѣдніе годы пребыванія моего въ институтѣ также не рѣдко посѣщалъ я домъ г. Фейгина, бывшаго откупщика, который жилъ роскошно, давалъ балы и кон-

¹⁾ Моя тетка Ольга Константиновна Николаева (родная сестра отца) была воспитательницей обѣихъ дочерей В. П. Стасова. Н. И. К.

перты. Посѣщенія эти особенно памяты для меня, потому что въ домѣ г. Фейгина познакомился я съ вдовой д-ра Грюнберга и ея двумя дочерьми: Юліей и Изабеллой Львовной, съ которыми остался съ тѣхъ поръ въ наилучшихъ дружескихъ отношеніяхъ. Старшая, Юлія, тогда дѣвочка лѣтъ 12-ти, представляла собою феноменъ какъ піанистка; въ это время она дала уже публичный концертъ въ залѣ гр. Разумовской и привела въ восторгъ слушателей своей замѣчательной игрой. Впослѣдствіи и младшая Грюнбергъ проявила не меньшій талантъ, какъ пѣвица (несомнѣнно первая въ петербургскомъ обществѣ); она часто пѣла у в. к. Елены Павловны, въ домѣ гр. Д. Н. Блудова и др. ¹⁾.

Но вотъ для насъ кадетъ, гулявшихъ на привольѣ цѣлыхъ полтора мѣсяца, наступало тяжелое время: приближался роковой день 15-го августа — конецъ каникулъ. Съ какою грустью въ сердцѣ шелъ я въ этотъ день обратно въ корпусъ, сопровождаемый однимъ изъ дворовыхъ людей дяди, подъ унылые звуки пастуха, гонящаго коровъ на ночлегъ. Я готовъ былъ плакать, заслыша эту музыку.

Возвратившись въ корпусъ, мы являлись дежурнымъ офицерамъ и, послѣ вечерней молитвы, ложились спать. На другой день былъ докторскій смотръ, молебень и начало классовъ; вся машина снова начинала дѣйствовать съ такою же правильно-стью, какъ и въ предъидущемъ году.

Въ промежутокъ времени между 1830 и 1834 гг. у насъ произошли нѣкоторыя перемѣны. Директоръ Карнѣевъ оставилъ корпусъ; его замѣнилъ Николай Алексѣевичъ Шленевъ (занимавшій мѣсто командира послѣ Е. П. Ковалевскаго); при этомъ Горный корпусъ переименованъ въ «Горный институтъ» и намъ дали форму покроя университетскихъ студентовъ и лицейстовъ, а именно, темно-синій мундиръ и треугольную шляпу. Но въ томъ-же 1833 году уже стали носиться слухи о новыхъ перемѣнахъ и преобразованіи Горнаго института въ заведеніе подобное военно-учебнымъ заведеніямъ, подъ новымъ именемъ «Института корпуса горныхъ инженеровъ». Слухи эти намъ

¹⁾ Въ настоящее время осталась въ живыхъ только старшая Грюнбергъ, Юлія Львовна, вышедшая замужъ за сенатора А. Ѳ. Тюрина. Н. И. Е.

нравились; въ особенности было пріятно то, что пребываніе въ званіи кадета сократится на два года и что при переходѣ въ офицерскіе классы мы будемъ носить эполеты.

Императоръ Николай Павловичъ посѣщалъ ежегодно только военно-учебныя заведенія, а поэтому мы не привыкли видѣть его въ стѣнахъ нашего заведенія, гдѣ онъ съ восшествія на престолъ былъ, кажется, всего одинъ разъ. Велико было наше удивленіе, почти испугъ, какъ въ одинъ прекрасный день (кажется, въ концѣ 1833 г.), когда мы спокойно сидѣли въ классахъ за обычными занятіями, въ корридорѣ раздалась вѣсть: «Государь пріѣхалъ!» Все всполошилось; обѣ половинки дверей каждаго класса были отворены настежь; дежурный офицеръ засуетился, приготовляясь рапортовать; всѣ служители вытянулись въ струнку; у насъ, кадетъ, сильно забилося сердце. Пріѣздъ Государя былъ совершенно неожиданный. Но вотъ уже слышны шаги Государя—начался обходъ классовъ. Наконецъ, и въ тотъ классъ, въ которомъ я находился, вошелъ Государь и, окинувъ насъ своимъ орлинымъ взглядомъ, громко сказалъ: «Здравствуйте, господа!» Мы отвѣчали: «Здравія желаемъ, в. и. величество!»

Остермейеръ слѣдовалъ за Государемъ, блѣдный какъ смерть; вскорѣ явился и директоръ Н. А. Шленевъ. На его поклонъ Государь отвѣтилъ довольно холодно, затѣмъ, бросивъ взглядъ на кадетъ, сидѣвшихъ на задней скамейкѣ, онъ обратился къ одному изъ нихъ: «Пойди-ка ты сюда, молодецъ!» Этотъ, со страхомъ и трепетомъ, поспѣшилъ предстать передъ Государемъ, который приказалъ ему раздѣться. Кадетъ снялъ куртку и ожидалъ послѣдующихъ приказаній. — «Снимай панталоны!» Кадетъ повиновался. — «Сними бѣлье, чулки!».. Когда это было исполнено, Государь приказалъ ему поднять ногу, и, взявъ ее въ свои руки, внимательно осмотрѣлъ пальцы. Оказалось все въ порядкѣ и большей опрятности нельзя было требовать; но Государь, какъ будто съ намѣреніемъ, искалъ какойнибудь неисправности и дѣйствительно нашелъ ее: на нижнемъ бѣльѣ было небольшое мѣсто распоровшагося шва. Тогда онъ обратился къ директору и сказалъ довольно строгимъ голосомъ: «Шленевъ, это что такое?»—«Виноватъ, ваше величество!» отвѣчалъ директоръ, низко кланяясь. Государь вышелъ изъ класса съ недовольнымъ видомъ; затѣмъ обошелъ оба этажа и, хотя

все было въ порядкѣ, однако же онъ оставилъ заведеніе, не поблагодаривъ начальство.

Тутъ всѣ повѣсили носы; только и слышалось: «Его величество остался недоволенъ!»... Очевидно, Государь хотѣлъ показать, что ему не нравится штатскій строй заведенія и что онъ желалъ бы видѣть его поставленнымъ на военную ногу. Послѣ этого слухи о преобразованіи Горнаго института въ военное заведеніе стали усиливаться. И, въ самомъ дѣлѣ, намъ не долго пришлось ждать этого переворота.

17-го февраля 1834 г. пріѣхалъ къ намъ Императоръ Николай Павловичъ, въ сопровожденіи начальника вновь учрежденнаго штаба Корпуса горныхъ инженеровъ, Константина Владиміровича Чевкина; лично распредѣлилъ насъ по ротамъ и назначилъ унтеръ-офицеровъ и фельдфебелей. Хотя процедура эта совершилась очень быстро, однако же государь принужденъ былъ остаться посреди насъ болѣе часа. Мы всѣ были выстроены въ рекреационной залѣ по раджиру. Государь, освѣдомившись объ общемъ числѣ кадетъ, самъ раздѣлилъ насъ на три части: а) офицерское отдѣленіе, б) кондукторскую роту и с) резервную роту. Затѣмъ государь, отдавъ нѣсколько приказаній Чевкину, простился съ нами и уѣхалъ, повидимому, очень довольный.

Н. И. Кокшаровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДНЕВНИКЪ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА ВИКИТЕНКО

1850 г. ¹).

Февраль 6. Сегодня министр народнаго просвѣщенія, князь Ширинскій-Шихматовъ, утвердилъ меня ординарнымъ профессоромъ русской словесности, по представленію совѣта университета. Полагали, что я буду избранъ единогласно, однако два голоса было противъ меня.

12. Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ сдѣланъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія. Я былъ у него сегодня: онъ очень доволенъ. Меня встрѣтилъ съ распростертыми объятіями, завѣреніями въ неизмѣнной дружбѣ и довѣрїи и просьбами быть ему помощникомъ. Всѣ ожидали, что товарищемъ новаго министра будетъ Мусинъ-Пушкинъ, — кажется и онъ самъ, — съ оставленіемъ въ должности попечителя. Но Ширинскій-Шихматовъ ловко обошелъ его. Норовъ утвержденъ по его ходатайству.

22. Годичное собраніе въ „Географическомъ Обществѣ“. Меня предложили въ члены его и я сегодня былъ тамъ. Предсѣдательствовалъ великій князь Константинъ Николаевичъ. Происходило избраніе членовъ правленія. Разумѣется, всѣхъ особенно занималъ выборъ вице-президента. Было предложено три канди-

---

¹) См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LIX, авг., стр. 305—341; сент., стр. 483—524; т. LX, окт., стр. 61—83; нояб., стр. 267—310; дек., стр. 549—582; изд. 1889 г., томъ LXI, февр., стр. 293—314; мартъ, стр. 506—523; т. LXII, апр., стр. 107—130; июнь, стр. 577—598; т. LXIII, июль, стр. 27—60; августъ, стр. 265—299; сентябрь, стр. 519—558; т. LXIV, октябрь, стр. 103—122; ноябрь, стр. 323 — 334; декабрь, стр. 727 — 758; изд. 1890 г., т. LXV, январь, стр. 35 — 53; февраль, стр. 371—406.

дата: настоящій вице-президентъ Литке, Муравьевъ и нашъ попечитель Мусинъ-Пушкинъ. Изъ ста тридцати голосовъ, Литке получилъ шестьдесятъ четыре, М. Н. Муравьевъ—шестьдесятъ одинъ, Мусинъ-Пушкинъ — три. Такъ какъ абсолютнаго большинства не оказалось, то приступили къ баллотировею закрытыми записками. И тогда Муравьевъ получилъ шестьдесятъ пять, Литке шестьдесятъ три. Такъ называемая русская партія восторжествовала. Вотъ въ чемъ ея торжество: въ оказаніи величайшей несправедливости. Литке создалъ общество, лелеялъ его и поставилъ на ноги. Онъ въ этомъ дѣлѣ специально ученое лицо; имя его извѣстно и въ Европѣ. А Муравьевъ чѣмъ извѣстенъ? Онъ былъ гдѣ-то губернаторомъ. И еслибъ тутъ дѣйствовало хоть какое-нибудь убѣжденіе! Каждый выпрашивалъ у другаго голосъ за своего кандидата. Ко мнѣ подходило четыре человѣка и, принимая за дѣйствительнаго члена, просили меня за Муравьева. Я отвѣчалъ, что еслибъ имѣлъ право голоса, то, конечно, подалъ бы его за Литке. Мы съ Никитинимъ (статсъ-секретаремъ) вышли въ большой досадѣ. Вечеръ провелъ у Норова, гдѣ, какъ и во всѣхъ салонахъ, царствовали карты и скука.

Нѣкоторые говорятъ: „пусть хоть въ чемъ нибудь, да выражается самостоятельно общественное мнѣніе“. Но вѣдь это ребячество выражать его такъ неразумно. Литке упрекаютъ въ томъ, что онъ самовластно дѣйствовалъ при составленіи устава. Но другіе утверждаютъ, что безъ него уставъ не былъ бы утвержденъ, такъ какъ въ него хотѣли влести много неотносящихся къ дѣлу нелѣпностей и обществу угрожала гибель въ самомъ зародышѣ.

Мартъ 4. Домашній праздникъ у меня, на который собралось нѣсколько лицъ и въ томъ числѣ епископъ Головинскій. Это очень умный человѣкъ: о чемъ бы онъ ни говорилъ, о религіи, о свѣтѣ, объ Европѣ, о Россіи, о католицизмѣ, онъ всегда говоритъ съ тактомъ, тонко и метко. Вотъ, напримѣръ, его характеристика нашихъ двухъ Филаретовъ, московскаго и кievскаго: „вѣра перваго—въ умѣ, втораго—въ сердцѣ“.

16. Опять гоненіе на философію. Предположено преподаваніе ея въ университетахъ ограничить логикою и психологіею, поручивъ и то и другое духовнымъ лицамъ. За основаніе принимается шотландская школа. Говорятъ, Блудовъ настаиваетъ, чтобы

въ программу была включена и исторія философіи. Министръ не соглашается. У меня былъ Фишеръ, теперешній профессоръ философіи, и передавалъ свой разговоръ съ министромъ. Послѣдній главнымъ образомъ опирался на то, что „польза философіи не доказана, а вредъ отъ нея возможенъ“.

17. На дняхъ былъ у Юсупова. Онъ пожертвовалъ университету десять тысячъ рублей, чтобы изъ процентовъ учредить двѣ стипендіи въ пользу бѣдныхъ студентовъ, которые выкажутъ особенныя способности и жаланіе заняться изученіемъ русскаго языка и русской исторіи. Я, между прочимъ, склонялъ его открыть для публики, хоть бы по билетамъ, свою богатую картинную галерею. Но у насъ не принято служить общественнымъ интересамъ иначе, какъ въ званіи чиновника.

18. Заходилъ въ цензурный комитетъ справиться о литературныхъ новостяхъ. Книгъ никакихъ нѣтъ, нѣтъ и рукописей, которыя обѣщали бы книги. Между прочимъ, получена отъ министра конфиденціально бумага, по запросу верховнаго, или, какъ его называютъ, негласнаго комитета, слѣдующаго содержанія: „вышла гадальная книга. Отъ цензурнаго комитета требуютъ, чтобы онъ донесъ, кто авторъ этой книги и почему этотъ авторъ думаетъ, что звѣзды имѣютъ вліяніе на судьбу людей?“

На это комитетъ отвѣчалъ, что „книгу эту напечаталъ новымъ—вѣроятно, сотымъ—изданіемъ такой-то книгопродавецъ, а почему онъ думаетъ, что звѣзды имѣютъ вліяніе на судьбу людей—комитету это неизвѣстно“. Нынѣ въ негласномъ комитетѣ предсѣдательствуетъ, вмѣсто Бутурлина, генераль-адъютантъ Николай Николаевичъ Анненковъ.

Кажется, наша литература въ послѣднее время ужъ очень скромна, такъ скромна, что люди образованные, начавшіе было почитать по русски, теперь опять вынуждены обращаться къ иностраннымъ, особенно французскимъ книгамъ, однако Анненковъ въ какихъ-то книжкахъ и журнальныхъ статьяхъ набралъ шестнадцать обвинительныхъ пунктовъ противъ нея—разумѣется все изъ отдѣльныхъ фразъ, и приготовилъ докладъ. М. А. Корфъ успѣлъ доказать нелѣпость этихъ придирокъ, но принужденъ былъ уступить въ двухъ пунктахъ. Корфъ говорилъ своему брату, что все, что дѣлается въ негласномъ комитетѣ, приводитъ его въ омерзеніе, и что онъ давно бѣжалъ бы оттуда, ослибъ

не надежда иногда что нибудь устраивать въ пользу преслѣдуемыхъ. Сегодня я былъ у попечителя, который тоже поразсказалъ мнѣ много страннаго и просто непостижимаго въ дѣйствіяхъ комитета.

22. Учреждено новое цензурное вѣдомство для учебныхъ и всякихъ, относящихся къ ученію и воспитанію, книгъ. Это комитетъ, состоящій изъ директоровъ здѣшнихъ гимназій, изъ инспектора казенныхъ училищъ, подъ предсѣдательствомъ директора Педагогическаго института. Итакъ, вотъ сколько у насъ нынѣ цензуръ: общая при министерствѣ народнаго просвѣщенія, главное управленіе цензуры, верховный негласный комитетъ, духовная цензура, военная, цензура при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, театральная при министерствѣ императорскаго двора, газетная при почтовомъ департаментѣ, цензура при III отдѣленіи собственной его величества канцеляріи и новая педагогическая. Итого: десять цензурныхъ вѣдомствъ. Если сосчитать всѣхъ лицъ, завѣдывающихъ цензурою, ихъ окажется больше, чѣмъ книгъ, печатаемыхъ въ теченіи года.

Я ошибся: больше. Еще цензура по части сочиненій юридическихъ при II отдѣленіи собственной канцеляріи и цензура иностранныхъ книгъ — всего двѣнадцать.

28. Общество быстро погружается въ варварство: спасай кто можетъ свою душу!

Апрѣль 11. Читалъ бумагу объ учрежденіи новаго комитета для разсмотрѣнія сочиненій по части наукъ и воспитанія. Комитетъ обязанъ слѣдить не только за духомъ и направленіемъ этого рода сочиненій, но и за „методомъ изложенія ихъ“, то есть за ученымъ и педагогическимъ достоинствомъ ихъ.

Освободясь отъ цензурныхъ дѣлъ, поглащавшихъ у меня такъ много времени и нравственныхъ силъ, я приготовился приступить къ изданію моего курса словесности, этого плода многолѣтней опытности и моихъ лучшихъ умственныхъ усилій. Теперь все это запрятано на дно моего стола.....

Былъ вчера у Комовскаго. Онъ тоже сильно огорченъ этимъ новымъ учрежденіемъ и съ жаромъ выражалъ свое негодованіе. — „Въ Европѣ напроказать“, замѣтилъ онъ въ заключеніе — „а русскихъ бьютъ по спинѣ“.

13. Былъ на дняхъ у Позена. Онъ только что прѣхалъ сюда изъ своего Екатеринославскаго помѣстья, съ больною женою. Жаль, что такой умный человѣкъ остается въ бездѣйствіи. Къ тому же онъ сильно чувствуетъ свое бездѣйствіе. Семейная идилія его не удовлетворяетъ. Много было говорено о современныхъ событіяхъ. Я завелъ рѣчь о Ростовцовѣ, съ которымъ онъ друженъ. Позенъ оправдываетъ его въ приписываемыхъ ему козняхъ противъ просвѣщенія, противъ университетовъ. Недавно еще, говорилъ Позенъ, защищая своего друга, Ростовцевъ доказывалъ Блудову, что „не должно принимать крутыхъ мѣръ“ Не много же подвизается онъ въ пользу благаго дѣла! Впрочемъ, и вся защита Позена была слаба. Роль Якова Ивановича постоянно какая-то двойственная. Когда я упомянулъ о программахъ для военно-учебныхъ заведеній, Позенъ тотчасъ согласился, что онѣ—знаменитая ошибка. Да теперь и само корпусное начальство сознается, что программы эти неосуществимы. Значить, имъ недостаетъ даже практическаго достоинства.

14. Выпускной экзаменъ въ спеціальному педагогическомъ классѣ Смольнаго монастыря. Тутъ пепиньерки съ обѣихъ половинъ заведенія (такъ называемой благородной и Александровской) въ теченіи двухъ лѣтъ спеціально готовятъ къ званію наставницъ и гувернантокъ. Экзаменъ сильно отзвучалъ подготовкой. Дѣвицы отвѣчали наизусть заученныя фразы. Судьи, однакожъ, остались довольны. Тимаевъ—инспекторъ классовъ—сказалъ очень умную рѣчь. Говоря въ ней, между прочимъ, о томъ, какъ мало цѣнятся вообще званіе наставника, онъ прибавилъ, „что мы сильны наградою и убѣжденіемъ своей совѣсти, не жалуемся на это, но только желаемъ, чтобы непризванные, подъ личиною усердія, не мѣшали святому дѣлу просвѣщенія и не трудились бы искажать человѣчество“. Мысль эта кое-кому не понравилась.

24 Праздники. Шумъ, толкотня, суматоха. Былъ у заутрени въ церкви театральнаго училища. Пѣли дурно и такъ свомкали всю службу; что въ два часа я былъ уже дома. Сегодня же поздравляли министра. Было много людей или тѣхъ, которые называются людьми. Забавно видѣть, какъ всѣ они обнимаются и цѣлуются по братски. Въ министрѣ замѣтна еще непривычка къ своему новому положенію. Впрочемъ, онъ по христіански со всѣми перехристосовался.

Октябрь 6. А. И. Селинъ, адъюнктъ русской словесности въ кievскомъ университетѣ, еще въ прошломъ году прѣхалъ сюда, чтобы держать экзаменъ на доктора. Онъ уменъ, талантливъ и благороденъ. У меня онъ на дняхъ прекрасно выдержалъ экзаменъ. Диссертация его написана умно и живо. Но Срезневскій побилъ его жестоко на филологическихъ вопросахъ. Это былъ бой буквы съ духомъ—и буква одержала побѣду. Бѣдный Селинъ не принялъ надлежащихъ мѣръ противъ напора педантизма, считая себя довольно сильвымъ въ дѣлѣ мысли и художественнаго слова. Но Срезневскій доказалъ ему, что мысль можетъ и не существовать въ наукѣ, что она, во всякомъ случаѣ, не главное въ ней. Впрочемъ, онъ согласился дать Селину мѣсяца три на исправленіе ошибки и общался помочь совѣтами и книгами: это по человѣчески. Деканъ и ректоръ, уважая талантъ и прочія знанія Селина, охотно согласились на это.

18. Бѣдный Селинъ окончательно побитъ, но уже не буквою, а людскою недобросовѣстностію. Въ дѣло вмѣшался Иванъ Ивановичъ Давыдовъ, который почему-то вообразилъ себѣ, что Селинъ ищетъ мѣста адъюнкта въ здѣшнемъ университетѣ, тогда какъ онъ самъ хлопочетъ за кого-то изъ своихъ. Онъ такъ настроилъ С... и Устрялова, что тѣ тоже стали недоброжелательно относиться къ Селину. С..., вопреки своему первоначальному обѣщанію, теперь объявилъ ему, что онъ въ три мѣсяца никакъ не можетъ приготовиться къ экзамену и вообще выказываетъ большое нетерпѣніе въ сношеніяхъ съ нимъ. Бѣдный Селинъ въ отчаяніи. Онъ боится, чтобы это не уронило его окончательно въ глазахъ министерства и, чего добраго, не заставило потерять мѣсто, которое онъ теперь занимаетъ при кievскомъ университетѣ. Предосудительнѣе всѣхъ здѣсь дѣйствуетъ И. И. Давыдовъ, потому что онъ въ глаза Селину увѣряетъ его въ дружбѣ, а за глаза строить ему козни. Чтобы спасти Селина, я отправился къ Норову, въ настоящую минуту управляющему министерствомъ, и постарался заинтересовать его и директора департамента въ пользу этого бѣднаго игралища мелкихъ страстей. Такимъ образомъ, мнѣ удалось, по крайней мѣрѣ, отвратить отъ Селина худшую изъ грозившихъ ему бѣдъ—выходъ изъ службы.

21. Управляющій министерствомъ передалъ мнѣ секретно для разсмотрѣнія „Грамматикѣ русскаго языка“, И. И. Давыдова, съ тѣмъ, чтобы я сдѣлалъ на нее свои замѣчанія.

29. Рассмотрѣлъ грамматику Давыдова. Въ ней самостоятельнаго только предисловіе и введеніе, остальное заимствовано изъ разныхъ уже существующихъ у насъ трудовъ по части языка. Вообще книга эта полезна для учащихся, но не для учащихся, ибо изложеніе ея крайне туманно и, особенно въ введеніи, напыщено, отчего парализуются ея достоинства.

Декабрь 17. Новое постановленіе о чиновникахъ. Начальникъ имѣеть право исключать чиновника изъ службы за неблагонадежность или „за проступки, которыхъ доказать нельзя“, не изясняя ему даже причины его увольненія. А если бы чиновникъ все-таки захотѣлъ оправдаться, отъ него „не велѣно нигдѣ принимать просьбы и никакихъ объясненій...“ Между тѣмъ чиновникъ, совершившій настоящее очевидное преступленіе и преданный уголовному суду, имѣеть право оправдываться передъ этимъ самымъ судомъ. Я читалъ все постановленіе. Интересно, между прочимъ, что въ постановленіи предусмтрѣна возможность злоупотребленія власти со стороны начальниковъ — и все-таки ничего не сдѣлано для ограниченія ихъ права самовольно рѣшать судьбу людей!

18. Въ гимназіяхъ привязано учить фронту.

„Географическое общество“ возложило на меня изданіе VI-й книги его трудовъ и критическій разборъ всѣхъ до сихъ поръ вышедшихъ книжекъ. Кромѣ того, „Общество посѣщенія бѣдныхъ“ поручило мнѣ написать уставъ «Кузнецовскаго женскаго училища».

1852 г. 1).

Январь 3. Два комитета, по поговоркѣ, какъ снѣгъ на голову, свалились на меня — оба по военному министерству. Одинъ для изслѣдованія методы преподаванія русскаго языка въ здѣшнемъ баталіонѣ кантонистовъ, предложенной какимъ-то учителемъ, а другой для устройства учебной части вообще для всѣхъ кантонистовъ въ имперіи. Ихъ до тридцати тысячъ въ школахъ, а всего до трехсотъ тысячъ въ имперіи и обучаютъ

1) Дневника за 1851 г. въ бумагахъ моего покойнаго отца вовсе не оказалось.
С. А. Н.

ихъ какъ попало, безъ всякаго направленія. Теперь хотѣть дать ихъ обученію надлежащее устройство. Всего забавнѣе въ этомъ дѣлѣ то, что столь важную, сложную и запущенную часть надо привести въ порядокъ, не требуя ни копѣйки денегъ. Между тѣмъ, тамъ, напримѣръ, въ классахъ по 50, по 60 человѣкъ учатся читать по книжкѣ одной на весь классъ и т. д.

6. Былъ вечеромъ, вмѣстѣ съ графомъ Д. А. Толстымъ, у прелестной женщины Вѣры Ивановны Опочининой, урожденной Скобелевой. Была тамъ и сестра ея умершаго брата (?), бывшая Полтавцева, не столь прелестная, какъ первая. но, повидимому, большая умница. Вообще обѣ эти дамы читаютъ, и даже по русски, интересуются мыслию, поэзіей, искусствомъ и въ разговорахъ касались предметовъ, о которыхъ рѣдко толкуютъ въ салонахъ. Онѣ говорили о ничтожествѣ и пустотѣ свѣтской жизни и стереотипности вышшняго аристократическаго поколѣнія, о жалкой необходимости, однакожь, быть съ ней за одно... о прелести заграничной жизни и природы. Опочинина особенно въ восторгѣ отъ Неаполя. Въ теченіи вечера были прочитаны: моя статья о графинѣ Ростопчиной и произведение Майкова: „Выборъ смерти“. Чтеніе сопровождалось оживленными преніями и нерѣдко мѣткими замѣчаніями обѣихъ слушательницъ. Вечеръ, такимъ образомъ, прошелъ незамѣтно и я вернулся домой послѣ двухъ часовъ ночи.

...Возвращаясь изъ университета съ лекціи, около полудня, я натенулся на парадъ. Войска заливали всю Исакиевскую площадь и набережную отъ Сената до Благовѣщенскаго моста: не было возможности ни пройти, ни проѣхать на ту сторону площади. Такіе парады обыкновенно на цѣлые поль-дня прекращаютъ сообщеніе между главными частями города. Какія бы ни были у васъ нужды—васъ не пропустятъ ни пѣшкомъ, ни въ экипажѣ. Разъ такъ было со мной. Жена моя захворала; докторъ ея жилъ на Васильевскомъ острову. Я бросился за нимъ и былъ остановленъ парадомъ. Между тѣмъ, каждая минута была дорога. Я метался изъ стороны въ сторону—нигдѣ прохода. Наконецъ, мнѣ удалось объѣхать парадъ у новаго адмиралтейства и то съ величайшимъ трудомъ и безконечными остановками. А бѣдная больная все время оставалась безъ помощи. Чтò я тогда вытерпѣлъ въ моей борьбѣ съ парадомъ—трудно передать.

Въ настоящемъ случаѣ я могъ спокойно переждать часа три времени, пока добрался благополучно домой.

11. Экзаменъ въ „Кузнецовскомъ училищѣ“, гдѣ я завѣдываю нравственною и учебною частью. Дѣвочки отвѣчали хорошо, ничуть не хуже тѣхъ, которыя воспитываются въ казенныхъ заведеніяхъ.

Вечеромъ сегодня былъ у меня Леонтьевъ, московскій профессоръ и издатель „Прописей“. Наружность его не привлекательна: небольшой ростомъ, онъ горбать, но лицо у него умное. Онъ передавалъ мнѣ о подвигахъ Шевырева, напримѣръ, какъ тотъ устроилъ удаленіе изъ университета Каткова, чтобы занять самому назначавшуюся послѣднему кѣедрѣ педагогій; какъ добился онъ деканства, вооруживъ попечителя и генераль-губернатора противъ Грановскаго, котораго, было, избралъ въ деканы факультетъ и т. д. Леонтьевъ прибавилъ, что Шевыревъ вообще сдѣлался теперь въ Москвѣ чѣмъ-то въ родѣ нашего Булгарина. Интересно, что всѣ свои некрасивые поступки онъ оправдываетъ тѣмъ, будто дѣйствуетъ во имя какого-то высшаго принципа, ради котораго даже приносить въ жертву свое имя.

Графъ А. С. Уваровъ рассказывалъ мнѣ на дняхъ, какъ онъ боролся съ цензурою при печатаніи своей книги, недавно вышедшей, „о греческихъ древностяхъ, открытыхъ въ южной Россіи“. Надо было, между прочимъ, перевести на русскій языкъ нѣсколько греческихъ надписей. Встрѣтилось слово: демось — народъ. Цензоръ никакъ не соглашался пропустить это слово и замѣнилъ его словомъ: граждане. Автору стоило большого труда убѣдить его, что это былъ бы не переводъ, а исказженіе подлинника. Еще цензоръ не позволялъ говорить о римскихъ императорахъ, убитыхъ, что они убиты, а велѣлъ писать: погибли, и т. д.

16. Пробныя лекціи на должность моего адъюнкта при университетѣ. Состязалось четыре кандидата. Темою было: „О слоgѣ вообще и о русскихъ писателяхъ, образовавшихъ литературныя школы въ нашей словесности“. Первый читалъ Лебедевъ—основательно, но крайне сухо. Второй Сухомлиновъ: опять основательно, но въ то-же время умно и живо. На этихъ двухъ лекціяхъ присутствовалъ и министръ. Затѣмъ Введенскій также выказалъ достаточно свѣдѣній, но изложилъ ихъ неосновательно, непослѣдовательно, съ наѣзднически-семинарскимъ ухарствомъ.

Между прочимъ, онъ очень неловко выразился, говоря о Ломоносовѣ, что тотъ такъ много сдѣлалъ „потому, что былъ мужикъ“. Тимоѣевъ говорилъ также очень хорошо. Общее мнѣніе—кромѣ интригующихъ за Введенскаго—въ пользу Сухомлинова и Тимоѣева и особенно склоняется въ пользу перваго.

Былъ на балу у товарища министра Норова. Тамъ блистали двѣ звѣзды: Бутковъ, въ короткое время сдѣлавшійся управляющимъ дѣлами комитета министровъ и теперь страшно увивавшійся около дамъ, и красавица Анненкова. Она великолѣпно и безукоризненно хороша.

19. Факультетское собраніе для выбора адъюнкта. Я прочиталъ мое донесеніе о достоинствѣ программъ, представленныхъ соискателями. Потомъ приступили къ выбору. Сперва спросили моего мнѣнія. Я назвалъ двухъ: Сухомлинова и Тимоѣева, но преимущество отдалъ первому, хотя второй ближе моему сердцу, какъ мой ученикъ и близкій челоѣкъ. Но за Сухомлинова широта взглядовъ и, при равныхъ познаніяхъ, бѣльшая даровитость и изящество въ изложеніи. Ректоръ и всѣ прочіе согласились со мной, кромѣ Касторскаго, который очень неловко защищалъ Введенскаго и упрекнулъ меня въ томъ, будто я „придираюсь“ къ его кандидату. Но онъ самъ тотчасъ же увидѣлъ неприличіе своей выходки и извинился. Срезневскій колебался между той и другой стороной. Въ заключеніе, однако, побѣда, какъ и слѣдовало по справедливости, осталась за Сухомлиновымъ. Съ нимъ вмѣстѣ торжествуемъ и я. Вся моя забота состояла въ томъ, чтобы не допустить науку попасть въ руки буквоѣдовъ, которые непременно постарались бы вытрясти изъ нея жизнь и душу и затѣмъ потѣшались бы надъ трупомъ ея, дѣлая свои анатомическіе и филологическіе препараты.

21. Факультетъ очень занятъ моимъ донесеніемъ о программахъ и осыпаетъ его похвалами. Это хорошо, но еще лучше то, что кафедра по дорогому для меня предмету, отечественной словесности, попала въ руки ученаго, который не унизитъ ея достоинства ¹⁾.

23. Сегодня у попечителя засталъ помощника его, князя Щербатова, и профессора педагогій, Фишера. Разговоръ, между

¹⁾ Михаилъ Ивановичъ Сухомлиновъ, нинѣ извѣстный и весьма уважаемый академикъ и писатель.

прочимъ, коснулся проекта И. И. Давыдова о томъ, чтобы присвоить каждаму педагогу ученые степени магистра и доктора. Но за этимъ кроется другой умыселъ. Давыдову хочется, чтобы право производить въ эти ученые степени было предоставлено Педагогическому институту, то есть ему. Это уже не первый опытъ И. И. забрать въ свои руки то, что плохо лежитъ по министерству народнаго просвѣщенія. Вотъ человѣкъ, который изъ своего ума, таланта и обширныхъ свѣдѣній сдѣлалъ себѣ орудіе мелкаго своекорыстія. Стоило для этого столько трудиться, чтобы въ заключеніе осквернить дары, предназначенные для лучшаго употребленія! Но такова безнравственность эпохи. Умъ и дарованіе не возвышаются до вѣры въ практическое добро. Какъ доказательство своей силы, они представляютъ одни итоги нахватанныхъ ими чиновъ, орденовъ и денегъ. Они не вѣрують ни въ какое другое право на уваженіе общества. Это они называютъ искусствомъ жить и презирають тѣхъ, которымъ не достаетъ охоты или умѣнья идти ихъ путемъ и употреблять свой умъ и силы на ловлю житейскихъ благъ. Но не вправдѣ ли они и въ самомъ дѣлѣ считаютъ себя правыми? Они довольны собой и своими успѣхами, тогда какъ мудрецъ обыкновенно не доволенъ ни собой, ни результатами своихъ усилій, да въ добавокъ, подѣ часъ еще голодаетъ, холодаетъ и сноситъ толчки отъ своихъ менѣе щепетильныхъ ближнихъ. На это одинъ отвѣтъ: волку волчье счастье, барану—баранье, птицѣ—птичье...

25. Общество опять оживилось. Судьба послала ему интересный предметъ для разговоровъ за преферансомъ и ералашемъ. На дняхъ велѣно посадить на гауптвахту генерала оберъ-аудитора, тайнаго совѣтника и александровскаго кавалера Ноинскаго за то, что въ какомъ-то уголовномъ дѣлѣ объ одномъ капитанѣ повodomъ въ смягченію наказанія была принята долговременная служба виновнаго: въ эту службу случайно зачисли и тѣ восемь лѣтъ, которыя онъ провелъ учась въ Дворянскомъ полку. Говорять, что это ошибка какого-то мелкаго чиновника, который вообразилъ себѣ, что подсудимый служилъ въ Дворянскомъ полку, принимая слово полкъ въ настоящемъ его смыслѣ, а не въ смыслѣ корпуса или училища.

Другой предметъ разговора: офицеръ Безобразовъ, въ маскарадѣ Дворянскаго собранія, въ пьяномъ видѣ, разрубилъ

саблюю черепъ какому-то молодому человѣку, ничѣмъ его не оскорбившему. Говорять, раненый умеръ.

Февраль. 8. Актъ въ университетѣ. Читали: Плетневъ отчетъ за прошлый годъ и Куторга (Степанъ) о геогнозическихъ своихъ наблюденіяхъ надъ Сиб. губерніей и о картѣ, которую составилъ.

16. Въ Парижѣ выдуманъ какой-то новый танецъ и названъ мазепой. Въ фельетонѣ „Академическихъ Вѣдомостей“ объ этомъ сказано нѣсколько словъ, съ замѣчаніемъ, что этотъ танецъ, вѣроятно, распространится вездѣ. Министру показалось, что тутъ скрывается насмѣшка надъ Россіей. Онъ позвалъ къ себѣ бѣднаго Очкина и сдѣлалъ ему строжайшій выговоръ, съ угрозой отдать его подъ судъ.

19. Въ Одессѣ своровано. Предсѣдатель тамошняго коммерческаго суда, Гамалей, въ надеждѣ, что останется при своей должности и на второй срокъ, красть казенныя деньги, то-есть забиралъ ихъ у казначея безъ всякихъ формальностей подъ однѣ свои росписки. Казначей, какъ подчиненный, не смѣлъ отказывать ему. Да и какъ бы онъ отказалъ, имѣя въ виду страшный законъ, въ силу котораго начальникъ можетъ уволить чиновника, не объясняя даже причины того? Такимъ образомъ изъ кассы было вынуто сто тысячъ рублей серебромъ. Между тѣмъ наступило время новыхъ выборовъ и казнокрадъ не былъ болѣе избранъ въ предсѣдатели. Тогда онъ является къ казначею, говорить ему, что имъ обоимъ грозила гибель, но что онъ, Гамалей, нашелъ средство извернуться, и кладетъ на столъ конвертъ. Затѣмъ требуетъ обратно свои росписки, и, получивъ ихъ, тутъ же бросаетъ въ топившуюся печь. Казначей открываетъ пакетъ: тамъ, вмѣсто ассигнацій, простая бумага.— „Ну“, говоритъ ему бывший предсѣдатель,— „теперь одинъ изъ двухъ, обреченныхъ на гибель, спасенъ. Но я и для васъ придумалъ средство уйти отъ бѣды. Вотъ въ этой сылянеѣ ядъ: примите его и вамъ больше него и нечего бояться“. Казначей повиновался, но по уходѣ предсѣдателя, ему была подана помощь и дѣло отерлось.

Все это похоже на басню, но весь городъ о томъ толкуеть. Мнѣ передавалъ это одинъ изъ значительныхъ чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

20. Каммергеръ и статсъ-секретарь, Гаврилъ Степановичъ Поповъ, извѣстный своими стихотворными подписями къ портретамъ своихъ пріятелей, знакомыхъ и къ своему собственному,—Поповъ, этотъ человекъ очень добрый, но немного ограниченный, посаженъ на гауптвахту почти за то же самое, за что и Ноинскій. Сенатъ приговорилъ кого-то къ ссылке въ Сибирь на полтора года. Государственный совѣтъ подтвердилъ рѣшеніе сената. но цифра срока наказанія при томъ оказалась измѣненною на два года съ половиною. Редакторомъ журнала, уже утвержденнаго и государемъ, былъ на этотъ разъ Г. С Поповъ. Когда бумага дошла до министра юстиціи, тотъ крайне удивился, что уже утвержденное рѣшеніе Сената измѣнено государственнымъ совѣтомъ—и это безъ всякаго объясненія причинъ. Онъ вступилъ съ запросомъ въ совѣтъ и дѣло объяснилось ошибкою. Въ заключеніе Попову велѣно просидѣть сутки на гауптвахтѣ. Тутъ впрочемъ ошибка была хуже, чѣмъ въ дѣлѣ Ноинскаго: тамъ наказаніе смягчалось, а здѣсь усиливалось.

22. Въ Москвѣ нѣсколько профессоровъ читали публичныя лекціи, въ пользу бѣдныхъ студентовъ. Лекціи эти собраны и изданы въ отдѣльной книгѣ. Тамъ, между прочимъ, помѣщена и лекція Рулье „о переворотахъ земнаго шара, предшествовавшихъ его образованію“. Авторъ, стараясь согласить положенія науки съ повѣствованіемъ книги „Бытія“, дѣлаетъ ссылки на Библию. Министръ нашелъ это противнымъ религіи и поднялъ тревогу. Но московскій попечитель прислалъ объясненіе, которое уладило дѣло. Въ городѣ однако еще не умолкаютъ слухи, что книга будетъ запрещена и т. д.

Я получилъ отъ Грановскаго его четыре лекціи. Онѣ превосходны и по содержанію и по изложенію.

24. Сегодня получено извѣстіе о смерти Гоголя. Я былъ въ залѣ Дворянскаго Собранія на розыгрышѣ лотереи въ пользу „Общества посѣщенія бѣдныхъ“, встрѣтился тамъ съ Панаевымъ и онъ первый сообщилъ мнѣ эту въ высшей степени печальную новость. Затѣмъ Тургеневъ, получившій письма изъ Москвы, рассказалъ мнѣ нѣкоторыя подробности. Онѣ довольно странны. Гоголь былъ очень встревоженъ смертію жены Хомякова. Недѣли за три до собственной кончины, онъ однажды ночью проснулся, велѣлъ слугѣ затопить печь и сжегъ всѣ свои

бумаги. На другой день онъ разсказывалъ знакомымъ, что лукавый внушилъ ему сначала сжечь нѣкоторыя бумаги, а потомъ такъ его подзадорилъ, что онъ сжегъ всѣ. Спустя нѣсколько дней, онъ захворалъ. Докторъ прописалъ ему лекарство, но онъ отвергъ всѣ пособія медицины, говоря, что надо безпрекословно повиноваться волѣ Господней, которой очевидно угодно, чтобы онъ, Гоголь, теперъ кончилъ жизнь свою. Онъ не послушался даже Филарета, который его рѣшимость не принимать лекарствъ называлъ грѣхомъ, самоубійствомъ. Очевидно, Гоголь находился подъ вліяніемъ мистическаго разстройства духа, внушившаго ему, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, его „Письма“, надѣлавшія столько шуму.

Какъ бы то ни было, а вотъ еще одна горестная утрата, понесенная нашей умственной жизнью—и утрата великая! Гоголь много пробудилъ въ нашемъ обществѣ идей о самомъ себѣ. Онъ несомнѣнно былъ одною изъ сильныхъ опоръ партіи движенія, свѣта и мысли—партіи послѣ-Петровской Руси. Уничтоженіе его бумагъ прилагаетъ къ скорби новую скорбь.

На дняхъ умеръ также генералъ Зедлеръ. Это ужъ болѣе личная для меня потеря, такъ какъ я состоялъ въ дружескихъ съ нимъ отношеніяхъ. Это былъ человекъ честный, прамодушный и довольно образованный. Къ недостаткамъ его можно отнести нѣмецкую флегму и слабость характера, проистекавшую изъ чрезмѣрной доброты. Ему было лѣтъ за шестьдесятъ. Онъ между прочимъ усердно и добросовѣстно занимался „Энциклопедическимъ военнымъ лексикономъ“, хотя выгоды отъ того были сомнительныя.

Умы нашего вѣка находятся въ какомъ-то неестественномъ, лихорадочномъ состояніи. Человѣкъ, обладающій выдающимися умственными способностями, непременно бросается въ какую-нибудь крайность. Онъ не преслѣдуетъ своей идеи съ настойчивостью упорной, разумно сознающей себя воли, а судорожно дѣпляется за нею, точно боясь выпустить изъ рукъ ее, а съ нею и блага, какія она обѣщаетъ. Есть какой-то недостатокъ душевной зрѣлости, яснаго дѣломудреннаго взгляда на жизнь и человѣка: есть какой-то недостатокъ простоты и непосредственнаго мужества въ этихъ порывистыхъ стремленіяхъ къ умственнымъ отличіямъ. Иные видятъ въ этомъ безпокойство великихъ нравственныхъ силъ, которыя отъ того таеъ рвутся и мечутся,

что имъ душно и тѣсно въ своей сферѣ. Миѣ же кажется, что это недостатокъ нравственной силы, которая не умѣетъ владѣть собою. Жизнь всегда и вездѣ есть тѣснота для духа; но онъ долженъ стать выше жизни. Великій характеръ тотъ, который умѣетъ наполнять собою всякую сферу.

Общество должно обновиться въ свѣжихъ и свѣтлыхъ вѣрованіяхъ, иначе развратъ пожретъ его. Опора этихъ вѣрованій должна быть найдена въ самомъ человѣкѣ. Мысль, что добро хорошо само по себѣ, что оно есть условіе естественнаго развитія и успѣшнаго примѣненія къ дѣлу нашихъ нравственныхъ силъ, что оно, т. е. добро есть нормальное здоровое состояніе ихъ—эта мысль должна сдѣлаться основой нашихъ стремленій и поступковъ. Тѣло наше принадлежитъ планетѣ, гдѣ мы живемъ, разумъ принадлежитъ духу всеобщей жизни, который всему даетъ смыслъ и гармонію. Изъ этого двоякаго отношенія человѣка къ планетѣ, гдѣ протекаетъ его физическая жизнь, и ко всеобщимъ законамъ жизни образуется его дѣятельность, исторія. Мы можемъ улучшать матеріальное бытіе свое, но не можемъ безнаказанно отрываться отъ началъ, кои выходятъ изъ круга опредѣленнаго времени и пространства, кои относятся къ высшему и всеобщему порядку вещей. Хотя бы эти начала были доступны намъ только въ формѣ вѣрованій, а не ясныхъ, точныхъ представленій, все таки мы не можемъ не слѣдовать ихъ призывному голосу. Этимъ выражается наша разумность, не повиноваться которой мы не можемъ, какъ не можемъ не слѣдовать законамъ физическихъ нуждъ.

Должно безпрестанно ставить на видъ новому поколѣнію: 1—необходимость и непреложность основныхъ вѣрованій разума; 2—художественную обработку самихъ себя по идеи добраго, ради превосходства этого добраго надъ всѣмъ недобрымъ; 3—мужество въ борьбѣ не съ однимъ только физическимъ зломъ, но и со всѣмъ тѣмъ, что противорѣчитъ распространенію и владычеству разумныхъ вѣрованій.

25. Нерѣдко знаніе своего незнанія есть великое знаніе.

Встрѣтился въ залѣ Дворянскаго собранія съ П. В. Анненковымъ, издателемъ сочиненій Пушкина. Государь позволилъ печатать ихъ безъ всякой перемѣны, кромѣ новыхъ, какія найдутся въ бумагахъ поэта: послѣднія должны подвергнуться

цензурѣ на общихъ основаніяхъ. Новыхъ, говоритъ Анненковъ, очень много. Разумѣется, ихъ трудно будетъ помѣстить въ предстоящемъ изданіи. Анненковъ за все заплатилъ вдовѣ Пушкина пять тысячъ рублей серебромъ, съ правомъ напечатать пять тысячъ экземпляровъ. Выгодно!

26. Нѣтъ! Не религиозное чувство одушевляло Гоголя! Религиозное чувство животворитъ и спасаетъ, а не раздираетъ душу и губитъ. Это или душевная болѣзнь, или просто тревоги слабой души, не способной вынести величія посѣтившей ея мысли и изнемогающей подъ бременемъ своихъ полувѣрованій и полубѣжденій.....

Мартъ 1. Наслѣдникъ цесаревичъ сдѣлалъ могучій отпоръ Блудовскому знаменитому проекту о пенсіонахъ по учебному вѣдомству. Писанъ проектъ Ростовцевымъ. Я самъ его не читалъ, но слышалъ отъ тѣхъ, которые его читали. Блудовъ, напримѣръ, между прочимъ, выражаетъ мысль, что пенсіоны суть не вознагражденіе за службу государству, а милость правительства, и потому ихъ слѣдуетъ назначать не по опредѣленной нормѣ, а по личному усмотрѣнію властей, соображаясь съ общественнымъ положеніемъ лица. А вѣдь Блудовъ вовсе не злой человѣкъ и считается въ числѣ нашихъ образованныхъ государственныхъ людей. Знающіе его близко, правда, считаютъ его поверхностнымъ, болтливымъ, охотникомъ до беспочвенныхъ идей и до воздушныхъ замковъ, которые онъ принимаетъ за гениальныя созданія мысли. По крайней мѣрѣ, такъ всегда отзывался о немъ К. М. Бороздинъ, самъ человѣкъ умный и коротко знавшій Блудова. Всѣмъ извѣстно, между прочимъ, что по части законодательныхъ работъ онъ имѣетъ неоцѣненнаго помощника, въ лицѣ Губе, который и есть ихъ главный авторъ. Года два тому назадъ, я самъ видѣлъ у нашего ректора проектъ Блудова о преобразованіи университетовъ: это замѣчательный хаосъ. Въ немъ, между прочимъ, выдаются за новыя многія положенія, уже давно вошедшія въ законъ или въ обычай университетовъ. Хороша еще тамъ мысль, чтобы профессоръ читалъ не только свою науку, но еще и другую какую нибудь, соприкосновенную съ ней, для того, говоритъ авторъ проекта, чтобы студенты были всегда заняты. Въ этихъ премудростяхъ Губе, говорятъ, уже не участвовалъ.

16. Въ цензурѣ подвергнуты запрещенію Кантеміръ и двѣ басни Хемницера: „Левъ, учредившій совѣтъ и привиллегію“ На докладѣ главнаго управленія цензуры подписано: „Согласенъ. Кантеміра во всякомъ случаѣ нѣтъ пользы печатать: онъ только занимаетъ мѣсто на заднихъ полкахъ библіотекъ“.

24. На мѣсто генерала Зедлера назначенъ генералъ Дмитрій Сергѣевичъ Левшинъ. Кажется, онъ человекъ не безъ образованія. Онъ призывалъ меня и мы много толковали объ устройствѣ кантонистовъ, которое ему поручено. Дѣйствительно — это важное дѣло, ибо оно касается 35 тысячъ кантонистовъ (всѣхъ ихъ въ имперіи 300 тысячъ), которые, смотря по обстоятельствамъ, могутъ сдѣлаться опасными разбойниками, или людьми полезными. Когда Левшинъ представлялся Государю послѣ своего новаго назначенія, тотъ сказалъ ему:

— „Займитесь хорошенько кантонистами. Желаю имъ всѣмъ быть фельдмаршалами, но надо прежде, чтобы каждый былъ хорошо приготовленъ къ исполненію своей настоящей обязанности. И потому главное тутъ — дисциплина, основанная на страхѣ Божіемъ“.

Апрѣль 5. Думать постоянно о трудностяхъ своего положенія — это только усугублять ихъ. Когда впереди у тебя пропасть, не смотри ежеминутно въ нее — голова закружится, а лучше озирайся повнимательнѣе вокругъ: рѣдко случается, чтобы не открылась тропинка, по которой можно и обойти опасное мѣсто.

Жить не значитъ предоставить лодкѣ плыть по теченію, а значитъ неусыпно бодрствовать у руля. Кто умѣетъ плавать тотъ спасается даже если лодка опрокидывается, а кто не умѣетъ, тотъ тонетъ.

9. Встрѣтилъ сегодня на Невскомъ похороны министра финансовъ Вронченко. Процессія тянулась отъ Знаменья, мимо Литейной, вплоть до Александринскаго театра. Длинная вереница экипажей, безмолвная толпа, чиновники въ лентахъ на ступеняхъ печальной колесницы, подушки съ орденами — вотъ и все..... Покойный былъ человекъ рутинны. Говорятъ, онъ былъ добръ, то есть не дѣлалъ зла, когда могъ его дѣлать, не воровалъ, когда могъ бы воровать. Его цѣнили за безмолвную исполнительность. Съ подчиненными онъ былъ грубъ, не любилъ офиціальнаго блеска, былъ циникъ въ одеждѣ и обращеніи.

17. Вчера Тургеневъ, авторъ „Записокъ Охотника“, по высочайшему повелѣнію, посаженъ на сѣзжую за статью, напечатанную имъ о Гоголѣ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, гдѣ Гоголь названъ великимъ. Тургенева велѣно продержатъ на сѣзжей мѣсяць, а потомъ выслать изъ столицы, въ деревню, подъ надзоръ полиціи.

Сейчасъ я встрѣтился съ Языковымъ, который говорилъ мнѣ, что былъ у Тургенева. Послѣдній дѣйствительно сидитъ въ настоящей сѣзженской тюрьмѣ, но здоровъ и спокоенъ. — „Я спокоенъ“, сказалъ онъ Языкову, — „потому что не мучаюсь неизвестностью. Мнѣ сказано все, чему я долженъ подвергнуться, и я уже не опасуюсь, что меня будутъ истязать“ и т. д. ¹⁾.

Въ Тургеневѣ, конечно, хотѣли заклеить званіе литератора, но онъ, кромѣ того, еще чистокровный русскій дворянинъ и унизительное наказаніе, какому его подвергли, едва-ли произведетъ на публику то впечатлѣніе, на какое рассчитывали. Въ немъ одновременно оскорблены чувства дворянства и всѣхъ образованныхъ людей.

Да вообще такія мѣры никогда не препятствуютъ распространенію идей. Болѣе того: одна такая мѣра опаснѣе десяти напечатанныхъ либеральныхъ статей. Напрасно полагаютъ, что зло только то, что печатается: зло также и то, что думается

Не слѣдуетъ въ глаза уму, хотя бы онъ и заблуждался, и наказаніе не должно превращать въ обиду.

18. Страшное, удручающее впечатлѣніе произвела на меня бѣда, страшаяся надъ Тургеневымъ. Давно не помню, чтобы меня чтонибудь такъ трогало и огорчало. Сознаю, что тутъ нѣтъ еще ничего необычайнаго, что Тургеневъ все же еще не мученикъ за истину, что, назвавъ Гоголя „великимъ“, онъ, въ сущности, терпитъ даже не за идею, а за риторическую фигуру. Но тѣмъ хуже, тѣмъ сильнѣе поражаетъ меня безпомощность мысли въ настоящее время....

¹⁾ Объ этомъ эпизодѣ въ жизни Тургенева подробно разсказано въ «Русской Старинѣ» изд. 1884 г., т. ХLI, стр. 173—174. Тамъ же приведенъ письмо И. С., писанное изъ-подъ ареста къ цесаревичу Александру Николаевичу, который и исходатайствовалъ освобожденіе Тургеневу. Подлинникъ тѣ письма принадлежитъ собранію автографовъ «Русской Старины». Ред.

20. Погодина вѣдно отдать подъ надзоръ полиціи за статью, напечатанную въ „Москвитянинѣ“ на пьесу Кукольника „Деньщикъ“ и за то еще, что онъ выпустилъ V-ый номеръ своего журнала съ чернымъ бордюромъ на обложкѣ, по случаю смерти Гоголя. А Булгаринъ, тѣмъ временемъ, въ „Пчелѣ“ такъ и колотитъ лежащихъ: Гоголя, Тургенева, Погодина. Послѣдняя статья Булгарина въ субботнемъ фельетонѣ „Сѣверной Пчелы“ возбудила всеобщее омерзѣніе. Въ ней что ни строка, то доносъ.

Тургеневу даже не объявлено за что онъ посаженъ на съѣзжую. Онъ объ этомъ узналъ только отъ посѣщающихъ его друзей. Между прочимъ, въ субботу былъ у него А. Н. Карамзинъ. Тургеневъ здоровъ, бодръ, даже веселъ. Онъ съ большой похвалой отзывается о вѣжливомъ, даже почтительномъ обращеніи съ нимъ полиціи. Частный приставъ просто удивилъ его своей гуманностью. Онъ изъ воровской тюрьмы перевелъ его въ чистую, свѣтлую и просторную горницу.

Впечатлѣніе на всѣхъ отъ заключенія Тургенева самое тяжелое. Даже если бы и считать его виноватымъ, то вина его совсѣмъ потонула бы въ несообразности наказанія. Въ повелѣніи полиціи арестовать Тургенева выставлена причиною не статья, а обстоятельства, въ какихъ она напечатана. Статья эта была написана для „Спб. Вѣдомостей“ и представлена редакторомъ ихъ цензору. Еще до того, предсѣдатель цензурнаго комитета (Мусинъ-Пушкинъ) объявилъ, что не будетъ пропускать статей въ похвалу Гоголя, „лакейскаго писателя“. Онъ запретилъ и представленную ему редакторомъ „Спб. Вѣдомостей“ статью, но безъ всякихъ формальностей, такъ что этого запрещенія и нельзя было счесть официальнымъ. Тургеневъ, увидя въ этомъ просто прихоть предсѣдателя, отправилъ свою статью въ Москву, гдѣ она и явилась въ печати. Въ повелѣніи сказано: что, не смотря на объявленное помѣщику Тургеневу запрещеніе его статьѣ, онъ осмѣлился, и пр. Вотъ этого-то объявленія и не было. У Тургенева не требовали никакихъ объясненій; его никто не допрашивалъ, а прямо подвергли наказанію. Говорятъ, что Булгаринъ своимъ вліаніемъ на предсѣдателя цензурнаго комитета и своими внушеніями ему всѣхъ больше виновенъ въ этой жалкой исторіи.

22. Теперь извѣстно, что причиною всей бѣды было донесеніе Мусина-Пушкина, подвигнутаго на это Булгариннымъ.

Да, тяжело положеніе, когда не питая никакихъ преступныхъ замысловъ, неукоризненные въ глубинѣ вашей совѣсти, потому только что природа одарила васъ нѣкоторыми умственными силами и общество признало въ васъ ихъ, вы чувствуете себя каждый день, каждый часъ, въ опасности погибнуть такъ, за ни что, отъ какого-нибудь тайнаго доноса, отъ клеветы, недоразумѣнія и поспѣшности, отъ дурнаго расположенія духа другихъ, отъ ложнаго истолкованія вашихъ поступковъ и словъ.....

утѣшаясь, кто можетъ, вѣрой въ болѣе свѣтлое будущее, которое, увь! врядъ ли достанется еще и нашимъ внукамъ. А самъ, искалѣченный, измученный, ужъ лучше сразу откажись отъ всякихъ правъ на жизнь и дѣятельность—во имя... Да во имя чего-же, Господи?

26. У Тургенева въ его заточеніи были такіе многочисленные свѣзды знакомыхъ, что, наконецъ, сочли нужнымъ запретить пріятелямъ навѣщать его. Бумаги его были захвачены и разсмотрѣны. Въ нихъ не нашли ничего предосудительнаго и вернули ихъ ему обратно.

28. Въ Москвѣ опять переполохъ. Тамъ изданъ сборникъ Хомяковымъ, Кирѣевымъ (Кирѣевскимъ) и Аксаковымъ, въ которомъ, говорятъ, напечатаны очень сильныя вещи. Мнѣ удалось прочитать только статью о Гоголѣ, изъ имени котораго очевидно хотять сдѣлать знамя. Гоголь тамъ названъ „великимъ сатирикомъ—христіаниномъ“ и т. д. Путь его былъ печальный потому, что ему суждено было проходить его среди общества. Какое выставлено въ его „Мертвыхъ душахъ“ и т. д. Стихи Хомякова еще сильнѣе. О сборникѣ уже много толкуютъ въ публикѣ. Тучи собираются: быть грозѣ. А кто виновать?

29. Состоялось годичное собраніе „Общества посѣщенія бѣдныхъ“ Я опять выбранъ въ члены правленія, хотя передъ тѣмъ объявилъ, что ни дѣла мои, ни здоровье не позволяютъ мнѣ посвящать много времени обществу.

Май. 10. Былъ у меня сегодня по утру Цогодинъ. Я не видался съ нимъ уже лѣтъ двѣнадцать, если не больше. Онъ нисколько не перемѣнился: то же простое лицо, тѣ же тяжелые, медвѣжьи пріемы и грубоватое обращеніе. Но онъ очень умный человѣкъ и заслуживаетъ полнаго уваженія за многіе труды въ пользу науки. Я былъ радъ его посѣщенію. Мы поговорили о

горьких временахъ, о сумятицѣ въ умахъ, о Гоголѣ, о Тургеневѣ, о „Московскомъ сборникѣ“, надъ которымъ виситъ гроза. Погодинъ спрашивалъ у министра разрѣшенія окружить въ „Москвитянинѣ“ чернымъ бордюромъ извѣстіе о смерти Жуковскаго. Министръ разрѣшилъ.

12. Третье отдѣленіе и негласный комитетъ уже поднимаютъ тревогу по поводу „Московского сборника“. Сегодня мнѣ говорилъ объ этомъ товарищъ министра. Онъ сообщилъ мнѣ, что министръ уже сдѣлалъ строгій выговоръ цензору, князю Львову. Я совѣтывалъ довести объ этомъ выговорѣ до свѣдѣнія негласнаго комитета: авось не сочтеть-ли онъ это достаточнымъ удовлетвореніемъ.

Сентябрь 16. Переѣхалъ съ дачи. Лѣто прошло плохо, въ серьезномъ недомоганіи, въ упадкѣ духа и въ служебной вознѣ. Въ Варшавѣ свирѣпствовала холера и ее сюда ожидаютъ.

Одна очень милая молодая дѣвушка, Ознобишина, вуря папирску, зажгла на себѣ по неосторожности платье: оно было изъ легкой лѣтней ткани и мгновенно вспыхнуло. Бѣдная дѣвушка обгорѣла и черезъ недѣлю умерла въ страшныхъ мученіяхъ.

Ноябрь 2. Въ лицей открылось мѣсто профессора русской словесности, за смертью Георгіевскаго, который, говорятъ, былъ очень добрый человекъ, но плохой профессоръ и сильно уронилъ свой предметъ въ этомъ заведеніи. Лицейское начальство и профессора, съ лестнымъ для меня замѣчаніемъ, что я одинъ могу поднять на должную высоту кафедру русской словесности въ лицей, предложили меня въ кандидаты на нее. Но они встрѣтили отпоръ со стороны принца Ольденбургскаго, котораго въ этомъ еще поддерживалъ И. И. Давыдовъ. Принцъ Ольденбургскій во мнѣ не благоволяетъ—это мнѣ давно извѣстно. Мнѣ говорили, что онъ не можетъ мнѣ простить моего появленія однажды, на какомъ-то институтскомъ торжествѣ, въ черномъ галстухѣ, вмѣсто бѣлаго. Онъ тогда же лично сдѣлалъ мнѣ выговоръ и схоронилъ это въ памяти, какъ доказательство опаснаго во мнѣ свободомыслія. Ну, это и понятно, но какъ объяснить недоброжелательство ко мнѣ въ настоящемъ случаѣ И. И. Давыдова, моего «пріятеля и почитателя?» Этого я ужъ не берусь объяснять. Русскую словесность въ лицей опредѣляютъ читать

Вышнеградскаго, преподавателя педагогiи въ Педагогическомъ институтѣ.

10. Читалъ А. С. Норову мою статью о Жуковскомъ. Она понравилась ему. Я еще лѣтомъ общалъ ее Краевскому. Теперь о томъ провѣдали издатели „Современника“ и предлагаютъ мнѣ гораздо болѣе выгодныя условія. Съ тѣмъ же являлся ко мнѣ и редакторъ „Библиотеки для Чтенiя“. Но не подобаетъ измѣнять своему слову. Я только написалъ Краевскому, что такъ какъ у него уже была статья о Жуковскомъ, не предпочтеть-ли онъ отказаться отъ моей? Краевскiй отвѣчалъ, что никогда ни подъ какимъ видомъ не желаетъ отказаться отъ моей статьи и проситъ прислать ему ее. Ну, такъ тому и быть.

18. Теперь у всѣхъ на языкѣ одинъ предметъ разговора: уставъ о пенсiяхъ. Наши пенсiоны подверглись апоплексiи, которая, хотя не убила ихъ въ конецъ, но сильно искалѣчила: у нихъ отнялся одинъ бокъ. И то еще слава Богу! Обсуждая этотъ вопросъ, нѣкоторые изъ государственныхъ людей предлагали вовсе уничтожить преимущество пенсiоновъ по учебному вѣдомству, ибо что такое ученые? Они служатъ въ день всего три, четыре часа, читая на каедрѣ... Если пенсiоны наши еще не совсѣмъ обрѣзаны, то это только благодаря заступничеству наследника цесаревича, который еще два года или годъ тому назадъ сильно и умно протестовалъ противъ извѣстнаго Блудовскаго проекта. Наше бѣдное министерство тоже предъявляетъ свою долю участiя въ этой заслугѣ. Но мы знаемъ, какъ оно заступаетъ за своихъ и что значить его заступничество.

25. Проводилъ Авраама Сергѣевича Норова въ Одессу производить какое-то слѣдствiе. Тамъ, говорятъ, сильно своровано.

27. Былъ вчера у цензора Фрейганга съ моей статьей о Жуковскомъ. Онъ согласился, чтобы она была представлена ему на разсмотрѣнiе въ корректурѣ. Я прочиталъ ему нѣсколько страницъ заключенiя. Онъ замѣтилъ одну фразу, которую, по его мнѣнiю, надлежало измѣнить, или вѣрнѣе, не фразу, а два слова: „движенiе умовъ“. Отъ Фрейганга я услышалъ дивныя вещи о цензурѣ: о томъ, какъ Елагинъ не пропускалъ въ физикѣ выраженiя: „силы природы“; о шпионствѣ разныхъ прислужниковъ, о тысячѣ притѣсненiй, какимъ подвергаются всѣ, кому приходится имѣть дѣло съ цензурою. Фрейгангъ въ мое

время считался однимъ изъ самыхъ мнительныхъ цензоровъ, теперь же слыветъ за самаго снисходительнаго.

Редакція указа о пенсіонахъ отличается большой оригинальностью. Въ началѣ тамъ сказано: „дабы удержатъ на службѣ полезныхъ своей опытностью чиновниковъ и не оставить безъ надлежащаго призрѣнія семейства“ и проч. Затѣмъ слѣдуетъ уменьшеніе пенсіоновъ семействамъ (по учебному вѣдомству) и удаленіе со службы чиновниковъ, кои двадцатипятилѣтнею службою приобрѣли опытность и доказали свои способности.

Декабрь 2. Одно изъ двухъ: или надобно отвергнуть проsvщеніе, или принять его со всѣми выгодами и неудобствами.

Новый пенсіонный уставъ дѣйствительно наноситъ сильный ударъ университетамъ. Многимъ изъ нынѣшнихъ профессоровъ остается не долго дослужить до двадцатипятилѣтняго срока. По истеченіи его, они оставляютъ университетъ, а между тѣмъ, они люди испытанной опытности, знанія и способностей. При прежнемъ пенсіонномъ уставѣ они могли бы съ честью служить государству еще лѣтъ десять и подготовить себѣ достойныхъ преемниковъ. Теперь же люди способные, даже изъ молодыхъ, предпочитаютъ идти по другимъ служебнымъ путямъ, видя какъ неутѣшительна будущность ученой службы.

Въ городѣ ужасно лгутъ и сплетничаютъ. Напримѣръ, увѣряютъ, будто съ 6-го декабря всѣхъ гражданскихъ чиновниковъ одѣнуть въ какіе-то форменные сюртуки, въ родѣ военныхъ и въ каски; что въ Персіи и Константинополѣ чума, которая и намъ угрожаетъ и т. д., и т. д. Замѣчательно только, что ложь все останавливается только на дурномъ и не сулитъ ничего хорошаго.

8. Каски дѣйствительно даны, но только военнымъ лакеямъ, вслѣдствіе чего простой народъ принимаетъ стоящихъ на запяткахъ слугъ за офицеровъ. Я самъ недавно слышалъ, какъ одинъ мужичекъ говорилъ другому:

— „Смотри-ка, смотри, вонъ офицеръ сидитъ на козлахъ возлѣ вучера“.

10. Сегодня былъ у меня пріѣхавшій три дня тому назадъ курьеръ нашъ изъ Персіи, служащій тамъ драгоманомъ, Мошинъ. Онъ говоритъ, что въ Персіи вовсе нѣтъ чумы, что и холера тамъ сильно косила только въ одной области. За то онъ

сообщилъ мнѣ другую печальную новость: братъ его, отличный молодой человѣкъ, лѣтъ восемь тому назадъ кончившій у меня курсъ первымъ кандидатомъ, вчера утоился. Онъ бросился въ прорубь у Минеральныхъ водъ. Молодой Мошнинъ часто бывалъ у меня. Мѣсяца два тому назадъ, онъ началъ писать ко мнѣ странныя письма, почти каждый день, въ которыхъ съ паѳосомъ разсуждалъ о великихъ судьбахъ Россіи, о Пушкинѣ, объ исторіи, о религіи, о назначеніи женщины. Письма эти обнаруживали очевидное разстройство ума. Ко мнѣ приходила сестра молодого человѣка, въ слезахъ, и просила моего совѣта. Я былъ у нихъ и нашелъ дѣла хуже, чѣмъ ожидалъ. Я посоветовалъ его домашнимъ обратиться къ врачу, а пока не очень противорѣчить больному. Между прочимъ мнѣ объяснили, что причиной всему отвергнутая любовь: Мошнинъ хотѣлъ жениться на одной дѣвушкѣ, но ему отказали. Онъ страшно тосковалъ. Наканунѣ своей смерти, онъ жаловался брату на упадокъ умственныхъ силъ, горько плакалъ, а теперь вотъ чѣмъ кончилъ. Братъ былъ на мѣстѣ самоубійства. Тѣло несчастнаго молодого человѣка найдено.

14. Обѣдалъ у (Ив. Ив.) Панаева и не скажу, чтобы остался доволенъ проведеннымъ тамъ временемъ. Тамъ были: (Мих. Никол.) Лонгиновъ, авторъ замѣчательныхъ по формѣ, но отвратительныхъ по цинизму стихотвореній, (А. В.) Дружининъ, (Н. А.) Некрасовъ, Викторъ Павловичъ Гаевскій, и т. д. Послѣ обѣда завели самыя скромныя разговоры и читали нѣкоторыя изъ „Парголовскихъ элегій“, во вкусѣ Баркова. Авторы ихъ превзошли самихъ себя по цинизму образовъ въ прекрасныхъ стихахъ. Вотъ гдѣ теперь надо исвать русскую поэзію! Неужели это весело, господа?

15. Профессоромъ въ Лицей и наставникомъ къ великимъ князьямъ окончательно опредѣленъ (Яковъ Карловичъ) Гротъ.

22. Кончилъ съ Фрейгангомъ. Онъ пропустилъ всю статью, за исключеніемъ нѣсколькихъ мѣстъ, которыя, нечего дѣлать, пришлось замѣнить другими. Я впрочемъ почти не спорилъ, сознавая, что иначе и нельзя по той системѣ, которой держатся нынѣ благоразумнѣйшіе цензора, въ родѣ Фрейганга. Объ остальныхъ и говорить нечего: тѣ не держатся никакой системы и слѣдуютъ только внушеніямъ страха. Система же первыхъ въ томъ, чтобы

угадывать какъ могутъ истолковать данную статью враги литературы и просвѣщенія. Фрейгангъ откровенно мнѣ въ томъ сознался. Можно себѣ представить, каковы должны быть заключенія цензуры, которая руководится такими догадками, а не прямымъ смысломъ статьи, не постановленіями, ни даже своимъ личнымъ убѣжденіемъ. Все, значить, зависитъ отъ толкованія невѣждъ и недоброжелателей, которые готовы въ каждой мысли видѣть преступленіе.

— „Ваша статья прекрасна“, между прочимъ замѣтилъ Фрейгангъ,—она, безъ сомнѣнія, обратитъ на себя вниманіе — тутъ-то и слѣдуетъ быть строже“.

Съ своей точки зрѣнія онъ правъ, но отъ того не легче бѣдному автору.

28. Гдѣ мысль, тамъ и страданіе—но тамъ же должно быть и врачеваніе зла.

А. В. Никитенко

[ПРОДОЛЖЕНІЕ СЛѢДУЕТЪ].

Князь Л. Д. Вяземскій

1877—1878.

Состоя постояннымъ читателемъ уважаемой «Русской Старины», я, какъ служащій на далекой окраинѣ, только теперь прочелъ мартовскую книгу изд. 1889 г., гдѣ помѣщены интересныя «Воспоминанія художника В. В. Верещагина: Переходъ черезъ Балканы».

На страницѣ 604 сказано:

— «Я нашелъ Скобелева на спускѣ разговаривающимъ съ кн. Вяземскимъ, начальникомъ бригады Болгарскаго ополченія, пріѣхавшимъ донести о томъ, что невозможно протащить по этой адской дорогѣ даже и одного орудія. Скобелевъ не настаивалъ болѣе, но я пожалѣлъ; будь это у Гурко, тотъ приказалъ бы провести, во что бы то ни стало, и навѣрное были бы проташены хоть два орудія», и т. д.

Всякій, кто служилъ съ кн. Л. Д. Вяземскимъ, отлично знаетъ его крайнюю добросовѣстность, беззавѣтность при исполненіи долга, правдивость и педантическую исполнительность въ служебныхъ дѣлахъ. Разумѣется, если князь Л. Д. Вяземскій лично пріѣхалъ доложить ген. Скобелеву о невозможности протащить орудія, то значить это дѣйствительно было вполнѣ невозможно, и ген. Скобелевъ, лично зная того, кто ему докладывалъ, былъ увѣренъ, что докладывается правильно и что всѣ человѣческія силы были употреблены для того, чтобы выполнить приказаніе, а потому и не настаивалъ. Никогда-бы ни рѣшился кн. Л. Д. Вяземскій ѣхать докладывать о невозможности протащить орудія, зная какъ они необходимы, не испытавъ всѣхъ возможныхъ средствъ и лично убѣдившись въ дѣйствительной и полной невозможности. Такому докладчику и ген. Гурко не отдалъ бы приказанія «провести во что бы то ни стало», потому, опять повторяю, что всякій, знающій кн. Вяземскаго, былъ увѣренъ, что все уже «во что бы то ни стало» было перепробовано.

А. С.

Урочище Новокиевское, Приморская область.
14-го ноября 1889 г.

Примѣчаніе. Получено 28-го января 1890 г.

ЗАПИСКИ ВЛАДИМИРА ИВАНОВИЧА ДЕНА.

V ¹⁾.

На Крымскомъ полуостровѣ.

Представленіе Государю.—Вѣсть о сраженіи при Альмѣ.—Командировка въ Крымъ.—Въ долину Бельбека.—Составъ главной квартиры.—Севастопольскія укрѣпленія.—Бодрость и энергія его защитниковъ.—Начальникъ сева­стопольскаго гарнизона.—Военная прогулка въ Байдарскую долину.—Чангарскій мостъ.—Сивашъ.—Берчь.—Еникале.

Сентябрь 1854 г.

8-го сентября 1854 г. возвратился я въ Петербургъ и немедленно явился въ Гатчинѣ государю. Онъ показался мнѣ особенно озабоченнымъ, и послѣ самаго милостиваго привѣтствія и выслушанія всего, что касалось моего порученія, онъ меня спросилъ, что слышно въ Одессѣ о десантныхъ англо-французскихъ войскахъ, прибавляя:

— „По газетамъ судя, они должны высадиться въ Крыму. Тамъ князь Меншиковъ предполагаетъ встрѣтить непріятеля, какъ онъ доноситъ, на Альмѣ, если непріятель высадится съвернѣе, — въ случаѣ же неудачи—у него останутся двѣ позиціи, на Качѣ и Бельбекѣ. О Севастополѣ онъ мнѣ ничего не пишетъ, но я полагаю, что онъ тамъ надѣлалъ много чудесъ“, textuel (дословно) ²⁾.

¹⁾ См. «Русскую Старину», изд. 1890 г., т. LXV, стр. 55—90, 551—574.

²⁾ Эти чудеса такъ весьма правильно были названы государемъ. Когда Тотлебенъ пріѣхалъ въ Севастополь, онъ засталъ тамъ дѣйствительно много чудесъ: главныя приготовленія для защиты города заключались въ какихъ-то баррикадахъ на улицахъ. Баррикады эти были вооружены фальконетами.—Это все зналъ и самъ видѣлъ князь Меншиковъ, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей того времени, самъ постоянно занимавшійся всѣми отраслями военной науки.

В. Д.

Я ничего не зналъ и сказалъ только, что въ Одессѣ ничего не знаютъ кромѣ того, что главныя непріятельскія силы—послѣ несчастной ихъ экспедиціи въ Добруджу сосредоточиваются въ Варнѣ. Затѣмъ государь приказалъ мнѣ ѣхать на сутки къ батюшкѣ въ Кронштадтъ, а потомъ возвратиться въ Гатчину на жительство. Скоро и незамѣтно пролетѣли для меня слѣдующіе 8 дней. Государь и императрица, великіе князья своимъ вниманіемъ и особенно милостивымъ обращеніемъ меня совсѣмъ очаровали. Нѣкоторые любимые товарищи, общество В. А. Нелидовой, Lise Rauch поглощали все время; я было забылъ и о Черномъ морѣ и о непріятельской армадѣ.... какъ вдругъ 16 числа пробѣжала вѣсть: пріѣхалъ Грейгъ (адъютантъ кн. Меншикова). Государь очень сердился, государь очень опечаленъ, Грейгу запрещено говорить!.... Конечно, если бы я видѣлъ Грейга—я бы что нибудь узналъ, но отъ государя военный министръ увелъ его къ себѣ, а потомъ отправилъ въ Петербургъ, и я съ товарищами оставался въ полномъ невѣдѣніи событій, донесеніе о которыхъ привезено Грейгомъ. 17-го утромъ государь потребовалъ меня къ себѣ въ 11 часовъ утра. Взойдя въ кабинетъ, я засталъ государя сидѣвшимъ за письменнымъ столомъ, на которомъ лежала карта Крыма. Онъ обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами:— „Ты меня извини—ты еще не отдохнулъ, а я тебя опять посылаю. Непритель высадился близъ Евпаторіи, на Альмѣ разбилъ кн. Меншикова, который теперь, вѣроятно, отрѣзанъ отъ Россіи; что случилось съ Севастополемъ—не знаю!“...

При этихъ словахъ, крупныя двѣ слезы скатились съ его глазъ и упали на лежавшую предъ нимъ карту. Я никогда не забуду, — сколько страданія, сколько нѣжной любви я почувствовалъ въ эту минуту къ Николаю Павловичу, котораго и прежде всегда обожалъ. Я не помнилъ себя, обнялъ государя, заплакалъ и сталъ утѣшать того, кому было суждено умереть отъ печали. Что я говорилъ—не помню, но государевы слова какъ будто еще слышу, онъ мнѣ сказалъ протяжно:

— „Да, ты молодежь—тебѣ еще можно все видѣть въ розовомъ цвѣтѣ.... для меня же все черно!... Въ настоящее время армія кн. Меншикова, вѣроятно, не существуетъ, или отрѣзана отъ насъ. Теперь намъ надо принять мѣры для восстановленія сообщенія съ арміею кн. Меншикова, если она существуетъ, а во

всякомъ случаѣ—не допустить непріятеля занять весь Крымскій полуостровъ. Поѣзжай въ Перекопъ,—постарайся привести крѣпостцу, которая тамъ находится, въ такое положеніе, чтобы затруднить непріятелю занятіе перешейка. Теперь въ Крымъ направлена 12-я пѣхотная дивизія, явись въ генералу Липранди и скажи ему, что я тебѣ приказалъ находиться при его дивизіи, въ качествѣ начальника инженеровъ. Въ случаѣ встрѣчи сильнѣйшаго непріятеля, окапывай ихъ“ (ихъ—предполагалось дивизію Липранди).

Затѣмъ государь меня благословилъ, поцѣловалъ, но я нѣсколько минутъ не выходилъ изъ кабинета, чтобы прислуга не видала меня рыдающимъ... Въ тотъ же день я поѣхалъ въ Петербургъ, а на слѣдующій, 18-го, отправился въ Крымъ.

Прощаясь, государь мнѣ сказалъ:

— „Я уже приказалъ Долгорукову (военный министръ) снабдить тебя инструкціею, деньгами и повелѣніемъ всѣмъ мѣстнымъ начальствамъ оказывать тебѣ полное содѣйствіе“.

Я, дѣйствительно, получилъ краткое предписаніе относительно возобновленія крѣпости, давно не существовавшей; какъ я узналъ впоследствии, на мѣстѣ, она была упразднена въ 1824 году и съ тѣхъ поръ жители ничтожнаго города Перекопа выбирали камни изъ хорошо сохранившагося эскарпа крѣпости для своихъ построекъ.

Грейга я не видѣлъ; военный министръ неопредѣленно отвѣчалъ на мои вопросы и почти только повторялъ уже сказанное мнѣ государемъ, притомъ, какъ всегда, пріятно улыбался — и этимъ дѣлался мнѣ невыносимымъ. Я спѣшилъ его оставить и отправился, озабоченный, взволнованный и преисполненный опасеній. Между Москвою и Тулою, я разѣхался съ Альбединскимъ, везшимъ донесеніе кн. Меншикова объ извѣстномъ его фланговомъ движеніи, т. е. о томъ, что армія наша не отрѣзана, что Севастополь непріателемъ не взятъ, и что англо-французы прошли почти въ виду Севастополя на Мекензиевъ хуторъ, въ Балаклаву. Но не видавъ Альбединскаго, я узналъ все это только въ Николаевѣ, при свиданіи съ Липранди. Поэтому можно судить, каково мнѣ было скакать, думая, что и Перекопъ уже, можетъ быть, занятъ непріателемъ. О томъ, что я видѣлъ и дѣлалъ до прибытія моего въ главную квартиру кн. Меншикова,

я здѣсь упоминать не стану; вся моя переписка того времени сохранилась, изъ нея видно, что въ Перекопѣ рѣшительно ничего нельзя было сдѣлать, и въ особенности, что измѣнившіяся обстоятельства дѣлали мое командированіе въ Перекопъ безполезнымъ, но будучи такъ близко отъ театра войны, мнѣ казалось неприличнымъ безъ особеннаго повелѣнія возвращаться въ Гатчину, а потому я написалъ бар. В. К. Ливену и просилъ его выхлопотать мнѣ разрѣшеніе состоять въ распоряженіи главнокомандующаго въ Крыму. Въ ожиданіи результата этого письма, я отправился въ главную квартиру кн. Меншикова на Бельбекъ, близъ станціи Дувалкой.

Кн. Меншиковъ давно былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ моимъ отцомъ, хорошо зналъ въ молодости своей моихъ дядей Ѳедора и Николая, и въ Петербургѣ оказывалъ мнѣ всегда особое вниманіе, такъ что бывало въ Петергофѣ покойный Хомутовъ, мой бывший добрый командиръ, посылалъ меня къ кн. Александру Сергѣевичу, говоря: „вы съ нимъ хороши — выпросите у него паруходъ для отправленія такой-то команды“.

я все это привожу здѣсь, чтобы объяснить на чемъ была основана моя увѣренность въ хорошемъ приѣмѣ главнокомандующаго, которому мнѣ предстояло явиться въ видѣ туриста.

Въ Бахчисараѣ я засталъ на станціи нѣсколько офицеровъ, изъ разговора которыхъ я долженъ былъ заключить, что общественное мнѣніе въ нашей арміи приписывало испытанную неудачу подъ Альмой съ одной стороны превосходству непріятельскаго вооруженія, съ другой—совершенному отсутствію единства распоряженій во время боя. Въѣхавши въ долину Бельбека, я очутился среди оживленія бивуачной жизни, но это оживленіе не представляло ничего веселаго. Мнѣ показалось, что войска упали духомъ; вскорѣ я убѣдился, что первое впечатлѣніе, производимое на меня видомъ солдатъ, было совершенно вѣрно.

23-го сентября 1854 г., подѣзжая къ бивуачному расположенію главной квартиры, ямщикъ мой остановился, на вопросъ же мой—почему, отвѣчалъ мнѣ: „да вотъ надо подвязать колоколець—кн. Меншикъ не любитъ“.

Затѣмъ переѣхавъ Бельбекъ и поднявшись на гору, мы свернули направо и я очутился между палатками, въ которыхъ помѣщалась главная квартира. Тутъ совсѣмъ неожиданно для

меня встрѣтилъ меня Левашевъ ¹⁾. Я говорю неожиданно, потому что я его оставилъ въ Гатчинѣ; оказалось-же, что онъ былъ отправленъ двумя днями позже меня, но прибылъ ранѣе, потому что я заѣзжалъ въ Николаевъ и Херсонъ ²⁾ и пробылъ двое сутокъ въ Перекопѣ. Я очень обрадовался этой встрѣчѣ и сталъ немедленно его спрашивать о составѣ главной квартиры, объ отношеніяхъ, предположеніяхъ, слухахъ, ожиданіяхъ и т. д. Къ удавленію моему, отвѣты были крайне неудовлетворительны, составъ же главной квартиры заслуживаетъ особеннаго описанія по своей оригинальности.

Должность начальника штаба и генераль-интенданта исполнялъ нѣкто Вуншъ (полковникъ), всегда служившій на Кавказѣ, въ линейныхъ батальонахъ; наружность его не представляла ничего привлекательнаго, и всѣ удивлялись, что кн. Меншиковъ соединилъ въ его рукахъ двѣ совершенно различныя и важныя въ то время и при тѣхъ обстоятельствахъ обязанности. При кн. Меншиковѣ состоялъ д. ст. сов. Комовскій, въ качествѣ секретаря. Я его зналъ давно, познакомившись съ нимъ когда еще былъ юнкеромъ въ домѣ командира своего П. А. Витовтова. Онъ всегда служилъ по морскому министерству и если не пользовался довѣріемъ кн. Меншикова — князь А. С., кажется, никогда никому не оказывалъ довѣрія, — то былъ приближеннымъ къ нему подчиненнымъ; я же его считалъ всегда тѣмъ, что Гоголь называетъ „мышинный жеребчикъ“. Кромѣ этихъ двухъ лицъ, ближе другихъ стоялъ въ главнокомандующему — адъютантъ его Панаевъ, но это, кажется, болѣе по части лошадей. Грейгъ былъ любимый адъютантъ кн. Меншикова, но онъ былъ въ отсутствіи. Еще были у него адъютантами капитанъ 2 ранга К. М. Веригинъ и бар. Виллибрантъ, славная и благородная личность; но его также не было на лицо, мнѣ сказали, что ему поручена какая-то рекогносцировка.

Оправившись немного отъ дорожной пыли, я спѣшилъ явиться главнокомандующему, чтобы объяснить ему мое странное не-

¹⁾ Графъ Николай Васильевичъ, штабсъ-ротмистръ кавалергардскаго полка и флигель-адъютантъ.

²⁾ Я забылъ сказать, что въ Аleshкахъ я видѣлъ флигель-адъютанта Сколкова, которому подъ Альмой оторвало руку и который возвращаясь въ Россію послѣ перенесенной благополучно ампутаціи.

опредѣленное положеніе и попросить позволенія оставаться при немъ до полученія приказаній отъ государя. Кн. Меншиковъ принялъ меня очень любезно и немедленно пригласилъ меня обѣдать въ каютъ-компанію, — такъ называлась особая, довольно большая, палатка, въ которой обѣдали штабные. Послѣ обѣда, когда всѣ разошлись, кромѣ Левашева и меня, вошелъ къ намъ кн. Александръ Сергѣевичъ; послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ вопросовъ, обращенныхъ къ мнѣ, онъ меня просилъ сказать ему, какое произвело впечатлѣніе въ Петербургѣ извѣстіе, привезенное туда Грейгомъ. — Я еще находился подъ вліяніемъ моего прощанія съ государемъ и потому отвѣчалъ: „самое тяжелое“. Послѣ этого не дипломатическаго отвѣта, къ удивленію моему кн. Александръ Сергѣевичъ сталъ говорить шутливымъ тономъ объ Альменскомъ сраженіи и въ заключеніе и уже вставая, чтобы уйти, сказалъ: „he bien, il y avait ce jour là un moment où je croyais qu'on me donnerait le titre du comte d'Almaviva“ (знаете-ли, въ этотъ день былъ моментъ, когда я думалъ, что мнѣ дадутъ названіе графа Альмавивы).

Эта выходка меня неприятно поразила, хотя я и привыкъ давно къ шуткамъ кн. Меншикова. Кстати надо упомянуть здѣсь, какъ еще лѣтъ пять или шесть тому назадъ, кн. Александръ Сергѣевичъ меня озадачилъ въ англійскомъ клубѣ. Приѣхавши въ клубъ послѣ обѣда въ день баллотированія, когда былъ предложенъ въ члены адмиралъ Литке, я встрѣтилъ на лѣстницѣ кн. Меншикова уже уѣзжающимъ; на вопросъ мой, почему онъ такъ рано уѣзжаетъ — онъ мнѣ отвѣчалъ: „je n'étais venu que pour le temps strictement nécessaire pour mettre une boule noire a Lutke“.... (я приѣзжалъ лишь на нѣсколько минутъ, чтобы положить черный шаръ Литке)...

Въ тотъ же день, 23-го сентября, вечеромъ, я предложилъ Левашеву вмѣстѣ отправиться въ Севастополь; я былъ ужасно нетерпѣливъ видѣть эту крѣпость, удостовѣриться лично въ какомъ она состояніи и свидѣться съ Тотлебенемъ, котораго не видѣлъ полтора года. Приѣхали мы уже поздно — и потому отложили объѣздъ бастионовъ до другаго дня. 24-го утромъ мы явились къ вице-адмиралу Корнилову, который собирался ѣхать осматривать работы и очень любезно предложилъ намъ лично показать крѣпость и вновь воздвигаемыя укрѣпленія. Не стану описывать

здѣсь въ какомъ положеніи я засталъ Севастополь, но не могу умолчать о произведенномъ на меня впечатлѣніи тѣмъ, что я видѣлъ. Я пришелъ въ совершенное отчаяніе при видѣ 5-го и 6-го бастіоновъ — соединенныхъ каменною стѣною, совершенно открытою, 4-й бастіонъ—былъ не что иное, какъ незначительное земляное укрѣпленіе въ видѣ люнета; его соединяли съ флешеею, получившею въ послѣдствіи названіе 3-го бастіона, траншеею, но траншею эту углублять было очень трудно по случаю каменистой почвы; мы взбирались съ трудомъ по этой траншеѣ на 3-й бастіонъ; моя татарская лошадка неоднократно падала на колѣни, подымаясь по ступенямъ, высѣченнымъ въ камиѣ. Между 3-мъ бастіономъ и Малаховымъ курганомъ была ложбина, ничѣмъ не прикрытая и не обстрѣливаемая. Малахову башню спѣшили прикрыть гласированною насыпью; за Малаховымъ курганомъ ко 2-му бастіону предполагалось также сдѣлать насыпь съ банкетомъ, волчьими ямами и засѣками впереди, но 24-го сентября ничего этого еще не было, и Корниловъ не отрицалъ, что неприятель легко могъ атаковать на этомъ пунктѣ, даже кавалеріею, съ надеждою на успѣхъ.

Тутъ я вспомнилъ, съ какимъ отчаяніемъ отецъ мнѣ рассказывалъ въ 1850 году, что всѣ его просьбы и убѣжденія укрѣпить Севастополь съ сухопутной стороны, выдвинувъ значительно впередъ линію огня, остались безъ послѣдствій. Николай Павловичъ рѣшительно не хотѣлъ этого и шутилъ, говоря:— „Противъ кого ты это желаешь такъ укрѣплять Севастополь? противъ татаръ? они покорны, а въ случаѣ чего—и сдѣланнаго достаточно“.

Возможности высадки государь рѣшительно не допускалъ, не смотря на поразительное пророчество генерала Мормона (Duc de Raguse), который въ своихъ запискахъ, еще въ 1830 годахъ, указывалъ на Крымъ и Севастополь, какъ на вѣроятный театръ войны въ случаѣ разрыва между Англіей, Франціей и Россіею. У меня сохранился планъ Севастополя, на которомъ рукою отца моего указаны предположенные имъ измѣненія въ расположеніи Севастопольскихъ укрѣпленій. Онъ настаивалъ на томъ, чтобы выдвинуть впередъ всю лѣвую половину оборонительной линіи и для этого занять тѣ отдѣльныя возвышенія, на которыхъ горькій опытъ заставилъ въ послѣдствіи Тотлебена съ

большою потерю людей строить Селенгинскій, Волинскій и Камчатскій редуты. Въ 1857 г., въ Варшавѣ, баронесса Зассъ, рожденная графиня Штакельбергъ—читала мнѣ пространную статью „Times'a, весьма лестную для моего отца, въ которой англичанинъ отдавалъ полную справедливость его предусмотрительности и знанію инженернаго дѣла. Впослѣдствіи я неоднократно старался отыскать эту статью, но не успѣлъ въ этомъ; также мнѣ совершенно неизвѣстно какимъ образомъ редакторъ газеты „Times“ могъ получить эти свѣдѣнія. Отецъ былъ мало сообщителенъ и кромѣ какъ со мной, конечно, ни съ кѣмъ изъ постороннихъ никогда не говорилъ о разговорахъ своихъ съ государемъ.

Послѣ совершившагося десанта англо-французскихъ и турецкихъ войскъ въ Крыму я неоднократно задавалъ себѣ вопросъ, чему приписать рѣшительное мнѣніе государя и многихъ образованныхъ и опытныхъ военныхъ людей того времени, постоянно отвергавшихъ возможность десанта значительнаго отряда. Я полагаю, что въ Россіи не отдавали себѣ отчета въ огромныхъ успѣхахъ, сдѣланныхъ морскими державами, въ особенности же упускали изъ виду грамадное развитіе торговыхъ флотовъ, которое дало возможность собрать до 2,000 судовъ для перевозки десанта маршала Сентъ-Арно въ двое сутокъ изъ Варны къ берегамъ Крыма, не обременяя военныхъ судовъ, предназначенныхъ для встрѣчи нашего флота, на случай, если бы онъ не отказался выйти изъ Севастопольской бухты на неравный бой съ гораздо многочислѣннѣйшимъ непріателемъ, съ одними парусными противъ большаго числа отличныхъ паровыхъ судовъ ¹⁾. Мнѣ также приходила мысль, что можетъ быть рѣшительныя мнѣнія Наполеона I, выраженные въ письмахъ къ Іосифу, королю Неаполитанскому, опровергающія опасенія сего послѣдняго на счетъ ожидаемаго имъ десанта англичанъ въ Сициліи въ (?) году, можетъ быть, поддерживали въ нашихъ дѣятеляхъ 1854 года убѣжденіе, что значительнаго десанта, снабженнаго запряженною артиллеріею и обозомъ, перевезти невозможно.

Если видъ Севастопольскихъ укрѣпленій не представлялъ

¹⁾ У насъ кромѣ четырехъ маленькихъ пароходовъ, всѣ корабли были парусные, изъ которыхъ нѣкоторые были очень ветхи. В. Д.

ничего утѣшительнаго, зато оживленіе и необыкновенное усердіе войскъ, работавшихъ въ то время на всѣхъ пунктахъ нашей оборонительной линіи, не могли не утѣшать и не радовать русскаго сердца. Въ особенности поражали меня матросы своею находчивостью и ловкостью при перевозкѣ и установкѣ огромныхъ бомбическихъ орудій изъ гавани на бастионы. Всѣ сознавали, что въ близкомъ будущемъ должна рѣшиться участь Севастополя и судьба нашего славнаго Черноморскаго флота, который еще можно было воскресить, заставивъ непріятеля оставить Крымъ.

Возвратившись въ главную квартиру, я узналъ, что обо мнѣ справлялся кн. Меншиковъ, и когда узналъ, что я поѣхалъ въ Севастополь, сказалъ съ гримасою: „за-а-а-а-чѣмъ“? Вообще главная квартира представляла рѣзкій контрастъ съ Севастополемъ. Въ первой—мертвая тишина и уныніе, во второмъ — кипучая дѣятельность, при большихъ надеждахъ, взбужденныхъ энергіею Корнилова, необыкновенною заботливостью и самозабвеніемъ Нахимова и уже всѣми оцѣненными знаніемъ дѣла и пламеннымъ усердіемъ, которыми отличался Тотлебенъ. 28-го (сент.) прибылъ изъ Петербурга Альбединскій и привезъ извѣстіе о назначеніи полковника Попова начальникомъ главнаго штаба. Меня поразило, что маленькій Комовскій какъ-то двусмысленно отсылался объ этомъ назначеніи и потому я постарался узнать подробно, какъ это произошло и по чьей инициативѣ. Оказалось, что при отправленіи Альбединскаго въ Петербургъ, кн. Меншиковъ жаловался на недостатокъ офицеровъ генеральнаго штаба и спрашивалъ его, не знаетъ ли онъ таковыхъ въ Петербургѣ. Альбединскій называлъ кн. Меншикову нѣкоторыхъ изъ нихъ и между прочими Попова, и въ Петербургѣ счелъ долгомъ доложить объ этомъ разговорѣ государю, и затѣмъ послѣдовало назначеніе начальника главнаго штаба. Можетъ быть, и мои свѣдѣнія не совсѣмъ вѣрны, во всякомъ случаѣ дѣло невѣроятное, но подтверждается тѣмъ оригинальнымъ пріемомъ, которымъ кн. Меншиковъ озадачилъ своего новаго начальника штаба. Онъ его принялъ не только сухо, но невѣжливо и приказалъ немедленно отправиться къ ген.-лейт. фонъ Моллеру, номинальному начальнику Севастопольскаго гарнизона, говоря: „у него вы найдете много чертежныхъ и письменныхъ занятій“¹⁾.

¹⁾ См. «Записки А. Е. Попова» въ «Русской Старинѣ» 1877 г. т. XIX, 1878 г. т. XXI, 1881 г. т. XXXI. Ред.

Ө. Ө. Моллеръ командовалъ дивизією, расположенною уже нѣсколько лѣтъ въ Крыму, и потому случайно очутился начальникомъ Севастопольскаго гарнизона, въ чему не имѣлъ ни малѣйшаго призванія. Фигура его напоминала тѣхъ, о которыхъ императоръ Павелъ говорилъ, что онѣ, какъ наводящія уныніе, не должны быть терпимы. Я его еще помнилъ командиромъ л.-гв. Павловскаго полка, въ которомъ онъ пріобрѣлъ извѣстную всей гвардіи весьма не лестную репутацію

Въ Севастополѣ же во время его начальства оказалось, что хозяина не было. Къ счастью, однако, его никто не признавалъ начальникомъ, все было въ рукахъ Корнилова, Нахимова и Тотлебена; но, въ несчастію, прибытіе Попова измѣнило этотъ порядокъ, настолько, что стали появляться приказы и приказанія по войскамъ, напоминающіе о существованіи генерала Моллера. Я говорю „въ несчастію“,—и потому долженъ подтвердить свое мнѣніе примѣромъ: навѣстивъ разъ В. И. Истомина, командовавшаго отдѣломъ первыхъ двухъ бастионовъ и Малахова кургана, я засталъ Владиміра Ивановича въ бѣшенномъ состояніи. Успокоившись немного, онъ рассказалъ мнѣ причину своего гнѣва такимъ образомъ: „послѣ усиленнаго бомбардированія Севастопольскихъ укрѣпленій 5-го и 6-го октября, начальствующія лица и весь гарнизонъ имѣли полное основаніе ожидать, что непріятель попытается овладѣть Севастополемъ открытою силою, и потому генералъ Моллеръ снабдилъ всѣхъ отдѣльныхъ начальниковъ особыми диспозиціями на случай штурма. Въ диспозиціи, полученной В. И. Истоминимъ, были поименованы полки, которые никогда не входили въ составъ его отряда, а войска, которыя находились подъ его командой—не были вовсе упомянуты. Полученіе такой диспозиціи, когда всѣ ожидали штурма, не могло не взбѣсить положительнаго, основательнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и пылкаго человѣка, какимъ былъ В. И. Истоминъ. Онъ немедленно поскакалъ объясниться съ Моллеромъ, который спѣшилъ извиниться и сказалъ при этомъ въ свое оправданіе — „вотъ вы сердитесь, но повѣрите-ли, столько дѣла, что, право, не до письма“

Этотъ господинъ, хотя номинально, но оставался затѣмъ еще болѣе мѣсяца начальникомъ гарнизона, который никогда его не видалъ. Въ первыхъ числахъ октября Виллебранту поручилъ

вн. Меншиковъ сдѣлать маленькую рекогносцировку отъ Байдарской долины къ Балаклавѣ съ цѣлью отодвинуть неприятельскіе аванпосты. Скучая безъ дѣла въ расположеніи главной квартиры, желая ознакомиться съ мѣстностью мало извѣстною вообще,—карты были плохія, а окрестностей Севастополя, отъ Инкермана до Балаклавы, даже вовсе не было карты, до пріѣзда великаго князя Николая Николаевича,—я примкнулъ къ отряду Виллебранта, составленному изъ 2-хъ эскадроновъ своднаго резервнаго уланскаго полка, подполковника Еропкина и нѣсколькихъ казаковъ. Къ намъ присоединился еще одинъ туристъ дипломатъ Гротъ, бывший секретарь константинопольской миссіи, игравшій весьма не видную роль начальника дипломатической канцеляріи у вн. Меншикова, въ то время, когда, по выраженію донесенія маршала Сентъ-Арно своему императору, *le canon avait parlé* (заговорила пушка). Горными тропинками мы пробрались въ Байдарскую долину съ одними казаками; Еропкинъ долженъ былъ присоединиться къ намъ сутками позже; для ночлега расположились въ татарской саклѣ, очень комфортабельно, и рѣшили на другой день съѣздить на южный берегъ, не смотря на возможность встрѣтить команду французовъ или англичанъ и весьма легко попасть въ плѣнъ. Эта мысль мнѣ пришла три дня спустя, когда мы возвращались домой, а попавъ въ Байдары, мнѣ казалось непростительнымъ не полюбоваться южнымъ берегомъ, о которомъ я слышалъ столько восторженныхъ рассказовъ. Сама по себѣ прекрасная Байдарская долина пріятно поражала меня тѣмъ спокойствіемъ сельской тишины, которую, конечно, никто изъ насъ не ожидалъ найти такъ близко отъ двухъ враждебныхъ лагерей.

Рано утромъ мы отправились, конечно верхомъ, взглянуть на южный берегъ; послѣ значительнаго подъема по извилистому прекрасному шоссе, мы доѣхали до такъ называемыхъ, кажется, Желѣзныхъ воротъ, откуда открывается очаровательный видъ на море и на безконечный рядъ садовъ, защищенныхъ горами отъ сѣвера и потому представляющихъ растительность, напоминающую Неаполь и Генуэзскій заливъ. Я вообще не большой цѣнитель прелестей природы, но на сей разъ я особенно наслаждался всѣмъ, что представлялось моимъ взорамъ. Мы заѣзжали на дачи гр. Перовскаго, Безбородко и другихъ, которыхъ не помню.

Нагулявшись и накупивъ винограду, мы возвратились въ Байдары въ вечеру, разсуждая о томъ, какъ легко мы могли дорого заплатить за наше любопытство. На другой день, рано утромъ, мы выступили уже, съ присоединившимся къ намъ Еропкинымъ, къ Балаклавѣ. Дорогою, уже въ виду непригельскихъ аванпостовъ, я замѣтилъ Еропкину, что онъ безоруженъ, полагая, что онъ забылъ пристегнуть саблю. Но онъ пресерьезно мнѣ отвѣчалъ: „зачѣмъ мнѣ сабля? пусть наскочетъ, я и безъ оружія приму какъ слѣдуетъ“, при этомъ онъ показалъ кулакъ. Я принялъ это тогда за фанфаронство армейской удали, но каково было мое удивленіе, двѣ недѣли спустя, когда мнѣ разсказали, что въ дѣлѣ 14-го октября, когда англійская кавалерія лорда Кардигана атаковала нашъ отрядъ въ Кадыкійской долинѣ, и англійскій драгунскій офицеръ наскочилъ на Еропкина, то сей послѣдній выждалъ его на мѣстѣ и ударомъ кулака сшибъ съ лошади. Наша военная прогулка окончилась безъ приключеній, непріатель отодвинулъ свои аванпосты, а мы возвратились на скучнѣйшій Бельбекъ.

Въ это время находился въ Крыму адъютантъ харьковскаго генераль-губернатора, фамилію котораго не могу припомнить; онъ увѣзжалъ и потому охотно продалъ мнѣ свою добрую татарскую сѣрую лошадуку съ сѣдломъ и принадлежностями. Не помню, котораго числа Левашевъ хотѣлъ пробовать покупаемую имъ лошадь и предложилъ мнѣ вмѣстѣ пробѣхать верхомъ. Только что спустились мы въ долину Бельбека, какъ встрѣтили фельд-егера. Поровнявшись съ нами, онъ остановился и подалъ мнѣ пакетъ отъ военнаго министра. Это было высочайшее повелѣніе съ полученіемъ немедленно отправиться на Чангарскій мостъ въ Еникале и въ Арбатскую крѣпость и представить свои соображенія, если я найду полезнымъ и возможнымъ укрѣпить Чангарскій мостъ и въ Еникалѣ проходъ въ Сивашъ, а что касается Арбата—только осмотрѣть производимыя тамъ работы. Мы, конечно, съ Левашевымъ повернули назадъ; дорогой онъ мнѣ сказалъ, что ему пробуемая имъ лошадь не нравится—и предложилъ мнѣ оставить мою лошадь у него, а для предстоящей мнѣ поѣздки взять въ замѣнъ его тарантасъ (у меня экипажа не было)—я такъ спѣшилъ, ѣдучи въ Крымъ, что не успѣлъ купить таковаго въ Москвѣ. Я объ этомъ такъ распространяюсь

по двумъ причинамъ, во-первыхъ потому, что эта сдѣлка съ Левашевымъ была единственная выгодная афера въ жизни моей, а во-вторыхъ—по печальнымъ послѣдствіямъ, которыя она имѣла для (Н. В.) Левашева.

Хотя я и не зависѣлъ отъ кн. Меншикова, я отправился къ нему, объявилъ ему о полученномъ мною высочайшемъ повелѣніи и на другой день рано утромъ поскакалъ на Симферополь къ Чангарскому мосту. Впослѣдствіи я узналъ, что кн. Меншикову не нравились мои прямые отношенія къ военному министру, а Грейгъ, по возвращеніи изъ Петербурга, называлъ меня шута индепендентомъ, вѣроятно вслѣдствіе разговора съ Александромъ Сергѣевичемъ, который съ тѣхъ поръ сталъ обнаруживать свое ко мнѣ недоброжелательство. Не стану распространяться и входить въ подробности моего путешествія; я ѣхалъ по дорогѣ пустынной, степной, по которой распорядительный таврической губернской г.-л. Пестель направилъ, немедленно послѣ полученнаго извѣстія о высадкѣ непріятельскихъ войскъ, огромный обозъ со всѣмъ архивомъ и дѣлами симферопольскаго губернскаго правленія. По распоряженію кн. Меншикова эта глупость была скоро исправлена. Мнѣ предстояло положительно убѣдиться, какой опасности могъ подвергаться Чангарскій мостъ—еслибы непріятель, уничтоживъ всѣ препятствія, устроенныя при входѣ въ Азовское море противъ Керчи и Еникале, проникъ бы не только въ Азовское море, но и успѣлъ послать вооруженные катера чрезъ узкій проливъ между Геническимъ и оконечностью Арбатской косы, въ Сивашъ (гнилое море). Слѣдовательно, я долженъ былъ собрать свѣдѣнія—совершенно отсутствующія, hélas, и въ главной квартирѣ и въ военномъ министерствѣ,—о степени возможности и удобства прохода для мелкихъ судовъ чрезъ вышеуказанный проливъ въ Геническѣ и плаванія по Сивашу. По тщательнымъ справкамъ оказалось, что Сивашъ бываетъ судоходенъ для гребныхъ судовъ лишь при сильномъ восточномъ вѣтрѣ и то по небольшой части своего пространства, что 60 саженный проливъ на сѣверной оконечности Арбатской косы во всякое время можетъ быть легко загражденъ затопленіемъ всегда имѣющихся въ Геническѣ баржъ и другихъ мелкихъ судовъ. Пробывъ въ Геническѣ двое сутокъ и убѣдившись, къ удивленію своему, что запасы провіанта, о

которыхъ я много слышалъ въ главной квартирѣ, совсѣмъ не такъ значительны, какъ меня увѣряли, я отправился по Арбатской косѣ въ Керчь. Я выѣхалъ изъ Геническа вечеромъ, ночью поднялась буря и мнѣ представилось рѣдкое зрѣлище: мѣстами Арбатская коса не шире ста сажень между Сивашемъ и Азовскимъ моремъ, первое остается почти покойнымъ, но Азовское сильно бушуетъ; огромные валы набѣгаютъ на косу и постоянно угрожаютъ, по крайней мѣрѣ такъ кажется, поглотить несчастнаго путешественника и увлечь его въ море....

На слѣдующее утро я благополучно прибылъ въ Керчь; погода была прекрасная, солнце арко освѣщало бѣлые дома, Митридатову гору и на ней—Керченскій музей, напоминающій своею архитектурою Пестумъ и развалины храма Нептуна. Оказалось, что большая часть археологическихъ драгоценностей, собранныхъ въ этомъ музеѣ, была уже вывезена, остальное было упаковано и ожидало отправленія; такимъ образомъ, мнѣ не удалось осмотрѣть этой рѣдкой коллекціи,—все, что было найдено при раскопкѣ кургановъ восточной части Крымскаго полуострова. Я немедленно явился къ ген.-ад. Хомутову, войсковому атаману войска Донскаго, прибывшему форсированными маршами изъ Новочеркаска, немедленно по полученіи извѣстія о высадкѣ непріятеля въ Крыму, съ нѣсколькими наскоро собранными полками. Полки эти были расположены вдоль морскаго берега, въ видѣ наблюдательныхъ постовъ, но, какъ мнѣ показалось, не могли принести ни малѣйшей пользы. Градоначальникъ князь Гагаринъ поразилъ меня равнодушіемъ, съ которымъ онъ относился ко всѣмъ новѣйшимъ событіямъ, такъ сильно взволновавшимъ всю Россію. Инженерный полковникъ Натъ показывалъ мнѣ Павловскую батарею, построенную верстахъ въ четырехъ отъ города, для обстрѣливанія эстакады, изъ, сколько помнится, 70-ти потопленныхъ судовъ, запирающей входъ въ Керченскій проливъ. На другой день я осматривалъ старую турецкую крѣпостцу Еникале, вооруженную какими-то древними чугунными коронадами, которыми мечтали обстрѣливать другую эстакаду, преграждающую проходъ чрезъ проливъ Еникальскій. Впослѣдствіи оказалось, что эстакады эти не представляли никакой прочности, вѣроятно, суда, ихъ составлявшія, не были довольно нагружены камнемъ или якоря были малы, или канаты, которыми

они прикрѣплялись, были гнилы, но, какъ извѣстно, непріятель свободно прошелъ въ Азовское море, не бывъ даже вынужденъ разбирать этихъ эстакадъ. Планъ этихъ фантастическихъ сооружений у меня сохранился. На обратномъ пути въ Севастополь, я осматрѣлъ Арбатскую, soi-disant, крѣпость, которую приводилъ въ оборонительное положеніе инженерный оберъ-офицеръ, фамилію котораго не могу припомнить, но помню, что онъ со мною согласился, что его труды совершенно бесполезны.

VI.

Военныя дѣйствія въ октябрѣ 1854 г.

Чѣмъ было вызвано сраженіе подъ Кады-Кіюй. — Отношеніе главнокомандующаго къ войску. — Полное отсутствіе картъ. — Инкерманское сраженіе. — Причины нашихъ неудачъ. — Отступленіе войскъ. — Способы перевозокъ раненныхъ.

15-го октября, пополудни, въ знойный день, не смотря на позднее время года, возвратился я въ Симферополь, голодный и уставшій, не смотря на Левашевскій тарантасъ; я велѣлъ себя везти прямо въ гостинницу „Золотаго якоря“ и немедленно заказалъ себѣ обѣдъ, въ ожиданіи котораго я ходилъ по комнатамъ. Не успѣли мнѣ еще подать обѣда, какъ вдругъ звукъ колокольчика и шумъ подъѣзжавшей телѣги привлекли мое вниманіе на улицу. Къ подъѣзду „Золотаго якоря“ подкатила телѣга, на которой сидѣлъ въ солдатской шинели и адъютантской фуражкѣ арапъ, съ большимъ, никогда не виданнымъ въ Африкѣ, носомъ. Къ моему неопisanному удивленію оказалось, что это Левашевъ, возвращавшійся изъ Бессарабіи, куда на другой же день моего отъѣзда изъ главной квартиры посылалъ его кн. Меншиковъ; тогда-то оказалось, что въ то время, какъ моя лошадь отдыхала на Бельбежѣ на продовольствіи Левашева, какъ я пользовался удобствами тарантаса Левашева, онъ самъ прокатился въ телѣгѣ, на солнцѣ и пыли, до Бендеръ и обратно.

Пообѣдавъ съ Левашевымъ, мы вмѣстѣ отправились въ главную квартиру, которую застали гораздо бодрѣе, чѣмъ оставили; причина тому была побѣда, одержанная 13-го октября подъ селеніемъ Кады-кіюй. Героємъ этого эфемернаго успѣха, какъ оказалось впоследствии, былъ Липранди. Я не имѣю намѣренія

описывать главные событія кампаніи 1854—1855-хъ годовъ, они принадлежать исторіи и уже давно получили общую извѣстность, но я знаю, по опыту, что важныя событія происходили иногда отъ самыхъ ничтожныхъ причинъ, иногда совсѣмъ независимо отъ тѣхъ лицъ, которыя, послѣ удачнаго результата, приписывали себѣ, своимъ соображеніямъ, своей дальновидности и мудрости успѣхъ, для нихъ самихъ неожиданный, случайный... Поэтому, по моему мнѣнію, интересны всѣ подробности, имѣющія какое-либо отношеніе къ главнымъ событіямъ военнаго времени.

11-го октября кн. Меншиковъ потребовалъ къ себѣ адъютанта своего, барона Виллебранта, и сообщивъ ему, что государь упрекаетъ его его бездѣйствіе, приказалъ немедленно отправиться къ генералу Липранди, въ Чаргунскій отрядъ, и спросить его: «не можетъ-ли онъ завтра съ своимъ отрядомъ «помаячить», *textuel* (дословно). Подобная опредѣлительность приказаній всегда отличала главное командованіе кн. Меншикова въ Крыму. Само собой разумѣется, генералъ Липранди былъ озадаченъ подобнаго рода предложеніемъ и просилъ отвѣчать, что завтра онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ ничего предпринять, но что онъ употребить слѣдующій день для осмотра позицій непріятеля и можетъ быть 13-го сдѣлаетъ нападентіе на высоты, лежащія впереди селенія Кады-кюй, — высоты, на которыхъ непріятель устроилъ и уже началъ вооружать батареи. Такимъ образомъ состоялось дѣло 13-го октября, получившее громкую извѣстность истребленіемъ нашею артиллеріею почти всей отборной англійской, весьма немногочисленной, кавалеріи, которая по недоразумѣнію, подъ предводительствомъ лорда Кардигана, безумно атаковала нашу полевую артиллерію и попала подъ перекрестный огонь нашихъ батарей. Настоящій результатъ маяченія генерала Липранди состоялъ въ уничтоженіи двухъ непріятельскихъ батарей, еще не вполнѣ вооруженныхъ турецкими орудіями, прислуга и прикрытіе которыхъ бѣжали послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ изъ двухъ полевыхъ орудій, увезенныхъ турками, и еще въ томъ, что вниманіе непріятеля было обращено на Кады-кюйскую долину и на дорогу, ведущую чрезъ эту долину въ Севастополь. Съ тѣхъ поръ непріятель сильно укрѣпилъ высоты, командующія долину Кады-кюй, и расположилъ свои батареи такъ, что вышеозначенная дорога могла быть сильно перекрестно обстрѣ-

ливаема. Не смотря на это, съ этого времени начали составлять у насъ предположенія атаковать непріятели на этомъ пунктѣ— и только откладывали его исполненіе до ожидаемаго прибытія 10-й и 11-й пѣхотныхъ и 2-й драгунскихъ дивизій¹⁾, шедшихъ на присоединеніе къ намъ форсированными маршами.

Я привожу этотъ любопытный фактъ, во-первыхъ, потому, что я могу ручаться за его достовѣрность (мнѣ объ этомъ говорилъ В. И. Истомина), во-вторыхъ, потому, что онъ доказываетъ справедливость моихъ словъ относительно состоянія нашей оборонительной линіи между 3-мъ бастіономъ и Малаховой башнею, и между сей послѣдней и 2-мъ бастіономъ. Дѣйствительно, хорошо должно было быть устройство нашей обороны, когда такой офицеръ, какъ В. И. Истомина, ни минуты не усумнился, когда ему доложили, что непріятель атакуетъ кавалеріею и приказалъ открыть огонь по несчастнымъ каргопольскимъ лошадямъ, топотомъ своимъ во тьмѣ ночной произведшимъ тревогу на всей дистанціи контръ-адмирала Истомина.

16 или 17 октября, главная квартира передвинулась къ селенію Чаргунъ, гдѣ сосредоточивались всѣ войска, прибывающія къ намъ на поддержаніе. Тутъ мнѣ случилось объѣзжать въ свитѣ кн. Меншикова вновь пришедшія войска; при приближеніи главнокомандующаго къ одному изъ пѣхотныхъ полковъ, солдаты, со всѣхъ концовъ своего расположенія, бѣгомъ бросились на встрѣчу главнокомандующему; это видимо не понравилось Александру Сергѣевичу, который нѣсколько разъ сказалъ: „qu'est-ce qu'ils me veulent?“ (чего они хотятъ отъ меня?), потомъ какъ-бы не хотя тихимъ голосомъ поздоровался—и уѣхалъ. Я себя при этомъ тщетно задавалъ вопросъ: „русскій-ли это главнокомандующій?“ Мнѣ было и больно и грустно, и жаль

---

¹⁾ Здѣсь, кажется, память мнѣ измѣнилась... кажется, 2-я драгунская дивизія пришла гораздо ранѣе и вотъ почему: по возвращеніи моемъ изъ Керчи, не помню котораго именно числа, я видѣлъ въ главной квартирѣ—нѣсколько лошадей Каргопольскаго драгунскаго полка и слышалъ весьма любопытный разговоръ о томъ, какъ ночью съ бивуака шархнувшіяся лошади Баргопольскаго полка поскакали во всю конскую прыть—мимо Кады-кюй—по Балаклавской дорогѣ, прямо въ англійскій лагерь. Будучи встрѣчены батальнымъ огнемъ озадаченными англичанами, лошади эти поскакали дагѣ по направленію къ Малахову кургану и 2 бастіону, откуда по нимъ открыли огонь наши войска.

бѣдныхъ недоумѣвающихъ солдатъ. Прибытіе на подкрѣпленіе арміи кн. Меншикова двухъ дивизій пѣхоты и одной драгунской нась чрезвычайно ободрило и всѣ дѣлали различныя предположенія относительно вѣроятнаго и близкаго перехода нашихъ войскъ въ наступленіе. Кн. Меншиковъ былъ еще таинственнѣе, чѣмъ обыкновенно, штабныя фигуры были мнѣ антипатичны до нельзя, слѣдовательно я отъ нихъ не могъ ничего узнать, а потому я терпѣливо ожидалъ событій. Наконецъ, 20-го октября, Левашевъ провѣдалъ, что генераль Данненбергъ—представилъ главнокомандующему предположеніе атаковать непріятеля отъ Инкермана и лѣваго фланга Севастопольской оборонительной линіи, привлекая предварительно все вниманіе непріятеля на правый флангъ нашей оборонительной линіи сильною вылазкою. Носились слухи, что это предположеніе одобрено главнокомандующимъ, и что для приведенія его въ дѣйствіе главные наши силы будутъ въ скоромъ времени передвинуты на Мекензиеву гору и къ сѣверной сторонѣ Севастополя. Все это оказалось основательнымъ и войска стали понемногу, не измѣняя положенія бивуаковъ, расположенныхъ впереди Чаргуна, переходить на вновь назначенныя имъ позиціи. 21 октября главная квартира оставила свое Чаргунское бивуачное расположеніе и перешла на сѣверную сторону Севастополя. До выступленія нашего, меня потребовалъ главнокомандующій и объявилъ, что государю угодно, чтобы я состоялъ при немъ и при этомъ, кривя душой, сказалъ мнѣ нѣсколько весьма не искреннихъ любезностей.

Между тѣмъ, ожидали прибытія великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей, говорили также, что наступательныя наши дѣйствія начнутся не 23 числа, какъ было предположено сначала, а 24, чтобы дать возможность великимъ князьямъ участвовать въ дѣлѣ. Какимъ образомъ всѣ эти толки и предположенія могли оставаться тайною для непріятеля—для меня до сихъ поръ непостижимо!... Наконецъ, великіе князья пріѣхали, принятая диспозиція генерала Данненберга съ поправками, сдѣланными въ ней, какъ тогда говорили, по инициативѣ полковника Попова, должна была приводиться въ исполненіе съ разсвѣтомъ 24-го октября. Въ настоящее время всѣмъ давно извѣстны всѣ событія, всѣ ошибки плачевнаго для насъ 24-го октября, но

есть обстоятельства, которые остались тайною, вѣроятно, потому, что ихъ разоблаченіемъ уже слышеомъ должно было страдать самолюбіе дѣйствующихъ лицъ. Напримѣръ, всё говорили, всё писали, что генералъ Соймоновъ не исполнилъ своего движенія на точномъ основаніи диспозиціи, что онъ перешелъ Киленбалку когда ему слѣдовало подвигаться по лѣвому ея краю и т. д.

Но никто откровенно не сознается, что ни въ главной квартирѣ, ни въ Севастопольскомъ гарнизонѣ не было ни одной, даже посредственной, карты Севастополя, и въ особенности той мѣстности, на которой предполагалось дѣйствовать 24-го октября. Между тѣмъ великій князь Николай Николаевичъ привезъ съ собою одну небольшую, весьма удовлетворительную карту, полученную имъ отъ ген. Анненкова въ Одессѣ. Карта эта, литографированная въ топографическомъ депо, какъ оказалось впоследствии, хранилась въ большомъ числѣ экземпляровъ, но въ строжайшей тайнѣ, въ архивѣ главнаго штаба въ Петербургѣ. Никто не говоритъ въ оправданіе генерала Соймонова, что онъ ссылался на свое незнаніе мѣстности и на неимѣніе картъ и плановъ, что вслѣдствіе этого къ нему были откомандированы 23-го числа, вечеромъ, два матроса, въ качествѣ проводниковъ, но что матросы эти, на разсвѣтъ 24-го октября, когда ожидалась отъ нихъ важная услуга, оказались пьяными и не могли служить путеводаителями.

Инкерманское сраженіе или, какъ его называли въ официальной корреспонденціи того времени, „большая вылазка“, уже подробно, неоднократно описано, — я не буду входить въ подробности и въ критическій разборъ распоряженій начальства до и во время самаго дѣла. Многие обвиняютъ генерала Данненберга и считаютъ его виновникомъ неудачи, этой единственной серьезной и хорошо задуманной попытки заставить непріятеля отказаться отъ осады Севастополя. Я не раздѣляю этого мнѣнія и всегда отвѣчалъ на сильныя выходки порицателей ген. Данненберга, что, не защищая сего послѣдняго, я не могу признать виновнымъ подчиненнаго, дѣйствующаго на глазахъ своего начальника, котораго обязанность была исправить замѣченныя ошибки, если онъ не успѣлъ предупредить ихъ. Кн. Меншиковъ, очевидно, не хотѣлъ взять на себя отвѣтственности за послѣдствія предпріятія, одобреннаго имъ въ военномъ совѣтѣ, и

потому не спѣшилъ выѣхать на поле сраженія. По диспозиціи ген. Данненбергъ долженъ былъ начать свое наступательное движеніе въ 5 час. утра; зная это, весь штабъ кн. Меншикова, въ томъ числѣ и я, былъ готовъ и на коняхъ ранѣе 5 ч., но намъ пришлось прождать до 8-ми час. и тогда только двинулись мы по направленію къ Инкерманскому мосту, т. е. въ то время, когда стремительно атакующія войска наши уже выбили непріятели изъ укрѣпленій, составлявшихъ крайній правый флангъ расположенія англійскихъ войскъ. Мостъ, при впаденіи рѣки Черной въ Севастопольскую бухту, приказано было возобновить, чтобы не привлечь вниманія непріятели, лишь наканунѣ вечеромъ: матросы, которымъ были поручены эти работы, усердно проработали всю ночь и, не смотря на это, задержали наступленіе авангарда генер. Данненберга, подъ командою ген. Павлова. Когда главнокомандующій съ великими князьями и свитою проѣзжалъ чрезъ Инкерманскую гать и мостъ, уже встрѣчались раненые ¹⁾, съ ассистентами; тутъ мнѣ объяснили, что это дѣло у насъ обыкновенное; когда раненый выбываетъ изъ строя, къ нему пристають, въ видѣ провожатыхъ, двое-трое или болѣе товарищей, отстають отъ своихъ частей и тѣмъ, безъ надобности, въ огромныхъ размѣрахъ увеличиваютъ число выбывшихъ изъ строя. Въ самомъ началѣ дѣла, послѣ занятія двухъ непріятельскихъ укрѣпленій, наши передовыя части сильно страдали отъ непріятельской артиллеріи, наша отстала, ее искали, самъ главнокомандующій подгонялъ обгонявшія насъ батареи, при этомъ замѣтна была какая-то злобѣщая неурядица, суетливость, просто, беспорядокъ. Такъ въ этой суматохѣ одинъ фейерверкеръ упалъ и чрезъ него переѣхало орудіе. Все это не предвѣщало ничего добраго.

Взобравшись, наконецъ, на возвышенную плоскость, пересѣченную только нѣсколькими оврагами и называемую Сапунъ-гора, я надѣялся получить хотя слабое понятіе о движеніи и дѣйстви нашихъ войскъ, но надежда эта не сбылась. Кн. Меншиковъ не двигался впередъ, не получалъ донесеній, не посылалъ приказаній, однимъ словомъ, уничтожилъ всѣ мои понятія

---

¹⁾ Въ лазаретномъ фургоноѣ перевязывали раненаго полковника Бибикова, командира Охотскаго егерскаго полка. В. Д.

о ходѣ сраженій вообще. Разъ только онъ сказалъ Альбединскому проѣхать впередъ и посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Другой разъ приказалъ Владимірскому пѣхотному полку, проходившему мимо насъ, переменить направленіе. Мы были такъ далеко отъ непріятеля, что до насъ долетали почти только безвредные снаряды. Изъ всего этого видно, что никто изъ составлявшихъ свиту главнокомандующаго не могъ получить и малѣйшаго понятія о ходѣ дѣла, и еще менѣе получить право критики.

Вслѣдъ за нами взобрались на Сапунъ-гору многочисленныя провіантскіе полуфурки, нагруженные турами, съ помощью которыхъ надѣялись насоро устроить нѣсколько полевыхъ укрѣпленій, чтобы удалить непріятеля отъ Севастополя и чтобы имѣть точку опоры для предвидѣннаго сильнаго натиска французовъ. Дѣйствительно, сіи послѣдніе не дались въ обманъ вылазкою, сдѣланною ген. Тимоеевымъ, и, оставивъ противъ его отряда небольшую часть своихъ войскъ, послали весь корпусъ генерала Bosquet, au pas gymnastique, на выручку отступающихъ англичанъ. Говорятъ, что Bosquet, проходя мимо дороги, ведущей отъ Кады-кюй, и видя многочисленный отрядъ нашихъ войскъ, повидимому, готовый двинуться впередъ въ Чаргунской долины, приостановилъ свои войска, но чрезъ нѣсколько минутъ продолжалъ свое движеніе, которому и были обязаны англичане своимъ спасеніемъ, а мы потеряю не только сраженія, но и надежды въ будущемъ заставить непріятеля снять осаду и оставить Крымъ.

Послѣ Инкерманской нашей неудачи много было толковъ; одни обвиняли Липранди въ его бездѣйствіи, другіе правильно—кн. Н. Д. Горчакова, которому Липранди былъ подчиненъ, и потому самостоятельно не имѣя право дѣйствовать, не несъ и отвѣтственности. По моему мнѣнію, неслыханное дѣло совершеннаго бездѣйствія отряда кн. Горчакова, сильнаго кавалеріею и потому имѣвшаго возможность доставить огромный перевѣсъ нашему оружію противъ непріятельскаго, должно пасть исключительно на отвѣтственность кн. Меншикова, доставившаго готовую, хотя, можетъ быть, и не удовлетворительную, отговорку кн. Горчакову измѣненіемъ редакціи диспозиціи. Въ диспозиціи этой было сказано, между прочимъ, что когда атакующія войска отъ Инкермана оттѣснятъ англичанъ и будутъ подходить къ непріятельскимъ укрѣпленіямъ, защищающимъ

Воронцовскую дорогу, ведущую мимо Кады-койи отъ Комары въ Севастополь, отряду кн. Горчакова „атаковать“ и т. д. ¹⁾.

Окончательно пересматривая эту диспозицію, кн. Меншиковъ вычеркнулъ слово: атаковать, и замѣнилъ его другимъ: отвлекать, вслѣдствіе чего кн. Горчаковъ и полагалъ, что онъ въ точности исполняетъ приказаніе главнокомандующаго, маневрируя со своимъ отрядомъ и стрѣляя изъ орудій на баснословное разстояніе, не дѣлавъ ни малѣйшей попытки — взойти на Сапунъ-гору. Само собой разумѣется, опытнаго генерала Боске этою демонстраціею обмануть было трудно; не задумываясь долго, онъ двинулъ всѣ свои войска въ подмогу англичанамъ, оставивъ для наблюденія за Чаргунскимъ отрядомъ лишь одну бригаду. Генераль Липранди въ своемъ донесеніи писалъ, не знаю на какомъ основаніи, что: „наступленіе его дивизіи достигло вполнѣ желаемой цѣли“ и т. д. Мнѣ по сіе время также осталось неизвѣстнымъ, почему генераль Липранди доносилъ объ этихъ продѣлкахъ, — дѣломъ ихъ назвать нельзя, — а не кн. Горчаковъ, который командовалъ всѣмъ Чаргунскимъ отрядомъ, состоявшимъ приблизительно изъ 25,000 человекъ и, кажется, имѣлъ до 100 орудій, а потому мнѣ кажется объ одной дивизіи генерала Липранди не должно было быть и рѣчи.

Любопытно еще, что въ то время за бездѣйствіе Чаргунскаго отряда никто и не думалъ обвинять кн. Горчакова, а всѣ очень сильно порицали Липранди, и говорили, что сей послѣдній, какъ самолюбивый эгоистъ, не хотѣлъ, чтобы кн. Горчаковъ атаковалъ непріятеля, предвидя, что въ случаѣ успѣха, честь этого дѣла будетъ принадлежать старшему, въ случаѣ же неудачи, обвинять Липранди почему-де онъ не воспротивился распоряженіямъ кн. Горчакова. Изъ этого видно, что въ то время въ нашей арміи противодѣйствіе прямому начальству считалось дѣломъ обыкновеннымъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ — считалось обязанностью. Вообще меня поражали часто и наводили на грустные размышленія примѣры совершенной распушенности, явно доказывающіе, что настоящая дисциплина достигается не варварскою строгостью, а примѣромъ старшихъ ²⁾.

¹⁾ Не сохранивъ этой диспозиціи, я, конечно, не ручаюсь за точность вырженій.

²⁾ Въ нашей арміи въ то время, и даже позже, когда я командовалъ полкомъ, я считалъ (нѣкоторыхъ) офицеровъ гораздо менѣ солдатъ заслуживающими уваженія.

Когда я приходилъ въ ужасъ при видѣ разныхъ, по моему мнѣнію непростительныхъ, безпорядковъ, меня называли новичкомъ, прибавляя: „это вѣдь все Красное село“. Конечно, это меня нисколько не убѣждало, ибо по моему мнѣнію въ Красномъ селѣ приучали насъ къ порядку, точности исполненія приказаній и строгому пониманію долга не для Краснаго села, а для военнаго времени, когда всякій безпорядокъ, всякое даже мелкое упущеніе влечетъ за собой неминуемо самыя вредныя послѣдствія. Мнѣ случилось видѣть, какъ раненый въ ногу солдатъ отбивалъ прикладъ своего ружья, бросалъ штыкъ и употреблялъ стволъ въ видѣ палки. При отступленіи нашихъ войскъ за Черную рѣчку по гати, Бородинскій полкъ стрѣлялъ въ воду, ни одинъ офицеръ не обратилъ на это вниманія; я наконецъ не выдержалъ и обратился къ одному изъ офицеровъ съ вопросомъ: „что они дѣлаютъ“?—онъ отвѣчалъ: „это—такъ, ничего“...

Офицеръ этотъ оказался самъ командиръ полка, полковникъ Гордѣевъ, шедшій пѣшкомъ между солдатами, повидимому совершенно отказавшійся отъ того значенія и вліянія, которыя возлагались на него его званіемъ и чиномъ. Впослѣдствіи я съ удовольствіемъ читалъ, что онъ уволенъ въ отставку уже въ чинѣ генераль-маіора. На этой гати, куда я былъ посланъ кн. Меншиковымъ ¹⁾ когда уже не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія, что мы окончательно были разбиты, я засталъ страшный безпорядокъ, объясняющійся вполне безучастіемъ и совершенною пассивностью начальствовавшихъ лицъ. Генераль Павловъ проѣхалъ съ видимымъ удовольствіемъ куря сигару, но не обращая

---

¹⁾ Для наблюденія за порядкомъ и немедленнымъ уничтоженіемъ моста послѣ окончательнаго отступленія всѣхъ нашихъ войскъ. Когда я сказалъ по приказанію кн. Меншикова къ устью Черной рѣчки мимо заряднаго ящика, лошади котораго были убиты, одна изъ нихъ, пристражная, еще не окончательно надохла и въ тотъ самый моментъ, когда я поровнялся съ нею, съ усиліемъ и глухимъ стономъ приподнялась и перевернулась на спинѣ. Это моего татарскаго скакуна до того озадачило, что онъ совсѣмъ для меня неожиданно сдѣлалъ огромный прыжекъ вправо, я съ трудомъ усидѣлъ, но не могу сказать въ сдѣлѣ, а почти на передней лужѣ казачьяго сѣдла, къ которому не привыкъ и терпѣть не могу, и ужасно ушибся, такъ что, какъ говорятъ въ простонародіи, искры изъ глазъ посыпались, но задумываться было некогда и кромѣ легкой боли въ теченіи нѣсколькихъ дней никакихъ дурныхъ послѣдствій отъ того ушиба не было. В. Д.

ни малѣйшаго вниманія на поспѣшное отступленіе войскъ. Разныя повозки—лазаретныя фургоны двигались медленно на измученныхъ лошадяхъ, часто останавливаясь и заграждая дорогу—отступающимъ полкамъ. Съ удовольствіемъ отдаю справедливость Селенгинскому и Якутскому полкамъ, которые хотя потерпѣли не менѣе другихъ и даже должны были отступить еще съ бѣльшею поспѣшностью, чѣмъ другіе, потому что, до послѣдней минуты составляя лѣвое крыло нашей арміи, они рисковали быть отрѣзанными французами, сильно налегавшими на нашъ лѣвый флангъ, проходили въ порядкѣ, и по моему предложенію, пройдя гать, полковникъ Лабошинскій, командиръ Селенгинскаго полка, немедленно построилъ свой полкъ въ колонны къ атакѣ для встрѣчи непріятеля, еслибы онъ вздумалъ преслѣдовать насъ за правый берегъ Черной рѣчки.

На правомъ берегу Черной рѣчки, близъ дороги, у подошвы скалистаго возвышенія расположенъ былъ перевязочный пунктъ, гдѣ человекъ двадцать медиковъ исполняли свою трудную обязанность, дѣлая перевязки и ампутаціи, при этомъ видно было и нѣсколько священниковъ. Еще не всѣ полки спустились въ долину Черной рѣчки, когда непріятель, поставивъ два орудія на отвѣсномъ возвышеніи, составляющемъ лѣвый берегъ Черной рѣчки, открылъ огонь по нашимъ отступающимъ войскамъ. Какъ скоро первая граната упала въ долину, все бросилось бѣжать; тщетно я старался возстановить порядокъ, никто меня не слушался: пробѣгая мимо, солдаты съ удивленіемъ смотрѣли на послороннаго человека, старавшагося о томъ, что такъ мало занимало ихъ прямое, большею частью отсутствовавшее, начальство. Другая граната упала въ центръ перевязочнаго пункта, гдѣ находилось до 400 раненыхъ и изувѣченныхъ, въ одно мгновеніе при раненыхъ не оказалось ни одного доктора, ни одного священника: какъ и куда они такъ скоро исчезли—для меня по сіе время остается дѣломъ не разгаданнымъ. Этотъ фактъ можетъ показаться невѣроятнымъ и потому я охотно ссылаюсь на свидѣтелей, могущихъ подтвердить его, а именно на адъютанта кн. Меншикова, капитанъ-лейтенанта Веригина, присланнаго, какъ и я, для наблюденія за порядкомъ, и на капитана Алабина, старшаго адъютанта, кажется, 11 дивизіи, съ необыкновеннымъ усердіемъ и самоотверженіемъ хлопотавшаго объ успокоеніи

раненыхъ и о перевозкѣ ихъ въ госпитали и лазареты. При этомъ я впервые убѣдился, что при нашей арміи для перевозки больныхъ и раненыхъ не имѣется никакихъ приспособленій. Фургоны и телѣги могутъ считаться инструментами пытки, а никакъ не удобнымъ средствомъ перевозки раненыхъ, наконецъ и тѣхъ и другихъ слишкомъ недостаточно. Отвоевавъ у подводчиковъ телѣги, нагруженные турами, съ которыми они никакъ не хотѣли разстаться, я присутствовалъ при томъ, какъ капитанъ Алабинъ съ заботливостью, выше всѣхъ похвалъ, съ помощью нѣсколькихъ фельдшеровъ и нижнихъ чиновъ укладывалъ раненыхъ на телѣги. Но при этомъ не могу не сказать, что я никогда не забуду страданій, которыхъ я былъ свидѣтелемъ. Можно вѣтъ, кажется, невозможно себя представить, что долженъ испытывать раненый, когда его поднимаютъ на неуклюжую высокую телѣгу—бока которой, благодаря желѣзнымъ гакамъ для прикрѣпленія брезента, не представляютъ нигдѣ ничего гладкаго. На днѣ телѣги только одинъ человекъ можетъ лежать на спинѣ по случаю полукруглаго дна ея, другіе должны лежать бокомъ, отчасти придавливая перваго—положить же болѣе трехъ значить убить первыхъ. Затѣмъ когда лошади тронули и привели въ движеніе этотъ смертоносный для больныхъ инструментъ, называемый телѣгою, по неровной каменистой крымской дорогѣ, раненые издавали такіе звуки, что я и по сіе время не могу вспомнить о нихъ не содрогаясь. Понемногу число раненыхъ перевязочнаго пункта уменьшилось, проходили уже только одиночные отсталые; послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ нашей телеграфной батареи, непріятельскія орудія умолкли и водворилась полная тишина.

Я уже хотѣлъ приказать ломать мостъ, но вдругъ вспомнилъ, что съ войсками не отступала артиллерія и страшное безпокойство овладѣло мной. Я бы долго оставался въ этомъ мучительномъ недоумѣніи, еслбы не пріѣхалъ молодой артиллерійскій офицеръ сказать мнѣ, что вся полевая артиллерія отступила въ Севастополь. Капитанъ Алабинъ объявилъ мнѣ, что имъ замѣчено большое скопленіе раненыхъ по ту сторону Черной рѣчки, и что было бы безчеловѣчно оставить ихъ, прибавляя, что они понемногу приползутъ къ Черной. На это мичманъ съ парохода „Херсонесъ“ предложилъ оставить два барказа въ

устѣ рѣки Черной и доставить на нихъ всѣхъ раненныхъ, которые будутъ приходить прямо въ Севастополь.

Уже смеркалось, было, кажется, семь часовъ вечера, мостъ мигомъ разобрали; можно было думать и о себѣ,—ѣсть страшно хотѣлось, лошадка моя была измучена, а до моей палатки считали не менѣе шести верстѣ. Константинъ Михайловичъ Веригинъ вывелъ меня изъ этого раздумья превосходнымъ предложеніемъ, а именно отправить лошадей домой съ казаками, а самимъ попросить шлюпки съ „Херсонеса“ и отправиться на этотъ пароходъ попросить чаю у капитана Руднева, знакомаго Веригина, и потомъ шлюпки для возвращенія домой водой. Само собой разумѣется, что я съ восторгомъ принялъ это предложеніе и чрезъ четверть часа любезный и гостепріимный капитанъ „Херсонеса“ угощалъ насъ яйцами въ сматку и чаемъ, о чемъ я по сіе время вспоминаю съ живѣйшею благодарностью. Уже былъ 11-й часъ, когда я возвратился къ Севастополю и явился главнокомандующему, чтобы ему доложить объ исполненіи моего порученія. Онъ мнѣ показался совершенно разстроеннымъ, убитымъ, тѣмъ не менѣе приготавливалъ донесеніе государю о несчастныхъ событіяхъ дня. Получивъ лаконическую благодарность, я отправился домой, гдѣ былъ радостно встрѣченъ не только товарищами, но и великими князьями, потому что до нихъ дошелъ какой-то слухъ, что я раненъ или даже убитъ. Въ тотъ же вечеръ кн. Меншиковъ потребовалъ Левашева и объявилъ ему, чтобы онъ приготовился немедленно ѣхать съ донесеніемъ въ Петербургъ, прибавляя — *„ce serait le tour de Dehn, mais il a une si étrange manière de voir—que je préfère, que cela soit vous“* (по настоящему—очередь Дена, но у него такіе странные взгляды, что я предпочитаю послать васъ).

Напрасно кн. Меншиковъ давалъ себѣ трудъ говорить о моемъ образѣ мыслей. Гр. Н. В. Левашевъ раньше меня прибылъ въ главную квартиру, слѣдовательно не мнѣ, а ему слѣдовало считаться на первой очереди для отправленія съ донесеніемъ.

В. И. День.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОЛЬСКОЕ ВОЗСТАНИЕ ВЪ 1830—1831 гг.

Записки Мохнацкаго.

На стр. «Русской Старины», изд. 1884 г., начали мы печатаніе разсказовъ извѣстнаго участника въ польской смутѣ 1830—1831 гг. Мохнацкаго. Приступая къ продолженію его записокъ, считаемъ необходимымъ повторить сказанное нами, по поводу его, въ нашемъ изданіи («Русская Старина», изд. 1884 г., т. XLIII, стр. 157):

«Въ числѣ многихъ матеріаловъ къ исторіи польскаго возстанія 1830 — 1831 гг., появившихся на страницахъ «Русской Старины», конечно, наиболѣе драгоцѣннѣйшіе—переписка о немъ императора Николая Павловича съ графомъ И. И. Дибичемъ. Переписка эта еще далеко не окончена изданіемъ въ нашемъ журналѣ (она гнулаась сквозь всѣ почти книги «Русской Старины» 1884—1885 гг.) и, продолжая ее, необходимо для всесторонняго освѣщенія польской смуты 1830—1831 гг. привести свидѣтельство и враговъ нашихъ въ ту эпоху—польской справы. Наиболѣе сдержаннымъ, (конечно, лишь говоря относительно) является разсказъ одного изъ вожаковъ смуты — Мохнацкаго, который пытается быть безпристрастнымъ. Записки его извѣстны русскимъ читателямъ по извлеченіямъ, болѣе или менѣе обширнымъ, появлявшимся въ нашей печати, въ монографіяхъ о событіяхъ 1830—1831 гг. Къ числу наилучшихъ изъ нихъ принадлежитъ недавно вышедшій трудъ генерала Пузыревскаго.

«Русская Старина» печатаетъ разсказъ Мохнацкаго въ давнемъ переводѣ съ польскаго на русскій языкъ — переводѣ, исполненномъ отличнѣйшимъ, нынѣ уже покойнымъ, знатокомъ польскаго языка.

Нѣкоторыя болѣе важныя ошибки Мохнацкаго исправлены въ примѣчаніяхъ переводчика, другія же и вообще общій тонъ разсказа Мохнацкаго совершенно ослабляются для читателя «Русской Старины», если онъ вспомнитъ интересныя и обширныя разсказы о тѣхъ же событіяхъ Д. В. Давыдова, И. А. и К. П. Колзакowychъ, А. П. Петрова и другихъ русскихъ людей, каковыя разсказы явились въ нашемъ же изданіи «Русская Старина». Ред.

V ¹⁾.

Собрание членовъ революціоннаго общества въ ратушѣ.—Венгржецкій.—Учреждение патріотическаго клуба.—Депутація въ Вержбно.—Конференція.—Мѣры, предложенныя клубомъ.—Ораторы.—Инструкція депутатамъ отъ клуба.—Депутація.—Требованія, предъявленныя ею.—Ген. Шембекъ.—Приказъ войску.—Шембекъ въ лагерѣ цесаревича.—Шембекъ въ Варшавѣ.—Лелевель.—Разрывъ клубистовъ съ администраціоннымъ совѣтомъ.—Выходъ въ отставку Любецкаго и Мостовскаго.—Письма Любецкаго и Чарторыйскаго.—Воззваніе къ польскому народу.—Вступленіе польскихъ войскъ въ Варшаву.

Революція, названная несчастіемъ, прискорбнымъ происшествіемъ, названная такъ Чарторыскимъ, Нѣмцевичемъ, Пацомъ и Радзивиломъ, обвиняемая Хлопицкимъ въ разбоѣ и грабежѣ, публично презираемая властями, принимающими въ ея глазахъ мѣры къ охраненію частной собственности, угрожаемая въ городѣ шайкою злоумышленниковъ, а за городомъ великими силами непріятели, ежеминутно подкапываемая, измѣнически выдаваемая, — революція, говорю я, видя себя въ такомъ плачевномъ положеніи, затрепетала; но потомъ, опомнясь отъ перваго испуга, разгнѣвалась и положила объявить чего она хочетъ, чтобы объявленіемъ своего хотѣнія отнять предлогъ невѣднія у людей, уклоняющихся отъ исполненія ея воли. Въ вечеръ 1-го декабря 1830 г. собрались въ ратушѣ, въ условленный часъ, члены общества, начавшаго дѣло: Ксаверій Брониковскій, Людвигъ Набѣлякъ, Осипъ Мейзнеръ, Людвигъ Жуковскій, адвокатъ Козловскій, Анастасій Дунинъ, я и множество другихъ лицъ, большею частью, статскихъ. Цѣль собранія была извѣстна. Признали единогласно необходимость учредить въ Варшавѣ революціонный вооруженный клубъ, т. е. настоящую въ тогдашнихъ обстоятельствахъ городскую власть, которая одна могла или ниспровергнуть правительство, дѣйствующее отъ имени представителя русской власти и готовое (какъ носился уже слухъ) войти въ переговоры съ непріателемъ, или же, въ крайнемъ случаѣ, если бы не удалось ниспровергнуть правительство, принудить его силою принять точный революціонный характеръ. Никто столько не боялся безначалія, какъ тѣ, которые въ ночь 29-го ноября 1830 г. первые подали народу сигналъ къ возстанію; никто, конечно, не имѣлъ основательнѣйшихъ поводовъ бояться безначалія. Въ инсurreкціи, военными произведенной, было бы оно, безъ сомнѣнія, происшествіемъ самымъ прискорбнымъ, самымъ

¹⁾ См. «Русскую Старину», изд. 1884 г., томъ XLIII, стр. 157—202; 341—362; 546—566.

пагубнымъ. Искать спасенія на пути безначалія понуждала заговорщиковъ только великая опасность, которой подвергали столицу, подвергали возстаніе и судьбу цѣлаго народа коварныя дѣйствія министра финансовъ (кн. Любецкаго), подкрѣпляемаго въ администраціонномъ совѣтѣ столькими извѣстными людьми. Не было, къ несчастію, другого способа! Повелѣвала въ то время прямая политика, повелѣвалъ здравый разумокъ (!): одолѣть контръ-революцію терроризмомъ (!), одолѣть, съ помощью клуба, партію сильную, вездѣ имѣвшую своихъ людей, открыть глаза народу.

Начались совѣщанія въ ратушѣ. Собраніе безпрестанно умножалось; ежеминутно прибывали новыя лица; однихъ влекло любопытство, другихъ безпокойство, томившее столицу. Назначенный президентомъ города, Венгржецкій не понималъ, казалось, цѣли, которая привела столько людей въ его присутственную залу.

— «Что затѣваете вы здѣсь, господа?» спросилъ онъ.

«Господинъ президентъ»,—отвѣчалъ я ему тотчасъ — «поведеніе администраціоннаго совѣта, который не перестаетъ дѣйствовать отъ имени русскаго правительства, которое подается на обѣ стороны, налагаетъ обязанность на истинныхъ патриотовъ разсмотрѣть свое положеніе, согласиться между собою на счетъ мѣръ къ отвращенію опасности, грозящей гибелью дѣлу народа».

— «Въ администраціонномъ совѣтѣ» — возразилъ Венгржецкій,—«засѣдаютъ люди честные, прямые, которымъ вѣрить народъ. Вы, господа, пришли сюда только оуждать правленіе и посеять раздоръ, когда намъ всего больше нужно согласіе и единодушіе; но какъ бы то ни было, я не могу, какъ президентъ города, допустить здѣсь подобныхъ сборищъ».

Вступая тутъ въ явный споръ съ Венгржецкимъ, я отвѣчалъ ему: «Люди заслуженные, какъ вы, господинъ президентъ, поляки правдивые, но удрученные лѣтами, слабые, не проникающіе интригъ, позволяютъ обманывать себя тайнымъ приверженцамъ Россіи и сами обманываютъ народъ, на нихъ положившіяся».

Эти слова взорвали Венгржецкаго.

— «Вотъ на! вскричалъ онъ,—такъ по вашему каждый старикъ, потому только, что старъ, и глупъ, и слѣпъ? Такъ у васъ къ сѣдн намъ нѣтъ никакого уваженія?»—и расплакался.

Послѣ долгихъ преній, насилу можно было успокоить его обѣщаніемъ, что въ его области, въ ратушѣ, только сегодня будемъ толковать о правленіи, которое назначило его президентомъ города, а завтра соберемся гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Венгржецкій, не видя возможности отвратить грозу, поднимавшуюся надъ администра-

ционнѣмъ совѣтомъ, остался безмолвнѣмъ и равнодушнѣмъ свидѣтелемъ всего, что происходило въ тотъ вечеръ въ его присутственной залѣ. Администраціонный совѣтъ притянулъ къ себѣ Лелевеля, какъ одного изъ главныхъ представителей общественнаго мнѣнія: надобно было сдѣлать его предсѣдателемъ клуба, чтобы дать ему способъ вырваться изъ той западни и поправить первую свою ошибку. Мы единогласно избрали его предсѣдателемъ, хотя и не было его между нами. Никому не приходило тогда на мысль, что Лелевель признаетъ за лучшее для себя и для отечества быть вмѣстѣ и членомъ контръ-революціоннаго правленія, и предсѣдателемъ клуба, положившаго ниспровергнуть то правленіе. Вице-предсѣдателемъ клуба избрали большинствомъ голосовъ, Ксаверія Брониковскаго, а секретаремъ Франца Гржималу ¹⁾. Всѣ бывшіе на засѣданіи записали свои имена въ книгу, содержащую въ себѣ актъ учрежденія клуба. Расходясь поздно ночью, мы назначили собраться въ слѣдующій день въ редутныхъ залахъ, принадлежавшихъ къ театру, и дали другъ другу слово зазвать какъ можно больше народа. Остальное время ночи (съ 1-го на 2-е декабря) и весь слѣдующій день употреблены были на вовлеченіе войска и народа, чтобы, въ случаѣ надобности, дѣйствія клуба нашли подкрѣпленіе. Въ числѣ лицъ, сильно противившихся учрежденію нашего общества, былъ графъ Генрихъ Дубенскій, одинъ изъ директоровъ банка. Онъ защищалъ администраціонный совѣтъ, усердно подкрѣплялъ Венгржецкаго, и, между прочимъ, сказалъ эти слова:

— И я добрый полякъ; но такого патриотизма не понимаю.

Нашъ замыселъ на администраціонный совѣтъ разпламеняли его явныя сношенія съ цесаревичемъ. Великій князь, получивъ свѣдѣніе, что совѣтъ постановилъ не выходить въ дальнѣйшихъ своихъ дѣйствіяхъ изъ границъ, указываемыхъ именемъ императора и царя, и что оно будетъ сохранено на всѣхъ актахъ совѣта, велѣлъ объявить ему, «что съ этихъ поръ онъ будетъ ему, т. е. совѣту, пріятелемъ». Потомъ захотѣлъ Константинъ Павловичъ объясниться съ нимъ ближе, изустно, и въ сей цѣли отправилъ адъютанта своего Владислава Замойскаго въ городъ, съ требованіемъ, чтобы изъ администраціоннаго совѣта выслали къ нему кого нибудь для переговоровъ, — присовокупивъ, однако-же, условіе, «чтобы при отправленіи къ нему депутатовъ не было дано и вида, что онъ, Константинъ, желаетъ переговоровъ, а будто бы самъ со-

¹⁾ Брониковскій былъ патрономъ (адвокатомъ) при варшавскомъ судѣ 1-й инстанціи, а Гржимало—сотрудникомъ редактора газеты «Польскій Курьеръ».

вѣтъ находить нужнымъ объясниться съ нимъ ¹⁾. Положили, вслѣдствіе того, выслать депутацію къ великому князю за городъ, въ селеніе Вержбно, гдѣ была его главная квартира. Вызвались отправиться туда Любецкій и Чарторыйскій. Предложено и Лелевелю ѣхать съ ними. Лелевель отвѣчалъ, что поѣдетъ охотно и именно для того, чтобы «вырвать» (выраженіе Лелевеля) дѣло народное, дѣло о польскихъ губерніяхъ, но полагалъ, что успѣетъ въ этомъ скорѣе Владиславъ Островскій, товарищъ его по сейму, а теперь и по администраціонному совѣту. Островскій не отказывался отъ принятія участія въ депутаціи, но безъ Лелевеля не хотѣлъ

¹⁾ Прим. соч. Въ рукописи Владислава Замойскаго, изъ которой я взялъ подробности на счетъ сношеній цесаревича съ совѣтомъ въ первые дни революціи, упоминается о польскихъ губерніяхъ. Еще до отправленія депутаціи въ Вержбно, а именно во вторникъ вечеромъ, старался Замоискій, въ разговорѣ съ великимъ княземъ, завести рѣчь о тѣхъ губерніяхъ. Константинъ Павловичъ, который, при жизни Александра, сильнѣе всѣхъ сопротивлялся присоединенію забранныхъ областей къ Царству, желалъ, по смерти его, чтобы ихъ присоединили, можетъ быть для того, чтобы (соединить) значительнѣйшую часть края, которымъ располагался управлять, можетъ быть — и въ иной цѣли, а можетъ быть — показывалъ только видъ, будто бы желаетъ присоединенія. Какъ бы то ни было, происшествія 29-го ноября представляли администраціонному совѣту удобный случай (?) мѣшкать въ рамку Конгрессной Польши Литву и Русь, съ согласія самого великаго князя (?). Надобно было только иначе за это взяться, даже и слѣдую системѣ, принятой Совѣтомъ — системѣ полужірръ, увертокъ и двуличія. Все можно было сдѣлать: великій князь согласился бы (!?) на все. Замоискій который въ тѣ дни и ночи не отходилъ отъ Константина Павловича, который зналъ его совершенно, утверждаетъ это въ своей рукописи. Идею независимости, эту основу дальнѣйшаго своего бытія, Совѣтъ, какъ мы видѣли, отвергнулъ, — въ чемъ кругомъ ошибся, даже и на основаніи своей системы. Замоискій, которому хотѣлось больше всего, чтобы вступленіе князя Чарторыйскаго въ правленіе ознаменовано было какимъ нибудь важнымъ послѣдствіемъ, чѣмъ нибудь кидаящимся въ глаза, старался послѣ, чтобы присоединеніе забранныхъ областей къ Царству введено было въ негоціацію между великимъ княземъ и Совѣтомъ. Константинъ Павловичъ безпрестанно искалъ причины революціи то въ монополіяхъ, то въ университетахъ, забывая причину ближайшую — негодование.... Замоискій не могъ сказать ему прямо, что онъ одинъ, а не кто иной, былъ виновникомъ возстанія, и потому направлялъ мысль цесаревича къ забраннымъ (?) областямъ, говорилъ ему: «что поляки жертвовали всѣмъ только въ надеждѣ присоединенія забранныхъ областей къ Царству, въ надеждѣ, которая въ разныя времена при Александрѣ была возбуждаема и поддерживаема, что съ самой смерти Александра, когда Николай не только не помыслилъ возобновить обѣщаній своего предшественника, но даже обнаруживалъ виды совершенно противныя, когда самъ старанія о томъ великаго князя оставлялъ безъ вниманія, — таялась война между Польшею и Россіею въ сердцахъ польскихъ». Установивъ при-

ѣхать. Итакъ, четверо: Чарторьскій и Любецкій, Лелевель и Островскій, отиравились, 2-го декабря 1830 г. пополудни, въ Вержбно. Не обошлось и безъ публичной протестаціи противъ сего дѣйствія, такъ явно фальшиваго. Цѣлыя тысячи народа, собравшагося на Банковской площади, окружили и остановили карету четырехъ депутатовъ. Ее отворили: со всѣхъ сторонъ слышали посланники совѣта изступленный крикъ, грозные намеки, острастки; насилу, послѣ торжественнѣйшихъ увѣреній, успѣли они пробраться сквозь толпу, которая провожала ихъ чрезъ первыя отъ банка улицы. Замойскій ѣхалъ впереди кареты; онъ вбѣжалъ къ великому князю за нѣсколько минутъ до ихъ прибытія, и чтобы смягчить его и сдѣлать снисходительнѣйшимъ къ требованіямъ (!) депутатовъ, началъ тотчасъ описывать ему живыми красками всю опасность, какой они подвергались. «Они жертвовали жизнью, говорилъ онъ,—не могли они дать большаго довода своей преданности престолу». Слова Замойскаго произвели сильное впечатлѣніе на цесаревича. Онъ приказалъ впустить ихъ немедленно, прибавивъ:

— Il ne faut pas faire attendre ces messieurs.

«Послѣ ночи, проведенной подъ деревомъ»,—какъ говоритъ Лелевель въ напечатанномъ описаніи депутаціи въ селеніе Вержбно, — «тѣсная комната въ маленькой корчмѣ была тогда жилищемъ великаго князя и супруги его — жилищемъ того, который дня за два передъ тѣмъ управлялъ Царствомъ и многими губерніями. Комната обь одномъ окошкѣ: въ ней кровать, небольшой диванъ, кресло,

---

чною революціи желаніе соединить губерніи съ Царствомъ, Замойскій представлялъ Константину Павловичу, «что для одного этого готовы теперь поляки отказаться отъ всѣхъ вольностей; что либерализмъ въ Польшѣ заключается только въ одной народности, только въ желаніи соединенія и пр.». Великій князь молчалъ на всѣ представленія Замойскаго, а, наконецъ, сказалъ, что завтра дастъ ему отвѣтъ. Между тѣмъ Герштенцвейгъ, ночью, съ 30-го ноября по 1-е декабря, уговаривалъ великаго князя употребить къ умиренію города артиллерию. Онъ думалъ, что тридцать или сорокъ орудій могутъ все сдѣлать, утверждалъ, что, съ помощью ихъ, легко унять возстаніе. Герштенцвейгъ, какъ знающій свою часть основательно, пользовался большимъ довѣріемъ у Константина Павловича и успѣлъ было, какъ полагаетъ Замойскій, отвести цесаревича на минуту, но только на минуту, отъ принятаго имъ намѣренія снести скорѣе все, чѣмъ бомбардировать городъ. Замойскій въ ту же ночь (т. е. съ 30-го ноября по 1-е декабря) разбиралъ планъ Герштенцвейга съ нимъ самимъ, доказывалъ по правдамъ военнымъ, что нельзя исполнить того плана, и нельзя именно потому, что уже поздно, что въ первую минуту, цесаревичемъ пропущенную, не только онъ (Замойскій), но и многіе другіе поляки пожертвовали бы собою за Константина Павловича, а теперь уже ничто не можетъ удержать хода революціи,—даже и картечь. Авт.

стулъ и столъ; въ длину и поперегъ можно было сдѣлать не больше двухъ шаговъ. Депутаты, пройдя, безъ всякихъ предварительныхъ уговоровъ, форпосты и караулы, очутились на дворѣ, среди множества военныхъ разнаго чина. Протиснувшись сквозь нихъ, были они тотчасъ впушены къ великому князю и наполнили его комнату ¹⁾. Они застали его у кровати; на столикѣ было два прибора: былъ четвертый часъ пополудни — время обѣденное. Депутаты нашлись глазъ на глазъ съ Константиномъ Павловичемъ: «не знаю» — пишетъ Лелевель — «кому удивляться больше: ему-ли, великому князю, который допускалъ ихъ къ себѣ въ такую минуту, или тѣмъ, которые явились передъ нимъ, среди войска».

Предметомъ конференціи, вовсе ненужной и пять часовъ продолжавшейся, было выступленіе цесаревича съ его гвардіею изъ Царства; были-жъ предметомъ и губерніи, и исходатайствованіе всеобщей амнистіи у царя. Революція (17-го) 29-го ноября, прежде чѣмъ возникла, знала хорошо, что только вторгшись въ забранныя (?) области, что только обративъ противъ Россіи нѣсколько милліоновъ поляковъ, — всю южную подпору имперіи, можетъ она вывернуться изъ ряда происшествій, не имѣющихъ передъ собою будущности, слабыхъ въ зародышѣ, безнадежныхъ въ своихъ послѣдствіяхъ. Коль скоро все на томъ основывалось, чтобы вмѣстѣ съ конституціонною Польшею возстали и забранныя губерніи, такъ возможно-ли было возбудить тѣ губерніи къ дѣйствию обще съ нами, отпустивъ цесаревича съ русскими войсками изъ-подъ Варшавы, — чтобы они же принесли за Бугъ первую вѣсть о происшествіяхъ варшавскихъ? Нѣтъ, очевидно вѣтъ. Одинъ этотъ шагъ сокрушалъ, въ самомъ началѣ, всю нравственную силу возстанія: онъ ослаблялъ первый порывъ, обыкновенно самый сильный. Война съ Россіей, начатая на улицахъ Варшавы, отсюда въ мигъ разлѣтая, распламенная отъ мыса Курляндскаго до Днѣпровскихъ пороговъ, вдоль и поперегъ этого обширнаго, благословеннаго края; довѣріе въ совокупное подвѣтіе оружія столькими милліонами соотчичей на потрясеніе одного и того же врага.... эта глубокая идея спасенія, эта поэтическая (!!), крѣпкая вѣра въ Польшу — не были-ль въ умѣ, въ инстинктѣ нашего народа? Не оттуда-ль перешли въ заговоръ? Не были-ль отличительною жертвою всѣхъ усилій, всѣхъ замысловъ на возстановленіе отечества — и особенно въ по-

¹⁾ О свиданіи въ Вержбнѣ цесаревича Константина Павловича былъ уже напечатанъ разсказъ въ «Русск. Стар.» одного изъ поляковъ участникомъ сего свиданія, см. «Русскую Старину» изд. 1878 г., т. XXII, стр. 317—324. Въ напеч-же наданіи см. обширную монографію Е. П. Карновича: «Цесаревичъ Константинъ Павловичъ», «Русск. Стар.» изд. 1877 г., тт. XIX—XXI. Ред.

слѣднія десять лѣтъ (1820—1830). Не вышли-ль они наружу, не явились-ли въ первыхъ выстрѣлахъ заговора, въ которомъ поняли ту вѣру—гдѣ входила она во всѣ расчисленія?... Противъ этого нельзя сказать ни слова! Одному администраціонному совѣту, только людямъ этого совѣта досталось въ жалкій удѣлъ изуродовать (!) ту ясную и великую мысль (!?). Константинъ былъ первымъ плѣнникомъ революціи. Его гвардія была первою военною добычею (!?); а война была въ натурѣ вещей. Всего этого не хотѣлъ понять администраціонный совѣтъ. Онъ самъ, непрощенный, навязывался въ вожди возстанія. Прибравъ себѣ въ помощники людей, которыхъ имена дали ему пережить мракъ ночи 29-го ноября, онъ обольщалъ возстаніе кредитомъ заслугъ, правоты и добродѣтели — симъ кредитомъ, столь могущественнымъ въ Польшѣ! Онъ поѣхалъ въ Вержбно искать прощенія, какъ будто бы амнистія, снисканная въ Петербургѣ для Царства, могла воззвать къ оружію Литву и Русь. Изумительно и даже для меня непонятно теперь участіе Лелевеля и Владислава Островскаго въ такомъ оскорбленіи (!) общественнаго разсудка.

Но на вопросъ великаго князя во время конференціи: чѣмъ можно бы успокоить волненіе, отвѣчалъ изъ депутатовъ первый Владиславъ Островскій: что только отступленіе русскихъ войскъ и удаленіе ихъ въ Россію укротятъ заволнованные умы ¹⁾. Потомъ предложилъ Константинъ Павловичъ на рѣшеніе депутатовъ, что дѣлать ему: самому остаться-ли въ Варшавѣ, или вмѣстѣ съ русскою гвардіею удалиться изъ Царства?

Любецкій полагалъ, что сдѣлаетъ цесаревичъ какъ нельзя лучше, если возвратится въ Варшаву. Пошли на голоса. Князь Любецкій былъ того мнѣнія, чтобы остаться. Князь Чарторьскій хотѣлъ сдѣлать на этотъ счетъ нѣкоторыя замѣчанія; но великій князь прервалъ его, требуя рѣшительнаго отвѣта: «да или нѣтъ» (Oui, ou non) — безъ всякихъ замѣчаній.

Тогда объявилъ князь Чарторьскій, что лучше остаться въ Варшавѣ, полагая, какъ и Любецкій, что удаленіе великаго князя изъ Царства повлечетъ за собою совершенный разрывъ съ Россіею и сдѣлаетъ всякое посредничество бесполезнымъ. Островскій былъ того мнѣнія, чтобы Константинъ Павловичъ оставилъ Царство; Лелевель также. Великій князь, по недолгомъ размысленіи, объявилъ, что послушается Островскаго и Лелевеля.

¹⁾ Слова великаго князя и депутатовъ администраціоннаго совѣта взяты мною изъ сочиненія Лелевеля: *Delegowani u Wierzbnie, dnia 2 Grudnia 1830 roku* (депутаты въ селеніи Вержбно, 2-го декабря 1830 г.). Прим. сочинителя.

Вторымъ пунктомъ конференціи были губерніи. На сей счетъ нужно знать слѣдующее обстоятельство: Константинъ Павловичъ желалъ (??) самъ въ душѣ, чтобы возвращеніе забранныхъ областей было положено со стороны поляковъ и принято императоромъ за главный поводъ, по крайней мѣрѣ, за одинъ изъ главныхъ поводовъ къ революціи. Онъ желалъ этого (!) по весьма простой, натуральной причинѣ—для того, чтобы, основываясь на положительномъ въ отношеніи къ губерніямъ требованіи, могъ онъ сказать въ Петербургѣ, «что поляки подняли оружіе, побуждаемые желаніемъ разыграть большую политическую роль—желаніемъ обратить свой небольшой Надвислянский край въ великую державу, а совсѣмъ не отъ пятнадцатилѣтняго его владычества, не отъ его управленія (?) дѣлами края. Такимъ образомъ всю вину событій долженъ бы былъ Николай Павловичъ приписать не цесаревичу, а однимъ полякамъ. Въ сихъ-то видахъ Константинъ Павловичъ не только дозволялъ упомянуть о присоединеніи забранныхъ областей къ Царству въ конвенціи (!) между нимъ и совѣтомъ, но общалъ даже ходатайствовать (??) о томъ у царя. «Il faudrait qu'un Polonais fut un j... f..., — промолвилъ онъ въ разговорѣ съ депутатами,—pour ne pas demander la réunion des provinces,—et vous savez que depuis longtemps je la demande moi-même».

Островскій записывалъ карандашѣмъ условленные статьи. Въ этой конвенціи, которую Константинъ Павловичъ позволилъ (?) напечатать, онъ прежде всего даетъ слово, что не атакуетъ Варшавы, а если бы получилъ повелѣніе атаковать, то дастъ объ этомъ знать совѣту за 48 часовъ впередъ. Онъ требовалъ такого-жъ общанія и отъ поляковъ, но Островскій отвѣчалъ, что вооруженнаго народа никто удержать не въ силахъ, что удержать въ повиновеніи можно только регулярное войско, а не возмущенный народъ, что условіе на этотъ счетъ не можетъ быть обоюдно, а по всему этому совѣтовалъ опять великому князю отойти какъ можно скорѣе отъ Варшавы, ради собственной безопасности (!).

Извѣстіе о клубѣ дошло уже до великаго князя; онъ разспрашивалъ о яемъ Делевеля, и когда тотъ сказалъ ему, что онъ самъ председателемъ клуба, то цесаревичъ убѣдился еще болѣе въ необходимости отступленія своего, такъ настоятельно требуемаго (!) Островскимъ. Великій князь общалъ потомъ, что литовскому корпусу не дастъ повелѣнія выступить къ Варшавѣ, изъявлялъ желаніе на счетъ размѣна плѣнныхъ, къ чему депутація обязалась употребить всевозможныя старанія; наконецъ, общалъ исходатайствовать амнистію «всѣмъ, кто сознается въ своемъ заблужденіи». Депутаты единогласно сдѣлали замѣчаніе, что такая амнистія ничего не значить. Великій

князь отвѣчалъ на замѣчаніе депутатовъ, «что когда преступленіе онъ называетъ заблужденіемъ, то это уже самое большое съ его стороны снисхожденіе».

На это возразилъ ему Лелевель, «что нельзя ожидать, чтобы въ заблужденіяхъ столь многоразличныхъ, въ числѣ которыхъ есть и преступленія, созвались сами виновные». Великій князь повторялъ нѣсколько разъ, «что радуется его сознаніе самого Лелевеля, что были заблужденія и преступленія». Лелевель, поясняя свое выраженіе, соглашался, что, дѣйствительно, случались грабежи и смертоубійства¹⁾;—«но кто-же, присвокупилъ онъ,—кто придетъ сознаваться въ подобныхъ заблужденіяхъ? Да и не о прощеніи идетъ дѣло, — продолжалъ Лелевель,—а о преданіи всего совершенному забвенію». Послѣ долгихъ отказовъ, чуть было не прервавшихъ конвенцію, великій князь согласился, наконецъ, быть посредникомъ въ исходатайствованіи у царя помилованія (сіѣмпсе), обѣщалъ испросить, чтобы все случившееся предано было забвенію.

Между тѣмъ какъ администраціонный совѣтъ велъ съ Константиномъ Павловичемъ, чрезъ депутатовъ своихъ, тяжелые переговоры объ амнистіи, о преданіи всего забвенію,—патріотическій клубъ, развиваясь изъ своего тѣснаго, наскоро заложеннаго, основанія, хотѣлъ сперва пострадать, а потомъ замыслилъ испровергнуть самый совѣтъ, — дать революціи сильнѣйшій ходъ, взять цесаревича въ плѣнъ, вывести изъ заблужденія, просвѣтить (!) общее мнѣніе, словомъ, положить конецъ интригамъ, проволочкамъ, пагубной (!) политикѣ, злымъ наклонностямъ. Вѣсть о депутаціи въ Вержбно пронеслась молніею въ столицѣ. Она произвела вездѣ самое непріятное впечатлѣніе. Хулили поступокъ совѣта даже и тѣ, кои держали его сторону по разнымъ отношеніямъ; другіе стали, наконецъ, смекать дѣломъ; между заговорщиками доходило негодованіе до высочайшей степени. Всѣ, кои на Банковой площади возставали противъ депутаціи, статскіе и военные, адвокаты, мѣщане, ремесленники, депутаты разныхъ отрядовъ войска, профессеры, студенты, подпрапорщики Высоцкаго, и въ этой же толпѣ нѣкоторые изъ членовъ посольской палаты—всего до двухъ тысячъ человекъ, наполняли отъ самыхъ сумерковъ редутную залу, «въ которой—какъ носился вездѣ слухъ—разсуждать будутъ о важныхъ дѣлахъ». Силу, согласіе и единомысліе сообщали этому многочисленному собранію разставленные въ залѣ на разныхъ пунктахъ члены заговора, который, начавъ дѣло, не успѣлъ тотчасъ захватить въ

¹⁾ Слѣдовательно, возстаніе не такъ было чинно и благоправно, какъ описываетъ сочинитель выше.

Прям. перев.

свои руки правительственной власти, по нерасторопности и неопытности. Всѣ собравшіеся были съ оружіемъ въ рукахъ. Сабли, ружья, пистолеты предвѣщали явно, что всѣ мѣры, на которыя тутъ согласятся, будутъ силою приведены въ дѣйствіе. Множество народа, эмиссарами клуба предварительно возбужденнаго и настроеннаго, наполняло, вмѣстѣ съ солдатами. Красивскую площадь и дворъ Народнаго театра, во флигелѣ котораго были редутныя комнаты. Посреди огромной залы, въ которой большая часть собравшихся могла удобно помѣститься, поставили длинный, узкій столъ. Онъ служилъ каедромъ для ораторовъ. Скучный свѣтъ нѣсколькихъ плашекъ и свѣчей едва озарялъ пасмурныя лица; на сонныхъ и старыхъ физиономіяхъ напечатлѣны были изступленіе, долгая бессонница, ожиданіе важныхъ событій. Чѣмъ смѣлѣе говорили ораторы, тѣмъ пламеннѣе былъ восторгъ сего вооруженнаго собранія. Чѣмъ дерзостнѣйшія дѣлаемы были предложенія, тѣмъ рѣзче крикъ: «согласны! согласны!» заглушалъ со всѣхъ сторонъ мнѣніе противниковъ, тѣмъ сильнѣе укорялъ и (слабость), потворствовавшую (!) правительству, и боязнь, обращавшую глаза къ заставѣ, у которой стоялъ цесаревичъ. Одобреніемъ былъ стукъ оружія. Прикладами подкрѣпляли, прибывали голоса на столѣ,—и вѣрно, ни одна законодательная палата не выразить сильнѣе своего восторга. Сцена настоящая революціонная—плодъ успѣховъ и безумія контръ-революціи. 15-ти-лѣтнее молчаніе придавало больше тону, больше значенія каждому слову, вымолвленному отважно въ публичномъ собраніи. Въ 1-й разъ оно объявлено ясно, внятно, опредѣлительно—чего хочетъ, что имѣетъ въ виду. Говорить противъ того, предъ кѣмъ трепетало все отъ Вислы до Невы, кто могъ еще и возвратиться, казалось тогда столь чуднымъ, столь чрезвычайнымъ, что почиталось это заслугою, почиталось даже силою души. Первыя опасности революціи, изслѣдованіе дѣйствій администраціоннаго совѣта, убѣжденіе въ томъ, что дѣло, остановясь, можетъ попятиться и зачинщиковъ, ранѣе или позже, взвести на плаху—все это заставило меня и нѣсколькихъ изъ моихъ товарищей принять дѣятельное участіе и въ учрежденіи, и въ первоначальныхъ совѣщаніяхъ клуба. Такъ, наканунѣ, выдержалъ я въ ратушѣ жаркій споръ съ президентомъ города Венгржецкимъ и съ генераломъ Лубенскимъ на счетъ цѣли клуба, то потребовало множество голосовъ, а за ними и все собраніе, чтобы я выступилъ и первый объяснилъ въ чемъ администраціонный Совѣтъ виновенъ. Раскрыть лукавства, пронырства Совѣта, распутать этотъ лабиринтъ въ присутствіи публики, которой общаго состава и особыхъ свойствъ я не зналъ близко, было дѣломъ не легкимъ и не безопаснымъ. Должность предсѣдателя клуба

Іоахима Лелевеля, который, вмѣсто того, чтобы управлять совѣщаніями народа, изволилъ отправиться въ Вержбно просить цесаревича объ амнистіи—исправлялъ вице-предсѣдатель Ксаверій Брониковскій. Испросивъ у него позволеніе говорить, я обвинилъ въ сильныхъ выраженіяхъ администраціонный совѣтъ, идущій путями подозрительными, вступающій въ сдѣлки съ неприятелемъ,—и несколько не пощадилъ людей, которыхъ Любецкій призывалъ къ засѣданію въ Совѣтъ. Цѣлый часъ объяснял я положеніе общественнаго дѣла и происки контръ-революціи, но больше всего старался показать, въ какомъ положеніи находилось дѣло народное отъ присутствія цесаревича подъ Варшавою, и какому еще опаснѣйшему могло оно подвергнуться, если бы успѣлъ цесаревичъ отступить совсѣмъ отъ Варшавы и пробраться съ войскомъ своимъ въ забранныя области. Изъ словъ моихъ не трудно мнѣ было, разумѣется, вывести заключеніе, что «должно задержать цесаревича, какъ плѣнника и аманата революціи». Наконецъ, среди глубокаго молчанія слушателей, я заключилъ свою рѣчь предложеніемъ, чтобы собраніе устроилось и объявило себя постояннымъ представительствомъ народа варшавскаго, чтобы оно тотчасъ изъ среды своей послало депутацію въ администраціонный Совѣтъ для изложенія ему, отъ имени варшавскаго народа, слѣдующихъ требованій: 1) чтобы администраціонный Совѣтъ объявилъ себя упраздненнымъ; 2) чтобы вмѣсто Совѣта учреждено было немедленное временное правленіе ¹⁾; 3) чтобы генералу Хлопицкому дано было тотчасъ повелѣніе ударить на гвардію, взять цесаревича въ плѣнъ и отдать въ залогъ польскому народу; «ибо,—такія были послѣднія мои слова,—не съ Константиномъ Павловичемъ въ Варшавѣ, но съ Петербургомъ въ Вильно, слѣдуетъ намъ договариваться» ²⁾. Сія

¹⁾ Не любя полумѣръ, я хотѣлъ тогда же предложить собранію, чтобы оно само, безъ дальняго отлагательства, назначило лица изъ своей среды (родъ отдѣленія клуба), для установленія временнаго правленія. Но какъ многіе изъ моихъ друзей считали эту мысль слишкомъ смѣлою, а еще болѣе преждевременною, то долженъ я былъ удержаться съ такимъ предложеніемъ, о чемъ, однако-жъ, очень сожалѣю. Впрочемъ, вопросъ на счетъ лицъ былъ весьма щекотливъ и нельзя было ожидать успѣха при тогдашнемъ ложномъ понятіи о людяхъ, засѣдавшихъ въ администраціонномъ совѣтѣ. Прим. соч.

²⁾ Слово: въ Вильно—пропущено было въ описаніи нашего засѣданія, напечатанномъ въ газетахъ, вѣроятно для того, чтобы не заронить мысли о наступательныхъ съ нашей стороны дѣйствіяхъ. Это обстоятельство подало поводъ къ басни, повторенной Шпациромъ *), наравнѣ съ тысячею другихъ басенъ, что будто патриотическій клубъ самъ совѣтовалъ войти въ переговоры.

^{*)} Шпациръ, докторъ «илософіи», издавъ на нѣмецкомъ языкѣ: «Исторію возстанія польскаго народа», въ 3-хъ большихъ томахъ, которую составилъ сей неутомимый нѣмецкій компиляторъ изъ однихъ рассказовъ полкаковъ, бѣжавшихъ за границу по укрощеніи мятежа. Прим. перев.

слова произвели дѣйствіе, какое я имѣлъ въ виду. Положили единогласно нарядить въ администраціонный совѣтъ депутацію изъ 12 особъ.

Послѣ меня, съ такимъ же успѣхомъ, говорили и прочіе члены заговора на возстаніе. Страхъ былъ великъ и потому все удобно проходило. Адвокатъ Осипъ Козловскій, котораго приучила долговременная практика говорить языкомъ понятнымъ для народа, доказывалъ, что депутація должна требовать, чтобы министры (слѣдовательно и Любецкій) взяты были подъ стражу, впредь до дальнѣйшаго о нихъ постановленія; онъ предлагалъ, сверхъ того, принять мѣры, чтобы жены русскихъ генераловъ, оставшіяся въ городѣ, не снослись съ лагеремъ цесаревича.

Людвигъ Набѣлякъ, начальникъ отряда, совершившаго нападеніе на Вельведеръ, предложилъ и настаивалъ, чтобы временное правленіе воззвало жителей Царства къ возбужденію и образованію возстаній въ цѣломъ краѣ и чтобы тѣ изъ начальниковъ польскаго войска, которые еще не присоединились къ народу, объявлены были измѣнниками отечества и наказаны смертію, если не присоединятся въ продолженіи трехъ часовъ, которые назначить генераль Хлопидскій по повелѣнію клуба. Заступавшій мѣсто предсѣдателя клуба Ксаверій Брониковскій и Людвигъ Жуковскій предлагали: потребовать смѣны главнаго директора почтоваго департамента (ст. сов. графа Суминскаго) для вѣрнѣйшаго надзора за внутреннею и виѣшнею корреспонденціею. Всѣ эти предложенія были приняты единодушно. Революція хотѣла выйти изъ опасности (?).

Въ дополненіе къ мѣрамъ одобреннымъ и въ предосторожность, чтобы въ правленіи не кончилось дѣло на одномъ выслушаніи депутатовъ, учинилъ еще клубъ такое постановленіе: «что если администраціонный совѣтъ не приступитъ тотчасъ къ исполненію требованій народа, то будетъ приневоленъ принять въ свой составъ нѣсколькихъ членовъ клуба, которыхъ клубъ изберетъ самъ». Сей послѣдній пунктъ былъ важнѣе всѣхъ прочихъ. Онъ велъ къ установленію, вмѣсто совѣта, временнаго правленія, которое бы не дѣйствовало уже ни отъ имени, ни въ духѣ русскаго правительства. Клубъ предлагалъ совѣту объявить себя упраздненнымъ, коль скоро не захотѣлъ бы совѣтъ добровольно прекратить свое существованіе, то приданные ему отъ клуба члены, тотчасъ по допущеніи ихъ къ засѣданію, могли бы сами упразднить его безъ употребленія насильныхъ средствъ; согласясь предварительно съ Делевелемъ и Владиславомъ Островскимъ, на содѣйствіе которыхъ считали тогда столь же ошибочно, сколько на головы ихъ и на твердость характера.

Послѣ перемѣнъ, какія въ изъясненныхъ предъ симъ предложеніяхъ

ніяхъ произвело совѣщаніе, нѣсколько часовъ продолжавшееся, составлена была мною, среди безумолчнаго шума, инструкция для депутаціи, прочтена собранію, утверждена единогласно и отъ его имени подписана тѣми 12-ю членами, которыхъ избралъ клубъ въ депутаты къ администраціонному совѣту. Инструкция заключала въ себѣ слѣдующіе пункты: 1) чтобы главнокомандующему польскими войсками Хлопицкому дано было немедленно повелѣніе дѣйствовать къ уничтоженію или обезоруженію (!?) непріятеля; 2) чтобы жителямъ воеводствъ дано было разрѣшеніе производить и образовывать возстанія въ цѣломъ краѣ. Министры и исправляющіе должность министровъ взяты были подъ надзоръ народной стражи до дальнѣйшаго о нихъ постановленія; 4) чтобы къ женамъ русскихъ офицеровъ и чиновниковъ приставленъ былъ караулъ, такъ какъ онѣ безпрестанно сносятся и переписываются съ своими мужьями; 5) чтобы съ цесаревичемъ не входить ни въ какіе договоры, — въ цесаревичѣ видѣть только аманата, а неговорить съ Петербургомъ; 6) чтобы главный директоръ почты былъ смѣненъ; 7) чтобы тѣ начальники польскаго войска, которые еще не присоединились къ народу и не пристали къ намъ, объявлены были измѣнниками отечества; 8) чтобы назначилъ имъ Хлопицкій черезъ парламентаря самый кратчайшій срокъ для представленія своихъ декларацій и 9) чтобы къ исполненію таковыхъ требованій клуба приступилъ администраціонный совѣтъ безъ малѣйшаго отлагательства; въ противномъ же случаѣ будетъ онъ приневолень принять въ составъ свой нѣсколько членовъ клуба, которыхъ клубъ избереть самъ.

Для представленія сихъ требованій исполнительному отдѣленію администраціоннаго Совѣта назначены были депутатами: Ксаверій Брониковскій, Адольфъ Лончинскій, Людвигъ Набѣлякъ, Анастасій Дунинъ, Домазій Доброгайскій, Францъ Гржимало, Вильскій, я, отецъ мой, Шварце, Гашинскій и Евгенийъ Слублицкій. Уже было поздно. Назначивъ на завтрашній день вторичное засѣданіе въ томъ же мѣстѣ, отправился весь клубъ, вооруженный, провожаемый толпою народа, также вооруженнаго, вслѣдъ за депутатами къ банку, въ которомъ засѣдалъ администраціонный совѣтъ. Окружили банкъ.

Делевель, Чарторыскій, Островскій и Любецкій только что возвратились изъ Вержбно. Депутація клуба не была тотчасъ впушена въ совѣтъ. Она цѣлымъ почти часъ принуждена была дожидаться, — что оскорбляло ее и выводило изъ терпѣнія. Наконецъ, по неоднократномъ докладѣ совѣту о прибытіи депутатовъ клуба, каштелянъ Кохановскій взялъ на себя выйти къ нимъ и спросить: «чего хочетъ клубъ?»

— «Мы не въ полномъ комплектѣ»—сказалъ Кохановскій,—«нѣ-которыхъ членовъ совѣта нѣтъ на лицо».

«Когда такъ»—отвѣчали депутаты, видя, что хотятъ отдѣлаться отъ нихъ всѣми способами,—«то мы обождемъ здѣсь, пока соберутся всѣ члены совѣта».

— «Но нельзя же вамъ, господа, войти всѣмъ вмѣстѣ въ присутствіе совѣта, занятаго теперь важными дѣлами!»

«Нѣтъ ничего важнѣе нашего посольства», — сказали депутаты, подвигаясь все ближе къ дверямъ присутственной залы, которыя защищала Кохановскій, какъ сѣдой херувимъ, поставленный на стражѣ у этого политическаго эдема.

— «Господа! Вы не будете впущены всѣ разомъ»,—кричалъ все громче Кохановскій. «Этого быть не можетъ; выберите одного или двухъ промежду себя».

«Мы пришли сюда по порученію народа, окружающаго этотъ домъ, и войдемъ всѣ разомъ». Тутъ отворились двери. Выходить Владиславъ Островскій и приглашаетъ депутатовъ объяснить правленію желаніе клуба. Князь Чарторьскій, Любецкій, Хлопицкій, Нѣмцевичъ, Радзивилъ и Густавъ Малаховскій привстали тотчасъ съ своихъ мѣстъ. На ихъ лицахъ примѣтно было какое-то смущеніе, но больше всѣхъ изъяслялъ неудовольствіе Лелевель: поступокъ клуба явно компрометтировалъ его предъ товарищами, которые уже и тогда, не безъ основанія, могли подозрѣвать его въ двусмысленномъ поведеніи; ибо, засѣдая въ совѣтѣ, былъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя безъ его вѣдома и воли, провозглашенъ начальникомъ оппозиціи, составившейся противъ совѣта,—положеніе самое фальшивое и самое невыгодное, въ какомъ только можно представить себѣ государственнаго человѣка ¹⁾. Любецкій хорошо понималъ причину и цѣль депутаціи, но не показывалъ вида, что угадываетъ противъ кого это дѣйствіе клуба преимущественно устремлено. Лицо князя Чарторьскаго показывало, что онъ въ большомъ замѣшательствѣ; а Нѣмцевичъ, которому въ одномъ названіи клуба чудился уже изъ французской

---

¹⁾ Хлопицкій тотчасъ, по приказанію диктаторской власти, уничтожилъ патріотическій клубъ. Но на другой день по паденіи Хлопицкаго, ⁷/₁₈ января 1831 г., составилъ новый, подъ названіемъ патріотическаго общества, котораго предсѣдателемъ былъ избранъ опять Лелевель. Онъ принялъ это званіе и оставался предсѣдателемъ до разогнанія общества по убійствамъ ³/₁₈ августа, хотя, чрезъ нѣсколько дней по избраніи его въ предсѣдатели, назначенъ былъ членомъ народнаго правленія, противъ котораго общество патріотическое безпрестанно дѣйствовало.

Прим. перевод.

революціи всё неистовства терроризма, грабежъ и убійства, былъ въ величайшемъ гнѣвѣ. Изъ числа присутствовавшихъ, одинъ Мостовскій не всталъ съ своихъ кресель, сохраняя хладнокровіе и видъ приличный человѣку его лѣтъ. Не привыкшихъ къ живымъ, революціоннымъ движеніямъ поражило, безъ сомнѣнія, то, что депутаты клуба вошли въ присутствіе правленія въ шинеляхъ, смѣло и почти насильно; не могли они также не замѣтить, что возмущенный народъ наполнялъ всю банковую площадь. Одинъ изъ членовъ депутаціи, обратясь сперва къ князю Чарторыскому, представлялъ ему въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ: что дѣйствія правленія, которое онъ, Чарторыскій, поддерживаетъ, которое защитилъ онъ своею особою отъ грозившей ему бѣды, подвергаютъ народное дѣло величайшей опасности, вѣрной гибели. Другой депутатъ, капитанъ Доброгойскій, «именемъ отечества заклиналъ князя Чарторыскаго принять рѣшительныя мѣры». За ними я говорилъ такъ: «не думайте, господа, чтобы можно было кончить это дѣло договорами, или мировою съ русскимъ правительствомъ. Народъ (?) и войско (?) подняли оружіе для освобожденія края; народъ не дозволитъ упасть революціи. Возстаніе наше можетъ измѣнить видъ Европы (!). Что же сдѣлалъ до сихъ поръ администраціонный совѣтъ, взявшись управлять возстаніемъ? Проходить день за днемъ безъ всякой пользы, но еще не все утрачено!... Прокламація совѣта грозитъ восстановленіемъ порядка вещей, который ниспровергнуть былъ 15 лѣтъ, т. е. съ самаго учрежденія Царства, цѣлю всёхъ усилій истинныхъ (!) поляковъ, — восстановленіемъ того порядка, который вы сами помогли ослабить не однимъ примѣромъ вашей гражданской жизни, вашего патріотизма. Мы, которыхъ вы видите здѣсь передъ собою, мы всё обрекли на жертву наши головы, рѣшившись начать революцію, — мы постановили развить ее, управлять ею вопреки сопротивленію, какое встрѣчаемъ со стороны совѣта. Для того-то обратились мы къ народу, который окружаетъ этотъ домъ съ оружіемъ въ рукахъ, который не разойдется, пока вы не исполните въ самое короткое время, въ опредѣленный срокъ, слѣдующихъ справедливыхъ желаній его. Народъ требуетъ...». Тутъ, развернувъ инструкцію клуба, я прочиталъ вслухъ содержавшіяся въ ней пункты и вручилъ ее князю Чарторыскому.

Сія революціонная точность (?) поразила бѣольшую часть членовъ правленія, а въ нѣкоторыхъ возбудила величайшее негодованіе. Имъ казались дерзкими требованія клуба, дерзкими выраженія его репрезентантовъ, какъ будто могло быть чтонибудь въ словахъ или дѣйствіяхъ людей, которые не побоялись ворваться въ Бельведеръ, овла-

дѣть арсеналомъ и вооружить 30,000 жителей Варшавы противъ могущественнѣйшаго на земномъ шарѣ монарха. Князь Чарторыйскій, съ свойственною ему привѣтливостію, объявилъ депутаціи, что нѣкоторыхъ ея требованій нельзя исполнить, а «именно» — продолжалъ онъ—«задержать великаго князя, который соглашается на все, который общается (?) предать все забвенію, который сейчасъ объявилъ, что не приступитъ ни къ какому дѣйствию противъ столицы, не уведомивъ ее о томъ за 48 часовъ впередъ, — который заключилъ договоръ (?) съ правленіемъ».

Эта великая нежданная милость цесаревича показалась мнѣ такимъ для народа уничиженіемъ, что я не могъ скрыть моего изумленія и сказалъ князю Чарторыйскому съ нѣкоторою досадою: «вы, князь, конечно, шутить изволите!... Мы возстали не для того, чтобы принимать милости и условія отъ пдѣнника (!) революціи, а чтобы спасти Польшу (!). Пора перестать совѣту играть комедію, которая можетъ кончиться весьма трагически или для возстанія, или для его враговъ и подозрительныхъ непріятелей». Послѣднія слова, раздражившія, встревожившія всѣхъ членовъ администраціоннаго совѣта, я обратилъ въ особенности къ Любецкому, сохранявшему постоянное молчаніе. Хлопчикій вышелъ въ бѣшенствѣ изъ залы и захлопнулъ за собою двери. Густавъ Малаховскій написалъ тотчасъ въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ протестацію противъ насилія, учиненнаго совѣту въ мѣстѣ его засѣданія, и въ той вѣроятнѣ мысли, что демагогія овладѣваетъ Польшею, объявилъ, что требуетъ своей отставки. Его примѣру послѣдовалъ князь Михайло Радзивилъ. Тутъ Нѣмцевичъ, разрывая на груди своей платье, вскричалъ плачевнымъ голосомъ: «поразите это сердце, которое всегда билось для отечества, умертвите насъ, вы же пришли сюда съ оружіемъ, если не имѣете довѣрія ни къ добродѣтели, ни къ совѣсти, ни къ сѣдинамъ». Наконецъ, Владиславъ Островскій и князь Черторыйскій объявили намъ: «что требованія клуба будутъ разсмотрѣны правленіемъ». Депутація удалась.

Въ ту же ночь (со 2-го на 3-е декабря) выступилъ изъ гор. Сохачева къ Варшавѣ 1-й Егерскій полкъ. Его звали на дорогѣ, съ одной стороны, великій князь, — съ другой возстаніе. Но командиръ этого полка бригадный генералъ Шембекъ не колебался (!) ни минуты въ выборѣ; онъ пошелъ тѣмъ путемъ, который ему указывала собственная его приверженность къ отечеству, — который указывало рвеніе его офицеровъ и солдатъ (!). Шембекъ, еще 30-го ноября 1830 г., по полученіи перваго извѣстія о варшавскихъ событіяхъ, послалъ изъ Сохачева въ столицу полковаго адъютанта поручика Поприцкаго за приказаніями правленія для своей бригады, полагая, что должно

уже быть народное революціонное правленіе. Поприцкій явился въ засѣданіе совѣта, объяснилъ Хлопицкому, за чѣмъ его прислалъ генералъ Шембекъ, и требовалъ положительнаго отвѣта. Послѣ многихъ разспросовъ вручили, наконецъ, Поприцкому, въ часъ пополудни, бумагу къ Шембеку — выписку изъ протокола администраціоннаго совѣта, подъ заглавіемъ: «По повелѣнію (w imieniu) императора и царя Николая». Посланная подъ такимъ заглавіемъ выписка не была приказаніемъ для бригады ¹⁾. Повинуясь Николаю, не могъ Шембекъ взбунтоваться противъ Николая. Онъ рѣшился повиноваться волѣ отечества — приказалъ 1-му егерскому полку, который былъ въ окрестностяхъ Сохачева, собраться какъ можно поспѣшнѣе, отправилъ тотчасъ эстафеты въ Ловичъ и въ Раву къ начальникамъ дивизій: конно-егерской Канскому, и 2-й пѣхотной графу Круковецкому, а въ Мѣдоновъ къ командиру 1-го пѣхотнаго полка полковнику Рыбинскому, увѣдомляя ихъ о возстаніи въ столицѣ и предлагая идти, какъ можно скорѣе, на помощь народу, — вслѣдъ зачѣмъ выступилъ самъ 2-го декабря съ 1-мъ егерскимъ полкомъ къ Варшавѣ, куда направилъ и состоявшій въ его бригадѣ 5-й егерскій полкъ, который былъ расположенъ въ гор. Плоцкѣ. Это распоряженіе генерала Шембека рѣшило дѣло возстанія, давъ ему несомнительный перевѣсъ. Утомленный солдатъ, сдѣлавшій 9 миль въ одинъ почти переходъ, требовалъ минутнаго отдыха. Шембекъ останавливается вечеромъ въ м. Блонѣ ²⁾. Здѣсь ночью съ 2-го на 3-е декабря онъ получаетъ отъ великаго князя адресованное къ нему въ Соха-

---

¹⁾ Та выписка изъ протокола администраціоннаго совѣта была въ слѣдующихъ словахъ:

По повелѣнію императора всея Россіи царя польскаго Николая. «Администраціонный совѣтъ, побуждаясь крайнею необходимостью охранить столицу отъ всякой опасности, — ииѣя въ виду средства къ обезпеченію продовольствія столицы, а вмѣстѣ съ тѣмъ призвать войско къ дѣйствіямъ для блага народа необходимымъ, — постановляетъ слѣдующее:

«Генералу Хлопицкому дается полномочіе учинить соотвѣтственными обстоятельствамъ предписанія на счетъ движеній войска, сближенія его и призванія въ столицу. Варшава. Декабря 1-го дня 1830 года. Графъ Валентинъ Соколевскій».

На основаніи сего-то постановленія начались движенія польскаго войска. Не сущій-ли это хаосъ?... Соболевскій, именовъ царя Николая, двигаетъ войско къ Варшавѣ. А какъ войско нужно Варшавѣ не противъ города, но противъ Константина Павловича, такъ, по повелѣнію царя, направляли войско въ Варшаву противъ брата царя!?

Прим. соч.

²⁾ Отъ Сохачева до Варшавы всего 7 миль, а какъ Шембекъ остановился въ м. Блонѣ, которое отъ Варшавы въ 3½ миляхъ, то полкъ сдѣлалъ въ цѣлый день не 9, а всего ½ миль.

Примѣч. перев.

чевъ предписаніе: «не трогать полка съ мѣста ни подъ какимъ видомъ». Офицеръ, посланный съ этимъ приказаніемъ, найдя полкъ въ Блонѣ, поспѣшилъ донести о семъ великому князю, который часа черезъ два прислалъ Шембеку другое предписаніе, чтобы непременно, подъ опасеніемъ строгой отвѣтственности, прибылъ онъ съ полкомъ въ слѣдующій день, т. е. 3-го декабря, къ 8 часамъ утра, въ лагерь подъ селеніемъ Мокотовъ¹⁾. Но это нисколько не поколебало рѣшимости (1) Шембека. Наконецъ, третій курьеръ является отъ великаго князя, но уже не съ предписаніемъ, а съ частнымъ къ Шембеку письмомъ, наполненнымъ такими выраженіями: «что въ его рукахъ будущее счастье Польши, что великій князь требуетъ отъ него, какъ отъ человѣка, желающаго добра своему отечеству,— что просить его, чтобы онъ, безъ потери времени, согласно прежнимъ приказаніямъ, прибылъ съ полкомъ подъ Мокотовъ, гдѣ его и ожидаетъ». Шембекъ рѣшился поѣхать въ Мокотовъ, но предъ отъѣздомъ распорядился такимъ образомъ: онъ сообщилъ письмо Константина Павловича баталіоннымъ своего полка командирамъ, подполковникамъ Рольбецкому и Ютршенко и многимъ другимъ офицерамъ: не зная онъ, чѣмъ кончится его поѣздка, и чтобы въ русскихъ не возбудить особеннаго подозрѣнія, взялъ съ собою унтеръ-офицера для того, во 1-хъ, чтобы этотъ унтеръ-офицеръ въ лагерь Константина Павловича между польскими полками распустилъ слухъ, что войска, расположенныя въ воеводствахъ, заодно съ Варшавою, а во 2-хъ, чтобы въ случаѣ задержанія его, Шембека, въ Мокотовѣ, онъ далъ знать его полку, что съ нимъ самимъ сдѣлалось. На случай своего задержанія, оставилъ Шембекъ подполковникамъ Рольбецкому и Ютршенкѣ такую инструкцію: «что если арестуетъ цесаревичъ, то пришлетъ онъ, Шембекъ, приказаніе своему полку слѣдовать къ Мокотову, но приказаніе это будетъ только знакомъ, чтобы полкъ, не теряя ни минуты, поспѣшилъ проселочными дорогами въ Варшаву».

Шембекъ, еще до полуночи, пріѣзжаетъ въ лагерь цесаревича. Константинъ Павловичъ бросился въ его объятія, привѣтствовалъ его какъ спасителя, но тотчасъ былъ выведенъ изъ заблужденія. Шембекъ сказалъ ему, «что бригада его ночуетъ въ Блонѣ, но никакая сила въ свѣтѣ не остановитъ похода ея въ Варшаву; что онъ самъ, какъ добрый (1) полякъ, долженъ соединиться съ народомъ». Разговоръ продолжался болѣе часа, великій князь настаивалъ...

¹⁾ Селеніе Мокотовъ за Бсльведеромъ, въ верстѣ отъ краковской заставы.
Прим. перевод.

нецъ, когда все это не дѣйствовало, онъ разсердился, грозилъ задержать Шембека

Вскорѣ послѣ отъѣзда генерала Шембека изъ Блони, прискакалъ туда изъ Варшавы полковникъ Кицкій съ нѣсколькими молодыми людьми и убѣждалъ полкъ тотчасъ идти въ столицу, не ожидая возвращенія Шембека ¹⁾. Всѣ офицеры полка дали Кицкому честное слово, что не пойдутъ никуда, какъ въ Варшаву, но съ своимъ командиромъ, и часа два будутъ ожидать еще его возвращенія или извѣстія, что съ нимъ сдѣлалось. Я описываю эти подробности для того, что на счетъ свиданія Шембека съ великимъ княземъ напечатано много разныхъ сказокъ, и между прочимъ, что будто не онъ, Шембекъ, а Кицкій, съ академиками, привелъ 1-й егерскій полкъ въ Варшаву. Не долго ждали Шембека: онъ пріѣхалъ—приказалъ полку зарядить ружья и выступилъ въ походъ. Изъ села Олтаржева, въ двухъ миляхъ отъ Варшавы, онъ послалъ съ подпоручикомъ Гергардомъ, стоявшимъ тамъ на посту съ небольшою командою гвардейскихъ конныхъ егерей, написанное имъ самимъ воззваніе къ польскимъ войскамъ, находившимся при великомъ князѣ, чтобы они, слѣдуя его примѣру, соединились съ народомъ. Часу въ третьемъ пополудни Шембекъ вошелъ чрезъ Вольскую заставу въ Мировскія казармы. Пріѣхалъ туда въ мигъ Хлопицкій и пошелъ по рядамъ. Солдаты стояли еще подъ ружьемъ. Завидѣвъ своего главнокомандующаго, они всѣ закричали: «да здравствуетъ отечество! Да здравствуетъ генералъ Хлопицкій!». Этотъ человекъ дѣйствовалъ электрически, чародѣйски на войско. Потомъ Хлопицкій и Шембекъ отправились вмѣстѣ въ администраціонный Совѣтъ. Шембекъ сказалъ въ Совѣтѣ:

— Я сдѣлалъ то, что повелѣвалъ мнѣ долгъ истиннаго поляка, что повелѣвала честь — пришелъ соединиться съ вами; долженъ, однако-жъ, сказать, что хотя мнѣ только 42 года, но, можетъ быть, я уже не стою младшихъ меня,—а затѣмъ неспособныхъ прочь!

Шембекъ поднялъ высоко духъ Варшавы. Его бригада предвѣщала революціи побѣду, его примѣръ не дозволялъ сомнѣваться, что и прочія части польскаго войска, разбросанныя по Царству, пристанутъ къ народному (?) дѣлу. Вліяніе великаго князя на тѣ части войска не могло уже насъ тревожить. Въ тылу цесаревичева лагеря, на пере-

¹⁾ Кицкій, какъ сказано выше, былъ нѣсколько лѣтъ адъютантомъ цесаревича, потомъ находился долгое время въ отставкѣ, промоталъ все свое и умершей жены своей имущество, а въ 1829 г. въ коронацію Николая Павловича въ Варшавѣ пожалованъ былъ въ камергеры. Прим. перев.

правѣ его въ забрапныя области, стояла бригада нашей 2-й пѣхотной дивизіи, стояла дивизія уланская, расположенная въ Замосьцѣ, Люблинѣ, Любартовѣ и Маркушевѣ. Съ боку, если бы цесаревичъ вздумалъ отступить въ эту сторону, тѣснили его (!) превосходныя силы генераловъ Круковецкаго и Гелгуда. Онъ былъ, такимъ образомъ, окруженъ со всѣхъ сторонъ, ибо и Прага находилась въ нашихъ рукахъ...

Шембекъ, на другой день (3-го декабря), поутру, пошелъ заключить тѣсный союзъ съ клубомъ, который такъ ясно (!) понималъ наше возстаніе, который, собравшись чуть-свѣтъ еще въ большемъ числѣ, нежели вчера, былъ уже занятъ совѣщаніями: навелъ страхъ и распоряжалъ столицей, ибо всѣ власти передъ нимъ трепетали. вмѣстѣ съ Шембекомъ пришелъ на то засѣданіе и Лелевель, который, какъ предсѣдатель клуба, встрѣченъ былъ громкими восклицаніями. Полагали,—я, по крайней мѣрѣ, такъ думалъ,—что онъ тотчасъ могучею рукою приметъ власть, которую ему вручила молодежь, и станетъ въ челѣ движенія, передъ коимъ ничто не могло бы устоять. Дѣйствительно, судьба революціи въ эту великую минуту зависѣла отъ него—отъ одной его рѣчи. Но Лелевель не воспользовался своимъ положеніемъ! Онъ произнесъ рѣчь къ собранію; но, вмѣсто того, чтобъ подкрѣпить вчерашнее рѣшеніе клуба, склонялъ его къ большей умѣренности въ дѣйствіяхъ. Этого мало: онъ оправдывалъ административный Совѣтъ, котораго самъ былъ членомъ,—до такой степени умѣлъ Любецкій опутать его своими сѣтями!.. Лелевель, по характеру, по воспитанію, по темпераменту, совсѣмъ не человекъ народа, не демагогъ въ минутахъ замѣшательства, какимъ его почитали, не «мужъ, сильный дѣломъ», говоря словами Библии. Напротивъ, чѣмъ выше обстоятельства, тѣмъ ниже онъ опускается,—а въ толпѣ, въ давлѣ ничего, почти ничего онъ не видитъ; буря не уноситъ, не распалаетъ его—не даетъ ему никакого вдохновенія. Несравненный въ заговорѣ, въ библиотекѣ, а особенно на каедрѣ, — Лелевель за этою чертою слишкомъ деликатенъ, смиренъ и остороженъ, ничего столько не боится, какъ отвѣтственности, коль скоро обстоятельства требуютъ смѣлаго и опаснаго шага. Съ недостаткомъ вдохновенія на шаткой сценѣ онъ соединяетъ претензію на безошибочность—хочетъ непременно быть всегда правъ и поэтому готовъ лучше ничего не сдѣлать, ничего не сказать, нежели рѣшиться на что нибудь, нежели дать какой либо совѣтъ, который оказался бы впоследствии ошибочнымъ и противъ него обратился. Отъ этого все, что ни говорилъ онъ въ продолженіе возстанія, говорилъ только сквозь зубы, все, что ни дѣлалъ, дѣлалъ не явно. Ни одного мѣста

не занималъ онъ цѣлымъ собою: какъ что нибудь сказать рѣшительно, такъ и быть гдѣ-нибудь рѣшительно, противилось его политикѣ, его безошибочности. По этой причинѣ, какъ никогда не сказалъ онъ ясно ничего, такъ и нигдѣ не былъ: ни во власти, ни противъ власти. Это, а не что иное, ослабляло въ возстаніи и вѣсь Лелевеля, а вмѣстѣ съ тѣмъ и силу революціи, силу революціоннаго духа. Заговорщики и молодежь имѣли къ нему неограниченное довѣріе; ибо, съ другой стороны, этотъ человѣкъ милъ и достоинъ любви, ибо великій мастеръ брать верхъ надъ людьми, не принимая на себя никакой обязанности въ отношеніи къ тѣмъ, которые почитаютъ его своимъ, которые бросаются въ его объятія. Что другіе снискиваютъ словомъ, то снискиваетъ онъ глазами, жестомъ, а больше всего молчаніемъ. Этими кокетствомъ онъ обольстилъ революцію и всегда обманывалъ ее въ рѣшительныя минуты. Слова, которыя онъ первый произнесъ, какъ предсѣдатель клуба, были гибельнымъ ударомъ для зарождавшагося могущества народа, для революціонной партіи, хотѣвшей имѣть его своимъ главою. Со стороны Лелевеля что могло бы быть натуралиѣе, какъ уничтожить въ клубѣ старое правленіе, какъ показать поддерживавшимъ правленіе острые, хищные клыки, и въ мигъ проложить дѣлу единственный путь спасенія, какой тогда предстоялъ? Кто-жъ изъ революціонистовъ, кто изъ основателей клуба имѣлъ такое имя, какъ Лелевель, кто имѣлъ такое уваженіе въ народѣ, такія связи съ Литвою, съ литовскимъ корпусомъ и даже съ ученою Россією? Короче сказать, кто изъ насъ былъ извѣстнѣе его? но революція хромала въ вершинѣ своей, въ единой, видимой своей главѣ!...

Послѣ Лелевеля говорилъ со стола (присланный въ клубъ изъ совѣта) каштелянъ Накваскій, сѣдой старикъ: онъ въ слезахъ и рыданіяхъ желалъ счастливаго успѣха отечественному дѣлу.

Адвокатъ Кршивошевскій назвалъ клубъ «демагогическимъ», — и долженъ былъ сойти со стола ¹⁾. Шембекъ, внесенный на рукахъ, насилу могъ вырваться изъ дружескихъ объятій соотчичей.

— Я солдатъ, сказалъ онъ, — и рѣчей говорить не умѣю, но съ моими егерями пролью за отечество послѣднюю каплю крови.

¹⁾ Адвокатъ Кршивошевскій защищалъ предъ сеймовымъ судомъ главнога изъ подсудимыхъ, подполковника Кржижановскаго, и съ того времени слылъ демагогомъ. Но во все продолженіе мятежа онъ велъ себя спокойно и благодушно. Бывъ избранъ членомъ муниципальнаго Совѣта, онъ покровительствовалъ русскимъ плѣннымъ, захваченнымъ въ ночь 29-го ноября 1830 г., и употреблялъ всѣ усплія къ охраненію порядка и воздержанію народа отъ безчинства.

Ему вѣрили, потому что въ арміи нашей была поговорка: «вѣрь Шембеку» ¹⁾).

Восторгъ овладѣлъ умами, надежда начала проявлять лица, дотолѣ пасмурныя; дома начали отпираться. Жители столицы ожили, но по мѣрѣ того, какъ проходилъ ихъ страхъ, прибывало страха въ Любецкомѣ и въ цѣломъ администраціонномъ совѣтѣ. Половина Варшавы высыпала на улицу, а народъ, народъ весь находился въ клубѣ. Шембека вынесли, какъ внесли, на рукахъ. За нимъ все собраніе хлынуло изъ залы на дворъ. Была минута чудесная! На дворѣ, подъ открытымъ небомъ, не было ораторской кафедрѣ. Не было стола, но случился крестьянскій возъ. Шембекъ вскакиваетъ на этотъ возъ, съ чувствомъ поздравляетъ народъ и объявляетъ, что бригада его будетъ тотчасъ на Саксонской площади. «Ура, Шембекъ, ура!.. Смерть москалямъ!..» кричали тысячи голосовъ, возносящихся до небесъ. Потомъ многіе изъ военныхъ, многіе изъ патріотовъ говорили съ воза энергически и смѣло. Тотъ исчислялъ прежнія заслуги, исчислялъ раны, полученные въ болахъ за отечество; другой изображалъ чуждый деспотизмъ вѣрными (?) красками, разбиралъ дѣйствія администраціоннаго совѣта. Надъ совѣтомъ, такъ какъ изъ исполнительнаго отдѣленія его не приходило отвѣта, поднималась часъ отъ часу сильнѣйшая гроза. «Пойдемъ опять въ банкъ, пойдемъ всѣ выѣстѣ!» кричало собраніе.

Тутъ пожилой Кушель, въ старинной польской буркѣ, съ страшными усами, съ пистолетами за поясомъ, началъ толковать съ воза о необходимости всеобщаго ополченія въ Царствѣ.

— Ничто не пойдетъ въ прокъ, говорилъ онъ,—если не ворвемся тотчасъ въ Литву! Но прежде всего надобно непременно повѣсить предсѣдателя подляской воеводской комиссіи, потому что этотъ бездѣльникъ,—тутъ явился онъ самыми колкими словами несчастнаго предсѣдателя (бывшаго тогда, кажется, въ Варшавѣ), личнаго своего врага ²⁾. Его прервали крики: «ладно, ладно! пойдемъ въ Литву — повѣсимъ предсѣдателя...» Народъ у насъ, какъ вездѣ, скоро рѣшаетъ такіа дѣла. Слово на счетъ Литвы, вѣрно, въ опрометчивости было

¹⁾ Справедливость этой поговорки доказалъ Шембекъ поведеніемъ своимъ какъ въ отношеніи къ цесаревичу, осмыпавшему его благодарностями, такъ и въ отношеніи къ революціи, въ продолженіи которой онъ не пролилъ ни капли крови и находился только въ одномъ сраженіи, при с. Гроховѣ 13-го (25-го) февраля 1831 г., подъ Варшавою, а послѣ удаленъ изъ арміи за пронырство и беспокойное поведеніе.

²⁾ Старнальскаго, находившагося въ своемъ воеводствѣ, въ г. Седльцѣ.
Прим. перев.

молвлено въ такую минуту. Оно доказывало, однако-жь, что эта мысль была не чужда, была по душѣ народу ¹⁾.

Среди сего порыва народныхъ страстей и всеобщей ярости противъ администраціоннаго совѣта, является членъ исполнительнаго его отдѣленія графъ Владиславъ Островскій, и вмѣсто категорическаго отвѣта на вчерашнія требованія клуба приносить бумагу, кою совѣтъ назначаетъ себѣ въ члены Ксаверія Брониковскаго, отставнаго маіора Махницкаго и меня ²⁾. «Прошу васъ, господа, объявить намъ (также съ воза) Владиславъ Островскій,—сей же часъ явиться въ засѣданіе совѣта». Это была новая увертка контръ-революціи, новая уступка Любецкаго. Система этого министра, который гимнастически боролся съ волненіемъ, состояла, какъ я сказалъ, въ искусномъ охлажденіи революціонныхъ началъ, въ постепенномъ политическомъ ихъ истомленіи. Сначала, какъ мы видѣли, онъ поддерживалъ правленіе значеніемъ Чарторыскаго, Паца, Нѣмцевича. Когда это не усмирило города, онъ расширилъ свой контръ-революціонный кругъ и вовлекъ въ него Владислава Островскаго и Лелевеля, возстававшихъ на бездѣйствіе правленія. Когда же не помогло и это, рѣшился онъ вступить въ гнѣздо бури, впутать самый клубъ въ свой кругъ, дабы все, что только возставало противъ правленія, погрязло въ администраціонномъ совѣтѣ и не могло выпутаться изъ него. Но въ отношеніи къ клубу министръ ошибся въ своемъ разсчетѣ. Онъ не могъ съ нами управиться. Понимая тогда все дѣло точно такъ, какъ теперь его описываю, разсуждая, что участіе въ правленіи мое и Брониковскаго ³⁾ должно было быть только минутное; что допущенія нѣсколькихъ клубистовъ въ составъ правленія требовалъ клубъ единственно для испроверженія администраціоннаго со-

¹⁾ Не народу, крестьянству, а шляхтичамъ и тому мелкому ремесленному люду, который въ безуміи своемъ привелъ Польшу на край гибели.

²⁾ Махницкій поступилъ въ военную службу пѣзъ адвокатовъ въ 1809 г., во время войны Наполеона съ Австрією, и принятъ былъ маіоромъ, а въ 1821 г., за участіе въ тайныхъ обществахъ, удаленъ изъ службы. Впослѣдствіи, въ началѣ 1826 г., онъ былъ взятъ подъ стражу, и заключеніе его продолжалось до послѣдовавшаго въ 1829 г. высочайшаго повелѣнія о немедленномъ освобожденіи всѣхъ венодвергнутыхъ до того времени сулу, и о несодержаніи впредь никого подъ стражею, безъ письменнаго объявленія арестованному о причинахъ его заключенія и отсылки къ суду въ теченіи первыхъ трехъ дней для допроса и поступленія по установленному порядку.

Прим. перев.

³⁾ Маіоръ Махницкій отъ всего уклонялся и вскорѣ уѣхалъ изъ Варшавы въ Познанское герцогство.

Соч.

вѣта при содѣйствіи Лелевеля и Островскаго, на которыхъ мы считали, видя вмѣстѣ съ тѣмъ, что съ своей стороны администраціонный совѣтъ, постигнувъ-таки замыслы клуба, допускалъ насъ охотно въ свой составъ, именно для отвращенія грозившей ему опасности,—я тотчасъ объявилъ Любецкому, что не войду въ правленіе до тѣхъ поръ, пока онъ и прочіе министры будутъ засѣдать въ правленіи.—«Администраціонный совѣтъ, сказала я въ присутствіи всѣхъ его членовъ, и сказалъ это первый,—долженъ непремѣнно объявить себя упрздненнымъ. Народъ озлобленъ противъ князя Любецкаго — революція хочеть своего собственнаго правленія—революція не можетъ дѣйствовать отъ имени русскаго правительства». Я говорилъ какъ мыслялъ, мнѣ казалось, что я вижу дѣло ясно, я стремился къ власти скоро, слишкомъ скоро, а потому безуспѣшно: такіе шаги, такіа рѣчи мои навлекли на меня ненависть людей весьма важныхъ. Но еще молчали, потому что клубъ былъ силенъ, а я въ клубѣ имѣлъ друзей. Любецкій и Мостовскій подали тотчасъ въ отставку. Администраціонный совѣтъ не существовалъ уже de facto. Въ заглѣ его засѣданій, послѣ вчерашняго Якобинскаго нашествія—такъ называли депутацію клуба,—царствовалъ беспорядокъ, какъ послѣ пьянаго пира, какъ послѣ ночныхъ сатурналій. Одно дыханіе народа развѣяло эту ветхую власть, поддерживаемую дотолѣ такъ искусно, такъ мудро. Множество депутацій, одна за другой, ото всѣхъ отрядовъ войска, со всѣхъ пунктовъ столицы, являлись въ совѣтъ, слѣдуя вчерашнему примѣру. Инсуррекция въ массѣ расположила свой главный бивуакъ передъ банкомъ, а главную свою квартиру утвердила въ банктѣ, въ покояхъ Любецкаго. Не было уже никакого правленія!

Всякое волненіе, подвигаемое съ одного пункта, увеличивается собственною силою. Клубъ шибко гналъ дѣла впередъ. Движеніе, имъ произведенное, вошло въ массы и нѣсколько тысячъ вооруженнаго народа, вмѣстѣ съ войскомъ, потянулись поутру, въ 10-мъ часу, къ Мокотовской заставѣ «для освобожденія польскихъ солдатъ, которыхъ русскіе, какъ распущенъ былъ слухъ, удерживаютъ насильно».

Великій князь, по отъѣздѣ депутатовъ совѣта изъ Вержбно, ждалъ цѣлую ночь въ величайшемъ безпокойствѣ ратификаціи договора (?), заключеннаго имъ съ совѣтомъ. Онъ вышелъ, наконецъ, изъ терпѣнія и тотчасъ съ наступленіемъ слѣдующаго дня послалъ Замойскаго въ Варшаву узнать о результатѣ. Замойскій, на пути въ городъ, встрѣчается съ генераломъ Герштенцевейгомъ и узнаеть отъ него, что гвардейскіе конные егеря отиравили отъ себя депутацію къ великому князю для представленія ему, «что службою при немъ они исполнили все, что налагали на нихъ и долгъ, и честь, и

что потому надѣются, что цесаревичъ позволитъ имъ присоединиться къ народу, и что даже лично объявить имъ позволеніе». Конные егеря, въ самомъ дѣлѣ, стояли этого. Великій князь, отдаваясь имъ въ руки, выхваляя ихъ («ce sont des soldats à mettre en cartes d'or», говорилъ онъ), превознося безпрестанно благородное ихъ поведеніе, поставилъ въ положеніе самое трудное. Но при всемъ этомъ онъ не хотѣлъ посланнымъ отъ нихъ депутатамъ дать точнаго позволенія. «Пусть они себѣ идутъ—я ихъ не удерживаю, но и не позволяю». Конные егеря хотѣли уйти сами собою, безъ позволенія. Но Замоискій удерживаетъ ихъ отъ этого. Онъ представляетъ имъ, что, «находившись до сихъ поръ при великомъ князѣ, они должны остаться при немъ, пока онъ самъ велитъ имъ уйти, что объ этомъ идутъ уже переговоры, что они непременно получаютъ позволеніе». Замоискій смотрѣлъ на положеніе гвардейскихъ конныхъ егерей больше со стороны политической: «если революція удастся (говорилъ онъ), то егеря найдутъ еще время присоединиться къ ней»,—о самомъ же себѣ объявлялъ, что пристанетъ къ ней послѣдній. «А если она не удастся—разсуждалъ Замоискій—то не малымъ будетъ счастьемъ для народа, что не все войско отложилось отъ великаго князя». Егеря, наконецъ, убѣдились и дали честное слово дожидаться.

Замоискій прѣзжаетъ въ городъ. Онъ находитъ совѣтъ, послѣ ночной сцены, въ чрезвычайномъ замѣшательствѣ. До двухсотъ человекъ толпилось въ залѣ и, по крайней мѣрѣ, 100 говорили разомъ. Шумъ, беспорядокъ, страхъ—невыразимые!.. Въ этомъ смятеніи Любецкій отводитъ Замоискаго въ сторону. Онъ говоритъ ему, что всѣ сношенія совѣта съ великимъ княземъ прерваны натискомъ клубистовъ, что теперь нельзя ручаться ни за что, а, наконецъ, тихомолкомъ, вмѣстѣ съ княземъ Чарторскимъ, пишетъ къ вел. кн. Константину Павловичу письмо слѣдующаго содержанія: «Возстаніе беретъ сильно верхъ—порывы его въ эту ночь были страшные—удержать ихъ нельзя ничѣмъ. Совѣтъ не можетъ имѣть ни въ какихъ сношеній съ вашимъ императорскимъ высочествомъ—одна мысль договора съ вами подвергла его величайшей опасности. Въ такомъ положеніи дѣлъ совѣтъ предлагаетъ вашему высочеству одно изъ двухъ: или сдаться, или тотчасъ уходить»¹⁾. Съ этимъ письмомъ, едва доконченнымъ, Замоискій поспѣшилъ къ великому князю. На пути отъ Крулевской улицы къ Александровскому костелу видитъ онъ зрѣлище: тянутся огромныя вооруженныя массы народа—съ ними Шембековъ полкъ, съ нимъ Шембекъ и Хлопицкій, оба влекомые потокомъ, оба блѣдные.

¹⁾ Изъ рукописи графа Владислава Замоискаго.

Хлопицкій сердитый, почти скрежещущій зубами, впереди этой взволнованной толпы, этого наводненія, готоваго затопить лагерь цесаревича. Замойскій старается остановить ихъ. Онъ торгуется съ Хлопицкимъ о двухъ часахъ времени, выставляетъ политическія выгоды, могущія произойти отъ добровольнаго согласія цесаревича на отпускъ польскаго войска; а надобно помнить, что клубъ для взволнованія массъ распространилъ слухъ, будто бы Константинъ Павловичъ насильно удерживаетъ при себѣ польское войско. Хлопицкій вынулъ часы и сказалъ Замойскому, «что если къ 12-ти часамъ польское войско не будетъ отпущено изъ лагеря цесаревича, то онъ не найдется въ состояніи удерживать долѣе этого напора, и самъ въ челѣ его долженъ будетъ поневолѣ ударить на отрядъ великаго князя. Замойскій, выпросивъ эту короткую отсрочку, прищипорилъ коня и ускакалъ впередъ. У самаго уже лагеря великаго князя остававливаетъ онъ вторично конныхъ егерей, хотѣвшихъ идти въ городъ, ручается имъ торжественно, что если чрезъ полъ-часа не привезетъ имъ позволенія великаго князя, то самъ, вмѣстѣ съ полкомъ, оставитъ его.

Константинъ Павловичъ, взявъ въ руки вышепомянутое письмо Любецкаго и Чарторыскаго, замѣтилъ, съ крайнимъ удивленіемъ, что оно безъ подписи ¹⁾.

— Что это значить? спросилъ онъ Замойскаго, который, не теряя присутствія духа, отвѣчалъ тотчасъ:

— Это, ваше высочество, живая, вѣрная картина того, что происходитъ теперь съ совѣтомъ.

Тутъ выставляетъ онъ великому князю, въ самыхъ живыхъ краскахъ, положеніе совѣта, сцену съ клубомъ, тревогу и разрушеніе послѣ этой сцены,—проситъ великаго князя считать письмо подписаннымъ и увѣряетъ честнымъ словомъ, что оно вручено ему княземъ Чарторыскимъ и Любецкимъ. Но великій князь и по прочтеніи того письма не соглашался дать позволенія войску. Тогда Замойскій сказалъ ему, «что весь народъ, всѣ инсургенты идутъ на него съ генералами и съ войскомъ, что этого натиска нельзя остановить ничѣмъ, кромѣ позволенія польскимъ войскамъ присоединиться къ народу, что только то время, которое можетъ пройти во взаимныхъ привѣт-

---

¹⁾ Любецкій признался потомъ Замойскому, что, пользуясь его поспѣшностію возвратиться къ цесаревичу, онъ умышленно не подписалъ того письма и самаго князя Чарторыскаго уговорилъ не подписывать, такъ какъ письмо, по мнѣнію его, Любецкаго, имѣло двѣ стороны: за преступленіе принялъ бы его государь; преступленіемъ призналъ бы и клубъ—каждый по своимъ уваженіямъ.

ствѣяхъ разлученныхъ братьевъ, остается великому князю для собственнаго его спасенія, что на сей конецъ только до полудня выхлопотать овъ у Хлопидкаго отсрочку». Ужаснуло это Константина Павловича; но овъ все еще колебался. Тутъ Замоискій приступилъ къ дѣлу съ другой стороны.

— Ваше высочество,—сказалъ овъ,—умѣя цѣнить заслуги солдата, не можете отказать въ просьбѣ людей, которые были вѣрны долгу чести, которые въ исполненіи трудной обязанности явили вамъ столько доказательствъ своей преданности.

Княгиня Ловичъ, находившаяся при этой сценѣ, возстала противъ Замоискаго, что овъ побуждаетъ великаго князя къ такому шагу, за который вся отвѣтственность падеть на него (Константина).

— *Son honneur le lui défend* ¹⁾, сказала она.

— *Son salut, sa sécurité l'exigent* ²⁾, возразилъ Замоискій и, обратясь къ Константину Павловичу, сильно, настойчиво требовалъ его согласія для собственной личной его безопасности.

— Что-же общаетъ мнѣ правленіе, если я соглашусь? спросилъ Константинъ Павловичъ.

— Ничего, развѣ нѣсколько часовъ отсрочки, сказалъ Замоискій.

— Я ихъ не удерживаю—пусть себѣ идутъ!

— Но, ваше высочество! Они сняли себѣ право на ваше точное позволеніе—они исполнили свой долгъ; ваше высочество не можете отказать въ позволеніи, котораго они просятъ. Увѣренный въ вашей справедливости, я обвадежилъ ихъ въ томъ и далъ имъ даже слово, что, въ случаѣ вашего отказа, я самъ почту себя уволеннымъ отъ всѣхъ обязанностей моихъ при вашемъ высочествѣ.

Пораженный этими словами, Константинъ Павловичъ вымолвилъ, наконецъ:

— Поди, скажи имъ отъ меня, что я позволяю имъ идти.

Княгиня Ловичъ удержала Замоискаго, когда овъ уже хотѣлъ выходить, напоминая ему, чтобы овъ позволеніе великаго князя передалъ польскому войску въ тѣхъ самыхъ, не въ другихъ словахъ, а именно: «что великій князь только позволяетъ, но не уполномочиваетъ, а тѣмъ менѣе приказываетъ».

Замоискій увѣряетъ княгиню, что овъ не дозволитъ себѣ никакой перемѣны въ выраженіяхъ. Заботливость жены тотчасъ возбудила въ

¹⁾ Его честь не позволяетъ ему этого.

²⁾ «Его спасеніе, его безопасность требуютъ этого».

великомъ князѣ опасеніе, чтобы Замоѣскій не прибавилъ чего нибудь отъ его имени. «Je metterai cela par écrit» ¹⁾, сказалъ онъ и началъ писать. Ихъ было трое въ тѣсной комнаткѣ. Безпрестанный разговоръ Замоѣскаго съ княгинею Ловицкою прерывалъ поминутно Константина Павловича. Онъ изорвалъ первыя строки, набросанныя съ трудомъ, приказалъ женѣ и Замоѣскому молчать, и написалъ на французскомъ языкѣ воззваніе къ польскому народу, въ слѣдующихъ словахъ:

— «Je permets aux troupes polonaises qui sont restées fidèles jusqu'au dernier moment auprès de moi, de rejoindre les leurs. Je me mets en marche avec les troupes impériales pour m'éloigner de la capitale, et j'espère de la loyauté polonaise qu'elles ne seront pas inquiétées dans leur mouvement pour rejoindre l'empire. Je recommande de même tous les établissements, propriétés et les individus à la protection de la nation polonaise, et les mets sous la sauve-garde de la foi la plus sacrée. Constantin. Varsovie, le 3 décembre 1830» ²⁾.

Принимая это воззваніе изъ рукъ Константина Павловича, Замоѣскій испрашивалъ, не угодно ли будетъ его высочеству дать ему, какъ адъютанту, какія либо особыя приказанія.

Великій князь простился съ нимъ слѣдующими словами:

— Je n'ai plus d'ordres à vous donner, vous avez des devoirs— adieu ³⁾.

Въ передней было множество военныхъ всякаго чина, русскихъ и польскихъ. Замоѣскій, вышедши отъ великаго князя, объявилъ польскимъ, что цесаревичъ повелѣваетъ имъ отправиться въ городъ, а русскимъ сказалъ:

— Au revoir, messieurs, peut-être sur un champ de bataille! ⁴⁾.

Но воззваніе Константина Павловича не застало уже польскихъ войскъ въ его лагерь. Они сами, безъ позволенія, соединились съ толпами народа подъ предводительствомъ Хлопцкаго и Шембека, между костеломъ св. Александра и серединою Бельведерской аллеи.

¹⁾ Я это напишу.

²⁾ Дозволяю войскамъ польскимъ, кои пребыли вѣрными до послѣдней минуты, присоединиться къ своимъ, чтобы удалиться отъ столицы, и отъ благородства поляковъ я ожидаю, что они не станутъ беспокоить войскъ моихъ на маршѣ къ предѣламъ имперіи. Покровительству народа польскаго поручаю также всѣ заведенія, имущество и всѣхъ остающихся россиянь, отдаю ихъ подъ охраненіе добросовѣстности святой.

³⁾ Я не могу давать вамъ никакихъ прѣказаній; вы имѣете обязанности. Прощайте.

⁴⁾ До свиданія, господа, можетъ быть, на полѣ битвы! Пер. соч.

Привѣтствіе было сердечно и трогательно. Изъ Бельведерской аллеи вся эта огромная масса потянулась чрезъ Новый-Свѣтъ на Краковское предмѣстье, откуда устремилась къ банку, раздѣляясь на двѣ большія части, потому что не могла умѣститься на однихъ и тѣхъ же улицахъ. Никакое перо не можетъ описать этой картины. Толпившіеся на улицахъ жители кричали безпрерывно: «да здравствуетъ польское войско!» разрывали ряды и въ восхищеніи обнимали храбрыхъ. Женщины махали платками изъ растворенныхъ оконъ, увѣшанныхъ коврами; знамена каждаго полка украшались вѣнками изъ цвѣтовъ; военная ихъ музыка гремѣла изъ конца въ конецъ Варшавы. На всѣхъ главныхъ зданіяхъ столицы показался написанный большими буквами стихъ Мицкевича:

«Привѣтствую тебя, заря свободы! За тобою солнце спасенія»¹⁾!

3-й день декабря 1830 г. будетъ навсегда памятенъ²⁾. Въ этотъ день заключила Варшава отъ имени всей Польши торжественный союзъ съ возстаніемъ—клялась въ неизмѣнной вѣрности дѣлу своей независимости. Въ воздухѣ носился еще дымъ выстрѣловъ 29-го ноября 1830 г. Народъ, въ восторгѣ, въ восхищеніи, забылъ и злобу къ братьямъ, которые въ первую минуту заблужденія (?) обратили противъ него свое оружіе и месть, долго кипѣвшую въ сердцахъ. Курнатовскій и Красинскій (которые вмѣсто того, чтобы уйти съ цесаревичемъ, рѣшились, невѣдомо зачѣмъ, прибыть въ Варшаву), прервали на время эту восхитительную гармонию. Окруженные со всѣхъ сторонъ, стаченные съ коней среди тысячи сабель и штыковъ, на нихъ устремленныхъ, они обязаны были спасеніемъ своимъ Хлопицкому, Шембеку и торжественной клятвѣ «пролить кровь за отечество» — клятвѣ, принятой народомъ съ такимъ же презрѣніемъ, съ какимъ лицемѣріемъ они ее дали и потому не сдержали. Цѣлый день продолжалось это празднество, этотъ народный пиръ. Польское войско, обойдя всѣ улицы столицы, нашло, наконецъ, гостепримство и минуту отдыха, въ которомъ такъ нуждалось. Здѣсь является великое зрѣлище, запечатлѣнное единодушіемъ народа. Городъ превратился въ обширный бивакъ; войску приносили нищу прекрасныя варшавянки, сначала такъ встревоженные, но потомъ, въ продолженіе возстанія, прославившія себя примѣрными гражданскими добродѣтелями—отвагою и самоотверженіемъ. Не было власти: но порядокъ и спокойствіе остались ненарушенными. Трудно

¹⁾ «Witaj intrzenko swobody, za tobe slonie zbawieniu!»

²⁾ По истинѣ—злосчастный день для Польши!

Перев.

найти болѣе кроткій народъ! ¹⁾ Одно слово, вымолвленное ласково, дружески, управляло толпами, удерживало даже тѣхъ, кои могли увлечься какимъ нибудь злымъ помысломъ. Вечеромъ, какъ и въ предшествовавшіе дни, разложили огни на обширныхъ площадяхъ и на дворахъ всѣхъ казенныхъ зданій. Городъ представлялъ зрѣлище очаровательное. Стража безопасности, въ которой баталіонъ университетскихъ студентовъ отличался дѣятельностію, обходила ночью самыя отдаленныя улицы и даже малолюдныя предмѣстья. Паролемъ и отзывомъ этихъ рундовъ были: Польша, независимость, Костюшко, Хлопицкій и т. п.

Мохнацкій

---

¹⁾ Помѣщенное вслѣдъ за этимъ разсказомъ Мохнацкаго воспоминаніе генераль-лейтенанта А. Ѳ. Липина показываетъ до какихъ звѣрскихъ сценъ убійствъ безоружныхъ русскихъ плѣнныхъ и многихъ женщинъ въ Варшавѣ дошелъ этотъ яко-бы «кроткій» народъ.

Ред.

Князь Василій Осиповичъ Бебутовъ.

Въ августовской книгѣ «Русской Старины» изд. 1889 г., томъ LXIII, въ статьѣ о генералѣ Багговутѣ, вообще весьма интересной, на стр. 256 покойный князь Василій Осиповичъ Бебутовъ, разбившій турецкія войска при Башъ-Кадыкы-Дарѣ и Курюкъ-Дарѣ, названъ генераль-адъютантомъ. Званія этого онъ не имѣлъ, хотя за такія блистательныя побѣды надъ турецкими войсками, онъ былъ исключительно награжденъ, удостоившись получить ордена: Св. Андрея Первозваннаго—въ чинѣ генераль-лейтенанта, и Св. Георгія 2 ст., а впоследствии былъ произведенъ въ генералы отъ инфантеріи. Любопытно, что ошибка эта какъ-будто произошла отъ императорскаго двора, такъ какъ въ его объявленіи о назначеннои торжествѣ по случаю башкадыкларской побѣды, (приведенномъ въ статьѣ о генералѣ Багговутѣ изъ № 270 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» 1853 г.), кн. В. О. Бебутовъ именно названъ «генераль-адъютантомъ».

М. Ломиве.

26 января 1890 г.

Тифлисъ.

Къ первымъ главамъ Записокъ Н. В. Берга.

(«Русская Старина» 1890 г., т. LXV, январь).

Просмотрѣвъ лѣтописи сибирскую съ 1790 по 1801 г., я нигдѣ не нашелъ, чтобъ за это время строился какой-нибудь городъ въ Сибири, а потому рассказъ покойнаго Н. В. Берга о строеніи въ Сибири города Оленска—Рамоднинымъ представляется невѣроятнымъ: такого города, сколько мнѣ извѣстно, вовсе не было, а потому его и немогли строить. Рассказъ его-же, Н. В. Берга, о введеніи картофеля въ Сибири въ началѣ сего вѣка также чуждъ правды, такъ какъ введеніе картофеля въ Сибири относится къ концу 1830-хъ годовъ и даже къ началу 1840-хъ и вводился онъ совершенно самъ собою (?), безъ пособія нагаекъ.

Еще замѣчу: богатыхъ золотопромышленниковъ въ Томскѣ между 1830—1834 годами, вопреки показанію Н. В. Берга, быть не могло, ибо разработка золота, болѣе или менѣе серьезная, началась только съ лѣта 1834 г.

Если Оленскъ считать Усть-Оленскимъ зимовьемъ, теперь сельцо, то тамъ нѣтъ ни деревьевъ, ни кустовъ, ни тайги, а одна лириная тундра, да и основанъ Усть-Оленскъ въ концѣ XVII вѣка казаками.

Н. В. Латвинчъ.

3 февраля 1890.

ВОСПОМИНАНІЯ АНДРЕЯ ФЕДОРОВИЧА ЛИШИНА

1830—1831.

Помѣщаемый вслѣдъ за симъ интересный рассказъ изъ воспоминаній генераль-лейтенанта Андрея Федоровича Лишина весьма обязательно сообщенъ имъ въ архивъ «Русской Старины» 20-го іюля 1870 г., въ которомъ и хранился, среди множества другихъ матеріаловъ, воспоминаній и записокъ, болѣе двадцати лѣтъ.

Въ 1889 году, въ «Русской Старинѣ», томъ LXIV, книга ноябрь, въ своихъ посмертныхъ обширныхъ и любопытныхъ запискахъ генер. отъ инфантеріи А. А. Одинцова, перечисляя (стр. 318) офицеровъ, составлявшихъ въ 1830 г. интеллигенцію лейбъ-гвардіи Литовскаго полка, находившагося тогда въ Варшавѣ, называлъ, между другими, поручика Андрея Федоровича Лишина и подпоручика Николая Викт. Веригина.

По поводу этихъ именъ сдѣлано тамъ же слѣдующее примѣчаніе:

«Въ архивъ «Русской Старины» имѣются, между прочими, съ 1870 г. и будутъ напечатаны Записки А. Ф. Лишина и Н. В. Веригина. Оба они уже покойники».

Вслѣдъ за выходомъ ноябрьской книги, редакція «Русской Старины» получила слѣдующее письмо:

— «Въ ноябрьской книгѣ «Русской Старины» изд. 1889 года, въ запискахъ А. А. Одинцова (стр. 318), помѣщенъ списокъ гг. офицеровъ лейбъ-гвардіи Литовскаго полка, въ числѣ которыхъ А. Ф. Лишинъ въ выноскѣ показанъ покойникомъ и что его статья, находящаяся въ архивѣ «Русской Старины» съ 1870 года, будетъ напечатана.

«Находясь въ живыхъ, я прошу глубокоуважаемаго редактора «Русской Старины» доставить мнѣ удовольствіе самому прочесть мою статью.

«Состоящій по запаснымъ войскамъ генераль-лейтенантъ А. Ф. Лишинъ. Спб., Фонтанка, 113».

Есть повѣрье, что кого заживо называютъ покойнымъ, тотъ проживеть многіе и многіе годы. Горячо желаемъ Андрею Федоровичу прожить еще долгіе годы на радость его близкимъ, изъ которыхъ четверо или пятеро его сыновей уже давно состоятъ въ чинахъ генеральскихъ, и къ удовольствію многихъ его почитателей...

Посѣтивъ Андрея Федоровича, мы, не выдавши его съ 1870-го года, встрѣтили въ немъ браваго, почти девяностолѣтняго старика, внимательнаго читателя и почитателя «Русской Старины» съ самаго основанія этого изданія, человѣка съ свѣтлою памятью и съ бодрими для его лѣтъ силами. Въ обстановкѣ генерала многое напоминаетъ вѣкъ Александра I-го: на стѣнахъ прекрасныя гравюры прощанія Наполеона съ гвардіей, возвращеніе Наполеона съ острова Эльбы, превосходный живописный портретъ цесаревича Константина Павловича, — портретъ, поступившій отъ лица весьма близкаго къ цесаревичу, князя Ивана Александровича Голицына (Jean de Paris), на дочери котораго былъ женатъ А. Ф. Лешинъ; очень характерный портретъ перомъ, исполненный тушью, цесаревича Константина Павловича верхомъ, въ день оставленія Варшавы 18-го (30-го) ноября 1830 г., и проч. Этотъ послѣдній портретъ будетъ приложенъ къ «Русской Старинѣ» въ гравюрѣ художника И. И. Матюшина.

Вотъ нѣсколько свѣдѣній, относящихся къ біографіи А. Ф. Лешина, каковыя вполнѣ у мѣста въ предисловіи къ разсказу изъ его воспоминаній о событіяхъ въ Варшавѣ въ 1830—1831 годахъ.

Андрей Федоровичъ родился 26-го мая 1801 года, въ Черниговской губерніи. Послѣ домашняго обученія и у гувернера француза, Лешинъ былъ опредѣленъ въ университетскій благородный пансіонъ, въ Москвѣ, подъ руководство извѣстнаго директора этого прекраснаго въ свое время учебнаго заведенія Прокоповича-Антонскаго. Русскою словесности Лешинъ обучался у профессора А. Ф. Мерзлякова; языки иностранныя преподавались въ пансіонѣ хорошо, латинскому языку обучали старательно... Въ 1817 г., окончивъ курсъ въ благородномъ пансіонѣ, А. Ф., по приглашенію одного изъ братьевъ своихъ, Николая, одного изъ участниковъ 1812 года, опредѣлился въ военную службу; хотѣлъ онъ поступить въ гвардію или кавалерію, но этого не случилось и А. Ф. попалъ въ 49-й егерскій полкъ, стоявшій въ Волынской губерніи, въ Острогѣ, и поступилъ подъ команду весьма дѣльнаго и строгаго служака — полковника Пяткина. Это было въ 1819 году.

Въ іюль 1820 г. Лешинъ произведенъ въ офицеры въ Житомирскій пѣхотный полкъ.

Въ бытность полка во Владимірѣ-Волынскомъ, въ 1821 г., про-

ѣзжалъ чрезъ городъ императоръ Александръ Павловичъ, на возвратномъ пути съ Веронскаго конгресса. Подпоручикъ Лишинъ, статный, красивый, рослый молодой человекъ, былъ назначенъ на ординарцы къ государю, и вотъ А. Ѳ. своею ловкостью и знаніемъ фронтовой службы обратилъ на себя высочайшее вниманіе. Государь распросилъ Лишина о томъ: изъ какой онъ губерніи, гдѣ получилъ воспитаніе, давно-ли офицеръ и вообще сказалъ молодому офицеру нѣсколько пріятныхъ словъ съ тою ласкою и очаровательною улыбкою, которыя были такъ плѣнительны въ этомъ государѣ. Лишинъ обратилъ затѣмъ на себя вниманіе и ближайшаго начальства. Воспитанникъ университетскаго пансіона, онъ говорилъ по французски, что особенно нравилось начальнику дивизіи, генералу Ѳедору Григорьевичу Гогелю (сынъ котораго впоследствии былъ въ Царскомъ Селѣ), въ семействѣ котораго преобладалъ языкъ французскій. Гогель, въ февралѣ 1822 г., взялъ къ себѣ Лишина въ адъютанты; шесть лѣтъ спустя, генералъ умеръ на рукахъ своего любимаго адъютанта (27-го апрѣля 1827 г.)... Во все время службы при Гогелѣ, молодой Лишинъ былъ посылаемъ съ многими секретными порученіями: для наблюденія за волненіемъ умовъ, въ виду событій 1825—1826-хъ годовъ; для собиранія свѣдѣній о мисіонерахъ, о массонахъ; для арестованія игроковъ, также нѣкоторыхъ именитыхъ поляковъ (гр Мошинскаго), для производства нѣкоторыхъ слѣдствій и проч. ¹⁾ Нерѣдко съ докладами о собранныхъ свѣдѣніяхъ Лишинъ являлся къ цесаревичу Константину Павловичу въ Варшаву. Впоследствии нѣкоторое время Лишинъ состоялъ адъютантомъ при начальникѣ корпуса, графѣ Ожаровскомъ, до выхода того, въ виду нерасположенія цесаревича Константина Павловича, въ отставку. Послѣ того Лишинъ переведенъ былъ въ Варшаву и, милостиво принятый цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ, былъ назначенъ адъютантомъ къ начальнику штаба графу Д. Д. Куруту, который, по волѣ цесаревича, ввѣрилъ подъ команду А. Ѳ. Лишина сформированный въ Варшавѣ баталіонъ кантонистовъ. Баталіонъ составился изъ назначенныхъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ въ распоряженіе его августѣйшаго брата Константина нѣсколькихъ сотенъ (до 500 человекъ, отъ 13 до 20 лѣтъ) солдатскихъ дѣтей изъ разныхъ баталіоновъ, преимущественно изъ городовъ Западной Россіи..

¹⁾ Между прочимъ, 11-го и 20-го января 1826 г. Лишину были даны секретныя порученія отъ начальника дивизіи Гогеля собрать свѣдѣнія о происшествіи въ Черниговскомъ полку, о томъ влияніи, какое это происшествіе имѣло на жителей и войска 1-й и 2-й армій, о состояніи умовъ во 2-й арміи, о произведенныхъ арестахъ... Лишинъ представилъ обо всемъ этомъ личный докладъ въ Варшавѣ цесаревичу Константину Павловичу.

Лишинъ командовалъ этимъ баталіономъ пять, шесть лѣтъ и успѣлъ приобрести любовь, уваженіе и беззаветную преданность своихъ питомцевъ. Онъ не прибѣгалъ къ тогдашней системѣ обученія: молодой офицеръ—онъ не зналъ палки,—и его доброе, высоко нравственное руководство принесло прекрасные плоды: вспыхнула кровавая польская смута и на самомъ очагѣ возстанія, кантонисты, подчиненные А. О. Лишину, взятые въ плѣнъ, не измѣнили, не одинъ изъ нѣсколькихъ сотенъ, долгу присяги... Фактъ въ высшей степени замѣчательный, впоследствии официально подтвержденный... Но пусть расскажетъ объ этомъ, вполне достопамятномъ, годѣ въ своей жизни самъ старикъ генералъ Андрей Федоровичъ Лишинъ.

Ред.

I.

Служа въ войскахъ, находившихся въ г. Варшавѣ, подъ начальствомъ цесаревича и великаго князя Константина Павловича, лейбъ-гвардіи въ Литовскомъ полку, и пользовавшись его милостивымъ вниманіемъ и довѣренностію, я, состоя адъютантомъ при начальникѣ главнаго штаба его высочества, графѣ Курутѣ, имѣлъ особенное порученіе быть начальникомъ отдѣленія военныхъ кантонистовъ, избранныхъ изъ кievскаго, псковскаго, витебскаго, смоленскаго и херсонскаго отдѣленій и поступившихъ въ распоряженіе его высочества. Возрастъ ихъ былъ отъ 13 до 20 лѣтъ, числомъ до 500; воспитаніе ихъ было предметомъ особыхъ заботъ блаженнаго памяти государя цесаревича. Изъ взрослыхъ былъ составленъ баталіонъ, который въ приѣмахъ и фронтовомъ ученьи не уступалъ лучшему изъ гвардейскихъ полковъ; находясь при нихъ въ продолженіе 5-ти лѣтъ, я удостоивался особеннаго расположенія моего начальства, и какъ наука, такъ и поведеніе сихъ молодыхъ людей всегда обращали лестное на нихъ вниманіе. Въ помощь мнѣ было прикомандировано 4 офицера гвардейскихъ полковъ — л.-гв. Литовскаго подпоручики: Красинскій и Забѣлло и л.-гв. Волынскаго подпоручики: Грушецкій и Каменскій. Лагерь мы занимали 2-го егерскаго польскаго полка, содержавшаго карауль въ крѣпости Замостьѣ; расположены были въ баракахъ и трехмѣсячное пребываніе наше въ лагеряхъ не тяготило насъ, но,

напротивъ, доставляло удовольствіе; все дѣлалось по волѣ его высочества и, кромѣ похвалы и одобреній, никогда косою взглядъ начальства насъ не тревожилъ. Поведеніе сихъ молодыхъ людей было безпримѣрно, нравственность самая чистая, и нахождение при нихъ я считаю счастливѣйшимъ временемъ въ моей жизни.

Обучали ихъ математикѣ, исторіи, географіи, артиллеріи и полевой фортификаціи чиновники, особо избранные, по приказанію цесаревича; устроеніе учебнаго порядка поручено было чиновнику 6-го класса Фовицкому 1-му, состоявшему при его высочествѣ.

Императоръ Николай Павловичъ, въ бытность свою въ Варшавѣ, въ 1829 г., неоднократно удостоивалъ молодыхъ людей своимъ посѣщеніемъ, равно также изволилъ дѣлать смотръ во всѣхъ частяхъ фронтальной службы и, нашедши ихъ отлично знавшими свое дѣло, изъявлялъ лично свое удовольствіе его высочеству, какъ отцу и основателю сего заведенія; я при этомъ удостоился получить чинъ за отличіе, годовой окладъ жалованья и его величество, удостоивъ меня поцѣлуя, сказалъ:

— „Я тебя прошедшій годъ благодарилъ и теперь благодарю; старайся, чтобъ братъ тобою всегда былъ доволенъ“.

II.

Порядокъ и спокойствіе въ Варшавѣ были нарушены несчастнымъ происшествіемъ, послѣдовавшимъ 1830 г. ноября 17-го (29-го) дня, по безразсудности горсти молодыхъ людей, и погрузило насъ всѣхъ въ величайшую горестъ и уныніе. Получа приказаніе чрезъ гонца, отправленнаго изъ Бельведера, кругомъ Варшавы (по причинѣ невозможности проѣхать чрезъ городъ), не трогаться съ мѣста, въ надеждѣ скорого восстановленія порядка, и не имѣя никакой возможности (имѣвъ малолѣтнихъ на отвѣтственности) слѣдовать съ войсками, расположенными въ другомъ отдѣленіи Александрійскихъ казармъ, мы были арестованы отобраніемъ оружія, находившагося при кантонистахъ старшаго возраста, равно и отъ офицеровъ, при нихъ состоявшихъ, которые были оставлены при отдѣленіи, съ сохраненіемъ занимаемыхъ

ими должностей. При беспорядкахъ, происходившихъ въ городѣ, многія изъ русскихъ семействъ, полагая казармы безопаснѣйшимъ для укрытія мѣстомъ, оставя свои квартиры, приходили къ намъ искать спасенія отъ буйной толпы; всѣ мы помѣщались въ одной комнатѣ, мужчины, дамы, дѣти, и съ трепетомъ ожидали участи нашей, ежеминутно слыша объ убійствахъ, происходившихъ въ городѣ. Генералы: Гауке, Трёмблицкій, Брюмеръ, Симантовскій, Новицкій были убиты,—Брюмеръ былъ прострѣленъ шестнадцатью пулями; оружіе въ арсеналѣ было все разобрано, схваченные на улицѣ офицеры посажены были на гауптвахту, близъ арсенала, гдѣ было самое сильнѣйшее буйство; въ числѣ арестованныхъ былъ генераль Энгельманъ, командиръ лейб-гвардіи Литовскаго полка; пьяный солдатъ, возлѣ него сѣвъ и кура трубку, пускалъ дымъ прямо на него, говоря, что теперь всѣ равны, и предлагая ему курить; академики вѣбжали на гауптвахту съ извѣстіемъ, что будто бы полкъ Литовскій перешелъ на ихъ сторону, и Энгельману предлагали имъ командовать.

— „Согласитесь, и мы васъ съ восторгомъ понесемъ на рукахъ“.

— „Дерзкіе, отвѣчалъ генераль, — можете-ли вы русскому дѣлать такіа предложенія! вы меня не увѣрите, чтобы русскій солдатъ оподлилъ себя измѣною; развѣ онъ не умѣетъ десять разъ умереть и не посрамить своего имени,—но допуская и это, меня вы ничѣмъ не заставите сдѣлать этого низкаго поступка“.

Чернь, узнавши, что на гауптвахтѣ содержатся русскіе офицеры, выламывала двери, съ намѣреніемъ вырѣзать офицеровъ, но маіоръ Киндлеръ, который совершенно противъ воли долженъ былъ тамъ находиться, защищалъ съ твердымъ духомъ нашихъ плѣнныхъ, подвергая даже самъ себя народной ярости и, видѣвши неминуемую для нихъ опасность, далъ знать Хлопцкому, который и приказалъ за сильнымъ конвоемъ перевести всѣхъ въ замокъ.

Въ самомъ жалкомъ положеніи оставались мы въ казармахъ болѣе двухъ недѣль, не имѣя сообщенія съ городомъ и, по невозможности достать что-либо для пици, мы обыкновенно ѣли изъ одной чашки съ кантонистами. Наконецъ, посѣтилъ насъ бывшій въ то время генераль-губернаторъ Шембекъ, кото-

рый засталъ многихъ изъ нашихъ дамъ съ кускомъ чернаго хлѣба въ рукахъ и, видя наше положеніе, приказалъ каждому изъ насъ отпускать порцію кантониста, уменьшенную противъ прежняго въ половину; на спросъ нашъ, что съ нами будетъ, онъ старался увѣрить насъ въ безопасности, но на увѣреніе его трудно было положиться, смотря на безпрестанныя своевольства и грабежъ, происходившіе въ городѣ, о которыхъ слухи до насъ доходили чрезъ людей, привозившихъ продовольствіе, равно и чрезъ польскихъ офицеровъ, которые рассказывали о своей вольности съ большимъ чванствомъ и, подъ видомъ участія, болѣе только огорчали насъ своимъ хвастовствомъ и пренебреженіемъ, увѣряя, что духъ народный превозможетъ силу и что они надѣются чрезъ двѣ недѣли быть въ Кіевѣ.

Его высочество съ войскомъ нашимъ отступилъ изъ Мокотова, съ намѣреніемъ слѣдовать въ границы Россіи; тогда, кромѣ офицеровъ, начали пріѣзжать партикулярные люди и академики, съ намѣреніемъ развратить молодыхъ людей, заставить ихъ забыть свой долгъ и вступить въ польскую армію; но всѣ ихъ предложенія отвергнуты съ пренебреженіемъ; --- одинъ изъ академиковъ съ пистолетомъ въ рукахъ требовалъ, чтобы я сдѣлалъ предложеніе молодежи вступить въ польское войско. На отвѣтъ мой, что мы всѣ находимся подъ протекціей диктатора и что я отъ него не имѣю никакихъ распоряженій на счетъ подобнаго предпріятія, онъ остановилъ меня, говоря, что они всѣ будутъ въ нашихъ рукахъ и проворчалъ сквозь зубы: *Huntswoł Moska!*

Съ нами находился священникъ и мы, неоднократно собравшись въ залѣ, съ колѣнопреклоненіемъ и слезами умоляли Всевышняго объ отклоненіи отъ насъ руви мятежниковъ. Въ такомъ положеніи заставляли насъ многіе изъ поляковъ; благомыслящіе брали участіе въ нашемъ положеніи, а другіе, напротивъ, угрожали, говоря, что ни одинъ изъ русскихъ не выйдетъ живой изъ Варшавы. Въ это время мы были въ величайшей опасности, городъ весь былъ наполненъ толпами вооруженныхъ, которые стрѣляли на воздухъ, хвастая поминутно, что они всѣхъ русскихъ сотрутъ въ порошокъ; чернь, узнавши, что мы находимся въ казармахъ, неоднократно собиралась съ неблагопріятнымъ для насъ намѣреніемъ; разграбили совершенно

казармы, гдѣ стояли русскіе полки, и все тамъ найденное продавали; грабежъ сей, доставя имъ разсѣяніе, отвлекъ ихъ отъ настоящей ихъ цѣли; дальнѣйшихъ нападеній, они не дѣлали на наши казармы, полагая, что вся молодежь съ удовольствіемъ перейдетъ въ ихъ войска и, прежде времени, называли ихъ своими.

Преслѣдованія продолжались; командиръ „народовой“ гвардіи, графъ Юзефъ Красинскій, пріѣхалъ ко мнѣ съ тѣмъ, чтобы я вмѣстѣ съ нимъ пошелъ дѣлать предложеніе кантонистамъ вступить въ ихъ войска; я ему отвѣтилъ, что не могу препятствовать въ его намѣреніи ихъ уговаривать, но самъ не пойду, присоветуя, что эти молодые люди имѣютъ въ рядахъ русскаго войска своихъ отцовъ и что они, съ младенчества вскормленные попеченіемъ благодѣтельнаго нашего правительства и будучи ему обязаны всѣмъ своимъ существованіемъ, не окажутся неблагодарными за всѣ попеченія правительства и не сдѣлаютъ такого низкаго поступка.

— „Вѣрите, что эта молодежь, о нравственности которой столько заботилось начальство, не такого духа, какъ вы полагаете; предложенія ваши ихъ не обольщаютъ, долгъ свой къ государю и отечеству они ставятъ выше всего, и я не ручаюсь даже, чтобы они вамъ не сдѣлали какой-нибудь грубости за предложеніе, которое вы намѣреваетесь имъ сдѣлать“.

Такъ отклонилъ я, на этотъ разъ, намѣреніе Красинскаго. Желаніе-же сбить питомцевъ монахъ съ пути побудило поляковъ объявить имъ, что они всѣ свободны и могутъ выходить въ городъ, когда угодно—но никто не воспользовался симъ позволеніемъ.

Чтобы дать лучшее понятіе о нравственности и духѣ сихъ молодыхъ людей, привожу выписку изъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ № 284, 1831 г. декабря 3-го дня, гдѣ опубликовано о нихъ (въ перепечаткѣ изъ „Русскаго Инвалида“) слѣдующее:

«Похвальное поведеніе російскихъ военныхъ кантонистовъ, оставшихся въ Варшавѣ при выступленіи изъ сего города войскъ нашихъ въ началѣ мятежа, отчасти извѣстно уже изъ публичныхъ листовъ того времени. Нынѣ получены офціальныя объ ономъ донесенія, основанныя на показаніяхъ мѣстныхъ начальствъ и на свидѣтельствѣ очевидцевъ, полное довѣріе заслуживающихъ.

«Дѣтей сихъ оставалось въ Варшавѣ до 500 разнаго возраста въ особомъ заведеніи, учрежденномъ для воспитанія и образованія ихъ подъ непосредственнымъ попеченіемъ и наблюденіемъ блаженной памяти государя цесаревича и при щедромъ пособіи его высочества.

«Мятежное правительство первоначально не прерывало установленнаго въ томъ заведеніи порядка занятій и кантонистовъ оставило подъ надзоромъ собственнаго ихъ начальства; вскорѣ, однако, предусматривая возможность употребить ихъ съ пользою въ рядахъ новобраннаго своего войска, оно вознамѣрилось склонить къ добровольному вступленію въ оное всѣхъ достигшихъ 15-ти лѣтняго возраста и выше, большею частію хорошо для службы приготовленныхъ. На сей конецъ прислались къ нимъ польскіе офицеры и академики, которые соблазняли ихъ ко вступленію въ службу мятежниковъ разнаго рода обольщеніями, но кантонисты съ негодованіемъ постоянно отвергали льстивыя ихъ предложенія. Столь-же мало подѣйствовали на нихъ угрозы и наказанія самыя изнурительныя, какъ-то: сокращеніе и лишеніе пищи въ продолженіе нѣсколькихъ дней, и сіи молодые люди въ непоколебимой вѣрности своей единогласно отзывались соблазнителямъ и мучителямъ своимъ, что готовы умереть, но не измѣнить своему государю.

«Приписывая столь необыкновенную въ дѣтяхъ твердость вліянію надъ ними ихъ начальниковъ, мятежники сочли нужнымъ оглучить отъ нихъ всѣхъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, а самихъ кантонистовъ старшаго возраста, въ видѣ военно-плѣнныхъ, отправить изъ Варшавы въ южную часть Польши, надѣясь, что, предоставленные самимъ себѣ, они покораются ихъ волѣ; но кантонисты сіи, видя опасность такового положенія своего, по собственному побужденію избрали изъ среды своей старшихъ, кои въ продолженіе пути и плѣна строго и со всею точностію повиновались.

«Изъ сихъ старшихъ особенною довѣренностію кантонистовъ пользовался товарищъ ихъ Петръ Васильевъ, котораго благоразумными совѣтами они въ сіе время наиболѣе руководствовались и до конца остались вѣрными своему долгу при всѣхъ истязаніяхъ, кои непрерывно подвергались. Здѣсь сообщаются нѣкоторые изъ ихъ поступковъ, особенное вниманіе заслуживающіе и доказывающіе истинный духъ народа русскаго.

«На пути слѣдованія кантонистовъ изъ Варшавы, подъ стражею кракусевъ, составлявшихъ конвой ихъ, они прибыли въ г. Новое-мѣсто, гдѣ въ то время революціонное правительство дѣятельно занималось формированіемъ новыхъ полковъ; польскіе офицеры, для сего тамъ находившіеся, льстивыми разспросами узнали отъ самихъ кантонистовъ, что между ними есть 48 человекъ хорошо обученныхъ сарабанщиковъ; нуждаясь въ барабанщикахъ для полковъ своихъ, офицеры сіи вознамѣрились воспользоваться ими и для сего вывели кантонистовъ на городскую площадь, построили ихъ во фронтъ, который окружили вооруженными косинерами, и требовали, чтобы барабанщики вышли

изъ фронта и построились отдѣльно отъ онаго, но кантонисты, проникнувъ злое намѣреніе мятежниковъ, мгновенно смѣшались въ одну толпу, и ни убѣжденія и ни угрозы офицеровъ не могли понудить ихъ построиться опять во фронтъ, или наименовать отыскиваемыхъ барабанщиковъ. Наконецъ, одинъ кракусъ, замѣтивъ кантониста Ивана Фоеваго, въ прежнемъ разговорѣ назвавшяго себя барабанщикомъ, вырвалъ его изъ среды толпы и, уличая его въ показаніи, о себѣ сдѣланномъ, обнажилъ палаши и грозилъ отсѣчь ему голову, если онъ не сознается тотчасъ и не покажетъ требуемыхъ товарищей. Фоевой немедленно снялъ галстухъ, откинулъ воротникъ и, наклонивъ голову, сказалъ ему: «руби». Фоеваго отлучили отъ товарищей, посадили подъ арестъ и, выдержавъ подъ онымиъ два часа, выпустили, не тревожа болѣе и другихъ. Кантонистъ сей, имѣющій отъ роду 19 лѣтъ, родомъ изъ Черниговской губерніи.

«Изъ Новаго-лѣста кантонисты прибыли въ м. Држевицу, принадлежащее помѣщику барону Райскому. Дружелюбный приемъ, сдѣланный имъ снмъ помѣщикомъ, неслестно цѣннившимъ доблестное ихъ поведеніе, показался имъ новымъ покушеніемъ совратить ихъ съ пути долга и чести.

«Они ни подъ какимъ видомъ не соглашались пить предложенной имъ по причинѣ стужи и ненастья водки, и отправились въ дальнѣйшій путь, подкрѣпивъ себя нѣсколько пищею, снмъ помѣщикомъ имъ въ изобиліи приготовленную.

«Изъ г. Енджеева, куда окончательно помѣстили нѣкоторое число кантонистовъ, они рѣшились избавиться отъ цѣна бѣгствомъ и удалиться въ Пруссію, отъ границы коей Енджеевъ удаленъ на 12 миль, но ддя сего надлежало сразиться съ косинерами, подъ стражею коихъ находились. Кантонисты мужественно и на то рѣшились и, напавъ на нихъ съ кольями, коиими они предварительно нашли случай вооружиться, счастливо удалились изъ Енджеева, оставивъ на мѣстѣ убитыми и ранеными 7 человекъ своихъ товарищей: остальные, въ числѣ 44, пробираясь лѣсомъ и проселочными дорогами и подвергаясь всякаго рода недостаткамъ, прибыли, наконецъ, на прусскую границу, гдѣ въ виду прусскихъ форпостовъ вновь должны были вступить въ бой съ польскими крестьянами, препятствовавшими свободному ихъ переходу.

«Всѣ сіи кантонисты удостоены всеилостивѣйшаго денежнаго награжденія, въ особенности-же кантонисты Петръ Васильевъ и Иванъ Фоевой; сверхъ того, первый изъ нихъ произведенъ его императорскимъ величествомъ въ фельдфебели, а послѣдній въ унтеръ-офицеры.

«Его императорское величество изволилъ обратить высочайшее вниманіе на заслуги ближайшаго начальства кантонистовъ варшавскаго отдѣленія, видя въ подвигахъ, ими оказанныхъ, плоды трудовъ и неуспынныхъ попеченій, о добромъ ихъ образованіи приложенныхъ. Утвержденное въ юныхъ сердцахъ ихъ чувство истинной любви и преданности къ государю и отечеству вѣрно и не-

ошибочно руководило ихъ къ прямому исполненію священныхъ обязанностей вѣрноподданнаго посреди многоразличныхъ испытаній, коимъ они подвергались.

«Посему справедливость требуетъ упомянуть здѣсь съ особенною похвалою о поручикѣ л.-гв. литовскаго полка Лишинѣ, завѣдывавшемъ всѣми отдѣленіями варшавскихъ кантонистовъ подъ особеннымъ наблюденіемъ бывшаго начальника главнаго штаба его императорскаго высочества цесаревича, генерала отъ инфантеріи графа Куруты, при коемъ поручикъ Лишинъ состоялъ адъютантомъ, и о чиновникѣ 6-го класса Фовицкомъ 1-мъ, бывшемъ инспекторомъ классовъ въ школахъ сихъ кантонистовъ».

III.

Поляки, полагая, что я служу препятствіемъ переходу молодыхъ людей въ ихъ войска, назначили командиромъ ихъ капитана Шаевского, служившаго прежде въ 7-мъ линейномъ полку, я же получилъ повелѣніе въ 24 часа оставить казармы. Жена моя рѣшилась идти къ Хлопицкому (съ которымъ отецъ ея былъ знакомъ) и просить, чтобы онъ насъ отпустилъ въ Россію; онъ отвѣчалъ, что онъ теперь не имѣетъ права, потому что это послѣдній день его диктатуры. Переодѣвшись въ партикулярное платье, я пошелъ къ губернатору Войчинскому представить ему невозможность въ 24 часа перейти съ семействомъ въ другое мѣсто; онъ мнѣ отвѣчалъ, что „этого требуютъ и вы должны исполнить; вы знаете, чѣмъ въ военное время наказывается ослушаніе“. Проходя обратно чрезъ канцелярію генераль-губернатора, я увидѣлъ, что возлѣ каждаго стола сидѣлъ академикъ для наблюденія хода дѣлъ въ ихъ духѣ.

Возвратясь въ казармы, я просилъ позволенія новаго начальника попрощаться съ своими питомцами, пришелъ къ нимъ и на слова мои: „братья, меня съ вами разлучаютъ“, всѣ зарыдали горькими слезами и хотѣли идти всѣ со мною; я при этомъ не могъ остаться равнодушнымъ, видя ихъ душевную къ себѣ преданность, припомнилъ имъ ихъ обязанность и съ трудомъ отъ нихъ могъ освободиться, будучи окруженъ со всѣхъ сторонъ плачемъ и рыданіями.

10 (22) февраля 1831 г. мнѣ приказано было идти подъ арестъ въ Брулевскій замокъ, гдѣ содержались наши офицеры, захваченные измѣннически въ первый день происшествія. Пригото-

вивъ квартиру для жены вмѣстѣ съ женою Фовицкаго 2-го, въ домѣ Качковскаго на Новомъ свѣтѣ, я отправился подъ арестъ. По прошествіи нѣсколькихъ дней, приходитъ къ намъ сынъ обывателя Варды, хозяина дома, гдѣ я прежде квартировалъ, и говоритъ мнѣ, что-де „ваша жена переѣхала къ намъ“, и отдалъ мнѣ отъ нея записку.

Я спрашиваю причину, онъ не рѣшается сказать, наконецъ, со слезами въ глазахъ, открылъ мнѣ, что отецъ его и мать, желая оказать намъ услугу, „послали меня просить жену вашу переѣхать къ намъ для безопасности; потому что эта ночь назначена для истребленія всѣхъ русскихъ, находящихся въ плѣну, и что скрыться нигдѣ невозможно; даже въ погребахъ будутъ искать“. На спросъ мой, на чемъ онъ основывается, отвѣчалъ, что „на улицахъ поминутно собираются толпы и рѣшительно говорятъ, что сегодняшнюю ночь будутъ непременно вырѣзаны всѣ русскіе!“ Въ то время русскія войска были близъ Праги и поляки опасались, что, въ случаѣ взятія Варшавы, мы объявимъ имена всѣхъ главнѣйствующихъ; кромѣ того, по ненависти своей къ русскимъ, хотѣли всѣхъ находящихся въ ихъ рукахъ уничтожить по примѣру 1793 года.

„Старайтесь, какъ можно, прибавилъ сынъ Варды, уйти къ намъ: мы васъ спасемъ“. Не имѣя возможности выйти изъ замка и спастись какимъ-либо образомъ, мы предоставили себя волѣ Божіей и ожидали съ трепетомъ своей участи,— всю ночь провели въ ужасномъ безпокойствѣ, прислушиваясь къ шуму, который въ продолженіе цѣлой ночи былъ на улицѣ.

Провидѣнію угодно было отворотить отъ нихъ злодѣйское намѣреніе и хотя нѣсколько разъ принимались ломать ворота въ замокъ, но будучи развлечены разными болѣе для нихъ важными предметами, перестали заниматься нами. Съ какимъ восхищеніемъ мы увидѣли утро, проведши ночь въ такомъ ужасѣ. На другой день жена моя пошла къ военному генералъ-губернатору Войчинскому просить позволенія быть со мною вмѣстѣ въ замкѣ, ей не отказано и мы помѣстились съ нею въ комнатѣ едва-ли больше квадратной сажени, прислуживая сами себѣ и терпя во всемъ большую нужду.

Поляки, занимаясь устройствомъ своихъ войскъ, формированіемъ новыхъ, не забывали при всемъ этомъ дѣлать намъ не-

удовольствія. Въ одинъ день получаемъ мы предложеніе, написанное самымъ дурнымъ и неправильнымъ русскимъ языкомъ, присутствовать въ русской церкви (что на Подвалѣ) при служеніи панихиды о погибнувшихъ за вольность русскихъ въ 1826 г.; мы просили насъ избавить отъ этой церемоніи, но они сказали, что генераль Рихтеръ непременно будетъ и приказалъ намъ быть, а генералу сказали, что мы всё будемъ; желаніе ихъ не исполнилось—никто изъ насъ, а конечно и Рихтеръ, не пошли.

Сдѣланъ былъ черный гробъ, на которомъ вырѣзаны на мѣди имена четырехъ главныхъ зачинщиковъ, постыдно казненныхъ; хотѣли, чтобы русскій священникъ служилъ панихиду, но этотъ благоразумный человекъ скрывался въ продолженіе нѣсколькихъ дней на чердакѣ, безъ пищи, чтобы только не исполнить ихъ пустой прихоти, и они при всѣхъ стараніяхъ никакъ не могли его найти.

Рѣшили, чтобы вмѣсто русскаго священника служилъ базилианъ, — приносить съ церемоніею гробъ къ церкви, которая была заперта; они отломали дверь и начали служеніе; по окончаніи носили гробъ по улицамъ всё въ траурѣ; сзади гроба шель баталіонъ академиковъ ружье на погребеніе, на перекресткахъ улицъ останавливались, профессора произносили приличные обстоятельствамъ рѣчи (ширма) и наконецъ гробъ внесли въ университетъ; что съ нимъ сдѣлалось послѣ—намъ не было извѣстно.

Въ клубахъ своевольства были безпримѣрныя: опорочивали дѣйствія Хлопицкаго въ журналахъ самымъ чернымъ перомъ; между тѣмъ, ежели русскіе, взятые въ плѣнъ, остались живы, то единственно обязаны Хлопицкому, который, во время ихъ своевольствъ и разбоевъ, одинъ только могъ имѣть на нихъ вліяніе по уваженію, которое они къ нему имѣли за прежнюю его службу; при началѣ происшествія онъ скрывался и никакъ не хотѣлъ быть начальникомъ этой безразсудной толпы; но когда анархія дошла до сильнѣйшей степени, такъ что кто кого хотѣлъ могъ повѣсить на первомъ фонарѣ, имѣя какую-нибудь личность и назвавъ его только *zdгајса*,—люди, вполне не раздѣлявшіе сихъ беспорядковъ, упросили Хлопицкаго взять въ руки правленіе и онъ противъ воли долженъ былъ для общей пользы сдѣлаться ихъ диктаторомъ и устроить по возможности порядокъ. Дѣйствія

его, вклонившіяся къ успокоенію происшествія безъ пролитія крови, раздражали противъ него буйныя головы, и всѣ рѣшились смѣнить диктатора и отдать власть въ руки князя Михаила Радзивила. Хлопицкій надѣлъ партикулярное платье и пошелъ къ себѣ домой; толпа, огорченная его равнодушіемъ, собирается къ нему съ крикомъ: повѣситъ! Генералъ Шембекъ вышелъ и сказалъ толпѣ, что Хлопицкій предается суду и ежели дѣйствительно найдутъ его виновнымъ, то желаніе ихъ исполнится; толпа разошлась, но на другой день вновь увидала Хлопицкаго на улицѣ. Не взирая на буйственное противъ него раздраженіе толпы, Хлопицкій съ спокойною совѣстью смотрѣлъ прямо въ глаза каждому, что поляки по справедливости и называли *wielkim charakterem*. Наконецъ, оставшись недовольными Радзивиломъ, вторично предложили Хлопицкому быть диктаторомъ, но ни просьбы, ни угрозы долго его не могли склонить на ихъ предложенія, когда же всѣ присягали и клялись въ повиновеніи, то онъ согласился принять предложеніе съ тѣмъ, чтобы пользоваться неограниченною властью. Не долго однако продолжалась покорность: опять нашли, что онъ дѣйствуетъ не въ ихъ духъ, и смѣнили его, — Радзивила сдѣлали главнокомандующимъ, а правленіе вручили четыремъ избраннымъ членамъ князю Чарторижскому, Пацу и друг.

Хлопицкій же, которому надоѣли всегдашнимъ названіемъ измѣнника, рѣшился вступить въ войско простымъ солдатомъ; въ Гроховскомъ дѣлѣ онъ находился при Радзивилѣ, былъ раненъ въ ногу и, бывъ доволенъ симъ случаемъ, уѣхалъ въ Кравовъ и уже болѣе не былъ на сценѣ происшествій.

Въ продолженіе этого времени было уже нѣсколько сраженій, и не смотря на знамена, которыя поляки старались оставлять нашимъ войскамъ съ надписью: „за вашу и нашу вольность“, русскіе все подвигались впередъ; предположеніемъ мятежниковъ было отослать турецкому султану, съ депутаціей, знамена, находившіяся въ Варшавѣ, взятая русскими у турокъ въ 1828 г. и присланныя императоромъ цесаревичу, но не успѣли они исполнить этого намѣренія, потому что русскіе были уже близъ Варшавы со стороны Праги. Лагерь нашихъ войскъ и польскихъ былъ у насъ передъ глазами,—вдругъ мы услышали вонюду со стороны Вислы; окна были для насъ свободны и мы могли

видѣть вблизи всѣ дѣйствія корпусовъ князя Шаховскаго и Круковецкаго; сраженіе продолжалось возлѣ Бялоленки, до позднихъ сумерокъ, и батальнаго огня каждая искра была намъ видна. На другой день утромъ тамъ же началась опять перестрѣлка,—Круковецкій препятствовалъ соединиться корпусу князя Шаховскаго съ главною арміею; сраженіе продолжалось до 10 часовъ. Главнoкомандующій, опасаясь за кн. Шаховскаго, началъ сраженіе съ главною польскою арміею, которая, какъ выше сказано, была у насъ передъ глазами; канонада была жестокая, не проходило секунды безъ выстрѣловъ отъ 10 часовъ до 2-хъ часовъ пополудни; положеніе обѣихъ армій намъ казалось одинаково; наконецъ, въ городѣ сдѣлался ужасный шумъ, начали заперать лавки, всѣ суетлились, бѣгали изъ одной улицы въ другую съ крикомъ: „Czemu się nie zdać się, Moskali już na Wisłie“!

Всѣ извозчики были заняты перевозкою раненыхъ съ поля сраженія въ госпитали, многіе изъ нихъ были безъ рукъ и безъ ногъ; это еще болѣе увеличивало ярость и бѣшенство находившихся въ городѣ. Въ это время польская армія была въ самомъ величайшемъ беспорядкѣ, косинеры, составлявшіе у нихъ резервы, всѣ были на Вислѣ и, побросавши косы, бѣжали чрезъ рѣку; ледъ былъ некрѣпокъ, многіе утонули; прочее войско ретировалось по мосту въ беспорядкѣ, артиллерія, кавалерія, пѣхота, обозы—все вмѣстѣ.

Пальба окончилась въ четыре часа. Надобно было быть въ нашемъ положеніи, чтобы вообразить нашу радость, имѣя надежду на освобожденіе, и горестъ, видѣвши надежду нашу не исполненною!

Все польское войско, исключая малаго числа оставленнаго при укрѣпленіяхъ Праги, было въ Варшавѣ; передняя же часть Праги была занята нашими егерями 49 и 50 полковъ.

Новый страхъ для насъ: войско въ городѣ безъ всякой дисциплины, ожесточенное противъ русскихъ, тѣмъ болѣе при неудачѣ сраженія,—но и на сей разъ Богъ насъ миловалъ; вечеромъ артиллерія, оставшаяся въ Прагѣ при укрѣпленіяхъ, желая очистить мѣсто полету ядеръ и гранатъ и, кромѣ того, видѣвши нашихъ егерей вблизи себя, открыла огонь, чтобы сжечь дома, препятствовавшіе полету ядеръ въ наше войско, и намъ съ высоты открылась картина ни съ чѣмъ несравненная: всѣ дома въ Прагѣ были въ пламени; при темной ночи это былъ

видъ чрезвычайный и вѣстѣ ужасный. Цѣлую ночь продолжался пожаръ и на другой еще день остатки домовъ продолжали горѣть.

Для поддержанія духа, поляки говорили, что русскіе жгутъ Прагу.

Поляки, полагая, что войско русское, находящееся у насъ въ виду, можетъ имѣть съ нами объясненія посредствомъ знаковъ, на другой день сраженія, слѣдовательно 14-го (26-го) февраля 1831 г., вечеромъ перевели насъ всѣхъ въ Брюлевскій домъ; не зная гдѣ насъ помѣстятъ и могу ли я взять съ собою жену, я просилъ ее занять опять ту квартиру, которая была ею занимаема, но она ежедневно приходила во мнѣ для свиданія, и когда вараульные ее не хотѣли пускать, то она обыкновенно ходила къ военному генералъ-губернатору Круковецкому и приносила письменное позволеніе со мною видѣться ¹⁾.

Войска наши отступали отъ Праги, поляки же, находясь въ городѣ, ежедневно приводили полки на Саксонскую площадь комплектовать ихъ рекрутами. Все это дѣлалось съ большою торопливостью, появлялись полки въ новомъ обмундированіи, вновь сформированные, которыхъ мы прежде не видали, и дѣлали ученя въ виду нашемъ.

Наконецъ, къ счастью нашему, они рѣшили вывести насъ изъ Варшавы въ м. Вольборжъ, въ 18-ти миляхъ разстоянія, 6-го марта 1831 года. Жена осталась на квартирѣ вмѣстѣ съ женою Фовицкаго 2-го. При проѣздѣ чрезъ города и мѣстечки мы терпѣли жестокія оскорбленія и ругательства; въ городѣ Равѣ стрѣляли изъ оконъ въ знакъ восхищенія, что такъ много взяли русскихъ плѣнныхъ, не зная того, что мы лишены свободы самымъ низкимъ способомъ. Пріѣхали мы въ Вольборжъ 10-го марта; помѣстили насъ въ домѣ примаса, который впоследствии обращенъ былъ въ казармы 2-го конно-егерскаго полка; въ этомъ домѣ ссыпанъ былъ овесъ, принадлежащій полку, гдѣ

---

¹⁾ Супруга Андрея Федоровича Лишина, рожденная княжна Голицына, была исполнена твердости духа, мужества и самоотверженія необыкновеннаго. Тщетно, между прочимъ, скрещивали предъ нею штыки часовые у входа къ генералъ-губернатору: одушевленная сознаниемъ своего долга, она безстрашно отстраняла отъ себя штыки и, входя къ Круковецкому,—убѣждала его удовлетворять ея просьбы.

Ред.

наши офицеры, во время пребыванія нашего тамъ, лежали на соломѣ, которой не было даже достаточно.

Въ началѣ апрѣля мѣсяца 1831 года привели къ намъ сорокъ человекъ плѣнныхъ офицеровъ (изъ числа коихъ былъ и Петръ Нестеровичъ Ярошевскій), взятыхъ въ плѣнъ въ сраженіи подъ Велькимъ Дембомъ и при отступленіи. Удачное для поляковъ сраженіе и отступленіе Литовскаго корпуса къ Брестъ-Литовску возвысило духъ поляковъ и оживило ихъ новою бодростью и самонадѣянностью; при проѣздѣ ихъ изъ Варшавы въ Вольборжъ они повсемѣстно жителями были встрѣчаемы съ восторгомъ, въ томъ же м. Равѣ были они размѣщены умышленно квартирами на площади; ввечеру городъ былъ иллюминированъ, на площади горѣли смоляныя бочки, и городъ былъ оглашаемъ всеобщей радостію и крикомъ: „Zwycięstwo Polaków i klęska Moskali! Wiwat!“.

Нѣкоторые изъ офицеровъ зашли въ кондитерскую изъ любопытства, гдѣ находилось нѣсколько приглашенныхъ поляками дамъ, которыя пѣли патріотическія пѣсни; офицеры вели себя съ приличнымъ положенію своему спокойствіемъ и благородіемъ; одна дѣвушка, которой очередь доставалась пѣть революціонныя пѣсни, сказала, что она видитъ первый разъ русскихихъ, и что они совсѣмъ не похожи на тѣхъ, какими ихъ описывали и представляли, почему и даетъ слово никогда болѣе не пѣть ничего худаго на счетъ ихъ, и когда ее просили, она всегда твердила: „Jak matę Kocham, nie będę spiewać“.

Горестъ наша еще болѣе усилилась при привозѣ такого числа плѣнныхъ и видѣвши, что такъ долго продолжается кампанія, трудно было предвидѣть конецъ по неблагопріятнымъ извѣстіямъ, которыя поляки сообщали намъ, чтобы болѣе огорчить насъ.

Къ нашему несчастію присоединилась холера, отъ которой, многіе изъ нашихъ сотоварищей пострадали, находясь съ нами въ сосѣднихъ комнатахъ, но Провидѣнію угодно было и отъ сего бѣдствія спасти насъ.

Казармы, гдѣ мы были расположены, находились въ 100 саженьяхъ отъ мѣстечка. Не имѣя достаточно провизіи, многіе изъ насъ просили коменданта, подполковника Шерцеля, позволенія имѣть столъ въ мѣстечкѣ, куда мы и отпускались по билетамъ; было положено являться обратно въ казармы въ 6 часовъ, иначе

косинеры ловили офицеровъ самымъ неучтивымъ образомъ и приводили на гауптвахту; нѣкоторые изъ молодыхъ офицеровъ заставляли за собою долго бѣгать косинеровъ, они ловили ихъ со всѣхъ сторонъ, и это было презабавно смотрѣть: совершенно въ родѣ охоты. Отъ офицеровъ польскихъ также мы переносили большія неудовольствія и пустыя угрозы.

Комендантъ нашъ, какъ упомянуто, былъ подполковникъ ветерановъ—Шерцель; обращеніе его съ нами соотвѣтствовало слухамъ, которые до него доходили на счетъ положенія ихъ войскъ,—иногда хорошо, а иногда худо, но, впрочемъ, по власти, которую онъ имѣлъ надъ нами, въ его волѣ было намъ дѣлать гораздо большія оскорбленія, но онъ предвидѣлъ, какой конецъ будетъ войны и потому поведеніе его въ отношеніи насъ было двучинное, смотря по обстоятельствамъ и по ходу военныхъ дѣйствій. Между нами были нѣкоторые товарищи, которые не имѣли столько характера, чтобы рѣшительно перейти въ польскія войска, но принимали участіе въ ихъ положеніи, и слѣдственно нами пренебрегали и вели себя въ отношеніи насъ черезъ чуръ учтиво; въ сущности же они не имѣли къ намъ добраго расположенія.

IV.

17 (29) апрѣля 1831 г. въ Страстную пятницу я былъ обрадованъ прїездомъ ко мнѣ жены; въ Варшавѣ было отдано приказаніе жителямъ не держать никого у себя изъ русскихъ дамъ; иначе ихъ будутъ считать измѣнниками, а дамъ выбросятъ за заставу; жена моя, которой характеръ и твердость ни въ какомъ несчастномъ случаѣ ее не оставляли, рѣшилась просить у военнаго генераль-губернатора паспорта, съ тѣмъ, чтобы ѣхать въ Вольборжъ, и въ 24 часа проѣхала разстояніе 18 миль на почтовыхъ и явилась ко мнѣ; съ этихъ поръ мы были неразлучны.

Въ одинъ вечеръ, когда уже мы легли спать, приходитъ ко мнѣ человекъ, будитъ меня, говоря: „что-то худое слышно, говорятъ, будто-бы сегодняшнюю ночь косинеры хотятъ насъ вырѣзать“; я одѣлся, выхожу на дворъ, и вижу, что всѣ наши офицеры толпами стоятъ на дворѣ съ палками въ рукахъ,—всѣ наши при-

готовились къ защитѣ. Слухъ пронесся отъ женщины, у которой имѣли столъ нѣкоторые изъ нашихъ офицеровъ, и она прислала своего сына сказать о намѣреніи косинеровъ; чрезъ нѣсколько минутъ мы увидѣли, что караулъ косинеровъ еще прибылъ, и когда они шли сквозь ворота, то косы ихъ, цѣпляясь за сводъ оныхъ, при общемъ страхѣ, производили самое непріятное для насъ ощущеніе; мы рѣшились идти къ коменданту и сказать ему, что ежели хотятъ насъ рѣзать, то скорѣе бы кончали, потому что подобное положеніе хуже и несноснѣе самой смерти; онъ намъ отвѣчалъ, что по общему распоряженію въ Царствѣ Польскомъ эта ночь назначена, чтобы дѣлать розыскъ дезертировъ какъ польскихъ, такъ и русскихъ, и просилъ насъ успокоиться и разойтись по мѣстамъ; но мы хотя и разошлись, однако каждый былъ готовъ на защиту, имѣя огромныя суковатыя можжевеловыя палки съ собою неразлучно. До жителей же Вольборжа дошелъ слухъ будто бы русскіе плѣнные посягаютъ на ихъ жизнь, и когда наши офицеры пришли къ нимъ, по обыкновенію, обѣдать на другой день, то они выговаривали, за что мы противъ нихъ имѣли такія намѣренія, и потому общій страхъ произошелъ отъ обоюднаго недоразумѣнія. Одинъ изъ нашихъ офицеровъ, Мак..., имѣлъ характеръ самый неспокойный, искалъ случая къ каждому придираться и 9 человекъ вызвалъ на дуэль, и общалъ раздѣлаться по окончаніи войны (съ нами оружія не было); во время же того происшествія, онъ также показалъ много характера и храбрости, спрятавшись въ бочку, въ которую стекала дождевая вода, и просидѣлъ тамъ 24 часа, наконецъ понемногу началъ высовывать голову,—можно себя представить нашъ хохотъ; этотъ случай былъ ему урокомъ и онъ сдѣлался гораздо спокойнѣе. Другой офицеръ, Опалинск..., воображая, что уже рѣжутъ, выскочилъ изъ окна и попалъ прямо на голову часоваго косинера, и оба были въ большомъ страхѣ. Прошло нѣсколько времени послѣ этого происшествія, и мы всѣ оставались въ надеждѣ освобожденія. Наконецъ, читаемъ въ газетахъ, которыя обыкновенно получалъ комендантъ, что народный сеймъ, узнавши о поступкахъ казаковъ въ Литвѣ, въ м. Ошмянахъ, предложилъ вопросъ для рѣшенія большинства голосовъ, должны-ли они за своихъ земляковъ, которые страдаютъ въ Литвѣ, метить русскими плѣнными и какимъ образомъ? При общемъ рѣшеніи

нашей смерти, между двумя депутатами вышел споръ: утопить насъ, или повѣсить. Съ ужасомъ дожидали мы другой почты, которая, наконецъ, приходитъ и мы съ любопытствомъ старались узнать, какого рода смерть должна насъ постигнуть, но, въ нашему восхищенію, большинство голосовъ было въ нашу пользу и первый, кто подаль голосъ противъ этого звѣрскаго намѣренія, былъ депутатъ сейма Воловскій, котораго имя мы благословляли.

Въ это время слухъ дошелъ до коменданта, что русскія войска переправились черезъ Вислу; опасаясь, чтобы насъ не освободили, онъ сдѣлалъ сношеніе съ начальствомъ, чтобы насъ перевести далѣе; вышло рѣшеніе и мы отправились 8 іюля 1831 г. въ Лубницу; бѣдная жена моя, на другую недѣлю послѣ родовъ, пролежавъ все это время на деревянной солдатской койкѣ, насланной соломкою, также должна была ѣхать; въ дорогѣ мы были 6 дней,—проѣзжая города и мѣстечки мы, по прежнему, переносили ругательства и поношенія; общій голосъ: „отчего ихъ не повѣсятъ? правда, они не стоятъ веревки, ихъ всѣхъ надобно утопить, привязавъ камень на шею“¹⁾! Тѣхъ изъ насъ, которые не имѣли средства нанимать себѣ квартиру на ночлегъ, запирали въ одну комнату, для того, чтобы болѣе насъ подвергать посмѣянію черни; съ нами былъ полковникъ Фокицынъ, который былъ женатъ на Косецкой, бывшей женѣ польскаго генерала. Въ Столбницѣ мы остановились; многіе изъ поляковъ подошли къ ней и, узнавъ ее, начали поносить самыми постыдными словами, упрекая, что она вышла замужъ за русскаго,—это ее огорчило до такой степени, что она заболѣла и когда мы пріѣхали въ Лубницу, то она на другой день померла; комендантъ, полагая, что она была больна холерою, велѣлъ ее завернуть въ простыню, и прежде, чѣмъ она успѣла охолодѣть, положили ее на возъ, покрыли соломкою и зарыли въ землю.

¹⁾ При проѣздѣ чрезъ г. Кѣльцы, гдѣ находилось множество польскихъ войскъ и свирѣпствовала холера, встрѣтили мы русскихъ плѣнныхъ солдатъ, обреченныхъ поляками на жертву прибравъ и хоронить тѣла холерныхъ. Солдаты наши переносили это равнодушно, надѣясь на Божій промыселъ и, перевоза холерныхъ, ни одинъ не заразился; случайно, они возили ихъ всегда на бѣлой лошади, отъ чего у поляковъ вошло въ пословицу, при изъясненіи кому нибудь своего неудовольствія: «Żebyś moskałem pjechał na białym koniu tych Hunswolew nie nic benzie».

Привезли насъ въ замокъ, принадлежавшій графу Потоцкому, но въ которомъ 35 лѣтъ никто не жилъ, совершенно пустой; вблизи не было ни одной хижины. Въ продолженіе 3-хъ дней мы рѣшительно не имѣли куска хлѣба, но жида изъ сосѣдняго города Сташева узнали, что мы близко, привезли намъ провизіи и мы вообще въ продолженіи всего нашего заточенія считали ихъ нашими благодѣтелями; отъ нихъ мы имѣли вѣрныя свѣдѣнія о положеніи нашего войска, и они намъ во всемъ благопріятствовали;—изъ газетъ же мы правды не могли узнать, потому что поляки, для поддержанія духа націи, все писали въ свою пользу; когда же они не могли иногда скрыть потерю сраженія, то писали, что *nasi musieli się zretygować ale z wielką energią i zaradem*.

Слухъ дошелъ до насъ, что отрядъ генерала Красовскаго переправился черезъ Вислу въ Завихвостѣ; мы были въ восхищеніи, полагая, что скоро насъ освободятъ, но все противилось нашему желанію: приказано насъ опять перевести 27 іюля въ м. Опатовецъ надъ Вислой, въ 40 верстахъ отъ Кракова.

Партія наша раздѣлена была на двѣ части; въ первой партіи, которая была отправлена прежде, было нѣсколько офицеровъ женатыхъ, съ нами же, во второй партіи, былъ комендантъ. Первая партія прибыла въ Новое мѣсто и, не зная своего назначенія, оставалась насъ дожидаться; здѣсь они имѣли много непріятностей, говорили имъ: „кровь у насъ кипитъ, когда видимъ москалей; неужели вы думаете, что вы увидите вашихъ земляковъ,—развѣ на томъ свѣтѣ; васъ ведутъ нарочно ближе къ Вислѣ, чтобы потопить, какъ собакъ“. По прибытіи нашей партіи, всѣ поѣхали дальше; темная ночь, дождь, худая дорога, по которой ѣхавши нѣсколько разъ опрокидывались, словомъ—все способствовало дѣлать наше положеніе болѣе и болѣе несноснымъ; наконецъ, доѣхали мы кое-какъ до Опатовца,—мѣстечко, гдѣ было назначено наше пребываніе. Было уже за полночь, огня нигдѣ не было видно, кромѣ корчмы; подъѣзжаемъ мы къ ней, я вхожу и вижу въ сѣняхъ хлѣвъ, въ первой комнатѣ виситъ до половины ободранный волъ, съ котораго текла кровь, во второй комнатѣ, также безъ полу, продавали водку; я упросилъ хозяина позволить намъ переночевать; ввожу я жену и ребенка въ первую комнату; можно вообразить, какое на нее сдѣлали

впечатлѣніе чистота и опрятность нашей квартиры; внесли намъ мокрыхъ гороховинъ, на которыхъ мы провели остатокъ ночи; нѣсколько разъ приходили мужики и стучали, чтобы ихъ впустили пить водку,—арендаторъ для своей выгоды никому не отказывалъ. Проснувшись, мы увидѣли полную комнату мужиковъ, которые шумѣли, не обращая на насъ никакого вниманія; многіе изъ нихъ курили трубки, я хотѣлъ ихъ просить, чтобы они перестали, потому что жена страдала жестоко головою болью; она, опасаясь, чтобы они мнѣ не сдѣлали грубости, попросила ихъ сама перестать курить; они отвѣчали: „что за пустяки, кто намъ запретить! гдѣ водку пьютъ, тамъ и трубки курятъ“. Находясь въ невозможности оставаться съ семействомъ въ этомъ хлѣву, я просилъ коменданта назначить мнѣ другую квартиру; показали мнѣ почти такую же, на которой оставались мы нѣсколько дней, но товарищи, видя всѣ невзгоды, которыя я съ семействомъ переношу, предложили мнѣ взять ихъ квартиру, сами же помѣстились въ сараѣ. Эта послѣдняя хотя также была безъ полу, но, однако жъ, была сноснѣе прежнихъ; на ней оставались мы до конца нашего заточенія.

Войскъ польскихъ вблизи насъ расположено не было, но молодые люди, проѣзжая въ армию изъ Галиціи и Кракова, не пропускали случая дѣлать намъ непріятности. Мѣстечко наше находилось на самомъ берегу Вислы, на другой сторонѣ была Галиція и австрійскіе часовые занимали посты; нѣсколько разъ мы разговаривали съ австрійскими офицерами, которые иногда собирались на противной сторонѣ Вислы,—просили ихъ, чтобы они доставили намъ средство освободиться изъ плѣна, но они отвѣчали, что они сохраняютъ строгій нейтралитетъ и не могутъ способствовать нашему намѣренію; комендантъ, узнавъ о нашихъ разговорахъ, запретилъ намъ ходить на берегъ рѣки; съ горя собирались мы подъ навѣсомъ дома и пѣли заунывные пѣсни, но и тутъ жена экзекутора на насъ сердилась и присылала своего мужа объявить намъ, что ежели мы еще будемъ wrzeszcze, то насъ запрутъ въ погребъ, заракуją do lochu.

Извѣстія до насъ доходили черезъ газеты варшавскія и краковскія самыя непріятныя, потому что поляки никогда не писали правды, стараясь тѣмъ поддерживать всячески хорошее мнѣніе въ народѣ о дѣлахъ ихъ войска. Резервы ихъ, нахо-

дившіеся въ Краковскомъ воеводствѣ, имѣли неоднократно гибельныя для насъ намѣренія; узнавши ложно, что будто-бы у насъ скрыто оружіе по близости, у мельника, они послали отрядъ удостовѣриться и, ежели бы была хотя тѣнь правды, какъ они послѣ сказывали, то поступили бы съ нами, какъ съ бунтовщиками противъ народнаго правительства.

Въ это самое время въ Варшавѣ происходили ужасныя буйства: не проходило дня, чтобы нѣсколько человѣкъ не повѣсили; одного казака, взятаго въ плѣнъ, поставили возлѣ столба, привязали ему веревку за ноги и тянули вверхъ, а сабельные удары окончили жизнь несчастнаго. Въ тотъ самый замокъ, въ которомъ мы содержались до выѣзда нашего изъ Варшавы, были посажены многіе изъ начальниковъ польскихъ войскъ, которые, по мнѣнію мятежниковъ, были будто-бы измѣнниками отечества, именно потому, что одинъ изъ нихъ не разбилъ корпусъ Ридигера, который, по ихъ мнѣнію, можно было уничтожить, другой не подоспѣлъ къ нему на помощь, не соображая обстоятельствъ, которыя могли быть тому препятствіемъ; рѣшено было ихъ считать измѣнниками и взять подъ арестъ. Въ городѣ жила полковница Бажанова, которой поляки прежде позволяли остаться, а послѣ начали подозрѣвать будто-бы она имѣетъ сношеніе съ русскими, — ее взяли подъ арестъ; 4-го класса чиновникъ Феньшъ, за то, что онъ русскій, посаженъ туда-же, и многихъ другихъ по подозрѣніямъ арестовали въ замокъ; собрано ихъ было тамъ болѣе 200 человѣкъ; въ одинъ вечеръ толпа вламывается въ замокъ, въ покои, гдѣ содержались арестанты, и начиная отъ перваго до послѣдняго умертвили самымъ мученическимъ образомъ. Въ числѣ ихъ была и несчастная Бажанова, у которой въ комнатѣ въ то время находилась ея 15-ти лѣтняя дочь; услышавши шумъ, мать заставила ее спрятаться подъ кровать; вбѣгаютъ въ ея комнату, начинаютъ ее ругать поносными словами и одинъ ее ударилъ саблею; Бажанова, будучи довольно сильной женщиной, отвѣчала ему ударомъ руки; въ это время всѣ на нее напали, начали рубить саблями, наконецъ схватили за волосы и повлекли съ третьяго этажа; дочь ея тащилась за нею, уцѣпившись за ноги; на дворѣ мать умертвили самымъ наглымъ образомъ, дочь получила двѣ раны сабельными ударами; одинъ изъ поляковъ ее спасъ.

Всѣ тѣла собрали въ одну залу и весь народъ, въ продол-

женіе нѣсколькихъ дней, ходилъ любоваться на эти невинно-погибшія жертвы. По окончаніи убійствъ въ замкѣ, вся толпа съ неистовымъ крикомъ бросилась къ Вельской заставѣ,—тамъ въ тюрьмѣ многіе содержались за долги, другіе по подозрѣніямъ; чернь поставила всѣхъ въ одну шеренгу и отъ перваго до послѣдняго всѣхъ изрубили. Полагають, пружиною всему этому происшествію былъ Круковецкій, который, будучи смѣненъ съ мѣста военнаго губернатора, хотѣлъ чрезъ этотъ поступокъ показать усердіе свое націи, и дѣйствительно на другой день его провозгласили военнымъ губернаторомъ. Сколько усерднѣйшихъ молитвъ принесли мы Всевышнему Творцу, что полякамъ пришла мысль вывезти насъ изъ Варшавы; мы прежде были помѣщены въ томъ же мѣстѣ, гдѣ были эти несчастныя жертвы, и насъ, вѣроятно, постигла бы подобная имъ участь.

Наконецъ, одинъ день почты прошелъ и курьеръ не пріѣзжалъ по обыкновенію въ Краковъ, другой день тоже—мы догадались, что коммуникація съ краковскимъ воеводствомъ должна быть пресѣчена и что наши, вѣроятно, окружили Варшаву; панъ бурмистръ и панъ эзекуторъ сдѣлались съ нами немного ласковѣе,—недѣли двѣ прошло и мы никакого рѣшительно извѣстія не имѣли ни о нашихъ, ни о непріятельскихъ дѣйствіяхъ. Въ одинъ день, утромъ, услышали мы выстрѣлы, въ прямой линіи отъ насъ по дорогѣ къ Кѣльцамъ—то было дѣло съ корпусомъ Ружицкаго; мы долго вслушивались, опасаясь, что поляки, ретируясь, или насъ заберутъ съ собою или съ досады уничтожатъ, но, къ счастью нашему—они были преслѣдованы безостановочно къ Кракову и нашъ уголь остался свободнымъ единственно потому, что въ Новомъ мѣстѣ казаки уничтожили паромъ по дорогѣ къ Опатовцу; другой день провели мы въ надеждѣ скорого освобожденія, но привывши въ продолженіе 10-ти мѣсячнаго заключенія ежеминутно дрожать, опасался переменъ обстоятельствъ, полагая, что конца нашему заточенію никогда не послѣдуетъ.

Въ 10 часовъ вечера мы слышимъ шумъ на улицѣ, смотримъ чтó такое—наши офицеры бѣгаютъ и сообщаютъ другъ другу радостную вѣсть, что казаки въ двухъ верстахъ—въ деревнѣ Роговъ.

Надобно было быть въ нашемъ положеніи, чтобы вообразить радость, нами испытанную; въ продолженіе цѣлой ночи мы ходили поздравлять другъ друга съ освобожденіемъ; жена моя вы-

сунулась изъ окна, и отъ радости начала смѣяться, наконецъ я удостовѣрился, что то былъ истерическій смѣхъ и я поспѣшилъ помочь ей. Другія дамы въ предосторожность пили померанцовый цвѣтъ. На другой день пріѣхалъ взводъ казаковъ Ильина полка, подъ командою свитскаго офицера поручика Мильновскаго, отобралъ оружіе отъ солдатъ, которые за нами имѣли надзоръ, и объявилъ намъ свободу, спрашивая у насъ, не имѣемъ ли на кого злобы, чтобы отблагодарить нашихъ пріятелей, но мы были великодушны и не показали ни одного изъ тѣхъ, которые-бы по настоящему стоили благодарности казацкой; комендантъ нашъ предлагалъ офицеру свою шпагу, но онъ ее не взялъ и хотя не искренно, но однакожъ раздѣлялъ нашу радость, повторяя: *czyż to mogło kiedy być żeby Polacy zwyciężyli Rossian.*

Распоряженіе было сдѣлано, чтобы забирать подводы для отправления насъ въ м. Стобницу, равно также приказаніе было отдано бурмистру, чтобы чрезъ два часа все оружіе, пики и косы были собраны въ одно мѣсто,—бурмистръ, неизвѣстно по какой причинѣ, этого не исполнилъ, за что и получалъ вознагражденіе отъ казаковъ, а такъ какъ онъ былъ изъ числа прітѣснителей нашихъ, то мы были очень довольны, радуясь, однакожъ, что не мы были причиною непріятностей, которыя онъ потерпѣлъ отъ нагаекъ.

На другой день мы выѣхали въ м. Стобницу, гдѣ остались восемь дней. Здѣсь мы увидали польскихъ плѣнныхъ, которые находились въ такомъ же положеніи, какъ мы за нѣсколько тому дней, и тѣхъ самыхъ, которые въ Вольборжѣ намъ дѣлали много непріятнаго; но мы сами находившись въ такомъ положеніи за три дня назадъ, не хотѣли имъ дѣлать никакихъ упрековъ, которые бы могли еще болѣе увеличить горестъ ихъ положенія. Какая превратность судьбы,—мы могли теперь имъ дѣлать неудовольствія, а за три дня жизнь наша была въ ихъ рукахъ!

Между прочими плѣнными находился полковой командиръ косинеровъ, содержавшихъ караулъ при насъ въ м. Вольборжѣ, который намъ дѣлалъ наиболѣе непріятностей; онъ былъ жестоко израненъ—имѣлъ 15-ть ранъ; мы тронуты были его положеніемъ и, забывая причиненныя имъ намъ оскорбленія, съ согласія конвоя, взяли его и нѣкоторыхъ болѣе изувѣченныхъ

офицеровъ на поруки, и когда призвали доктора, чтобы осмотрѣть израненнаго полковника и пособить ему, онъ находился въ совершенномъ отсутствіи чувствъ; ему пустили кровь, онъ пришелъ въ себя и видя, себя окруженнымъ русскими офицерами, старающимися оказывать ему всевозможную помощь и угожденіе, онъ былъ тронуть до слезъ, и сказалъ, что теперь только чувствуетъ вполнѣ свою несправедливость къ русскимъ и не заслуживаетъ попеченій, которыя мы ему оказываемъ, и что отъ сей минуты клянется любить русскихъ и ежели Богу угодно воздвигнуть его со смертнаго одра, то почтетъ себя счастливейшимъ, если усердною своею службою и преданностію государю загладитъ хотя отчасти несправедливые поступки, происшедшіе отъ патріотическаго фанатизма.

Въ разговорѣ съ нами одинъ изъ плѣнныхъ полковниковъ, между прочимъ намъ рассказывалъ, что когда онъ былъ взятъ въ плѣнъ, то казакъ, отвѣда его въ сторону, спрашивалъ не имѣеть-ли онъ денегъ; полковникъ отвѣчалъ: нѣтъ.

„Этого быть не можетъ; у полковника должны быть деньги“, и съ симъ вмѣстѣ началъ его осматривать; вынувши бумажникъ, находитъ польскія новыя ассигнаціи, спрашиваетъ ходять-ли онѣ; когда полковникъ отвѣчалъ, что у васъ не ходять, казакъ сказалъ: „ну, когда не ходять, то возьми ихъ себѣ“.

Послѣ казакъ вынулъ у плѣннаго табакерку съ портретомъ покойнаго государя и также хотѣлъ ее взять себѣ; полковникъ просилъ его не брать, увѣряя, что онъ государя всегда любилъ и желаетъ имѣть у себя на память, казакъ сказалъ: „Я тоже его очень люблю“—и положилъ въ карманъ; также поступилъ и съ бѣльемъ, о которомъ просилъ полковникъ, чтобы не отбирать, что жена его и то мало имъ снабдила,—казакъ отвѣчалъ: „А моя мнѣ ни одной рубашки не дала“ и тоже взялъ. Удовольствившись, что у плѣннаго полковника нѣтъ русскихъ денегъ, онъ видитъ на пальцѣ золотое кольцо и снялъ его, наконецъ видитъ на шинели застѣжки, спросилъ: „Это серебро? отдайте мнѣ, это вамъ не нужно!“ Полковникъ ему отвѣчалъ: „Я тебѣ отдамъ это, но возврати мнѣ кольцо, оно обручальное“.—„Нѣтъ, ужъ я возьму и то и другое“. Другой казакъ взялъ лошадей у офицера и когда тотъ просилъ его отдать ему, то казакъ ему предложилъ ихъ купить, назнача однакожь умѣренную цѣну.

V.

Черезъ нѣсколько дней мы отправились въ Варшаву, гдѣ представлялись великому князю Михаилу Павловичу; на спросъ его: „гдѣ твоя молодежь?“—я отвѣчалъ, что она въ краковскомъ воеводствѣ.

— Сходи къ генераль-губернатору и скажи моимъ именемъ, чтобы ихъ всѣхъ сюда собрали какъ можно скорѣе, и ты опять, возьми ихъ на свое попеченіе.

Черезъ мѣсяцъ кантонисты всѣ были собраны.

Его императорское высочество приказалъ мнѣ назначить ихъ въ пять полковъ, которые были при покойномъ цесаревичѣ, и обмундировать ихъ по формѣ, которую его высочество лично мнѣ изволилъ объяснить, и велѣлъ представить къ себѣ на смотръ.

По окончаніи обмундировки и смотра его высочества, я предварилъ начальника штаба гвардейскаго корпуса, генераль-маіора Петра Ѳедоровича Веймарна, о докладѣ его высочеству, что я желалъ бы, не выдавши такъ давно моихъ родныхъ, поѣхать въ отпускъ, на что на другой день получилъ повелѣніе, 1831 г. отъ 24-го числа октября мѣсяца, что его императорскому высочеству угодно, дабы всѣ военные кантонисты, подъ личнымъ моимъ надзоромъ, были препровождены въ С.-Петербургъ.

Неоднократно его высочество посѣщалъ отдѣленіе и всегда удостоивалъ меня своихъ ласкъ. Помня, что уже нѣтъ общаго нашего благодѣтеля цесаревича Константина Павловича, я, будучи ободренъ вниманіемъ ко мнѣ его высочества Михаила Павловича, осмѣлился его спросить—какая будетъ моя участь?

— „Ты мнѣ будешь нуженъ въ Петербургѣ, ты у меня будешь командовать этимъ же самымъ баталіономъ“.

По выступленіи гвардіи изъ Варшавы, я отправилъ жену, 25-го декабря 1831 года, въ Петербургъ, къ роднымъ, а самъ еще оставался въ Варшавѣ два мѣсяца. Наконецъ, по распоряженію варшавскаго военнаго генераль-губернатора графа Витта и по соизволенію Государя Императора, сообщенному, чрезъ военнаго министра, графу Витту, дабы я именно былъ при командѣ-

(это лестное для меня повелѣніе находится у меня въ копіи отъ 30-го ноября 1831 г.) я выступилъ 1-го февраля 1832 г. въ Петербургъ съ командою, былъ въ дорогѣ 2½ мѣсяца, прибылъ 14 апрѣля, представилъ государю императору и его высочеству въѣренное мнѣ отдѣленіе кантонистовъ, и оно было найдено въ отличномъ видѣ; я удостоился личной благодарности его величества, поцѣлуя, получилъ чинъ штабсъ-капитана за отличіе и крестъ св. Владиміра 4 степени; его величество благодарилъ всѣхъ кантонистовъ и пожаловалъ имъ вторично денежное награжденіе.

Покамѣстъ находились нѣкоторые изъ кантонистовъ въ госпиталяхъ, по мѣрѣ выздоровленія я представлялъ ихъ его высочеству и отправлялъ въ поля. По окончаніи сдачи, его высочество приказалъ мнѣ предложить быть въ гвардейскомъ штабѣ старшимъ адъютантомъ; будучи приглашенъ, кромѣ того, милостивымъ отзывомъ начальника штаба, я остался въ ономъ 8 мѣсяцевъ; кромѣ обязанности старшаго адъютанта, я былъ назначенъ въ комитетъ подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Храповицкаго о раздѣленіи унтеръ-офицеровъ на классы и объ уменьшеніи сроковъ десяти-лѣтнимъ казеннымъ вещамъ.

Впослѣдствіи я уволенъ былъ въ отпускъ на 4 мѣсяца; возвратясь просилъ начальника штаба объ увольненіи меня отъ должности старшаго адъютанта по причинѣ увеличившейся боли глазъ, и его высочеству угодно было мнѣ сдѣлать другое назначеніе.

(Сообщ. 20-го іюля 1870 г. А. О. Лишинъ.)

Примѣчаніе. Въ послѣдующей службѣ своей А. О. Лишинъ былъ довольно долго командиромъ роты въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Здѣсь, въ бытность его въ школѣ—хотя въ другомъ отдѣленіи, именно въ кавалеріи, воспитывался М. Ю. Лермонтовъ, кн. А. И. Барятинскій, впоследствии фельдмаршалъ, Слѣпцовъ—герой Кавказа и другіе ¹⁾.

¹ Такъ какъ я былъ ротнымъ командиромъ отдѣленія пѣхоты въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, а Лермонтовъ былъ въ числѣ воспитанниковъ кавалерійскаго отдѣленія школы, то я, — рассказывалъ намъ А. О. Лишинъ, — мало замѣчалъ Лермонтова, а стихи его въ бытность его въ школѣ, до меня и не доходили. Тѣмъ не менѣе, помню, что наружность его была не привлекательна, росту небольшого, держался сутуловато, ноги были съ кривизной;—любопытно, что его тетюшка до того любила Михаила Юрьевича, что обыкновенно утромъ присылала своего человѣка въ школу будить племянника, дабы звукъ

Въ 1844 г., іюля 29-го, полковникъ Лишинъ, будучи съ подрапорщниками на берегу морскаго залива, усмотрѣлъ утопающаго, мгновенно и смѣло бросился въ волны, какъ былъ въ скюртукѣ и шинелѣ, и ловко плавая, подхватилъ утопавшаго подъ руку и спасъ его отъ неминуемой гибели. — «Отчего вы не сняли скюртука, вамъ было бы легче плыть?» спросили потомъ на берегу Лишина. — «А потому, что я опасался одуматься: если бы я сталъ раздѣваться, пожалуй, не бросился бы въ воду, — я вспоминалъ-бы, что у меня пятеро дѣтей!»

Въ 1849 году А. Ѳ. Лишинъ назначенъ директоромъ Строительнаго училища, нынѣ Института гражданскихъ инженеровъ, на каковомъ посту оставался онъ двадцать два года.

20-го мая 1870 г. весьма задушевно отиражднованъ былъ въ кругу друзей, сослуживцевъ и знакомыхъ, юбилей полулѣтней службы въ офицерскихъ чинахъ директора строительнаго училища ген.-лейт. А. Ѳ. Лишина.

Однимъ изъ присутствовавшихъ, именію законоучителемъ училища, о. Михаиломъ, была высказана справедливая оцѣнка многолѣтней дѣятельности А. Ѳ. Лишина на посту воспитателя юношества, при чемъ въ самыхъ сердечныхъ выраженіяхъ высказано было, между прочимъ, что «въ А. Ѳ. Лишинѣ какъ учившіеся подъ его руководствомъ, такъ учащееся юношество всегда видѣли и видятъ примѣръ порядка, трудолюбія, честности, гражданского мужества, благочестія».

Тогда же была собрана, по подпискѣ, сумма денегъ, которой, въ память юбилея, дано было назначеніе на поддержку бѣднымъ учащимся чрезъ посредство извѣстнаго зодчаго и техника тайн. сов. К. Я. Маевского, бывшаго профессоромъ въ Строительномъ училищѣ. («Русскій Инвалидъ» 1870 г., № 112, стр. 2-я). За время пребыванія во главѣ этого высшаго учебнаго заведенія А. Ѳ. Лишина при содѣйствіи инспектора А. К. Красовскаго и профессоромъ: К. К. Кожовцева, Э. И. Жибера, П. А. Безпалова, Гримма, Гедике, К. А. Маевского — строительное училище дало русскому обществу нѣсколько весьма замѣчательныхъ, по дарованіямъ и обширнымъ свѣдѣніямъ, водныхъ и инженеровъ, таковы: Д. Д. Соколовъ, (нынѣ директоръ этого института), А. Р. Решвендъ, І. С. Китнеръ, Курофдовъ, Лукашевичъ, Султановъ, Цекольдъ, Э. И. Эвальдъ и другіе.

Ред.

барабана или трубы не встревожилъ и не испугалъ его при вставаніи. Всѣ мы смотрѣли на М. Ю. Лермонтова, въ бытность его въ школѣ коньерской, какъ на самаго зауряднаго воспитанника. Никто не подозревалъ, что это будущій великій поэтъ!

2-го февраля 1890 г.

А. Л.

Поправки и замѣтки

[къ «Русской Старинѣ» 1890 г., т. LXV, стр. 373].

Дѣло Тришатнаго, въ 1847-мъ году, по волѣ императора Николая Павловича сужденнаго и осужденнаго за цѣлый рядъ злоупотребленій, главное дѣло—за взяточничество, надѣлало въ то время большаго шума. Не менѣе его виноваты были и тѣ генералы и полковники, которые взятками ему, Тришатному, пытались покрыть свои злоупотребленія: въ числѣ таковыхъ былъ одинъ полковникъ, командиръ одного изъ стоявшихъ въ 1847 году въ Екатеринославской губерніи армейскихъ полковъ, Михаилъ Корниловичъ М—чъ. Это онъ—(нынѣ покойный), который, «хозяйничая» въ своемъ полку, дозволялъ себѣ настолько громадныя злоупотребленія, что присланному разслѣдовать ихъ генералу Тришатному М—чъ вынужденъ былъ и напелъ къ тому средства изъ «хозяйственныхъ» денегъ дать 30 т. руб. Тогда-же, откупившись отъ Тришатнаго, полковникъ М. К. М—чъ посватался и една не успѣлъ обвиняться съ 17-ти лѣтнею дѣвушкою В. А. М—хъ въ Полтавской губерніи, Полтавскомъ уѣздѣ, въ с. Ивашкахъ. Это онъ, М—чъ, а не Тришатный, какъ то ошибочно передано въ «Русской Старинѣ» (изд. 1890 г., томъ LXV, февраль, стр. 375, примѣчаніе) былъ арестованъ во время своего вѣнчанія, причемъ вслѣдствіе обморока невѣсты, нелюбившей жениха и выходившей противъ воли за него замужъ, обрядъ не былъ оконченъ и В. А. М—хъ была спасена отъ брака, ничего кромѣ горя ей не судившаго. Слѣдствіе надѣ Тришатнымъ, М—чемъ и другими виновными произвелъ, по высочайшему повелѣнію, кн. А. А. Суворовъ-Рымникскій.

М. К. М—чъ ссылкою въ арестантскія роты, а затѣмъ многолѣтнею службою на Кавказѣ искупилъ свои преступленія. Увѣряють, что онъ вновь дослужился до полковничьяго чина и затѣмъ умеръ. М.

На оборотѣ февральской книги «Русской Старины» изд. 1890 г. вралась грубая опечатка: Напечатано: Графъ Александръ Васильевичъ Адлербергъ... читай: Графъ Александръ Владиміровичъ Адлербергъ...

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ КРАСОВСКІЙ

† 28-го іюня 1885 г.

Въ 1885 г. скончался въ Томскѣ начальникъ губерніи Иванъ Ивановичъ Красовскій. По поводу этаго печальнаго событія въ «Сибирскомъ Вѣстникѣ» было напечатано слѣдующее: «Два года ровно, день въ день, управлялъ покойный Томскою губерніею, и мы всё долго и тепло будемъ вспоминать всегда привѣтливаго, добраго и сердечно желавшаго сдѣлать добро всёму, кто къ нему ни обращался, Ивана Ивановича. Не заставлялъ онъ никогда и никого по цѣлымъ часамъ ждать его выхода; не было и такого часа, въ теченіе цѣлаго дня, въ который бы онъ не принялъ пришедшаго къ нему съ просьбой, съ какой-либо своей нуждой; къ нему шли и утромъ, и вечеромъ, и во время обѣда, и покойный тотчасъ бросалъ и обѣдъ, и гостей, и внимательно выслушивалъ просителя. Вся дѣятельность покойнаго направлена была къ тому, чтобы привести Томскую губернію въ положеніе, ничѣмъ не отличающееся отъ всѣхъ внутреннихъ губерній. Всѣ «сибирскія» отличія въ учрежденіяхъ, отсутствіе новыхъ органовъ суда и самоуправленія приводили покойнаго въ совершенное отчаяніе, и онъ не переставалъ ходатайствовать о скорѣйшемъ введеніи здѣсь реформъ. Работникъ Иванъ Ивановичъ былъ образцовый; порядокъ, аккуратность и быстрота въ дѣлахъ составляли отличительныя черты его управленія. Въ свободное отъ служебныхъ занятій время Иванъ Ивановичъ переставалъ быть губернаторомъ. Въ его гостинной шла тогда веселая бесѣда, въ которой радушный хозяинъ принималъ самое искреннее участіе. Неистощимый юморъ, масса разказовъ изъ прошлаго дѣлали его бесѣду интересной, а иногда и поучительной. Герой Севастополя, затѣмъ любимый инспекторъ студентовъ московскаго университета, потомъ московскій вице-губернаторъ, Иванъ Ивановичъ зналъ массу

людей самыхъ разнообразныхъ сферъ и всюду имѣлъ связи, отношенія, друзей. Покойный постоянно вращался въ Москвѣ въ литературномъ кругу и живо интересовался всякою новою книгою, каждымъ новымъ произведеніемъ лучшихъ нашихъ писателей. Въ библиотекѣ Ивана Ивановича, весьма обширной, найдутся самыя разнообразныя изданія. Къ мѣстной печати онъ относился всегда съ большимъ участіемъ, и если иногда выражалъ раздраженіе по поводу той или другой статьи, замѣтки, извѣстія, то источникъ этого раздраженія всегда надо было искать въѣ покойнаго».

За нѣсколько мѣсяцевъ до своей кончины Иванъ Ивановичъ Красовскій писалъ редактору „Русской Старины“ слѣдующее:

„1 ноября 1884 г. Томскъ.

„Глубокоуважаемый Михаилъ Ивановичъ. Весь главный штабъ главнокомандующаго князя Михаила Дмитриевича Горчакова исчезъ въ вѣчность. Остался я одинъ, управлявшій его походной канцеляріей, т. е. князя. Я былъ, кромѣ того, его адъютантомъ.

У меня есть много записокъ, записочекъ, черновыхъ бумагъ, писемъ отъ разныхъ уже скончавшихся, но видныхъ въ то время дѣятелей. Между прочимъ есть кое-какія письма Павла Евстафьевича Коцебу. Онъ также умеръ.

Письма его неважныя по содержанію, ибо не имѣютъ правды.

Письмо Циммермана—изъ Базарджика—по моему интереснѣе всѣхъ.

Я сталъ хворать въ Сибири и боюсь, что въ одно прекрасное утро, хотя и не старъ, но могу послѣдовать за моими товарищами.

Въ виду этого неприятнаго случая, я посылаю вамъ при семъ нѣкоторые документы. Можете употребить все....

Понемножку, такъ какъ нѣтъ времени, я буду вамъ высылать письма, напр., князя Виктора Васильчикова, графа Сакена и др.

Сердцемъ преданный вамъ И. Красовскій.

Р. S. Обратите вниманіе на телеграмму Дена“.

Печатаемъ нѣсколько писемъ изъ присланныхъ намъ добрымъ и уважаемымъ при жизни покойнымъ И. И. Красовскимъ документовъ. На первомъ изъ нихъ, именно письмѣ П. Е. Коцебу, покойный Красовскій отиѣтилъ: «Все, что касается военнаго дѣла, не правда».

Тѣмъ не менѣе, такъ какъ и этотъ документъ касается событій вполне историческихъ и притомъ принадлежитъ лицу, высоко стоявшему въ военной іерархіи и игравшему весьма видную роль въ описываемыхъ имъ событіяхъ, именно въ эпопеѣ обороны Севастополя,

то мы не вправѣ оставлять безъ вниманія свидѣтельства такихъ лицъ. почему и печатаемъ, вмѣстѣ съ другими письмами къ И. И. Красовскому, и письма П. Е. Коцебу, тѣмъ болѣе, что быть можетъ И. И. Красовскій и не совсѣмъ правъ въ своей отмѣткѣ о показаніяхъ П. Е. Коцебу.

Ред.

1.

Павель Евстафьевичъ Коцебу.

1-го февраля 1861 г. Варшава.

Съ любопытствомъ читалъ я вашу статейку. Она составлена совершенно сообразно съ истинною, за исключеніемъ, однако-же, момента, когда кн. Горчаковъ узналъ или, лучше сказать, услышалъ и увидѣлъ атаку Реада. На страницѣ 5-ой вы говорите: «Далѣе, когда главнокомандующій увидѣлъ, что Телеграфная гора занята, и сталъ спускаться съ редута, и проч.» — это не такъ. Главноком. дѣйствительно сталъ спускаться съ редута, когда увидѣлъ, что Телеграфная гора занята, но атака г-ля Реада воспослѣдовала гораздо позже; кн. Горчаковъ имѣлъ время доѣхать до Телеграфн. горы, гдѣ, слѣзя съ лошади, и осматривалъ въ трубу позицію непріятеля, для чего я отправился пѣшкомъ на оконечность горы къ маленькому редуту, взятому у сардинцевъ. По возвращеніи моемъ къ главнокомандующему и по докладѣ о замѣченномъ, главнокомандующій рѣшилъ атаковать Гасфорта гору. Полковникъ Бонтонъ былъ отправленъ съ этимъ приказаніемъ къ генералу Бельгарду, а другой адъютантъ къ 5-ой дивизіи, чтобы шла на поддержку Бельгарда; уже войска сего послѣдняго спустились съ высотъ въ долину рѣки Черной, уже 5-ая дивизія вытягивалась изъ резервнаго расположенія своего влѣво по направленію къ Бельгарду — канонада у Реада все продолжалась — вдругъ услышали мы батальный огонь вправо, сопровождаемый громкимъ крикомъ ура! Позиція Реада была у насъ подъ глазами, какъ на ладони; я направилъ трубу къ мосту на Черной и увидѣлъ ясно, что наши заняли тетъ-де-понъ, а французы бѣгутъ назадъ черезъ мостъ. Доложивъ немедленно о томъ главнокомандующему, онъ тотчасъ приказалъ остановить атаку Бельгарда, а 5-ую дивизію поворотить вправо и послать въ резервъ къ Реаду. Послѣ этого только пріѣхалъ адъютантъ Волковъ. Приказанія: «по прибытіи 5-ой дивизіи атаковать Федухины горы» — я не слышалъ, — да и отдавать его не было надобности, ибо батальоны 12-ой дивизіи не останавливались по взятіи предмостнаго укрѣпленія, а все двигались впередъ, отстала только 7-ая дивизія; князь, сколько мнѣ помнится, сказалъ Волкову только: «скажите

генералу, что въ подкрѣпленіе его направлена 5-ая дивизія». Вотъ истинная правда, почтенный Иванъ Ивановичъ.

Вы пишете, что въ Москвѣ носятя разные преувеличенные слухи о положеніи дѣлъ въ Варшавѣ. Вѣрю и прибавлю, что эти слухи распространяются не только въ Москвѣ и въ Европѣ недоброжелательствующими намъ газетами, но и въ самой Варшавѣ, гдѣ безпрестанно въ публикѣ разсказываютъ о небывалыхъ приключеніяхъ, о демонстраціяхъ уличныхъ и т. п.; если же дѣйствительно случится какой нибудь маловажный беспорядокъ, произведенный какимъ либо пьянымъ празднователемъ карнавала, то это преувеличивается до баснословія и, какъ вы говорите, изъ мухи дѣлають слона. Правда, съ осени прошлаго года начались проявляться дѣйствія демократической партіи эмиграціи въ Парижѣ, въ головѣ которой стоитъ Мирославскій; агенты этой партіи получили наставленіе возбуждать патріотическія чувства, дѣлать демонстраціи публичныя, тайныя и явныя, и тѣмъ показать Европѣ и покровителямъ своимъ, что и Польша, не смотря на свое благосостояніе, недовольна правительствомъ, что и она имѣетъ право считаться въ числѣ угнетенныхъ національностей, которыя должны пользоваться полною самостоятельностью, и вотъ наемники этихъ агентовъ начали съ того, что въ театрѣ и на гуляньяхъ обливали дамскія платья купороснымъ спиртомъ, потомъ разбили нѣсколько стеколъ, преимущественно въ домахъ, гдѣ освѣщеніе оконъ показывало соединеніе общества, рассылали анонимныя письма съ угрозами лицамъ высшаго сословія, которыя живутъ открыто, а также купцамъ, у которыхъ вывѣски съ надписями французскими и русскими; два раза, въ дни, памятные для патріотизма, собирались двѣ, три сотни людей, большею частію ученики, въ костелѣ на Лемня и у бернардиновъ для отслуженія молебна, при чемъ въ первомъ изъ этихъ костеловъ пѣли псаломъ народный. Одинъ молодой человекъ явился въ маскарадѣ въ глубокомъ траурѣ и въ цѣпяхъ, представляя какъ-бы поработенную Польшу. Продѣлки эти, по примѣру Варшавы, проявлялись и въ другихъ губернскихъ городахъ, но гораздо рѣже. Сначала это произвело впечатлѣніе на публику, но вскорѣ возбудилось общее негодованіе и презрѣніе, а какъ между тѣмъ полиція усугубила мѣры бдительности и надзора за порядкомъ на улицахъ, то не стали уже обращать вниманіе на провралывающіяся иногда демонстраціи и на анонимныя письма. Теперь болѣе мѣсяца уже какъ я не слыхалъ ни о какой демонстраціи, кромѣ разбитаго стекла у одной дамы, которая часто даетъ вечеринки. При всемъ томъ нельзя, однако же, не сознаться, что разъединеніе между обществами, русскимъ и польскимъ, сдѣла-

лось чувствительнѣе, чѣмъ когда либо. Высшее сословіе польское чувствуя, что демонстрація столь же враждебна къ нему, какъ и къ самому правительству, въ глубинѣ сердца своего проклинаетъ Мирославскаго и его агентовъ, но, не имѣя ни малѣйшаго courage civil, не смѣетъ явно возстать противъ нихъ и удаляется отъ столкновения съ русскими. Забылъ сказать, говори о демонстраціяхъ, что въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ, напримѣръ, въ дворянскомъ институтѣ, случились маловажные беспорядки, но они немедленно укрошены безъ всякихъ крутыхъ мѣръ. На улицахъ, въ особенности въ праздничные дни, встрѣчаются молодые люди въ бѣлыхъ конфедераткахъ. Вотъ и все. Правительство, понимая откуда происходятъ всѣ эти возбужденія и увѣренное въ своей силѣ, дѣйствуетъ кротко и снисходительно, употребляя только законныя обмененныя полицейскія мѣры для прекращенія тѣхъ беспорядковъ, которые вредятъ всей публикѣ, и остерегаясь дать излишнюю строгостію новую пищу ничтожному движенію, ухо же держитъ востро. Цитадель почти также пуста, какъ и въ прошломъ году; подвергнуты суду только нѣсколько истинныхъ зажигателей, изъ коихъ главнѣйшій, Янковскій, переданъ намъ изъ Австріи. Эти люди суть учредители здѣсь общества Мирославскаго.

Вы говорите, что въ Москвѣ сочувствіе выражалось больше къ Польшѣ, чѣмъ къ ея правительству. Жаль, очень жаль, что просвѣщенная патріотическая Москва такъ мало размышляетъ о томъ, что значать *les tendances de la nation polonaise!* Развѣ она думаетъ, что дѣло кончилось бы возстановленіемъ независимой Польши въ предѣлахъ настоящаго королевства? Нѣтъ, милостивые государи, не угодно ли тогда отдать 10 губерній и самимъ ограничиться московскимъ царствомъ, отдѣленнымъ отъ просвѣщеннаго запада сильною и всегда враждебною державою? Вотъ что должны имѣть въ виду русскіе истинные патріоты. Но довольно. П. Коцебу.

Благодарю за указанія на замѣчательнѣйшія журнальныя статьи. Насъ сильно толкаютъ впередъ и въ предостереженіяхъ недостатка нѣтъ.

II.

19 февраля 1869 г. Одесса.

М. Г. Иванъ Ивановичъ! Спѣшу благодарить васъ за лестное для меня выраженное вами убѣжденіе, что я одинъ только могу осуществить мысль о «Севастопольскомъ музеѣ». Не всѣ, однако же, такъ думаютъ. Взгляните на ежегодный севастопольскій обѣдъ въ Петербургѣ; вспоминаютъ ли тамъ обо мнѣ? Никогда! И когда одинъ разъ

мнѣ пришлось присутствовать на немъ, то Тотлебену съ трудомъ удалось предложить тостъ за мое здоровье. Недоброжелатели мои суть люди нинѣ вліятельные. Посему, прежде чѣмъ приступить къ чему либо по этому дѣлу, я написалъ Тотлебену и спросилъ его: не нашла ли мысль о севастопольскомъ музеѣ сочувствія между защитниками Севастополя, собравшимися на обѣдъ 11 февраля? Не было-ли какихъ либо заявленій или предложеній? И, наконецъ, не сдѣлано-ли какое либо общее соглашеніе по этому предмету? По полученіи отвѣта Эдуарда Ивановича я сообщу вамъ мои соображенія, а въ маѣ, когда вы мнѣ доставите удовольствіе видѣть васъ здѣсь, мы обсудимъ дѣло на досугѣ. Коцебу.

III.

Генераль Циммерманъ.

Базарджикъ, 25 января 1878 г.

Многоуважаемый Иванъ Ивановичъ. Усердный поклонъ мой передайте князю Виктору Илларионовичу (Васильчикову); знаетъ ли онъ и знаете ли вы все, что дѣлалось у насъ въ главной арміи. Я не буду распространяться о томъ, потому что, по долгу службы и дисциплины, не могу писать откровенно. Одно скажу, что тамъ, на главномъ театрѣ войны, выручилъ единственно Тотлебенъ, который авторитетомъ своимъ и опытностью принудилъ послушаться его мнѣнія и прекратить плевненскіе штурмы. Государь принялъ его сторону, а также и военный министръ. А то бы съ прибытіемъ гвардіи сдѣлали бы четвертый штурмъ Плевны, который, конечно, былъ бы отбитъ; съ прибытіемъ гренадеръ—пятый штурмъ, имѣвшій бы ту-же участь. Наступила бы зима, ледоходъ, прекращеніе подвозовъ съ продовольствіемъ и, по всему вѣроятію, большая катастрофа. Но когда Плевна сдалась, то освободилось много войскъ, пошли за Балваны, а тамъ у Мехмет-Али былъ одинъ сбродъ, мутахфизы, руховке, и потомъ началась у турокъ паника. Славное дѣло имѣлъ Радецкій; онъ старый мнѣ товарищъ, достойный и прекрасный человекъ.

Два дня тому назадъ получилъ телеграмму великаго князя о перемиріи. Мой корпусъ упрекали въ бездѣйствіи, но вы, дорогой Иванъ Ивановичъ, человекъ опытный и знающій здѣшній театръ войны, разсудите, могъ ли я болѣе сдѣлать; у меня никогда не было свыше 25 или 26 тысячъ войскъ, не считая, конечно, больныхъ, командировочныхъ и нестроевыхъ. Съ этимъ я перешелъ первый Дунай и занялъ

край до Троянова вала; идти далѣе въ глубь четырехугольника между Варной, Шумлой и Силистріей, оставляя у себя во флангѣ море, было бы большой стратегической ошибкой. Войска мои могли бы подвергнуться лѣтомъ или осенью пораженію худшему, чѣмъ подъ Еленой; если бы я лѣтомъ или осенью пришелъ въ Базарджикъ, тогда у неприятеля было много войскъ въ четырехугольникѣ и онъ бы не упустилъ случая напасть на насъ въ превосходныхъ силахъ. Къ Еленѣ на другой день прибыли подрѣзненія, а у меня въ тылу было бы нѣсколько батальоновъ, и за 200—250 верстъ отсюда на нижнемъ Дунаѣ дивизія Веревкина. Никакихъ мнѣ подрѣзненій все время не давали, а еще отъ меня все брали; только къ 8-му января 1878 г. Семека, дай Богъ ему здоровья, прислалъ мнѣ бригаду пѣхоты, и то съ тѣмъ, чтобы ее не уводить далѣе линій Черноводы-Кюстенджи. Теперь 19-й корпусъ занялъ всю Добруджу до линій желѣзной дороги Варна—Шумла, которую мы разрушили во многихъ мѣстахъ.

Климатъ Добруджи извѣстенъ; удалось мнѣ, однако, сохранить здоровье людей въ удовлетворительномъ состояніи, и теперь у меня больныхъ менѣе, чѣмъ въ главной арміи. Повальныхъ болѣзней вовсе не было, что, я думаю, составляетъ единственный примѣръ; во всѣхъ прежнія войны въ Добруджѣ войска очень много больныхъ имѣли. Продовольствіемъ все время были хорошо обеспечены и у насъ стоило оно гораздо дешевле, чѣмъ въ главной арміи. 19-ый корпусъ сдѣлалъ, что могъ; Базарджикъ взятъ съ очень небольшими потерями. Тамъ было около 20 т. египтянъ и турокъ; укрѣпленія очень сильны, въ нѣсколько линій, также какъ въ Плевнѣ. Штурмовать Базарджикъ сопряжено было съ порядочнымъ рискомъ, и еще при такой ужасной грязи, и во всякомъ случаѣ стоило бы огромныхъ потерь.

Вы спрашиваете меня о моемъ здоровьи; держусь на ногахъ, но часто лежу; одышка и болѣзнь сердца, зародыши которыхъ, конечно, и прежде были, усилились здѣсь, вѣроятно, отъ вліянія климата и заботъ.

Обнимаю васъ отъ всего сердца, душевно уважаемый и старый добрый товарищъ Иванъ Ивановичъ; когда уже вы это письмо получите—не знаю, у меня почта до Дуная устроена исправно, но въ Руминіи уже не въ моемъ вѣдѣніи, и что тамъ дѣлается на желѣзныхъ дорогахъ! А у меня, могу похвастать, англійская желѣзная дорога Черноводы—Кюстенджи все время отлично служила, и чрезвычайно дешево за перевозку платили.

Душевно уважающій и искренно преданный А. Циммерманъ.
Все, что пишу, между нами.

IV.

Графъ Павелъ Евстафьевичъ Коцебу.

г. Ревель, 5 ноября 1880 г.

М. г. Иванъ Ивановичъ! Мнѣ весьма пріятно было найти статью вашу о князѣ М. Д. Горчаковѣ („Русская Старина“ 1880 г. т. XXIX, стр. 783—789—794) въ связи съ моею статьею по тому же предмету.

Позволяю себѣ обратить ваше вниманіе только на нѣкоторые замѣчанія въ историческомъ отношеніи.

Вы пишете, между прочимъ, что князь предложилъ взять крѣпость Силистрію во что бы то ни стало въ тотъ день, когда войска собраны были для приступа. Но это не такъ. Князь не предполагалъ тогда штурмовать самую крѣпость, а намѣревался только взять приступомъ передовыя укрѣпленія съ восточной стороны Силистріи, надеясь, что послѣ этого сильнымъ, сосредоточеннымъ огнемъ онъ уничтожить защиту главнаго вала и принудить крѣпость къ сдачѣ.

Вы жестоко обижаете (?) южную армію, называя Васильчикова и Тотлебена „лучшими ея представителями“. При всемъ уваженіи къ ихъ достоинствамъ, они не могли называться представителями арміи, гдѣ, въ чинахъ, въ которыхъ они тогда состояли, они не могли имѣть кругъ дѣйствій, сколько нибудь вліятельный.

Равношрно, говоря, что «былъ моментъ, когда всю южную армію составляли кирасирскій корпусъ и конвой главнокомандующаго», вы допустили огромное преувеличеніе, такъ какъ въ арміи оставались 3-й и 5-й пѣхотные корпуса.

Вы пишете, что князь Горчаковъ, узнавъ о смерти генерала Реада, принялъ личное командованіе отступающими войсками. Это не такъ, — князь Горчаковъ командовалъ самъ войсками отъ начала сраженія 4 августа (1855 г.). Я никогда не слыхалъ, чтобы князь М. Д. Горчаковъ, въ бытность свою въ Севастополѣ, высказывалъ убѣжденіе, что ему не придется возвратиться къ семейству, но не могу утверждать, чтобы эта мысль у него не проявлялась. Въ этомъ смыслѣ онъ, вѣроятно, выражался, говоря вамъ, что не воображалъ возвратиться въ Варшаву, но, при всемъ томъ, онъ былъ весьма доволенъ назначеніемъ намѣстникомъ.

Разговоръ мой, невѣрно рассказанный Н. Бергомъ, происходилъ точно такъ, какъ я объяснилъ въ моей замѣткѣ, напечатанной въ ноябрьской книгѣ «Русской Старины» (изд. 1880 г., томъ XXIX, стр. 789—794).

Говоря съ какою цѣлью князь Михаилъ Дмитріевичъ посѣщалъ бастионы, вы не совсѣмъ правильно сказали, что объ этомъ знали Тотлебенъ, Васильчиковъ, Нахимовъ и графъ Остенъ-Сакенъ, потому что объ этомъ еще болѣе знали войска, которыя ободрялись посѣщеніемъ своего главнокомандующаго.

Князь А. И. Васильчиковъ воспользовался случаемъ и, подъ видомъ защиты князя М. Д. Горчакова, произвелъ нападеніе на меня. Я не имѣю чести знать кн. А. И. Васильчикова и онъ, конечно, меня не знаетъ; но я не удивляюсь его злостнымъ сужденіямъ, такъ какъ весьма хорошо знаю и вамъ это, конечно, не безъизвѣстно—что кн. Викторъ¹⁾ не принадлежалъ къ моимъ доброжелателямъ. Воображаю себѣ послѣ этого, какъ невѣрны и пристрастны были его сужденія обо мнѣ; но не это меня тревожитъ; меня беспокоитъ мысль, что кн. А. И. Васильчиковъ, обѣщая печатать записки своего брата, введетъ въ заблужденіе читающую публику на счетъ хода войны какъ на Дунаѣ, такъ и въ Севастополѣ. Вы знаете, что кн. Викторъ большею частью во время дѣйствій на Дунаѣ находился въ Малой Валахіи, въ отдаленности отъ центра управленія арміею; состоя же при главной квартирѣ, онъ не былъ въ близкихъ отношеніяхъ ни къ кн. Горчакову, ни къ главнымъ дѣятелямъ его штаба, а потому и не могъ знать обстоятельства, вынуждавшія къ такому или такому распоряженію; не могъ знать о свѣдѣніяхъ, получаемыхъ главнокомандующимъ, а между прочимъ изъ Вѣны и Константинополя, ни указаній, присланныхъ ему изъ С.-Петербурга. Можно ли ожидать послѣ этого, чтобы кн. Васильчиковъ описалъ съ надлежащею точностью ходъ войны на Дунаѣ? Описаніе Восточной войны, какъ въ весьма справедливо замѣчаете, «возможно будетъ только тогда, когда историку откроютъ все, когда отъ него не утаятъ ни одной бумаги, ни одного письма, которыя получалъ князь, а также и тѣхъ, которыя отъ него исходили».

Отвѣтъ мой кн. А. И. Васильчикову на замѣтку вы прочтете въ декабрьской книгѣ «Русской Старины»²⁾. Коцебу.

¹⁾ Князь Викторъ Илларионовичъ Васильчиковъ.

²⁾ «См. Русская Старина» изд. 1880 г., т. XXIV, декабрь, стр. 1048--1050.

V.

Ревель, 14 ноября 1880 г.

М. г. Иванъ Ивановичъ! Чувствительно благодаренъ вамъ за письмо отъ 9 сего ноября и за очеркъ объ отбитіи штурма 6 іюня¹⁾; я прочелъ то и другое съ большимъ интересомъ.

Въ первомъ моемъ письмѣ я забылъ сказать вамъ, что меня очень обрадовали теплыя слова, которыя, въ письмѣ къ редактору «Русской Старины», вы сказали въ пользу Затлера. Я намѣренъ былъ сдѣлать то-же въ отвѣтъ моемъ на статью А. И. Васильчикова, но раздумалъ, потому что это походило бы на оправданіе себя противъ намека на солидарность съ интендантствомъ въ злоупотребленіяхъ, открытыхъ будто бы до корней слѣдствіемъ, произведеннымъ его братомъ, а отвѣчать на подобную клевету было бы несовмѣстно съ моимъ достоинствомъ. При этомъ случаѣ я не могъ не вспомнить обстоятельства, вызвавшія это слѣдствіе, предпринятое съ предвзятымъ намѣреніемъ уничтожить Затлера и огорчить князя (М. Д.) Горчакова. Слѣдствіе нарядилъ бывший тогда военный министръ (Сухозанетъ), который, по какимъ-то прежнимъ отношеніямъ, во время завѣдыванія имъ артиллерійскимъ управленіемъ въ Варшавѣ, питалъ ненависть къ Затлеру, а въ то-же время былъ скрытый врагъ князю Горчакову, не смотря на всѣ его дружескія письма. Это мнѣ извѣстно. Вы помните, конечно, какъ глубоко князь М. Д. Горчаковъ былъ огорченъ результатомъ этого слѣдствія и какъ онъ усиливался защищать Затлера и оправдать его дѣйствія.

Если бы князь Викторъ Васильчиковъ питалъ дѣйствительно такое глубокое уваженіе къ князю Михайлу Дмитриевичу, какъ утверждаетъ его братъ Александръ, то ему не слѣдовало бы приняться за производство слѣдствія надъ лицомъ, которое дѣйствовало подъ личною отвѣтственностію главнокомандующаго, высоко цѣнявшаго его (т. е. Затлера) способности и распорядительность.

Вы пишете, что едва ли князь А. И. Васильчиковъ напечатаетъ записки его брата; я, впрочемъ, собственно для себя не опасаясь публикаціи записокъ, потому что, пока я живъ, былъ бы въ состояніи опровергать всякую клевету и ложное воззрѣніе. А когда меня не будетъ, у меня есть три молодца зятя, которые съумѣютъ защитить мою честь, что, конечно, сдѣлали бы и вы.

Еще разъ искренно васъ благодарю за добрую обо мнѣ память и

¹⁾ Штурмъ Севастополя 6-го іюня 1855 г.

прошу васъ далѣ меня не забывать и принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности. П. Коцебу.

4 ноября 1880 г. я послалъ въ редакцію «Русской Старины» отвѣтъ мой на замѣтку кн. А. И. Васильчикова; но такъ какъ онъ можетъ быть помѣщенъ только въ декабрьской книгѣ, то посылаю вамъ при семъ копію. П. К.

VI.

Ревель, 18 марта 1882 г.

М. г. Иванъ Ивановичъ! Въ виду желчныхъ нападковъ извѣстнаго направленія газетъ на нѣмецкій элементъ въ остзейскихъ губерніяхъ, считаю не излишнимъ препроводить къ вамъ, многоуважаемый Иванъ Ивановичъ, прилагаемую при семъ брошюру «Нашъ остзейскій вопросъ». Брошюра эта отличается сдержанностію, правдивостію и безпристрастіемъ; въ этомъ я вамъ ручаюсь. *Audiatur et altera pars!* Искренно и неизмѣнно вамъ преданный Коцебу.

VII.

Ревель, 29 марта 1882 г.

М. г. Иванъ Ивановичъ! Христось воскресъ! Примите мои искреннія поздравленія и душевныя пожеланія всего для васъ добраго.

Благодарю васъ еще разъ за присылку телеграммы во время Севастопольскаго обѣда.

Изъ письма вашего я вижу, что обѣдъ 16 марта былъ, по мнѣнію моему, довольно многочисленный; прошло вѣдь болѣе 26-ти лѣтъ и многіе товарищи перенесли на тотъ свѣтъ.

Еще благодарю за присылку портрета князя Михаила Дмитріевича; я постараюсь выслать вамъ другой, весьма интересный...

Примите увѣреніе въ искреннемъ уваженіи и неизмѣнной преданности Коцебу.

VIII.

Ревель, 9 апрѣля 1882 г.

М. г. Иванъ Ивановичъ! Въ 1856 г. покойный князь Михаилъ Дмитріевичъ, получивъ фотографическое изображеніе трехъ воевавшихъ противъ него генераловъ, сидящихъ въ лагерѣ при Севастополѣ, передъ помѣщеніемъ лорда Реглана, и размышляющихъ надъ

планомъ Севастополя или картою Крыма, приказаль сдѣлать снимокъ съ этой фотографіи и въ то-же время «репатнт» къ ней, изображающій его самого, сидящаго передъ домикомъ въ Инкерманскомъ лагерѣ.

Я объ этомъ ничего не зналъ, но въ одно утро князь подарилъ мнѣ эти снимки, какъ историческую память о тяжеломъ, но не лишенномъ славы, времени.

Зная, какъ горячо сохраняется въ сердцѣ вашемъ память о нашемъ общемъ доблестномъ начальникѣ, я приказаль снять снимки, хотя довольно не удачные, со сказанныхъ фотографій, и посылаю ихъ вамъ по почтѣ.

Неизмѣнно преданный вамъ и искренно уважающій васъ Коцебу.

Примѣчаніе. Это самое изображеніе группы вождей непріятельской арміи въ Крыму, а также портретъ князя М. Д. Горчакова, 1855—1856 гг., воспроизведены въ гравюрахъ при «Русской Старинѣ» изд. 1884 г., томъ XLIII, стр. 223, и въ Альбомѣ, изданномъ ред. «Русской Старины», второе собраніе, Спб. въ 8 д., изд. 1886 г. Ред.

IX.

Владиміръ Ивановичъ Денъ.

Прочитавъ ноябрьскую книгу «Русской Старины» изданія 1880 г., сиѣшу выразить глубокую душевную признательность автору прекрасной статьи о князѣ Михаилѣ Дмитриевичѣ Горчаковѣ. Я уже сказалъ (Н. В.) Бергу, что его тономъ не говорятъ о такихъ рѣдкихъ людяхъ, какъ Михаилъ Дмитриевичъ. Оправданіе Евстафіевича (Коцебу) гроша польсваго не стоитъ. Денъ.

Безсмѣнные ординарцы генерала Хрулева въ Севастополѣ

мартъ — августъ 1855 г.

Недавно одинъ изъ севастопольцевъ вспомнилъ печатно объ ординарцахъ генерала Хрулева — В. В. Сикорскомъ и Ф. Ф. Негребецкомъ («Русск. Старина» 1889 г., январь); эта небольшая статья побуждаетъ и меня посвятить нѣсколько строкъ памяти дорогихъ боевыхъ товарищей, ординарцевъ генерала Хрулева.

Генераль-лейтенантъ Степанъ Александровичъ Хрулевъ не любилъ окружать себя блестящими адъютантами, ему не нуженъ былъ блескъ, лоскъ и краснбайство, а работа, трудъ тяжелый и неустанный. Большинство его ординарцевъ состояло изъ юнкеровъ и армейскихъ офицеровъ, людей молодыхъ, способныхъ и рѣшительныхъ. По добротѣ души своей генераль часто бралъ къ себѣ и рядовыхъ, изъ разжалованныхъ офицеровъ, желая доставить имъ случай, усердною службою, возратить офицерское званіе. Генераль самъ почти не зналъ отдыха и никогда, никакого комфорта; работа вокругъ него шла всегда кипучая. Ординарцы были заняты и днемъ и ночью: они собирали многоразличныя свѣдѣнія о войскахъ, передавали имъ различныя приказанія, прибывляя войска знакомили съ мѣстностію, зачастую водили ихъ на указанные пункты мѣстности, въ бой, или выводили, по приказанію, изъ боя, повѣряли ночныя дѣянія и секреты, были и такіе, которые постоянно завѣдывали траншейными караулами на самыхъ опасныхъ пунктахъ; чрезъ ординарцевъ же получались разныя свѣдѣнія и приказанія изъ штабовъ и отъ начальствующихъ лицъ и свѣдѣнія и справки изъ госпиталей о раненыхъ. Только молодость и могла выносить подобный трудъ, при ежеминутной опасности жизни, безъ сна, безъ отдыха, даже зачастую безъ пищи. Зато и самое званіе безсмѣннаго ординарца генерала Хрулева пользовалось въ войскахъ севастопольскаго гарнизона особымъ уваженіемъ. Какъ поэтому не вспомнить имена этихъ безвѣстныхъ

скромныхъ труженниковъ, сослужившихъ такую службу на славу земли русской.

Генераль-лейтенантъ Хрулевъ былъ назначенъ начальникомъ лѣвой половины оборонительной линіи Севастополя ¹⁾ въ концѣ февраля 1855 г., въ то время, когда генералъ Тотлебенъ противъ осадныхъ работъ непріятеля повелъ контръ-атаку возведеніемъ впереди лѣвой половины оборонительной линіи передовыхъ укрѣпленій — редутовъ Селегинскаго и Волинскаго и люнета Камчатскаго, т. е. когда начался самый тяжелый періодъ борьбы для осажденныхъ. 4-го марта я съ Камчатскаго люнета, гдѣ находился съ дивизиономъ полевой артиллеріи, былъ назначенъ, лично генераломъ Хрулевымъ, состоять его безсмѣннымъ ординарцемъ; штабъ его, какъ начальника лѣвой половины обороны и коменданта Корабельной стороны Севастополя, уже началъ формироваться и я засталъ въ немъ 2-хъ офицеровъ, нѣсколько юнкеровъ, 2-хъ топографовъ и 2-хъ писарей. Впослѣдствіи составъ штаба значительно увеличился, но дѣятельность и энергія генерала были такъ велики, что 10—12 неутомимыхъ ординарцевъ едва успѣвали выполнять его распоряженія.

Вотъ имена этихъ доблестныхъ труженниковъ:

Капитанъ генеральнаго штаба Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ, съ первыхъ чиселъ іюня до послѣдняго дня осады 27-го августа состоялъ начальникомъ штаба генерала Хрулева, участвовалъ во всѣхъ дѣлахъ съ непріятелемъ, бывшимъ, въ этотъ тяжелый періодъ обороны, на лѣвой половинѣ оборонительной линіи. Дальнѣйшая его служба и славныя дѣянія въ Средней Азии извѣстны и дороги каждому русскому, какъ равно и безпримѣрная борьба его съ турками въ 1876 году за независимость Сербіи. Исторія скажетъ о немъ свое справедливое слово.

Артиллеріи штабсъ-капитанъ Андрей Петровичъ Поповъ, до конца осады исполнялъ должность личнаго адъютанта при генералѣ Хрулевѣ, участвовалъ во всѣхъ дѣлахъ съ непріятелемъ; 27-го августа былъ тяжело раненъ на Малаховомъ курганѣ. За отличіе произведенъ въ капитаны и пожалованъ золотою саблею съ надписью «за храбрость». Впослѣдствіи командовалъ батареею 17-й артиллерійской бригады, но за болѣзнію долженъ былъ сдать батарею и, бывши, затѣмъ, командиромъ артил. парка, умеръ въ 1860-хъ годахъ въ чинѣ подполковника.

Поручикъ Камчатскаго егерскаго полка Павловъ, до конца

¹⁾ Лѣвую половину обороны составили I-й, II-й, Корниловскій (Малаховъ) курганъ и III-й бастионы со всѣми промежуточными батареями.

осады исполнялъ обязанности старшаго адъютанта штаба, участвовалъ во многихъ дѣлахъ съ непріателемъ, бывшемъ на лѣвой половинѣ оборонительной линіи. За отличіе произведенъ въ штабъ-капитана. Убитъ 27-го августа 1855 года на Малаховомъ курганѣ.

Подпоручикъ 11-й арт. бригады Михаилъ Антоновичъ Вроченскій, исполнялъ обязанности офицера генеральнаго штаба до прибытія къ генералу Хрулеву капитана Черняева. Участвовалъ во всѣхъ дѣлахъ съ непріателемъ. Мая 31-го назначенъ былъ помощникомъ начальника 5-го отдѣленія оборонительной линіи и въ этой должности пробылъ до конца осады. За десяти мѣсячную службу въ Севастополѣ награжденъ орденами св. Анны 4-й и 3-й ст., св. Станислава 2-й ст. и св. Георгія 4-й степени. Впослѣдствіи, въ 1860 году, участвовалъ въ экспедиціи въ ханство Коканское и за участіе при взятіи кр. Пишпека получилъ золотую саблю съ надписью «за храбрость». Въ 1878 году, командуя 8-ю резервною артиллерійскою бригадою, произведенъ за отличіе въ генераль-майоры. По болѣзни уволенъ въ отставку въ 1879 году.

Поручикъ Арсеньевъ и корнетъ Самаринъ (гусары), состояли ординарцами до послѣдняго дня осады и участвовали во многихъ дѣлахъ съ непріателемъ. Къ сожалѣнію, намъ не удалось собрать свѣдѣній объ ихъ дальнѣйшей судьбѣ.

Прапорщикъ князь Голицынъ, весьма симпатичный юноша, служилъ ординарцемъ очень недолго; при передачѣ ночью какого-то приказанія былъ убитъ въ ложементахъ впереди Камчатскаго люнета.

Юнкеръ Сикорскій 1-й, съ первыхъ дней марта и до послѣдняго дня осады участвовалъ во всѣхъ дѣлахъ съ непріателемъ и на самыхъ опасныхъ пунктахъ. Заслужилъ знакъ военнаго ордена, произведенъ въ прапорщики и затѣмъ въ подпоручики. По окончаніи осады былъ переведенъ къ генералу Хрулеву на Кавказъ, гдѣ произведенъ въ поручики, а по заключеніи мира вышелъ въ отставку по домашнимъ обстоятельствамъ.

Юнкеръ Сикорскій 2-й, такъ-же славно, какъ и его братъ, служилъ до послѣдняго дня осады. Заслужилъ знакъ военнаго ордена и чины прапорщика и подпоручика. По окончаніи войны вышелъ въ отставку; какъ доброволецъ участвовалъ въ войнѣ Сербіи съ Турціею и убитъ 16-го сентября 1876 г. подъ Шеллеговацемъ, командуя ротой сербовъ.

Юнкеръ Негребецкій, это былъ самый юный и самый энергичный ординарецъ. Съ первыхъ дней марта и до конца осады участвовалъ во всѣхъ бывшихъ за это время дѣлахъ съ непріателемъ. Во время одной изъ бывшихъ за это время вылазокъ спасъ жизнь іеромонаха

Иоанникія, воодушевлявшаго солдатъ съ крестомъ въ рукахъ; Негребецкій закололъ зуава въ тотъ моментъ, когда тотъ наносилъ уже ударъ штыкомъ въ грудь іеромонаха. За свою геройскую службу заслужилъ знакъ военного ордена, чины прапорщика и подпоручика, нѣсколько орденовъ и золотую саблю. Умеръ на службѣ отъ простуды въ 1860-хъ годахъ.

Юнкеръ Лукнѣ, состоялъ ординарцемъ съ начала марта и до послѣдняго дня осады, много трудился по письменной части, какъ помощникъ старшаго адъютанта. За участіе въ дѣлахъ съ неприятелемъ получилъ знакъ военного ордена и чины прапорщика и подпоручика.

Юнкеръ Чикируль-Кушъ, былъ ординарцемъ очень недолго и убитъ за раню. Награжденъ знакомъ военного ордена.

Юнкеръ Кисельскій, исполнялъ трудную и опасную должность начальника ночной сторожевой дѣлн и секретовъ впереди линіи нашихъ укрѣпленій. Участвовалъ во всѣхъ дѣлахъ съ неприятелемъ съ первыхъ чиселъ марта до послѣдняго дня осады и часто бывалъ въ вылазкахъ въ неприятельскія траншеи. Награжденъ знакомъ военного ордена, и за отличіе произведенъ въ чины прапорщика и подпоручика.

Юнкеръ Громъ, прибылъ въ Севастополь изъ Петербурга и, зачисленный ординарцемъ къ генералу Хрулеву, въ тотъ же день былъ убитъ на Камчатскомъ люнетѣ.

Унтеръ-офицеръ (гусаръ) Янковскій, сынъ генерала польскихъ войскъ, убитаго въ Варшавѣ въ 1831 году, за вѣрность русскому правительству. Воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ и выпущенъ корнетомъ въ армейскіе гусары. Вскорѣ послѣ выпуска, за просрочку отпуска и юношескія увлеченія, разжалованъ изъ корнетовъ въ рядовые. Это былъ бойкій, веселый юноша и беззаветный храбрець. Во время одной изъ рекогносцировокъ подъ Сивастрією, въ 1854 г., собственноручно взялъ съ боя турецкое знамя, за что былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры и пожалованъ знакомъ военного ордена. Въ Севастополѣ числился ординарцемъ генерала Хрулева и исполнялъ трудную и опасную должность начальника ночной сторожевой дѣлн и секретовъ впереди Камчатскаго люнета. Въ маѣ мѣсяцѣ былъ тяжело раненъ осколкомъ гранаты въ правый бокъ, съ переломомъ нѣсколькихъ реберъ, но выздоровѣлъ и по особому ходатайству былъ произведенъ въ корнеты.

Рядовой Дявпровскаго пѣх. полка Степановъ, разжалованный изъ надворныхъ совѣтниковъ какого-то московскаго суда, пожилой человекъ, но очень бодрый и энергичный, весьма скоро освоившійся съ требованіями военной службы, занимался при штабѣ

по письменной части, но и участвовал во многих дѣлахъ съ неприятелемъ, какъ ординарецъ генерала. Заслужилъ знакъ военнаго ордена, произведенъ за отличіе въ унтеръ-офицеры, а затѣмъ и въ прапорщики, служилъ съ марта до 27-го августа, т. е. до послѣдняго дня осады. Впослѣдствіи, выйдя въ отставку, занималъ мѣсто начальника петербургской станціи Николаевской желѣзной дороги, а затѣмъ мѣсто технического инспектора казенныхъ желѣзныхъ дорогъ. Умеръ въ 1876 году.

Всего, какъ видно, съ начала марта до конца августа 1855 г., состояло, разновременно, при генералѣ Хрулевѣ 14 ординарцевъ (не считая начальника штаба); изъ нихъ убито три, ранено тяжело три, всѣ же безъ исключенія остальные контужены болѣе или менѣе сильно, но остались при исполненіи своихъ обязанностей.

Честь и слава вамъ, вѣрные и доблестные слуги родины! Да вѣдастъ молодое поколѣніе имена ваши,—имена людей, окружавшихъ одного изъ главныхъ дѣятелей севастопольской обороны, народнаго героя,—генерала Степана Александровича Хрулева, и ваша дѣятельность да послужитъ примѣромъ терпѣнія, труда и беззавѣтной преданности долгу и отечеству.

Севастопольецъ.

12-го іюня 1889 г.
Кіевъ.

ДѢЯТЕЛИ НАУКИ САВИЧИ,

Алексѣй Николаевичъ, Н. Ф. и Валеріанъ Ивановичъ.

Къ стр. 846 книги XII «Русской Старины» изд. 1889 г. томъ LXIV.

Изъ лицъ, носящихъ фамилію Савичъ, мнѣ извѣстно три лица, оставившихъ по себѣ слѣды въ научной литературѣ.

1) Академикъ Алексѣй Николаевичъ Савичъ, профессоръ С.-Петербургскаго университета, авторъ практической астрономіи, переведенной на нѣмецкій языкъ два раза, первый Goetze, а второй Peters'омъ, и Приложенія теоріи вѣроятностей къ вычисленію наблюдений и геодезическихъ измѣреній. Сочиненіе это тоже переведено на нѣмецкій языкъ. Кромѣ упомянутыхъ капитальныхъ трудовъ А. Н. Савичемъ было издано много другихъ.

2) Н. Ф. Савичъ—подъ его редакціей вышла въ свѣтъ: «Сельская Технологія»,—Москва, 1876, 2 части in 8°, и, какъ видно изъ объявленія на обложкѣ Сельской технологіи, Н. Ф. Савичъ былъ редакторомъ-издателемъ журнала «Русское Богатство».

3) Валеріанъ Ивановичъ Савичъ, если не ошибаюсь родственникъ профессора Савича, окончилъ курсъ въ 1855 году въ С.-Петербургскомъ университетѣ, по окончаніи курса отправился за границу, гдѣ въ Германіи и Франціи занимался изученіемъ химіи. Имя его встрѣчается на страницахъ Comptes rendus французской академіи. По поводу одной изъ его работъ извѣстный химикъ Wurtz отзывался такъ: M. Sawitch a indiqué un procédé fort elegant pour produire le gaz acetylène etc. (Смотр. Dictionnaire de Chemie pur et appliqué par Wurtz, tome I, pag. 48). Къ сожалѣнію, смерть рано похитила у науки В. И. Савича, едва-ли не чрезъ 6 или 7 лѣтъ послѣ окончанія имъ курса въ С.-Петербургскомъ университетѣ.

И. А. Тютчевъ.

22-го декабря 1889 г.

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II АЛЕКСѢВНА.

Повелѣнія и записочки ея Шкуруину ¹⁾.

1.

Катерина Сергеевна Гендрикова пришлетъ къ тебѣ человека ко-
торай умеетъ делавать лакъ китейской, закажи несколько бутылакъ,
да какъ поспеетъ вели покрывать на проба доску какую небусть да
мне покажи.

2.

Я надеюсь честь имѣть увидеть васъ виинделникъ вечеру.
Примѣч. Писано на оч. маленькомъ лоскуткѣ. Ред.

3.

Харашо.

4.

Денги получени, такъже червонные, сожелею, что только одинъ
ребертовой цотъ поданъ, луче бы естлибъ всѣ скарея очистелись
бы, при первой оказие пришли плафрокъ штофной гриделеной.

5.

Попраси Ал: А: чтобъ онъ скарея отаслалъ куда надлежить.

6.

Пришли Самара алая парчевая съ серебромъ, да фишбени, да денги
золотие червонни или Имперяли къ завтраму.

7.

Василии Григорьевичъ! пашли тотъчасъ солдата на дачи моеѣ за
Ораниенбаумъ съ приложеннымъ писмомъ и вели ему ждать тамъ

¹⁾ Свѣдѣнія о Василии Григорьевичѣ Шкуруинѣ, камердинерѣ великой
княгини, а затѣмъ императрицы Екатерины II, см. въ «Русской Старинѣ», лзд.
1886 г., т. LII, стр. 17 и 18. Печатаемыя нами записочки этой Государыни къ
Шкуруину сохранились въ подлинникахъ у вдовы генерала А. Г. фонъ-Фриккенъ
и, при любезномъ посредствѣ В. Н. Поляванова, списаны нами буквально
въ окт. 1882 г. Здѣсь лишь разставлены знаки препинанія. Ред.

и привѣсти то, что Миллеръ ему одасть а всѣ дѣла состоятъ въ горшке масла свѣжаго для в. к-й.

8.

Въ томъ пакете, что Иванъ Васильевичъ привелъ два запечатенные пакети на одномъ подписено А. А. сей надлежитъ Александру Александровичу Нарышкину, а на другомъ въ жесте, а для кого изволишь знать, есть ли они такъ отправлены то быте безъ сѹмненія и всѣ хорошо.

9.

Васильи Григорьевичи! я въ ужасномъ страхѣ не отъаслалъ ли ты обе пакети мой къ Нарышкинымъ, которой былъ безподписи надлежалъ въ жестенки, естли ли ты ихъ отаслалъ, то старайся пазадъ достать покаместъ оно до молотца не доходило еще, авось А. А. еще не послалъ. Пашли скорей ка мнѣ съ ответомъ, я не жива не мертва.

10.

Я полтара часа ждала на дороги только не дождалась, а после того встретились въ слободе; приложенное прошу отсылать въ четвѣркъ въ вечеру, такъ же фрухти и сливки, какъ изъ Кронштата приедѣтъ.

11.

Денги получени такъ же.

12.

У всѣхъ купцовъ въ городе вазми пробы аглинского пива, тебя о томъ в. к. самъ приказалъ прасить.

Катерина Алекс: вспомни что она обещалась къ пятому бытъ.

Впятницу привѣзи дитя и что онъ тебя скажитъ отъ меня съ ездить къ князу Никиту Юрьевича Трубецково прасить о отставки сбрата ево то исполнай мероешь (можешь?) сказать что онъ тебя родня и чтобъ то дале не шло и гавари кн: одинъ на одинъ.

13.

Табакъерку маю съ бриллиантами всегдашнюю позабыли въ питербурку.

Примѣчаніе. Последнія двѣ записочки точныя копии имѣющихся у В. Н. Поливанова, въ его собраніи автографовъ двухъ записокъ Екатерины II къ В. Г. Шкурину. Получилъ ихъ г. Поливановъ въ даръ отъ Анны Григорьевны фонъ-Фрикенъ. Переданы онѣ здѣсь въ точности, буква въ букву. Большое письмо «объ пивѣ» (№ 12) съ золотыми обрѣзами, а вторая записка (№ 13) писана на уголкѣ бумаги, тоже съ золотыми обрѣзами съ двухъ сторонъ.

Ред.

ТАЙНА ПРОТИВО-ЦЕЛЪПАГО ОБЩЕСТВА

(ANTI ABSURDE)

ОТКРЫТАЯ НЕ ПРИЧАСТНЫМЪ ОНОМУ.

Переведено съ французскаго языка.

СЪ ФИГУРАМИ.

1759.

«Тайна противо-нелѣпаго общества» приписывается перу императрицы Екатерины II, причѣмъ нѣкоторые библиографы утверждаютъ, что хотя на брошюрѣ и обозначенъ 1759 г., но въ дѣйствительности она издана въ Петербургѣ въ 1780 году. Въ это время былъ высланъ изъ Россіи Кальостро, пребываніе котораго и подало императрицѣ поводъ къ сочиненію книжки. (См. М. Н. Лонгинова «Новиковъ», стр. 134).

Тайна противо-нелѣпаго общества (*anti-absurde*), открытая непричастнымъ оному (соч. императрицы Екатерины II), перев. съ франц. языка, съ фигурами. Спб. 1759 г., 24 д. 26 стр., 4 картички. Эта брошюра, въ 24 д., показана въ «Росписи библиотекы Смирдина» 1828 г. подъ № 940, съ обозначеніемъ цѣны 1 рубль.

У Г. Н. Геннади въ «Спискѣ русскихъ рѣдкихъ книгъ» показана еще: «Тайна общества, вздоръ не терпящаго, открытая человѣкомъ постороннимъ, перев. съ франц. Спб., безъ означенія года, 12. Объ этихъ двухъ рѣдкихъ переводахъ, приписываемыхъ Екатеринѣ II, направленныхъ противъ мартинистовъ», говоритъ Геннади, сказано въ книгѣ М. Н. Лонгинова «Новиковъ» (стр. 134), а также въ статьѣ П. К. Щербальскаго о сочиненіи Екатерины (Русскій Вѣстникъ, 1871 г., № 5, стр. 112 и 116); впрочемъ, послѣдній авторъ не принимаетъ предположенія, выраженнаго С. Д. Полторацкимъ и М. Н. Лонгиновымъ о томъ, что оригиналъ и переводъ вышли не въ 1759, а въ 1780 г., такъ какъ объявленіе объ этомъ переводѣ напечатано въ прибавленіяхъ къ № 7 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» 1780 г.

Заглавія оригинала и нѣмецкаго перевода, также рѣдкихъ книгъ, приведены Г. Н. Геннади слѣдующія:

Le secret de la société anti-absurde dévoilé par quelqu'un qui n'en est pas. Nouv. éd. avec figures. A Cologne 1759 in 32.

Das entdeckte Geheimniss der anti-absurden Gesellschaft durch jemand der kein Mitglied davon ist Köln. 1759, съ 4 гравюрами.

«Тайна противо-нелѣпаго общества» — впервые перепечатана въ собраніи сочиненій Екатерины II, изданныхъ Смирдинымъ, въ 1850 г., томъ III-й.

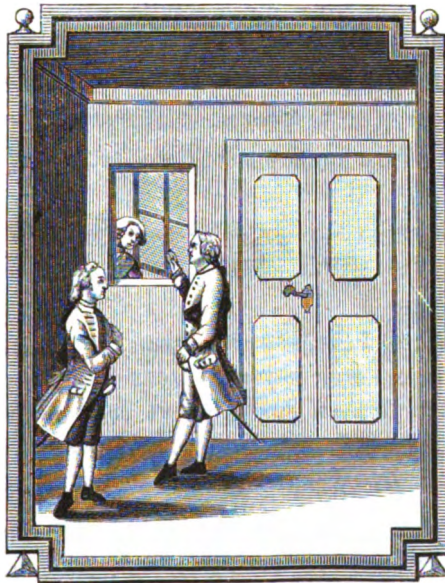
Мы перепечатаваемъ ее на страницахъ «Русской Старины» прямо съ брошюры XVIII-го вѣка и дословно; при этомъ въ точныхъ снимкахъ воспроизводимъ интересные рисунки и выѣтки, украшающіе эту библиографическую рѣдкость. — Брошюра принадлежитъ библиотекѣ В. М. Юзефовича и имъ весьма обязательно сообщена намъ 30 сентября 1884 г.

Ред.

I.

Извѣстіе о началѣ противо-нелѣпаго общества.

Общество сіе начало свое воспріяло въ то самое время, въ которое общій разумъ въ свѣтъ вошелъ. Тайна онаго открываема была весьма малому числу смертныхъ, въ возмездіе ихъ твердости, съ каковою они къ прямому разсужденію прилѣплялся. Начальствующая ложа находится на горѣ истинны, лежащей къ сѣверу отъ горы шутокъ. Тамо она всегда была.

Обрядъ принятія.

Ложа принятія должна быть комната, которая бы отнюдь не походила на корчму, а тѣмъ менѣе на лавку площадныхъ врачей. Мушья ножки, начерченные мѣломъ, и прочія дѣтскія игрушки или шалости навсегда изъ оной изгнаны. Принимаемый приходитъ съ кѣмъ нибудь изъ общества; стучится у дверей.

Его спрашиваютъ, чево онъ хочетъ?

Онъ отвѣчаетъ: Желая войти.

Тогда вратарь открываетъ слуховое окно, сдѣланное подлѣ дверей, и начальникъ спрашиваетъ: для чего желаете вы войти?

Отвѣтъ: Для того, что общій разсудокъ меня ведетъ.

Вопросъ: Довольно ли вы чувствуете въ себѣ твердости, чтобы устоять на пути прямаго разсужденія.

Отвѣтъ: Испытайте меня.

(Послѣ сего дверь тихо отворяется). Принимаемый входитъ съ своимъ вводителемъ, не имѣя глазъ завязанныхъ и во всей одеждѣ для того, что почитается не учтиво и не благопристойно въ честной бесѣдѣ быть обнаженнымъ.

Послѣ сдѣланной отъ принимаемаго всему собранію учтивости, подводятъ его къ самымъ кресламъ начальника, который говоритъ ему: «Государь мой! выньте изъ этой корзинки тетради и читайте вслухъ оныхъ надписи».

Принимаемый, взявъ одну, читаетъ: «Орвіетанъ».

Начальникъ спрашиваетъ: Что вы объ этомъ думаете?

Отвѣтъ: Это такая нелѣпость, которую должно бросить.

Начальникъ: Ну такъ бросьте же ее (указываетъ на каминъ) и возьмите другую.

Принимаемый читаетъ: «Скаска о кикимарахъ, о бабѣ егѣ, въ которой нѣтъ ни капли общаго разсудка и коими надъ людьми издѣваются».

Начальникъ: О семъ что вы думаете?

Отвѣтъ: Это кажется скучно, ежели еще не хуже.

Начальникъ: Что-жъ вы съ этимъ думаете сдѣлать?

Отвѣтъ: Туда же отправить, куда и преждее.

Начальникъ: Продолжайте вашъ искусь.

Принимаемый читаетъ: «Шарлатанство, двадцать разъ объ одномъ повторяемое, которое болѣе ни къ чему иному не служить, какъ только къ ежедневному умноженію числа въ обманъ вдающихся».

Начальникъ: Сіе по вашему ли вкусу?

Отвѣтъ: Это и прежняго хуже.

Начальникъ: Сдѣлайте и съ этимъ то, что здравый разсудокъ вамъ повелѣваетъ и продолжайте.

Принимаемый (бросаетъ бумагу въ огонь и, взявъ другую, читаетъ): «Болтанье и дѣтскія игрушки сколь скучныя, столь отвратительныя; маскарады и смѣшныя украшенія всякаго рода, всякія нелѣпости, съ вопросами и отвѣтами имъ подобными».

Начальникъ: По прямому разсудку, какъ вы объ этомъ рѣшите?

Отвѣтъ: Это скаредно.

Начальникъ: Продолжайте.

Принимаемый читаетъ: «Злоупотребленіе увѣреній и общавій и проч. и проч. и о другомъ ничего полезнаго въ себѣ не заключающемъ».

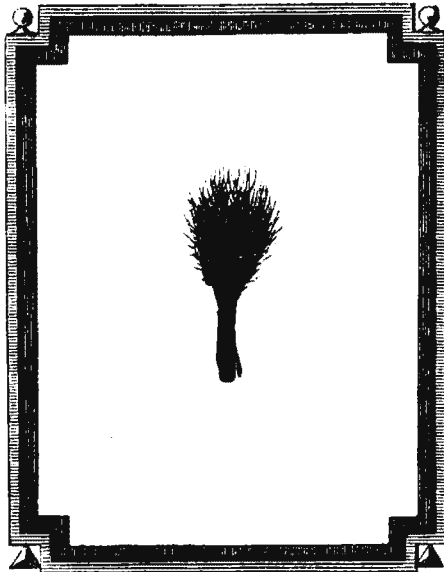
Начальникъ: Вашъ искусь симъ кончился. Что вы думаете сдѣлать съ этими послѣдними писаніями?

Принимаемый: Они тѣмъ же путемъ пойдутъ, который вы мнѣ показали.

Начальникъ: Вы достойны быть принятыми въ наше общество. (Собраніе даетъ свое согласіе рукоплесканіемъ и поздравляетъ новопринятаго).

Начальникъ: Государь мой! наше общество не посылаетъ своихъ денегъ къ чужестранцамъ;—мы дружелюбно и весело вмѣстѣ ужинаемъ; теперь отъ васъ зависитъ число наше умножить; другой разъ вы заплатите вашъ рубль. Если у насъ остаются деньги, мы помогаемъ ими бѣднымъ людямъ, которые съ нами въ одной землѣ живутъ. Не забывайте никогда, что человѣческій здравый разсудокъ препятствуетъ видѣть мечтанія, а разумъ — вдаваться въ небылицы.

Послѣ сего начальникъ принятому изъясняетъ эмблему.

I.

ЕМБЛЕМА.

Орудіе, коимъ исправляютъ дѣтей.

Сіе орудіе напоминаетъ новопринятому, что всѣ тѣ, кои, не слѣ-

дую по стезямъ здраваго разсудка, совращаются съ пути примаго разума, подобны дѣтямъ.

II.

ЕМБЛЕМА.

Родъ широкой и длинной простыни для качанія, на срединѣ которой написано № 1 и изреченіе:

Non plus ultra.

(Предѣлъ, его же не преjdeши).

Сіе новопривытымъ напоминаетъ, что тотъ, который дозволяетъ себя тѣлеснымъ или душевнымъ образомъ качать, подаетъ худое мнѣніе о своемъ благоразуміи.

III.

ЕМБЛЕМА.

Ротъ зѣвающій.

Сіе значить, что та же сказка, а особливо если она нелѣпа, скучна и безъ вкуса, конечно, произведеть зѣвоту.

По семъ слѣдуетъ катихизисъ.

Начальникъ спрашиваетъ: Въ какую игру дѣти съ завязанными глазами играютъ?

Отвѣтъ: Въ жмурки.

Вопросъ: Одни ли малыя дѣти въ сію игру играютъ?

Отвѣтъ: Малыя и также большіе.

Вопросъ: Надобно ли имѣть завязанные глаза или помраченное зрѣніе, чтобъ видѣть ясное дневное и ночное свѣтило или чтобы приобрѣсти какое человѣческое познаніе?

Отвѣтъ: Какъ для одного, такъ и для другаго нѣтъ ничего лишняго ни въ самыхъ глазахъ, ниже въ разумѣніи человѣческомъ.

Вопросъ: Кто такovy тѣ большіе дѣти, о коихъ вы сказали?

Отвѣтъ: Тѣ, кои, безпрестанно обманывая другихъ, многократно сами въ обманъ вдаются.

Вопросъ: Почему вы называете тѣхъ большими дѣтьми, которые безпрестанно обманываютъ?

Отвѣтъ: Потому, что они, бывши прежде сами игралищемъ другихъ, почитаютъ себя оправданными, играя легковѣрностію прочихъ.

Вопросъ: Для чего же вы называете однимъ именемъ и тѣхъ, кои неоднократно даютъ себя обманывать?

Отвѣтъ: Для того, что они, бывъ уже обмануты, дозволяютъ себя вовлечь пустымъ любопытствомъ въ тѣ же сѣти.

Вопросъ: Какія сказки кормилицы сказываютъ дѣтямъ?

Отвѣтъ: Сказки о домовыхъ дѣдушкахъ и кикимирахъ.

Вопросъ: Забавны ли они или нравоучительны?

Отвѣтъ: Никакъ, они наводятъ лишь зѣвоту, и все тутъ.

Вопросъ: Что дѣлали въ такихъ случаяхъ благоразумныя воспитательницы въ половинѣ осмагонадесять столѣтія?

Отвѣтъ: Они запрещали сказывать сказки о кикимирахъ и прочая.

Вопросъ: Есть ли хотя одинъ изъ человѣковъ, который бы тѣмъ забавлялся?

Отвѣтъ: Ни одного.

Вопросъ: Это слово двоясмысленно, изъяснитесь?

Отвѣтъ: Это тайна.

Вопросъ: Будя вы общали ее хранить, вы хорошо сдѣлаете, если ее не откроете.

Отвѣтъ: Я не общалъ молчать о тайнѣ, которая подобна театральной, о которой всякъ другъ другу на ухо шепчетъ. Впрочемъ, тайна сія пространно и обстоятельно во многихъ книгахъ напечатана.

Вопросъ: Что противу полагается общему разумку и правиламъ прямого разсужденія?

Отвѣтъ: Химеры, привидѣнія и изступленія.

Вопросъ: Что противуполагается строгой точности?

Отвѣтъ: Пустыя и неясныя слова.

Вопросъ: Что такое есть, которое легко приводитъ къ ложнымъ разсужденіямъ?

Отвѣтъ: Двоезнаменательныя рѣчи и злоупотребленія звучныхъ словъ и выраженій.

Вопросъ: Что такое есть, которое въ просторѣчїи называется обезьянствомъ?

Отвѣтъ: Не обычайныя и странныя тѣлодвиженія.

Послѣ сего начальникъ говорить и собраніе повторяетъ: *Dignus es intrare in nostram societatem!* (Достоинъ внѣсти въ наше общество).

II.

Перепечатывая выше интересную брошюрку, сообщенную намъ В. М. Юзефовичемъ, мы обратились къ историку Екатерины II — бывш. профес. В. А. Бильбасову съ просьбою сообщить на стр. «Русской Старины» свое заключеніе по поводу этой «Тайны», Василий Алексѣевичъ весьма обязательно, на другой же день, сообщили намъ ниже помѣщаемую по сему предмету весьма интересную замѣтку.

Ред.

„Тайна“ есть буквальная перепечатка небольшой брошюры въ 24 долю листа, въ 26 печатныхъ страничекъ, неизвѣстно кѣмъ составленной и неизвѣстно когда изданной; нѣкоторые приписываютъ ее императрицѣ Екатеринѣ II, но это предположеніе требуетъ еще доказательствъ. Съ своей стороны, я полагаю прежде, думаю и теперь, что „Тайна“ вовсе не принадлежитъ перу Екатерины, и вотъ соображенія, приведшія меня къ такому заключенію.

Въ 1850 году, въ 3-мъ томѣ „Сочиненій Екатерины II-й“, изд. Смирдина, явилась первая перепечатка „Тайны“, причемъ, конечно, издатель не приводитъ доказательствъ въ пользу авторства Екатерины; въ 1867 году, М. Н. Лонгиновъ категорически говоритъ, что Екатерина написала „Тайну“ по поводу высылки изъ Россіи Калиостро (Новиковъ и москов. мартинисты, стр. 134), причемъ Лонгиновъ упоминаетъ Сопикова, Смирдина, Полторацкаго, изъ которыхъ ни одинъ не занимался вопросомъ: дѣйствительно-ли „Тайна“ написана Екатериною?

При всемъ довѣрїи къ авторитету Лонгинова, какъ библиографа, можно совершенно положительно доказать, что „Тайна“ написана не по поводу высылки Калиостро изъ Россіи.

Екатерина не любила Калиостро, считала его негодяемъ, называла его шарлатаномъ и ни отъ кого не скрывала своего отвращенія къ нему и къ его продѣлкамъ. Въ своихъ письмахъ къ различнымъ лицамъ она девять разъ упоминаетъ о Калиостро и вполне откровенно высказываетъ свой взглядъ на него ¹⁾.

¹⁾ Mategard, Zimmermanns Verhältnisse mit der Kayserin Catharina II, 324, 353; переписка Циммермана, 44; Смирдинъ, III, 442, 449; Сборникъ русск. ист. общ.—ва, XXIII, 212, 329, 362, 366, 375, 378; XXVII, 360; Русск. Архивъ, 1878, III, 68, 119, 125.

Но и этого ей было мало: отложивъ въ сторону скиптръ, она беретъ перо и пишетъ комедію „Обманщикъ“, въ которой осмѣиваетъ Калиостро подъ именемъ Калифальжерстона. Это всѣ поняли, да этого не скрывала и сама Екатерина; напротивъ, въ письмѣ къ д-ру Циммерману она прямо говоритъ: *Il faut que je vous dise qu'il vient de paraître deux comédies russes, l'une a pour titre le Trompeur et l'autre les Trompés, la première représente Cagliostro au naturel et l'autre ses dupes*¹⁾. Но нигдѣ и никогда Екатерина не говоритъ о Тайнѣ, хотя письмо Гримма, сообщавшаго о похвальбѣ Калиостро „милостями“ русской императрицы, такъ разсердило Екатерину, что она разразилась длиннымъ, рѣзкимъ и прелестнымъ письмомъ, въ которомъ не щадитъ ни Калиостро, ни тѣхъ, которые имѣли слабость относиться къ нему съ снисхожденіемъ, не говоря уже съ довѣріемъ. Это письмо помѣчено 9 іюля 1781 года, когда уже „Тайна“ давно продавалась, по 30 коп. Удержалась-ли бы Екатерина назвать „Тайну“ Гримму, какъ назвала „Обманщика“ Циммерману, еслибъ „Тайна“ была написана ею и именно по поводу высылки Калиостро изъ Россіи? Конечно, нѣтъ. Не забудьте, что въ письмѣ именно говорится о высылкѣ Калиостро въ кибиткѣ, въ сопровожденіи стараго инвалида, вмѣсто „почетнаго конвоя“, которымъ хвалился Калиостро. Нѣтъ, не по поводу высылки написана „Тайна“.

Мало того: „Тайна“ написана не Екатериною. Не будемъ говорить о слогѣ, о манерѣ проводить свою мысль въ діалогической формѣ, о рельефности репликъ—это значило бы зачинать безконечные споры, но обращаю вниманіе на слѣдующее обстоятельство: читая „Обманщика“, вы встрѣчаете тѣ же взгляды, перѣдко тѣ же выраженія, которыя вы читали уже въ указанныхъ мною

¹⁾ Magerand, 324. Это знали многіе. Берлинскій издатель Фридрихъ Николаи, исполнившій многія порученія Екатерины, прямо говоритъ: *Wenn es eines Beweises bedürfte, dass Katharina die Grosse eine erklärte Feindin der Schwärmerey ist, so könnten zwei Lustspiele von Ihrer Meisterhand: Der Betrüger und der Verblendete davon zeugen. In dem ersten ist Cagliostro unter den Namen Kalifalksherston nach dem Leben geschildert (Nachricht von Cagliostro Aufenthalte in Mitau, Berlin, 1787, XIII). Неужели можно допустить, что в Фр. Николаи, издатель соч. Екатерины въ нѣмецкомъ переводѣ, не зналъ въ 1787 г. о «Das entdeckte Geheimniß», появившейся еще въ 1781 году? В. В.*

выше письмахъ Екатерины о Калиостро, между тѣмъ ни единого намека на „Тайну“ ни въ письмахъ, ни въ комедіяхъ.

Вотъ тѣ соображенія, по которымъ я позволяю себѣ сдѣлать слѣдующій, согласитесь, довольно осторожный выводъ: въ настоящее время нельзя съ увѣренностью сказать, что авторомъ „Тайны противонелѣпаго общества“ была Екатерина.

Неизвѣстенъ авторъ „Тайны“, извѣстенъ-ли годъ ея изданія?

Въ Императорской публичной библиотекѣ хранится экземпляръ „Тайны“, брошюрки довольно рѣдкой. На брошюркѣ не помѣчено мѣсто печати, не указана типографія, но ясно обозначенъ годъ: 1759. Говорятъ, годъ обозначенъ завѣдомо ложно; это очень возможно: въ прошломъ вѣкѣ къ этому часто прибѣгали. Но если брошюрка напечатана не въ 1759-мъ году, то въ которомъ же? Говорятъ, что „Тайна“ напечатана въ Петербургѣ и именно въ 1780-мъ году, потому что первая публикація о выходѣ этой книжки появилась въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ въ 1780 году (Лонгиновъ, 134), и именно въ „Приложеніи“ къ № 7-му газеты. Какая же это публикація и о чемъ? Привожу вамъ ее дословно:

„Противъ Казанской церькви, въ лейбкучеровомъ домѣ, у Вейтбрехта продается книга: «Le secret de la societé antiabsurde, dévoilé par quelqu'un qui n'en est pas. A Cologne». 1758. 30 коп.“ (стр. 66-я).

Какимъ же образомъ публикація о продажѣ французскаго оригинала можетъ опредѣлять годъ изданія русскаго перевода? Это очевидное недоразумѣніе.

Остановившись на такомъ, по меньшей мѣрѣ, шаткомъ доказательствъ выхода „Тайны“ въ 1780 году, Лонгиновъ прибавляетъ, что это совпадаетъ именно съ эпохою высылки Калиостро, подавшей поводъ къ сочиненію „Тайны“. Это-то именно и является вторымъ недоразумѣніемъ.

Какъ извѣстно, „С.-Петербургскія Вѣдомости“ выходили тогда два раза въ недѣлю, по вторникамъ и пятницамъ; № 7-й газеты появился въ пятницу, 24-го января 1780 года, когда Калиостро былъ еще въ Петербургѣ, который онъ покинулъ только въ апрѣлѣ. Слѣдовательно, никакъ нельзя сказать, что высылка

Калиостро служила поводомъ къ составленію брошюры, писанной за нѣсколько мѣсяцевъ до его высылки ¹⁾. Кажется, ясно.

Не хочу злоупотреблять терпѣніемъ читателя и опускаю другія соображенія, основанныя на розысканіяхъ Макарова („Репертуаръ“ за 1844 г.), Лонгинова („Молва“ за 1857 г.) и другихъ до самоновѣйшихъ вѣлчително; сознаюсь только въ одномъ: перечитывая сегодня по поводу „Тайны“ главу, которая написана два года назадъ и которая появится въ свѣтъ не ранѣе какъ черезъ два года, я не призналъ возможнымъ измѣнить свой взглядъ на это сочиненіе.

Конечно, „Тайну“ слѣдуетъ напечатать—кто же пойдетъ рыться въ смирдинское изданіе, въ которомъ, къ тому же, рисунки подновлены и искалѣчены, между тѣмъ какъ „Русская Старина“ передаетъ ихъ съ фотографическою точностію.

В. А. Вильбасовъ.

14 февр. 1890 г.

---

¹⁾ Геннади указываетъ, что французскій оригиналъ и нѣмецкій его переводъ появились въ одинъ и тотъ же годъ; едва ли это указаніе вѣрно: французскій оригиналъ несомнѣнно появился ранѣе—въ 1780 году онъ уже продавался, между тѣмъ какъ Heinsius (Bücher-Lexicon, 1793, II, 84) и Kayser (Bücher-Lexicon, 1834, III, 117) отмѣтили: *Das entdeckte Geheimniss der anti-absurden Gesellschaft durch Jemand der kein Mitglied davon ist. Petersburg, 1781. Не въ 1781-мъ ли году появилась и русская «Тайна»?* В. В.

ВАЛДАЙСКАЯ СТАРИНА.

(Свѣдѣнія извлечены изъ дѣлъ архива Валдайскаго уѣднаго суда)

1777—1797.

Сопоставленіе судопроизводства прошедшаго столѣтія съ нынѣшнимъ въ самыхъ яркихъ чертахъ выясняетъ недостатки перваго, правдивость и человѣчность настоящаго.

Каждый вѣкъ бьетъ свою монету, говоритъ пословица,—такъ изъ многихъ дѣлъ XVIII-го вѣка, сохранившихся въ архивѣ Валдайскаго уѣднаго суда, разобранныхъ мною, можно себѣ составить довольно живое представленіе о провинціальномъ бытѣ русскаго общества и народа за сто лѣтъ до нашего времени.

При извлеченіи содержанія изъ дѣлъ, я придерживался конструкции и самыхъ выраженій дѣловыхъ бумагъ, чтобы сохранить интересъ старины. Нѣкоторыя изъ дѣлъ я сопровождаю своими замѣтками, причѣмъ указываю на характеристическую черту, суть и интересъ дѣла для настоящаго времени.

Э. Э. Пардалодзіѣ.

25 апрѣля 1877 г.

1777 г. ¹⁾.

Валдайскій уѣдныи судъ ²⁾, во исполненіе высочайшаго указа отъ 24-го августа 1776 г., открытъ генераль-маіоромъ, правителемъ новгородскаго намѣстничества, Францемъ Николаевичемъ Клячкой, 15-го января 1777 г. Намѣстникомъ въ это время тверскимъ, новгородскимъ и псковскимъ былъ Яковъ Ефимовичъ Сиверсъ. Предъ открытіемъ суда, въ Троицкомъ соборѣ совершена была божественная

¹⁾ Дѣло № 1.

²⁾ Валдайскій уѣдныи судъ существовалъ 90 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ.

литургія и прочтенъ высочайшій манифестъ объ учрежденіи новгородскаго намѣстничества, а въ самомъ зданіи, назначенномъ для суда, совершенно съ водосвятиемъ молебное пѣніе, сопровождаемое прочтеніемъ слѣдующихъ статей изъ учрежденія, высочайше утвержденнаго объ управленіи губерній.

Ст. 18. Въ каждомъ уѣздѣ или округѣ учреждается уѣздный или окружный судъ.

Ст. 19. Въ уѣздномъ или окружномъ судѣ засѣдаютъ уѣздный или окружный судья и два засѣдателя.

По выбору благороднаго дворянства, опредѣлены уѣзднымъ судьей подполковникъ С. М. Кемецкій, дворянскимъ засѣдателемъ первымъ капитанъ А. Н. Кемецкій-Маланымъ, вторымъ.—подпоручикъ А. Н. Лупанзинъ.

1780 г. ¹⁾.

Крестьянинъ ²⁾ погоста Велья, деревни Духовщины, В. А., наказанный за воровство и побѣги 25 ударами кнутомъ, съ дороги въ Сибирь бѣжалъ и скрывался нѣсколько лѣтъ въ разныхъ мѣстахъ, въ томъ числѣ четыре года за границею. Услыша о всемиростивѣйшемъ манифестѣ императрицы Екатерины II, дозволяющемъ приписываться бѣглымъ къ разнымъ обществамъ, возвратился изъ-за границы и пожелалъ приписаться въ казенные крестьяне Старорусскаго уѣзда, при чемъ и былъ арестованъ, какъ ссыльный. Закованный въ ручные и ножные кандалы, подъ крѣпчайшимъ карауломъ препровожденъ въ валдайскій уѣздный судъ и снѣмъ къ городничему. Не смотря на то, что съ 3-го іюля арестантъ А. содержался подъ стражею, съ наложенною на шею цѣпью со стуломъ, съ замкнутыми и заклепанными на-глухо на немъ кандалами, 14-го августа онъ бѣжалъ. 8-го сентября, крестьянинъ А., извѣстный воръ и бѣглець, въ деревнѣ Пестовѣ, во время ярмарки убитъ; голова у него проломлена, носъ перебитъ, ноги въ колѣняхъ перебиты. Мертвое тѣло при исправникѣ опущено въ землю. Виновныхъ же въ убійствѣ А., за множествомъ разнаго рода людей, бывшихъ на ярмаркѣ, не оказалось.

* *
*

¹⁾ Дѣла по описи №№ 36 и 37.

²⁾ Въ этомъ дѣлѣ рѣдко выдаются два случая: бѣгство закованнаго арестанта при караульномъ и неотысканіе виновниковъ убійства единственно по стеченію большаго числа народу на ярмаркѣ, что даетъ понятіе о дѣятеляхъ полицейскихъ того времени не въ пользу ихъ. Е. П.

Валдайскій ¹⁾ городничій, секундъ-майоръ Ф. Фодоровъ, былъ приговоренъ валдайскимъ уѣзднымъ судомъ, за разные протвизаконные поступки, съ лишеніемъ всѣхъ чиновъ, на галеры. Рѣшеніе это палата уголовного суда нашла неправильнымъ: 1) Хотя городничій Фодоровъ несправедливо донесъ новгородскому намѣстничеству, будто бы оказавшаяся съ сапомъ лошадь, проданная имъ за 20 руб., за негодностію была устрѣлена, но за ложное донесеніе Фодоровъ былъ уже оштрафованъ въ 50 р., и сверхъ того, на покупку лошади удержано въ казну изъ жалованья Фодорова 20 р. 2) За самовольную отлучку въ Новгородъ Фодоровъ отрѣшенъ былъ отъ должности, и слѣдовательно, за одно и то же преступленіе вторичнаго наказанія налагать не слѣдуетъ. 3) Англійскій подданный Уривальди жаловался, что городничій Фодоровъ, взявъ прикащика его, Гута, за куреніе на улицѣ изъ трубки табаку въ полицію, содержалъ его тамъ 6 часовъ и принудилъ подарить имперіалъ въ 5 рублей и ту трубку, съ подпискою, что трубка была продана ему, городничему, за 12 р. Фодоровъ въ взведенныхъ на него уликахъ не признался, только подтвердилъ, что, 23-го іюня 1780 г., увидѣвъ, во время объѣзда города, незнакомаго курящаго трубку, послалъ къ нему вѣстового, изъ опасенія пожара, съ приказаніемъ перестать курить. Чрезъ нѣсколько времени вѣстовой принесъ трубку, и ему же было приказано отыскать незнакомца для возвращенія трубки. Вскорѣ явился владѣтель трубки, прикащикъ англійскаго подданнаго Гуть, коему и велѣно подождать посланнаго за нимъ вѣстового и взять у него трубку, но истецъ сразу ушелъ, и трубка была передана вновь опредѣленному городничему Штрауху, для возвращенія по принадлежности. Полицейскій смотритель, драгунъ Петриковъ, показалъ, что онъ, по приказанію городничаго, отобралъ трубку, и что, по приводѣ Гута въ полицію сержантомъ Шебановымъ, первый былъ продержанъ тутъ часовъ шесть.

Копицъ Суворовъ показалъ, что прикащикъ Гуть былъ посаженъ въ полицію, по приказанію городничаго, и что онъ велѣлъ ему, Суворову, объявить Гуть: «доколѣ не подаритъ трубки, не будетъ выпущенъ». Гуть при этихъ словахъ сказалъ, что онъ подарилъ уже городничему имперіалъ въ 5 р., а трубки не отдастъ. Впрочемъ,

¹⁾ Дѣло это, съ одной стороны, обрисовываетъ характеристику лицъ, занимавшихъ въ былое время должности городничихъ,—лицъ, не чуждыхъ корыстолюбія,—отношенія ихъ слишкомъ деспотическія къ своимъ подчиненнымъ. Съ другой—наводитъ на мысль, что и въ тѣ времена болѣе суровыхъ отношеній другъ къ другу—находились лица, руководившія чувствомъ справедливаго состраданія къ обвиняемому.

когда Суворовымъ была написана росписка въ продажѣ трубки за 12 р., Гуть согласился уступить ее, подписался въ полученіи денегъ и былъ выпущенъ. Палата уголовного суда не признала свидѣтельскихъ показаній достаточными къ обвиненію городничаго, за спросомъ свидѣтелей безъ присяги. На основаніи воинскихъ процессовъ 2-й части, главы 3-й, по 7-му пункту: «Свидѣтелю, который присяги не учинилъ, вѣрять не можно, хотя бы оный архіепископъ былъ». Къ тому же городничій отводитъ сторожа касательно лошади, подъ предлогомъ озлобленія на него за то, что за пьянство часто былъ наказываемъ палками и удаляемъ отъ сторожевской должности. Тому же озлобленію приписываетъ городничій и показаніе кописта Суворова, подвергавшагося за пьянство, нераченіе къ должности, за пристрастіе къ азартнымъ играмъ въ карты и зернь ¹⁾ до проигрыша послѣдней рубашки, содержанію въ желѣзахъ и ночной колодѣ и запрещенію, чтобы никто ничего въ городѣ въ долгъ ему не вѣрилъ. Драгуиъ-же Петриковъ въ собственномъ дѣлѣ свидѣтелемъ быть не можетъ, такъ какъ трубку отобралъ онъ самовольно и, опасаясь подвергнуться наказанію, всю вину слагаетъ на городничаго.

Четвертую вину городничаго въ отдачѣ подъ росписку судѣ Кемецкому на краткое время въ квартиру арестанта цыгана Иванова для справки, дѣйствительно ли онъ записанъ за Кемецкимъ, откуда цыганъ в бѣжалъ, отнести надобно не къ корыстолюбивымъ видамъ, а къ ошлошности.

Имѣя въ виду 19-ти-лѣтнюю военную службу Федорова и нахождение въ сраженіяхъ, долгое пребываніе подъ судомъ, съ удаленіемъ отъ должности и неполученіемъ жалованья, палата уголовного суда отиѣнила рѣшеніе уѣзднаго суда, опредѣливъ, чтобы Федоровъ не былъ назначаемъ къ должности городничаго, и чтобы всѣ усилія употребилъ къ отысканію цыгана ²⁾. Уѣздному суду сдѣлать замѣчаніе, чтобы болѣе входилъ въ положеніе виновныхъ при назначеніи имъ наказаній, сообразуясь съ законами и вникая въ каждое обстоятельство.

1781 г. ³⁾.

Подъ этимъ № ⁴⁾ находится дѣло объ оскорбленіи чести валдай-

¹⁾ Игра въ кости. Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный 2-мъ отдѣленіемъ академіи наукъ 1867 г. Второе изданіе.

²⁾ Замѣчательно, что на уволеннаго отъ должности городничаго Федорова возложена обязанность отыскивать бѣжавшаго цыгана.

³⁾ Дѣло подъ № 10.

⁴⁾ Здѣсь обнаруживаются разнаго рода злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ. Судится деспотъ помѣщикъ.

скимъ помѣщикомъ, прапорщикомъ княземъ Давидовымъ, малолѣтнихъ крестьянскихъ дѣвушекъ и принужденіи крестьянскихъ женъ изъ его вотчины имѣть преступную связь съ мѣщаниномъ Якунинимъ и дворовымъ Стахеевымъ, такъ что одну изъ нихъ, за отказъ имѣть связь съ Якунинимъ, князь самъ билъ плетью и потомъ велѣлъ бить палками. Послѣ этого крестьянка уступила насильственнымъ требованіямъ. Мѣщанинъ Якунинъ за преступленіе былъ наказанъ 75 ударами кнутомъ и отосланъ на Двѣпровскую линію вѣчно. Дѣло же, касающееся князя Давидова и его двороваго, отослано въ 1-й департаментъ верхняго суда, съ присланнымъ нарочно курьеромъ, куда препровожденъ и дворовый. Въ архивѣ находится до 6-ти дѣлъ, обрисовывающихъ деспотическую, разгульную жизнь князя Давидова. Народное преданіе говоритъ, что съ княземъ всегда ѣздилъ дворовый,—его любимецъ и довѣренный, съ плетью, отъ которой доставалось не мало не только крестьянамъ, но и лицамъ другихъ сословій, особенно при встрѣчѣ дорогой. Впослѣдствіи времени князь вытребованъ былъ въ С.-Петербургъ и не возвращался. Молва проходила, что, по осужденіи, онъ сосланъ въ одну изъ дальнихъ губерній на жительство.

* *

Изъ дѣла № 11 видно, что въ деревняхъ Давидовщинѣ и Дубровкѣ Крестецкаго уѣзда проживали приписавшимися польскіе выходцы, которые бѣглаго двороваго г. Балкашина съ женою и дворовою дѣвкою брались за 30 р. проводить въ Польшу.

* *

Священникъ ¹⁾ выставки Кемець, Ермолай Емельяновъ, жаловался на секундъ-майора Никифора Стромилова въ томъ, что онъ, схвативъ его за волоса, притащилъ къ полѣяницѣ дровъ и полѣномъ билъ смертельно по головѣ и другимъ членамъ тѣла. Вырвавшись изъ рукъ, священникъ успѣлъ скрыться въ домъ крестьянина, откуда вслѣдствіе угрозъ помѣщика избить его до смерти, выскочилъ въ окно и весь разбитый кое-какъ дотащился онъ до лѣсу и пролежалъ тамъ часа три въ безпамятствѣ. Помѣщикъ Стромилловъ, отстраняя свидѣтелей, показывааетъ, что священникъ въ пьяномъ видѣ называлъ его воромъ, пьяницей и другими позорными именами. Выскочилъ же онъ изъ окна подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, внавь чрезъ пьянство въ сѣумасшествіе. Дѣло кончилось мировой.

¹⁾ Характеризуетъ бытъ, свойства лицъ былаго времени.

1783 г.

Валдайскій ¹⁾ помѣщикъ подполковникъ Кемецкій просилъ о выдачѣ узаконеннаго вида принятому имъ къ себѣ въ услуженіе, въ городѣ Заславль, во время турецкой кампаніи въ 1769 г., польскому выходцу Иванову, съ женою польскаго происхожденія. Онъ былъ вывезенъ въ малолѣтствѣ изъ мѣстечка Круглово поручикомъ Былинкомъ. Такъ какъ высочайшимъ повелѣніемъ 1766 г. всѣмъ иностранцамъ дозволенъ добровольный въѣздъ въ Россію на жительство, и всѣ выходящіе изъ Польши, хотя бы безъ письменнаго вида, безъ всякихъ разспросовъ могутъ быть допускаемы для поселенія, то просьба Кемецкаго уважена. Въ случаѣ, если выдающій себя за иностранца окажется бѣглымъ крестьяниномъ русскаго помѣщика, то такового препроводить къ нему.

* *

Крестьяне помѣщиковъ Стогова и Водовскаго ²⁾, прѣхавъ на спорную пустошь Милѣво, владѣемую обще съ помѣщикомъ Бровцынымъ, обобрали выкошенное сѣно на 8-ми возахъ. Когда же дворовый Бровцына съ сыномъ своимъ хотѣлъ воспрепятствовать этому, то они били дубьемъ смертельно двороваго и также случившихся здѣсь жену Бровцына и тещу, приговаривая, что они ихъ бьютъ по приказанію господъ своихъ. Находившаяся при этомъ жена Водовскаго бить не запрещала. Водовская, напротивъ, заявила, что помѣщица Бровцына, съ двумя крестьянами своими, съ топорами въ рукахъ, набѣжала на крестьянъ ея, возившихъ сѣно съ пустоши, изъ коихъ одному, Максиму, нанесла топоромъ рану въ голову, отъ чего онъ лежитъ при смерти. Равнымъ образомъ, крестьянамъ своимъ помѣщица Бровцына приказывала рубить крестьянъ Водовской до смерти. Просьба была подана помѣщикомъ Бровцынымъ и, за недостаткомъ свидѣтельскихъ показаній, оставлена безъ послѣдствій.

* *

Въ дѣлѣ подъ № 60 прапорщика Гусева отыскиваетъ удовлетвореніе за бѣжавшую крѣпостную дѣвку свою, которая священникомъ Рабежской пустыни Поликарпомъ Ивановымъ повѣнчана за солдата валдайской штатной команды, безъ присутствія при этомъ церковнаго причта и постороннихъ. Какомузысканію подвергся, свя-

¹⁾ Дѣло подъ № 13. Указаніе, что и въ Валдайскомъ уѣздѣ находились нераселенцы изъ Польши.

²⁾ Дѣло № 16, характеризуетъ бытъ помѣщиковъ стараго времени.

щевникъ изъ дѣла не видно, такъ какъ судъ надъ нимъ предоставленъ духовному начальству.

* * *

Дѣло подь № 79 объясняетъ, что присяжный валдайскаго уѣзнаго казначейства сержантъ Яцкеевъ снялъ въ квартирѣ канцеляриста Бегешова съ образа серебряную ризу съ вызолоченнымъ вѣнцомъ. Въ бытность въ С.-Петербургѣ продалъ генералу Шкурину двухъ бѣглыхъ, съ ихъ согласія, за 300 р., выдавъ себя за отставнаго капитана-помѣщика Симбирскаго уѣзда Зуева, а ихъ за своихъ крѣпостныхъ, на что была совершена и купчая законнымъ порядкомъ. Рѣшеніе по этому дѣлу неизвѣстно.

1784 г.

Открыта валдайская управа благочинія.

Изъ дѣла подь № 74 видно, что взысканныя съ бригадира Аничкова, по рѣшенію новгородскихъ верхней ратуши и земскаго суда за неправый споръ о пустошѣ съ крестьянами, деньги отправлены въ валдайское уѣздное казначейство на содержаніе школъ ¹⁾.

1785 г.

Крестьянинъ г. Образцовой, Ермолаевъ, бѣжалъ въ Польшу, гдѣ съ полгода жилъ близъ города Невелы, въ Трихаливскомъ приходѣ, въ деревнѣ Назаровкѣ, а потомъ въ мѣстечкѣ Бетенковичи, вотчинѣ пана Агинскаго. Здѣсь онъ познакомился съ бѣглою женою Денисовой и, по общему согласію, женился на ней, будучи повѣнчанъ въ церкви Св. Николая Чудотворца священникомъ Иваномъ. Съ женою своею Ермолаевъ прижилъ дѣтей. Впослѣдствіи онъ жилъ скотникомъ въ Духовскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи, у помѣщика Олешмы. Не желая по ревизіи записаться въ его крестьяне, за что былъ наказанъ помѣщикомъ плетью, бросилъ жену свою и явился къ прежней владѣльцѣ.

* * *

Въ майской трети за 1786 годъ ²⁾ выдано желованья, за вычетомъ на госпиталь по копѣйкѣ съ рубля.

¹⁾ Правительственная мѣра къ поддержанію народныхъ училищъ, возобновленныхъ въ 1868 и 1869 годахъ. Штрафныя деньги за неправильную продажу пшій въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отсылались въ училищныя совѣты для той же цѣли.

²⁾ Счетъ ведется на ассигнаціи. Вычетъ, прекращенный въ настоящее время. Не смотря на такой ограниченный окладъ жалованья, служащіе въ

Уѣздному судѣ	99 р.	
Двумъ засѣдателямъ, каждому по	82	49 ¹ / ₉ к.
Секретарю	65	99 ¹ / ₄
Двумъ канцеляристамъ, каждому по	13	19 ³ / ₄
Переpletчику .	7	92
Сторожу.	5	94

1786 г.

Дворянскій засѣдатель ¹⁾ валдайскаго нижняго земскаго суда Мозовскій, подалъ жалобу о томъ, что въ его квартирѣ соляной приставъ, секундъ-маюръ Кондратьевъ, въ присутствіи городничаго капитана Дуландина, стряпчаго и почтмейстера, схвативъ стулъ, разбилъ въ мелкія части и билъ его, Мозовскаго, по щекамъ кулакомъ, отчего онъ принужденъ былъ выслать Кондратьева вонъ изъ квартиры. И тѣми побоями и ругательствами Мозовскій изувѣченъ и обезчещенъ безвинно. Казенной соляной приставъ Кондратьевъ, съ своей стороны, напротивъ, подалъ жалобу, что Мозовскій въ квартирѣ городничаго просилъ и его, 5-го марта, вмѣстѣ съ стряпчимъ и почтмейстеромъ къ себѣ въ гости. Но приходъ въ гости, Мозовскій началъ къ нему придираться и обзывать неприличными прозвищами. Изъ опасенія подвергнуться большимъ оскорбленіямъ, Кондратьевъ, оставивъ на смущечномъ крымскомъ мѣху шубу, цѣною въ 40 руб., часу въ 10 вечера отправился тихонько домой. Вскорѣ выскочилъ изъ воротъ дворовый Мозовскаго, съ четырьмя другими, за темнотою имъ неузнанными, были ли то гости или какія постороннія лица, изъ коихъ одинъ ударилъ его желѣзнымъ кистенемъ раза три. Отъ ударовъ онъ упалъ и битъ былъ безчеловѣчно. Помощи на крикъ изъ квартиры Мозовскаго не могъ онъ дожидаться, куда и скрылись всѣ лица, преслѣдовавшія его. Едва-едва дотащился онъ домой и лежитъ больной. Посланному за шубой объявили, что таковой въ квартирѣ онъ не оставлялъ и по причинѣ будто бы сильнаго оуныанія отправленъ домой на лошади съ лакеемъ Мозовскаго.

Вскорѣ, въ мартѣ же мѣсяцѣ, отъ Кондратьева и Мозовскаго поступило мировое прошеніе, что они полюбовно примирились, ни гдѣ

канцелярїи, нерѣдко женатые, имѣли возможность жить безбѣдно, частію по дешовизнѣ сѣстныхъ припасовъ, частію отъ полученія постороннихъ доходовъ.

¹⁾ Дѣло № 11, хорошо характеризуетъ бытъ должностныхъ лицъ того времени, стоящихъ на высшихъ ступеняхъ въ уѣздномъ городѣ, служебную дѣятельность ихъ, образъ жизни, удовольствія и отношенія другъ къ другу.

Е. П.

не будутъ бить челомъ другъ на друга и нигдѣ не искать. Такимъ образомъ, прошеніямъ ихъ и не дано ходу.

* *

Надворный совѣтникъ ¹⁾, Фаддей Аничковъ, во время проѣзда въ городѣ по шоссе, шагомъ, въ коляскѣ на тройкѣ лошадей, съ засѣдателемъ уѣзднаго суда Мельницкимъ и стряпчимъ Корьевымъ, смаялъ малолѣтнюю дѣвочку, отъ чего она и умерла. По слѣдствію открылось, что дѣвочка по глупости подбѣжала подъ лошадей, которыя ее и ушибли. Уѣздный судъ рѣшилъ: «Какъ тотъ несчастный случай послѣдовалъ неумышленно, а единственно по набѣгу означенной дѣвочки изъ-за глупости подъ лошадей, и для того кучера—дворагого человѣка помѣщика Аничкова, по смыслу уложенія 22 главы пункта 18, безъ всякаго наказанія отдать въ вотчину, а въ управу благочинія сообщить объ объявленіи обывателямъ города, чтобъ на большую дорогу шоссе маленькихъ ребятъ безъ присмотра не пускали».

* *

Изъ дѣла подъ № 47 ²⁾, видно что для судоговоренія въ валдайскій магистратъ, по дѣлу о захваченныхъ мѣщаниномъ Матюшкинымъ у мѣщанина Шарвина, изъ уѣзднаго суда былъ уволенъ канцеляристъ Суворовъ.

* *

Въ дѣлѣ № 35 сохранился отзывъ судьи Мартынова, замѣчательный по обороту рѣчи. Мартыновъ, отстраняя себя отъ выговора новгородскаго намѣстничьяго правленія за неправое рѣшеніе дѣла, между прочимъ, такъ выразился, что онъ «въ сей судъ пришелъ не въ своемъ образѣ, а въ образѣ бывшаго въ нижней расправѣ расправнаго судьи Ахматова, потому что рѣшеніе было учинено не имъ, а предъявленнымъ Ахматовымъ».

* *

Копиистъ ³⁾ валдайскаго духовнаго правленія Петровъ, за болѣзнію

¹⁾ Дѣло № 25.

²⁾ Судоговореніе, какъ основа нынѣшняго гласнаго суда. Суворовъ, секретарь уѣзднаго суда, фамилія предковъ его встрѣчается сряду по открытіи уѣзднаго суда на должности капитана, извѣстный своею опытностію въ судопроизводствѣ, по случаю убійства въ селѣ Грузинѣ домоправительницы графа Аракчеева, Настасьи Шуйской, былъ вызванъ для участія при производствѣ слѣдствія по этому дѣлу.

³⁾ Въ старину, значить, былъ обычай въ городѣ Валдаѣ выносить умершихъ до погребенія въ церкви, гдѣ и совершалось надъ ними псалтирное пѣніе. Обычай этотъ давнымъ давно исчезъ.

отца своего, дьячка Введенской церкви, читавший съ своимъ братомъ, въ ночь съ 27-го мая, псалтирь въ церкви надъ тѣломъ умершаго, былъ заподозренъ въ кражѣ изъ ящика трехъ р. Уѣздный судъ, не находя никакихъ уликъ, оправдалъ его.

1787 ¹⁾.

Копистъ валдайскаго уѣзднаго суда, Петровъ, безъ спросу отлучался 12-го іюля на одинъ день въ лѣсъ для рубки вѣшниковъ. По возвращеніи домой къ отцу своему, настрашенный зятемъ своимъ копистомъ Яковлевымъ, что за отлучку послѣдуетъ строгое взысканіе, на другой день, взявъ дома хлѣбъ, скрылся на подвалокъ погреба. Находясь тамъ, питался хлѣбомъ и сходилъ въ погребъ пить молоко. 16-го числа, дядя его, мѣщанинъ, вызвалъ съ погреба его къ себѣ на ночлегъ и потомъ отвелъ въ уѣздный судъ. Уѣздный судъ, руководясь 13 пункт. указа правительствующаго сената, отъ 31-го іюля 1786 г.: «Кто изъ канцелярскихъ служителей безъ отпуску отъ своего присутственнаго мѣста отлучится изъ города самъ собою болѣе сутокъ, такихъ держать въ канцеляріяхъ подъ карауломъ безвыходно вдвое противъ того, сколько кто въ отлучкѣ будетъ», рѣшилъ: «Кописта Петрова за самовольную изъ города отлучку держать подъ карауломъ скованнаго, на хлѣбѣ и водѣ, двѣ недѣли и подтвердить ему наискрѣпчайше, чтобъ онъ дѣло свое зналъ и вѣрно и правильно отправлялъ, иначе поступлено съ нимъ будетъ по силѣ генеральнаго регламента».

1788 г.

Дворовый человѣкъ валдайскаго казначея, лейтенанта флота Бутенева, Григорьевъ, былъ изобличенъ судомъ въ отравленіи ядомъ его, за что былъ наказанъ 80 ударами кнутомъ и сосланъ въ Сибирь. Купецкая жена Кузнецова, оговоренная въ продажѣ ему мышьяку, и другой дворовый человѣкъ, оговоренный въ участіи въ преступленіи, по слѣдствію оказались невинными и потому отъ суда освобождены.

Примѣчаніе. Уголовное дѣло № 6 и рѣшеніе по нему.

* *
*

¹⁾ Дѣло № 53, характеризуетъ свойства лицъ, стоящихъ на низшихъ должностяхъ въ уѣздномъ судѣ и степень взысканія за неявку въ должности.

Изъ дѣла № 44 видно, что кожевенный заводъ Кротковой, существующій нынѣ, существовалъ и въ 1788 году.

Примѣчаніе. Свѣдѣніе, пригодное для статистики города Валдая.

* *

Жена секретаря нижняго земскаго суда, Самсонова, жаловалась на валдайскаго виннаго пристава Сарафанчикова, что онъ обезчестилъ ее, сказавъ ей изъ окна, во время прохода мимо его квартиры, что ее того дня, 26-го іюня, будутъ бить плетью. По слѣдствію подтвердилось, что было сдѣлано оскорбленіе, но дѣло кончилось мировой, съ уплатою Сарафанчиковымъ въ казну узаконенныхъ пошляннъ.

* *

Дѣло № 66 заключаетъ рѣшеніе уѣзднаго суда, за опущенія крестьяниномъ деревни Холопья, Андреевымъ, изъ трехъ арестантовъ, отданныхъ ему подъ караулъ, одного и по случаю потери женою десятикаго Степанова казеннаго пакета, наказать обоихъ батогами ¹⁾).

* *

По жалобѣ архимандрита Иверскаго монастыря, секретарь нижней управы Меншевъ обвиненъ былъ въ порубкѣ дѣсу въ Рябининскомъ острову, принадлежащемъ монастырю, за что съ него взыскано 1 р. 10 к.

1789 г.

№ 22 сообщаетъ свѣдѣніе, что изъ ямщиковъ формировался казачій полкъ.

* *

Гусарь Новгородскаго гусарскаго эскадрона Петровъ и мѣщанка Кузнецова, за кражу въ г. Валдаѣ изъ лавки купца Кузнецова разнаго товару свыше 20 р., приговорены: первый къ наказанію шпицрутенами сквозь строй, а вторая къ нѣсколькимъ ударамъ кнутомъ. № 46 1792 г. сообщаетъ, что палата уголовного суда, за одержимостію Кузнецовой падучей болѣзнію, освободила ее отъ наказанія кнутомъ и присудила на вѣчную ссылку въ Сибирь.

* *

Стряпчій Есауловъ жаловался на канцеляриста уѣзднаго казначейства Антипова, что, при поздравленіи имъ Антипова съ новымъ казначеемъ, тотъ сказалъ, что онъ казначеевъ новыхъ не боится, ибо пережилъ ихъ до четырехъ, а развѣ ему, Есаулову, отойдетъ лафа.

¹⁾ Батогъ—толстый пруть. Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка. Е. П.

Такъ какъ Антоновъ во всемъ этомъ сознался и слова эти были имъ сказаны по простотѣ, не для укора въ корыстолюбіи, то Антоновъ освобожденъ былъ отъ взысканія.

* *

№ 46 даетъ понятіе объ образѣ жизни виновнаго пристава, прапорщика Сарафанникова. Выпивъ чарку водки за 3 к. въ питейномъ домѣ Разыграевскомъ, виновный приставъ и два регистратора, Судаконъ и Суворовъ, съ случившимся тутъ дворовымъ Даниловымъ, отправились въ трактиръ играть на биллардѣ, гдѣ Сарафанниковъ и проигралъ дворовому 2 р. 40 к. На требованіе уплаты денегъ. Сарафанниковъ чистосердечно сознался, что денегъ у него ни при себѣ, ни на квартирѣ нѣтъ. Но Суворовъ, взявъ съ окна шляпу Сарафанникова, отдалъ ее Данилову въ уплату долга, которая, впрочемъ, впоследствии возвращена по принадлежности. Черезъ нѣсколько времени Сарафанниковъ пришелъ въ управу благочинія—мѣсто службы Суворова, безъ шляпы, въ нетрезвомъ видѣ, и, когда Суворовъ началъ высылать его вонъ, Сарафанниковъ сталъ бить Суворова палкою по головѣ, разорвалъ на немъ рубашку и разбилъ два стекла въ управѣ. Уѣздный судъ рѣшилъ: «прапорщикъ Сарафанниковъ и регистраторъ Суворовъ имѣли между собою ссору и чинили другъ другу обиды, но явныхъ въ томъ доказательствъ ни отъ одного не представлено, то объявить имъ, чтобы они, если похотятъ, каждый о претензіи своей, на основаніи состоявшагося прошлаго 1788 г. ноября 5 дня высочайшаго о формѣ суда указа, просили, гдѣ надлежитъ, и вѣдались форменнымъ судомъ».

* *

Изъ дѣла подъ № 63 видно что ассессоръ казенной палаты, Кошевичъ, доносилъ о неоказавшихся у солянаго пристава, въ городѣ Валдаѣ, Глинскаго, 33 куляхъ соли, вѣсомъ въ 218 пудовъ 30 фунтовъ. Глинскій оправдывался тѣмъ, что часть соли продана, въ чемъ и представилъ впоследствии квитанцію во внесеніи въ валдаѣское казначейство денегъ, въ уплату же за остальную часть соли представлено имъ третнее жалованье. Какому взысканію подвергся Глинскій, за представленіемъ дѣла въ намѣстническое правленіе, не извѣстно.

1790 г.

Боровицкій почталіонъ Петровъ изъ дому городничаго похитилъ изъ пакета, приготовленнаго въ отправку въ Москву, 60 р., и изъ нихъ 50 р. проигралъ въ карты. За такое преступленіе Петровъ отданъ былъ въ солдаты, а два почталіона, участвовашіе съ нимъ

въ разгулѣ, примѣрнымъ образомъ наказаны. Поваръ городничаго, обыгравшій Петрова. хотя и возвратилъ деньги, но какъ игра была запрещена высочайшимъ указомъ 1761 г. Юня 16-го (хлюсть), то взыскано съ него пени суточное содержаніе осужденнаго въ смирительный домъ, и до уплаты онъ былъ содержимъ подъ стражею. Писчикъ Юркевичъ, купецъ 3-й гильдіи, принимавшій участіе въ игрѣ по неумышленности, освобожденъ отъ особаго взысканія и только приговоренъ къ уплатѣ остальныхъ 10 рублей, и чтобъ ни къ какимъ письменнымъ дѣламъ не былъ опредѣляемъ.

* *
*

№ 34 сообщаетъ свѣдѣніе, что помѣщица Глинская продала подпоручицѣ Хаостовой крестьянскую дѣвку за 5 рублей. Такая дѣвка при продажѣ крестьянской дѣвки встрѣчается и въ другихъ дѣлахъ.

* *
*

Высочайшимъ указомъ, отъ 24-го декабря 1777 г., повелѣно къ письменнымъ дѣламъ принимать лицъ свободнаго состоянія, не записанныхъ въ подушный окладъ, равно изъ купечества и изъ помѣщичьихъ отпущенныхъ на волю, согласно указу отъ 17-го марта 1776 г. На основаніи сего указа, новгородское намѣстническое правленіе опредѣлило въ уѣздный судъ копистомъ, согласно прошенію, купецкаго сына Николая Столярова. При прошеніи была представлена свидѣтельство валдайскаго народнаго училища, отъ 31-го юля 1789 г., и четыре похвальныхъ листа.

«Свидѣтельство. Новгородскаго намѣстничества города Валдая, купца Ивана Столярова сынъ Никита Столяровъ, вступивъ въ валдайское малое народное училище. апрѣля 21-го 1787 г., и обучаясь въ ономъ по 1-е юля 1789 г., привелъ въ совершенство искусство въ чтеніи и правосаніи, приобрѣлъ достаточное познаніе начальныхъ основаній христіанскаго закона и оказалъ изрядные успѣхи въ ариметикѣ. Въ продолженіе же ученія представлялъ себя всегда прилежнымъ и добронравнымъ ученикомъ, почему онъ заслужилъ, Никита Столяровъ, по силѣ 62 ст. устава народныхъ училищъ, при опредѣленіи къ мѣсту быть предпочитаему другимъ. Въ удостовѣреніе сего, по силѣ 76 ст. вышеупомянутаго устава, ему, Никитѣ Столярову, за подписаніемъ г. директора училищъ и съ приложеніемъ печати приказа общественнаго призрѣнія, сіе свидѣтельство дано въ Новгородѣ, юля 31-го дня 1789 года».

«Отправляющій должность поручика правитель новгородскаго намѣстничества коллежскій совѣтникъ народныхъ Новгородской губерніи школъ директоръ и святаго равноапостольнаго князя Владиміра 3-й степени кавалеръ Василій Приклонскій».

1791 г

№ 50 заключаетъ слѣдствие по жалобѣ купца Ивана Шарвина о наказаніи его городничимъ секундъ-маіоромъ Брыловымъ, по приходѣ въ его квартиру, безъ всякой вины, палками и заключеніи послѣ наказанія подъ стражу. Въ дѣлѣ не сохранилось рѣшенія, но видно, что городничій Брыловъ былъ удаленъ отъ должности впредь до окончанія дѣла по суду.

1792 г.

№ 49 сообщаетъ, что г-жа Шумкова продала г. Бухарину крестьянскую женку за 10 рублей.

1797 г. ¹⁾.

Здѣсь заключается свѣдѣніе о бывшемъ побойщѣ 24-го мая 1754 г. между жителями города Валдая и яма Зимогорья. Послѣ бывшаго въ 1754 г. въ яму Зимогорьѣ пожара, сдѣлано было распоряженіе объ отводѣ подъ постройку для погорѣльцевъ градской земли 43 десятинъ 500 сажень, съ возвращеніемъ такового же количества изъ владѣній Зимогорскихъ. Точнаго размежеванія не успѣли еще произвести, какъ это послужило яблокомъ раздора между жителями города Валдая и Зимогорья и привело къ ожесточенной дракѣ. Собравъ народъ изъ ямовъ Хотилова, Едрова, Пжельбиць, Рахина и другихъ ямскихъ селеній, жители Зимогорья пошли противъ валдайцевъ съ оружіемъ, какое кто могъ имѣть.

Иверскій монастырь, которому принадлежало село Валдай, вступился за жителей и для защиты ихъ собралъ крестьянъ всѣхъ окружныхъ селеній, принадлежащихъ ему, такъ что съ обѣихъ сторонъ, валдайской и зимогорской, собралось до 10,000. Началась междуусобная драка, въ коей Зимогорье дѣйствовало наступательно, а валдайцы оборонительно. Борьба происходила болѣе чѣмъ на кулакахъ, на кольяхъ, молотахъ или, лучше сказать, каждый защищался, чѣмъ могъ. Нѣсколько человѣкъ съ той и другой стороны было убито, нѣсколько ранено.

¹⁾ Дѣло № 37. См. также брошюру: «Бесѣда въ день столѣтія города Валдая, 17-го іюня 1872 г. Валдайскаго Троицкаго совѣта протоіерея М. Михайловскаго. Спб. Въ синодальной типографіи. 1872 г.   Э. П.

Не такъ еще давно, близь дороги изъ Валдая въ село Короцко, по почтовому тракту въ г. Демьянскъ, гдѣ находится ключикъ Демевскій, можно было видѣть два креста, подъ коими были погребены жертвы народнаго озлобленія, на мѣстѣ ихъ убіенія.

Кончилась брань тѣмъ, что десятый изъ зачинщиковъ былъ битъ нещадно кнутомъ, а прочіе прощены всемилостивѣйшимъ манифестомъ, послѣдовавшимъ по случаю вступленія на престолъ императрицы Екатерины II.

Сообщ. **Ө. Ө. Пардалоцкій.**

15-го апрѣля 1877 г.
Г. Валдай.

Примѣчаніе. Очеркъ «Валдайская Старина» **Ө. Ө. Пардалоцкаго**—извѣстнаго нынѣ археолога, почетнаго члена Археологическаго Института,—нѣсколько залежавшаяся въ архивѣ «Русской Старины»,—помѣщается нами какъ образчикъ для членовъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій—образчикъ того, какъ дѣйствительно много интереснаго можно извлечь изъ дѣлъ даже низшаго суда прошлаго столѣтія.

Ред.

КЪ ИСТОРИИ ПУГАЧЕВСКАГО БУНТА.

Въ степи у киргизъ-кайсаковъ

МАРТЪ—1774—ЮНЬ.

Сообщаемые ниже документы относятся ко времени пугачевского бунта (1774 годъ) и заключаютъ въ себѣ нѣкоторые данныя о сношеніяхъ киргизъ-кайсакаго Нурали-хана съ Пугачевымъ, объ участіи въ бунтѣ Пугачева киргизъ-кайсаковъ и дипломатическія сношенія астраханской провинціальной канцеляріи съ Нурали-ханомъ. Первый изъ трехъ отысканныхъ нами документовъ—письмо хана въ провинціальную канцелярію, второй—ранортъ переводчика Тонкачеева, вслѣдствіе секретнаго ордера изъ канцеляріи, о сдѣланныхъ имъ развѣдкахъ у посланцевъ Нурали-хана объ отношеніяхъ хана и киргизъ-кайсаковъ къ Пугачеву и третій—подробный отчетъ посланника провинціальной канцеляріи Мирабаека Ваганова къ Нурали-хану о переговорахъ его съ ханомъ, его людьми и о своемъ путешествіи въ ханскій улусъ.

Документы эти еще не были въ печати, между тѣмъ для историка они имѣютъ несомнѣнный интересъ, особенно послѣдній изъ нихъ; да, по всей вѣроятности, имъ и не пришлось-бы увидать свѣтъ Божій, если-бы не одна простая случайность, какъ это часто бываетъ на Руси и съ болѣе важными документами. Ихъ ожидала скромная участь служить оберточной бумагой въ одной нижегородской мелочной лавочкѣ. Владѣлецъ ихъ, мелочной торговецъ, купившій у старьевщиковъ-татаръ связку старыхъ рукописей, въ числѣ которыхъ находились и эти документы, завертывалъ ими и разсматывалъ по обывателямъ окранны города седелки и прочую снѣдь. Въ случайно привлечшемъ мое вниманіе на такомъ оберточномъ листкѣ, написанномъ своеобразнымъ стариннымъ почеркомъ, мнѣ бросился въ глаза годъ и имя Пугачева. Отыскавъ лавочку, я уже засталъ тамъ только одну небольшую тетрадь, заключающую сообщаемые ниже документы, которую посѣпшшу выручить и пины представляю на страницахъ уважаемой «Русской Старины», какъ сохранившей для отечественной исторіи массу драгоценныхъ матеріаловъ для исторіи нашего отечества.

В. Сидячевскій.

I.

Переводъ съ татарскаго письма, писаннаго отъ киргизъ-кайсацкаго Нурали-хана на имя астраханской губернской канцеляріи, господъ губернаторскихъ товарищей—коллежскаго совѣтника Михаила Григорьевича и подполковника князя Николая Сергѣевича—въ нижеслѣдующей силѣ, полученнаго марта 12 дня 1774 года.

Напредъ сего съ присланнѣмъ отъ васъ ко мнѣ переводчикомъ Абдрешитомъ Алтышовымъ съ товарищи отпразилъ я къ вамъ письмо, на которое ссылаясь, нынѣ я обстоятельно писать не имѣю—коиимъ образомъ нашими киргизъ-кайсаками, по неразумѣнію ихъ, взяты російскіе люди въ плѣнъ, которые оставлены возвращеніемъ къ вамъ по нынѣшнему обстоятельству: какъ вамъ извѣстно, что около Оренбурга и Яика происходитъ отъ извѣстнаго самозванца великія замѣшательства и раззоренія, и въ ономъ письмѣ и въ наипервыхъ о истребленіи его извѣснялъ, однако отъ васъ отвѣту на оное не получилъ. А оной самозванецъ, съ малымъ числомъ людей, пріѣхавъ въ городъ Яикъ и всѣ яикскіе казаки съ нимъ сообщились, а тамошняго города комендантъ до пятисотъ человекъ (съ солдатами, внутри города Яика выкопавъ ровъ, во атгаѣхъ находятся, но точію оной злодѣй (то есть самозванецъ) того коменданта взять не могъ, токмо находящіеся по рѣкѣ Яику, какъ состоящіе по форпостамъ, такъ и въ Гурьевомъ городѣ, казаки всѣ къ нему склонились, а своихъ начальниковъ побили; что видя я сіе обстоятельство, по всеусердному къ ея императорскому величеству, всемилостивѣйшей моей государынѣ, доброжелательству и по данной моей присягѣ, напротивъ онаго злодѣя для отраженія послалъ подъ предводительствомъ моихъ дѣтей, а именно: Ишима, Пиралія, Момедали, Бекъ-Алія, съ нѣсколькимъ числомъ народа; куда пріѣхавъ оныя мои дѣти съ тѣмъ народомъ склонившихся къ нему, самозванцу, яикскихъ казаковъ и другихъ его изъ войска людей нѣсколько побивъ, да и нѣкоторыхъ захвати съ женами, и дѣтьми, и съ экипажемъ, получа себѣ въ добычу, привезли съ собою; самого-жъ того злодѣя пымать не могли. А по возвращеніи тѣхъ моихъ дѣтей и съ народомъ, не могши оной злодѣй болѣе находится въ Яикѣ, возвратился къ своему войску, которое состоитъ близъ Оренбурга. А оной злодѣй, какъ Оренбурга, такъ и яикскаго коменданта до нынѣ еще не взялъ. А о себѣ-жъ вамъ дружески объявляю, что я ея императорскому величеству, всемилостивѣйшей нашей государынѣ, по данной моей присягѣ, состоя въ ненарушимой твердости, и служить въ непоколебимой вѣрности

долженъ и нелицемѣрно ея императорскаго величества пріятелямъ пріятеленъ, а непріятелямъ непріятеленъ быть имѣю. Да при семъ вамъ объясняю, что на внутренней Яика рѣвки сторонѣ, находящіеся при паствѣ скота наши кайсаки, имѣли малымъ числомъ разѣздъ для осмотра слѣдовъ, которые, усмотрѣвъ вдали вашихъ людей, возвратились было попережнему къ своему табуну, токмо ваши люди, погнавъ за ними въ погоню, захвати изъ нихъ двадцать четыре чело-вѣка кайсакъ, оставили у себя: того ради прошу васъ оныхъ моихъ людей, для меня простя и освободя, ко мнѣ отпустить и тѣмъ мнѣ незабвенное свое дружество оказать. И что въ бытность ихъ тамо, въ Астрахани, имѣющія до нашихъ кайсакъ дѣла, яко находящихся степнаго народа, ко окончанію привести весьма трудно—и сію мою просьбу во удовлетвореніе примите и чрезъ то окажите въ возвратѣ нашихъ кайсакъ незабвенную ко мнѣ дружбу; а потому и захваченныхъ съ вашей стороны російскихъ людей нашими кайсаками, по неразумію ихъ, возвратитъ къ вамъ весьма мнѣ способно будетъ; въ томъ васъ дружески и обнадеживаю. Въ прошедшую-жъ осень къ нашимъ табунамъ пріѣхавши вашихъ людей сорокъ шесть чело-вѣкъ, а для чего пріѣзжали хотя намъ было и неизвѣстно, однако и, для вашей ко мнѣ дружбы, со всѣми ихъ конми и оружіемъ отпустилъ обратно; также надѣюсь, что и вы помянутыхъ нашихъ людей тѣмъ же образомъ для меня ко мнѣ возвратите и меня незабвенною друж-бою обяжете, и чрезъ то предадите мнѣ помощь и имѣющееся съ киргизъ-кайсаками ваше дѣло привести ко окончанію.

А находящимся у васъ кайсакамъ имена значать тако: (перечисляются 25 именъ); а для взятія оныхъ посланцами отпавилъ шесть чело-вѣкъ: Урмана, Бабаша, Яихъ-Бая, Кучукъ-Бая, Казибека и Имана. Пропу васъ дружески съ сими моими посланцами вышешома-нутыхъ захваченныхъ моихъ людей отпустить и тѣмъ меня друже-ствомъ обязать, не продолжая болѣе двадцати пяти дней, ко мнѣ доставить и тѣмъ какъ меня, такъ и моего подвластнаго народа удовольствуете и чрезъ то предъ нашимъ киргизъ-кайсацкимъ наро-домъ сдѣлаете меня похвальнымъ, а посему и приведенію окончаніемъ съ нашимъ народомъ вашихъ дѣлъ усильнѣйшимъ.

Впротчемъ остаюсь за доброжелательнымъ моимъ къ вамъ почте-ніемъ, наивсегда пребуду Нурали-ханъ киргизъ-кайсацаго народа, а для вѣрности прилагаю именную свою печать. (У подлиннаго письма при окончаніи чернильная печать съ именемъ онаго киргизъ-кайсац-каго Нурали-хана.)

При томъ во ономъ же письмѣ написано тако: находящійся въ нашихъ юртахъ знатно именитой чело-вѣкъ Сырымъ-Батырь, который

ея императорскому величеству, моей всемилостивѣйшей государынѣ, по моей волѣ во улусахъ будучи, готовымъ доносить мѣ засвидѣтельствовать вамъ, высокопочтеннымъ господамъ, нижайшее почтеніе.
Марта 4 дня 1774 года.

II.

Получивъ это письмо, губернская канцелярія секретнымъ орденомъ предложила переводчику Тонкачеву «подъ приличнымъ и безпримѣтнымъ претекстомъ свести съ посланцами хана знакомство и между партикулярными разговорами, не подавая къ сумнительству ни малѣйшаго вида, постараться развѣдать» какъ думаютъ о злодѣѣ кайсаки и самъ ханъ и въ какихъ отношеніяхъ они къ нему находятся, о находящемся въ толпѣ Пугачева племянникѣ хана и числѣ людей, ушедшихъ съ нимъ къ самозванцу; о причинахъ, побудившихъ хана перейти съ своимъ народомъ на степную сторону Яика, и у кого въ рукахъ русскіе плѣнные, вятые киргизъ-кайсаками на Волгѣ.

Исполнивъ порученіе, Тонкачевъ доносить канцеляріи:

Марта 23 дня 1774 г.

1. По показанію изъ помянутыхъ присланныхъ отъ киргизъ-кайсакаго Нурали-хана посланцевъ, старшаго, именемъ Урмана, подъ претекстомъ и приличнымъ разговоромъ о состояніи его хана объявилъ, что де онъ, ханъ, нынѣ послалъ во всѣ его подвластныя мѣста, чтобъ всакій былъ въ готовности со оружіемъ и собирались къ нему, хану, для того, яко-бы кочеть онъ, ханъ, сдѣлать, по всеусердному своему къ ея императорскому величеству доброжелательству и по данной своей присягѣ, для истребленія оказавшагося около Оренбурга самозванца нападеніе; да и сверхъ того,—что пресѣкъ онъ у нихъ оренбургскую дорогу, гдѣ они всегда имѣли съ тамошними оренбургскими обывателями коммерцію, да и въ кочевь ихъ чинить нѣкакое помѣшательство.

2. По показательству его-жъ, Урмана,—что де въ толпѣ помянутаго самозванца находится не Айчуваковъ сынъ, а двоюроднаго Нурали-хана брата Досали-Солтана сынъ; посланъ отъ отца своего, Досали-Солтана, во-первыхъ, по злобѣ ево на Нурали-хана въ томъ, что имѣетъ онъ у себя во владѣніи малое число кайсакъ, а второе—обольстися, по лакомству своему, на ево, самозванца, обнадѣживаніе ханствомъ надъ кайсаками на Нурали-ханово мѣсто, по истребленіи ево и въ награжденіе деньгами, а болѣе для полученія себѣ добычи.

3. Имъ же, Урманомъ, показано: захваченные де ихъ кайсаками съ ватагъ и изъ протчихъ мѣсть наши російскіе люди, болѣе ста человекъ, находятся у нихъ и о возвращеніи ихъ ка кое у него, хана, домогательство — о семъ велѣно ему, Урману, здѣшнему правительству словесно довести и скрытно отъ товарищей

своихъ, о чемъ они совсѣмъ знать не могли, что-бъ захваченныхъ россійскими людьми кайсаковъ нынѣ имъ не отдавать, для того, что если они будутъ отданы, то уже де захваченныхъ кайсаками россійскихъ людей получить не могутъ, а только-бъ де хотя одного изъ нихъ имъ показать и допустить съ ними поговорить о томъ, что сколько изъ нихъ живѣ и кто именно, почему-бы де они, пріѣхавъ туда, родственникамъ ихъ объявить могли, которые бы, неуспинное къ собранію тѣхъ россійскихъ людей приложя всевозможное свое стараніе, и немедленно доставить могутъ; а если показать будетъ за какою либо находящихся здѣсь кайсакъ отдаленностью невозможно, то-бъ по именамъ, какъ имъ, посланцамъ, словесно, такъ и хану, написавъ въ письмѣ, отъ здѣшняго правительства дать знать съ такимъ подтвержденіемъ: егда захваченные киргизъ-кайсаками въ плѣнъ россійскіе люди будутъ отосланы въ Астрахань или въ назначенное какое мѣсто, тогда де на развѣнъ оныхъ и киргизцы, которые имѣются въ россійскихъ рукахъ, на то мѣсто привеза, и въ назначенный срокъ отданы быть имѣють. Напротивъ чего отъ меня имъ сказано, что ихъ плѣнныхъ кайсаковъ здѣсь нѣтъ, а гдѣ именно, того не знаю.

4. Сказано имъ же, Урманомъ, что де пріѣзжалъ къ Нурали-хану яицкой атаманъ съ двадцатью человекъ казакъ, въ числѣ коихъ одинъ былъ невѣдомо какой человекъ, похожъ на бурлака, въ черномъ худомъ кафтанѣ, въ шляпѣ, въ лаптяхъ, лицомъ смугловатъ, борода темно-русая, возраста средняго, для котораго (атамана) и съ людьми его отведены были отъ хана двѣ палатки и давалось для пищи каждый день по два барана и довольствовались кумысомъ. И въ бытіе ихъ тутъ (то) невѣдомо для какой причины того яицкаго атамана съ малымъ числомъ людьми Нурали-ханъ призывалъ въ себѣ въ кибитку, а прочіе, пріѣхавшіе съ нимъ люди, остались при тѣхъ палаткахъ. По выходѣ-жъ ихъ отъ хана, всѣ обще и возвратились. А послѣ-жъ того чрезъ малое время ѣздилъ онъ, Урманъ, для загоны скота вечеромъ, то невѣдомо какіе два человека, одинъ въ буркѣ, борода черная, а другой видъ показующей молодымъ человекомъ, повстрѣчаясь съ нимъ, его, Урмана, спросили, гдѣ живетъ ихъ ханъ, которымъ онъ и указалъ, а при томъ ихъ спросилъ, что какіе вы люди и откуда пріѣхали, которые на вопросъ его объявили, что мы де отъ Петра Третьяго, то-есть самозванца, посланники, а ѣдемъ къ нему, хану; которые у него, хана, были и просили помощи, а при томъ изъ дѣтей его, Курали-хана, одного сына просили объ отпускѣ съ ними къ тому самозванцу ¹⁾, обнадеживая его, хана,

¹⁾ Въ «Исторіи пугачевского бунта» Пушкина на стр. 16 (2-е изд.) говорится, что Пугачевъ писалъ къ киргизъ-кайсацкому хану, именуя себя госу-

тѣмъ, что де къ нему, самозванцу, будетъ еще изъ Казани, изъ Самары и изъ прочихъ мѣсть сила; а о немъ, самозванцѣ, сказали, что де онъ у васъ тамъ былъ, только де вы его не узнали. Но ханъ имъ сына и помощи не далъ и послалъ къ нему, самозванцу, съ ними своего муллу, то есть ихъ духовную особу, и велѣлъ ему о состояніи того самозванца развѣдать, который туда и ѣздилъ и чрезъ находящихся въ толпѣ его людей развѣдалъ, да и самъ онъ, самозванецъ о себѣ объявилъ, будто онъ Петръ Третій, «о чемъ скажи и хану, а естли-жь онъ, ханъ, о семъ вѣрить не будетъ, то-бъ пріѣхалъ ко мнѣ самъ или прислалъ-бы сына и посмотрѣлъ, какъ я буду чинить на Яикъ нападеніе, и если де я Яикъ возьму, то допущу его, хана, съ его войсками для полученія добычи». И съ тѣмъ тотъ мулла отъ него и возвратился и, пріѣхавъ, хану все то сказалъ; почему уже онъ, ханъ, и полагалъ, что бывший при вышепомянутомъ атаманѣ бурлакъ въ худой одеждѣ конечно былъ онъ, самозванецъ. И потомъ оной Нурали-ханъ, собравъ изъ своихъ людей нѣсколько войска, послалъ для точнаго развѣдыванія и смотрѣнія къ Яику: какимъ образомъ оной самозванецъ поступать будетъ. По пріѣздѣ-жь ихъ туда, прислано имъ, кайсакамъ, было отъ яицкаго атамана двадцать барановъ. А сраженіе оной самозванецъ хотя съ яицкими жителями и чинилъ, только преодолѣть ихъ не могъ и поѣхалъ вверхъ по рѣкѣ Яику ко Оренбургу; что видя реченные посланные отъ Нурали-хана кайсаки и возвратились къ нему, хану, обратно. И въ то его слѣдованіе лежащіе вверхъ по рѣкѣ Яику до Оренбурга форпосты всѣ раззорилъ, а людей склонилъ къ себѣ, а потомъ уже, подошедъ подъ Оренбургъ, и его атаковалъ, а въ близости того Оренбурга имѣющееся тамо мѣстечко, называемое Каргалы, взялъ, а потомъ и идущихъ къ Оренбургу въ помощь пятьсотъ человѣкъ башкирцевъ перехватя, взялъ-же къ себѣ; а Оренбурга взять не могъ, и потомъ паки возвратился къ городу Яику и его осадилъ, да и казаки яицкіе склонились къ нему и прочіе форпосты, лежащіе внизъ по рѣкѣ Яику, до Гурьева городка, раззорилъ и къ себѣ склонилъ же; а находящійся въ Яицкомъ казначемъ городкѣ комендантъ заперся съ пятьюстами человѣками въ каменные полаты. Потомъ уже тотъ самозванецъ сдѣлалъ подъ него подкопъ, однако тѣмъ его подкопомъ прямо не трафилъ и порохъ истерялъ. И такъ, болѣе не имѣя у себя пороха, послалъ изъ своей партіи нѣсколько людей въ Гурьевъ городокъ для

даремъ Петромъ III и требуя отъ него сына въ заложники и 100 чел. вспомо-
гательнаго войска.

В. С.

52*

взятія тамъ пороку и протчаго орудія и пакн хотѣлъ чинить на яицкаго коменданта нападеніе; а въ то самое время получилъ отъ своего лагиря извѣстіе, которой стоялъ близъ Оренбурга, что тотъ его лагирь нѣкоторыми російскими войсками разбитъ; въ коимъ лагирѣ находилось изъ его-жъ партіи до восьмисотъ человѣкъ. Съ тѣмъ и возвратился ко Оренбургу, и, между тѣмъ, получилъ извѣстіе, что въ Гурьевѣ посланная отъ него партія имѣющихся во ономъ начальниковъ и протчихъ, желательныхъ къ російской сторонѣ, побивъ до смерти, по приказу его, опредѣлили свой присмотръ.

5. О переходѣ-жъ ихъ черезъ Яикъ имъ же, Урманомъ, сказано, что сіе учинено по случаю наступившаго въ тамошнемъ мѣстѣ предъ симъ теплаго воздуха открытія рѣки Яика, въ разсужденіи такомъ, что если сей удобный случай пропустить, то впредь имъ и переправа невозможна будетъ, а при томъ какъ они нынѣшнею осенью кочевку ишѣли сверху внизъ по той рѣкѣ Яику, по сю сторону, то уже подыматься имъ по сей же сторонѣ вверхъ весьма будетъ трудно, потому что они въ тѣхъ мѣстахъ скотомъ кормъ потравили; да сверхъ того по опасности отъ упоминаемаго самозванца, ибо изъ его партіи не въ давномъ времени до тысячи человѣкъ на состоящіе вверхъ по рѣкѣ Яику киргизъ-кайсацкіе аулы внезапнымъ образомъ чинено нападеніе.

Да сверхъ сего имъ же, Урманомъ, показано, что пріѣхавшаго съ нимъ въ посланствѣ, именуемаго Бабаса, въ захваченныхъ здѣсь російскими людьми киргизцахъ имѣются родные его три брата, а о именахъ ихъ яко-бы не знаетъ; а у него, Бабаса, въ рукахъ состоятъ російскихъ плѣнныхъ мужескаго полу шесть человѣкъ, а женскаго одинъ. Да еще объявилъ о раззореніи ими, киргизъ-кайсаками, форпостовъ внизъ по рѣкѣ Яику, къ Гурьеву городку; то де оное учинено ими съ повелѣніи какъ оренбургскаго господина губернатора, по присланному съ нарочнымъ толмачемъ Ягафаромъ письму, такъ и отъ яицкаго коменданта съ таковымъ же нарочнымъ толмачемъ, для того, что тѣ изъ тамошнихъ городковъ казаки склонялись къ нему, самозванцу.

О чемъ астраханской губернской канцеляріи симъ покорнѣйше и рапортую. Переводчикъ Муса-Мурза Тонкачевъ.

Сообщ. В. Ситъжневой.

[Окончаніе слѣдуетъ]

ГРАФЪ АЛЕКСАНДРЪ ЧЕРНОГОРСКІЙ — СУЛТАНЪ ЯХІЯ

въ 1585 — 1625 г.

Страница изъ исторіи Запорожья.

Въ началѣ 1889-го года, въ Триестѣ, вышла въ свѣтъ объемистая, весьма изящно напечатанная, въ 6. 8-ю долю, книга, подъ заглавіемъ: «Sultan Jahja dell' Imperial casa Ottomana od altrimenti Alessandro Conte di Montenegro ed i suoi discendenti in Italia. Nuovi contributi alla storia della questione orien tale e delle relazione politiche fra la Turchia e le potenze cristiane nel secolo XVII». (Султанъ Яхія оттоманскаго императорскаго дома, или Александръ графъ Черногорскій и его потомство въ Италіи. Новые матеріалы къ исторіи восточнаго вопроса и сношеній христіанскихъ державъ съ Турціею въ XVII вѣкѣ.) Trieste, G. Chiopris—editore 1889.

Авторъ этого труда, г. Гассекъ, преподаватель исторіи въ триестской гимназіи (ишущій подъ псевдонимомъ Vittore Catualdi), благодаря обстоятельствомъ совершенно частнаго свойства, имѣлъ въ своемъ распоряженіи весьма цѣнный, доселѣ неизданный матеріалъ, касающійся жизни принца Яхія, третьяго сына султана Магомета III и внука Мурада III. Приводимъ нѣкоторые біографическія свѣдѣнія объ этой личности.

Яхія родился въ Трапезундѣ 23-го октября 1585 г., гдѣ его отецъ, до вступленія на престолъ, проживалъ въ качествѣ высшаго управителя края. Мать его, Елена, была гречанка, дочь Григорія Комнена, одного изъ потомковъ византійской царской семьи, женщина замѣчательной красоты, прозванная «Лалпаре» (рубиновыя уста). 16-го января 1595 г. умеръ Мурадъ III и отецъ Яхія, Магометъ, былъ со всею поспѣшностью вызванъ въ Константинополь султаншею Валиде. Семья его, въ ожиданіи дальнѣйшихъ событій, осталась въ Трапезундѣ. Спустя три мѣсяца по вступленіи на престолъ,

Магометъ отправилъ въ Трапезундъ довѣренныхъ людей, съ порученіемъ перевести въ Константинополь весь его гаремъ. Яхія, болѣвшій въ то время оспомъ, не могъ предпринять путешествія и былъ временно оставленъ съ матерью въ Трапезундѣ, подъ наблюденіемъ внука Гассана Мехмета, болгарина.

Елена, въ душѣ ревностная христіанка, принявшая при замужествѣ исламъ лишь по необходимости, всегда мечтала воспитать сына въ вѣрѣ его отцовъ. Кромѣ того, зная, что въ случаѣ смерти Магомета и вступленія на престолъ старшаго сына его, Селима, Яхію ожидала участь, постигавшая тогда всѣхъ братьевъ всякаго новаго султана, т. е. насильственная смерть, она рѣшилась воспользоваться обстоятельствами и, заручившись содѣйствіемъ внука Гассана, бѣжала съ сыномъ изъ Трапезунда, предварительно распусшивъ слухъ о кончинѣ Яхіи отъ оспы.

Первымъ убѣжищемъ Яхіи былъ монастырь св. Іоанна Предтечи въ Македоніи, Солунскаго округа. Здѣсь онъ достигъ 18-ти-лѣтняго возраста, катѣмъ долженъ былъ укрываться въ горахъ и съ этого момента начинаются его мытарства. Желавшихъ ознакомиться съ ними въ подробностяхъ, мы отсылаемъ къ труду г. Гассека; здѣсь же мы приводимъ нѣсколько строкъ изъ предисловія къ этому труду, въ которыхъ авторъ перечисляетъ похождения Яхіи и дѣлаетъ имъ краткую характеристику.

«Родился у подножія блестящаго престола, спасся бѣгствомъ отъ братоубійства, почти узаконившагося въ его доми, выросъ между греками и болгарями сначала въ стѣнахъ уединеннаго монастыря, затѣмъ на горахъ македонскихъ и румелійскихъ; сражался во главѣ 80 тысячъ казаковъ у входа въ Босфоръ, путешествовалъ по Россіи, Польшѣ, Франціи, Голландіи, Германіи, Венгріи, Кроацин, Италіи, Малой Азіи, Персіи, Аравіи и въ полярномъ морѣ; былъ гостемъ императора въ Прагѣ, Медичевъ во Флоренціи, Савойскаго дома въ Туринѣ, Валленштейна въ Гюстровѣ, Герцога Неверскаго въ Парижѣ, іезуитовъ въ Грацѣ, графа Георга Шварценберга въ Кроацин, олъвался греческимъ монахомъ или турецкимъ дервишемъ, былъ то дворяниномъ, то заговорщикомъ, чуть не былъ провозглашенъ царемъ Малороссіи, воеводами Македоніи, Сербіи, Черной Горы и Албаніи былъ признанъ княземъ; полковникъ на службѣ Венеціанской республики—жизнь его была рядомъ непостижимѣйшихъ превратностей, слетшихся въ исторію, полную увлекательности, не только въ отношеніи его политической дѣятельности, но и вслѣдствіе безчисленныхъ его приключеній во всевозможныхъ странахъ свѣта».

Почтенный трудъ г. Гассека составляетъ цѣнный вкладъ въ исторію столь близкаго намъ восточнаго вопроса. Кромѣ талантливаго изложенія походовъ претендента на константинопольскій престолъ, мы находимъ въ немъ массу новыхъ историческихъ подробностей о порядкахъ частной и государственной жизни повелителей Османовъ, объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ вступленіе на престолъ султановъ того времени, о сношеніи христіан-

скихъ державъ съ могущественною тогда Турціею и о дѣятельности различныхъ европейскихъ правителей и полководцевъ конца XVI и первой половины XVII столѣтій.

Печатая, съ разрѣшенія автора, переводъ 12-й главы его труда, той именно, гдѣ помѣщенъ разсказъ о пребываніи Яхія среди запорожцевъ и о походѣ его вмѣстѣ съ ними на Константинополь, мы имѣли въ виду ознакомить читателей съ добросовѣстнымъ историческимъ изслѣдованіемъ и надежду, что найдется лицо, которое переведетъ и издастъ весь трудъ г. Гассека.

А. Гирсъ.

Тріестъ. 1-го октября 1889 г.

Въ Вѣвѣ проживалъ тогда ¹⁾ нѣкій патеръ Джузеппе изъ Санъ-Джованни, босоногій кармелитъ, нѣмецъ по происхожденію и большой другъ Яхія, намѣренія котораго были ему извѣстны; занимался онъ польскими дѣлами. Одновременно съ нимъ пребывалъ въ этомъ городѣ князь Радзивиллъ, со многими офицерами отряда лисовчичанъ ²⁾, которые, отпущенные императоромъ и изгнанные за свои злодѣянія также и изъ Польши, не знали куда дѣться.

Это было извѣстно кармелитскому патеру; ему казалось, что Яхія могъ бы воспользоваться этими солдатами, людьми отчаянными, не знавшими куда идти, чтобы попытаться привести въ исполненіе свое намѣреніе ³⁾. Онъ

¹⁾ Во второй половинѣ 1624 года.

²⁾ Лисовчичанами назывался польскій вольный отрядъ, наводившій въ XVII ст. большой страхъ. Онъ названъ такъ по имени Алех. Lisowczki, польскаго шляхтича, который собралъ въ 1612 году до 2,000 человекъ разныхъ воиновъ и, не получая никакой платы, а лишь въ расчетѣ на добычу, послѣдовалъ съ этимъ сбродомъ за польскимъ полководцемъ Ходкевичемъ, въ его военныхъ дѣйствіяхъ противъ Россіи. Лисовчичане вели войну за свой счетъ и, грабя, рыскали по всей Россіи, отъ Бѣлаго моря до Астрахани. Послѣ смерти Лисовчича, въ 1614 г., и подъ предводительствомъ другихъ вожakovъ, отрядъ сохранилъ названіе, продолжавшее служить пугаломъ, втерся въ Венгрію, гдѣ занимался лишь грабежемъ, затѣмъ служилъ въ 30-ти-лѣтней войнѣ Фердинанду II-му, которому оказалъ важныя услуги во время битвы подъ Прагой въ 1620 году. Безшабашная распущенность этого отряда была причиною тому, что онъ былъ изгнанъ изъ Польши, по рѣшенію государственнаго совѣта; хотя онъ послѣ того разстроился, но отдѣльными банды не мало еще разбойничали въ Силезіи.—Allg. deutsche Real-Encyclopedie, etc. Conversation's Lexicon. Neunte Original-Auflage. 9 Band. Leipzig. F. A. Brockhaus. 1846.

³⁾ Вторгнуться въ Турцію, взять Константинополь и завладѣть престоломъ, претендентомъ на который Яхія себя считалъ. Прим. перев.

предложилъ Яхіа вступить съ ними въ переговоры, съ тѣмъ, чтобы побудить ихъ идти съ послѣдними въ Молдавію и Валахію и попытать счастья.

Яхіа согласился, и послѣ того, какъ Джузеппе переговорилъ съ начальниками этой милиціи и ознакомилъ ихъ съ намѣреніями оттоманскаго принца, они собрались въ саду кармелитскаго монастыря, позвали претендента и попросили его пойти съ ними въ ихъ лагерь въ Моравію, увѣряя его, что ихъ милиція не преминетъ слѣдовать за нимъ.

Принцъ съ удовольствіемъ принялъ предложеніе и, пославъ вмѣсто себя во Флоренцію патера Джузеппе съ вѣрительными бумагами и съ письмомъ императора къ герцогинѣ ¹⁾, самъ отправился въ лагерь лисовчиканъ, гдѣ и объявилъ солдатамъ о своемъ намѣреніи вступить во Фракію, для завладѣнія Царьградомъ. Но, послѣ смотра милиціи, онъ скоро убѣдился, что она недостаточна для главнаго предпріятія, хотя съ нею можно было бы завладѣть Молдавіей и Валахіей и это тѣмъ легче, что, по отзыву нѣкоторыхъ полковниковъ, милиція, проходя черезъ княжества, увеличилась бы численностью. Другіе, напротивъ, были того мнѣнія, что слѣдовало ударить на Габора, тогдашняго князя Трансильваніи, вассала и большаго пріятеля турокъ; но Яхіа нашель это предпріятіе несвоевременнымъ, вѣроятно потому, что оно встревожило бы Порту, которая не премкнула бы послѣшить на помощь къ своему даннику.

Между тѣмъ изъ Польши пришло извѣстіе, что Шахинъ-Гирей, братъ Мухаммедъ-Гирея, хана крымскихъ татаръ, возсталъ противъ султана, вступилъ съ 70.000 конницы въ Молдавію и Валахію, прогналъ князей и разграбилъ землю. Благодаря этому обстоятельству, лисовчикане, опасаясь напасть въ столь маломъ числѣ на татаръ, посоветовали Яхіа обождать до тѣхъ поръ, пока не удастся привлечь къ тому-же предпріятію запорожскихъ казаковъ. Достичь этого онъ могъ бы, отправясь лично къ запорожцамъ и прихвативъ съ собою человекъ тридцать изъ отряда лисовчиканъ; остальные, между тѣмъ, перезимовали бы въ Подоліи. Яхіа согласился и тотчасъ же отправился въ путь съ 30 войниками, въ числѣ которыхъ находился одинъ литвинъ, по имени князь (duca) Масальскій, нѣкогда жившій среди запорожскихъ казаковъ.

Черезъ двадцать дней онъ прибылъ въ Кіевъ къ митрополиту, которымъ былъ тогда архіепископъ Іовъ Борѣскій. Благодаря русскому языку, на которомъ Яхіа прекрасно изъяснялся, и исповѣданію православной вѣры, въ ученіе которой претендентъ былъ вполне посвященъ, митрополитъ скоро возниѣлъ къ нему такое уваженіе и такъ пристрастился къ его предпріятію, что обѣщалъ, въ случаѣ нужды, не пощадить на это дѣло и жизни.

Онъ отвелъ Яхіа помѣщеніе въ монастырѣ св. Михаила и, четыре дня

¹⁾ Госканской, Маріи Магдаленѣ, съ которой Яхіа впоследствии былъ самъ въ перепискѣ.

Прим. перев.

спустя, свелъ его къ казакамъ въ Каневъ, считавшему тогда до 10,000 хатъ, а оттуда въ Черкасы и Харьковъ, станицы съ не меньшимъ населеніемъ, расположенныя на границѣ Малороссіи, служившей тогда казацкою окраиною.

Здѣсь, получивъ въ спутники отъ лично провожавшаго его до сей поры митрополита—викарія послѣдняго и двѣсти человекъ конвоя изъ казаковъ, снабженный, кромя того, рекомендаціями, Яхія, проскакавъ по казацки, по меньшей мѣрѣ, сорокъ двѣ мили (около 150 верстъ), вскорѣ добрался до запорожцевъ, гдѣ нашелъ ихъ атамана съ 16,000 войска.

Заблаговременно извѣщенный викаріемъ, атаманъ вышелъ въ поле, чтобы встрѣтить Яхію, который представился подъ именемъ Александра, графа Черногорскаго (conte di Montenegro), сердечно поздоровался съ нимъ и отвелъ ему, по обычаю, въ помѣщеніе одну изъ хатъ.

Собравшимся послѣ того казакамъ викарій предъявилъ письма митрополита, а князь Масальскій, съ своими тридцатью ясовчичами, — письма полковниковъ ихъ отряда.

Лишь только прочтены были эти документы и произнесена была викаріемъ подобающая проповѣдь, всѣ пришли въ необычайное волненіе и, выразивъ готовность умереть за вѣру на службѣ у «царя Александра», какъ назвали Яхію, провозгласили его константинопольскимъ императоромъ. Вскорѣ приступили къ дѣлу; снарядили 660 ладей и отправляли двухъ гонцовъ къ донскимъ казакамъ, прося послѣднихъ присоединиться къ нимъ наступающею весною, съ 160 ладьями, чтобы слѣдовать за православнымъ княземъ, воевавшимъ за освобожденіе угнетаемой турками христіанской братіи. Кромя того, были отправлены послы и къ московскому царю Михаилу, съ увѣдомленіемъ о прибытіи Яхіи и о томъ, что цѣлый отрядъ готовъ за нимъ слѣдовать. Московское правительство съ удовольствіемъ приняло это извѣстіе и отправило казакамъ 80,000 талеровъ и пороку, поощряя ихъ къ оказанію помощи царю Александру, которому послало богатые, поистинѣ царскіе, подарки.

Между тѣмъ Шахинъ-Гирей, все еще бунтовавшій противъ Порты, какъ только узналъ, что Яхія находится среди запорожскихъ казаковъ, тотчасъ отправилъ къ нему трехъ мурзъ (или полковниковъ), съ предложеніемъ своей помощи и съ заявленіемъ, что онъ готовъ заключить съ запорожцами миръ и союзъ.

По возвращеніи посланцевъ и назначенія мѣста свиданія, Шахинъ-Гирей прибылъ къ берегу Днѣпра съ 70 тысячами конницы, въ то время какъ съ противоположной стороны подошелъ Яхія съ атаманомъ и 12 тысячами пѣшихъ казаковъ. Этихъ послѣднихъ сопровождали три тысячи татаръ, построившихся, по обычаю, — по эскадронно.

Послѣ уговора о формальностяхъ свиданія, Шахинъ-Гирей отправился въ лагерь претендента верхомъ, въ сопровожденіи ста челоуѣкъ изъ своей знати, былъ перевезенъ на казацкихъ лодкахъ и спустился въ ста шагахъ отъ па-

латки Яхія. На встрѣчу къ нему вышелъ атаманъ, который и повелъ его къ претенденту.

Шахинъ-Гирей преклонился передъ Яхію, который обнялъ его и посадилъ около себя, дозволивъ и остальнымъ татарамъ выразить ему ихъ пріѣтствіе. Послѣдніе были въ высшей степени довольны видѣть своего владыку въ дружеской бесѣдѣ съ царемъ Александромъ, какъ и они называли Яхію.

Яхія, желая какъ можно больше привязать къ себѣ хана, побратался съ нимъ и ханъ обѣщаль быть ему всегда вѣрнымъ слугою и помогать всѣми своими силами.

Шахинъ-Гирей рассчиталъ, что уже онъ могъ-бы и наступающей зимой подойти къ Царьграду, и дѣйствительно, немного спустя, онъ перешелъ Днѣпръ со всѣмъ войскомъ и вступилъ въ Болградъ, чтобы ожидать пока замерзнетъ Дунай и безъ затрудненій переправиться черезъ него на турецкую сторону. Но въ этотъ годъ Дунай не замерзъ и Шахинъ-Гирей, прождавъ напрасно сорокъ дней, вернулся съ своими людьми въ Крымъ.

Между тѣмъ турки, прослышавъ о приготовленіяхъ казаковъ, построили тотчасъ-же 300 лодокъ на Дунаѣ и снарядили 60 галеръ въ Черномъ морѣ, укрѣпивъ входъ въ Босфоръ еракійскій нѣсколькими деревянными фортами. Это было въ 1625 году.

Турки лишь теперь принимали эти мѣры защиты, а казаки уже въ іюлѣ мѣсяцѣ предшествовавшаго лѣта ¹⁾, напали въ громадномъ числѣ на Босфоръ, выжгли Стенію, Іеникію, Буюдере и Фанаръ, наведя ужасъ на жителей европейскаго берега и даже на самый сераль.

10-го мая 1625 года казаки спустились изъ запорожья въ Черное море съ 660 ладьями и пошли къ Змѣиному острову на соединеніе съ ихъ единоплеменниками съ Дона, пришедшими на 200 ладьяхъ.

Всѣ вмѣстѣ они вошли въ Дунай Килійскимъ рукавомъ и разграбили Измаиль, Килію и Кюстендже.

Нѣкоторые казацкіе полковники выражали желаніе идти прямо на Царьградъ, но Яхія, признавая это несвоевременнымъ и изложивъ причины такого взгляда, убѣдилъ ихъ оставить эту мысль и плыть, напротивъ, по направленію къ Трапезунду, гдѣ нашлось-бы добычи достаточно для содержанія войска въ теченіе долгаго времени. Онъ-же съ своей стороны послалъ-бы извѣщенія куда слѣдуетъ, т. е. вѣроятно въ Болгарію, въ Македонію, въ Албанію, къ воеводамъ и князьямъ, его пріятелямъ, а также, быть можетъ, и въ Тоскану, съ тѣмъ, чтобы галеры герцога принудили турецкія суда сдѣлать диверсію.

Казаки дали себя уговорить и весь отрядъ двинулся по направленію къ Трапезунду, въ порядкѣ, указанномъ Яхію.

Достигнувъ его благополучно, всѣ сошли на берегъ, тотчасъ-же окружили городъ со всѣхъ сторонъ и втеченіе трехъ дней безъ перерыва шли на приступъ.

¹⁾ 1624 г.

Осажденные упорно защищались, но на четвертый день натискъ казаковъ, осаждавшихъ со всѣхъ сторонъ, былъ такъ силенъ, что турки, не выдержавъ мушкетнаго огня, оставили стѣны, бросили всю артиллерію и укрылись въ цитадели, служившей нѣкогда мѣстопробываніемъ трапезундскаго императора.

Тогда казаки полѣзли, при помощи лѣстницъ, на стѣны, и войдя въ городъ, произвели страшную рѣзню, шадя лишь грековъ, которые спасались въ церквахъ и клали крестное знаменіе, въ свидѣтельство ихъ принадлежности къ христіанской вѣрѣ.

Весь городъ былъ разграбленъ; уцѣлѣла лишь цитадель, гдѣ укрывались болѣе важноточные турки съ наиболѣе цѣннымъ имуществомъ.

Яхія тотчасъ-же рѣшилъ воспользоваться оставленною непріателемъ артиллеріею, чтобы пробить ворота цитадели; но такъ какъ турки не оставили при орудіяхъ пороха, а лишь ядра, претендентъ распорядился, чтобы каждый удѣлялъ часть своего пороха и всыпалъ ее въ нарочно для сего поставленные при артиллеріи боченки.

Благодаря многочисленности казаковъ, боченки эти быстро наполнились и такимъ образомъ можно было тотчасъ-же приступить къ обстрѣливанію воротъ цитадели.

Огонь артиллеріи продолжался часъ; была пробита широкая брешь, которою казаки тотчасъ-же воспользовались, чтобы стремительно броситься въ крѣпость, гдѣ перерѣзали всѣхъ турокъ, какихъ только нашли, и забрали обильную и богатѣйшую добычу.

Такимъ образомъ Яхія довелось увидѣть, какъ въ четыре дня былъ взятъ городъ, который сто шестьдесятъ четыре года передъ тѣмъ (1441 г.) былъ завоеванъ Магометомъ II лишь послѣ продолжительной осады и величайшихъ усилій, и въ которомъ увидѣла свѣтъ его мать, происходившая изъ царской семьи Комненовъ.

Въ занятомъ и разграбленномъ городѣ претендентъ остался двѣнадцать дней и произвелъ смотръ казакамъ, потери которыхъ оказались весьма значительны. Похоронивъ съ почестями убитыхъ и отправивъ раненныхъ въ лодкахъ на родину, Яхія рѣшилъ тотчасъ-же отправиться съ остальнымъ отрядомъ по направленію къ Каффѣ.

Обѣщавъ четыремъ греческимъ торговцамъ изъ Каффы щедрія награды, если они ему обнаружатъ истинное положеніе города и, наоборотъ, пригрозивъ жесточайшими наказаніями, если они его обмануть, Яхія потребовалъ отъ нихъ всѣ свѣдѣнія, которыя могли облегчить ему завоеваніе названнаго города.

По мѣрѣ того, какъ купцы по гречески сообщали ему все, что онъ желалъ знать, онъ переводилъ атаману казаковъ на русскій. Затѣмъ, взявъ сто лодокъ и приказавъ оставшемуся отряду слѣдовать за нимъ немного спустя, Яхія отправился ночью и присталъ къ мѣсту, указанному торговцами, которыхъ онъ взялъ съ собою.

Приступъ былъ произведенъ со стороны, указанной какъ слабѣйшей, при чемъ, лишь только со стѣны былъ открытъ мушкетный огонь, Яхія былъ раненъ въ правую ногу. Несмотря на то, что онъ испытывалъ сильную боль, претендентъ приказалъ атаману идти впередъ, не обращая на него вниманія, что и было исполнено.

Защитники не устояли противъ стремительнаго приступа и казаки вошли въ городъ, предавая его огню и мечу и производя поголовную рѣзню между жителями.

Немного спустя, прибыла главная часть отряда; Яхія сейчасъ-же предложилъ ему угощеніе и, въ присутствіи всѣхъ, богато одарилъ четырехъ греческихъ купцовъ, помогшииъ ему своими совѣтами.

Оставивъ Каффу, принцъ повернулъ на Востокъ и, плывя вдоль азіатскаго берега, прибылъ къ Сянопу, городу нѣкогда знаменитому, построенному, какъ полагаютъ, милетинцами. Завладѣвъ имъ безъ особаго труда, онъ пробылъ въ немъ нѣсколько дней и сжегъ одиннадцать галеоновъ и четырнадцать галеръ, сооруженныхъ тамъ для турецкаго правительства, благодаря строительнаго матеріала.

16-го іюля 1625 года, въ день Преображенія, казаки сошли на берегъ для слушанія обѣдни, послѣ которой Яхія, принявъ должныя мѣры предосторожности, предоставилъ имъ этотъ день отпраздновать.

Около полудня, полковники, отобѣдавши съ Яхіемъ, пожелали дать ему нѣсколько совѣтовъ по отношенію къ войску, замѣтивъ ему, что хотя большинство вонновъ всегда готовы проливать кровь за вѣру, но въ то же время могутъ найтись и такіе, которые смотрятъ лишь на собственные выгоды.

Въ виду приближенія времени, назначеннаго для похода противъ Царьграда, и во избѣжаніе того, чтобы нѣкоторые казаки, во время осады, не принялись грабить что можно и ватѣмъ бѣжать къ лодкамъ, полковники убѣждали Яхію приказать сжечь всѣ суда, какъ только всѣ люди сойдутъ въ Босфоръ на берегъ,—такимъ образомъ никто не могъ-бы бросить предпріятія.

Яхія былъ очень признателенъ за эти предупрежденія и тотчасъ-же далъ приказъ полковникамъ и есауламъ собрать весь отрядъ въ открытомъ полѣ и объявить, что онъ имѣетъ сообщить важныя предложенія. Казаки живо собрались и Яхія, ставъ на возвышенности посреди ихъ, громкимъ голосомъ сказалъ имъ по русски слѣдующую рѣчь:

«Еще свѣжо воспоминаніе о данномъ мнѣ вами въ Запорожѣ обѣщаніи, еще жива въ груди вашей геройская рѣшимость помогать мнѣ въ предпріятіи мною святомъ дѣлѣ. Я увѣренъ поэтому, что вы не измѣните данному обѣту, будете мужественно воевать и, если понадобится, умирать за православную вѣру христіанскую; не сомнѣваюсь также, что милостивый Господь поможетъ намъ одержать блестящую побѣду. Такъ какъ уже близко время, когда намъ придется спуститься на берега Босфора, осадить царскій городъ Константинополь и побѣдить или умереть, я, какъ главное орудіе

этого святаго дѣла, въ предвидѣніи нѣкоторыхъ затрудненій, могущихъ помѣшать его успѣху, если мы ихъ сами не устранимъ, желаю изыскать, съ общаго согласія, средства противъ нихъ, съ тѣмъ, чтобы благополучно выполнить наше предпріятіе, заслужить славу у Всемогущаго Бога и оставить потомству вѣчную о себѣ память. Держите, поэтому, ваше слово твердо и прежде, чѣмъ я вамъ сообщу мое желаніе, подтвердите вашу клятву въ согласіи и единеніи слѣдовать за мной до самой смерти».

Такъ сказалъ Яхія и отрядъ воскликнулъ въ отвѣтъ: «да, да, приказывай только, царь Александръ; приказывай что хочешь, мы готовы тебѣ повиноваться!»

Послѣ этого претендентъ продолжалъ: «что я прошу у этого войска и у каждого изъ васъ въ отдѣльности—это то, чтобы, сойдя на берегъ въ Тонгане ¹⁾, вы сожгли всѣ ваши суда; такимъ образомъ, сражаясь всѣ вмѣстѣ, мы пребудемъ твердо въ намѣреніи или побѣдить или умереть и никому не будетъ причины оробѣть или искать спасенія въ бѣгствѣ. И я васъ увѣраю, что когда турки увидятъ непреклонную нашу волю побѣдить или умереть, они сочтутъ за лучшее сдаться. Еще одно у васъ прошу: если Богу будетъ угодно, чтобы я погибъ въ битвѣ, изберите на мое мѣсто Марка Пилата, македонца, вашего храбраго капитана, который, въ качествѣ моего повѣреннаго находится въ сношеніяхъ со всѣми моими корреспондентами; говорю вамъ это какъ князь христіанскій, съ тѣмъ, чтобы съ потерей предводителя не пропало само дѣло. Если, затѣмъ, Богу будетъ угодно, какъ я надѣюсь, чтобы мы одолѣли нашихъ враговъ и взяли Царьградъ, за судами не будетъ недостатка для тѣхъ, которые пожелали бы вернуться на родину. Но я заранѣе васъ прошу, не только въ виду завоеванія города, но и въ виду защиты его, оставаться со мною до тѣхъ поръ, пока не соберутся наши братья болгары, сербы и албанцы, люди воинственные и приверженные къ православнои вѣрѣ, которымъ я долженъ дать время вооружиться; увеличеніе ими нашего войска дастъ намъ возможность защититься отъ турецкой милиціи, которая, даже если мы и побѣдимъ, не преминетъ придти изъ Азіи на помощь къ своимъ. Если мы этого не сдѣлаемъ, мы безъ сомнѣнія погубимъ, къ великому стыду и не меньшему ущербу, то, что приобрѣтемъ съ такою славою и съ такими усиліями».

Не успѣвъ Яхія закончить рѣчь этими словами, какъ 80,000 сабель заблестѣли на солнцѣ и были потрясены при одномъ могучемъ крикѣ: «Богъ тебѣ въ помощь; да здравствуетъ царь Александръ!»

Спустя нѣсколько дней, т. е. въ самомъ началѣ августа 1625 года, Яхія, со всѣмъ своимъ отрядомъ, поплылъ по направленію къ Восфору. Великолѣпный Стамбулъ не выходилъ у него изъ головы и уже ему снилось, что онъ вступаетъ на престолъ своихъ предковъ.

¹⁾ Кварталь въ Константинополѣ на берегу моря, по сю сторону Золотаго Рога, противъ сераяя. Прим. переводч.

Онъ шелъ впереди съ 130 судами, вмѣстѣ съ атаманомъ; позади, раздѣленный на эскадры, шелъ остальной отрядъ. Но появленіе ихъ въ Босфорѣ не могло быть неожиданнымъ, такъ какъ со всею поспѣшностью отправленный изъ Малой Азіи въ Константинополь гонецъ несъ султану извѣстіе о томъ, что столицѣ грозитъ большая опасность.

Вѣсть о томъ, быстро распространившаяся въ городѣ, навела на всѣхъ неопытное уныніе, «въ родѣ того, (вишеть современникъ этихъ событій, англійскій консулъ въ Смирнѣ, Paolo Ruscant), какое охватило бы Лондонъ, при извѣстіи, что германцы вошли въ рѣку Гаттанъ».

Кто могъ бѣжалъ въ Малую Азію и въ другія мѣста. Самъ султанъ былъ въ сильнѣйшемъ страхѣ, ибо народъ, озлобленный противъ визирей за ихъ бездѣйствіе, принималъ противъ правителей, по меньшей мѣрѣ, угрожающее положеніе.

Взятіе Трапезунда и рѣзня, произведенная тамъ надъ мужчинами и женщинами, надъ старымъ и молодымъ, все еще волновали умы; было также извѣстно, что въ Азіи бунтовщики все больше и больше подымали голову и что янычары уже не были настроены такъ воинственно, какъ въ первое время ихъ существованія, а напротивъ роптали на постоянныя войны и на отсутствіе безопасности въ государствѣ.

Страхъ съ каждымъ мгновеніемъ увеличивался въ такой степени, что даже нѣкоторые визиря изъ опасенія потерять все свое имущество, въ случаѣ осады города казаками, отправили всѣ свои драгоценности, уложенныя въ сундуки, къ представителямъ иностранныхъ державъ, какъ напр. къ Лустриери, тогдашнему интернунцію императора Фердинанда II-го, въ надеждѣ, что въ домахъ этихъ представителей будетъ безопасно.

Между тѣмъ, желая принудить казаковъ къ диверсіи, а пока защищаться сколько возможно, турки отправили въ величайшей поспѣшности чауша въ Польшу, ко двору короля Сигизмунда, съ угрозою войны, если послѣдній тотчасъ-же не пошлетъ войска на Днѣпръ, гдѣ казаки оставили женъ и дѣтей.

Затѣмъ, съ цѣлю загородить казацкому отряду путь, были вооружены двѣ новыя крѣпости на Босфорѣ и входъ въ проливъ былъ загороденъ бревнами и плотами, связанными между собою цѣпями. Но и это казалось недостаточнымъ: изъ арсенала вытащили ту большую цѣпь, при помощи которой во время Магомета II-го византіяны заперли Босфоръ. Стоявшій въ индійскомъ портѣ отрядъ судовъ, въ количествѣ 60 галеръ, получилъ приказаніе идти на встрѣчу казакамъ.

До сей поры казаки шли съ попутнымъ вѣтромъ и Яхія рассчитывалъ уже войти съ авангардомъ въ Босфоръ; но вотъ, 6 августа, въ то время какъ претендентъ, съ большимъ нетерпѣніемъ чѣмъ когда либо, ожидалъ появленія главной части отряда, поднялся противный вѣтеръ, воспользовавшись которымъ турецкія галеры вышли изъ индійскаго порта.

Снявшись съ якоря, лишь только на гротъ-мачтѣ адмиральскаго судна былъ поднятъ сигналъ о приближеніи «клино-бородыхъ» (какъ турки называли казаковъ), двадцать турецкихъ галеръ пошли подъ полными парусами прямо на ладьи отряда Яхія. Остальныя турецкія суда остались позади, такъ какъ давали течь и плохо двигались.

Адмиральское судно прямо направилось на ладью, гдѣ находился Яхія, потому-ли что узнало въ ней ту, которая вела отрядъ, или случайно—неизвестно. На пути оно потопило двѣ казацкія ладьи, но весьма неудачно для себя-же, ибо, наскочивъ на вторую, оно поломало свой руль и не было уже въ состояніи не только напасть на Яхю, но и управляться. Еще немного и оно было-бы захвачено казаками, которые, узнавъ его по его тремъ фонарямъ, окружили со всѣхъ сторонъ и полѣзли на него съ саблями и дубинами.

Они уже были на палубѣ у средней мачты и гребцы (большую частью, плѣнные казаки) побросали уже весла, какъ выстрѣлами изъ кормовыхъ орудій были потоплены ладьи, находившіяся съ одной стороны судна; съ другой—къ нему подошлѣли на помощь другія двѣ галеры, открывшія по ладьямъ сильный артиллерійскій огонь. Казаки, однако, были отброшены лишь послѣ большихъ усилій; они овладѣли бы и галерой начальника арсенала и другими. Если бы поднявшійся во время сраженія вѣтеръ не надулъ паруса этихъ судовъ, спасшихся такимъ образомъ отъ абордажа.

Наступившія съ этого момента замѣшательство и суета продолжались нѣсколько часовъ.

Яхія отважно пробивался сквозь толпу, становясь впереди своихъ и одушевляя ихъ возгласами и примѣромъ, въ расчетѣ, что быстрота и сила ударовъ умалятъ значеніе поѣхн, причиняемой вѣтромъ и моремъ. Съ своей стороны, турки отчаянно бомбардировали непріятельскія суда, но вреда имъ не наносили; построенныя легко и снабженныя двумя рулями, одинъ на носу, другой на кормѣ, казацкія ладьи ускользали совершенно неожиданно отъ выстрѣловъ и, наоборотъ, быстро подступали какъ разъ въ то время, какъ прекращалась стрѣльба изъ орудій.

Яхія ожидалъ, съ минуту на минуту, прибытія главнаго отряда; но послѣдній, встрѣтивъ противный вѣтеръ и непогоду, былъ разсѣянъ по морю. Со всѣмъ тѣмъ ущербъ, нанесенный оттоманскому флоту, былъ значителенъ. Правда, что онъ нѣсколько лодокъ потопилъ или взялъ въ плѣнъ, вмѣстѣ съ людьми, но, потерпѣвъ аваріи свыше мѣры, вынужденъ былъ отступить. Кромѣ того, поднявшійся штормъ уничтожилъ четыре турецкихъ судна, вблизи Балъчика.

Турки, конечно, рассказываютъ объ этомъ событіи нѣсколько иначе, стараясь придать характеръ побѣды тому, что въ дѣйствительности было пораженіемъ.

Въ этомъ можно убѣдиться также изъ указаній англійскаго посланника при Портѣ, Роз, который, хотя пользовался турецкими источниками, долженъ

былъ сознаться, что если съ обѣихъ сторонъ было пролито много крови, то почти всѣ (находившіеся на судахъ) янычары были перебиты. Несомнѣнно то, что страхъ турокъ былъ очень великъ, если ихъ правительство немедленно приказало окончить работы по сооруженію крѣпости близъ вѣхода въ Восфоръ, въ Вукдере.

Ягія, въ виду непогоды, не могъ и не хотѣлъ преслѣдовать турецкаго отряда и повернулъ съ оставшимися казаками къ устью Днѣпра, спѣша соединиться съ главнымъ отрядомъ, который, сначала разбросанный, кончилъ все-таки тѣмъ, что собрался и направился къ устью той-же рѣки. Войдя туда за два часа до рассвѣта и не смотря на темноту, Ягія увидѣлъ триста турецкихъ лодокъ, стоявшихъ тамъ на якорѣ; внезапно началъ на нихъ и произвелъ смятеніе между турками, не ожидавшими такой напасти.

Велика была сообразительность Ягія, что онъ атаковалъ ихъ тотчасъ же; ибо турки, увидавъ непріятеля близко и изъ опасенія итѣ дѣло съ врагомъ болѣе многочисленнымъ, вѣроятно, воспользовались бы темнотою для бѣгства, или же, если бы были атакованы лишь утромъ, увидѣли бы, что превосходство на ихъ сторонѣ и, при помощи бывшихъ съ ними пушекъ, подвергли бы казаковъ величайшей опасности.

И здѣсь Ягія захватилъ большую добычу, главнымъ образомъ, по части военныхъ запасовъ, не говоря уже о 300 орудіяхъ, длиною въ 6 футовъ, нарочно сдѣланныхъ въ Константинополѣ для войны съ казаками.

Это случилось 28-го августа 1625 года.

Приказавъ сжечь турецкія лодки, претендентъ отступилъ на 3 мили за Очаковъ и ожидалъ прибытія своего отряда.

Три дня спустя, сильно поврежденный непогодой, подошелъ и главный отрядъ. Прибывшіе люди были въ отчаяніи, что не могли принять участія въ сраженіи, но Ягія ихъ утѣшилъ, раздѣливъ взятую на турецкихъ лодкахъ добычу поровну между всѣми.

При этой схваткѣ были освобождены три тысячи рабовъ христіанъ, которыхъ взялъ сюда съ собою темешварскій паша. Когда казаки напали на турокъ, эти плѣнники, желая, чтобы ихъ узнали, подняли громкіе крики и тѣмъ не мало содѣйствовали пораженію своихъ притѣснителей, османовъ, которыхъ, какъ извѣстно, погибло при этомъ дѣлѣ семь (?) тысячъ.

Получивъ извѣстіе, что поляки, побуждаемые и угрожаемые турками, готовились къ походу противъ казаковъ, люди Ягія спросили у него позволеніе отправиться домой, клятвенно обѣщая какъ можно скорѣе вернуться къ затѣянному дѣлу.

Отнятыя у турокъ пушки были разставлены на лады, а по прибытіи домой, казаки, на радостяхъ, дали изъ нихъ залпъ.

Перев. съ итальянскаго А. А. Гжрсь.

ИМПЕРАТРИЦА МАРІЯ ТЕОДОРОВНА

въ ея заботахъ о Смольномъ монастырѣ

1797—1802.

I.

Христіанское милосердіе, благотворительность ближнему въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и основательное воспитаніе нѣсколькихъ поколѣній,—вотъ тѣ великія задачи, которымъ блаженная памяти императрица Марія Теодоровна посвятила бѣольшую часть своей жизни.

Путь къ этимъ задачамъ былъ уже намѣченъ императрицею Екатериною II-ю учрежденіемъ въ обѣихъ столицахъ опекунскихъ совѣтовъ и воспитательныхъ домовъ, а въ С.-Петербургѣ—воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ при Смольномъ монастырѣ.

Но императрица Екатерина II была постоянно озабочена управленіемъ обширнымъ государствомъ и обезопасеніемъ его границъ, тогда какъ императрица Марія Теодоровна имѣла возможность дать бѣольшее примѣненіе и развитіе предначертаніямъ мудрой государыни, за которою исторія оставила названіе „Матери отечества“, исключительно посвятивъ болѣе четверти столѣтія учрежденію, отчасти на свой счетъ, отчасти на средства опекунскихъ совѣтовъ и на пожертвованія частныхъ благотворителей, не только нѣсколькихъ другихъ институтовъ и училищъ, но и больницъ для бѣдныхъ, зорко и неутомимо слѣдя, въ малѣйшихъ подробностяхъ, за устройствомъ каждаго изъ этихъ заведеній и

за дѣйствіями мѣстнаго управленія оными, требуя отъ него всегда и во всемъ результатовъ, соответственныхъ цѣли и потому вполне удовлетворительныхъ.

Къ заслугамъ редакціи „Русской Старины“ слѣдуетъ отнести, что, въ ряду множества весьма интересныхъ историческихъ матеріаловъ, она напечатала (въ январской книгѣ изд. 1882 г.) завѣщаніе императрицы Маріи Теодоровны, исполненное самаго высокаго патріотизма и нѣжной заботливости объ учрежденіяхъ, которыя процвѣтали и развились подъ ея бдительнымъ, неусыпнымъ, личнымъ надзоромъ. Въ этомъ замѣчательномъ государственно-историческомъ актѣ императрица перечисляетъ всѣ общепользныя заведенія, которыя она сама основала и коими доказала рѣдкое умѣніе созидать прочно. Относительно каждаго изъ нихъ она выражаетъ желаніе, чтобы матеріальныя средства, которыми она обезпечила ихъ существованіе, остались за ними навсегда (à perpétuité).

Почти одновременно изданы были, включенныя въ составъ цѣлыхъ сочиненій или въ видѣ отдѣльныхъ сборниковъ, письма этой достопамятной государыни къ почетнымъ опекунамъ Нелединскому-Мелецкому по управленію Московскимъ воспитательнымъ домомъ и Муханову по постройкѣ въ Москвѣ Маріинской больницы и къ кавалерственной дамѣ Пѣвцовой, начальницѣ Московскаго Еватерининскаго института, а также къ предсѣдателю Московскаго опекунскаго совѣта кн. С. М. Голицыну, всего 478 писемъ.

Въ нихъ обнаруживаются не только любвеобильная, возвышенная душа и чадолубивое сердце, но и великій, практично-административный умъ необыкновенно-дѣятельной государыни, славное имя которой, послѣ ея кончины, присвоено всѣмъ учрежденіямъ, разросшимся и процвѣтавшимъ подъ ея благословеннымъ покровительствомъ. При императрицѣ Маріи Теодоровнѣ положено начало существованію дѣвичьихъ институтовъ въ губернскихъ городахъ; впоследствии учреждены сиротскія заведенія и женскія гимназіи; а теперь по всей Имперіи, число воспитательныхъ и благотворительныхъ учреждений императрицы Маріи простирается до 500.

Одинъ изъ ближайшихъ ея сотрудниковъ, статсъ-секретарь Вилламовъ, называлъ меня внукомъ Смольнаго монастыря

(le petit fils de la Communauté) и, дѣйствительно, съ самаго дѣтства моего, близкія, почти родственныя, узы связали меня съ этимъ заведеніемъ. Бабушка моя ¹⁾ была одною изъ его начальницъ и матушка моя получила тамъ настолько серьезное образованіе, что сама готовила меня къ поступленію въ гимназію, такъ что если отъ моей жизни была какая-нибудь польза, то я этимъ обязанъ Смольному монастырю.

Призванный высочайшимъ довѣріемъ, на завѣтъ дней моихъ, въ почетные опекуны, я тѣмъ болѣе считаю теперь священнымъ долгомъ, въ свою очередь, издать тѣ письма, которыми въ Божѣ почившая императрица Марія Ѳеодоровна удостоивала мою бабушку, въ бытность ея начальницею сего заведенія, и которыя всѣ носятъ слѣды неусыпно-дѣятельной заботливости императрицы о преуспѣяніи сего института.

II.

Рѣка Нева, пройдя мимо Александро-Невской лавры, дѣлаетъ изгибъ влѣво. На этомъ побережьи, насупротивъ Охты, въ первое время существованія С.-Петербурга, находились Смоляной дворъ (дегтярный заводъ) и деревня, получившая отъ него наименованіе Смольной. Близъ нея Петръ Великій построилъ, въ 1720 году, загородный дворецъ, который также получилъ названіе Смольнаго. Впослѣдствіи тамъ проводила лѣто цесаревна Елисавета Петровна. Когда же въ 1748 г. на мѣстѣ этого дворца начата была постройка Воскресенскаго-Новодѣвичьяго монастыря ²⁾, то его стали называть Смольнымъ монастыремъ и это названіе осталось за нимъ, даже послѣ обращенія обители въ учебное заведеніе.

Воскресенскій монастырь основанъ былъ цесаревной Елисаветой Петровной, которая при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, дабы хоть сколько нибудь отклонить отъ себя подозрѣніе въ

¹⁾ Кавалерствѣнная дама Елис. Александр. Пальменбахъ, рожд. баронесса Черкасова. Приложенный здѣсь портретъ ея исполненъ съ фотографіи, воспроизведенной съ живописнаго портрета, писаннаго Левицкимъ. Оригиналъ принадлежитъ С. А. Ватюшковой, рожд. Зубовой.

²⁾ См. Изъясненіе мѣстности и плана С.-Петербурга въ 1700 г. Сиб. 1846 г., печ. въ типогр. К. Жернакова, и Историч. очеркъ столѣтней жизни Воспитат. общества благородныхъ дѣвицъ, соч. В. Н. Лебедева. Сиб. 1864 г.

честолюбивыхъ видахъ на верховную власть, заявляла намѣреніе принять образъ иноческій. Постройка монастыря поручена была знаменитому зодчему графу Растрелли ¹⁾ и настолько была имъ окончена, что въ немъ помѣщены были монахини съ игуменьей; но цесаревна медлила переселеніемъ туда и принятиемъ чина ангельскаго. Когда же, во время регентства Бирона, врачъ цесаревны Лестокъ наглядно изобразилъ ей ожидавшую ее судьбу, показавъ ей два рисунка, изъ коихъ на одномъ она представлена была въ порфирѣ и коронѣ, а на другомъ монахиней ²⁾, то она не затруднилась совершить ночью извѣстный государственный переворотъ.

Зданіе Воскресенскаго Новодѣвичьяго монастыря до сихъ поръ сохранило свой первоначальный наружный видъ; оно обнесено каменной оградой съ башнями. Внутри, но не посреди двора, а по угламъ, и въ общей связи съ монастырскимъ зданіемъ, находятся двѣ церкви съ куполами. Множество корридоровъ ³⁾ и крытыхъ галлерей, при кельеобразномъ распредѣленіи покоевъ, ясно показываютъ, что зданіе соответствовало цѣли, которая имѣлась въ виду при его сооруженіи.

Въ то-ли время или по вступленіи Елисаветы Петровны на престолъ выстроенъ былъ графомъ Растрелли пятиглавый соборъ, стоящій внѣ каменной монастырской ограды и вправо отъ нея,—неизвѣстно. Достоверно то, что оны въ продолженіе цѣлаго столѣтія не былъ отдѣланъ и внутри не былъ оштукатуренъ. Уже императоръ Николай Павловичъ поручилъ внутреннюю отдѣлку его архитектору Стасову и, въ 1834 году, былъ, наконецъ, освященъ этотъ великолѣпный, обширный и свѣтлый внутри храмъ, который тогда же Высочайше повелѣно име-

---

¹⁾ Впослѣдствіи оны прославилъ, въ архитектурномъ отношеніи, царствованіе Елисаветы Петровны построеніемъ въ Кіевѣ Андреевскаго собора, а въ С.-Петербургѣ Зимняго дворца, освященнаго при Петрѣ Ш, соборовъ: Владимірскаго и Николы Морскаго, и домовъ: 1) графа Шереметева, 2) оберъ-гофмаршала графа Левенвольда, (поступившаго потомъ во владѣніе Бироновъ, впослѣдствіи графовъ Строгановыхъ) и 3) дома духовника Елисаветы Петровны, протоіерея Дубенскаго, который долго принадлежалъ генераль-адъютанту Зяновъеву, а теперь недавно купленъ для великаго князя Георгія Александровича.

²⁾ *Mémoires du Comte de Ségur.*

³⁾ Холодныхъ, какіе были первоначально и въ Зимнемъ дворцѣ.

новать Соборомъ всѣхъ учебныхъ заведеній и гдѣ теперь, обыкновенно, празднуется тезоименитство Государыни Императрицы, причемъ богослуженіе совершаетъ митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій, въ присутствіи опекунскаго совѣта и депутацій отъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній.

¶) Участіе свое къ Воскресенскому Новодѣвичьему монастырю императрица Елисавета Петровна доказала снова, по вступленіи своемъ на престолъ, тѣмъ, что повелѣла отпустить изъ кабинета сумму на его содержаніе.

Но въ 1764 г. Екатерина II основала Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ, и воспитанницы этого перваго въ Россіи женскаго института размѣщены были въ зданіи Воскресенскаго монастыря, за одной оградой съ монахинями, отчего это самое учебное заведеніе до сихъ поръ именуется въ просторѣчій Смольнымъ монастыремъ. По французски же, его и понынѣ называютъ la Communauté (Община). Замѣчательно, что въ послѣдовавшемъ по сему случаю именномъ указѣ отъ 5-го мая ¹⁾ Воскресенскій монастырь названъ новоотроющимся. Надо полагать, что въ то время число монахинь въ этомъ монастырѣ ни въ какомъ случаѣ не умножалось; по крайней мѣрѣ, при Павлѣ I монахинь, доживавшихъ тамъ свой вѣкъ, было только три. Надъ ними была игуменья Анатолія. На содержаніе монастыря полагалось по штату 4,752 р., которые отпускались, по прежнему, изъ кабинета. Игуменья получала жалованья 300 р. въ годъ, а монахини по 100 р. При монастырѣ состояли: протоіерей, два священника, два дьякона, три дьячка, пономарь, просвирня, подъячій при казначеѣ для письменныхъ дѣлъ (получавшій 60 р. жалованья), 19 служанокъ при казначеѣ и монахиняхъ, 8 служителей и звонарей и наконецъ особый швейцарь, собственно при входѣ въ монастырь ²⁾.

Дабы распредѣленіе зданій въ этой мѣстности было вполне понятно въ смыслѣ топографическомъ, остается присовокупить, что въ началѣ сего столѣтія выстроены были еще два большихъ

¹⁾ П. С. З. Р. И., т. XVI, № 12.154.

²⁾ 30 декабря 1796 г. контора Новодѣвичьего монастыря подчинена Совѣту Общества благородныхъ дѣвицъ, П. С. З., т. XXV, № 17.701.

Бар. Э. А. В.

трехъ-этажныхъ дома: одинъ вправо отъ собора, куда и переведены были изъ монастыря всѣ благородныя дѣвицы; а другой — влѣво не только отъ собора, но и отъ монастыря и загородившій, въ формѣ подковы, проѣздъ на Неву. Тамъ, съ того времени, размѣщено было мѣщанское отдѣленіе ¹⁾ Смольнаго монастыря и устроены квартиры для эконома, врача, секретаря и прочихъ должностныхъ лицъ. Въ старомъ же монастырскомъ зданіи помѣщенъ былъ учрежденный въ 1803 году Вдовій домъ ²⁾. Для него, послѣ отдѣлки собора, выстроено, рядомъ съ онымъ, особое зданіе.

III.

Какъ выше было сказано, воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ учреждено именнымъ указомъ 5-го мая 1764 года. Въ немъ выражено, что открытіе сего заведенія на 200 воспитаницъ назначено на 28-е іюня того же года и что планъ его устройства, составленный генераль-поручикомъ Бецкимъ, былъ разсмотрѣнъ по высочайшему повелѣнію особою комиссіею и вполнѣ одобренъ ею. Изъ этого же указа узнаемъ, что начальницею общества назначена была княжна Анна Долгорукова ³⁾,

¹⁾ Оно учреждено было менѣ чѣмъ годъ спустя послѣ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, подъ названіемъ «особливаго училища при Воскресенскомъ Новодевичьемъ монастырѣ» (П. С. З. Р. И. № 12323, т. XVII).

²⁾ Въ Москвѣ учрежденъ тогда же другой Вдовій домъ.

³⁾ Свѣдѣнія о первой начальницѣ Смольнаго монастыря, княжнѣ Аннѣ Сергѣевнѣ Долгоруковой, довольно скудны. Изъ Сказаній о родѣ князей Долгоруковыхъ, Спб., 1840 г., стр. 168 — 169, узнаемъ, что княжна была родная сестра князя В. С. Долгорукова, пробывшаго 25 лѣтъ росс. посланникомъ при Фридрихѣ Великомъ. Онъ отличался обширнымъ умомъ и образованіемъ. По увѣренію автора вышеприведенной книги, княжна Анна Сергѣевна ни умомъ, ни душевными качествами не уступала брату своему. Быть можетъ, онъ ее рекомендовалъ императрицѣ Екатеринѣ II въ начальницы Смольнаго монастыря, причѣмъ она была пожалована въ камеръ-фрейланы; но она въ 1766 г. испросила себѣ увольненіе отъ должности (см. «Русск. Стар.» январь 1871 г.), удалилась въ Москву и тамъ скончалась въ 1778 году. О ней въ «Росс. Родосл. книгѣ» кн. П. В. Долгорукова, ч. I, Спб., 1854 г., сказано только (на стр. 96), что она родилась 28-го марта 1719 г. и скончалась 13-го марта 1778 г., а также, что тѣло ея погребено въ Донскомъ монастырѣ.

Бар. Э. А. В.

а правительницею — вдова дѣйствительнаго статскаго совѣтника Софья де-ла-Фонъ.

Къ этому указу приложены: уставъ, подраздѣленный на главы и отдѣлы и состоящій всего изъ 107 параграфовъ, и штатъ.

Въ самомъ началѣ устава мы видимъ указаніе на систему совѣтовъ, членамъ которыхъ, съ присвоеніемъ имъ званія попечителей, ввѣрено завѣдываніе частями учебною и хозяйственною. При учрежденіи впоследствии времени другихъ институтовъ, эта система примѣнена была и къ нимъ, съ переименованіемъ прежнихъ попечителей въ почетные опекуны. Въ уставѣ Воспитательнаго общества сказано именно: „Кромѣ начальницы, надлежитъ быть еще четыремъ знатнымъ особамъ изъ гг. сенаторовъ или другихъ именитыхъ чиновъ, отъ ея императорскаго величества назначенныхъ, которые должность свою отправляютъ изъ одной чести и любви къ ближнему, засѣдая въ собраніи какъ для совѣта и свидѣтельства дворянства молодыхъ дѣвицъ, такъ и для экономіи“. Далѣе упомянуто, что на попеченіи совѣта находится и касса заведенія.

На первый разъ приемъ былъ ограниченъ 50-ю дѣвочками, 5-ти и 6-ти-лѣтнаго возраста. Слѣдующіе приемы возобновлялись чрезъ каждые три года; курсъ продолжался цѣлыхъ 12 лѣтъ и раздѣленъ былъ на 4 возраста, называвшіеся, по цвѣту платья: кофейнымъ, голубымъ, сѣрымъ (впоследствии зеленымъ) и бѣлымъ.

Въ основу плана воспитанія положены были: развитіе религіознаго чувства, христіанское благочестіе и общая молитва, т. е. чтобы воспитанницы молились всѣ вмѣстѣ. Къ числу преподаваемыхъ предметовъ принадлежали, кромѣ Закона Божія, языковъ: русскаго и иностранныхъ съ ихъ словесностью, ариѳметики, географіи и исторіи, — еще: начатки архитектуры и геральдики, экономія или домостройство, искусства и рукодѣліе.

Начальницѣ поручено уставомъ всецѣло посвятить себя благосостоянію дѣвицъ, „которыя, яко драгоцѣнный для нея, для государства и отечества залогъ, ввѣрены благоразумному ея попеченію“. Она, по уставу, полная хозяйка дома, куда никто не пускается безъ ея позволенія; она должна знать все, что въ немъ происходитъ, весь женскій персоналъ ей подчиненъ, успѣхи каждой воспитанницы должны ей быть извѣстны, для чего она внезапно посѣщаетъ классы и присутствуетъ на экзаменахъ; ей

приказано поступать во всемъ съ крайнимъ благоразуміемъ и кротостью, соединяя оныя „наипаче съ непринужденною веселостью. И сіе внушать молодымъ дѣвицамъ, дабы симъ способомъ отвращенъ былъ и самый видъ всего того, что скукою, грустью или задумчивостью назваться можетъ“.

Что же касается до правительницы, то это лицо должно было быть по уставу помощницею начальницы по всѣмъ возложеннымъ на нее занятіямъ и исполнительницею ея приказаній; но она должна была присутствовать при урокахъ и всегда быть готовою исправлять должность начальницы. О ней также сказано въ уставѣ, что всѣ дѣйствія ея должны отличаться умеренностью и кротостью и что она не должна никогда обнаруживать суровости, досады, гнѣва и, вообще, чего либо огорчительнаго.

Ипструкціи начальницъ и правительницъ дополнены наставленіями, проникнутыми тѣмъ же возвышеннымъ духомъ для надзирательницъ, учительницъ и учителей. О какихъ-либо наказаніяхъ нерадивымъ воспитанницамъ и рѣчи нѣтъ; вмѣнено въ обязанность доискиваться настоящихъ причинъ плохихъ успѣховъ, не допускать унынія и застѣнчивости и всѣ мѣры взысканія ограничивать увѣщаніями и внушеніями. Изъ нихъ важнѣйшая—строгій выговоръ въ присутствіи всѣхъ подругъ за нарушеніе благоговѣнія въ церкви. Постоянно рекомендуется доводимое до возможнаго изящества учтивое и ласковое обращеніе, и утонченность въ этомъ смыслѣ доходитъ до того, что отъ классныхъ дамъ требуется, чтобы онѣ скрывали отъ воспитываемыхъ ими дѣтей свои собственныя, домашнія огорченія.

Для преподаванія наукъ тогда уже, какъ и теперь, отдавалось предпочтеніе женскому полу надъ мужскимъ. Здѣсь же мы видимъ начало пепиньерокъ; ибо дѣвицы 4-го возраста должны служить примѣромъ остальнымъ 3-мъ возрастамъ и изъ нихъ двѣ ежедневно обучаютъ младшихъ „въ помощь учительницамъ и для собственной практики“.

Наконецъ, попеченія начальства и въ то время не всегда прекращались съ окончаніемъ курса: въ случаѣ сиротства или по инымъ уважительнымъ причинамъ, дѣвицы могли оставаться въ Смольномъ монастырѣ на нѣсколько лѣтъ, не въ числѣ классныхъ.

Монахинямъ Воскресенскаго монастыря пріискано занятіе, — уходъ за больными воспитанницами.

Санитарныя мѣры всё очень дѣльныя: пища должна быть простая, но здоровая, воспитанницы сами присматриваютъ за изготовленіемъ ея и договариваются съ поставщиками о припасахъ. Гулянье въ садахъ признано необходимымъ, точно также, какъ вентиляція дортуаровъ и отопленіе ихъ по термометру; а число часовъ для сна опредѣлено, по лѣтамъ воспитанницъ, отъ 6½ до 9-ти часовъ.

Такая подробная регламентация, очевидно, не могла внезапно выйти изъ головы И. И. Бецкаго, какъ нѣкогда Минерва во всеоружіи, а должна была быть основана на какомъ-либо давно извѣданномъ опытѣ. Въ то время еще пользовался во всей Европѣ большой репутаціей единственный и вполнѣ образцовый дѣвичій институтъ, основанный близь Парижа Людовикомъ XIV и г жею де-Ментенонъ, подъ названіемъ *La Maison Royale de St. Louis à St. Cyr*. Въ томѣ III (стр. 215, примѣчаніе) сочиненія герцога де Ноайль (*Noailles*), озаглавленнаго *Histoire de M-me de Maintenon, Paris, 1849—1858*, сказано, что когда Петръ I, въ бытность свою во Франціи, посѣтилъ этотъ институтъ, то ему были вручены уставъ и планъ онаго.

Вѣрно-ли это извѣстіе, къ которому герцогъ Ноайль, со свойственнымъ французамъ самоувѣреннымъ легкомысліемъ, прибавляетъ будто этотъ же государь основалъ въ Россіи подобный институтъ (*la maison impériale des filles nobles*); нашла ли Екатерина II этотъ уставъ въ кабинетныхъ бумагахъ своего знаменитаго предшественника или вытребовала экземпляръ онаго чрезъ своего посланника въ Парижъ?—на всѣ эти вопросы, къ сожалѣнію, не нашлось отвѣта ни въ одномъ изъ архивовъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, тогда какъ весьма интересно было бы отнести къ Преобразователю Россіи и столь великое дѣло, какъ начало женскаго образованія въ нашемъ отечествѣ.

За отсутствіемъ официальныхъ указаній, остается догадываться, что жена француза, г-жа де ла Фонъ, — вѣроятно сама французженка и, быть можетъ, бывшая воспитанница Сень-Сирскаго института, о которой мы слышали отъ покойнаго обер-камергера графа А. П. Рибоьера, что съ нею хорошо знакомъ былъ И. И. Бецкій и что онъ ее рекомендовалъ въ правитель-

ницы Смольнаго монастыря,—частнымъ образомъ выписала изъ Франціи и доставила Бецкому всѣ матеріалы для составленія устава Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ.

Дѣйствительно, при сравненіи началъ, на которыхъ были основаны оба заведенія, вездѣ оказываются разительныя черты сходства. Въ Сень-Сирѣ къ начальницѣ опредѣлена была помощница (Assistante),—та же правительница, какъ и въ Смольномъ монастырѣ; тамъ же Совѣтъ, въ которомъ засѣдали сановники, одинъ изъ коихъ имѣлъ докладъ у короля. Помогая г-жѣ де-Ментенонъ въ заботахъ о ея воспитанницахъ, иные изъ нихъ добивались министерскихъ портфелей, а одинъ даже, получивъ управленіе министерствомъ, оставилъ за собою званіе члена Сень-Сирскаго Совѣта ¹⁾. Въ Сень-Сирѣ начальница должна была быть, по данной ей инструкціи, душою заведенія, соединяя въ себѣ твердость съ кротостью. Воспитанницы были раздѣлены на 4 класса, отличавшіеся цвѣтомъ лентъ на коричневыхъ платьяхъ; курсъ продолжался 12 лѣтъ. Примѣръ предпочтенія учительницъ учителямъ данъ былъ также Сень-Сирскимъ уставомъ. Названіе общины (Communauté) прямо заимствовано было отсюда же для Смольнаго монастыря. Въ обоихъ заведеніяхъ, для приученія дѣвицъ къ свѣтскому обращенію, бывали танцевальныя собранія и театральныя представленія въ присутствіи августѣйшихъ особъ.

Такимъ образомъ, мы приходимъ къ заключенію, что если порядки, заведенныя въ Сень-Сирскомъ институтѣ, послужили образцомъ для устройства Смольнаго монастыря, то планъ воспитанія во всѣхъ институтахъ, впоследствии основанныхъ въ Россіи, остался тотъ же, какимъ онъ былъ при Екатеринѣ II и что со времени ея царствованія, общія начала этого плана были лишь развиваемы и примѣняемы на большемъ пространствѣ и въ большихъ размѣрахъ. Дѣйствительно, существенная разница между прежними, вполне закрытыми институтами, гдѣ родители, въ продолженіе всего курса, могли лишь изрѣдка навѣщать своихъ дѣтей, и теперешними, заключается только въ томъ, что съ нѣво-

¹⁾ Вуазень (Voisin), Шамилляръ, Ормессонъ, маршалъ Ноайль и Виллеруа (Hist. de M-me de Maintenon, т. III, стр. 35, и Th. Lavallée, Hist. de la Maison de St. Cyr, Paris, 1853, стр. 131).

того времени ихъ стали отпускать въ семьи на лѣтнія вакаціи, на Святую недѣлю и на Святки. Къ числу нововведеній относится и допущеніе, въ качествѣ экстернъ (приходящихъ), дочерей служащихъ и живущихъ въ институтахъ.

Баронъ Ф. А. Бюлеръ.

IV.

L'impératrice Marie Féodorovna savait apprécier les hommes et connaissait la puissance d'un mot sorti du cœur. Elle me charmaît toujours par son aménité et je sentais que par sa bonté et sa délicatesse, elle régnait sans partage sur tous les cœurs.

(Изъ дневника фельдмаршала князя Варшавскаго, графа Паскевича Эриванскаго, см. его Живнѣописаніе во французскомъ переводѣ. Спб., 1888 г.).

Баронъ Федоръ Андреевичъ Бюлеръ съ обычною ему обязательностью сообщилъ редакціи «Русской Старины» собраніе писемъ императрицы Маріи Феодоровны къ статсъ-дамѣ Лафонъ и кавалерственной дамѣ Пальменбахъ, рожд. баронессѣ Черкасовой, 1797—1802 гг., на французскомъ языкѣ, въ копіи, тщательно проверенной барономъ съ подлинниками, доставшимися ему по наслѣдству, какъ внуку Елисаветы Александровны Пальменбахъ ¹⁾.

¹⁾ Происходя отъ брака извѣстнаго сподвижника императрицы Екатерины II, дѣйств. тайн. сов. барона Александра Ивановича Черкасова съ единственною дочерью Вирона, она была родною внучкою двухъ ненавидѣвшихъ другъ друга въ свое время лицъ: кабинетъ-министра бар. Ив. Ант. Черкасова и всецельнаго герцога, сославшаго его въ Астрахань съ званіемъ сборщика податей, гдѣ онъ и пробылъ до воцаренія Елисаветы Петровны (Подробныя біографіи бар. Черкасовыхъ см. Словарь достопамятныхъ людей русск. землп, Бантышъ-Каменскаго, ч. 5-я, стр. 261). У бар. А. И. Черкасова, было двое братьевъ (родные дяди Е. А. Пальменбахъ): бар. Ив. Ивановичъ, адмиралъ, женатый на княжнѣ Е. М. Вѣлосельской-Вѣлосерской, и баронъ Петръ Ив., который служилъ въ молодости своей въ Конной гвардіи и женатъ былъ сперва на Жеребцовой, а потомъ на Кожиной. Отъ него происходятъ всѣ находящіеся нынѣ въ живыхъ бар. Черкасовы.

Въ статьяхъ бар. Ф. А. Бюлера «Черты изъ жизни кн. Потемкина» («Древняя и Новая Россія», декабрь, 1875 г., стр. 347) и «Два эпизода изъ царствования

Лица, коиъ адресованы эти письма, статсъ-дама Лафонъ ¹⁾ и кавалерст-

ванія Екатерины II», которыя помѣщены были въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1870 и 1871 гг., въ первомъ эпизодѣ, въ главахъ III—VII, IX и X, и во второмъ, въ главахъ III и IV, и въ 6 части эпилога находится много свѣдѣній о баронахъ Черкасовыхъ; а въ X-й главѣ перваго эпизода заключаются даже неизданными дотоу нвѣстія о Биронахъ. Въ гербѣ бароновъ Черкасовыхъ изображенъ гусь. Въ дипломѣ на пожалованіе Ивану Антон. Черкасову баронскаго достоинства сказано, что гусь означаетъ въ этомъ случаѣ «званіе его предковъ». Дѣйствительно, фамильное преданіе гласитъ, что предки Черкасовыхъ въ Малороссіи носили званіе гусей, будучи предводителями мѣстныхъ племенъ. Такимъ образомъ, городъ Гусятинъ въ Подольской губерніи былъ ничто иное, какъ тынъ, т. е. укрѣпленіе, гуса (предводителя).

Въ январской книжкѣ «Русской Старины» 1873 г., въ статьѣ бар. Э. А. Бюлера «Герцогъ Биронъ, регентъ Россійской имперіи», на стр. 54, объ Е. А. Пальменбахъ сказано, что когда ее пытались разспрашивать о Биронѣ, то почтенная старушка, отличавшаяся умомъ и тактомъ, всегда отвѣчала уклончиво, что де «о Биронѣ говорить не стоить, тау какъ о немъ ничего нельзя сказать хорошаго».

Вообще, при нѣсколько оригинальномъ складѣ ума, Е. А. была просвѣщенною патриоткою и православною, безъ малѣйшаго ханжества. Таку, у ней никогда не было въ спальнѣ ни кюта, ни лампы; а просто образъ въ углу, предъ которымъ не зажигалось и свѣчи; но Е. А. часто бывала у обѣдин, готовила разъ въ годъ и не терѣла никакихъ религіозныхъ споровъ. А когда въ 1816 году, ея двоюродная сестра, принцесса Луиза Карловна Биронъ, вступила въ бракъ съ гр. Мих. Юр. Вельгорскимъ, послѣ кончины своей младшей сестры Екатерины, бывшей его первою женою, то Е. А. Пальменбахъ, справедливо считая такой бракъ нарушеніемъ церковныхъ канонѡвъ, отказалась принять визитъ новобрачныхъ, несколько не стѣняясь тѣмъ, что они пользовались весьма почетнымъ положеніемъ при дворѣ; съ тѣхъ поръ, она и ея дочери порвали всякія связи съ курляндскими Биронами и перестали считаться съ ними родственнми.

Бар. Э. А. В.

¹⁾ Въ 1757 г., во время посольства гр. Ла-Шатарди въ С.-Петербургѣ, служилъ во французскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ какой-то de Lafont (C-te Vandal, Louis XV et Elisabeth de Russie, стр. 195).

О Софіи Ивановнѣ Лафонъ (de La Font) извѣстно только, что она была вдова дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Она похоронена на Волковскомъ пловѣрческомъ кладбищѣ, рядомъ съ дочерью своею и зятемъ бар. Гейкингомъ, авторомъ извѣстныхъ записокъ и президентомъ юстицъ-коллегіи, существовавшей въ Петербургѣ для остзейскихъ губерній. Дѣтей у Гейкинга не было, но воспитанница имъ племянница, баронесса Гейкинга, вышла одна за сенатора О. О. Дюгамеля, а другая за московскаго главнокомандующаго гр. Тормасова.

Помѣщаемъ здѣсь именной указъ императора Павла Правительствующему Сенату отъ 11 августа 1797 г.

«Извѣстившись съ крайнимъ прискорбіемъ о кончинѣ начальницы общества благородныхъ двѣницъ Делафонъ, которой заслуги тѣмъ болѣе для насъ памяны, что она была первою участницею при основаніи сего полезнаго заведенія и въ уваженіе представленія ея императорскаго величества, нашей

венная дама Пальменбахъ ¹⁾, рожденная баронесса Черкасова, стояли, въ концѣ прошлаго столѣтія, во главѣ Смольнаго института, первая въ качествѣ его начальницы, а вторая—ея помощницы. При этомъ Е. А. Пальменбахъ была помощницею г-жи Лафонъ всего 6 лѣтъ, а самостоятельную начальницею, преемственно послѣ г-жи Лафонъ—пять лѣтъ. Обѣ онѣ, по своимъ высоконравственнымъ качествамъ и обширному образованію, оставили самую свѣтлую память въ высшемъ русскомъ обществѣ.

Особенныя заслуги, оказанныя ими Россіи, состояли въ томъ образованіи,

любезнѣйшей супруги, яко главноначальствующей надъ тѣмъ обществомъ, всемилоствѣннѣе повелѣваемъ быть въ ономъ начальницею Пальменбахъ, присвоивъ ей по сему мѣсту титулъ «превосходительства». (См. «Русская Старина», май 1871 г. Указы и распоряженія, состоявшіеся въ царствованіе Павла I, стр. 629—630).

Въ январской книгѣ того же года сего изданія сказано, что г-жа Лафонъ была реформатскаго исповѣданія и похоронена на Волковомъ кладбищѣ, «гдѣ и мѣсто отыскать невозможно».

Въ юльѣ мѣсяцѣ 1864 года мнѣ случилось быть на старомъ Волковомъ повѣрческомъ кладбищѣ, гдѣ я и отыскалъ, при самомъ входѣ, направо, близъ памятника сенатора О. О. Дюгамели, виднѣнный мною тамъ когда-то памятникъ г-жи Лафонъ. Вотъ обѣ надписи, которыя я успѣвшіи списать при этомъ случаѣ:

1. На лицевой сторонѣ монумента:

Ci-git Sophie de la Font,
née le VIII Août MDCCXVII, elle décéda le IX Août MDCCXVII,
Dame d'honneur de Sa Majesté l'Impératrice et Dame de l'Ordre de S-te
Catherine de la II-de classe.

2. На оборотѣ:

Supérieure de la Communauté Impériale des Demoiselles nobles, elle a organisé cet institut et l'a dirigé pendant 33 ans, avec autant de zèle, que de succès. La reconnaissance et la piété filiale lui ont érigé ce monument.

Эти надписи приводятъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1. Орфографія современниковъ (Lafond и la Fond) была ошибочна.
2. Родившись 8 августа 1717 г. и скончавшись 9 августа 1797 г., г-жа Лафонъ прожила ровно 80 лѣтъ и одни сутки.
3. Смольный монастырь имѣлъ и на французскомъ языкѣ свое официальное названіе.

За тою же оградой, направо отъ памятника г-жи Лафонъ, нашель я плиту, на которой не могъ разобрать никакой надписи. Вѣроятно, тутъ покоится ен дочь, баронесса Гейкиннгъ, воздвигнувшая памятникъ г-жѣ Лафонъ; по лѣвую же сторону отъ сей послѣдней похороненъ ен зять, сенаторъ баронъ Гейкиннгъ, что доказываетъ довольно хорошо сохранившася надпись.

Бар. О. А В

¹⁾ Фамилія фонъ-Пальменбахъ принадлежитъ къ нидерландскому матрикулированному рыцарству. Гербъ ен говорящій (armes parlantes): пальмовая вѣтвь, принесенная крестоносцемъ изъ Палестины, и озеро. Ив. Ив. фонъ-Пальменбахъ командовалъ дивизіей въ 7-ми лѣтн. войну; былъ ген.-поручикомъ и

или вѣрибѣ, сказать, въ томъ нравственно-религіозномъ воспитаніи, какое, подъ руководствомъ этихъ женщинъ, получили сотни дѣтей русскихъ дворянъ и даже средняго сословія; (это послѣднее, какъ извѣстно, воспитывалось, въ то время, на такъ называемой мѣщанской половинѣ Смольнаго монастыря).

Императрица Марія Теодоровна не только сердечно любила, но и чрезвычайно уважала г-жъ Лафонъ и Пальменбахъ, отдавая полную справедливость ихъ неустанной заботливости о вѣранныхъ имъ дѣтяхъ и ихъ телому, сердечному отношенію къ юному поколѣнію, росшему на ихъ глазахъ; въ собраніи писемъ этой государыни, на ряду съ обращеніями словъ любви и уваженія, есть не мало чертъ, характеризующихъ не только отношенія трехъ женщинъ другъ къ другу, но и взгляды самой императрицы Маріи Теодоровны на развитіе и воспитаніе дѣвицъ Смольнаго института, составлявшихъ предметъ ея постоянной заботливости.

Въ виду этого, «Русская Старина» находитъ необходимымъ представить обзоръ этихъ документовъ и привести изъ нихъ черты, наиболѣе характерныя и полезныя для живнеописанія незабвенной государыни Маріи Теодоровны, каковой трудъ и исполненъ, по нашей просьбѣ, Вѣрой Васильевной Тимошукъ. Примѣчанія къ этому очерку принадлежатъ барону Ф. А. Бюлеру.

Р е д.

имѣлъ Александровскую ленту. Женаъ онъ былъ на дочери ген.-фельдцейхмейстера и андреевскаго кавалера—Александра Никитича Вильбуа. Сынъ его, Евстафій Ив., былъ полковникомъ и кавалеромъ ордена св. Георгія 3-й ст. Командуя Елисаветградскимъ конно-егерскимъ полкомъ, онъ, въ сраженіи при Дубянкѣ, отбилъ 2 батареи у Костюшки и на 3-й палъ геройскою смертію. (Fr. v. Schmidt, Souvovog und Polens Untergang, т. II, стр. 434 и 435). Съ нимъ пресѣлся родъ Пальменбаховъ, такъ какъ отъ брака его съ баронессой Е. А. Черкасовой остались только 3 дочери: 1) фрейлина двора ея величества Софія Евстафьевна, бывшая въ замужествѣ за д. т. с. и сенаторомъ П. Л. Батюшковымъ (роднымъ дядей поэта Конст. Николаевича); 2) Александра Евстафьевна—за д. т. с. и сенаторомъ бар. А. И. Бюлеръ и 3) Екатерина Евстафьевна—за г. Шуплевымъ. Всѣ три воспитывались въ Смольномъ монастырѣ. Г-жа Пальменбахъ скончалась въ С.-Петербургѣ и похоронена на Смоленскомъ православномъ кладбищѣ, близъ старой церкви. На памятникѣ ея сдѣлана слѣдующая надпись:

Здѣсь покоится тѣло кавалерственной дамы
Елисаветы Александровны Пальменбахъ,
урожденной баронессы Черкасовой,
скончавшейся 23-го іюня 1832 г.,
на 71-мъ году отъ роду.

Памятникъ этотъ находится въ одной оградѣ съ памятниками ея второй дочери—баронессы А. Е. Бюлеръ, а также ея внучки, баронессы Е. А. Бюлеръ, и внука барона В. А. Бюлера.

Бар. Ф. А. В.

Обнимая короткій періодъ времени, 1797—1802 гг., собраніе писемъ императрицы Маріи Ѳеодоровны къ г-жамъ Лафонъ и Пальменбахъ не особенно богато количествомъ, такъ какъ этихъ писемъ сохранилось всего 28; этихъ писемъ было гораздо болѣе и хотя въ началѣ текущаго столѣтія никто еще не думалъ о собираніи коллекцій автографовъ, Е. А. Пальменбахъ раздарила много писемъ, адресованныхъ собственно ей императрицею Марією Ѳеодоровною. Выпрашивали у нея ихъ большею частью бывшія воспитанницы Смольнаго монастыря, желавшія имѣть на память хоть нѣсколько собственноручныхъ строкъ обожаемой благотворительницы. Всѣ письма служатъ нагляднымъ памятникомъ той нѣжной, можно сказать, истинно материнской заботливости, какую государыня эта проявляла по отношенію къ питомицамъ Смольнаго института, заботясь не только объ ихъ умственномъ развитіи, но и главнымъ образомъ объ ихъ нравственномъ и религіозномъ воспитаніи, которое она ставила на первый планъ, какъ единственное средство образовать изъ нихъ будущихъ хорошихъ матерей и семьянинокъ.

Во время своего пребыванія въ Петербургѣ, императрица Марія Ѳеодоровна часто навѣщала свое любимое дѣтище—Смольный институтъ, и ей не было надобности прибѣгать къ перепискѣ съ его начальницами, для того чтобы слѣдить за дѣлами этого учебнаго заведенія; поэтому большая часть вышеупомянутой переписки, а именно 25 писемъ, относятся ко времени отсутствія государыни изъ столицы и были писаны ею изъ Павловска, Гатчины, Петергофа и во время коронаціи, въ 1797 г., въ Москвѣ.

Насколько интересовалась императрица дѣлами института и какъ часто вспоминала о немъ, во время своего отсутствія, видно по тому, что въ короткій промежутокъ времени, съ 10-го марта 1797 г., когда она выѣхала въ Москву, по 1-е мая, день возвращенія государыни въ Петербургъ, т. е. въ теченіе менѣе, нежели двухъ мѣсяцевъ, ею адресовано на имя г-жи Пальменбахъ одиннадцать писемъ, которыя писались съ промежуткомъ не болѣе двухъ, трехъ дней и одинъ только разъ императрица пропустила цѣлую недѣлю, съ 10-го по 17-е апрѣля, не побесѣдовавъ письменно съ начальницею института и ея помощницей.

Многія изъ этихъ писемъ, по недостатку времени, занятому у императрицы переѣздами и официальными выѣздами, весьма кратки, иной разъ даже писаны ею не собственноручно, но рѣшительно всѣ свидѣтельствуютъ о томъ, что она горячо и неустанно заботилась о Смольномъ, желала знать малѣйшія подробности институтской жизни,

начиная съ выбора для дѣвиць учителей и классныхъ дамъ и кончая ихъ играми и забавами.

Въ 1797 г., начальница Смольнаго институту, статсъ-дама Лафонъ, женщина въ то время уже престарѣлая и часто прихварывавшая, обратилась къ государынѣ съ просьбою назначить ей помощницу; снисходя къ этой просьбѣ, императрица остановила свой выборъ на г-жѣ Пальменбахъ, въ лицѣ которой, какъ бывшей воспитанницы Смольнаго (вышедшей первою во 2-мъ выпускѣ 1779 г.), она надѣялась найти «особу, преданную институту, проникнутую тѣми правилами, которыя въ немъ преслѣдовались, и усердную помощницу начальницы въ ея трудахъ», что вполне подтвердилось на дѣлѣ и новая помощница въ такой степени оправдала довѣріе государыни, что была назначена ею начальницей институту, когда г-жа Лафонъ скончалась 9-го августа того-же 1797 г.

Избравъ помощницею г-жу Пальменбахъ и извѣстивъ объ этомъ начальницу институту собственноручнымъ письмомъ отъ 5-го февраля 1797 г., императрица, въ пространномъ письмѣ на имя г-жи Пальменбахъ, изложила ей свой взглядъ на воспитаніе дѣвиць, надежды, возлагаемыя на нее, и тѣ требованія, которыя она предъявляла къ ней, призывая ее быть руководительницей подростяющаго поколѣнія.

«Вы желали», пишетъ государыня (27-го февраля 1797 г.) «получить отъ меня собственноручно мною начертанную инструкцію тѣхъ обязанностей, которыя будутъ сопряжены съ вашей должностію; хотя истиннѣ, при усердіи, выказываемомъ вами, вы не нуждаетесь въ иныхъ указаніяхъ кромѣ того, чтобы вы и впредь дѣйствовали въ томъ же духѣ; но, снисходя къ вашему желанію, я коснусь подробностей, которыхъ вы отъ меня требуете. Попеченія, которыя наша добрая Лафонъ оказывала и продолжаетъ оказывать институту, могутъ служить образцомъ тѣхъ заботъ, коихъ я требую отъ васъ. Я желаю, чтобы вы занялись прежде всего росписаніемъ классовъ, согласно новому распредѣленію. Когда это будетъ сдѣлано, нужно будетъ озаботиться строгимъ выборомъ всѣхъ классныхъ дамъ, предназначаемыхъ въ бѣлый классъ. Вообще, я не могу достаточно обратить ваше вниманіе на этотъ предметъ; онъ важнѣе всѣхъ остальныхъ; я должна вамъ сказать, что согласно моему новому плану, инспектрисы должны отвѣчать за своихъ классныхъ дамъ; вотъ почему я требую, чтобы онѣ сами выбирали ихъ, для того чтобы на нихъ могла быть возложена и отвѣтственность за этихъ дамъ; то же самое относится до учителей, ихъ долженъ предлагать г. Кирьякъ, который будетъ отвѣтствовать за ихъ поведеніе, за ихъ нравственность и познанія. Я желаю, чтобы вы часто присутствовали въ классахъ и также часто

производили бы осмотръ дортуаровъ. Каждую недѣлю я желаю получать отчетъ о поведеніи классовъ и желаю, чтобы эта вѣдомость была подраздѣлена на двѣ рубрики. изъ коихъ одна будетъ для поведенія, а другая для успѣховъ. Учителя, послѣ каждаго урока, будутъ отмѣчать однимъ словомъ, возлѣ фамиліи каждой ученицы, была-ли она прилежна или нѣтъ; то же самое будутъ дѣлать инспектрисы относительно поведенія. Эти списки будутъ подаваться мнѣ каждое воскресенье утромъ. Классныя дамы подчиняются инспектрисамъ, эти послѣднія—вамъ, а всѣ вообще нашей доброй маманъ.

Классныя дамы, въ концѣ недѣли, будутъ подавать инспектрисамъ отчетъ о могущей произойти убыли въ бѣльѣ, одеждѣ и т. п. Инспектрисы будутъ передавать эти свѣдѣнія вамъ, а вы будете сообщать ихъ Муравьеву ¹⁾, который завѣдуетъ всѣмъ хозяйствомъ заведенія. Я желаю, чтобы вы посѣщали время отъ время лазареты, какъ дворянской, такъ и мѣщанской половинны, а равно присутствовали бы иногда въ классахъ и за обѣдомъ и ужиномъ дѣвицъ на мѣщанской половинѣ; я желала бы, чтобы вы появлялись также иногда на этой половинѣ для того, чтобы ожиданіе видѣть васъ всюду держало весь домъ въ порядкѣ. Убѣдительно прошу васъ сопровождать нашихъ воспитанницъ всякое воскресенье въ церковь и слѣдить затѣмъ, чтобы онѣ соблюдали тамъ величайшую тишину и полнѣйшее благоговѣніе. Постарайтесь внушить имъ съ малыхъ лѣтъ, что первая ихъ обязанность—быть хорошими христіанками; вы должны особенно слѣдить за преподаваніемъ закона Божьяго и затѣмъ, чтобы этотъ урокъ слушался съ особымъ вниманіемъ, почтеніемъ и вполне сосредоточенно. Вы поручаете инспектрисамъ наблюдать затѣмъ, чтобы каждый ребенокъ читалъ акуратно, утромъ и вечеромъ, молитву, не въ силу одной лишь привычки, но въ силу того внутренняго убѣжденія, которое слѣдуетъ внушить имъ о долгѣ и о счастьи, которое испытываетъ христіанинъ въ изліяніи своей души передъ Богомъ и въ испрошеніи у него помощи. Если классная дама или инспектриса замѣтитъ, что кто либо изъ дѣтей небреженъ или лѣнивъ въ исполненіи этого долга, то это должно быть отмѣчено какъ проступокъ въ поданной мнѣ вѣдомости. Каждую субботу, въ каждомъ классѣ будутъ прочитывать дѣтямъ вѣдомость, подаваемую мнѣ въ воскресенье, и вы должны будете сопровождать это чтеніе выговорами тѣмъ, которыя ихъ заслужатъ и выраженіемъ одобренія вашего тѣмъ дѣвицамъ, которыя вели себя хорошо. Какъ видите, я требую отъ васъ

¹⁾ Захаръ Матвѣевичъ, ст. сов., экономя Смольнаго монастыря. Его единственная дочь, Екатерина Захаровна, вышла за генерала Канкринна, бывшаго впоследствии министромъ финансовъ и графомъ. Бар. Ф. А. В.

многаго; но взявъ во вниманіе прекрасное мнѣніе которое, я составила себѣ о васъ, я ожидаю отъ васъ еще большаго. Я буду помогать во всемъ, что будетъ отъ меня зависѣть, и величайшимъ для меня удовольствіемъ будетъ содѣйствовать вамъ въ вашихъ трудахъ для блага нашихъ милыхъ дѣтей. Буду ожидать отъ васъ извѣстій черезъ г-жу Лафонъ и отъ васъ самихъ, два раза въ недѣлю во время моего отсутствія; я буду отвѣчать вамъ акуратно и всегда съ удовольствіемъ повторю вамъ увѣреніе въ томъ, что я пребываю вамъ доброжелательная Марія.

Придавая особое значеніе религіозно-нравственному воспитанію дѣвицъ, императрица не разъ возвращается въ своихъ письмахъ къ этому предмету и въ одномъ изъ нихъ ¹⁾ выражаетъ свое удовольствіе по поводу того, что г-жа Пальменбахъ сопровождаетъ воспитанницъ въ церковь; «это вопросъ весьма важный», говоритъ она, «на который я умоляю васъ обратить все ваше вниманіе, такъ какъ безъ истиннаго благочестія жизнь человѣка всегда будетъ усыяна терніями!

Возложивъ, такимъ образомъ, на новую помощницу г-жи Лафонъ столь трудныя и многосложныя обязанности, государыня предоставила ей въ то же время большую долю самостоятельности въ выборѣ классныхъ дамъ, охотно совѣтывалась съ нею и соглашалась съ ея мнѣніемъ въ случаѣ какихъ либо нововведеній въ институтской жизни, оставляя за собою во всѣхъ случаяхъ только рѣшающій голосъ, такъ какъ она вполне сознавала, что безъ этой самостоятельности дѣятельность институтскаго начальства не могла быть плодотворною.

«Я совершенно полагаюсь на инспектрису и на васъ, любезная г-жа Пальменбахъ, относительно выбора классныхъ дамъ», говоритъ императрица ²⁾. «Всякій выборъ, сдѣланный установленнымъ порядкомъ, будетъ одобренъ мною; что касается до числа учителей музыки, то и въ этомъ отношеніи я полагаюсь на васъ, хотя число четыре, котораго и требуютъ отъ меня, кажется мнѣ слишкомъ большимъ; но вамъ лучше судить о томъ необходимо-ли это число. Слава Богу, что наши больныя поправляются, прошу васъ передать Агту ³⁾, чтобы онъ отиѣчалъ всегда отдѣльно въ спискѣ больныхъ тѣхъ воспитанницъ, которыя больны серьезно. Посылаю грушъ для Смольнаго»...

«Я вполне одобряю ⁴⁾ ваше намѣреніе собирать нашихъ воспитанницъ по праздникамъ въ залу и заставлять ихъ танцовать; это упражненіе, если ему предаваться умѣренно, можетъ привести имъ пользу и выработать манеры».

¹⁾ Письмо безъ даты, на имя г-жи Пальменбахъ.

²⁾ Письмо отъ 6-го марта 1797 г.

³⁾ Докторъ Смольнаго института.

⁴⁾ Письмо отъ 9-го арта 1797 г.

Въ томъ самомъ году, когда состоялось назначеніе г-жи Пальменбахъ на должность помощницы начальницы Смольнаго института, между нею и императрицей завязалась переписка, вслѣдствіе отъѣзда высочайшаго двора въ Москву, на коронацію. Поводомъ къ этому было помѣщеніа въ институтъ двухъ малолѣтнихъ дочерей г-жи Бенкендорфъ, друга императрицы Маріи Ѳеодоровны, скончавшейся во время пребыванія государыни въ Москвѣ¹⁾; принимая горячее участіе въ судьбѣ этихъ дѣтей, Марія Ѳеодоровна возымѣла желаніе помѣстить ихъ въ Смольный, поручивъ ихъ надзору г-жи Пальменбахъ, пользовавшейся вполне заслуженно ея высокимъ довѣріемъ. Желая по возможности облегчить этимъ дѣтямъ переходъ домашней обстановки въ чуждую для нихъ и болѣе суровую обстановку институтской жизни, императрица рѣшила помѣстить ихъ туда предварительно съ особой, руководившей ихъ воспитаніемъ дома, и писала по этому поводу г-жамъ Лафонъ и Пальменбахъ изъ Петровскаго дворца (близъ Москвы), гдѣ нынѣ Петровский паркъ²⁾, 28-го марта 1797 г., слѣдующее³⁾:

«Откровенно должна признаться вамъ, Mesdames, что то состояніе, въ какомъ я нахожусь, не дозволяетъ мнѣ сегодня писать вамъ собственноручно и вынудило меня прибѣгнуть къ услугамъ посторонняго

¹⁾ Генералъ отъ инфантеріи Христофоръ Ивановичъ Бенкендорфъ, комендантъ г. Павловска, женатъ былъ на вюртембергской уроженкѣ (слѣд. соотечественницѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны), баронессѣ Аниѣ-Юліанѣ Шиллингъ фонъ-Канштадтъ. Дочери ихъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, вышли впоследствии: Марія Христофоровна за ген.-лейт. Ив. Ег. Шевича, а Дарья Христофоровна за ген. отъ инф. князя Христоф. Андр. Ливена, бывшаго российскимъ посломъ въ Лондонѣ. Она была статсъ-дамой, славилась своею красотой и замѣчательнымъ умомъ. Ихъ родной братъ ген.-адъют. графъ Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ былъ первымъ главноупр. III-мъ отдѣленіемъ соб. е. и. в. канцеляріи (ср. Росс. Родословн. книги, ч. 2-я. Спб., 1855 г., стр. 252 и 253). О чрезвычайной разсѣянности Бенкендорфа-отца сохранилось много анекдотовъ. Напр., когда онъ, въ Ревелѣ, пришелъ въ почтовую контору за письмами для себя и когда тамъ спросили его фамилію, то оказалось, что онъ не могъ вспомнить ее. Повѣся носъ, онъ побрелъ по городу. Вдругъ кто-то изъ знакомыхъ окликнулъ его и тогда онъ, безъ оглядки, побѣжалъ снова на почту и не могъ довольно нарадоваться, что ему случайно напомнили его фамилію.

²⁾ Онъ былъ выстроенъ въ 1776 г. архитекторомъ Казаковымъ для того, чтобы высочайшій дворъ могъ останавливаться тамъ предъ торжественнымъ вѣздомъ въ первопрестольную столицу, и потому получилъ названіе подвѣзднаго двора (Москва бѣлокаменная, ея сватни и достопримѣчательности. Спб., 1875 г., стр. 296).

Бар. Е. А. В.

³⁾ Это письмо писано постороннею рукою; поправки, сдѣланныя въ немъ императрицею собственноручныя, и собственноручная приписка, сдѣланная ею въ концѣ письма, напечатаны разрядкою.

В. Т.

лица. Я получила всё присланныя вами вѣдомости и весьма довольна ихъ содержаніемъ. Въ настоящее время я хочу просить васъ объ услугѣ, которая дастъ вамъ случай болѣе чѣмъ когда либо доказать мнѣ вашу преданность, исполнивъ съ величайшею точностью все то, что я имѣю сказать вамъ.

Я только что получила печальное извѣстіе о кончинѣ г-жи Бенкендорфъ ¹⁾. Не смотря на мою грусть, по поводу этой утраты, моя первая забота была объ ея семьѣ. Изъ двухъ дочерей, оставленныхъ ею, одной едва минуло двѣнадцать, а другой одиннадцать лѣтъ. Мнѣ кажется, я поступлю лучше всего, помѣстивъ ихъ въ Смольный; вашимъ материнскимъ попеченіямъ, г-жа Пальменбахъ, я препоручаю ихъ въ особенности. Итакъ, прошу васъ сдѣлать распоряженіе, чтобы для нихъ была приготовлена предварительно и притомъ немедленно хорошая комната, гдѣ онѣ могли бы помѣститься съ ихъ гувернанткой, которая будетъ сопровождать ихъ; это женщина не свѣтская, но съ большими достоинствами. Я желаю, чтобы мои двѣ юныя питомицы обѣдали за вашимъ столомъ, моя дорогая г-жа Лафонъ, и чтобы ихъ гувернантка, съ своей стороны, пользовалась такимъ-же хорошимъ содержаніемъ, какъ и классныя дамы. Какъ только обѣ дѣвочки, которыя утѣшатся, можетъ быть, только по прошествіи нѣкотораго времени, будутъ въ состояніи принимать участіе въ урокахъ, я желаю, чтобы онѣ присутствовали въ классахъ, на урокахъ музыки, рисованья, исторіи и т. п. и въ этомъ отношеніи поручаю ихъ особому попеченію г. Киріака, который найдетъ въ нихъ не только отличныя способности, но и много познаній, приобретенныхъ ранѣе. Я желаю, чтобы эти двѣ дѣвочки находились, такимъ образомъ, на моемъ иждивеніи, до моего возвращенія; послѣ чего я сдѣлаю, можетъ быть, иныя распоряженія, помѣстивъ ихъ окончательно пансіонерками въ классы и отпустивъ ихъ воспитательницу, которую я обезпечу, какъ того заслуживаютъ ея долголѣтняя преданность и усердіе. Пока, потрудитесь, mesdames, доставить имъ все необходимое, приказать занести это на особый счетъ и представить оный мнѣ по моемъ возвращеніи. Убѣдительно поручаю вамъ моихъ двухъ бѣдныхъ сиротъ, въ которыхъ я принимаю участіе столь же горячее, сколь горяча была моя дружба къ ихъ покойной, превосходной матери. Прощайте, я увѣрена, что вы раздѣлите мое горе; мой привѣтъ нашему дорогому Смольному. Марія.

¹⁾ Дочь генералиссимуса Суворова пользовалась также въ свое время такъ-же привилегированнымъ положеніемъ въ Смольномъ, какъ тогда дѣвцы Бенкендорфъ и принцессы Виронъ, а теперь княжны Черногорскія, имѣя отдѣльныя для себя помѣщенія. Бар. О. А. В.

P. S. Я не могу опредѣлить въ точности время ихъ прибытія; но полагаю, что оно послѣдуетъ недѣли черезъ двѣ».

«Я не могла ¹⁾, конечно, дать вамъ лучшаго доказательства моего уваженія и довѣрія къ вамъ, какъ поручивъ вашему попеченію воспитаніе двухъ молодыхъ дѣвушекъ, которыя мнѣ безконечно дороги и мать которыхъ была моимъ лучшимъ другомъ. Будучи вполне увѣрена въ томъ, что вы раздѣлите мою привязанность къ нимъ, я съ удовольствіемъ могу увѣрить васъ въ моей признательности».

Возвратившись въ Петербургъ (—) послѣ коронаціи, 9-го мая 1797 г., императрица тотчасъ извѣстила г-жу Пальменбахъ, коротенькой записочкой, о своемъ пріѣздѣ; но, не имѣя времени посѣтить Смольный тотчасъ, она пишетъ ей на другой день болѣе пространно, обѣщая посѣтить институтъ при первой возможности и заранѣе радуясь скорому свиданію съ дѣтьми:

«Прошу васъ, добрѣйшая г-жа Пальменбахъ», говоритъ императрица, между прочимъ, въ этомъ письмѣ, «передать мой привѣтъ г-жѣ Бокъ ²⁾ и выразить ей, что я глубоко тронута тѣмъ, что она сама сопровождала въ институтъ моихъ бѣдныхъ сиротъ; надобно оставить ее съ ними до моего пріѣзда въ Смольный; бѣдная мать желала, чтобы она сама передала мнѣ дѣтей, нужно повиноваться ей послѣдней волѣ; итакъ, въ тотъ день, когда я пріѣду къ вамъ, вы предупредите ее о моемъ пріѣздѣ, она приведетъ дѣтей и останется съ ними въ квартирѣ нашей дорогой Нелидовой ³⁾, гдѣ я навѣщу ихъ;

¹⁾ Письмо изъ Москвы отъ 10-го апрѣля 1797 г.

²⁾ Гувернантка дѣвицъ Бенкендорфъ.

В. Т.

³⁾ Кажеръ-фрейлиня Екатерина Ивановна Нелидова принадлежала къ первому выпуску Смольнаго монастыря. Въ старомъ петергофскомъ дворцѣ находятся портреты во весь ростъ, писанные Левидкимъ, четырехъ смолянъ, въ томъ числѣ и ея, танцующихъ менуетъ. Павелъ I восхищался ея граціей и умомъ и, оставаясь другомъ императрицы Маріи Феодоровны, она имѣла на него хорошее вліяніе. Она менѣе жила при дворѣ, чѣмъ въ Смольномъ монастырѣ, куда и удаллась совсѣмъ въ 1800 г. Она тамъ скончалась въ 1840 году. Эрнестъ Доде, въ книгѣ своей *Les Bourbons et la Russie*, Paris, на стран.: 99, 147 и 260 восторженно отзывается объ ней.

Краткая біографія Ек. Нв. Нелидовой помѣщена въ апрѣльской книжкѣ «Русской Старины», 1871 г., на стр. 463, въ статьѣ «Статсъ-дамы и фрейлины русскаго двора въ XVIII и XIX столѣтіяхъ», біографическіе очерки П. О. Карабанова. Но тамъ, кажется, ошибочно сказано, будто Е. Н. Нелидова, въ царствованіе Павла I, была выслана изъ Петербурга. Я всегда слышала отъ близкихъ къ ней лицъ, что она тогда добровольно удаллась отъ двора въ Смольный монастырь, гдѣ и пробыла до конца своей жизни. Въ книгѣ 3-й сборника «Осмнадцатый Вѣкъ», М., 1869 г. помѣщена замѣчательная объ ней статья, подъ заглавіемъ: «Изъ бумагъ Е. И. Нелидовой», за которою слѣдуютъ 24 письма, адресованныя ею императору Павлу I. Но въ 9-мъ письмѣ и въ

я желаю видѣть ихъ одиѣхъ, безъ свидѣтелей; я боюсь этой минуты, такъ какъ она растревожитъ рану, которая можетъ быть залѣчена лишь поверхностно, но всегда останется глубокою; затѣмъ я передамъ вамъ дѣтей, и вполне увѣрена въ томъ, что онѣ будутъ счастливы. Прощайте, мои дорогія дамы; добрый Муравьевъ вручитъ вамъ матерію, привезенную изъ Москвы, на память отъ вашего добраго друга Маріи».

Въ 1800 г., три года спустя послѣ опредѣленія въ Смольный осиротѣвшихъ дѣтей г-жи Бенкендорфъ, императрица Марія Феодоровна, по прежнему довольная тѣмъ воспитаніемъ, которое получали дѣвчцы въ институтѣ и тѣмъ внимательнымъ уходомъ, какимъ онѣ пользовались въ стѣнахъ этого заведенія, озаботилась помѣстить туда дѣтей скончавшейся въ томъ году принцессы Биронъ:

«Мы только что узнали о кончинѣ принцессы Биронъ, любезная г-жа Пальменбахъ», пишетъ императрица изъ Петергофа, 4-го іюля 1800 г., «намъ извѣстно, что она оставила дочерей ¹⁾ и въ настоящую

переводъ онаго, на стр. 433 и 434, дѣл опечатки: Ненинг и Гейнингъ вмѣсто Неукингъ и Гейкингъ (дочь г-жи Лафоновъ). Въ «Русск. Архивѣ» 1873 г. находится ея біографія; а въ томъ же журналѣ 1870—1873 гг. напечатаны ея письма къ Вадковскому и Боборыкину, равно какъ письма къ ней Нелединскаго-Мелецаго.
Бар. Э. А. В.

¹⁾ Младшій сынъ Бирона, принцъ Карлъ-Эрнестъ Курляндскій, женатый на княжѣ Понинской, имѣлъ двухъ дочерей: принцессъ Екатерину и Луизу. Онѣ приходились г-жѣ Пальменбахъ двоюродными сестрами. (Русск. род. кн. изд. «Р. Старинны». Спб., 1873 г., стр. 66 и 67). Обѣ онѣ были впоследствии поочередно въ замужествѣ за оберъ-шенкомъ графомъ Мих. Юрьевичемъ Віельгорскимъ.

Въ 3-й ч. Россійск. Родосл. книги кн. П. В. Долгорукова, Спб., 1856 года, на стр. 96, въ родословіи графовъ Віельгорскихъ, гр. Мих. Юр. показанъ женатымъ на принцессѣ Луизѣ Карловнѣ Биронъ-Курляндской; родословная же Бироновъ напечатана была въ первый разъ въ Родословной книгѣ, изд. «Русской Старинны». Спб., 1873 г. Тамъ, на стр. 97, поименованы слѣдующія дочери принца Карла Биронъ:

1. Бенгва, род. 30 декабря 1778 г.

2. Каролина, † въ малолѣтствѣ.

3. Луиза (ссылка на Долгорукова),

и 4. Катерина, род. 15 сент. 1798 г., † въ малол.,

а въ дополненіи на стр. 374, въ первый разъ печатно заявлено авторомъ (кн. А. Б. Лобановымъ-Ростовскимъ), что первою женою графа Віельгорскаго была родная сестра Луизы, Екатерина, «въ росписи не показанная». Но это, очевидно, ошибка, происшедшая отъ опечатки. Двухъ Екатериенъ не было; та же, которая показана въ росписи, не умерла въ малолѣтствѣ, а, родившись не въ 1798-мъ г., а въ 1793, была первою супругою гр. Віельгорскаго. Одиныя словомъ, въ XIX столѣтіи были въ живыхъ только двѣ дочери принца Карла: Луиза и Екатерина. Родившись въ 1793 году, Екатерина въ

минуту эти бѣдныя сиротки могутъ остаться безъ всякаго надзора, поэтому я поручаю вамъ отправиться немедленно въ домъ усопшей и принять всѣ мѣры къ тому, чтобы маленькія сиротки были привезены къ намъ тотчасъ-же; за содержаніе этихъ молодыхъ дѣвицъ будетъ платить нашъ дорогой императоръ, по повелѣнію котораго я пишу г. Васильеву¹⁾, чтобы онъ объявилъ семейству покойной, что государь благоволяетъ принять на себя попеченіе о молодыхъ принцессахъ и поручаетъ ихъ мнѣ для помѣщенія въ Смольный. Итакъ, онѣ находятся отнынѣ подѣ нашимъ непосредственнымъ покровительствомъ и я поручаю ихъ попеченіямъ вашимъ и всего нашего добраго института, будучи вполне увѣрена въ томъ, что постигшее ихъ несчастіе возбуждетъ къ нимъ во всѣхъ васъ еще большее участіе. Увѣдомьте меня о возрастѣ этихъ дѣтей; въ томъ случаѣ, если младшая еще слишкомъ мала для того, чтобы посѣщать классы, нужно будетъ помѣстить ее отдѣльно; все-же нашей доброй Львовой придется о нихъ заботиться».

Помѣщеніе въ Смольный институтъ дочерей любимаго друга императрицы, г-жи Венкендоръ, и принцессъ Биронъ, принятыхъ императоромъ Александромъ подѣ свое личное покровительство, дѣйствительно могло считаться, какъ выразилась императрица, знакомъ «величайшаго» довѣрія и уваженія» ея къ лицамъ, стоявшимъ въ главѣ этого заведенія; поэтому вполне понятно, что она была искренно опечалена, когда болѣзнь вынудила г-жу Пальменбахъ, бывшую въ то время начальницей Смольнаго, разстаться въ институтомъ.

«Мнѣ прискорбно было узнать, любезная г-жа Пальменбахъ», писала ей императрица 15-го апрѣля 1802 г., «что плохое состояніе вашего здоровья вынуждаетъ васъ покинуть Смольный. Я представила письмо ваше на усмотрѣніе государя, моего возлюбленнаго сына, который, принимая во вниманіе изложенные вами доводы, снисходить къ желанію вашему получить отставку и изъявляетъ на оную свое

1809 г. могла, 16-ти лѣтъ отъ роду, выйти изъ Смольнаго монастыря. Братъ или вѣ двоюродный братъ, наслѣдный принцъ Петръ Курляндскій, пользовались на высочайшихъ выходахъ правомъ слѣдовать изъ внутреннихъ департаментовъ непосредственно за императорскою фамиліей, какъ дѣлалъ это тогда царевичи и царевны грузинскіе и какъ теперь это предоставлено принцамъ Ольденбургскимъ и Мекленбургъ-Стрелицкимъ. Пожалованныя во фрейлины въ 1810 году, принцессы Луиза и Екатерина кичились тѣмъ, что еслибы дядя ихъ, герцогъ Петръ, не уступилъ Курляндіи Россіи, то сами онѣ могли бы имѣть при себѣ фрейлины.

Бар. О. А. В.

¹⁾ Баронъ Васильевъ, государственный казначей или министръ финансовъ.

согласіе. Полковница Адлербергъ ¹⁾ назначена начальницей и ей вы благоволите передать Смольный. Прилагаю при семъ копію съ указа, только что даннаго государемъ; изъ него вы увидите, любезная г-жа Пальменбахъ, что онъ почелъ для себя удовольствіемъ выразить вамъ свое благоволеніе, назначивъ вамъ на 6 лѣтъ казенную аренду въ 3,000 рейхсталеровъ въ годъ; прилагаю при семъ доказательство моей памяти о васъ и прошу васъ быть увѣренной въ томъ, что я всегда съ особеннымъ удовольствіемъ готова вамъ быть полезной и доказать вамъ искреннее участіе, которое я принимаю въ васъ, пребывая постоянно вамъ доброжелательная Марія».

На этомъ прекращается переписка императрицы Маріи Феодоровны съ г-жею Пальменбахъ, и въ собраніи писемъ ея, обозрѣваемыхъ нами, мы находимъ еще одну только коротенькую записочку, отъ 8-го мая 1802 года, которой государыня увѣряетъ ее, что она всегда «приметь искреннее участіе» въ ней и въ ея дѣтяхъ, и желаетъ ей скорѣйшаго возстановленія ея здоровья.

Въ заключеніе не лишнее будетъ привести подлинныя слова указа, коимъ г-жа Пальменбахъ была вознаграждена и обезпечена материально, «въ воздаяніе» за ея труды «на службѣ» Смольному институту.

«Указъ Правительствующему Сенату.

«Въ воздаяніе усердной службы вдовы полковника Пальменбахъ, продолженной ею по бытности начальницею общества благородныхъ дѣвицъ, всемилостивѣйше повелѣваемъ, съ пожалованныхъ ей по указу 1795 года августа 20-го въ арендное по смерти ея содержаніе въ Курляндской губерніи мызъ Алшвангентъ, Баладенъ и Екгофъ, арендныхъ въ казну денегъ, въ теченіи шести лѣтъ съ начала нынѣшняго года, не взыскивать, оставя сей доходъ въ ея пользу; по прошествіи же шестилѣтняго срока платежъ помянутаго дохода по прежнему возобновить; о чемъ правительствующій сенатъ не оставитъ куда слѣдуетъ дать надлежащія предписанія».

На подлинномъ подписано собственною е. и. в. рукою тако: «Александръ».

Присланная императрицею копія собственноручно скрѣплена императоромъ такъ: «съ подлиннымъ вѣрно: Александръ. С.-Петербургъ, апрѣля 15-го дня 1802 г.»

Вѣра Вас. Тимошукъ.

¹⁾ Юлія Феодоровна, рожденная Багговутъ, статсъ-дама ея величества, мать Владиміра Феодоровича Адлерберга, пожалованнаго императоромъ Николаемъ I въ графы и бывшаго при немъ и въ началѣ царствованія императора Александра II министромъ двора, каковое званіе несъ впоследствии старшій изъ сыновей его, генер.-адъют. гр. Александръ Владиміровичъ Адлербергъ. Бар. Ф. А. В.

ВОСПОМИНАНІЯ ЦАРКОСЕЛЬСКАГО ЛИЦЕЙСТА IV ВЪПУСКА

1820—1826.

Посылая 19 октября 1889 г. свое привѣтствіе лицѣю, по случаю открытія въ этотъ день памятника императору Александру I-му,—я вспомнилъ объ интересной статьѣ лицейста, А. Н. Яхонтова, напечатанной въ уважаемой «Русской Старинѣ» (изд. 1888 г., томъ LX, стр. 101—124), прочитавъ ее вновь и мнѣ пришла охота набросать свои воспоминанія, относящіяся къ болѣе давнему времени и рисующія, какъ мнѣ казалось, довольно ярко первобытную жизнь нашего Царскосельскаго лицѣя, ничего общаго съ послѣдующими въ немъ преобразованіями не имѣющаго. Поэтому я выставилъ на статьѣ число 19 октября 1889 г.,—писалъ понемногу и положилъ въ свой портфель, чтобы перечитать черезъ недѣли 2, 3,—такимъ образомъ легче замѣчаются шероховатости, излишки, а кой-что прибавляется. Затѣмъ переписка—п вотъ и затянулось до января, когда и препроводилъ свой очеркъ на страницы «Русской Старины»...

М. А. Вѣлуха-Кохановскій.

1890 г. 26 января.

Полтава.

О, дорогой сердцу лицей! Прошло 63 года съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ твои родныя стѣны, а благодарная о тебѣ память неразлучна съ воспоминаніями о тебѣ, и воспоминанія такъ живучи, такъ свѣжи и ясны, что къ лицейской нашей жизни можно смѣло примѣнить прекрасное, глубоко прочувствованное, изреченіе Ламартина:

„Chacun dans la patrie a une patrie—c'est le lieu, qui l'a vu naître; les souvenirs en sont si vivaces, que quand'on se les rememore, on sent même respirer l'air qu'on y a respiré“.

И точно, Царскосельскій лицей былъ второю родиною, и воспоминанія о немъ я чувствую, ощущаю воздухъ Царскаго села; такъ вотъ и стоятъ передъ глазами и этотъ чудный обширный садъ, всегда намъ доступный и собственно лицейскій, и наши маленькіе отдѣльные, съ молодыми деревьями, нами же насаженными, садики. И эта скромная, въ кустахъ сирени, мраморная доска съ надписью „Genio loci“; вижу отчетливо всю внутреннюю обстановку нашего роскошнаго по простору помѣщенія, гдѣ и какая мебель стоитъ, и свою конторку въ классѣ, и другую, для внѣ-классныхъ занятій...

Неудивительна будетъ эта жизненность воспоминаній, если вникнуть въ тѣ особыя условія, которыми была обставлена лицейская жизнь: учебное заведеніе въ чудномъ Царскомъ селѣ, тогда еще неизмѣвшемъ вида обширнаго и многолюднаго, какъ теперь, города; вдали отъ столицы, со всѣми ея соблазнами и недоступной лиценстамъ, во все шести-лѣтнее пребываніе ихъ въ заведеніи, въ совершенно замкнутой жизни, въ небольшомъ кругу 25 товарищей; какой-то отдѣльный мірокъ, не имѣющій ничего общаго съ тревоженіями житейскими. Въ наше время никакихъ, нигуда, отпусковъ не было; въ праздничные и каникулярные дни—лѣтомъ, на Рождество, на Пасху—воспитанники отпускались къ пріѣзжавшимъ родителямъ, родственникамъ, но только до вечера—а въ извѣстный часъ должны были возвращаться и ночевать въ лицей; на другой день опять отпускались съ утра и до вечера. Я расскажу потомъ, какъ нашъ курсъ проводилъ эти каникулярные дни. Удивительна-ли, при такомъ образѣ жизни въ теченіи шести лѣтъ, въ тѣсномъ, одномъ и томъ-же кругу, удивительна-ли та связь, которая устанавливалась между однокурсниками и которая оставалась на всю жизнь. Я сказалъ—въ одномъ и томъ-же тѣсномъ кругу, ибо въ наше время не было, какъ теперь, классовъ, а было два курса, по три года въ каждомъ, которые и назывались младшій и старшій курсъ; при переходѣ изъ одного курса въ другой никакихъ переводныхъ экзаменовъ, а de jure всѣ двадцать пять переходили, независимо нисколько отъ успѣховъ, изъ младшаго въ старшій курсъ. Большая или меньшая успѣшность выражалась при выпускѣ пріобрѣтеніемъ правъ на чинъ титулярнаго совѣтника, коллежскаго секретаря и коллежскаго регистратора,

а для избравших военное поприще: гвардія, молодая гвардія, армія ¹⁾). Послѣдствіемъ такой системы было то, что нерѣдко воспитанникъ, по лѣности-ли, по неразвитости-ли, бывшій въ числѣ самыхъ слабыхъ, имѣвшій вслѣдствіе того въ перспективѣ или коллежскаго регистратора, или армію, въ старшемъ курсѣ преобразовывался, начиналъ заниматься съ особымъ рвеніемъ и энергіею и кончалъ или титулярнымъ совѣтникомъ, или офицеромъ гвардіи.

Выше я сказалъ о той связи, о той дружбѣ, которыя существовали между однокурсниками и которыя оставались на всю ихъ жизнь. Не мало, думаю, содѣйствовало этой сплоченности и то обстоятельство, что въ наше время (начиная уже съ 1820 года)—разсадникомъ лица былъ благородный пансіонъ, который и носилъ названіе: Благородный пансіонъ при Царскосельскомъ лицейѣ. Пансіонъ этотъ былъ, такъ сказать, самостоятельнымъ учебнымъ заведеніемъ съ шестилѣтнимъ курсомъ и почти съ тѣми же правами, какъ и лицей; разница была въ объемѣ курса—лицейскій былъ обширнѣе — и въ томъ, что въ гражданскую службу выпускались съ чиномъ не выше X-го. Изъ 2 и 3 класса этого пансіона переводились въ лицей, удостоенные на то конференціею, состоявшею изъ директоровъ и преподавателей обоихъ заведеній. Составлялся списокъ первыхъ двадцати пяти, удостоенныхъ, и къ нимъ 25 кандидатовъ и представлялся, чрезъ министра просвѣщенія, на утвержденіе государя. Такимъ образомъ въ лицей поступали, въ то время, мальчики отъ 11 до 13 лѣтъ, уже между собою знакомые и даже дружные, привыкшіе къ извѣстной школьной дисциплинѣ и всему школьному порядку.

Говоря объ этой системѣ комплектованія лица, не могу не сдѣлать отступленія и не вспомнить съ улыбкой нашего школь-

¹⁾ Въ наше время выпускались и въ гражданскую и военную службу; воспитанники должны были, при переходѣ въ старшій курсъ, заявлять, какое избираютъ поприще: гражданское или военное. Для военныхъ назначались особые часы, въ которые преподавались имъ военныя науки особыми профессорами. Но выпускъ военные поступали въ полки, по своему избранію, гдѣ въ лицейской формѣ, но уже при шагѣ (которой у насъ не было) обучались строевой службѣ, и послѣ смотра самимъ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ надѣвали мундиръ избраннаго полка. Рассказывали, что великій князь неоднократно выражался такъ: «удивительные эти личности: либералы, а между тѣмъ такъ скоро усваиваютъ всѣ требованія военной службы и отличные служакъ».

наго тщеславія и самодовольствія, по облаченіи въ лицейскій мундиръ. Въ пансіонѣ была форма гражданская, — въ низшихъ классахъ сюртучки и полу-фрачки, въ высшихъ сюртуки и фраки (!), шинель и фуражка обыкновенныя. Лицейсты-же имѣли форменную сдежду: сюртукъ военнаго покроя съ краснымъ воротникомъ и металлическими пуговицами, мундиръ синій съ краснымъ же воротникомъ и шитьемъ петлицами, — въ младшемъ курсѣ серебряными, въ старшемъ золотыми; шинель военная съ красной петлицей на воротникѣ и форменная фуражка синяя съ чернымъ бархатнымъ околышкомъ. Вотъ, какъ только, по переходѣ въ зданіе лица, облачались мы въ мундирную форму, такъ непремѣнно, въ первое же воскресенье, путешествія, съ дозволенія гувернера, въ пансіонъ, къ оставшимся тамъ товарищамъ, однокурсникамъ, чтобы похвастаться и пощеголять предъ ними въ своихъ мундирахъ!

Матеріальная сторона жизни въ лицей была обставлена такими условіями, которыя имѣли самое благотворное вліяніе на укрѣпленіе ихъ физическихъ силъ. Болѣе нежели просторныя помѣщенія въ огромномъ корпусѣ, примыкающемъ къ дворцу (нынѣ кавалерскій корпусъ); въ первомъ этажѣ — нѣкоторыя хозяйскія помѣщенія и больница; во второмъ — младшій курсъ, классъ, довольно большой залъ и общая столовая; третій этажъ для старшаго курса — большой залъ, двѣ, арками соединенныя съ нимъ, комнаты для занятій внѣ классовъ, обширный классъ съ отдѣльною конторкою для каждаго воспитанника, за нимъ физическій кабинетъ; четвертый этажъ — спальни, для каждаго воспитанника отдѣльная небольшая комнатка, отдѣленная отъ сосѣднихъ невысокою перегородкою, съ умывальницей, шкафами для платья и бѣлья. Пища прекрасная и изобильная: утромъ чай, въ 12 часовъ обѣдъ, въ 5 чай и въ 8 ужинъ. Распределение учебныхъ часовъ было, по моему мнѣнію, чрезвычайно удачно соразмѣрено съ условіями необходимой для здоровья пропорціональности занятій и отдыха. Вставали мы въ 6 часовъ; послѣ чая отъ 7 до 9 первый урокъ непрерываемый; отъ 9 до 10 отдыхъ; отъ 10 до 12 второй урокъ. Въ 12 обѣдъ и затѣмъ до 2 отдыхъ; отъ 2 до 5 два урока — одинъ часовой и другой двухъ часовой. Въ 5 чай и затѣмъ до 8 свободное время, въ теченіи котораго всякій дѣлалъ что хотѣлъ, — кто занимался,

кто путешествовалъ по залѣ; зимою, впрочемъ, между 9 и 10 часами утромъ, и послѣ обѣда до 2-хъ часовъ и послѣ вечерняго чая до 6½ часовъ было ежедневное катанье на конькахъ, а лѣтомъ не желавшіе заниматься могли оставаться въ своемъ саду хоть до ужина. Какъ живо рисуются въ памяти моей эти катанья на конькахъ; въ началѣ зимы на великолѣпномъ огромномъ зеркальномъ озерѣ въ большомъ саду, а потомъ, когда оно покрывалось снѣгомъ, на небольшомъ четырехугольномъ прудѣ, противъ дворца, который ежедневно очищался отъ снѣга и который мы вечеромъ освѣщали самодѣльными бумажными фонарями!

Санитарное состояніе въ лицѣ было настолько удовлетворительно—(правда, въ то время какъ-то неизвѣстны были ни тифы, ни дифтериты, ни желудочные катарры и т. п.)— что нашъ IV курсъ заканчивалъ первую сотню лицействова, и изъ нихъ умеръ одинъ, а именно въ нашемъ курсѣ, одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ, Деларю, и умеръ не отъ какой-либо опасной болѣзни, а почти скоропостижно; онъ сорвалъ какой-то прыщикъ на лицѣ, образовалась рожа, которая бросилась на голову и унесла его въ нѣсколько дней.

Нравственное состояніе, конечно, не уступало матеріальному, если даже не стояло выше. Живя въ своемъ отдѣльномъ, своеобразномъ мірѣ, никогда никакихъ кутежей, не смотря на то, что мы очень дружились съ лейбъ-гусарами, преображенцами и съ камеръ-пажами. Допускали себѣ воспитанники старшаго курса одно непозволительное въ учебномъ заведеніи удовольствіе—это куреніе. Начальство смотрѣло на это сквозь пальцы, но съ непремѣннымъ условіемъ курить только въ саду, что и соблюдалось свято. Въ то время не было еще сжигающихъ города, села, фабрики, заводы папирозъ; курили трубки, и вотъ мы хранили табакъ у швейцара, а чубуки и трубки въ погребку, въ саду, и мѣстомъ куренія былъ центральный въ нашемъ саду садикъ Замятина (впослѣдствіи министра юстиціи).

Несомнѣнно, на нашъ нравственный бытъ имѣло неотразимое вліяніе незабвеннаго директора—Егора Антоновича Энгельгардта.

Вѣчная, вѣчная, благодарная ему память!— скажетъ, конечно, каждый лицействъ первыхъ послѣдовательныхъ курсовъ.

Егоръ Антоновичъ имѣлъ глубоко обдуманнныя педагогическія приемы, для вліянія на юношество, и совершенно соотвѣтственныя и возрасту и развитію. Онъ никогда не посѣщалъ классовъ (я, по крайней мѣрѣ, не помню такого посѣщенія), предоставляя полную самостоятельность профессорамъ-преподавателямъ. Такое отношеніе къ преподавателямъ возвышало ихъ значеніе въ глазахъ воспитанниковъ, а для самихъ преподавателей служило стимуломъ для сознанія важности и отвѣтственности своего призванія. Самъ же Егоръ Антоновичъ дѣйствовалъ на воспитанниковъ своимъ ежедневнымъ съ ними общеніемъ, въ свободныя отъ уроковъ часы. Онъ имѣлъ обыкновеніе въ младшемъ курсѣ приходитъ почти ежедневно послѣ вечерняго чая въ залъ, гдѣ мы толпою окружали его, и тутъ занималъ онъ насъ чтеніемъ, бесѣдою, иногда шутливою (онъ превосходно читалъ); бесѣды эти не имѣли никогда характера педантическаго наставительства, а всегда, бывъ принаровлены къ возрасту, служили къ развитію воспитанниковъ и внушенію имъ правилъ нравственности; особенно настаивалъ онъ на важности усвоенія принципа правдивости. Мы до такой степени привыкли ко вседневнымъ почти его посѣщеніямъ, что неоявленіе его въ теченіи двухъ или трехъ дней производило общее смятеніе и безпокойство; тотчасъ начинались разспросы, не сдѣлалъ-ли кто какого-либо проступка или шалости, которая огорчила директора; виновный сейчасъ сознавался, отправлялся къ нему съ повинною—и миръ восстанавливался и директоръ опять появлялся въ обычный часъ, съ своимъ привѣтливымъ, ласковымъ, ободрительнымъ выраженіемъ.

Въ старшемъ курсѣ отношенія его къ воспитанникамъ принимали характеръ болѣе серьезный. Съ большимъ тактомъ и умѣніемъ, какъ истинный педагогъ, онъ давалъ уразумѣвать, что мы уже не дѣти, и потому бесѣды его клонились преимущественно къ развитію понятія о долгѣ, о томъ значеніи въ жизни, которое имѣетъ исполненіе своего долга вездѣ, всегда, на всѣхъ поприщахъ: „въ исполненіи своего долга, въ правдивости, прямогѣ, совмѣщается,—внушалъ онъ,—и широкое понятіе о честности человѣка“. Чтенія были серьезныя; задавалъ темы для сочиненій, которыя представлялись директору и отъ него возвращались съ его замѣчаніями. Егоръ Антоновичъ, въ про-

долженіе многихъ лѣтъ своего директорства, пользовался особою милостію и благосклонностію императора Александра I. Нерѣдко имѣлъ онъ счастье прогуливаться съ нимъ въ саду и имѣть продолжительныя бесѣды, клонившіяся къ благоустройству лица и будущности его питомцевъ. Такъ, между прочимъ, онъ исходатайствовалъ, чтобы лицеисты, поступающіе по выпускѣ на службу по собственному избранію вѣдомства, были обезпечены содержаніемъ, впредь до открытія вакансіи, съ опредѣленнымъ жалованьемъ. Временное это содержаніе было опредѣлено въ размѣрѣ: для выпущенныхъ IX классомъ—800 р., X классомъ—600 р. и XII классомъ—400 р. ассигнаціями. Я самъ, поступивъ въ канцелярію государственнаго совѣта, получалъ по 800 р.—до полученія мѣста съ жалованьемъ 1000 р. ассигнаціями.

Въ послѣдніе годы царствованія императора Александра I, Егоръ Антоновичъ утратилъ благоволеніе къ нему государя; составилось мнѣніе о развитомъ будто бы въ лицѣ либерализмѣ и, въ концѣ декабря 1824 г., Егоръ Антоновичъ выпелъ въ отставку.

Боже мой! сколько было слезъ при разставаніи съ любимымъ директоромъ! Никогда не забуду я этихъ минутъ и тѣхъ увѣщаній, которыя онъ дѣлалъ: хранить свято завѣтъ лица, исполнять свой долгъ, подчиняться безропотно и безпрекословно всѣмъ требованіямъ, которыя послѣдовать могутъ. При этомъ требовалъ, чтобы мы писали въ нему всякую недѣлю и сообщали со всею правдивостію о всѣхъ подробностяхъ новой жизни.

Всякую недѣлю посылали мы ему длинный отчетъ, редактировали его сообща и получали длинныя отвѣты. Не знаю у кого изъ моихъ товарищей хранятся эти драгоценныя письма, а черновыя нашихъ должны быть гдѣ-нибудь въ моемъ архивѣ, такъ какъ я былъ постояннымъ переписчикомъ на-бѣло.

Директоромъ назначенъ былъ генералъ Фѣдоръ Григорьевичъ Гильдгофъ, бывшій директоромъ существовавшаго въ то время кадетскаго корпуса, именуемаго Дворянскимъ полкомъ. Мы имѣли основаніе опасаться обращенія съ нами нѣсколько рѣзкаго, по военному, и потому всячески старались довести какимъ-нибудь образомъ до его свѣдѣнія, что мы просимъ объ одномъ, объ обращеніи съ нами какъ угодно строго, но лишь бы не грубо; а мы—вѣдъ намъ оставался годъ до выпуска—давали

съ своей стороны слово, что будемъ вести себя съ строгимъ наблюденіемъ одинъ за другимъ, такъ что не дадимъ повода къ какому либо неудовольствію.

Федоръ Григорьевичъ Гольдгофъ былъ очень почтенный, добрый старикъ—и все обладилось прекрасно. Все время была у насъ тишь да гладь. Директоръ посѣщалъ иногда классы и какъ только, бывало, послышатся его шаги, тотчасъ, первое дѣло, застегивались сюртуки на всѣ пуговицы, что, видимо, доставляло ему удовольствіе, какъ видимый признакъ порядка и должнаго почитанія. Было одно забавное происшествіе, о которомъ расскажу послѣ, надѣлавшее не мало переполоху, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, доказавшее директору до какой степени была развита правдивость у лицеевцевъ. Такъ мы мирно прожили подъ новымъ директорствомъ.

Я увидѣлся съ нимъ чрезъ семь лѣтъ послѣ выпуска, останавливаясь, проездомъ изъ Малороссіи въ Петербургъ, въ Царскомъ селѣ у своихъ товарищей гусаровъ; я пошелъ навѣстить Федора Григорьевича и онъ принялъ меня съ объятіями, благодаря за добрую память.

Для полноты очерка внутренняго быта лицея, въ мое время, считаю нужнымъ упомянуть о нѣкоторыхъ нашихъ преподавателяхъ и гувернерахъ, а также и другихъ лицахъ, входившихъ въ составъ служебнаго персонала; признаюсь, помню немногихъ, оставившихъ во мнѣ впечатлѣніе.

Такъ, изъ гувернеровъ помню очень Фотія Петровича Калинича, онъ же и учитель чистописанія, съ его постояннымъ выраженіемъ: „пичужки, пичужки“. Въ то время хорошій почеркъ считался какъ бы необходимою принадлежностью хорошаго воспитанія, не такъ, какъ теперь, когда только что не считается смѣшнымъ красиво писать,—и въ продолженіе трехгодичнаго младшаго курса чистописаніе входило въ число уроковъ, на который и полагался одинъ часъ въ недѣлю; помню Чирикова, въ то же время учителя рисованія, благодунѣйшаго смертнаго, и нелюбимаго Оболенскаго, впоследствии инспектора, преподававшаго въ младшемъ курсѣ логику и психологію наискущнѣйшимъ образомъ. Демонстрацію нашу противъ него мы, какъ истые школьники, выразили тѣмъ, что, при переходѣ въ старшій курсъ, всѣ тетради съ психологіею и логикою побросали въ печь.

Въ младшемъ курсѣ любимыми нашими преподавателями были профессоръ французской словесности Тимо и адъюнктъ математики В. М. Архангельскій. У Архангельскаго на опытѣ выразилась истина той педагогической аксіомы, что успѣхи учениковъ въ значительной степени зависятъ отъ умѣнія преподавателя передавать свой предметъ, отъ умѣнія внушить къ себѣ любовь, возбудить симпатію. Чего, кажется, суше для молодыхъ, пылкихъ, жадныхъ къ ощущеніямъ юношей, чего скучнѣе алгебры и разныхъ ньютонovýchъ биномовъ, а между тѣмъ предметъ Архангельскаго выражался наибольшими успѣхами. При 12-ти-балльной системѣ, самое небольшое изъ 25 меньшинство имѣло не менѣе 9 балловъ. Въ старшемъ курсѣ мы особенно любили того-же Тимо; И. П. Шульгина, который увлекательно читалъ статистику, всегда безъ помощи какихъ-либо записокъ, а живымъ словомъ—мы на лету записывали его лекціи; очень сочувственно относились къ профессору Вранченко, не смотря на его невозможный русскій языкъ,—вѣроятно, эти отношенія зависѣли болѣе отъ его предмета—политическая экономія, которая была у насъ въ большомъ почетѣ и мы зачитывались Шторхомъ. Очень почтительно относились мы къ профессору исторіи И. К. Кайданову, почтенному лѣтами, читавшему намъ по своему печатному переводу Геррена. Скудныя свѣдѣнія, сообщаемыя своеобразнымъ малороссійскимъ выговоромъ, дополняли чтеніемъ историческихъ книгъ. Исторія была у насъ въ большомъ почетѣ. Профессоромъ русской словесности и латинскаго языка былъ Н. Ѡ. Кошанскій. По части латыни мы были крайне слабы; въ большинствѣ случаевъ, урокъ его (два въ недѣлю) заключался въ вызовѣ поочередно всѣхъ 25-ти, и отвѣты: „г. профессоръ, ничего не знаю“, и затѣмъ единица! Но Николай Ѡедоровичъ удивительно хорошо читалъ и, бывъ страстнымъ поклонникомъ Пушкина, съ особеннымъ мастерствомъ читалъ его произведенія. Вотъ и мы, еще большіе поклонники Пушкина, узнавъ о какомъ-нибудь новомъ его произведеніи, дружно приготавливались къ латинскому уроку. Кошанскій приходилъ въ восторгъ; тогда, по окончаніи урока, мы гурьбою обступали его съ назойливою просьбою:

— Николай Ѡедоровичъ, будьте такъ добры, привезите будущій разъ такое-то новое произведеніе Пушкина и прочтите намъ.

Такая просьба никогда не встрѣчала отказа и слѣдующій урокъ російской словесности проходилъ въ пріятномъ чтеніи Кошанскаго.

Изъ служащихъ въ лицѣѣ памяти мнѣ очень инспекторъ Нумерсъ, почтеннѣйшій, безобиднѣйшій старичекъ. И теперь не понимаю—въ чемъ заключалась его инспекторская должность, потому что мы никогда его не видѣли. Крѣпко жалокъ намъ былъ этотъ добрѣйшій старичекъ, когда страслась надъ нимъ сущая бѣда: въ междуцарствіе между Е. А. Энгельгардтомъ и Ѳ. Г. Гольдгофомъ, ему пришлось директорствовать почти съ мѣсяць. Никогда не забуду, какъ онъ растрогалъ насъ, пришедши къ намъ и со слезами на глазахъ обратившись къ намъ съ этими краткими словами: „господа, поберегите меня!“ и мы поберегли, устроивъ между собою строжайшій надзоръ, чтобы не было, такъ сказать, ни сору, ни засоринки. И когда пріѣхалъ новый директоръ, какъ опять растрогалъ насъ почтенный старикъ, выражая, со слезами на глазахъ, благодарность за то, что мы оберегли его. Помню я и нашего доктора Петеля, который, бывало, пощупаетъ пульсъ и скажетъ: „ничего, тебѣ нужно шпанскую мушку и будешь черезъ два дня здоровъ!“

Сдѣлавъ этотъ общій очеркъ внутренней жизни лица, во время моего въ немъ воспитанія—ярко и ясно рисуются воспоминанія о разныхъ особенностяхъ и нѣкоторыхъ подробностяхъ въ нашей жизни за этотъ періодъ.

На первомъ планѣ стоитъ воспоминаніе о нашемъ державномъ благодѣтелѣ государѣ Александрѣ I-мъ. Любимымъ лѣтнимъ его мѣстопробываніемъ было Царское село. Здѣсь въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ мы имѣли счастье видѣть его каждое воскресенье, въ церкви, на обѣдни. Дворцовая великолѣпная церковь была нашею домовою церковью; въ ней богослуженіе совершалъ нашъ законоучитель отецъ Іакинѣъ Кочетовъ (впослѣдствіи настоятель Петро-Павловскаго собора въ Петербургѣ). Мы всегда стояли на лѣвой сторонѣ, старшій курсъ впереди, младшій сзади, передъ нами всегда Карамзинъ съ женою и двумя дочерьми. Какъ теперь вижу эту стройную, высокую фигуру знаменитаго исторіографа, съ мягкими серіозными чертами красиваго лица. Около 10 часовъ входилъ въ церковь государъ съ государыней. За ними дежурная фрейлина

и свита; свита становилась нѣсколько поодаль; среди ея, помню въ разные дни кн. П. М. Волконскаго, маленькаго Дибича, генераль-адъютантовъ Депперадовича, кн. Трубецкаго, министра А. Н. Голицына, въ сѣромъ фракѣ съ Андреевской звѣздой; за этими сановниками командиръ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка Левашевъ (впослѣдствіи графъ) и гусарскіе разные полковники и младшіе офицеры, а также преображенцы, когда занимали въ Царскомъ селѣ караулы. Остальная публика находилась въ части церкви подъ хорами. На нѣкоторыя при дворѣ празднества были удостоиваемы мы, лицеисты старшаго курса, приглашеніемъ. Были особыя празднества въ Царскомъ селѣ и Павловскѣ, по случаю проѣзда герцогини Веймарской, великой княгини Маріи Павловны съ двумя дочерьми красавицами Маріею и Августою (вдовствовавшая, недавно скончавшаяся, императрица германская). Было въ царскосельской церкви, не помню, по какому случаю, какое-то торжество, на которое съѣхалась вся петербургская чиновная знать, весь дипломатическій корпусъ, весь придворный штатъ въ золотыхъ мундирахъ, напудренный. Надобно правду сказать, что пудра чрезвычайно красить молодыя лица. Мы, старшій курсъ, тоже были въ церкви, но только не на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ, занятомъ высшими сановниками,—а сзади подъ хорами, откуда впрочемъ могли отлично видѣть все великолѣпіе русскаго царскаго двора. Впереди съ правой стороны императорская фамилія: императрица Марія Федоровна, величавая, съ чуднымъ выраженіемъ во взорѣ, государь, государыня, герцогиня Веймарская, двѣ Веймарскія красавицы, за ними огромная свита статсъ-дамъ, фрейлинь въ ихъ роскошныхъ костюмахъ, вездѣ золото и серебро, брилліанты, звѣзды—легко себѣ представить впечатлѣніе, которое производило на насъ, юношей, это зрѣлище! И сколько потомъ мечтаній, одинъ себѣ говорилъ: вотъ и я скоро надѣну богатый гусарскій мундиръ; другой: а я буду камеръ-юнкеромъ, завитой, напудренный....

Въ Павловскѣ перевезена была итальянская опера. На всякое представленіе являлись передъ вечеромъ въ лицей придворныя линейки и отвозили старшій курсъ въ театръ, гдѣ для насъ отведены были три ложи. Какъ живо помню я эти радостныя поѣздки и восторгъ, производимый операми: Сорока-воровка, Чечерентола, Семирамида, Севильскій цирюльникъ. Примадоннами

были Мелась и Шоберлехнеръ, брюнетка и блондинка, и конечно двѣ партіи, въ томъ числѣ и между нами: меласисты и шоберлехнеристы.

Затѣмъ, кажется 30 августа, былъ праздникъ въ Царскомъ селѣ, въ китайскомъ городкѣ, великолѣпная иллюминація, спектакль въ тамошнемъ театрѣ, въ которомъ также были отведены намъ три ложи.

Наступилъ ноябрь 1825 года и вдругъ пронеслась у насъ вѣсть о кончинѣ государя! Сколько было слезъ и рыданій! Узнавъ, что образована траурная комиссія, для устройства церемоніала перевезенія тѣла изъ Таганрога въ Петербургъ, и что процессія остановится въ Царскомъ селѣ и гробъ будетъ, въ теченіи нѣсколькихъ дней, оставаться въ дворцовой церкви, выбрали мы депутацію и отправили къ директору просить его ходатайства предъ комиссіею о дозволеніи лицеистамъ принять участіе въ процессіи при вступленіи ея въ Царское село. Просьба наша была принята съ милостивымъ выраженіемъ высочайшей благодарности. О, какъ я помню эти горестныя торжественныя минуты, когда мы, оба курса, занявъ указанныя мѣста, увидѣли приближавшуюся колесницу! Былъ мартъ мѣсяць 1826 г.; холодно въ однихъ мундирахъ; заливаясь слезами, бодро мы шли, болѣе 3-хъ верстъ отъ границы города до дворца. Дюжіе казаки внесли гробъ въ церковь, обитую всю чернымъ сукномъ съ серебряными позументами и бахрамой, и установили гробъ на высокомъ катафалкѣ, тоже черномъ, съ серебрянымъ убранствомъ. Старшій нашъ курсъ удостоенъ былъ чести дежурства; мы раздѣлены были на три очереди, каждая имѣла два дежурства, по 4 часа подъ-рядъ. Мы стояли съ правой стороны у стѣнки храма, камеръ-пажи впереди катафалка; особенное, какое-то торжественно возвышенное впечатлѣніе производило дежурство ночное; вся церковь, катафалкъ черные, освѣщенные множествомъ свѣчей въ завернутыхъ крепомъ огромныхъ канделябрахъ, тишина, плавное, негромкое чтеніе евангелія... Мое дневное дежурство приходилось какъ разъ на время обѣдни, на которой всегда присутствовала царская фамилія; тутъ въ первый разъ увидѣли мы вновь воцарившагося императора Николая I-го. Какъ теперь вижу его: высокій, худой, блѣдный — а потомъ, какая величественная мужественная красота! Послѣ обѣдни совершалась панихида, и

какъ совершалась! умиленные, трогательные, за душу берущіе напѣвы, исполняемые чуднымъ придворнымъ хоромъ. Во всѣхъ концахъ храма, наполненнаго дежурными, царскою свитою, саванниками статскими и военными—во всѣхъ концахъ раздаются рыданія; а позади гроба, подъ хорами, стоитъ на колѣняхъ Аракчеевъ. Въ назначенный, по установленному траурною комиссіею церемоніалу, день процессія тронулась изъ Царскаго села. Лиценсты заняли свои мѣста, и мы проводили дорогой прахъ, черезъ паркъ, до выхода на шоссе, и здѣсь мы съ нимъ простились. Долго мы стояли и смотрѣли съ благоговѣніемъ на удалявшуюся колесницу, и стояли до тѣхъ поръ, пока она не скрылась отъ взора. Нѣсколько дней послѣ этихъ грустныхъ проводовъ классовъ не было.

Помню еще одно выдающееся событіе, это—знаменитое состязаніе лошадей англійскихъ и казацкихъ, скачка отъ Петербурга до Гатчины и обратно. Мы смотрѣли на эту скачку у воротъ, выходявшихъ изъ парка на гатчинскую дорогу; мимо насъ пронеслись жокей въ красной курткѣ на великолѣпномъ конѣ и въ форменной одеждѣ казакъ на сухопарой донской лошади. Разумѣется, всѣ наши желанія и возгласы были въ пользу сухопарой. Но увы! конечно, не выдержала она соперничества съ какою-то знаменитостью, приведенною изъ Англій, съ искуснымъ жокеемъ и при тѣхъ пріемахъ, которые сопровождали со стороны искусныхъ и опытныхъ наѣздниковъ эту скачку. Рассказывали, что на разныхъ дистанціяхъ стояли люди, которые при проѣздѣ бросали англійскому скауну платки, намоченные ромомъ; а у нашего простодушнаго донца—говорили—лошадь расковалась. Эта скачка послужила поводомъ къ устройству у насъ особаго рода гимнастическихъ, если угодно такъ ихъ назвать, упражненій—устроились бѣга. Въ окружности нашего сада было навѣрное болѣе версты, и вотъ на пари—десятокъ яблокъ—бѣгали въ перегонку по 2 и 3 круга.

Я говорилъ выше, что мы дружили съ лейбъ-гусарами, преображенцами и камеръ-пажами; отпускались мы изъ лицея не иначе, какъ по запискамъ отъ таковаго-то родственника или родственницы. Тутъ уже безъ ухищренія не могло обходиться, но это ухищреніе было до того обыденно, что я увѣренъ, что начальство очень его понимало и смотрѣло сквозь пальцы, бывъ

увѣрено въ добронравности нашей; ухищренности заключались въ томъ, что какой-нибудь человѣкъ приносилъ швейцару записку отъ вымышленнаго дядюшки или тетушки, швейцаръ представлялъ записку гувернеру и разрѣшеніе получалось. Дядюшками оказывались или гусары, или преображенцы, или камеръ-пажи. Надо сознаться, что эти продѣлки не соответствовали лицейскимъ принципамъ и обѣщаніямъ, даннымъ директору Гольдгофу, но какъ-то все обходилось такъ благополучно, что не было никакого повода къ какому-нибудь неудовольствію начальства; одинъ только былъ казусъ, о которомъ расскажу послѣ. Изъ гусаровъ мало кого помню, а изъ преображенцевъ очень В. И. Назимовъ (впослѣдствіи попечитель Московскаго округа и генераль-губернаторъ западнаго края, и съ которымъ былъ до его смерти въ дружескихъ отношеніяхъ) и двухъ братьевъ Языковыхъ (старшій изъ нихъ былъ, кажется, директоромъ Александровскаго лица), камеръ-пажей Волкова, Гогела. И что-же мы дѣлали при этихъ посѣщеніяхъ? Съ гусарами ѣздили верхомъ въ манежъ, къ Назимову ѣздили на тройкахъ въ Славянку, гдѣ онъ стоялъ съ своей ротой, пили чай и читали вслухъ Жанъ-Жакъ-Руссо! Въ настоящее время, право, не вѣрится, чтобы могли быть не вымышленные досужею фантазіею, а въ дѣйствительности такіе и наивные и благоправные 17-ти лѣтніе юноши. Къ камеръ-пажамъ отправлялись мы обыкновенно по такъ называемой, въ то время, канавкѣ (и слѣда ея нынѣ нѣтъ), которая доходила до самаго Павловскаго парка. Совершали мы такія путешествія, притоняя прибытіе въ Павловскъ къ тому времени, когда камеръ-пажи возвращались изъ дворца послѣ обѣда у императрицы Маріи Ѳеодоровны, проводившей всегда лѣто въ Павловскѣ, гдѣ строго соблюдался этикетъ, по коему за ея обѣдомъ и за вечернимъ чаемъ всегда должны были находиться дежурные напудренные камеръ-пажи. Вотъ мы и отправлялись къ нашимъ друзьямъ въ такъ называемую крѣпость, гдѣ жили камеръ-пажи. У нихъ тоже распиваніе чаевъ и веселая болтовня. Въ извѣстный часъ, камеръ-пажи облакаются въ мундиры и ботфорты, пудрятся и отправляются на вечернее дежурство во дворецъ; мы за ними, протискиваемся къ окну той гостиной, въ нижнемъ этажѣ, гдѣ всегда собиралась царская семья; видно все, что дѣлается въ комнатѣ; видимъ нашихъ друзей, камеръ-пажей, которые при

всякомъ удобномъ случаѣ выбѣгаютъ на балконъ и приносятъ намъ разныхъ врендельковъ, конфектъ, а иногда и пирожковъ. Съ этими богатствами мы, только что не бѣгомъ, являлись въ 9 часовъ въ лицей. И какъ-то все это обходилось благополучно, никогда никто изъ путешествовавшихъ въ Павловскъ не попадался. А въ ряду посѣщеній военныхъ случилось выдающееся происшествіе, о которомъ я упоминалъ и которое надѣлало столько переполоху добрѣйшему директору Э. Г. Гольдгоеру. Два перво-разрядныхъ шалуна и безшабашные М. и Б. затѣяли поѣхать въ Красное село въ лагерь къ пріятелямъ гусарамъ и преображенцамъ, наняли лихую тройку, поѣхали. На полдорогѣ видятъ коляску, въ ней два военныхъ, коляска нарядная, лошади лихія. Догадались ребята кто въ ней—великій князь Михаилъ Павловичъ! Бѣда! Одно спасеніе—обогнать: ну, валай ямщикъ, рубль на водку. Маршъ, маршъ—промчались мимо, прямо въ лагерь, и слѣдъ простылъ. Возвратились путешественники въ урочное время, какъ ни въ чемъ не бывало; разумѣется, похвастались шопотомъ своимъ подвигомъ то одному, то другому товарищу и подвигъ сдѣлался извѣстенъ всему курсу. Думаемъ: быть бѣдѣ, ждемъ; проходитъ день, все благополучно, а герои только ухмыляются. На слѣдующій день получается отъ директора приказъ собраться всѣмъ въ залъ, сейчасъ, молъ, будетъ. Значить, наступаетъ расправа. Является директоръ, блѣдный, сумрачный, и неудивительно: великій князь Михаилъ Павловичъ, увидѣвъ форменныя шинели, синюю фуражку, догадался, что обогнали его лицейсты. Даль знать директору, съ приказаніемъ отыскать виновныхъ. Не успѣлъ директоръ открыть рта, какъ выступаютъ впередъ герои.

— „Ваше превосходительство, говорятъ они, мы виноваты—подвергаемъ себя заслуженному наказанію“.

Директоръ остолбенѣлъ отъ этой неожиданности. Нѣсколько минутъ молчаніе.

— Ну, господа, сказалъ онъ, наконецъ, — признаніе ваше дѣлаетъ вамъ честь, но пеняйте сами на себя за послѣдствія вашего дерзкаго поступка; я сейчасъ же ѣду къ великому князю (лицей въ то время былъ уже подчиненъ его высочеству).

Съ трепетомъ ожидали мы окончательной развязки; думаемъ, не миновать нашимъ безшабашникамъ исключенія изъ лицей

или чего-нибудь еще хуже; всё много наслышались о строгости великаго князя; но всё тоже знали о его удивительной сердечной добротѣ и рыцарскихъ взглядахъ. Какія давалъ объясненія директоръ—не было извѣстно, но только на слѣдующій день явился онъ съ сіяющимъ лицомъ и объявилъ, что его высочество, по своему великодушію и по уваженію молодости, вѣтренности и чистосердечному признанію, приказать соизволилъ посадить М. и Б. въ карцеръ на недѣлю, на хлѣбъ и воду. А черезъ три дня героевъ выпустили на свободу ¹⁾).

Но самымъ, конечно, любимымъ развлеченіемъ нашимъ было посѣщеніе семействъ нѣкоторыхъ изъ товарищей: тутъ на первомъ планѣ стоитъ семейство моего однокурсника Н. Д. Мертваго (давно уже умершаго). Матушка его пріѣзжала съ тремя молодыми дочерьми почти на всю зиму въ Царское село. Почтенная Варвара Дмитріевна, добрая, привѣтливая, была для всѣхъ насъ какъ бы матерью, мы любили и слушались ея совѣтовъ, какъ родной матери, выслушивали выговоры ея, замѣчанія, съ сыновнею покорностію. Дѣвицы Мертваго были живыя, образованныя, привѣтливыя, и обращались съ нами какъ съ братьями; всѣ были очень хорошенькія и всѣ онѣ, не исключая меньшей 15-ти-лѣтней, имѣли, конечно, по нѣскольку обожателей. Всякое воскресенье, всякій праздникъ, всѣ мы старшаго курса, за исключеніемъ ушедшихъ къ пріѣхавшимъ къ нимъ роднымъ, собирались послѣ обѣда у Варвары Дмитріевны, бывало по 15 человекъ. Время проводили въ веселыхъ разговорахъ, пѣніи, чтеніи, декламаціяхъ, иногда танцахъ, въ очень небольшой комнатѣ, подѣ звуки фортепіано, на которомъ играла одна изъ дѣвицъ; на продолжительныхъ же праздникахъ любимую забавою были *charades en action*. Раздѣлялись на двѣ группы, подѣ главенствомъ одной изъ сестеръ; партіи соперничали въ изобрѣтательности и замысловатости шарадъ и ихъ исполненіи, для чего приготавливались костюмы и аксессуары; нѣкоторыя шарады, которыя и теперь помню, были очень удачны.

Исключительными и рѣдкими развлеченіями были лицейскіе балы въ годовщину открытія лица, 19-го октября. Ихъ при мнѣ было три, два въ бытность въ младшемъ курсѣ и одинъ въ стар-

¹⁾ Б. выпущенъ въ молодую гвардію, М.—въ армію.

шемъ. Балы устраивались директоромъ Е. А. Энгельгардтомъ, съ особою его умѣlostiю; два первые раза балу предшествовали спектакли, которые приготовлялись тоже подъ руководствомъ Егора Антоновича. Балъ давался въ большой верхней залѣ, приглашались, во-первыхъ, весь персоналъ профессоровъ, гувернеровъ съ женами, чадами и домочадцами, родные и родственники воспитанниковъ и царскосельскіе почетные жители. Мы готовились къ этимъ баламъ точь въ точь какъ институтки; за цѣлую недѣлю хлопоты о башмакахъ (танцевали тогда непременно въ башмакахъ), перчаткахъ, помадѣ, духахъ, доставали щипцы для завитья волосъ и проч. Эти балы были, конечно, веселые, оживленные и продолжались далеко за полночь, оставляя впечатлѣніе и воспоминанія на цѣлый мѣсяць.

Здѣсь я кончаю наброски своихъ воспоминаній, говорю наброски, потому что воспоминанія вереницею возстаютъ въ памяти, но и помѣщенныхъ тутъ, можетъ быть, слишкомъ уже много. Славное было время — время нашего пребыванія въ Царскосельскомъ лицѣѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ грустно, Боже мой! какъ грустно, когда подумаешь — и того изъ дорогихъ товарищей нѣтъ, и другого, и третьяго, и т. д., нѣтъ и нѣтъ, — и едва ли я не послѣдній изъ могокановъ IV выпуска изъ Царскосельскаго лица 1826 года.

Н. А. Вѣлуха-Жохановскій.

1889 г. 9-го октября.
Г. Полтава.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ

въ его неиаданныхъ статьѣ и письмахъ ¹⁾).

I.

Статья Н. В. Гоголя — о поэзіи Ив. Ив. Козлова.

Свѣтлый, полный,—раздольное море жизни—міръ древнихъ греховъ не властенъ былъ ²⁾ дать направленіе поэзіи Козлова. Когда весь блескъ, все разнообразіе постоянно свѣтлой, въ безчисленныхъ формахъ проявляющейся, жизни природы ³⁾ слилось для него въ одну ужасную единицу, въ мракъ: могла-ли душа жить прежними ⁴⁾ ясными явленіями? Какъ будто въ изступленіи, какъ будто подавляемая горестью съ порывомъ, съ немолчною жаждою — торжествовать, возвыситься надъ собственнымъ несчастіемъ, она искала другой встрѣчи и въ изумленіи остановилась предъ Байрономъ, такъ чудно обхватившимъ гигантскою мрачною душою всю жизнь міра, и такъ дерзостно посмѣявшагося (вм. посмѣявшимся) надъ нею, — можетъ быть, отъ безсилія передать ея индивидуальную свѣтлость и величіе. Душѣ нашего поэта желалось обвиться около этой гордой, одинокой души, исполински замышлявшей заключить въ себѣ, въ замѣну отвергнутого, собственный, ею же созданный, нестройный и чудный міръ

¹⁾ См. «Русскую Старину», изд. 1888, томъ LVIII, апрѣль, 31—72; июнь, стр. 575—580 и 597—614; т. LIX, июль, 47—62; т. LX, октябрь, 125—147; изд. 1889, т. LXI, январь, 141—157; т. LXIII, июль, 163—176; августъ, 363—385 и изд. 1890, т. LXV, февраль, 407—427.

²⁾ Зачеркнуто: привлечь къ себѣ.

³⁾ — — міра.

⁴⁾ — — свѣтлыми.

и, обвинившись около нея, улыбнуться уже несуществующей для нея прежней Игладѣ жизни. Кроткое, христіанское величіе вѣры, такъ доступное человѣку въ то страшное мгновеніе перерожденія его, приняло и облекло чистымъ сіяніемъ своимъ все полученное имъ въ сообществѣ съ душою этого исполина, съ которымъ ¹⁾ мѣряться ²⁾ онъ не имѣлъ достаточныхъ силъ, и сообщило ему индивидуальность, безъ которой онъ былъ-бы только безсильнымъ подражателемъ. Но даже и въ тихомъ порывѣ религіозной души своей, когда благословляетъ онъ тяжкій крестъ несчастій, вырывается у него скорбь, какое-то, можно сказать, даже злобное наслажденіе души собственными муками. Онъ сильно даетъ чувствовать всѣ великія горькія траты (утраты?), часто собираетъ въ одинъ моментъ все исчезающее, живо представляетъ его во всемъ ослѣпительномъ блескѣ, чтобы показать вѣстѣ ³⁾, чего стоитъ ему позабыть ⁴⁾ и удалить мысль о немъ. Глядя на радужные цвѣта и краски, которыми кипятъ и блещутъ его роскошныя картины природы, тотчасъ узнаешь съ грустью, что онѣ уже утрачены для него навѣки: зрящему никогда-бы не показались онѣ въ такомъ яркомъ и даже увеличенномъ блескѣ; онѣ могутъ быть достояніемъ только такого человѣка, который давно уже любовался ими, но вѣрно и сильно сохранилъ о нихъ воспоминаніе, которое росло и увеличивалось въ горячемъ воображеніи и блистало даже въ неразлучномъ съ нимъ мракѣ. Но и въ сихъ созданіяхъ, въ которыхъ, кажется, онъ стремится позабыть все грустное, касающееся собственной души и ловить невидимыми глазами видимую природу,—и здѣсь, и подъ цвѣтами горитъ тихая печаль. Онъ весь въ себѣ. Весь нераздѣльный міръ свой носить въ душѣ и не властенъ оторваться отъ него. Иногда стремленіе его центробѣжно и будто хочетъ разлиться во вѣшнемъ, но для того только, чтобы снова съ большей силой устремиться къ своему центру, къ самому себѣ, какъ будто угадывая, что тамъ только его жизнь, что тамъ только найдетъ отвѣтъ себѣ ⁵⁾. Если онъ долго останавливается на вѣшнемъ какомъ-нибудь предметѣ, онъ уже лишаетъ его индивидуальности, онъ проявляетъ уже въ немъ самого себя, видитъ и развиваетъ въ немъ міръ собственной души.

Мнѣ кажутся и донныя странными замѣчанія и упреки многихъ

¹⁾ Зачеркнуто: сравниться.

²⁾ — — не дано ему.

³⁾ — — съ тѣмъ.

⁴⁾ — — о немъ.

⁵⁾ — — когда же.

Козлову, что въ поэмахъ у него вѣчное тожество и однообразіе жизни, что лица его не имѣютъ полной романтической отдѣлки и не живутъ своею жизнью, что Безумная ни мало не похожа на русскую крестьянку, — словомъ, требуютъ отъ Козлова того, чего только въ правѣ мы требовать отъ Пушкина, — забывая, что для Козлова полная разнообразія внѣшняя жизнь не существуетъ, что весь міръ его сосредоточивается въ немъ самомъ и его одного силея онъ слѣдить въ многораазличныхъ измѣненіяхъ лица, и герои у него только образы, условные знаки, въ которые облекаетъ онъ явленія души своей, что обнять во всей полнотѣ внутреннюю и внѣшнюю жизнь — удѣлъ генія всемірнаго, и что, наконецъ, Козловъ относится къ Пушкину такъ, какъ часть къ цѣлому. Поэтъ понимаетъ все достоинство послѣдняго; оно лестяще жаркой душѣ его и кадилъ, и безотчетныхъ хвалъ. И для кого не блистательно, кому не завидна участь — быть частью необъятнаго Пушкина!

Черновая замѣтка Гоголя.

Новыя прелестныя стихотворенія Козлова «Субботній вечеръ», переводы и мелкія съ трогательнымъ посвященіемъ, прекраснымъ цвѣткомъ, брошеннымъ на гробъ,

Той красотѣ, которой много
Россійскій жертвовалъ Парнаассъ,
Когда туманною дорогой
Брела поэзія у насъ.

Находится въ такихъ-то книжныхъ лавкахъ; продается по такой-то цѣнѣ.

Примѣчаніе. Предлагаемый отрывокъ находится въ рукописи, переданной Д. Ф. Самаринымъ въ Московскій Публичный и Румянцовскій музей, вмѣстѣ съ рецензіями, написанными Гоголемъ для Пушкинскаго «Современника», почему можно думать, что и эта статья принадлежала къ числу послѣднихъ. Въ такомъ случаѣ она могла быть написана въ 1836 г. Названное Гоголемъ «новымъ» стихотвореніе «Сельскій субботній вечеръ въ Шотландіи» написано было не позднее 1832 г., такъ какъ оно находится уже въ собраніи сочиненій Козлова, изданныхъ въ 1833 г.

Отмѣтимъ кстаги странную ошибку, повторяющуюся во всѣхъ изданіяхъ стихотвореній Козлова: «Сельскій субботній вечеръ въ Шотландіи» вездѣ отнесенъ къ «Крымскимъ сонетамъ» Мицкевича, хотя гутъ-же помѣчено при самомъ стихотвореніи, что онъ представляетъ вольное подражаніе Борнеу!

II.

Гоголь—О. С. Ансановой.

Венеція. Августа 10 (1840).

Такъ какъ Сергѣй Тимоѣевичъ теперь, вѣроятно, не въ Москвѣ; Константинъ Сергѣевичъ, безъ сомнѣнія, тоже съ нимъ; то рѣшаюсь, Ольга Семеновна, осадить васъ моими двумя усерднѣйшими просьбами. Но прежде чѣмъ просьбы, позвольте поблагодарить васъ—вы знаете за что: за все. Позвольте поблагодарить также и все ваше семейство за память обо мнѣ. Впрочемъ, въ послѣднемъ случаѣ благодарить мнѣ не зачѣмъ, потому что здѣсь плата тою же монетою съ моей стороны, что вамъ, безъ сомнѣнія, извѣстно.

А просьбы мои слѣдующія. Отправьте прилагаемое при семъ письмо Лизѣ ¹⁾ и вручите Михаилу Семеновичу ²⁾ прилагаемое при семъ дѣйствию переведенной для него комедіи ³⁾. Еще одна просьба, о которой напоминать мнѣ немножко безсовѣстно, но нечего дѣлать. Просьба эта относится прямо къ Вѣрѣ Сергѣевнѣ, а въ чемъ она заключается—это ей извѣстно. Исполненію ея, конечно, теперь мѣшаетъ отъѣздъ Сергѣя Тимоѣевича; но по пріѣздѣ.. Вѣра Сергѣевна простала-бы меня за мой докучливый характеръ. Прошу, веселитесь веселѣе, сколько можно, и отвѣдайте лѣта больше, сколько можно. Я васъ вижу очень живо и также вижу всѣхъ васъ, все ваше семейство.

Къ Сергѣю Тимоѣевичу буду писать изъ Рима; не знаю только, куда адресовать. Впрочемъ, отправите вы. Цѣлую ваши ручки.

III.

(1842).

Благодарю васъ, добрый другъ мой Ольга Семеновна, за прекрасное письмо ваше. Въ немъ слышны всѣ движенія души вашей. Всегда въ минуты вашихъ душевныхъ движеній пишете ко мнѣ. Все, что изольется изъ души вашей, останется святыней и тайной въ душѣ моей. Слышите-ли вы, что въ послѣднемъ словѣ заключается упрекъ

¹⁾ Елизаветѣ Васильевнѣ Гоголь.

²⁾ Щепкину.

³⁾ Гоголь говоритъ о переведенной имъ съ италіанскаго комедіи: «L'ajo nell'imbarazzo», т. е. «Дядька въ затруднительномъ положеніи». В. III.

вамъ. Да, я люблю дѣлать упреки тѣмъ, которыхъ люблю. Я просилъ васъ, чтобы вы только вдвоемъ прочитали письмо мое ¹⁾, а письмо это читала вся ваша семья и кромѣ того вы даже давали списывать съ него для себя копію. Я знаю, что вы любите отвѣчать обыкновенно, что въ семьѣ вашей нѣтъ тайны, и отчасти думать, что такой просьбой моей водить (?) отчасти маленькій капризь. Но Богъ вѣсть,—можетъ быть, иногда не вовсе ничтожныя причины двигаютъ капризомъ. Но дѣло уже сдѣлано. Исполните же, по крайней мѣрѣ, теперъ мою просьбу: просьба отсутствующаго должна быть священна. Позабудьте вовсе письмо мое оное! Не читайте его; спрячьте на цѣлые четыре года. Никто изъ васъ пусть не говоритъ о немъ и не упоминаетъ о немъ во все это время. Я такъ хочу и больше ничего!

Еще просьба: не хвалите меня передъ другими; по крайней мѣрѣ менѣе, сколько можно. Изъ письма вашего со страхомъ я увидѣлъ, что вы меня считаете чѣмъ-то вродѣ святости и совершенства. Ради Бога, не думайте такъ: это грѣхъ. Въ моей душѣ есть точно стремленіе къ этому, но вы слышите-ли, какое страшное пространство между стремленіемъ и достиженіемъ. Вотъ все, что вы можете говорить другимъ: у него добрая душа и есть истинное желаніе быть лучше, чѣмъ онъ есть. Эти слова вы можете сказать обо мнѣ, и если услышите нападенія на меня, никогда не отвергайте ихъ. Нападенія не могутъ быть безъ причины. Лучше прилежно выслушать и передать потомъ мнѣ.

Прощайте!

Въ минуты сильныхъ вашихъ движеній души всегда пишете ко мнѣ. Если у васъ родятся какіе-нибудь упреки мнѣ, смѣло ихъ говорите: упрековъ любящаго человѣка всегда жаждало, какъ святыни, мое сердце.

Обнимаю васъ заочно и очень жалѣю, что не могу обнять лично. Напишите о себѣ иногда строчку. Весь вашъ Н. Г.

¹⁾ См. Соч. Гоголя, изд. Кул., т. V, стр. 491: «Это письмо пусть будетъ для васъ и для Ольги Семеновны, но не показывайте его другимъ».

IV

Записка Н. В. Гоголя—Аксановымъ.

Посылаю вамъ все, что имѣю: другихъ документовъ нѣтъ, кромѣ посланныхъ. Не можете-ли вы узнать, когда выпускъ въ Патриотическомъ институтѣ? Я не помню, но, можетъ быть, это нужно, и мѣсто хорошее; а нѣтъ, то и не нужно. Весь вашъ Г.

Жалко очень на нездоровье Вѣры Сергѣевны, а что до картины или до Рафаэля, то онѣ отъ насъ не уйдутъ.

V.

М. П. Погодинъ—Н. В. Гоголю ¹⁾.

Сентября ¹²/₂₁. Москва 1842 г.

Наконецъ я нашелъ въ себѣ силу увидѣть тебя, заговорить съ тобой, написать къ тебѣ письмо: раны души моей зажили или, по крайней мѣрѣ, затянулись... Ну что? каковъ ты? гдѣ ты? что ты? куда?

Я чувствую себя теперь довольно хорошо, пилъ маріенбадскую воду, а теперь—на простой. Но зимой было тяжело: часто показывалась кровь изъ горла и голова была безпрестанно тяжела.

Не случилось-ли съ тобой чего-нибудь особеннаго въ душѣ—такъ около ³/₁₅ сентября? Ты знаешь, что я немного по глинкиной части ²⁾, и вѣрю міру невидимому съ его силами. Около 3-го числа я какъ будто примирился съ тобой, а до тѣхъ поръ я не могъ подумать о тебѣ безъ тревоги. Когда ты затворилъ дверь, я перекрестился и вздохнулъ свободно, какъ будто гора свалилась у меня тогда съ плечъ; все, что узнавалъ я послѣ, прибавило мнѣ еще болѣе муки, и ты являлся, кромѣ святыхъ, высокихъ минутъ своихъ, существомъ. Посѣтивъ мать твою въ прошломъ году, я почувствовалъ, что въ глубинѣ сердца моего таилась еще искра любви къ тебѣ, но она лежала слишкомъ глубоко. Наконецъ, я сталъ забывать тебя, успокоился, и теперь какъ рукой сняло: я готовъ опять и ругать и любить тебя.

¹⁾ Отвѣтъ на это письмо см. въ «Русской Старинѣ», изд. 1890, т. LXV, февраль, стр. 411—418.

²⁾ Т. е. по части суевѣрія, которымъ отличался Глинка (Федоръ Николаевичъ?).

VI.

Въ дополненіе къ недавно напечатанному письму Гоголя въ Оптину пустынь (см. «Русскій Архивъ» 1889 г., XII; но собственно оно было еще прежде напечатано въ «Домашней Бесѣдѣ», 1863 г., вып. 20, стр. 457—460, гдѣ приведено въ текстѣ замѣтки о Гоголѣ), позволимъ себѣ указать, что на письмѣ рукою архимандрита Моисея помѣчено: «получено изъ села Долбина, помѣщика Ив. Вас. Кирѣвскаго, 26 іюня 1850 года» (см. «Домашнюю Бесѣду»). Черезъ годъ Гоголемъ было написано, вѣроятно, второе письмо съ приложеніемъ 25 рублей въ пользу обителя, какъ это видно изъ приводимаго ниже отвѣтнаго письма отца Моисея (его имя пропущено въ текстѣ письма «Домашней Бесѣды»):

«Милостивый государь Николай Васильевичъ! Ваше почтеннѣйшее письмо и на обитель серебромъ двадцать пять рублей имѣлъ честь получить 19 сего іюля. Христіанское усердіе ваше и благодарное положеніе къ обителя нашей обязываетъ насъ общераствленно навсегда приносить у Престола Божія смиренныя наши молитвы о здравіи, благоденствіи и спасеніи вашемъ.

Съ чувствомъ искренней благодарности и высокопочтеніемъ пребыть честь имѣю милостиваго государя нижайшій богомолецъ игумень Моисей.

21-го іюля 1851 г. Оптиная пустынь.

Примѣчаніе. О. Н. Смирнова припоминаетъ, что Гоголь находился въ сношеніяхъ изъ духовныхъ лицъ особенно съ духовникомъ своимъ, ржевскимъ протоіереемъ о. Матвѣемъ Константиновскимъ, съ игуменомъ Оптиной пустыни Моисеемъ, а также съ Макаріемъ Боровскимъ. О сношеніяхъ Гоголя съ послѣднимъ, кажется, до сихъ поръ нигдѣ не было сообщено.

Сообщ. В. И. Шенрокъ.

ГРАФЪ ПЕТРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ВАЛУЕВЪ.

Замѣтки его на „Записки графа М. Н. Муравьева“.

27-го января 1890-го года въ С.-Петербургѣ скончался графъ Петръ Александровичъ Валуевъ—одинъ изъ сотрудниковъ и сподвижниковъ императора Александра II-го, Освободителя и Преобразователя Россіи.

Газеты сообщили болѣе или менѣе подробные некрологи сошедшаго въ могилу государственнаго дѣятеля.

„Русская Старина“—много разъ обратится къ этой-же выдающейся личности, во многихъ отношеніяхъ весьма замѣчательной и явившей несомнѣнныя и значительныя заслуги отечеству и верховнымъ державнымъ Вождямъ Россіи.

Въ настоящее время мы, вѣрные одной изъ главныхъ задачъ нашего историческаго изданія—представлять матеріалы для отечественной исторіи и для жизнеописаній наиболѣе выдающихся дѣятелей на всѣхъ поприщахъ служенія Россіи, представляемъ замѣтки покойнаго гр. П. А. Валуева на извѣстныхъ Записки гр. М. Н. Муравьева, каковыя Записки, какъ извѣстно, напечатаны впервые на страницахъ „Русской Старины“ изд. 1882 и 1883 годовъ (томы XXXVI—XXXVIII.)

Замѣтки вписаны графомъ Петромъ Александровичемъ, собственноручно, на бѣлыхъ полулистахъ, переплетенныхъ въ нашей рукописной копіи Записокъ гр. М. Н. Муравьева, каковой экземпляръ, съ согласія гр. Валуева, былъ препровожденъ ему нами для вписанія замѣтокъ.

Графъ П. А., возвращая намъ рукопись гр. Муравьева, съ своими записями, писалъ намъ:

„Пользуясь предоставленнымъ вами мнѣ правомъ высказаться относительно Записокъ графа Муравьева, по моему усмотрѣнію, я ограничился немногими замѣтками. Иначе пришлось бы впадать въ повторенія, и притомъ давать замѣткамъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, видъ orationis pro domo. Валуевъ“.

Спб. $\frac{25}{V}$ 1883 г.

Представляемъ эти небольшія, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно имѣющія историческій интересъ—замѣтки покойнаго гр. П. А. Валуева—на извѣстныхъ читателямъ „Русской Старины“ Записки гр. М. Н. Муравьева.

Дневникъ, на который ссылается покойный графъ Петръ Александровичъ, есть его собственный, имъ веденный многіе годы. Различныя и весьма интересные отрывки изъ него, въ особенности о событіяхъ 1862—1865 гг., — графъ Валуевъ читалъ намъ неоднократно въ 1883 году и позднѣе.

Ред.

I.

Записки гр. Муравьева „продиктованы“, какъ значитса въ рукописи, въ 1866 году. Слѣдовательно, онъ диктовалъ что помнилъ и какъ помнилъ. Нижеслѣдующія отрывочныя замѣтки основаны, и даже большею частью болѣе или менѣе дословно заимствованы, изъ современнаго дневника за тѣ годы, до которыхъ относятся Записки.

Односторонность взгляда графа Муравьева, неразборчивость нареканий и отсутствіе безпристрастія при оцѣнкѣ лицъ и доказательствъ при оцѣнкѣ или изложеніи фактовъ такъ очевидны, что распространяться о нихъ нѣтъ надобности. Ограничусь только приведеніемъ одного примѣра той беззаастѣнливой опрометчивости, въ которой такъ называемые „Русскіе падеи клеветать на такъ называемыхъ не русскихъ“.

Графъ Муравьевъ говоритъ (рукопись, стр. 7) о ген. Гильдебрантѣ, что онъ „въ душѣ полякъ“¹⁾ и пр.

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1882 г., т. XXXVI. стр. 391, 403 и др.

Я зналъ генер. Гильдебранта съ 1845 года и кромѣ меня его всѣ знали длинный рядъ годовъ въ Ригѣ, гдѣ онъ былъ жандармскимъ штабъ-офицеромъ до производства въ генералы и назначенія въ Вильно. Всякій полонизмъ былъ ему совершенно чуждъ. Онъ могъ ошибаться, былъ вообще мало способенъ, но былъ не способенъ кривить душой.

II.

Справедливо то, что движеніе крестьянъ—не однихъ старообрядцевъ—возбудило опасенія, и что шефъ жандармовъ (кн. Вас. Андр. Долгорукій), на основаніи показаній или донесеній гр. (П. А.) Шувалова, поддался вліянію этихъ опасеній; но ихъ не раздѣляли ни министръ Внутреннихъ Дѣлъ (П. А. Валуевъ), ни другія правительственныя лица.

Совершенно голословно все сказанное о гоненіи, которому подверглись-бы старообрядцы, и о томъ, что министръ государственныхъ имуществъ (А. С. Зеленый), будто бы показалъ необходимость противодѣйствовать „петербургскимъ дѣтелямъ“.

Въ одномъ изъ примѣчаній къ дневнику значится:

„Помню какъ въ приемной у государя гр. (П. А.) Шуваловъ меня увѣрялъ, что всѣ опасенія на счетъ распространенія мятежа преувеличены, всѣ шайки скоро будутъ уничтожены“, и т. п., и какъ я ему отвѣчалъ: „que l'incendie s'étendrait, que les signes d'un vaste plan étaient manifestés“.....

III.

Весь разговоръ о назначеніи гр. Муравьева сильно колорированъ въ подобающемъ цвѣтѣ. Этому назначенію прямо содѣйствовалъ тотъ самый князь (Вас. Андр.) Долгоруковъ, о которомъ гр. Муравьевъ отзывался какъ о противникѣ.

Въ Дневникѣ значится за 25-ое апрѣля (1863 г.): „по крайней мѣрѣ, Государь рѣшилъ, сегодня, проститься съ ген. Назимовымъ. Онъ послалъ за М. Н. Муравьевымъ, который принимаетъ Назимовское наслѣдіе и былъ у меня, чтобы о томъ сообщить. Конечно, не безъ обычныхъ оговорокъ. Во всякомъ случаѣ похвально, что въ такое время онъ не уклонился отъ такой ноши“.

Все, въ чемъ гр. Муравьевъ упрекаетъ петербургское правительство, могло бы быть сказано съ нѣкоторымъ основаніемъ только на счетъ генерала (В. И.) Назимова. Онъ ревниво относился къ настояніямъ министра внутреннихъ дѣлъ и дѣйствительно компрометировалъ въ краѣ правительственную власть и далъ возможность развиться мятежу, но Государь долго не рѣшался его замѣнить другимъ, болѣе распорядительнымъ и твердымъ начальникомъ.

Замѣчательно, что гр. Муравьевъ относитъ бывшаго военнаго министра гр. (Д. А.) Милютина, къ числу тѣхъ, которые мыслили и дѣйствовали въ его духѣ; но ни на какое содѣйствіе съ его стороны не указываетъ. Гр. Милютинъ дѣйствительно относился къ дѣлу, въ началѣ, пассивно или нерѣшительно. Первые части войскъ, отправленныя для подавленія мятежа изъ Петербурга, отправлены по настоянію кн. Долгорукова, великаго князя Николая Николаевича и министра внутреннихъ дѣлъ (П. А. Валюева). Военный министръ и самъ Государь неохотно къ тому склонялись.

Все сказанное о колебаніяхъ и обуявшемъ страхѣ совершенно голословно. Гр. Муравьевъ признавалъ колебаніями или противодѣйствіемъ всякій отпоръ при его попыткахъ отождествлять генерала Назимова съ петербургскими властями, или совершенно устранять эти власти отъ дальнѣйшаго вѣдѣнія дѣлами вѣрившагося ему края.

Въ Дневникѣ значится, за 2-ое мая: „генеральъ Муравьевъ присутствовалъ въ Западномъ комитетѣ. Всѣ его старыя замашки на лицо“.

Далѣе,—за 6-ое мая: „Особое совѣщеніе съ кн Долгоруковымъ, ген. Милютинымъ, ген. Зеленымъ и ген. Муравьевымъ по западнымъ дѣламъ. Ген. Муравьевъ былъ въ высшей степени неприличенъ... Полагая себя необходимымъ, онъ этимъ пользуется, чтобы заявлять самыя неумѣстныя притязанія и позволять себѣ самыя неумѣстныя выходки“...

Еще далѣе за 10-е мая: „Совѣщаніе у Государя съ военнымъ министромъ, кн. Долгоруковымъ, ген. Муравьевымъ и ген. Зеленымъ. Государь былъ жестокъ съ Муравьевымъ“.....

Между тѣмъ ни о какой либо поддержкѣ генерала Муравьева генераломъ Милютинымъ или генераломъ Зеленымъ

и ни о какомъ разногласіи между ними и кн. Долгоруковымъ или министромъ внутреннихъ дѣлъ (Валуевымъ) въ Дневникѣ не упоминается. Все это трудно согласовать съ повѣствованіемъ, въ Запискахъ, Муравьева о разныхъ объясненіяхъ ген. Муравьева съ Государемъ.

Журналы разныхъ комитетовъ и совѣщаній и вся официальная переписка того времени сохранились. Въ нихъ нельзя найти подтвержденія одностороннимъ рассказамъ гр. Муравьева. Ключъ къ такимъ противорѣчіямъ заключается въ его характерѣ, преисполненномъ противорѣчій.

Графъ Муравьевъ былъ добръ въ душѣ, могъ быть мягкимъ, привѣтливымъ, даже ласковымъ, — и могъ быть жесткимъ, несправедливымъ и злобно мстительнымъ. Онъ былъ чрезвычайно уменъ, находчивъ, распорядителенъ, но становился непослѣдовательнымъ и даже неразумительнымъ когда обстоятельства давали полный просторъ его измѣнчивой волѣ. Къ выдававшимся чертамъ его характера принадлежали: стремленіе *se faire valais*, при всякомъ удобномъ случаѣ, и безмѣрная заносчивость, когда, какъ говорится, ему везло. Объ этомъ свидѣтельствуетъ другая замѣтка въ Дневникѣ, за 8-е апрѣля 1866 года, по случаю назначенія гр. Муравьева предсѣдателемъ слѣдственной комиссіи по каргозовскому дѣлу.

Въ Дневникѣ значится: „Видѣлъ его (Муравьева) во Дворцѣ. Онъ еще не былъ въ кабинетѣ Государя; но одинъ фактъ, что за нимъ послали, что его сочли нужнымъ, снова измѣнилъ его и во внѣшнихъ приемахъ и въ настроеніи духа. Онъ иначе ходилъ, иначе садился, командовалъ рейтвехтами, сердился, что его заставляли ждать и пр.“.....

Оцѣнка дѣлъ по Царству Польскому въ Запискахъ (Муравьева) болѣе правильна, чѣмъ по западному краю. Тамъ, дѣйствительно, многое было испорчено вліяніемъ министра иностранныхъ дѣлъ князя (А. М.) Горчакова, который напрасно поддерживалъ своего двоюроднаго брата (кн. М. Д. Горчакова), намѣстника, при началѣ тамошнихъ смуть. Объ этомъ нѣсколько разъ обстоятельно упоминается въ Дневникѣ.

Позволяю себѣ сомнѣваться въ точности отзыва, приписываемаго Государынѣ Императрицѣ Маріи Александровнѣ ¹⁾.

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1882 г., томъ XXXVI, стр. 398.

Во всякомъ случаѣ, если въ высшихъ правительственныхъ сферахъ часто обнаруживалась та разрозненность дѣйствій, которая зависитъ отъ разрозненности ихъ строя, то вовсе не было той общей паники, о которой повѣствуетъ гр. Муравьевъ. Доказательствомъ служить вся переписка министра внутреннихъ дѣлъ (П. А. Валюева) того времени и его предположенія о преобразованіи Государственнаго Совѣта, обсуждавшіяся въ присутствіи Государя 15-ое апрѣля 1863 года.

Возбужденіе такого органическаго вопроса было приурочено къ польскимъ смутамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ доказывало, что эти смуты не поглащали вниманія правительства и не привели его въ то состояніе умственной растерянности, которое рисуетъ гр. Муравьевъ.

IV.

Когда графъ Муравьевъ прибылъ въ Вильно, военныя мѣры къ подавленію мятежа уже были приняты безъ его участія.

Гвардейскіе полки были на мѣстахъ. Главная Ковенская шайка, подъ предводительствомъ извѣстнаго Сѣраковскаго, была разбита еще 2-го мая (1863 г.); панъ самъ взятъ, раненый, въ концѣ дѣла. Но внутренняя организація мятежа еще оставалась въ полной силѣ.

Первые мѣсяцы управленія графа Муравьева можно назвать не только правильными и успѣшными, но даже блистательными. Поворотъ совершился тогда, когда на мѣстахъ стало легче и когда давленіе спѣшныхъ обстоятельствъ и нуждъ перестало стѣснять порывы заносчивой воли гр. Муравьева. Пояснительнымъ примѣромъ можетъ служить переписка между нимъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ (П. А. Валюевымъ), напечатанная въ апрѣльской книгѣ „Русск. Стар.“ изд. 1883 г. (стр. 193—204.)

Говорить о польскихъ колоніяхъ въ Туруханскомъ краѣ, и говорить тѣмъ педагогическимъ тономъ, какимъ говоритъ графъ Муравьевъ, можно было только въ пылу самодовольнаго разгула воли, или для эффекта передъ извѣстною публикой, а не для достиженія рисуемой цѣли.

Повторяю, что все, что графъ Муравьевъ говоритъ о противо-

дѣйствиі петербургскихъ властей и о будто бы къ удовлетворенію польскихъ притязаній клонившихся намѣреніяхъ этихъ властей,—совершенно голословно. Официальная переписка того времени на лицо.

— Но не вижу надобности далѣе отмѣчать въ частности заключающіяся въ Запискахъ гр. Муравьева неточности, преувеличенія или недомолвки. Предшедшихъ замѣтокъ достаточно, чтобы указать на постоянное „export“ Записокъ Муравьева. Онѣ вообще могутъ имѣть историческую цѣну только при двойномъ условіи значительныхъ скидокъ въ одномъ направленіи и прикидокъ въ другомъ.

25-го мая 1883 г.

Графъ П. А. Валуевъ.

Историческая справка къ вопросу: Севастополь или Феодосія?

Замѣтки вице-адмирала Н. Г. Руднева.

Благопріятныя природныя условія южной бухты Севастопольскаго порта, для устройства въ ней военной гавани, черноморскому флоту необходимы, а потому слѣдуетъ коммерческій портъ перенести и устроить въ которой-либо изъ смежныхъ севастопольскихъ бухтъ: или въ Стрѣлцкой, какъ близъ лежащей, или въ Камышевой, имѣющей два глубокіе и очень удобные рукава. Во время Крымской войны, въ первомъ большомъ рукавѣ бухты этой швартовались французскіе военные линейные восьмидесяти-четырехъ-пушечные корабли, фрегаты и всѣ военные пароходы; въ другомъ—ихъ коммерческій флотъ, снабжавшій армію въ 150,000 человѣкъ кавалеріей и артиллеріей, а также всѣми боевыми принадлежностями. Въ этой бухтѣ стоялъ французскій весь флотъ больше года и выдержалъ штормъ 2-го ноября 1855 г.; послѣ же перемирія, изъ этой бухты всѣ ихъ войска доставлены во Францію.

Третья—Балаклавская бухта, въ которой помѣщались англійскіе военные пароходы и англійскій коммерческій флотъ, а также четыре сардинскихъ военныхъ фрегата и нѣсколько пароходовъ. Линейные англійскіе корабли стояли на траверзѣ у входа въ рѣчку Кача.

Балаклавская бухта, самая малая изъ названныхъ бухтъ, имѣетъ извилистый берегъ и входъ безъ подводныхъ препятствій, имѣетъ большую глубину, закрыта отъ всѣхъ вѣтровъ; всѣ суда швартовались въ плотную къ берегу и имѣли сходни на пристань ¹⁾). Изъ района севастопольскихъ бухтъ переходъ для торговли самый выгодный, ибо пароходъ, нагруженный зерномъ, идетъ до Константинопольскаго пролива двадцать два часа, а изъ другихъ портовъ Чернаго моря грузовые пароходы идутъ до пролива полторы и двое

---

¹⁾ Такъ что выгрузка и нагрузка очень удобны.

сутокъ, а потому каждый капитанъ и его довѣритель предпочитаютъ быть меньшее время въ морѣ, а особенно въ зимніе мѣсяцы, когда начинается болѣе усиленная погрузка зерна; къ тому же эти рейды никогда не замерзаютъ, не имѣютъ подводныхъ препятствій и отличные створные маяки ¹⁾). Товары, доставляемые изъ Москвы въ Севастопольскій портъ, должны быть удешевлены доставкой, потому что Москва ближе къ Севастополю на сто тринадцать верстъ, нежели къ Одессѣ. Ссыпку нашего зерна въ севастопольскомъ районѣ бухты слѣдуетъ сдѣлать въ Инкерманской долинѣ, устроить или перевести мукомольный заводъ изъ южной бухты Севастополя, а также приспособить хлѣбопекарныя печи и сушку сухарей, какъ это было устроено до Крымской войны, въ Сухарной балкѣ, вблизи Инкерманской долины; этотъ заводъ снабжалъ первую боевую линію хлѣбомъ, во время осады Севастополя, весь гарнизонъ его и флотъ; во время же мира на заводѣ этомъ пекли хлѣбы и сушили сухари для матросовъ. Инкерманская долина страшитъ лихорадками, да, но на это давно надо обратить серьезное вниманіе ²⁾): первое, вырубить весь камышъ, выровнять всю мѣстность подъ общій уровень, засыпать всѣ болота и выемки, сдѣланныя при проведеніи желѣзной дороги, засадить деревьями, которыя оживили бы мѣстность, Черную рѣчку вычистить и берега ея укрѣпить сваями, дабы не осыпались, т. е. самое устье рѣки, гдѣ соединяется она съ севастопольской большой бухтой, гдѣ растетъ означенный камышъ, и эту часть бухты слѣдуетъ углубить до 25-ти футовъ землечерпательными машинами; эта рѣчка для означенной мѣстности очень полезна, ибо никогда не пересыхаетъ и имѣетъ хорошее теченіе. (Въ Крыму всѣ рѣки въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ пересыхаютъ, даже Салгирь; всѣ долины Крыма, въ большей или меньшей степени, заражены лихорадками, и въ южной бухтѣ Севастополя, гдѣ расположенъ вакзалъ, всѣ жители страдаютъ, если кто не бережется). Во время Крымской войны наши войска имѣли лагерь, зиму и лѣто, на Мекензиевыхъ и Инкерманскихъ высотахъ; въ эту кампанію нашъ черноморскій флотъ, подъ флагомъ Павла Степановича Нахимова, былъ расположенъ, начиная отъ хутора 24-го экипажа, гдѣ былъ ошвартовленъ флагманскій 120-ти-пушечный корабль «Двѣнадцать Апостоловъ», до конца Севастопольской бухты, такъ что послѣднія суда этой эскадры стояли близъ Черной рѣчки. Флотъ простоялъ такъ почти годъ и особыхъ жалобъ на лихорадку, какъ на судахъ, такъ и въ войскахъ пѣхоты, не было.

¹⁾ Для опредѣленія своего мѣста и входа въ бухту.

²⁾ Оздоровить эту мѣстность.

Теперь позвольте сообщить, что вынудило меня приняться написать.

По заключеніи мира 1855 г., я на другой день посѣтилъ Балаклавскую бухту и самъ лично видѣлъ, какъ на англійскомъ пароходѣ молили нашу пшеницу, взятую въ азовскомъ побережьи; а также при высадкѣ союзниковъ въ Евпаторіи взято было 60,000 пшеницы и овса, и когда означенная пшеница вышла, тогда снова пошли въ Азовское море, и сколько могли, столько забрали разнаго зерна, уничтожили весь каботажный нашъ флотъ, принеся намъ убытку на 11 милліоновъ. По обѣимъ бортамъ англійскаго парохода-мукомола стояли два парохода, на которыхъ изъ этой-же муки пекли хлѣбы, и каждое утро и вечеръ нагружали вагоны и телѣги хлѣбомъ и везли въ англійскій лагерь—къ Сапунъ-горѣ. (Изъ Балаклавы шли три дороги: паровая желѣзная, конно-желѣзная и шоссе; шоссе шло вплоть до Камышевой бухты и сохранилось по сейчасъ). Вблизи означенныхъ пароходовъ стоялъ пароходъ адмиралтейства, который укладывалъ рельсы на двухъ путяхъ желѣзной дороги, ремонтировалъ вагоны и телѣги, ковалъ лошадей и исправлялъ всѣ станки полевой артиллеріи и осадныхъ орудій. Я до сихъ поръ не могу вспомнить, какъ тяжело и горько было въ то время узнать, что пшеница наша имъ такъ легко досталась; злость наша была ужасна и мы долго не могли успокоиться! Вотъ потому-то, вспоминая все это, я и взялся за перо, чтобы сдѣлать извѣстнымъ высшему начальству, что наше зерно надо беречь и держать его подалеже отъ приморскихъ портовъ и ихъ пристаней. Возьмемъ для примѣра Новороссійскую бухту: въ ней открыта желѣзная дорога; тамъ также коммерческій портъ, также занимаются ссыпкою зерна иностранныя конторы, а они всегда, какъ это и было, могутъ быть увѣдомлены заранѣе, до объявленія войны нашему отечеству, и потому конторы могутъ доставить и наготовить зерна на пристани этого порта 400,000 четвертей и больше. Тогда, по объявленіи войны, это зерно придется нашему правительству купить и его уничтожить или везти обратно по той-же желѣзной дорогѣ, по которой будутъ двигаться войска и боевыя принадлежности для защиты Новороссійской бухты; а она очень обширна, потребуетъ много минъ, якорей и при этомъ порядочная эскадра. Въ то-же время, для защиты Батума, Сухума, тоже потребуетъ много минъ, якорей и вообще боевыхъ принадлежностей и тоже эскадра. Вотъ почему во время мира или войны самые удобныя коммерческіе порты суть Одесса и Николаевъ и слѣдуетъ устроить въ Севастополѣ. Въ Одессѣ магазины для ссыпки хлѣба, т. е. зерна, отстоятъ верстъ за 10 отъ города, а отъ пристаней еще

дальше, такъ что когда конторамъ дадутъ знать, что пароходъ вышелъ за зерномъ, то тогда только доставляется зерно къ пристанямъ и пароходъ его грузить. Въ Николаевскій же коммерческій портъ каждый пароходъ идетъ 48 миль рѣкою, которую во время войны легко защитить. Въ районѣ Севастополя Инкерманская долина есть самая лучшая мѣстность для ссыпки нашего зерна, всякаго; а на случай войны даже необходимая. Для защиты Севастополя и Крыма могутъ прибыть войска, хотя бы 100,000 пѣхоты, съ кавалеріей и артиллеріей,—то эти войска, расположившись на Инкерманскихъ и Мекензиевыхъ высотахъ, найдутъ здѣсь и продовольствіе, готовые сухари и хлѣбъ, и овесъ для лошадей; Черная же рѣчка будетъ снабжать хорошей прѣсной водой; ко всему-же инкерманская долина закрыта отъ непріятельскихъ выстрѣловъ.

Торговлю открытъ можно въ трехъ бухтахъ: Балаклавской, хотя сейчасъ, для пароходовъ въ 250 футъ длины и болѣе, Стрѣлецкой и въ Камышевой для самыхъ большихъ океанскаго плаванія пароходовъ. Для этого слѣдуетъ провести желѣзную дорогу, начиная отъ Инкерманской вѣтви желѣзной дороги; дорога должна идти на Балаклаву по ровной мѣстности подъ Сапунъ-горой, и потребуеть самыхъ малыхъ затратъ, отъ Балаклавы по французскому шоссе (о которомъ выше было сказано) на Стрѣлецкую бухту, отъ Стрѣлецкой на Камышевую по шоссе, по ровной мѣстности. Всѣ эти три бухты, во время войны, слѣдуетъ защитить и оградить минами, поэтому они должны быть соединены желѣзной дорогой съ Севастополемъ; а сверхъ этого, Балаклавская бухта должна быть соединена съ южной бухтой, ибо въ военное время она будетъ служить для передачи на минныя суда боевыхъ принадлежностей въ Балаклаву, потому что изъ этого порта легко нападать и легко скрыться отъ непріятеля (бухта закрыта горами). Вотъ эти три бухты всѣми возможными средствами нужно защищать и удерживать отъ захвата непріятеля, а главное, чтобы они не могли послужить для ихъ пользы, а намъ во вредъ, какъ это было въ Крымскую войну. У непріятеля въ Камышевой бухтѣ былъ выстроенъ почти городъ и въ Балаклавѣ тоже; въ Камышевой были у него гостинницы, рестораны, лавки всѣхъ товаровъ, церковь, театръ, было шесть улицъ, длиною каждая въ одну версту; въ Балаклавѣ была масса построекъ, которыя, послѣ войны, севастопольскіе купцы купили на сломъ и перевезли въ Севастополь. Въ настоящее время англичане, французы и сардинцы заняли въ окрестности Севастополя самыя лучшія мѣста подъ свои кладбища, которыя во время войны или для военнаго времени слѣдуетъ укрѣпить, ибо всѣ эти кладбища командуютъ тѣми мѣстностями, на которыхъ были

самыя большія сраженія. Французское кладбище—6 верстъ отъ четвертаго бастиона и столько же отъ Балаклавы, и расположено для защиты шоссе, которое ведетъ въ Камышевую бухту; англійское кладбище—самая возвышенная точка Сапунь-горы, — самая важная въ стратегическомъ отношеніи, гдѣ сходятся всѣ дороги, ведущія на Сапунь-гору и Севастополь, а сардинское обстрѣливаетъ Феодохины высоты и недалеко тоже отъ Балаклавской бухты. Когда же откроется торговля въ этихъ трехъ бухтахъ, то эта мѣстность оживится, мы сами будемъ знать ее подробнѣе; по желѣзной дорогѣ изъ Инкерманской долины немедленно будетъ доставляться зерно къ пристани для погрузки на иностранные пароходы. Я помню, какъ досталось генераль-губернатору Одессы генераль-лейтенанту Феодорову за то, что онъ допустилъ иностраннымъ судамъ погрузить зерно и въ ночь уйти въ Константинополь,—и это парусныя были суда,—а на утро того же дня была объявлена Турціи война; зерно же, находившееся въ складѣ въ Евпаторіи почти годъ, все досталось союзникамъ при высадкѣ, какъ я упоминалъ выше.

Въ газетѣ «Новое Время», № 4962, говорится: «враги и недоброжелатели Феоодосійскаго порта». Враговъ Феоодосійскаго порта нѣтъ, а правду слѣдуетъ сказать, къ чему Феоодосійскій не портъ, а заливъ, весьма удобенъ. Первое, отчего называютъ Феоодосійскій портъ? Слѣдуетъ называть, какъ Феоодосійскій, Евпаторійскій, Потійскій и Сухумскій заливы или губы черноморскаго побережья, а по географическому очертанію ихъ положеніе такое, это заливы и они всѣ открыты на 22 румба и болѣе для всѣхъ вѣтровъ, (а кошася имѣеть только 32 румба). Такіе заливы защитить во время войны очень трудно, почти что невозможно, потому къ этимъ городамъ и не слѣдуетъ проводить желѣзныя дороги, а зерно наше надо хранить подалше отъ пристаней означенныхъ городовъ.

Второе, Феоодосійскій заливъ очень удобенъ для практической стрѣльбы въ цѣль черноморскому флоту, какъ на ходу, такъ и на якорѣ, что въ прежнія времена и практиковалось.

Что касается дна Феоодосійскаго залива, вблизи городской пристани, я привожу примѣръ потери якорей.

Въ 1840 г., фрегатъ «Бранловъ» стоялъ на якорѣ на Севастопольскомъ рейдѣ; я служилъ на этомъ фрегатѣ вахтеннымъ начальникомъ; въ началѣ января означеннаго года, пришелъ на рейдъ кавказскій транспортъ «Кадось», командиръ былъ кап.-лейтенантъ Подушкинъ, подъ карантиннымъ вымпеломъ; пришелъ, но якоря не бросилъ; догадавшись въ чемъ дѣло, командиръ фрегата приказалъ мнѣ взять баркасъ, положить «стопь-анкеръ», взять кабельтовъ въ

12 дюймовъ и идти на помощь транспорту; когда я подошелъ, то, по опросѣ меня, командиръ транспорта «Кадось» заявилъ мнѣ, что онъ потерялъ свои якоря и просить дать ему «стопъ-анкеръ», что я и исполнилъ; спросивъ, гдѣ потеряли якоря, я узналъ, что съ двухъ якорей у него сорвало цѣпи близъ Новороссійской бухты, у мыса Доба, послѣ чего командиръ поставилъ паруса, взялъ курсъ на Керчь, но войти было нельзя—проливъ оказался замерзшимъ, тогда транспортъ зашелъ въ Феодосію, гдѣ выдержалъ на якорѣ свѣжіи вѣтеръ отъ SO, со шквалами и большимъ волненіемъ трое сутокъ; на четвертыя сутки, когда немного стихло и онъ желалъ сняться съ якоря, чтобы идти въ Севастополь для исправленія, не могъ поднять якоря и долженъ былъ отклепать цѣпь и бросить его съ буйкомъ. Возвратившись на фрегатъ, я доложилъ обо всемъ командиру, который приказалъ этотъ случай занести въ шканечный журналъ. Въ 1842 г. или въ 1844-мъ, я плавалъ у кавказскихъ береговъ, на томъ-же фрегатѣ, подъ флагомъ адмирала Юрьева; прійдя въ Новороссійскую бухту, мы узнали, что транспортъ «Кадось» выбросило на берегъ на южную сторону бухты новороссійской; мнѣ приказали взять все средства для спасенія и спасти транспортъ; на немъ пришлось мнѣ пробыть семь дней, командиромъ его былъ все тотъ-же кап.-лейт. Подушкинъ, и отъ него я узналъ, что онъ не въ состояніи былъ поднять якоря на Феодосійскомъ рейдѣ, хотя и нашелъ мѣсто по пеленгамъ, такъ что пришлось снова отклепать цѣпи.

Вице-адмиралъ И. Г. Рудневъ.

7-го января 1890 г.

НАСЕЛЕНИЕ О.-ПЕТЕРБУРГА ВЪ 1808 г.

Предлагаемыя данныя извлечены изъ официальныхъ источниковъ, собранныхъ въ февралѣ и мартѣ 1808 г. по распоряженію тогда бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ князя Алексѣя Борисов. Куракина. Данныя заключаютъ въ себѣ число жителей столицы по существовавшимъ въ то время 11 частямъ города съ подраздѣленіемъ на живущихъ въ частныхъ домахъ и на живущихъ въ казенныхъ зданіяхъ. Въ собранныя свѣдѣнія не вошли обитатели столичныхъ дворцовъ, Воспитательнаго дома и губернской гимназіи. Цифра населенія представляется по частямъ города въ такомъ видѣ:

	мужскаго пола.	женскаго пола.	мальчик.	дѣвочекъ.	итого об. пола.
Въ 1-й Адмиралтейской части.	16,163	4,648	2,119	1,359	24,289
Во 2-й Адмиралтейской части.	14,276	4,854	2,764	2,108	24,002
Въ 3-й Адмиралтейской части.	20,318	9,273	4,729	4,057	38,377
Въ 4-й Адмиралтейской части.	15,995	7,195	2,615	2,919	28,724
Въ Литейной части.	15,942	6,426	2,394	1,759	26,521
Въ Московской части	14,086	7,299	2,837	2,500	26,722
Въ Каретной части.	6,012	1,177	436	451	8,077
Въ Рождественской части.	5,259	2,151	1,788	1,138	11,336
Въ Васильевской части.	21,513	7,286	4,402	3,885	37,086
Въ Петербургской части	5,601	3,684	2,190	1,244	12,719
Въ Выборгской части.	2,112	1,086	340	429	3,967
Итого въ частныхъ домахъ.	138,278	55,079	26,614	21,849	241,820

Въ казенныхъ зданіяхъ, какъ-то: корпусахъ, институтахъ, академіяхъ, училищахъ, больницахъ, казармахъ и проч., включая дворцовъ, Воспитательнаго дома и губернской гимназіи:

	мужскаго пола.	женскаго пола.	мальчик.	дѣвочекъ.	итого.
	20,034	5,476	1,117	978	27,605
Всего.	158,312	60,555	27,731	22,827	269,425

Эта послѣдняя цифра представляетъ собою постоянное или коренное населеніе столицы въ февралѣ и мартѣ 1808 г. Въ числѣ 269,425 заключалось:

1) Особь 1-хъ пяти классовъ и ихъ семействъ:	мужскаго пола.	женскаго пола.	мальчик.	дѣвочекъ.	итого.
	734	545	444	491	2,214
2) Штабъ-и оберъ-офицеровъ и дворянъ и ихъ семействъ:	8,517	5,603	2,831	2,395	19,346
3) Духовенства и ихъ семействъ:	374	253	187	199	1,013
4) Медицнскихъ чиновъ и ихъ семействъ:	260	174	123	126	683
5) Профессоровъ, инспекторовъ, учителей, воспитателей, воспитательницъ, экономовъ и проч.:	63	240	41	50	394
6) Студентовъ, кадетовъ, гимназистовъ, воспитанниковъ, воспитанницъ, волонтеровъ и проч.	4,117	898	7	18	5 040
7) Бунцовъ всѣхъ гильдій и ихъ семействъ:					
а) русскихъ:	5,492	3,387	2,240	2,094	13,213
б) иностранныхъ:	937	595	546	474	2,552
8) Призрѣваемыхъ въ богадѣльняхъ:	351	771	—	—	1,122
9) Мѣщанъ и ихъ семействъ:	8,048	5,172	2,824	2,657	18,701
10) Мастеровъ, подмастерьевъ, ремесленниковъ, учениковъ и ихъ семействъ:	10,202	5,141	2,602	2,022	19,967
11) Разночинцевъ и ихъ семействъ:	16,833	7,884	4,609	3,632	32,958
12) Нижнихъ воинскихъ чиновъ и ихъ семействъ:	27,395	5,484	1,986	1,723	36,588
13) Дворовыхъ людей и ихъ семействъ:	19,515	8,693	3,709	3,193	35,110

14) Постоянныхъ рабочихъ, служителей и служительницъ и ихъ семействъ:

25,610   9,311   3,847   2,474   41,242

15) Временныхъ рабочихъ, служителей и служительницъ и ихъ семействъ ¹⁾:

29,864   6,404   1,735   1,279   39,282

Всего.   158,312   60,555   27,731   22,827   269,425

Изъ существовавшихъ въ 1808 г. городскихъ частей самыми населенными представляются 3-я Адмиралтейская (38,377) и Васильевская (37,086), слабо населенными Каретная (8,077) и Выборгская (3,967).

Особы первыхъ пяти классовъ, дворянство, штабъ и оберъ-офицеры преимущественно жили въ Адмиралтейскихъ частяхъ (7,205), Васильевской (3,498), Московской (3,214), Литейной (2,645) и Петербургской (1,434); духовенство—въ Васильевской (199), Литейной (181) и Рождественской (120); медицинскіе чины—въ Адмиралтейскихъ (291), Литейной (95), Васильевской (72) и Московской (64), а въ Каретной ихъ вовсе не было; русское купечество—въ Адмиралтейскихъ (4,359), но преимущественно въ Московской (3,932) и Васильевской (2,692); иностранные купцы—въ Адмиралтейскихъ (1,952) и въ Васильевской (504); мѣщане преимущественно въ 3-й Адмиралтейской (4,209) и Московской (4,067); ремесленники—въ Адмиралтейскихъ (10,657) и Московской (4,086); разночинцы пристраивались къ Адмиралтейскимъ частямъ (свыше 16 тысячъ), Васильевской (4,439), Петербургской (4,099) и Московской (3,855); дворовые люди—къ Адмиралтейскимъ (18,007), Литейной (5,424), Московской (3,713) и Васильевской (2,984). Нижніе воинскіе чины показываются преимущественно въ Литейной (7,461), Васильевской (5,673), 4-й Адмиралтейской (4,790), 3-й Адмиралтейской (1,227) и Выборгской (1,885).

Итакъ число жителей С.-Петербурга въ февралѣ и мартѣ 1808 г. простиралось до 269,425 обоего пола. Принявъ во вниманіе, что по переписи 15 декабря 1888 г. население столицы равнялось 899,022, выходить, что въ 80 лѣтъ населеніе столицы нашего отечества увеличилось на 629,597 чел. обоего пола.

Г. И. С.

¹⁾ Въ эту рубрику не вошли рабочіе на баркахъ и судахъ, число коихъ лѣтнее время 1807 г. равнялось:

25,167 м. п., 2,351 ж. п., 173 мал., 102 д., итого 27,793.

Съ ними число всѣхъ жителей столицы было:

183,479 м. п., 62,906 ж. п., 27,904 мал., 229,292 д., итого 297,218.

Двадцать девятая годовщина освобожденія крестьянъ

1861 ^{февраля}₁₉ 1890¹⁾.

Въ ряду многочисленныхъ и обычныхъ въ разныхъ мѣстахъ на Руси собраній въ день 19-го февраля, на которыхъ—за дружеской трапезой—вспоминается о величайшемъ дѣлѣ, свершенномъ Царемъ-Освободителемъ, и съ чувствомъ глубокой благодарности вспоминается имя Царя-Мученика, особый интересъ вызываетъ ежегодное собраніе—непосредственныхъ участниковъ въ трудахъ славной памяти—Редакціонныхъ комиссій.

Въ ХХІХ-ть лѣтъ (1861—1890) ряды этихъ дѣятелей очень, очень порѣдѣли; ихъ осталась, можно сказать, горсть: безжалостная смерть дѣлаетъ свое дѣло—она почти ежегодно выноситъ одного, двухъ, въ иной годъ даже по три изъ этихъ тружениковъ²⁾, имѣвшихъ счастье послужить, по призыву Александра II Освободителя, величайшему дѣлу, когда-либо свершенному въ тысячелѣтнее бытіе дорогого нашего Отечества.

Небольшое общество давно уже восполняется на собраніи 19-го февраля участниковъ славной реформы—тѣми, которые потрудились въ комиссіяхъ правительственныхъ 1860-хъ годовъ, имѣвшихъ близкое соотношеніе къ освобожденію крестьянъ,

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1884—1889 гг., книги мартъ.

²⁾ Таковы покойные: графы Я. И. Ростовцевъ и В. Н. Панпъ, Н. А. Милютинъ, Ю. О. Самаринъ, А. П. Заблоцкій-Десятовскій, С. М. Жуковскій, К. П. Домонтовичъ, М. П. Любошинскій, Г. Ц. Галаганъ, И. П. Арапетовъ, А. К. Гирсъ, кн. С. П. Голяцкнъ, Я. А. Соловьевъ, А. Н. Поповъ, К. Д. Кавелинъ (не членъ комиссіи, но много потрудившійся для кр. дѣла), кн. В. А. Черкасскій, А. Д. Желтухнъ, Н. П. Желзновъ, С. И. Зарудный, Н. В. Калачовъ и другіе.

либо служили въ высшемъ законодательномъ по устройству крестьянъ учрежденіи («Главный комитетъ»), либо были дѣятелями, введшими на мѣстахъ — Положенія 19-го февраля 1861 г., или потрудились для великаго дѣла устроенія крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ (Высочайшіе указы 19-го февраля 1864 г.).

19-го февраля 1890 года на собраніи участниковъ великой реформы—отсутствовалъ обычный ихъ предсѣдатель. Нездоровье К. К. Грота лишило собравшихся удовольствія видѣть высокоуважаемаго Константина Карловича, въ этотъ день, въ своей средѣ. К. К. Грота, въ качествѣ предсѣдателя, замѣнилъ бывший членъ Редакціонныхъ комиссій (1859—1860 гг.) Николай Христіановичъ Бунге ¹⁾.

Традиціонные тосты, провозглашенные предсѣдателемъ, были слѣдующіе:

I. Здравье Государя Императора—тостъ принятый съ восторженными кликами ура!

II. Въ память главнаго виновника великаго дѣла крестьянской реформы—покойнаго Государя Императора Александра Николаевича.

III. За великое дѣло 19 февраля 1861 г.

IV За всѣхъ дѣйствующихъ и дѣйствовавшихъ въ пользу крестьянской реформы.

За этимъ тостомъ провозглашенъ былъ тостъ за здравье великаго князя Константина Николаевича—главнаго помощника Царя-Освободителя въ великомъ подвигѣ прошлаго царствованія.

Немедля была составлена и послана телеграмма на имя ея

¹⁾ Участвовали въ обѣдѣ 19-го февраля 1890 года слѣдующія лица: Д. Г. Анучинъ, В. А. Арцимовичъ, Н. Н. Биппенъ, Н. К. Бунге, Е. И. Ламанскій, Н. Н. Калашинъ, П. Ф. Лиліенфельдъ, В. М. Маркусъ, баронъ В. М. Менгденъ, С. А. Мордвиновъ, И. А. Новиковъ, Н. П. Семеновъ, П. П. Семеновъ, М. И. Семеновскій, Н. И. Стояновскій, А. Д. Шумахеръ, П. А. Шульцъ, Н. П. Щепкинъ и, по особому приглашенію, въ память Николая Алексѣевича Милюткина—его сынъ Ю. Н. Милютинъ.

К. К. Гротъ, Ф. П. Корниловъ, Е. П. Старницкій—увѣдомили о невозможности прибыть по нездоровью; прочіе обычные участники обѣда 19-го февраля не были по отсутствію изъ Спб.: Е. И. Барановскій, П. Е. Татаринъ, гр. Н. Я. Ростовцевъ и друг.

императорскаго высочества великой княгини Александры Гюсифовны съ горячими пожеланіями присутствовавшихъ— скорѣйшаго возстановленія силъ августѣйшаго больнаго.

Затѣмъ тосты продолжались:

VI. Въ память умершихъ труженниковъ по крестьянской реформѣ, и

VII. За благоденствіе Россіи.

Въ истекшемъ году, съ 19-го февраля 1889 г., смерть похитила трехъ дѣятелей по крестьянскому дѣлу, трехъ обычныхъ участниковъ собраний 19-го февраля: К. И. Домонтовича, М. Н. Любощинскаго—оба бывшіе члены редакціонныхъ комиссій, 1859—1860-хъ годовъ, по составленію Положеній 19-го февраля, и М. П. Миткова—въ качествѣ чиновника государственной канцеляріи, въ 1860—1861 гг., также имѣвшаго долю участія въ трудахъ по крестьянскому дѣлу.

По установившемуся обыкновенію—на собраніяхъ 19-го февраля память опочившихъ сочленовъ поминается болѣе или менше подробными рѣчами.

Память Марка Николаевича Любощинскаго и К. И. Домонтовича была почтена слѣдующимъ словомъ Н. Х. Бунге:

— «Быть можетъ, нѣкоторые изъ гг. присутствующихъ припомнятъ, что на послѣднемъ нашемъ обѣдѣ, 19-го февраля 1889 г., Маркъ Николаевичъ Любощинскій послѣ того, какъ П. П. Семеновъ и я говорили о покойномъ Г. П. Галаганѣ, обратился ко мнѣ съ словами: «въ будущемъ году скажите обо мнѣ что-нибудь».

«Исполняя желаніе покойнаго, я прошу позволенія упомянуть также и о К. И. Домонтовичѣ.

«Оба въ моихъ глазахъ имѣютъ много общаго. К. И. съ самаго начала своей дѣловой жизни оставался постоянно вѣренъ одной задачѣ. Въ 1840-мъ году онъ поступилъ на службу въ С.-Петербургскую комиссію по устройству оброчной подати. Потомъ занимался тѣмъ же въ комиссіяхъ Пензенской и Курской. Въ 1850-мъ году онъ былъ правителемъ дѣлъ въ центральной комиссіи по уравниенію денежныхъ сборовъ съ государственныхъ крестьянъ; затѣмъ ея членомъ, а съ 1859 года членомъ редакціонныхъ комиссій; нѣсколько позднѣе помощникомъ управляющаго дѣлами главнаго комитета. Съ 1865 года

занималъ онъ мѣсто директора департамента окладныхъ сборовъ до 1874 года, когда онъ былъ сдѣланъ сенаторомъ. Но и въ 1874 году дѣятельность К. И. по его финансовой специальности не прерывалась. Онъ принималъ живое участіе въ трудахъ податной комиссіи, а въ 1879 г.— въ комиссіи по отиѣнѣ подушной подати. Въ 1880 году онъ трудился надъ вопросомъ о пониженіи выкупныхъ платежей, а въ 1882-мъ году—помогалъ частнымъ образомъ при обсужденіи способовъ объ упраздненіи подушной подати. Такимъ образомъ, вся его жизнь была посвящена одному дѣлу—установленію правильныхъ, соразмѣрныхъ и справедливыхъ налоговъ и повинностей крестьянъ.

«Петръ Петровичъ¹⁾ можетъ лучше меня охарактеризовать дѣятельность К. И. въ хозяйственномъ отдѣленіи редакціонной комиссіи. Я могу сказать, что К. И. Домонтовичъ внесъ въ Положенія 19-го февраля свою лепту—точность, ясность и опредѣленность мысли, и участвуя въ этомъ высокому дѣлѣ, равно какъ и во всемъ прочемъ, имѣлъ въ виду одну цѣль—исполненіе долга, а не заботу о томъ, что скажутъ о немъ и объ его заслугахъ.

«Такою же цѣльностію отличалась дѣятельность М. Н. Любоцинскаго. За исключеніемъ первыхъ пяти лѣтъ, проведенныхъ въ мян. фин.—съ 1845 г. онъ всю жизнь свою посвящалъ юридическому поприщу сначала на службѣ въ министерствѣ юстиціи, потомъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ, въ Сенатѣ и въ Государственномъ Совѣтѣ. Лица болѣе компетентныя могутъ скорѣе, чѣмъ я, разъяснить значеніе его трудовъ объ опекахъ, объ ипотекахъ, о казенныхъ взысканіяхъ, о волостныхъ судахъ, о гражданскомъ уложеніи. Я упомяну только о выдающейся его дѣятельности въ редакціонныхъ комиссіяхъ. Онъ былъ душою юридическаго отдѣленія—онъ первый правильно поставилъ вопросъ о правѣ помѣщиковъ и крестьянъ на землю, опираясь не на отвѣченные и философскія ученія, а на твердыя основанія положительнаго права. Марку Николаевичу Любоцинскому принадлежитъ крупная заслуга и относительно правильнаго рѣшенія вопроса о дворовыхъ людяхъ.

«Я оставилъ бы большой пробѣлъ, если бы умолчалъ о другихъ сторонахъ духовной природы нашихъ двухъ усоншихъ

¹⁾ Семеновъ.

друзей. Оба интересовались вопросами науки, литературы и искусства; оба отличались развитымъ вкусомъ, оба вносили искренность и прямоту въ свои отношенія; оба умирали окруженные любовью семьи, и мы, скорбя объ утратѣ и говоря о нихъ: «ихъ нѣтъ», можемъ сказать съ благодарностью, что «они были».

Слово Н. Х. Бунге сопровождалось предложеніемъ послать семействамъ К. И. Домонтовича и М. Н. Любощинскаго— въ лицѣ ихъ вдовъ—сочувственныя къ памяти опочившихъ ихъ супруговъ телеграммы, что и было принято единогласно.

П. П. Семеновъ въ подробной рѣчи дополнилъ слово Н. Х. Бунге нѣсколькими весьма интересными и малоизвѣстными фактами, относящимися къ дѣятельности покойныхъ Домонтовича и Любощинскаго по крестьянскому дѣлу въ редакціонныхъ комиссіяхъ, въ главномъ комитетѣ и въ государственномъ советѣ (Домонтовичъ) и въ сенатѣ (Любощинскій).

Н. И. Стояновскій, съ своей стороны, почтилъ М. Н. Любощинскаго, своего «вѣрнаго друга и товарища въ теченіе сорока пяти лѣтъ» по участію въ служебныхъ и законодательныхъ трудахъ, словомъ, исполненнымъ теплаго чувства любви и уваженія къ отшедшему въ иной міръ государственному дѣятелю.

Е. И. Ламанскій обратился къ присутствовавшимъ съ слѣдующимъ задушевнымъ словомъ:

— «На нашихъ ежегодныхъ товарищескихъ бесѣдахъ въ день 19-го февраля мы, изъ году въ годъ, поминали память успшихъ нашихъ дѣятелей по крестьянской реформѣ. Такъ почтена была здѣсь память двухъ послѣдовательно предсѣдателей редакціонныхъ комиссій, графовъ Ростовцева и Панина, равно членовъ редакціонныхъ комиссій и вообще труженниковъ по крестьянскому дѣлу: Н. А. Милютина, Ю. Ѳ. Самарина, князя В. А. Черкаскаго, Я. А. Соловьева, С. М. Жуковскаго, А. П. Заблодкаго-Десятовскаго, Г. П. Галагана, К. Д. Кавелина и мн. друг., до сегодняшнихъ нашихъ воспоминаній о К. И. Домонтовичѣ и М. Н. Любощинскомъ. Всѣ эти, отшедшіе въ иной міръ, труженики крестьянскаго дѣла были почтены здѣсь самыми теплыми словами, какъ объ ихъ нравственныхъ качествахъ, такъ и объ ихъ великихъ заслугахъ предъ лицомъ Россіи въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ; но теперь, когда насъ, рудившихся въ редакціонныхъ комиссіяхъ, осталось уже весьма

немного, намъ, дожившимъ до 29-й годовщины освобожденія крестьянъ, — намъ, которые имѣли счастье работать для дѣла, смѣло скажу, переродившаго все внутреннее бытіе Россіи и поставившаго наше дорогое отечество въ рядъ европейскаго гражданскаго строя, — намъ необходимо передать грядущему поколѣнію объ отличительномъ характерѣ той дѣятельности, которой мы посвятили лучшіе годы нашей трудовой жизни и отдали наши лучшія надежды.

«Все то время громаднаго для насъ труда было полно какого-то юношескаго восторга; мы, члены редакціонныхъ комиссій, ходили на эту работу съ радостію, — каждый стремился принести свою лепту въ общее дѣло, можно сказать, что мы сходились на общій трудъ, какъ влюбленные...

«Никакого подобнаго оживленія и одушевленія не было въ насъ затѣмъ, послѣ освобожденія крестьянъ, за какое - бы дѣло мы потомъ ни принимались.

«И вотъ, съ полною увѣренностью заявимъ, что благодаря поэтическому увлеченію величіемъ и святостію возложеннаго на насъ дѣла, благодаря также тому, что каждый изъ тружениковъ крестьянской реформы носилъ въ себѣ тотъ высокій идеалъ правды и добра, который онъ желалъ осуществить для блага горячо любимаго Отечества, дѣло свершилось столь скоро и дало столь великіе результаты. Пожелаемъ искренно, дабы преемники наши, въ тѣхъ случаяхъ, когда доведется имъ посвятить свои труды на добро, подобное совершенному ихъ отцами, одушевлены были тѣмъ-же пыломъ искренняго увлеченія, въ основѣ котораго должны лежать любовь къ Отечеству и столь же искренное стремленіе ко благу русскаго народа!»

М. И. Семевскій помянулъ добрымъ словомъ М. П. Миткова. Мих. Ив. напомнилъ о дѣятельности покойнаго Михаила Платоновича при изданіи Положеній 19-го февраля, когда весь обширный трудъ наблюденія за весьма быстрымъ и секретомъ обставленнымъ печатаніемъ этихъ Положеній былъ возложенъ на Михаила Платоновича, бывшаго въ 1860—1861 гг. помощникомъ статсъ-секретаря государственнаго совѣта; но въ особенности М. И. Семевскій указалъ на многолѣтнюю службу Миткова Петербургу и Петербургской губерніи въ званіяхъ гласнаго городской думы, земскаго собранія и почетнаго мирового судьи;

на этихъ постахъ общественнаго служенія Митковъ, въ теченіи болѣе четверти вѣка, являлъ постоянно честнаго, неутомимаго труженика, приобрѣлъ всеобщее и самое искреннее къ себѣ уваженіе и оказалъ большія заслуги въ дѣлѣ введенія въ жизнь и упроченія въ С.-Петербургской губерніи и столицѣ великихъ актовъ законодательной дѣятельности Монарха-Преобразователя, а именно: «Судебныхъ Уставовъ» 1864 г. и «Городоваго Положенія» 1870 г.

Весьма пріятною новостью, услышанною на этомъ собраніи, было извѣстіе о томъ, что неутомимый лѣтописецъ освобожденія крестьянъ — Н. П. Семеновъ — въ званіи члена редакціонныхъ комиссій, 1859—1860 гг., бывшій непосредственнымъ участникомъ въ трудахъ по составленію проектовъ Положеній 19-го февраля, — окончилъ уже нынѣ печатаніемъ второй томъ своего обширнаго, монументальнаго труда: «Освобожденіе крестьянъ».

Предсѣдатель превозгласилъ тостъ, съ особымъ удовольствіемъ принятый присутствовавшими: за здоровье Константина Карловича Грота, при чемъ всѣми былъ подписанъ привѣтъ давнему высокоуважаемому предсѣдателю обѣденнаго собранія 19-го февраля участниковъ въ крестьянскомъ дѣлѣ.

Общею здравицею за Н. Х. Бунге заключился обѣдъ, ознаменовавшій XXIX-ю годовщину великаго дѣла освобожденія крестьянъ въ Россіи.

Собраніе разошлось въ 9¹/₄ часовъ вечера.

Бывшій членъ Редакціонныхъ комиссій Н. Х. Бунге, на приводимую ниже телеграмму къ Ея Императорскому Высочеству Великой Княгинѣ Александрѣ Іосифовнѣ, отъ имени участниковъ въ обѣдѣ 19-го февраля, имѣлъ счастье получить слѣдующій отвѣтъ:

«Павловскъ, 21-го февраля 1890 г.

— «Искренно благодарю Васъ и всѣхъ подписавшихъ телеграмму участниковъ великаго дѣла освобожденія крестьянъ за добрую память о нашемъ дорогомъ больномъ.

«Напоминаніе о славномъ прошломъ очень растрогало Великаго Князя, но видимо ему доставило удовольствіе вниманіе его достойныхъ сотрудниковъ. Еще разъ сердечно всѣхъ благодарю».

Телеграмма участниковъ обѣда 19-го февраля къ Ея Императорскому Высочеству Великой Княгини Александрѣ Иосифовнѣ:

— «Участники въ трудахъ по освобожденію крестьянъ пьютъ почтительно здоровье Великаго Князя Константина Николаевича и покорнѣйше просятъ Ваше Императорское Высочество принять ихъ горячія пожеланія о возстановленіи силъ главнаго помощника Царя-Освободителя въ великомъ подвигѣ прошлаго Царствованія».

21-го февраля 1890 г.

Г-жи Домонтовичъ и Любощинская телеграммами, на имя К. К. Грота, благодарили за сочувствіе выраженное участниками собранія 19-го февраля къ памяти К. И. Домонтовича и М. Н. Любощинскаго.

23-го февраля 1890 г.

Черниговскій кафедральный соборъ церквей Спасова Преображенія и Ворисоглѣбской

Воззваніе къ пожертвованіямъ на его благоустроеніе.

Господи! воздвигица великолѣпнѣ дѣмъ Твоего
и мѣсто селенія славы Господней (Псал. 25, ст. 8).

Ни одинъ народъ во всемъ мірѣ не проникался чувствомъ благоговѣнія и любви къ красотѣ, святости и значенію храма Божьяго такъ, какъ народъ русскій. Для нашей святой, православной Руси храмъ есть воистину домъ Божій, мѣсто селенія славы Господней. Любо истому русскому чело-вѣку посѣщать святой храмъ, отрадно пребывать духомъ въ домѣ Господнемъ во вся дни жизни, утѣшительно сердцу и взорамъ его созерцать эту красоту Господню (Псал. 26, ст. 4). Здѣсь благочестіе—ему возносить горячія мольбы и благодаренія Господу Богу; сюда при-бѣгаютъ онъ и въ радости и счастіи, и въ своемъ горѣ-злосчастіи. Здѣсь нищетъ благодатнаго цѣленья своихъ недуговъ душевныхъ и немощей тѣлес-ныхъ, какъ въ божественной вседоступной врачевницѣ; тутъ онъ исперва узрѣлъ, во свѣтѣ Божьей премудрости и вѣры Христовой, свѣтъ, просвѣ-щающій всякаго челоуѣка, грядущаго въ міръ.

Любовь и ревность къ благолѣпію—дома Божія, которая свѣдала нѣ-когда св. царя-пророка, по его огненному выраженію (Псал. 68, 10), побуж-дала воздвигать и благоуукрашать величественные и благолѣпные храмы Го-сподни—Пресвятой Троицѣ Христу-Спасу, Пречистой матери Господа,—и на-шихъ благочестивыхъ князей, начиная со святаго просвѣтителя Руси креще-ніемъ Владиміра, воздвигшаго прекрасную Десятинную церковь въ Кіевѣ—сына его Ярослава Мудраго, соорудившаго великолѣпные храмы св. Софіи—Христу—въ Кіевѣ же и Новѣгородѣ— Андрея Боголюбскаго, создавшаго домъ Божій въ новой столицѣ (послѣ Кіева) Руси—во Владимірѣ, великаго соби-

ратели земли Русской Іоанна, воздвигшаго чудный домъ пресвятыя Богородицы въ новомъ Сіонѣ—въ первопрестольной Москвѣ, сердцѣ всея Россіи и Великой и Бѣлой и Малой.

Не лишень былъ подобной святини Божьей и древній градъ Черниговъ. Ранѣе, чѣмъ воздвигъ Ярославъ, сынъ Владимира, храмъ св. Софіи въ Кіевѣ, другой славный сынъ его, Мстиславъ Удалый, князь Тмутараканскій и Черниговскій—въ своемъ стольномъ градѣ Черниговѣ, въ 1036 году, какъ упоминаетъ преподобный Несторъ лѣтописецъ, заложилъ основаніе церкви Преображенія Спаса и успѣлъ при жизни своей построить ее, по образному выраженію лѣтописца, „възыше яко на кони столъще дослщи“, достроилъ же оную, какъ полагаютъ, стронтель величавыхъ памятниковъ вѣры тотъ же Ярославъ Мудрый. Другая церковь во имя св. Бориса и Глѣба, составляющая нынѣ вѣстѣ съ церковью Преображенія Господня каедральный Черниговскій соборъ, представляетъ также одну изъ древнихъ святинь Русскихъ. Съ достоверностью можно полагать, что храмъ сей сооруженъ не позже конца XI или начала XII вѣка княземъ Давидомъ Святославичемъ Черниговскимъ, скончавшимся въ 1105 году и положеннымъ въ храмѣ семъ, имъ самимъ воздвигнутомъ, какъ Мстиславъ Удалый, основатель храма Преображенія Спаса упокоился въ 1036 году въ основанномъ имъ храмѣ Преображенія.

Итакъ Черниговскій Спасо-Преображенскій соборъ, по своему перво-созданію, принадлежитъ къ числу самыхъ древнихъ святинь всей Руси святой. Его основанію уже недалекъ девятьсотлѣтній юбилей. Его стронтелями были великіе сыновья просвѣтителя Руси—Мстиславъ Удалый и Ярославъ Мудрый. Его вѣтиторомъ и попечителемъ, между другими древними князьями, былъ князь Черниговскій Никола, прозванный Святоша (Святославъ), который внослѣдствіи въ Кіево-печерскомъ монастырѣ постригся, принялъ схиму и, по окончаніи своего многоподвижнаго житія нетлѣнно, до-днесь почиваетъ въ Феодосіевской пещерѣ, во святыхъ почитаемый. Въ немъ-же, въ Черниговскомъ соборѣ, почилъ останки причтеннаго къ лику святыхъ князя Игоря, мученически скончавшагося въ Кіевѣ въ 1147 году и оттуда въ 1150 году перенесеннаго для погребенія въ красномъ теремѣ Черниговскаго Спасскаго собора. Здѣсь же пребывали нетлѣнныя мощи св. страстотерпцевъ и чудотворцевъ Черниговскихъ князя Михаила и боярина Феодора—въ Татарской ордѣ за Христа и вѣру его умученныхъ, по повелѣнію Батыя—до перенесенія ихъ при царѣ Іоаннѣ Грозномъ въ Московскій соборъ, гдѣ и до-днесь они пребываютъ нетлѣнными. Здѣсь же, наконецъ, почиваетъ нетлѣнными своими останками блаженный святитель Черниговскій Феодосій Угличскій (скончавшійся въ 1695 году), привлекая толпы усердныхъ богомольцевъ, не тщетно прибѣгающихъ съ вѣрой и молитвой къ священному гробу святителя и угодника Божія.

Домъ Твоемъ, Господи, подобаетъ святинѣ въ долготѣ дній

(Ис. 92, 5). Такъ слово св. Псалмопѣвца исполнилось и на нашемъ домѣ Господнемъ. Святыня эта пребываетъ долгіе не только дни и годы, но уже многіе вѣки, восемь съ половиною вѣковъ. Но этой священной, сѣдой древности храма уже не соответствуетъ внѣшнее благолѣпіе настоящаго вида его, далеко уступающаго древнему богатству и великолѣпію храма, въ основаніе котораго Мстиславъ Удалый положилъ краеугольный камень. Преданія сводятся къ тому, что съ необыкновенною пышностію созданъ былъ сей храмъ. Стѣны были выведены изъ дикаго гранита, связываясь красными цементомъ; внутри храма шли вдоль къ иконостасу восемь колоннъ или столбовъ въ два ряда красноватаго мрамора съ желтыми базами и капителими; эти колонны поддерживали своды, на которыхъ лежали кругомъ, — внутри перкви къ алтарю, — древніе хоры, на коихъ въ свою очередь стояли четырехгранные столбы, также изъ мрамора, для опоры средняго (изъ 5-ти) купола, представляющаго подобіе Цареградской св. Софіи. Налѣво, вѣроятно — въ связи (крытымъ переходомъ) съ храмомъ — построена была величавая круглая и высокая изъ дикаго камня и кирпичныхъ плитъ башня, которая называлась краснымъ (княжскимъ) теремомъ, гдѣ не одинъ разъ были сѣзды княжескіе для важныхъ вопросовъ, гдѣ нѣкогда пребывалъ Владиміръ Мономахъ. Князья дарили соборъ дорогими вкладами и ревностно заботились о его благолѣпіи. Но послѣ Татарскаго нашествія въ 1240 году, храмъ Мстиславовъ былъ ограбленъ, разоренъ и оставался долго въ запустѣніи. Возобновленный уже въ 1675 году, насколько позволяли средства частнаго лица (Дунинъ-Борковского), онъ снова и еще болѣе чѣмъ отъ татарскаго погрома, пострадалъ отъ страшнаго пожара въ 1750 году, когда куполы его и верхъ упали, а красный теремъ разрушился до половины. Наконецъ, въ 1786 году признаны и за этимъ храмомъ права священной древности, наравнѣ съ Новгородскою Ярославлею Софіей, и послѣдовало повелѣніе императрицы Екатерины Великой привести его «въ лучшій и приличный видъ, примѣнивъ къ древнему основанію». Возобновленіе было окончено въ 1798 году, но оно вовсе не было примѣненіемъ къ древнему характеру основанія его въ византійскомъ стилѣ, и весьма далеко уступало его первоначальному великолѣпію и благолѣпію. Въ такомъ состояніи соборъ Мстиславовъ остается и нынѣ.

По чувству христіанскаго усердія и любви къ благолѣпію дома Божьяго, принявъ съ благословенія преосвященнаго Веніамина, епископа Черниговскаго и Нѣжинскаго, обязанности церковнаго старосты каѳедральнаго Черниговскаго собора, въ святой для меня заботѣ о немъ, считаю долгомъ своимъ обратиться къ усердію всѣхъ сыновъ православной церкви — съ братскими о Христвъ призывомъ — оказать живое участіе посильными жертвованіями для имѣющаго быть вскорѣ предпріятымъ благоустроенія соборнаго храма нашего Спаса, — которое соответствовало бы священной древности этой древнѣйшей во всей Россіи святыни, — обращаюсь съ полной увѣренностію въ сердечной готовности

всѣхъ—православныхъ братьевъ— всѣхъ истинныхъ сыновъ Руси святой, дорожащихъ честью и славою старины свято-отеческой и уваженіемъ къ священнымъ памятникамъ ея,—жертвовать какъ избытки, коиже благословилъ кого всещедрый Господь, такъ и лепты отъ скудости своей, подобно вдовѣ Евангельской (Лук. 21, 34), кои съ благоволеніемъ приемиетъ Небесный; Владыка всего, цѣна сердечное усердіе жертвователя и при малости его жертвы всякое давніе благо, и всякъ даръ совершенъ свыше есть сходящій отъ общаго Отца свѣтовъ.

Приношенія могутъ быть присылаемы на имя Александра Константиновича Анастасьева въ г. Черниговъ.

Староста черниговскаго клаедральнаго Спаса-Преображенія собора, черниговскій губернаторъ А. К. Анастасіевъ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ изд. 1890 г.

ТОМЪ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЯТЫЙ.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЬ.

Записки и Воспоминанія.

	стр.
I. Отечественная война 1812 г. въ запискахъ Анны Ильинишны Золотухиной. Гл. V—VI	1—20
II. Москва въ 1812 году, занятая французами. Воспоминаніе очевидца. Сообщ. ген. отъ инф. П. А. Степановъ:	105—114
III. Воспоминанія царскосельскаго лицейста IV выпуска 1820—1826 гг. Сообщ. М. А. Бѣлуха-Кохановскій	833—849
IV. Польское возстаніе въ 1830—1831 гг. Записки Монацкаго. Глава пятая.	681—711
V. Воспоминанія генераль-лейтенанта Андрея Ѳедоровича Лишина, 1830—1831 гг.	713—741
VI. Дневникъ академика-профессора Александра Васильевича Никитенко, 1844—1852 гг.	35—53, 371—406, 629—653
Тришатый и М. К. М—чъ.—Поправки и замѣтки.	712

VII. Посмертныя записки Николая Васильевича Берга. Род. 1823 г., † 1884 г. Гл. I—II.	293—319
Къ первымъ главамъ Записокъ Н. В. Берга. Замятка Н. В. Латкина.	712
VIII. Посмертныя записки генерала отъ инфантеріи Алексѣя Алексѣевича Одинцова, род. 1803 г., † 1886 г. Глава IV.	21—34
IX. Записки ген.-лейт. Владиміра Ивановича Дена, род. 1823 г., † 1888 г. Главы I—VI.	55 — 90, 551 — 574, 655—680
Поправки.	496
X. Воспоминанія академика Николая Ивановича Кокшарова, 1818—1859 гг. Главы I—IV.	601—628

Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка, рассказы, матеріалы, замѣтки.

	стр.
I. Графъ Александръ Черногорскій — султанъ Яхія въ 1585—1625 гг. Страница изъ исторіи Запорожья. Пер. съ италіанскаго А. А. Гирсъ.	797—808
II. Надпись на могилѣ царя Василя Ивановича Шуйскаго, † 1612 г.	91—92
III. Помѣщикъ XVII-го в.—стольникъ А. И. Безобразовъ. Челобитныя ему отъ священника, крестьянъ и прикащика Нижегородской вотчины села Маликова, 1684 г. Сообщ. А. А. Востоковъ	575—580
IV. Графъ Готлобъ-Куртъ-Генрихъ Тотлебенъ въ 1715—1763 гг. Матеріалы для біографіи. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій. (См. «Русскую Старину» изд. 1888 г., т. LX, изд. 1889 г., тт. LXII—LXIV).	
Замѣтка. Сообщ. Э. Меллеръ	241
V. Императрица Екатерина II Алексѣевна. Повелѣнія и записочки ея Шкурину	761—762
VI. Императрица Екатерина II. Рескриптъ княгинѣ Дашковой, 1774 г. Сообщ. бар. Ф. А. Бюлеръ.	98

- VII. Тайна противо-нелѣпаго общества (Anti-absurde), открытая не причастнымъ оному. Переведено съ французскаго языка. 1759 г. Съ фигурами. Сообщ. В. М. Юзефовичъ, съ замѣткою бывш. профес. В. А. Бильбасова. 763—774
- VIII. Княгиня Екатерина Романовна Дашкова. Письмо ея къ П. А. Новосильцеву. Сообщ. В. Барыковъ 98
- IX. Къ исторіи Пугачевского бунта. Въ степи у киргизъ-кайсаковъ, мартъ — 1774 — июнь. Сообщ. В. Сябженевскій 790—796
- X. Пугачевъ и пугачевцы, 1774 г. Сообщ. П. П. Макаровъ 581—582
- XI. Валдайская старина. Очеркъ по дѣламъ архива валдайскаго уѣзднаго суда Сообщ. въ 1877 г. Ѳ. Ѳ. Пардалоцкій 775—789
- XII. Императрица Марія Ѳеодоровна въ ея заботахъ о Смольномъ монастырѣ, 1797—1802 гг.: очеркъ барона Ѳ. А. Бюлера и сообщенныя имъ письма Маріи Ѳеодоровны къ Лафонъ и Пальменбахъ. Обзоръ писемъ сообщ. В. В. Тимошукъ . 809—832
- XIII. Михаилъ Иларіоновичъ Голенщевъ-Кутузовъ. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій. 97
- XIV. Россія въ ея отношеніяхъ къ Европѣ въ царствованіе императора Александра I-го, 1806 — 1814 гг. Сообщ. Н. К. Шильдеръ. 143—221
- XV. Бой при Иденсальми въ Финляндіи 15-го (27-го) октября 1808 г. Сообщ. кн. Н. С. Голицинъ 99—103
- XVI. Населеніе С.-Петербурга въ 1808 г. Сообщ. Г. И. Студенкинъ. 870—872
- XVII. Двѣ характеристики русскихъ генераловъ въ XVIII и XIX вв., сдѣланныя графомъ Минихомъ и генераломъ Павл. Дмитр. Киселевымъ. Сообщ. Н. К. Шильдеръ. 115—117
- XVIII. О сооруженіи памятника императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ († 1828 г.). Сообщ. кн. В. Д. Дабига . 127
- XIX. Портретъ Елисаветы Андреевны Аракчеевой, маѣ графа Аракчеева. Замѣтка Ред.

	СТР.
XX. Гумбольдтъ на Уралѣ въ 1829 г. Сообщ. И. А. Шмаковъ.	223—225
XXI. Россія и русскій дворъ въ 1839 г. Записки Гагерна. Сообщ. и перев. съ нѣмецкаго Н. К. Шильдеръ.	321—339
XXII. Бъ дѣлу объ изданіи исторіи Флетчера, 1848 — 1849 гг. Сообщ. А. А. Титовъ	54, 428
XXIII. Мнѣніе маіора о клубахъ и дворянскихъ собраніяхъ въ 1840-хъ гг. Сообщ. П. Распоповъ.	320
XXIV Н. О. Сухозанеть.—Императоръ Николай Павловичъ. Сообщ. М. Л. Дубельтъ.	226—228
XXV. Карлъ Андреевичъ Шильдеръ, † 11-го іюня 1854 г. Заимѣтка Ред.	242
XXVI. Князь Василій Осиповичъ Бебутовъ. Сообщ. М. Ломизе.	712
XXVII. Безсмѣнные ординарцы генерала Хрулева въ Севастополѣ. Сообщ. Севастополецъ.	755—759
— XXVIII. Графъ Николай Николаевичъ Муравьевъ-Амурскій въ 1848—1861 гг. Сообщ. В. Толстой.	125—129
XXIX. Лѣтопись забавъ и шалостей дерптскихъ студентовъ въ 1803 — 1862 гг. Очеркъ. Сообщ. А. А. Чумиковъ	341—370
XXX. Епископъ Кириллъ Мелитопольскій въ его письмахъ къ митрополиту Макарію Булгакову, 1857—1865 гг. Сообщ. Е. Н. Булгакова	131—142
XXXI. Графъ Николай Ивановичъ Евдокимовъ, 1804—1873 гг. (Окончаніе). Очеркъ. Сост. И. П. Ореусъ	461—496
XXXII. Кв. Л. Д. Вяземскій, 1877—1878 гг. Сообщ. А. С.	654
XXXIII Иванъ Ивановичъ Красовскій, † 28 іюня 1885 г. Шереписка съ графомъ П. Е Коцебу и ген. Циммерманомъ, 1861—1882 гг.	743—754
XXXIV. Дѣятели науки—Савичи. Сообщ. И. А. Тютчевъ	760
XXXV Русскіе въ парижской академіи наукъ въ 1881 — 1888 гг. Сообщ. М. И. Венюковъ.	243—246
XXXVI. Авторъ Ивановичъ Лаксъ. Изъ воспоминаній г. Таборовскаго.	583—586

- XXXVII. Графъ Николай Павловичъ Игнатьевъ, одинъ изъ сподвижниковъ Царя-Освободителя. Ко второй годовщинѣ дня его кончины. Очеркъ Ред. .281—292
- XXXVIII. Сергѣй Ивановичъ Зарудный. Сообщ. А. Ѳ. Селивановъ. 587—588
- XXXIX. Къ запискамъ Т. П. Пассекъ «Изъ дальнихъ лѣтъ». Замятки Н. А. Тучковой-Огаревой 229—232
- XI. Татьяна Петровна Пассекъ въ 1879—1889 гг. Очеркъ. Сообщ. С. И. Лаврентьева. 429—460
- LXI. Графъ Александръ Владимировичъ Адлербергъ. Замятки къ его биографіи. Род. 1-го мая 1818 г., † 22 сентября 1888 г. Сообщ. А. Михайловъ. 497—513
- XLII. Графъ Петръ Александровичъ Валуевъ. Замятки его 25-го мая 1883 г. на Записки гр. М. Н. Муравьева. 857—863
- XLIII Историческая справка къ вопросу: Севастополь или Ѳеодосія? Замятки вице-адмирала И. Г. Руднева. 864—869
- XLIV Двадцать-девятая годовщина освобожденія крестьянъ, 1861 $\frac{\text{февраля}}{19\text{-го}}$ 1890 г. 873—880

Исторія русской литературы.

- СТР.
- I. Иванъ Андреевичъ Крыловъ. Три басни изъ изданія: «Утренніе часы», въ которомъ онъ былъ сотрудникомъ въ 1788—1789 гг. Сообщ. акад. Л. Н. Майковъ. 93—97
- II. Петръ Калайдовичъ. Стихи на погребеніе императрицы Маріи Ѳеодоровны, 1828 г. ноября 13-го дня. 130
- III. Денисъ Васильевичъ Давыдовъ. Его стихотвореніе. Сообщ. В. Барыковъ. 130
- IV. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Письмо его къ лицейскому товарищу Вл. Дм. Вольховскому, 1833 г. Сообщ. вице-президентъ академіи наукъ Я. К. Гротъ. 140
- V. Лермонтовскій музей въ С.-Петербургѣ, основанъ 18-го декабря 1883 г. Сообщ. А. А. Бильдерлингъ. 589—594

	СТР.
VI. Николай Васильевичъ Гоголь въ неизданныхъ его статьѣ, письмахъ, а также въ письмахъ его друзей, 1841—1844 гг. Сообщ. В. И. Шенрокъ	407—427, 850—856
VII. Николай Платоновичъ Огаревъ. Его стихотворенія.	222
VIII. Тимошей Николаевичъ Грановскій. Письмо его къ А. Шакѣву. Сообщ. Е. А. Шакѣвъ.	246
IX. Василій Алексѣевичъ Слѣпцовъ. Воспоминанія о немъ его матери, 1836—1878. Сообщ. Жозефина Слѣпцова.	233—241
Поправка.	496
X. Б. К. Р—въ. Стихотворенія	340, 514
XI. В. А. Бильбасовъ. Исслѣдованіе его: «Исторія Ека- терины Второй». Томъ первый. Спб. 1890 г., въ 8 долю, стр. VII+643. [Напечатано 1,200 экз.]. Замѣтка М. И. Семева	595—599

Исторія искусствъ.

- I. Авторъ Григорьевичъ Рубинштейнъ. Къ литературѣ
о немъ и его дѣятельности. Сообщ. Платонъ Ваксель. 242
- II. Александръ Ивановичъ Виллуанъ и первое концерт-
ное путешествіе по Европѣ А. Г. Рубинштейна 1840—
1842 гг. Очеркъ А. А. Неустроева. 247—280

Портреты.

- I. Портретъ Елисаветы Александровны Пальменбахъ.
Исполненъ съ фотографіи, воспроизведенной съ жи-
вописнаго портрета, писаннаго Левицкимъ.
(См. стр. 293).
- II. Портретъ Елисаветы Андреевны Аракчеевой, рожд.
Ветлицкой († 1820 г.), матери графа А. А. Аракчеева.
Гравироваль художникъ И. И. Матюшинъ.
(См. стр. 293).

III. Портретъ гр. Николая Павловича Игнатьева, 1878 г., гравюра на мѣди, исполнилъ художникъ Ѳ. А. Мѣрвинъ.

(См. стр. 1).

Библиографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Присоединеніе Крыма къ Россіи. Рескрипты, письма, реляціи и доношенія. Собраны и издамы подъ редакцію Н. Ѳ. Дубровина, адъюнкта императорской академіи наукъ. Томъ IV. 1781—1782 гг. Спб., 1889 г., въ 8 д., стр. XXVII+1003. (На оберткѣ 1-й книги «Русской Старины» изд. 1890 г.).
2. Судебный календарь на 1890 г. въ 2-хъ ч. В. С. Балашева и В. Марквича. (Тамъ-же).
3. Славяно-турецкая борьба 1876—1878 гг. и ея значеніе въ исторіи развитія восточнаго вопроса. Мысли, воспоминанія и впечатлѣнія П. Гейсмана, бывшаго участника войнъ 1876—1877—1878 гг. Часть II. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. Книжка 1-я, съ пятью планами и картами. Спб., 1889 г., въ 8 д., стр. 218. (Тамъ-же).
4. Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи (1086—1796). Е. О. Лихачевой. Спб. 1890 г., въ 8 д., стр. 296. (Тамъ-же)
5. И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнее его составѣ до 1758 г. Историческая монографія В. Н. Витевскаго. Выпускъ второй, съ приложеніемъ двухъ видовъ старин. оренб. церквей. Казань. 1890 г., въ 6. 8 д., стр. XVIII; 177—368. (Тамъ-же).
6. Опытъ систематическаго обзорѣнія матеріаловъ къ изученію современнаго состоянія средняго и низшаго техническаго и ремесленнаго образованія въ Россіи. И. А. Анопова. Спб. 1889 г., въ 6. 8 д., стр. 556. (Тамъ-же).
7. А. А. Титовъ.—Лѣтопись Двинская. Изд. П. А. Фокина. Москва, 1889 г. (На оберткѣ II-й книги «Русской Старины» изд. 1890 г.).
8. Записки Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей. Томъ пятнадцатый, съ одиннадцатью снимками и рисунки. Одесса, 1889 г. (Тамъ-же).
9. Д. П. Струковъ. Архивъ Русской Артиллеріи. Томъ I (1700—1718 гг.). Подъ редакціей Н. Е. Бранденбурга. Спб. 1889 г., въ 6. 4 д. Изданіе въ память 500-лѣтней годовщины русской артиллеріи. Стр. IV+405+XXIII. (Тамъ-же).
10. Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченный изъ архива Собственной Е. И. В. канцеляріи. Выпускъ второй. Изд. подъ редакцію Н. Ѳ. Дубровина, Спб. 1889 г., въ 8 д., стр. XXIV+552. (Тамъ-же).
11. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе управленія кавказскаго учебнаго округа. Выпуски восьмой и девятый. Тифлисъ, 1889 и 1890 гг., въ 8 д. (Тамъ-же).

12. Сочиненія А. М. Скабичевскаго. Критическіе этюды, публицистическіе очерки, литературныя характеристики—въ двухъ томахъ, съ портретомъ автора.—Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 1890 г., въ б. 8-ю долю листа, стр. 798+880. (Тамъ-же).
13. Гр. Джаншіевъ.—Среди баловней и пасынковъ природы. (Стамбуль.—Монако.—Финляндія). Москва, 1890 г., въ м. 8 д., стр. 275. (Тамъ-же).
14. Сочиненія Г. П. Данилевскаго. (1847—1889 гг.). Изданіе шестое, дополненное, въ восьми томахъ, съ портретомъ автора. Спб. 1890 г., въ 8 д. (Тамъ-же).
15. Памятники древняго православія въ г. Владимірѣ-Волынскомъ. Въ пользу свято-Владимірскаго братства. Составилъ и издалъ Е. Н. Дверницкій. Кіевъ, 1889 г. (На оберткѣ Ш-й кн. «Русской Старины» изд. 1890 г.).
16. Біографія Александра Ивановича Кошелева. Томъ I, въ двухъ книгахъ, съ портретомъ. Москва, въ б. 8 д. 1889 г., стр. VII+581 и 442. Изданіе О. Э. Кошелевой. (Тамъ-же).
17. Вотакъ. Историко-этнографическій очеркъ. И. Н. Смирнова. Казань, 8 д., стр. 305+39+2. (Тамъ-же).
18. Польско-русская война 1831 г. Составилъ генер. штаба генер.-маіоръ А. Пузыревскій. Изданіе второе, переработанное, исправленное и дополненное. [Складъ изданія у В. А. Березовскаго, Колокольная, 14,] Спб., въ б. 8 д., 1890 г., два тома, съ приложеніемъ картъ и плановъ. (Тамъ-же).

